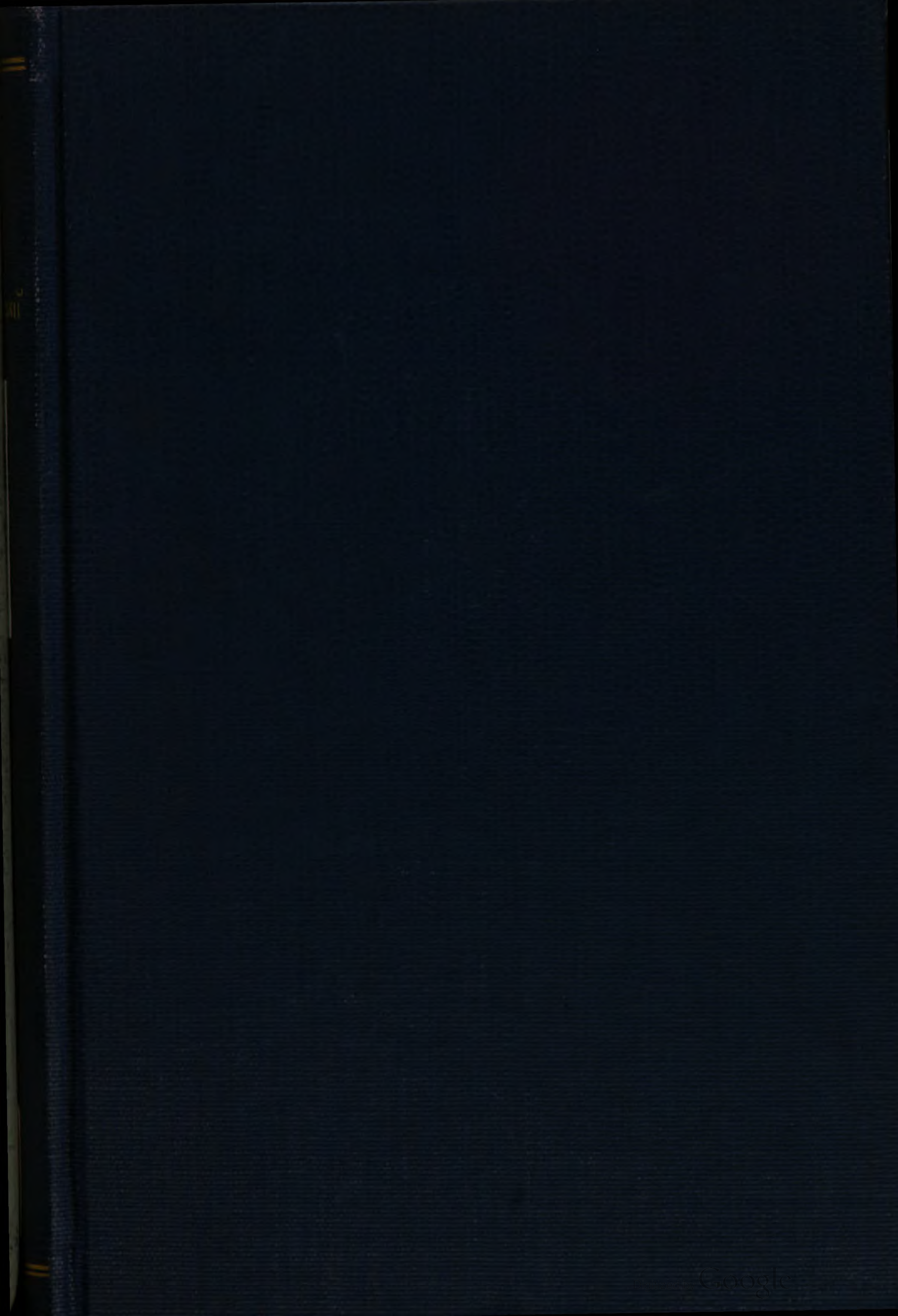


Digitized by Google

Годъ 3-й. Кн. IX.

Русскій Антропологическій Журналъ

Изданіе Антропологическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

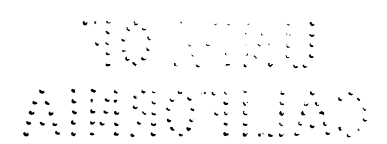
Основанъ ко дню 25-лѣтія дѣятельности въ Антропологическомъ Отдѣлѣ (30 марта 1900 г.) предсѣдателя Отдѣла, проф. Д. Н. Анучина.

подъ редакціей
Секретаря Антропологическаго Отдѣла
А. А. Ивановскаго.

1902 г., № 1.

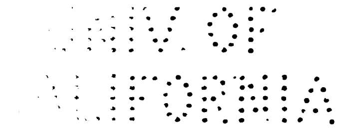
МОСКВА.
Типо-литографія А. В. Васильева и К°, Петровка, домъ Обидиной.
1902.

Печатано по постановленію Совѣта Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.



СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.



Къ антропологической характеристикѣ алтайскаго племени теленгетъ.

Пять лѣтъ тому назадъ мнѣ посчастливилось попасть въ глушь Алтая. Я особенно заинтересовался его инородцами, которые извѣстны въ литературѣ подъ различными именами: алтайцевъ, телесъ, теленгетъ, черневыхъ татаръ, кумандинцевъ и др. Проживъ среди черневыхъ татаръ, телесъ и теленгетъ цѣлое лѣто, я успѣлъ собрать нѣкоторый антропологическій матеріалъ, состоящій частью изъ измѣреній на живыхъ (239 особей), частью краніологическій (95 череповъ, хранящихся въ настоящее время въ Антропологическомъ музеѣ Московскаго университета). Въ журналѣ «Землевѣдѣніе» (1898 г.) я представилъ предварительный отчетъ о своей поѣздкѣ, въ которомъ касался исключительно этнологическихъ данныхъ. Время до сихъ поръ не позволило мнѣ обработать полностью собранные мною антропологическіе матеріалы. Обработана только часть ихъ, касающаяся главнымъ образомъ краніологіи.

Приступая къ изложенію результатовъ обработки этой части, я не могу не сказать нѣсколько словъ о народностяхъ, населяющихъ Алтай, и въ частности о теленгетахъ, ближе мнѣ извѣстныхъ.

Н. А. Аристовъ, авторъ изслѣдованій объ этническомъ составѣ тюркскихъ племенъ, дѣлитъ всѣхъ инородцевъ Алтая, на основаніи большей или меньшей чистоты ихъ языка, на 1) чистыхъ тюрокъ и 2) отуреченныхъ самоѣдовъ и енисейцевъ. Къ послѣдней, второй категоріи относится рядъ племенъ т. наз. «черневыхъ» инородцевъ, т.-е. живущихъ въ сѣверныхъ предгорьяхъ Алтая, покрытыхъ «чернью» (густымъ лѣсомъ), таковы: кумандинцы, черневые татары, шоры. Изъ нихъ наибольшій интересъ для насъ представляютъ черневые татары, живущіе къ сѣверу отъ Телецкаго озера, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ теленгетами; племя это послужило, между прочимъ, объектомъ антропологическихъ изслѣдованій Н. М. Ядринцева во время его поѣздки на Алтай, въ результатѣ которыхъ

оказалось, что черневые татары не носятъ никакихъ монгольскихъ чертъ и по головному указателю имѣютъ значительную тенденцію къ длинноголовости, чего нѣтъ ни въ одномъ изъ алтайскихъ племенъ, расположенныхъ къ югу отъ Телецкаго озера.

Чистые тюрки Алтая, обитающіе въ верховьяхъ Біи и Катуни съ ихъ притоками, раздѣляются на а) собственныхъ *алтайцевъ*, называемыхъ обычно алтайскими калмыками; b) *теленгетъ* (бассейнъ Чуи, Архыта, Башкауса) и с) *телесъ*—къ сѣверу отъ Башкауса, особенно по Чулышману и Телецкому озеру. Относительно этихъ послѣднихъ этнографы и до сихъ поръ не согласны, считать ли ихъ третьимъ самостоятельнымъ отдѣленіемъ алтайцевъ, или же лишь мѣстнымъ ихъ подраздѣленіемъ. Такъ, Потанинъ (Очерки Сѣв.-Зап. Монголіи) склоненъ считать ихъ самостоятельнымъ отдѣленіемъ алтайскихъ тюрокъ; Аристовъ идетъ въ этомъ направленіи дальше, предполагая даже, что телесы—вѣтвь совсѣмъ другого происхожденія, чѣмъ теленгеты; по его мнѣнію, послѣдніе произошли отъ древняго племени «*теле*» (или уйгуровъ), а первые—отъ племени «*тукю*». Очень многое заставляетъ согласиться именно съ этимъ послѣднимъ толкованіемъ, независимо отъ соображеній чисто лингвистическаго и этнологическаго свойства. Однако, въ настоящее время практически совершенно невозможно обозначить точно границы разселенія того и другого племени, потому что телесы и теленгеты тѣсно слились между собою. Можно предполагать только, что на Чулышманѣ и Телецкомъ озерѣ остатки этого народа сохранились больше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Алтая. Поэтому-то свою краніологическую коллекцію я и раздѣляю прежде всего по мѣстонахожденію—на Башкаусѣ, Чулышманѣ и Телецкомъ озерѣ, въ надеждѣ подмѣтить какую-либо разницу въ этническомъ составѣ этихъ двухъ группъ. Иное дѣло съ измѣреніями на живыхъ: здѣсь, вмѣсто мѣстныхъ, ничего не говорящихъ, подраздѣленій, мы можемъ использовать дѣленія по родамъ, исходя изъ соображенія объ различномъ этническомъ ихъ происхожденіи; напримѣръ, рода Йиттасъ и Оргончи, размѣщенные, въ противоположность большинству другихъ, на очень ограниченной территоріи (Чулышманъ), съ большою вѣроятностью могутъ быть отнесены къ настоящимъ телесскимъ родамъ.

Не могу не повторить еще разъ, что очень часто всѣхъ алтайцевъ вообще называютъ «калмыками»,—названіе, противъ котораго нельзя не возражать. Такимъ названіемъ алтайцы обязаны, вѣроятнѣе всего, монголовидной наружности большинства изъ нихъ, что показываетъ только, что они, какъ и другіе тюрки, относятся къ монгольской или, лучше, азіатской расѣ (разумѣя подъ расой естественно-историческую разновидность). Но, во-первыхъ, даже въ этомъ чисто расовомъ смыслѣ нельзя назвать калмыками всѣхъ алтайцевъ, особенно черневыхъ татаръ и другихъ черневыхъ инородцевъ, такъ какъ ничего монгольскаго эти народы не имѣютъ; во-вторыхъ, названіемъ «калмыкъ» воспользовались для того, чтобы усма-

тривать полное этническое тождество алтайцевъ съ калмыками, называть первыхъ ***отуреченными монголами*** наперекоръ доказанной чистотѣ и древности тюркскаго языка, которымъ они говорятъ. Въ послѣднемъ случаѣ, очевидно, дѣло идетъ уже не о расовомъ только уподобленіи алтайцевъ монголамъ, а и о ***племенномъ*** ихъ тождествѣ, чему противорѣчатъ не только приведенныя соображенія лингвистическаго свойства, но нѣкоторыя антропологическія черты, поскольку могутъ существовать антропологическія различія между мелкими подраздѣленіями одной и той же расы. Указать нѣкоторыя такія черты, опровергающія ***племенное*** тождество теленгетъ съ калмыками, и есть задача предлагаемаго краткаго краніологическаго очерка.

Средняя величина черепного указателя для 83 череповъ коллекціи Антропологическаго музея [1]) (85,61) указываетъ на значительную короткоголовость интересующаго насъ племени; но сама по себѣ эта средняя даетъ сравнительно мало: нашъ матеріалъ можетъ считаться не вполнѣ однороднымъ уже потому, что заключаетъ въ себѣ черепа индивидуумовъ не вполнѣ одинаковаго этническаго происхожденія. Напомню, что коллекція

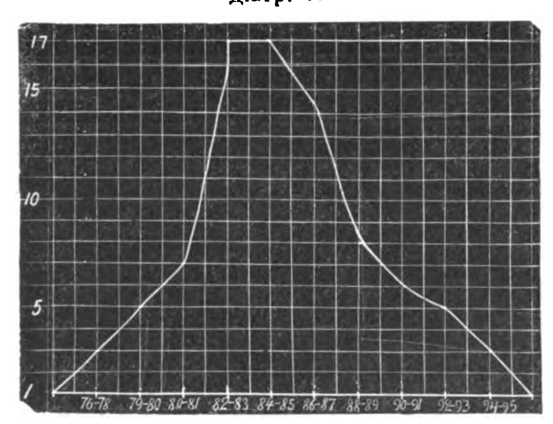
Черепной указатель (распредѣленіе по рядамъ; см. діагр. 1).

	Улаганъ.			Чулышманъ.			Телецкое озеро.			Ядринцева.			Всѣхъ.		
	м.	ж.	Всѣхъ.	м.	ж.	Всѣхъ.	м.	ж.	Всѣхъ.	м.	ж.	Всѣхъ.	м.	ж.	Всѣхъ.
76,31—80. . . .	1	—	1	3	—	3	1	2	3	—	—	—	5	2	7
80,01—82.	1	2	3	3	1	4	—	—	--	—	—	—	4	3	7
82,01—84.	3	2	5	3	6	9	1	1	2	1	—	1	8	9	17
84,01—86.	4	5	9	2	3	5	—	—	—	2	1	3	8	9	17
86,01—88.	4	3	7	2	3	5	1	—	1	1	—	1	8	6	14
88,01—90.	1	2	3	—	3	3	1	—	1	—	1	1	2	6	8
90,01—92.	2	2	4	1	1	2	—	—	—	—	—	—	3	3	6
92,01—94.	1	1	2	2	—	2	1	—	1	—	—	—	4	1	5
94,01—95,67 . . .	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	1	1	—	2	2

1) Не приняты въ расчетъ 18 юношескихъ череповъ (показатель ихъ = = 85,69) и 1 дефектный.

моя собрана, главнымъ образомъ, въ двухъ мѣстахъ, на Улаганѣ и Чулышманѣ, не считая болѣе десятка череповъ съ Чуи и Телецкаго озера и 7 привезенныхъ раньше меня Н. М. Ядринцевымъ, мѣстонахожденіе которыхъ неизвѣстно. Такимъ образомъ, является естественнымъ раздѣленіе моей краніологической коллекціи на двѣ упомянутыхъ мѣстныхъ группы, соотвѣтствующихъ до нѣкоторой степени двумъ этническимъ или, по крайней мѣрѣ, родовымъ дѣленіямъ телесовъ и теленгетъ. По среднему обѣ эти группы вообще короткоголовы, но нѣсколько различаются между собою въ степени этой короткоголовости. Въ то время, какъ указатель улаганцевъ достигаетъ 86,14, соотвѣтствующая величина для чулышманцевъ равна только 84,88, а для женскихъ череповъ съ Телецкаго озера даже 83,86. Эти различія станутъ для насъ еще болѣе понятными и убѣдительными при расположеніи отдѣльныхъ указателей въ рядахъ Бертилльона (діагр. 1).

Діагр. 1.



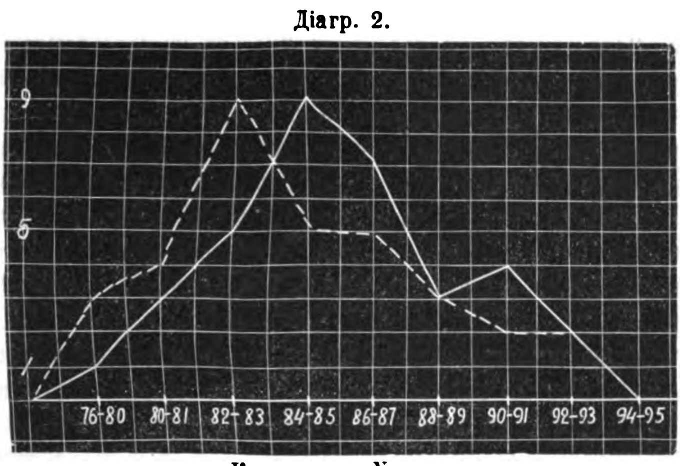
При разсмотрѣніи кривой, построенной на основаніи рядовъ, отличающихся другъ отъ друга на 2 единицы, прежде всего должно бросаться въ глаза, что она не имѣетъ ясно выраженной вершины. Наибольшее количество череповъ обладаетъ показателями 82 — 83 и 84 — 85, затѣмъ кривая круто падаетъ въ сторону меньшихъ показателей и довольно полого опускается въ сторону большихъ. Это доказываетъ, что въ составѣ нашей коллекціи черепа средне-и длинноголовые очень незначительны по числу, наоборотъ, короткоголовый элементъ занимаетъ въ нихъ преобладающее мѣсто. Надо замѣтить, что и слѣдующая высшая степень брахицефаліи, выражаемая показателемъ 86—87, имѣетъ достаточно представителей среди нашего матеріала.

Дальнѣйшій анализъ рядовъ каждой изъ нашихъ мѣстныхъ группъ отдѣльно выяснитъ намъ и причину двойной вершины только-что представленныхъ кривыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дастъ представленіе о томъ, какъ слѣдуетъ относиться къ факту преобладанія среди всего нашего матеріала двухъ показателей ширины головы—83 и 85.

Діаграмма 2-я, совмѣщающая въ себѣ двѣ кривыя для череповъ съ Улагана и Чулышмана, объяснитъ намъ это отношеніе. Кривыя вообще можно считать вполнѣ подобными, но въ то время, какъ кривая для Ула-

тана имѣетъ вершину, отвѣчающую показателю 84—85, кривая для Чулышмана указываетъ на господство въ этой группѣ меньшей короткоголовости, опредѣляемой показателемъ 82—83. Можетъ быть, фактъ меньшей

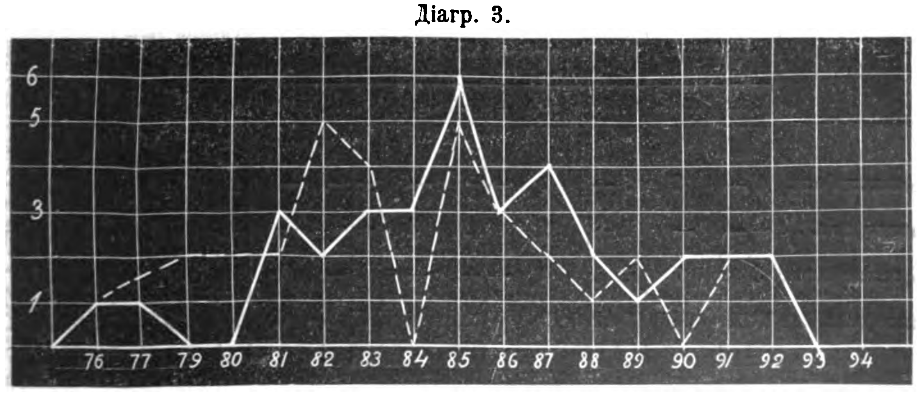
Діагр. 2.



——— Кривая для Улагана.
- - - - Кривая для Чулышмана.

короткоголовости обитателей Чулышмана, выразившійся уже въ среднихъ цифрахъ, получитъ надлежащее освѣщеніе еще болѣе изъ двухъ кривыхъ для тѣхъ же мѣстностей, построенныхъ на основаніи болѣе мелкихъ ступеней, именно черезъ единицу (діагр. 3).

Діагр. 3.



——— Кривая для Улагана.
- - - - Кривая для Чулышмана.

Кривая, характеризующая черепной index улаганцевъ, не даетъ намъ ничего новаго; она только опредѣляетъ преобладаніе указателя 85. За-то чулышманская кривая имѣетъ двѣ ясныхъ вершины, одна изъ которыхъ

соотвѣтствуетъ характерному для Чулышмана указателю 82—83, другая же— тому самому указателю, который господствуетъ и среди улаганскихъ черепов. Итакъ, если насъ не обманываетъ анализъ кривыхъ, основанныхъ на рядахъ Бертилльона, двѣ установленныя мною мѣстныя группы—Чулышманская и Улаганская—нѣсколько разнятся между собой по черепному указателю. Надо думать, что теленгеты Улагана представляютъ группу болѣе чистую, однородную, чѣмъ телесы или теленгеты Чулышмана. Въ составъ обѣихъ этихъ группъ входятъ элементы съ высокой степенью короткоголовости (съ черепомъ, ширина котораго составляетъ болѣе 85% длины); но среди чулышманцевъ, кромѣ того, играютъ, повидимому, такую же значительную роль элементы нѣсколько менѣе короткоголовые, скорѣе суббрахицефальные (указ. 82—83), чѣмъ объясняется и пониженіе средней цифры черепного указателя чулышманцевъ (84,83 противъ 86,14 для улаганцевъ).

Невозможно подобнымъ же образомъ проанализировать группу черепов съ Телецкаго озера, несомнѣнно ближе примыкающую къ группѣ Чулышманской, какъ составляющей съ ней одно этническое цѣлое (телесы). Въ виду немногочисленности этой группы, къ ней, конечно, совершенно не приложимъ методъ кривыхъ, но нѣкоторое понятіе объ особенностяхъ, которыя она, можетъ быть, представляетъ, даетъ намъ рядовое расположеніе по крупнымъ подраздѣленіямъ Брока. Это тѣмъ болѣе кстати, что такое расположеніе лишній разъ подтвердитъ намъ тѣ отличія, которыя мы только-что констатировали, въ частности же укажетъ на большую неоднородность группы Чулышманской.

	Улаганъ.			Чулышманъ.			Телецкое оз.			Черепа, привез. Ядринцевымъ.			Общая таблица.			%	
	м.	ж.	Всѣхъ.	м.	ж.	Всѣхъ.	м.	ж.	Всѣхъ.	м.	ж.	Всѣхъ.	м.	ж.	Всѣхъ.		
Субдолихоцефалы.	1	—	1	1	—	1	—	—	—	—	—	—	2	—	2	2,41%	8,43%
Мезатицефалы. . .	—	—	—	2	—	2	1	2	3	—	—	—	3	2	5	6,02%	
Суббрахицефалы .	3	4	7	6	5	11	—	—	—	1	—	1	10	9	19	22,89%	91.56%
Брахицефалы. . .	13	13	26	7	12	19	4	2	6	3	3	6	27	30	57	68,67%	

Настоящихъ долихоцефаловъ среди нашихъ теленгетъ нѣтъ ни одного; процентъ субдолихоцефаліи и мезоцефаліи въ общемъ не великъ (8,43), тогда какъ короткоголовые и подкороткоголовые (въ особенности первые) составляютъ главную массу, такъ что болѣе 90% общаго количества черепов (91,56%) должно быть отнесено въ эти двѣ послѣднія категоріи. Ко-

роткоголовость нашей краніологической коллекціи очень высокаго порядка, на что указываютъ нерѣдко встрѣчающіеся указатели выше 90 (составляющіе 15,6% всего числа). Чтобы подмѣтить разницу въ черепномъ указателѣ нашихъ мѣстныхъ группъ при такомъ расположеніи рядовъ, лучше всего прослѣдить, насколько часто въ той или другой изъ нихъ встрѣчаются элементы, для нашей коллекціи не характерные, свидѣтельствующіе какъ бы о посторонней примѣси, точнѣе—элементы не короткоголовые (субдолихоцефалы и мезоцефалы). Большая чистота или однородность улаганцевъ въ сравненіи съ чулышманцами выступитъ тогда вполнѣ рельефно. Среди первыхъ—всего около 3% не короткоголовыхъ, тогда какъ среди послѣднихъ ихъ втрое больше (9% или 3 чер.). Черепа, добытые еще далѣе къ сѣверу, на юго-восточномъ побережьи Телецкаго озера (въ урочищахъ Беле

Рис. 1. Шестиугольная юрта теленгетъ.

и Чилишъ), несмотря на ихъ немногочисленность, представляютъ весьма интересную картину: они рѣзко распадаются на 2 группы—мезоцефаловъ и брахицефаловъ. Нѣтъ причинъ сомнѣваться, что, при большемъ количествѣ наблюденій, такое рѣзкое раздѣленіе не имѣло бы мѣста; однако, фактъ значительной неоднородности телесъ съ Телецкаго озера, мнѣ кажется, можетъ быть констатированъ и при наличности тѣхъ немногихъ данныхъ, которыми я располагаю. Надо предполагать, что телецкіе телесы еще болѣе смѣшаны, чѣмъ ихъ сородичи на Чулышманѣ. Если это такъ, то примѣсь не короткоголоваго элемента къ основной массѣ короткоголовыхъ телегентъ увеличивается отъ юга къ сѣверу.

Можетъ быть, этотъ фактъ получитъ надлежащее освѣщеніе, если припомнить, что южными сосѣдями нашихъ алтайцевъ будутъ несомнѣнно

короткоголовые монголы и киргизы; на сѣверѣ же чулышманскіе и въ особенности телецкіе телесы только незначительнымъ пространствомъ, верстъ въ 60, отдѣлены отъ передовыхъ постовъ другой алтайской народности— черневыхъ татаръ или тува. Этотъ народъ, мѣсто котораго въ тюркской группѣ должно быть признано сомнительнымъ, несмотря на чистый тюркскій языкъ, отличается значительнымъ смѣшеніемъ. Среди 16 измѣренныхъ Ядринцевымъ черневыхъ татаръ есть представители всѣхъ подраздѣленій головного указателя, начиная съ долихоцефаловъ и кончая чистыми брахицефалами, но элементы не короткоголовые вообще преобладаютъ (долих.—4, субдол.—2, мезоцеф.—3, суббрахицеф.—4, брахицеф.—3).

Чтобы еще точнѣе проанализировать тѣ отличія въ мѣстныхъ группахъ, которыя представляетъ черепной указатель, считаемъ нелишнимъ обратиться къ указателю отклоненій Ihering'а и методу идеальныхъ кривыхъ Stieda. Какъ извѣстно, Ihering предложилъ формулу $\frac{S\delta}{n}$ для опредѣленія степени неоднородности состава данной группы. Чѣмъ больше цифра, полученная изъ этой формулы, тѣмъ менѣе однородна, слѣдовательно, анализируемая группа, тѣмъ болѣе заключается въ ней элементовъ, ей не свойственныхъ. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ не установлено, при какомъ предѣльномъ указателѣ Ihering'а данная группа можетъ считаться болѣе или менѣе однородной. Во всякомъ случаѣ, указатели выше 3-хъ свидѣтельствуютъ о значительной неоднородности данной группы (3,34 для якутовъ Геккеръ считаетъ цифрой очень высокой). Показатель Ihering'а для череповъ моей коллекціи, различаясь по мѣстнымъ группамъ ея, вполнѣ подтверждаетъ высказанное предположеніе объ увеличеніи неоднородности племенного состава теленгетъ отъ юга къ сѣверу. Въ то время, какъ обитатели Улагана могутъ считаться племенемъ менѣе смѣшаннымъ, потому что обладаютъ умѣреннымъ показателемъ Ihering'а — 2,78, чулышманцы, въ особенности мужчины, уже значительно превосходятъ ихъ въ этомъ отношеніи,—ихъ показатель (3,28) долженъ быть признанъ большимъ, подходящимъ къ показателю, напр., якутовъ Геккера; показатель же для 9 череповъ съ Телецкаго озера (5,52), въ свою очередь, значительно превосходитъ послѣдній. Я не сомнѣваюсь, что весьма большая цифра (5,52) показателя въ значительной степени зависитъ отъ недостатка наблюденій (9) и случайнаго подбора череповъ, и цифра эта уменьшилась бы при большемъ количествѣ наблюденій. Но и при томъ маломъ матеріалѣ, которымъ мы располагаемъ, позволительно предполагать о значительной смѣшанности этой группы (если не большей, то, по крайней мѣрѣ, не меньшей, чѣмъ на Чулышманѣ). Если не принимать въ расчетъ 9 телецкихъ череповъ, то средній указатель для всѣхъ теленгетъ будетъ равенъ 3, что подходитъ къ соотвѣтственной цифрѣ для головного указателя 239 измѣренныхъ мною живыхъ теленгетъ (2,8).

Вотъ теоретическая и эмпирическая кривыя, построенныя на основаніи формулы Штиды и Тома: $W = 0,8453 \frac{\Sigma\delta}{n}$. На нихъ замѣтно полное совпаденіе въ восходящей вѣтви и незначительныя колебанія въ ту или другую сторону въ нисходящей. Значитъ, мой матеріалъ, несмотря на его сравнительно небольшую численность, настолько однороденъ или равномѣрно смѣшанъ, что и выводы изъ него представляются въ значительной степени вѣроятными. Однако, должно помнить, что близкое совпаденіе кривыхъ Stieda отнюдь не говоритъ о чистотѣ расы, а лишь о равномѣрномъ смѣшеніи въ ней элементовъ и объ отсутствіи двухъ рѣзко отличныхъ типовъ.

Діагр. 4.

——— Идеальная кривая.
- - - - Эмпирическая кривая (для нашего матеріала).

Теперь опредѣлимъ, въ какихъ границахъ можетъ колебаться наше среднее. Оказывается $\left(\text{по формулѣ } F = \frac{W}{\sqrt{n}}\right)$, что, выражаясь словами Stieda, можно держать 999 противъ 1, что оно во всѣхъ случаяхъ будетъ заключаться въ предѣлахъ отъ 84—87. Иначе, если бы мы располагали 1000 коллекцій теленгетскихъ череповъ, по 83 въ каждой изъ нихъ, то изъ нихъ 999 дали бы намъ въ среднемъ черепной указатель, соотвѣтствующій высокой брахицефаліи, т. е. 84 слишкомъ, 85, 86 и 87. Такимъ образомъ, мы можемъ считать вполнѣ установленнымъ фактъ высокой брахицефаліи (84—87) на черепахъ нашихъ теленгетъ.

Остается сдѣлать еще одно послѣднее приложеніе теоріи Stieda. Попытаемся сравнить наши отдѣльныя группы—чулышманскую и улаганскую—относительно среднихъ величинъ, полученныхъ для нихъ. Мы уже замѣтили, что чулышманцы нѣсколько менѣе короткоголовы, чѣмъ улаганцы; является вопросъ, произошло ли это только отъ нѣсколько большей примѣси некороткоголовыхъ элементовъ, или же мы имѣемъ дѣло съ двумя совершенно различными типами. Опредѣлимъ границы колебаній головного указателя для этихъ двухъ группъ отдѣльно. Въ результатѣ для Улагана онъ можетъ быть въ среднемъ 85, 86 и 87, для Чулышмана же—83,5, 84, 85, 86. Въ обѣ группы входятъ только элементы брахицефалическіе, указатели 85, 86 свойственны обѣимъ группамъ; вся разница состоитъ

лишь въ томъ, что для улаганской группы характеренъ указатель 87, который не входитъ въ предѣлы колебаній чулышманской группы, а для чулышманской—низкій указатель 84, котораго нѣтъ въ улаганской. Значитъ, дѣло идетъ не о двухъ рѣзко отличающихся типахъ, но лишь о нѣсколько различно смѣшанныхъ, причемъ на чулышманцахъ болѣе сказывается примѣсь менѣе короткоголоваго элемента. Среднія той и другой группы лежатъ вполнѣ въ предѣлахъ теоретически возможныхъ при данныхъ условіяхъ колебаній (84,16—87,06).

Чтобы покончить съ интересующимъ насъ соотношеніемъ, мы можемъ воспользоваться еще болѣе обильнымъ матеріаломъ, представленнымъ измѣреніями 239 живыхъ особей. Средняя для 204 взрослыхъ теленгетъ

Головной указатель (распредѣленіе по родамъ).

Названія родовъ.	75,37—77,77.	77,78—80.	80,01—82.	82,01—84.	84,01—86.	86,01—88.	88,01—90.	90,01—92.	92,01—94.
Кобокъ	—	4	6	6	9	7	4	3	—
Саалъ	—	1	4	5	7	6	6	6	1
Оргончи	—	—	3	7	6	3	6	1	—
Йиттасъ	—	1	2	1	2	4	3	1	2
Алматъ	—	2	1	4	2	4	2	1	1
Ябакъ	—	—	—	1	2	2	3	2	—
Телесъ	1	—	—	—	3	3	2	—	—
4 остальн.	—	1	—	3	5	5	2	—	—
Всѣхъ . .	1	9	16	27	36	34	28	14	4

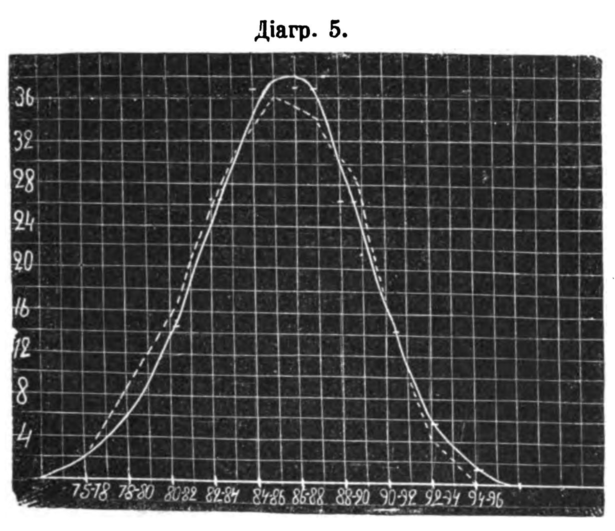
(86,06) превосходитъ соотвѣтственную среднюю для мужскихъ череповъ (85,18) на 0,88, т.-е. въ круглыхъ цифрахъ на 1. Какъ извѣстно, головной указатель всегда выше черепного, но размѣры этого превышенія не могутъ считаться строго установленными; у различныхъ наблюдателей они колеблются отъ 1,2 до 2,1% [1]; можно считать его, слѣдовательно, во всякомъ случаѣ превосходящимъ единицу. Разница, полученная мною, нѣсколько мала. Комментировать какъ-нибудь этотъ фактъ, разумѣется, нельзя;

---

[1]) См. *А. А. Ивановскій*—Монголы-торгоуты, стр. 297.

онъ могъ произойти отъ массы случайностей; нелишне упомянуть, впрочемъ, что головной указатель отдѣльныхъ родовъ значительно превышаетъ приведенный нами средній для всѣхъ изслѣдованныхъ теленгетъ (такъ, родъ Ябахъ имѣетъ index 87,5, Китасъ—87). Оставляя въ сторонѣ всѣ подробности, представлю здѣсь еще идеальную кривую Stieda и весьма близко къ ней подходящую дѣйствительную кривую, выведенную для моего живого матеріала.

Діагр. 5.



——— Идеальная кривая
- - - - Эмпирическая кривая } для взрослыхъ живыхъ.

Идеальныя кривыя для череповъ и для живыхъ носятъ совершенно тождественный характеръ; кривыя же, полученныя на самомъ дѣлѣ, экспериментальныя, отличаются лишь степенью правильности; кривая для живыхъ несравненно полнѣе совпадаетъ съ теоретической, чѣмъ кривая для череповъ, чего слѣдовало ожидать и a priori отъ матеріала втрое большаго, чѣмъ краніологическій. Интересно отмѣтить, что кривая для живыхъ не имѣетъ ясной вершины и указываетъ на преобладаніе index'овъ 84,01—86 и 86,01—88,—явленіе, совершенно аналогичное тому, что мы видѣли и для череповъ, съ той только разницей, что превалирующіе index'ы послѣднихъ одной ступенью ниже приведенныхъ, что вполнѣ понятно, если принять во вниманіе неизбѣжно меньшую цифру черепного указателя въ сравненіи съ головнымъ. Я уже говорилъ, что, по теоріи Stieda, преобладаніе двухъ сосѣднихъ разрядовъ указателей должно быть признано явленіемъ случайнымъ, такъ какъ оба они лежатъ вполнѣ въ предѣлахъ колебаній; съ другой стороны, вторичное полученіе тождественнаго результата при болѣе значительномъ матеріалѣ заставляетъ нѣсколько усомниться въ случайности его.

Головной указатель (среднія величины по возрастамъ и родамъ).

	15—20	21—30	31—40	41—50	51—60	61—70	71—80	21—80	21—50
Кобокъ	84,9	82,7	86,9	83,9	87,6	85,6	—	85,1	84,6
Саалъ	86,4	85,1	88,7	86,9	86,5	88,3	91,9	86,9	86,5
Оргончи	84,7	85,1	86,6	83,8	91,4	92,9	—	85,9	85,4
Алматъ	83,4	83,1	85,9	86,9	87,5	90,1	—	86,1	85,3
Иттасъ	84,1	85,5	86,1	88,7	—	93,0	—	86,9	86,5
Ябакъ	88,8	87,2	90,0	86,4	—	—	—	87,5	87,5
Телесъ	90,9	84,6	85,9	—	—	—	84,3	85,2	85,3
4 остальн. . . .	84,0	84,2	87,5	86,1	87,6	83,7	85,4	85,4	85,4
Всѣхъ . .	85,2	84,5	87,1	85,6	87,5	88,9	87,8	86,1	85,7

Не безынтересно узнать, какое мѣсто по головному указателю занимаетъ интересующая насъ народность восточнаго Алтая среди другихъ тюркскихъ племенъ. Тюрки, какъ извѣстно, отличаются въ главной своей массѣ брахицефаліей, превосходящей даже брахицефалію монголовъ—калмыковъ и бурятъ, если не считать селенгинцевъ, занимающихъ исключительное мѣсто среди извѣстныхъ до сихъ поръ членовъ монгольской семьи. Также общеизвѣстно, что вполнѣ естественная съ точки зрѣнія лингвистической классификаціи группа тюрокъ не представляетъ собой антропологически единаго типа и отличается большимъ разнообразіемъ въ ростѣ и головномъ указателѣ. Однако разнообразіе въ головномъ указателѣ вовсе не кажется такимъ большимъ, если разбить всѣ сколько-нибудь изслѣдованныя до сихъ поръ тюркскія народности на отдѣльныя группы. Въ большинствѣ случаевъ оказывается, что тѣ народы, головной указатель которыхъ меньше извѣстной нормы, характерной для тюрокъ, не могутъ быть причислены къ чистымъ тюркамъ даже и съ точки зрѣнія лингвистики и исторіи. Если нанести на карту распространенія тюрокъ соотвѣтствующіе каждой народности головные указатели, насколько они извѣстны, то при первомъ взглядѣ на такую карту бросилось бы въ глаза центральное пятно—область преобладанія наиболѣе высокой брахицефаліи—отъ 85 до 89 (безъ редукціи на черепъ). Къ ней принадлежатъ саянскіе и алтайскіе инородцы (сойоты, алтайцы, теленгеты, телесы, кромѣ

черневыхъ татаръ), киргизы разныхъ ордъ вплоть до Букеевской (кромѣ Большой орды, до сихъ поръ совершенно неизслѣдованной, если не считать 30 человѣкъ Мацѣевскаго и Пояркова, давшихъ, на мой взглядъ, сомнительный указатель 83), прикавказскіе тюрки—ногайцы и кумыки, какъ непосредственное ихъ продолженіе, и, наконецъ, таранчи Вост. Туркестана по работѣ Пайселя. Продолженіе этой области на западъ въ Вост. Европу характеризуется постепеннымъ уменьшеніемъ головного указателя. Башкиры, представляющіе большое разнообразіе типа по отдѣльнымъ группамъ, характеризуются также и большимъ разнообразіемъ головного указателя, колеблющагося по отдѣльнымъ родамъ отъ 85 до 82; меще-

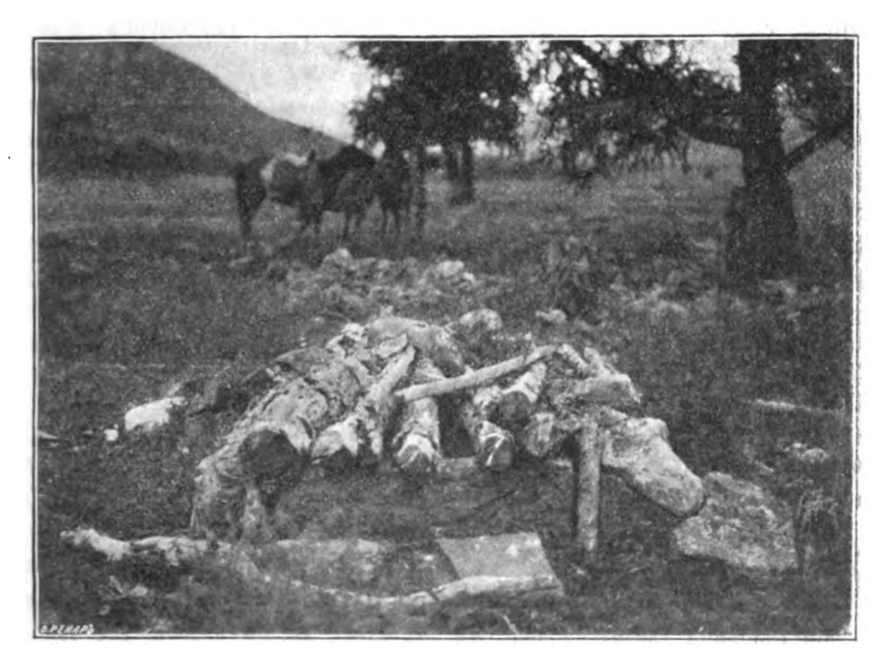


Рис. 2. Теленгетская могила.

ряки и касимовскіе татары имѣютъ указатель 83 — 82; тюрки—османы—83 по Ивановскому и др. (съ переводомъ черепного указателя на головной). Конечно, такое пониженіе указателя надо ставить въ связь съ меньшей чистотой основного тюрско-монгольскаго типа (если только допустить существованіе таковаго), съ примѣсью къ нему элемента менѣе короткоголоваго. Такова же, повидимому, причина пониженія головного указателя къ югу отъ области высокой брахицефаліи, именно среди тюркизированныхъ иранцевъ, напр., сартовъ, имѣющихъ указатели 84—83.

Указатель якутовъ (по Геккеру) - 83—почти совпадаетъ съ соотвѣтственнымъ указателемъ ихъ ближайшихъ сосѣдей—тунгусовъ (по Майнову).

Наконецъ, никто не сочтетъ за чистыхъ тюрковъ крымскихъ татаръ, какъ южнобережниковъ, такъ и степныхъ, съ указателемъ 80 и 82, и въ особенности черневыхъ татаръ Алтая (79) и адербейджанцевъ (78), изъ которыхъ первые представляютъ тюркизированный народъ совершенно загадочнаго происхожденія, не имѣющій почти ничего общаго съ другими алтайцами; вторые — совершенные иранцы, отличающіеся обыкновенно средне-и даже длинноголовостью, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда они сильно тюркизированы. Послѣдніе три народа мы можемъ свободно не помѣщать въ общую тюркскую семью; ихъ зачисленіе туда слишкомъ искусственное, о чемъ свидѣтельствуютъ, между прочимъ, и головные показатели ихъ, не достигающіе чаще всего 80, т. е. предѣла суббрахицефаліи и, слѣдовательно, совершенно не характерные для тюрокъ.

Ближайшіе родственники тюрокъ—монголы, изслѣдованные въ значительно меньшей степени, отличаются отъ первыхъ, какъ уже сказано, меньшей короткоголовостью; изъ нихъ торгоуты и кульджинскіе калмыки имѣютъ index 84 — 85, волжскіе калмыки и буряты-аларцы — 82. Поразительное исключеніе представляютъ буряты-селенгинцы д-ра Шендриковскаго съ index'омъ въ 88. Представляетъ ли этотъ указатель плодъ какого-нибудь недоразумѣнія, или же онъ кажется исключительнымъ лишь потому, что мы не имѣемъ никакихъ антропологическихъ данныхъ о монголахъ восточныхъ, халха и др., отъ которыхъ могли заимствовать свою высокую брахицефалію буряты-селенгинцы,—судить трудно [1]).

Изъ этого краткаго антропо-географическаго обзора тюрко-монголовъ опредѣляется то мѣсто, которое занимаютъ интересующіе насъ теленгеты среди другихъ родственныхъ имъ народовъ по головному указателю. Они принадлежатъ, слѣдовательно, къ центральной области наивысшей брахицефаліи, т. е. стоятъ въ одной группѣ съ сойотами и киргизами, западными алтайцами и кавказскими тюрками. Если болѣе высокій головной указатель долженъ считаться характернымъ для тюрокъ въ сравненіи съ ихъ ближайшими родственниками—монголами, то теленгеты въ этомъ отношеніи приближаются, слѣдовательно, къ болѣе чистымъ типичнымъ тюркамъ.

Перехожу къ изложенію другихъ наиболѣе важныхъ соотношеній черепа интересующей насъ народности. Наибольшій лицевой діаметръ равенъ въ среднемъ 139 при полномъ отсутствіи колебаній по отдѣльнымъ

---

[1]) По новѣйшимъ, еще не опубликованнымъ, изслѣдованіямъ Ю. Д. Талько-Грынцевича, средній головной указатель монголовъ-халхасцевъ (по измѣреніямъ 36 живыхъ особей)—81,88, а бурятъ-селенгинцевъ (401 измѣреніе на живыхъ)—85,83. *Прим. ред.*

Наиб. лицевой попереч. діаметръ.

	Улаганъ.			Чулышманъ.			Ядринцева.			Общая.			
	м.	ж.	Всѣхъ.	м.	ж.	Всѣхъ.	м.	ж.	Всѣхъ.	м.	ж.	Всѣхъ.	
127—128	—	—	—	—	2	2	—	—	—	—	2	2	
129—130	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	1	1	
131—132	—	2	2	—	1	1	—	1	1	—	4	4	
133—134	—	3	3	1	2	3	—	1	1	1	6	7	
135—136	1	4	5	—	5	5	—	—	—	1	9	10	
137—138	1	2	3	3	4	7	—	1	1	4	7	11	
139—140	3	—	3	2	3	5	—	—	—	5	3	8	
141—142	5	1	6	4	1	5	1	—	1	10	2	12	
143—144	—	1	1	4	1	5	—	—	—	4	2	6	
145—146	3	1	4	3	—	3	—	—	—	6	1	7	
147—148	1	1	2	1	—	1	—	—	—	2	1	3	
149—150	—	—	—	—	—	—	2	—	2	2	—	2	
151—152	—	—	—	1	—	1	—	—	—	1	—	1	
153	3	—	1	—	—	—	—	—	—	1	—	1	
Малые размѣры (до 129).	—	—	—	—	2	2	—	—	—	—	2	2	(2%)
Средніе размѣры (130—136). . . .	1	10	11	1	8	9	—	2	2	2	20	22	(30%)
Большіе размѣры (137 и выше). .	14	6	20	18	9	27	3	1	4	35	16	51	(68%)

мѣстнымъ группамъ; у мужчинъ онъ выраженъ сильнѣе, превосходя на 6 mm. соотвѣтствующее измѣреніе женскихъ череповъ. И рядовое расположеніе, и анализъ Stieda подтверждаютъ точность полученнаго результата и въ частности большую скулатость мужчинъ въ сравненіи съ женщинами. Цифра 139 сама по себѣ очень замѣчательна,—она превосходитъ соотвѣтствующую цифру для типичныхъ западныхъ монголовъ — торгоутовъ (135 и 136) на величину 3—4 mm., т. е. свидѣтельствуетъ о томъ, что признакъ, столь характерный для монгольской расы, развитъ у нашихъ

теленгетъ въ большей степени, чѣмъ у настоящихъ монголовъ. Казалось бы одного этого факта достаточно, чтобы заключить о монгольскомъ происхожденіи интересующаго насъ племени; однако такое заключеніе было бы рискованнымъ: вѣдь характерна же для монголовъ значительная короткоголовость, и однако тюрки (я разумѣю болѣе чистыхъ тюрокъ моего центральнаго поля, менѣе подвергнувшихся вліянію иранской крови) превосходятъ ихъ въ развитіи ширины черепа, и это превосходство, повидимому, должно считаться характернымъ, типичнымъ для тюрокъ. Намъ слѣдуетъ поэтому обратиться къ антропологической литературѣ и попытаться найти въ ней какія-либо указанія на случайность или, наоборотъ, неслучайность явленія повышенной скулатости нашихъ теленгетъ.

Наиб. лицевой поперечный діаметръ.

Улаганъ.			Чулышманъ.			Ядринцева.			Всѣхъ.		
м.	ж.	Всѣхъ	м.	ж.	Всѣхъ	м.	ж.	Всѣхъ	м.	ж.	Всѣхъ
142,3	136,8	139,5	142,1	136,1	139,1	146,7	134,0	140,3	142,6	136,3	139,4

Прежде всего не могу не упомянуть объ одномъ любопытномъ, хотя, можетъ быть, и не очень доказательномъ фактѣ. Среди коллекцій калмыцкихъ череповъ, описанныхъ А. А. Ивановскимъ, есть, между прочимъ, одна очень маленькая серія, принадлежащая томскимъ калмыкамъ. Какъ указываетъ самъ авторъ, послѣдніе—не что иное, какъ алтайцы, къ каковымъ относятся и наши теленгеты. И воти эти томскіе калмыки отличаются отъ остальныхъ калмыковъ также болѣе развитой средней шириной лица и скулъ. Ихъ наибольшій лицевой діаметръ какъ разъ равенъ найденному мною для теленгетъ. Такое сходство, впрочемъ, далеко не ограничивается однимъ только интересующимъ насъ діаметромъ; болѣе или менѣе тождественный матеріалъ всегда дастъ и болѣе или менѣе тождественные результаты. У другихъ тюркскихъ народовъ, по краніологіи которыхъ имѣются какія-либо свѣдѣнія, діаметръ этотъ развитъ такъ же сильно, какъ и у теленгетъ, напр., у ближайшихъ ихъ сосѣдей—сойотъ, или, по крайней мѣрѣ, не слабѣе, чѣмъ у торгоутовъ, напр., у киргизъ и кара-киргизъ. Всего значительнѣе наибольшій широтный діаметръ развитъ изъ тюрокъ у якутовъ, затѣмъ у киргизовъ Зеланда (147). У монголовъ Ивановскаго, при измѣреніяхъ на живыхъ, онъ оказывается развитымъ весьма сильно (158), сильнѣе, чѣмъ у всѣхъ остальныхъ до сихъ поръ

изслѣдованныхъ народовъ, превосходя наибольшую до сихъ поръ найденную цифру выступанія скулъ (именно для якутовъ и южныхъ тунгусовъ). У волжскихъ калмыковъ Деникера, измѣренныхъ въ незначительномъ числѣ, этотъ діаметръ нѣсколько менѣе (148) и приближается къ тюркскому. Соотвѣтственный діаметръ для бурятъ-селенгинцевъ и аларцевъ [1]) не отличается отъ такого же для киргизовъ и волжскихъ калмыковъ Деникера. Слѣдовательно, если не считать торгоутовъ Тарбагатайской обл., тюркскія племена ничуть не менѣе, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ якуты, даже болѣе скулаты, чѣмъ настоящіе монголы и буряты; повидимому, этотъ признакъ также характеренъ для нихъ, какъ и для этихъ послѣднихъ. Нѣкоторымъ косвеннымъ подтвержденіемъ моего положенія могутъ служить другіе діаметры, выражающіе ширину лица и выступаніе скулъ; между прочимъ, объ одномъ изъ нихъ, т. наз. скуловомъ, литература значительно полнѣе, чѣмъ о наибольшемъ лицевомъ.

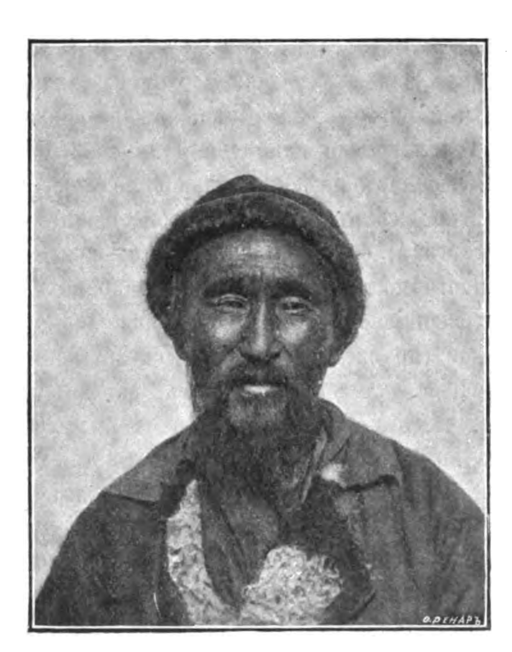


Рис. 3. Теленгетъ.

Если расположить, какъ это сдѣлалъ г. Харузинъ, всѣ изслѣдованныя племена по величинѣ ихъ скулового діаметра, то окажется, что большіе размѣры его имѣютъ, съ одной стороны, кульджинскіе калмыки и торгоуты, съ другой — киргизы-букеевцы, узбеки, часть башкиръ, туркмены, кара-киргизы и друг.; средніе размѣры—съ одной стороны калмыки-чахары, арбунсумыны, турфанскіе и китайцы; съ другой — таранчи, киргизы 3-хъ ордъ, алтайцы Ядринцева, часть узбековъ и башкиръ; малые размѣры почти совершенно отсутствуютъ какъ у тюрокъ, такъ и монголовъ и свойственны, повидимому, исключительно кавказскимъ народностямъ. Авторъ «Киргизовъ Букеевской орды» съ нѣкоторымъ колебаніемъ даже рѣшается высказать ту мысль, что «у тюрокъ скуловой діаметръ абсолютно большихъ размѣровъ, чѣмъ у мон-

[1]) По указаннымъ выше изслѣдованіямъ Ю. Д. Талько-Грынцевича, наибольшій лицевой діаметръ бурятъ-селенгинцевъ (192 измѣр.) равенъ въ среднемъ 153 mm., а закаменскихъ бурятъ (18 измѣр.)—155 mm. *Прим. ред.*

головъ»; надо сознаться, впрочемъ, что такое заключеніе не вполнѣ соотвѣтствуетъ матеріалу, на основаніи котораго оно сдѣлано, какъ это замѣтилъ уже Геккеръ въ своихъ «Якутахъ». Гораздо правильнѣе было бы выразиться такъ: «у тюрокъ выступаніе скулъ столь же значительно, какъ у монголовъ, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ (якуты) можетъ даже превосходить его». Все до сихъ поръ сказанное о скуловомъ и наибольшемъ лицевомъ діаметрѣ имѣло цѣлью только показать, что большое развитіе средней ширины лица или т. наз. скулатость вовсе не есть признакъ, исключительно свойственный однимъ калмыкамъ, но въ одинаковой мѣрѣ и ихъ ближайшимъ этническимъ родственникамъ—тюркамъ, и что, такимъ образомъ, теленгеты и томскіе калмыки вовсе не должны быть относимы къ калмыкамъ только потому, что ихъ лицевой діаметръ на черепѣ превосходитъ таковой же для торгоутъ; иначе придется къ калмыкамъ же отнести и якутовъ, и сойотъ, и кара-киргизовъ.

Разсматривая наибольшій лицевой діаметръ, видимъ, что около 70% всѣхъ череповъ имѣютъ большіе размѣры этого діаметра, причемъ малые почти совсѣмъ отсутствуютъ; совершенно то же мы имѣемъ для киргизъ, кара-киргизъ, сойотъ и калмыковъ—новое подтвержденіе только-что высказаннаго положенія. Слѣдуетъ прибавить также, что и другіе діаметры, показывающіе поперечные размѣры лица на черепѣ, какъ-то: щечный, скуловой (по срединѣ швовъ скуловыхъ дугъ), внутренній и внѣшній глазничные, у теленгетъ, сойотъ, киргизъ и кара-киргизъ б. ч. абсолютно болѣе, чѣмъ у калмыковъ-торгоутовъ; поразительно одинаковыя цифры даютъ во всѣхъ случаяхъ теленгеты съ томскими калмыками и сойотами; впрочемъ, никакой самый опытный глазъ, разсматривая типичный черепъ теленгета и сойота въ лицевой и въ вертикальной нормахъ, не нашелъ бы въ нихъ никакихъ сколько-нибудь замѣтныхъ отличій; скорѣе можно найти разницу между черепами калмыцкими съ одной стороны и теленгетскими и сойотскими—съ другой, чѣмъ между двумя послѣдними.

Длина лица, выражаемая на черепѣ разстояніемъ отъ корня носа до альвеолярной точки, въ среднемъ у теленгетъ достигаетъ такихъ же

Лицевая линія.

	Улаганъ.			Чулышманъ.			Ядринцева.			Общая.		
	м.	ж.	Всѣхъ.	м.	ж.	Всѣхъ.	м.	ж.	Всѣхъ.	м.	ж.	Всѣхъ.
Малые размѣры (до 60) .			н		ѣ		т		ъ			
Средніе разрѣзы (до 70).	5	10	15	8	10	18	—	3	3	13	23	36
Большіе (71 и выше) . .	9	3	12	13	11	24	4	—	4	26	14	40

размѣровъ (71; муж.—72,3, жен.—69,6), какъ и у торгоутовъ, сойотовъ, киргизовъ, кара-киргизовъ; она нѣсколько выше для мужскихъ череповъ, ниже для женскихъ; кромѣ того, улаганцы, какъ можно заключить изъ рядового расположенія этой величины, менѣе длиннолицы, чѣмъ чулышманцы; среди послѣднихъ дальнѣйшій анализъ показываетъ преобладаніе двухъ типовъ: одного — съ лицомъ равнымъ по длинѣ лицу улаганцевъ, другого—съ лицомъ болѣе длиннымъ. Здѣсь повторяется то же самое, что мы уже видѣли при изученіи головного указателя. Лицевая линія теленгетъ, какъ и монголовъ и другихъ тюрокъ, по которымъ есть краніологическій матеріалъ, должна быть названа, по классификаціи Брока, большой; малые размѣры ея совершенно отсутствуютъ.

Болѣе значительный интересъ представляетъ отношеніе длины лица къ наибольшей его ширинѣ. Относительная ширина лица (51), въ противоположность абсолютной, меньше, чѣмъ у торгоутовъ (53),

Лицевой указатель.

	Улаганъ.			Чулышманъ.			Ядринцева.			Общая.		
	м.	ж.	Всѣхъ.	м.	ж.	Всѣхъ.	м.	ж.	Всѣхъ.	м.	ж.	Всѣхъ.
42,85.	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	1	1
45,71—46,81.	—	—	—	2	—	2	—	—	—	2	—	2
47,22—48.	2	2	4	3	—	3	—	—	—	5	2	7
48,01—49	2	1	3	3	—	3	1	—	1	6	1	7
49,01—50	3	2	5	2	2	4	1	1	2	6	5	11
50,01—51	1	1	2	2	1	3	—	2	2	3	4	7
51,01—52.	—	1	1	3	5	8	—	—	—	3	6	9
52,01—53	—	3	3	2	6	8	—	—	—	2	9	11
53,01—54	2	1	3	—	1	1	1	—	1	3	2	5
54,01—55	1	—	1	1	1	2	—	—	—	2	1	3
55,01—56	1	—	1	1	—	1	—	—	—	2	—	2
56,01—57	1	—	1	—	—	—	—	—	—	1	—	1
57,01—57,74	—	—	—	—	2	2	—	—	—	—	2	2

хотя и незначительно, и тождественна съ таковой же для томскихъ калмыковъ. 4/5 моей краніологической коллекціи обладаютъ относительно ма-

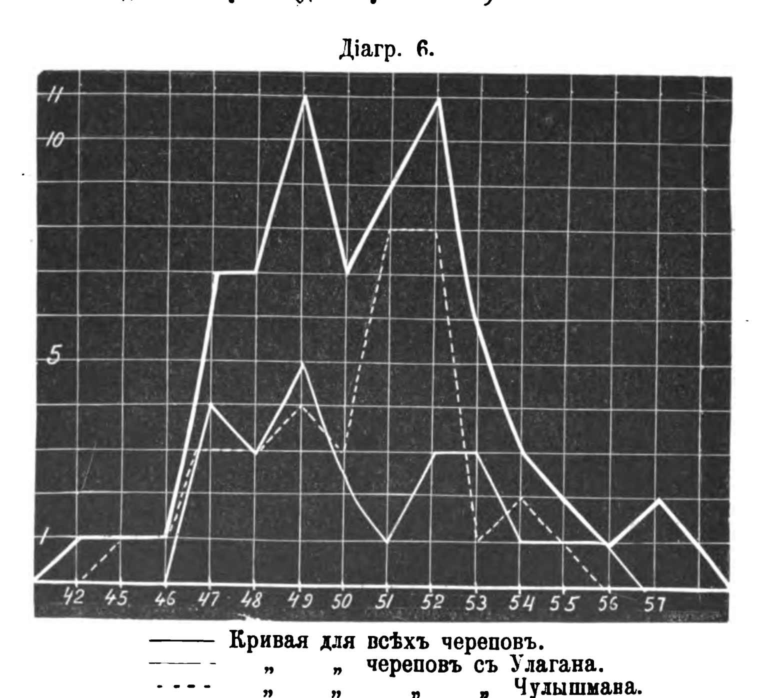
лыми размѣрами лицевого указателя при почти полномъ отсутствіи большихъ; тѣ же размѣры характерны и для монголовъ, съ той только разницей, что у нихъ наклонность къ среднимъ размѣрамъ выражена несравненно сильнѣе. Рядовое расположеніе показываетъ существованіе двойственнаго типа.

Лицевой указатель (на черепѣ).

	Муж.	Жен.	Всѣхъ.	
Малые размѣры (до 53). . .	27	28	55	(80,88%)
Средніе (до 57).	8	3	11	(16,18%)
Большіе (выше 57)	—	2	2	(2,94%)

Если построить соотвѣтственныя кривыя для Улагана и Чулышмана, то, несмотря на значительную ихъ неправильность, происходящую отъ недостатка матеріала, можно замѣтить, что первая вершина соотвѣтствуетъ вершинѣ для Улагана, вторая для Чулышмана; особенно рѣзко это выражено въ послѣднемъ случаѣ (для Чулышмана).

Діагр. 6.



——— Кривая для всѣхъ череповъ.
— — — „ „ череповъ съ Улагана.
- - - - „ „ „ „ Чулышмана.

Такимъ образомъ, мы встрѣчаемся здѣсь снова съ яснымъ раздѣленіемъ на два типа. Въ виду того, что наибольшій лицевой поперечникъ для обѣихъ группъ почти совершенно одинаковъ, остается допустить, что лицо

у чулышманцевъ длиннѣе, чѣмъ у улаганцевъ, что замѣтно особенно изъ рядового расположенія цифръ лицевой линіи.

Изъ соотношеній другихъ широтныхъ діаметровъ лица съ наибольшею его шириною я упомяну вскользь объ отношеніи внѣшняго глазничнаго и скулового къ наибол. лицевому, только для того, чтобы отмѣтить ихъ полное совпаденіе съ соотвѣтствующими соотношеніями на монгольскомъ черепѣ.

Мы видѣли, что всѣ широтные діаметры лица у теленгетъ, какъ и наиб. лицевой, болѣе или менѣе превосходятъ таковое же у калмыковъ. Оказывается, однако, что пропорціонально лицо развито совершенно такъ же, какъ и у этихъ послѣднихъ; отношенія всѣхъ діаметровъ къ средней ширинѣ лица выражаются цифрами одинаковыми какъ съ калмыками, такъ и съ сойотами, киргизами и кара-киргизами. Въ общемъ можно констатировать сравнительно умѣренное расширеніе лица отъ внѣшняго глазничнаго къ наиб. поперечному съ одной стороны и очень сильное развитіе скулового діаметра съ другой у всѣхъ этихъ народовъ.

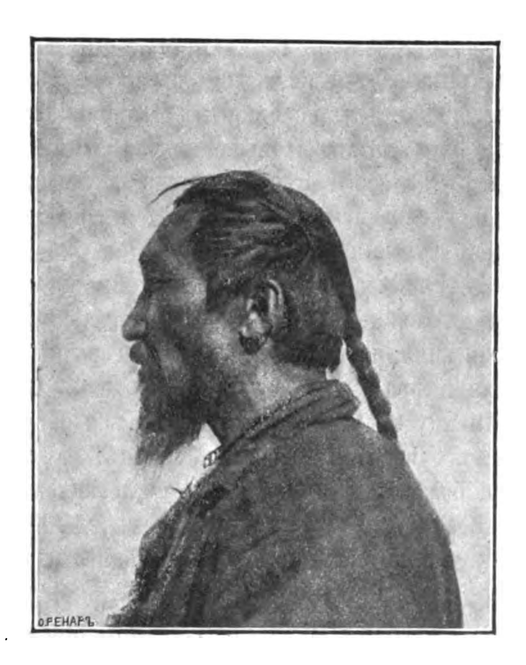


Рис. 4. Теленгетъ.

Перехожу къ носовому указателю и размѣрамъ, его составляющимъ. Какъ длина (53,2; муж.—54,7, жен.—51,9), такъ и ширина (26,2; муж. — 27,6, жен. — 24,9) носа теленгетъ въ среднемъ весьма мало (на 1 mm.) отличается отъ соотвѣтствующихъ размѣровъ на черепахъ монгольскихъ, сойотскихъ и киргизскихъ. Какъ и носъ типичнаго калмыка, онъ характеризуется умѣреннымъ развитіемъ въ длину и сильнымъ развитіемъ въ ширину, т.-е. преобладаніемъ среднихъ размѣровъ длины и большихъ размѣровъ ширины; нѣкоторая разница замѣчается только въ большемъ преобладаніи у теленгетъ среднихъ размѣровъ (75%) въ сравненіи съ малыми, которые играютъ у монголовъ также значительную роль. Разумѣется, и носовой указатель теленгетъ (49,25; муж.—49,3, жен.—49,2) въ срав-

Носовой указатель.

	Улаганъ.			Чулышманъ.			Ядринцева.			Всѣхъ.		
	м.	ж.	Всѣхъ.	м.	ж.	Всѣхъ.	м.	ж.	Всѣхъ.	м.	ж.	Всѣхъ.
Лепторины (до 48) . . .	6	4	10	9	12	21	2	—	2	17	16	33
Мезорины (до 53). . . .	4	4	8	10	9	19	1	1	2	15	14	29
Платирины (53,01 и выше).	5	7	12	2	1	3	1	2	3	8	10	18

неніи съ монголами не можетъ представлять разницы: какъ и послѣдніе, они или мезорины, или лепторины; платирины встрѣчаются въ незначительномъ числѣ почти исключительно на Улаганѣ и отсутствуютъ на Чулышманѣ; изъ этого, а также и изъ средней цифры носового указателя для улаганцевъ можно заключить о большей широконосости этой группы въ сравненіи съ чулышманской.

Размѣры ширины переносья или межглазничнаго пространства также не представляютъ никакихъ особенностей въ сравненіи съ монгольскими; преобладаютъ размѣры средніе съ наклонностью къ большимъ; средняя цифра (24,3; муж.—24,7, жен.—23,8) стоитъ какъ разъ на границѣ между этими двумя отдѣлами. Рядовое расположеніе и здѣсь обнаруживаетъ существованіе двухъ типовъ: у чулышманцевъ переносье оказывается болѣе широкимъ, чѣмъ у улаганцевъ и у монголъ.

Высота черепа теленгетъ (129—130) абсолютно превосходитъ высоту черепа монголовъ, въ особенности тарбагатайскихъ торгоутовъ; въ

Высота черепа.

Улаганъ.			Чулышманъ.			Ядринцева.			Общая.		
м.	ж.	Всѣхъ.	м.	ж.	Всѣхъ.	м.	ж.	Всѣхъ.	м.	ж.	Всѣхъ.
129,8	125,4	127,6	131,0	130,3	130,6	132,5	127,0	130,1	130,6	128,1	129,4

этомъ отношеніи, однако, теленгеты не стоятъ особнякомъ: сойоты, каракиргизы и киргизы также имѣютъ черепъ болѣе высокій, чѣмъ калмыки,

почти тождественный съ нашими теленгетами. Высоту черепа можно относить къ его ширинѣ и длинѣ. Мы уже видѣли, что указатель ширины черепа теленгетъ болѣе, чѣмъ у монголовъ. Цифры для діаметровъ, его составляющихъ, т.-е. наиб. продольнаго и наиб. широтнаго, показываютъ, что это явленіе есть слѣдствіе одновременнаго укороченія и расширенія черепа; короткость и ширина теленгетскаго черепа бросаются сразу въ глаза при разсматриваніи его въ затылочной нормѣ; затылокъ въ большинствѣ случаевъ какъ бы уплощенъ, срѣзанъ въ вертикальной плоскости; таковъ же онъ и у киргизовъ по описаніямъ Харузина и у бурятъ по описаніямъ Шендриковскаго. Укороченіе длиннотнаго діаметра, какъ слѣдствіе уплощенія затылка, само по себѣ уже влечетъ за собой и увеличеніе діаметровъ широтнаго и отчасти высотнаго. Легко понять, что и соотношенія между этими тремя важными измѣреніями должны измѣниться въ сравненіи съ таковыми же для торгоутовъ: длиннотно-высотный указатель, вслѣдствіе уменьшенія длины, долженъ дать цифры большія, чѣмъ у этихъ послѣднихъ, т.-е. проявить большую тенденцію къ гипсицефаліи, къ высокоголовости; такъ это и оказывается на самомъ дѣлѣ (муж.—73,7, жен.—74,5, общ.—74,1). Ортоцефалія преобладаетъ у монголовъ, какъ и у теленгетъ, но въ то время, какъ у первыхъ замѣчается значительная наклонность къ низкоголовости (платицефаліи), среди послѣднихъ низкая форма черепа встрѣчается только какъ рѣдкое исключеніе; наоборотъ, существенную роль играетъ

Высотный указатель.

	Улаганъ.	Чулышманъ.	Ядринцева.	Всѣхъ.
Плаитцефалія (до 70)	3	4	1	8
Ортоцефалія (до 75)	20	22	1	43
Гипсицефалія (выше 75)	11	17	5	33

гипсицефалія (высокоголовость); въ этомъ я вижу отличіе интересующей насъ народности отъ монголовъ, но, добавлю, всецѣло зависящее отъ другой, уже констатированной особенности, именно отъ значительно большей ихъ короткоголовости. Естественно предположить, что и другія тюркскія народности, у которыхъ короткоголовость существуетъ въ столь же рѣзкой формѣ, отличаются и большей высотой черепа; и, дѣйствительно, совершенно одинаковыя цифры высотно-длиннотнаго и распредѣленія его по крупнымъ разрядамъ даютъ намъ сойоты и киргизы (74).

Обратимся теперь къ указателю высотно-широтному. Какъ у монголовъ, такъ и у интересующей насъ народности замѣтно значительное преобладаніе широко-низкихъ формъ; слѣдовательно, несмотря на болѣе значительные абсолютные размѣры высоты черепа теленгетъ, пропорціи его по отношенію къ ширинѣ остаются вполнѣ такими же, какъ и

калмыковъ. Очень небольшая группа средне-широко-высокихъ образовалась почти исключительно на счетъ чулышманцевъ, у которыхъ ширина черепа нѣсколько менѣе значительна, чѣмъ у улаганцевъ. Высотно-широтный діаметръ у сойотъ и киргизъ не отличается отъ полученнаго мною для теленгетъ.

Изъ окружностей и дугъ черепа прежде всего останавливаетъ вниманіе своимъ большимъ развитіемъ поперечная дуга (муж.—311,4, жен.—305,3, общ.—308,4); размѣры ея превосходятъ соотвѣтствующіе для

Поперечная дуга.

	Муж.	Жен.	Всѣхъ.
Малые размѣры (до 300)	6	14	20
Средніе размѣры (301—320)	31	23	54
Большіе размѣры (выше 321)	5	4	9

калмыковъ и уступаютъ только сойотамъ. Дуга эта можетъ быть названа у теленгетъ среднею, въ то время какъ у калмыковъ она почти исключительно малая. Напротивъ, вертикальная дуга (отъ корня носа до затыл. отверстія) абсолютно короче (муж. — 358,5, жен. — 351,1, общ.—354,8), чѣмъ у монголовъ, что надо ставить въ связь съ уменьшеніемъ продольнаго діаметра; соотношенія отдѣльныхъ частей ея показываютъ, на счетъ какой именно части произошло это укороченіе (лобная

Вертикальная дуга.

	Муж.	Жен.	Всѣхъ.
Малые размѣры (до 350)	9	21	30
Средніе (351—370).	27	18	45
Большіе (выше 370)	6	2	8

часть—125,6 mm. или 35,39%, теменная—118,5 или 33,39%, затылочная—110,6 или 30,87%). Оказывается, что затылочная часть вертикальной дуги и абсолютно, и относительно менѣе соотвѣтствующей для монголовъ; наоборотъ, лобная абсолютно одинаковыхъ размѣровъ у обоихъ племенъ и лишь относительно болѣе, вслѣдствіе меньшей длины всей дуги,—фактъ, который можетъ служить иллюстраціей ранѣе высказаннаго предположенія, что короткоголовость теленгетъ произошла именно на счетъ сплющиванія затылка.

Лобный указатель характеризуется меньшими относительными размѣрами, чѣмъ у монголовъ (муж.—79,1, жен.—79,8, общ.—79,4); это произошло отъ значительнаго развитія наиб. лобнаго, что въ свою очередь, несомнѣнно, зависитъ отъ большаго развитія черепа въ ширину. Такимъ

Лобный указатель.

	Муж.	Жен.	Всѣхъ.
Микроземы (до 83,00)	31	36	67 (80,7%)
Мезоземы (83,01—87,00)	7	4	11 (13,2%)
Мезаземы (87,01 и выше)	3	2	5 (6,1%)

образомъ, лобъ кажется суженнымъ въ области наим. лобнаго діаметра и круто потомъ расширяющимся до наиб. лобнаго. Наконецъ, глазничный указатель не отличается отъ такого же для монголовъ и характеризуется преобладаніемъ мегаземовъ надъ остальными; то же замѣчается и у сойтовъ, и киргизовъ.

Сравнивая черепа теленгетъ съ калмыцкими, я отмѣчалъ все то, что есть въ нихъ общаго и въ чемъ, наоборотъ, можно усмотрѣть несходство. Теленгетъ и до сихъ поръ зовутъ калмыками, несмотря на ихъ тюркскій языкъ, носящій признаки древняго происхожденія. Какова же могла быть причина возникновенія этого совершенно страннаго, съ точки зрѣнія лингвистики, названія? Мнѣ кажется, что отвѣтъ можетъ быть только одинъ—внѣшность теленгета, его физическій типъ напоминалъ первому насельнику Алтая калмыковъ, которыхъ онъ раньше, можетъ быть, имѣлъ случай видѣть. Дѣйствительно ли эта внѣшность такова, что алтайцы могутъ считаться заслужившими свою кличку, ставшую источникомъ стольких административныхъ ошибокъ и горькихъ недоразумѣній? Въ своемъ предварительномъ отчетѣ о поѣздкѣ на Алтай («Землевѣдѣніе», 1898 г.), описывая теленгета такимъ, какимъ онъ представляется при поверхностномъ осмотрѣ, я высказалъ ту мысль, что т. наз. монголовидный типъ, выражающійся въ темноволосости, темноглазости, широкихъ скулахъ и косо поставленныхъ наружныхъ углахъ глазъ, превалируетъ среди нихъ надъ всѣми другими; значительно рѣже, вѣрнѣе очень рѣдко, встрѣчается, въ особенности на Чулышманѣ, другой типъ, не имѣющій въ себѣ ничего монгольскаго. Фактъ этотъ до извѣстной степени можетъ служить объясненіемъ названія «калмыкъ», потому что типы, рѣже встрѣчающіеся, для простого наблюдателя пропадаютъ въ общей массѣ основного элемента. Естественно, что, представляя результаты своего краніологическаго изслѣдованія, я обратилъ особенное вниманіе именно на тѣ черты, которыя общи черепу теленгета и калмыка. Оглядываясь теперь на все изложенное о строеніи черепа той и другой народности, я вижу только одну существенную разницу между ними, отъ которой всецѣло зависятъ и другія менѣе важныя несходства. Это—болѣе высокая короткоголовость теленгетъ, раздѣляемая ими съ большинствомъ другихъ тюрокъ, въ особенности менѣе подвергнувшихся вліянію иранскаго или финскаго элемента. Затылокъ ихъ уплощенъ,

какъ бы срѣзанъ въ вертикальной плоскости; продольный діаметръ черезъ это укороченъ, а широтный, наоборотъ, достигаетъ большаго развитія. Послѣднее обстоятельство влечетъ за собой абсолютное увеличеніе всѣхъ поперечныхъ размѣровъ черепа, т.-е. поперечной дуги и хорды, соединяющей концы ея (ушного діаметра), наибольшаго лобнаго и всѣхъ широтныхъ діаметровъ лица, какъ-то: внѣшняго и внутренняго глазничныхъ, наиб. лицевого и скулового; укороченіе длины черепа на счетъ уменьшенія затылка отзывается на уменьшеніи вертикальной дуги и въ особенности затылочной части, которая абсолютно и относительно очень мала. Надо помнить, что расширеніе черепа въ лицевой его нормѣ не отзывается на измѣненіи пропорцій лица (онѣ остаются совершенно такими же, какъ и у типичнаго калмыка); результатомъ его является только относительно меньшій лобный показатель вслѣдствіе значительнаго расширенія наибольшаго лобнаго. Если прибавить къ этому, что и носовой и глазничный указатели выказываютъ значительное сходство съ калмыцкими, то я, думаю, имѣю право заключить, что черепъ теленгета, въ особенности улаганца, какъ болѣе типичнаго представителя племени, имѣетъ всѣ черты калмыцкаго плюсъ бо́льшая короткоголовость. Если судить по черепу, въ особенности по строенію костнаго лица, и прибавить внѣшніе описательные признаки, какъ цвѣтъ волосъ, глазъ, форму носа, строеніе глазной щели, ростъ и т. д., то станетъ понятнымъ, почему наши теленгеты заслужили столь характерное и столь этнографически и лингвистически невѣрное прозвище. Оно объясняется недостаткомъ этнографическихъ свѣдѣній, но отнюдь не отсутствіемъ наблюдательности у тѣхъ, кого надо считать виновникомъ этого прозвища.

Совсѣмъ иное, когда дѣло идетъ о довольно распространенномъ мнѣніи, что алтайскіе калмыки представляютъ отуреченныхъ въ сравнительно недавнее, выражаясь антропологически, время монголовъ-калмыковъ. Здѣсь краніологія или должна умолчать, какъ не располагающая достаточнымъ матеріаломъ, или скорѣе высказаться отрицательно. Въ самомъ дѣлѣ, монголовидность не представляетъ отличительнаго признака однихъ только говорящихъ на монгольскомъ языкѣ племенъ; это — характерный признакъ цѣлой азіатской расы, къ которой, съ извѣстными оговорками, конечно, мы должны отнести и тюрокъ. Монголовидность нѣкоторыхъ тюркскихъ племенъ есть такое же коренное, прирожденное ихъ свойство, какъ и настоящихъ монголовъ; послѣдніе, можетъ быть, только сохранили это свойство въ большей чистотѣ. Если типъ многихъ тюркскихъ народовъ не однообразенъ и носитъ характеръ значительнаго смѣшенія изъ разнородныхъ элементовъ, то почти всегда среди нихъ, если не господствуетъ, то, по крайней мѣрѣ, часто встрѣчается и элементъ монголовидный, въ особенности въ молодомъ возрастѣ, какъ это было подмѣчено у киргизъ. Причина этого лежитъ несомнѣнно въ доисторическомъ прошломъ монголо-тюрокъ, въ ихъ близ-

комъ родствѣ. Вотъ почему, я думаю, мы не имѣемъ права видѣть въ алтайцахъ отуреченныхъ монголо-калмыковъ только на томъ основаніи, что то и другое племя имѣетъ антропологически много общаго. Но кромѣ этого, такъ сказать, отрицательнаго доказательства есть еще одно болѣе положительнаго свойства. Я не могу не видѣть указанія на тюркскую кровь теленгетъ въ единственномъ отличительномъ признакѣ ихъ черепа—въ ихъ значительной короткоголовости. Мы уже видѣли, что для большинства тюрокъ можно считать этотъ признакъ характернымъ, что всѣ колебанія его въ сторону уменьшенія легко могутъ быть объяснены

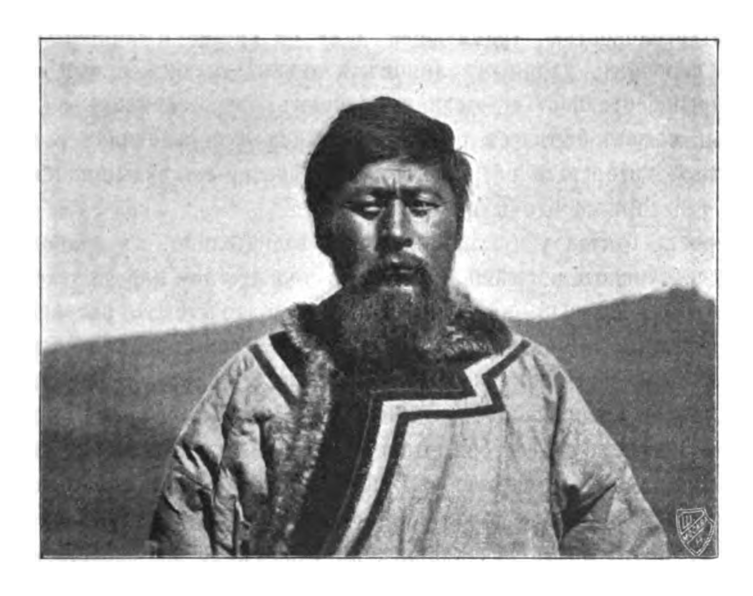


Рис. 5. Телесъ.

вліяніемъ чуждой иранской (средиземноморской для крымскихъ татаръ) или финской крови (для башкиръ, черневыхъ татаръ и др). Этотъ признакъ развитъ у теленгетъ столь же характерно, какъ и у киргизъ, сойотъ и многихъ другихъ тюрокъ; среди монголовъ же столь высокая брахицефалія встрѣчается только у селенгинскихъ бурятъ Шендриковскаго; но послѣдніе столь одиноко стоятъ среди своихъ же собратьевъ бурятъ-аларцевъ и верхоленцевъ Поротова и Сапожникова, что самъ авторъ считаетъ необходимымъ объяснить это явленіе скрещиваніемъ съ киргизами, безъ всякихъ, впрочемъ, основаній.

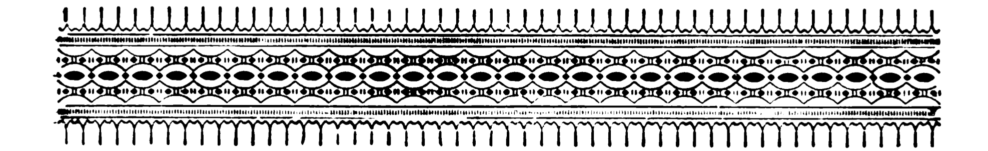
Мнѣ остается сказать еще нѣсколько словъ о видоизмѣненіяхъ и колебаніяхъ въ чистотѣ этого отвлеченнаго монголовиднаго типа, свойственнаго теленгетамъ. При изложеніи особенностей отдѣльныхъ измѣненій я

намекалъ на то, что, кромѣ одного характернаго типа, существуютъ и другіе, несравненно менѣе распространенные. Въ особенности это ясно можно было прослѣдить на чулышманцахъ, у которыхъ во многихъ случаяхъ проглядываетъ двойственность ихъ рядовыхъ срединъ. Всего интереснѣе, что одна изъ нихъ во всѣхъ случаяхъ соотвѣтствуетъ рядовой срединѣ для улаганцевъ, какъ болѣе типичныхъ представителей племени, другая исключительно свойственна чулышманцамъ и въ особенности ихъ сѣверной отрасли—телецкимъ телесамъ. Несомнѣнно, на племенной составъ ихъ болѣе значительно повліялъ какой-то посторонній элементъ, отличный отъ тѣхъ, которые вошли въ составъ всѣхъ вообще теленгетъ, вмѣстѣ взятыхъ. Этотъ элементъ можетъ быть охарактеризованъ несравненно меньшею короткоголовостью, граничащей даже съ средне- и длинноголовостью, высокимъ черепомъ, длиннымъ лицомъ и узкимъ носомъ съ рѣзко выступающей крышеобразностью,—однимъ словомъ, это элементъ не монгольской расы; можетъ быть, съ нимъ же связана и повышенная волосатость лица и тѣла, которую я встрѣчалъ среди нѣкоторыхъ чулышманцевъ, хотя прямыхъ указаній на это я и не имѣю.

Вопросъ, откуда у чулышманцевъ, слѣдовательно, въ области наполовину исчезнувшаго и смѣшавшагося съ теленгетами народа телесъ, могъ появиться этотъ чуждый, не азіатскій типъ, можетъ быть разрѣшенъ двояко: во-первыхъ, онъ могъ быть результатомъ весьма древнихъ вліяній, почему-либо отразившихся сильнѣе на телесахъ, чѣмъ на теленгетахъ, вовторыхъ, вліяній несравненно позднѣйшихъ воздѣйствій сосѣднихъ племенъ, и донынѣ еще живущихъ бокъ-о-бокъ съ теленгетами. И то и другое рѣшеніе не имѣетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго. Если мы просмотримъ распредѣленіе головныхъ указателей у различныхъ тюрко-монгольскихъ племенъ, то почти вездѣ натолкнемся на одно и то же явленіе — небольшую примѣсь къ основному короткоголовому типу элемента не короткоголоваго, мезоцефалическаго и субдолихоцефальнаго. Уже одна общность этого явленія указываетъ на какія-то вліянія болѣе древнія, можетъ быть, лежащія въ доисторическомъ прошломъ монголо-тюрокъ. Н. А. Аристовъ считаетъ самыми ранними помѣсями, положившими основныя различія между первоначальными племенами, помѣси съ сѣверо-азіатскою длинноголовою расою или динлинскими народами китайскихъ лѣтописей, затѣмъ съ самоѣдскими и, наконецъ, съ финско-угорскими. Всѣ три вліянія, въ особенности два первыхъ, несомнѣнно, сказались и на алтайцахъ. Относительно воздѣйствія динлиновъ сохранились даже лѣтописныя китайскія извѣстія, что теле, предки нашихъ теленгетъ, прозывались полторы тысячи лѣтъ тому назадъ «гаогюйскими динлинами». Что касается до позднѣйшихъ вліяній, то они могли быть чрезвычайно многообразны. Съ юга къ области теленгетскихъ кочевокъ примыкаютъ монгольскія и киргизскія, съ востока—сойотскія и, наконецъ, съ сѣвера—аулы разныхъ черневыхъ инородцевъ

Алтая. Воздѣйствіе монголовъ, киргизъ, сойотъ, въ особенности послѣднихъ, увеличивая, разумѣется, разнообразіе типа теленгетъ, не могло дать ему чертъ чуждыхъ азіатской расѣ или, вѣрнѣе, могло дать лишь постольку, поскольку въ образованіи каждаго изъ нихъ участвовали посторонія примѣси. Другое дѣло—вліяніе сѣверныхъ черневыхъ племенъ Алтая, племенъ темнаго происхожденія, не имѣющихъ ничего или очень мало общаго съ южными алтайцами. Мы видѣли, что для нихъ общее правило то, что для нашихъ теленгетъ является лишь исключеніемъ, т.-е. средне- и длинноголовость. Кто же, какъ не они, могли повліять на сѣверныхъ теленгетъ въ сторону уменьшенія ихъ головного указателя, большей примѣси къ нимъ чуждаго типа? Если вѣроятность древнихъ воздѣйствій длинноголовыхъ расъ одинакова для всѣхъ теленгетъ, поскольку они происходятъ отъ одного корня теле, то усиленіе не короткоголоваго элемента въ средѣ сѣверной ихъ отрасли телесъ должно быть всецѣло отнесено на счетъ воздѣйствій позднѣйшихъ.

Е. Луценко.



Этническія отношенія на Памирѣ и въ прилегающихъ странахъ по древнимъ, преимущественно китайскимъ, историческимъ извѣстіямъ.

*(Продолженіе *).*

3) Этническія отношенія въ странахъ, прилегающихъ къ Памиру съ юга.

А. Мнѣнія главныхъ изслѣдователей по этому предмету.

На основаніи трудовъ своихъ предшественниковъ (Кеннингэма, Шау, Дрью и др.) и личнаго изученія языковъ, нравовъ и обычаевъ народностей Хиндукуша, бывшій членомъ посольства Форсайта въ Кашгарію и состоявшій потомъ британскимъ политическимъ агентомъ въ Гилгитѣ маіоръ Биддельфъ предложилъ, преимущественно по лингвистическимъ признакамъ, раздѣленіе народностей Хиндукуша на четыре группы: 1) иранскую, именуемую сосѣдями галча и состоящую изъ осѣдлаго населенія Сарыкола, Вахана, Шугнана, Мунджана, Санглича, Ишкашима и сѣверной части долины Лудхо (бассейна р. Камы или Читральской); къ этой же группѣ полагалъ онъ принадлежащимъ горское населеніе Дарваза, Каратегина и Хиссара; 2) индо-арійскую, состоящую изъ шиновъ и разныхъ другихъ мелкихъ племенъ или кастъ, языки которыхъ происходятъ отъ санскритскаго и которыя заселяютъ долину Инда отъ Бунджи до Горбенда, а также нижнія части долинъ бассейна Гилгитской рѣки; 3) промежуточную между двумя первыми группу изъ заселяющаго Читралъ племени хо и изъ занимающихъ Кафиристанъ племенъ сіяхъ-пушей; 4) не-арійскую группу, представляемую іешкунами (Ueshkuns) или буришами («Народы, насел. Гиндукушъ», стр. 209—211). Вообще іешкуны обитаютъ въ тѣхъ же мѣстностяхъ и обществахъ, какъ и шины, но преобладаютъ надъ шинами по численности въ наиболѣе труднодоступныхъ верхнихъ долинахъ Гилгит-

*) См. „Рус. Антр. Журн.“, 1901 г., кн. VII—VIII.

скаго бассейна. Такъ, въ Хунзѣ шины составляютъ лишь 5% общей цифры населенія, не считая кашмирцевъ и другихъ недавнихъ переселенцевъ, а іешкуны 80%, въ Нагерѣ 20% и 60%, въ долинѣ Сай 30% и 65%, въ Гилгитѣ 35% и 55%; въ большей части общинъ по Инду шины преобладаютъ, но зато въ Яссинѣ ихъ совсѣмъ нѣтъ (стр. 45). Шины женятся на дочеряхъ іешкуновъ, но не даютъ за нихъ своихъ; опредѣленнаго типа они не представляютъ, но Биддельфу кажутся характернымъ типомъ расы шиновъ «небольшіе, худощавые люди, съ тонкими и рѣзкими чертами лица, выдающимися носами и узкими подбородками»; малорослость этого типа онъ объясняетъ, какъ «продуктъ длиннаго періода заключенія браковъ въ ограниченныхъ предѣлахъ опредѣленныхъ кастъ» (стр. 48). Наиболѣе рѣзкая отличительная черта шиновъ есть отвращеніе ихъ къ коровѣ; хотя мусульмане, они не ѣдятъ скотскаго мяса, не пьютъ коровьяго молока и т. д. (стр. 49). Тогда какъ нарѣчія языка шиновъ мало отличаются другъ отъ друга и отъ языковъ пенджабскаго и индустани, языкъ іешкуновъ «вполнѣ самостоятеленъ и не похожъ ни на одинъ изъ дардскихъ языковъ» (стр. 207). «Основѣ этого языка приписывалось туранское происхожденіе [1]), но, насколько я въ состояніи судить, очень мало или нѣтъ основаній зачислять его въ число языковъ тюркскихъ [2]), и въ немъ есть формы, которыя встрѣчаются только у самыхъ первобытныхъ расъ. Кромѣ того, въ какой-то періодъ, онъ сдѣлалъ широкія позаимствованія изъ какого-то арійскаго языка, принявъ изъ него многія грамматическія формы» (The tribes of Hindoo-Koosh, p. 156). Въ Хунзѣ и Нагерѣ, обладающихъ болѣе холоднымъ климатомъ, буриши имѣютъ бѣлый цвѣтъ кожи; блондины и даже рыжеволосые субъекты не рѣдкость. Буриши Нагера нѣсколько отличаются по типу; многіе изъ нихъ небольшого роста, плотные, съ выдающимися скулами, грубыми чертами лица и рѣдкими бородами. Эти признаки, вмѣстѣ съ невоинственнымъ характеромъ, указываютъ, вѣроятно, на прибавку татарской (тибетской) крови изъ Скардо, происшедшую, вѣроятно, во время подчиненія Нагера Макпонамъ, правителямъ Скардо. Если буриши первоначально и принадлежали туранской расѣ, то они должны были нѣкогда получить настолько значительную прибавку арійской крови, что она поглотила почти вполнѣ всѣ ихъ первобытные признаки («Народы, насел. Гинду-к.», стр. 50 и 51). Придерживаясь гипотезы о прародинѣ арійцевъ въ верховьяхъ Окса, Биддельфъ думалъ, что племена первой изъ установленныхъ имъ группъ (галча) суть потомки оставшихся въ вершинахъ Аму-дарьи арійцевъ, племена же второй и третьей группъ принадлежатъ къ тѣмъ арійцамъ, ко-

---

[1]) The foundation of this language has been identified as of Turanian origin.

[2]) Въ другомъ мѣстѣ Биддельфъ писалъ: It has, I believe, been pronouncedon good autority to belong to the Turanian family of languages (p. 38).

торые въ глубокой древности двинулись изъ общей прародины на югъ; изъ нихъ племена хо и сіяхъ-пушей, по переходѣ черезъ Хиндукушъ и вытѣсненіи или уничтоженіи аборигеновъ, заняли горы по южнымъ склонамъ Хиндукуша, племена же шиновъ спустились еще ниже, къ долинамъ Пенджаба. Буриши или іешкуны, по мнѣнію Биддельфа, вѣроятно, суть малые юечжи, завоевавшіе Гандару въ началѣ V в. и имѣвшіе столицею Пишаверъ, «Пурушу»; въ «іешкунъ», можетъ быть, сохранилось имя «юечжи», «буришъ» же соотвѣтствуетъ имени столицы; повидимому, поглотивъ арійскія племена (сіяхъ-пушей), занимавшія страну, они пріобрѣли примѣсь арійской крови, достаточную для измѣненія ихъ типа; къ нимъ, безъ сомнѣнія, относятся вышеприведенныя извѣстія Аль-Бируни о бхотіяхъ, дайанахъ и бхотіавари. Слѣдующими послѣ юечжей-іешкуновъ завоевателями явились,—съ началомъ мусульманскихъ завоеваній въ Индіи или, вѣрнѣе, еще ранѣе,—шины, которые распространились до Ладака, водворяясь въ плодороднѣйшихъ съ наименѣе суровымъ климатомъ мѣстахъ и вытѣсняя іешкуновъ въ болѣе холодные и гористые участки: если бы шины прибыли въ качествѣ переселенцевъ, а не завоевателей, то едва ли бы они успѣли сдѣлать свой языкъ господствующимъ и занять положеніе высшаго класса среди народа, превосходящаго ихъ числомъ (стр. 211—214) [1]). Засимъ важныя этническія измѣненія произведены были движеніемъ тибетцевъ внизъ по Инду, съ утвержденіемъ тибетскаго языка въ населеніи Балтистана: «въ то время здѣсь, безъ сомнѣнія, было смѣшанное населеніе изъ шиновъ и іешкуновъ; эти послѣдніе, при отсутствіи кастовыхъ ограниченій, были, конечно, первые поглощены скрещиваніемъ съ побѣдителями» (стр. 217).

Значительнѣйшую часть приведенныхъ мнѣній Биддельфа я, съ нѣкоторыми измѣненіями и поправками, признаю правильными, какъ изложено будетъ ниже. Здѣсь же я остановлюсь лишь на гипотезѣ его о происхожденіи іешкуновъ отъ юечжей, которую считаю лишенною всякихъ дѣйствительныхъ основаній. Происхожденіе (какъ во многомъ и исторія) юечжей до сихъ поръ удовлетворительно не выяснено. Одни считаютъ ихъ арійцами (гетами, готами и т. д.), другіе—тибетцами, третьи—тюрками. Но котораго бы изъ этихъ мнѣній ни держаться, признанію іешкуновъ за потомковъ юечжей препятствуетъ языкъ іешкуновъ, отнюдь не арійскій, не тибетскій и не тюркскій. Я не могу войти здѣсь въ разсмотрѣніе и оцѣнку единственнаго историческаго извѣстія о завладѣніи юечжійцами около V стол. по Р. Х. землями на югѣ Хиндукуша съ образованіемъ владѣнія Мал. Юечжи, имѣвшаго столицею г. Фулэуша (вѣроятно, Пурушапура, нынѣш-

[1]) W. M. Conway (Climbing and exploration in Karakoram-Himalayas, London, 1894, p. 242) слышалъ въ Нагерѣ отъ мѣстныхъ жителей, что шины находились ужъ въ ихъ странѣ, когда пришли іешкуны изъ Вахана. Но это весьма мало вѣроятно.

ній Пишаверъ), такъ какъ на это потребовалось бы слишкомъ много мѣста (означенное извѣстіе находится въ «Вэй-шу», откуда заимствовано въ «Бэй-шы» и переведено Бичуринымъ на стр. 175 и 172 «Собранія свѣдѣній» и пр., ч. 3). Достаточно указать на то, что предположеніе о томъ, что юечжи, «вѣроятно», «занимали Шигарскую долину, всѣ притоки Инда и долину самой рѣки внизъ до Джалкота», рѣшительно не имѣетъ никакихъ историческихъ основаній и само по себѣ невѣроятно: упомянутое китайское извѣстіе представляетъ юечжей кочевниками-скотоводами, между тѣмъ исчисленныя мѣстности совершенно непригодны для обитанія кочевниковъ-скотоводовъ, а потому трудно допустить, чтобы юечжи въ такихъ мѣстахъ дѣйствительно водворились. Затѣмъ въ именахъ юечжи и іешкунъ нѣтъ ничего сходнаго, происхожденіе же имени буришъ отъ Пурушапура мало вѣроятно.

Къ довольно сходнымъ съ Биддельфомъ заключеніямъ, въ лингвистическомъ отношеніи, пришелъ и проф. Томашекъ въ изданномъ въ томъ же, какъ и книга Биддельфа, 1880 г. трудѣ «Die Pamir-Dialekte» (Centralasiat. Studien, II, Wien, 1880), который, по мнѣнію акад. К. Г. Залемана, «несмотря на излишнюю смѣлость и отчасти неудачность этимологическихъ сопоставленій, еще нынѣ слѣдуетъ признавать за самый полный сводъ нашихъ свѣдѣній въ этой отрасли иранской филологіи» («Восточ. замѣтки», Спб., 1895 г., стр. 271). Изъ памирскихъ, или точнѣе изъ при-памирскихъ, діалектовъ Томашекъ считаетъ мунджанскій ближайшимъ къ языку Авесты, къ бактрійскому, діалектъ сангличи—примыкающимъ къ нему; діалекты ваханскій и близкій къ нему ишкашимскій признаетъ онъ за иранскіе діалекты, значительно отличающіеся отъ новоперсидскаго; діалекты сарыкольскій и шигнанскій являются родственными иранскими нарѣчіями, относящимися другъ къ другу, какъ восточныя и западныя нарѣчія авганскаго языка, съ которымъ они имѣютъ нѣкоторую связь (стр. 6—10). Языкъ населенія Читрала Томашекъ признаетъ за очень оригинальный и древній пракритскій языкъ, отъ котораго башгали, діалектъ ближайшихъ къ Читралу кафировъ, составляетъ переходную ступень къ грубымъ западнымъ кафирскимъ нарѣчіямъ (161—164). Шины, по мнѣнію Томашека, попали въ мѣста, нынѣ ими обитаемыя, съ юга по Инду или вдоль границъ Кашмира, и связи ихъ съ индусами Пенджаба никогда не прекращались (167—168). На іешкуновъ или буришей проф. Томашекъ, излагая въ другомъ замѣчательномъ трудѣ гипотезы свои о древнѣйшихъ размѣщеніяхъ и переселеніяхъ народовъ Сред. Азіи, высказалъ слѣдующій взглядъ: Хиндукушъ, Памирское плато и западная часть Таримской котловины были первоначально обитаемы аборигенами, занимавшими по географическому положенію, по языку и по типу средину между кавказскими и мазендеранскими горными народами, съ одной стороны, и тибетоидными народами Хималая, съ другой; при переселеніи арійцевъ изъ Европы эти аборигены

были поглощены или уцѣлѣли лишь на окраинахъ небольшими частями: нынѣшніе буриши составляютъ единственный остатокъ этого до-арійскаго населенія (Kritik der ältesten Nachrichten über den Skythyschen Norden, I, въ Sitzungberichte der Wien. Akad. der Wissensch., Philos.-histor. Cl., B. CXVI, 1888, S. 776).

Произведя въ 1881 г. въ Симлѣ, Сринагарѣ и въ нѣсколькихъ пунктахъ Балтистана антропологическія измѣренія нѣкоторыхъ народностей, Уйфальви опредѣлилъ средній головной указатель балти въ 72,85, дардовъ въ 73,62 и ладакцевъ въ 77,00 и пришелъ къ заключенію, что балти— отнюдь не тибетская раса, а арійская, находящаяся вмѣстѣ съ тѣмъ въ тѣсномъ антропологическомъ родствѣ съ буришами (Aus dem Westlichen Himalaja, von K. E. von Ujfalvy, Leipzig, 1884, S.S. 244, 245, 250, 252). Въ позднѣйшемъ своемъ сочиненіи «Les Aryens au nord et au sud de l'Hindou-couch» (Paris, 1896), сдѣлавшись послѣдователемъ антропологическихъ теорій Ваше-де-Ляпужа, Уйфальви утверждаетъ, что племена хо (читральцы), сіяхъ-шуши, шины, іешкуны и балти представляютъ собою одинъ и тотъ же типъ индуса Хиндукуша, которому присвоиваетъ именованіе H. Himalayensis и который является результатомъ смѣшенія «H. Europaeus, нѣкоторыхъ элементовъ H. Arabicus (можетъ быть, также одного изъ гомологовъ H. Mediterranensis) и смуглыхъ аборигеновъ Запад. Хималаевъ»; ладакцы же принадлежатъ къ долихоцефаламъ одной разновидности H. Asiaticus (p. 50) [1]). Эти утвержденія Уйфальви весьма мало и слабо имъ съ антропологической стороны обоснованы, отчасти по недостаточности антропологическихъ измѣреній, которыя онъ произвелъ, отчасти же по неудовлетворительности обработки и пользованія собранными имъ антропологическими данными. Со стороны исторической, хотя для объясненія появленія въ Хиндукушѣ H. Europaeus онъ кстати перешелъ изъ приверженцевъ гипотезы о прародинѣ арійцевъ на верховьяхъ Окса въ ряды послѣдователей теоріи прародины арійцевъ въ Европѣ, но выясненія—какимъ образомъ попалъ въ Хиндукушъ H. Arabicus, совсѣмъ не далъ, а о смуглыхъ аборигенахъ Зап. Хималаевъ не могъ сообщить ни историческихъ, ни антропологическихъ данныхъ. Въ виду всего этого, а также и того обстоятельства, что теоріи и расовая систематика Ваше-де-Ляпужа, не лишенныя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ интереса, не имѣютъ достаточныхъ фактическихъ основаній, односторонни и во многомъ произвольны, а потому не приняты авторитетными антропологами, я считаю излишнимъ входить въ обсужденіе приведенныхъ мнѣній Уйфальви, тѣмъ

[1]) Уйфальви цитировалъ слѣдующія опредѣленія Ляпужа признаковъ упомянутыхъ расъ: H. Europaeus—высокорослый (около 170 сант.) и долихоцефальный блондинъ, съ головнымъ указателемъ отъ 72 до 78, съ голубыми глазами (p. 453); H. Mediterranensis (или Arabicus)—длинноголовый, довольно малаго роста, au nez busqué ou brisé, брюнетъ (p. 487); H. Asiaticus—долихоцефалъ, съ желтой окраской кожи, черными глазами и волосами и пр. (p. 483).

болѣе, что это заняло бы, безъ необходимости, слишкомъ много времени и мѣста. Остановлюсь лишь на гипотезѣ его о происхожденіи балти. Средній ростъ балти опредѣленъ Уйфальви въ 1582 мм. и потому значительнѣе отличаетъ ихъ отъ дардовъ съ среднимъ ростомъ въ 1687 мм., чѣмъ отъ ладакцевъ съ ростомъ въ 1630 мм. Для устраненія этого затрудненія Уйфальви прибѣгъ къ гипотезѣ о происхожденіи балтіевъ отъ арійцевъ-саковъ, занимавшихъ, будто бы, до II в. до Р. Х. Кашгарію и затѣмъ частью вытѣсненныхъ изъ нея юечжійцами; оставшіеся въ Кашгаріи саки слились въ ней впослѣдствіи съ уйгурами, изъ вытѣсненныхъ же часть утвердилась въ Сарыколѣ и Шигнанѣ, другая же часть перешла черезъ перевалъ Каракорумъ, свободный во всякое время года отъ снѣговъ и льдовъ, вторглась въ сѣв.-западную Индію и основала здѣсь въ I в. до Р. Х. царство саковъ; отъ этихъ-то саковъ, смѣшавшихся съ аборигенами, а также съ тибетцами и дардами, и происходятъ балти (р.р. 63, 64, 327), получившіе свою малорослость отъ саковъ, которыхъ Уйфальви надѣляетъ низкимъ ростомъ лишь на томъ основаніи, что такой ростъ «нисколько неудивителенъ для народа наѣздниковъ» (р. 426). Водвореніе саковъ въ Балтистанѣ и происхожденіе отъ нихъ балтіевъ суть собственныя догадки Уйфальви, относительно же обитанія саковъ въ Вост. Туркестанѣ и ихъ иранства онъ ссылается на свидѣтельство китайскихъ лѣтописцевъ о длинныхъ лошадиныхъ лицахъ съ глубоко лежащими въ ихъ орбитахъ глазами и на авторитетъ А. Н. Куропаткина и проф. Томашека (р. 63). «Длинныя лица наподобіе лошадиной морды» пущены въ оборотъ Риттеромъ «отъ себя», какъ выяснено В. В. Григорьевымъ («Вост. или Кит. Туркестанъ», вып. I, 1869 г., стр. 60 и 348), потому что ни въ китайскомъ подлинникѣ, ни въ переводѣ Аб. Ремюза, которымъ пользовался Риттеръ, ничего такого нѣтъ. Въ «Вэй-шу» (откуда повторено въ «Бэй-шы», перев. Бичурина въ «Собр. свѣдѣній» и пр., ч. 3, стр. 145) говорится только: «Отъ Гао-чанъ», т.-е. отъ нынѣшняго Турфана, «на западъ жители всѣхъ владѣній имѣютъ впалые глаза, высокій носъ; только въ Хотанѣ обликомъ не походятъ на Туркистанцевъ» (въ подлинникѣ должно быть «ху», т.-е. западныхъ варваровъ), «а болѣе походятъ на китайцевъ». Это извѣстіе принадлежитъ V вѣку послѣ Р. Х., но если и допустить, что населеніе В. Туркестана было и семь вѣковъ ранѣе то же самое, т.-е. имѣло типъ, близкій къ иранскому, то все-таки надо доказать, что оно не состояло изъ перешедшихъ въ Таримскую котловину иранцевъ сосѣднихъ Согдіаны и Бактріаны,—какъ полагать вполнѣ естественно, ибо китайскія извѣстія представляютъ населеніе Таримской котловины осѣдлымъ, живущимъ въ городахъ и селеніяхъ и т. д.,—и что оно, напротивъ, состояло изъ саковъ, которые и классическимъ писателямъ, и китайцамъ извѣстны лишь какъ кочевники. Уйфальви и самъ признаетъ саковъ народомъ наѣздниковъ, т.-е. кочевниками, дабы приписать имъ малый ростъ

и тѣмъ объяснить низкорослость балтіевъ, ихъ, будто бы, потомковъ, забывая, что многіе изъ кочевниковъ, изъ народовъ - наѣздниковъ или всадниковъ, имѣютъ ростъ выше средняго и даже высокій, каковы, напр., оказались, по увѣренію Уйфальви, на основаніи имъ самимъ произведенныхъ измѣреній, кара-киргизы съ среднимъ ростомъ въ 1707 мм. (Les Aryens, p. 419) [1]). А. Н. Куропаткинъ, дѣйствительно, называлъ саковъ «обитателями В. Туркестана» («Кашгарія. Ист.-географ. очеркъ страны, ея военныя силы, промышленность и торговля», Спб., 1879 г., стр. 75), но дѣлалъ это на тѣхъ страницахъ вступленія къ историческому очерку Кашгаріи, о которыхъ справедливо предупреждалъ, что не можетъ «имъ придавать серьезнаго научнаго значенія» (стр. 74). О взглядахъ проф. Томашека на саковъ я буду имѣть случай говорить въ продолженіе настоящаго изслѣдованія.

Въ своемъ недавнемъ весьма цѣнномъ трудѣ «Les races et les peuples de la terre» (Paris, 1900, p.p. 477—478) Деникеръ признаетъ кафировъ или сіяхпушей и дардовъ имѣющими, по типу и языку, связи съ народами индо-арійскими. Шины, изъ которыхъ состоитъ большинство дардовъ, отличаются, по его мнѣнію, своимъ малымъ ростомъ и темной окраской и напоминаютъ индусовъ провинцій сѣв.-запада, тогда какъ іешкуны говорятъ на языкѣ, который, по Биддельфу, имѣетъ сродство съ тюркскими языками (?!), а по Лейтнеру (The Hunza and Nagar Handbook, London, 1893) есть языкъ не-арійскій, агглютинативный, представляющій аналогіи съ дравидскими нарѣчіями. 44 іешкуна и шина, измѣренные Уйфальви, имѣли ростъ ниже средняго (1 м. 61 с.), долихоцефалы (75,8), съ довольно темной кожей, съ черными, волнистыми волосами и тонкимъ носомъ, тогда какъ «тюрки-дарды» изъ Хунзы-Нагара и Яссина, измѣренные Рислеемъ (ниже указана въ числѣ источниковъ книга Tribes and castes of Bengal, by Risley, Calcutta, 1891) и Капю (Capus, рукописныя замѣтки), дали ростъ выше средняго (1 м. 69 с.) и головной указатель почти мезоцефальный (77); они приближаются, слѣдовательно, къ 6 читрали, измѣреннымъ Рислеемъ, у которыхъ ростъ опредѣленъ въ 1 м. 67 с. и головной указатель въ 76,9. Балти, какъ и пахпулуки на другой сторонѣ Каракорума, «суть продукты скрещиванія расъ индо-арійской и тюр-

---

[1]) Въ 1878 г. Уйфальви приписывалъ кара-киргизамъ, на основаніи измѣреній 26 ч., ростъ „средній"; въ 1880 г. онъ опредѣлилъ ихъ ростъ въ 1705 мм. (см. статью мою объ этническомъ составѣ киргизъ - казаковъ Большой орды и кара-киргизовъ въ „Живой Старинѣ", 1894 г., книжки 3 и 4, стр. 471). Въ 1896 г., все на основаніи тѣхъ же измѣреній, ростъ кара-киргизовъ показывается уже въ 1707 мм. Положимъ, Уйфальви измѣрилъ подъ именемъ кара-киргизовъ субъектовъ, къ этому племени въ большинствѣ не принадлежащихъ (какъ выяснено мною въ упомянутой статьѣ), но все же это были кочевники (большею частію племени кипчакъ, Средней орды), народъ наѣздниковъ.

ской [1]). Напротивъ, въ странѣ Хималаевъ, непальцы» и пр. «произошли отъ смѣшенія расъ индо-авганской [2]) и монгольской» (тибетской). Въ приложеніяхъ въ книгѣ Деникера, гдѣ собраны цифровыя данныя о результатахъ антропологическихъ измѣреній, среднiй ростъ 45 дардовъ (Ghouraiz, Hunza, Ghilgit) показанъ въ 1611 мм., 83 балти въ 1612 (p. 660); головной указатель 103 балти—73,6, 45 дардовъ 75,6, 12 ладакцевъ 77,0, 17 жителей Нагера, Хунзы и Яссина 77,0 (p. 669); носовой указатель 20 кашмирскихъ (?) балти, по Уйфальви, 71,4 (p. 685). Источники приведенныхъ въ приложеніяхъ цифръ вообще не указаны (кромѣ относящихся къ носовому указателю), но такъ какъ въ текстѣ (p. 478) была упомянута книга Уйфальви «Aus dem Westlichen Himalaja», къ которой приложены три таблицы антропологическихъ измѣреній: а) 36 ладакцевъ, б) 45 дардовъ и в) 83 балти, а въ Bull. de la Soc. d'Anthrop. de Paris, 1882, помѣщены были, во-1-хъ, докладъ Деникера отъ лица коммиссіи, разсматривавшей часть предварительно посланныхъ Уйфальви листковъ антропологическихъ измѣреній, произведенныхъ въ Симлѣ, въ каковомъ докладѣ коммиссія опредѣлила (p. 75) ростъ 12 ладакцевъ въ 162 с. при головномъ указателѣ въ 76,9 (значитъ, почти въ 77), и во-2-хъ, сообщеніе Уйфальви о путешествіи въ Зап. Хималаи, гдѣ, между прочимъ, приведенъ головной указатель 103 балти въ 72,85, 45 дарду (Gouraiz) 73,62 (p. 219), то происхожденіе у Деникера цифръ 45 дардовъ, 83 и 103 балти и 12 ладакцевъ для насъ выясняется. Сверхъ того, необходимо обратить вниманіе на слѣдующія обстоятельства: 1) нѣкоторыя среднія цифры роста и головного указателя Деникера не сходятся съ со-

---

[1]) Эти предположенія Деникера о происхожденіи балти и пахпулыковъ ни на чемъ не основаны и не могутъ быть признаны правильными. О пахпулыкахъ я буду имѣть случай говорить въ заключительной главѣ настоящаго изслѣдованія. О балти же достаточно пока сказать, что никакихъ данныхъ въ подтвержденіе обитанія въ Балтистанѣ тюрковъ не имѣется, за исключеніемъ вышеприведеннаго и разсмотрѣннаго сказанія Аль-Бируни, который считалъ тибетцевъ тюрками.

[2]) Въ столь огромномъ трудѣ, какъ тотъ, который выполненъ Деникеромъ, нѣкоторыя ошибки, конечно, неизбѣжны. Одною изъ такихъ ошибокъ считаю я „индо-авганскую расу". Было время, когда, по недостаточности изученія авганскаго языка, многіе ученые причисляли его къ нарѣчіямъ индійскимъ. Въ настоящее время признано, что авганскій языкъ принадлежитъ къ иранской группѣ. Только по недостаточности изученія исторіи авганскаго народа и по крайне пока ничтожному количеству антропометрическихъ и вообще антропологическихъ изслѣдованій авганскихъ племенъ возможно соединеніе авгановъ въ одну расу съ индо-арійцами. Въ продолженіе тысячелѣтій сосѣдства и совмѣстной жизни съ индо-арійцами восточныя авганскія племена не могли не получить значительной примѣси индійской крови, но примѣсь эта не мѣшаетъ имъ все же оставаться иранцами, какъ и западнымъ авганскимъ племенамъ, которыя также имѣли метисаціи съ различными чуждыми народами. Я имѣлъ случай разсматривать вопросъ о происхожденіи авгановъ и ихъ племенъ въ изслѣдованіи „Англо-индійскій Кавказъ", помѣщенномъ въ „Живой Старинѣ" 1899 и 1900 гг. Приводя въ главѣ II этого изслѣдованія антропометрическія данныя, я упустилъ упомянуть объ измѣреніяхъ Уйфальви, по которымъ у 18 авгановъ-хайберовъ (т.-е. обитающихъ въ ущельи Хайберъ, племя же не указано) среднiй головной указатель опредѣленъ въ 74,81 (Les Aryens etc., 1896, p. 387).

отвѣтствующими цифрами Уйфальви, а потому надо выяснить—какія цифры вѣрны. 2) Относительно достаточности компетентности Уйфальви для правильнаго пользованія результатами производимыхъ имъ антропологическихъ измѣреній въ средѣ парижскаго антропологическаго Общества существуютъ, повидимому, нѣкоторыя сомнѣнія, такъ какъ въ засѣданіи 16 марта 1882 г., послѣ сообщенія Уйфальви о его путешествіи 1881 г., Топинаръ счелъ нужнымъ просить разъяснить—даны ли имъ средніе головные указатели въ точности сообразно цифрамъ, полученнымъ при измѣреніяхъ субъектовъ, или за убавкою двухъ единицъ, какъ сдѣлано было имъ въ трудахъ о Ферганѣ и Кульджѣ. Уйфальви категорически отвѣтилъ, что данныя имъ цифры указателей получены изъ цифръ измѣреній живыхъ субъектовъ безъ всякихъ убавокъ (Bulletin, 1882, p. 230). Между тѣмъ,—какъ обнаружилось въ Les Aryens etc., p. 387,—тѣ цифры указателей, которыя были помѣщены въ сообщеніи 1882 г., даны были относительно балти и дардовъ за вычетами двухъ или полуторыхъ единицъ [1]). 3) Въ сообщеніи 1882 г. Уйфальви приводилъ средніе головные указатели, какъ результаты измѣреній 103 балти, 45 дардовъ и 36 ладакцевъ (p. 219); между тѣмъ въ Aus dem W. Himalaja объяснилъ, что измѣрилъ всего 100 балти, 50 дарду и 51 ладакца, въ трехъ таблицахъ же, приложенныхъ къ книгѣ, помѣщены измѣренія только 83 балти, 45 дардовъ и 36 ладакцевъ, притомъ отчасти неполныя. Въ виду всего этого обнаруживается необходимость подвергнуть цифры Уйфальви возможно подробному разсмотрѣнію, которое удобнѣе произвести по каждой народности особо, приведя при этомъ и данныя другихъ изслѣдователей, частью еще не упомянутыя, съ оцѣнкою, по возможности, и ихъ.

Б. Разсмотрѣніе имѣющихся антропометрическихъ данныхъ.

а) *Ладакцы.* Въ Ладакѣ Уйфальви не былъ. Изъ таблицы антропологическихъ измѣреній «ладакцевъ», при Aus dem W. Himalaja, въ которой помѣщено 36 лицъ, видно, что въ числѣ измѣренныхъ находились двѣ женщины и что ростъ трехъ мужчинъ (какъ и двухъ женщинъ) измѣ-

---

[1]) Уйфальви объяснилъ относительно убавокъ, что, слѣдуя наставленіямъ Брока, вычитаетъ двѣ единицы у брахицефаловъ и полторы у долихоцефаловъ изъ головного указателя, чтобы получить черепной (céphalique, p. 387). На самомъ же дѣлѣ онъ поступилъ наоборотъ, убавляя у брахицефаловъ полторы единицы и у долихоцефаловъ двѣ; у долихоцефаловъ балти головной указатель показанъ имъ 74,75, за убавкою же 72,75, у дардовъ 75,83 и 73,83, у ладакцевъ 77 и 75, а у брахицефаловъ кара-киргизовъ 85,47 и 83,97, у галча 86,50 и 85,00 и т. д. (Les Aryens etc., p. 387—388). Заслуживаетъ, между прочимъ, вниманія, что въ 1882 г., показавъ за убавками головной указатель балти и дардовъ, Уйфальви оставилъ указатель ладакцевъ безъ убавки, вслѣдствіе чего указатель ладакцевъ представлялся особенно значительно отличающимся отъ указателей балти и дардовъ, данныхъ за вычетомъ двухъ единицъ. Въ именныхъ таблицахъ, приложенныхъ къ Aus dem W. Himalaja, имѣются двѣ графы Breitenindex и Reducirter Breitenindex.

ренъ не былъ; изъ остальныхъ 31 лицъ 14 были измѣрены въ Симлѣ (лѣтней резиденціи британскаго управленія Индіи) и 17 въ Балтистанѣ въ мѣстности Каргиль. Такъ какъ въ числѣ 31 измѣренныхъ было два тибетца (уроженцы Лхасы), то число измѣренныхъ ладакцевъ упадаетъ до 29. Это незначительное количество измѣренныхъ людей не можетъ быть признано несомнѣнно дающимъ вѣрное представленіе объ антропологическихъ признакахъ ладакцевъ, такъ какъ измѣренные въ Каргилѣ принадлежали ближайшимъ отъ него мѣстностямъ, въ числѣ же 14 измѣренныхъ въ Симлѣ могло не быть представителей наиболѣе многолюдныхъ мѣстностей Ладака. Поэтому значеніе измѣреній Уйфальви для характеристики ладакской народности проблематично. При сложеніи значащихся въ таблицѣ цифръ роста 31 измѣренныхъ людей получается итогъ 5055 с., при раздѣленіи котораго на 31 среднiй ростъ выходитъ 1630 мм.; сумма 36 головныхъ указателей составляетъ 2769,80, такъ что среднiй указатель равенъ 76,93, т.-е. почти 77, какъ у Уйфальви и Деникера. Однако, остановиться на этой цифрѣ для средняго головного указателя ладакцевъ едва ли было бы правильно по слѣдующимъ причинамъ: о всѣхъ субъектахъ, помѣщенныхъ въ таблицѣ Уйфальви, въ графѣ «народность или племя», сдѣлана отмѣтка Ladaki за исключеніемъ вышеупомянутыхъ, оставленныхъ безъ измѣренія роста, двухъ женщинъ и трехъ мужчинъ, о которыхъ въ помянутой графѣ значится Besser. Такъ какъ Уйфальви нигдѣ не объяснилъ, что это за племя или народецъ, то легко можетъ быть, что эти бессеры суть одно изъ хималайскихъ племенъ, ничего общаго, въ отношеніи народности, съ ладакцами неимѣющее. Осторожнѣе, поэтому, исключить ихъ изъ числа ладакцевъ и также поступить съ вышеупомянутыми двумя уроженцами Лхасы. По исключеніи головныхъ указателей этихъ семи лицъ, составляющихъ сумму 563,40, среднiй головной указатель 29 несомнѣнныхъ ладакцевъ опредѣлится лишь въ 76,08. Для точнаго опредѣленія средняго роста изъ вышеупомянутыхъ 31 лицъ слѣдуетъ исключить 2-хъ уроженцевъ Лхасы, но и тогда среднiй ростъ 29 ладакцевъ оказывается 1630 мм.

б) *Балти.* Изъ числа 83 балтiевъ таблицы Уйфальви первые 23 были измѣрены въ Симлѣ, гдѣ (какъ и всѣ почти измѣренные въ Симлѣ) пользовались медицинской помощью, заболѣвъ на производимыхъ въ британскихъ владѣніяхъ дорожныхъ работахъ; изъ нихъ 8 были родомъ изъ Шигара, 5 изъ Скардо, 5 изъ Кармана, 4 изъ Киреса и 1 изъ Туркуна; общiй итогъ роста 21 изъ 23 этихъ балти (у двухъ, значащихся подъ №№ 6 и 7, ростъ не измѣренъ) оказывается 34600 мм., что при дѣленіи на 21 даетъ среднiй ростъ въ 1647 мм., итогъ же головныхъ указателей равняется 1766,90, т.-е. при раздѣленіи на 23 выясняется головной указатель въ 76,82. Итогъ роста остальныхъ 60 балти,—которые измѣрены въ Скардо, Шигарѣ и Паркута и родомъ изъ этихъ самыхъ мѣстъ или

окрестностей,—составляетъ 95680 мм., а итогъ головныхъ указателей 4451,55; слѣдовательно, средній ростъ 60 балти будетъ 1594 мм., а головной указатель 74,19. Общій итогъ роста всѣхъ 81 балти будетъ 130280 мм. и головныхъ указателей 83 балти 6218,45, такъ что средній ростъ балти выходитъ 1608 мм. и средній головной указатель 74,92. Такъ какъ количество измѣренныхъ балти все-таки не велико, то я полагаю, что различнаго рода уроды не должны быть принимаемы въ разсчетъ при опредѣленіи среднихъ: я имѣю въ виду находящагося въ числѣ группы 60 балти подъ № 75 карлика Курбана, ростъ котораго означенъ въ 112 с. [1]); за исключеніемъ роста этого карлика средній ростъ остальныхъ 80 балти опредѣлится въ 1614,5 мм. вмѣсто 1608 мм. для 81 балти. Низкій ростъ балти и усиленная долихоцефальность ихъ въ нѣкоторой степени зависятъ отъ малаго роста измѣренныхъ въ Паркута, гдѣ средній указатель роста (безъ Курбана) для 19 балти оказывается 1573 мм., при головномъ указателѣ для 20 человѣкъ (съ Курбаномъ) въ 73,46.

Уйфальви въ Bulletin, 1882, p. 219, опредѣлялъ головной указатель 103 балти (хотя въ Aus dem W Himalaja, S. 246, потомъ завѣрялъ, что измѣрилъ «всего» 100 балти) въ 72,85; въ Aus dem W. Himalaja указатель этотъ (Schädelindex), S. 184, данъ 103 балти въ 72,52, а на стр. 250 головной указатель (Breitenindex) балти (безъ указанія числа измѣреній) приводится снова въ 72,85; въ Les Aryens, p. 387, головной указатель 82 балти данъ 74,75, а за убавкою 72,75. О среднемъ ростѣ балти у Уйфальви также встрѣчаются разныя цифры: въ Les Aryens, p. 419, значится 1582, черезъ четыре же страницы, p. 424,—1580. Такъ какъ никакихъ объясненій своихъ разнорѣчій Уйфальви не даетъ и такъ какъ сдѣланные мною выше выводы изъ именныхъ таблицъ произведенныхъ имъ антропологическихъ измѣреній я повѣрялъ нѣсколько разъ, то остается держаться послѣднихъ, разнообразныя же показанія Уйфальви о числѣ измѣренныхъ и о головномъ указателѣ и ростѣ балти считать результатомъ его ариѳметическихъ ошибокъ или иныхъ видовъ недосмотра и неаккуратности.

в) *Шины*. Уйфальви именуетъ шиновъ, вмѣстѣ съ болѣе или менѣе близкими къ нимъ кастами или мелкими племенами (краминъ, домъ и пр.) и съ іешкунами, *дардами* или *дарду*. Имя дардовъ началъ первый употреблять д-ръ Лейтнеръ, примѣняя его къ шинамъ, читральцамъ, кафирамъ и вообще ко всѣмъ арійскимъ племенамъ, обитающимъ на южныхъ склонахъ Хиндукуша, а также и къ іешкунамъ, и желая возобновить, на тѣхъ же приблизительно мѣстахъ, имя *дарада* Пуранъ, *дард*'овъ Арріана, Dardae Плинія, *дарадр*'овъ на истокахъ Инда Птолемея. По словамъ Бид-

[1]) Утверждая, что наименьшій ростъ у балти 147 с. (Les Aryens, p. 427), Уйфальви, очевидно, упустилъ изъ вида этотъ ростъ Курбана, значащійся въ его таблицѣ.

дельфа, Лейтнеръ «ошибочно принялъ, что всѣ племена, названныя имъ дардами, одной и той же расы, и далъ общее имя Дардистана странѣ, населенной нѣсколькими народами, говорящими на разныхъ языкахъ и весьма существенно другъ отъ друга отличающимися. Но, принимая во вниманіе, что никакое имя не можетъ быть вполнѣ правильно приложено вмѣстѣ ко всей группѣ этихъ народовъ или странъ, нѣтъ причины не сохранить именъ дарды и Дардистанъ для обозначенія совокупности означенныхъ племенъ и населяемыхъ ими странъ» («Народы, насел. Гинду-кушъ», стр. 12). Я, напротивъ, думаю, что есть достаточныя причины устранить искусственное и лишнее имя дардовъ, а также и Дардистанъ. Во-первыхъ, по завѣренію же Биддельфа, «имя дардъ не признается ни однимъ изъ племенъ, къ которымъ его прилагаютъ. Въ одномъ только случаѣ... именемъ этимъ одно изъ племенъ называетъ своихъ сосѣдей» (стр. 208), именно населеніе долинъ Кандіи, Путтуна и пр. части праваго берега Инда зоветъ дардами жителей противоположной стороны Инда въ долинахъ Коли, Паласъ и пр., которые, однако, этого имени не признаютъ; они говорятъ на нарѣчіяхъ языка шиновъ (стр. 15 и 16). Во-вторыхъ, авторы, употребляющіе терминъ дарды, даютъ его примѣненію различный объемъ. Такъ уже Кеннингэмъ (The Ancient Geography of India, by A. Cunningham, London, 1871, p. 83) и Биддельфъ (стр. 166 и слѣд.) уклоняются отъ зачисленія кафировъ въ число дардовъ, а Уйфальви, исключая кафировъ изъ числа дардовъ (Les Aryens, p. 238), колеблется включать въ группу дардовъ читральцевъ (хо, p. 273). Въ-третьихъ, искусственное присвоеніе общаго имени племенамъ разнаго происхожденія и языковъ не только совершенно неосновательно, но влечетъ за собою напрасныя путаницы и недоразумѣнія [1]).

Во второй изъ таблицъ, приложенныхъ къ Aus dem W. Himalaja, помѣщены антропологическія измѣренія «дарду». Въ графѣ, служащей для означенія народности или племени измѣренныхъ субъектовъ, о лицѣ подъ № 23 отмѣчено «кафиръ», остальныя же 44 лица названы «дарду». Такъ какъ мы знаемъ, что ни одно изъ мѣстныхъ племенъ себя дардами или дарду не называетъ, то очевидно, что далъ измѣреннымъ названіе дарду

---

[1]) Въ одной изъ своихъ статей 1893 г. Лейтнеръ самъ замѣтилъ, что терминъ дарды употребляется нѣкоторыми въ тѣсномъ смыслѣ для означенія народностей, обитающихъ въ странѣ шиновъ, но самъ онъ примѣняетъ его не только къ населенію Чиласа, Гилгита, Астора, Дарела, но и къ племенамъ Хунзы, Нагера, Читрала и Кафиристана. При этомъ онъ удостовѣрилъ, что сами „дарды" имени этого не знаютъ, и хотя на вопросъ его—дарды ли они? спрошенные отвѣчали утвердительно, но происходило это вслѣдствіе того, что предполагали у него ошибочное произношеніе слова dada, значащаго „дикій, независимый" (Imp. a. Asiatic Quarterly Rewiew, 1893, January, pp. 168). Биддельфъ думаетъ, что имя „дардъ" дано всѣмъ вообще горнымъ племенамъ долины Инда кашмирцами и что оно происходитъ отъ персидскаго слова *додъ*, т.-е. „хищное животное", или отъ *дирендъ*, „свирѣпый" („Народы, насел. Гинду-кушъ", стр. 208 и 209). но съ какой стати индійцы-кашмирцы станутъ употреблять персидскія слова, имѣя соотвѣтствующія свои?

самъ Уйфальви вмѣсто того, чтобы записать то племенное имя, которое сказалъ ему каждый изъ измѣренныхъ субъектовъ, если былъ спрошенъ. Далѣе, по отдаленности читральцевъ отъ Симлы и Балтистана, гдѣ производилъ свои измѣренія Уйфальви, невѣроятно, чтобы въ числѣ измѣренныхъ были хо. Засимъ въ числѣ измѣренныхъ могли быть лишь шины, крамины съ мелкими кастами и, наконецъ, іешкуны, такъ какъ для Уйфальви все это дарды. Для выясненія—какому изъ этихъ племенъ принадлежатъ люди, которыхъ Уйфальви надѣлилъ кличкою «дарду», можетъ послужить имѣющаяся въ таблицѣ о субъектѣ подъ № 21, родомъ изъ Хунзы, отмѣтка, въ которой сказано, что онъ «по отцу своему іешкунъ»: изъ отсутствія подобныхъ объясненій относительно остальныхъ 43 «дарду» можно заключить, что у всѣхъ ихъ отцы не іешкуны и что они принадлежатъ къ шинамъ и близкимъ къ нимъ кастамъ. Это заключеніе подтверждается незначительнымъ количествомъ іешкуновъ и преобладаніемъ шиновъ въ Ольтинтанѣ, гдѣ измѣрена большая часть «дарду» (22 чел.), тамошнихъ уроженцевъ, такъ какъ Ольтинтанъ расположенъ около впаденія въ Индъ р. Драса и потому, вѣроятно, входитъ въ составъ округа Драса, который балти называютъ Химбапсомъ, въ Химбапсѣ же шины составляютъ 52% населенія, а съ дòмами (одна изъ мелкихъ кастъ) даже 53%, изъ остального населенія 34% принадлежатъ балти и лишь 13% приходится на долю іешкуновъ («Народы, насел. Гинду-кушъ», стр. 60). Сел. Гуресъ, гдѣ произведены измѣренія 17 «дарду», расположено на р. Кишеньгангѣ, притокѣ орошающей Кашмиръ рѣки Джелюма, а потому здѣсь нельзя предполагать обитанія іешкуновъ, живущихъ лишь въ бассейнѣ Гилгитской рѣки и отчасти въ долинѣ Инда; по географическому положенію Гуреса, въ немъ слѣдуетъ предполагать населеніе индусскаго происхожденія: дѣйствительно, по мнѣнію Лейтнера, шины окрестностей Гуреса имѣютъ признаки смѣшенія съ кашмирцами и тѣ же касты, что у послѣднихъ (I. und Asiatic Quarterly Review, 1897, January, p. 173).

Считая вслѣдствіе всего сказаннаго всѣхъ 43 «дарду» за шиновъ, мы получаемъ средній ростъ ихъ (70100 : 43) 1630 мм., но такъ какъ въ числѣ измѣренныхъ подъ № 17 имѣется карликъ ростомъ въ 1010 мм., то за исключеніемъ его истинный средній ростъ 42 шиновъ опредѣлится въ 1645 мм. Головной указатель 43 шиновъ равняется (3272,46:43) 76,10.

За исключеніемъ 1 кафира, котораго Уйфальви и самъ за дарда не считаетъ, во второй таблицѣ Уйфальви содержатся измѣренія 44 «дарду», въ числѣ которыхъ 1, какъ выше выяснено, есть іешкунъ, а не шинъ, какъ всѣ остальные, почему мною и исключенъ при опредѣленіи средняго роста и головного указателя шиновъ. Если же мы сосчитаемъ полностью результаты измѣренія всѣхъ 44 «дарду», то средній ростъ ихъ (71740:44) будетъ 1630 мм., головной же указатель (3346,30:44) 76,05, но обѣ эти

цифры не сходятся съ цифрами, которыя даетъ Уйфальви для своихъ «дарду», вѣроятно, по причинѣ ариѳметическихъ ошибокъ и различныхъ недоразумѣній: въ Les Aryens средній ростъ дардовъ данъ въ 1687 мм. (p. 419), а средній головной указатель для 44 дардовъ 75,83, за убавкою же 73,83 (p. 387); въ Bulletin, 1882, p. 219, головной указатель 45 Dardous (Gouraiz) означался имъ въ 73,62 и та же цифра повторена въ Aus dem W. Himalaja, S. 250, но безъ поясненія, къ какому числу измѣренныхъ «дарду» она относится.

г) *Іешкуны* или *буриши*. Единственный у Уйфальви буришъ «по отцу» отъ неизвѣстнаго племени матери (ростомъ 1640 мм., съ голов. указателемъ въ 73,84), конечно, не можетъ характеризовать антропологическій типъ іешкуновъ. Хотя я не нашелъ въ доступныхъ мнѣ библіотекахъ книги Рислея, на которую ссылается Деникеръ (p. 478), и тѣмъ болѣе не имѣлъ возможности пользоваться рукописными замѣтками Капю, а потому не могъ ни опредѣлить, гдѣ и сколько измѣрено Рислеемъ и Капю въ отдѣльности «тюрковъ-дардовъ», а также войти въ необходимыя оцѣнки и сличенія отдѣльныхъ измѣреній, такъ какъ располагалъ лишь приведенными Деникеромъ среднимъ ростомъ и среднимъ головнымъ указателемъ 19 измѣренныхъ субъектовъ, но тѣмъ не менѣе я пришелъ было къ заключенію, что эти «тюрки-дарду» суть не иные кто, какъ іешкуны или буриши, потому что, какъ знаемъ мы изъ свѣдѣній Биддельфа, въ Хунзѣ, Нагерѣ и Яссинѣ, къ обитателямъ которыхъ принадлежатъ «тюрки-дарды» Рислея и Капю, никакихъ ни тюрковъ, ни «тюрковъ-дардовъ» не живетъ, а есть лишь шины, — съ мелкими кастами и нѣкоторымъ количествомъ кашмирцевъ,—и іешкуны или буриши. Шиновъ съ кашмирцами именовать тюрками-дардами никоимъ образомъ невозможно, а потому оставалось думать, что этимъ именемъ названы іешкуны на томъ основаніи, быть можетъ, что языкъ ихъ относится къ «туранскимъ», а этотъ терминъ смѣшивается съ «тюркскимъ»; кромѣ того Биддельфъ производилъ іешкуновъ отъ юечжей, которые многими считаются народомъ тюркскимъ.

Въ виду всего этого мнѣ оставалось констатировать, что 19 іешкуновъ, названныхъ по какому-то недоразумѣнію «тюрками-дарду», имѣютъ средній ростъ въ 1690 мм. и средній головной указатель въ 77,00. Но, просматривая статьи Рислея, встрѣчающіяся въ антропологическомъ отдѣлѣ Journal of the Asiatic Society of Bengal, я случайно встрѣтилъ тѣ самыя, кажется, измѣренія, которыя служили источникомъ для Деникера. Именно въ означенномъ Journal за 1893 г. (vol. LXII, Part III [1]), p. p. 33—45) есть статья Measurements of Cingalese Moormen and Tamils, taken at

[1]) Въ № 3 той же Part III и того же года помѣщены Anthropometric Instructions, интересныя, между прочимъ, въ томъ отношеніи, что служили руководствомъ туземнымъ помощникамъ Рислея при выполненіи тѣхъ тысячъ измѣреній, которыя имъ опубликованы.

Ceylon in November 1892. By H.H. Risley. Она состоитъ изъ нѣсколькихъ строкъ предварительныхъ свѣдѣній и засимъ изъ таблицъ измѣреній нѣсколькихъ цейлонскихъ племенъ, но въ концѣ ея (pp. 44—45) неожиданно оказываются три таблицы измѣреній трехъ хиндукушскихъ племенъ, которыя къ содержанію статьи не имѣютъ никакого отношенія и въ текстѣ статьи совсѣмъ даже и не упоминаются. Три таблицы эти содержатъ антропологическія измѣренія 7 нагерцевъ (Nagar Tribe), 9 хунзинцевъ (Hanza Tribe) и 6 кафировъ (Kafir Tribe). Таблицу кафировъ разсмотрю я ниже, общій же итогъ роста нагерцевъ (11538 мм.) и хунзинцевъ (15380 мм.) равняется 26918 мм. и головныхъ указателей (528,10 + 706,10 =) 1234,20, а при раздѣленіи этихъ цифръ на 16 получается средній ростъ 16 нагерцевъ и хунзинцевъ въ 1682,37 мм. и средній головной ихъ указатель въ 77,13. Эти цифры немного разнятся отъ цифръ, данныхъ Деникеромъ для 19 «тюрковъ-дарду» въ текстѣ и для 17 жителей Хунзы, Нагера и Яссина (только головной указатель 77,00) въ Appendices, но Деникеръ пользовался еще рукописными замѣтками Капю, относившимися къ очень, вѣроятно, небольшому количеству измѣреній населенія Яссина (должно быть, іешкуновъ), а потому при добавленіи къ 16 измѣреніямъ Рислея 3-хъ измѣреній Капю для роста и 1 для головного указателя Деникеръ легко могъ получить данныя имъ цифры. Такъ какъ у Рислея въ таблицахъ и статьѣ нѣтъ ничего подобнаго «тюркамъ-дарду», какъ нѣтъ такого термина и въ извѣстныхъ мнѣ печатныхъ статьяхъ Капю, то это именованіе принадлежитъ, повидимому, лично Деникеру.

Въ заглавіяхъ таблицъ измѣреній значится, что измѣренія произведены въ Калькуттѣ. Даты нѣтъ, но по отдаленности Калькутты отъ Нагера и Хунзы надо полагать, что 16 жителей этихъ странъ были привлечены въ столицу Британской Индіи какими-нибудь исключительными обстоятельствами, каковы, напр., были война съ Нагеромъ и Хунзою и завоеваніе этихъ странъ въ концѣ 1891 г.: 6 нагерцевъ и 9 хунзинцевъ были, вѣроятно, представителями завоеванной страны, отправленными въ 1892 г. въ столицу Индіи для изъявленія покорности и ходатайства о нуждахъ своихъ странъ, и ихъ свитою. Къ сожалѣнію, ни племенъ, ни общественнаго, правительственнаго или сословнаго положенія каждаго изъ изслѣдованныхъ лицъ въ таблицахъ не означено. Между тѣмъ изъ свѣдѣній Биддельфа и другихъ мы знаемъ, что населеніе какъ Нагера, такъ и Хунзы состоитъ не изъ однихъ іешкуновъ, но также и изъ шиновъ: первые составляютъ въ Нагерѣ 60% населенія, шины же 20%; въ Хунзѣ іешкуновъ 80% и шиновъ 5%; но кромѣ іешкуновъ и шиновъ въ Нагерѣ есть высшее сословіе, именуемое харо, неизвѣстнаго, чуждаго происхожденія, достигающее 5% населенія. Вслѣдствіе этого въ числѣ измѣренныхъ хунзинцевъ легко могутъ быть не только іешкуны, но и шины, а въ числѣ нагерцевъ сверхъ

того и харо. Однако, іешкуны составляютъ слишкомъ значительное большинство въ обѣихъ странахъ, чтобы не образовали вѣроятнаго большинства и въ измѣренныхъ 16 лицахъ, а потому мы можемъ правильно, не упуская, конечно, изъ вида возможности нѣкоторой посторонней примѣси, именовать ихъ іешкунами. Средній ростъ 16 нагерцевъ и хунзинцевъ опредѣлился, какъ приведено выше, въ 1682,37 мм. и головной указатель въ 77,13, но истиннымъ типомъ іешкуновъ слѣдуетъ считать скорѣе однихъ хунзинцевъ, такъ какъ въ средѣ ихъ харо совсѣмъ нѣтъ, шины же составляютъ вчетверо меньшій процентъ населенія, чѣмъ въ Нагерѣ. У 9 хунзинцевъ, возрастомъ отъ 22 до 43 лѣтъ, средній ростъ равняется 1708,88 мм. (отъ 1648 до 1800 мм. у отдѣльныхъ лицъ) и головной указатель 78.45 (отъ 75,80 до 83,90), тогда какъ у 7 нагерцевъ (6 изъ нихъ отъ 22 до 38 лѣтъ) средній ростъ (отъ 1606 до 1900 мм.) будетъ 1649,28 (а за исключеніемъ несовершеннолѣтняго Раджа-Хозру-хана, 17 лѣтъ, который къ тому же, судя по имени, изъ владѣтельнаго дома, слѣдовательно чуждаго происхожденія, съ ростомъ 1634 мм., получается средній ростъ 6 нагерцевъ 1650,66 мм.) и средній головной указатель 77,13 (отъ 71,7 до 78,8). Отвергавшій предположеніе Лейтнера о происхожденіи іешкуновъ отъ метисаціи шиновъ съ какою-нибудь первобытною расою Биддельфъ замѣтилъ отличіе іешкуновъ Нагера отъ остальныхъ: «многіе изъ нихъ небольшого роста, плотные, съ выдающимися скулами, грубыми чертами лица и рѣдкою бородою. Эти признаки, вмѣстѣ съ ихъ невоинственнымъ характеромъ» (поправляю: сравнительно съ хунзинцами), «указываютъ, вѣроятно, на прибавку татарской крови изъ Скардо, происшедшую, вѣроятно, во время подчиненія Нагера Макпону, правителю Скардо» (стр. 50 и 51). Такъ какъ тибетцы, которыхъ Биддельфъ называетъ татарами, имѣютъ ростъ не низкій, а средній, то это предположеніе Биддельфа требуетъ съ моей стороны поправки, заключающейся въ томъ, что меньшій ростъ нагерцевъ можетъ быть приписываемъ помѣсямъ ихъ съ балтистанцами, которые получили его главнымъ образомъ отъ дравидовъ, какъ изложено будетъ ниже.

Измѣреніями Капю я воспользоваться не могу за неизвѣстностью ихъ, но есть два измѣренія іешкуновъ д-ра Лейтнера: первый, по имени Matavalli, родомъ изъ Хунзы, 30 (въ другомъ мѣстѣ 32) лѣтъ, имѣетъ ростъ 1640 мм. и головной указатель 73,84; второй—Худояръ, родомъ изъ Нагера, 24 лѣтъ, ростомъ 1820 мм. при головномъ указателѣ 78,8 (Imperial and Asiatic Quarterly Review, 1893, October, pp. 426—433). Изъ нихъ Matavalli, привезенный Лейтнеромъ въ Англію, есть, очевидно (хотя Лейтнеръ ничего объ этомъ не говоритъ), по лѣтамъ, росту и головному указателю тотъ самый «іешкунъ по отцу» изъ Хунзы, который былъ измѣренъ Уйфальви и названъ имъ Metavalli, будучи помѣщенъ въ таблицѣ измѣреній 45 «дарду»; вѣроятно, происхожденіемъ его отъ іеш-

куна и иноплеменной женщины (быть можетъ, балти) и объясняется его отличный отъ хунзинцевъ Рислея ростъ и головной указатель. Съ добавленіемъ къ суммамъ роста и головныхъ указателей 7 нагерцевъ и 9 хунзинцевъ результатовъ измѣреній Метавали и Худояра средній ростъ 18 нагерцевъ опредѣляется въ 1687,66 мм. и средній головной указатель ихъ въ 77,04. Но, по указаннымъ выше причинамъ, слѣдуетъ, мнѣ кажется, считать характеристичными для іешкуновъ сдѣланные выше выводы для 9 хунзинцевъ, не добавляя Метавали, какъ метиса.

Для полноты обзора антропологическихъ измѣреній, относящихся къ іешкунамъ, можно еще упомянуть объ изслѣдованіи череповъ изъ Нагера, произведенныхъ Duckworth'омъ и Garson'омъ. Первый изучилъ два черепа, доставленные изъ Нагера Conway'емъ, и нашелъ, что одинъ изъ нихъ мужской и имѣетъ черепной указатель 68,28, а другой женскій съ черепнымъ указателемъ 69,64. По его отзыву, описанные д-ромъ Garson'омъ пять череповъ изъ мѣстностей, отстоящихъ отъ Нагера въ 30—100 миляхъ,—изъ которыхъ два оказались долихоцефальными (наиболѣе долихоцефальный имѣетъ указатель въ 72,30) и три мезоцефальными,—въ общемъ слегка походятъ на изученные имъ два черепа (The Journal of the Anthropological Institute of Gr. Britain, 1893, vol. 23, pp. 125—129). По поводу сходства, которое признавалъ Уйфальви у измѣреннаго имъ хунзинца (это вышеупомянутый Metavalli, съ головнымъ указателемъ въ 73,84), съ населеніемъ Герцеговины Duckworth указалъ, что герцеговинцы, по Вейсбаху, имѣютъ головной указатель въ 87,2 (p. 128). Къ сожалѣнію, по неизвѣстности—какому времени и какому племени или племенамъ принадлежатъ изслѣдованные семь череповъ, результаты изученія этихъ череповъ ничего не выясняютъ относительно антропологіи іешкуновъ, такъ какъ эти черепа могли принадлежать не только іешкунамъ, но шинамъ, а также рабамъ самыхъ различныхъ народностей и племенъ, потому что въ странахъ на южныхъ склонахъ Хиндукуша до самаго недавняго времени существовало рабство, причемъ въ невольники обращались люди всевозможныхъ народностей, которыхъ удавалось захватить.

д) Племя *хо*. Для этого племени, составляющаго главное населеніе Читрала, Деникеръ даетъ средній ростъ 6 читральцевъ, измѣренныхъ Рислеемъ и имѣющихъ средній ростъ около 1670 мм. и средній головной указатель «почти» 77,00. Но тутъ Деникеръ, повидимому, впалъ въ ошибку или въ недоразумѣніе, такъ какъ 6 лицъ, измѣренныхъ Рислеемъ и оказавшихся съ среднимъ ростомъ въ 1671,3 мм. при головномъ указателѣ 76,9 (Journal of the Asiatic Society of Bengal, v. LXII, Part III, pp. 44—45), т.-е. около 1670 мм. и почти 77,00, названы кафирами, а не читральцами, и хотя одинъ изъ нихъ показанъ родившимся «на читральской границѣ», но это еще не дѣлаетъ его читральцемъ. Означенныя въ таблицѣ мѣста родины каждаго изъ 6 измѣренныхъ кафировъ подтверждаютъ,

что они дѣйствительно кафиры, такъ какъ это все мѣстности Кафиристана. Такъ три лица (подъ нумерами 1, 2 и 4) означены уроженцами Башкалъ (Baskal), которая, по Робертсону, находится въ западной части Кафиристана и заселена сіяхпушскими племенами катаръ, камъ и др.; изъ остальныхъ одинъ (№ 6) показанъ уроженцемъ неизвѣстной мѣстности на границѣ съ Читраломъ (Chitral Border), одинъ уроженцемъ долины Utsum и еще одинъ уроженцемъ Presungal Valley, т.-е. долины кафирскаго племени пресунъ.

Если,—что кажется болѣе, чѣмъ вѣроятнымъ,—Деникеръ ошибочно принялъ кафировъ Рислея за читральцевъ, то антропологическихъ измѣреній племени хо пока не имѣется. Въ противномъ же случаѣ для характеристики хо могутъ служить приведенные Деникеромъ средніе указатели роста и головы читральцевъ, племя которыхъ, впрочемъ, остается для меня неизвѣстнымъ, хотя, вѣроятно, это хо.

e) *Кафиры.* Изъ числа шести кафировъ Рислея два (нумеръ 5, уроженецъ границы съ Читраломъ, 19 лѣтъ отъ роду, 1660 мм. росту и 77,50 по головному указателю, и нумеръ 6, уроженецъ долины Utsum, 14 лѣтъ, ростомъ 1560 мм., съ головнымъ указателемъ 73,3) несовершеннолѣтни, а потому подлежатъ исключенію при выводѣ роста взрослыхъ кафировъ. Еще одинъ (нумеръ 3, уроженецъ долины Пресунъ, 22 лѣтъ, ростомъ 1738 мм., при головномъ указателѣ 74,60) къ сіяхпушамъ не принадлежитъ, ибо пресуны, какъ ниже увидимъ, не арійцы, а вѣроятно аборигены. Для характеристики кафировъ индо-арійцевъ или сіяхпушей остаются такимъ образомъ три измѣренныхъ лица, имѣющія возрастъ отъ 22 до 30 лѣтъ, съ ростомъ 1730 мм., 1654 и 1686 мм., въ среднемъ, значитъ, 1690 мм., при головныхъ указателяхъ 75,30, 78,00 и 82,40, въ среднемъ 78,56. При добавкѣ къ указателямъ этихъ трехъ сіяхпушей головныхъ указателей двухъ несовершеннолѣтнихъ сіяхпушей средній головной указатель пяти сіяхпушей получится въ 77,30.

Сверхъ того, Уйфальви, какъ видѣли мы, въ таблицѣ измѣреній «дарду» помѣстилъ одного кафира по имени Али-хана, родомъ изъ Kamots Kalascha, 30—40 лѣтъ отъ роду, ростомъ 1660 мм.; цифра головного указателя въ таблицѣ не выведена, но въ Les Aryens, p.p. 374—375, онъ показанъ въ 65,5, причемъ Уйфальви говоритъ, что этотъ кафиръ родился въ Kamdech, въ Кафиристанѣ, и принадлежитъ племени камъ. Наконецъ, доставлены измѣренія еще одного кафира д-ромъ Лейтнеромъ: Джемшидъ, сіяхпушъ племени катаръ, ростомъ 1619 мм., при головномъ указателѣ 86,7. Лейтнеръ, привезшій съ собою этого кафира въ Англію, почему-то (не въ виду ли воображавшагося нѣкоторыми авторами происхожденія кафировъ отъ македонянъ или грековъ Александра Македонскаго?), предполагалъ, что его типъ близокъ къ типу ославяненныхъ македонцевъ (?) Герцеговины (I. and. A. Quarterly Review, 1893, October, p.

430), но д-ръ медицины Beddoe призналъ болѣе основательнымъ отнести этого Джемшида къ расѣ *галча*, полагая, что нѣкоторыя племена кафировъ могутъ быть не индо-арійцы, а бадахшанцы (тамъ же, p. 434), т.-е. принадлежали къ восточно-иранскимъ горцамъ. Впрочемъ, оба эти кафира, какъ можно заключить изъ свѣдѣній о нихъ Уйфальви и Лейтнера, являются какими-то авантюристами или проходимцами, а потому показанія ихъ о племенномъ происхожденіи сомнительны.

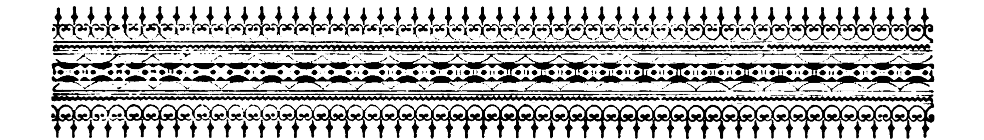
Въ вышеупомянутомъ докладѣ Деникера (Bull. de la Soc. d'Anthr. de Paris, 1882, 1, p. 78) приведенъ указатель двухъ кафирскихъ череповъ въ 76,9, опредѣленный Daois въ Crania ethnica.

Итакъ, на основаніи имѣющихся антропологическихъ измѣреній, по возможности провѣренныхъ и оцѣненныхъ, могутъ быть представлены слѣдующіе цифровые выводы:

	Ростъ.		Голов. указатель.	
	Число измѣрен. лицъ.	Средній выводъ.	Число измѣрен. лицъ.	Средній выводъ.
Ладакцы	29	1630	29	76,08
Балти.	80	1614	83	74,92
Шины	42	1654	43	76,10
Іешкуны (изъ Хунзы) . . .	9	1708	9	78,45
Хо (читральцы)	—	—	—	—
Кафиры-сіяхпуши племени башгали	3	1690	3	78,56

Эти антропологическія данныя,— отчасти по незначительности числа измѣренныхъ субъектовъ, частью же вслѣдствіе малой аккуратности и сомнительной компетентности Уйфальви, которому принадлежитъ наибольшее количество измѣреній,—не могутъ считаться достаточными для полной и прочной характеристики народностей, къ которымъ относятся, но все же онѣ даютъ хотя нѣкоторую фактическую опору для начальныхъ попытокъ изученія этногеніи народностей южныхъ склоновъ Хиндукуша и Мустага до того времени, когда болѣе обстоятельныя и обширныя антропологическія изслѣдованія доставятъ удовлетворительные и всестороннія матеріалы.

Н. А. Аристовъ.



Къ антропологіи бѣлоруссовъ Слуцкаго уѣзда, Минской губ.

Слуцкій уѣздъ, какъ составная часть Минской губ., занимаетъ южные склоны возвышенной сѣв.-западной части ея, отлого спускающіеся къ долинѣ р. Припяти. По возвышенному своему положенію и плодородію земель Слуцкій уѣздъ—«Украина» Минской губ., какъ его называютъ—представляетъ счастливое исключеніе среди болотистыхъ и низменныхъ пространствъ, наполняющихъ большую часть Минской губ. Значительное количество могильниковъ и кургановъ, встрѣчаемыхъ во множествѣ и въ другихъ мѣстахъ Минской губ., случайно находимые предметы древней культуры указываютъ на его обитаемость еще въ доисторическія времена. Кому принадлежатъ эти древнѣйшіе признаки человѣческой жизни—вопросъ неизслѣдованный. Трудно также сказать что-нибудь достовѣрное и о болѣе позднихъ насельникахъ Слуцкаго уѣзда—славянскомъ племени дреговичахъ, осѣвшихъ здѣсь, какъ полагаютъ, въ VI—VIII вв. христіанской эры и пришедшихъ вмѣстѣ съ другими славянскими племенами, населяющими теперь Евр. Россію, съ мѣстъ, расположенныхъ у Карпатскихъ горъ и р. Дуная. Только съ XII в. историческія данныя можно считать болѣе или менѣе достовѣрными: въ лѣтописяхъ этого вѣка впервые встрѣчаемъ упоминаніе о Слуцкомъ княжествѣ. Тѣсная соприкасаемость мѣстнаго населенія съ элементами славянскаго (малоруссы, поляки, великоруссы) и неславянскаго происхожденія (литовцы, финскія племена, татары, евреи), историческая судьба, связывавшая его то съ Литвой, то съ Польшей, не могли не влiять на измѣненія физическаго типа того славянскаго племени (дреговичей), которое, при общемъ потокѣ славянъ, обосновалось здѣсь, составивъ главное ядро мѣстнаго населенія. Названіе «бѣлоруссы», подъ которымъ принято разумѣть населеніе приблизительно нынѣшнихъ Могилевской, Витебской, Минской и части Смоленской губ., болѣе поздняго происхожденія. Съ антропологической же точки зрѣнія терминъ этотъ можно считать условнымъ, имѣющимъ неопредѣленное содержаніе, такъ

какъ и до настоящаго времени собрано очень немного данныхъ для сужденія о физическихъ признакахъ этой народности [1]).

Въ минувшемъ году мнѣ представилась возможность заняться антропометрическими измѣреніями бѣлоруссовъ Слуцкаго уѣзда (въ 7 деревняхъ Поцѣйковской волости). Свѣдѣнія собирались по программѣ, изданной Антропологическимъ Отдѣломъ Имп. Общ. Люб. Ест., Антр. и Этногр., по возможности полныя у мужчинъ и мальчиковъ и ограниченныя описательными признаками, измѣреніемъ головы, роста и ступни у женщинъ и дѣвочекъ. Собранный матеріалъ раздѣленъ на четыре группы, по полу и возрасту, слѣдующимъ образомъ: мальчиковъ — 59 человѣкъ, мужчинъ — 57, дѣвочекъ — 17 и женщинъ — 17, всего 150 человѣкъ. Въ группу мальчиковъ вошли и юноши до 20-лѣтняго возраста включительно. О возрастномъ измѣненіи у нихъ антропологическихъ величинъ даетъ представленіе нижеслѣдующая таблица:

Лѣта.	Число субъектовъ.	Ростъ.	Наиб. прод. діам.	Наиб. попер. діам.	Голов. указ.
9—10	7	1265	173	146	84,76
11	8	1310	175(+2)	143(—3)	81,91(—2,85)
12	15	1343	177(+2)	146(+3)	82,52(+С,61)
13—14	8	1441	178(+1)	148(+2)	83,37(+0,85)
15	6	1463	180(+2)	148(0)	82,25(—1,12)
17—18	7	1595	184(+4)	150(+2)	81,82(—0,43)
19—20	8	1648	185(+1)	150(0)	81,41(—0,41)

Что касается описательныхъ признаковъ каждой группы, то, выразивъ въ % число бѣлокурыхъ, свѣтлорусыхъ и темнорусыхъ—съ голубыми, сѣрыми или свѣтлокарими глазами, и сравнивъ группы между собою, можемъ прослѣдить постепенное потемнѣніе волосъ съ увеличеніемъ возраста: начиная съ 9—10-лѣтняго возраста % бѣлокурыхъ падаетъ и въ 15-лѣтнемъ вовсе исчезаетъ, замѣщаясь увеличивающимся % свѣтлорусыхъ, который, въ свою очередь, падаетъ съ 15-лѣтняго возраста, переходя въ увеличивающійся % темнорусыхъ.

Лѣта.	Число субъектовъ.	% бѣлокурыхъ.	% свѣтлорусыхъ.	% темнорусыхъ.
9—10	7	29	71	0
11	8	25(— 4)	75(+ 4)	0
12	15	20(— 5)	73(— 2)	7(+ 7)
13—14	8	13(— 7)	87(+14)	0(— 7)
15	6	0(—13)	83(— 4)	17(+17)
17—18	7	0	57(—26)	43(+26)
19—20	8	0	38(—19)	50(+ 7) (12% рыж.).

[1]) Литературу см. ниже, въ статьѣ В. В. Воробьева: „Объ антропологическомъ изученіи славянскаго населенія Россіи“.

Сравненіе группъ по цвѣту глазъ не даетъ тѣхъ же результатовъ, хотя, по полученнымъ даннымъ, можно думать, что голубоглазость, съ увеличеніемъ возраста, переходитъ въ сѣрый цвѣтъ глазъ.

Лѣта.	Число субъектовъ.	% голубоглазыхъ.	% сѣроглазыхъ.	% свѣтлокарихъ.
9—10	7	85	15	0
11	8	50(—35)	38(+23)	12(+12)
12	15	40(—10)	27(—11)	33(+21)
13—14	8	65(+25)	25(— 2)	10(−23)
15	6	50(—15)	50(+25)	0(—10)
17—18	7	43(— 7)	57(+ 7)	0(0)
19—20	8	25(—18)	10(−47)	65(+65)

Къ взрослымъ мужского пола (57 чел.) отнесены имѣющіе 22 года и болѣе. Въ нижеслѣдующей таблицѣ помѣщены нѣкоторыя среднія величины для всѣхъ 57 человѣкъ; параллельно приводятся для сравненія данныя, взятыя изъ работъ Н. А. Янчука, К. Н. Икова и Е. Р. Эйхгольца. Наибольшія колебанія наблюдаются въ среднихъ размѣрахъ длины лица (отъ переносья), наиб. ширины лица, длины и ширины носа, лицевомъ и носовомъ указателяхъ.

Измѣренія.	Мои наблюденія.				Янчука.	Эйхгольца.	
	Minimum.	Maximum.	Среднее.	Въ % роста.	Абсол. вел. въ mm.	Абсол. вел. въ mm.	Въ % роста.
Ростъ	15:9	1730	1648	„	„	1652	„
Величина головы въ вертикальной проекціи	187	241	215	13,02	„	„	„
Гориз. окружн. головы	522	588	554	33,63	?	?	„
Наиб. продол. діам.	171	199	185	11,24	„	186	11,27
Наиб. попереч. діам.	135	163	151	9,14	„	151	9,17
Головной указатель	74,58	89,53	81,50	„	„	(80,41	Иковъ)
Длина лица отъ волосъ	164	201	183	11,07	185	„	„
„ „ „ переносья.	102	135	122	7,38	121	117	6,9
Наиб. ширина лица	125	148	138	8,38	139	141	8,5
Лицевой указатель (I)	72,34	101,6	88,09	„	86,74 (79,06?)	83,21	„
„ „ (II)	65,10	85,97	75,87	„	75,12	„	„
Длина носа	42	67	52	„	50	49	„
Ширина носа	31	45	35	„	35	34	„
Носовой указатель	50,74	88,09	67,98	„	70,52	68,39	„
Объемъ груди	761	989	890	53,96	„	889	53,84
Длина руки (отъ acrom.)	675	802	738	44,69	„	747	45,27
„ ноги (отъ troch. m.)	761	935	850	51,56	„	847	51,84

По цвѣту волосъ и глазъ изслѣдованные субъекты распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

	Число наблюд.	%	Янчукъ. %	Эйхгольцъ. %
Бѣлокурыхъ	1	2	22	5
Свѣтлорусыхъ	22	38	24	23
Темнорусыхъ	34	60	48	46
Съ черными волосами.	—	—	4	24
Рыжихъ	—	—	2	2
Глаза голубые	23	40	—	60
„ сѣрые	17	30	—	16
„ свѣтлокаріе и каріе	17	30	—	22
„ черные.	—	—	—	2
„ зеленые	—	—	—	1

Такимъ образомъ, сравнивая мои данныя съ данными Янчука и Эйхгольца, наибольшее колебаніе наблюдаемъ въ процентномъ содержаніи бѣлокурыхъ; свѣтлорусыхъ и темнорусыхъ у меня отмѣченъ нѣсколько большій процентъ; черноволосые и рыжіе отсутствуютъ совершенно. По цвѣту глазъ голубой отмѣченъ въ меньшемъ, сѣрый, свѣтлокарій съ каримъ—въ большемъ числѣ наблюденій; отсутствуютъ зеленый и черный цвѣта.

Группируя по головному указателю, получаемъ:

	Число наблюд.	%	Эйхгольцъ. %	Янчукъ. %
Долихоцефаловъ (до 75,00)	1	2	—	19
Субдолихицефаловъ (75,01—77,77) . .	10	17	10	
Мезоцефаловъ (77,78—80,00)	11	19	18	24
Суббрахицефаловъ (80,01—83,33). . .	17	30	59	57
Брахицефаловъ (83,34 и бол.). . . .	18	32	13	

О ростѣ изслѣдованныхъ мужчинъ даетъ представленіе слѣдующая таблица:

Отъ 1500 до 1600 mm.	7 суб.	12%	51%
„ 1601 „ 1650	„ 22 „	39%	
„ 1651 „ 1700	„ 21 „	37%	49%
„ 1701 и бол.	„ 7 „	12%	

Разсматривая нѣкоторыя антропометрическія величины отдѣльно у особей низкорослыхъ и высокорослыхъ, находимъ:

Измѣренія.	Ростъ ниже средн. (1529—1650).		Ростъ выше средн. (1651—1730).		Разность абсол. величины.	Разность относ. величины.
	Абсол. вел. въ mm.	Относ. вел. въ % роста.	Абсол. вел. въ mm.	Относ. вел. въ % роста.		
Величина головы въ верт. проекціи	210,4	13,05	218,7	12,98	+8,30	— 0,07
Горизонт. окруж. головы.	551	34,18	557	33,04	+6	—1,14
Наиб. продол. діам. . . .	185	11,48	185	10,98	0	—0,50
Наиб. попереч. діам. . .	150,4	9,32	150,9	8,93	+0,53	— 0,39
Длина лица отъ волосъ . .	181,2	11,23	183,8	10,90	+2,60	—0,33
„ „ „ переносья.	121,5	7,54	121,5	7,22	0	—0,32
Наиб. ширина лица . . .	137,2	8,51	139	8,25	+1,80	—0,26
Объемъ груди	878	54,33	903	53,58	+25	—0,75
Длина руки	726	45,02	750	44,36	+24	—0,66
„ ноги.	830	51,41	871	51,71	+41	+0,30

Какъ видимъ изъ этой таблицы, въ большинствѣ случаевъ съ увеличеніемъ роста абсолютныя величины также увеличиваются, а относительныя, наоборотъ, уменьшаются. Исключеніе представляетъ только нижняя конечность: какъ абсолютная, такъ и относительная величина ея больше у высокорослыхъ. Не лишенные интереса результаты даетъ распредѣленіе по тѣмъ же двумъ группамъ (низкаго и высокаго роста) головного указателя и цвѣта волосъ и глазъ.

Распредѣленіе головного указателя и цвѣта волосъ и глазъ въ группахъ низкаго и высокаго роста.		Субдолихоцефалы (75,01—77,77).	Мезоцефалы (77,78—80,00).	Суббрахицефалы (80,01—83,33).	Брахицефалы (83,34 и бол.).
Ростъ 1520—1650 mm.	Число субъектовъ	6	8	7	8
	„ „ въ %	21	28	24	27
	% бѣлокурыхъ	16,5	„	„	„
	„ свѣтлорусыхъ	16,5	63	43	25
	„ темнорусыхъ	67	37	57	75
	„ голубоглазыхъ	67	50	43	50
	„ сѣроглазыхъ	„	25	14	„
	„ свѣтлокарихъ и карихъ	33	25	43	50
Ростъ 1651—1730 mm.	Число субъектовъ	5	3	10	10
	„ „ въ %	19	11	35	35
	% бѣлокурыхъ	„	„	„	„
	„ свѣтлорусыхъ	40	33	30	50
	„ темнорусыхъ	60	67	70	50
	„ голубоглазыхъ	60	„	30	20
	„ сѣроглазыхъ	20	100	50	50
	„ свѣтлокарихъ и карихъ	20	„	20	30

Въ группѣ роста ниже средняго брахицефальный типъ (51) преобладаетъ надъ долихоцефальнымъ (21); свѣтлорусый цвѣтъ, достигая maximum'а у мезоцефаловъ (63), понижается въ брахицефальномъ типѣ, minimum его у рѣзкихъ брахицефаловъ (25); темнорусый цвѣтъ имѣетъ менѣе представителей среди мезоцефаловъ (37) и гораздо болѣе среди брахицефаловъ (75); голубой цвѣтъ глазъ уменьшается съ приближеніемъ къ брахицефальному типу (67, 50, 43, 50); сѣрый цвѣтъ наблюдался только у мезоцефаловъ (25) и суббрахицефаловъ (14); темная окраска глазъ увеличивается съ приближеніемъ къ брахицефальному типу (33, 25, 43, 50). Въ группѣ съ ростомъ выше средняго брахицефальный типъ (70)

болѣе чѣмъ въ 3 раза превосходитъ долихоцефальный (19); бѣлокурый цвѣтъ волосъ не наблюдался; свѣтлорусый падаетъ отъ долихоцефаловъ къ суббрахицефаламъ (40, 33, 30) и maximum'a достигаетъ у рѣзкихъ брахицефаловъ (50); темнорусый возрастаетъ отъ долихоцефаловъ къ суббрахицефаламъ (60, 67, 70), уменьшаясь у брахицефаловъ (50). Голубой цвѣтъ глазъ уменьшается съ приближеніемъ къ брахицефальному типу (60, 30, 20); сѣрый цвѣтъ не наблюдался въ долихоцефальномъ типѣ, maximum'a достигаетъ у мезоцефаловъ (100) и составляетъ значительный % въ брахицефальномъ типѣ (50, 50); свѣтлокарій и карій не наблюдался у мезоцефаловъ и составляетъ небольшой процентъ въ брахицефальномъ типѣ (20, 30), уступая по количеству свѣтлой окраскѣ глазъ (70, 70). Сравнивая обѣ группы между собою, замѣчаемъ, что долихоцефальный типъ болѣе характеризуетъ группу низкорослыхъ: въ группѣ съ ростомъ выше средняго долихоцефальный типъ составляетъ только $^1/_3$ брахицефальнаго (приблизительно), въ группѣ ниже средняго—$^1/_2$ брахицефальнаго.

Описательные признаки сгруппированы въ таблицѣ на стр. 55-ой.

Какъ видно изъ этой таблицы, выпуклый и низкій лобъ отмѣченъ въ большемъ числѣ (34% противъ 14%) у низкорослыхъ, тогда какъ болѣе развитыя формы лба (высокій, покатый взадъ; высокій, прямой) наблюдались чаще у высокорослыхъ. Болѣе красивая форма лица (удлиненное, овальное—68%), плоское въ продольномъ и поперечномъ направленіи темя (57%), равномѣрно округлый затылокъ (71%) характерны для группы съ ростомъ выше средняго и высокорослыхъ; широкое, ромбоидальное, суживающееся книзу лицо (62%), выпуклое въ продольномъ и поперечномъ направленіи темя (48), выдающійся взадъ затылокъ (59)—для группы ниже средняго.

Общій подсчетъ описательныхъ признаковъ и измѣреній можетъ быть сведенъ къ слѣдующему представленію объ изслѣдованныхъ нами 57 взрослыхъ субъектахъ: они — средняго роста съ наклонностью къ низкорослости, крѣпкаго сложенія, съ хорошо развитой грудной клѣткой, съ пропорціонально развитыми конечностями; съ темнорусыми волосами и свѣтлой окраской глазъ; прямые, средніе, рѣже мягкіе, густые волосы; короткая, сравнительно поздно появляющаяся, борода (до 30-лѣтняго возраста изъ 14 человѣкъ не имѣло 9), скудная растительность на тѣлѣ; прямой и низкій лобъ, слабо, рѣже явственно развитыя надбровныя дуги; правильной формы носъ (носовой указатель 67,98); овальной формы лицо; по лицевому указателю скорѣе лептопрозопы; съ плоскимъ, рѣже выпуклымъ теменемъ, равномѣрно округлымъ затылкомъ; по головному указателю умѣренные брахицефалы. Приросшая мочка наблюдалась у 25%, глазная щель, приподнятая у внѣшняго угла,—у 18%.

Изъ 17 измѣренныхъ женщинъ только двѣ имѣютъ возрастъ болѣе 25 лѣтъ (42 и 54 г.), такъ что собранныя свѣдѣнія относятся собственно

Описательные признаки.		Ростъ ниже средняго (1529—1650). Число наблюденій.	Ростъ ниже средняго (1529—1650). %	Ростъ выше средняго (1651—1780). Число наблюденій.	Ростъ выше средняго (1651—1780). %	Число набл. общее у обѣихъ группъ.	%
Тѣлосложеніе.	Средней упитанности. .	26	—	26	—	52	91
	Худыхъ	3	—	2	—	5	9
Волосы	Мягкіе.	12	—	12	—	24	42
	Средніе	15	—	14	—	29	51
	Жесткіе	2	—	2	—	4	7
на	Прямые	26	—	26	—	52	91
	Волнистые	3	—	2	—	5	9
головѣ.	Густые.	16	—	14	—	30	53
	Рѣдкіе.	13	—	14	—	27	47
Борода.	Длинная	4	—	3	—	7	13
	Короткая или бритая. .	18	—	22	—	40	70
	Отсутствуетъ.	7	—	3	—	10	17
Волосатость.	Скудная	24	83	19	68	43	75
	Средняя	5	—	9	—	14	25
Лобъ.	Выпуклый, низкій . . .	10	34	4	14	14	24
	Прямой, низкій.	15	—	15	—	30	53
	Высокій, покатый взадъ.	3	14	3	32	6	10
	Прямой, высокій. . . .	1		6		7	13
Надбровныя дуги.	Выражены слабо	17	—	14	—	31	54
	„ явственно . .	12	41	14	50	26	46
Темя (въ прод. и поп. направл.).	Выпуклое	14	48	9	32	23	41
	Плоское	12	41	16	57	28	49
	Выпукло-плоское	3	—	3	—	6	10
Затылокъ.	Выдающійся взадъ . . .	17	59	6	18	23	41
	Равномѣрно округлый .	10	34	20	71	30	53
	Плосковатый.	2	—	2	—	4	6
Лицо.	Удлиненное.	11	38	19	68	30	53
	Суживающееся книзу. .	9		3		12	21
	Широкое.	2	62	„	32	2	3
	Ромбоидальное	7		6		13	23
Переносье.	Выпуклое	29	—	28	—	57	100
Носъ.	Прямой средній	22	—	24	—	47	82
	„ тонкій.	4	—	2	—	6	10
	„ широкій. . . .	2	—	2	—	4	6
	Вздернутый	1	—	„	—	1	2
Подбородокъ.	Прямой	20	—	23	—	43	74
	Покатый взадъ.	5	—	2	—	7	13
	Выдающійся	4	—	3	—	7	13

къ дѣвушкамъ; къ нимъ отнесены имѣющія 17 лѣтъ и болѣе. Вычисливъ нѣкоторыя среднія и сравнивъ ихъ съ тѣми же величинами у мужчинъ, можно замѣтить, что абсолютныя величины у женщинъ меньшія; напр., разница въ ростѣ равна 109 mm., въ длинѣ лица отъ волосъ—12,10 mm., отъ переносья—6,97 mm., въ наиб. ширинѣ лица—9,30 mm. и т. д.

Измѣренія.	Женщины.			Мужчины.	
	Minimum.	Maximum.	Среднее.	Среднее.	Разность.
Ростъ	1386	1658	1539	1648	—109
Гориз. окружн. головы	519	554	539	554	— 15
Наиб. продол. діам.	173	183	177,58	185	—7,42
Наиб. попереч. діам.	140	154	146	151	—5
Длина лица (отъ переносья)	103	125	114,53	121,5	—6,97
Длина лица (отъ волосъ)	161	190	170,9	183	—12,10
Наиб. ширина лица	122	136	128,7	138	—9,30
Длина носа	43	58	49,88	52	—2,12
Ширина носа	27	35	31,47	35	—3,53
Головной указатель	76,50	87,86	82,27	81,50	+0,77
Лицевой указатель (I)	82,40	99,20	89,05	88,09	+0,96
Лицевой указатель (II)	68,42	82,09	75,44	75,87	—0,43
Носовой указатель	52,94	72,34	63,33	67,98	—4,65

По головному указателю женщины болѣе брахицефаличны, чѣмъ мужчины, и по нему онѣ скорѣе приближаются къ группѣ 15-лѣтнихъ мальчиковъ (82,25); лицевой указатель больше мужского; носовой равенъ 63,33, тогда какъ у мужчинъ 67,98. По окраскѣ волосъ темнорусыхъ среди женщинъ больше (71%), нежели среди мужчинъ (60%); бѣлокурыхъ не наблюдалось; по цвѣту глазъ голубоглазыхъ 58% (у мужчинъ 40), съ свѣтлокарими и карими глазами—24%; съ приросшей мочкой—18%. Дѣвочекъ тоже 17 чел. При небольшомъ количествѣ матеріала, пришлось составить 2 группы: въ первую вошли дѣвочки до 12-лѣтняго возраста, во вторую—до 15-лѣтняго.

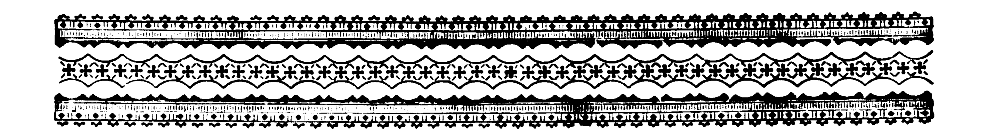
Лѣта.	Число субъектовъ.	Ростъ.	Наиб. продол. діам.	Наиб. попер. діам.	Голов. указ.	% бѣлокур.	% свѣтлор.	% темнор.
5, 8, 9, 11	9	1252	169	142	84,18	10	90	—
12—15	8	1367	173	144	83,87	25	63	12

Сравнивая наиб. продольный и наиб. поперечный діаметры, головной указатель и ростъ, а изъ описательныхъ признаковъ цвѣтъ волосъ, можно предполагать, что развитіе дѣвочекъ идетъ аналогично развитію мальчиковъ: съ возрастомъ увеличивается и наиб. продольный и наиб. поперечный діаметры, но головной указатель уменьшается. Во второй группѣ (болѣе взрослыхъ) появляется темнорусый цвѣтъ волосъ, тогда какъ въ первой онъ не наблюдался.

Незначительное число произведенныхъ мною наблюденій уменьшаетъ, конечно, вѣроятное приближеніе полученныхъ выводовъ къ истиннымъ, и если я рѣшился опубликовать свой небольшой матеріалъ, то только потому, что имѣющіяся въ антропологической литературѣ данныя о бѣлоруссахъ пока еще очень скудны, и всякія новыя, хотя бы и немногочисленныя, добавленія къ нимъ могутъ представить нѣкоторый научный интересъ.

Въ заключеніе считаю долгомъ принести мою искреннюю благодарность многоуважаемому Алексѣю Арсеньевичу Ивановскому за тѣ совѣты и указанія, которыми я постоянно пользовался какъ при собираніи матеріала, такъ и при обработкѣ его.

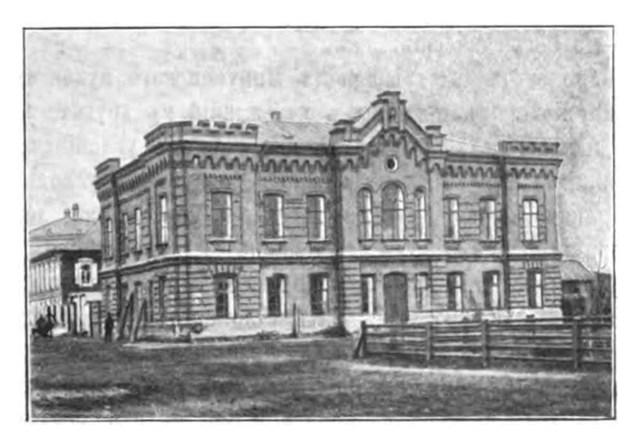
Апол. Рождественскій.



Къ 25-лѣтію Минусинскаго мѣстнаго музея.

«Если правда,—читаемъ въ докладѣ г. Журавскаго на IV съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей и врачей въ Казани въ 1873 г.,—что русское отчизновѣдѣніе находится еще въ зародышномъ состояніи и столь необходимое для экономическаго развитія знакомство съ естественными богатствами Россіи составляетъ, къ стыду нашему, лишь предметъ будущаго, то, чтобы уменьшить это зло, я предлагаю съѣзду учрежденіе во всѣхъ губернскихъ городахъ Россіи, подъ управленіемъ преподавателей естественныхъ наукъ или другихъ компетентныхъ лицъ, естественно-историческихъ музеевъ. Подобныя учрежденія были бы центрами, вокругъ которыхъ группировался бы весь матеріалъ, всѣ средства для изученія въ естественномъ отношеніи данной области. Если не задаваться широкими программами и не гнаться за мишурой, то такіе музеи могутъ быть весьма легко, т.-е. дешево и скоро, осуществлены и содержимы. Разумѣется, доступъ въ нихъ долженъ быть какъ можно болѣе открытый, и къ содѣйствію въ этомъ дѣлѣ слѣдуетъ привлечь всѣ лучшія силы въ губерніи». Исторія музеевъ въ Россіи свидѣтельствуетъ, что призывъ г. Журавскаго не имѣлъ большого успѣха. Къ числу сторонниковъ мѣстныхъ музеевъ принадлежалъ въ то время молодой ботаникъ Николай Михайловичъ Мартьяновъ. «Глубоко убѣжденный,—сообщаетъ онъ въ своей исторіи Минусинскаго мѣстнаго музея съ 1877 по 1881 г., хранящейся въ рукописи въ музеѣ,—въ необходимости устройства мѣстныхъ музеевъ, я давно уже стремился къ тому, чтобы со своей стороны оказать содѣйствіе этому общеполезному дѣлу основаніемъ хотя бы одного небольшого музея». Только ради этой цѣли Н. М. Мартьяновъ въ 1874 г. соглашается принять мѣсто завѣдывающаго аптекой въ заброшенномъ у подножія Саянъ Минусинскѣ и чуть ли не съ перваго дня принимается за осуществленіе своей мечты. Вскорѣ послѣ пріѣзда онъ сближается съ мѣстными учителями, гг. Сайлотовымъ и Третьяковымъ, совершаетъ совмѣстно съ ними

экскурсіи для собиранія растеній, насѣкомыхъ и минераловъ, при ихъ посредствѣ заводитъ новыя знакомства, какъ, напр., съ умершимъ въ этомъ году Ѳ. Ѳ. Девятовымъ, доставившимъ ему еще въ 1874 г. коллекцію таежныхъ растеній съ р. Ирбы, и мало-по-малу группируетъ вокругъ себя кружокъ лицъ, съ интересомъ и любовью оказывавшихъ ему содѣйствіе въ изученіи края. Къ концу 1874 г. кружкомъ этимъ собрано не менѣе тысячи предметовъ, въ теченіе 1875 г. цифра собранныхъ предметовъ достигаетъ 2500. Кружокъ лицъ, проникшихся важностью этого рода изслѣдованій, съ каждымъ днемъ увеличивается, а вмѣстѣ съ тѣмъ почва для осуществленія мечты Н. М—ча становится все болѣе и болѣе подготовленной. Этому немало способствовало и то, что собранныя коллекціи отправлялись для опредѣленія въ различныя ученыя учрежденія, которыя, получая изъ Минусинска цѣнныя коллекціи, своими авторитетными отзывами поощряли коллекторовъ.



Минусинскій музей.

Въ 1876 г. Мартьяновъ часть собранныхъ коллекцій жертвуетъ Минусинскому приходскому училищу, выражая при этомъ надежду, что эти коллекціи «послужатъ основаніемъ къ устройству въ Минусинскѣ удовлетворяющаго всѣмъ требованіямъ музея, хотя и не въ близкомъ будущемъ», а годъ спустя, 10-го января 1877 г., имъ уже дѣлается заявленіе въ городскую думу объ открытіи музея. Такимъ образомъ то, чего не удалось достигнуть въ Евр. Россіи, нашло себѣ осуществленіе въ далекой Сибири.

Въ первые годы существованія Минусинскаго музея лица, мало знакомыя съ условіями его существованія, могли опасаться, что музей столь же быстро, какъ возникъ, можетъ и заглохнуть, но время показало такую жизнеспособность и такой быстрый ростъ музея, о какихъ не могъ меч-

тать и его основатель. Слѣдующая табличка даетъ наглядное представленіе о ростѣ коллекцій музея:

Годы.	1877	1882	1887	1892	1897	1901
Количество предметовъ.	1.362	13.216	27.498	38.011	47.808	56.488

Параллельно этому количественному росту расширялись и рамки програмы музея. Въ 1877 г. въ музеѣ было всего три отдѣла: естественно-историческій, техническій и этнологическій; въ 1878 г. появляется отдѣлъ учебныхъ пособій и предметовъ не мѣстнаго происхожденія; въ 1879 г. изъ техническаго отдѣла образуются промышленный и сельскохозяйственный; въ 1884 г. изъ этнологическаго—антропологическій и археологическій; въ 1887 г. возникаетъ нумизматическій отдѣлъ; въ 1890 г. изъ педагогическаго выдѣляется образовательный; въ 1894 г. изъ промышленнаго—горно-промышленный; наконецъ, въ 1898 г. изъ антропологическаго—этнографическій.

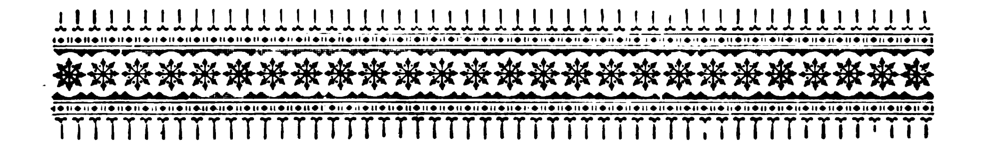
Сопоставляя этотъ быстрый ростъ Минусинскаго музея съ неудачами, постигшими иниціаторовъ подобныхъ учрежденій въ другихъ мѣстностяхъ, мы невольно должны остановиться на вопросѣ объ условіяхъ, столь благопріятствовавшихъ Минусинскому музею. Среди этихъ условій на первомъ мѣстѣ стоитъ личность основателя музея Н. М. Мартьянова, державшагося, по мѣткой характеристикѣ Д. А. Клеменца [1]), слѣдующей чрезвычайно разумной системы дѣйствій: первое правило Мартьянова—«пользоваться всякимъ человѣкомъ, обнаруживающимъ склонность быть полезнымъ музею»; второе—«пользуясь всѣми, быть полезнымъ всѣмъ»; третье—«не спать со своими коллекціями», а посылать ихъ спеціалистамъ для опредѣленія, и, наконецъ, четвертое—«брать и составлять всякія коллекціи, какія можно». Благодаря этой системѣ, музей съ первыхъ же лѣтъ своего существованія сталъ популярнѣйшимъ учрежденіемъ у мѣстнаго населенія, и всѣ, кто чѣмъ могъ, вносили въ него свою лепту: кто предметами, кто матеріальными средствами, кто личнымъ трудомъ и т. д., благодаря чему музей смогъ просуществовать четверть столѣтія безъ всякихъ казенныхъ субсидій. До какой степени популярно это учрежденіе у мѣстнаго населенія, можно судить по тому, какъ празднуетъ это населеніе юбилей своего музея. 11-го сентября 1901 г. Минусинская дума дала иниціативу образованія при музеѣ «неприкосновеннаго капитала имени Н. М. Мартьянова съ назначеніемъ процентовъ съ этого капитала на экскурсіи и печатаніе трудовъ по музею», причемъ сама постановила «отпускать ежегодно по 100 руб. къ процентамъ этого, имѣющаго образоваться, капитала». Эта иниціатива встрѣтила поддержку въ Восточно-Сибирскомъ От-

[1]) „Мѣстные музеи и ихъ значеніе въ провинціальной жизни“, стр. 28.

дѣлѣ и въ Красноярскомъ Подъотдѣлѣ Импер. Рус. Геогр. Общ., и необходимый капиталъ, безъ сомнѣнія, будетъ собранъ. Независимо отъ этого, минусинское Общество попеченія о начальномъ образованіи въ день юбилея (10 января 1902 г.) открыло пріютъ имени Н. М. Мартьянова. Изъ этого видно, что Мартьяновъ сумѣлъ создать новый факторъ преуспѣянія музея—сочувственное отношеніе къ нему общества. Къ этимъ двумъ факторамъ необходимо присоединить третій—въ высшей степени удачный выборъ мѣста для музея. Минусинскъ находится въ центрѣ вполнѣ замкнутаго района, являющагося сокровищницей въ естественно-историческомъ, этнографическомъ, антропологическомъ и въ особенности археологическомъ отношеніи. Узкія рамки статьи не позволяютъ намъ обосновать этого положенія, но цѣлый рядъ авторитетныхъ именъ: Семенова, Радлова, проф. Тумень, Ядринцева и др., вполнѣ подтверждаетъ это. Чтобы не быть голословнымъ, укажемъ на то, что собранныя въ музеѣ исключительно изъ этого района сокровища послужили матеріаломъ для такихъ трудовъ, какъ «Древности Минусинскаго музея» Д. А. Клеменца, «Каменный вѣкъ въ Минусинскомъ краѣ» И. Т. Савенкова, «О гипсовыхъ погребальныхъ маскахъ и особомъ видѣ трепанаціи череповъ въ курганахъ Минусинскаго округа» К. И. Горощенко, «Курганные черепа Минусинскаго округа» его же, «Этнографическій обзоръ инородческаго населенія долины Южнаго Енисея» Е. К. Яковлева и мн. друг. Въ области современной антропологіи заслуги музея и его основателя давно признаны. Въ будущемъ, по намѣченной комитетомъ музея программѣ, въ антропологическомъ отдѣлѣ музея долженъ быть сосредоточенъ матеріалъ по физіологической, патологической и криминальной антропологіи. Вообще во второмъ 25-лѣтіи музей имѣетъ всѣ шансы сохранить то высокое положеніе, какое занялъ въ первомъ,—положеніе учрежденія, ни на минуту не останавливающагося въ своемъ прогрессивномъ движеніи. Отъ души желаемъ этому полезному учрежденію дальнѣйшихъ успѣховъ.

Н. М. Мартьяновъ.

Фел. Конъ.



О задачахъ и методахъ антропологіи.

Мм. Гг-ни и Мм. Гг.! Антропологическій Отдѣлъ Имп. Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, пользуясь случаемъ, что въ настоящее время открылся въ Москвѣ VIII съѣздъ Общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова, и что, слѣдовательно, въ Москвѣ собрались представители врачебнаго сословія со всѣхъ концовъ Россіи, рѣшилъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы устроить публичное засѣданіе Отдѣла и пригласить въ него всѣхъ желающихъ изъ гг. членовъ съѣзда. Открывая нынѣ это засѣданіе, я прежде всего считаю своимъ пріятнымъ долгомъ привѣтствовать отъ имени Антропологическаго Отдѣла и всего Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи всѣхъ тѣхъ гг. членовъ съѣзда, которые оказали намъ честь своимъ посѣщеніемъ. Затѣмъ, я считаю необходимымъ пояснить, что цѣль нашего сегодняшняго собранія состоитъ не въ томъ, чтобы сообщить вамъ, Мм. Гг., о какихъ-нибудь новыхъ открытіяхъ или вообще представить вашему вниманію что-либо новое. Наша ближайшая задача заключается не въ томъ, чтобы брать на себя смѣлость учить васъ, а скорѣе въ томъ, чтобы поучиться у васъ, чтобы просить вашего содѣйствія, чтобы поговорить о нѣкоторыхъ вопросахъ антропологической науки, для разъясненія коихъ существенно важна ваша помощь, и въ области которой вы можете быть какъ первостепенными собирателями матеріала, такъ и наиболѣе компетентными изслѣдователями. Многіе изъ русскихъ врачей уже заявили себя дѣятельными работниками въ этой области, и можно указать рядъ именъ, которымъ русская антропологія обязана въ значительной степени обогащеніемъ своей литературы. Дѣло идетъ, слѣдовательно, не о чемъ-нибудь новомъ, а о работѣ въ направленіи, уже болѣе или менѣе извѣстномъ гг. врачамъ, и которому они уже немало послужили. Большей частью, однако, это были работы единичныя, исполненныя, какъ, напр., многія диссертаціи, для опредѣленныхъ личныхъ цѣлей. Для пользы и роста науки желательно, чтобы эти наблюденія охватывали болѣе широкіе районы и

распространялись на большія массы населенія, чтобы въ нихъ примѣнялись однородные методы, чтобы они были болѣе систематичны и стояли въ связи съ извѣстнымъ научнымъ центромъ, при посредствѣ котораго могла бы отчасти систематизироваться эта совокупная работа, отчасти получать для себя нужныя указанія, справки, литературныя пособія, инструменты и т. д., который, наконецъ, могъ бы служить отчасти пунктомъ, куда могли бы стекаться соотвѣтственныя наблюденія и изслѣдованія и, по мѣрѣ возможности и средствъ, подвергаться опубликованію. Короче сказать, Антропологическій Отдѣлъ пользуется случаемъ, чтобы заявить гг. врачамъ, работающимъ въ разныхъ районахъ и концахъ Россіи, что въ Москвѣ есть небольшой научный центръ, небольшой кружокъ, который охотно готовъ взять на себя роль нѣкотораго посредника между ними съ одной стороны и русскимъ обществомъ и наукой съ другой, въ томъ смыслѣ, что онъ готовъ оказать возможное по его силамъ содѣйствіе гг. врачамъ, интересующимся или готовымъ интересоваться тѣми или другими антропологическими вопросами, а съ другой стороны—что онъ обращается къ нимъ съ просьбой о содѣйствіи, непосредственно или чрезъ его посредство, дѣлу антропологическаго изученія Россіи, столь недостаточно еще подвинутому, но которое уже обратило на себя вниманіе многихъ ученыхъ Запада, какъ напр., Virchow, Sergi, Ridley и др., и обѣщаетъ, съ умноженіемъ числа работниковъ, еще много новаго и важнаго для антропологической науки.

Медицина и врачъ—два термина, способные быть понимаемыми и въ болѣе узкомъ, и въ болѣе широкомъ смыслѣ. Съ одной стороны, медицина можетъ быть разсматриваема какъ искусство, какъ одинъ изъ высшихъ видовъ ремесла, и врачъ—какъ техникъ, прилагающій извѣстные способы для лѣченія болѣзней. Но уже на примитивной стадіи культуры мы видимъ, что съ понятіемъ о врачѣ соединяется нѣчто большее, чѣмъ о простомъ техникѣ. Примитивный врачъ, это—шаманъ, кудесникъ, знахарь; онъ не только лѣчитъ отъ физическихъ и духовныхъ немощей, онъ — представитель высшаго знанія, къ нему обращаются во всѣхъ затруднительныхъ и важныхъ случаяхъ жизни, онъ—знатокъ жизни по преимуществу, знатокъ силъ природы, онъ обладаетъ способностью подчинять себѣ духовъ міра, сноситься съ божествомъ. Съ развитіемъ культуры, съ дифференціаціей сословій, классовъ, профессій, — врачи, по необходимости, должны были выдѣлиться въ спеціальный видъ техническихъ дѣятелей, но еще долго они были представителями знанія по преимуществу: и въ Тибетѣ среди буддійскихъ ламъ, и въ древней Греціи, и позже въ Европѣ врачи были и выдающимися натуралистами, и не послѣдними изъ философовъ. Да и въ болѣе близкое къ намъ время, съ большимъ развитіемъ и обособленіемъ различныхъ наукъ и искусствъ, ученый врачъ не составлялъ рѣдкости, и этимъ ученымъ врачамъ существенно обязаны были своими успѣхами не только біологія, но и все естествознаніе, и даже нѣкоторыя другія области

вѣдѣнія. Но мощное развитіе наукъ, послѣдовавшее особенно съ половины XIX стол., необходимо должно было вызвать спеціализацію знаній. Отдѣльныя отрасли естествознанія стали развиваться самостоятельно, обособились и разныя отрасли наукъ соціальныхъ. Медицина также должна была спеціализироваться, не только въ ея цѣломъ, но и въ своихъ отдѣлахъ. Отъ этого, однако, связь между медициной и другими науками не только не порвалась, но съ теченіемъ времени стала все болѣе усиливаться и крѣпнуть. Если, съ одной стороны, для достиженія бо̀льшаго совершенства въ извѣстной отрасли медицины врачъ вынужденъ былъ тѣснѣе спеціализироваться, то, съ другой стороны, то же стремленіе къ возможно большему совершенству заставляло его искать себѣ указаній и пособій въ другихъ областяхъ знанія. Успѣхи физики, химіи, біологіи измѣнили кореннымъ образомъ господствовавшія ранѣе понятія, открыли новыя плодотворныя области изученія, повели къ новымъ воззрѣніямъ на жизнь, здоровье, болѣзни, преобразовали всю медицину. И съ теченіемъ времени задача врача все усложнялась, а съ нею росла и его потребность въ знаніяхъ. Если ранѣе задача эта заключалась только въ діагнозѣ болѣзни и въ примѣненіи къ ней, по установившимся методамъ, опредѣленныхъ средствъ пользованія или механическаго воздѣйствія, то съ теченіемъ времени выяснилась необходимость въ пониманіи не только болѣзни, но и больного, являющагося не просто только человѣкомъ, такимъ же, какъ милліоны другихъ, но и представителемъ извѣстнаго типа, расоваго, соціальнаго, профессіональнаго и т. д., несущимъ на себѣ тѣ или иныя черты наслѣдственности, вліяніе особенностей развитія, условій существованія и т. д. Задача врача усложнилась еще тѣмъ, что въ предѣлы ея стало входить не только лѣченіе особей, но и установленіе для нихъ и для цѣлыхъ группъ ихъ обязательныхъ условій здороваго существованія, выработка гигиеническихъ нормъ, оздоровленіе мѣстностей, жилищъ, профессій, предупрежденіе заболѣваній и т. д., короче — вся обширная область знаній, составляющихъ предметъ вѣдѣнія гигіены и санитаріи, а эта область, опирающаяся на широкій циклъ наукъ физико-химическихъ и естественныхъ, тѣсно соприкасается и съ такими отраслями знаній, какъ статистика, политическая экономія, народное хозяйство, соціологія, этнографія и многія другія. Все болѣе и болѣе проникаетъ въ общее сознаніе значеніе врача—въ земскомъ и городскомъ хозяйствѣ, въ фабричномъ и заводскомъ дѣлѣ, въ военномъ, учебномъ, въ уголовномъ и петенціарномъ и во многихъ другихъ, причемъ ему приходится часто разрѣшать или выяснять вопросы существенной важности, касающіеся какъ матеріальнаго и физическаго, такъ и духовнаго и культурнаго существованія и благосостоянія многихъ. Но выясненіе всѣхъ этихъ вопросовъ связано съ пониманіемъ соотвѣтственныхъ условій и вліяній, которое немыслимо безъ достаточнаго знакомства съ различными отраслями знанія, техники, промышленности, права, педагогики, психологіи и т. д.

Если отъ врача справедливо ждутъ указаній и помощи по цѣлому ряду жизненныхъ и важныхъ общественныхъ вопросовъ, то справедливо и то, что современный врачъ обязанъ стоять на сравнительно высокой ступени развитія и знаній, обладать не только спеціальнымъ, но и достаточно широкимъ общимъ научнымъ образованіемъ, чтобы, встрѣчаясь лицомъ къ лицу съ различными вопросами жизни и знанія, быть къ нимъ достаточно приготовленнымъ, достаточно умѣлымъ, чтобы въ нихъ разобраться. Извѣстная максима: Homo sum et nihil humanum a me alienum puto — я человѣкъ и ничто человѣческое мнѣ не чуждо—можетъ быть прилагаема въ особенности къ современному врачу, выдвигаемому развитіемъ культуры на постъ важнаго передового общественнаго дѣятеля.

Въ числѣ различныхъ областей знанія, которыя не могутъ быть чуждыми врачу, занимаетъ извѣстное положеніе и антропологія. Сравнительно недавно обособившаяся, не занявшая еще строго опредѣленнаго мѣста въ циклѣ наукъ, съ которыми должна считаться медицина, она, однако, пріобрѣтаетъ все большее и большее значеніе, какъ область знаній, существенно необходимыхъ для болѣе полнаго и правильнаго пониманія человѣка. Пониманію этому служитъ, какъ извѣстно, обширный циклъ наукъ, изъ коихъ однѣ имѣютъ предметомъ изученія физическую природу человѣка, другія—его психическую или связанную съ психическимъ развитіемъ и дѣятельностью. Къ первымъ относятся: анатомія, физіологія, патологія съ ихъ отдѣлами и вспомогательными дисциплинами, ко вторымъ: психологія и рядъ наукъ соціальныхъ, экономическихъ, историческихъ, филологическихъ, юридическихъ и т. д. Но если послѣднія имѣютъ дѣло по преимуществу съ человѣкомъ коллективнымъ, съ общинами, группами населенія, народами, всѣмъ культурнымъ человѣчествомъ, то предметъ первыхъ составляетъ человѣкъ индивидуальный, человѣческая особь. Изучая отдѣльныя особи, науки эти устанавливаютъ нормы строенія и отправленій человѣка въ здоровомъ и больномъ состояніи и ихъ видоизмѣненій по полу и возрасту. Анатомія, эмбріологія, физіологія, патологія встрѣчаются при этомъ и съ различными уклоненіями отъ нормы, съ разнообразными индивидуальными варіаціями, которыя отмѣчаются ими и принимаются къ свѣдѣнію, но на которыхъ онѣ не имѣютъ возможности спеціально останавливаться, такъ какъ это отвлекало бы ихъ отъ ихъ ближайшихъ задачъ. Въ самомъ дѣлѣ, среди индивидуальныхъ варіацій встрѣчаются и имѣющія болѣе типичный характеръ, распространенныя въ извѣстныхъ географическихъ районахъ, болѣе частыя у однѣхъ народностей, чѣмъ у другихъ, а затѣмъ слѣдуютъ еще болѣе характерныя отличія, свойственныя отдѣльнымъ породамъ человѣчества — неграмъ, папуасамъ, монголамъ, эскимосамъ, готтентотамъ и т. д., короче сказать— многочисленнымъ породамъ или разновидностямъ человѣчества. Предметъ изученія становится настолько обширнымъ и сложнымъ, что по необхо-

димости долженъ быть выдѣленъ въ особую отрасль знаній, за которой и усвоенъ теперь терминъ «антропологія». Задача ея, очевидно, та же, что и вообще т. наз. естественной исторіи, только въ примѣненіи къ человѣку. Объектъ ея—разновидности рода Homo, которыя мы подразумѣваемъ подъ названіями: типъ, раса, порода, и которыя характеризуются совокупностью извѣстныхъ физическихъ или соматическихъ признаковъ и особенностей. Но въ обширномъ смыслѣ въ антропологію входитъ изученіе не одних только физическихъ признаковъ; человѣкъ отличается отъ другихъ животныхъ не только формами и строеніемъ своего тѣла, но также — и даже по преимуществу — духовными признаками, даромъ рѣчи, умѣньемъ изготовлять себѣ нужныя для жизни орудія, способностью къ культурѣ, къ соціальному развитію. Въ различныхъ районахъ земной поверхности люди отличаются не только цвѣтомъ кожи, видомъ волосъ, пропорціями тѣла, формой головы и чертами лица, но и своимъ языкомъ, особенностями быта, стадіями культуры, семейнымъ и общественнымъ строемъ. Полная характеристика предполагаетъ знакомство какъ съ физическимъ типомъ, такъ съ языкомъ и бытомъ, но очевидно, что это не тожественные объекты изученія, требующіе различной подготовки со стороны изслѣдователя, а потому долженствующіе по преимуществу изучаться различными группами спеціалистовъ. Отсюда дифференціація антропологіи, понимаемой въ обширномъ смыслѣ, на двѣ главныя отрасли: собственно *антропологію* или антропологію физическую, и *этнологію*, распадающуюся, въ свою очередь, на лингвистику (изучающую языки), т. наз. исторію первобытной культуры, собирающую данныя о менѣе развитыхъ стадіяхъ культуры и старающуюся уяснить себѣ ходъ культурнаго развитія человѣчества, и этногенію, задача которой выяснить связь между различными народами и ихъ послѣдовательное сложеніе и обособленіе. Останавливаясь на первой отрасли—на физической антропологіи, мы должны повторить, что предметъ ея изученія составляютъ различные физическіе типы или расы человѣчества. Человѣкъ не является всюду одинаковымъ по своему виду, сложенію и строенію. Удерживая основные признаки рода Homo, онъ выказываетъ варіаціи въ подробностяхъ ихъ развитія и вообще въ особенностяхъ своего вида и строенія. Особенности эти были извѣстны еще древнимъ египетскимъ и ассирійскимъ художникамъ, которые умѣли схватывать типическія черты разныхъ народовъ на барельефахъ и фрескахъ, изображающихъ побѣды и тріумфы различныхъ властителей, а съ конца XVII в. мы видимъ уже попытки со стороны ученыхъ классифицировать различныя породы человѣчества. Но въ то время свѣдѣнія объ отдаленныхъ народахъ были очень скудны, и многія племена были еще совершенно неизвѣстны. Лишь сравнительно недавно удалось проникнуть изслѣдователямъ вглубь Африки, въ Новую Гвинею, въ средину Ю. Америки и Австраліи; только въ послѣднія десятилѣтія стали соби-

раться болѣе обстоятельныя данныя о многихъ менѣе культурныхъ племенахъ человѣчества. Но и по отношенію къ племенамъ болѣе извѣстнымъ, даже къ народамъ Европы, только въ послѣднее время стали производиться систематическія и точныя наблюденія въ цѣляхъ выясненія ихъ расовыхъ типовъ. Дѣло въ томъ, что такое выясненіе — вещь не легкая и требуетъ массовыхъ наблюденій и детальнаго сравнительнаго изученія. То, что мы называемъ расою, типомъ, есть нѣчто отвлеченное, есть идеалъ, къ которому болѣе или менѣе приближаются отдѣльныя особи. Въ дѣйствительности мы имѣемъ дѣло только съ отдѣльными особями, несущими на себѣ, каждая, индивидуальныя черты, изъ сопоставленія коихъ мы должны еще вывести общій типъ или выдѣлить нѣсколько типовъ, если таковые имѣются. Понятно, что это установленіе типовъ будетъ тѣмъ вѣрнѣе выражать дѣйствительныя отношенія, чѣмъ на большую массу особей извѣстной группы, извѣстной части населенія будутъ распространены наши наблюденія и чѣмъ послѣднія будутъ производиться болѣе точнымъ методомъ. Отсюда важность статистическаго метода, цифровыхъ данныхъ, выведенія среднихъ, расположенія данныхъ въ ряды, графическое выраженіе ихъ помощью кривыхъ, діаграммъ, картограммъ и т. п. Но по отношенію къ немногимъ еще районамъ и группамъ населенія мы имѣемъ такія изслѣдованія, а относительно менѣе извѣстныхъ и отдаленныхъ народовъ приходится часто довольствоваться лишь общими впечатлѣніями, полученными болѣе или менѣе опытнымъ наблюдателемъ, или данными, собранными надъ сравнительно небольшимъ числомъ особей. Между тѣмъ наше познаніе человѣческихъ типовъ достигнетъ извѣстной полноты только тогда, когда мы будемъ имѣть представленіе о всемъ разнообразіи расовыхъ типовъ человѣка на земной поверхности, когда, смотря на географическую или этнографическую карту земной суши, мы въ состояніи будемъ мысленно представить себѣ признаки свойственныхъ различнымъ районамъ антропологическихъ типовъ, ихъ географическое распространеніе, распредѣленіе однихъ среди другихъ, смѣшеніе мѣстами ихъ между собою, вытѣсненіе однихъ другими и т. д. Впрочемъ, для полнаго пониманія варіацій человѣческаго типа и такого знанія еще не достаточно. Исторія свидѣтельствуетъ, что въ теченіе вѣковъ одни народы смѣнялись другими, одни истребляли другихъ, нѣкоторые вымирали, другіе переселялись, смѣшивались между собою и т. д. Многіе, вѣроятно, погибли безслѣдно, но многіе и оставили по себѣ память въ письменныхъ памятникахъ, изображеніяхъ на древнихъ монументахъ, естественныхъ или искусственныхъ муміяхъ, остаткахъ, сохранившихся въ могилахъ, пещерахъ, отпечаткахъ ихъ тѣлъ въ толщахъ вулканическаго пепла (какъ въ Помпеѣ) и т. д. Правда, остатки эти скудны, но они даютъ иногда нѣкоторыя точки опоры для сужденія о типѣ. Въ древнихъ могилахъ, въ особенности, мы встрѣчаемъ костяки,

черепа, иногда и остатки волосъ, которые позволяютъ прійти къ извѣстнымъ заключеніямъ относительно вида и цвѣта волосъ, формы и величины головы, развитія частей лица у древняго населенія по сравненію съ современнымъ той же области. Идя далѣе вглубь вѣковъ, мы доходимъ, наконецъ, до каменнаго вѣка, до древнѣйшаго его періода, т. наз. палеолитическаго, уходящаго уже въ геологическую древность, въ эпоху, предшествовавшую, въ геологическомъ смыслѣ, современной, когда человѣкъ жилъ въ Европѣ въ состояніи дикаря при иныхъ климатическихъ условіяхъ, чѣмъ нынѣ, когда и окружающія его флора и фауна были иныя. Понятно, что чѣмъ древнѣе эпоха, тѣмъ менѣе отъ нея могло сохраниться, но все-таки за послѣднія 40—50 лѣтъ было добыто немало данныхъ и относительно этой древнѣйшей эпохи, въ томъ числѣ и, скудные правда, остатки самого человѣка, его костяковъ. Между этими остатками нашлись и такіе, которые указываютъ на низшій типъ тогдашняго человѣка; особенно извѣстны въ этомъ отношеніи черепъ изъ Неандертальской пещеры и два черепа изъ пещеры Spy въ Бельгіи. Проф. Швальбе, подвергшій недавно внимательному изученію эти остатки, могъ убѣдиться, что они выказываютъ признаки, переходящіе за предѣлы варіацій у современныхъ людей и оправдывающіе выдѣленіе ихъ въ особый видъ человѣка, отличный отъ Homo sapiens. Эти остатки дали, вмѣстѣ съ тѣмъ, фактическое подтвержденіе теоріи эволюціи въ приложеніи къ человѣку, теоріи, предугадывшейся, какъ извѣстно, Ламаркомъ и другими еще въ первой половинѣ XIX стол., но получившей болѣе прочную опору въ извѣстной теоріи естественнаго отбора Дарвина. Хотя принципъ естественнаго отбора въ борьбѣ за существованіе, указанный Дарвиномъ, и недостаточенъ, можетъ быть, для полнаго уясненія послѣдовательнаго образованія всей совокупности органическихъ формъ, тѣмъ не менѣе, въ самомъ процессѣ эволюціи никто теперь не сомнѣвается, ибо онъ доказывается всѣми данными палеонтологіи, эмбріологіи, сравнительной анатоміи, систематики и т. д. Человѣкъ не могъ избѣгнуть общаго закона; послѣдовательная эволюція его типа изъ животнаго указывается уже анатомическимъ анализомъ его строенія и исторіей его эмбріональнаго развитія, но наибольшее выясненіе она можетъ получить, конечно, изъ палеонтологіи, изъ нахожденія ископаемыхъ остатковъ человѣка и его предшественниковъ. Указанные остатки изъ пещеръ Неандертальской и Spy уже даютъ извѣстные намеки въ этомъ отношеніи, но еще болѣе замѣчательна находка ископаемаго черепа (неполнаго), бедряной кости и двухъ коренныхъ зубовъ, сдѣланная нѣсколько лѣтъ тому назадъ Дюбуа въ пліоценовыхъ отложеніяхъ на о-вѣ Явѣ. Остатки эти—на основаніи ихъ былъ установленъ новый ископаемый типъ, Pithecanthropus erectus — были предметомъ изученія многихъ извѣстныхъ анатомовъ, одни изъ коихъ пришли къ заключенію, что это остатки человѣкоподобной обезьяны, стоявшей

ближе къ человѣку, чѣмъ всѣ современныя, другіе—что это остатки человѣка, только болѣе низшаго типа, чѣмъ всѣ другіе, третьи, наконецъ, что это—переходная форма отъ обезьяны къ человѣку, обособленная какъ отъ него, такъ и обезьянъ, что, повидимому, и должно быть признано наиболѣе вѣроятнымъ заключеніемъ. Въ будущемъ, по всей вѣроятности, отыщутся и другіе остатки этихъ предшественниковъ человѣка, но и найденыхъ уже достаточно для того, чтобы признать, что происхожденіе человѣка относится къ глубокой древности и что эволюція его типа должна была происходить въ теченіе многихъ тысячелѣтій, даже десятковъ тысячъ лѣтъ, чрезъ посредство ряда давно вымершихъ формъ, связывавшихъ его послѣдовательно съ болѣе низкими формами въ зоологической системѣ.

Гдѣ, въ какомъ поясѣ земной поверхности, въ какихъ странахъ происходила эта послѣдовательная эволюція первоначальнаго человѣческаго типа, и чѣмъ она была вызвана, объ этомъ могутъ быть только гаданія или гипотезы; нельзя также сказать утвердительно, является ли все человѣчество потомствомъ одного корня или оно происходитъ отъ нѣсколькихъ, хотя бы и родственныхъ между собою, группъ прародичей. Сходство всѣхъ извѣстныхъ расъ въ основныхъ физическихъ и психическихъ признакахъ и способность всѣхъ ихъ, въ томъ числѣ и наиболѣе обособленныхъ, напр. негра и бѣлаго, къ половому смѣшенію и къ произведенію помѣсей, говорятъ въ пользу того, что всѣ человѣческія разновидности составляютъ варіанты одного и того же вида, но, съ другой стороны, существованіе такого типа, какой представляетъ, напр., неандертальскій черепъ, и довольно рѣзкія различія между типичнымъ негромъ и бѣлымъ, подобныя которымъ если бы были встрѣчены у какой-либо животной формы, навѣрное, вызвали бы пріуроченіе ихъ къ двумъ видамъ, — не лишаютъ совершенно опоры и полигенетической гипотезы. Извѣстно, что въ прежнее время, до Дарвина, многіе серьезные ученые защищали полигенизмъ человѣка, въ отличіе отъ другихъ, державшихся моногенизма, но въ то время господства теоріи постоянства видовъ и отдѣльнаго происхожденія каждаго изъ нихъ это различіе воззрѣній имѣло иной смыслъ. Тогда принималось, что каждый раздѣльнополый видъ былъ созданъ первоначально въ одной парѣ особей, потомство которой и представляютъ всѣ особи этого вида; поэтому споръ между моно- и полигенистами сводился къ тому, произошло ли человѣчество отъ одной пары или отъ нѣсколькихъ. Но теперь мы знаемъ, или по крайней мѣрѣ убѣждены, что происхожденіе видовъ надо представлять себѣ иначе; мы не можемъ понимать его инымъ образомъ, какъ въ смыслѣ постепеннаго измѣненія признаковъ, происходящаго въ извѣстной группѣ особей, причемъ образующіяся варіаціи, если онѣ полезны данному виду или соотвѣтствуютъ условіямъ его существованія и индивидуальнаго развитія, передаются потомству и мало-по-малу закрѣп-

ляются наслѣдственностью. При такомъ пониманіи трудно говорить о происхожденіи отъ одной пары, а приходится представлять себѣ смѣну длиннаго ряда поколѣній, причемъ, конечно, различные признаки появлялись у различныхъ поколѣній въ различныя эпохи, и часть поколѣній подвергалась вымиранію. Критеріемъ вида можетъ служить предѣлъ варіацій; если варіаціи извѣстнаго признака представляютъ послѣдовательный рядъ переходовъ, то, какъ бы ни были широки предѣлы этихъ варіацій, мы не можемъ обособлять ихъ въ разные виды, и только если мы встрѣчаемъ варіацію, переходящую предѣлы измѣнчивости даннаго вида, отдѣляющуюся отъ нихъ явственнымъ промежуткомъ, мы должны выдѣлить ее въ особый видовой типъ, который становится еще прочнѣе обоснованнымъ, если можетъ быть констатированъ на рядѣ особей и если находитъ себѣ подтвержденіе и въ аналогичныхъ уклоненіяхъ другихъ признаковъ.

Уясненіе вопроса о древности и происхожденіи человѣка составляетъ, безспорно, одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ антропологіи, ибо съ нимъ связано болѣе глубокое пониманіе физической и психической природы человѣка. Но ближайшимъ вопросомъ является выясненіе особенностей и предѣловъ измѣнчивости расовыхъ типовъ современнаго человѣчества, прилагая слово «современный» въ геологическомъ смыслѣ, т.-е. включая всѣ разновидности человѣка, современныя и вымершія, признаки которыхъ въ бо́льшей или меньшей степени доступны нашему изученію. Чѣмъ полнѣе и точнѣе будутъ наши свѣдѣнія объ этихъ варіяціяхъ, тѣмъ полнѣе и вѣрнѣе будетъ наше представленіе о типѣ человѣка, объ его разнообразіи въ различныхъ районахъ земной поверхности. Но для пониманія этихъ варіацій недостаточно только одного ихъ констатированія; мы должны стремиться къ тому, чтобы уяснить ихъ происхожденіе, не вопросъ—зачѣмъ или почему, который вообще недоступенъ нашему пониманію, а вопросъ—какъ, т.-е. какимъ путемъ, какими вѣроятными послѣдовательными стадіями, подъ какими вліяніями, при какихъ условіяхъ происходитъ образованіе и накопленіе варіацій, передача ихъ по наслѣдству, закрѣпленіе ихъ, видоизмѣненіе типа. Этотъ вопросъ о причинахъ, вызывающихъ образованіе разновидностей, ведущихъ, какъ выражались прежде, къ «вырожденію» типовъ, ставился уже въ концѣ XVIII в., даже еще много ранѣе, за пять вѣковъ до нашей эры, знаменитымъ врачемъ древности Гиппократомъ. Онъ сводилъ ихъ, главнымъ образомъ, къ вліянію географическихъ и климатическихъ условій; позже, къ нимъ стали присоединять вліяніе питанія, образа жизни, занятій, употребленія или неупотребленія органовъ, условій развитія организма, наконецъ, борьбы за существованіе, патологическихъ вліяній, приспособленія къ измѣняющимся условіямъ окружающей среды, естественнаго и полового отбора. Болѣе внимательное наблюденіе показало, что вопросъ этотъ очень сложный и трудный, что, напр., вліяніе климата, проявляющееся иногда въ рѣзкихъ

патологическихъ воздѣйствіяхъ, не способно еще само по себѣ вызывать измѣненіе типа; бѣлый остается бѣлымъ и въ тропической Африкѣ, а негръ—чернымъ и въ умѣренномъ климатѣ Соединенныхъ Штатовъ; китаецъ и еврей сохраняютъ свои расовые признаки въ самыхъ различныхъ зонахъ земного шара. Всюду мы убѣждаемся въ огромной силѣ наслѣдственности, хотя не можемъ не признать и значенія измѣнчивости, съ которой встрѣчаемся также всюду—во всѣхъ группахъ людей, семейныхъ, родовыхъ, сословныхъ, племенныхъ и т. д. Въ выясненіи взаимодѣйствія этихъ двухъ силъ—наслѣдственности и измѣнчивости—лежитъ ключъ къ пониманію всѣхъ физическихъ и психическихъ варіацій человѣческаго типа, но эти силы, ясныя въ своихъ конечныхъ результатахъ, остаются темными въ своей сущности, въ своемъ молекулярномъ субстратѣ, въ процессѣ своего проявленія. Мы можемъ сопоставлять только извѣстныя условія жизни людей и сравнивать соотвѣтствующія этимъ условіямъ варіаціи типовъ, но часто не можемъ установить никакого опредѣленнаго соотношенія между извѣстными условіями и извѣстными типами; нерѣдко мы встрѣчаемъ почти одинъ и тотъ же типъ при разныхъ условіяхъ существованія и разные типы при одинаковыхъ или весьма сходныхъ условіяхъ быта. Такіе типы, конечно здоровые, при достаточномъ ихъ обособленіи, мы называемъ расовыми, и подразумѣваемъ подъ ними прочно укрѣпленные наслѣдственностью, противостоящіе въ извѣстныхъ предѣлахъ самымъ разнообразнымъ вліяніямъ. Эти типы видоизмѣняются, главнымъ образомъ, смѣшеніемъ между собою, причемъ въ результатѣ получается обыкновенно типъ промежуточный, хотя часто съ явственно выраженнымъ приближеніемъ къ типу болѣе сильнаго производителя.

Несмотря на всѣ трудности вопроса о генезисѣ типовъ, выясненіе его должно составлять, безспорно, одну изъ главныхъ задачъ антропологіи. Болѣе полное выясненіе могли бы дать опыты, производимые систематично въ извѣстныхъ направленіяхъ и цѣляхъ, но такіе опыты, возможные въ примѣненіи, напр., къ домашнимъ животнымъ, у которыхъ, благодаря искусственному подбору, удалось создать, дѣйствительно, типичныя новыя породы, не примѣнимы къ человѣку, и мы ограничены возможностью пользоваться только наблюденіями, и тѣхъ имѣется пока немного, и въ примѣненіи лишь къ небольшому ряду поколѣній. Въ будущемъ, можетъ быть, удастся организовать болѣе систематичныя серіи наблюденій, подобно тому, какъ они проектированы теперь по отношенію къ нѣкоторымъ растительнымъ и животнымъ формамъ, причемъ предполагается вести наблюденія надъ цѣлымъ рядомъ послѣдовательныхъ поколѣній. Конечно, жизни одного человѣка слишкомъ мало для такой серіи наблюденій, и придется организовать ихъ путемъ замѣны одного поколѣнія наблюдателей другимъ, при посредствѣ уже образованной въ Европѣ Ассоціаціи академій, главная цѣль которой и заключается въ томъ, чтобы брать на себя такія наблюденія и

изслѣдованія, которыя превышаютъ силы одного человѣка и даже цѣлаго ученаго Общества и которыя требуютъ участія послѣдовательныхъ поколѣній наблюдателей, передающихъ одни другимъ результаты своихъ работъ. Но пока мы вынуждены довольствоваться наблюденіями въ меньшемъ масштабѣ и меньшей продолжительности, и прежде всего намъ необходимо собрать данныя для характеристики различныхъ антропологическихъ типовъ, встрѣчающихся въ предѣлахъ Россіи, и установить ихъ географическое распредѣленіе. Другими словами, мы должны произвести, если можно такъ выразиться, антропологическую съемку Россіи—до нѣкоторой степени подобно тому, какъ производятся топографическія и геологическія съемки, статистическія обслѣдованія, почвенныя или—и сравненіе будетъ, пожалуй, еще вѣрнѣе,—какъ собираются сѣтью метеорологическихъ станцій наблюденія надъ климатическими элементами, изъ которыхъ потомъ выводятся данныя о климатѣ страны. Представимъ себѣ, что повсюду въ Россіи, въ разныхъ крупныхъ и мелкихъ центрахъ разсѣяны наблюдатели-антропологи, которые собираютъ въ извѣстной системѣ и по извѣстнымъ методамъ данныя о варіаціяхъ типа въ окружающемъ районѣ—о распредѣленіи въ окрестномъ населеніи цвѣтности кожи, волосъ, глазъ, величинѣ роста, пропорцій тѣла, формъ головы и лица, морфологическихъ уклоненіяхъ, физіологическихъ и патологическихъ особенностяхъ. Данныя эти, если ихъ наберется порядочное количество, надъ особями одного возраста и пола, могутъ подвергаться разработкѣ, результаты ихъ могутъ наноситься на карту, изображаться въ видѣ діаграммъ, кривыхъ и т. д., и мало-по-малу такимъ путемъ могла бы быть собрана масса данныхъ, можетъ быть, неодинаково полныхъ для различныхъ районовъ, но изъ которыхъ можно было бы все-таки получить достаточно наглядное представленіе о распредѣленіи у насъ различныхъ расовыхъ типовъ, какъ въ средѣ инородцевъ, особенно на окраинахъ Россіи, такъ и въ средѣ русскаго населенія, которое также, въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, представляетъ варіаціи по преобладанію въ нихъ тѣхъ или иныхъ типовъ роста, комплексіи, формъ головы и т. д. Нѣкоторыя изъ этихъ данныхъ могутъ собираться, какъ это доказываютъ опыты, произведенные въ Зап. Европѣ, наблюдателями и не изъ врачей, но врачи являются, безспорно, наиболѣе компетентными для этой цѣли наблюдателями; притомъ въ большинствѣ случаевъ имъ всего удобнѣе производить такія изслѣдованія, не вызывая какихъ-либо подозрѣній и толковъ. Кромѣ того, они могутъ соединять эти наблюденія съ собираніемъ данныхъ о болѣзненности, тѣлесныхъ недостаткахъ, смертности и т. д. Во многихъ государствахъ Зап. Европы уже произведены подобнаго рода антропологическія съемки по отношенію, по крайней мѣрѣ, къ нѣкоторымъ признакамъ, и въ результатѣ получены любопытныя данныя, которыя можно было нанести на карты и придать имъ наглядность. Укажу, напр., на Германію, Австрію, Швейцарію и Бельгію, въ которыхъ,

при посредствѣ школьныхъ учителей, были собраны данныя о цвѣтѣ волосъ и глазъ надъ 10 милліонами дѣтей, обучающихся въ низшихъ и среднихъ школахъ. Изъ этихъ данныхъ можно было вывести процентъ чистыхъ брюнетовъ, т.-е. съ черными или темнорусыми волосами, темными глазами и смуглой кожей, процентъ чистыхъ блондиновъ—съ бѣлокурыми волосами, голубыми глазами, розоватой кожей, и процентъ смѣшанныхъ типовъ, напр., съ свѣтлорусыми волосами и темными глазами, темнорусыми волосами и сѣрыми глазами и т. д., и показать распредѣленіе этихъ типовъ на картахъ. Вотъ, напр., географическое распредѣленіе темнаго

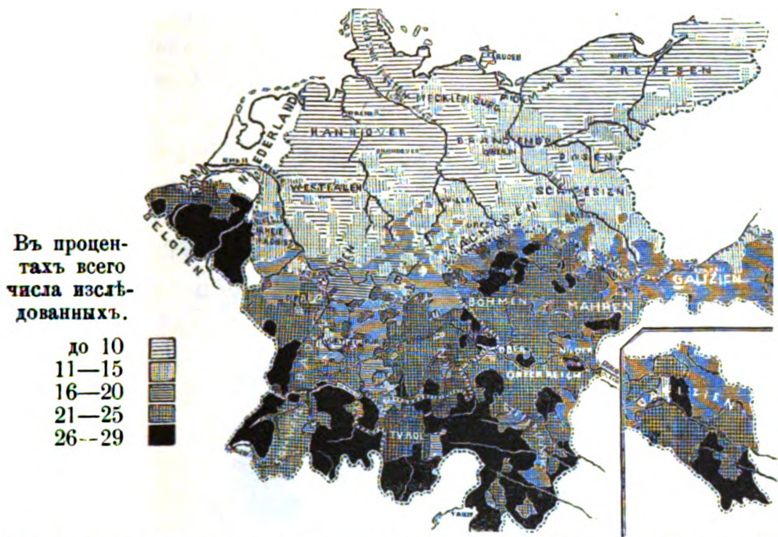


Рис. 1. Относительная частота типовъ брюнетовъ въ Германіи, Бельгіи, Швейцаріи и Австріи (съ Галиціей). По Ранке, на основаніи данныхъ о 10,077,635 дѣтяхъ школьнаго возраста.

типа, брюнетовъ. Различные оттѣнки тушовки изображаютъ различія между провинціями (округами) по относительному проценту дѣтей-брюнетовъ, отъ 5—10% (свѣтлые цвѣта) до 26—30% (самые темные). Видно, что брюнеты преобладаютъ на югѣ и на западѣ (Бельгія), а къ сѣверу и востоку процентъ ихъ уменьшается. Кромѣ того, видно, напр., что Швейцарія пересѣкается посрединѣ болѣе свѣтлой меридіональной полосой, тогда какъ къ востоку и западу отъ нея расположены районы съ большимъ процентомъ брюнетовъ, что средина Богеміи темнѣе ея окраинъ и т. д. Если бы взять соотвѣтственную карту распространенія чистыхъ блондиновъ, то можно было бы видѣть обратное распредѣленіе, причемъ въ сѣверной Германіи можно было бы замѣтить наибольшее распространеніе блондиновъ къ сѣверу по рѣкамъ (Вислѣ, Одеру, Эльбѣ) и пр. Цвѣтъ волосъ и глазъ дѣтей не вполнѣ соотвѣтствуетъ цвѣту ихъ у взрослыхъ (волоса и глаза

блондиновъ съ возрастомъ иногда темнѣютъ), и было бы лучше сравнивать распредѣленіе тѣхъ же признаковъ у взрослыхъ. Такія наблюденія и пыталось собрать Берлинское Антропологическое Общество, именно надъ призывными къ исполненію воинской повинности, чрезъ посредство военнаго вѣдомства, но встрѣтило отъ послѣдняго отказъ, и вынуждено было обратиться къ школамъ, т.-е. къ вѣдомству народнаго просвѣщенія, которое оказалось въ этомъ отношеніи болѣе податливымъ. Впрочемъ, если волоса и глаза съ возрастомъ отчасти и темнѣютъ, то распредѣленіе цвѣта ихъ у дѣтей не лишено еще вслѣдствіе этого интереса; напротивъ того, въ дѣтскомъ возрастѣ мы можемъ ожидать большаго процента блондиновъ, указывающаго на нѣкогда большее распространеніе бѣлокурости въ тѣхъ

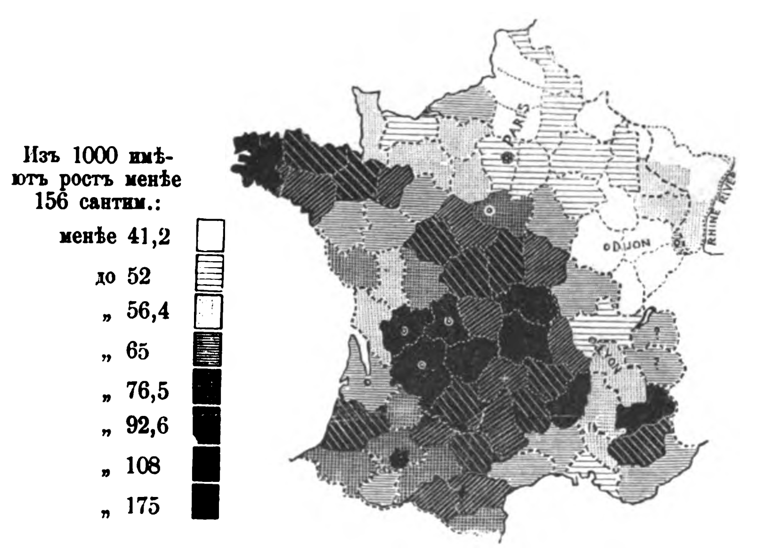


Рис. 2. Распредѣленіе роста мужского населенія во Франціи, по Брока, на основаніи данныхъ о числѣ не принятыхъ въ военную службу за недостаточнымъ ростомъ, въ періодъ времени съ 1831 по 1860 годъ.

же районахъ, тогда какъ типъ брюнетовъ у дѣтей указываетъ уже на прочное укорененіе темной комплекціи въ соотвѣтственномъ населеніи.

Особенно много наблюденій такого рода было собрано во Франціи, гдѣ на основаніи ихъ можно было составить рядъ антропологическихъ картъ. Вотъ, напр., картограмма, составленная Брока и показывающая распредѣленіе во Франціи, по департаментамъ, роста мужского населенія, на основаніи процента непринятыхъ въ военную службу за недостаточнымъ ростомъ, въ періодъ времени съ 1831 по 1860 г. Минимальный предѣлъ роста для принятія въ военную службу составлялъ во Франціи за этотъ періодъ времени 156 сант. (5′2″). Число непринятыхъ варіируетъ по разнымъ департаментамъ отъ 40 (и даже менѣе) до 175 на 1000. Свѣтлые

оттѣнки означаютъ департаменты съ малымъ числомъ малорослыхъ, черные — съ наибольшимъ. Карта показываетъ, что высокорослое населеніе сосредоточено, главнымъ образомъ, въ сѣверо-восточной Франціи и распространяется отсюда по Сенѣ и Ронѣ на югъ до Марсели и Средиземноморского побережья, а съ другой стороны—на западъ по Луарѣ, къ побережью Атлантическаго океана, и по нижнему теченію Гаронны. Малорослые же сосредоточены, главнымъ образомъ, въ срединѣ Франціи, на центральномъ плато, а затѣмъ въ Савойѣ и Бретани. Ища объясненія этимъ фактамъ, Брока нашелъ наиболѣе подходящее въ историческомъ распредѣленіи пле-

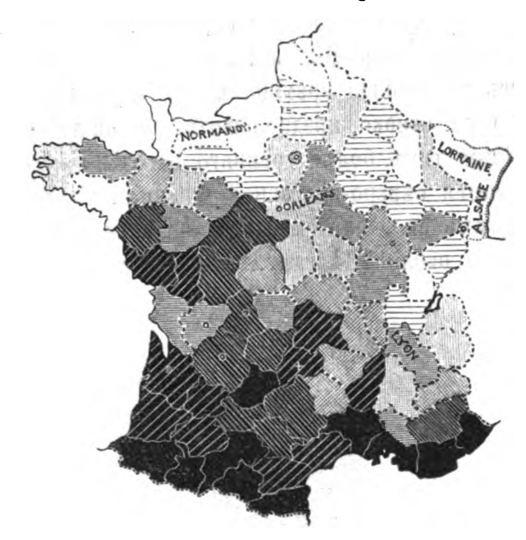
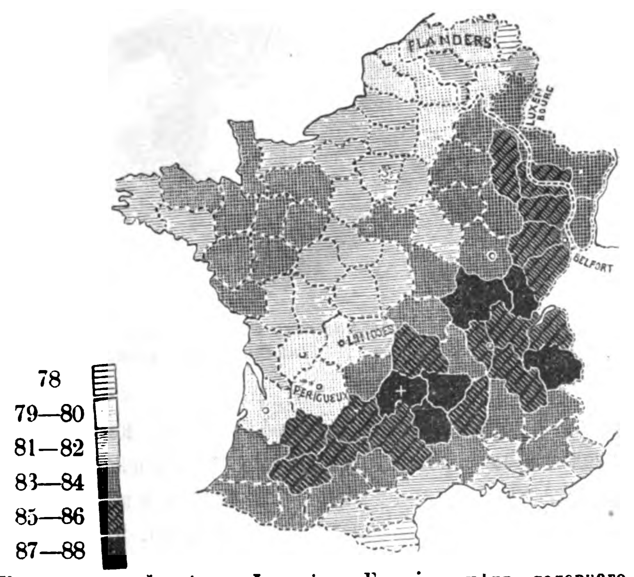


Рис. 3. Карта относительно распредѣленія брюнетовъ во Франціи. По Топинару, 200,000 наблюденій.



ис. 4. Карта распредѣленія во Франціи и Бельгіи цифръ головнаго показателя. По Collignon и Houzé, 16,650 наблюденій.

менъ древней Галліи. По Ю. Цезарю, Галлію населяли: бельги — между Сеной и Рейномъ, кельты – отъ Альповъ до Атлантическаго океана и

аквитаны—между Гаронной, Пиринеями и океаномъ. Впослѣдствіи явились высокорослые германцы (франки), занявшіе, главнымъ образомъ, сѣверо-восточную Францію, а на морскихъ берегахъ и по рѣкамъ распространялись въ разныя времена и другія расы (греки, римляне, норманы и т. д.). Вѣрнѣе, однако, предположить, что на типъ кельтовъ оказалъ значительное вліяніе типъ болѣе древняго населенія этой области, именно иберовъ. Что касается сѣверо-восточной Франціи, то Бертилльонъ могъ установить для многихъ ея департаментовъ два типа средняго роста: одинъ выше 169 сант., другой около 164 сант., что выражается въ двойной вершинѣ соотвѣт-

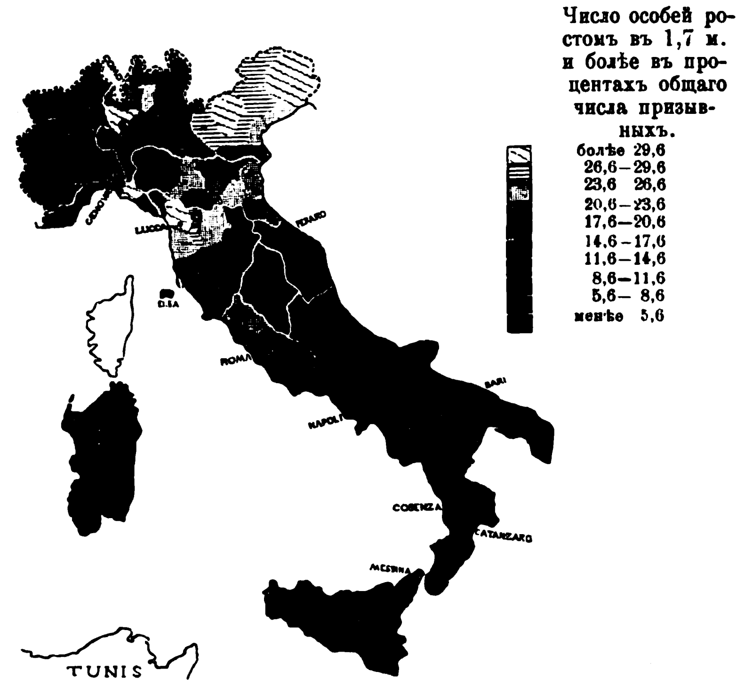


Рис. 5. Относительное распредѣленіе высокорослости въ Италіи особей выше 1,7 метра. По Ливи (1896 г.), 299,355 наблюденій надъ призывными къ воинской повинности.

ственныхъ кривыхъ, которую Бертилльонъ объясняетъ наслоеніемъ здѣсь высокорослаго населенія на сравнительно болѣе малорослое. Для Франціи составлена также карта распредѣленія цвѣтности волосъ и глазъ (на основаніи данныхъ о 200,000 особяхъ). Она показываетъ (рис. 3), что наименьшимъ процентомъ брюнетовъ отличаются сѣверо-восточные (высокорослые) департаменты, также сѣверные (Нормандія), нѣкоторые южные (по Ронѣ), западные нормандскіе и др., тогда какъ брюнеты преобладаютъ на югѣ, по Средиземноморскому побережью, вблизи Пиринеевъ, въ центральной и отчасти западной Франціи. Карта эта рѣзче подчеркиваетъ антропологическое

различіе между сѣверо-восточной и юго-западной Франціей, чѣмъ карта роста. Наконецъ, мы имѣемъ для Франціи и карту (рис. 4) распредѣленія головного

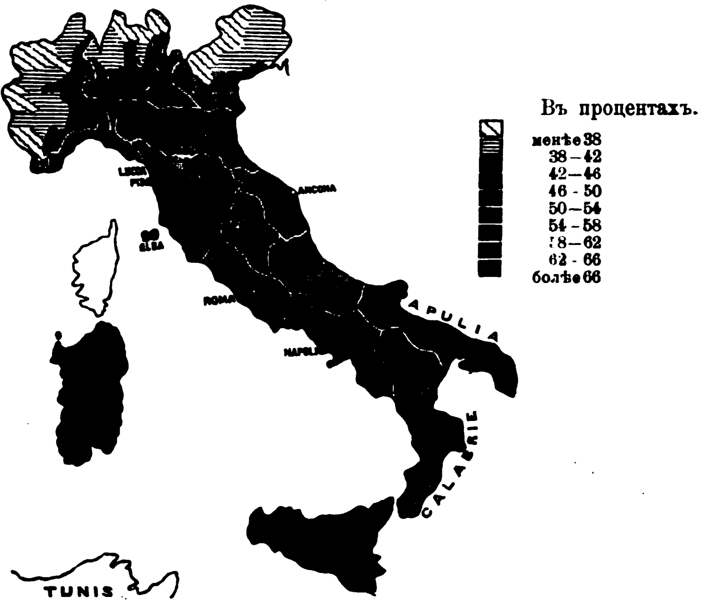


Рис. 6. Относительное распредѣленіе брюнетовъ въ Италіи (всѣ темноволосые типы). По Ливи, 298,860 наблюденій надъ призывными.

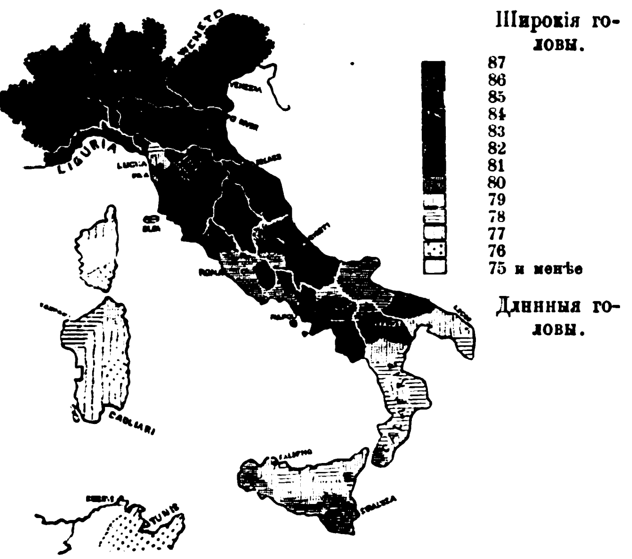


Рис. 7. Распредѣленіе головнаго показателя (въ среднемъ по округамъ), по Ливи; 294,271 наблюд. надъ призывными.

показателя (наибольшей ширины голова), который варіируетъ, по департаментамъ, въ среднемъ, отъ 78 до 88. Карта эта составлена, однако,

только на основанія данныхъ о $16^{1}/_{2}$ тысячахъ особей и потому менѣе убѣдительна. Наиболѣе крупныя цифры показателя (наиболѣе широкія головы) характерны, однако, для южной Франціи, хотя по Средиземноморскому побережью и вдоль Пиринеевъ преобладаютъ меньшія цифры; самыя же меньшія характеризуютъ крайній сѣверо-востокъ и затѣмъ нѣкоторые западные департаменты (Лиможъ, Перигё, устье Гаронны и др.).

Характерное распредѣленіе антропологическихъ признаковъ представляетъ Италія. Что касается роста, то о немъ даетъ понятіе карта Ливи (рис. 5), основанная на 299,355 наблюденіяхъ и показывающая распредѣленіе процента высокорослыхъ призывныхъ (170 сант. и выше). Оказывается, что наибольшее число высокорослыхъ (20—30%) встрѣчается въ Венеціанской области, затѣмъ въ провинціи Лукка, вообще въ сѣверной и средней Италіи, а наименьшее (18—5%)—въ южной Италіи, въ Сициліи и особенно въ Сардиніи. Различіе это объясняется всего естественнѣе различіемъ расъ. На югѣ исторія указываетъ сикуловъ, сардовъ, грековъ, арабовъ и т. д., на сѣверѣ — венедовъ, лигуровъ, этрусковъ, галловъ, позже—германцевъ (лангобардовъ) и т. д. Первые были по преимуществу малорослыми, вторые (сѣверной Италіи)—по преимуществу высокорослые. Это антропологическое различіе между сѣверной и южной Италіей подтверждаетъ до извѣстной степени и карта распредѣленія брюнетовъ (рис. 6), процентъ которыхъ (у призывныхъ) варіируетъ по провинціямъ отъ менѣе 38 до болѣе 66. Наименьшее число брюнетовъ на сѣверѣ—въ Пьемонтѣ, Ломбардіи, Венеціи, наибольшее—на югѣ—въ Сардиніи, Калабріи, Сициліи, Неаполитанской области вообще. Аналогичныя указанія даетъ карта распредѣленія головного показателя (рис. 7), варіирующаго по провинціямъ отъ 87 до 75 и менѣе. Наибольшая брахицефалія — на сѣверѣ, въ Пьемонтѣ, Ломбардіи, Венеціи; слабѣе она въ Лигуріи и средней Италіи и уступаетъ долихоцефаліи на югѣ, особенно въ Калабріи, Сициліи и Сардиніи. Все это взаимно подтверждаетъ различіе расовыхъ типовъ населенія въ предѣлахъ Италіи.

Рис. 8. Распредѣленіе головнаго показателя въ южной Норвегіи. По Arbo (1887); 6000 наблюденій надъ призывными.

Подобныя же картограммы, хотя на основаніи много меньшаго числа наблюденій, имѣются и для Великобританіи. Ростъ оказывается выше въ Шотландіи, затѣмъ въ Ирландіи; ниже онъ въ Англіи, особенно въ Уэльсѣ и центральныхъ графствахъ. Цвѣтность волосъ и глазъ распредѣляется нѣсколько иначе; наиболѣе чистыхъ брюнетовъ (до 20%) въ Ирландіи, затѣмъ въ западной Шотландіи (Inverness, Argyle и др.), и въ западныхъ графствахъ Англіи (Корнуэль, Пемброкъ, Гламорганъ), тогда какъ ихъ мало въ остальной Шотландіи и въ восточныхъ графствахъ Англіи. Укажу еще на карту (рис. 8), показывающую распредѣленіе головного показателя въ южной Норвегіи (6000 наблюденій). Здѣсь этотъ показатель варіируетъ по округамъ отъ 76 до 83; долихоцефалы преобладаютъ внутри страны, въ горныхъ мѣстностяхъ, брахицефалы—на приморской окраинѣ. Для Тироля мы

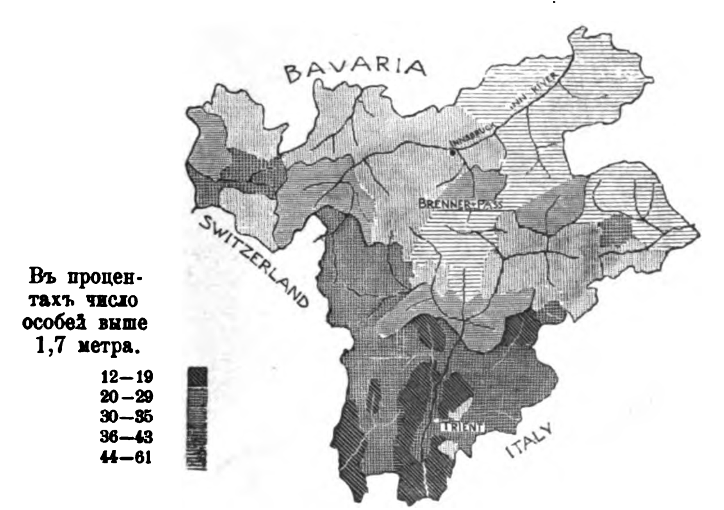


Рис. 9. Распредѣленіе высокорослости въ Тиролѣ. По Toldt', 16,384 наблюденій надъ призывными.

имѣемъ, между прочимъ, карту распредѣленія высокорослости (16,000 набл.), т.-е. процента особей съ ростомъ выше 170 сант. Оказывается, что высокорослость идетъ полосой съ сѣвера на югъ, внѣдряясь клиномъ въ долину Эча.

На основаніи данныхъ для отдѣльныхъ европейскихъ странъ были сдѣланы попытки составленія подобныхъ картограммъ для всей Западной Европы, напр., по отношенію къ среднему росту, цвѣту волосъ и глазъ, головному показателю, а также установленія главныхъ расовыхъ типовъ западно - европейскаго населенія. Чаще принимаютъ три такихъ типа: одинъ—высокорослый, свѣтловолосый, долихоцефальный (типъ германскій или, какъ его нѣкоторые называютъ, арійскій, встрѣчается чаще въ Скандинавіи, Великобританіи, сѣверной Германіи, сѣверо-восточной Франціи);

другой—низкорослый, темноволосый, долихоцефальный (типъ средиземной расы—въ Южной Италіи, Сардиніи, Корсикѣ, Испаніи, мѣстами въ Южн. Франціи, также въ Греціи, Сѣверной Африкѣ и т. д.); третій—высокорослый, большею частью темноволосый и брахицефальный, — ему придаютъ иногда названіе альпійскаго, такъ какъ онъ распространенъ въ областяхъ Альпъ—въ Баваріи, Швейцаріи, Тиролѣ, среди южныхъ и западныхъ славянъ и т. д. Этими тремя типами однако не исчерпываются главныя антропологическія варіаціи въ средѣ западно-европейскаго населенія, и потому нѣкоторые принимаютъ шесть и болѣе основныхъ типовъ.

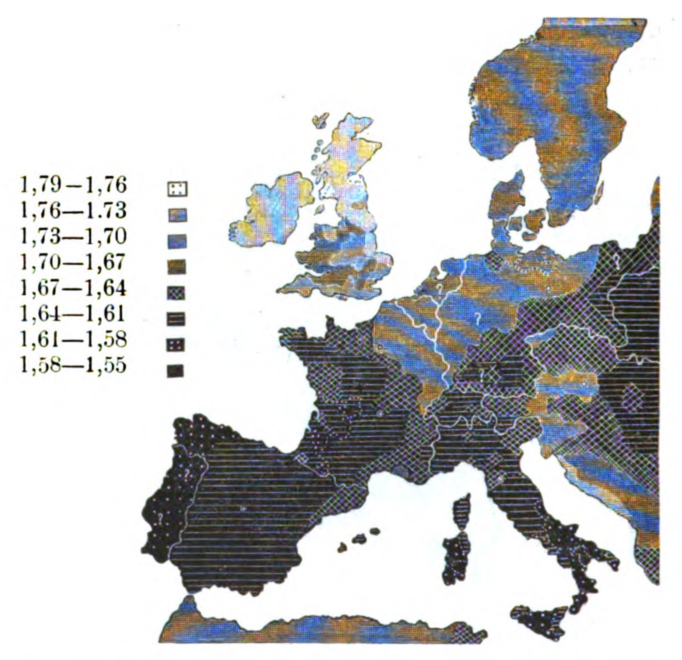
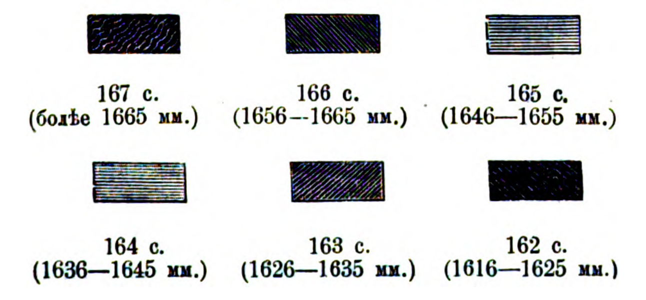


Рис. 10. Распредѣленіе средняго роста въ Западной Европѣ (по Ripley).

Для Россіи мы имѣемъ пока мало подобныхъ данныхъ, а потому не имѣется и соотвѣтственныхъ картъ. Попытки составленія подобныхъ картограммъ для уясненія географическаго распредѣленія роста были сдѣланы мною на основаніи данныхъ о воинской повинности за десять лѣтъ (1874—1883). Я нанесъ на картѣ Европ. Россіи данныя о непринятыхъ за недостаточнымъ ростомъ, процентъ высокорослыхъ новобранцевъ и средній ростъ рекрутовъ по губерніямъ, а также средній ростъ принятыхъ въ войска по уѣздамъ. Въ общемъ всѣ эти данныя указываютъ на существованіе у насъ двухъ главныхъ областей высокорослости: на югѣ (въ Малороссіи и Новороссіи) и на западѣ (въ Прибалтійскихъ и отчасти смежныхъ съ ними губерніяхъ); малорослость же распространена наиболѣе на крайнемъ

западѣ (въ Польшѣ) и на сѣверо-востокѣ (въ губерніяхъ, гдѣ наиболѣе сосредоточены финскіе и тюркскіе инородцы). Распредѣленіе по уѣздамъ

Рис. 11. Средній ростъ рекрутъ по губерніямъ.



вноситъ детальныя поправки и поясненія въ эту картину географическаго распространенія, но иногда также не передаетъ вполнѣ дѣйствительныхъ

отношеній; уѣзды наши оказываются нерѣдко слишкомъ крупными территоріями, и болѣе вѣрное представленіе дало бы распредѣленіе по волостямъ, для чего у меня не было однако данныхъ. Но факты, установленные недавно г. Левицкимъ для Подольскаго уѣзда, Московской губ., показываютъ, что средній ростъ—какъ и коефиціентъ смертности и другія демографическія явленія—можетъ представлять у насъ замѣтныя различія по волостямъ одного и того же уѣзда.

Это ведетъ насъ къ разсмотрѣнію вопроса, насколько расовые типы могутъ считаться стойкими и въ какой мѣрѣ они могутъ измѣняться подъ вліяніемъ разныхъ естественныхъ и искусственныхъ (соціальныхъ) факторовъ. Что касается роста, то вліяніе на среднюю величину его этихъ факторовъ принималось уже давно; во Франціи, напр., еще въ началѣ XIX в. появилась работа Villermé о среднемъ ростѣ конскриптовъ, въ которой была сдѣлана попытка объяснить колебанія роста болѣе или менѣе благопріятными условіями существованія населенія. Попытка эта не оказалась удачною, и большинство послѣдующихъ изслѣдователей стало признавать главнымъ факторомъ величины роста взрослаго населенія во Франціи расу, вліяніе наслѣдственнаго типа. Впрочемъ, въ отдѣльныхъ районахъ, нѣкоторые изслѣдователи допускаютъ и бо́льшее или меньшее вліяніе степени достатка населенія. Такъ, Мануврье, изучая средній ростъ призывныхъ гор. Парижа по округамъ (arrondissements), нашелъ, что варіаціи его стоятъ въ нѣкоторомъ соотвѣтствіи съ бо́льшей или меньшей недостаточностью населенія, критеріемъ которой онъ взялъ процентъ даровыхъ мѣстъ на кладбищахъ. Бѣдные люди въ Парижѣ пользуются правомъ, въ случаѣ, если бѣдность ихъ будетъ надлежащимъ образомъ удостовѣрена, получать даровое мѣсто для могилы, и относительно число такихъ заявленій о бѣдности можетъ служить такимъ образомъ показателемъ послѣдней. О вліяніи на величину роста нѣкоторыхъ профессій говорятъ наблюденія, собранныя уже довольно давно въ этомъ направленіи въ Германіи и Англіи; у насъ въ Россіи извѣстны данныя о рабочихъ на московскихъ фабрикахъ, обработанныя проф. Эрисманомъ. Онъ нашелъ, что ростъ фабричныхъ уступаетъ нѣсколько росту поденщиковъ, и что въ особенности замѣчается пониженіе роста у работающихъ на фабрикахъ, обрабатывающихъ волокнистыя вещества. Этотъ выводъ былъ подтвержденъ д-ромъ Дементьевымъ, который убѣдился, однако, что вліяніе фабрики не можетъ сгладить вліяніе наслѣдственности. Раздѣляя фабричныхъ по ихъ происхожденію, онъ нашелъ, напр., что болѣе высокорослые москвичи превышаютъ по величинѣ средняго роста болѣе низкорослыхъ рязанцевъ, будутъ ли они поденщиками или фабричными. Вліяніе бо́льшаго или меньшаго достатка, степени питанія и т. д. было констатировано въ особенности наблюденіями надъ учащеюся молодежью, которая, въ возрастѣ, напр., 14—20 лѣтъ, оказывается болѣе высокою въ заведеніяхъ, гдѣ воспитываются дѣти бо-

лѣе состоятельныхъ классовъ, чѣмъ въ тѣхъ, гдѣ воспитываются и призрѣваются дѣти малосостоятельныхъ родителей. Это подтверждается многими наблюденіями въ Германіи, Англіи, Соедин. Штатахъ, Италіи, а также въ Россіи, хотя эти наблюденія говорятъ скорѣе въ пользу задержки роста при менѣе благопріятныхъ условіяхъ развитія организма, чѣмъ его уменьшенія. Давно было замѣчено (въ Зап. Европѣ), что при болѣе благопріятныхъ условіяхъ питанія, а отчасти и подъ вліяніемъ жизни въ большихъ городахъ, организмъ развивается скорѣе, и, напр., въ возрастѣ призыва къ воинской повинности горожане, въ среднемъ, оказываются выше сельчанъ; послѣдніе, однако, могутъ позже догнать своихъ городскихъ сверстниковъ, и ко времени полнаго своего развитія даже обогнать ихъ въ величинѣ своего средняго роста. Ростъ населенія можетъ подлежать также нѣкоторому измѣненію съ эпохами. Мы разумѣемъ здѣсь не то, нѣкогда бывшее довольно популярнымъ мнѣніе, что люди въ древности отличались много бо́льшимъ ростомъ, чѣмъ современные. Относительно древнихъ грековъ, римлянъ, египтянъ, индусовъ мы имѣемъ убѣдительныя доказательства (въ костякахъ изъ древнихъ могилъ, муміяхъ, въ сохранившемся оружіи, шлемахъ и т. д.), что ростъ ихъ не былъ выше современнаго. Ростъ европейскаго населенія древнѣйшаго каменнаго вѣка (палеолитическаго) былъ, повидимому, даже ниже, чѣмъ позднѣйшаго, неолитическаго. Но у нѣкоторыхъ племенъ, въ извѣстныя эпохи, ростъ, повидимому, былъ выше, чѣмъ у другихъ или чѣмъ у населенія той же области въ позднѣйшую эпоху. Это доказываютъ многія наблюденія надъ костяками изъ древнихъ могилъ Германіи, Франціи, Англіи и Россіи. Впрочемъ, измѣненіе въ величинѣ роста можетъ быть и временнымъ, преходящимъ, какъ это показываютъ наблюденія надъ ростомъ новобранцевъ въ теченіе послѣдовательныхъ десятилѣтій во Франціи и нѣкоторыхъ другихъ странахъ Зап. Европы. Во Франціи, напр., войны Наполеона I, имѣвшія въ результатѣ гибель многихъ рослыхъ и здоровыхъ молодыхъ людей, причемъ еще бо́льшее число ихъ было оторвано на долгое время отъ своихъ семей и было лишено возможности вступать въ бракъ, сказались во второй половинѣ 30-хъ и 40-хъ годахъ XIX в. тѣмъ, что средній ростъ конскриптовъ нѣсколько понизился, что процентъ высокорослыхъ сталъ меньше, а процентъ малорослыхъ больше. Мало-по-малу, однако, это неблагопріятное вліяніе стало ослабляться, и вариаціи роста приняли свой обычный видъ. Мнѣ удалось констатировать тоже нѣкоторое вліяніе на величину роста у нашихъ новобранцевъ войны 1853—1855 гг. (сказавшееся въ 1874—75 гг.), но также и нѣкоторое уменьшеніе роста для новобранцевъ Евр. Россіи въ 80-хъ годахъ, сравнительно съ 70-ми; послѣднее, можетъ быть, является случайнымъ явленіемъ, а, можетъ быть, указываетъ и на нѣкоторое ухудшеніе условій существованія (желательно было бы прослѣдить эти вариаціи средняго роста въ послѣдующіе годы).

Картограммы являются удобнымъ способомъ для наглядной иллюстраціи географическаго распредѣленія различныхъ антропологическихъ признаковъ, но онѣ не могутъ пояснить предѣлы варіацій извѣстнаго признака въ данной группѣ особей. Для этой послѣдней цѣли могутъ служить кривыя, детально показывающія колебанія, по особямъ, антропометрическихъ данныхъ. Ниже мы приводимъ серіацію (распредѣленіе) по особямъ (въ процентахъ общаго числа) различныхъ величинъ головного показателя въ Италіи (по Ливи, 1896 г.). Внизу діаграммы показаны цифры этого показателя, отъ 69 до 95, съ краевъ — процентъ особей, приходящихся на различныя величины головного индекса. Построены три кривыя: одна,

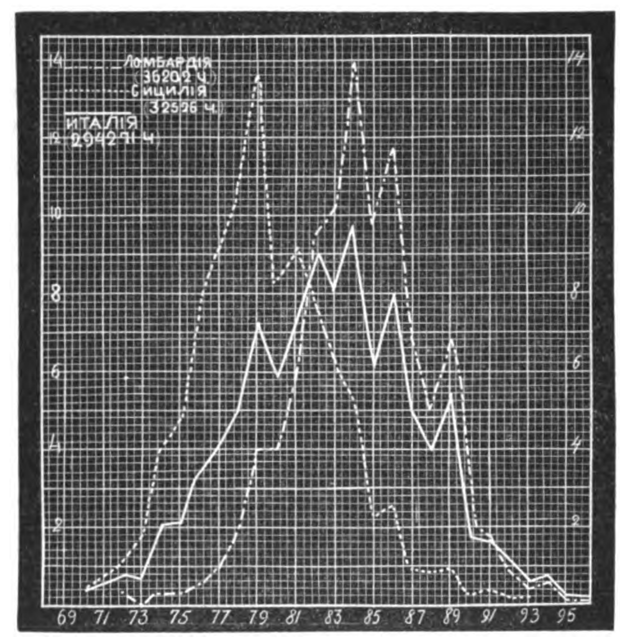


Рис. 12. Кривыя, показывающія серіацію цифръ головнаго показателя для Сициліи, Ломбардіи и всей Италіи (по Ливи).

означенная точечной линіей .... для Сициліи (32,526 особей), другая, очерченная линіей — - — - — для Ломбардіи (36,202 особей) и третья—сплошной чертой ———— для всей Италіи (294,271 чел.). Кривыя для Сициліи имѣютъ вершину (соотвѣтствующую наибольшему числу особей) противъ цифры показателя 79, кривая для Ломбардіи—противъ цифры 84, кривая для всей Италіи—тоже противъ 84. Видно, что въ Сициліи преобладаютъ типы болѣе долихоцефальные, въ Ломбардіи — болѣе брахицефальные; вся же Италія обнимаетъ полную серію типовъ, но съ явственнымъ преобладаніемъ типовъ широкоголовыхъ. Любопытно, что кривая для всей Италіи выказываетъ нѣсколько вершинъ, причемъ одна соотвѣт-

ствуетъ вершинѣ кривой для Сициліи. Это заставляетъ предполагать смѣшанность итальянскаго населенія по головнымъ типамъ и вообще по расѣ; населеніе Сициліи относится къ средиземной расѣ, населеніе Ломбардіи—къ альпійской. Кривая для смѣшаннаго населенія всегда шире, чѣмъ для населенія болѣе чистаго въ антропологическомъ смыслѣ. Ripley сопоставилъ четыре кривыхъ, показывающихъ серіацію черепного показателя на черепахъ баварскаго населенія (1000 чер., по Ранке), черепахъ неолитическаго періода Франціи (688 чер., по Сальмону), черепахъ швейцарцевъ (232, по Коллъману) и черепахъ малоазіатскихъ грековъ (179 ч., по Петерсену-Лушану). Наиболѣе гомогенная кривая оказывается

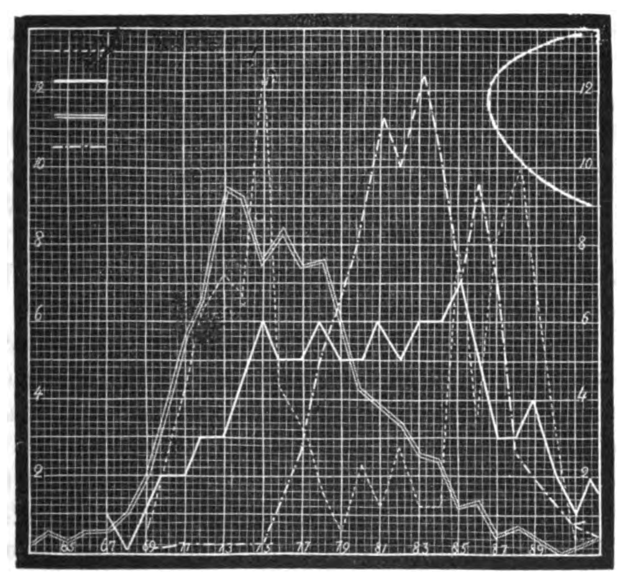


Рис. 13. Кривыя, показывающія серіацію черепнаго показателя въ болѣе чистыхъ и болѣе смѣшанныхъ населеніяхъ. Линіей ------ означена кривая показателя для малоазіатскихъ грековъ (179 чер., по Petersen-Luschan); линіей ——— для швейцарцевъ (232 чер., по Kollmann); линіей ═══ для череповъ неолитическаго періода (688, по Salmon) и —·—·—·— для баварскихъ череповъ (1000, по Ranke).

у баварцевъ; показатель ихъ хотя и варіируетъ въ предѣлахъ 75—91, но у большинства концентрируется на цифрахъ 81—85, съ вершиной на 83, выказывая, впрочемъ, и двѣ меньшихъ вершины—на 81 и 86. Кривая для неолитическихъ череповъ уже шире, захватываетъ индексы отъ 64 до 90, хотя все-таки выказываетъ явственную вершину на 73, съ явственнымъ преобладаніемъ долихоцефальныхъ типовъ (менѣе 78). Но кривая для Швейцаріи указываетъ на значительную смѣшанность населенія; она очень широка (отъ 67 до 91) и не представляетъ явственной вершины (имѣется рядъ вершинъ—на 85, 81, 78, 75). Еще о большей гетерегоненности свидѣтельствуетъ кривая для греческаго населенія Малой

Азіи; въ ней видны двѣ рѣзко обособленныя вершины—одна на 74, другая на 88, что́ указываетъ на присутствіе какъ рѣзко долихоцефальнаго, такъ и крайне брахицефальнаго элемента. Первый элементъ—древнегреческій, эллинскій, второй—аллофильный, чуждый эллинскому по расѣ, но смѣшавшійся съ нимъ и ставшій тожественнымъ по языку. Методъ кривыхъ можетъ быть вообще полезнымъ во многихъ случаяхъ, когда имѣется въ виду выяснить серіацію извѣстнаго признака и большую или меньшую гомогенность извѣстной группы особей въ антропологическомъ отношеніи. Впрочемъ, такое значеніе кривыхъ обусловливается и количествомъ наблюденій; говоря вообще, кривая будетъ тѣмъ вѣрнѣе передавать дѣйствительныя отношенія, чѣмъ на большемъ числѣ данныхъ она построена; при маломъ числѣ данныхъ она можетъ значительно уклоняться отъ истинной для извѣстнаго населенія.

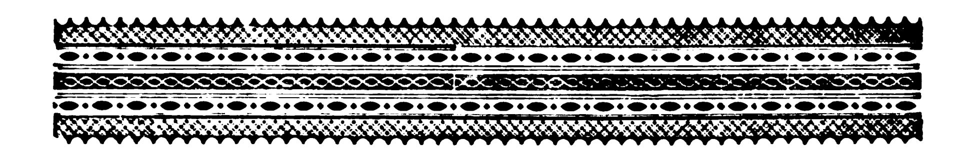
Какъ показываютъ нѣкоторыя наблюденія, съ теченіемъ вѣковъ можетъ измѣняться не только ростъ, но и цвѣтъ волосъ, и форма головы (черепа). Древняя бѣлокурость германцевъ уступила мѣсто бо́льшей темноволосости у современныхъ нѣмцевъ, и долихоцефалія ихъ смѣнилась брахицефаліей у современнаго населенія Германіи. Подобныя же измѣненія произошли и въ Россіи. Въ курганахъ Московской губ. (IX—XI вв., по многимъ признакамъ — славянскихъ) было найдено десятка $1^1/_2$ образцовъ волосъ, которые всѣ (за однимъ исключеніемъ) оказались темнорусыми, указывающими на то, что въ населеніи эпохи кургановъ преобладали брюнеты; въ настоящее время, хотя брюнеты и не составляютъ рѣдкости, въ общемъ типъ населенія болѣе свѣтловолосый. Съ другой стороны, черепа изъ кургановъ выказываютъ явное преобладаніе долихоцефаліи, которая на черепахъ изъ московскихъ кладбищъ XѴI—XѴII вв. уступаетъ мѣсто брахицефаліи, являющейся еще болѣе выраженною на черепахъ XѴIII-го и начала XIX-го вѣка (хотя небольшой процентъ долихоцефаловъ сохранился и въ современномъ населеніи). Это измѣненіе типа съ вѣками объясняли различно: путемъ смѣшенія съ другими народностями (напр., германцевъ со славянами, славянъ съ финнами), послѣдовательнымъ вліяніемъ культуры, вымираніемъ одного типа и размноженіемъ другого и т. д.. Допуская у человѣка вліяніе естественнаго отбора, нѣкоторые изслѣдователи выражали мнѣніе, что наиболѣе дѣятельный и энергичный элементъ населенія могъ чаще гибнуть (въ войнахъ и т. д.), чѣмъ элементъ болѣе пассивный, который могъ поэтому съ теченіемъ времени возрастать въ своей численности. Въ Южной Германіи, напр., германскій пришлый элементъ, нѣкогда господствовавшій надъ основнымъ, кельтскимъ, могъ съ теченіемъ вѣковъ подвергаться вымиранію, тогда какъ кельтскій получилъ численное преобладаніе. Въ пользу такого толкованія говоритъ наблюденіе, что выдающіеся общественные элементы, особи, выдѣляющіяся изъ массы посредственностей, обыкновенно бываютъ

не въ состоянiи упрочить свой типъ въ потомствѣ. Фамилiи римскихъ императоровъ, англiйскихъ и французскихъ пэровъ, знаменитыхъ мыслителей, художниковъ, политическихъ дѣятелей и т. д. большей частью исчезаютъ черезъ одно-два-три поколѣнiя. Это справедливо даже по отношенiю къ горожанамъ вообще; въ Парижѣ, нѣкоторыхъ городахъ Германiи и т. д. изслѣдованiя показали, что лишь очень малый процентъ населенiя происходитъ отъ дѣдовъ, уже родившихся въ городѣ; нѣсколько больше такихъ, дѣды которыхъ явились въ городъ изъ провинцiи; значительно больше происходящихъ отъ отцовъ, поселившихся въ городѣ, и, наконецъ, масса родившихся въ провинцiи и только переселившихся въ городъ. Такимъ образомъ, города, гдѣ нѣкогда сосредоточивалась (да и теперь еще отчасти сосредоточивается) избранная, наиболѣе интеллигентная и дѣятельная часть населенiя, служатъ центрами, привлекающими къ себѣ людей изъ окрестныхъ провинцiй, способствующими ихъ выдѣленiю изъ массы, но и губящими многихъ изъ нихъ и, во всякомъ случаѣ, не гарантирующими ихъ потомство за предѣлами немногихъ поколѣнiй. Мало-по-малу, слѣд., прежнее городское населенiе вымираетъ и смѣняется новымъ, пришлымъ, а это можетъ вести къ существенному измѣненiю его антропологическаго типа.

Города влiяютъ, кромѣ того, на измѣненiе типа и въ другихъ отношенiяхъ. Они служатъ главными разсадниками многихъ болѣзней, алкоголизма, преступности и т. д.; здѣсь происходитъ смѣшенiе различныхъ типовъ, усвоиваются зачатки вырожденiя, дегенерацiи. Въ будущемъ задачею культурнаго человѣчества должно быть болѣе активное вмѣшательство въ процессъ этого измѣненiя типовъ, въ борьбу съ явленiями вырожденiя. Съ развитiемъ просвѣщенiя все болѣе и болѣе сознается необходимость борьбы съ алкоголизмомъ, факторами преступности, условiями, ведущими къ дегенерацiи и т. д. Но появляются голоса, взывающiе и къ болѣе активному вмѣшательству въ этотъ антропологическiй процессъ, хотя такое вмѣшательство и представляется покуда утопiей. Гальтонъ, напр., указалъ недавно на то, что судьба культурнаго человѣчества будетъ существенно зависѣть отъ того, какiе элементы въ немъ получатъ со-временемъ преобладанiе. Если элементы болѣзненные, вырождающiеся, порочные, вялые, лѣнивые, малоспособные, малоинтеллигентные будутъ размножаться сильнѣе, чѣмъ стоящiе выше нормы, то это не сулитъ блага въ будущемъ. Противодѣйствуя, по мѣрѣ возможности, развитiю и размноженiю въ своей средѣ отрицательныхъ элементовъ, культурное общество должно подумать и о томъ, какими бы мѣрами содѣйствовать развитiю, упроченiю, размноженiю элементовъ положительныхъ, всему тому, что выдается выше нормы, типамъ, способнымъ передать потомству выдающiяся умственныя и нравственныя качества. Каждый человѣкъ, выдѣляющiйся своими способностями и качествами надъ массой, если онъ къ

тому же здоровъ и можетъ производить потомство, имѣетъ шансы, въ случаѣ брака съ здоровою, интеллигентною женщиной, оставить по себѣ потомство, которое унаслѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, въ части своихъ членовъ, качества своего родителя и въ состоянiи будетъ, съ своей стороны, при условiяхъ здороваго физическаго развитiя и правильнаго воспитанiя, передать тѣ же свойства дальнѣйшимъ потомкамъ. Отсюда необходимость для общества, въ интересахъ собственнаго будущаго, содѣйствовать такимъ выдающимся выше нормы особямъ къ упроченiю ихъ типовъ, съ предоставленiемъ имъ возможности основать семью, дать здоровое и подходящее воспитанiе своимъ дѣтямъ и подготовить изъ нихъ будущихъ носителей культуры. Съ умноженiемъ этихъ лучшихъ элементовъ, выказывающихъ гармоническое развитiе тѣла и духа, выдающихся своими способностями, своими умственными и нравственными качествами, тѣсно связанъ истинный прогрессъ культурныхъ нацiй, и, какъ бы подобныя мечты ни представлялись пока еще утопiей, но рано или поздно человѣчеству придется встать лицомъ къ лицу съ этой задачей — упроченiя своихъ лучшихъ типовъ и содѣйствiя къ ихъ сохраненiю и развитiю въ потомствѣ.

Д. Анучинъ.



Значеніе антропологіи въ медицинѣ.

Мм. гг.! Огромный прогрессъ сдѣлали медицинскія науки въ послѣднія десятилѣтія. Успѣшно изучены формы, симптомы и теченіе различныхъ болѣзней. Хорошо разработаны методы распознаванія послѣднихъ. Далѣе, благодаря преимущественно бактеріологіи и гигіенѣ, сдѣланы очень значительные успѣхи по изученію *внѣшнихъ причинъ болѣзней*,—причинъ, лежащихъ въ окружающей человѣка средѣ. Но до самаго послѣдняго времени очень мало изучались *причины заболѣванія, лежащія въ самомъ организмѣ человѣка*, такъ какъ вниманіе изслѣдователей было почти всецѣло отвлечено изученіемъ формъ болѣзненныхъ процессовъ, ихъ симптомовъ, методовъ распознаванія и внѣшней этіологіи. Изслѣдуя уже давно и съ большимъ вниманіемъ вліяніе окружающей человѣка среды на его организмъ, *врачи еще очень мало изучили самого человѣка, окруженнаго этой средой*. Этотъ серьезный пробѣлъ въ медицинѣ является уже почти общепризнаннымъ, и въ послѣдніе годы появился въ русской и иностранной литературѣ рядъ работъ по вопросу о наслѣдственности внутреннихъ, нервныхъ и психическихъ болѣзней и эволюціи болѣзненныхъ процессовъ въ рядахъ поколѣній. Но еще совсѣмъ мало удѣлено врачами вниманія *той роли, какую играютъ расовыя и племенныя особенности человѣческаго организма въ этіологіи болѣзней*. Расовыя и племенныя особенности, передающіяся изъ поколѣнія въ поколѣніе, служатъ очень часто причиной болѣзни при содѣйствіи такихъ внѣшнихъ факторовъ, которые у субъектовъ иной организаціи не вызываютъ обыкновенно никакихъ патологическихъ измѣненій. Вступая на новый путь изслѣдованія причинъ патологическихъ процессовъ, *медицина должна разработать анатомію, физіологію и патологію расъ* и указать, какія анатомическія и физіологическія особенности свойственны чистымъ и смѣшаннымъ расамъ и какіе типы въ смѣшанныхъ расахъ наичаще подвержены или, наоборотъ, иммунны къ тѣмъ или инымъ болѣзнямъ. Отсюда понятно, что при изученіи внутреннихъ причинъ патологическихъ процессовъ врачъ

не можетъ быть не знакомъ съ данными и методами изслѣдованія той науки, предметомъ которой является, между прочимъ, изученіе анатомическихъ, физіологическихъ и патологическихъ особенностей организма у различныхъ расъ и которая носитъ названіе антропологіи.

Наука антропологія должна быть понимаема въ смыслѣ естественной исторіи человѣчества, подобно тому какъ, напр., орнитологія есть естественная исторія птицъ и энтомологія—естественная исторія насѣкомыхъ. Она распадается на два отдѣла: *физическую и психическую антропологію*. Физическая антропологія можетъ быть названа также *соматологіей* человѣческихъ расъ; она изслѣдуетъ морфологическія различія человѣческаго рода и причины возникновенія этихъ различій. Она изучаетъ также физіологію и патологію расъ, но лишь постольку, поскольку физіологическія особенности и извѣстные болѣзненные процессы связаны съ особенностями строенія организма и могутъ такимъ образомъ служить отличительнымъ признакомъ той или иной расы. *Психическая антропологія* занимается изученіемъ психическихъ проявленій отдѣльныхъ человѣческихъ группъ, т.-е. ихъ духовной жизни и ея продуктовъ. Слѣдовательно, она разсматриваетъ человѣка не какъ морфологическую особь, но лишь въ связи съ извѣстной культурной группой, извѣстнымъ обществомъ людей.

Антропологія, представляя собою естественную исторію человѣчества, является, между прочимъ, *дисциплиной, обобщающей многіе важные отдѣлы медицины* и значительно расширяющей кругъ нашихъ свѣдѣній о человѣкѣ. Отсюда понятно ея научное значеніе и та роль, какую она можетъ играть въ общемъ образованіи врача-спеціалиста. «Главная цѣль всѣхъ человѣческихъ знаній,—говоритъ *Virchow*,—заключается въ покоющемся на твердой основѣ естественныхъ наукъ изученіи человѣка во всѣ времена и во всѣхъ проявленіяхъ его жизни», а къ этой цѣли ведетъ насъ антропологія.

Анатомія человѣческаго тѣла, являющаяся основой медицинскихъ знаній, должна представлять собою расовую анатомію, какъ часть физической антропологіи. Въ этомъ смыслѣ и понимаютъ анатомію многіе видные представители этой науки (Waldeyer, Schwalbe и др.). Она должна изучать человѣка такъ, какъ зоологъ изучаетъ животное въ ряду другихъ животныхъ. Вѣдь люди отличаются другъ отъ друга не только по внѣшнимъ признакамъ, но существуетъ разница въ строеніи или, по крайней мѣрѣ, въ относительной величинѣ органовъ тѣла, а вмѣстѣ съ этой разницей существуетъ, конечно, и разнообразіе въ качествѣ и интенсивности физіологическихъ функцій и различная степень иммунности или воспріимчивости къ тѣмъ или инымъ болѣзнямъ. При современномъ состояніи антропологическихъ знаній анатомія не должна ограничиваться изученіемъ и описаніемъ какихъ-то отвлеченныхъ представителей человѣческаго рода, homo sapiens, а изучать ихъ какъ принадле-

жащихъ къ той или другой расѣ, со всѣми присущими расѣ и врожденными особенностями, а также съ особенностями, обусловленными вліяніемъ окружающей природы, качествомъ пищи, условіями совмѣстной жизни, нравами и обычаями, ходомъ культурнаго развитія, общественнымъ положеніемъ, профессіей и пр. Приспособленіе человѣка къ различнымъ условіямъ борьбы за существованіе производитъ въ его тѣлѣ рядъ измѣненій, и эти измѣненія передаются по потомству.

Я не имѣю возможности изложить подробно тѣ данныя, которыя получены по изслѣдованію расовыхъ особенностей въ строеніи и функціяхъ органовъ человѣческаго тѣла. Всѣмъ извѣстно, что, помимо рѣзко бросающагося въ глаза внѣшняго несходства человѣческихъ расъ по цвѣту кожи, по пигментаціи радужной оболочки, формѣ и цвѣту волосъ, очертанію лица и пр., существуютъ значительныя различія въ формѣ, толщинѣ, длинѣ отдѣльныхъ частей скелета, а особенно въ формѣ черепа, которая наиболѣе тщательно изучена и изучается антропологами. Имѣются отдѣльныя указанія на различія въ мышечной системѣ, желудочно-кишечномъ каналѣ, брыжжейкѣ, печени и гортани. Подмѣчены также нѣкоторыя особенности въ строеніи бороздъ и извилинъ мозга, напр., въ недавнее время д-ромъ *Р. Л. Вейнбергомъ* для эстовъ, латышей и поляковъ [1]). Но должно, однако, замѣтить, что имѣющіяся въ настоящее время данныя относительно расовыхъ особенностей многихъ внутреннихъ органовъ, за исключеніемъ костей, еще крайне недостаточны, и потому предстоитъ пополнить въ этомъ отношеніи еще очень значительный пробѣлъ нашихъ знаній. *Необходимо самое подробное изученіе варіацій въ строеніи различныхъ органовъ тѣла* съ цѣлью подмѣтить въ такихъ варіаціяхъ расовые признаки.

Если анатомическія данныя по изученію человѣческихъ расъ требуютъ, какъ мы сказали, очень значительнаго пополненія, то это еще въ большей степени относится къ *расовой физіологіи*, которая въ данное время находится на самыхъ первыхъ ступеняхъ своего развитія. Однакоже относящіяся сюда данныя, хотя и очень малочисленныя, краснорѣчиво убѣждаютъ насъ въ томъ, что врачъ, который приступитъ къ научной разработкѣ нѣкоторыхъ вопросовъ изъ этой области, возьметъ на себя очень благодарный трудъ. Такъ, *Гульдъ* и *Бакстеръ* [2]), основываясь на американской военной статистикѣ, доказали, что представители бѣлыхъ расъ превосходятъ негровъ и индѣйцевъ прижизненной вмѣстимостью легкихъ. Такое явленіе стоитъ, какъ предполагаютъ, въ связи съ большей энергіей обмѣна веществъ и большимъ развитіемъ силы у бѣлыхъ.

---

[1]) *Р. Л. Вейнбергъ.* Das Gehirn der Letten. Cassel, 1896. О строеніи большого мозга у эстовъ, латышей и поляковъ. „Труды Антр. Отд.“, т. XIX. Эсты. „Рус. Антр. Журн.“ 1901 г., кн. VII—VIII.

[2]) *І. Ранке.* Человѣкъ, т. І., стр. 258 и 288.

Частота ударовъ пульса также не одинакова у разныхъ расъ. *Гульдъ* даетъ въ этомъ отношеніи слѣдующія среднія величины:

у мулатовъ	около	77	ударовъ въ минуту.
„ индѣйцевъ	„	76	„ „ „
„ бѣлыхъ	„	75	„ „ „
„ негровъ	„	74	„ „ „

У нѣкоторыхъ народовъ тропическихъ странъ *Jousset* [1]) отмѣчаетъ меньшую, по сравненію съ европейцами, вмѣстимость легкихъ, большую частоту дыханій, малый объемъ груди, болѣе слабо выраженный типъ брюшного дыханія, большую частоту и меньшее напряженіе пульса. Вмѣстѣ съ такими особенностями констатируется слабость мускульной силы, уменьшеніе мочеотдѣленія и увеличеніе отдѣленія пота. Однако, еще не достаточно выяснено, поскольку наблюдаемыя *Jousset* явленія зависятъ отъ климата и географическихъ условій и поскольку они дѣйствительно составляютъ расовую особенность. Вышеприведенныя данныя *Гульда* болѣе цѣнны для насъ въ смыслѣ доказательства расовыхъ различій въ физіологическихъ функціяхъ организма, такъ какъ эти данныя основаны на изслѣдованіи очень большого числа индивидуумовъ, приблизительно одного возраста и находившихся въ одинаковыхъ условіяхъ жизни.

Что касается до важнаго вопроса о составѣ крови, то въ этомъ отношеніи не имѣется еще достаточно убѣдительныхъ наблюденій и изслѣдованій. Но одинъ изъ самыхъ видныхъ авторитетовъ въ области антропологіи, проф. *Ranke*, считаетъ вполнѣ достовѣрнымъ, что кровь, подъ вліяніемъ различія климата и географическихъ условій и особенно подъ вліяніемъ различій общеупотребительнаго питанія, должна представлять разницу въ своемъ химико-морфологическомъ составѣ.

По отношенію къ расовой физіологіи нервной системы интересенъ тотъ фактъ, что у нѣкоторыхъ народовъ, напр. негровъ, существуетъ значительно меньшая, по сравненію съ бѣлыми, болевая чувствительность. Эта особенность констатирована на основаніи точныхъ изслѣдованій и хорошо извѣстна тѣмъ хирургамъ, которымъ приходилось производить операціи неграмъ. Послѣдніе легко и почти безропотно переносятъ самыя тяжелыя операціи.

Необходимо отмѣтить также менѣе тонкое развитіе зрѣнія, слуха и обонянія у нѣкоторыхъ т. наз. низшихъ расъ.

Многіе народы не различаютъ нѣкоторыхъ цвѣтовъ спектра. Такъ, напр., арабы употребляютъ слова: черный, зеленый и бурый, какъ синонимы. Корейцы не различаютъ зеленаго и голубого, называя эти цвѣта

---

[1]) *Jousset A.* Traité de l'acclimatiment et de acclilimatation. Paris, 1884.

однимъ словомъ «pehurada». Племя бонго, обитающее въ Центр. Африкѣ, употребляетъ для чернаго, голубого и зеленаго цвѣта также одно слово— «Kamakulutsch». У этого племени цвѣтовая скала состоитъ изъ трехъ цвѣтовъ: чернаго, краснаго и бѣлаго.

Должно замѣтить, что при указанныхъ особенностяхъ многимъ дикарямъ свойственна необыкновенная острота зрѣнія и слуха, позволяющая дикарю различать детально очень отдаленные предметы и слышать отчетливо самый слабый шумъ, совершенно недоступный уху европейца; однако, гармоническія сочетанія звуковъ, красокъ и тоновъ мало доступны дикарю.

Коснувшись вопроса объ анатомо-физіологическихъ особенностяхъ у разныхъ представителей человѣческаго рода, я не могу пройти молчаніемъ того интереснаго и поучительнаго факта, что *значительныя различія въ строеніи отдѣльныхъ частей тѣла могутъ имѣть мѣсто даже тогда, когда данныя части представляются для невооруженнаго глаза совершенно сходными*. Я имѣю въ виду то существенное расовое различіе, которое наблюдается въ строеніи человѣческихъ волосъ. Возьмемъ для примѣра, съ одной стороны, прямой или гладкій черный волосъ съ головы монгола, а съ другой—прямой же и черный головной волосъ великорусса. Изслѣдованіе покажетъ, что у монгола форма поперечнаго разрѣза волоса представляется почти круглой или широкоовальной, причемъ короткій діаметръ овала относится къ длинному, какъ 80—90 : 100. У великорусса же поперечный разрѣзъ головного волоса имѣетъ форму вытянутаго овала, короткій діаметръ котораго относится къ длинному, какъ 61—71 : 100. Въ волосахъ монгола зерна пигмента нѣсколько крупнѣе, чѣмъ въ волосахъ великорусса, и, кромѣ того, головной волосъ великорусса въ среднемъ нѣсколько тоньше волоса монгола. Возьмемъ для сравненія еще два одинаковыхъ по цвѣту волоса: рыжій головной волосъ араба и рыжій волосъ великорусса. Въ рыжемъ волосѣ араба я наблюдалъ лично, что зернистый пигментъ расположенъ преимущественно въ центральныхъ частяхъ корковаго вещества, а въ волосахъ великорусса—въ периферическихъ частяхъ этого вещества.

Быть можетъ, нѣчто подобное тому, что мы наблюдаемъ въ волосахъ, существуетъ и въ тѣхъ или другихъ внутреннихъ органахъ, т.-е., быть можетъ, при полномъ внѣшнемъ сходствѣ имѣется болѣе или менѣе значительное различіе въ гистологическомъ строеніи. Но въ этомъ отношеніи антропологія еще не даетъ намъ должнаго отвѣта и открываетъ лишь широкое поле для научныхъ изслѣдованій.

Считаю нужнымъ отмѣтить кстати *ту важную роль, какую могутъ играть волосы въ дѣлѣ изученія типа первобытнаго доисторическаго населенія различныхъ мѣстъ земного шара*, такъ какъ они сохраняются вмѣстѣ съ костями въ теченіе столѣтій и даже тысячелѣтій зары-

тыми въ землю, напр. въ могильникахъ и курганахъ. Я нашелъ, что по внѣшнему виду курганныхъ волосъ нельзя давать заключенія объ ихъ первоначальномъ цвѣтѣ, такъ какъ послѣдній можетъ значительно измѣниться подъ вліяніемъ химическихъ и физическихъ агентовъ; причемъ большей частью измѣняется не пигментъ, который вообще отличается необыкновенно большой стойкостью, а роговая субстанція волоса, которая принимаетъ желтый, коричневый или грязно-бурый цвѣтъ. Благодаря такому измѣненію рогового вещества, черные волосы могутъ посвѣтлѣть, а свѣтлые—потемнѣть. Лишь одно гистологическое изслѣдованіе волосъ на поперечныхъ разрѣзахъ даетъ намъ возможность опредѣлить съ положительностью или съ большей или меньшей вѣроятностью первоначальный цвѣтъ волосъ, а именно по густотѣ, цвѣту, расположенію зернистаго пигмента и нѣкоторымъ другимъ его свойствамъ. Изучая волосы изъ кургановъ средней Россіи, я нашелъ [1]), что курганное населеніе было темноволосое. Это обстоятельство противорѣчитъ очень распространенному мнѣнію, что наши предки-славяне были свѣтловолосые, и подтверждаетъ, наоборотъ, мнѣніе нѣкоторыхъ антропологовъ и въ томъ числѣ нашего сочлена по Антропологическому Отдѣлу д-ра *В. В. Воробьева* [2]), что праславянинъ имѣлъ, по всей вѣроятности, темные волосы.

Сдѣлавши краткій обзоръ нѣкоторыхъ данныхъ по вопросу объ анатомо-физіологическихъ расовыхъ различіяхъ, мы коснемся теперь *расовой патологіи*. Нужно сказать, что въ этомъ отношеніи мы имѣемъ гораздо больше данныхъ, чѣмъ по физіологіи расъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что у разныхъ человѣческихъ группъ, смотря по ихъ расовымъ особенностямъ, существуетъ различная степень иммунности или предрасположенности къ тѣмъ или инымъ патологическимъ процессамъ, подобно тому, какъ это мы наблюдаемъ въ мірѣ животныхъ. Извѣстно вѣдь, что одни виды животныхъ легко поражаются такими болѣзнями, къ которымъ другіе виды оказываютъ полную или относительную иммунность. Изученіе расовыхъ особенностей въ патологіи представляетъ многочисленныя затрудненія въ виду, во-первыхъ, невозможности исключить другіе факторы, которые сами по себѣ могутъ играть существенную роль въ этіологіи болѣзней, какъ-то: условій жизни, климата, питанія, а во-вторыхъ,—вслѣдствіе недостатка обширныхъ и повсемѣстныхъ медико-статистическихъ изслѣдованій. Вслѣдствіе этихъ причинъ мы встрѣчаемъ нерѣдко самыя противорѣчивыя мнѣнія по данному вопросу. Такъ, напр., нѣкоторые авторы считаютъ негровъ вполнѣ иммунными къ маляріи; другіе же говорятъ, что негры одинаково

---

[1]) Новыя данныя по изслѣдованію волосъ изъ древнихъ могилъ и отъ мумій. О цвѣтѣ и формѣ волосъ изъ кургановъ средней Россіи. „Тр. Антр. Отд.“, т. XIX.

[2]) *В. В. Воробьевъ*. Великоруссы „Рус. Антр. Журн.“, 1900, кн. I.

съ европейцами подвергаются этой болѣзни. Однако же, на основаніи имѣющихся данныхъ, слѣдуетъ полагать, что истина находится на срединѣ, какъ это часто оказывается при существованіи двухъ противоположныхъ мнѣній. Если малярія и встрѣчается между неграми, живущими на своей родинѣ, т.-е. въ тропическихъ странахъ, то гораздо рѣже, чѣмъ у европейцевъ, и переносится ими въ общемъ гораздо легче, чѣмъ европейцами. По переселеніи же въ болѣе холодныя страны, при рѣзкой перемѣнѣ всѣхъ условій жизни, негры теряютъ понемногу свою иммунность. Европейцы же, попавшіе въ тропическія страны на мѣста, населенныя неграми, несравненно чаще послѣднихъ подвергаются маляріи и въ болѣе тяжелыхъ формахъ.

Интересно, что *степень воспріимчивости къ маляріи у разныхъ типовъ бѣлой расы различна.* По *Buschan'у* [1]) наиболѣе воспріимчивыми къ этой болѣзни оказываются шведы и норвежцы; нѣсколько менѣе ихъ воспріимчивы нѣмцы и голландцы, еще менѣе—англосаксы, затѣмъ идутъ французы, жители Мальты, итальянцы и испанцы.

Монгольская раса, повидимому, сравнительно мало воспріимчива къ маляріи и туберкулезу.

Евреи, по нѣкоторымъ показаніямъ, рѣже поражаются чумой, маляріей и тифомъ; но зато, какъ извѣстно, особенно предрасположены къ нервнымъ и душевнымъ болѣзнямъ и чаще другихъ страдаютъ діабетомъ. Статистика показываетъ, что смертность отъ діабета у евреевъ въ 3—6 разъ превышаетъ смертность отъ этой болѣзни у другихъ расъ. Данныя, имѣющіяся по вопросу о заболѣваемости евреевъ нервными и психическими болѣзнями, убѣждаютъ насъ въ томъ, что ни особыми условіями жизни, ни общественнымъ положеніемъ, ни браками съ ближними родственниками нельзя объяснить всецѣло необыкновенную частоту заболѣванія. Если тѣ или иныя условія жизни евреевъ и не могутъ быть исключены изъ числа этіологическихъ факторовъ, то во всякомъ случаѣ они не играютъ доминирующей въ этомъ отношеніи роли, *и въ частыхъ случаяхъ заболѣванія нервными и душевными болѣзнями нужно видѣть прежде всего расовую особенность евреевъ. Ziemssen* [2]), *Blanchard* [3]) и особенно *Charcot* [4]) указываютъ, что ни одна раса не доставляетъ столь большого матеріала по невропатологіи, какъ еврейская. Статистическія данныя разныхъ странъ Европы указываютъ намъ, что число страдающихъ психическими болѣзнями евреевъ до 4—6 разъ превышаетъ число больныхъ у другихъ расъ. Изъ формъ психическихъ болѣзней чаще другихъ имѣетъ

[1]) *G. Buschan.* Einfluss der Rasse auf die Häufigkeit und die Formen der Geistes-und Nervenkrankheiten. „Allgem. Medicin. Central-Zeitung“, 1897, № 9.

[2]) *Ziemssen.* Die Neurastenie, 1887, стр. 5.

[3]) *Blanchard.* „Bull. de la Soc. d'Anthropol. de Paris“.

[4]) *Charcot* (нѣмецк. изд.). Poliklinische Vorträge. Wien, 1893, стр. 402 и 471.

мѣсто, повидимому, манія. Tabes встрѣчается у евреевъ много рѣже, чѣмъ у другихъ расъ (Миноръ, Stembo, Gajkiewitcz [1]).

По отношенію къ психическимъ заболѣваніямъ у *европейскихъ народовъ* отмѣчено, что народы, принадлежащіе къ скандинавско-германской группѣ, т.-е. представители свѣтлаго типа, чаще всего поражаются депрессивными формами психозовъ. У народовъ же кельто-романской группы и славянъ, т.-е. темноволосаго типа, наичаще встрѣчаются маніакальныя формы психозовъ (*Bannister* и *Hektoen*). У нѣмцевъ и шведовъ меланхолія наблюдается много чаще, чѣмъ манія. У датчанъ и норвежцевъ, по даннымъ *Bannister'a* и *Hektoen'a* [2]), меланхолія встрѣчается въ два раза чаще, чѣмъ манія. Въ Вост. Германіи, гдѣ славянскій элементъ преобладаетъ, меланхолія и манія, по статистикѣ психіатрическихъ заведеній, встрѣчаются приблизительно въ одинаковыхъ количествахъ или же послѣдняя чаще, чѣмъ первая.

Въ связи съ указаннымъ преобладаніемъ у германско-скандинавской группы меланхоліи, а у кельто-романовъ и славянъ маніи, повидимому, находится неодинаковая частота самоубійствъ у этихъ народовъ. По статистикѣ *James Weir'a* (у *Buschan'a*), съ 1880 по 1893 г., оказывается, что на одинъ милліонъ населенія у германско-скандинавской группы, т.-е. у представителей свѣтловолосаго типа, приходится *116* самоубійствъ ежегодно, а у кельто-романовъ, т.-е. представителей низкорослой темноволосой европейской расы, только *48* на одинъ милліонъ, слѣдовательно, почти въ два съ половиною раза меньше. Къ подобнымъ же выводамъ пришелъ и *Hovelacque*. Извѣстно далѣе, что въ тѣхъ мѣстахъ Австріи, гдѣ преобладаетъ нѣмецкое населеніе, самоубійства встрѣчаются много чаще, чѣмъ въ мѣстахъ съ преобладающимъ славянскимъ или венгерскимъ населеніемъ. Наименьшій % самоубійствъ отмѣчается у южно-европейскихъ народовъ. Такъ, напр., въ Италіи на одинъ милліонъ приходится 40, а въ Испаніи 35 случаевъ самоубійствъ въ годъ, т.-е. значительно меньше, чѣмъ въ Германіи, гдѣ на одинъ милліонъ приходится 271 случай самоубійства. Замѣчательно также, что въ южныхъ провинціяхъ Италіи—Апуліи и Калабріи, гдѣ преобладаетъ кельто-романское населеніе, на одинъ милліонъ жителей бываетъ *17 — 33* случая самоубійствъ, а въ сѣверныхъ провинціяхъ, какъ, напр., Ломбардіи и Венеціи, гдѣ въ значительномъ количествѣ живутъ представители германской группы,—около *65—66* случаевъ, т.-е. по крайней мѣрѣ вдвое больше, чѣмъ въ южныхъ провинціяхъ.

Относительно заболѣванія нервными и психическими болѣзнями у другихъ расъ, какъ-то: у монголовъ, негровъ и др., наши свѣдѣнія еще очень невелики. Имѣются, напр., указанія, что японцы болѣе предраспо-

---

[1]) *Gajkiewitz*. Syphilis du systéme nerveux. Paris, 1892, стр. 158.
[2]) У Buschan'a, l. cit., стр. 4.

ложены къ маніакальнымъ формамъ психическихъ разстройствъ. У остяковъ, самоѣдовъ, тунгусовъ, бурятъ, якутовъ и камчадаловъ наблюдается болѣзненная пугливость, сопровождаемая приступами неистовства. У качинцевъ, по *Палласу*, особенно часты менструальные психозы. Имѣются также указанія на своеобразныя психическія разстройства у малайцевъ и жителей Явы и Суматры; но требуются дальнѣйшія повѣрочныя наблюденія для выясненія связи подобныхъ психозовъ съ расовыми особенностями.

Какъ бы ни были еще малочисленны, отрывочны и во многихъ отношеніяхъ не полны данныя объ анатомическихъ, физіологическихъ особенностяхъ человѣческаго рода, объ его иммунности и предрасположенности къ болѣзнямъ, эти данныя все-таки вполнѣ достаточны для убѣжденія насъ въ томъ, что въ этіологіи болѣзней, помимо различныхъ внѣшнихъ факторовъ, играютъ несомнѣнно очень важную роль расовыя особенности организаціи и функцій человѣческаго тѣла. Эти особенности должны быть предметомъ дальнѣйшихъ наблюденій и изслѣдованій.

Быть можетъ, кто-либо поставитъ теперь вопросъ: есть ли необходимость примѣнять къ изученію связи внутренней этіологіи болѣзней съ антропологическимъ типомъ индивидуумовъ тамъ, гдѣ приходится имѣть дѣло съ однороднымъ, повидимому, матеріаломъ, съ однородными антропологическими элементами, напр. съ представителями великорусскаго народа, который говоритъ однимъ языкомъ, исповѣдуетъ единую вѣру, имѣетъ одно историческое прошлое? Но на самомъ дѣлѣ великорусскій народъ такъ же, какъ и малорусскій, не состоитъ изъ однородныхъ единицъ, а произошелъ въ отдаленномъ прошломъ изъ сліянія, по крайней мѣрѣ, двухъ или трехъ расъ. Между великоруссами и малоруссами мы встрѣчаемъ брахицефаловъ и долихоцефаловъ, высокорослыхъ и малорослыхъ, темноволосыхъ и свѣтловолосыхъ, и эти особенности являются унаслѣдованными отъ тѣхъ расъ, изъ сліянія которыхъ образовался современный великорусскій народъ.

Въ связи съ особенностями цвѣта волосъ, глазъ, формы черепа и пр. унаслѣдованы, конечно, и другія анатомо-физіологическія особенности, а вмѣстѣ съ ними—различная степень иммунности и предрасположенности къ тѣмъ или инымъ патологическимъ процессамъ. Въ этомъ отношеніи интересно наблюденіе нашего соотечественника д-ра *Эмме* [1]), который замѣтилъ, что предрасположенность къ маляріи различна у разныхъ типовъ малорусскаго народа: черноволосые малоруссы менѣе предрасположены къ маляріи, чѣмъ свѣтловолосые. Впрочемъ, еще *Геккель* отмѣтилъ, что черноволосые представители смѣшанныхъ европейскихъ расъ легче акклиматизируются въ тропическихъ странахъ и гораздо рѣже подверга-

[1]) *В. Эмме.* Антропологія и медицина. Докладъ первому губернскому съѣзду земскихъ врачей Полтавской губ. Полтава, 1882 г.

ются нѣкоторымъ эпидемическимъ болѣзнямъ, напр. желтой лихорадкѣ, чѣмъ свѣтловолосые европейцы.

Можетъ быть, кто-либо поставитъ и такой вопросъ: *имѣетъ ли антропологія, помимо научнаго значенія, и практическое примѣненіе?* На этотъ вопросъ я прежде всего позволю себѣ отвѣтить словами извѣстнаго антрополога *Топинара*: «Истинная наука, ведущая къ самымъ блестящимъ результатамъ, не имѣетъ въ виду практическихъ цѣлей. Ея единственнымъ двигателемъ служитъ потребность знанія, расширенія области человѣческой мысли, удовлетворенія законной любознательности. Приложенія производятся впослѣдствіи и являются сами собою» [1]... Но было бы однако несправедливо умолчать объ имѣющемся уже практическомъ примѣненіи антропологіи. Я укажу на нѣкоторые случаи такого примѣненія этой науки къ судебной медицинѣ.

Относительная длина отдѣльныхъ частей человѣческаго скелета, въ предѣлахъ извѣстныхъ расъ, обстоятельно изучена антропологами. Данныя такого изученія могутъ быть съ пользою примѣнены въ судебно-медицинскихъ случаяхъ при констатированіи тождества трупа, когда по отдѣльнымъ, найденнымъ гдѣ-либо, частямъ скелета приходится опредѣлить приблизительно ростъ и возрастъ субъекта.

Констатированный *Regnault'омъ* и мною [2]) фактъ, что *ногти* у правшей на правой рукѣ шире, чѣмъ на лѣвой, а у лѣвшей—обратно, можетъ имѣть примѣненіе при судебно-медицинскихъ вскрытіяхъ труповъ. Напр., на трупѣ умершаго при неизвѣстныхъ обстоятельствахъ человѣка находится колотая, рѣзаная или огнестрѣльная рана. Рана эта имѣетъ такое положеніе, направленіе и иныя свойства, что могла быть произведена или посторонней рукой, или лѣвой рукой самого покойнаго, но не правой его рукой. Тогда для выясненія вопроса, имѣло ли мѣсто въ данномъ случаѣ убійство или самоубійство, необходимо, между прочимъ, узнать, не былъ ли покойный лѣвша и не могъ ли онъ самъ себѣ нанести поврежденіе? Этотъ вопросъ съ большей или меньшей вѣроятностью можетъ быть разрѣшенъ путемъ измѣренія ногтей.

Многія профессіи обусловливаютъ въ человѣческомъ тѣлѣ болѣе или менѣе значительныя измѣненія, какъ внутреннія, такъ и внѣшнія, составляющія предметъ изученія для антрополога, гигіениста и судебнаго врача. Подобныя измѣненія имѣютъ мѣсто, между прочимъ, на рукахъ и причиняются тѣмъ орудіемъ, съ которымъ наичаще приходится работающему человѣку имѣть дѣло, напр., молотокъ у каменотеса, игла, наперстокъ и ножницы у портного, котлетный и хлѣбный ножъ у кухарки, ручка съ перомъ у писца и т. п. Подобныя орудія ежедневнаго употребленія про-

---

1) *Топинаръ*. Антропологія. Спб., 1879, стр. 9.

2) „Рус. Антр. Журн.“, 1900 г., № 2.

изводятъ на рукахъ мозоли, ссадины, царапины и пр., по формѣ и положенію которыхъ можетъ быть опредѣлена профессія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и личность трупа или живого человѣка, что очень важно при судебно-медицинскомъ изслѣдованіи неизвѣстныхъ лицъ.

Очень блестящее примѣненіе получила антропологія въ наукѣ права. Я разумѣю антропометрическій методъ распознаванія преступниковъ-рецидивистовъ, предложенный *Bertillon'омъ*. Описаніе этого метода введено теперь въ программу курса судебной медицины для врачей и юристовъ. Преступники-рецидивисты, или преступники по профессіи, для которыхъ та или иная преступная дѣятельность является правильнымъ источникомъ существованія, составляютъ самый опасный элементъ въ преступномъ мірѣ, самыхъ нежелательныхъ нарушителей права. На борьбу съ ними должно быть обращено очень серьезное вниманіе всего цивилизованнаго міра въ цѣляхъ сдѣлать, тѣмъ или инымъ способомъ, такихъ преступниковъ безвредными, безопасными для общества. Поэтому должны быть приняты всѣ средства для распознаванія прошлой жизни такихъ рецидивистовъ, ихъ прежней судимости. Опытъ показываетъ, что преступниковъ-рецидивистовъ удерживаетъ отъ преступленія не столько перспектива тяжести возмездія за нарушеніе права, т. е. тяжести наказанія, сколько боязнь неизбѣжности наказанія, боязнь того, что, при новомъ столкновеніи съ правосудіемъ, все ихъ прошлое будетъ открыто и всѣ ихъ преступленія снова будутъ хорошо извѣстны представителямъ правосудія. Существовавшіе до введенія метода Бертилльона и существующіе въ настоящее время другіе способы опредѣленія личности рецидивистовъ, какъ то: паспортная система, списки судимости и фотографическія карточки, оказались неудовлетворительными на практикѣ. Что касается паспорта, то преступникъ можетъ пользоваться и чужимъ, какъ это нерѣдко и бываетъ, или же вовсе не имѣть паспорта. Списки судимости оказываются полезными лишь только тогда, когда преступникъ-рецидивистъ откровенно называетъ свою собственную фамилію. Фотографическія карточки вовсе не оправдали тѣхъ надеждъ, которыя на нихъ возлагались. Борода, усы, прическа, костюмъ, настроеніе снимающагося субъекта, освѣщеніе, искусство фотографа,—все это болѣе или менѣе значительно мѣняетъ физіономію. Далѣе, карточки не поддаются никакой классификаціи, такъ что каждый разъ необходимо пересмотрѣть всѣ имѣющіяся въ бюро карточки, иногда въ количествѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ, чтобы найти ту, которая именно нужна, причемъ, конечно, ее всегда возможно просмотрѣть. Методъ Бертилльона основывается на многочисленныхъ антропометрическихъ изслѣдованіяхъ, показавшихъ, во-первыхъ, что, по достиженіи субъектомъ 23—25-лѣтняго возраста, костные размѣры отдѣльныхъ частей человѣческаго тѣла перестаютъ расти и затѣмъ остаются до извѣстнаго времени неизмѣнными и, во-вторыхъ, что нельзя найти

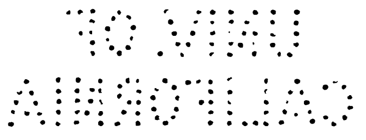
двухъ людей, достигшихъ указаннаго возраста, у которыхъ всѣ костныя длинноты тѣла были бы одинаковы, т. е. были бы одинаковы длина и ширина головы, рукъ, ногъ, пальцевъ и пр. Отсюда понятно, что если произведены измѣренія отдѣльныхъ частей тѣла у взрослаго преступника, то на основаніи записанныхъ цифръ возможно впослѣдствіи, по истеченіи даже многихъ лѣтъ, при повторномъ измѣреніи того же субъекта, идентифицировать его личность, т. е. доказать, что онъ раньше былъ измѣряемъ, и затѣмъ, конечно, можно справиться и о томъ, по какому поводу онъ былъ измѣренъ.

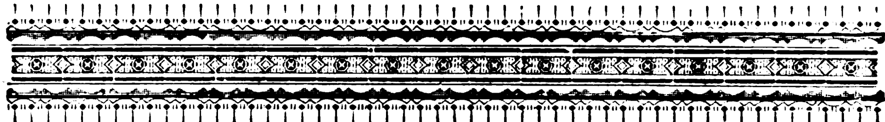
По Бертилльону, измѣренію подлежатъ: 1) ростъ, 2) высота бюста, 3) ширина размаха рукъ, 4) продольный діаметръ головы, 5) поперечный ея діаметръ, 6) длина средняго пальца и мизинца лѣвой руки, 7) длина лѣваго предплечья, 8) длина лѣвой стопы, 9) длина и ширина праваго уха. Кромѣ того отмѣчается: 1) цвѣтъ iris лѣваго глаза, 2) профиль носа, 3) особыя примѣты на тѣлѣ (рубцы, родимыя пятна и пр.). Всѣ эти данныя вносятся въ особую антропометрическую карточку, къ которой приклеивается и фотографическій снимокъ съ рецидивиста. Записывается также имя, фамилія и судимость измѣреннаго лица. Всѣ имѣющіяся карточки раздѣляются въ антропометрическомъ бюро на группы и раскладываются въ многочисленные ящики. Главныхъ группъ четыре: 1) группа женщинъ, 2) группа подростковъ до 17-лѣтняго возраста, 3) группа юношескаго и старческаго возраста отъ 17 до 25 лѣтъ отъ роду и отъ 45 лѣтъ и старше, 4) группа взрослыхъ мужчинъ въ возрастѣ 25—45 лѣтъ, у которыхъ костныя длинноты отличаются полной неизмѣнностью. Карточки, относящіяся къ послѣдней группѣ, распредѣляются прежде всего на три отдѣленія (три ящика или шкапа) по величинѣ продольнаго діаметра головы, т.-е. одно отдѣленіе съ малыми размѣрами длины головы, другое—со средними, третье—съ большими. Каждое изъ этихъ трехъ отдѣленій опять раздѣляется на три по величинѣ поперечнаго размѣра головы. Затѣмъ идутъ дальнѣйшія подраздѣленія по длинѣ средняго пальца, мизинца, ступни, локтя и т. д. Понятно, что при такомъ способѣ подраздѣленія легко отыскать карточку по полученнымъ вновь измѣреніямъ преступника-рецидивиста. Въ виду того, что въ группѣ преступниковъ-подростковъ нельзя распредѣлить карточки вышеописаннымъ способомъ, такъ какъ костные размѣры у такихъ субъектовъ еще не установились, принято раздѣленіе по цвѣту глазъ. У лицъ же въ возрастѣ отъ 17 до 25 и отъ 45 и выше въ основаніе подраздѣленія карточекъ положена длина и ширина головы, какъ величина постоянная, не подвергающаяся или очень мало подвергающаяся измѣненіямъ.

Антропометрическія бюро имѣются во многихъ городахъ Западной Европы и въ Россіи. Въ Парижскомъ бюро отождествляется ежегодно нѣсколько тысячъ рецидивистовъ.

Указанными мною примѣрами далеко, конечно, не исчерпывается научно-практическое значеніе антропологіи. Знаніе антропологіи необходимо для врача еще во многихъ другихъ случаяхъ. Напр., какой врачъ, пожелавшій изучить вліяніе школьной обстановки на физическое развитіе учащихся дѣтей, не прибѣгнетъ къ методамъ изслѣдованія человѣческаго организма, выработаннымъ антропологами? Далѣе, какой врачъ, пожелавшій изслѣдовать, въ интересахъ охраненія народнаго здравія, вліяніе той или иной географической обстановки или профессіи на человѣческій организмъ, пройдетъ мимо антропологіи, если пожелаетъ, чтобы выводы, полученные имъ на основаніи его изслѣдованій, могли быть названы строго научными? Какой, наконецъ, врачъ, пожелавшій внести свою посильную лепту въ дѣло изученія антропологическихъ типовъ населенія нашей родины, обойдется безъ знанія антропологіи? Таково отношеніе къ медицинѣ и научно-практическое значеніе антропологіи, какъ дисциплины, идущей на встрѣчу къ главной цѣли всѣхъ человѣческихъ знаній, а именно «къ изученію самого человѣка во всѣ времена и во всѣхъ проявленіяхъ его жизни».

П. Минаковъ.





Объ антропологическомъ изученіи славянскаго населенія Россіи.

Для врача, желающаго посвятить антропологіи лишь нѣкоторую часть своихъ досуговъ, наиболѣе простою и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе благодарною задачею является антропологическое изученіе различныхъ инородческихъ племенъ, одни изъ которыхъ совсѣмъ еще не изучены, другія же изучены пока недостаточно полно. И въ русской антропологической литературѣ можно, дѣйствительно, отмѣтить цѣлый рядъ посвященныхъ отдѣльнымъ народамъ Россіи монографій, значительную часть которыхъ составляютъ, кстати сказать, докторскія диссертаціи, написанныя вдали отъ центровъ интеллектуальной жизни, при условіяхъ, чрезвычайно затрудняющихъ созданіе научныхъ работъ въ большинствѣ другихъ областей знанія.

Можно было бы думать, что большинству врачей, живущихъ среди господствующаго славянскаго населенія Россіи, въ области изученія антропологическихъ, племенныхъ типовъ нечего уже дѣлать. Но такое представленіе было бы до крайности ошибочнымъ: по отношенію къ славянскому населенію Россіи, по отношенію даже къ самимъ великоруссамъ антропологами сдѣлано до сихъ поръ далеко не такъ уже многое, да и то, что сдѣлано, касается въ большинствѣ случаевъ небольшого числа антропологическихъ признаковъ и распространяется лишь на нѣсколько группъ населенія, выхваченныхъ изъ различныхъ областей и мѣстностей.

Древнее населеніе центра, въ которомъ сложилось и окрѣпло великорусское племя, было изучено, по найденнымъ во многихъ мѣстахъ въ старинныхъ могильникахъ и кладбищахъ черепамъ и другимъ остаткамъ скелетовъ, трудами А. П. Богданова, собравшаго воедино цѣлый рядъ своихъ личныхъ изслѣдованій, равно какъ и находокъ и изслѣдованій своихъ ближайшихъ учениковъ. На основаніи этихъ изслѣдованій могла быть установлена извѣстная хронологическая послѣдовательность въ измѣненіяхъ формы и типа череповъ, исходя изъ которой, проф. Богдановъ сдѣлалъ

попытку установки физическаго типа древняго славянина, равно какъ и пути, по которому шла эволюція этого типа вплоть до развитія типовъ современнаго славянскаго (великорусскаго) населенія. Работы другихъ изслѣдователей, занимавшихся изученіемъ современнаго великорусскаго населенія, касаются лишь отдѣльныхъ узко ограниченныхъ мѣстностей. Изъ работъ, произведенныхъ на скелетахъ, наиболѣе широкій районъ захватываетъ работа проф. Таренецкаго, изучившаго нѣкоторое количество череповъ великоруссовъ изъ различныхъ губерній сѣверной части области разселенія великоруссовъ, а именно изъ губерній: Архангельской, Олонецкой, Вологодской, Костромской, Ярославской, Петербургской, Псковской, Новгородской и Тверской, хотя при этомъ на каждую губернію падаетъ небольшое сравнительно число череповъ. Нѣкоторое, не очень, впрочемъ, большое, число великорусскихъ череповъ изслѣдовано проф. Landzert'омъ, проф. Маліевымъ и нѣкоторыми другими изслѣдователями.

Изъ изслѣдованій же, произведенныхъ на живыхъ, наиболѣе обобщающимъ, охватывающимъ всю Россію, а, слѣдовательно, и всѣ области разселенія великоруссовъ и остальныхъ славянскихъ племенъ Россіи, является изслѣдованіе проф. Д. Н. Анучина, посвященное разсмотрѣнію лишь одного антропологическаго фактора, а именно роста. Тѣмъ не менѣе, благодаря широтѣ захваченнаго изслѣдованіемъ района, проф. Анучинъ имѣлъ возможность сдѣлать нѣсколько чрезвычайно цѣнныхъ сопоставленій между варіаціями въ величинѣ средняго роста населенія отдѣльныхъ областей и нѣкоторыми племенными особенностями различныхъ великорусскихъ группъ и смѣшеніями ихъ съ другими народами, указанія на возможность которыхъ даются намъ изысканіями историковъ и лингвистовъ. Мы не можемъ останавливаться здѣсь на изложеніи хотя бы главнѣйшихъ выводовъ и положеній проф. Анучина. Необходимо, однако, выставить на первый планъ то обстоятельство, что цѣнные выводы проф. Анучина могли быть получены лишь при условіи захвата изслѣдованіемъ значительной массы славянскаго населенія, живущаго по всѣмъ областямъ обитанія его въ Россіи. Точныя данныя относительно роста проф. Анучинъ могъ получить, благодаря своду цифръ, добытыхъ при измѣреніяхъ роста въ воинскихъ присутствіяхъ за десять лѣтъ, прошедшихъ со времени введенія всесословной воинской повинности. Для другихъ антропологическихъ факторовъ у насъ нѣтъ подобнаго рода данныхъ; антропологи должны добывать ихъ, сами производя соотвѣтствующія изслѣдованія. Само собою разумѣется, что, когда мы будемъ имѣть въ своемъ распоряженіи данныя относительно многихъ признаковъ, характеризующихъ особенности строенія великоруссовъ, разсѣянныхъ по различнымъ областямъ ихъ обитанія, тогда возможно будетъ полученіе новыхъ чрезвычайно важныхъ выводовъ и обобщеній. Поэтому каждое новое изслѣдованіе великорусскаго населенія того или другого района имѣетъ въ настоящее время большое значеніе, обогащая науку

новыми свѣдѣніями, позволяющими сейчасъ же если и не разрѣшить, то все же намѣтить, подготовить къ разрѣшенію многія важныя научныя проблемы. Новыя изысканія тѣмъ болѣе необходимы, что сдѣланное до сихъ поръ очень и очень еще недостаточно. Такъ, для великоруссовъ изъ изслѣдованій на живыхъ, кромѣ вышеуказаннаго труда проф. Анучина, можно отмѣтить работу г. Талько-Грынцевича, изслѣдовавшаго т. наз. «семейскихъ», т.-е. великоруссовъ-старообрядцевъ, выселенныхъ изъ Россіи въ Сибирь еще въ половинѣ XVII в.; проф. Анучинъ далъ также свѣдѣніе о нѣкоторыхъ признакахъ (цвѣтѣ волосъ и глазъ и формѣ головы) у населенія Московской губ.; для нѣкоторыхъ измѣреній головы имѣются также данныя г. Икова. Въ работахъ г. Рождественскаго, а также нѣкоторыхъ другихъ авторовъ, особенно же врачей-гигіенистовъ, изучавшихъ рабочее населеніе подмосковнаго и нѣкоторыхъ другихъ фабричныхъ районовъ, равно какъ и школьныхъ врачей, занимавшихся изслѣдованіями учениковъ и ученицъ, мы имѣемъ рядъ свѣдѣній, касающихся большею частью немногихъ отдѣльныхъ антропологическихъ факторовъ, характеризующихъ различныя группы великорусскаго населенія.

Понятно, что и изслѣдованія другихъ славянскихъ племенъ, живущихъ въ Россіи, а именно бѣлоруссовъ, малороссовъ и поляковъ, также дадутъ намъ матеріалъ, чрезвычайно цѣнный какъ самъ по себѣ, такъ и по его значенію для сравнительно-антропологическаго изученія господствующаго населенія Россіи. Но и въ этомъ отношеніи до сихъ поръ сдѣлано не многое: для бѣлоруссовъ мы имѣемъ изслѣдованія Икова, Янчука, Эйхгольца; для малороссовъ—работы Diebold'а, Гильченко, Эмме, Майера и Коперницкаго и др. авторовъ; для поляковъ—Майера и Коперницкаго, Олехновича, Талько-Грынцевича, Элькинда и др. Но означенныя изслѣдованія далеко еще не достаточны для рѣшенія самыхъ основныхъ, кардинальныхъ вопросовъ антропологіи славянскаго населенія Россіи. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что современное славянское (по языку и обычаямъ) населеніе Россіи, по своему происхожденію и по расовымъ типамъ, представляется населеніемъ смѣшаннымъ, принявшимъ въ свой составъ многіе неславянскіе элементы. Историческія, археологическія и лингвистическія изысканія указываютъ на достовѣрную примѣсь финской крови, на вѣроятную примѣсь монгольской крови, можетъ быть, и германской (для великоруссовъ и бѣлоруссовъ чрезъ вліяніе варяговъ, т.-е. норманновъ, а для малороссовъ и поляковъ еще и чрезъ позднѣйшія соприкосновенія съ другими германскими племенами). Тѣ немногія данныя о физическомъ типѣ современнаго славянскаго населенія Россіи, какія имѣются уже на-лицо, указываютъ на существованіе болѣе или менѣе значительныхъ областныхъ различій даже и среди представителей одного и того же славянскаго племени. Мы можемъ, слѣдовательно, заключить, что современное славянское населеніе Россіи представляется не только смѣшаннымъ, но еще и по

различнымъ мѣстностямъ обитанія не вполнѣ однороднымъ, т.-е. составленнымъ или изъ различныхъ расовыхъ элементовъ, или же изъ однихъ и тѣхъ же элементовъ, но въ различныхъ мѣстностяхъ различно другъ на друга взаимодѣйствовавшихъ. Въ настоящее время предъ нами открывается рядъ важнѣйшихъ вопросовъ: 1) Каковъ физическій типъ современнаго славянскаго населенія различныхъ угловъ Россіи и какъ велики предѣлы различій между отдѣльными областными типами? 2) Вліяніе какихъ отдѣльныхъ физическихъ типовъ можетъ быть усмотрѣно при изученіи смѣшаннаго конгломерата, составляющаго современное населеніе различныхъ областей? 3) Какимъ народамъ исторіи или доисторической антропологіи соотвѣтствуютъ отдѣльные физическіе типы, вошедшіе въ составъ современнаго смѣшаннаго населенія и т. д. Даже самый важный для насъ вопросъ о томъ, каковъ былъ физическій типъ древняго славянина или, лучше сказать, праславянина, общаго родича всѣхъ славянъ, далеко еще не разрѣшенъ хоть сколько-нибудь удовлетворительно. По одному мнѣнію, исходящему отъ французской антропологической школы (школы Брока) и раздѣляемому авторитетными англійскими антропологами (Тайлоръ, Леббокъ и др.), предки славянъ родственны ближе всего кельтамъ и обладали лишь сравнительно свѣтлыми (рыжими, а можетъ - быть, русыми) волосами и короткоголовостью и большимъ ростомъ. По другому взгляду, наиболѣе распространенному среди нѣмецкихъ авторовъ и принятому изъ славянскихъ ученыхъ русскимъ проф. Богдановымъ, а въ послѣднее время и чешскимъ ученымъ проф. Л. Нидерле, предки славянъ сближаются съ древними германцами и представляются, слѣдовательно, въ видѣ высокорослаго же, но чисто бѣлокураго и голубоглазаго, длинноголоваго племени. Наконецъ, въ послѣднее время выдвигается третій взглядъ, нѣсколько отличный отъ перваго и представляющій древнихъ славянъ близкою къ кельтамъ разновидностью т. наз. Адріатической или Динарской расы—не очень высокорослой, круглоголовой, обладающей темнымъ цвѣтомъ волосъ и глазъ. Очевидно, что наиболѣе цѣнный матеріалъ для освѣщенія и болѣе вѣрнаго рѣшенія спорнаго вопроса о типѣ древняго славянина можетъ быть полученъ при накопленіи и тщательномъ анализѣ значительнаго числа наблюденій, производимыхъ въ различныхъ мѣстахъ обитанія славянъ, а въ томъ числѣ и въ различныхъ областяхъ Россіи.

Для того, чтобы выяснить хотя бы приблизительно ходъ и направленіе, въ которомъ могутъ идти подобнаго рода изслѣдованія, я позволю себѣ остановить ваше вниманіе на моихъ личныхъ изысканіяхъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мною было изслѣдовано 325 взрослыхъ мужчинъ, уроженцевъ Рязанской губ. Всѣ изслѣдованные субъекты были раздѣлены мною на три группы: 1) субъектовъ темнаго, брюнетическаго типа, т.-е. обладающихъ черными или темно-русыми волосами и черными или темно-карими и карими глазами, 2) группу свѣтлаго типа (свѣтлые волосы и

свѣтлыя же радужныя оболочки) и 3) группу смѣшаннаго типа, т.-е. комбинаціи свѣтлыхъ волосъ и темныхъ глазъ и обратно. Преобладающимъ типомъ, давшимъ свыше 60% всѣхъ наблюденій, оказался смѣшанный типъ. Типъ блондиновъ въ своемъ чистомъ видѣ, т.-е. съ волосами цвѣта льна, соломенно-желтыми и другихъ оттѣнковъ настоящихъ бѣлокурыхъ волосъ и съ голубыми глазами, былъ представленъ лишь ничтожнымъ числомъ наблюденій; значительно же большее число (около 20% всѣхъ наблюденій) падало на долю относительныхъ блондиновъ, т.-е. субъектовъ съ свѣтлорусыми волосами и сѣрыми или сѣроголубыми глазами. Наиболѣе опредѣленно могла быть выдѣлена группа субъектовъ темнаго типа, давшая около 19% всѣхъ наблюденій. Изъ этихъ данныхъ можно уже сдѣлать слѣдующіе выводы: 1) современное великорусское населеніе Рязанской губ. представляется смѣшаннымъ, причемъ сліяніе составляющихъ его типовъ довольно полно (значительно преобладаетъ смѣшанный типъ); 2) типъ чистаго блондина входитъ, вѣроятно, въ число производителей современнаго населенія, но онъ почти растворился въ этой смѣси, не оставивъ по себѣ сколько-нибудь значительнаго числа потомковъ, сохранившихъ основныя его черты, и 3) лучше сохранились остатки брюнетическаго типа. Послѣднее обстоятельство могло произойти оттого, что среди нашихъ предковъ брюнеты или преобладали численно, или же представляли изъ себя болѣе стойкій типъ. Желаніе ближе познакомиться съ особенностями предполагаемаго брюнетическаго предка великоруссовъ заставило меня выдѣлить изъ общей массы изслѣдованныхъ рязанцевъ представителей темнаго типа и изслѣдовать отдѣльно отъ общей массы нѣкоторые другіе важнѣйшіе ихъ антропологическіе признаки, а прежде всего ростъ и форму головы (головной указатель). Оказалось, что представители темнаго типа, по сравненіи ихъ съ общей массой рязанцевъ, отличаются нѣсколько большей высокорослостью и большей же короткоголовостью (брахицефаліей). Обращаясь теперь къ даннымъ, имѣющимся въ антропологической литературѣ для другихъ славянскихъ группъ, напр., сербокроатовъ, чеховъ, поляковъ, русиновъ, малороссовъ, бѣлоруссовъ и т. д., мы можемъ замѣтить, что чѣмъ сильнѣе выражена въ какой-нибудь славянской группѣ темная комплексія, т.-е. чѣмъ большій въ ней процентъ темноволосыхъ и темноглазыхъ субъектовъ, тѣмъ оказывается эта группа, по сравненію ея съ другими группами, болѣе высокорослою и болѣе короткоголовою. Для всѣхъ, слѣдовательно, славянскихъ группъ можно отмѣтить участіе какого-то одного общаго производителя, характерными чертами котораго были: высокій ростъ, темный цвѣтъ волосъ и глазъ и короткоголовость. Но такъ какъ подобный производитель общъ всѣмъ славянскимъ группамъ, весьма вѣроятно, что это и былъ общій всѣхъ славянъ предокъ или праславянинъ. Такой выводъ, сближаясь съ кельтической или, точнѣе, съ динарской гипотезой происхожденія славянъ, ста-

новится въ противорѣчіе съ теоріей, сближающей славянъ съ германскими племенами и имѣющей большое число компетентныхъ защитниковъ. Число моихъ наблюденій (325) не достаточно велико для того, чтобы, опираясь на нихъ, можно было бы отвергнуть всѣ доводы защитниковъ только что упомянутой теоріи. Возможно, что въ моихъ наблюденіяхъ сказалось вліяніе какихъ-нибудь случайныхъ, мѣстныхъ условій, не повторявшихся при созданіи группъ великорусскаго населенія другихъ областей. Требуются, слѣдов., и въ этомъ направленіи новыя наблюденія, распространенныя на возможно большее число областей великорусскаго обитанія. Желательно также и введеніе въ изученіе значительно большаго числа антропологическихъ признаковъ, не достаточно полно разсмотрѣнныхъ въ предшествующихъ работахъ. Необходимо, наконецъ, чтобы по отдѣльнымъ областямъ были собраны болѣе значительныя числа индивидуальныхъ наблюденій. При численно большемъ матеріалѣ и вся масса субъектовъ темной комплексіи могла бы быть раздѣлена на подгруппы высокорослыхъ и низкорослыхъ субъектовъ; тогда можно было бы прослѣдить, не скажется ли въ послѣдней подгруппѣ вліяніе производителя низкорослаго, темнаго брахицефала, т.-е. монгола и т. д. Подобнымъ же образомъ и группа субъектовъ свѣтлой комплексіи можетъ быть расчленена на высокорослыхъ и низкорослыхъ, на длинноголовыхъ и короткоголовыхъ и т. д. Изслѣдованіе въ этихъ отдѣльныхъ подгруппахъ цѣлаго ряда другихъ антропологическихъ признаковъ и сравненіе ихъ съ признаками, характерными для тѣхъ или другихъ народовъ, имѣвшихъ, судя по историческимъ даннымъ, возможность вліять на физическій типъ современныхъ великоруссовъ, можетъ дать намъ отвѣтъ на много важныхъ и интересныхъ вопросовъ не только антропологіи, но и исторіи славянскаго населенія Россіи. Можно, наконецъ, оставивъ въ сторонѣ историческіе народы, сравнивать отдѣльные типы, наблюдаемые среди современнаго славянскаго населенія Россіи, съ главнѣйшими типами доисторическаго населенія Европы, строеніе котораго въ настоящее время довольно хорошо изучено по многочисленнымъ, найденнымъ въ различныхъ мѣстностяхъ, останкамъ его скелетовъ. Тогда у насъ откроется еще болѣе широкій горизонтъ, и глазъ антрополога будетъ въ состояніи проникнуть въ тѣ отдаленныя времена, которыя для историка остаются окутанными сплошною, непроницаемою тьмою.

Рядъ вопросовъ, освѣщеніе которыхъ можетъ быть сдѣлано на основаніи антропологическаго изученія современнаго славянскаго населенія Россіи, очень великъ, и я меньше всего претендую, конечно, хотя бы даже и на приблизительно полное его исчерпываніе. Но если изъ немногихъ, сдѣланныхъ выше, указаній уважаемые слушатели вынесутъ впечатлѣніе, что и среди господствующаго въ Россіи населенія можно про-

изводить рядъ сравнительно не сложныхъ изслѣдованій, обѣщающихъ, однако, дать чрезвычайно цѣнный и поучительный во многихъ отношеніяхъ матеріалъ, цѣль моего настоящаго сообщенія достигнута.

Литература по изученію славянскаго населенія Россіи.

Для оріентировки въ положеніи славянъ относительно другихъ человѣческихъ расъ могутъ служить слѣдующія сочиненія: *Deniker* — Les races de l'Europe. I. L'indice céphalique. Paris, 1899; *онъ же* — Человѣческія расы (рус. пер.). Спб., 1902 г.; *Kollmann*—Les races humaines de l'Europe et la question arienne. „Congr. intern. d'archéol. et d'anthr". Moscou, 1892; *Нидерле* — Человѣчество въ доистор. времена (рус. пер.), 1898; *Penka* — Die Herkunft der Arier. Wien, 1886.; *онъ же*—Origines Ariacae. Wien, 1883; *Poesche*—Die Arier. Jena, 1878; *Topinard*—De la race en anthropologie. „Congr. intern. d'archéol. et d'anthr". Moscou, 1892; *Тэйлоръ*—Происхожденіе арійцевъ и доисторич. человѣкъ (рус. пер.), 1897 и т. д. Доисторическое населеніе Россіи, курганы, могильники и ихъ населеніе, свѣдѣнія по археологіи Россіи и т. д. см. въ „Трудахъ Антр. Отд. Имп. Общ. Люб. Ест., Антр. и Этногр.", въ „Древностяхъ", „Матеріалахъ по археол. восточныхъ губ." и „Археол. Изв. и Замѣт.", изд. Моск. Арх. Общ., въ „Матеріалахъ по археол. Россіи", изд. Имп. Археол. Комис., въ „Трудахъ" археол. съѣздовъ и въ „Congr. internat. d'archéol. préhist. et d'anthr. à Moscou, 1892" и др.

Великоруссы: *Анучинъ Д. Н.*—О географ. распредѣл. роста мужск. насел. Россіи. „Изв. Имп. Рус. Геогр. Общ.", 1889; *онъ же* — Quelques données pour la craniol. de la popul. actuelle du gouv. de Moscou. „Congr. intern. d'arch. et d'anthrop. à Moscou, 1892"; *онъ же*—Великоруссы. „Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона"; *онъ же* — Россія въ антроп. отнош. Тамъ же; *Архиповъ* — О разм. груди у здор. людей по росту и возрасту. „Воен.-Мед. Жур.", 1874, кн. 8; *Baer*—Nachrichten über d. ethnogr.—craniol. Sammlung d. Kaiser. Acad. d. Wissensch." St.-Pet., 1858; *Бензенгръ*—Къ антроп. жен. насел. Москвы. „Антр. Выст.", т. III; *Бируля-Бялыницкій*—Къ вопросу о вѣсѣ мозга человѣка. „Тр. Антр. Общ. при Воен-Мед. Акад.", 1897, т. II; *Bloch* Type grand-russien. „Bull. de la Soc. d'Anthrop. de Paris", 1897; *Blosfeld*—Organostathmologie u. s. w. „Zeitschr. f d. Staatsarzenkunde", 88 Bd., Erlangen, 1864; *Богдановъ А. П.*— О черепахъ камен. вѣка, найден. до сихъ поръ въ Россіи. „Антр. Выст.", IV; *онъ же*—Quelle est la race la plus ancienne en Russie? „Congr. intern. d'archéol. et d'anthr. préh. à Moscou, 1892," и др. работы; *Бухштабъ*—Матер. къ вопросу о вѣсѣ, объемѣ мозга и т. д. Дис. Спб., 1884; *Бѣлиловскій* — Объ антроп. типѣ преступниковъ. Дис. Спб., 1895; *Бѣляковъ*—Антроп. изслѣдов. убійцъ. „Арх. Псих. Ковалевскаго", 1884, № 1—2; *Бѣляевъ*—Матер. для изслѣд. вліянія учебн. завед. на физич. развит. учащихся. Дис., Спб., 1889; *Васильевъ*—Размѣры черепа и лица по отнош. къ возрасту и росту у учен. въ Серпухов. школахъ. „Тр. Антр. Отд.", XIX; *Welcker*—Bau und Wachsthum d. menschl. Schädels; *онъ же* — Kraniol. Mittheil. „Arch. f. Anthr.", 1866; *Виллямовскій*—Матер. для опред. санит. сост. петербур. гимназій. „Жур. М. Н. Пр.", 1866; *Воробьевъ* — Матер. къ антроп. великор. насел. нѣкот. уѣздовъ Рязанск. губ. „Тр. Антр. Отд.", XIX; *онъ же* — Наруж. ухо человѣка.

Ibid., XX; *онъ же*—О соотнош. между ростомъ и главными размѣрами головы и лица. „Рус. Антр. Журн.“, 1900, № 3; *онъ же*—Великоруссы. Ibid. 1900, № 1-й; *онъ же*—Къ вопр. о т. наз. затылочномъ типѣ строенія черепа у вырож. душев.-больныхъ. „Журн. Невроп. и Псих. имени Корсакова“, 1901, кн. 2; *Герценштейнъ*—Физич. качества рус. новобранцевъ. Докл. въ Воен.-Санит. Общ. въ Спб., 1888; *Гильченко*—Терскіе казаки. „Проток. засѣд. Рус. Антр. Общ. при Петерб. унив. за 1890—91 гг.“; *онъ же*—Вѣсъ мозга и нѣкот. его частей. „Труды Антр. Отд.“, XIX; *Граціановъ*—Матер. для изуч. физ. разв. дѣтск. и юнош. возр. Дис. Спб., 1889; *Грязновъ*—Опытъ сравн. изуч. гигіен. условій быта крестьянъ въ Черепов. у., 1880; *Déténticv*—Influence de la race et des condit. hygién. et sociales sur le develop. phys. de l'homme. „Congr. intern. d'archéol. et d'anthr. à Moscou“, 1892; *Dieberg*—Das Gewicht d. Körpers u. s. einzeln. Organe. „Viert-jahrschr. f. gerichtl. u. öffentl. Medic“. Berl., Bd. 25, 1864; *Дикъ*—Мат. къ изслѣд. роста, вѣса и т. д. дѣтск. и юнош. возраста. Дис., Спб., 1883; *Даніельбековъ*—Мат. къ вопр. о вѣсѣ и объемѣ голов. и спин. мозга у дѣтей. Дис., Спб., 1885; *Erismann*—Untersuch. üb. d. körperl. Entwick. d. Arbeitbevölk. in Zentralrussland. „Arch. f. soc. Gesetzgeb. u. Statist“. Tübingen, 1888; *Жбанковъ*—О вліяніи школы на физ. разв. учащ. „Вѣстн. Суд. Мед. и пр.“, 1889, кн. 3; *Закъ*—Физич. разв. дѣтей въ сред.-уч завед. г. Москвы. Дис., М. 1892; *Зеландъ*—Къ антроп. зап.-сибир. крестьянина. „Рус. Антр. Журн.“, 1900, № 3; *Зубковскій*—Опытъ изслѣд. по вопр. санит. сост. и гигіен. обст. военно-уч. завед. Дис., Спб., 1879; *Иковъ*-Замѣтки по кефалом. бѣлоруссовъ сравнит. съ велико- и малоруссами. „Дневн. Антр. Отд.“, 1890, в. IV; *Калюбакинъ*—Антроп. изслѣд. надъ насел. нѣкот. Москов. фабрикъ. „Тр. Антр. Отд.“, т. IV; *Коперницкій*—Предв. сообщ. о краніол. изслѣд. надъ славян. черепами. „Изв. Ун. Св. Влад.“, 1861; *онъ же*—Quelques obsérv. céphalométr. sur les ruthenies, les russes et les finnois. „Bull. de la Soc. d'Anthr. de Paris“, 1869, t. IV, sér. 2; *Красновъ*—Объ антроп. типахъ насел. Харьков. уѣзда. „Геогр. сборн. студ. Харьков. ун.“, Харьк., 1891; *онъ же*—Объ антроп. изслѣд. и измѣр. въ Харьк. и Валковск. у. „Рус. Антр. Журн.“, 1900, № 2; *Крумбмиллеръ*—Нѣкотор. данныя о ростѣ новобранцевъ Новгородскаго уѣз. „Протоколы и сообщенія Общества врачей Новгородской губ. за 1891/2 г.“; *Куликова*—О формѣ жен. черепа. „Тр. Антр. Отд.“, т. V; *Landzert*—Beitr. z. Kenntniss d. Grossrussenschädel. „Bericht üb. d. Zusammenkufnt einig. Anthropol. in Sept. 1861“; *Левицкій*—Къ вопр. о физ. сост. насел. Подольск. уѣзда. М., 1901; *Лесгафтъ*—Мат. для изуч. школ. возр. „Здоровье“, 1879—80; *Лутохинъ*—Истор. обзоръ литер. о расов. отлич. таза. „Тр. Антр. Отд.“, XIX; *Маліевъ*—Мат. для сравн. антроп. „Тр. Общ. Естествоисп. при Казан. ун.“, т. IV, № 2; *онъ же*—О строеніи рус. черепа. „Врачъ“, 1882; *Майновъ*—Помѣсь русскихъ съ якутами. „Рус. Антр. Журн.“, 1900, № 4; *Мацокинъ*—Опытъ антропометр. изслѣд. насел. Забайк. обл. „Рус. Медиц“, 1893, № 38; *Минаковъ П. А.*—О цвѣтѣ и формѣ волосъ изъ кургановъ Сред. Россіи. „Тр. Антр. Отд.“, XIX; *онъ же*—О ногтяхъ человѣч. руки. „Рус. Антр. Журн.“, 1900, № 2; *Михайловъ*—Мат. къ опред. физ. разв. въ сельс. школ. Рузск. у., М., 1887; *Нагорскій*—О вліян. школъ на физич. разв. дѣтей. Спб., 1881; *Нестеровъ*—Современ. школа и здоровье. „Тр. II съѣзда врачей въ Москвѣ“, 1887, т. I; *Пантюховъ*—О ростѣ нѣкот. племенъ Закавказ. края. Тифл., 1890; *онъ же*—Закавказ. русскіе. Газ. „Кавказъ“, 1891, № 155; *онъ же*—О вліяніи переселен. въ Закавк. край на физ. разв. русскихъ. „Рус. Мед.“, 1891, № 35—37; *онъ же*—Антроп. наблюд. на Кавказѣ. „Зап. Кавказ. Отд. И. Р. Г. Общ.“, кн. XV, Тифл., 1893; *Песковъ*—О вліяніи фабр. на здоров. рабочихъ. „Тр. VI съѣзда врачей“. М., 1882; *Петровъ*—Сравн. антроп. данныхъ о призывныхъ Курск. губ. „Дневн.

Антр. Отд.", 1893, в. I; *Погожевъ*—Кирпично-гончар. производство въ Москов. у. М., 1881; *Проценко*—Антроп. этюды. „Зап. Общ. Естествоисп. въ Кіевѣ", 1872, т. II; *Пумпянскій*—Значеніе окружности груди въ дѣлѣ оцѣнки тѣлеснаго развитія молодыхъ людей призывного возраста. „Воен.-Мед. Жур"., 1892, февр.; *Рождественскій* — Величина головы человѣка въ ея завис. отъ пола, роста, возраста и расы. „Тр. Антр. Отд.", XVIII; *онъ же*—Къ вопр. о древн. насел. Рязан. губ. Изд. Рязан. учен. архив. комис. Рязань, 1893; *Райковъ* — Объ измѣр. груди здоров. матрос. Дис. Спб., 1889; *Рума* — Антроп. матер. для опред. физич. разв. учащ. „Сборн. сочин. по суд. мед. и пр.", т. III, 1880; *Рунге*— Къ учен. о формѣ таза взрос. женщ. Тазъ русск. женщ. Спб., 1888; *Рылинъ*—Тазъ великор. женщ. „Журн. Акуш. и Жен. бол.", 1892; *Снегиревъ*—„Воен.-Мед. Журн.", 1884 (свѣд. о ростѣ новобранц.); *Талько-Грынцевичъ* — Семейскіе великоруссы. Томскъ, 1898; *Тареицкій*—Beiträge z. Craniol. d. grossruss. Bevölker. „Mém. d. l'Acad. d. Sc. de S.-Pét." 1884; *Тарновская*—Étude anthropom. sur les prostit. et les voleuses (russes). Paris, 1889; *Тихоміровъ* – Объ антроп. выводахъ изъ измѣр. народонасел. Тульск. губ. „Тр. Антр. Отд.", т. V; *Троицкій*—Итоги кефалометр. изслѣд. у преступн. „Рус. Мед.", 1884; *Филатовъ*—Мат. для опред. формы и сред. вел. рус. женск. таза. М., 1887; *Харузинъ*—Къ антроп. насел. Эстлянд. губ. (великор.). „Времен. Эстл. губ. за 1893", Ревель, 1894; *Штейнбергъ*—Итоги краніо- и кефалометр. излѣд. у душев.-больн. „Арх. Псих." (Ковалевскаго), 1884, № 2—3; *Эмме*—Антроп. и медиц., Полтава, 1882; *онъ же*—О множественности антроп. средн. типовъ великорус. и малорус. череповъ и о соотн. между цвѣтностью и форм. черепа. „Тр. Антр. Отд.", т. VIII—IX, в. 3—4.

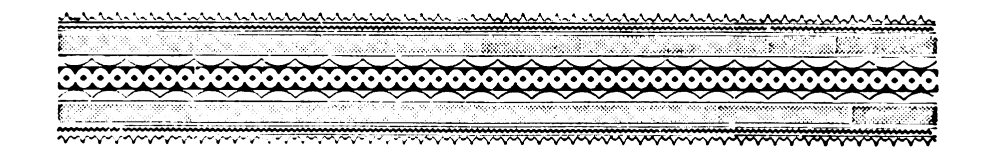
Малороссы: *Анучинъ Д. Н.*—О геогр. распр. роста муж. насел. Россіи. „Изв. Имп. Географ. Общ.", 1889; *Гильченко*—Кубан. казаки. „Тр. Антр. Отд.", XVIII; *онъ же*—Вѣсъ мозга и нѣкот. его частей. Ibid., т. XIX, *Diebold*—Ein Beitrag z. Anthrop. d. Kleinrussen. In.-Diss. Dorpat, 1886; *Иковъ*—Зам. по кефалом. бѣлорус. сравн. съ велико- и малорус. „Дневн. Антр. Отд.", 1890, в. IV; *Красновъ*—Объ антроп. типахъ нас. Харьк. у. „Геогр. сборн. студ. Харьк. ун.", Харьк., 1891; *онъ же*—Объ антроп. изслѣд. и измѣр. въ Харьк. и Валков. у. „Рус. Антр. Журн.", 1900, № 2; *Magierowski*—Wzrost ludności w powiecie Sanockim. „Mater. antrop.-archeol. i etnogr.", Krakow, t. IV (о русинахъ); *Маліевъ*—Матер. для сравн. антроп. „Тр. Общ. Естествоисп. при Казан. ун.", т. IV, № 2; *Mayer*—Roczny przyrost ciała u ludności galicyjskiej и т. д. „Zbior wiadom. do antrop. kraj." t. II, 1878; *онъ же*—Charakterystyka typiczna Russinow naddnieprzanskich. Ibid., т. III, 1879; *Mayer i Kopernicki*—Charakterystyka fizyczna ludności galicyjskiej. Ibid., т. I и IX; *Поповъ М.*—Къ ученію о черепахъ. Харьк., 1890; *Проценко*—Антроп. этюды. „Зам. Общ. Естествоисп. въ Кіевѣ", 1872, т. II; *Talko-Hryncewicz* — Charakterystyka fizyczna luda ukrainskjego. Krakow, 1890; *Эмме*—Антропол. и медицина. Полтава, 1882; *онъ же* — О множественности антроп. средн. типовъ великор. и малорус. череповъ и т. д. „Тр. Антр. Отд.", т. VIII—IX, вып. 3—4.

Бѣлоруссы: *Бируля-Бялыницкій*—Къ вопр. о вѣсѣ мозга человѣка. „Тр. Антр. Общ. при Воен.-Мед. Акад.", 1897, т. II; *Иковъ*—Зам. по кефалом. бѣлоруссовъ сравн. съ велико- и малорус. „Дневн. Антр. Отд.", 1890, в. IV; *Талько-Грынцевичъ*—Къ антроп. народностей Литвы и Бѣлорус. „Тр. Антр. Общ. при Воен.-Мед. Акад. за 1893"; *онъ же*—Къ антроп. населенія Подоліи. Ibid., т. II (работы того же автора на польск. яз. см. въ литерат. о малоруссахъ и полякахъ); *Янчукъ*—Нѣск. данныхъ по вопр. объ антр. типѣ бѣлоруссовъ. „Дневн. Антр. Отд.", 1890, в. IV; *Эйхгольцъ*—Мат. къ антроп. бѣлорус. Рославл. у. Дис. Спб. 1896.

Поляки: Литература о полякахъ на польск. языкѣ сосредоточена главн.

обр. въ краковскомъ изданіи „Zbior wiadom. do antrop. kraj.“ (до 1894 г.); съ 1895 г. это изд. переименовывается въ „Mater. antrop.-archeol. i etnograficzne“. Главнѣйшія свѣдѣнія изъ этой литературы изложены по-русски въ статьѣ г. *Талько-Грынцевича:* Польская антроп. литература въ „Рус. Антр. Журн.“, 1900, № 4. Обширная литер. о полякахъ въ антр. отн. (какъ на польск., такъ и на русск. языкахъ) собрана въ другой работѣ *Талько-Грынцевича:* Поляки. „Рус. Антр. Журн.“, 1901, № 1. Отсылая за справками къ этимъ двумъ работамъ, здѣсь мы приводимъ лишь болѣе доступныя работы, т.-е. такія, которыя или напечатаны по-русски или цитируются у русскихъ авторовъ: *Бируля-Бялыницкій*—Къ вопр. о вѣсѣ мозга человѣка. „Тр. Антр.Общ. при Воен.-Мед. Ак.“, 1897, т. II; *Вейнбергъ*—О строеніи больш. мозга у эстовъ, латышей и поляковъ. „Тр. Антр. Отд.“, XIX; *Гильченко*—Вѣсъ мозга и нѣкот. его частей. Ibid., т. XVIII; *Закржевскій*—Wzrost w Krolewstwi Polskiem. „Zbor wiad.“ и т. д., т. XV, 1891; *Коперницкій и Майеръ*—Charakter. fisyczna ludności galicyjskiej. Krakow, 1876; *Олехновичъ*—Charakt. antrop. ludnośсi gub. Lubels. Krakow, 1893; *Talko-Hryncewicz*—Schlahta ukrainska. „Zbior wiad.“ и т. д., т. III; *Павловъ*—Тазъ польск. жен. „Жур. Ак. и Жен. бол.“, 1895; *Ящинскій*—Антроп. мат. къ изуч. роста, вѣса и т. д. у поляковъ, евреевъ въ ихъ школьн. возр.; *Элькиндъ*—Привислянск. поляки. „Тр. Антр. Отд.“, т. XVIII.

В. В. Воробьевъ.



Объ антропологическомъ изученіи инородческаго населенія Россіи.

Знаменитый представитель современной медицины и глава нѣмецкихъ антропологовъ, проф. Рудольфъ Вирховъ, въ одной изъ своихъ рѣчей высказалъ убѣжденіе, что антропологію ждетъ въ Россіи, благодаря разноплеменному составу ея населенія, особенно широкое и особенно интенсивное развитіе, что общій прогрессъ антропологической науки много зависитъ отъ успѣха изслѣдованій русскихъ антропологовъ, такъ какъ здѣсь, въ Россіи, хранятся ключи къ разгадкѣ цѣлаго ряда вопросовъ, выдвигаемыхъ требованіями современной антропологіи, и что Россія для западно-европейскихъ антропологовъ представляетъ страну, къ которой вполнѣ приложимы слова: «ex oriente lux». Въ самомъ дѣлѣ, антропологія, разсматривающая человѣка, какъ особь зоологическаго вида Homo, и желающая обнять весь циклъ формъ этого вида въ протяженіи, во времени и въ пространствѣ, принадлежитъ къ числу тѣхъ наукъ, для конечныхъ выводовъ которыхъ количество и разнообразіе проанализированнаго матеріала имѣетъ громадное значеніе. Подобно тому, какъ ботаника и зоологія стремятся къ описанію и изученію всѣхъ формъ и видовъ растительнаго и животнаго царства, точно такъ же и для антропологіи весьма важно зарегистрировать своими изслѣдованіями по возможности всѣ народности, всѣ племена, образующія своею совокупностью различныя человѣческія расы. Въ этой регистраціи на долю русской антропологіи выпадаютъ особенно сложныя и особенно трудныя задачи. Этническій составъ населенія Россіи отличается такимъ разнообразіемъ, какого мы не находимъ ни въ одномъ западно-европейскомъ государствѣ,—разнообразіемъ какъ физическихъ типовъ, такъ и культурныхъ степеней. Разложить этотъ составъ на входящіе въ него элементы, выдѣлить среди послѣднихъ главные и второстепенные, подмѣтить у нихъ черты сходства и различія, выяснить степень родства и взаимодѣйствія—задача, на удовлетворительное рѣшеніе которой мы мо-

жетъ надѣяться только черезъ продолжительное время, только тогда, когда не будемъ оставаться ни одного племени, котораго не коснулись бы антропометрическіе циркули и ленты.

Антропологія, понимаемая въ смыслѣ, близкомъ къ современному,— наука молодая вообще, а въ Россіи въ частности; она насчитываетъ здѣсь не болѣе 40—50 лѣтъ своего существованія. Естественно, что за такой недолгій періодъ времени она далеко еще не успѣла охватить своими изслѣдованіями всю массу тѣхъ народностей, которыя раскинуты на огромномъ пространствѣ Россіи. Но свои молодые годы она прожила не даромъ,— найдя въ Россіи благопріятную почву для своего развитія, она быстро стала рости, крѣпнуть, все болѣе и болѣе расширяться, и капиталъ, внесенный ею въ общую сокровищницу антропологической науки, достигъ къ нашему времени значительныхъ размѣровъ. Капиталъ этотъ составлялся изъ различныхъ взносовъ — крупныхъ и малыхъ, со стороны корифеевъ науки и простыхъ любителей ея. Накопленію его содѣйствовали какъ жертвователи, такъ въ особенности сборщики. При всякомъ сборѣ наибольшаго успѣха достигаютъ тѣ лица, которыя сами убѣждены въ важности дѣла, которому они служатъ, и умѣютъ вселить эти убѣжденія въ другихъ. Особенно искусными, съ этой точки зрѣнія, сборщиками антропологическаго капитала явились въ Россіи четыре лица: покойный профессоръ Московскаго университета А. П. Богдановъ, нашъ глубокоуважаемый предсѣдатель, проф. Д. Н. Анучинъ, начальникъ Военно-Медицинской Академіи, профессоръ анатоміи А. И. Таренецкій и бывшій профессоръ анатоміи Дерптскаго, нынѣ Кенигсбергскаго университета Л. Х. Штида. При проф. А. П. Богдановѣ, первомъ апостолѣ антропологіи въ Россіи, пересадившемъ ее съ французской почвы на русскую, основателѣ нашего Отдѣла и Общества, прогрессъ русской антропологической науки испыталъ два поступательныхъ движенія: одно, благодаря его личнымъ многочисленнымъ и цѣннымъ изслѣдованіямъ, происходило *въ* самой наукѣ, другое, благодаря его организаторскимъ способностямъ и умѣнью привлекать на научныя предпріятія крупныя денежныя средства, направлялось *къ* наукѣ. Проф. А. И. Таренецкій, основатель Антропологическаго Общества при Военно-Медицинской Академіи, много содѣйствовалъ росту нашей науки какъ своими собственными изслѣдованіями, главнымъ образомъ о великоруссахъ и айнахъ, такъ и привлеченіемъ къ занятіямъ антропологіей цѣлаго ряда своихъ учениковъ-врачей, представлявшихъ свои антропологическіе труды въ качествѣ докторскихъ диссертацій. Подъ его руководствомъ появились антропологическія изслѣдованія: осетинъ — Н. В. Гильченко, бурятъ — И. И. Шендриковскаго и М. Т. Поротова, кабардинцевъ — Я. Д. Вышогрода, армянъ — И. К. Тварьяновича, кумыковъ — П. Ф. Свидерскаго, башкиръ — Д. П. Никольскаго, таранчей — В. Э. Найселя, бѣлоруссовъ — Э. Р. Эйхгольца, евреевъ — М. П. Яковенко и др. Проф. Л. Х. Штида

также поощрялъ представленіе диссертацій на антропологическія темы и, благодаря ему, появился рядъ изслѣдованій, преимущественно по антропологіи Прибалтійскаго края: эстовъ—Grube и Witt'a, ливовъ—Waldhauer'a, латышей—Waeber'a, литовцевъ — Brennsohn'a, евреевъ — Blechmann'a, малороссовъ—Diebold'a и др. Кромѣ того, проф. Штида оказывалъ и продолжаетъ оказывать важныя услуги русской антропологіи тѣмъ, что знакомитъ съ результатами русскихъ антропологическихъ работъ западно-европейскихъ ученыхъ, давая о всѣхъ ихъ обстоятельные отчеты и рефераты въ издаваемомъ подъ редакціей проф. J. Ranke нѣмецкомъ антропологическомъ журналѣ «Archiv für Anthropologie».

Успѣшно акклиматизировавшись въ Россіи и свивъ себѣ прочныя гнѣзда въ нѣсколькихъ центрахъ (въ Москвѣ — нашъ Антропологическій Отдѣлъ, въ Петербургѣ—Антропологическое Общество при Военно-Медицинской Академіи и Русское Антропологическое Общество при Петербургскомъ университетѣ, а также Русское Географическое Общество съ его многочисленными Отдѣлами и Подъотдѣлами), антропологія проявила у насъ свою дѣятельность особенно плодотворно по отношенію къ инородческому населенію. Русской антропологіи дѣлались даже упреки, что на изученіе инородцевъ обращено исключительное ея вниманіе, между тѣмъ какъ для изученія физическаго типа главнаго ядра населенія—русскихъ сдѣлано сравнительно мало. Но эти упреки едва ли могутъ быть названы вполнѣ справедливыми. Русскіе, соприкасаясь на громадномъ пространствѣ своего разселенія съ цѣлымъ рядомъ инородческихъ племенъ, во многихъ мѣстахъ успѣли подвергнуться большему или меньшему вліянію инородческой крови, и анализъ физическихъ чертъ русскихъ, произведенный только на нихъ однихъ, не былъ бы въ состояніи съ необходимою точностью уяснить намъ значеніе всѣхъ тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ слагается тотъ или иной антропологическій типъ. Современная физическая антропологія не довольствуется уже простымъ описаніемъ и констатированіемъ фактовъ, она стремится не только открыть морфологическія различія въ человѣческомъ родѣ, но также изслѣдовать и причины ихъ возникновенія.

Было бы долго и утомительно перечислять все, что сдѣлано антропологіей по изученію нашихъ инородцевъ. Матеріалъ, собранный ею, становится трудно объемлемымъ [1]). Я укажу вкратцѣ только на главнѣйшія изслѣдованія. Изъ сѣверныхъ инородцевъ болѣе обслѣдованными являются лопари А. Н. Кельсіевымъ и финны (Финляндіи)—покойнымъ путешественникомъ д-ромъ А. В. Елисѣевымъ. По антропологіи Прибалтійскаго края мы имѣемъ рядъ диссертацій, о которыхъ я упоминалъ уже выше. Мордва-эрзя нашла себѣ обстоятельнаго изслѣдователя въ лицѣ Вл. Майнова.

[1]) Обзоръ литературы по антропологіи инородцевъ Россіи см. ниже.

Надъ антропологическимъ изученіемъ народностей восточной Россіи много потрудился бывшій профессоръ анатоміи Казанскаго, а впослѣдствіи Томскаго университета Н. М. Маліевъ, которому наша наука обязана антропологическими данными о башкирахъ, пермякахъ, черемисахъ, вотякахъ, вогулахъ, татарахъ и другихъ народностяхъ Волжскаго бассейна. Антропологіи башкиръ посвящены труды д-ра Д. П. Никольскаго, П. С. Назарова, д-ра С. А. Вайсенберга, Н. А. Абрамова, проф. Соммье и др. Казанскіе татары подробно изслѣдованы А. В. Варушкинымъ и д-ромъ А. А. Сухаревымъ (рукоп. матер.). О крымскихъ татарахъ имѣются изслѣдованія К. Н. Икова, А. Н. Харузина, И. Н. Лыжина и др. Типъ русскихъ евреевъ охарактеризованъ въ работахъ д-ра А. Д. Элькинда, д-ра С. А. Вайсенберга, д-ра М. Г. Яковенко, К. Н. Икова, проф. Л. Х. Штиды, Ю. Д. Талько-Грынцевича и др. Волжскіе калмыки, первыя антропологическія свѣдѣнія о которыхъ были даны знаменитымъ проф. И. И. Мечниковымъ, въ послѣднее время были изслѣдованы д-ромъ В. В. Воробьевымъ и С. А. Королевымъ. Наши антропологическія свѣдѣнія о различныхъ кавказскихъ народностяхъ обогащены особенно многочисленными изслѣдованіями д-ра И. И. Пантюхова, проф. Э. Шантра, Р. Ѳ. фонъ-Эркерта, а также д-ра Н. В. Гильченко (объ осетинахъ), д-ра И. К. Тварьяновича (объ армянахъ), д-ра П. Ѳ. Свидерскаго (о кумыкахъ), д-ровъ Я. Д. Вышогрода и Н. А. Вырубова (о кабардинцахъ), д-ра Н. П. Данилова (о курдахъ и адербейджанскихъ татарахъ), д-ра А. А. Арутинова (объ удинахъ), К. М. Курдова (о лезгинахъ-кюринцахъ) и др. Изъ средне-азіатскихъ народностей особенное вниманіе антропологовъ привлекли къ себѣ киргизы, которымъ посвящены изслѣдованія А. Н. Харузина, Н. А. Аристова, д-ра Н. Л. Зеланда, д-ра В. Д. Тронова, д-ра С. М. Чугунова и др., а также туркмены, изслѣдованные проф. И. Л. Яворскимъ, горные таджики гальча—С. Д. Масловскимъ; кромѣ того, антропологическія характеристики населенія Туркестана содержатся въ трудахъ проф. А. П. Богданова (на основаніи матеріаловъ, собранныхъ путешественникомъ А. П. Федченко), д-ровъ Мацѣевскаго и Пояркова, Уйфальви и др. Антропологія разноплеменнаго населенія Сибири представлена трудами акад. Шренка, покойнаго Н. М. Ядринцева—объ алтайскихъ инородцахъ, Е. И. Луценко—о теленгетахъ, д-ра С. М. Чугунова—объ остякахъ, К. И. Горощенко и И. П. Силинича—о сойотахъ, И. И. Майнова—о тунгусахъ, М. С. Сапожникова (рукоп. матер.) и д-ровъ М. Т. Поротова и И. И. Шендриковскаго—о бурятахъ, Н. Л. Геккера и Ф. Я. Кона—объ якутахъ, В. Богораза—о чукчахъ, д-ра Н. Л. Зеланда—о гилякахъ, проф. Д. Н. Анучина—объ айнахъ, В. П. Маргаритова—объ орочахъ и др.

Уже изъ этого краткаго перечня трудовъ русскихъ антропологовъ видно, что антропологія у насъ не бездѣйствуетъ, а стремится охватить своими изслѣдованіями все большее и большее число населяющихъ Россію

инородческихъ племенъ. Но, съ другой стороны, однако, не слѣдуетъ преувеличивать значеніе сдѣланнаго и давать достигнутымъ результатамъ оцѣнку выше той, какую они заслуживаютъ. Сдѣланное сравнительно ничтожно съ тѣмъ, что предстоитъ еще сдѣлать. Несмотря на свои успѣхи, антропологія находится у насъ все-таки еще въ періодѣ подготовительной стадіи; собранный ею матеріалъ еще далеко не достаточенъ для того, чтобы онъ съ большою пользою для дѣла могъ быть систематизированъ и классифицированъ. Антропологическая классификація нашего разнороднаго населенія — дѣло отдаленнаго будущаго. Мы по необходимости довольствуемся пока классификаціями, основанными на данныхъ этнографіи и преимущественно лингвистики. Но классификація народовъ по языку, какъ извѣстно, очень нерѣдко вовсе не совпадаетъ съ классификаціей расовой, племенной. «Бываетъ,—говоритъ Пешель,—что народы, проникнувъ въ иноплеменную область, перенимаютъ языкъ туземцевъ или, напротивъ, сохраняютъ свой языкъ неизмѣннымъ, между тѣмъ какъ раса мало-по-малу измѣняется подъ вліяніемъ смѣшенія съ племенами чуждаго происхожденія». И это въ особенности справедливо по отношенію къ Россіи, гдѣ смѣшеніе элементовъ финскаго, монгольскаго и тюркскаго представляетъ собою нерѣдкое явленіе. Новѣйшія попытки западно-европейскихъ и американскихъ ученыхъ, какъ, напр., Деникера и Риплея, построить свои классификаціи на антропологической основѣ естественно, вслѣдствіе недостатка необходимыхъ данныхъ, оказались неудовлетворительными, и по мѣрѣ накопленія матеріала онѣ должны будутъ испытать неоднократную перестройку. Но эти классификаціи и систематизаціи, какъ бы онѣ ни были преждевременны, имѣютъ ту важную сторону, что онѣ рѣзче подчеркиваютъ пробѣлы, къ пополненію которыхъ нужно стремиться. Поэтому, едва ли мы будемъ далеки отъ истины, если скажемъ, что одною изъ насущныхъ задачъ русской антропологіи является накопленіе матеріала, изслѣдованіе возможно большаго числа индивидуумовъ различныхъ племенныхъ группъ. Эта задача должна быть выдвинута впередъ также и потому, что съ изслѣдованіями нашихъ инородцевъ слѣдуетъ спѣшить, такъ какъ фактъ вымиранія ихъ не подлежитъ сомнѣнію. Такъ, въ Сибири вымерли, не оставивъ слѣда, омоки, котты, хойданы, шелаги, анюиты, маторы, асаны, аринцы и другія племена [1]), А. Бастіанъ энергично повторяетъ въ своихъ многочисленныхъ трудахъ, что «упорядоченіе матеріала придетъ само собою, на все есть время. Если же зданіе объято пламенемъ, какъ это можно сказать про этнологію быстро исчезающихъ первобытныхъ народовъ, то необходимо обладать исключительно выгодными психологическими задатками, чтобы самодовольно и невозбранно забавляться полировкою и чисткою, тогда какъ необходимо прежде всего поспѣшно

---

[1]) *Н. М. Ядринцевъ.* Сибирь какъ колонія. Спб., 1892, стр. 151.

«спасать то, что могло еще остаться» [1]). Подобный же призывъ раздался недавно и изъ устъ профессора антропологіи въ Цюрихскомъ университетѣ Рудольфа Мартина. «Теперь самое время,—говорилъ онъ въ своей вступительной лекціи,—приняться за эту работу (т.-е. за собираніе матеріаловъ), такъ какъ первобытныя формы человѣческой организаціи, какъ онѣ еще нынѣ представлены многими дикими народами, постепенно исчезаютъ передъ наступающей европейской культурой; этого процесса уничтоженія первобытныхъ типовъ и культуръ намъ не удержать. Не будемъ же ждать, чтобы все уравнивающія наслоенія европейской культуры, въ которой предстоитъ расплыться индивидуальнымъ свойствамъ народовъ, распространились по землѣ; легче доставать теперь, еще съ поверхности, чѣмъ впослѣдствіи выкапывать изъ глубокихъ слоевъ» [2]). Русскіе изслѣдователи констатируютъ быстрое вымираніе нашихъ инородцевъ, и хотя раздавались одинокіе голоса (Н. М. Ядринцева, проф. Э. Ю. Петри, проф. А. И. Якобія), горячо призывавшіе къ спасенію ихъ, но факты, которыхъ мы теперь свидѣтелями,—проложеніе новыхъ желѣзнодорожныхъ путей, массовое выселеніе въ мѣста, занятыя инородцами, русскаго крестьянства, вытѣсненіе послѣднимъ первыхъ,—показываютъ, что нѣтъ симптомовъ, позволявшихъ бы надѣяться на остановку этого процесса. Одновременно съ нимъ наблюдается и другой процессъ,—процессъ смѣшенія, метисаціи. Антропологіи необходимо воспользоваться этимъ важнымъ для нея процессомъ и подвергнуть его самымъ тщательнымъ наблюденіямъ, такъ какъ онъ даетъ рѣдкую возможность изучить самый механизмъ, какимъ идетъ образованіе новыхъ типовъ. Какіе цѣнные результаты могутъ дать подобныя наблюденія, показало недавнее изслѣдованіе И. И. Майнова о помѣси русскихъ съ якутами [3]). Въ вопросѣ объ образованіи того или иного типа, о предѣлахъ варіацій характерныхъ для него формъ и о наслѣдственной передачѣ ихъ большой интересъ должны представить также *посемейныя* антропологическія изслѣдованія, которыя до сихъ поръ, къ сожалѣнію, совершенно игнорировались. Далѣе, какъ русская, такъ и иностранная антропологія страдаетъ однимъ крупнѣйшимъ недостаткомъ, удаленіе котораго является давно назрѣвшимъ вопросомъ, это—отсутствіе въ антропологическихъ изслѣдованіяхъ женщинъ, какъ измѣрительнаго матеріала. Антропологическое изученіе, сосредоточивающееся пока на мужскихъ представителяхъ человѣческаго рода, идетъ только по одной колеѣ, тогда какъ ихъ должно быть двѣ. Изъ двухъ производи-

---

[1]) *A. Bastian.* Vorgeschichte der Ethnologie. Berl., 1881, S. 28. Цит. по *Э. Петри,* Антропологія. Спб., 1890, стр. 36.

[2]) *Р. Мартинъ.* Антропологія какъ наука и предметъ преподаванія. Перев. въ „Мірѣ Божіемъ“, 1901 г., № 9, стр. 85.

[3]) „Русск. Антроп. Журн.“, 1900 г., № 4.

телей оно знаетъ только одного, расовыя же особенности другого остаются ему почти неизвѣстными. Хотѣлось бы надѣяться, что эта аномалія прежде всего начнетъ исчезать именно въ Россіи. Благодаря женскому медицинскому институту, у насъ получится скоро значительный контингентъ женщинъ-врачей, части которыхъ, безъ сомнѣнія, придется работать среди инородческихъ племенъ, и антропологію женскаго инородческаго населенія Россіи онѣ могутъ обогатить важными научными данными.

Только-что намѣченными этапами, черезъ которые лежитъ путь русской антропологіи среди нашихъ инородческихъ племенъ, еще далеко не достигаются ея конечныя цѣли. Антропологія не можетъ ограничивать свои задачи изученіемъ только *физическаго* человѣка, она должна вскрыть доступными ей средствами и *психику* его. Психическая антропологія начинаетъ дѣлать у насъ только свои первые робкіе шаги; она далеко отстала въ своемъ развитіи отъ физической антропологіи. И это вполнѣ понятно, такъ какъ объекты, подлежащіе ея изученію, представляютъ собою неизмѣримо большія трудности и препятствія для наблюденій и оцѣнки ихъ. Понять духовную жизнь инородца, разсмотрѣть всѣ тѣ, подчасъ почти неуловимыя, нити, изъ которыхъ она сплетается, проникнуть въ самые сокровенные тайники души его—задача, требующая и продолжительнаго наблюденія, и глубокой вдумчивости, и способности отрѣшиться отъ своего культурнаго «*я*» и встать на точку зрѣнія самого инородца. Мнѣ думается, что врачи, живущіе среди инородцевъ, достаточно знакомые съ ихъ бытомъ и имѣющіе возможность наблюдать ихъ въ разные моменты и при разныхъ условіяхъ ихъ жизни, болѣе, чѣмъ кто-либо иной, могутъ освѣтить эту темную область антропологіи.

Изученіемъ физическихъ и психическихъ чертъ нынѣ живущихъ инородческихъ племенъ еще не исчерпывается вся наша задача по отношенію къ антропологіи этихъ племенъ. Настоящее нерѣдко познается только анализомъ прошедшаго. Антропологія инородцевъ освѣтится тѣмъ большимъ свѣтомъ, чѣмъ глубже мы заглянемъ въ ихъ прошлое и чѣмъ больше найдемъ тамъ звеньевъ, изъ которыхъ составлялась ихъ генеалогическая цѣпь. Осуществленіе этой задачи потребуетъ громаднаго труда.

Вообще для русской антропологіи открыто широкое поле дѣятельности,—дѣятельности въ высшей степени разнообразной, богатой и плодотворной. Нужны только дѣлатели, и они, безъ сомнѣнія, будутъ. По справедливому замѣчанію акад. Бэра, «исторія громко говоритъ о цѣнности антропологіи, такъ какъ она свидѣтельствуетъ намъ, что съ пробужденіемъ культуры у извѣстнаго народа первыми вопросами, занимающими созрѣвающій умъ, являются вопросы о немъ самомъ, объ его происхожденіи и объ его положеніи въ природѣ. Можно даже утверждать,—прибавляетъ онъ, — что именно въ томъ-то и состоитъ пробужденіе культуры, что человѣкъ добивается свѣдѣній о существѣ своемъ». Культур-

ный ростъ той или иной страны неминуемо долженъ влечь за собою и ростъ въ ней антропологическихъ знаній.

Литература по антропологіи инородцевъ Россіи.

Абадзехи: *Р. Ѳ. фонъ-Эркертъ*—Антропологическія измѣренія нѣкоторыхъ кавказ. народовъ. „Изв. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.", т. VII. Тифл., 1882—3.

Абхазцы: *Е. А. Блюмъ*—Предварит. свѣдѣнія о результатахъ антроп. изслѣдованій кавказ. народовъ. „VIII съѣздъ рус. естествоисп. и врачей въ Спб.", т. II дополн. Спб., 1892; *А. П. Богдановъ*—О черепахъ изъ кавказ. кургановъ и могилъ (измѣренія А. А. Тихомирова). „Антр. Выст.", т. III, стр. 430; *И. И. Пантюховъ*—О ростѣ нѣкоторыхъ племенъ Закавказ. края. Тифл., 1890; *онъ же*—Населеніе Кутаис. губ. „Вѣстн. общ. гиг., судеб. и практ. медиц.", 1892, т. XV; *онъ же*—Антропологическія наблюденія на Кавказѣ. „Зап. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.", кн. XV. Тифл., 1893; *E. Chantre*—Recherches anthropologiques dans le Caucase, t. IV. Paris-Lyon, 1887.

Аварцы: *E. Chantre* — Recherches antropolog. dans le Caucase, t. IV. Paris-Lyon, 1887.

Авганцы: *Мацѣевскій* и *Поярковъ* — Краткія этнограф. замѣтки о туземцахъ бывшаго Кульджинскаго района. Омскъ, 1883.

Аджарцы: *Р. Ѳ. фонъ-Эркертъ* — Антрополог. измѣренія нѣкоторыхъ кавказ. народовъ. „Изв. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.", т. VII. Тифл., 1882—3.

Адыге (см. абадзехи, беслинеевцы, кабардинцы, темиргоевцы, шапсуги).

Айны: *Д. Н. Анучинъ* — Матер. для антропологіи Вост. Азіи. I. Племя айновъ. „Тр. Антр. Отд.", кн. 2. Москва, 1876 (приведена литература); *Шренкъ*—Объ инородцахъ Амур. края, т. I. Спб., 1883; *E. Baelz*—Menschen-Rassen Ost-Asiens. „Verhandl. d. Berl. Gesell. f. Anthr.,Ethnol. u. Urgesch.", 1901; *J. B. Davis*—Description of the skeleton of an Aino woman and of three skulls of man of the same race. „Mem. read before the Anthrop. Soc. of London", 1870, vol. III; *Dönitz*—Bemerkungen über Aino. „Mittheil. der deutsch. Gesell. für Natur-und Völkerkunde Ostasiens". Yokohama, 1874, Heft 6; *B. Hitchcock*—The Ainos of Jezo. Wash., 1892; *Y. Koganei*—Beiträge zur phys. Anthropologie der Aïnos. I. Untersuchungen am Skelet. II. Untersuchungen am Lebenden. Tokio, 1893—94; *Y. Koganei und G. Osawa*—Das Becken der Aïno und der Japaner. „Mittheil. der medic. Facultät der K. Japan. Universität zu Tokio", Bd. IV. Tokio, 1900; *I. Kopernitzky*—O kościach i czaszkach Ainosów. „Pamitnik wyd. mat. przyr. Akad. Umiej.", t. VII; *D. Mac-Ritschie* — The Ainos, 1892 (прилож. къ IV т. „Arch. Intern. d'Ethnogr."); *Michaut*—Les Aïnos. „Bull. de la Soc. d'Anthr. de Paris", 1893, p. 259; *Scheube* - Die Ainos. „Mittheil. d. deutsch. Gesell. f. Natur-und Völkerkunde Ostsiens". Yokohama, 1882; *v. Schrenk* — Die Völker d. Amurlandes. St.-Pét., 1881; *A. Tarenetzky*—Beiträge zur Craniologie der Ainos auf Sachalin. „Mém. de l'Acad. Imp. des sciences de St.-Pét.", t. XXXVII, № 13. St.-Pet., 1890; *онъ же*—Weitere Beiträge zur Craniologie der Bewohner von Sachalin—Aino, Giljaken und Oroken. Ibid., t. XLI, № 6. St.-Pét., 1893; *A. v. Török*—Ueber den Yessoer Ainosschädel aus der ostasiat. Reise von H. Grafen Béla Széchenyi und über den Sachal. Ainosschädel des zoolog. und anthr.-ethnogr. Museum zu Dresden. „Arch. f. Anthr.", T. XVIII, 1888; *онъ же*—Ueber den Yezoer Ainoschädel. Ibid., T. XXVI, 1900;

R. Virchow—Ainos-und prähistor. Schädel. „Verhandl. der Berl. Gesell. f. Anthr., Ethn. und Urgesch.“, 1882.

Айсоры: *И. И. Пантюховъ*—Антрополог. наблюденія на Кавказѣ. „Зап. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.“, кн. XV. Тифл., 1893; *Р. Θ. фонъ-Эркертъ*—Антроп. измѣренія нѣкоторыхъ кавказ. народовъ. „Изв. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.“, т. VIII; *E. Chantre*—Recherches anthropol. dans le Caucase, t. IV. Par.-Lyon, 1887; *онъ же*—Aperçu sur l'anthropométrie des peuples de la Transcaucasie. „Congr. intern. d'arch. et d'anthr. préhist“. Moscou, 1893, t. II; *онъ же*—Missions scientif. en Transcaucasie, Asie Mineure et Syrie 1890—94. „Arch. de Museum d'Hist. Natur. de Lyon“, t. VI. Lyon, 1895.

Андійцы: *E. Chantre*—Recherches anthropol. dans le Caucase, t. IV. Par.-Lyon, 1887.

Арбунсумуны: *Мацѣевскій и Поярковъ*—Краткія этнографич. замѣтки о туземцахъ бывшаго Кульджинскаго района. Омскъ, 1883.

Армяне: *Д. Н. Анучинъ*—Армяне въ антропол. и географич. отношеніи. Сборникъ „Братская помощь пострадавшимъ въ Турціи армянамъ“, 2-ое изд. Москва, 1898; *Е. А. Блюмъ*—Преступникъ, какъ объектъ кримин.-психолог. изслѣдованія. „Сборн. Имп. Кавказ. Мед. Общ.“, Тифл., 1886, № 42; *онъ же*—Предварительныя свѣдѣнія о результатахъ антропол. изслѣдованій кавказ. народовъ. „VIII съѣздъ рус. естествоисп. и врачей въ Спб.“, т. II дополнит. Спб., 1892; *Н. В. Гильченко*—Вѣсъ головн. мозга и нѣкоторыхъ его частей у различныхъ племенъ, населяющихъ Россію. „Тр. Антроп. Отд.“, т. XIX. Москва, 1899; *Л. П. Загурскій*—Антропол. измѣренія кавказ. народовъ, произведенныя ген. Р. Θ. фонъ-Эркертомъ и проф. Э. Шантромъ. „Изв. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.“, т. VIII; *Н. М. Маліевъ*—Каталогъ краніолог. коллекціи Казан. унив. „Тр. Общ. Естествоисп. при Казан. унив.“, т. XIX, в. 2; *И. И. Пантюховъ*—О ростѣ нѣкотор. племенъ Закавказ. края. Тифл., 1890: *онъ же* — Ахалкалакскій уѣздъ. Мед.-антропол. очеркъ. „Сборн. Имп. Кавказ. Мед. Общ.“, Тифл., 1892, № 53; *онъ же*—Антроп. наблюденія на Кавказѣ. „Зап. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.“, кн. XV. Тифл., 1893; *И. К. Тварьяновичъ*—Матеріалы къ антропологіи армянъ. Дисс. на степ. д-ра мед. Спб., 1897; *Р. Θ. фонъ-Эркертъ*—Антрополог. измѣренія нѣкотор. кавказ. народовъ. „Изв. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.“, т. VII и VIII; *E. Chantre*—Recherches anthropol. dans le Caucase, t. IV. Paris-Lyon, 1887; *онъ же*—Aperçu sur l'anthropométrie des peuples de la Transcaucasie. „Congr. intern. d'arch. et d'anthr. préhist“. Moscou, 1893, II; *онъ же*—Missions scientif. en Transcaucasie, Asie Mineure et Syrie 1890—94. „Arch. de Museum d'Hist. Natur. de Lyon“, t. IV. Lyon, 1895; *R. v. Erckert*—Der Kaukasus und seine Völker. Leipz., 1887.

Башкиры: *А. П. Богдановъ*—Черепа башкиръ. „Антр. Выст.“, т. III, стр. 286; *Н. В. Гильченко*—Вѣсъ головного мозга и нѣкотор. его частей у различныхъ племенъ, населяющихъ Россію. „Тр. Антр. Отд.“, XIX. Москва, 1899; *Н. М. Маліевъ* — Антрополог. очеркъ башкиръ. „Тр. Общ. Естествоисп. при Казан. универс.“, т. V, в. 5; *онъ же* — Каталогъ краніолог. коллекціи Казан. унив. Ibid., т. XIX, в. 2; *онъ же*—Къ вопросу о происхожденіи лѣсныхъ башкиръ. „Тр. Антроп. Общ. при Имп. Воен.-Медиц. Акад.“, 1901; *П. С. Назаровъ*—Предварит. отчетъ о поѣздкѣ въ Башкирію. „Дневн. Антр. Отд.“, 1890, вып. I и II; *онъ же*—Къ антропологіи башкиръ. Ibid., вып. II и IX; *Д. П. Никольскій*—Башкиры. Этнограф. и санит.-антрополог. изслѣдованіе. Дисс. на степ. д-ра мед. Спб., 1899 (приведена литература); *онъ же*—О размѣрахъ женск. башкир. таза. „Дневн. Антр. Отд.“, 1891, в. I; *Соммье*—О башкирахъ. Перев. О. Н. Олениной подъ ред. и съ примѣч. Д. П. Никольскаго. „Зап. Урал. Общ. Люб. Естеств.“, т.

XIII. Екатеринб., 1891; *С. Чугуновъ*—Матеріалы для антропологіи Сибири. Томскъ, 1893; *S. Sommier*—Fra i Basckiri. „Arch. per antr.", 1881, XI; *Ujfalvy de Mezö-Kövesd*—Expédition scientif. franç. en Russie, en Sibérie et dans le Turkestan. Paris, 1880, vol. 3; *S. Weissenberg*—Ein Beitrag zur Anthropologie der Turkvölker. Baschkiren und Meschtscherjaken. „Zeitschr. f. Ethnol.", Berl., 1892.

Белуджи: *А. И. Вилькинсъ*—Среднеазіат. богема. „Антр. Выст.", т. III, стр. 436.

Бесленеевцы: *Р. Θ. фонъ-Эркертъ*—Антропологъ. измѣренія нѣкотор. кавказ. народовъ. „Изв. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.", т. VII. Тифл., 1882—3.

Буряты: *А. П. Богдановъ*—Бурят. черепа. „Антроп. Выст.", т. II, стр. 413; *Н. М. Малiевъ*—О бурятскихъ черепахъ. „Тр. Общ. Естеств. при Казан. универ.", 1878; *онъ же* — Каталогъ краніолог. коллекціи Казан. унив. Ibid., т. XIX, в. 2; *П. Г. Мацокинъ* — Опытъ антропометр. изслѣдованій населенія Забайкальской обл. „Рус. Медицина", 1893, № 38; *М. Т. Поротовъ*—Къ антропологіи бурятъ. Буряты-аларцы. Дисс. на степ. д-ра мед. Спб., 1895; *И. И. Шендриковскій*—Матеріалы къ антропологіи бурятъ (селенгинцевъ). Дисс. на степ. д-ра мед. Спб., 1895; *Hamy*—Note sur l'anthrop. de la Transbaïkalie du Sud. „Bull. du Museum d'Hist. Natur." Par., 1896, № 3; *J. Fridolin*—Burjaten-und Kalmückenschädel. „Arch. f. Anthr.", Bd. XXVII, № 3.

Вогулы: *Н. М. Маліевъ*—Отчетъ о вогульской экспедиціи. „Тр. Общ. Естеств. при Казан. унив.", т. III, № 2; *онъ же* - Матеріалы для сравнит. антропологіи. Ibid., т. IV, № 2; *онъ же*—Каталогъ краніолог. коллекціи Казан. унив. Ibid., т. XIX, в. 2; *онъ же*—Вогулы. Антропол. очеркъ. „Рус. Антр. Журн.", 1901, № 1; *К. Д. Носиловъ* — Антропол. очеркъ вогуловъ. „Проток. засѣд. Антр. Отд. съ 4 дек. 1884 по 1886". Москва, 1887; *А. Г. Рождественскій*—Величина головы человѣка въ ея зависимости отъ роста, пола, возраста и расы. „Тр. Антр. Отд.", т. XVIII.

Вотяки: *Н. В. Гильченко*—Вѣсъ голов. мозга и нѣкотор. его частей у разл. племенъ, населяющихъ Россію. „Тр. Антр. Отд.", т. XIX; *Н. М. Маліевъ*—Антропологъ. очеркъ вотяковъ. „Тр. Общ. Естествоисп. при Казан. унив.", т. IV, № 2; *онъ же*—Матеріалы для сравнит. антропологіи. Ibid., т. IV, № 2; *онъ же*—Каталогъ краніолог. коллекціи Казан. унив. Ibid., т. XIX, в. 2; *Н. И. Тезяковъ*—Вотяки Больше-Гондырской вол., Осинскаго у. (Мед.-стат. и мед.-антроп. очеркъ). Изд. ред. „Зем. Врача", 1892.

Гальча: *А. П. Богдановъ*—Черепа племени гальча. „Проток. засѣдан. Антроп. Отд. съ 4 дек. 1884 по 1886". Москва, 1887; *С. Д. Масловскій*—Гальча (первобыт. населеніе Туркестана). „Рус. Антр. Журн.", 1901, № 2; *А. П. Федченко*—Путешествіе въ Туркестанъ. Антропол. замѣтки относительно туркестан. инородцевъ. Обработалъ А. П. Богдановъ. „Изв. Имп. Общ. Люб. Ест., Антр. и Этн.", т. XXXIV, в. 5; *P. Topinard*—Crânes Galtchas. „Bull. de la Soc. d'Anthr. de Paris", 1878, pp. 247, 381; *Ujfalvy de Mezö-Kövesd* - Le Kohistan, le Ferghanah et Kouldja. Paris, 1878; *онъ же*—Les Galtchas et les Tadjiks. „Rev. d'Anthr.", 1879, sér. 2; *онъ же*—Quelques observations sur les Tadjiks des montagnes, appelés aussi Galtchas. „Bull. de la Soc. d'Anthr. de Paris", 1887; *Zaborowski*—Galtchas, Savoyards, Sartes et Uzbègues. Ibid., 1899. p. 698.

Гиляки: *А. П. Богдановъ*—Черепъ гиляка. „Антр. Выст.", т. II, стр. 411; *Н. Л. Зеландъ*—Гиляки. „Проток. засѣд. Антр. Отд. съ 4 дек. 1884 по 1886". Москва, 1886; *Шренкъ*—Объ инородцахъ Амурскаго края, т. I. Спб., 1883; *I. Kopernicki*—Un crâne de ghiliak. „Bull. de la Soc. d'Anthr. de Paris", 1867, p.

571; *Prunner-Bey*—Description d'un crâne de Ghiliak et note sur les Ghiliaks. Ibid., 1867, 2 sér., t. II.

Греки: *И. И. Пантюховъ*—О ростѣ нѣкотор. племенъ Закавказ. края. Тифл., 1890; *онъ же*—Антропол. наблюденія на Кавказѣ. „Зап. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.", кн. XV. Тифл., 1893; *Ch. Apostolides*—Quelques mesures sur le vivant prises en Grèce. „Bull. de la Soc. d'Anthr. de Par.", 1883, p. 614; *J. Deniker*—Les races de l'Europe. I. L'indice céphal. en Europe. Par., 1899; *G. Nicolucci*—Sull antropologia della Grecia. „Atti della R. Acad. delle Scienze fisiche e matem. di Napoli, 1867, t. III, № 23; *Quatrefages et Hamy*—Crania ethnica. Par., 1882; *E. Schmidt*—Die anthr. Samml. Deutschlands. Catalog. d. craniolog. Samml. d. Dr. Emil Schmidt. Braunschw., 1887; *R. Virchow*—Ueber griechische Schädel. „Sitzungsber. d. K. Preuss. Akad. d. Wiss.", Berl., 1893, № 34; *A. Weisbach*—Die Schädelform der Griechen. „Mittheil. der anthrop. Gesell. in Wien", 1881, T. XI.

Грузины: *Е. А. Блюмъ*—Преступникъ какъ объектъ кримин.-психолог. изслѣдованія. „Сборн. Имп. Кавказ. Мед. Общ.", Тифл., 1886, № 42; *онъ же*—Предварит. свѣдѣнія о результатахъ антроп. изслѣдованій кавказ. народовъ. „VIII Съѣздъ рус. естеств. и врачей въ Спб.", т. II дополнит. Спб., 1892; *Е. П. Веніаминова*—Отчетъ о поѣздкѣ въ Терскую обл. и Закавказ. край. „Дневн. Антр. Отд.", 1890, вып. I, стр. 6; *Н. В. Гильченко*—Вѣсъ голов. мозга и нѣкоторыхъ его частей у различ. племенъ, населяющихъ Россію. „Тр. Антр. Отд.", т. XIX. Москва, 1899; *Л. П. Загурскій*—Антропол. измѣренія кавказ. народовъ, произв. ген. Р. Ѳ. фонъ-Эркертомъ и проф. Э. Шантромъ. „Изв. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.", т. VIII; *И. И. Пантюховъ*—О ростѣ нѣкотор. племенъ Закавказ. края. Тифл., 1890; *онъ же*—Ахалкалакскій уѣздъ. Мед.-антроп. очеркъ. „Сборн. Имп. Кавказ. Медиц. Общ.", Тифл., 1892, № 53; *онъ же*—Антрополог. наблюденія на Кавказѣ. „Зап. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.", кн. XV. Тифл., 1893; *онъ же*—Грузины Тифлисскаго уѣзда. „Дневн. Антроп. Отд.", 1893, в. II; *онъ же*—Свѣтлоглазые грузины. „Труды V Съѣзда Общества рус. врачей въ память Пирогова", Спб., 1894; *Р. Ѳ. фонъ-Эркертъ*—Антроп. измѣренія нѣкотор. кавказ. народовъ. „Изв. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.", т. VII и VIII; *E. Chantre*—Recherches anthropol. dans le Caucase, t. IV. Paris-Lyon, 1887; *R. v. Erckert*—Der Kaukasus und seine Völker. Leipz., 1887; *Smirnow*—Crânes géorgiens. „Bull. de la Soc. d'Anthr. de Paris", 1879, p. 719.

Гурійцы: *Е. А. Блюмъ*—Предвар. свѣдѣнія о результатахъ антропол. изслѣдованій кавказ. народовъ. „VIII Съѣздъ рус. естествоисп. и врачей въ Спб.", т. II дополнит. Спб., 1892; *Л. П. Загурскій*—Антроп. измѣренія кавказ. народовъ, произведенныя ген. Р. Ѳ. фонъ-Эркертомъ и проф. Э. Шантромъ. „Изв. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.", т. VIII; *И. И. Пантюховъ*—О ростѣ нѣкотор. племенъ Закавказ. края. Тифл., 1890; *онъ же*—Населеніе Кутаисской губ. „Вѣстн. общ. гиг., судеб. и практ. медиц.", 1892, т. XV; *онъ же*—Антропол. наблюденія на Кавказѣ. „Зап. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.", кн. XV. Тифл., 1893; *E. Chantre*—Recherches anthropol. dans le Caucase, t. IV. Par.-Lyon, 1887; *R. v. Erckert*—Der Kaukasus und seine Völker. Leipz., 1887.

Даргинцы: *E. Chantre*—Recherches anthropol. dans le Caucase, t. IV. Paris Lyon, 1887.

Дидойцы: *E. Chantre*—Recherches anthropol. dans le Caucase, t IV Par.-Lyon, 1887.

Дунгане: *А. П. Богдановъ*—Черепа дунганъ. „Проток. засѣд. Антр. Отд. съ 4 дек. 1884 по 1886". Москва, 1887; *П. Горбачевъ*—Антропол. наблюденія надъ таранчами, дунганами, кашгарцами и киргизами Джаркента. Ibid·; *Ma-*

цъесскій и Поярковъ—Краткія этнограф. замѣтки о туземцахъ бывшаго Кульджинскаго района. Омскъ, 1883; *Ujfalvy de Mezö-Kövesd*—Le Kohistan, le Ferghanah et Kouldja. Paris, 1878.

Евреи: *Д. Н. Анучинъ*—О географ. распредѣл. роста муж. нас. Россіи. „Зап. Имп. Рус. Геогр. Общ. по отд. стат.", т. VII, в. 1. Спб., 1889; *онъ же*—Евреи. „Энцикл. слов. Брокгауза и Ефрона", полут. 21; *Н. Р. Ботвинникъ*—Матер. къ вопросу о близорукости у евреевъ. „Врачъ", 1899, № 42; *Н. В. Гильченко*—Вѣсъ головн. мозга и нѣкотор. его частей у разл. племенъ, населяющихъ Россіи. „Тр. Антр. Отд.," т. XIX; *Н. Закъ*—Физич. развитіе дѣтей въ ср.-учебн. завед. Москвы. Моск., 1892; *А. А. Ивановскій*—Евреи. „Рус. Антр. Журн.", 1900, № 2 (указана литература); *Г. Коварскій*—Физич. развитіе древн. евреевъ сравнит. съ современными. „Будущность", 1900, №№ 20—22; *И. И. Пантюховъ*—О ростѣ нѣкотор. племенъ Закавказ. края. Тифл., 1890; *онъ же*—Антроп. наблюденія на Кавказѣ. „Зап. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.", XV; *онъ же*—О вырождающихся типахъ семитовъ. „Прот. засѣд. Рус. Антр. Общ.", т. II. Спб., 1889; *онъ же*—Населеніе Кутаис. губ. „Вѣстн. общ. гиг., судеб. и практ. медиц.", 1892, т. XV; *Снигиревъ*—Мат. для медиц. стат. и геогр. Россіи. „Воен.-Медиц. Журн.", 1878—79; *Ю. Д. Талько-Грынцевичъ*—Къ антроп. украин. и литов. евреевъ. „Прот. засѣд. Рус. Антр. Общ. за 1890—91 гг."; *Л. Шейнисъ*—Псевдоантроп. основы антисемитизма. „Рус. Богатство", 1900, № 5; *А. Д. Элькиндъ*—Зам. о черепахъ изъ евр. катакомбъ въ Римѣ. „Тр. Антр. Отд.", XIX; *Р. Ѳ. фонъ-Эркертъ*—Антроп. измѣр. нѣкотор. кавказ. народовъ. „Изв. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.", т. VIII; *М. Г. Яковенко*—Матер. къ антроп. евр. насел. Рогачев. у., Минск. г. Спб., 1898; *С. Ячинскій*—Изслѣд. надъ развитіемъ роста, окружн. груди и вѣса поляковъ и евреевъ въ школ. возрастѣ. „Изв. Варшав. унив.", 1889; ***M. Alsberg***—Rassenmischug im Judenthum. „Samml. der gemeinverst. wiss. Vorträge", V, H. 116; ***R. Andrée***—Zur Volkskunde der Juden. Bielef. u. Leipz.. 1881; ***J. Beddoe***—On the physical characteristics of the Jews. „Trans. Ethnol. Soc.", Lond., 1861; ***G. Bertin***—On the origin and primitive home of the Semites. „Journ. of the Anthrop. Instit.", 1881—82; *онъ же*—The races of the Babylonian Empire. Ibid., 1888, XVIII, № 2; ***B. Blechmann***—Ein Beitrag zur Anthropologie der Juden. Dorp., 1882; ***D. Brinton and M. Jastrow***—The cradle of the Semites. Philad., 1890; ***E. Chantre***—Recherches anthropol. dans le Caucase. Paris-Lyon, 1887, t. IV; ***J. B. Davis***—Thesaurus craniorum. Lond., 1867; ***I. Deniker***—Les races de l'Europe. I. L'indice céphalique en Europe. Paris, 1899; *онъ же*—The races of man. Lond., 1900; ***A. Elisyeef***—Les habitants de l'Arabie Pétrée. „Revue d'Anthrop.", 1883, sér. 3; ***R. v. Erckert***—Kopfmessungen kaukas. Völker. „Arch. f. Anthr.", XVIII-XIX; ***C. Flieger***—Zur Anthrop. der Semiten. „Mitteil. der anthr. Gesell. zu Wien", Bd. IX, 1880; ***E. A. Freeman***—The Jews in Europe. „Saturday Review", 1877, Feb.; ***E. Goldstein***—Introduction a l'étude anthrop. des Juifs. „Rev. d'Anthr.", 1885, sér. 2; ***I. Guidi***—Della sede primitiva dei popoli semitici. „Atti R. Accad. dei Lincei", 1879; ***C. Ikow***—Neue Beiträge zur Anthr. der Juden. „Arch. f. Anthr.", Bd. XV; ***V. Jacques***—Types juifs. „Rev. des études juives", 1893, t. XXVI; ***J. Jacobs***—On the racial characteristics of modern Jews. „Journ. of the Anthr. Instit.", Lond., XV, № 1; ***J. Jacobs***—The comparative distribution of Jewish ability. Ibid., XV, № 3; ***J. Jacobs***—Studies in Jawish statistics. Lond., 1891; ***J. Jacobs and I. Spielman***—On the comparative anthropometry of English Jews. „Journ. of the Anthr. Instit.", XIX, № 1; ***J. I. Kettler***—Die geograph. Vertheilung der Juden in Niedersachsen. „Zeit. f. wissensch. Geogr.", 1880; ***J. Kollmann***—Schädel und Skeletreste aus einem Judenfriedhof des XIII. und XIV. Jahrh. zu Basel. „Ver-

handl. der Naturforsch. Gesell.", Basel, 1885, Bd. VII; *A. Leroy-Beaulieu*—Les Juifs et l'antisémitisme. Paris, 1893; *C. Lombroso*—L'antisemitismo e le scienze moderne. Tor., 1894; *F. v. Luschan*—Die anthrop. Stellung der Juden. „Corresp.-Blatt", 1892, Bd. XXIII (см. также „Mitteil. der anthr. Gesell. zu Wien", Bd. XII); *J. Majer*—Roczny przyrost ciała u żydów galicyjskich jako przyczynek do ich charakterystyki fizycznéj. „Zbiór wiad. do Anthrop. kraj". Kraków, 1880; *J. Majer i J. Kopernicki*—Charakterystyka fizyczna ludnosci galicyjskiej. Kraków, 1877—85; *A. Neubauer*—Notes on the race-types of the Jews. „Journ. of the Anthr. Instit.", XV; *G. Nicolucci*—I Semiti, quel che furono e quel che oggi sono. „Atti dell' Accad. pontaniana", XX, Napoli, 1890; *J. G. Nott*—The physical history of the Jewish race. Charleston, 1850; *Pruner-Bey*—Résultates de craniométrie. „Mém. de la Soc. d'Anthr. de Par.", t. II, f. 4; *Quatrefages*—Cours d'anthropologie. „Revue des cours scientif.", 1868; *J. Ranke*—Zur Statist. und Physiol. der Körpergrösse der bayer. Militärpflichtigen. „Beiträge zur Anthrop. und Urgesch. Bayerns", redig. von Joh. Ranke und N. Rüdinger, 1881, Bd. IV; *E. Renan*—Le Judaïsme comme race et comme religion. Paris, 1883; *W. Z. Ripley*—The racial geography of Europe. „Appletons Science Monthly", New-Jork, LIV, № 2—3 (см. также „Globus", 1899, № 12); *W. Z. Ripley*—The races of Europe. Lond., 1900; *Scheiber*—Untersuchungen über den mittleren Wuchs des Menschen in Ungarn. „Arch. f. Anthr.", Bd. XIII; *G Schulz*—Bericht über Messungen an Individuen von verschied. Nationen. „Bull. de la classe phys.-mathémat. de l'Acad. Impér. des Sc. de St.-Pét.", 1845, t. IV, № 15—16; *L. Stieda*—Ein Beitrag zur Anthr. der Juden. „Arch. f. Anthr.", Bd. XIV; *J. Talko-Hryncewicz*—Charakterystyka fizyczna ludności żydowskiej Litwy i Rusi na podstawie własnych spostrezeń. „Zbiór wiad. do Antrop. kraj." Kraków, XVI, 1892; *R. Verneau*—Sur les Sémites aux îles Canaries. „Bull. de la Soc. d'Anthr. de Par.", 1881; *S. Virchow*—Gesammtbericht über die von der deutschen anthrop. Gesellschaft veranlassten Erhebungen über die Farbe der Haut, der Haare und der Augen der Schulkinder in Deutschland. „Arch. f. Anthrop.", Bd. XVI; *C. Vogt*—Vorlesungen über den Menschen. Giessen, 1863, Bd. II; *Wächter*—Bemerkungen über den Kopf der Juden. „Magazin der naturforsch. Freunde in Berlin", 1812; *A. Weisbach*—Körpermessungen verschied. Menschenrassen. „Zeit. f. Ethnol.", 1877, Bd. IX; *S. Weissenberg*—Die südrussischen Juden. „Arch. f. Anthr.", Bd. XXIII; *H. Welcker*—Craniol. Mitteilungen. „Arch. f. Anthr.", Bd. I; *G. Wolf*—Die Juden. Wien, 1883; *A. Zakrzewski*—Wzrost w królestwie Polskiem. Przyczynek do charakterystyki fizycznej Polaków. „Zbiór wiad. do Antrop. kraj". Kraków, 1891, XV; *A. Zakrzewki*—Ludność miasta Warszawy. Kraków, 1895.

Езиды: *А. А. Ивановскій*—Езиды. „Рус. Антр. Журн.", 1900, № 3.

Зыряне: *Н. В. Гильченко*—Вѣсъ голов. мозга и нѣкоторыхъ его частей у различ. племенъ, населяющихъ Россію. „Тр. Антр. Отд.", т. XIX. Москва, 1899; *S. Sommier*—Siriéni, Ostiacchi e Samoiedi dell' Ob. „Arch. per l'Antr.", t. XVII. Firenze, 1887.

Имеретины: *Е. А. Блюмъ*—Предварит. свѣдѣнія о результатахъ антроп. изслѣдованій кавказ. народовъ. „VIII Съѣздъ рус. естествоисп. и врачей въ Спб.", т. II дополн. Спб., 1892; *Л. П. Загурскій*—Антроп. измѣренія кавказ. народовъ, произведенныя ген. Р. Ѳ. фонъ-Эркертомъ и проф. Э. Шантромъ. „Изв. Кавказ. Отд. II. Р. Г. О.", т. VIII; *П. П. Пантюховъ*—О ростѣ нѣкотор. племенъ Закавказ. края. Тифл., 1890; *онъ же*—Антропол. наблюденія на Кавказѣ. „Зап. Кавказ. Отд. II. Р. Г. О.", т. XV; *онъ же*—Населеніе Кутаис. губ. „Вѣст. общ. гиг., судебн. и практ. мед.", 1892, т. XV; *E. Chantre*—Recherches anthropol.

dans le Caucase, t. IV. Paris Lyon, 1887; *R. von Erckert*—Der Kaukasus und seine Völker. Leipz., 1887.

Ингуши: *Л. П. Загурскій*—Антроп. измѣренія кавказ. народовъ, произведенныя ген. Р. Ѳ. фонъ Эркертомъ и проф. Э. Шантромъ. „Изв. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.", т. VIII; *И. И. Пантюховъ*—Ингуши. Антроп. очеркъ. Ibid., т. XIII, № 6. Тифл., 1901; *Р. Ѳ. фонъ-Эркертъ*—Антроп. измѣренія нѣкор. кавказ. народовъ. Ibid., т. VII; *E. Chantre*—Recherches anthrop. dans le Caucase, t. IV. Paris-Lyon, 1887; *R. v. Erckert*—Kopfmessugen der kaukas. Völker. „Arch. f. Anthr.", 1891.

Кабардинцы: *А. А. Вырубовъ*—Къ вопросу о сравнительной прочности зубовъ. „Дневн. Автр. Отд.", 1891, в. III и IV; *Н. А. Вырубовъ*—Отчетъ о поѣздкѣ на Кавказъ лѣтомъ 1890 г. Ibid., 1890, в. IX; *Я. Д. Вышогродъ*—Матеріалы для антропологіи кабардинскаго народа (адыге). Дисс. на степ. д-ра мед. Спб., 1895; *Р. Ѳ. фонъ-Эркертъ*—Антропол. измѣренія нѣкотор. кавказ. народовъ. „Изв. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.", т. VII; *E. Chantre*—Recherches anthropol. dans le Caucase, t. IV. Paris-Lyon, 1887.

Казикумухцы: *Р. Ѳ. фонъ-Эркертъ*— Антропол. измѣренія нѣкотор. кавказ. народовъ. „Изв. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.". т. VIII; *E. Chantre*—Recherches anthrop. dans le Caucase, t. IV. Paris-Lyon, 1887.

Калмыки: *В. В. Воробьевъ*—Наружное ухо человѣка. „Тр. Антр. Отд.", т. XX; *А. А. Ивановскій*—Монголы-торгоуты. „Тр. Антр. Отд.", т. XII (приведена литература); *П. Н. Лесгафтъ* — О причинахъ развитія длинноголовыхъ и круглоголовыхъ череповъ. „Изв. С.-Петербургской Біологической Лабораторіи", 1899; *Н. М. Маліевъ*—Матер. для сравнит. антропологіи. „Тр. Общ. Естеств. при Казан. унив.", т. IV, № 2; *онъ же*—Каталогъ краніолог. коллекціи Казан. унив. Ibid., т. XIX, в. 2; *Мацѣевскій и Поярковъ* — Краткія этнограф. замѣтки о туземцахъ бывшаго Кульджинскаго района. Омскъ, 1883; *И. И. Мечниковъ* — Антропол. очеркъ калмыковъ. „Тр. Антр. Отд.", кн. 2, в. 1; *А. Г. Рождественскій*—Величина головы человѣка въ ея зависимости отъ роста, пола, возраста и расы. Ibid., т. XVIII; *А. Н. Харузинъ*—Два калмыц. черепа. „Дневн. Антр. Отд.", 1890, в. IV; *Р. Ѳ. фонъ-Эркертъ* — Антропол. измѣренія нѣкоторыхъ кавказ. народовъ. „Изв. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.", т. VIII; *Aitken Meigs*—Catalogue of human crania. Philad., 1857; *K. E. Baer*—Crania selecta. „Mém. de l'Acad. des Sc. de St.-Pét.", 1859, t. X; *P. Broca*—„Bull. de la Soc. d'Anthr. de Paris", 1861, p.p. 142 et 198, и 1873, p. 551, и „Rev. d'Anthr.", 1872, p 423; *G. Broesike*—Das anthrop. Material des anatom. Museums der K. Univers. zu Berlin, 1880; *E. Chantre*—Recherches anthropol. dans le Caucase, t. IV. Par.-Lyon, 1887; *I. B. Davis*—Thesaurus craniorum. Lond., 1867; *I. Deniker*—Sur les Kalmouks. „Bull. de la Soc. d'Anthr. de Par.", 1883, и „Rev. d'Anthr.", 1883, p. 671, и 1884, p. 277; *Dusseau*—Musée Yrolik. Amst., 1865; *A. Ecker*—Catalog. d. anthr. Samml. d. Univers. Freiburg 1878; *W. Flower*—Catalogue etc. Lond., 1879; *J. Fridolin*—Burjaten-und Kalmückenschädel. „Arch. f. Anthr.", Bd. XXVII, № 3; *G. Huhff*—De la configuration des paupières chez les Mongols. „Rev. d'Anthr.", 1875, t. IV; *Al. Iwanowski*—Zur Anthropologie der Mongolen. „Arch. für Anthrop.", Bd. XXIV; *онъ же*—Ueber gewisse Körperproportionen der Mongolen. „Compt.-rendus du XII Congrès internat. de médecine". Moscou, 1900; *I. Kollmann*—Kalmücken der kleinen Dörbeter Horde in Basel. „Verhandl. d. Naturforsch. Gesell. in Basel", 1884, S. 643; *I. Kopernicki*—The Kalmucks. „Journ. of the Anthr. Inst.", 1872, t. 1, № 3; *L. Kotelmann*—Die Augen von 22 Kalmücken. „Zeitschr. f. Ethnol.", 1884; *E. Metschnikoff*—Ueber die Beschaffenheit der Augenlieder bei den Mongolen und Kau-

kasiern. „Zeitschr. f. Ethnol.“, 1874, S. 153; *Pruner-Bey*—Résultats de craniométrie. „Mém. de la Soc. d'Anthr. de Par.“, 1865, t. II; *онъ же*—De la chevelure, comme caractéristique des races humaines. Ibid., 1865, t. II; *A. Quatrefages*—L'espèce humaine. Paris, 1879; *A. Quatrefages et E. Hamy*—Crania ethnica. Paris, 1882; *E. Regalia*—Orbita e obliquità dell' occhio mongolico. „Arch. per l'Antr.“, 1888, vol. XVIII; *Spengel*—Anthr. Samml. der Univers. Göttingen, 1874; *Ten-Kate*—Zur Craniologie der Mongoloiden. Berl., 1882; *P. Topinard*—Les Kalmouks. „Rev. d'Anthr.“, 1878, p. 576; *R. Virchow*—Der Schädel aus der Dschungarei. „Zeitschr. f. Ethnol.“, 1875, S. 342; *Ujfalvy de Mezö-Kövesd*—Le Kohistan, le Ferghanah et Kouldja. Paris, 1878.

Карагасы: *Н. В. Зальсскій*—Къ этнографіи и антропологіи карагасовъ. „Тр. Антр. Общ. при Воен.-Медиц. Акад.“, т. III. Спб., 1898.

Карачаевцы: *Р. Ѳ. фонъ-Эркертъ*—Антроп. измѣр. нѣкотор. кавказ. народовъ. „Изв. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.“, т. VIII; *E. Chantre*—Recherches anthropol. dans le Caucase, t. IV. Paris-Lyon, 1887.

Карелы: *А. В. Елисѣевъ*—Антроп. замѣтки о финнахъ. „Проток. засѣд. Антроп. Отд. съ 4 дек. 1884 по 1896“. Москва, 1887; *J. Deniker*—Les races de l'Europe. I. L'indice céphal. en Europe. Paris, 1899.

Качинцы: *Ѳ. Я. Конъ*—Беременность, роды и уходъ за ребенкомъ у качинокъ. „Рус. Антр. Журн.“, 1900, № 4.

Киргизы: *Н. А. Аристовъ*—Опытъ выясненія этническаго состава киргизъ-казаковъ Большой орды и каракиргизовъ на основаніи родословныхъ сказаній и свѣдѣній о существующихъ родовыхъ дѣленіяхъ и о родовыхъ тамгахъ, а также историческихъ данныхъ и начинающихся антропологическихъ изслѣдованій. „Живая Старина“, 1894, в. III и IV; *П. Горбачевъ*—Антропол. наблюденія надъ таранчами, дунганами, кашгарцами и киргизами Джаркента. „Протоок. засѣд. Антр. Отд. съ 4 дек. 1884 по 1886 г.“ Москва, 1887; *Н. Л. Зеландъ*—Киргизы. „Зап. Зап.-Сибир. Отд. И. Р. Г. О.“, кн. VII, в. 2. Омскъ, 1885; *А. А. Ивановскій*—Измѣренія киргизокъ Средней орды. „Тр. Антр. Отд.“, т. XVIII, стр. 105; *Колбасенко*—Семирѣченская киргизка въ акушер. отношеніи, плодовитость и дѣтская смертность. „Протоок. Кіев. Акуш.-Гинекол. Общ.“, 1889, в. V и 1900, № 36; *Мацѣевскій и Поярковъ*—Краткія этнограф. замѣтки о туземцахъ бывшаго Кульджинскаго района. Омскъ, 1883; *В. Д. Троновъ*—Матеріалы по антропологіи и этнологіи киргизъ. „Зап. Имп. Рус. Геогр. Общ. по отд. этнографіи“, т. XVII, в. II. Спб., 1891; *А. Н. Харузинъ*—Киргизы Букеевской орды. „Тр. Антр. Отд.“, т. X и XVI (приведена литература о киргизахъ); *онъ же*—О нѣкоторыхъ соотношеніяхъ размѣровъ головы и лица по возрастамъ у киргизовъ. „Дневн. Антр. Отд.“, 1890, в. 3; *онъ же*—По вопросу о происхожденіи киргизскаго народа. „Этнограф. Обозр.“, 1895, кн. XXVI; *С. Чугуновъ*—Матеріалы для антропологіи Сибири. Томскъ, 1894; *E. Chantre*—Recherches anthropol. dans le Caucase, t. IV. Paris-Lyon, 1887; *Ujfalvy de Mezö-Kövesd*—Le Kohistan, le Ferghanah et Kouldja. Paris, 1878; *онъ же*—Expédition scientif. française en Russie, en Sibérie et dans le Turkestan. Paris, 1878—80.

Китайцы: *А. П. Богдановъ*—Черепа кульджин. китайцевъ. „Протоок. засѣд. Антроп. Отд. съ 4 дек. 1884 по 1886 г.“ Москва, 1888; *Мацѣевскій и Поярковъ*—Краткія этнограф. замѣтки о туземцахъ бывшаго Кульджинскаго района. Омскъ, 1883; *Ю. Д. Талько-Грынцевичъ*—Замѣтки по антропологіи сѣвер. китайцевъ. „Тр. Троицкосавско-Кяхтин. Отдѣл. Приамур. Отд. И. Р. Г. О.“, 1899, т. II, в. 3; *H. Girard*—Notes sur les chinois. „L'Anthropologie“, 1898, t. IX, № 2; по краніологіи китайцевъ см. статьи *Fuzier*, *Mutel*, *Huquet* и *Richemond* въ

„Bull. de la Soc. d'Anthr. de Paris", 1861, p. 585, 1862, p. 438 и 1879, p.p. 569 и 697; *E. Schmidt* — Die anthrop. Samml. Deutschlands. Catalog d. craniol. Samml. d. Dr. Emil Schmidt. Braunschw., 1887.

Корейцы: *А. П. Богдановъ*—Черепа корейцевъ. „Антр. Выст.", т. II, стр. 405.

Кубачинцы: *E. Chantre*—Recherches anthropol. dans le Caucase, t. IV. Paris-Lyon, 1887.

Кумандинцы: *Н. М. Ядринцевъ*—Измѣренія алтайскихъ инородцевъ. „Проток. засѣд. Антр. Отд. съ 4 дек. 1884 по 1886 г." Москва, 1886.

Кумыки: *И. И. Пантюховъ*—О кумыкахъ. Антроп. очеркъ. Газ. „Кавказъ", 1894, №№ 138, 139 и 225; *П. Ѳ. Свидерскій*—Матеріалы для антропологіи Кавказа. Кумыки. Дисс. на степ. д-ра мед. Спб., 1898; *E. Chantre*—Recherches anthropol. dans le Caucase, t. IV. Paris-Lyon, 1887.

Курды: *Н. П. Даниловъ*—Къ характеристикѣ антропологич. и физіологич. чертъ современнаго населенія Персіи. „Тр. Антр. Отд.", т. XVII. Москва, 1894; *Н. В. Насоновъ*—Таблица измѣреній курдовъ. „Дневн. Антр. Отд.", 1890, в. X; *И. И. Пантюховъ*—Антрополог. наблюденія на Кавказѣ. „Зап. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.", кн. XV; *E. Chantre*—Aperçu sur les caractères ethniques des ansharіés et des kurdes. „Bull. de la Soc. d'Anthr. de Lyon", 1882, t. I; *онъ же*—Recherches anthropolog. dans le Caucase, t. IV. Paris-Lyon, 1887; *онъ же*—Aperçu sur l'anthropométrie des peuples de la Transcaucasie. „Congr. intern. d'arch. et d'anthr. préhist." Moscou, 1893, t. II; *онъ же*—Missions scientif. en Transcaucasie, Asie Mineure et Syrie 1890—94. „Arch. de Museum d'Hist. Natur. de Lyon", t. IV, 1895; *Houssay*—Les peuples actuels de la Perse. „Bull. de la Soc. d'Anthr. de Lyon", 1887, t. IV.

Кюринцы см. Лезгины.

Лазы: *E. Chantre*—Recherches anthropol. dans le Caucase, t. IV. Paris-Lyon, 1887.

Ламуты: *А. Г. Рождественскій*—Матеріалы къ изученію физич. типа чукчей и ламутовъ (по матеріаламъ, доставленнымъ А. В. Олсуфьевымъ). „Зап. Приамур. Отд. И. Р. Г. О.", т. II, в. 1. Спб., 1896.

Латыши: *Р. Л. Вейнбергъ*—О строеніи большого мозга у эстовъ, латышей и поляковъ. „Тр. Антр. Отд.", т. XIX. Москва, 1899; *Ю. Д. Талько-Грынцевичъ*—Къ антропологіи народностей Литвы и Бѣлоруссіи. „Тр. Антр. Общ. при Воен.-Медиц. Акад.", т. I, в. 1. Спб., 1894; *R. Weinberg*—Das Gehirn der Letten. Cassel, 1896; *O. Waeber* — Beiträge zur Anthropologie der Letten. In.-Diss. Dorpat, 1879.

Лезгины: *Н. В. Гильченко*—Вѣсъ голов. мозга и нѣкотор. его частей у различ. племенъ, населяющихъ Россію. „Тр. Антр. Отд.", т. XIX. Москва, 1899; *К. М. Курдовъ*—Къ антропологіи лезгинъ (кюринцы). „Рус. Антр. Журн.", 1901, №№ 3—4; *И. И. Пантюховъ*—Антропол. наблюденія на Кавказѣ. „Зап. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.", т. XV; *онъ же*—Современные лезгины. Тифл., 1901; *А. Г. Рождественскій*—Величина головы человѣка въ ея зависимости отъ роста, пола, возраста и расы. „Тр. Антр. Отд.", т. XVIII; *Р. Ѳ. фонъ-Эркертъ*—Антропол. измѣренія нѣкотор. кавказ. народовъ. „Изв. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.", т. VIII; *E. Chantre*—Recherches anthropol. dans le Caucase, t. IV. Paris-Lyon, 1887.

Ливы: *F. Waldhauer*—Zur Anthropologie der Liven. In.-Diss. Dorpat, 1879; *R. Virchow*—Livländischer Schädel. „Verhandl. d. Berl. Gesell. f. Anthr., Ethnol. u. Urgesch." 1878, S. 141.

Литовцы: *Н. В. Гильченко*—Вѣсъ голов. мозга и нѣкоторыхъ его ча-

стей у различ. племенъ, населяющихъ Россію. „Тр. Антр. Отд.", т. XIX; *Ю. Д. Талько-Грынцевичъ*—Къ антропологіи народностей Литвы и Бѣлоруссіи. „Тр. Антр. Общ. при Воен.-Медиц. Акад." т. I, в. 1. Спб., 1894; *Н А. Янчукъ*—Къ вопросу объ антропол. типѣ литовцевъ. „Дневн. Антр. Отд.", 1900, в. V; *I. Brennsohn*—Zur Anthropologie der Litauer. In.-Diss. Dorpat, 1883; *J. Deniker*—Les races de l'Europe. I. L'indice céphal. en Europe. Par., 1899; *W. Olechnowicz*—Charakterystyka fizyczna Litwinów. „Zbior wiadomości do antropologii kraj., wydawanego staranyem Komisyi antropologicznej Akademii Umiejętnosci w Krakowie", 1895, t. XVIII; *J. Talko-Hryncewicz*—Charakterystyka fizyczna ludów Litwy i Rusi. Ibid., t. XVII.

Лопари: *А. И. Кельсіевъ*—Вопросы по изученію лопарей, затронутые въ антрополог. Обществахъ и спеціал. журналахъ послѣднихъ лѣтъ. „Антр. Выст.", т. I, стр. 114; *онъ же*—Антропол. очеркъ лопарей. Ibid., т. III, стр. 491 и т. IV, стр. 1; *Н. Н. Харузинъ*—Къ вопросу о двухъ типахъ лопарей. „Дневн. Антр. Отд", 1890, в. IV; *Bertillon* — Crâniologie des Lapons. „Bull. de la Soc. d'Anthr. de Par.", 1869, t. IV; *R Bonaparte*—The Lapps of Finmark. „Journ. of Anthr. Inst.", 1885, t. XV; *J. Deniker*—Les races de l'Europe. I. L'indice céphal. en Europe. Par., 1899; *Garson*—On the physical characteristics of the Lapps. „Journ. of Anthr. Inst.", t. XV; *P. Mantegazza* — I Lapponi. „Arch. per. l'Antr.", 1880, t. X; *P. Mantegazza et Sommier* — Studii antr. sui Lapponi. Tor., 1880; *E. Schmirt*—Die anthrop. Samml. Deutschlands. Catalog d. craniolog. Samml. d. Dr. Emil Schmidt. Braunschw., 1887; *S. Sommier* — Osservazioni sui Lapponi e sui Finlandesi settentrionali. „Arch. per. l'Antr.", XVI, 1886; *R. Virchow*—Die physischen Eigenschaften der Lappen. „Verhandl. d. Berl. Gesell. f. Anthr., Ethnol. u. Urgesch.", VII, 1875; *онъ же*—Ueber die Lappen. Ibid., 1879, S, 143; 1891, S. 478.

Люли: *А. И. Вилькинсъ*—Среднеазіат. богема. „Антроп. Выст.", т. III, стр. 436.

Мазанги: *А. И. Вилькинсъ*—Среднеазіат. богема. „Антр. Выст", т. III, стр. 436.

Мещеряки: *S. Weissenberg*—Ein Beitrag zur Anthropologie der Turkvölker. Baschkiren und Meschtscherjaken. „Zeitschr. f. Ethnol.", Berl., 1892.

Мингрельцы: *Е. А. Блюмъ*—Предварит. свѣдѣнія о результатахъ антрополог. изслѣдованій кавказ. народовъ. „VIII съѣздъ рус. естествоисп. и врачей въ Спб.", т. II дополн. Спб., 1892; *Л. П. Загурскій*—Антропол. измѣренія кавказ. народовъ, произведенныя ген. Р. Ѳ. фонъ-Эркертомъ и проф. Э. Шантромъ. „Изв. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.", т. VIII; *И. И. Пантюховъ*—О ростѣ нѣкотор. племенъ Закавказ. края. Тифл., 1890; *онъ же*—Населеніе Кутаис. губ. „Вѣст. общ. гиг., судеб. и практ. мед.", 1892, т. XV; *онъ же*—Антропол. наблюденія на Кавказѣ. „Зап. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.", кн. XV; *Р. Ѳ. фонъ-Эркертъ*—Антроп. измѣренія нѣкотор. кавказ. народовъ. „Изв. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.", т. VIII; *E. Chantre*—Recherches anthropol. dans le Caucase, t. IV. Par.-Lyon, 1887; *R. v. Erckert*—Der Kaukasus und seine Völker. Leipz., 1887.

Мордва: *Н. В. Гильченко*—Вѣсъ голов. мозга и нѣкоторыхъ его частей у различ. племенъ, населяющихъ Россію. „Тр. Антр. Отд.", т. XIX; *В. Н. Майновъ*—Результаты антрополог. иследованій среди мордвы-эрзи. „Зап. Имп. Рус. Геогр. Общ. по отд. этногр.", т. XI. Спб., 1883; *онъ же*—Матеріалы по антропологіи мордвы-эрзя Нижегород. у. „Дневн. Антр. Отд.", 1891, в. IV; *Н. М. Малієвъ*—О мордвѣ Смоленской губ. (антропол. наблюденія). „Тр. Общ. Естествоисп. при Казан. унив.", 1878; *онъ же* — Каталогъ краніолог. коллекціи Казан. унив. Ibid., т. XIX, в. 2; *А. Г. Рождественскій* — Величина головы че-

ловѣка въ ея зависимости отъ роста, пола, возраста и расы. „Тр. Антр. Отд.“, т. XVIII; *Е. Т. Соловьевъ*—О ростѣ и объемѣ груди жителей Тетюшскаго у., Казанской г. „Проток. засѣд. Антроп. Отд. съ 4 дек. 1884 по 1886 г.“; *S. Sommier*—Mordvà. „Arch. per l'Antr.“, XIX, 1889.

Натухайцы: *А. П. Богдановъ*—О черепахъ изъ кавказ. кургановъ и могилъ. „Антр. Выст.“, т. III, стр. 431.

Ногайцы: *E. Chantre*—Recherches anthropol. dans le Caucase, t. IV. Paris-Lyon, 1887.

Нѣмцы: *Н. В. Гильченко*—Вѣсъ головн. мозга и нѣкотор. его частей у различ. племенъ, населяющихъ Россію. „Тр. Антр. Отд.“, т. XIX; *И. И. Пантюховъ*—О ростѣ нѣкотор. племенъ Закавказ. края. Тифл., 1890; *онъ же*—Антр. наблюденія на Кавказѣ. „Зап. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.“, кн. XV; *А. Н. Харузинъ*—Къ антропологіи населенія Эстляндской губ. „Временникъ Эстлянд. губ. 1893 г.“, Ревель, 1894.

Ороки: *A. Tarenetzky*—Weitere Beiträge zur Craniologie der Bewohner von Sachalin—Aino, Giljaken und Oroken. „Mém. de l'Acad. des Sc. de St.-Pét.“, t. XLI, № 6. St.-Pét., 1893.

Орочи: *В. П. Маргаритовъ*—Объ орочахъ Императорской гавани. Спб., 1888; *А. Ронческій*—Измѣреніе 17 череповъ орочей. „Медиц. Прибавл. къ Морск. Сборн.“, 1888.

Орочоны: *А. А. Ивановскій*—Орочонскій черепъ. „Дневн. Антр. Отд.“, 1890, в. IV; *Н. М. Маліевъ*—Матеріалы для сравнит. антропологіи. „Тр. Общ. Естествоисп. при Казан. унив.“, т. IV, № 2. Казань, 1874; *онъ же*—Каталогъ краніолог. коллекціи Казан. унив. Ibid., т. XIX, в. 2.

Осетины: *Е. А. Блюмъ*—Предварит. свѣдѣнія о результатахъ антроп. изслѣдованій кавказ. народовъ. „VIII съѣздъ рус. естеств. и врачей въ Спб.“, т. II дополнит. Спб., 1892; *Н. В. Гильченко*—Матеріалы для антропологіи Кавказа. I. Осетины. Дисс. на степ. д-ра мед. Спб., 1890; *онъ же*—Антроп. очеркъ осетинъ. „Проток. засѣд. Рус. Антр. Общ. при Петерб. унив. за 1890—91 г.“ Спб., 1892; *онъ же*—Вѣсъ голов. мозга и нѣкотор. его частей у различ. племенъ, населяющихъ Россію. „Тр. Антр. Отд.“, т. XIX; *Л. П. Загурскій*—Антрополог. измѣренія кавказ. народовъ, произведенныя ген. Р. Ѳ. фонъ-Эркертомъ и проф. Э. Шантромъ. „Изв. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.“, т. VIII; *А. А. Ивановскій*—Черепа изъ могильниковъ Осетіи. „Дневн. Антр. Отд.“, 1891, в. V; *Н. М. Маліевъ*—Матеріалы для сравн. антропологіи. „Тр. Общ. Естествоисп. при Казан. унив.“, т. IV, № 2. Казань, 1874; *онъ же*—Каталогъ краніолог. коллекціи Казан. унив. Ibid., т. XIX, в. 2; *И. И. Пантюховъ* — Антропол. наблюденія на Кавказѣ. „Зап. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.“, кн. XV; *онъ же* — О ростѣ нѣкоторыхъ племенъ Закавказ. края. Тифл., 1890; *А. Н. Харузинъ*—О вліяніи тюркской крови на иранскій типъ осетинъ. „Дневн. Антр. Отд.“, 1890, в. V; *Р. Ѳ. фонъ-Эркертъ*—Антропол. измѣренія нѣкотор. кавказ. народовъ. „Изв. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.“, т. VII и VIII; *E. Chantre*—Recherches anthropol. dans le Caucase, t. IV. Paris-Lyon, 1887; *R. von Erckert* — Der Kaukasus und seine Völker. Leipz., 1887.

Остяки: *А. П. Богдановъ*—Остяцкіе черепа. „Антр. Выст.“, т. II, стр. 408; *А. И. Таренецкій*—Остяцкіе черепа. „Тр. Антр. Общ. при Воен.-Медиц. Акад.“, т. III. Спб., 1898; *С. Чугуновъ*—Антропол. очеркъ остяковъ. „Сибир. Вѣстникъ“, 1890, №№ 85, 88 и 90; *онъ же*—Матеріалы для антропологіи Сибири. Томскъ, 1893; *S. Sommier*—Siriéni, Ostiacchi e Samoiedi dell'Ob. „Arch. per

l'Antr.", t. XVII. Firenze, 1887; *R. Virchow*—„Arch. f. Anthr.", Bd. IV; о черепахъ см. „Bull. de la Soc. d'Anthr. de Par.", 1898, f. 2.

Пермяки: *Н. В. Гильченко*—Вѣсъ голов. мозга и нѣкор. его частей у различ. племенъ, населяющихъ Россію. „Тр. Антр. Отд.", т. XIX; *Н. М. Маліевъ*—Антропол. очеркъ племени пермяковъ. „Тр. Общ. Естествоисп. при Казан. унив.", XVI, в. 4. Казань, 1887; *онъ же*—Каталогъ краніолог. коллекціи Казан. унив. Ibid., т. XIX, в. 2.

Персы: *Н. П. Даниловъ*—Къ характеристикѣ антропол. и физіолог. чертъ современ. населенія Персіи. „Тр. Антр. Отд.", т. XVII; *И. И. Пантюховъ*—О ростѣ нѣкотор. племенъ Закавказ. края. Тифл., 1890; *онъ же*—Антропол. наблюденія на Кавказѣ. „Зап. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.", кн. XV; *А. П. Федченко*—Путешествіе въ Туркестанъ. Антропол. замѣтки относительно туркестан. инородцевъ. Обраб. А. П. Богдановъ. „Изв. Имп. Общ. Люб. Ест., Антр. и Этн.", т. XXXV, в. 5; *E. Chantre*—Recherches anthropol. dans le Caucase, t. IV. Paris-Lyon, 1887; *Houssay*—Les peuples actuels de la Perse. „Bull. de la Soc. d'Anthr. de Lyon", 1887, pp. 101—130.

Пшавы: *Е. А. Блюмъ*—Предварит. свѣдѣнія о результатахъ антропол. изслѣдованій кавказ. народовъ. „VIII съѣздъ рус. естествоисп. и врачей въ Спб.", т. II, дополн. Спб., 1892; *E. Chantre*—Recherches anthropol. dans le Caucase, t. IV. Paris-Lyon, 1887.

Самоѣды: *А. П. Богдановъ*—Черепа самоѣдовъ. „Антр. Выст.", т. II, стр. 381; *Montefiore*—The Samoyeds. „Journ. of Anthr. Inst.", 1895, t. XXIV; *S. Sommier*—Siriéni, Ostiacchi e Samoiedi dell'Ob. „Arch. per l'Antr.", t. XVII, Firenze. 1887.

Самурзаканцы: *И. И. Пантюховъ*—Самурзаканцы. Газ. „Кавказъ", 1892, № 77; *онъ же*—О ростѣ нѣкотор. племенъ Закавказ. края. Тифл., 1890.

Сарты: *А. П. Богдановъ*—Краніолог. замѣтки о Туркестан. населеніи. „Проток. засѣд. Антр. Отд. съ 4 дек. 1884 по 1886 г.". Москва, 1887; *Н. М. Маліевъ* — Каталогъ краніол. коллекціи Казан. унив. „Тр. Общ. Естествоисп. при Казан. унив.", т. XIX, в. 2; *Мацьевскій* и *Поярковъ* — Краткія этнографич. замѣтки о туземцахъ бывшаго Кульджинскаго района. Омскъ, 1883; *А. П. Федченко*—Путеш. въ Туркестанъ. Антропол. замѣтки отн. туркест. инородцевъ. Обраб. А. П. Богдановъ. „Изв. Имп. Общ. Люб. Ест., Антр. и Этн.", т. XXXIV, в. 5; *И. Л. Яворскій* — Краткій отчетъ о научной командировкѣ въ Ср. Азію, исполненной лѣтомъ 1894 г. Матеріалы для краніологіи туркестан. населенія. Одесса, 1895; *Durante* — Crânes, ossements et objets des sartes. „Bull. de la Soc. d'Anthr. de Paris", 1898, p. 437; *Zaborowski*—Galtchas, Savoyards, Sartes et Uzbèques. Ibid., 1899, p. 698.

Сванеты: *Е. А. Блюмъ*—Предварит. свѣдѣнія о результатахъ антроп. изслѣдованій кавказ. народовъ. „VIII съѣздъ рус. естествоисп. и врачей въ Спб.", т. II дополн. Спб., 1892; *В. В. Ольдерогге*—О результатахъ антрополог. экскурсіи въ Сванетію. „Проток. засѣд. Рус. Антр. Общ. при Петерб. унив. за 1890—91 г."; *И. И. Пантюховъ*—О ростѣ нѣкотор. племенъ Закавказ. края. Тифл., 1890; *онъ же*—Населеніе Кутаис. губ. „Вѣстн. общ. гиг., судеб. и практ. медиц.", 1892, т. XV; *онъ же*—Антропол. наблюденія на Кавказѣ. „Зап. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.", кн. XV; *E. Chantre*—Recherches anthropol. dans le Caucase, t. IV. Paris-Lyon, 1887.

Сибо-шибинцы: *Мацьевскій* и *Поярковъ*—Краткія этнографич. замѣтки о туземцахъ бывшаго Кульджинскаго района. Омскъ, 1883.

Сойоты: *К. И. Горощенко*—Сойоты. „Рус. Антр. Журн.", 1901, № 2;

И. П. Силиничъ — Къ краніологіи сойотъ. Ibid.; *Н. М. Ядринцевъ*—Измѣренія алтайскихъ инородцевъ. „Проток. засѣд. Антр. Отд. съ 4 дек. 1884 по 1886 г.“. Москва, 1886.

Таджики: *А. П. Богдановъ*—Краніол. замѣтки о туркестан. населеніи. „Проток. засѣд. Антр. Отд. съ 4 дек. 1884 по 1886 г.“; *А. П. Федченко*—Путеш. въ Туркестанъ. Антропол. замѣтки отн. туркестан. инородцевъ. „Изв. Имп. Общ. Люб. Ест., Антр. и Этн.“, т. XXXIV, в. 5; *Ujfalvy de Mezö-Kövesd*—Le Kohistan, le Ferghanah et Kouldja, Paris, 1878; *онъ же*—Les Galtchas et les Tadjiks. „Rev. d'Anthr.“, 1879, sér. 2; *онъ же*—Quelques observations sur les Tadjiks des montagnes, appelés aussi Galtchas. „Bull. de la Soc. d'Anthr. de Paris“, 1887.

Таранчи: *П. Горбачевъ*—Антропол. наблюденія надъ таранчами, дунганами, кашгарцами и киргизами Джаркента. „Прот. засѣд. Антр. Отд. съ 4 дек. 1884 по 1886 г.“; *Мацъевскій* и *Поярковъ*—Краткія этнограф. замѣтки о туземцахъ Кульджинскаго района. Омскъ, 1883; *В. Е. Пайсель*—Матеріалы для антр. таранчей. Дисс. на степ. д-ра мед. Спб., 1897; *Ujfalvy de Mezö-Kövesd*—Le Kohistan, le Ferghanah et Kouldja. Paris, 1878.

Татары — адербейджанскіе: *Е. А. Блюмъ*—Преступникъ какъ объектъ кримин.-психологич. изслѣдованія. „Сборн. Имп. Кавказ. Медиц. Общ.“, Тифл., 1886, № 42; *Н. П. Даниловъ*—Къ характеристикѣ антропологи. и физіолог. чертъ современ. населенія Персіи. „Тр. Антр. Отд.“, т. XVII; *И. И. Пантюховъ*—Антропол. наблюденія на Кавказѣ. „Зап. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.“, кн. XV; *Р. Ѳ. фонъ-Эркертъ*—Антропологи. измѣренія нѣкотор. кавказ. народовъ. „Изв. Кавказ. Отд.“, т. VII и VIII; *E. Chantre*—Recherches anthropol. dans le Caucase, t. IV. Paris-Lyon, 1887; *онъ же*—Aperçu sur l'anthropométrie des peuples de la Transcaucasie. „Congr. intern. d'arch. et d'anthr. préhist.“ Moscou, 1893, t. II; *онъ же*—Missions scientif. en Transcaucasie, Asie Mineure et Syrie 1890—94. „Arch. de Museum d'Hist. Natur. de Lyon“, t. IV. Lyon. 1895; горскіе татары Кавказа: *А. А. Вырубовъ*—Къ вопросу о сравнит. прочности зубовъ. „Дневн. Антр. Отд.“, 1891, в. III и IV; *Н. А. Вырубовъ*—Отчетъ о поѣздкѣ на Кавказъ лѣтомъ 1900 г. Ibid., 1890, в. IX; казанскіе: *Н. В. Гильченко*—Вѣсъ головного мозга и нѣкотор. его частей у различ. племенъ, населяющихъ Россію. „Тр. Антр. Отд.“, т. XIX; *Н. М. Малгевъ*—Матеріалы для сравнит. антропологіи. „Тр. Общ. Естествоисп. при Казан. унив.“, т. IV, № 2. Казань, 1874; *онъ же*—Каталогъ краніол. коллекціи Казан. унив. Ibid., т. XIX, в. 2; *Е. Т. Соловъевъ* — О ростѣ и объемѣ груди жителей Тетюшскаго у., Казанской г. „Проток. засѣд. Антроп. Отд. съ 4 дек. 1884 по 1886 г.“; касимовскіе: *В. Н. Бензенгръ*—Антропол. очеркъ касимовскихъ татаръ. „Антр. Выст.“, т. III, стр. 160; крымскіе: *Ѳ. К. Гинкуловъ*—Предварит. отчетъ о поѣздкѣ въ Крымъ. „Дневн. Антр. Отд.“, 1893, вып. II; *К. Н. Иковъ*—Къ краніологіи татаръ южн. берега Крыма. Ibid., 1891, в. I; *Н. И. Лыжинъ*—Антропол. наблюденія надъ таврич. татарами. Ibid., 1891, в. I; *К. С. Мережковскій*—Отчетъ объ антропол. поѣздкѣ въ Крымъ. „Изв. Имп. Рус. Геогр. Общ.“, 1881, т. XVII, в. 2; *А. Н. Харузинъ*—Замѣтка о татарахъ южн. берега Крыма. „Дневн. Антр. Отд.“, 1890, в. II; *онъ же*—Татары Гурзуфа. Ibid., 1890, в. VII и VIII; литовскіе: *Н. А. Янчукъ*—Нѣскол. новыхъ свѣдѣній о литов. татарахъ. „Тр. Антр. Отд.“, т. XVIII; томскіе: *С. Чугуновъ*—Матеріалы для антропологіи Сибири. Томскъ, 1893; туркестанскіе: *А. А. Ивановскій*—Черепъ татарина Семипалатин. обл. „Дневн. Антр. Отд.“, 1890, в. IV; *А. П. Федченко*—Путеш. въ Туркестанъ. Антропол. замѣтки отн. туркестан. инородцевъ. „Изв. Имп. Общ. Люб. Ест., Антр. и Этн.“, т. XXXIV, в. 5; черневые

(алтайскіе): *Н. М. Ядринцевъ*—Измѣренія алтайскихъ инородцевъ. „Протов. засѣд. Антр. Отд. съ 4 дек. 1884 по 1886 г.“.

Таты: *E. Chantre*—Recherches anthropol. dans le Caucase, t. IV. Paris-Lyon, 1887; *онъ же*—Les Tats de la vallée inférieure de la Koura. „Bull. de la Soc. d'Anthr. de Lyon“, 1891, t. X; *онъ же*—Aperçu sur l'anthropométrie des peuples de la Transcaucasie. „Congr. intern. d'arch. et d'anthr. préh.“ Moscou, 1893, t. II; *онъ же*—Missions scientif. en Transcaucasie, Asie Mineure et Syrie 1890—94. „Arch. de Museum d'Hist. Natur. de Lyon“, t. VI. Lyon, 1895.

Текинцы: *И. И. Пантюховъ*—Антропологич. наблюденія на Кавказѣ. „Зап. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.“, кн. XV; *А. Г. Рождественскій*—Величина головы человѣка въ ея зависимости отъ роста, пола, возраста и расы. „Тр. Антр. Отд.“, т. XVIII.

Теленгеты, Телесы, Телеуты: *Е. И. Луценко* — Къ антропол. характеристикѣ алтайскаго племени теленгетъ. „Рус. Антр. Журн.“, 1902, № 1; *Н. М. Ядринцевъ* — Измѣренія алтайскихъ инородцевъ. „Проток. засѣд. Антр. Отд. съ 4 дек. 1884 по 1886 г.“ Москва, 1886.

Темиргоевцы: *Р. Ө. фонъ-Эркертъ*—Антропол. измѣренія нѣкотор. кавказ. народовъ. „Изв. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.“, т. VII.

Торгоуты см. Калмыки.

Тунгусы: *А. П. Богдановъ*—Тунгус. черепа. „Антр. Выст.“, т. II, стр. 418; *И. И. Майновъ*—Нѣкотор. данныя о тунгусахъ Якутскаго края. „Тр. Вост.-Сибир. Отд. И. Р. Г. О.“, 1898, № 2; *онъ же* — Два типа тунгусовъ. „Рус. Антр. Журн.“, 1901, № 2; *Шренкъ*—Объ инородцахъ Амурскаго края. Спб., 1883; *K. E. Baer*—Crania selecta. „Mém. de l'Acad. de St.-Pét.“, 1859, t. X; *Welcker*—Kraniolog. Mittheil. „Arch. f. Anthr.“, 1866, Bd. I.

Турки: *А. В. Елисѣевъ*—Антропол. замѣтки объ обитателяхъ Мал. Азіи. „Дневн. Антр. Отд.“, 1890, в. VI—X, и 1891, в. II, V—VII; *А. А. Ивановскій*—Туркмены и турки по краніом. изслѣдованіямъ. Ibid., 1891, в. III; *И. И. Пантюховъ*—О ростѣ нѣкотор. племенъ Закавказ. края. Тифл., 1890; *онъ же*—Антропол. наблюденія на Кавказѣ. „Зап. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.“, кн. XV; *E. Chantre*—Missions scientif. en Transcaucasie, Asie Mineure et Syrie 1890—94. „Arch. de Museum d'Hist. Natur. de Lyon“, t. VI. Lyon, 1895; *E. Schmidt* — Die anthrop. Samml. Deutschlands. Catalog d. craniol. Samml. d. Dr. Emil Schmidt. Braunschw., 1887; *A. Weisbach*—Die Schädelform der Türken. „Mittheil. der anthr. Gesell. in Wien“, 1873, t. III.

Туркмены: *А. А. Ивановскій*—Туркмены и турки по краніом. изслѣдованіямъ. „Дневн. Антр. Отд.“, 1891, в. III; *А. И. Таренецкій*—„Международ. Клиника“, 1883; *И. Л. Яворскій*—Краткій отчетъ о науч. командировкѣ въ Ср. Азію, исполненной лѣтомъ 1894 г. Антропол. и этнограф. очеркъ туркменъ. Одесса, 1895; *онъ же*—Антропол. очеркъ туркменъ. „Тр. Антр. Общ. при Воен.-Медиц. Акад.“, Т. II. Спб., 1897.

Тушины: *Е. А. Блюмъ*—Предварит. свѣдѣнія о результатахъ антропол. изслѣдованій кавказ. народовъ. „VIII съѣздъ рус. естествоисп. и врач. въ Спб.“, т. II дополн. Спб., 1892; *E. Chantre*—Recherches anthropol. dans le Caucase, t. IV. Paris-Lyon, 1887.

Удины: *А. А. Арутиновъ*—Къ антропологіи кавказ. племени удинъ. „Тр. Антр. Отд.“, т. XVIII.

Узбеки: *А. П. Богдановъ*—Краніол. замѣтки о туркест. населеніи. „Прот. засѣд. Антр. Отд. съ 4 дек. 1884 по 1886 г.“; *Н. М. Маліевъ*—Объ узбекскихъ черепахъ. „Прилож. къ проток. Общ. Естествоисп. при Казан. унив.“, 1886;

А. П. Федченко — Путеш. въ Туркестанъ. Антропом. замѣтки отн. туркестан. инородцевъ. Обраб. А. П. Богдановъ. „Изв. Имп. Общ. Люб. Ест., Антр. и Этн.", т. XXXIV, в. 5; *Ujfalvy de Mezö-Kövesd*—Le Kohistan, le Ferghanah et Kouldja. Paris, 1878; *Zaborowski*—Galtchas, Sovoyards, Sartes et Uzbèques. „Bull. de la Soc. d'Anthr. de Paris", 1899, p. 698.

Финны: *А. В. Елисѣевъ*—Антропол. замѣтки о финнахъ. „Прот. засѣд. Антр. Отд. съ 4 дек. 1884 по 1886 г."; *Beddoe*—Tête des Finnois et des Suédois. „Bull. de la Soc. d'Anthr. de Paris", 1865, p. 454; *J. Deniker* — Les races de l'Europe. I. L'indice céphal. en Europe. Paris, 1899; *Estlander* — Crânes finnois. „Bull. de la Soc. d'Anthr. de Par.", 1879, p. 719; *K. Haellsten*, *K. Kyrklund*, *E. Weymarn*—„Bidrag till Kännedom of Finlands Natur och Folk", Helsingfors, 1881, 1882—84, 1885, 1893; *I. Kopernicki*—Quelques observations cephalométr. etc. „Bull. de la Soc. d'Anthr. de Par.", 1869, t. IV; *A. Retzius*—Om formen of Nordboernes kranier. „Förhandlingar vid de Scandinav. Naturforskarnes, 3 möte, Stockh., 1842 (см. также „Bull. Scientif. de l'Acad. des Sc. de S.-Pét.", 1848, t. V, p. 316); *G. Retzius*—Finska kranier jämte nägra natur.-och literatur-studier inom. andra omraden of finsk antropologi. Stockh., 1878; *E. Schmidt*—Die anthrop. Samml. Deutschlands. Catalog d. craniol. Samml. d. Dr. Emil Schmidt. Braunschw., 1887; *Ujfalvy de Mezö-Kövesd* — Crânes finnois. „Bull. de la Soc. d'Anthr. de Paris", 1877, p. 74.

Хевсуры: *Е. А. Блюмъ*—Предварит. свѣдѣнія о результатахъ антропол. изслѣдованій кавказ. народовъ. „VIII съѣздъ рус. естеств. и врач. въ Спб.", т. II дополн. Спб., 1892; *E. Chantre*—Recherches anthropol. dans le Caucase, t. IV. Paris-Lyon, 1887.

Цыгане: *А. П. Богдановъ* — Матер. для изученія цыганъ въ антропол. отношеніи. „Антр. Выст.", т. I, стр. 161; *Н. И. Лыжинъ* — Антропол. очеркъ цыганъ Таврической губ. „Дневн. Антр. Отд.", 1893, в. II (въ прилож.); *Д. П. Никольскій*—Къ вопросу объ изученіи цыганъ. „Тр. Антр. Общ. при Воен.-Мед. Акад.", т. IV. Спб., 1899; *Duhouset*—Tziganes de Perse. „Bull. de la Soc. d'Anthr. de Paris", 1875, p. 597; *L. Glueck* — Zur physisch. Anthropologie der Zigeuner. „Wissensch. Mittheil. aus Bosnien und der Hercegovina", V, 1897; *Hovelacque*— „Rev. d'Anthr.", III; *I. Kopernicki* — Ueber den Bau der Zigeunerschädel. „Arch. f. Anthr.", Bd. V, H. 3; *Obédénare*—Tziganes de Roumanie. „Bull. de la Soc. d'Anthr. de Paris", 1875, p. 597; *Petersen und von Luschan*—Reisen in Lykien, Milyas und Kibyratis. Wien, 1889; *E. Schmidt*—Die anthrop. Samml. Deutschlands. Catalog d. craniol. Samml. d. Dr. Emil Schmidt. Braunschw., 1887; *Schwicker* — Die Zigeuner in Ungarn und Siebenbürgen. Wien, 1883; *Steinberg*—Progr. d. evangel. Gymnas. in Schlässburg. Hermannstadt, 1875; *Ujfalvy de Mezö-Kövesd*—Le Kohistan, le Ferghanah et Kouldja. Paris, 1878; *A. Weisbach*—Die Zigeuner. „Wiener medic. Jahrbücher", 1864 и 1886 и „Mittheil. der anthr. Gesell. in Wien",1889, Bd. XIX.

Черемисы: *Н. В. Гильченко*—Вѣсъ голов. мозга и нѣкотор. его частей у различ. племенъ, населяющихъ Россію. „Тр. Антр. Отд.", т. XIX; *Н. М. Маліевъ* — Матер. для сравнит. антропологіи. „Тр. Общ. Естествоисп. при Казан. унив.", т. IV, № 2. Казань, 1874; *онъ же* — Каталогъ краніолог. коллекціи Казан. унив. Ibid., т. XIX, в. 2; *Д. П. Никольскій* — Этнограф.-антропол. очеркъ вост. черемисъ. „Тр. Антр. Общ. при Воен.-Мед. Акад.", т. II. Спб., 1897 (приведена литература); *С. Соммье* — О черемисахъ. Этнограф.-антропол. очеркъ. Перев. В. Москалевой подъ ред. и съ примѣч. Д. П. Никольскаго. „Зап. Урал. Общ. Люб. Ест.", т. XVII; *I. Kopernicki*—Quelques observations cephalométriques sur les Rutheniens, les Russes et les Finnois de l'Est. „Bull. de la Soc. d'Anthr. de Par.", 1869, t. IV; *S. Sommier* — Ceremissi. „Arch. per. l'Antr.", XVIII, 1888.

Чеченцы (см. также Ингуши): *Н. В. Гильченко* — Вѣсъ голов. мозга и нѣкотор. его частей у различ. племенъ, населяющихъ Россію. „Тр. Антр. Отд.“, т. XIX; *Л. П. Загурскій*—Антр. измѣренія кавказ. народовъ, произведенныя ген. Р. Ѳ. фонъ-Эркертомъ и проф. Э. Шантромъ. „Изв. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.“, т. VIII; *Р. Ѳ. фонъ-Эркертъ* — Антропол. измѣренія нѣкотор. кавк. народовъ. Ibid., т. VIII; *E. Chantre*—Recherches anthropol. dans le Caucase, t. IV. Paris-Lyon, 1887.

Чуваши: *Н. В. Гильченко*—Вѣсъ голов. мозга и нѣкотор. его частей у различ. племенъ, населяющихъ Россію. „Тр. Антр. Отд.“, т. XIX; *Н. М. Маліевъ* — Матер. для сравнит. антропологіи. „Тр. Общ. Естествоисп. при Казан. унив.“, т. IV, № 2. Казань, 1874; *онъ же* — Каталогъ краніолог. коллекціи Казан. унив. Ibid., т. XIX, в. 2; *Е. Т. Соловьевъ* — О ростѣ и объемѣ груди жителей Тетюшскаго у., Казанской г. „Прот. засѣд. Антр. Отд. съ 4 дек. 1884 по 1886 г.“; *I. Kopernicki*—Quelques observations cephalom. etc. „Bull. de la Soc. d'Anthr. de Par.“, 1869, t. IV.

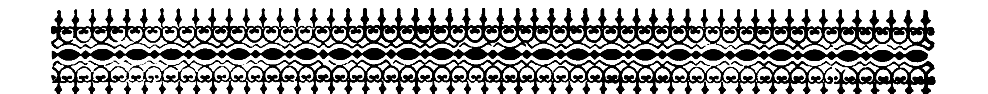
Чукчи: *А. А. Ивановскій*—Черепъ чукчи изъ бухты Провидѣнія. „Дневн. Антр. Отд.“, 1890, в. IV; *Д. П. Никольскій*—О чукчахъ Колымскаго окр. „Рус. Антр. Журн.“, 1900, № 2; *А. Г. Рождественскій* — Матер. къ изученію физич. типа чукчей и ламутовъ (по матеріаламъ, достав. А. В. Олсуфьевымъ). „Зап. Приам. Отд. И. Р. Г. О.“, т. II, в. 1. Спб., 1896. *W. Bogoras*—The Chukchi of Northeastern Asia. „Americ. Anthropologist“, 1901, Jan.-March; *Ollivier*—„Bull. de la Soc. d'Anthr. de Paris“, 1877, p. 586.

Шапсуги: *А. П. Богдановъ*—О черепахъ изъ кавказ. кургановъ и могилъ. „Антр. Выст.“, т. III, стр. 432; *Р. Ѳ. фонъ-Эркертъ* — Антропол. измѣренія нѣкотор. кавказ. народовъ. „Изв. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.“, т. VII.

Эсты: *Р. Л. Вейнбергъ*—Эсты. „Рус. Антр. Журн.“, 1901, №№ 3—4 (приведена литература); *онъ же*—О строеніи большого мозга у эстовъ, латышей и поляковъ. „Тр. Антр. Отд.“, т. XIX; *А. Н. Харузинъ*—Къ антропологіи населенія Эстлянд. губ. „Времен. Эстл. губ. 1893 г.“. Ревель, 1894; *P. Broca*—Les crânes des Fyzies et la théorie Esthonienne. „Bull. de la Soc. d'Anthr. de Par.“, 1868, p. 454 et 509; *J. Deniker*—Les races de l'Europe. I. L'indice céphal. en Europe. Paris, 1899; *O. Grube*—Anthropol. Untersuchungen an Esten. In.-Diss. Dorp., 1878; *H. Meyer* — Beitrag zur Kenntniss der Estenschädel. „Arch. f. Anthr.“, VIII; *I. Kopernicki*—Quelques observations cephalométr. etc. „Bull. de la Soc. d'Anthr. de Par.“, 1869, t. IV; *H. Witt*—Die Schädelform der Esten. In.-Diss. Dorp., 1879; см. также краніол. замѣтки *R. Virchow'a* и *Schöler'a* въ „Verhandl. d. Berl. Gesell. f. Anthr., Ethn. u. Urg.“, 1873 и 1875; *Chervin, Chervin et Stieda, Quatrefages* и *Welcker'a* въ „Bull. de la Soc. d'Anthr. de Paris“, 1866, p. 284; 1868, p. 578; 1880, pp. 165 и 212; *E. Schmidt*—Die anthrop. Samml. Deutschlands. Catalog d. craniol. Samml. d. Dr. Emil Schmidt. Braunschw., 1887.

Якуты: *А. П. Богдановъ*—Якут. черепа. „Антр. Выст.“, т. II, стр. 401; *Н. Л. Геккеръ*—Къ характеристикѣ физич. типа якутовъ. „Зап. Вост.-Сибир. Отд. И. Р. Г. О. по этнограф.“, т. III, в. 1. Иркут., 1896; *Ф. Я. Конъ*—Физіолог. и біолог. данныя объ якутахъ. Минусинскъ, 1899; *И. И. Майновъ*—Помѣсь русскихъ съ якутами. „Рус. Антр. Журн.“, 1900, № 4.

Ал. Ивановскій.



НЕКРОЛОГИ.

А. Я. Кожевниковъ. 10-го января сего года скончался почетный членъ Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, заслуженный профессоръ Московскаго университета по каѳедрѣ нервныхъ болѣзней, Алексѣй Яковлевичъ Кожевниковъ. Покойный родился въ Рязани въ 1836 г. Окончилъ курсъ по медицинскому факультету (въ Москвѣ) въ 1858 г.; въ 1865 г. защитилъ диссертацію, посвященную мало тогда еще изученной болѣзни — спинной сухоткѣ; съ тѣхъ поръ А. Я. посвятилъ свои силы главнымъ образомъ нервнымъ болѣзнямъ, будучи сначала приватъ-доцентомъ, а потомъ (съ 1869 г.) и профессоромъ по каѳедрѣ нервныхъ и душевныхъ болѣзней въ Москвѣ. Одно время, впрочемъ (съ 1871 по 1874 г.), А. Я. читалъ также курсъ частной патологіи. Въ области неврологіи А. Я. написалъ много серьезныхъ и цѣнныхъ изслѣдованій, сдѣлавшихъ его имя хорошо извѣстнымъ не только въ Россіи, но и за-границей. Такъ, одинъ изъ описанныхъ имъ видовъ падучей болѣзни — epylepsia continua — называется обыкновенно его именемъ. Покойный А. Я. отнюдь не былъ узкимъ спеціалистомъ и, помимо главной своей спеціальности, обнаруживалъ большой интересъ къ зоологіи, антропологіи, этнографіи, археологіи. Немногіе, свободные отъ научныхъ занятій по своей прямой спеціальности и по пріему больныхъ, часы своихъ досуговъ А. Я. охотно посвящалъ не только теоретическому изученію названныхъ предметовъ, но и практическимъ по нимъ занятіямъ, собирая коллекціи, производя раскопки и т. д.

Но значеніе личности покойнаго А. Я. опредѣляется отнюдь не одними только его научными трудами. Не менѣе важна и его общественно-научная дѣятельность, выражавшаяся главнымъ образомъ въ трудахъ А. Я. какъ преподавателя, какъ организатора Общества московскихъ невропатологовъ и психіатровъ и какъ устроителя клиникъ нервныхъ и душевныхъ болѣзней. Безусловно корректный въ сношеніяхъ съ окружающими, необыкновенно добросовѣстно относящійся къ принятымъ на себя обязательствамъ, А. Я. уже въ силу своихъ личныхъ качествъ не могъ не стать во главѣ созданной имъ школы москов-

скихъ невропатологовъ и психіатровъ. Изъ среды его многочисленныхъ учениковъ и почитателей сложилось, наконецъ, двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, и Общество московскихъ невропатологовъ и психіатровъ, несмѣняемымъ предсѣдателемъ и почетнымъ членомъ котораго А. Я. состоялъ со дня основанія Общества и по самый день своей смерти. Новыя клиники какъ нервныхъ, такъ и душевныхъ болѣзней строились и обставлялись при А. Я., бывшемъ директоромъ обѣихъ этихъ клиникъ. Сознавая невозможность одинаково успѣшно слѣдить за всѣми областями разрастающейся все шире и шире спеціальности, А. Я. добился обособленія психіатрической клиники, сданной въ надежныя руки покойнаго С. С. Корсакова. Самъ же А. Я. свою непосредственную дѣятельность сосредоточилъ на клиникѣ нервныхъ болѣзней. Помимо заботъ о снабженіи клиники богатымъ инвентаремъ необходимыхъ научныхъ пособій, А. Я. положилъ много труда и энергіи на учрежденіе при клиникѣ единственнаго пока въ Россіи неврологическаго музея, при учрежденіи котораго (въ 1892 г.) А. Я. внесъ изъ личныхъ средствъ 3000 руб. съ тѣмъ, чтобы проценты съ нихъ шли на содержаніе музея. Московскій университетъ постановилъ назвать этотъ музей музеемъ имени А. Я. Кожевникова. Все, что собрано въ настоящее время въ музеѣ, собрано главнымъ образомъ заботами самого А. Я., неусыпно разыскивавшаго различные объекты, такъ или иначе отвѣчающіе цѣлямъ музея. Главной цѣлью музея является собраніе различнаго рода матеріаловъ, необходимыхъ для возможно полнаго и широкаго изученія всего, что относится къ области нервной системы. Къ 1897 г., когда самимъ А. Я., совмѣстно съ д-ромъ Г. И. Прибытковымъ, былъ составленъ большой иллюстрированный каталогъ музея, тамъ находилось 1067 предметовъ, не считая очень большого числа различныхъ микроскопическихъ препаратовъ, фотографій, рисунковъ и т. д. Коллекціи музея раздѣляются на 6 отдѣловъ: 1) нормальная анатомія нервной системы человѣка, 2) исторія развитія нервной системы, 3) сравнительная анатомія нервной системы, 4) антропологія, 5) патологическая анатомія и 6) клиническій отдѣлъ. Наиболѣе интересными для насъ отдѣлами являются отдѣлы сравнительной анатоміи нервной системы и антропологіи. Въ отдѣлѣ сравнительной анатоміи хранится 200 препаратовъ (мозги, черепа, нервная система in toto) различныхъ животныхъ, начиная отъ шимпанзе (полный скелетъ) и другихъ обезьянъ (черепа и мозги), потомъ другихъ животныхъ, птицъ, рыбъ и кончая моллюсками, arthropoda и червями. Въ отдѣлѣ антропологіи собраны 120 череповъ представителей различныхъ народовъ, одна египетская мумія, слѣпки нѣкоторыхъ замѣчательныхъ доисторическихъ череповъ и нѣкоторые подлинные таковые черепа, затѣмъ рядъ ископаемыхъ череповъ изъ различныхъ областей Россіи (особенно изъ Рязани— 104 черепа VI—XVIII вв.), искусственно-деформированные керченскіе черепа и др. Полнѣе другихъ представлена коллекція по криминальной антропологіи, въ которой собрано 85 череповъ преступниковъ какъ великоруссовъ (главнымъ образомъ), такъ и нѣкоторыхъ другихъ племенъ, населяющихъ Россію. Музей былъ однимъ изъ любимыхъ дѣтищъ А. Я.; умирая, онъ завѣщалъ довольно

значительную сумму на его пополненіе и содержаніе. Общество московскихъ невропатологовъ и психіатровъ, желая почтить память покойнаго своего основателя, предсѣдателя и почетнаго члена, въ числѣ другихъ къ тому способовъ, постановило выстроить для музея имени А. Я. Кожевникова отдѣльное помѣщеніе и уже собрало часть необходимаго для того капитала. Надо надѣяться, что и недостающая часть его будетъ пополнена лицами, которымъ дорога память покойнаго Алексѣя Яковлевича, отдавшаго на служеніе обществу много силы и энергіи и имѣющаго всѣ права на признательность и увѣковѣченіе его имени.

В. В. Воробьевъ.

Ш. Летурно. 8-го февраля текущаго года скончался послѣ непродолжительной болѣзни одинъ изъ наиболѣе популярныхъ современныхъ антропологовъ, д-ръ Шарль-Жанъ-Мари Летурно. Летурно родился 11 сентября 1831 г. въ небольшомъ французскомъ городкѣ Орэ, получилъ медицинское образованіе и въ 1858 г. уже имѣлъ степень доктора медицины. Практическая медицина, однако, мало его интересовала, и онъ ею совсѣмъ почти не занимался. Въ гораздо большей степени привлекали его вниманіе чисто теоретическіе вопросы, сперва, конечно, находящіеся въ прямой связи съ его первоначальной спеціальностью, но затѣмъ все болѣе и болѣе отдалявшіеся отъ нея.

Широкую извѣстность пріобрѣло себѣ имя Летурно со времени выхода въ свѣтъ его книги: „Соціологія, основанная на этнографіи“ (La sociologie d'aprês l'ethnographie), изданной въ 1880 г. и переведенной на разные европейскіе языки, въ томъ числѣ и на русскій (2 самостоятельныхъ перевода). Книга эта была одной изъ наиболѣе раннихъ попытокъ свести въ одно цѣлое наши разрозненныя свѣдѣнія о матеріальной, духовной и общественной жизни различныхъ племенъ, населяющихъ земной шаръ, и показать великую важность для соціологіи этнографическихъ данныхъ. Написанная чрезвычайно простымъ, яснымъ и живымъ языкомъ, охватывающая не одну какую-нибудь группу явленій, а самыя разнообразныя проявленія человѣческой дѣятельности и, наконецъ, проникнутая горячимъ стремленіемъ къ точному позитивному знанію, „Соціологія“ была, какъ нельзя болѣе, пригодна для того, чтобы заинтересовать соотвѣтственными вопросами широкіе слои читающей публики, и, несомнѣнно, сыграла весьма крупную роль въ дѣлѣ популяризаціи этнографическихъ и антропологическихъ свѣдѣній.

Начиная съ 1887 г., Летурно предпринялъ какъ бы новую переработку, только въ колоссальныхъ размѣрахъ, своей „Соціологіи“, разрабатывая отдѣльныя ея части въ объемистыхъ спеціальныхъ монографіяхъ. Въ эту серію входятъ: „L'évolution de la morale“, „L'évolution du mariage et de la famille“, „L'évolution de la propriété“, „L'évolution politique“, „L'évolution juridique“, „L'évolution religieuse“, „L'évolution littéraire“, „L'évolution de l'education“, „La guerre dans les diverses races humaines“, „L'évolution de la commerce“, «L'évolution de l'esclavage“ и, наконецъ, „La

psychologie ethnique“, вышедшая въ свѣтъ лишь за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти автора, въ концѣ прошлаго года.

Летурно является довольно яркимъ представителемъ французскаго типа ученыхъ со всѣми сильными и слабыми сторонами французскаго склада ума. Съ одной стороны, ему не хватаетъ выдержки и терпѣнія, результатомъ чего оказывается довольно случайный и не такой ужъ большой, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда, подборъ фактическаго матеріала; мѣшаетъ ему также и слабо развитая способность къ творческому синтезу, заставляющая его порой останавливаться въ нерѣшительности передъ грудой сырыхъ фактовъ и отказываться отъ сколько-нибудь опредѣленныхъ выводовъ. Но за-то, съ другой стороны, слабость синтеза, до извѣстной степени, компенсируется осторожнымъ и критическимъ отношеніемъ къ различнымъ гипотезамъ и теоріямъ, выставленнымъ болѣе смѣлыми товарищами по спеціальности. Вообще стремленіе къ точности, положительности составляетъ отличительную черту всѣхъ произведеній Летурно. Другой такой чертой является раціонализмъ автора, проявляющійся какъ въ чисто раціоналистическомъ объясненіи многихъ явленій, такъ и въ глубокой вѣрѣ въ идею прогресса,—именно въ „вѣрѣ“, такъ какъ для Летурно идея прогресса не просто теоретическая истина, добытая путемъ логическихъ выкладокъ, а нѣчто болѣе широкое, охватывающее собою всю душу писателя, объединяющее для него всѣ отдѣльные факты и выводы, заставляющее мириться съ тяжелымъ прошлымъ и рисующее въ самомъ радужномъ свѣтѣ будущее.

Наконецъ, для характеристики Летурно, какъ ученаго, необходимо отмѣтить еще двѣ существенно важныхъ черты: чрезвычайно ясное и занимательное изложеніе и разнообразіе въ подборѣ фактовъ. Эти двѣ черты обезпечили и за его спеціальными монографіями широкій кругъ читателей, далеко выходящій за обычные предѣлы для книгъ подобнаго содержанія.

Не довольствуясь одной литературной работой, Летурно принималъ самое живое участіе въ дѣятельности различныхъ ученыхъ обществъ и учрежденій. Онъ былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей Парижской Антропологической Школы, въ которой читалъ, начиная съ 1885 г. и до самой смерти, лекціи по соціологіи, игралъ очень видную роль въ Антропологическомъ Обществѣ въ Парижѣ, гдѣ занималъ съ 1887 г. отвѣтственный постъ главнаго секретаря, былъ членомъ коммиссіи мегалитическихъ памятниковъ, принималъ дѣятельное участіе въ трудахъ Международнаго Соціологическаго института и т. д. Необходимо отмѣтить также, что онъ былъ однимъ изъ редакторовъ и самымъ дѣятельнымъ сотрудникомъ извѣстнаго „Словаря антропологическихъ наукъ“ (Dictionnaire des sciences anthropologiques) и перевелъ на французскій языкъ нѣсколько антропологическихъ работъ Геккеля. Изъ оригинальныхъ его работъ, не относящихся прямо къ этнографіи и антропологіи, самыми крупными являются: „La physiologie des passions“, „La biologie“, „Science et matérialisme“.

А. Максимовъ.

Ф. Д. Нефедовъ. Скончавшійся 12-го марта текущаго года извѣстный беллетристъ-народникъ Филиппъ Діомидовичъ Нефедовъ принималъ дѣятельное участіе въ трудахъ Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи и Московскаго Археологическаго Общества, изъ которыхъ въ первомъ онъ состоялъ непремѣннымъ членомъ, а во второмъ—дѣйствительнымъ. Многолѣтняя дѣятельность Ф. Д. Нефедова въ Обществѣ Любителей Естествознанія выразилась въ доставленіи цѣнныхъ краніологическихъ коллекцій изъ раскопокъ въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, а также во многихъ рефератахъ, помѣщенныхъ въ изданіяхъ Общества. Начиная съ 1878 г., Ф. Д-чемъ было доставлено въ Общество въ разное время около 300 череповъ (изъ раскопокъ въ Касимовскомъ у., Рязанской губ., во Владимірской, Костромской, Самарской, Уфимской, Оренбургской губ., Тургайской обл. и съ южнаго берега Крыма), хранящихся въ настоящее время въ Антропологическомъ музеѣ Московскаго университета. Археологическіе предметы, добытые при раскопкахъ, находятся въ Историческомъ музеѣ. Въ «Извѣстіяхъ» Общества Любителей Естествознанія покойнымъ были напечатаны статьи: о раскопкахъ въ Касимовскомъ уѣздѣ («Антр. Выст.», т. I и II), о поѣздкѣ въ Приуральскій край (ibid., т. II и III), о поѣздкѣ въ Башкирію (ibid., т. III), объ этнографическихъ наблюденіяхъ по верхнему Поволжью («Труды Этногр. Отд.», кн. IV) и въ Костромской губ. («Извѣстія Общества», т. XXXVII), о раскопкахъ въ Крыму и во Владимірской губ. (ibid., т. LI, в. 1) и др. Большую часть своихъ поѣздокъ и раскопокъ Ф. Д. Нефедовъ совершилъ на собственныя средства, безъ всякаго матеріальнаго содѣйствія со стороны Общества. Въ 1895 г. Общество присудило Ф. Д-чу за его изслѣдованія и доставленныя имъ коллекціи премію по антропологіи имени Его Императорскаго Высочества, Великаго Князя Сергія Александровича. Дѣятельность Ф. Д. Нефедова въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ началась въ концѣ 80-хъ годовъ: въ 1887 и 1888 гг. онъ, по порученію Общества, произвелъ обширныя археологическія изслѣдованія въ южномъ Приуральѣ; въ 1893 и 1894 гг. изслѣдованія его были перенесены на Прикамье, а въ 1895 и 1896 гг. имъ было раскопано большое число кургановъ въ Костромской губ. Подробные отчеты о всѣхъ этихъ археологическихъ изслѣдованіяхъ, съ приложеніемъ многочисленныхъ рисунковъ, напечатаны Ф. Д-чемъ въ III томѣ «Матеріаловъ по археологіи восточныхъ губерній», издаваемыхъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ. Добытыя при раскопкахъ богатыя археологическія коллекціи послужили, между прочимъ, предметомъ двухъ обширныхъ изслѣдованій проф. Д. Н. Анучина, напечатанныхъ въ томъ же томѣ «Матеріаловъ»: 1) «Къ исторіи искусства и вѣрованій у Приуральской чуди. Чудскія изображенія летящихъ птицъ и мифическихъ крылатыхъ существъ», и 2) «О культурѣ костромскихъ кургановъ и особенно о находимыхъ въ нихъ украшеніяхъ и религіозныхъ символахъ».

Ал. Ивановскій.

Критика и библіографія.

---

1. Деникеръ. Человѣческія расы. Перевелъ съ французскаго В. Ранцовъ. Изданіе А. Большакова и Д. Голова. С.-Пб., 1902. Ц. 2 р. 50 к.

О книгѣ І. Деникера, вышедшей одновременно на англійскомъ и французскомъ языкахъ, уже данъ былъ отзывъ въ „Рус. Антр. Журн.“ (1900 г., кн. I), и появленіе ея въ русскомъ переводѣ можно бы только привѣтствовать, если бы послѣдній былъ выполненъ болѣе удачно. Къ недостаткамъ перевода должна быть отнесена, во-первыхъ, или невѣрная передача различныхъ антропологическихъ терминовъ, или введеніе новыхъ вмѣсто обычно установившихся, какъ, напр., плосконосый вм. широконосый (79,81 стр.), лепторины—длинноносые вм. узконосые (стр. 80), горизонтальный обводъ головы вм. горизонтальная окружность (82,87), личность вм. особь (6 стр.), безусловная длина вм. абсолютная (55), длинноватоголовые (72, 360, 405), коротковатоголовые (72,405), широковатоголовые (360—362, 395, 407), кратчайшеголовые и длиннѣйшеголовые (72), окраины глазницъ (75), височный вм. теменной (82), калибръ вм. циркуль (89, 90, 98), разверзаніе вм. отстояніе (96) или вм. размахъ (114), сочетаться и сочетаніе вм. смѣшиваться и смѣшеніе (356), грубый носъ вм. толстый (361), иберійцы и островитяне вм. иберо-островитяне (361,363), носъ сплющенный (aplati) вм. приплюснутый (361), сплюснутое лицо вм. плоское (362), меланохроидная группа—бѣлая (?) темноцвѣтная (367), кудрявые волосы вм. курчавые (368), волосность вм. волосатость (449), произвожденіе вм. производство (617) и др. Во-вторыхъ, встрѣчается масса ошибокъ въ собственныхъ именахъ и названіяхъ народностей: Стьеда вм. Штида (91), Терекъ вм. Тёрекъ (111), Кэтеле вм. Кэтле (141), вездѣ Ж. Мортилье вм. Г. (Габріель) Мортиллье (384, 385 и др.), Саона (Saône) вм. Сона (411), Зееландъ вм. Зеландъ (451, 703), Химкевичъ вм. Шимкевичъ (452), Банзангръ вм. Бензенгръ (457), Малѣевъ вм. Маліевъ (457), Гильченъ вм. Гильченко (702), голды вм. гольды (228), турки, турскій вм. тюрки, тюркскій (243, 362, 363 и др.), орохоны вм. орочи (373), квадроны вм. квартероны (375), куринцы вм. кюринцы (434), туши вм. тушины (434), чернскіе татары вм. черневые и чулимскіе вм. чулымскіе (446), Nègres-Adouma превращены въ „негровъ Адама“ (364), вмѣсто „Общество Любителей Естествознанія“ у переводчика всюду—„Общество Друзей Естествовѣдѣнія“ (115, 118) и др. Далѣе встрѣчаемъ рядъ фразъ и выраженій съ измѣнен-

нымъ, вслѣдствіе невѣрнаго перевода, смысломъ и значеніемъ, напр.: „Chez les peuples qui sont plus vêtus, on modifie le costume“ переведено: „Болѣе обстоятельно (?) одѣтыя народности перемѣняютъ *только* свой костюмъ“ (стр. 309); „corps glabre“—„тѣло не очень волосатое“ (361) вм. безволосое; „le groupe Océanien est formé de deux races, dont les rapports sont assez vagues“ (океанійская группа состоитъ изъ двухъ расъ, отношенія которыхъ между собою довольно неясны) переведено: „имѣющихъ другъ съ другомъ довольно слабыя соотношенія“ (367 стр.); на стр. 369-ой „угрская раса встрѣчается также въ смѣшеніи съ самоѣдами и, сверхъ того, кажется, съ якутами“ вмѣсто: „въ смѣшанномъ видѣ ее можно встрѣтить также у самоѣдовъ и, быть-можетъ, у якутовъ“ (on la retrouve encore, a l'état de mélanges, chez les Samoyédes et, peut-être, chez les Jakouts); на стр. 371-ой „природнымъ языкомъ многихъ индѣйскихъ племенъ въ Мексикѣ и въ Южн. Америкѣ *оказывается* испанскій“ вм. „нѣкоторые индѣйцы Мексики и Южн. Америки *считаютъ* испанскій языкъ за свой родной“ (plusieurs Indiens du Mexique et de l' Amérique du Sud reconnaissent l'espagnol comme leur langue maternelle); на стр. 376-ой, вслѣдствіе невѣрнаго перевода словъ „des détroits peu larges“, получилось, что Европа отъ Азіи „почти не отдѣляется неширокими морскими проливами“ (?); 100 километровъ превращаются у переводчика въ 250 верстъ (371 стр.); въ оригиналѣ „высокій ростъ для женщинъ начинается съ 158 сант. вм. 170“, а у переводчика—„не съ 187 сант., а съ 170“ (стр. 44); la coroncule (caruncula) онъ переводитъ словомъ „мочка“ (98); „arka“ переведено имъ „рака“ и „l'eau-de-vie de riz“—„аракъ“ (199 стр.) и т. п. Попадаются, далѣе, у переводчика совершенно безсмысленныя фразы, какъ, напр., на стр. 14-ой: „Изслѣдованіемъ этихъ двухъ категорій отличительныхъ свойствъ, какъ въ цѣлой ихъ совокупности, такъ и въ сочетаніяхъ, въ которыхъ они встрѣчаются у разныхъ народовъ, являются изученіемъ человѣка, задающимся цѣлью указать предѣлы отдѣльныхъ расъ, входящихъ въ составъ этническихъ группъ (,) и выяснить взаимныя связи и отношенія этихъ группъ другъ къ другу“. Указанные недостатки (а ихъ приведена только незначительная часть) заставляютъ признать переводъ книги І. Деникера неудовлетворительнымъ.

Ал. Ивановскій.

Николай Харузинъ. Этнографія. Лекціи, читанныя въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ. Изданіе посмертное, подъ редакціею Вѣры и Алексѣя Харузиныхъ. Выпускъ I. 1. Часть общая. 2. Матеріальная культура. С.-Пб. 1901 г. X + 343 стр.

Настоящій I выпускъ „Этнографіи“ покойнаго Н. Н. Харузина содержитъ въ себѣ свыше 300 страницъ текста, а такъ какъ всѣхъ выпусковъ издателями обѣщано четыре, то, предполагая, что и послѣдующіе выпуски будутъ приблизительно одинаковыхъ размѣровъ съ первымъ, мы будемъ имѣть одно изъ самыхъ объемистыхъ сочиненій по этнографіи, какія только существуютъ на русскомъ языкѣ. Къ такой работѣ можно предъявлять строгія требованія относительно полноты содержанія, но требованіямъ этимъ книга Н. Н. Харузина не удовлетворяетъ. 2-ой выпускъ будетъ посвященъ „семьѣ и роду“, 3-ій — „собственности и первобытному государству“ и, наконецъ, 4-ый—„вѣрованіямъ“. Отсюда мы видимъ, что многіе очень существенные вопросы останутся не затронутыми ни въ одномъ изъ четырехъ выпусковъ; такъ, совершенно будутъ отсутствовать въ курсѣ слѣдующіе весьма важные

отдѣлы этнографіи: психологія некультурныхъ народовъ, ихъ характеръ, умственныя способности и нравственное развитіе; лингвистическая часть; письменность; народное творчество и т. д., и т. д.

Съ другой стороны, обработка имѣющихся отдѣловъ оставляетъ желать очень многаго, и ей также недостаетъ нужной фактической полноты. Въ смыслѣ справочнаго изданія настоящая работа совсѣмъ не имѣетъ никакого значенія, потому что приведенные въ ней факты подобраны совершенно случайно и имѣютъ значеніе лишь иллюстрацій къ составленнымъ заранѣе схемамъ. Это обстоятельство находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что объемистая книга Н. Н. Харузина въ значительной степени является компиляцией. Авторъ не только усвоилъ готовые выводы своихъ предшественниковъ, но и зачастую слишкомъ рабски слѣдуетъ за ними и въ своемъ изложеніи. Какъ на примѣръ, можно сослаться на XIV и XV главы настоящаго выпуска („Украшенія“ и „Искусство“), въ которыхъ очень многія страницы представляютъ простой пересказъ своими словами изъ общеизвѣстной книги Э. Гроссе „Происхожденіе искусства“, имѣющейся и въ русскомъ переводѣ. Такой способъ составленія книги неминуемо долженъ былъ отозваться очень плохо на фактическомъ ея содержаніи. Заимствовать цѣликомъ изъ готовыхъ сводныхъ работъ весь арсеналъ приводимыхъ въ нихъ фактовъ невозможно, и потому приходится ограничиваться лишь отрывочными и случайными иллюстраціями, а не полными и систематическими фактическими доказательствами.

Далѣе, несамостоятельность выводовъ и изложенія Н. Н. Харузина приводитъ къ тому, что отдѣльныя главы его книги, написанныя по различнымъ источникамъ, не соединены въ одно стройное цѣлое, а такъ и остаются разрозненными отрывками, не связанными общей идеей и планомъ. Правда, чуть не въ каждой главѣ мы находимъ замѣчанія о зависимости человѣка отъ природы, о борьбѣ за существованіе и т. п., но эти замѣчанія остаются общими фразами, мало вытекающими изъ содержанія книги и къ тому же по своей слишкомъ большой широтѣ мало содержательными. Общаго стройнаго плана и руководящихъ идей у Н. Н. Харузина нѣтъ. Поэтому приходится оцѣнивать отдѣльныя главы его книги, какъ самостоятельныя и независимыя другъ отъ друга вещи. Нѣкоторыя изъ этихъ главъ вполнѣ удовлетворительны (гл. IX „Жилище“), другія же совсѣмъ слабы. Къ числу такихъ самыхъ слабыхъ главъ принадлежитъ и одна изъ важнѣйшихъ въ книгѣ—VIII-я, гдѣ идетъ рѣчь о хозяйствѣ первобытныхъ народовъ. Здѣсь приходится отмѣтить очень серьезный пробѣлъ въ эрудиціи автора и незнакомство съ такими работами, какъ большая исторія культуры Липперта и статьи Бюхера о первобытномъ хозяйствѣ. Теорія Липперта-Бюхера о раздѣльности мужского и женскаго хозяйства у первобытныхъ народовъ и о принадлежности земледѣлія къ женскому хозяйству, а охоты и скотоводства къ мужскому проливаетъ яркій свѣтъ на хозяйственную и соціальную жизнь дикарей, а между тѣмъ ей Н. Н. Харузинъ удѣлилъ въ своей книгѣ лишь нѣсколько отрывочныхъ строкъ, будучи знакомъ съ ней лишь по маленькой, переведенной на русскій языкъ, исторіи культуры Липперта.

Въ предисловіи къ настоящей книгѣ ея издатели особенно подчеркиваютъ то обстоятельство, что авторъ ввелъ въ свой курсъ много фактовъ изъ жизни русскихъ инородцевъ, въ большинствѣ случаевъ мало знакомыхъ западно-европейскимъ ученымъ. Это, конечно, положительная сторона, но размѣровъ ея не надо преувеличивать. Во-первыхъ, введеніе этихъ фактовъ въ качествѣ добавочныхъ иллюстрацій и примѣровъ не можетъ повліять на нашу оцѣнку книги,

какъ систематическаго курса, а во-вторыхъ, подборъ фактовъ изъ жизни русскихъ инородцевъ отличается полнѣйшей безсистемностью и случайностью, а потому не даетъ сколько-нибудь связной картины жизни соотвѣтственныхъ племенъ. Больше связности можно найти у Деникера, Ратцеля, чѣмъ у г. Харузина, что объясняется тѣмъ, что первые даютъ обзоръ матеріала по извѣстнымъ этническимъ группамъ, а послѣдній даетъ очерки отдѣльныхъ культурныхъ явленій.

Въ одномъ случаѣ предпочтительное знакомство автора съ русскими инородцами послужило даже въ ущербъ книгѣ Н. Н. Харузина, именно привело его къ неправильной сравнительной оцѣнкѣ земледѣлія и скотоводства. Онъ, правда, очень далекъ отъ того, чтобы считать охоту, скотоводство и земледѣліе тремя послѣдовательными и обязательными для всего человѣчества стадіями развитія, но все же думаетъ, что „земледѣліе безусловно стоитъ на культурной лѣстницѣ выше скотоводства" (стр. 177). Разумѣется, что въ такой категорической формѣ подобное заявленіе ошибочно, и низшихъ земледѣльцевъ иногда бываетъ очень трудно поставить въ какомъ-нибудь отношеніи выше высоко развитыхъ пастушескихъ племенъ. Далѣе, не отрицая возможности непосредственнаго перехода отъ охоты и рыбной ловли къ земледѣлію, авторъ въ то же время съ особенной подробностью останавливается, какъ на нормальномъ типѣ развитія, на тѣхъ случаяхъ, гдѣ постепенное разрушеніе пастушескаго быта приводитъ къ земледѣлію и осѣдлости. Тутъ Н. Н. Харузинъ, очевидно, находился подъ сильнымъ вліяніемъ совершающейся у русскихъ инородцевъ эволюціи хозяйственной жизни и слишкомъ обобщилъ ее. Она, дѣйствительно, характерна, но характерна, какъ примѣръ разложенія пастушескаго быта, но не какъ примѣръ возникновенія земледѣлія и осѣдлости.

Такимъ образомъ, разбираемая нами книга въ общемъ неудовлетворительна. Объясняется это тѣмъ, что Н. Н. Харузинъ не предназначалъ ее пока для печати и за недостаткомъ времени еще не успѣлъ выработать стройнаго и цѣлостнаго курса этнографіи. Поэтому не приходится ставить въ упрекъ автору отмѣченныхъ нами недостатковъ, но трудно избавиться отъ вопроса, стоило ли наслѣдникамъ издавать черновыя и необработанныя лекціи и дѣйствительно ли они оказали родственную услугу покойному?

А. Максимовъ.

В. А. Левицкій. Къ вопросу о физическомъ состояніи населенія Подольскаго уѣзда. По даннымъ Подольскаго уѣзднаго воинскаго присутствія. „Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Московской губ. Отдѣлъ санитарный. Т. IX. Матеріалы по опредѣленію физическаго состоянія населенія Московской губ.". Изд. Москов. Губ. Земства. М., 1901 г. Ц. 50 коп.

В. А. Левицкій, санитарный врачъ Подольскаго уѣзда, Московской губ., желая выяснить санитарное состояніе различныхъ частей уѣзда и болѣе точно опредѣлить, какіе районы его слѣдуетъ считать неблагополучными съ точки зрѣнія физическаго состоянія населенія, воспользовался съ этою цѣлью данными, собранными Подольскимъ уѣзднымъ воинскимъ присутствіемъ, и подвергъ ихъ детальной статистической обработкѣ. Разработанный авторомъ обширный матеріалъ и составленныя имъ картограммы и діаграммы даютъ возможность судить о распредѣленіи роста населенія Подольскаго уѣзда, оказавшагося неодинаковымъ въ отдѣльныхъ волостяхъ (въ сѣв.-восточныхъ—выше, а въ юго-западныхъ—ниже), о степени выживанія мужского населенія допри-

зывного возраста по отдѣльнымъ годамъ и районамъ уѣзда, о связи величины роста со степенью выживанія, о значеніи времени зачатій и рожденій въ процессѣ выживанія и т. п. Изслѣдованія подобнаго рода, имѣющія важное практическое значеніе, представляютъ большой интересъ и въ научномъ, въ частности антропологическомъ, отношеніи. Работа г. Левицкаго составляетъ первый выпускъ цѣлой серіи аналогичныхъ изслѣдованій, которыя предприняты Московскимъ губернскимъ земствомъ и которыя должны охватить собою всѣ уѣзды Московской губ. Можно только пожелать скорѣйшаго ихъ появленія.

Ал. Ивановскій.

Проф. С. Н. Делицинъ. Къ казуистикѣ аномалій arteriae medianae antibrachii (нѣсколько случаевъ прободенія ею nervi mediani). „Лѣтопись Русской Хирургіи“, 1901, кн. 3.

Случаи чрезмѣрнаго развитія срединной артеріи у человѣка наблюдаются вообще довольно нерѣдко. Тѣмъ не менѣе описанные авторомъ варіанты этого сосуда имѣютъ немаловажный интересъ, между прочимъ, по причинѣ одновременно наблюдавшихся уклоненій въ устройствѣ срединнаго нерва. Во всѣхъ 6-ти случаяхъ, о которыхъ говоритъ авторъ, ненормально развитая срединная артерія достигала довольно значительныхъ размѣровъ и имѣла калибръ, равный 2—3—$3^1/_2$ и даже $4^1/_2$ миллим., въ то время какъ въ предѣлахъ т. наз. «нормы» этотъ—кстати сказать, чрезвычайно постоянный — сосудъ представляется лишь въ видѣ весьма тонкой нити. Относительный калибръ артерій предплечія въ разсматриваемыхъ случаяхъ былъ или «нормальный», т.-е. превалировала локтевая артерія, за нею слѣдовала лучевая, а уже ниже ея стояла срединная артерія, или даже послѣдняя превалировала надъ лучевою. Кромѣ того, во всѣхъ случахъ, о которыхъ идетъ рѣчь, срединная артерія *прободала одноименный нервъ* въ направленіи сзади напередъ. На одномъ препаратѣ авторъ наблюдалъ образованіе нервомъ желобка для воспріятія прободавшей его артеріи и высокое дѣленіе нерва выше собственной запасной ладонной связки.

Не останавливаясь на вопросѣ объ относительной частотѣ этихъ и имъ подобныхъ уклоненій въ развитіи сосудовъ и нервовъ, отмѣтимъ лишь, что срединная артерія чрезвычайно распространена въ царствѣ животныхъ. У многихъ млекопитающихся она представляетъ не только *главнѣйшій*, но нерѣдко даже *единственный артеріальный стволъ предплечія.* Сильно развитая срединная артерія составляетъ норму для лемура, виверы, кенгуру и др. У обезьянъ исчезновеніе или, правильнѣе, сокращеніе этого сосуда совершается *самымъ постепеннымъ образомъ:* у игрунковъ она сильно развита и достигаетъ поперечной ладонной связки; у плосконосыхъ обезьянъ она уже замѣтно слабѣе развита, причемъ оканчивается въ нижней трети предплечія; у узконосыхъ это сокращеніе выражено въ еще болѣе рѣзкой степени; наконецъ, у человѣкоподобныхъ мало замѣтная срединная артерія достигаетъ, въ большинствѣ случаевъ, того развитія, какое она обнаруживаетъ нормально у человѣка. Характернымъ отличительнымъ признакомъ приматовъ является, однако, то обстоятельство, что лишь на этихъ ступеняхъ филогенетическаго развитія срединная артерія вступаетъ въ опредѣленное сочетаніе съ локтевою артеріей — для образованія ряда варіантовъ ладонной сосудистой дуги.

Отсюда явствуетъ и *антропологическое значеніе разсматриваемыхъ аномалій срединной артеріи,* которыя, подобно многимъ другимъ сосудистымъ варіантамъ въ области верхнихъ конечностей, являются если не прямымъ

выраженіемъ атавистическаго развитія, то во всякомъ случаѣ аналогами опредѣленныхъ морфологическихъ признаковъ, свойственныхъ многимъ животнымъ.

Р. Вейнбергъ.

Б. И. Бабкинъ. Вліяніе искусственныхъ швовъ черепа у молодыхъ животныхъ на его ростъ и развитіе. „Неврологи. Вѣстникъ", т. IX, вып. 3 и 4. Казань, 1901.

Во многихъ случаяхъ идіотизма и отсталаго умственнаго развитія у дѣтей (особенно микроцефалическаго) есть основаніе предполагать неблагопріятныя соотношенія между ростомъ мозга и ростомъ черепной капсулы. Исходя отсюда, знаменитый французскій хирургъ Lannelong предложилъ дѣлать въ соотвѣтствующихъ случаяхъ на черепѣ искусственный шовъ. Опредѣляющимъ моментомъ для указанія направленія и вида шва служитъ установленное Р. Вирховымъ положеніе, что преждевременное заращеніе того или другого шва вызываетъ задержку развитія черепа въ направленіи перпендикулярномъ заросшему шву и, наоборотъ, свободный, незаращенный шовъ обусловливаетъ большую свободу развитія черепа въ перпендикулярномъ къ этому шву. Операціи, до сихъ поръ продѣланныя самимъ Lannelong'омъ и его послѣдователями, не были еще достаточно многочисленными для того, чтобы можно было опредѣленно высказаться относительно достигаемаго ими результата. Г. Бабкинъ пожелалъ сдѣлать экспериментальную повѣрку этого вопроса, для чего и поставилъ въ лабораторіи проф. Бехтерева нѣсколько десятковъ экспериментовъ надъ щенками. Щенки, въ возрастѣ отъ 10 дней до одного мѣсяца и болѣе, послѣ тщательнаго измѣренія подвергались наложенію искусственнаго костнаго шва въ томъ или другомъ направленіи, обыкновенно па одной половинѣ черепа. Выбирались обыкновенно парные щенки одного помета, по возможности совершенно одинаковаго вѣса и роста; одинъ подвергался операціи, другой служилъ для контроля. Спустя мѣсяцъ, два и болѣе, если оперированное животное не погибало къ тому времени само, его, равно какъ и контрольнаго щенка убивали; производилось тщательное измѣреніе хордъ и дугъ черепа обоихъ животныхъ, а потомъ измѣренія и взвѣшиванія ихъ головного мозга.

Сужденіе о степени и видѣ вліянія операціи составлялось, какъ изъ сравненія опытнаго животнаго съ контрольными, такъ и изъ сравненія оперированной и неоперированной сторонъ черепа подвергшагося опыту животнаго. На основаніи своихъ опытовъ г. Бабкинъ приходитъ къ слѣдующимъ главнѣйшимъ выводамъ: подъ вліяніемъ искусственнаго шва черепной сводъ, на которомъ этотъ шовъ сдѣланъ, дѣйствительно усиленно растетъ по направленію перпенпендикулярному къ искусственному шву, но задерживается въ ростѣ по направленію параллельному шву; вмѣстѣ съ тѣмъ черепной сводъ становится замѣтно ниже. Слѣдствіемъ такой конфигураціи въ черепѣ является довольно значительное измѣненіе въ формѣ мозга, но лишь весьма незначительная прибыль въ его вѣсѣ. Отсюда — отрицательное отношеніе автора къ операціи Lannelong'a. Постановка опытовъ и самая техника ихъ были, насколько это можно судить по описанію, обставлены вполнѣ удовлетворительно, а потому работа г. Бабкина даетъ весьма цѣнныя указанія на родъ и характеръ зависимости роста черепа и мозга отъ искусственныхъ (и натуральныхъ) швовъ *у щенковъ*. Позволительно, однако, усомниться въ возможности перенесенія данныхъ, полученныхъ для щенковъ, на человѣка, а отсюда и въ доказательность отрицательнаго отношенія автора къ операціи Lannelong'a. Мы этимъ совсѣмъ не хотимъ защищать значеніе операціи Lannelong'a, но утверждаемъ лишь,

что отрицательное къ ней отношеніе еще не вытекаетъ изъ экспериментовъ г. Бабкина. Въ самомъ дѣлѣ, конфигурація, условія роста мозга, самая интенсивность роста мозга у ребенка и у щенка слишкомъ различны для того, чтобы мы имѣли право сказать, что уменьшеніе препятствія къ росту мозга со стороны черепной крышки приведетъ къ относительно одинаково сильному его разрастанію у человѣка и у собаки. Энергія роста человѣческаго мозга настолько значительнѣе таковой же для мозга собаки, что мы можемъ думать, что уменьшеніе препятствій для роста у человѣка даетъ большій эффектъ, чѣмъ у собаки. Не слѣдуетъ къ тому же упускать изъ виду и то обстоятельство, что эксперименты г. Бабкина производились надъ нормальными щенками, операція же Lannelong'а предложена для такихъ дѣтей, относительно которыхъ существуетъ подозрѣніе, что ростъ ихъ мозга задерживается патологическимъ ходомъ развитія черепной крышки. Въ первомъ случаѣ увеличеніе объема мозга представляло бы нѣкоторый, теоретически мало даже вѣроятный, плюсъ сверхъ нормы, во второмъ же дѣло идетъ о желаніи дать мозгу, съ его обычнымъ стремленіемъ къ росту, возможность доразвиться до нормы, устранивъ лишь препятствія къ нормальному его развитію. *В. В. Воробьевъ.*

J. Szombathy. Die Markhöhle in den langen Knochen von Elephus primigenius. „Mittheil. der anthrop. Gesell. in Wien“, XXXI, Sitzungsberichte, 74.

Уже нѣсколько лѣтъ между авторомъ и Makowsky'мъ ведется споръ о томъ, какого происхожденія полость въ длинныхъ костяхъ мамонта. При своихъ раскопкахъ близъ Брюна Makowsky нашелъ нѣсколько обломковъ костей мамонта съ квадратными полостями. Считая кости мамонта безполостными, онъ приписалъ найденныя полости дѣлу рукъ человѣческихъ. Эта находка служила для него лишнимъ доказательствомъ совмѣстнаго пребыванія въ той области человѣка и мамонта. Szombathy, не касаясь совершенно послѣдняго пункта, отрицалъ искусственное происхожденіе вышеназванной полости, считая ее естественной. Для доказательства вѣрности своего взгляда онъ сдѣлалъ нѣсколько распиловъ костей мамонта и современнаго слона, и приведенные въ работѣ рисунки наглядно показываютъ, что правда на сторонѣ Szombathy. *С. Вайсенбергъ.*

Д-ръ И. И. Пантюховъ. Современные лезгины. Тифл., 1901.

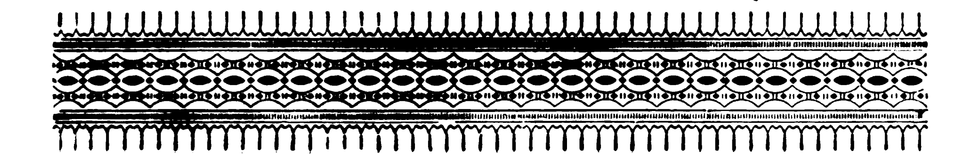
Мы уже не разъ имѣли случай указывать на труды д-ра И. И. Пантюхова по изученію антропологіи и этнографіи кавказскихъ народовъ. Новая работа неутомимаго автора представляетъ собою хотя небольшой (всего 32 стр. in 16°), но содержательный очеркъ, посвященный современнымъ лезгинамъ, живущимъ въ Дагестанской области. Очеркъ содержитъ преимущественно этнографическія данныя; для характеристики антропологическаго типа лезгинъ приведены лишь немногія среднія цифры, безъ указаній при этомъ числа измѣренныхъ особей.

Ал. Ивановскій.

А. Н. Дьячковъ-Тарасовъ. Абадзехи. Историко-этнографическій очеркъ. „Записки Кавказскаго Отдѣла Имп. Рус. Геогр. Общ.“, кн. XXII, вып. 4.

Абадзехи принадлежатъ къ мало изученнымъ народностямъ Кавказа. Авторъ имѣлъ, повидимому, возможность долгое время наблюдать ихъ бытъ и хорошо познакомиться съ нимъ. Очеркъ составленъ на основаніи свѣдѣній, собранныхъ исключительно лично самимъ авторомъ. Лица, занимающіяся этнографіей Кавказа, найдутъ въ немъ не мало для себя интереснаго.

Ал. Ивановскій.



Извѣстія и замѣтки.

Антропологія на XI-мъ съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей и врачей въ С.-Петербургѣ была представлена сравнительно небольшимъ количествомъ рефератовъ: *проф. Д. Н. Анучина.*—О черепѣ чукчей и другихъ народностей крайняго сѣверо-востока Азіи; *графа А. А. Бобринскаго*—Изложеніе теоріи Шетензака о значеніи Австраліи въ вопросѣ о перерожденіи человѣка изъ низшей формы; *К. Ѳ. Жакова*—О финнахъ Пермской группы; *д-ра Новгородцева*—Объ изученіи вліянія погоды на физическую и психическую организацію человѣка; *И. И. Пантюхова*—О лезгинахъ; *В. В. Передольскаго*—О новооткрытомъ населеніи начала неолитической эпохи на берегахъ оз. Ильменя; *кн. П. А. Путятина*—Вновь открытая мѣстность обработки орудій каменнаго вѣка на южномъ побережьѣ Бологовскаго озера; *проф. Б. И. Срезневскаго*—О вліяніи климатовъ на человѣка и *Е. М. Чепурковскаго*—О географическомъ распредѣленіи формы головы человѣка въ связи съ наслѣдованіемъ и строеніемъ основанія черепа.

Этнографическое отдѣленіе Русскаго музея Императора Александра III-го. Въ настоящее время приступлено къ организаціи этнографическаго отдѣленія музея, причемъ хранителемъ отдѣленія назначенъ бывшій хранитель этнографическаго музея Академіи Наукъ Д. А. Клеменцъ, а его помощниками—гг. Иностранцевъ, Ляцкій и Могилянскій. На пріобрѣтеніе этнографическихъ коллекцій ассигнуется ежегодно по 40.000 рублей. Особенное вниманіе будетъ обращено на собираніе предметовъ по этнографіи русскаго населенія. Недавно въ отдѣленіе поступила обширная коллекція предметовъ буддійскаго культа князя Э. Э. Ухтомскаго, на пріобрѣтеніе которой, по Высочайшему повелѣнію, было ассигновано 100.000 рублей.

Защита В. В. Воробьевымъ диссертаціи „Наружное ухо человѣка“. 10 декабря 1901 г. въ аудиторіи Анатомическаго института Московскаго университета непремѣнный членъ Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи В. В. Воробьевъ защищалъ диссертацію на степень доктора медицины, представивъ сочиненіе подъ заглавіемъ: „Наружное ухо человѣка“. Эта работа, составляющая XX-ый томъ „Трудовъ Антропологическаго Отдѣла“, удостоена, какъ это было уже отмѣчено въ нашемъ журналѣ, отъ Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи преміи имени А. П. Разцвѣтова. Оффиціальными оппонентами были проф. Д. Н. Анучинъ, проф. П. А. Минаковъ и прозекторъ В. Н. Алтуховъ. Проф. Д. Н. Анучинъ, при-

знавши серьезныя достоинства представленнаго труда, могущаго, вслѣдствіе всесторонняго разсмотрѣнія вопроса и представленія многочисленныхъ литературныхъ справокъ, служить справочнымъ изданіемъ для лицъ, интересующихся даннымъ вопросомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ привелъ значительное число указаній на нѣкоторые промахи и пробѣлы въ работѣ. Другіе оба оппонента, соглашаясь въ основныхъ взглядахъ съ первымъ отзывомъ, указали съ своей стороны на замѣченные ими частные недочеты работы, не вліяющіе, однако, по ихъ словамъ, серьезно на тѣ существенныя достоинства, которыми отличается разсматриваемый ими трудъ. По окончаніи диспута г. Воробьевъ, при громкихъ аплодисментахъ собравшейся публики, былъ удостоенъ факультетомъ искомой имъ степени доктора медицины.

Дѣятельность Русскаго Антропологическаго Общества въ 1901 г. 24 февр. 1901 г. состоялся докладъ *А. Л. Погодина:* «Культурныя сношенія Босфорскаго царства съ Востокомъ и Кавказомъ и этническіе элементы, вошедшіе въ составъ его». Докладчикъ основывался главнымъ образомъ на греческихъ надписяхъ черноморскихъ эллинскихъ колоній, среди которыхъ встрѣчается не менѣе 500 «варварскихъ» именъ. Изученіе ихъ, въ связи съ историческими данными, даетъ возможность выяснить, какія именно племена оставили своихъ представителей въ числѣ гражданъ Босфорскаго царства. Референтъ утверждалъ, что скиѳы уже въ VII в. до Р. Х. проникли въ Ассирію и, слѣдовательно, уже въ этомъ періодѣ существовали сношенія скиѳовъ съ племенами Кавказа. Греки сносились съ племенами Грузіи не позже III в. до Р. Х. Наконецъ, въ IV в. до Р. Х., на основаніи надписей, въ Пантикапеѣ уже были евреи. Но главнымъ вліяніемъ въ этомъ районѣ было персидское.— 5 мая 1901 г. *В. В. Передольскій* сообщилъ объ юкагирскихъ письменахъ, доставленныхъ ему С. М. Шаргородскимъ. — 28 сент. 1901 г. *Д. А. Клеменцъ* сдѣлалъ сообщеніе: «Кочевой бытъ азіатскихъ народовъ». Докладчикъ подвергъ критическому разбору установившуюся схему трехъ стадій культурнаго развитія человѣчества: охотничьей, скотоводческой и земледѣльческой, къ которой онъ относится отрицательно, а затѣмъ высказалъ рядъ соображеній по вопросу о времени возникновенія кочевого быта и его формахъ у азіатскихъ народовъ. Докладчикъ полагаетъ, что прирученіе домашнихъ животныхъ относится къ тому отдаленному періоду, когда отдѣленіе занятій земледѣліемъ и охотой еще было въ зачаткѣ. Земледѣлецъ не могъ приручить животнаго, потому что оно являлось для него врагомъ, нанося вредъ его посѣвамъ; охотникъ же знаетъ его бытъ до мельчайшихъ подробностей и потому можетъ приручить его съ большей легкостью. Среди азіатскихъ народовъ мы не встрѣчаемъ обычаевъ, которые были бы пережиткомъ нѣкогда существовавшаго земледѣлія, слѣды же охотничьяго быта весьма многочисленны, и къ нимъ относятся общія облавы. Что касается возникновенія кочевого быта, то первые зачатки его съ правильными періодическими передвиженіями докладчикъ видитъ у тѣхъ охотничьихъ племенъ, у которыхъ главнымъ предметомъ промысла является одинъ какой-нибудь или немногіе сходные виды животныхъ, напр. бизона въ Сѣв. Америкѣ. Первыя ступени прирученія ограничиваются лишь тѣмъ, что животное терпитъ около себя человѣка; примѣромъ можетъ служить Cervus elaphus въ Сибири. Вторая ступень прирученія начинается съ употребленія молока; примѣры весьма многочисленны у азіатскихъ народовъ: чукчей, якутовъ и т. д. Питаніе молокомъ кромѣ того, что сблизило человѣка съ животнымъ, кореннымъ образомъ измѣнило его бытъ, давъ возможность заготовлять пищу впрокъ, а обиліе скота вызвало необходимость сожительства группами. Получило новое

развитіе понятіе о правѣ собственности и о правахъ пользованія угодьями. Явился досугъ и особый классъ, занимающійся исключительно наукой,—ламы. Докладчикъ полагаетъ, что причина стойкости кочевого быта лежитъ не въ косности кочевника, а въ тѣхъ выгодахъ, которыя представляетъ для него его образъ жизни. Этимъ объясняются и неудачи тѣхъ мѣропріятій, которыя направлены къ принужденію кочевниковъ взяться за земледѣліе. Напротивъ, иногда въ культурныхъ странахъ мы находимъ поворотъ къ кочеванію отъ земледѣлія, напр., переходъ къ овцеводству нормандскихъ прибрежныхъ крестьянъ подъ вліяніемъ потребности въ мясѣ Парижа. Въ общемъ выводѣ докладчикъ полагалъ, что насажденіе земледѣлія въ сухихъ степныхъ мѣстахъ представляетъ довольно рискованный опытъ, ближайшимъ результатомъ котораго можетъ быть возвышеніе цѣны на мясо и живой скотъ вмѣстѣ съ упадкомъ благосостоянія кочевниковъ.—Въ засѣданіи 9 ноября *Д. А. Клеменцъ* подробно ознакомилъ Общество съ дѣятельностью Восточно-Сибирскаго Отдѣла И. Р. Г. Общ. и съ нѣкоторыми новыми трудами по этнографіи.

Лѣтомъ 1901 г. студентъ *Д. Т. Яновичъ* былъ командированъ Обществомъ для антропологическихъ изслѣдованій корелъ.

Въ теченіе бывшихъ въ 1901 г. засѣданій продолжалась разработка программъ для антропологическихъ и этнографическихъ изслѣдованій.

25 янв. 1902 г. состоялось засѣданіе, на которомъ *В. Г. Богоразъ* сдѣлалъ сообщеніе о поѣздкѣ на Камчатку и Чукотскую землю и *Е. М. Чепурковскій* прочелъ рефератъ сочиненія К. Пирсона „Woman as Witch“.

Антропологическій Отдѣлъ Общества Любителей Естествознанія. 3-го января 1902 г., по случаю собравшагося въ Москвѣ VIII-го съѣзда Общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова, Отдѣломъ было устроено публичное засѣданіе, въ которомъ сдѣлали сообщенія: *Д. Н. Анучинъ*— О задачахъ и методахъ антропологіи, *П. А. Минаковъ*—Значеніе антропологіи въ медицинѣ, *В. В. Воробьевъ*— Объ антропологическомъ изученіи славянскаго населенія Россіи и *А. А. Ивановскій*—Объ антропологическомъ изученіи инородческаго населенія Россіи. Кромѣ того, во всѣ дни занятій съѣзда членами Отдѣла демонстрировались въ актовомъ залѣ университета антропометрическіе инструменты и производились примѣрныя антропологическія изслѣдованія.

Въ послѣднихъ пяти засѣданіяхъ Отдѣла (5 дек. 1901 г., 26 янв., 20 февр., 13 и 30 марта 1902 г.) были доложены рефераты: *Д. Н. Анучина*—Древнѣйшіе ископаемые остатки человѣка, *Н. В. Берви*—О методѣ изслѣдованія ископаемыхъ череповъ, *Р. Л. Вейнберга*—Къ вопросу о формѣ мозга евреевъ, *Н. Л. Зеланда*—О темпераментѣ, *Ф. Я. Кона*—Къ 25-тилѣтію Минусинскаго мѣстнаго музея, *А. Н. Краснова*—Матеріалы для антропологіи русскаго народа, *В. Н. Розанова*—Къ вопросу объ усиленномъ и замедленномъ развитіи человѣческаго организма, *I. В. Теръ-Давыдова*—Къ антропологіи армянъ Шушинскаго уѣзда и *Е. М. Чепурковскаго*—Соотношеніе между нѣкоторыми размѣрами и показателями черепа въ связи съ географическимъ распространеніемъ формы головы.

Труды Антропологическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

Томъ XVIII, вып. 1—3, подъ редакціей Д. Н. Анучина, Н. В. Гильченко и А. А. Ивановскаго. Москва. 1897 г. Цѣна 3 руб.

Содержаніе: Анатолій Петровичъ Богдановъ (съ портретомъ).—*А. Г. Рождественскій*—Величина головы человѣка въ ея зависимости отъ роста, пола, возраста и расы (съ 5-ю графич. таблицами).—*Н. В. Гильченко*—Матеріалы для антропологіи Кавказа. Кубанскіе казаки. *А. Д. Элькиндъ*—Привислинскіе поляки.— *Н. А. Янчукъ*—Нѣсколько новыхъ свѣдѣній о литовскихъ татарахъ.— *А. А. Арутиновъ*—Къ антропологіи кавказскаго племени удинъ.—*Н. П. Константиновъ-Щипунинъ* — Къ краніологіи древняго населенія Костромской губ.— *Д. Н. Анучинъ*—Е. А. Покровскій, К. Н. Иковъ и А. М. Раевская (некрологи.)— Протоколы засѣданій Антропологическаго Отдѣла.—Отзывы о трудахъ, представленныхъ въ Отдѣлъ для соисканія премій и золотой медали по антропологіи.

Томъ XIX, подъ редакціей Д. Н. Анучина и А. А. Ивановскаго. Москва, 1899 г. Цѣна 3 руб.

Содержаніе: *Р. Л. Вейнбергъ*—О строеніи большого мозга у эстовъ, латышей и поляковъ (съ 20 рис.).—*М. И. Лутохинъ*—Историческій обзоръ литературы о расовыхъ отличіяхъ таза.—*П. А. Минаковъ*—Новыя данныя по изслѣдованію волосъ изъ древнихъ могилъ и отъ мумій (съ 1 раскраш. табл.)·—*П. А. Минаковъ*—Ненормальная волосатость (съ 3 рис.).— *В. В. Воробьевъ*—Матеріалы къ антропологіи великорусскаго населенія нѣкоторыхъ уѣздовъ Рязанской губ. (съ 9 діаграм.).—*В. И. Васильевъ*—Размѣры черепа и лица по отношенію къ возрасту и росту у учащихся въ школахъ Серпуховскаго у., Московской губ. (съ 4 діаграм.).—*Н. В. Гильченко*—Вѣсъ головного мозга и нѣкоторыхъ его частей у различныхъ племенъ, населяющихъ Россію.—*А. А. Ивановскій*—Къ вопросу о различіяхъ формъ глазной щели.—*П. А. Минаковъ*—О формѣ и цвѣтѣ волосъ изъ кургановъ Ср. Россіи.—*А. Д. Элькиндъ*—О черепныхъ типахъ проф. Серджи въ связи съ черепнымъ указателемъ (съ 4 діагр.)А.—. *Д. Элькиндъ*—Замѣтка о черепахъ изъ еврейскихъ катакомбъ въ Римѣ (съ 1 рис.).—*Д. Н. Анучинъ*—Памяти Г. Д. Филимонова и Г. де-Мортиллье.— *А. А. Ивановскій*—Секція антропологіи XII-го международнаго съѣзда врачей (съ 6 рис.).—Протоколы засѣданій Антропологическаго Отдѣла.—Отзывы о трудахъ, представленныхъ въ Отдѣлъ для соисканія премій и золотой медали по антропологіи.

Вышелъ XX-ый томъ: В. В. Воробьевъ—Наружное ухо человѣка. Москва, 1901 г. Цѣна 3 руб.

Русскій Антропологическій Журналъ.

1900 годъ (кн. I—IV): *Д. Н. Анучинъ*—Бѣглый взглядъ на прошлое антропологіи и на ея задачи въ Россіи; *Н. А. Аристовъ*—Этническія отношенія на Памирѣ и въ прилегающихъ странахъ по древнимъ, преимущественно китайскимъ, историческимъ извѣстіямъ; *В. В. Воробьевъ* — Великоруссы (съ 6 рис.); *онъ же*—О соотношеніи между главнѣйшими размѣрами головы и лица человѣка и его ростомъ (съ 6 діагр.); *Н. Л. Зеландъ*—Къ антропологіи западно-сибирскаго крестьянина; *А. А. Ивановскій*—Дм. Ник. Анучинъ (съ портретомъ); *онъ же*—Чествованіе проф. Д. Н. Анучина по поводу его 25-лѣтней дѣятельности въ Императорскомъ Обществѣ Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи; *онъ же*—Езиды (по изслѣдованіямъ К. И. Горощенко); *Ф. Я. Конъ*—Беременность, роды и уходъ за ребенкомъ у качинокъ; *А. Н. Красновъ* — Объ антропологическихъ изслѣдованіяхъ и измѣреніяхъ въ Харьковскомъ и Валковскомъ уѣздахъ; *И. И. Майновъ*—Помѣсь русскихъ съ якутами (съ 4 рис.); *П. А. Минаковъ* — Волосы въ антропологическомъ отношеніи (съ 4 рис.); *онъ же*—Ногти человѣческой руки (съ 1 рис.); *Д. П. Никольскій*—О чукчахъ Колымскаго округа; *В. Н. Розановъ*—Гинекомастія (съ 5 рис.); *Ю. Д. Талько-Грынцевичъ*—Древніе обитатели Центр. Азіи; *онъ же*—Польская антропол. литература (съ портретами Майера и Коперницкаго). Изъ иностранной литературы: *Д. Н. Анучинъ* — Аномальные швы и кости мозгового черепа человѣка по изслѣдованіямъ проф. І. Ранке (съ 3 рис.); *онъ же*—Объ останкахъ германцевъ III—IV вв. въ торфяникахъ Шлезвига и сосѣднихъ съ нимъ странъ (съ 4 рис.); *В. В. Воробьевъ* — Наружное ухо въ антропол. отношеніи; *А. А. Ивановскій*—Положеніе человѣка въ ряду животныхъ; *онъ же*—Евреи (съ 10 рис.); *онъ же* — Фамильные типы и фамильное сходство; *Е. И. Луценко*—Общественная среда, какъ факторъ развитія и красоты человѣческаго лица; *П. А. Минаковъ* — Мозгъ Герм. Гельмгольца (съ 2 рис.); *И. П. Силиничъ*—Формы колыбелей и ихъ развитіе; *онъ же*—Роль химическаго анализа въ вопросахъ доисторической археологіи; *Л. Д. Синицкій* — Географическая будущность европейскихъ расъ. Некрологи: *Д. Н. Анучинъ*— Питтъ-Риверсъ; *В. В. Воробьевъ*—Проф. С. С. Корсаковъ; *А. А. Ивановскій*— Фил. Сальмонъ.—Критика и библіографія.—Извѣстія и замѣтки.

1901 годъ (кн. V—VIII): *Д. Н. Анучинъ*—Руд. Вирховъ (съ 2 портр. и 2 рис.); *Н. А. Аристовъ*—Этническія отношенія на Памирѣ и въ прилегающихъ странахъ по древнимъ, преимущественно китайскимъ, историческимъ извѣстіямъ (продолж.) *Н. В. Берви*—Обработка антрополог. наблюденій при помощи теоріи вѣроятностей; *Р. Л. Вейнбергъ*—Къ вопросу объ исполинскомъ ростѣ (съ 3 рис.); *онъ же*— Новѣйшіе успѣхи въ области антропологіи костной системы (съ 3 рис.); *онъ же*— Эсты (съ 12 рис.); *В. В. Воробьевъ*—Наружное ухо человѣка (съ 6 рис.); *К. И Горощенко*—Сойоты (съ 1 рис.); *К. М. Курдовъ*—Къ антропологіи лезгинъ: кюринцы (съ 4 рис.); *И. И. Майновъ*—Два типа тунгусовъ (съ 4 рис.); *Н. М. Маліевъ*—Вогулы (съ 2 рис.); *С. Д. Масловскій*—Гальча; *Л. О. Перфильевъ*—Сомалійцы; *И. П. Силиничъ*—Къ краніологіи сойотъ; *Ю. Д. Талько-Грынцевичъ*—Поляки (съ 14 рис.). Изъ иностранной литературы: *Б. Ѳ. Адлеръ*—Происхожденіе и переселеніе народовъ съ географической точки зрѣнія; *онъ же*— Происхожденіе европейскихъ народовъ; *Р. Л. Вейнбергъ*—Анатомическія особенности первобытнаго человѣка (съ 6 рис.); *А. А. Ивановскій* — Классификація человѣческихъ расъ І. Деникера; *онъ же*—Зубы у различныхъ человѣческихъ расъ (съ 2 рис.;) *онъ же*—Карлики и пигмеи; *Д. А. Коропчевскій*—Кинъ и его руководства по этнологіи.—Критика и библіографія.—Извѣстія и замѣтки.

Русскій Антропологическій Журналъ,

издаваемый Антропологическимъ Отдѣломъ

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, подъ редакціей секретаря Отдѣла А. А. Ивановскаго (основанъ ко дню 25-лѣтія дѣятельности въ Антропологическомъ Отдѣлѣ, 30 марта 1900 года, предсѣдателя Отдѣла, проф. Д Н. Анучина), выходитъ 4-мя книжками въ годъ, размѣромъ каждая въ 8—10 печатныхъ листовъ, съ рисунками.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Б. Ѳ. Адлеръ, Н. В. Алтуховъ, проф. Д. Н. Анучинъ, Н. А. Аристовъ, проф. Н. В. Берви, С. А. Вайсенбергъ, проф. Вальдейеръ (Берлинъ), В. И. Васильевъ, Р. Л. Вейнбергъ, Ѳ. К. Волковъ (Парижъ), В. В. Воробьевъ, Н. В. Гильченко, К. И. Горощенко, I. Е. Деникеръ (Парижъ), Н. Л. Зеландъ, А. А. Ивановскій, проф. I. Колльманъ (Базель), Ф. Я. Конъ, Д. А. Коропчевскій, проф. А. Н. Красновъ, К. М. Курдовъ, Е. И. Луценко, проф. Ф. фонъ-Лушанъ (Берлинъ), И. И. Майновъ, А. Н. Максимовъ, проф. Н. М. Маліевъ, С. Д. Масловскій, проф. П. А. Минаковъ, проф. Л. Г. Нидерле (Прага), Д. П. Никольскій, И. И. Пантюховъ, Л. О. Перфильевъ, проф. М. А. Поповъ, проф. Фр. Ратцель (Лейпцигъ), А. Г. Рождественскій, В. Н. Розановъ, проф. Ж. Серджи (Римъ), проф. И. А. Сикорскій, И. П. Силиничъ, Л. Д. Синицкій, Ю. Д. Талько-Грынцевичъ, проф. А. И. Таренецкій, граф. П. С. Уварова, А. С. Хахановъ, Е. М. Чепурковскій, С. М. Чугуновъ, проф. Г. Швальбе (Страсбургъ), проф. Э. Шмидтъ (Лейпцигъ), проф. Л. Х. Штида (Кенигсбергъ), А. Д. Элькиндъ, Н. А. Янчукъ и др.

Цѣна годовому изданію 5 руб. съ доставкой и пересылкой, за границу 6 руб. Цѣна отдѣльной книжки 1 р. 50 к. (двойной—3 р.).

Съ требованіями обращаться: Москва, Политехническій музей, въ Антропологическій Отдѣлъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, или: Москва, Историческій музей, секретарю Антропологическаго Отдѣла А. А. Ивановскому.

Годъ 3-й. Кн. X.

Русскій Антропологическій Журналъ

Изданіе Антропологическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

Основанъ ко дню 25-лѣтія дѣятельности въ Антропологическомъ Отдѣлѣ (30 марта 1900 г.) предсѣдателя Отдѣла, проф. Д. Н. Анучина.

подъ редакціей
Секретаря Антропологическаго Отдѣла
А. А. Ивановскаго.

1902 г., № 2.

МОСКВА.
Типо-литографія А. В. Васильева и К°, Петровка, домъ Обидиной.
1902.

Годъ 3-й. Кн. X.

Русскій Антропологическій Журналъ

Изданіе Антропологическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

Основанъ ко дню 25-лѣтія дѣятельности въ Антропологическомъ Отдѣлѣ (30 марта 1900 г.) предсѣдателя Отдѣла, проф. Д. Н. Анучина.

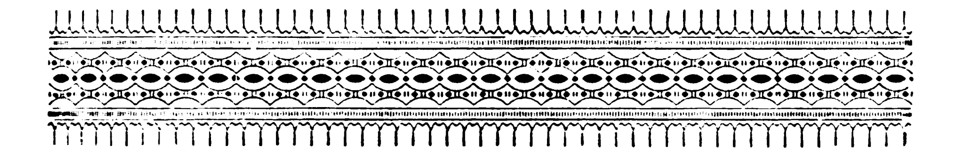
подъ редакціей
Секретаря Антропологическаго Отдѣла
А. А. Ивановскаго.

1902 г., № 2.

МОСКВА.
Типо-литографія А. В. Васильева и Ко, Петровка, домъ Обидиной.
1902.

Печатано по постановленію Совѣта Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.



О темпераментѣ.

I.

Не говоря уже о точномъ опредѣленіи различныхъ видовъ темперамента, самое понятіе о темпераментѣ вообще до сихъ поръ не только интеллигентной публикѣ, но и огромному большинству ученыхъ представляется крайне расплывчатымъ, и опредѣленія его полны противорѣчій. Благодаря этой путаницѣ, даже тѣ люди науки, которыхъ, казалось бы, этотъ вопросъ долженъ былъ касаться близко, въ наше время совсѣмъ отвернулись отъ него: большинство современныхъ трактатовъ о психологіи и о нервныхъ и душевныхъ болѣзняхъ вовсе не упоминаютъ о темпераментѣ, другіе упоминаютъ вкратцѣ и какъ бы нехотя.

Чѣмъ объяснить, что ученіе о темпераментахъ, затронутое уже Гиппократомъ и Галеномъ, которые, несмотря на большія ошибки, все-таки намѣтили нѣкоторыя вѣрныя черты предмета, имѣло ту поразительную участь, что оставалось въ теченіе 20 вѣковъ въ томъ или почти въ томъ же первобытномъ видѣ, въ которомъ намъ его завѣщали отцы медицины? Отчасти, вѣроятно, тѣмъ, что область явленій, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, съ одной стороны, примыкаетъ къ психологіи, которую долгое время относили къ наукамъ умозрительнымъ, съ другой – къ біологіи, съ третьей—къ наукамъ медицинскимъ; поэтому успѣшная разработка ея возможна только при совокупномъ изученіи съ этихъ разныхъ точекъ зрѣнія, а между тѣмъ изслѣдователи обыкновенно принадлежатъ къ какой-нибудь одной изъ сказанныхъ научныхъ группъ; стало-быть, безъ помощи остальныхъ задача ихъ должна была плохо подаваться впередъ [1]), и, такимъ

[1]) Одинъ изъ современныхъ философовъ, А. Фулье, посвятилъ темпераменту новый этюдъ (Tempérament et caractère, Paris, 1895), но едва ли будетъ ошибочнымъ сказать, что среди всѣхъ работъ Фулье эта наименѣе удачная. Описаніе темперамента отличается у него схематичностью и предвзятостью точекъ отправленія, и въ общемъ очеркъ его не представляется прогрессомъ въ

образомъ, все дѣло столь долго оставалось in statu quo. Но слѣдуетъ еще прибавить, что изъ біологическихъ наукъ и антропологія была предназначена сказать свое слово въ этой области знанія, между тѣмъ эта наука сама лишь недавно вышла изъ пеленокъ.

Прежде чѣмъ перейти къ тѣмъ новымъ цифровымъ сопоставленіямъ, которыя я сообщаю ниже, необходимо сказать нѣсколько словъ о неточностяхъ и противорѣчіяхъ, которыми страдаютъ ходячія опредѣленія темперамента, и затѣмъ остановиться на сдѣланныхъ мною уже 10 лѣтъ тому назадъ изслѣдованіяхъ, которыя поясняютъ настоящія и, въ свою очередь, въ нихъ получаютъ поддержку. Здѣсь невозможно войти въ подробности, но достаточно указать на то, что, стараясь опредѣлить темпераментъ вообще или какую-нибудь изъ его разновидностей, обыкновенно указываютъ на различныя свойства *характера*, изъ которыхъ нѣкоторыя, будто бы, принадлежатъ такому-то, а другія такому-то темпераменту. Но какъ скоро допустимъ смѣшеніе чертъ темперамента, то самое названіе темперамента становится излишнимъ и слѣдуетъ обратиться къ изслѣдованію характера, т.-е. нравственнаго типа. Но мало этого, даже въ частностяхъ, т.-е. въ отношеніи тѣхъ или другихъ свойствъ характера къ данному темпераменту, у авторовъ существуетъ масса противорѣчій. Такъ, напр., Кантъ, Вундтъ, Лотце, Мантинзенъ и др. весьма различно опредѣляютъ т. наз. холерическій темпераментъ; насколько велико смѣшеніе понятій къ этомъ дѣлѣ, видно изъ того, что, какъ я уже упомянулъ выше, многіе психологи и психіатры нынѣ совершенно игнорируютъ темпераментъ, какъ будто дѣло идетъ лишь о какомъ-то устарѣломъ понятіи и какой-то потерявшей смыслъ терминологіи. Между тѣмъ въ природѣ дѣло обстоитъ вовсе не такъ.

II.

Одно, на чемъ сходятся почти всѣ писавшіе о темпераментахъ, это то, что различнымъ ихъ видамъ соотвѣтствуютъ различные виды привычнаго настроенія духа: сангвиническому—пріятное, радостное, меланхолическому—удрученное [1]), склонное къ отчаянію, флегматическому—ни то, ни се, холерическому—раздражительное. Такъ какъ дѣйствительно фактъ этихъ разновидностей настроенія вполнѣ вѣренъ и всякій можетъ его провѣрить, то онъ и долженъ служить первымъ и главнымъ основаніемъ для опредѣленія общаго понятія о темпераментѣ. То настроеніе, о которомъ

изученіи даннаго вопроса. Въ этомъ смыслѣ о работѣ Фулье выразился уже покойный А. А. Токарскій („Вопросы Филос. и Психол.“, 1896, январь.).

[1]) Въ наше время (еще до моей работы о темпераментѣ) многіе справедливо стали допускать особый нервный темпераментъ, обладателю котораго тоже свойственны частые переходы къ мрачному настроенію.

здѣсь идетъ рѣчь, отличается своей независимостью отъ умственно-нравственныхъ мотивовъ. Его слѣдуетъ обозначить названіемъ *безпредметнаго*; въ немъ мы имѣемъ дѣло съ самостоятельнымъ, непосредственнымъ и неразложимымъ психическимъ фактомъ. Пріятное настроеніе, являющееся послѣ впрыскиванія морфія, послѣ вдыханія веселящаго газа, послѣ пріемовъ алкоголя и пр., и, наоборотъ, тоскливое, бывающее послѣдствіемъ застоевъ крови, малокровія, частыхъ потерь сѣменной жидкости и т. п.,—вотъ примѣры такихъ безпредметныхъ настроеній. Темпераментныя же настроенія отличаются главнымъ образомъ тѣмъ, что они не кратковременны, а болѣе или менѣе постоянны и весьма часто бываютъ прирожденными, хотя могутъ быть и пріобрѣтенными, что̀ въ особенности относится къ мрачнымъ раздражительнымъ душевнымъ состояніямъ, бывающимъ послѣдствіемъ антигигіеническаго образа жизни, напр., злоупотребленія возбуждающими наркотическими веществами.

Въ жизни и даже въ научныхъ разсужденіяхъ зачастую дѣлаютъ ту ошибку, что производятъ настроеніе всегда изъ какихъ-нибудь психическихъ мотивовъ, напр., пріятныхъ или печальныхъ впечатлѣній или событій. Между тѣмъ оно, какъ мы сейчасъ видѣли, можетъ быть вполнѣ автономно. Обыкновенно думаютъ, напр., что причиной того блаженнаго состоянія, въ которое впадаетъ курильщикъ опіума, суть тѣ видѣнія, которыя ему представляются, между тѣмъ какъ, наоборотъ, сами видѣнія воспринимаются какъ пріятное лишь потому, что уже существуетъ готовая почва повышеннаго настроенія. Если въ нормальномъ состояніи перебрать содержаніе представляющихся опіофагу видѣній, то они большею частію оказываются пустячными. Притомъ извѣстно, что умѣренный морфійный наркозъ не сопровождается никакими видѣніями, а между тѣмъ настроеніе бываетъ повышеннымъ (что, впрочемъ, бываетъ лишь въ первоначальномъ періодѣ злоупотребленія опіемъ и его производными).

Точно также то привычное повышеніе настроенія, которое замѣчается у обладателей веселаго темперамента, особенно въ дѣтскомъ и юношескомъ возрастахъ, можетъ существовать вполнѣ самостоятельно, даже въ такіе моменты, когда поле сознанія болѣе или менѣе пусто. И, наоборотъ, мрачное, тоскливое настроеніе меланхолика преслѣдуетъ его даже въ глубокомъ снѣ, когда сновидѣній нѣтъ или существуютъ лишь ничтожные обрывки ихъ.

Установивъ, что основаніе темпераментнаго настроенія есть нѣчто неопредѣленное и самостоятельное, не слѣдуетъ, однако, забывать и о томъ, что, подъ вліяніемъ этого біологическаго основанія, и тѣ опредѣленныя впечатлѣнія и воздѣйствія, которыя получаются при посредствѣ внѣшнихъ чувствъ, принимаютъ соотвѣтствующую окраску. Здороваго ребенка, напр., пріятно возбуждаютъ самые обыкновенные предметы, проходящіе передъ его глазами, тогда какъ, наоборотъ, человѣка, одержимаго нервной то-

ской, неспособны расшевелить и дѣйствительно пріятныя впечатлѣнія внѣшняго міра.

Одна изъ ошибокъ ходячихъ взглядовъ на темпераментъ заключается, какъ уже сказано было, въ томъ, что ему приписываютъ различныя спеціальныя проявленія психики, а именно къ нему относятъ различныя нравственныя побужденія и проявленія воли, т.-е. то, что составляетъ область характера. Но дѣло въ томъ, что одни и тѣ же свойства характера могутъ существовать при различныхъ темпераментахъ и, наоборотъ, съ однимъ и тѣмъ же темпераментомъ могутъ сочетаться различные характеры. Мы наблюдаемъ нерѣдко, что, напр., изъ двухъ человѣкъ, отличающихся приблизительно одинаковыми склонностями, антипатіями, одинаковыми идеалами, семейными и общественными, одинаковымъ трудолюбіемъ и т. д., одинъ одаренъ привычно бодрымъ жизнерадостнымъ настроеніемъ, въ то время какъ другой имѣетъ расположеніе къ нервности, сопровождаемой частыми колебаніями настроенія.

Хотя, стало-быть, между темпераментомъ и характеромъ существуетъ рѣзкое различіе и смѣшивать ихъ между собою непозволительно, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы не могло быть вліянія одного на другой: весьма естественно, что привычное, хотя бы безотчетное настроеніе до извѣстной степени вліяетъ на характеръ и на дѣйствія человѣка. Веселый, бодрый душевный складъ можетъ, правда, существовать безъ сердечной доброты, онъ можетъ даже сопутствовать нѣкоторымъ антисоціальнымъ склонностямъ души, но все же веселое настроеніе скорѣе мрачнаго и раздражительнаго располагаетъ къ добродушію; поэтому едва ли будетъ ошибкой сказать, что между людьми свѣтло настроенными чаще бываютъ и добряки, и мы даже найдемъ нѣкоторое статистическое подтвержденіе этого въ таблицѣ, приведенной въ концѣ настоящей статьи. Кромѣ того, слѣдуетъ помнить, что сопутствующее обыкновенно веселому темпераменту хорошее состояніе здоровья и тѣлесныхъ силъ (см. ниже) должно до извѣстной степени вліять на здоровое проявленіе воли. Наоборотъ, легко понять, что человѣкъ съ наилучшими нравственными задатками, но сдѣлавшійся жертвой разстройства нервовъ, которое ведетъ за собою частые періоды хандры, пугливости, безпричиннаго страха, раздражительности и пр., нерѣдко оцѣниваетъ окружающее и окружающихъ несправедливо, о чемъ потомъ, въ минуту болѣе здоровую, сожалѣетъ.

Великая ошибка нравственнаго воспитанія, какъ въ школѣ, такъ и въ жизни, состоитъ въ томъ, что обыкновенно смотрятъ на нравственную область, какъ на нѣчто вполнѣ самостоятельное, не замѣчая, какъ легко она подтачивается дряблыми нервами, бывающими слѣдствіемъ малокровія и другихъ физическихъ недостатковъ, и какъ, наоборотъ, нравственность получаетъ подкрѣпленіе отъ здоровой нервной системы, дающей постоянныя ощущенія, которыя мы и называемъ привычно бодрымъ, свѣтлымъ

настроеніемъ духа. Значеніе здоровья несравненно обширнѣе, чѣмъ думаетъ большинство современныхъ (но не древнихъ) педагоговъ, богослововъ и администраторовъ. Нравственность и темпераментъ далеко не одно и то же,—каждая изъ этихъ областей имѣетъ свою автономію, но онѣ соприкасаются и оказываютъ дѣйствіе одна на другую. Ибо не можетъ быть сомнѣнія, что не одно лишь физическое здоровье, но, въ свою очередь, и нравственность вліяетъ на темпераментъ: caeteris paribus, нравственная и воздержная жизнь способствуетъ сохраненію, даже увеличенію нервнаго капитала, тогда какъ невоздержность и избалованность достигаютъ обратнаго. Повышеніе же или пониженіе нервнаго капитала немедленно отражается на общемъ, безпредметномъ настроеніи духа.

Кромѣ настроенія, темпераментъ еще характеризуется извѣстными явленіями въ двигательной сферѣ, но и здѣсь (и это важно помнить) двигательныя проявленія, о которыхъ идетъ рѣчь, отличаются непосредственностью и безпредметностью, т.-е. источникомъ ихъ бываютъ не какія-либо соображенія или опредѣленныя ощущенія, а болѣе или менѣе смутные внутренніе импульсы; напр., сангвиникъ инстинктивно бываетъ склоненъ къ перемѣнѣ мѣста, къ жестикуляціи и т. п., хотя при этомъ движенія эти (въ отличіе отъ безпорядочной жестикуляціи нервяка) отличаются извѣстной стройностью. Какъ темпераментное настроеніе, такъ и характеръ двигательныхъ стремленій существуетъ независимо отъ сознательной или волевой сферы души, хотя, конечно, онъ сказывается и въ намѣренныхъ и цѣлесообразныхъ движеніяхъ: напр., когда сангвиникъ идетъ за какимъ-нибудь опредѣленнымъ, хотя бы не очень важнымъ дѣломъ, походка его быстрѣе, чѣмъ походка флегматика; у послѣдняго же такая быстрота обнаруживается лишь въ случаяхъ особенной важности.

Уже a priori слѣдовало ожидать, что различные виды темперамента сопровождаются извѣстными физическими особенностями. Еще въ старыхъ описаніяхъ темпераментовъ были намеки на это, но соотвѣтственныя указанія были болѣе или менѣе голословны и обыкновенно касались несущественныхъ чертъ физическаго типа [1]). Для того, чтобы сколько-нибудь выяснить этотъ вопросъ, при помощи современныхъ антропологическихъ методовъ, я произвелъ въ 1892 г. антропологическое изслѣдованіе 200 субъектовъ, расположенныхъ по темпераментамъ. Результаты были изложены въ статьѣ, представленной XI-му международному конгрессу по доисторической археологіи и антропологіи, бывшему въ Москвѣ [2]). Но

---

[1]) Такъ, напр., заявлялось, будто холерики бываютъ смуглаго цвѣта лица, что вовсе не подтверждается наблюденіемъ.

[2]) Le tempérament au point de vue psychologique et antropologique („Congrès internat. d'archéol. prehist. et d'anthrop.", Moscou, 1893, t. II) Взгляды мои на темпераментъ, изложенные въ этой статьѣ, впослѣдствіи развиты мною подробнѣе въ книгѣ „Здоровье и счастье", Москва, 1895 г., и въ нѣмецкомъ ея изданіи „Gesundheit und Glück", Dresden, 1896.

прежде чѣмъ привести, какъ ихъ, такъ и добавленіе къ нимъ, выведенное изъ недавнихъ моихъ изслѣдованій, считаю возможнымъ сдѣлать итогъ изъ всего вышесказаннаго, т.-е. формулировать общее опредѣленіе темперамента и коснуться классификаціи различныхъ его видовъ. Итакъ, темпераментомъ слѣдуетъ называть тотъ органическій складъ или то органическое расположеніе, которое выражается: a) въ извѣстномъ привычномъ и безпредметномъ настроеніи духа; b) въ соотвѣтствующей данному виду основнаго настроенія окраскѣ внѣшнихъ впечатлѣній; c) въ извѣстномъ вліяніи даннаго привычнаго настроенія на проявленія характера и воли; d) въ органическомъ инстинктивномъ расположеніи къ извѣстному качеству движеній; e) въ извѣстныхъ качествахъ тѣлосложенія, которыя извѣстнымъ образомъ вліяютъ на проявленіе здоровой жизни и на заболѣваемость.

III.

Перехожу къ классификаціи темпераментовъ. Здѣсь, какъ и въ общемъ опредѣленіи темперамента, я во многомъ расхожусь со старыми взглядами, но продолжаю думать, что дальнѣйшія психологическія наблюденія и провѣрка ихъ, при помощи антропологіи, физіологіи и патологіи, покажутъ справедливость моей теоріи.

1. Въ принятіи *веселаго* темперамента заключается неопровержимая и легко наблюдаемая правда, но въ подробностяхъ характеристики и въ оцѣнкѣ его замѣчаются большіе пробѣлы и неточности. Его принято называть *сангвиническимъ*, по случаю того, что при немъ, по теоріи древнихъ врачей, преобладаетъ кровь надъ другими жидкостями тѣла (желчью, лимфою и т. д.). Такъ какъ и нынѣ еще можно утверждать, что существуетъ нѣкоторое отношеніе между правильнымъ кроветвореніемъ и бодрымъ настроеніемъ духа, то названіе можетъ оставаться, хотя я предпочитаю названія—свѣтлаго, веселаго, жизнерадостнаго, благодушнаго. Но эти наименованія я считаю *родовыми*, такъ какъ есть нѣсколько видовъ этого темперамента:

A) *Веселый*, но *условно сильный темпераментъ*. Извѣстно, что Вундтъ раздѣлилъ темпераменты на сильные и слабые и къ послѣднимъ причислилъ сангвиническій, въ чемъ Вундту до извѣстной степени предшествовалъ Кантъ, который утверждалъ [1]), что сангвиники вообще отличаются недостаткомъ положительности и постоянства, нѣкоторымъ легкомысліемъ и неумѣстнымъ оптимизмомъ. Хотя эти черты психики относятся собственно не къ темпераменту, а главнымъ образомъ къ характеру, и хотя даже при существованіи такого характера имѣемъ полное право признавать привычно бодрое настроеніе духа признакомъ здоровья и силы, а

[1]) Kant, Anthropologie, 1833, p. 217.

печальное наоборотъ, но, повидимому, сочетаніе у нѣкоторыхъ людей неустойчивости характера съ веселостью и было причиной отнесенія Вундтомъ сангвиниковъ къ слабымъ темпераментамъ.

Съ одной стороны, сочетаніе веселаго темперамента съ непостоянствомъ характера есть далеко не правило и ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить характеристикой душевнаго склада сангвиника; съ другой же стороны, если дѣйствительно въ самомъ темпераментѣ извѣстной части сангвиниковъ замѣчаются нѣкоторые признаки слабости, то понимать это явленіе слѣдуетъ совершенно въ иномъ смыслѣ, чѣмъ оно подразумѣвается у Канта и Вундта. Въ моемъ же смыслѣ оно заключается въ слѣдующемъ: у разсматриваемаго здѣсь условно сильнаго сангвиника самая бодрость настроенія бываетъ не изъ очень устойчивыхъ. Въ такомъ темпераментѣ есть нѣкоторая примѣсь нервности; поэтому реакція на внѣшнія впечатлѣнія слишкомъ быстра, а настроеніе, при большомъ наплывѣ пріятныхъ впечатлѣній, легко переходитъ въ возбужденіе, имѣющее нѣчто безпорядочное и болѣзненное; наоборотъ, при наплывѣ противоположныхъ впечатлѣній, оно легко переходитъ во вспыльчивость [1]) или же во временную апатію, въ панику и т. д. Условно сильный, веселый темпераментъ въ общемъ чаще встрѣчается между жителями юга, хотя въ частностяхъ онъ не слѣдуетъ точно географической широтѣ; напр., среди французовъ такіе люди встрѣчаются чаще, чѣмъ среди нѣмцевъ, среди поляковъ чаще, чѣмъ среди русскихъ и т. д.

В) *Веселый, сильный темпераментъ*. И здѣсь человѣкъ одаренъ веселымъ настроеніемъ, но постоянство такового выражено сильнѣе. Лицо такого сангвиника тоже оживленное, онъ не скупится на разговоръ и на смѣхъ, движенія его быстры и довольно часты, и впечатлительность живая; однако, во всѣхъ этихъ проявленіяхъ сквозитъ сила, самостоятельность и равномѣрность, безъ нервной возбужденности и волненія, а равно безъ внезапныхъ переходовъ въ гнѣвныя вспышки или въ апатію. Благое расположеніе духа вліяетъ оживляющимъ образомъ на окружающихъ, какъ струя свѣта или бодрящая музыка. Уже сангвиникъ условно сильный (типъ *А*) до извѣстной степени оказываетъ такое вліяніе на окружающую среду, а тѣмъ болѣе человѣкъ типа *В* одаренъ этою притягательною силою, хотя бы онъ не отличался остроуміемъ или общественными талантами. Когда же и послѣднее совпадаетъ со счастливымъ темпераментомъ, то человѣкъ, даже въ глубокой старости, способенъ быть душой общества, чему есть не мало историческихъ примѣровъ (Нинонъ де Ланкло́, Бентамъ, принцъ де Линь и др.).

---

[1]) Вспыльчивость напрасно многіе относятъ къ чертамъ характера; она есть явленіе чисто нервное: даже отъ природы невспыльчивый человѣкъ иной разъ, напр., при сильной усталости, послѣ потери крови и пр., становится вспыльчивымъ.

C) Высшій видъ веселаго, да и вообще всѣхъ темпераментовъ, мною названъ *яснымъ*. Онъ представляетъ какъ-бы сліяніе предыдущаго съ флегматическимъ или, точнѣе, съ тѣмъ, который мною названъ «спокойнымъ» (см. ниже), и уподобляется яркому, но тихо и ровно горящему пламени. У людей, имъ одаренныхъ, особенно у высшихъ степеней этого вида, преобладаетъ тихое, радостное настроеніе; они рѣдко смѣются, мѣсто смѣха занимаетъ улыбка, но и при отсутствіи ея ясный свѣтъ ихъ взгляда и всего лица производитъ впечатлѣніе улыбки. Движенія ихъ рѣдки, большею частью не быстры, но плавны. Вліяніе ихъ на окружающихъ не бываетъ столь быстрымъ и увлекающимъ, какъ вліяніе предыдущихъ, но выражается скорѣе въ томъ, что такія личности исподволь привлекаютъ къ себѣ, и вліяніе это долѣе остается въ памяти. Вообще вліяніе наиболѣе чисто и сильно выраженныхъ типовъ свѣтлаго темперамента, повидимому, характеризуетъ тѣхъ людей, о которыхъ русская пословица говоритъ: «какъ посмотритъ, словно рублемъ подаритъ», и это понятно тѣмъ болѣе, что съ такимъ счастливымъ органическимъ складомъ весьма нерѣдко сочетается душевная доброта и кротость.

Здѣсь умѣстно будетъ упомянуть о томъ, что и вообще веселому темпераменту такъ часто сопутствуетъ добродушный характеръ, что совпаденіе это нужно считать болѣе, чѣмъ случайнымъ, и допустить, что оно зависитъ, хотя бы отчасти, отъ одной общей біологической причины. Что же касается той неустойчивости воли, т.-е. легкомыслія, которое, будто бы (по Канту и др.), есть характеристическій спутникъ веселаго темперамента, то это утвержденіе лишено всякаго основанія; достаточно упомянуть, что множество знаменитыхъ людей были именно этого темперамента. Таковыми были, между прочимъ, Сократъ, Платонъ, Демокритъ, Францискъ Ассизскій, Катарина Сіенская, Леонардо де Винчи, Рабле, Монтескьё, Морицъ Саксонскій, Бентамъ, Мирабо, Гёте, Виландъ, Гайднъ, Гарибальди, Жоржъ Зандъ, Гладстонъ, Вирховъ и мн. др. Большинство ихъ, повидимому, принадлежало къ разновидностямъ *B* и *C*. Наконецъ, мои нижеприводимыя, небольшія правда, цифры указываютъ на неосновательность предположенія, будто жизнерадостный темпераментъ не въ ладу съ солидностью характера.

Всѣ вышесказанныя соображенія, вмѣстѣ съ наблюденіемъ, что жизнерадостные люди большею частью обладаютъ хорошимъ тѣлосложеніемъ и здоровьемъ (см. ниже), привели меня къ выводу, что данный темпераментъ не только не есть выразитель какой-то психически-біологической слабости, но, наоборотъ, стоитъ *выше* остальныхъ, что во всякомъ случаѣ вѣрно въ отношеніи разновидностей *B* и *C*. Наконецъ, не лишнимъ считаю прибавить, что подтвержденіемъ являются и нѣкоторыя цифровыя данныя о возрастѣ родителей, отъ которыхъ рождаются дѣти веселаго и

невеселаго темперамента: по Ломброзо [1]), у послѣднихъ чаще бываютъ родители старые.

2) *Спокойный темпераментъ.* Въ первой моей статьѣ я еще употреблялъ выраженіе «le tempérament flegmatique ou calme», т.-е. отожествлялъ одно съ другимъ. Но впослѣдствіи [2]) я нашелъ болѣе соотвѣтствующимъ тому, что встрѣчаемъ въ жизни, различать два вида или типа, которые, однако, оба подходятъ подъ родовое названіе спокойнаго.

А) Флегматическій или спокойно медленный видъ. Онъ настолько извѣстенъ, что его въ жизни довольно легко отличаютъ отъ другихъ; даже извѣстны народы, у которыхъ флегматичность встрѣчается чаще, чѣмъ у другихъ, каковы: голландцы, китайцы, финны. Даже между животными нѣкоторыя породы въ общемъ отличаются флегматичностью, таковы: медвѣдь, быкъ, оселъ, тогда какъ нѣкоторыя другія, какъ, напр., собака и лошадь, скорѣе относятся къ сангвиникамъ. Но это наружное распознаваніе еще не включаетъ въ себѣ точнаго научнаго опредѣленія, и въ самой наукѣ существовали и существуютъ еще недостаточно характеристическія и даже противорѣчивыя оцѣнки и опредѣленія этого темперамента. Такъ, напр., Вундтъ отнесъ его къ «слабымъ», на томъ основаніи, что флегматикъ проявляетъ пониженную возбудимость; Шольцъ, наоборотъ, приписываетъ ему «нормальную» возбудимость. То и другое воззрѣніе требуетъ поправки.

Три основныя черты характеризуютъ флегматика: a) его обычное настроеніе, хотя не особенно повышенное, но все же несомнѣнно бодрое и здоровое; b) настроеніе это отличается замѣчательнымъ постоянствомъ, и въ этомъ отношеніи флегматическій темпераментъ не только представляетъ противоположность нервнаго, но и стоитъ выше всѣхъ остальныхъ (за исключеніемъ яснаго). Различныя незначительныя уклоненія въ повседневныхъ отправленіяхъ организма, которыя легко вліяютъ на впечатлительную нервную систему, рѣдко дѣйствуютъ на душевный строй флегматика, тѣмъ болѣе, что уклоненія и случаются у него рѣже, такъ какъ онъ большею частью надѣленъ здоровымъ тѣломъ. Нужно указать на два явленія, смѣшеніе которыхъ подало поводъ къ ложному пониманію флегматическихъ натуръ: ихъ нерѣдко укоряли въ недостаткѣ сердечной чувствительности, въ душевномъ холодѣ. На самомъ же дѣлѣ малая нервная впечатлительность можетъ сочетаться съ нѣжнымъ и глубокимъ чувствомъ, разница же между нѣжно чувствующимъ флегматикомъ и такимъ-же нефлегматикомъ (особенно нервякомъ) заключается въ томъ, что послѣдняго легко выводятъ изъ равновѣсія различныя впечатлѣнія, дѣйствующія на его психику, тогда какъ первый, хотя онъ можетъ воспринимать столь же

[1]) L'Homo delinquente, I. 127.
[2]) См. „Здоровье и счастіе", стр. 227 и слѣд.

легко, какъ послѣдній, но многія непріятныя воспріятія не въ состояніи поколебать его душевное равновѣсіе. Другими словами, мелочи жизни его не трогаютъ, хотя онъ умѣетъ ихъ замѣчать; онъ можетъ быть вполнѣ воспріимчивъ, но не впечатлителенъ въ смыслѣ потери равновѣсія. Когда же, наконецъ, его задѣнетъ что-нибудь крупное, то и тогда онъ бываетъ чуждъ чрезмѣрнаго волненія и разбросанности, но за-то реакція его сильная, продолжительная и направленная на существенное. Такимъ образомъ не только та непосредственная нервно-психическая сфера, которая составляетъ область темперамента, но внутренній складъ души флегматика можетъ отличаться малой и медленной отзывчивостью на все мелкое, но большою— на крупное. Онъ уподобляется движенію тяжелаго тѣла, которое не только само по себѣ движется безъ колебанія въ стороны, но и посторонними толчками съ трудомъ выводится изъ своей колеи; но за-то, если это случится, оно дробитъ и уноситъ съ собою множество предметовъ болѣе легковѣсныхъ. Словомъ, флегматическій складъ есть изображеніе скрытой силы. Поэтому даже въ тѣхъ случаяхъ, когда этотъ темпераментъ сочетается съ дѣйствительной холодностью души, съ мелкимъ умомъ и неважнымъ характеромъ, все-таки есть полное основаніе признавать самый темпераментъ сильнымъ, т.-е. признавать, что складъ организаціи и самочувствіе, идущее отъ нея (выражающееся въ привычномъ болѣе или менѣе бодромъ настроеніи), у даннаго человѣка отличаются силой и устойчивостью. Такой взглядъ на флегматическій темпераментъ и на полную возможность сочетанія его съ сильной и глубокой душевной жизнью я развилъ уже въ прежнихъ моихъ очеркахъ (въ противоположность Вундту и другимъ), и онъ, между прочимъ, нашелъ себѣ недавно подтвержденіе въ неожиданной драмѣ, развившейся на югѣ Африки: эти тихіе и спокойные буры, голландская флегма которыхъ могла казаться признакомъ слабости, удивила міръ силою своей героической реакціи противъ несправедливости и лжи.

c) Какъ основное настроеніе флегматика трудно колеблется, вслѣдствіе скудной и медленной впечатлительности (которую не слѣдуетъ смѣшивать съ воспріимчивостью), такъ и реакція — въ общемъ скудная и медленная, что, впрочемъ, уже видно изъ предыдущаго. Движенія флегматика болѣе или менѣе рѣдки и довольно медленны, вмѣсто смѣха у него скорѣе появляется улыбка. Но опять-таки нужно помнить, что медленность его движеній, которая замѣчается въ обыкновенныхъ случаяхъ жизни— и тогда отчасти можетъ считаться недостаткомъ,—въ важныхъ случаяхъ можетъ не только исчезать, но переходить въ большую быстроту. Еще разъ не лишнимъ считаю указать на событія трансваальской войны: буры поражаютъ не только выдержкой и выносливостью, но и быстротой своихъ передвиженій. Такъ флегматическій медвѣдь и кабанъ при случаѣ соперничаютъ съ вѣтромъ въ быстротѣ своего бѣга.

В. Второй видъ спокойнаго темперамента заслуживаетъ это названiе въ еще болѣе тѣсномъ смыслѣ слова, такъ какъ и въ немъ характеристической чертой является сочетанiе спокойствiя и силы, но безъ примѣси медленности и тяжеловѣсности. Реакцiя, движенiя и разговоръ могутъ быть даже быстрѣе, чѣмъ у другихъ людей, но они рѣдки и всегда цѣлесообразны. Изъ недавнихъ историческихъ дѣятелей къ этому темпераменту можно отнести молчаливаго Мольтке.

Я сказалъ выше, что установленный мною ясный темпераментъ, т.-е. высшiй видъ веселаго (свѣтлаго), есть какъ-бы слiянiе веселаго со спокойнымъ. И дѣйствительно, каждый, кто станетъ изучать оба темперамента на большомъ числѣ людей, замѣтитъ, что переходъ отъ спокойнаго къ ясному или обратно въ сущности не чувствительный, т.-е. встрѣчаются субъекты, о которыхъ трудно сказать, куда ихъ слѣдуетъ отнести — къ яснымъ или къ спокойнымъ. Тѣмъ не менѣе большинство представителей того и другого легко отличить другъ отъ друга, такъ какъ типическiй ясный превосходитъ типическаго спокойнаго живостью и притягательной силой своей организацiи.

Изъ всего сказаннаго не трудно вывести, что спокойный темпераментъ есть одинъ изъ лучшихъ, какiе наблюдаются въ природѣ. Онъ уступаетъ ясному, отчасти и веселому сильному (*В*), хотя въ нѣкоторыхъ отношенiяхъ онъ является какъ-бы выше послѣдняго. Что-же касается веселаго, менѣе сильнаго (*А*), то, мнѣ кажется, спокойный въ общемъ долженъ быть ему предпочтенъ.

3. *Среднiй темпераментъ*. Терминъ этотъ впервые предложенъ мною, а что онъ имѣетъ право на существованiе, доказывается какъ общимъ наблюденiемъ, такъ и антропологическими данными. Даже представляется удивительнымъ, что никто ранѣе не обратилъ вниманiя именно на этотъ темпераментъ, къ которому принадлежитъ большинство здоровыхъ людей и который занимаетъ середину между веселыми и невеселыми (болѣзненными) типами.

Человѣкъ средняго темперамента отличается средней степенью привычнаго настроенiя, т.-е. послѣднее слѣдуетъ признать здоровымъ, болѣе или менѣе бодрымъ, но не достигающимъ такого розоваго оттѣнка, какъ у собственно жизнерадостныхъ натуръ. По интенсивности оно можетъ быть приравнено настроенiю спокойнаго темперамента, но лишено той степени постоянства, котораго достигаетъ у послѣдняго, т.-е. у «средняго» настроенiе болѣе подвержено временному омраченiю. И реакцiя «средняго» представляется среднею, въ смыслѣ частотѣ и силы ея. Какъ между человѣческими типами вообще не бываетъ рѣзкихъ границъ, и замѣчается множество промежуточныхъ оттѣнковъ, такъ и здѣсь. Поэтому можно сказать, что есть не одинъ, а нѣсколько среднихъ темпераментовъ: нѣкоторые представители его стоятъ ниже, другiе выше, т.-е. у первыхъ преобладаю-

щее настроеніе, хотя еще не болѣзненное, но едва удерживающееся на ступени здоровой нормы, у вторыхъ, наоборотъ, оно уже нѣсколько приближается къ жизнерадостному.

Исходя изъ общихъ наблюденій, я и при антропологической повѣркѣ нашелъ, что въ тѣлосложеніи и въ степени здоровья людей средняго темперамента повторяется тоже явленіе, т.-е. что они занимаютъ среднія мѣста между людьми сильныхъ и слабыхъ (болѣзненныхъ) темпераментовъ. И такая параллельность снова оказалась при измѣреніяхъ, произведенныхъ мною недавно (см. ниже).

4. *Невропатическій темпераментъ.* Какъ извѣстно, меланхолическій темпераментъ установленъ уже въ древности. Названіе это имѣетъ не только право на существованіе въ наукѣ, но то, что выражается имъ, составляетъ ту область нашего вопроса, которая была изучена всего лучше, такъ какъ сильнѣе выраженныя степени этого состоянія уже составляютъ предметъ патологіи. Въ новое время, когда разстройство нервовъ стало появляться чаще и чаще, нѣкоторые нашли нужнымъ различать особый нервный темпераментъ. Дѣйствительно, есть полное на это основаніе, и слѣдуетъ принять, что меланхолическій и нервный суть 2 вида одного рода невропатическаго темперамента. 3-ій же видъ, по моему мнѣнію, есть т. наз. холерическій, который я, такимъ образомъ, вычеркиваю изъ числа самостоятельныхъ или родовыхъ темпераментовъ. 4-ый видъ я называю *злостно-пессимистическимъ.*

А. Меланхолическій видъ. Характеристическій его признакъ—угнетенное настроеніе, которое у иныхъ бываетъ періодическимъ, т.-е. прерывается нормальными, иногда даже почти веселыми промежутками. У другихъ же оно болѣе или менѣе постоянно, представляя лишь по временамъ нѣкоторое послабленіе. Быстрота реакціи разная: то она слаба и замедлена, то, наоборотъ, замѣчается безпокойство [1]), стремленіе къ перемѣнѣ мѣста, занятій и т. д.

Темпераментъ этотъ бываетъ пріобрѣтенный и прирожденный. Въ первомъ случаѣ всегда существуютъ какія-нибудь болѣзненныя явленія, которыми объясняется мрачное расположеніе духа, будетъ ли это застой въ сосудистой системѣ, хроническіе катарры отдѣльныхъ органовъ (напр. желудка), опухоли и т. п. Но чаще всего пріобрѣтенное «темнодушіе» бываетъ слѣдствіемъ злоупотребленій алкоголемъ, морфіемъ, половыми удовольствіями и т. д. Когда же оно прирожденное, то можетъ не быть видимыхъ патологическихъ измѣненій, тѣмъ не менѣе оно и тогда есть признакъ болѣзненнаго расположенія нервовъ и въ общемъ ему сопутствуетъ пониженіе крѣпости тѣлосложенія, остроты внѣшнихъ чувствъ и т. д.

---

[1]) Этому соотвѣтствуютъ 2 вида, описанные при высокихъ степеняхъ меланхоліи, наблюдающихся въ домахъ душевно-больныхъ: Melancholia attonita и M. errabunda.

(см. ниже). Притомъ у такихъ людей нерѣдко бываетъ расположеніе къ тѣмъ или другимъ нервнымъ симптомамъ, къ безсонницѣ и т. д., хотя все же эти симптомы могутъ быть настолько незначительны, что собственно къ нервякамъ въ тѣсномъ смыслѣ слова этихъ меланхоликовъ еще нельзя отнести.

Естественно, что обычно-мрачное настроеніе должно сильно вліять на всю душевную жизнь. Въ общемъ оно тормозитъ ее, какъ и всякая другая боль, но въ нашемъ случаѣ разница та, что, по неопредѣленности этой боли, жертвы ея склонны бываютъ къ самообману и нерѣдко приписываютъ сущность своего печальнаго внутренняго состоянія дѣйствительнымъ причинамъ внѣшней сферы, какъ-то: несправедливости людей, несчастному стеченію обстоятельствъ и т. д. Кто подверженъ лишь перемежающейся меланхоліи, тотъ скорѣе способенъ дойти до убѣжденія, что причина его періодической грусти не внѣ, а внутри его; но изъ остальныхъ многіе, даже несмотря на высокій умъ и образованіе, такъ и остаются при убѣжденіи, что люди и міръ никуда не годятся, а сами они жертвы этого несовершеннаго міра.

Здѣсь лежитъ главный корень пессимизма, и лишь незнакомство публики и большинства литературныхъ и философскихъ критиковъ съ вопросами темперамента и съ фактами психіатріи — виною тому, что на этотъ источникъ пессимистическаго направленія столь многихъ литературныхъ и художественныхъ произведеній обращаютъ такъ мало вниманія, а на авторовъ ихъ смотрятъ лишь какъ на людей, одаренныхъ особымъ оригинальнымъ направленіемъ. Кромѣ незнанія въ области психіатріи, тутъ, конечно, многое зависитъ отъ того, что проявляющаяся у такихъ авторовъ, рядомъ съ болѣзненной слабостью, сила таланта подкупаетъ толпу и критиковъ. Но будетъ время, когда не только сочиненія Ницше будутъ считаться произведеніемъ душевно-больного и прекратится ихъ пагубное вліяніе на молодежь, но даже такіе мыслители, какъ Шопенгауеръ [1]) и Гартманъ, будутъ разсматриваться съ точки зрѣнія психіатріи. И будетъ тогда установлено, что при всѣхъ отдѣльныхъ блестящихъ умозрѣніяхъ, общее основное ихъ направленіе, т.-е. пессимизмъ и отрицаніе ими смысла жизни, коренились въ болѣзненномъ органическомъ измѣненіи внутренняго самочувствія, чего сами они, несмотря на свой большой умъ, не сознавали. Имъ отъ природы были даны глухіе очки изъ темнаго стекла, и они не въ состояніи были убѣдиться, что смотрѣніе на міръ чрезъ простое безцвѣтное стекло показываетъ его совсѣмъ въ другой окраскѣ. Гораздо чаще, чѣмъ между философами, встрѣчаются меланхолики между поэтами и художниками.

---

[1]) Отецъ его лишилъ себя жизни во время припадка меланхоліи, а самъ онъ проявлялъ множество странностей, которыя имѣютъ значеніе для психіатра.

В. Нервный темпераментъ. Въ болѣе легкой степени нервности еще не обнаруживается собственно ненормальнаго настроенія или оно бываетъ изрѣдка и скоропроходяще; но ненормальный строй нервной дѣятельности выражается слишкомъ легкою возбудимостью и отчасти неправильностью реакціи. Субъектъ бываетъ слишкомъ впечатлителенъ, въ обществѣ легко поддается болѣе сильнымъ темпераментамъ, видъ у него бываетъ часто возбужденный, онъ легко конфузится или же бываетъ вспыльчивъ. Придя въ возбужденіе, онъ много жестикулируетъ и говоритъ, часто мѣняетъ мѣсто или положеніе тѣла и т. д.

Но, наблюдая такихъ людей, мы опять должны помнить разницу между темпераментомъ и характеромъ. Дѣйствительно, та поверхностная впечатлительность и легкоувлекательность, которая выдаетъ нервяка, еще вовсе не значитъ, чтобы люди, ею одержимые, должны быть лишены солиднаго характера. Тотъ самый нервякъ, который въ присутствіи людей, одаренныхъ болѣе сильной организаціей, испытываетъ на себѣ подчиняющее ихъ вліяніе (которое можетъ быть названо легкой степенью внушенія), можетъ въ конечномъ результатѣ не только имъ подчиняться, но и обнаруживать болѣе цѣпкую волю въ преслѣдованіи жизненныхъ цѣлей, чѣмъ сами внушители. Непосредственная внушимость еще далеко не означаетъ слабости характера, и, наоборотъ, не мало примѣровъ, что люди, одаренные олимпійски сильными нервами и происходящимъ отсюда прекраснымъ расположеніемъ духа, лишены твердаго характера и иниціативы. Выше всѣхъ, разумѣется, стоятъ тѣ, въ которыхъ сочетается мощный темпераментъ и мощный характеръ.

При болѣе высокомъ пораженіи нервной системы (подходящемъ уже подъ рубрику неврастеніи) присоединяются или, по крайней мѣрѣ, учащаются и усиливаются ненормальныя безпредметныя настроенія или ощущенія. Часто бываетъ хандра [1]), или безотчетное безпокойство, или пугливость, раздражительность и т. п., нерѣдко все это сопровождается явно болѣзненными припадками, какъ-то: безсонницей, невралгіями, судорожными явленіями и т. д. Впечатлительность и податливость постороннимъ вліяніямъ существуютъ и здѣсь, хотя слѣдуетъ замѣтить, что въ видѣ исключенія симптомъ этотъ можетъ и не быть у нервяка.

Кромѣ безпредметныхъ и непосредственныхъ психическихъ ощущеній и реакцій, составляющихъ область темперамента и выражающихъ внутреннее отраженіе порочнаго склада нервовъ, у нервяка, какъ извѣстно, нерѣдко бываютъ извѣстныя уклоненія психики въ тѣсномъ смыслѣ слова, какъ-то: навязчивыя представленія, причуды, эксцентрическія выходки, ненормальныя стремленія и т. д. Въ типическихъ случаяхъ легко отличить нервяка въ тѣсномъ смыслѣ слова отъ меланхолика, но бываютъ и пере-

---

[1]) Я ее называю „темнодушіемъ“.

ходные типы, въ которыхъ трудно провести границу и гдѣ можно отнести даннаго человѣка одинаково къ общимъ разновидностямъ, т.-е. гдѣ лишь можно сказать вообще, что онъ невропатическаго склада или темперамента.

Хотя среди невропатовъ встрѣчаются люди крѣпкаго тѣлосложенія, значительной мускульной силы и обладающіе хорошимъ кровотвореніемъ и питаніемъ, но въ среднемъ, какъ это мы увидимъ дальше, ненормальное состояніе нервныхъ силъ сопровождается ослабленіемъ другихъ органическихъ функцій.

С. Холерическій или гнѣвный темпераментъ. Я уже упомянулъ выше, какой хаосъ понятій существуетъ въ отношеніи его. Между тѣмъ вопросъ разрѣшается весьма просто, если взглянуть на этотъ темпераментъ, какъ на одинъ изъ видовъ невропатическаго темперамента. Извѣстно, что субъекты съ ненормальнымъ теченіемъ нервныхъ процессовъ нерѣдко чувствуютъ то безпредметную грусть, то неопредѣленное безпокойство, то страхъ, то раздраженіе и злость. Иногда такія ненормальныя волненія появляются одновременно, иногда же порознь. Изъ нихъ у холерика преобладаетъ раздраженіе и злость. Но опять-таки не слѣдуетъ смѣшивать этой нервной злости съ настоящею, т.-е. со злостью характера. Первая представляетъ болѣе поверхностное и, въ результатахъ, гораздо менѣе вредное психическое теченіе, и ее лучше называть «сердитостью». Какъ нервякъ, страдающій, напр., боязнью площадей, въ то же время можетъ быть далеко не трусомъ, такъ и холерикъ можетъ быть въ сущности человѣкомъ добрымъ и гуманнымъ, но легко приходящимъ въ сердитое, сварливое настроеніе. Отъ вспыльчивости это состояніе отличается, во-первыхъ, тѣмъ, что оно продолжительнѣе, а у нѣкоторыхъ даже вполнѣ никогда не проходитъ, во-вторыхъ, тѣмъ, что вспыльчивость обыкновенно проявляется лишь по поводу видимыхъ внѣшнихъ причинъ, тогда какъ сердитость холерика существуетъ и независимо отъ нихъ. Холерикъ не только готовъ вскипѣть при каждой дѣйствительной обидѣ или неудачѣ, но въ немъ живетъ нѣкоторая потребность въ столкновеніяхъ и стычкахъ. Какъ скоро онъ обрушится на кого-нибудь и выпуститъ безпокоящій его зарядъ, особенно если при этомъ онъ еще получитъ хорошій отпоръ, онъ на время успокоивается и остается сравнительно кроткимъ до новаго взрыва. При сердитости нерѣдко существуетъ и вспыльчивость, но это не есть необходимое совпаденіе. Хотя описываемая здѣсь гнѣвливость есть явленіе патологическое, и поэтому данному темпераменту слѣдуетъ отвести мѣсто среди слабыхъ, но во время промежутковъ между изверженіями кратера холерикъ иногда обладаетъ нормальнымъ (среднимъ) настроеніемъ, и даже встрѣчаются субъекты, представляющіе сліяніе жизнерадостнаго съ гнѣвнымъ темпераментомъ, т.-е. у нихъ беретъ верхъ то одно, то другое теченіе.

Антропологическихъ данныхъ о холерикахъ я не представляю, такъ какъ они не встрѣчаются такъ часто, чтобы можно было легко набрать значительное число субъектовъ, особенно при томъ условіи, чтобы и обстановка жизни ихъ была одинакова, какъ, напр., у солдатъ. Но могу, по крайней мѣрѣ, прибавить, что у нихъ обыкновенно въ лицѣ и въ выраженіи глазъ существуетъ нѣкоторый отпечатокъ раздражительности. Въ старыхъ описаніяхъ говорится, будто холерики бываютъ смуглы, съ желтоватымъ оттѣнкомъ цвѣта лица. Это было врядъ ли болѣе, чѣмъ случайное совпаденіе; ни одинъ изъ видѣнныхъ мною холериковъ не имѣлъ этого признака.

Холерики бываютъ врожденные, но нерѣдко темпераментъ бываетъ и благопріобрѣтеннымъ, особенно у алкоголиковъ, у сильныхъ курильщикокъ и пр.

Изъ историческихъ лицъ нѣкоторыми авторами къ холерикамъ былъ причисленъ Наполеонъ I. Дѣйствительно, онъ скорѣе всего подходитъ сюда, но вмѣстѣ съ тѣмъ это подтверждаетъ мою мысль, что данный темпераментъ есть одно изъ развѣтвленій невропатическаго, и, стало быть, явленіе субнормальное и болѣзненное. Въ Наполеонѣ гнѣвливость сопровождалась другими нервными припадками. Онъ страдалъ падучею [1]), а извѣстное его безпокойство напрасно приписываютъ только избытку дѣятельности: онъ вѣчно бѣгалъ, скакалъ, рѣзалъ ручки креселъ ножомъ, исчерчивалъ бумагу карандашомъ, щипалъ окружающихъ за уши и т. д.; все это очень напоминаетъ безотчетное и безпорядочное безпокойство нервяка. Затѣмъ онъ по-временамъ подвергался тоскѣ, а утромъ нерѣдко вставалъ разстроеннымъ и печальнымъ, но за работой развлекался. Особенно ярко холерическій темпераментъ его выражался въ необыкновенной раздражительности, доходившей иногда до того, что онъ по-дѣтски обрушивался на стулъ, за который задѣлъ; онъ вѣчно кого-нибудь распекалъ, а хвалилъ очень рѣдко. Онъ скучалъ безъ драки, и большинство его войнъ происходили изъ этого источника, хотя онъ прикрывался болѣе благовидными мотивами.

D. Перехожу теперь къ одному виду ненормальнаго темперамента, который еще въ книгѣ «Здоровье и счастіе» я описалъ какъ разновидность холерическаго, но который теперь предпочитаю выдѣлить, какъ отдѣльный видъ, хотя онъ ближе всего примыкаетъ къ холерическому. Онъ бываетъ только врожденнымъ; по крайней мѣрѣ, всѣ субъекты, которыхъ я наблюдалъ, были такими отъ природы; характеристическая черта ихъ заключается въ особаго рода *злостномъ* пессимизмѣ. Ихъ можно бы назвать «желчными». Они могутъ не страдать тоскою обыкновенныхъ пессимистовъ,

[1]) Были и не нервные симптомы: въ молодости онъ одно время страдалъ кровохарканіемъ, онъ вообще былъ очень зябокъ, имѣлъ плохой аппетитъ и т. д.

хотя при всемъ томъ и у нихъ настроеніе большею частью не совсѣмъ бодрое, по крайней мѣрѣ по-временамъ. Главная же отличительная черта ихъ—органическая наклонность видѣть качества и дѣянія другихъ людей въ черномъ свѣтѣ, объяснять въ нихъ (но не въ себѣ) все съ дурной стороны и ожидать отъ людей и отъ событій даннаго времени только худого. И эти субъекты могутъ быть далеко не злы по характеру, они могутъ быть честны, безкорыстны, дорожить идеалами прогресса и надѣяться на его окончательное торжество. Они могутъ любить человѣчество или свой народъ какъ цѣлое; но въ каждомъ частномъ случаѣ нашептыванія ихъ врожденнаго черновидѣнія скрываютъ отъ нихъ хорошія стороны данныхъ людей и данныхъ обстоятельствъ, а дурныя, напротивъ, врѣзываются въ ихъ сознаніе съ чрезмѣрной силой, и такимъ образомъ на каждомъ шагу нарушается равновѣсіе ихъ чувствъ и сужденій въ отношеніи окружающей сферы.

Настроеніе это весьма напоминаетъ извѣстное настроеніе привычныхъ алкоголиковъ, которые не только въ состояніи опьяненія, но и въ свѣтлые промежутки расположены бываютъ обвинять во всемъ другихъ, а себя выгораживать. И слѣдуетъ прибавить, что сходство это не есть случайность, а имѣетъ причинное основаніе: желчники, сколько я замѣчалъ, большею частью происходятъ изъ семей, гдѣ были пьяницы. Сами желчники могутъ быть вполнѣ трезвыми, но отцовскія или дѣдовскія жертвоприношенія Бахусу извратили ихъ нервную систему. Какъ и нервяки, они могутъ вполнѣ искренно стоять за добро въ принципѣ; бываютъ даже между ними люди, способные къ великодушію; поэтому ихъ несчастный темпераментъ зачастую вовлекаетъ ихъ въ конфликтъ съ голосомъ сердца и совѣсти. Но за-то тѣ изъ злючекъ, у которыхъ нѣтъ ни настоящаго ума, ни благородства стремленій и которые поэтому легко поддаются своему черновидѣнію, становятся людьми дрянными насквозь; изъ нихъ выходятъ типичные сплетники, интриганы, клеветники и пр.

Къ людямъ, имѣвшимъ данный темпераментъ, но въ сочетаніи съ благороднымъ характеромъ, принадлежали нѣкоторые сатирическіе писатели. Кажется, и Салтыковъ былъ изъ числа ихъ.

5) *Лимфатическій или вялый темпераментъ* [1]). Нѣкоторые изъ прежнихъ авторовъ уже усматривали, что флегматическій темпераментъ, который называли также безразлично „лимфатическимъ“, не представляется лишеннымъ извѣстныхъ признаковъ силы, поэтому они сочли нужнымъ

---

[1]) Въ статьѣ моей, напечатанной въ Congrès intern. d'arch. préh. et d'anthr. de Moscou“, этотъ темпераментъ еще не включенъ, поэтому и въ появившихся за-границей отзывахъ (напр., въ журналѣ Ломброзо „Archivio di Psichiatria“, 1893, vol. XIV, fasc. III) о немъ не упоминается. Впрочемъ, и покойный А. А. Токарскій въ статьѣ о темпераментахъ („Вопр. Философіи и Психол.“, 1896, январь), говоря о моей работѣ, еще не упоминаетъ о немъ. Книги „Здоровье и счастіе“, онъ, повидимому, не читалъ.

различать въ немъ двѣ разновидности—„сильную“ и „слабую“. Но будетъ гораздо естественнѣе, если мы совершенно разграничимъ эти два вида и причислимъ первый къ роду „спокойныхъ“, относя его къ сильнымъ (здоровымъ), второй же—къ слабымъ или патологическимъ. За первымъ я пока оставилъ названіе „флегматическаго“, за вторымъ же — „лимфатическаго“, хотя въ сущности предпочтительнѣе было бы называть первый только „спокойно-медленнымъ“, а второй—„вялымъ“.

Хотя между обоими темпераментами, дѣйствительно, существуютъ нѣкоторыя точки соприкосновенія, но это не мѣшаетъ имъ быть по существу разнородными: и у вялаго душевное настроеніе отличается постоянствомъ, но по степени напряженности своей оно болѣе или менѣе субнормально, т.-е. оно равномѣрно-сѣрое, не достигая, однако, степени тоскливаго; впрочемъ, и послѣднее можетъ развиться, когда вялый субъектъ предается эксцессамъ. Реакція его тоже медленная, но при этомъ слабая, незначительная. Именно у людей этого темперамента качества ума и характера всего болѣе согласуются съ качествомъ темперамента, такъ что лимфатикъ обыкновенно представляетъ цѣльный типъ, тогда какъ при другихъ темпераментахъ нерѣдко бываетъ несходство силы темперамента съ развитіемъ ума и характера. Умъ у лимфатиковъ тупой, иногда опускающійся до идіотизма, воображеніе отсутствуетъ, нравственность мало развита, преобладающая черта—лѣнь; идеальныя стремленія представляютъ для этихъ людей нѣчто неизвѣстное. Такому же развитію души обыкновенно соотвѣтствуютъ и тѣлесныя качества. Ростъ, большею частью,—малъ; нерѣдко величина различныхъ членовъ тѣла не пропорціональная; особенно верхнія конечности бываютъ слишкомъ длинны; голова то слишкомъ большая, то слишкомъ малая, при этомъ большею частью неравномѣрная въ частяхъ своихъ; грудь узка, бываютъ искривленія; лицо нерѣдко одутловатое и блѣдное, губы — толстыя; крылья носа—толстыя и приподнятыя; зубы—плохіе и неправильные; выраженіе лица — апатичное и тупое. Мускулы—слабы, движенія—неловки, осязаніе—тупое, пульсъ—малъ и медленъ, голосъ—незвученъ. Бываетъ глухонѣмота, различныя нервныя разстройства, особенно эпилепсія, и тогда лимфатикъ одной стороной примыкаетъ къ нервяку. Не всегда, конечно, всѣ эти признаки совпадаютъ, но уже нѣкоторые изъ нихъ характеризуютъ вырождающійся типъ.

Въ рѣзко выраженныхъ случаяхъ находили при вскрытіи такихъ людей золотушныя и рахитическія измѣненія, малое и дряблое сердце, ненормальное развитіе соединительной ткани въ нервныхъ центрахъ; иногда нервные элементы показываютъ сходство съ зародышевыми (Арндтъ).

IV.

Установивъ вышеизложенную классификацію темпераментовъ и будучи убѣжденъ, что корней ихъ главнымъ образомъ слѣдуетъ искать въ

области біологіи, я пожелалъ убѣдиться, отличается ли тотъ или иной темпераментъ извѣстными физическими признаками. Наблюденія на отдѣльныхъ примѣрахъ уже ранѣе заставили меня думать, что признаки такіе дѣйствительно существуютъ, но для нагляднаго обнаруженія этого факта требовалось подобрать болѣе значительное число людей [1]), распредѣленныхъ по темпераментамъ и притомъ находящихся по возможности въ одинаковыхъ условіяхъ относительно происхожденія, возраста и образа жизни. Для этого я въ началѣ 90-хъ годовъ, при содѣйствіи начальниковъ частей Ташкентскаго гарнизона, предпринялъ изслѣдованіе солдатъ тамошней пѣхоты [2]). Сначала опредѣлялся темпераментъ, а потомъ выбранные при этомъ люди подвергались антропологическому изслѣдованію.

Первое производилось такимъ образомъ: соотвѣтственно данной мною инструкціи, ближайшіе начальники отмѣчали въ именныхъ спискахъ: a) наиболѣе веселыхъ людей всей роты; b) тѣхъ, которые отличались спокойствіемъ и невозмутимостью, *безъ* признаковъ грусти; c) тѣхъ, у которыхъ даже въ обыкновенномъ здоровомъ состояніи замѣчалось печальное выраженіе лица, отсутствіе бодрости и пр.; наконецъ, d) я самъ на удачу выбиралъ изъ остальныхъ, т.-е. изъ тѣхъ, у которыхъ не было никакихъ отмѣтокъ, нужное мнѣ число субъектовъ, которые, по моему мнѣнію, представляли людей средняго темперамента. Но этимъ я, разумѣется, не ограничивался, а призывалъ къ себѣ людей небольшими партіями, знакомился съ ихъ личностями, вглядывался въ выраженіе лица и глазъ, разспрашивалъ ихъ относительно здоровья и т. д. При этомъ я находилъ, что опредѣленіе темперамента, сдѣланное начальниками, въ особенности фельдфебелями, было большею частью вѣрно, такъ что вычеркнуть или перенести въ другую группу пришлось лишь немногихъ. По числу болѣе всего было, разумѣется, „среднихъ“, но ради равномѣрности итоговъ, я бралъ по одинаковому числу людей (по 40) въ каждую группу. Нервныхъ субъектовъ, въ тѣсномъ смыслѣ слова, не было вовсе между этими здоровыми молодыми людьми крестьянскаго происхожденія [3]), но меланхолики были: почти всѣ отмѣченные „грустными“ или „скучающими“ въ спискахъ, при разспросахъ моихъ, на своемъ простомъ языкѣ подтверждали мнѣ, что на нихъ по-временамъ, безъ всякой видимой причины, находила тоска, и что этимъ они уже страдали дома; нѣкоторые же отрицали это, и ихъ я вы-

[1]) Если бы каждый отдѣльный субъектъ даннаго темперамента носилъ въ себѣ типическіе антропологическіе признаки—въ родѣ того, какъ, напр., каждый или почти каждый случай болѣзни представляетъ принадлежащую только ей совокупность симптомовъ, то можно бы ограничиться изслѣдованіемъ очень малаго числа субъектовъ. Но въ нашемъ случаѣ этого нѣтъ. Постоянными здѣсь бываютъ только тѣ признаки, по которымъ опредѣляется самое качество темперамента: выраженіе лица, настроеніе, свойство реакціи и т. д.

[2]) Почти всѣ были изъ крестьянъ Пермской губ.

[3]) Всѣ они были строевые и одинаково употреблялись для исполненія обязанностей службы.

Таблица I.

Темпераментъ.	Число людей.	Температура подъ мышкой.	Пульсъ въ минуту.	Число дыханій въ минуту.	Цвѣтъ лица.	Острота слуха въ сантим.	Острота зрѣнія въ сантим.	Тонкость осязанія въ миллим.	Болевая чувствительность.	Въ отношеніи къ росту.					
										Вѣсъ тѣла.	Общ. сила вытяженія въ киллогр.	Окружность груди въ соск. линіи при опущ. рукахъ.	Емкость легкихъ (аппаратъ Гутчинсона).	Ширина плечъ.	Сред. окружность шеи и конечностей.
Веселый	40	36,87	67,4	20,5	2,82	57,6	849	5,9[1] / 5,7	4,8[1] / 4,6	40,52	91,74	56,19	2312	22,7	22,4
Спокойный.	40	36,87	65,6	20,3	2,77	49,6	788	5,5 / 6,1	4,5 / 4,5	40,94	88,49	56,16	2313	22,6	22,1
Средній.	40	36,93	66,5	21,2	2,62	46,4	768	6,0 / 6,1	4,4 / 4,4	38,95	80,49	55,80	2343	22,7	21,8
Меланхолическій.	40	36,81	63,6	19,8	2,67	41,3	762	6.0 / 5,9	5,2 / 5,1	39,65	68,45	55,79	22 2	22,1	21,9

[1]) Цифра надъ чертой означаетъ правую ладонь, подъ чертой—лѣвую.

черкивалъ, хотя они имѣли видъ меланхоликовъ. Большинство тоскующихъ происходило отъ отцовъ, преданныхъ водкѣ. Въ заключеніе люди подвергались антропологическому изслѣдованію, которое производилось по общимъ правиламъ (французской школы), кромѣ нѣкоторыхъ пріемовъ, которые были примѣнены мною самимъ [1]).

Кромѣ 1-й серіи, состоявшей изъ 160 солдатъ, изслѣдована была упрощеннымъ способомъ еще другая серія, состоявшая изъ 40 образованныхъ женщинъ, которыхъ темпераменты мнѣ были извѣстны изъ наблюденій. Онѣ также разбиты были на 4 группы, по 10-ти въ каждой, съ тою разницей, что группу чистыхъ меланхоликовъ здѣсь замѣняла группа нервныхъ. Привожу вкратцѣ найденные результаты [2]), касающіеся тѣлосложенія, здоровья и остроты чувствъ 1-ой серіи (см. табл. I).

Что касается температуры, пульса и дыханія, то первая и третье оказались нѣсколько выше у среднихъ; допуская, что даже при такомъ числѣ людей этотъ итогъ еще не представляется имѣющимъ опредѣленное значеніе, думаю, однако, что значительное уменьшеніе всѣхъ 3-хъ цифръ у меланхоликовъ не есть уже явленіе случайное, тѣмъ болѣе, что оно подтверждается и другими наблюденіями: а) впослѣдствіи, изучая обмѣнъ веществъ на 4 веселыхъ и 4 меланхоликахъ, я у нихъ измѣрялъ температуру, пульсъ и дыханіе, 2 дня сряду, по 2 раза въ день, и оказалось въ среднемъ слѣдующее:

Таблица II.

Темпераментъ.	Число людей.	Температура	Пульсъ.	Дыханіе.
Веселые	4	36,89	62,7	19,2
Меланхолики. . . .	4	36,83	62,8	15,2

[1]) Остроту слуха я опредѣлялъ слѣдующимъ способомъ: карманные часы закрытыми лежали въ наклоненіи 45°, въ деревянной коробкѣ, крышка которой, будучи поднята вертикально, нѣсколько усиливала резонансъ; затѣмъ, держа коробку позади головы испытуемаго, на уровнѣ его ушей, я постепенно отходилъ назадъ, до точки, съ которой субъектъ уже не могъ разслышать тиканья часовъ. Разстояніе отъ этой точки до ушей измѣрялось лентою. Для измѣренія болевой чувствительности употреблялся вторичный токъ небольшого аппарата Дюбуа-Реймона. Для опредѣленія остроты зрѣнія брались нижнія буквы таблицы Юнге, имѣющія 0,93 с. высоты. Для осязанія былъ взятъ циркуль Вебера. Цвѣтъ лица и губъ означался цифрами, изъ которыхъ 3 означала хорошій, здоровый румянецъ, 2—посредственный, 1—блѣдный цвѣтъ.

[2]) Подробно они были изложены въ моей статьѣ: „Le tempérament etc.“.

Здѣсь только пульсъ далъ ничтожный плюсъ у категоріи меланхоликовъ; остальныя цифры, особенно число дыханій, у нихъ замѣтно ниже.

b) У одного пожилого интеллигента, страдающаго по-временамъ мрачнымъ расположеніемъ духа, я производилъ тѣ же наблюденія, какъ въ нормальномъ его состояніи, такъ и во время припадковъ темнодушія. На каждое изъ этихъ состояній приходится 6 наблюденій, изъ коихъ 3 утреннихъ и 3 вечернихъ. Оказалось слѣдующее:

Таблица III.

Утромъ.			Вечеромъ.		
Дыханіе.	Пульсъ.	Температура	Дыханіе.	Пульсъ.	Температура
Въ нормальномъ состояніи.					
12,3	65,7	36,16	13,0	68,7	36,51
Въ состояніи угнетеннаго настроенія.					
12,0	62,7	35,9	12,0	63,3	36,30

Послѣднихъ, безысключительныхъ и рѣзкихъ пониженій, конечно, нельзя считать случайными. Наконецъ, извѣстно, что у меланхоликовъ, которыхъ страданіе приняло такіе размѣры, что требовало лѣченія, тоже находили пониженіе, въ сравненіи съ другими субъектами. Тонкость осязанія показала какъ бы небольшой плюсъ у среднихъ и у меланхоликовъ, а болевая чувствительность—лишь у меланхоликовъ. Въ отношеніи же признаковъ, служащихъ критеріемъ крѣпости тѣлосложенія, здоровья, остроты зрѣнія и слуха, табл. I показываетъ, что вообще, за вычетомъ нѣкоторыхъ колебаній, лучшія мѣста занимаютъ веселые [1]) и спокойные, особенно первые; на среднихъ мѣстахъ стоятъ средніе, на послѣднихъ — меланхолики. Обозначая, для большей наглядности, лучшія цифры буквою *a*, вторыя, третьи и четвертыя—буквами *b*, *c*, и *d*, получимъ слѣдующее распредѣленіе 9 отдѣловъ для различныхъ группъ:

---

[1]) Большинство ихъ принадлежало къ виду *B*, нѣкоторые къ *C*.

Таблица IV.

Веселые дали	7a, 1b, 1c,=9
Спокойные	1a, 7b, 1c,=9
Средніе	3c, 6d =9

Кромѣ того, слѣдуетъ замѣтить, что изъ 40 меланхоликовъ у 3-хъ были нѣкоторыя хроническія страданія (періодическая оторрея, періодическое ночное недержаніе мочи и легкій сколіозъ); изъ остальныхъ группъ припадки были лишь у 1-го спокойнаго (періодическое легкое теченіе изъ ушей).

Перехожу затѣмъ къ даннымъ, которыя оказались при осмотрѣ — ощупываніи и при измѣреніи головы. Оказывается, что въ группахъ веселыхъ и спокойныхъ, особенно въ первой, пропорціонально устроенныхъ головъ и лицъ болѣе, чѣмъ въ группахъ среднихъ, а въ средней болѣе, чѣмъ въ меланхолической, а именно: у веселыхъ не было ни одного съ несимметрической головой; у спокойныхъ былъ одинъ субъектъ съ небольшой плягіоцефаліей и 2 съ выстояніемъ затылочнаго бугра; у среднихъ 3 имѣли выстоящіе затылочные бугры, у 1 былъ поперечный валикъ въ нижней части затылочной кости, а у 5-го затылокъ былъ совершенно плоскій. Наконецъ, между меланхоликами аномаліи встрѣчались и чаще и болѣе значительныя,—всѣхъ такихъ было 22 [1]) изъ 40.

Что касается измѣреній головы, то оно показало у высшихъ группъ нѣкоторое преобладаніе поперечныхъ діаметровъ; это, впрочемъ, выражено не совсѣмъ ясно. Гораздо яснѣе обнаруживается то, что голова ихъ вообще больше, чѣмъ въ низшихъ группахъ; цифровыя же данныя объ этомъ я откладываю до изложенія 3-ей серіи.

2-я серія. Она, какъ сказано было, состояла изъ 40 дамъ, распредѣленныхъ также по 4-мъ группамъ. Здѣсь данныя о тѣлосложеніи и здоровьи ограничивались изслѣдованіемъ роста, цвѣта лица, силы сжатія правой руки, ширины груди подъ мышками, окружности шеи и окружности лѣваго плеча. Несмотря на то, что здѣсь и число изслѣдуемыхъ было гораздо менѣе и не могло между ними быть той общности происхожденія, того сходства возраста и образа жизни, какъ между субъектами предыдущей серіи, все-таки обнаружились антропологическія разности, сходныя съ найденными въ 1-й серіи. Вотъ результаты въ сокращенномъ видѣ:

---

[1]) У 7 человѣкъ затылочные бугры выстояли, а изъ нихъ одинъ, кромѣ того, имѣлъ сильно выраженныя надбровныя дуги; другой представлялъ поперечный валикъ затылочной кости, надъ которымъ была впадина; у 3-го было 2 валика, проходившіе выше и ниже затылочнаго бугра; у 4-го середина орбитъ имѣла углообразный видъ, въ то время какъ боковыя части лба были слишкомъ плоскими; у 5-го была оксицефалія. Затѣмъ у 4-хъ была оксицефалія, изъ нихъ у одного, кромѣ того, выстоящія надбровныя дуги. У 3-хъ была ясно выраженная плягіоцефалія, у 4-хъ затылокъ былъ совершенно плоскій и у 1-го онъ былъ со впадиной, особенно съ лѣвой стороны. У 3-хъ, наконецъ, скуловая часть лица одной стороны выдавалась болѣе, чѣмъ на другой.

. . . .

Таблица V.

. . . .

Темпераменты.	Число особей.	Цвѣтъ лица и губъ	Въ отношеніи къ росту.		
			Сила сжатія прав. руки.	Ширина груди.	Среднее изъ окруж. шеи и плечъ.
Веселый.	10	2,3	17,35	16,12	19,6
Спокойный	10	2,1	18,25	16,48	18,74
Средній.	10	2,0	16,81	15,39	17,67
Нервный.	10	1,8	15,95	15,49	17,48

Къ этому слѣдуетъ прибавить, что у 1-ой изъ нервной группы лѣвая половина головы и лица была ниже правой, и имѣлся, кромѣ того, средней степени сколіозъ, въ остальныхъ группахъ не было неправильностей.

Въ общемъ и здѣсь веселыя и спокойныя занимали лучшія мѣста, среднія—среднія, а нервныя шли въ хвостѣ.

3-я серія. Она была изслѣдована въ минувшемъ году и состояла изъ 100 чел. пѣхотн. солдатъ, принадлежащихъ къ гарнизону г. Вѣрнаго. На этотъ разъ представляю лишь 2 группы темпераментовъ—веселыхъ и среднихъ, по 50 чел. въ каждой; спокойные и меланхолики среди имѣвшихся въ моемъ распоряженіи людей были въ недостаточномъ количествѣ (и тѣхъ и другихъ вмѣстѣ 23 чел.); поэтому, желая сохранить численное равенство группъ, я ихъ не включилъ въ таблицу, хотя, по признакамъ своимъ, они могли бы служить подтвержденіемъ прежнихъ результатовъ. Люди происходили главнымъ образомъ изъ Зап. Сибири, а въ способѣ изслѣдованія были допущены нѣкоторыя противъ 1-ой серіи уклоненія: вѣсъ, тонкость осязанія, болевая чувствительность и окружность конечностей, пульсъ, температура и дыханіе не были изслѣдованы, а сила опредѣлялась въ видѣ сжатія правой рукой. Добавлено было опредѣленіе здоровья зубовъ и, кромѣ того, собирались свѣдѣнія о нравственности и умственныхъ способностяхъ. Привожу сначала найденныя данныя относительно тѣлосложенія и здоровья, остроты слуха и зрѣнія.

Таблица VI.

Темпераментъ.	Число людей.	Ростъ.	Окружн. груди.	Ростъ относится къ окружн. груди, какъ 1 къ:	Сила сжатія прав. руки.	Цвѣтъ лица и губъ	% людей, у которыхъ всѣ зубы здоровы.	Острота слуха.	Острота зрѣнія.
Веселый	50	165,5	93,4	0,56	50,4	2,8	82,0	144	792
Среднiй.	50	166,8	94,4	0,56	47,8	2,2	82,0	116	599

И въ этой серіи мы видимъ, что, хотя отношеніе объема груди къ росту и степень сохранности зубовъ въ обѣихъ группахъ оказались одинаковыми, но по 4 остальнымъ рубрикамъ преимущество осталось за группою веселыхъ [1]). Къ этому слѣдуетъ прибавить, что строеніе головы и въ этотъ разъ оказалось у веселыхъ гораздо правильнѣе; хотя субъекты съ убѣгающими лбами встрѣчались въ обѣихъ группахъ, но неправильностей въ тѣсномъ смыслѣ слова въ 1-ой группѣ не было ни у одного, тогда какъ во 2-ой (у среднихъ) у 3 имѣлась oxycephalia, у 1—cymbocephalia (tête en bésace), у 4—выдающіяся надбровныя дуги, у 3—выстоящіе затылочные бугры.

Затѣмъ считаю не лишнимъ обратить вниманіе на распредѣленіе людей по понятливости и по нравственнымъ качествамъ въ обѣихъ группахъ [2]), а именно оказалось слѣдующее:

[1]) При сравненіи цифръ остроты слуха съ соотвѣтствующими данными 1 серіи замѣчаемъ, что слухъ людей 3 серіи оказался значительно острѣе, хотя часы и коробка, употребленные при изслѣдованіи, были въ обоихъ случаяхъ одни и тѣ же. Главнымъ образомъ это объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что при послѣднемъ изслѣдованіи до людей не доходило никакого уличнаго шума, чего нельзя было достигнуть въ первомъ случаѣ. Для насъ здѣсь, впрочемъ, важны лишь относительныя числа, т.-е. разности между группами въ отношеніи слуха и зрѣнія, а эти разности въ обоихъ случаяхъ рѣшительно въ пользу людей веселаго темперамента.

[2]) Отмѣтки о способностяхъ и поведеніи отмѣчались не одновременно съ отмѣтками о настроеніи духа, а о каждой категоріи отдѣльно, т.-е. въ 3 пріема. Въ характеристику нравственныхъ качествъ входило, между прочимъ: „любимъ ли товарищами“, „воздерженъ ли въ отношеніи водки и женщинъ“, „миролюбивъ ли“, „не былъ ли замѣченъ въ желаніи воспользоваться чѣмъ-нибудь на счетъ другихъ“ и т. д. Въ характеристику способностей, между прочимъ, входило: „охотно ли читаетъ въ свободное время и помнитъ ли прочитанное“.

Таблица VII.

Темпераментъ.	И по поведенію, и по способностямъ выше средняго.	По поведенію выше средняго, при способн. среднихъ.	По способ. выше средняго, при среднемъ поведеніи.	По повед. ниже средняго, при среднихъ способност.	По способ. ниже средняго, при среднемъ поведеніи.	Среднихъ способностей и поведен.	Итого людей.
Веселые	16	10	7	—	—	17	50
Средніе.	2	10	1	1	2	34	50

Разница настолько значительна, что едва ли можно ее объяснить одною случайностью.

Перехожу, наконецъ, къ головнымъ размѣрамъ. Для того, чтобы разобрать ихъ въ отдѣльности и прослѣдить, нѣтъ ли выдающихся разностей, смотря по группамъ, я считаю число измѣренныхъ людей въ каждой изъ серій недостаточнымъ; но въ отношеніи общей величины головы все-таки можно кое-что вывести и притомъ это кое-что, съ небольшими колебаніями, повторяется во всѣхъ 3 серіяхъ. Если сложить между собою наибольшій передне-задній, наибольшій поперечный, наименьшій лобный діаметры и высоту отъ макушки до бровной точки (по Топинару), а затѣмъ сравнить эти суммы съ ростомъ [1]), то окажется:

Итакъ, въ общемъ во всѣхъ 3 серіяхъ замѣтно нѣкоторое уменьшеніе и относительной абсолютной величины головы въ нижнихъ группахъ, въ сравненіи съ верхними, хотя разница въ ростѣ между группами, не такова, чтобы ею можно было здѣсь что-нибудь объяснить [2]). Всего вѣроятнѣе, что совпаденіе умѣреннаго увеличенія головныхъ размѣровъ съ веселымъ и спокойнымъ темпераментами объясняется найденнымъ въ тѣхъ же группахъ, а отчасти и въ средней, въ сравненіи съ нервною,—

[1]) Суммы эти не представляютъ объема головы, но онѣ могутъ служить указаніемъ, гдѣ средняя величина головы найдена больше, гдѣ меньше. Суммы выведены прямо изъ сложенія среднихъ (не основныхъ) цифръ, но разница тутъ ничтожная.

[2]) Извѣстно, что съ уменьшеніемъ роста уменьшается абсолютная и увеличивается относительная величина головы: но для этого нужно, чтобы разности роста достигали 4—5 сант., чего здѣсь нѣтъ. Наибольшая разность была замѣчена во 2 серіи, между группами веселыхъ и среднихъ (—3,8 ст.); тѣмъ не менѣе мы видимъ здѣсь явленіе обратное, т.-е. меньшую относильную величину головы въ группѣ, имѣющей меньшій ростъ.

Таблица VIII.

Темпераментъ.	Число людей.	Ростъ.	Діаметръ передне-заднiй наиб.	Поперечный наиб.	Лобный наимен.	Высота отъ макушки до бровн. точки.	Сумма головн. діаметровъ.	Отношеніе ея къ росту.
			1-ая серія.					
Веселые	40	166,3	18,50	15,28	10,86	8,14	52,78	31,78
Спокойные.	40	167,7	18,80	15,25	10,80	8,15	53,00	31,59
Средніе	40	166,8	18,47	15,11	10,75	7,82	52,15	31,25
Меланхолики.	40	166,7	18,62	15,12	10,64	8,15	52,53	31,51
			2-ая серія.					
Веселыя	10	159,0	18,47	15,09	10,64	7,95	52,15	32,79
Спокойныя.	10	156,1	18,10	14,99	10,36	7,80	51,25	32,82
Среднія	10	155,2	18,11	14,60	10,24	7,85	50,80	32,73
Нервныя.	10	156,0	18,10	14,72	10,26	7,55	50,63	32,44
			3-я серія.					
Веселые	50	165,5	19,00	15,44	10,76	8,31	53,56	32,36
Средніе	50	166,8	18,32	15,15	10,57	8,43	52,47	31,45

рѣзкимъ увеличеніемъ мышечной силы; ибо нужно предположить, что съ увеличеніемъ массы мускуловъ нѣсколько увеличивается и объемъ заложенныхъ въ головномъ мозгу центровъ, управляющихъ мышечными системами.

V.

Что можно заключить изъ приведенныхъ въ предыдущей главѣ данныхъ? Нельзя допустить, чтобы антропологическія разности, найденныя между группами, были случайными, тѣмъ болѣе, что онѣ повторяются во всѣхъ серіяхъ; кромѣ того, онѣ согласуются съ вышеизложенными взгля-

дами на сравнительное значеніе темпераментовъ. Въ послѣднихъ мы можемъ различать, по крайней мѣрѣ, 3 большихъ разряда, соотвѣтствующіе 3-мъ степенямъ силы: очевидно, что строй нервной жизни, который даетъ возможность психическимъ проявленіямъ, замѣчающимся у людей веселаго и спокойнаго темперамента, выражаетъ большую степень біологической силы, чѣмъ тотъ, которому соотвѣтствуетъ средній темпераментъ; но и послѣдній все-таки находится въ предѣлахъ здоровой жизни; стало быть, сила его выше силъ нижней группы, въ которую входятъ болѣзненные темпераменты. Но вотъ цифры, добытыя антропологическимъ измѣреніемъ и осмотромъ 300 лицъ, показываютъ намъ, что подобная же градація замѣчается въ тѣлосложеніи, въ общемъ здоровьи, въ развитіи высшихъ внѣшнихъ чувствъ и въ конфигураціи головы различныхъ группъ (не говоря уже о томъ, что въ послѣдней серіи даже въ отношеніи нравственности и способностей за высшей группой оказалось преимущество). Но въ какой причинной связи находятся между собою оба ряда разсматриваемыхъ явленій, т. е. съ одной стороны біологическія, а съ другой—та область психическихъ, которую слѣдуетъ отнести къ темпераменту? Что органическій складъ нервной системы тѣсно связанъ со сказанною областью, не можетъ подлежать сомнѣнію, и это особенно бросается въ глаза при изученіи болѣзненныхъ явленій нервной системы и сопутствующихъ имъ измѣненій психической жизни. Но нервная система есть часть организма; поэтому, хотя она до извѣстной степени автономна, все же между развитіемъ ея и остальныхъ системъ тѣла существуетъ извѣстное согласіе. Съ одной стороны, естественно, что когда въ данномъ организмѣ существуетъ уже прирожденный запасъ органическихъ силъ, будетъ ли онъ большой, средній или слабый, то степень напряженія этихъ силъ сказывается на всѣхъ системахъ, и уже поэтому долженъ состояться извѣстный параллелизмъ между развитіемъ нервной, кровообразовательной, мышечной, костной и др. системъ. Съ другой же стороны, во время самой жизни происходятъ многообразныя вліянія одной систеты на другую, стало быть, состояніе одной отражается на состояніи другой. Поэтому столь важна общая система для здоровья нервовъ, а съ нимъ и зависящихъ отъ него психическихъ проявленій, и, наоборотъ, частная гигіена нервовъ могуче вліяетъ на пищевареніе, на кроветвореніе и т. д. Самая счастливая отъ природы организація можетъ быть подкошена неразумной жизнью и, наоборотъ, слабый природный органическій капиталъ можетъ быть весьма преумноженъ противоположнымъ образомъ жизни. Человѣку, у котораго нѣтъ врожденнаго веселаго темперамента, дать такой, мы, конечно, не въ силахъ; но разумная и строгая гигіеническая дрессировка, особенно когда она прилагается съ раннихъ лѣтъ, по крайней мѣрѣ, въ состояніи поднять порочную организацію до среднихъ степеней здоровья и силы. А еще болѣе обширная гигіеническая программа, которая имѣетъ въ виду

еще не родившихся, но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ въ практикѣ нигдѣ не осуществляется, была бы въ состояніи вліять и на прирожденный запасъ органическихъ силъ, а съ нимъ на столь всѣми желанное, но постоянно не на томъ мѣстѣ отыскиваемое счастіе людей.

Не лишнимъ еще считаю коснуться вопроса, въ чемъ именно заключаются тѣ процессы въ нервной системѣ, которые обусловливаютъ настроеніе и другія проявленія темперамента. Не только среди людей чуждыхъ медицинѣ, но и среди врачей съ давнихъ поръ установился взглядъ, что чуть ли не во всякомъ жизненномъ явленіи двигающей пружиной являются кровь и кровообращеніе; однако, сколь ни важны онѣ для поддержанія жизни, но значеніе ихъ часто весьма преувеличивается. Такъ и въ вопросѣ о темпераментѣ. Большинство врачей, напр., убѣждено, что мрачное настроеніе духа зависитъ только отъ замедленнаго обращенія крови или отъ ненормальнаго ея состава, значитъ, отъ недостаточнаго питанія нервныхъ клѣтокъ, а веселое, наоборотъ,—отъ ускореннаго притока нормальной кровяной жидкости. Были даже сдѣланы опыты (Дюма), которые якобы доказали это положеніе. Сомнѣнія нѣтъ, качества крови и кровообращенія составляютъ одно изъ условій въ вопросѣ о настроеніи, но дѣло этимъ не исчерпывается.

Представимъ себѣ группу рабочихъ, производящихъ столь тяжелую физическую работу, что данное число людей, напр. 10, въ состояніи исполнять ее хорошо лишь въ теченіе 2 — 3 часовъ; для того же, чтобъ она исполнялась въ теченіе цѣлаго дня, съ одинаковой энергіей и одинаковымъ умѣніемъ, должны быть назначаемы новыя смѣны людей каждые 2—3 часа. Понятно, если эти смѣны заставятъ себя ждать или назначаться будетъ для нихъ неполный комплектъ людей, то работа замедлится и качество ея можетъ отъ этого понизиться. Ясно, что обмѣнъ работающихъ элементовъ (здѣсь людей) вліяетъ на степень напряженности работы. Но онъ ли только? Допустимъ теперь, что вмѣсто тѣхъ 10 рабочихъ, которыхъ мы предположили первоначально, сталъ на работу десятокъ молодцовъ вдвое болѣе сильныхъ и ловкихъ; тогда, при одинаковомъ числѣ рабочихъ и ихъ смѣнъ, работа будетъ идти вдвое живѣе. Подобно этому, мы найдемъ, при болѣе внимательномъ наблюденіи, что и въ нашемъ вопросѣ энергіей обмѣна веществъ далеко не все объясняется. Еслибъ все дѣло сводилось на напряженность кровообращенія и обмѣна, то, во-первыхъ, веселому темпераменту всегда долженъ бы сопутствовать выдающійся обмѣнъ веществъ, а съ нимъ и выдающійся аппетитъ, у мрачнаго, наоборотъ, то и другое должно быть подавленнымъ; а этого между тѣмъ нѣтъ, нѣтъ даже основанія принять такое совпаденіе за правило. Начать съ кровообращенія и дыханія. Мы видѣли, напр., что (табл. I, II и III) между веселыми и средними въ температурѣ, частотѣ пульса и дыханія не оказывается такой разницы, на которую мы имѣли бы право обратить

вниманіе; только у меланхоликовъ всѣ 3 величины показываютъ нѣкоторое пониженіе, но и въ этомъ случаѣ еще остается вопросъ, имѣетъ ли оно значеніе причинное въ отношеніи настроенія, или же оба явленія суть параллельныя послѣдствія одной общей причины. Послѣднее даже болѣе вѣроятно.

Затѣмъ мною были произведены прямыя наблюденія надъ 8 субъектами 1-ой серіи, съ цѣлью опредѣлить энергію обмѣна у веселыхъ и у меланхоликовъ порознь, и при этомъ не оказалось между ними никакой существенной разницы, въ особенности въ отношеніи плотныхъ частей пищи, которыхъ веселые съѣли и переварили даже меньше, чѣмъ меланхолики. Привожу здѣсь (съ поправками) еще разъ таблицу XVI моей статьи[1]), тѣмъ болѣе, что она во время перваго появленія своего была напечатана съ большими опечатками:

Таблица IX (XVI).

У средняго человѣка на 1000 gr. вѣса тѣла въ 24 часа было:

Темпераментъ.	Число людей.	Съѣдено мяса (безъ воды его).	Съѣдено хлѣба (безъ воды его).	Съѣдено каши (безъ воды ея).	Все количество всосанной безводной пищи (т.-е. за вычетомъ безводныхъ экскрементовъ).	Все количество всосанной воды (т.-е. вычетомъ воды экскрементовъ).	Мочи было.	Мочевины выдѣлено.	Фосфорной кислоты.	Сухого остатка мочи было	Вѣсъ тѣла увеличился или уменьшился.
Меланхолики. .	4	2,8	8,8	2,2	12,1	43,6	33,2	0,65	0,55	1,23	—0,23
Веселые. . . .	4	2,8	7,6	2,0	11,0	49,0	48,1	0,65	0,52	1,32	+8,40

Но хотя бы и не было произведено такихъ детальныхъ наблюденій, то оставались бы нѣкоторые общіе факты, противорѣчащіе тому предположенію, будто бы вся суть повышенія или пониженія настроенія состоитъ въ увеличеніи или въ уменьшеніи притока крови и обмѣна веществъ. Напр., въ жизни не такъ-то рѣдко попадаются люди, которые мало ѣдятъ и которые, тѣмъ не менѣе, обладаютъ хорошимъ здоровьемъ, живымъ

[1]) Le tempérament etc. Изложенныя въ этой статьѣ подробности относительно хода опытовъ и химич. анализа (произведеннаго управляющимъ Ташкент. Хим. Лабораторіи, Н. Б. Тейхомъ) здѣсь выпущены.

цвѣтомъ лица [1]) и прекраснымъ настроеніемъ духа. Мало этого: хотя, какъ мы видѣли, въ общемъ люди веселаго темперамента вмѣстѣ съ тѣмъ превосходятъ среднихъ и нервныхъ въ отношеніи физическаго здоровья, но не во всѣхъ же отдѣльныхъ случаяхъ и не во всѣ моменты жизни это бываетъ такъ. И что же мы видимъ? Несмотря на это, случись типическому сангвинику потерять много крови или вслѣдствіе другихъ причинъ впасть въ состояніе малокровія или истощенія, онъ и въ такихъ случаяхъ еще обнаружитъ свою счастливую прирожденную натуру. Въ относительномъ смыслѣ и онъ, конечно, не избѣгнетъ ослабляющаго вліянія такихъ ненормальныхъ соотношеній крови на расположеніе духа, т.-е. и онъ не будетъ постоянно пѣть соловьемъ, какъ при полномъ здоровьи; однако, если его положить рядомъ съ человѣкомъ низшаго темперамента, тоже впавшимъ въ подобное состояніе, то замѣтимъ рѣзкую разницу въ ихъ самочувствіи и обхожденіи. Съ этимъ согласуются историческіе примѣры, въ которыхъ люди свѣтлаго темперамента еще въ преклонной старости, когда обмѣнъ и кроветвореніе незначительны, удивляли окружающихъ своимъ благодушіемъ, склонностью къ шуткамъ и т. д. Таковъ былъ, напр., Бентамъ, который 83 лѣтъ былъ веселѣе большинства молодыхъ людей его знакомства. Даже на смертномъ одрѣ, при полномъ упадкѣ питательныхъ силъ, такіе люди умѣютъ быть веселыми и шутить. Такъ умирали Рабле, мать Гёте (Frau Aja), принцъ Линь и др. Кромѣ того, и наблюденія надъ народами приводятъ къ тому же результату. Такъ, напр., итальянцы, между которыми много сангвиниковъ, ѣдятъ сравнительно немного, стало-быть, и въ нервныхъ центрахъ обмѣнъ веществъ не долженъ отличаться особенной напряженностью. Между прочимъ, достойно вниманія, что знаменитый венеціанецъ Корнаро, который принималъ въ сутки отъ 397 до 382 грамм. плотной и столько же жидкой пищи и на этомъ прожилъ почти 100 лѣтъ, неоднократно упоминаетъ въ своихъ сочиненіяхъ о пріятномъ, игривомъ расположеніи духа, которымъ онъ пользовался. Наконецъ, если-бъ весь вопросъ темперамента сводился на степень напряженности кровообращенія и обмѣна, то оставалось бы совершенно непонятнымъ, какъ, напр., объяснить происхожденіе флегматическаго типа: по степени настроенія онъ стоитъ въ одной линіи съ средними, но по постоянству, по невозмутимости этого состоянія, по медленности и скудости реакціи онъ стоитъ особнякомъ, и мудрено придумать, какимъ бы образомъ, при полномъ здоровьи субъекта, свести такое явленіе на какія-нибудь разности въ кровообращеніи. Въ виду всего этого, мнѣ кажется, гораздо естественнѣе принять, что, кромѣ разностей въ кровообращеніи, питаніи и обмѣнѣ, въ самой ткани нервныхъ цент-

[1]) Вообще нормальное количество и нормальныя качества крови не въ зависимости отъ большаго аппетита и большаго обмѣна; при весьма умѣренной потребности въ пищѣ, кроветвореніе можетъ быть вполнѣ удовлетворительное.

ровъ существуютъ частію пріобрѣтенныя, но главнымъ образомъ прирожденныя различія, которыя обусловливаютъ разности темпераментовъ. А такъ какъ даже въ неоживленной матеріи происходятъ постоянныя молекулярныя колебанія, то тѣмъ болѣе должны таковыя происходить въ ткани, одаренной столь высокой жизненностью, какъ нервныя клѣтки и вѣтви. Что спеціальная дѣятельность ихъ, т.-е. принятіе впечатлѣній, переработка таковыхъ и отдача реакціи, не можетъ совершаться безъ соотвѣтствующихъ многообразныхъ колебаній, это совершенно понятно. Эти-то колебанія составляютъ подкладку спеціальной психической дѣятельности, т.-е. той, которую обыкновенно подразумѣваютъ, когда говорятъ о душевныхъ проявленіяхъ. Но, кромѣ этихъ спеціальныхъ колебаній, я принимаю еще существованіе общихъ элементарныхъ, органическихъ колебаній, которыя происходятъ даже въ то время, когда спеціальная психика спитъ или сведена на минимумъ. Онѣ-то служатъ подкладкой центральнаго самочувствія, которое, въ свою очередь, служитъ общимъ и всегда бодрствующимъ фономъ душевной жизни, а это центральное самочувствіе есть то, что мы называемъ привычнымъ настроеніемъ и что составляетъ основаніе того или иного темперамента, смотря по тому, каково оно само. Вотъ почему я выше выразился, что темпераментное или органическое настроеніе духа имѣетъ свою автономію: безпредметное радостное самочувствіе здороваго и веселаго ребенка продолжается и во время глубокаго сна и выражается улыбкой спящаго, и, наоборотъ, безпредметная тоска гнететъ невропата и во снѣ, хотя бы она въ это время нѣсколько ослаблялась.

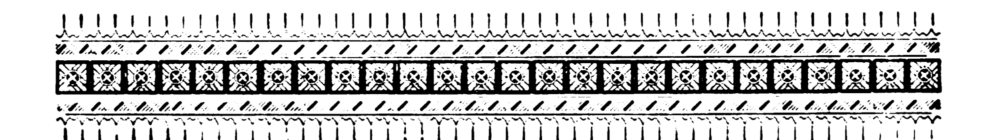
Когда же спеціальная дѣятельность души въ полномъ ходу, то все же тонъ преобладающаго самочувствія всюду пронизываетъ эту дѣятельность и даетъ ей окраску, наподобіе того, какъ свѣтъ, проходящій въ комнату, преобразовываетъ ея внутренность; если онъ розовый, то всѣ предметы пріобрѣтаютъ привлекательный видъ, если просто бѣлый, то менѣе радужный, но все же бодрящій, если же свѣтъ проникаетъ черезъ темныя стекла, то—мрачный. Можно сдѣлать еще другое и притомъ болѣе близко подходящее сравненіе. Элементарная сила мускуловъ есть основной темпераментъ, качество котораго отражается во всѣхъ совершаемыхъ ими движеніяхъ: самыя сложныя и разнообразныя движенія (напр., игра на музыкальномъ инструментѣ) будетъ лишена стройности и выдержки, когда питающая ихъ основная сила мышечной ткани мала, и, наоборотъ, весьма простыя движенія обнаружатъ названныя качества, когда существуетъ солидный основной фондъ мышечной и нервной энергіи. Допуская, такимъ образомъ, что субстратомъ темперамента служатъ нѣкотораго рода общія и простыя молекулярныя колебанія нервнаго вещества, продолжающіяся и во снѣ и наяву, я себѣ представляю, что у людей веселаго темперамента эти колебанія отличаются быстротой и стойкостью, у невропатовъ,

напротивъ,—неравномѣрностью и нестройностью. У флегматиковъ онѣ должны быть менѣе быстрыми, но тоже стройными и притомъ весьма одинаковыми; ихъ тутъ можно себѣ представить, какъ медленныя, но звучныя сотрясенія толстой и крѣпкой музыкальной струны.

Все это, конечно, гипотезы, которыя можно принять, можно и не принять, но, по крайней мѣрѣ, я надѣюсь, что въ виду вышеприведенныхъ біологическихъ фактовъ найдутъ не безосновательнымъ мое сомнѣніе въ томъ, будто бы вся суть настроенія и темперамента состоитъ во вліяніи кровообращенія и химическаго обмѣна на нервную систему.

Заканчивая этимъ очеркъ темперамента съ моей точки зрѣнія, не могу не выразить желанія, чтобы изученіе этой богатой и важной темы продолжалось другими, чтобы эти другіе были по преимуществу врачами и чтобы, между прочимъ, антропологическія изслѣдованія мои были провѣрены и расширены ими. Кромѣ войскъ, и школы могутъ служить благодарнымъ матеріаломъ для изысканій этого рода. Весьма желательно также, чтобы при этомъ, параллельно съ темпераментомъ, опредѣлялись способности и нравственный обликъ испытуемыхъ и такимъ образомъ установились бы отношенія между тѣмъ и другими. По мѣрѣ того, какъ увеличится число изслѣдованій, выяснится и важность ученія о темпераментѣ для жизни и для воспитанія юношества.

Н. Л. Зеландъ.



Къ антропологіи Забайкалья и Монголіи.

(Буряты, тунгусы и халхасцы).

Одной изъ цѣлей, приведшихъ меня 10 лѣтъ тому назадъ въ Забайкалье, было изученіе азіатскихъ народностей. Благодаря счастливымъ обстоятельствамъ, я попалъ въ такой важный для антрополога центръ, какимъ является Троицкосавскъ съ его разноплеменнымъ населеніемъ. Рядомъ съ мѣстнымъ сибирскимъ населеніемъ, образовавшимся изъ разнородной помѣси европейцевъ (великоруссы, малороссы, поляки, отчасти нѣмцы, финны, татары и евреи) съ мѣстными азіатскими народностями (бурятами, монголами, тунгусами, а также съ китайцами), здѣсь можно встрѣтить представителей разныхъ бурятскихъ поколѣній, иногда тунгусовъ, въ большомъ числѣ пріѣзжающихъ сюда монголовъ, типичнаго великорусса-семейскаго и, наконецъ, живущихъ рядомъ съ Кяхтою, въ Маймаченѣ, сѣверныхъ китайцевъ. Кромѣ антропологическихъ изслѣдованій въ самомъ Троицкосавскѣ и его окрестностяхъ, я имѣлъ возможность три раза побывать въ Ургѣ, въ этой сокровищницѣ для антрополога и этнографа, и произвести тамъ изслѣдованія монголовъ-халхасцевъ.

Огромная площадь Сибири отъ Енисея до истоковъ Амура, съ прилегающими къ ней сѣверными частями Монголіи, занята въ настоящее время рѣдко разселенными номадами. Въ сѣверной, болѣе низменной, части этой страны живутъ тунгусы, а въ южной — монголы, распадающіеся на три вѣтви: самая южная—халхасцы, сѣв.-восточная—буряты и отдѣлившаяся отъ нихъ западная—торгоуты.

По древнимъ свѣдѣніямъ, кочевья монгольскихъ народовъ располагались къ ю.-в. отъ Байкальскаго оз. до р. Аргуни, и первоначальною родиною монголовъ называютъ современный Нижнеудинскій уѣздъ, Иркутской губ., южную границу котораго составляютъ Саянскія горы, а восточную—Байкалъ. Въ III и IV в.в. часть монголовъ переходитъ Саянскія горы и поселяется въ Сѣв. Монголіи, или Халхѣ, между р.р. Селенгой, Орхономъ, Кэруленомъ, Толомъ и по Амуру. Въ IX в. они продол-

жаютъ занимать ту же территорію. Одно изъ мелкихъ племенъ— «монгу» — подчиняетъ себѣ другія племена и даетъ впослѣдствіи свое имя цѣлому народу. Фишеръ называетъ родиною монголовъ южную часть Забайкалья. Нѣкоторыя изъ мелкихъ монгольскихъ племенъ достигли въ это время извѣстной культуры — занимались земледѣліемъ и строили города, какъ, напр., племя кераитовъ, жившее между Орхономъ и Толомъ, балдуты, кочевавшіе по р. Читѣ, дженары — по р. Онону, тайджуты—по р. Селенгѣ и, наконецъ, ойраты или элюты, наиболѣе выдвинутые на западъ. Но особеннаго могущества достигло племя, жившее въ Сѣв. Монголіи, или Халхѣ, въ мѣстности, дающей начало р.р. Онону, Кэрулену и Толу,— племя, изъ котораго произошелъ знаменитый Темучинъ, прозванный впослѣд-

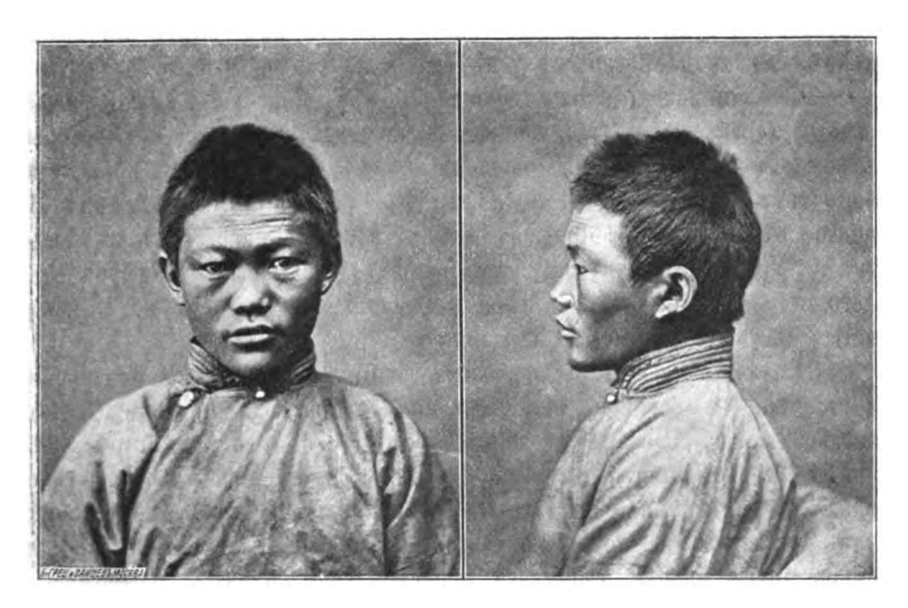


Рис. 1—2. Селенгинскій бурятъ Цырэнъ, 21 г.

ствіи всемогущимъ ханомъ, Чингисъ-ханомъ, и подчинившій своей власти сперва мелкія монгольскія племена, а потомъ и тюркскія, и съ ихъ помощью покорившій не только народы Азіи, но и Вост. Европы. Основанная имъ династія Чингисханидовъ царствовала полтораста лѣтъ. Впослѣдствіи раздѣленіе Монгольской монархіи между многими наслѣдниками Чингисъ-хана привело ее постепенно къ упадку и изгнанію Чингисханидовъ изъ Китая въ 1368 г. Потомки этой династіи, владѣвшіе одной только Монголіей, раздѣлили ее на мелкія ханства и въ теченіе болѣе 200 лѣтъ вели непрерывныя междуусобныя войны. Одинъ изъ владѣтелей Монголіи, Даянъ Сэцэнъ-ханъ, дѣлаетъ попытку еще разъ объединить подъ своею властью всѣ монгольскія поколѣнія, но послѣ его смерти въ 1543 г.

Халка, раздѣленная между его сыновьями, снова распадается на мелкія княжества и снова испытываетъ на себѣ всю тяжесть безпрестанныхъ междуусобій, пока, съ воцареніемъ въ Китаѣ Дайцинской династіи, Южная Монголія не признаетъ себя его данницей. Сѣверная же Монголія продолжаетъ отстаивать свою независимость до 1670 г., когда чжунгарскія поколѣнія, соединенныя подъ властью Галданъ-Башахту-хана, не доводятъ ее до окончательнаго разоренія и не заставляютъ сдаться Китаю. Такимъ образомъ вся Монголія очутилась подъ его властью.

Дайцинская монархія, въ цѣляхъ усмиренія и возстановленія спокойствія въ странѣ, раздѣлила Халху между различными властителями на еще болѣе мелкія территоріи и старалась путемъ распространенія среди монголовъ буддизма, въ формѣ ламайской доктрины, подавить въ нихъ воинственный духъ и тѣмъ еще болѣе ослабить ихъ былое могущество. Эта цѣль, какъ извѣстно, съ успѣхомъ была ею достигнута.

Въ административномъ отношеніи Сѣв. Монголія (Халха) имѣетъ военный характеръ, раздѣляясь на 4 военныхъ корпуса, изъ которыхъ въ каждомъ, отъ времени до времени, по мѣрѣ надобности, происходятъ общіе съѣзды. Кромѣ того, Урга съ ея окрестностями составляетъ Шибинское вѣдомство съ 150-тысячнымъ населеніемъ и состоитъ въ подданствѣ у Ургинскаго хутухты, или Богдо-Гэгэна (святого перерожденца). Всего населенія въ Халхѣ считается до 600 тысячъ. Дѣленіе на рода и кости—«ясу» халхасцы уже утратили.

Сѣв.-восточную вѣтвь монголовъ составляютъ буряты. Кочевья ихъ тянутся широкою полосой отъ бассейна Лены на югъ къ Онону, проходя западный берегъ Байкала до р.р. Оки и Іи, притоковъ Ангары. Всѣхъ бурятъ насчитывается свыше 300 тысячъ душъ; такимъ образомъ они являются самымъ многочисленнымъ изъ инородческихъ племенъ Сибири. Есть указанія, что территорію, занимаемую нынѣ бурятами, заселяли раньше другіе народы тюркскаго происхожденія. Буряты, подвигаясь съ юга, вѣроятно, отодвинули якутовъ и тунгусовъ къ сѣверу. Самымъ древнимъ мѣстомъ обитанія бурятъ была долина р. Баргузина, на востокъ отъ Байкала, гдѣ жилъ народъ «баргучинъ»; именемъ одного изъ его родовъ прозвано и все бурятское племя. Одну изъ его отраслей мы находимъ на сѣв.-востокѣ Монголіи подъ именемъ баргу-бурятъ. Въ монгольской исторіи Санана-Сэцэна есть указанія, что въ 1189 г. часть ихъ, названная имъ ойратъ-бурятами, платила дань Чингисъ-хану. Какъ производное отъ слова «ойратъ» (лѣсные люди), названіе олотовъ или элютовъ усвоила себѣ западная отрасль монголовъ —торгоуты.

Начиная съ первой четверти XVII стол., русскіе отряды посылались на развѣдки неизвѣстныхъ восточныхъ земель; они постепенно налагали на инородцевъ—бурятъ и тунгусовъ—ясакъ и строили «остроги», эти аванпосты для дальнѣйшихъ захватовъ. Уже въ концѣ XVIII стол. всѣ

бурятскіе и тунгузскіе роды приняли русское подданство, и такимъ образомъ завершилось почти мирное ихъ покореніе.

Чингисъ-ханъ въ XIV в. далъ первый толчекъ для перекочевокъ всѣхъ народовъ Азіи, въ томъ числѣ и бурятъ, что продолжалось и въ последующіе вѣка при его преемникахъ. Съ присоединеніемъ Забайкалья къ Россіи, начиная со второй половины XVII и первой четверти XVIII стол., разные роды изъ Сѣв. Монголіи переходятъ русскую границу и принимаютъ русское подданство, причемъ русское правительство гарантируетъ ихъ управленіе особыми степными законами, сохраняя въ новоустроенныхъ степныхъ инородческихъ думахъ и управахъ прежнее ихъ родовое управленіе.

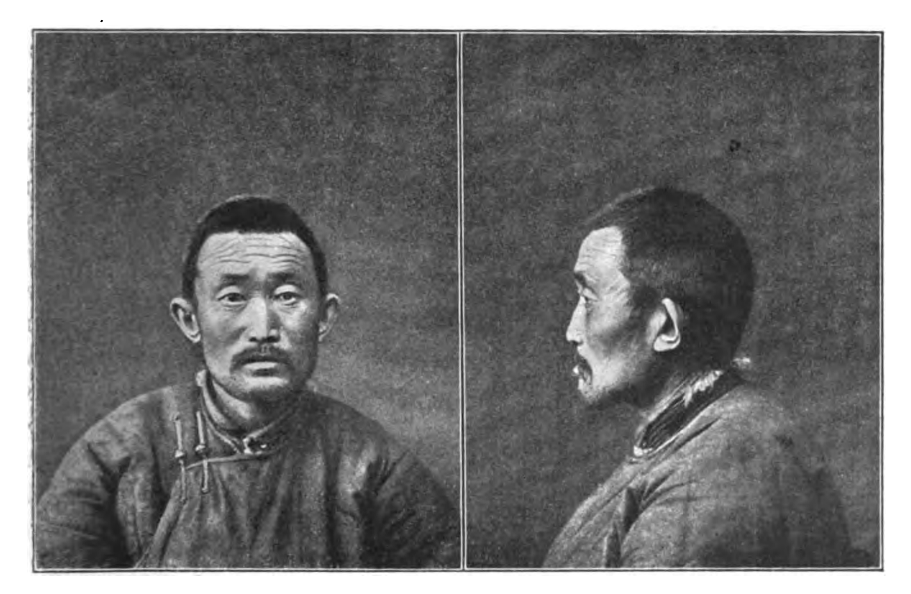


Рис. 3—4. Селенгинскій бурятъ Хото Хурцаевъ, 52 л., Троицкосавскаго у., Мурочинскаго улуса.

До послѣдняго времени буряты управлялись тайшами, родовыми головами и старостами (шуленги).

При изслѣдованіи забайкальскихъ бурятъ, мы раздѣлили ихъ на 4 группы, сообразно ихъ административному дѣленію, которое соотвѣтствуетъ отчасти и группировкѣ населенія по особенностямъ какъ климатическихъ, такъ и экономическихъ условій: 1) селенгинскихъ, 2) хоринскихъ, 3) закаменскихъ и 4) кударинскихъ бурятъ.

Селенгинскіе буряты, живущіе по среднему теченію Селенги и по ея притокамъ—р.р. Джидѣ и Чикою, составляютъ населеніе Селенгинской степной думы, Цонгольской инородческой управы, и части І-го военнаго отдѣла Забайкальскаго казачьяго войска. Общее число ихъ — до 36 тыс.

душъ. Они образовались изъ т. наз. коренныхъ родовъ, къ которымъ принадлежатъ: Харанутскій, Алагуевскій, Бобой-Хорумжіевскій и Олзонскій, и гораздо болѣе численныхъ родовъ, вышедшихъ изъ Монголіи (начиная съ первой четверти XVII до половины XVIII стол.), какъ: Цонгольскій, Ашебогатскій, Атаганскій, Сартульскій, Хатагинскій, Узеновъ и Табангутскій. Выходцы изъ Монголіи, хотя и утратили въ значительной степени дѣленіе на «ясу», но сохранили еще воспоминанія о тѣхъ ханахъ, въ подданствѣ которыхъ они состояли до прихода въ Россію, причемъ многіе изъ родовъ были раздѣлены между нѣсколькими владѣтелями. Они занимаются хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ.

Хоринцы считаютъ себя также за выходцевъ изъ Монголіи, поселившихся вначалѣ на о-вѣ Ольхонѣ и по берегамъ Байкала, на мѣстахъ, занятыхъ тунгусами, съ которыми они вели борьбу. Затѣмъ они расселились далѣе на востокъ, по р.р. Удѣ, Хилку, Худуну, Онѣ и т. д., а потомъ кочевья ихъ дошли до Ингоды и Онона. До 1838 г. хоринцы подчинялись Хоринской думѣ, а съ этого времени отдѣлили отъ нея Агинскую думу, къ которой принадлежатъ хоринцы, живущіе далѣе на востокъ. Ихъ считается въ двухъ думахъ до 90 тысячъ душъ. Занимаются они преимущественно скотоводствомъ.

Закаменскіе буряты переселились позже другихъ, а именно въ 1-ой половинѣ XVIII в., изъ Тунки, Иркутской губ., на верховья р. Джиды и смежныя съ ними горныя пади для охраны пограничныхъ карауловъ. Они ведутъ свое происхожденіе отъ тѣхъ бурятъ, которыхъ нѣкогда застали первые завоеватели Сибири къ сѣверу отъ Байкала, по рр. Кутѣ, Окѣ, Ангарѣ и верховьямъ Лены. Прибывши сюда, они отчасти смѣшались съ пограничными родами селенгинскихъ бурятъ. Они подчиняются Закаменской инородной управѣ и составляютъ населеніе свыше 9 тыс. душъ. Живутъ они въ высокой лѣсистой мѣстности и занимаются звѣроловствомъ, а также скотоводствомъ и земледѣліемъ.

Кударинскіе буряты обитаютъ по берегамъ Байкала и по нижнему теченію р. Селенги. Они переселились сюда въ первой трети XVIII в. изъ Верхоленскаго вѣдомства; распадаются на 4 рода; общее ихъ число 5 тыс. душъ; подчиняются Кударинской степной думѣ. Они мало занимаются земледѣліемъ и скотоводствомъ за недостаткомъ удобныхъ для того земель; главное ихъ занятіе составляетъ рыболовство, а отчасти и звѣриный промыселъ.

Общій типъ бурята, по описаніямъ путешественниковъ и изслѣдователей, характеризуется такъ: ростъ невысокій, сложеніе коренастое; волосы на головѣ черные; глаза темно-каріе, блестящіе; кожа желтовато-блѣдная съ смуглымъ оттѣнкомъ на лицѣ; черепъ очень короткоголовый, съ плоскимъ, какъ бы усѣченнымъ, затылкомъ; лицо продолговатое, съ сильно выдающимися скулами; глаза съ узкими, косыми разрѣзами; надпереносица

вдавленная, съ широкимъ межглазничнымъ пространствомъ; носъ широкій, низкій и плоскій; уши оттопыренныя; подбородокъ широкій. Лицо вообще лишено растительности. По своему характеру буряты флегматичны, миролюбивы и незлопамятны. Они обладаютъ хорошими умственными способностями, и тѣ изъ нихъ, которые воспитывались въ русскихъ школахъ, хотя не обнаруживали выдающихся талантовъ, тѣмъ не менѣе отличались усидчивостью и терпѣніемъ, присущими бурятамъ. Они ведутъ вообще трезвую жизнь; къ водкѣ пристращаются преимущественно крещеные или тѣ, которые болѣе другихъ испытываютъ на себѣ вліяніе европейской культуры. Убійства и грабежи, благодаря главнымъ основамъ ламайскаго ученія, проповѣдующаго любовь и сохраненіе жизни всего живущаго, почти

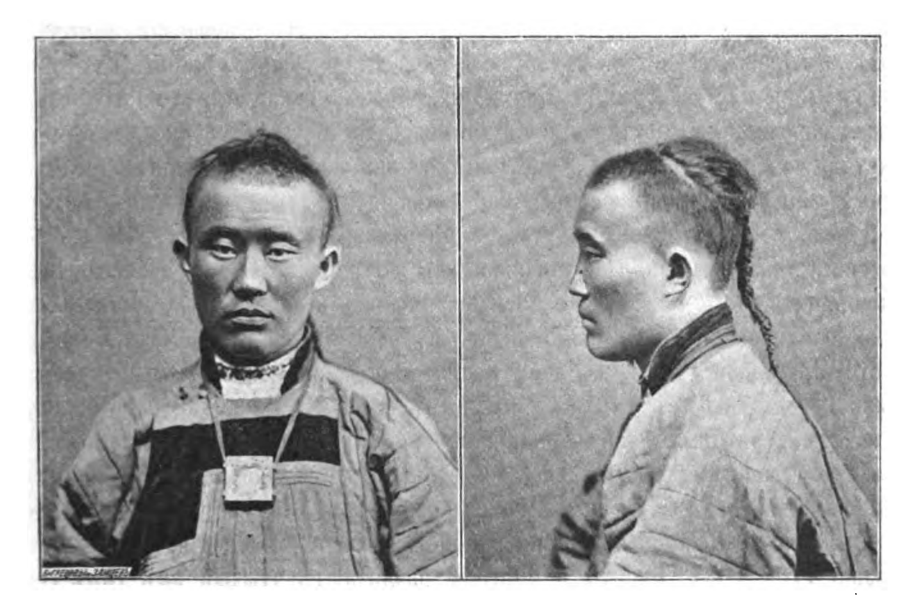


Рис. 5—6. Хоринскій бурятъ.

не встрѣчаются среди бурятъ, но преступленія противъ чужой собственности не составляютъ рѣдкаго явленія. Прежній воинственный духъ, съ принятіемъ буддизма, исчезъ у бурятъ, какъ и у всего монгольскаго племени. Побѣда ламайскаго ученія, окончательно утвердившагося лишь послѣ присоединенія бурятъ къ Россіи, явилась въ результатѣ ожесточенной борьбы ламъ съ шаманствомъ. Это старое ученіе, какъ первобытная религіозная форма, безъ духовной іерархіи, сохраняющееся лишь въ устномъ преданіи, не могло устоять противъ правильно организованнаго ламаизма. Подъ вліяніемъ усиленной пропаганды новаго ученія большинство бурятъ сдѣлалось ревностными его поборниками, а старое шаманство стало разрушаться и сохранилось теперь въ Забайкальѣ лишь среди кударинскихъ

бурятъ, половина которыхъ оффиціально числится православными, и среди бурятъ Иркутской губ.

Страна къ сѣверу отъ бурятъ, отъ Енисея до Амура, занята особымъ народомъ—тунгусами, первоначальною родиною которыхъ считаютъ берега р. Амура, гдѣ и нынѣ обитаетъ до 13 мелкихъ тунгузскихъ племенъ, изъ которыхъ многія вымираютъ. Нѣкоторыя изъ нихъ достигли значительной культуры и сыграли извѣстную роль въ міровой исторіи, давши Китаю нѣсколько господствовавшихъ династій. Къ тунгузскимъ племенамъ принадлежатъ дауры, киданцы, солоны, манчжуры. Изъ первоначальной своей родины они впослѣдствіи подвинулись на сѣверъ и сѣв.-западъ, и кочевья ихъ достигли р. Енисея. Въ цѣломъ рядѣ смѣняющихся народностей тунгусы были болѣе древними обитателями мѣстъ, которыя потомъ заняли буряты. Тунгусы-шаманисты, какъ народъ бродячій, звѣроловческій, занимали болѣе высокія и лѣсистыя мѣста; не будучи въ состояніи отстоять ихъ, они подверглись или вымиранію, или вліянію болѣе сильныхъ и многочисленныхъ народностей, постепенно смѣшиваясь съ послѣдними: на сѣверѣ—съ якутами, на югѣ, принявъ христіанство, они обрусѣли (урульгинскіе тунгусы). Менѣе ассимилировались баргузинскіе осѣдлые тунгусы въ Бодонѣ и 5 родовъ Баргузинской тунгузской инородной управы (всего 513 душъ), среди которыхъ нами были произведены антропологическія изслѣдованія. Съ принятіемъ ламаизма еще большее количество тунгусовъ обурятилось и омонголилось по берегамъ Байкала, по верховьямъ р. Иро или въ южной части Иркутской губ. и въ Арматской инородной управѣ, куда тунгусы были переселены изъ Тунки въ 30-хъ годахъ XVIII стол. для охраны Джидинскихъ карауловъ по р. Армаку; здѣсь они обратились въ ламаизмъ, и два тунгузскихъ рода смѣшались съ однимъ родомъ селенгинскихъ бурятъ. Они занимаются преимущественно звѣроловствомъ. Населеніе въ этой управѣ, гдѣ мы также производили антропологическія изслѣдованія, составляетъ свыше 1700 душъ. Буряты и монголы различаютъ чуждый имъ типъ тунгусовъ, называя ихъ «хамнеганами» (чортовы люди).

Еще русскіе моряки XVII в. сообщали, что «мужествомъ и человѣчествомъ и смысломъ тунгусы всѣхъ кочующихъ и въ юртахъ живущихъ превосходятъ». Послѣдующіе путешественники также съ похвалою описываютъ черты характера тунгусовъ—ихъ прямодушіе, честность, особенную ловкость. Веселые, легкомысленные, беззаботные, они любятъ наряды и игры. Этотъ-то въ нѣкоторомъ родѣ рыцарскій характеръ тунгусовъ далъ поводъ Кастрену прозвать ихъ «дворянами Сибири». Сходство тунгусовъ по физическимъ признакамъ съ монгольскимъ племенемъ, ихъ широкія, скуластыя, четыреугольныя лица, узкіе, косо-стоящіе глаза и плоскій носъ были причиной того, что многіе авторы причислили ихъ къ монголамъ.

Рядъ фактовъ указываетъ на смѣшеніе народностей, о которыхъ мы говоримъ. Оно вызывалось войнами, въ которыхъ жены и дочери побѣ-

женныхъ дѣлались достояніемъ побѣдителей, многоженствомъ, обычаемъ брать женъ у другихъ народовъ, свободными нравами номадовъ, ихъ гостепріимнымъ гетеризмомъ и, наконецъ, въ послѣдніе вѣка передвиженіемъ различныхъ поколѣній съ политическою цѣлью (перетасовка населенія Монголіи Дайцинской династіей), а также для охраны границъ и карауловъ какъ въ самой Монголіи, такъ и на границѣ русскихъ владѣній. Кромѣ смѣшенія въ прошлой жизни этихъ народовъ, мы наблюдаемъ, что и въ наше время создаются новые типы: тунгузская кровь смѣшивается съ бурятской или русской, въ Ургѣ образуется большое число метисовъ монголо-китайскаго населенія, а въ Забайкальѣ—бурятско-русскаго (карымы).

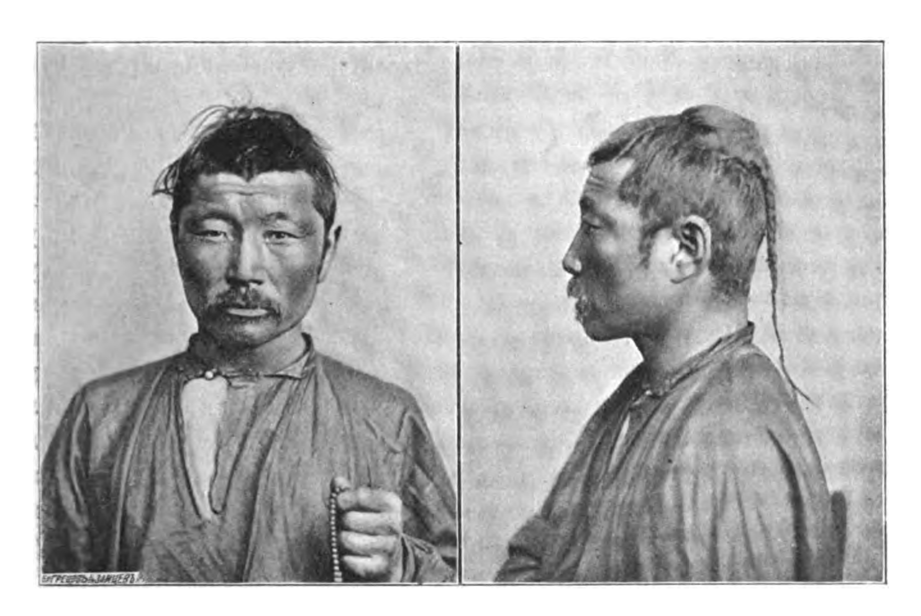


Рис. 7—8. Хоринскій бурятъ.

Десять лѣтъ, проведенныя мною въ краѣ, позволили мнѣ, кромѣ изученія древняго курганнаго населенія западнаго Забайкалья, опубликовать двѣ работы по антропологіи великоруссовъ-семейскихъ и сѣверныхъ китайцевъ. Нынѣ я имѣю удовольствіе представить рефератъ моей послѣдней обширной работы: «Матеріалы для антропологіи Забайкалья и Монголіи» [1]).

Первые великіе путешественники по Азіи, а за ними и рядъ послѣдующихъ, какъ-то: знаменитые Палласъ и Гмелинъ, Тимковскій, от. Бичуринъ, Миддендорфъ, Маакъ, Радде, Пржевальскій и др., очень мало удѣляли мѣста описанію физическаго облика встрѣчаемыхъ ими народностей.

[1]) Будетъ напечатана въ „Трудахъ Антропологическаго Отдѣла". *Прим. ред.*

Изъ путешественниковъ лишь акад. Шренкъ далъ болѣе обстоятельное описаніе физическаго типа инородцевъ Приамурскаго края, да Сѣрошевскій чертами художника мастерски описалъ типъ якута и сѣвернаго тунгуса. Во время собиранія нами матеріаловъ для настоящей работы въ серіи докторскихъ диссертацій при Военно-Медицинской Академіи появились двѣ антропологическихъ работы: И. И. Шендриковскаго—о селенгинскихъ бурятахъ и М. Т. Поротова—о бурятахъ-аларцахъ и работа И. И. Майнова: «Нѣкоторыя данныя о тунгусахъ Якутскаго края». По антропологіи западныхъ монголовъ вышелъ трудъ А. А. Ивановскаго: «Монголы-торгоуты», по плану котораго, для большей возможности сравненія полученныхъ нами результатовъ, мы обработали и наши матеріалы, дѣлая лишь нѣкоторыя отъ него отступленія. Кромѣ указанныхъ работъ, мы пользовались для сравненія нашихъ данныхъ и остальною литературою по антропологіи какъ азіатскихъ, такъ и европейскихъ народностей.

Свои антропометрическія изслѣдованія мы производили по программѣ, изданной Антропологическимъ Отдѣломъ Общества Любителей Естествознанія, дѣлая лишь небольшія отъ нея отступленія. Общее число всѣхъ изслѣдованныхъ было 641, въ томъ числѣ: монголо-халхасцевъ—36, бурятъ—560 (селенгинскихъ—408, хоринскихъ—53, закаменскихъ—21 и кударинскихъ—68) и тунгусовъ—45. Возрастъ изслѣдованныхъ субъектовъ колебался между 16 и 74 годами. У монголо-халхасцевъ наибольшее число наблюденій пришлось на возрасты отъ 26 до 40 лѣтъ (41,67%) и отъ 41—55 л. (36,11%); у бурятъ—отъ 16—25 л. (39,28%), отъ 26—40 л. (30,71%) и отъ 41—55 л. (23,21%); у тунгусовъ—отъ 16—25 л. (46,67%) и отъ 26 до 40 л. (37,78%). При многихъ измѣреніяхъ мы обозначали у бурятъ и тунгусовъ родъ (яганъ). Кромѣ подраздѣленія на рода, у бурятъ существуетъ еще болѣе старое дѣленіе на кости (ясу), указывающее на тѣ первоначальные элементы, изъ которыхъ слагались нѣкогда племена. Имѣя въ виду постепенное исчезновеніе «ясу», мы, гдѣ было возможно, записывали и ихъ.

Антропологическое описаніе нашихъ народностей мы начнемъ съ покрововъ тѣла и прежде всего съ кожи. По многолѣтнимъ нашимъ наблюденіямъ, цвѣтъ кожи у халхасцевъ, бурятъ и тунгусовъ—желтовато-блѣдный, а на лицѣ, благодаря вліянію свѣта и вѣтра,—желтовато-смуглый, что́ придаетъ лицу коричневый оттѣнокъ и отличаетъ эти народности отъ европейцевъ. Халхасецъ и бурятъ съ ихъ желтовато-смуглыми или темными лицами рѣзко отличаются отъ китайца съ болѣе ярко-желтымъ лицомъ. Изслѣдованія свои мы производили въ разное время года—лѣтомъ, а еще чаще зимою и раннею весною, такъ что разница въ цвѣтѣ кожи лѣтомъ и зимою уравновѣшивалась. При этомъ у раздѣтыхъ до-нага субъектовъ мы замѣчали, что болѣе темный цвѣтъ лица, шеи и рукъ рѣзко отличался отъ цвѣта остальнаго тѣла, и интенсивность его посте-

пенно уменьшалась, начиная отъ внутренней стороны предплечья вверхъ до подмышечныхъ впадинъ, дѣлаясь еще свѣтлѣе на груди и на низу живота; въ пахахъ же, на спинѣ и половыхъ органахъ темный цвѣтъ достигалъ значительной интенсивности (то же явленіе было подмѣчено и г. Поротовымъ). Безъ сомнѣнія, жизнь въ степи, на открытомъ воздухѣ, подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей и вѣтра, въ дыму, пыли и грязи много содѣйствуетъ усиленію темнаго оттѣнка открытыхъ частей тѣла нашихъ народностей. Что желтоватая кожа есть расовый признакъ, указываетъ то, что она наблюдается и у дѣтей, и у молодыхъ, причемъ у послѣднихъ часто рѣзко выступаетъ на щекахъ красноватый румянецъ, который

Рис. 9—10. Закаменскій бурятъ Жапесучанъ Хабухѣевъ, 35 л., 1-го Куркутскаго рода, Селенгинскаго у.

съ годами исчезаетъ, и лицо получаетъ однообразный матовый цвѣтъ. Желтоватость кожи встрѣчалась и у тѣхъ, которые слѣдятъ за чистотою лица и перемѣнили кочевую жизнь на осѣдлую; она замѣчается также, какъ наслѣдственный признакъ, у метисовъ - «карымовъ» въ первомъ, а иногда и во второмъ поколѣніи. Аналогично европейской расѣ, и у нашихъ народностей цвѣтъ кожи нѣсколько свѣтлѣе и сама она нѣжнѣе у дѣтей и женщинъ сравнительно съ мужчинами. Нижеприводимая таблица показываетъ распредѣленіе изслѣдованныхъ субъектовъ по цвѣту кожи. Мы различали цвѣта: свѣтлый или бѣлый, блѣдно - желтоватый и темно или смугло-желтоватый.

Цвѣтъ кожи.	Въ абсолютныхъ числахъ.						Въ %.					
	Халхасцы (36 суб.)		Буряты (560 суб.)		Тунгусы (45 суб.)		Халхасцы (36 суб.)		Буряты (560 суб.)		Тунгусы (45 суб.)	
	Откр.	Закр.	Откр.	Закр.	Откр.	Закр.	Откр.	Закр.	Откр.	Закр.	Откр.	Закр.
Свѣтлый (бѣл.)	8	17	37	157	6	12	22	7	7	28	13	27
Блѣдно-желтов.	20	15	336	343	28	25	56	42	60	61	62	56
Смугло-желтов.	8	4	187	60	11	8	22	11	33	11	24	18

Какъ видимъ изъ таблицы, преобладающимъ цвѣтомъ всюду является блѣдно-желтоватый, смугло-желтоватый наблюдается въ 2—3 раза рѣже. Цвѣтъ кожи въ общемъ свѣтлѣе у халхасцевъ, нежели у тунгусовъ и бурятъ.

Со времени воцаренія Дайцинской династіи въ Китаѣ манчжурскій обычай бритья головы и оставленія на нижней части темени и верхней затылка пучка волосъ, заплетаемаго въ косу, вошелъ во всеобщій обычай у народовъ, подчиненныхъ манчжурскому дому, въ томъ числѣ у халхасцевъ, отъ которыхъ онъ проникъ и въ Забайкалье, къ бурятамъ и тунгусамъ. Косу носятъ преимущественно свѣтскіе—«харà» (черные); духовныя же лица, припявшія ламскій обѣтъ, къ которымъ принадлежитъ значительная часть мужского населенія, съ малыхъ лѣтъ бреютъ голову. У незначительной части бурятъ, причисленной къ казачьему сословію, обычай ношенія косы исчезъ, всѣ они коротко стригутъ волосы, и лишь ламы бреютъ голову. Халхасцы только зимою, и то весьма непродолжительное время, носятъ мѣховыя шапки, все же остальное время года ходятъ и ѣздятъ съ открытою головой, изрѣдка повязывая ее платкомъ. Открытая голова подвергается дѣйствію вѣтра и солнечныхъ лучей, а кожа ея всегда покрыта толстымъ слоемъ грязи. Казалось бы, что при этихъ условіяхъ, а также имѣя въ виду особенности континентальнаго климата, можно было ожидать у нашихъ народностей сухости тканей, какъ кожи, такъ и волосъ; между тѣмъ, благодаря значительному развитію сальныхъ и потовыхъ железъ, кожа вообще достаточно влажна, а волосы (въ косѣ и короткіе у казаковъ), хотя никогда почти не чешутся, представляются довольно жирными. Волосы халхасцевъ и бурятъ и въ особенности тунгусовъ отличаются меньшею густотою, чѣмъ волосы китайцевъ. Быть-можетъ, эта меньшая густота волосъ зависитъ отъ ихъ толщины, — по нашимъ наблюденіямъ, какъ у халхасцевъ, такъ и у бурятъ и тунгусовъ волосы толще, нежели у китайцевъ; при этомъ они жесткіе, круглые, грубые и прямые; кудрявыхъ и вьющихся волосъ мнѣ не приходилось встрѣчать. У субъектовъ, носящихъ косы, послѣднія тонки и коротки (рѣдко достигаютъ 1/4 метра), чѣмъ онѣ замѣтно отличаются отъ толстыхъ и длинныхъ косъ китайцевъ. Цвѣтъ волосъ — чаще всего черный съ синеватымъ отливомъ (у тунгу-

совъ — 91,11%, у халхасцевъ — 80% и у бурятъ — 64,11%). Сѣдина и просѣдь отмѣчены у халхасцевъ въ 14,29%, у бурятъ въ 11,96% и у тунгусовъ въ 4,44% всѣхъ наблюденій. Волосы съ просѣдью появляются иногда съ 21 года; къ 40 годамъ число сѣдыхъ волосъ значительно увеличивается, а подъ 50 лѣтъ появляется настоящая сѣдина. Какъ рѣдкое исключеніе, отмѣчены нами совершенно сѣдые волосы у 20-лѣтняго бурята. Какъ па особенность волосъ нашихъ народностей, слѣдуетъ указать на ихъ прочность,—мы совершенно не наблюдали лысыхъ у халхасцевъ и тунгусовъ, а у бурятъ таковыхъ было всего 1,78% (слѣдуетъ при этомъ отмѣтить, что среди хоринскихъ и закаменскихъ бурятъ лысыхъ

Рис. 11—12. Закаменскій бурятъ Цыбыкъ Ванчиковъ, 50 л., 1-го Куркутскаго рода, Хасуртаевскаго улуса, Селенгинскаго у.

не было совсѣмъ, у селенгинскихъ они составляли только 0,96%, но зато среди кударинскихъ бурятъ ихъ встрѣтилось 8,69%).

Около 20 лѣтъ у нашихъ народностей появляется едва замѣтный слѣдъ усовъ въ видѣ пушка, который у нѣкоторыхъ остается на цѣлую жизнь; вообще же у большинства усы ростутъ весьма медленно и выростаютъ къ 40 годамъ очень маленькіе и рѣдкіе и лишь у нѣкоторыхъ послѣ 50 лѣтъ густѣютъ. Число особей съ такими маленькими усами составляли у халхасцевъ 72,22%, у бурятъ—43,75%, а у тунгусовъ—только 24,44%. Совсѣмъ не имѣющихъ усовъ было у халхасцевъ 19,44%, а бороды—36,11%, у бурятъ же въ 2 раза больше безъ усовъ (46,61%) и безъ бороды (81,78%), а у тунгусовъ еще болѣе—62,22% и 88,89%.

Цвѣтъ усовъ и бороды у представителей изслѣдованныхъ нами народностей—преимущественно черный. Между отдѣльными группами бурятъ кударинскіе отличаются большею частотою усовъ и бороды.

Брови у нашихъ народностей широкія и прямыя; волосы на нихъ рѣдкіе, толстые, жесткіе, прямые (хотя мягче, нежели въ усахъ и бородѣ), короткіе и черные, сѣдѣютъ позже, чѣмъ въ усахъ и бородѣ. Особенно густыхъ бровей мы не встрѣчали, но сравнительно болѣе густыя отмѣчались нами чаще у халхасцевъ, нежели у бурятъ и тунгусовъ. Какъ на лицѣ, такъ и на тѣлѣ растительность вообще у всѣхъ весьма скудная и появляется лишь послѣ 25 лѣтъ. Эта скудость растительности выступаетъ менѣе рѣзко у халхасцевъ, больше у бурятъ и въ особенности у тунгусовъ.

О распредѣленіи цвѣта глазъ даетъ представленіе слѣдующая таблица:

Цвѣтъ глазъ.		Въ абсолютныхъ числахъ.			Въ %.		
		Халхасцы (36)	Буряты (560)	Тунгусы (45)	Халхасцы (36)	Буряты (560)	Тунгусы (45)
Чисто-каріе	Свѣтлые	3	56	2	8	10	4
	Средніе.	25	187	14	70	33	31
	Темные. . . .	8	273	27	22	49	60
	Всѣхъ	36	516	43	100	92	95
Смѣшанные	Зеленовато-сѣрые.	—	8	—	—	1,5	—
	Сѣро-каріе. . . .	—	8	—	—	1,5	—
	Зеленовато-каріе.	—	28	2	—	5	5
	Всѣхъ.	—	44	2	—	8	5

Слѣдовательно, глаза у нашихъ народностей преимущественно каріе (чистаго цвѣта), причемъ среди халхасцевъ больше средне-карихъ (70%), а среди бурятъ и тунгусовъ—темно-карихъ (у первыхъ — 49%, у вторыхъ—60%). У бурятъ изрѣдка встрѣчаются зеленовато-сѣрые и сѣро-каріе глаза (по 1,5%), что, повидимому, указываетъ на примѣсь посторонняго элемента, не наблюдаемую у халхасцевъ. Изъ отдѣльныхъ бурятскихъ группъ темно-каріе глаза выступаютъ сильнѣе у селенгинскихъ (52%). Смѣшанный цвѣтъ, очень рѣдкій у хоринскихъ бурятъ (2%), вы-

раженъ сильнѣе у селенгинскихъ (7%) и закаменскихъ (10%) и болѣе всего у кударинскихъ (15%). Болѣе темный цвѣтъ глазамъ нашихъ народностей придаетъ глубокое нахожденіе ихъ въ орбитахъ и узкая глазная щель, и это особенно замѣтно у молодыхъ субъектовъ.

Что касается выцвѣтанія глазъ въ старости у изслѣдованныхъ нами субъектовъ, то, по нашему мнѣнію, таковое находится въ зависимости не только отъ выцвѣтанія пигмента, но еще больше отъ потускнѣнія роговицы и довольно ранняго старческаго ея перерожденія, чему способствуетъ жизнь номадовъ на воздухѣ, при сильномъ вліяніи солнечныхъ лучей, пыли и дыма, вызывающихъ постоянно хроническій катарръ слизистой оболочки вѣкъ, ведущій за собою, въ свою очередь, измѣненіе ткани и преждевременное образованіе старческаго валика на роговицѣ (arcus senilis). Эти измѣненія вмѣстѣ съ потерею блеска глазъ не могутъ не придавать послѣднимъ болѣе свѣтлаго оттѣнка.

Рис. 13. Кударинскій бурятъ Заяханов.

Наши народности обладаютъ хорошимъ зрѣніемъ съ сильно выраженною дальнозоркостью, присущею вообще всѣмъ степнымъ народамъ. Старческое измѣненіе хрусталика приходилось встрѣчать, въ возрастѣ 50—60 лѣтъ, чрезвычайно рѣдко (только у 3-хъ бурятъ изъ всего числа изслѣдованныхъ).

Средній ростъ распредѣляется у нашихъ народностей слѣдующимъ образомъ:

	У 36 халхасцевъ		161,08 сант.
у 544 бурятъ.	„ 408 селенгинскихъ	162,98 сант.	163,12 „
	„ 53 хоринскихъ	163,64 „	
	„ 21 закаменскихъ	165,33 „	
	„ 62 кударинскихъ	163,64 „	
	„ 45 тунгусовъ		163,82 „

Ростъ вообще у всѣхъ невысокій: у халхасцевъ онъ нѣсколько ниже (161,08), нежели у бурятъ (163,12) и тунгусовъ (163,82). Изъ отдѣль-

ныхъ бурятскихъ группъ закаменскіе буряты-звѣроловы, живущіе въ высокихъ горахъ, имѣютъ средній ростъ выше остальныхъ (165,33). При распредѣленіи размѣровъ роста на отдѣльныя группы, мы замѣчаемъ, что у всѣхъ преобладаетъ средній ростъ (у халхасцевъ—58%, у бурятъ—62% и тунгусовъ—67%), при которомъ чаще выступаетъ низкій (у халхасцевъ—33%, бурятъ — 25% и у тунгусовъ — 29%), нежели высокій, встрѣчающійся чаще у бурятъ (13%), рѣже у халхасцевъ (8%) и еще рѣже у тунгусовъ (4%). У отдѣльныхъ бурятскихъ группъ средній ростъ имѣетъ меньшее число представителей у хоринскихъ бурятъ (47%) и болѣе у остальныхъ (62% и 68%); низкій ростъ у хоринскихъ (36%) и селенгинскихъ бурятъ встрѣчается чаще (25%), нежели у кударинскихъ (21%) и закаменскихъ (14%); высокорослыхъ субъектовъ болѣе среди закаменскихъ (19%) и хоринскихъ бурятъ (17%), нежели среди селенгинскихъ (13%) и кударинскихъ (12%).

Величиною головы, опредѣленною вычитаніемъ высоты надъ поломъ подбородочной точки изъ высоты роста, и ея отношеніемъ къ росту буряты (218 мм. или 13,33%) нѣсколько превосходятъ халхасцевъ (206 мм. или 12,79%) и тунгусовъ (211 мм. или 12,89%). Изъ отдѣльныхъ группъ бурятъ эта величина нѣсколько больше у хоринскихъ (223 мм. или 13,46%), нежели у селингинскихъ (218 мм. или 13,35%) и кударинскихъ (220 мм. или 13,32%), а въ особенности, нежели у закаменскихъ (218 мм. или 13,24%).

Замѣтимъ при этомъ, что наши наблюденія подтверждаютъ фактъ, констатированный впервые А. А. Ивановскимъ, а позже А. Г. Рождественскимъ и другими изслѣдователями, что величина головы находится въ зависимости отъ высоты роста и что съ увеличеніемъ его абсолютная ея величина также увеличивается, но относительная уменьшается.

Высота головы, полученная посредствомъ вычитанія изъ высоты роста высоты слухового отверстія надъ почвою, — наибольшая у бурятъ (127 мм.), меньшая у тунгусовъ (123 мм.) и халхасцевъ (122 мм.). Взятый-же по отношенію къ величинѣ головы, этотъ размѣръ нѣсколько больше у халхасцевъ (59%), нежели у бурятъ (58%) и тунгусовъ (59%). Изъ отдѣльныхъ бурятскихъ группъ наибольшую высоту головы имѣютъ селенгинцы (128 мм. или 59%) и хоринцы (130 мм. или 59%), а наименьшую—закаменцы (127 мм. или 58%) и кударинцы (124 мм. или 57%).

Длина черепа или передне-задній наибольшій діаметръ равенъ у халхасцевъ 189, у бурятъ—187 и у тунгусовъ—189 мм., такъ что халхасцы и тунгусы превосходятъ бурятъ длиною черепа. Изъ отдѣльныхъ бурятскихъ группъ длина черепа меньшая у селенгинцевъ (187) по сравненію съ хоринцами (188), кударинцами (189) и закаменцами (189). Длина черепа по отношенію къ росту мало разнится у нашихъ народностей: у халхасцевъ она—11,75%, у бурятъ—11,45%, а у тунгусовъ—11,54%.

Ширина черепа, или поперечный наибольшій діаметръ равняется у халхасцевъ — 155, у бурятъ — 160 (у отдѣльныхъ ихъ группъ онъ колеблется между 159 и 161 мм.), у тунгусовъ — 156 мм. Ширина черепа, взятая по отношенію къ росту, представляетъ незначительную разницу: у халхасцевъ—9,61, у бурятъ—9,74 и у тунгусовъ—9,43.

Головной указатель характеризуется слѣдующими средними цифрами:

	У 36 халхасцевъ		81,88
у 535 бурятъ.	„ 401 селенгинскихъ	85,83	85,66
	„ 48 хоринскихъ	85,21	
	„ 68 кударинскихъ	85,36	
	„ 18 закаменскихъ	84,09	
	„ 35 тунгусовъ		82,22.

По среднему головному указателю халхасцы и тунгусы—подкороткоголовые, тогда какъ буряты и ихъ отдѣльныя группы — настоящіе коротголовые.

Сопоставляя для сравненія средніе головные указатели другихъ народностей, получимъ:

	у 181 бурятъ селенгинскихъ	(Шендриковскій)	88,43	
	„ 100 „ аларцевъ	(Поротовъ)	82,35	
у 278 западныхъ монголовъ.	„ 73 тарбагатайскихъ торгоутовъ	(Ивановскій)	84,68	84,04
	„ 30 калмыковъ-чахаровъ	(Мацѣевскій и Поярковъ)	83,57	
	„ 30 торгоутовъ		84,86	
	„ 30 арбунсумуновъ		83,02	
	„ 30 турфанскихъ калмыковъ		85,78	
	„ 4 кульджинскихъ „	(Ujfalvy)	86,98	
	„ 6 волжскихъ „	(Деникеръ)	81,36	
	„ 75 „ „	(Воробьевъ[1])	83,05	
	„ 87 южныхъ якутскихъ тунгусовъ	(Майновъ)	82,69	

Изъ приведеннаго видимъ, что, по изслѣдованіямъ Шендриковскаго, селенгинскіе буряты, измѣренные въ меньшемъ числѣ, оказались болѣе короткоголовыми (88,43), чѣмъ наши, буряты же аларцы Поротова (82,35), какъ и якутскіе тунгусы Майнова (82,69) своею подкороткоголовостью превосходятъ нашихъ халхасцевъ и тунгусовъ, а разныя поколѣнія западныхъ монголовъ менѣе короткоголовы (84,04), нежели буряты.

Среди нашихъ тунгусовъ выдѣляются два типа: одинъ—арматскихъ родовъ съ среднимъ головнымъ указателемъ отъ 82,64 до 88,95 и другой—баргузинскихъ съ указателемъ 77,80. У первыхъ родовъ выступаетъ преимущественно типъ короткоголовый (85,72% — 100%) при болѣе рѣдкомъ среднеголовомъ (14,28%), у вторыхъ – одинаково часто короткоголовый и среднеголовый (по 38,46%) и нѣсколько рѣже длинноголовый

[1]) По рукописнымъ даннымъ.

(23,08%). Въ общемъ, арматскіе тунгусы крайне короткоголовы, тогда какъ баргузинскіе—поддлинноголовы.

Распредѣляя числа головныхъ указателей по группамъ и сопоставляя наши данныя съ данными другихъ авторовъ, находимъ:

Головной указатель.	Число субъектовъ	Въ абсолютныхъ числахъ. Длинноголовые (до 75)	Поддлинноголов. (75,01-77,77)	Среднегол. (77,78—80	Подкороткоголов. (80,01-83,33)	Короткогол. (83,34 и бол.)	Общее число длинногол.	" " среднегол.	" " короткогол.	Въ %. Длинноголовые	Поддлинноголовые	Среднеголовые	Подкороткоголовые	Короткоголовые	Общій % длинноголовыхъ	" " среднеголовыхъ	" " короткоголовыхъ
Халхасцы.	36	1	2	8	11	14	3	8	25	3	5	22	31	39	8	22	70
Тунгусы.	35	3	2	4	13	13	5	4	26	9	6	11	37	37	15	11	74
Буряты: Селенгинцы . . .	401	4	6	24	70	297	10	24	36	1	1	6	18	74	2	6	92
Буряты: Хоринцы	48	—	3	3	10	32	3	3	42	—	6	6	21	67	6	6	88
Буряты: Кударинцы . . .	68	—	—	4	17	47	—	4	64	—	—	6	25	69	—	6	94
Буряты: Закаменцы . . .	18	—	—	1	9	8	—	1	17	—	—	6	50	44	—	6	94
Буряты: Всѣхъ.	535	4	9	32	106	384	13	32	490	1	2	6	20	71	3	6	91
Бур.-селенг. (Шендрик.)	181	—	—	2	18	161	—	2	179	—	—	1	10	89	—	1	99
Бур.-аларцы (Поротовъ).	100	2	9	17	31	41	11	17	72	2	9	17	31	41	11	17	72
Калмыки торгоуты: Тарбаг. (Ивановск.)	73	—	—	—	17	56	—	—	73	—	—	—	23	77	—	—	100
Калмыки торгоуты: Кульдж. (Мац. и Пояр.)	120	—	5	12	35	68	5	12	103	—	4	10	29	57	4	10	86
Калмыки торгоуты: Кульдж. (Ujfalvy).	4	—	—	—	—	4	—	—	4	—	—	—	—	100	—	—	100
Калмыки торгоуты: Волжск. (Деникеръ)	6	1	—	1	3	1	1	1	4	16	—	17	50	17	16	17	67
Калмыки торгоуты: Всѣхъ	203	1	5	13	55	129	6	13	184	0,5	2,5	6	27	64	3	6	91
Сѣв. китайцы (Т.-Грынц.)	59	1	1	11	18	23	2	11	41	2	2	20	33	43	4	20	76
Якуты (Геккеръ) . . .	139	1	12	19	42	65	13	19	107	1	8	14	30	47	9	14	77

Шириною лба (наименьшимъ лобнымъ діаметромъ) наши народности мало различаются между собою: у халхасцевъ она равна 110 мм., а по

отношенію къ наибольшему поперечному діаметру—71,37; у бурятъ—112 мм. (69,04), а у тунгусовъ—109 мм. (70,27). По лобному указателю, т.е. по отношенію наименьшаго лобнаго діаметра къ передне-заднему наибольшему, лобъ нѣсколько шире у бурятъ (59,70), нежели у халхасцевъ (58,38) и тунгусовъ (57,85).

Распредѣленіе лобнаго указателя таково:

Лбы.	Въ абсолютныхъ числахъ							Въ %.						
		Буряты (526).							Буряты.					
	Халхасцы (36)	Селенгинцы (393)	Хоринцы (47)	Закаменцы (18)	Кударинцы (68)	Всѣхъ (526)	Тунгусы (35)	Халхасцы	Селенгинцы	Хоринцы	Закаменцы	Кударинцы	Всѣхъ	Тунгусы
Узкіе (до 59)	27	120	29	11	37	197	25	75	31	62	61	54	37	71
Средніе (60—69).	9	273	18	7	31	329	10	25	69	38	39	46	63	29
Широкіе (70 и выше). . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

У всѣхъ изслѣдованныхъ субъектовъ лобъ былъ преимущественно низкій, причемъ у халхасцевъ и бурятъ чаще встрѣчались округлые лбы, а у тунгусовъ—прямые.

Лобные бугры, вообще мало развитые, у бурятъ въ 50%, а у тунгусовъ въ 45% совершенно отсутствовали. Надбровныя дуги рѣзче выражены у бурятъ и очень мало у тунгусовъ.

Темя въ большинствѣ случаевъ высокое (у тунгусовъ—71%, у бурятъ—48%), короткое, значительно расширяющееся взадъ, особенно у халхасцевъ и бурятъ, съ сильно развитыми теменными буграми.

Затылочный діаметръ и отношеніе его къ наибольшему поперечному меньше у халхасцевъ (137 мм. или 88,28) и больше у бурятъ (147 мм. или 89,83) и тунгусовъ (142 мм. или 92,84). У отдѣльныхъ бурятскихъ группъ имѣемъ:

у кударинцевъ	146 мм.	или	91,05
„ закаменцевъ	143 „	„	91,66
„ селенгинцевъ	144 „	„	89,56
„ хоринцевъ	142 „	„	89,66

О распредѣленіи затылочныхъ указателей даетъ представленіе слѣдующая таблица:

Затылки.	Въ абсолютныхъ числахъ.							Въ %.						
		Буряты (417).							Буряты.					
	Халхасцы (36).	Селенгинцы (319).	Хоринцы (25).	Закаменцы (6).	Кударинцы (67).	Всѣхъ (417).	Тунгусы (2).	Халхасцы.	Селенгинцы.	Хоринцы.	Закаменцы.	Кударинцы.	Всѣхъ.	Тунгусы.
Узкіе (до 69)	13	16	2	1	2	21	—	36	5	8	17	3	5	—
Средніе (70—79)	22	240	19	4	50	313	2	61	75	76	66	75	75	100
Широкіе (80 и выше) . . .	1	63	4	1	15	83	—	3	20	16	17	22	20	—

Разница въ преобладаніи затылочной ширины надъ лобною (по указателямъ) равняется у халхасцевъ 13,81, у тунгусовъ—16,29, у бурятъ—17,35. Изъ отдѣльныхъ группъ бурятъ у закаменскихъ она равна 16,08, у хоринскихъ—16,96, у селенгинскихъ—17,25 и у кударинскихъ—17,98. Форма затылка, по большей части, плоская, какъ бы усѣченная. Причину такой формы многіе изслѣдователи, согласно указаніямъ Е. А. Покровскаго (описавшаго калмыцкую колыбель), видятъ въ устройствѣ колыбели и способѣ укладки въ нее младенца. Мы думаемъ, однако, что нельзя приписывать этого измѣненія исключительно одному вліянію колыбели, а скорѣе слѣдуетъ видѣть въ немъ расовую особенность; мы, по крайней мѣрѣ, наблюдали, что признакъ этотъ довольно стойко удерживается у бурятъ, воспитанныхъ по-европейски, и часто находили его у метисовъ.

Размѣры горизонтальной окружности слѣдующіе:

У 36 халхасцевъ			559 мм.
„ 532 бурятъ	399 селенгинцевъ . . .	563	. . 564 „
	48 хоринцевъ	569	
	17 закаменцевъ . . .	571	
	68 кударинцевъ . . .	563	
„ 43 тунгусовъ			573 „

У отдѣльныхъ бурятскихъ родовъ этотъ размѣръ колеблется между 560—591 мм., а у тунгузскихъ—между 560—572 мм. Передняя часть горизонтальной окружности и ея отношеніе ко всей длинѣ послѣдней меньше

у халхасцевъ (287 мм. или 51,40) и больше у бурятъ (299 мм. или 52,85) и тунгусовъ (297 мм. или 52,76).

Затылочно-лобная дуга и ея отношеніе къ горизонтальной окружности равны у халхасцевъ 325 мм. или 58,18, у бурятъ—322 мм. или 56,96, у тунгусовъ—321 мм. или 56,79. Средніе размѣры бурятскихъ родовъ таковы: у селенгинцевъ—322 (57,03), у хоринцевъ—338 (58,20), у закаменцевъ—324 (56,77) и у кударинцевъ—319 (56,74).

Поперечная ушная дуга равна въ среднемъ у халхасцевъ 366, у бурятъ—367 и у тунгусовъ—372 мм. Отношеніе размѣровъ поперечной окружности къ горизонтальной мало разнится у нашихъ народностей: у халхасцевъ оно равно 65,56, у бурятъ—64,80, у тунгусовъ—66,24.

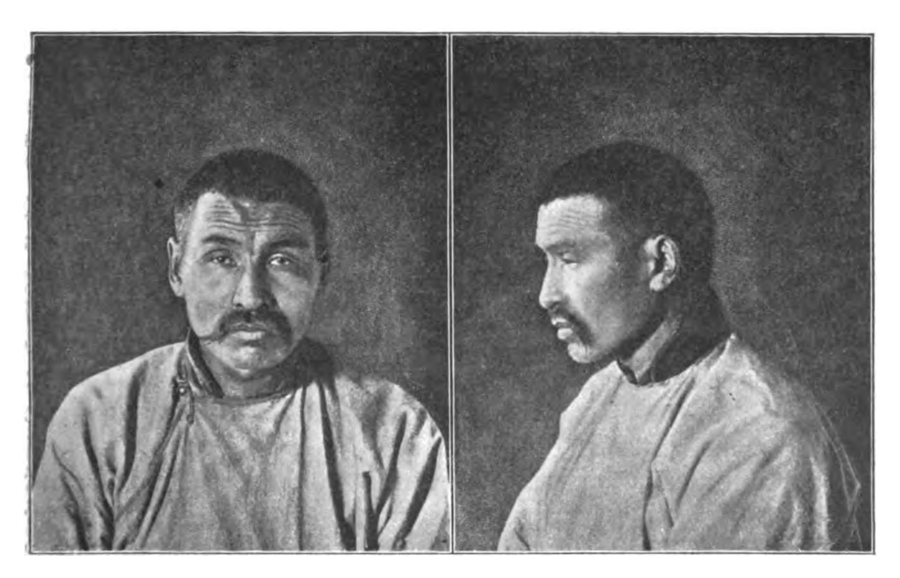


Рис. 14—15. Арматскій тунгусъ Доржи Помпиловъ, 34 л., Цанкиндинова рода, Хангитова ясу, улуса Хара Худжиръ, Селенгинскаго у. (ростъ—170 сант., голов. указ.—8 [illegible],10, лицев. указ.—93,10).

Лицевая линія (разстояніе отъ корней волосъ на лбу до нижняго края подбородка) равна у халхасцевъ 197, у бурятъ—192 и у тунгусовъ—189 мм. Нѣкоторая разница въ величинѣ этого размѣра наблюдается у отдѣльныхъ бурятскихъ группъ: у селенгинцевъ—194, хоринцевъ—182, закаменцевъ—189 и кударинцевъ—192 мм. У тунгузскихъ родовъ средній размѣръ колеблется между 192,6—195,7 мм. и лишь у баргузинскихъ равенъ 183 мм. Что касается отношенія лицевой линіи къ величинѣ головы, то оно больше у халхасцевъ (96,27), нежели у тунгусовъ (92,29) и бурятъ (88,98), какъ и у ихъ отдѣльныхъ родовъ.

По отношенію лицевой линіи къ росту халхасцы (12,25) превышаютъ бурятъ (11,75) и тунгусовъ (11,60). Изъ бурятскихъ родовъ эти

отношенія нѣсколько больше у селенгинскихъ (11,86) и кударинскихъ (11,73), нежели у закаменскихъ (11,41) и хоринскихъ (11,09). Изъ тунгузскихъ родовъ (съ отношеніями 11,68—12,14) выдѣляются меньшими размѣрами баргузинскіе (11,29).

Разсматривая отдѣльныя части лицевой линіи, находимъ, что верхняя треть лица (отъ корня носа до лобной волосной линіи) представляетъ разницу у отдѣльныхъ народностей, какъ въ абсолютныхъ числахъ, такъ и по отношенію этого размѣра ко всей лицевой линіи: она—большая у халхасцевъ (58 или 29,58) и тунгусовъ (57 или 29,63) и меньшая—у бурятъ (55 или 28,70). У отдѣльныхъ бурятскихъ группъ верхняя треть лица мало разнится по своимъ размѣрамъ и колеблется въ среднемъ отъ 55,05 до 55,34 мм. или отъ 28,59 до 29,30; большіе размѣры, можетъ быть случайно, имѣютъ лишь хоринскіе буряты (63 мм. или 31,62).

Средняя треть лица (длина носа) въ абсолютныхъ числахъ представляется большею у халхасцевъ (65) и бурятъ (64) и меньшею у тунгусовъ (61 мм.). Изъ отдѣльныхъ группъ бурятъ она—большая у кударинцевъ (64) и селенгинцевъ (64), меньшая—у закаменцевъ (63) и хоринцевъ (61). По отношенію къ длинѣ лица носъ нѣсколько больше у халхасцевъ (32,90) и бурятъ (33,08), нежели у тунгусовъ (31,56). Что же касается отдѣльныхъ бурятскихъ группъ, то у хоринцевъ это отношеніе равно 30,99, у селенгинцевъ—32,27, у закаменцевъ—33,34 и у кударинцевъ—33,48.

Нижняя треть лица (отъ подносовой точки до нижняго края подбородка) и отношеніе ея ко всему лицу равны у халхасцевъ 75 мм. или 37,88, у бурятъ—74 (38,23), у тунгусовъ—75 (38,70). Отдѣльныя группы бурятъ мало отличаются отъ общей средней для всѣхъ бурятъ.

Слѣдовательно, по отношенію отдѣльныхъ частей лица ко всей длинѣ его наши народности, превышая верхнюю треть торгоутовъ, уступаютъ имъ длиною средней трети лица или носа, имѣя настолько же больше развитую нижнюю треть лица.

Наибольшая ширина лица у халхасцевъ—150, у бурятъ—153 и у тунгусовъ—153 мм. У отдѣльныхъ бурятскихъ группъ она—наибольшая у закаменцевъ (155) и селенгинцевъ (153), меньшая—у хоринцевъ (152) и кударинцевъ (151). У тунгузскихъ арматскихъ родовъ ширина лица значительно больше (160 и 161), нежели у баргузинскихъ (145). Западные монголы шириною лица значительно превосходятъ наши народности. Южные якутскіе тунгусы ближе подходятъ къ баргузинскимъ (151 мм.).

По отношенію ширины лица къ длинѣ его у нашихъ народностей выступаетъ болѣе замѣтная разница. Это отношеніе наименьшее у халхасцевъ (76,56), большее—у бурятъ (79,90) и наибольшее—у тунгусовъ (81,25). У отдѣльныхъ бурятскихъ родовъ оно нѣсколько меньше у селенгинскихъ (79,39) и кударинскихъ (79,14), нежели у закаменскихъ (82,72) и хоринскихъ (83,83). У тунгусовъ арматскихъ оно больше и ко-

лебдется у разныхъ родовъ отъ 82,27 до 84,12, у баргузинскихъ—меньше (79,33). Южные тунгусы Якутскаго края мало отличаются отъ забайкальскихъ (81,62).

По абсолютной ширинѣ скуловаго діаметра, какъ и по лицевому указателю, т.-е. отношенію скуловаго діаметра къ лицевой линіи, большими размѣрами отличаются буряты (129 мм. или 67,33) и тунгусы (129 мм. или 68,74), меньшими—халхасцы (126 мм. или 64,42). Изъ отдѣльныхъ группъ бурятъ этотъ размѣръ меньше у селенгинцевъ (129 мм. или 66,56) и кударинцевъ (130 мм. или 67,45) и нѣсколько больше у хоринцевъ (120 мм. или 71,64) и закаменцевъ (130 мм. или 69,33). Изъ тунгусовъ большими относительными размѣрами отличаются баргузинскіе роды (130 мм. или 70,85) въ сравненіи съ арматскими (125—132 мм. или 65,33—67,91).

Раздѣливши изслѣдованныхъ субъектовъ по лицевымъ указателямъ, находимъ:

Лицевой указатель.	Въ абсолютныхъ числахъ.							Въ %.						
		Буряты (295).							Буряты.					
	Халхасцы (35).	Селенгинцы (192).	Хоринцы (24).	Закаменцы (18).	Кударинцы (61).	Всѣхъ (295).	Тунгусовъ (4).	Халхасцы.	Селенгинцы.	Хоринцы.	Закаменцы.	Кударинцы.	Всѣхъ.	Тунгусы.
Микроземы (до 65,99) . .	20	98	4	7	22	131	8	57	51	17	39	36	44	19
Мезоземы (66—68,99) . .	7	37	2	1	15	55	1	20	19	8	5	25	19	38
Мегаземы (69 и бол.) . .	8	57	18	10	24	109	18	23	30	75	56	39	37	43

Разстояніе между углами нижней челюсти и его отношеніе къ скуловому діаметру у халхасцевъ равны 116 мм. или 93,07, у бурятъ—118 (91,89), у тунгусовъ—118 (91,18). У селенгинскихъ бурятъ этотъ размѣръ—118 (91,32), у хоринскихъ—120 (92,39), у закаменскихъ—120 (92,52), у кударинскихъ—120 (93,47). Изъ этого мы видимъ, что наибольшій размѣръ—у бурятъ, а наибольшее отношеніе—у халхасцевъ; изъ бурятъ самыми большими размѣрами и отношеніемъ отличаются кударинскіе.

Межглазничное пространство нѣсколько шире у халхасцевъ (36,3 мм.) и тунгусовъ (36,4), нежели у бурятъ (35,7), причемъ оно больше у закаменскихъ (37) и кударинскихъ бурятъ (37) и меньше у хоринскихъ (35) и селенгинскихъ (35). Среди тунгусовъ меньшіе размѣры имѣютъ баргузинскіе (35), большіе—арматскіе (37—38).

Ширина носа у халхасцевъ равна 36,6 мм. (носовой указатель—57,08), у бурятъ—36,5 (57,02), у тунгусовъ — 36,3 (56,89). У отдѣльныхъ группъ бурятъ въ этихъ размѣрахъ замѣчается значительное колебаніе: у селенгинцевъ — 36,2 (57,15), хоринцевъ — 40,3 (56,55), закаменцевъ — 34,4 (55,47), кударинцевъ — 36,5 (57,10). Изъ тунгусовъ баргузинскіе отличаются большими размѣрами ширины носа (38,8), нежели арматскіе (33,4 — 35 мм.). По носовому указателю всѣ принадлежатъ къ широконосымъ.

Средняя высота носа (отъ подносовой точки до кончика носа) равна у халхасцевъ 18 мм., а по отношенію къ его ширинѣ—49,63, у бурятъ—18,2 (49,99), у тунгусовъ—20,2 (55,94). Средняя высота носа у отдѣльныхъ бурятскихъ группъ: у селенгинцевъ—17,7 (49,13), у хоринцевъ—20,8 (52,17), у закаменцевъ — 18,4 (53,71) и у кударинскихъ — 18,5 (50,76). Среди тунгузскихъ родовъ арматскіе обладаютъ меньшими размѣрами—19,6 (53,57), баргузинскіе—большими—22 (58,32).

Ширина рта и ея отношеніе къ скуловому діаметру у халхасцевъ равны 53 мм. или 42,35, у бурятъ—50 (39,03), у тунгусовъ—51 (39,87). У отдѣльныхъ бурятскихъ группъ этотъ размѣръ колеблется въ среднемъ: у селенгинцевъ 49 (38,51), у хоринцевъ—50 (38,99), у закаменцевъ—54 (41,60), у кударинцевъ—51 (39,91).

А. А. Ивановскій въ своей статьѣ: «Къ вопросу о различіяхъ формъ глазной щели» («Труды Антроп. Отд.», т. XIX), впервые указалъ на важность измѣреній этого антропологическаго признака. Мы измѣряли (скользящимъ циркулемъ) ширину глазной щели въ самомъ широкомъ мѣстѣ, посрединѣ глаза, а длину — между наружными углами вѣкъ. Большинство изслѣдованныхъ переносило сравнительно спокойно эти измѣренія, лишь у нѣкоторыхъ, болѣе чувствительныхъ, происходило морганье вѣками, такъ что у нихъ приходилось повторять измѣреніе по нѣскольку разъ. Незначительная вообще ширина глазной щели, на-ряду съ косвеннымъ положеніемъ ея, издавна служила антропологическимъ признакомъ монгольской расы. Отношеніе ширины глазной щели къ длинѣ ея равно у халхасцевъ—26,36, у бурятъ—30,40, у тунгусовъ—29,79; у отдѣльныхъ бурятскихъ группъ оно—наименьшее у кударинцевъ (26,48) и хоринцевъ (29,87) и большее—у закаменцевъ (30,11) и селенгинцевъ (31,07).

Ухо было измѣрено нами лишь у бурятъ. Средняя ширина его 28 мм., при длинѣ 61 мм. и ушномъ указателѣ 46,18. Отношеніе ширины уха къ росту—1,71, а отношеніе длины его къ росту—3,71.

Къ этимъ цифровымъ даннымъ о лицѣ изслѣдованныхъ нами народностей мы должны прибавить, что у всѣхъ ихъ оно—плоское, ортогнатное, продолговатое или четыреугольное (у халхасцевъ таковое найдено въ 55,55%, у бурятъ—въ 58,01% и у тунгусовъ—въ 51,22%). Короткоголовость, по нашимъ наблюденіямъ, чаще сочетается преимущественно съ продолговатымъ лицомъ (какъ это отмѣчено нами у бурятъ въ 78,01%) и рѣже съ круглымъ или овальнымъ (21,99%).

Относительно глазъ слѣдуетъ замѣтить, что они сидятъ въ глазныхъ впадинахъ глубоко (глубже у тунгусовъ, нежели у бурятъ и халхасцевъ). При этомъ узкая глазная щель стоитъ во впадинѣ не горизонтально, а нѣсколько косо, что особенно характерно для бурятъ, у которыхъ мы

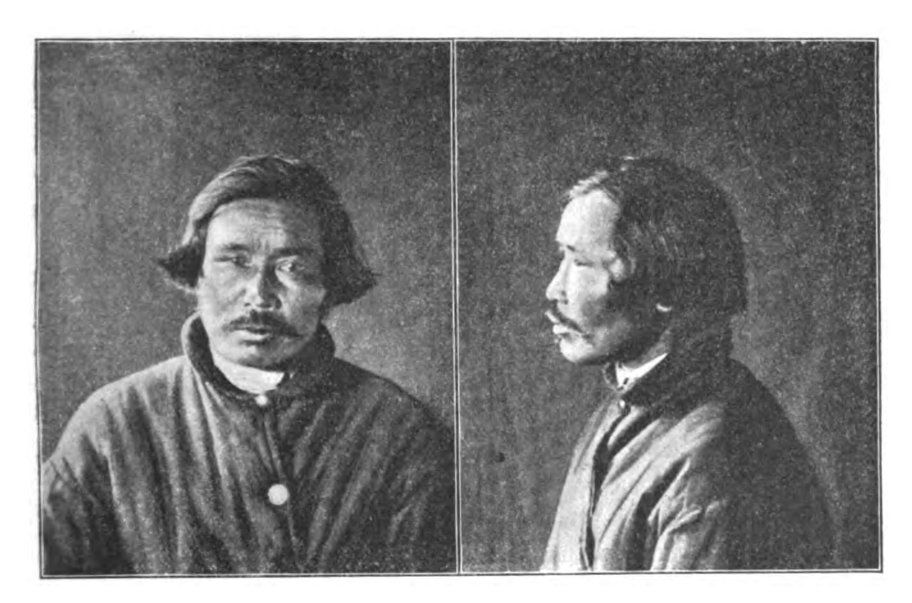


Рис. 16—17. Арматскій тунгусъ Иннокентій Тыкереновъ (крещен.), 52 л., Цакиндинова рода, изъ Армака, Селенгинскаго у. (ростъ — 160 с., голов. указ. — 82,06, лицев. ук.—93,33).

нашли косвенное положеніе глазъ въ 75%. Наконецъ, третья особенность строенія глазъ—это выступающая на верхнемъ вѣкѣ, у внутренняго угла глаза, особая складка кожи, называемая монгольской, иначе третьимъ или птичьимъ вѣкомъ (Epicanthus), закрывающая иногда въ дѣтствѣ цѣлый глазной уголъ, но съ годами сглаживающаяся. Наши наблюденія показали, что у халхасцевъ складки вѣкъ не было въ 11,11%; изъ 88,88% наблюденій она была малыхъ размѣровъ въ 55,55%, большихъ—въ 25% и среднихъ—въ 8,33%. У бурятъ эта складка была зарегистрована въ 71,29%, при этомъ малыя и среднія складки встрѣчались одинаково часто (въ 32,06% и 28,71%), а большія рѣже (въ 10,52%). У тунгусовъ онѣ

отсутствовали въ 58,33%, были малыми въ 25% и средними—въ 16,67%. Складка вѣкъ сильнѣе всего бываетъ развита въ дѣтствѣ, до 25 лѣтъ; съ этого возраста она постепенно уменьшается, а съ 45 лѣтъ сглаживается къ старости. У дѣтей метисовъ—бурятъ съ русскими, во второмъ и третьемъ колѣнѣ, монгольская складка хорошо выражена только лѣтъ до 16-ти, а затѣмъ постепенно сглаживается.

Характернымъ для халхасцевъ и бурятъ является носъ — длинный, приплюснутый и низкій, съ широкими уплощенными ноздрями, мало или почти не выступающій за лицевую линію, проведенную внизъ отъ лба, что придаетъ лицамъ этихъ народностей приплюснутую форму. Ноздри имѣютъ видъ вытянутыхъ элипсовъ, длинныя оси которыхъ у спинки носа образуютъ тупой уголъ. Признаки особенностей монгольской расы по отношенію носа менѣе выражены у тунгусовъ. Межглазничное пространство у нихъ широкое и уплощенное. По формѣ носа выступаетъ у всѣхъ въ ¾ наблюденій (72%—75%) плоская, при которой чаще другихъ формъ наблюдается прямая — у тунгусовъ въ два раза чаще (25,58%), нежели у халхасцевъ (13,89%) и бурятъ (16,48%), причемъ у послѣднихъ изрѣдка встрѣчаются вздернутый (5,55%—6,68%) и горбатый носы (5,55%—4,67%).

Губы у халхасцевъ по большей части — острыя, поджатыя (50%), рѣже съ приподнятой верхней (22,22%) или съ выдающейся нижней губой (16,67%) и толстыя (11,11%); у бурятъ—чаще острыя (35,45%) или съ приподнятою верхнею губой (32,77%), рѣже съ выдающеюся нижнею (13,38%) или толстыя (18,39%); у тунгусовъ больше толстыхъ губъ (35%), съ приподнятою верхнею губой (35%), меньше острыхъ (22,50%) и весьма рѣдко встрѣчаются съ выдающеюся нижнею губой (7,50%).

Зубы въ молодости прекрасно сохраняются; они—ярко-бѣлаго цвѣта, крѣпко сидятъ въ деснахъ, расположены безъ промежутковъ, ровные, небольшие и значительно выдаются впередъ. Изъ числа изслѣдованныхъ нами отмѣчено имѣющихъ всѣ зубы: изъ бурятъ — 80,94%, тунгусовъ — 94,12% и халхасцевъ—55,55%. Значительно меньшее у халхасцевъ число лицъ, имѣющихъ всѣ зубы, зависитъ не отъ меньшей ихъ прочности, но отъ частыхъ травматическихъ случайныхъ причинъ, лишающихъ ихъ зубовъ въ молодости; оттого и общій процентъ съ недостаткомъ зубовъ у халхасцевъ больше, именно — 41,67%, тогда какъ у бурятъ только 17,64%, а у тунгусовъ—едва 5,88%. До 40 лѣтъ зубы хорошо сохраняются, а затѣмъ они начинаютъ выпадать, и можно иногда встрѣтить 45 лѣтнихъ субъектовъ, совершенно лишенныхъ зубовъ; послѣ же 55 лѣтъ до поздней старости число таковыхъ все увеличивается. Хотя и рѣдко, но встрѣчаются, однако, субъекты, у которыхъ и въ глубокой старости сохраняются всѣ зубы. Каріозность зубовъ мы встрѣчали лишь въ 15%;

большинство зубовъ выпадаетъ цѣликомъ не отъ порчи, а отъ вялости и разслабленія десенъ.

Форму подбородка халхасцы имѣютъ чаще всего острую (41,67%) или широкую (36,11%) и рѣже круглую (22,22%); у бурятъ, при обыкновенно широкой (53,30%), рѣдко встрѣчается круглая (28,30%), а въ особенности острая (18,40%); у тунгусовъ еще чаще выступаетъ широкая (65%), при болѣе рѣдкой круглой (30%). Болѣе широкая форма подбородка у двухъ послѣднихъ народностей зависитъ отъ широкихъ боковыхъ частей нижней челюсти, причемъ послѣдняя скошена книзу, а сама бородка выступаетъ впередъ и кверху, что особенно замѣтно у бурятъ.

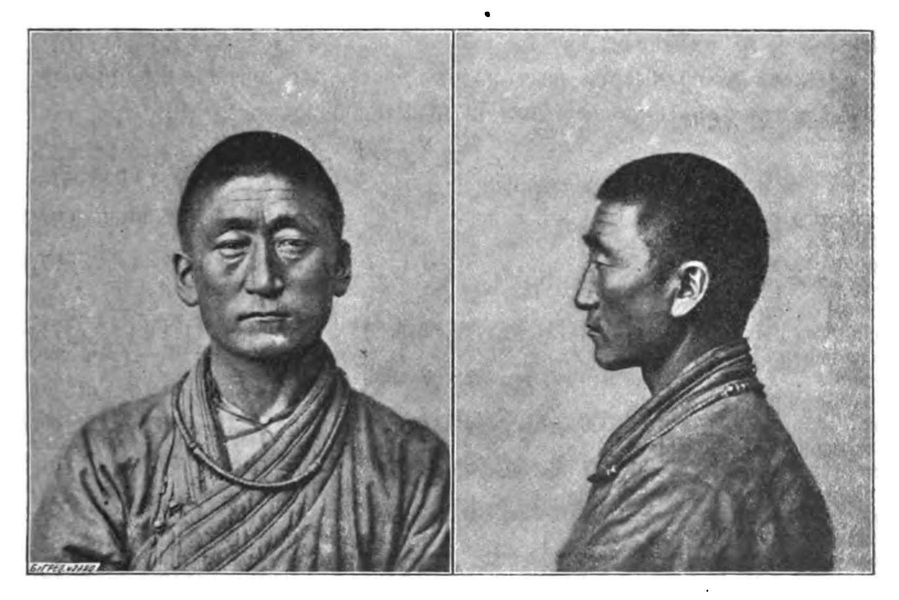


Рис. 18 –19. Халхасецъ Гэксылъ, лама, 31 г., изъ мѣстности Гурбунъ-Булунъ, хошуна Мургэнъ-Вана.

Уши встрѣчаются чаще всего оттопыренныя, т.-е. далеко отстоящія отъ черепа, и рѣже приплюснутыя. Оттопыренныя уши наблюдались у халхасцевъ въ 69,44%, у бурятъ—въ 80,46% и у тунгусовъ—въ 61,29%; у халхасцевъ (50%) и бурятъ (56,29%) чаще малыя и рѣже среднія (у первыхъ—44,44%, а у вторыхъ—32,12%), тогда какъ у тунгусовъ среднія уши (51,61%) преобладаютъ надъ малыми (38,71%). Какъ извѣстно, большія ушныя мочки, по понятіямъ народовъ, исповѣдующихъ буддизмъ, составляютъ красу тѣла, которою обладаютъ немногіе изъ смертныхъ, почему таковую приписывали лишь существамъ совершеннымъ, какъ въ духовномъ, такъ и въ физическомъ отношеніи, а именно божествамъ. Представленіе о рѣдкости появленія большихъ ушныхъ мочекъ, при довольно частомъ ихъ существованіи у нашихъ народностей, сложилось, по нашему мнѣнію, въ-

роятно, не въ Монголіи, а въ Индіи или Тибетѣ. Всѣ ламайскіе бурханы, изображаемые на рисункахъ или въ видѣ статуй, обладаютъ признакомъ божественности, какимъ являются длинныя ушныя мочки. Женщины съ молодыхъ лѣтъ удлинняютъ ушныя мочки, прокалывая ихъ по срединѣ и оттягивая довольно значительно тяжелыми серьгами. Далекое отстояніе ушей отъ черепа, т.-е. ихъ оттопыренность, многіе ставятъ въ зависимость отъ ношенія головного убора, мы же въ этомъ отношеніи склоняемся скорѣе къ мнѣнію Пржевальскаго, Зеланда и др., видящихъ въ этомъ расовую особенность монголовъ. По нашему мнѣнію, оттопыренность ушей происходитъ также отъ особенности строенія ушной раковины, которая у нашихъ народностей болѣе длинная и вообще довольно значительныхъ размѣровъ.

Относительно высотъ надъ поломъ различныхъ точекъ мы приводимъ лишь среднія цифры (абсолютныя и по отношенію къ росту):

	У халхасцевъ.				У бурятъ.				У тунгусовъ.			
Слухового отверстія	1485	мм.	или	92,41	1509	мм.	или	92,21	1508	мм.	или	92,44
Нижняго края подбородка	1403	„	„	87,18	1417	„	„	86,63	1422	„	„	87,10
Средней вырѣзки грудины		—			1351	„	„	81,24		—		
Грудныхъ сосковъ	1174	„	„	72,74	1193	„	„	73,02	1171	„	„	71,64
Подсердечной ложечки	1119	„	„	69,55	1135	„	„	69,49	1131	„	„	69,23
Пупка	949	„	„	58,97	965	„	„	58,94	958	„	„	58,62
Верхняго края лобкового соединенія [1])	806	„	„	50,11	822	„	„	50,21	808	„	„	49,46
Шва заднепроходной промежности	747	„	„	46,43	768	„	„	46,97	755	„	„	46,18
Верхняго плечевого отростка (acromion)	1335	„	„	82,95	1357	„	„	82,86	1347	„	„	82,53
Нижняго мыщелка плечевой кости (epicondylus)	1004	„	„	62,41	1020	„	„	62,28	1017	„	„	62,43
Шиловиднаго отростка лучевой кости (apoph. styloid. radii)	760	„	„	47,23	769	„	„	46,94	756	„	„	46,15
Нижняго конца средняго пальца руки	579	„	„	36,18	584	„	„	35,58	572	„	„	35,00
Передней верхней ости (spina anterior superior)	907	„	„	56,39	972	„	„	59,77	983	„	„	60.67
Сочлен. линіи колѣна	438	„	„	27,15	443	„	„	27,04	437	„	„	26,99
Внутренней лодыжки	60	„	„	3,70	68	„	„	4,15	63	„	„	3,88

Длину туловища мы опредѣляли тремя способами: 1) вычитаніемъ изъ высоты роста высоты въ сидячемъ положеніи; при такомъ опредѣленіи длина туловища равна у халхасцевъ 843 мм. (въ % роста—52,35), у бурятъ—856 (52,41), у тунгусовъ—857 (52,29). 2) Длина туловища, из-

---

[1]) $^1/_2$ роста чаще всего приходится ниже лобковаго соединенія: у халхасцевъ—въ 54,28%, у бурятъ—въ 54,22% и у тунгусовъ—въ 47,62%.

мѣренная лентой отъ верхушки головы до копчика, равна у халхасцевъ 839 (52,07), у бурятъ—818 (50,15), у тунгусовъ—816 (49,80). Тунгусы и буряты, слѣдовательно, обладаютъ въ данномъ случаѣ болѣе короткимъ туловищемъ въ сравненіи съ халхасцами. 3) При измѣреніи туловища безъ головы и шеи, отнятіемъ отъ высоты надъ поломъ верхнеплечевого отростка высоты надъ поломъ шва заднепроходной промежности (raphe), длина туловища оказалась равною у халхасцевъ 591 (36,40), у бурятъ—588 (35,75), у тунгусовъ—586 (35,90). И при этомъ измѣреніи халхасцы отличаются отъ бурятъ и тунгусовъ болѣе длиннымъ туловищемъ.

Ширина плечъ у халхасцевъ равна 387 мм. (по отношенію къ росту—23,86%), у бурятъ—383 (23,46), у тунгусовъ—389 (23,84); слѣдовательно, халхасцы и тунгусы имѣютъ плечи нѣсколько шире, нежели буряты.

Окружность груди у халхасцевъ равна 872 мм. или 54,01% роста, у бурятъ—883 (53,84), у тунгусовъ—864 (53,01). Такимъ образомъ, халхасцы и буряты превосходятъ тунгусовъ размѣрами окружности груди.

Окружность живота у халхасцевъ—716 (44,44), у бурятъ—762 (46,71), у тунгусовъ—741 (45,36). Слѣдовательно, окружностью живота халхасцы и тунгусы значительно уступаютъ бурятамъ.

Ширина таза, измѣренная только у бурятъ, дала размѣръ 262 мм., а по отношенію къ росту—15,87%.

Большой размахъ, опредѣленный разстояніемъ между концами среднихъ пальцевъ распростертыхъ до возможныхъ предѣловъ рукъ, далъ у бурятъ 1751 мм., а по отношенію къ росту—104,84%, т.-е. превосходитъ высоту роста на 81 мм.

Верхняя конечность, измѣренная тесьмой отъ верхушки плечевой головки до конца средняго пальца руки, дала слѣдующіе размѣры: у бурятъ—749 мм., а по отношенію къ росту—45,93%, у тунгусовъ—747 мм. или 45,81%.

Вычитаніемъ высоты надъ почвой нижняго конца средняго пальца руки изъ высоты верхняго плечевого отростка мы получили длину руки у халхасцевъ 754 мм. (46,82), у бурятъ—773 (47,22), у тунгусовъ—777 (47,53), такъ что самая короткая рука—у халхасцевъ, а самая длинная—у тунгусовъ.

Длина плеча, полученная вычитаніемъ изъ высоты нижняго внѣшняго мыщелка плечевой кости (epicondylus) высоты верхняго плечевого отростка, дала у халхасцевъ 331 мм. (20,55), у бурятъ—337 (20,63), у тунгусовъ—330 (20,18). Изъ этого видно, что халхасцы и буряты длиною плеча превосходятъ тунгусовъ.

Длина предплечія, опредѣленная вычитаніемъ изъ высоты надъ поломъ шиловиднаго отростка лучевой кости (apophys. styloid. radii) высоты верхняго плечевого отростка, равна у халхасцевъ 243 мм. (15,08), у бурятъ—

250 (15,28), у тунгусовъ—261 (15,97); слѣдовательно, длиною предплечія тунгусы превосходятъ бурятъ и халхасцевъ.

Длина кисти, полученная вычитаніемъ высоты надъ почвою нижняго конца средняго пальца руки изъ высоты надъ почвою шиловиднаго отростка лучевой кости, равна у халхасцевъ 180 мм. (11,19), у бурятъ—186 (11,38) и у тунгусовъ—186 (11,38). Такимъ образомъ наименьшая длина кисти у халхасцевъ.

Нижняя конечность и ея отдѣльныя части опредѣлялись посредствомъ измѣренія высоты разныхъ точекъ надъ поломъ и вычитанія изъ роста высоты въ сидячемъ положеніи и на колѣняхъ. Длина ноги, измѣренная по первому методу (высота надъ поломъ отъ spina anter. super.), дала у халхасцевъ 907 мм. (по отношенію къ росту—56,39%), у бурятъ—972 (59,77), у тунгусовъ—983 (60,67). По длинѣ ноги халхасцы значительно уступаютъ бурятамъ, а въ особенности тунгусамъ, которые какъ по абсолютной, такъ и по относительной длинѣ ногъ, сравнительно съ другими народами, занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ.

Длина бедра (разность между длиною всей ноги и высотою колѣна) равна у халхасцевъ 470 мм. (29,23), у бурятъ—536 (32,73%), у тунгусовъ—546 (32,63). Слѣдовательно, по этому размѣру халхасцы значительно уступаютъ бурятамъ и тунгусамъ.

Длина голени, полученная вычитаніемъ высоты надъ почвою внутренней лодыжки изъ высоты сочленовой линіи колѣна, равна у халхасцевъ 377 мм. (23,50), у бурятъ—375 (22,88), у тунгусовъ—375 (23,10). У халхасцевъ длина голени нѣсколько больше, нежели у бурятъ и тунгусовъ.

Размѣръ высоты надъ поломъ внутренней лодыжки у нашихъ народностей получился меньше, нежели у другихъ народностей, быть-можетъ, потому, что мы производили измѣреніе отъ нижняго края ладыжки. Высота эта равна у халхасцевъ 60 мм. (3,70%), у бурятъ—68 (4,15), у тунгусовъ—63 (3,88).

Изъ сказаннаго видимъ, что халхасцы отличаются отъ бурятъ и тунгусовъ болѣе короткими ногами и болѣе длинными голенями, но послѣдніе за-то превосходятъ ихъ болѣе длинными бедрами.

Измѣренная по второму способу длина ноги у халхасцевъ равна 767 мм. (47,65), у бурятъ—775 (47,53), у тунгусовъ—781 (47,70). По этимъ даннымъ халхасцы также уступаютъ по абсолютной длинѣ ноги бурятамъ и тунгусамъ.

Длина бедра (по 2-му способу) равна у халхасцевъ 365 мм. (22,66), у бурятъ—362 (22,20), у тунгусовъ—364 (22,22).

Длина голени у халхасцевъ—402 мм. (24,99), у бурятъ—414 (25,33), у тунгусовъ—417 (25,48).

Такимъ образомъ халхасцы имѣютъ болѣе длинныя бедра, но за-то болѣе короткія голени, нежели буряты и тунгусы.

Длина ступни у халхасцевъ равна 241 мм. (14,93), у бурятъ—246 (15,01), у тунгусовъ—260 (15,27). Послѣдніе большими размѣрами ступни отличаются какъ отъ бурятъ, такъ и отъ халхасцевъ.

Нелишне упомянуть о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ конечностей, не составляющихъ, по нашему мнѣнію, расовыхъ признаковъ, а зависящихъ отъ случайно созданной искусственной деформаціи. Къ таковымъ относится неполное разгибаніе рукъ въ локтевыхъ сгибахъ, встрѣчаемое въ $^1/_3$ случаевъ у нашихъ народностей; у халхасцевъ оно было зарегистровано въ 30,55%, у бурятъ—въ 38,89%, у тунгусовъ—въ 35,48%. Это измѣненіе

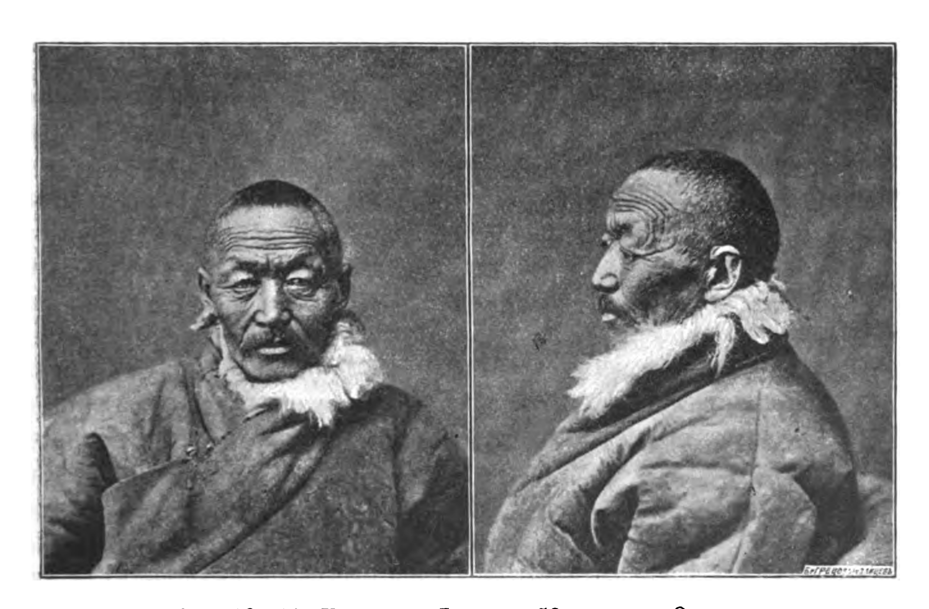


Рис. 20—21. Халхасецъ Лупсанъ, 52 л., съ р. Орхона.

находится, вѣроятно, въ зависимости отъ сидячаго образа жизни, которая проходитъ у номада большею частью въ юртѣ, подлѣ очага, гдѣ онъ сидитъ съ согнутыми въ локтяхъ руками; что это такъ, подтверждается еще тѣмъ, что мы не наблюдали неполнаго разгибанія рукъ у дѣтей и встрѣчали его рѣже у молодыхъ, нежели у людей средняго возраста и у стариковъ. При осмотрѣ ногъ нами также было отмѣчено измѣненіе, на которое другіе изслѣдователи бурятъ не указывали,—это выгнутость середины голени кнаружи, встрѣченная у халхасцевъ въ 8,33%, у бурятъ—въ 6,94% и у тунгусовъ—въ 9,68%. Эту особенность, въ гораздо большей степени, встрѣчали многіе изслѣдователи у калмыковъ. Покровскій приписываетъ эту деформацію особому устройству колыбели, припеленанію и загибанію

ногъ къ доскѣ. Ивановскій находилъ подобную же кривизну ногъ у изслѣдованныхъ имъ монголовъ-торгоутовъ и весьма раціонально приписываетъ это измѣненіе привычкѣ сидѣть съ дѣтства съ поджатыми ногами, а также верховой ѣздѣ на короткихъ стременахъ. Есть еще одно измѣненіе, встрѣчаемое у нашихъ народностей—это утолщеніе голени въ мыщелкахъ—патологическій процессъ (утолщеніе кости), вызванный, вѣроятно, треніемъ этихъ частей ноги стременемъ при верховой ѣздѣ. Мы отмѣтили таковой у халхасцевъ въ 11,11%, у бурятъ—въ 4,17%, у тунгусовъ—въ 9,68%.

Въ заключеніе коснемся нѣкоторыхъ біологическихъ данныхъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мы взялись за изученіе продолжительности жизни населенія Забайкалья, но принуждены были ограничиться лишь русскимъ населеніемъ, такъ какъ собранные нами матеріалы о бурятахъ изъ инородныхъ управъ и степныхъ думъ были до того невѣрны, что не могли дать никакихъ указаній относительно числа рождающихся и умирающихъ. Однако, имѣя въ виду большое количество среди халхасцевъ и бурятъ ламъ, живущихъ безбрачно, и высокую, благодаря тяжелымъ условіямъ кочевой жизни, смертность дѣтей, можно думать, что приростъ нашего инородческаго населенія гораздо меньшій, нежели русскаго. Средняя жизнь номада, подверженнаго наиболѣе частымъ случайностямъ и невзгодамъ, менѣе продолжительна, нежели жизнь русскаго, тѣмъ болѣе, что и самый организмъ, можетъ быть, отчасти подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій, а отчасти благодаря расовымъ особенностямъ, скоро старѣется. Подобно климату высокаго плоскогорія Вост. Азіи, съ его двумя лишь временами года—лѣтомъ и зимою, и человѣкъ, обитатель этой горной страны, переживаетъ только два времени своей жизни—молодость и старость, а переходной между ними ступени—средняго возраста, можно сказать, не существуетъ. Эту расовую особенность мы замѣчали раньше у китайцевъ, а нынѣ въ болѣе сильной степени и у нашихъ народностей. Первая половина—молодость—у нихъ болѣе продолжительна, нежели у европейцевъ. Свѣжее и гладкое безъ морщинъ лицо, съ выступающимъ на щекахъ легкимъ румянцемъ, безъ всякой растительности, съ рѣзко выраженными складками вѣкъ, бѣлые неиспорченные зубы, черные волосы и каріе блестящіе глаза, отсутствіе наклонности къ тучности—надолго сохраняютъ ихъ моложавый видъ. За-то вторая эпоха жизни менѣе продолжительна, нежели у европейца, и старость приближается быстрыми шагами. Послѣ 40-лѣтняго возраста моложавость исчезаетъ, и лицо старѣетъ до неузнаваемости. Кожа его получаетъ болѣе интенсивный темно-желтый цвѣтъ, покрываясь частыми морщинами; исчезающія складки вѣкъ мѣшкообразно отвисаютъ и изъ-подъ нихъ выступаютъ значительно большіе въ поперечномъ діаметрѣ, нежели у молодыхъ, потускнѣвшіе и лишенные прежняго блеска глаза, часто окруженные валикомъ, который съ годами занимаетъ болѣе значительную окружность

роговицы, превращаясь въ плотную ткань; черты лица дѣлаются болѣе мягкими и разлитыми; волосы на головѣ сѣдѣютъ; появляется слабая растительность на усахъ и бородѣ, часто лишь въ видѣ рѣдкихъ, жесткихъ сѣдыхъ волосъ, и только у нѣкоторыхъ въ болѣе позднихъ годахъ вырастаютъ довольно густые усы и борода; зубы быстро выпадаютъ; руки понемногу теряютъ способность свободнаго движенія въ локтевыхъ сгибахъ, а ноги еще болѣе искривляются; въ то же время быстро увядаетъ и мышечная система. Продолжительная моложавость, а затѣмъ быстрое и раннее увяданіе являются характерными біологическими признаками, отличающими наши народности отъ европейскихъ народовъ.

Подводя итогъ полученнымъ нами результатамъ, мы можемъ дать слѣдующую антропологическую характеристику нашихъ народностей:

1) Умѣренный ростъ является характернымъ признакомъ. Халхасцы ниже бурятъ и тунгусовъ. Низкорослость—у всѣхъ частое явленіе. Съ 20-ми годами ростъ не заканчивается. Между отдѣльными группами бурятъ у закаменцевъ средній ростъ нѣсколько выше, а у селенгинцевъ ниже въ сравненіи съ хоринцами и кударинцами.

2) Длина рукъ—умѣренная; ноги сравнительно длинны. У халхасцевъ руки короче, нежели у бурятъ и тунгусовъ; при этомъ халхасцы отличаются болѣе короткимъ предплечіемъ, нежели буряты, тогда какъ тунгусы—болѣе короткимъ плечомъ, при болѣе длинномъ предплечіи. Изъ отдѣльныхъ группъ бурятъ руки длиннѣе у кударинскихъ, при болѣе длинномъ плечѣ. Ноги оказались короче у халхасцевъ, нѣсколько длиннѣе у бурятъ, а еще длиннѣе у тунгусовъ. Изъ отдѣльныхъ группъ бурятъ болѣе длинныя ноги у закаменскихъ и селенгинскихъ, при болѣе длинныхъ бедрахъ, нежели у хоринскихъ и кударинскихъ. Всѣ обладаютъ очень маленькими кистями рукъ и ступнями.

3) При одинаково умѣренной ширинѣ плечъ, окружность груди у халхасцевъ и бурятъ больше, нежели у тунгусовъ; за-то окружность живота наибольшая у бурятъ, нѣсколько меньше у тунгусовъ и наименьшая у халхасцевъ. Изъ бурятскихъ родовъ наибольшіе размѣры плечъ, груди и живота—у кударинскихъ, наименьшіе—у закаменскихъ.

4) Цвѣтъ кожи—блѣдно-желтоватый, свѣтлѣе у халхасцевъ, нежели у бурятъ и тунгусовъ. Кожа на закрытыхъ мѣстахъ отличается у всѣхъ болѣе свѣтлымъ оттѣнкомъ. Въ отдѣльныхъ группахъ бурятъ болѣе темная кожа выступаетъ сильнѣе у селенгинцевъ и хоринцевъ, слабѣе—у закаменцевъ и особенно—у кударинцевъ.

5) Волосы на головѣ—черные, съ синимъ отливомъ; у тунгусовъ и халхасцевъ обыкновенные черные, у бурятъ—матовые и блестящіе. Волосы не особенно густы, но отличаются прочностью. Усы и борода—черные, рѣдко темно-шатеновые, растутъ весьма туго и поздно, рѣдкіе, часто въ видѣ нѣсколькихъ волосковъ; лишь въ старости вырастаютъ болѣе густые,

съ просѣдью или совершенно сѣдые. Скудость растительности, какъ на лицѣ, такъ и на тѣлѣ является характернымъ признакомъ, но таковой не такъ рѣзко выступаетъ у халхасцевъ, какъ у бурятъ, а въ особенности у тунгусовъ. Изъ отдѣльныхъ бурятскихъ родовъ нѣсколько большею волосатостью отличаются кударинскіе, а наименьшею—закаменскіе.

6) Глаза у всѣхъ каріе. Наиболѣе темными глазами отличаются тунгусы, наиболѣе свѣтлыми—халхасцы. Смѣшанные оттѣнки глазъ выступаютъ рѣдко лишь у бурятъ и тунгусовъ. Изъ отдѣльныхъ группъ бурятъ темный оттѣнокъ глазъ чаще наблюдается у селенгинцевъ, свѣтлый—у закаменцевъ; у кударинцевъ же чаще, нежели у другихъ, появляются глаза смѣшаннаго цвѣта.

7) Величиною головы буряты превосходятъ халхасцевъ и тунгусовъ. Черепа первыхъ болѣе развиты въ ширину, нежели у послѣднихъ; горизонтальная окружность болѣе развита у тунгусовъ, нежели у бурятъ, а въ особенности у халхасцевъ. По головному указателю буряты—крайне короткоголовы, тогда какъ халхасцы и тунгусы—подкороткоголовы. Короткоголовость послѣднихъ уменьшаютъ рода осѣдлыхъ баргузинскихъ тунгусовъ поддлинноголоваго типа. Лобъ и затылокъ халхасцевъ и тунгусовъ нѣсколько уже, нежели у бурятъ. Лобъ—у всѣхъ низкій, широкій и покато-откинутый назадъ у халхасцевъ и бурятъ, болѣе узкій и прямой у тунгусовъ. Лобные бугры часто отсутствуютъ; надбровныя дуги больше развиты у бурятъ и слабѣе у тунгусовъ. Темя—короткое, высокое, со сводомъ, спереди болѣе узкое, но значительно расширяющееся позади, особенно у бурятъ, съ замѣтно развитыми теменными буграми. У халхасцевъ и тунгусовъ, при высокомъ черепѣ, темя нѣсколько длиннѣе и менѣе расширяется позади. Затылокъ—широкій, какъ бы усѣченный, составляетъ расовый признакъ, болѣе сильно выступающій у бурятъ и халхасцевъ и слабѣе у тунгусовъ. Изъ отдѣльныхъ бурятскихъ группъ лишь у хоринцевъ наблюдается изрѣдка длинноголовый типъ. При малой разницѣ въ строеніи другихъ частей черепа, селенгинцы и кударинцы имѣютъ болѣе широкій затылокъ, а хоринцы и закаменцы—умѣренный.

8) Болѣе длинное лицо у халхасцевъ, въ сравненіи съ бурятами и тунгусами, зависитъ отъ большей длины верхней и средней трети лица у первыхъ. Лицо—плоское, четыреугольной формы, причемъ у бурятъ и халхасцевъ часто встрѣчаются длинныя, а у тунгусовъ—овальныя лица. Короткоголовый типъ черепа сочетается преимущественно съ продолговатымъ лицомъ и рѣдко съ круглымъ. Лицо, помимо своей удлиненной формы, сильно расширено въ верхней части по причинѣ значительной скуластости, что рѣзче выражено у бурятъ и тунгусовъ, нежели у халхасцевъ. Длина нижней трети лица больше у тунгусовъ и халхасцевъ, нежели у бурятъ. Разстояніе между углами нижней челюсти по отношенію къ скуловому діаметру меньше у тунгусовъ и бурятъ, а особенно у хал-

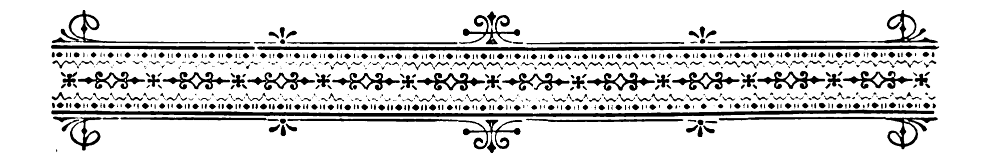
хасцевъ. Поэтому у бурятъ и тунгусовъ лицо, сильно расширенное въ верхнихъ и среднихъ частяхъ, нѣсколько суживается въ челюстяхъ, тогда какъ у халхасцевъ оно менѣе расширено вверху и болѣе въ челюстяхъ. Изъ отдѣльныхъ бурятскихъ группъ, при одинаковой длинѣ лица, хоринцы и закаменцы превосходятъ шириною лица кударинцевъ и селенгинцевъ.

9) Межглазничное пространство—уплощенное и широкое; ширина его нѣсколько больше у халхасцевъ, нежели у другихъ. Глазныя щели стоятъ косо, что особенно рѣзко замѣтно у халхасцевъ и бурятъ. Складки вѣкъ въ молодомъ возрастѣ слабѣе выражены у тунгусовъ, нежели у халхасцевъ и бурятъ, у которыхъ онѣ въ зрѣломъ возрастѣ постепенно сглаживаются. Носъ—небольшой, приплюснутый и низкій, съ уплощенными ноздрями. Въ профилѣ носъ не выступаетъ за лицевую линію, что придаетъ лицу еще большую приплюснутость. При одинаковой ширинѣ носа, тунгусы отличаются отъ другихъ большею его высотою. Губы у халхасцевъ и бурятъ—острыя или поджатыя, рѣдко съ поднятой верхней или выдающейся нижней губой, тогда какъ у тунгусовъ или толстыя, или съ приподнятою верхнею губой. Подбородокъ у халхасцевъ острый или широкій, а у бурятъ и тунгусовъ широкій. Уши—средней величины и оттопыренныя. Что же касается отдѣльныхъ родовъ бурятъ, то селенгинскіе и кударинскіе шириною носа превосходятъ хоринскихъ и закаменскихъ, уступая имъ высотою носа.

10) Организмъ у всѣхъ довольно долго сохраняетъ свою свѣжесть и молодость, но старость наступаетъ не постепенно, а быстро.

Ю. Талько-Грынцевичъ.

Троицкосавскъ,
Забайкальской области.



Этническія отношенія на Памирѣ и въ прилегающихъ странахъ по древнимъ, преимущественно китайскимъ, историческимъ извѣстіямъ.

(*Продолженіе* *).

B. Попытка опредѣленія происхожденія народностей на южныхъ склонахъ Хиндукуша, Мустага и Каракорума и историческій обзоръ ихъ судебъ въ этническомъ отношеніи.

Обсуждая происхожденіе народовъ, обитающихъ на югѣ отъ Памира и Хиндукуша, я начну съ того положенія, что долины бассейновъ Гилгитской рѣки, а равно и Инда съ притоками въ горной части его теченія, по природнымъ своимъ условіямъ (теплому климату и произрастанію дикихъ фруктовыхъ деревьевъ съ плодами, могущими служить пищею, по обилію звѣрей и пр.) благопріятствовали существованію первобытнаго человѣка, а потому слѣдуетъ признавать весьма вѣроятнымъ и даже несомнѣннымъ, что страны эти были обитаемы съ глубочайшей древности. При этомъ надо также имѣть въ виду, что горная природа, облегчая самозащиту, обезпечивала древнѣйшимъ обитателямъ этихъ странъ, аборигенамъ, особую возможность удержать свою независимость или, по крайней мѣрѣ, этническую обособленность. По этимъ причинамъ кажется весьма возможнымъ, что занимающія наиболѣе труднодоступныя мѣстности племена іешкуновъ въ бассейнѣ Гилгитской рѣки и въ долинѣ Инда, а также пресуновъ и эшкуновъ въ Кафиристанѣ суть остатки племенъ древнихъ аборигеновъ, тѣмъ болѣе, что, несмотря на неизбѣжныя метисаціи съ сосѣдними и властвовавшими надъ ними народами, они сохранили и антропологическія отличія, и особые языки, существенно отличные отъ языковъ другихъ мѣстныхъ народностей. Іешкуны, въ частности, имѣютъ средній ростъ (хунзинцы 1708 мм.), превышающій ростъ прочихъ мѣстныхъ на-

*) См. IX кн. „Русск. Антроп. Журн.“.

родностей, и головной указатель, наименѣе близкій къ долихоцефальности, сходясь въ этомъ отношеніи лишь съ сіяхпушами, которые, однако, ниже ростомъ (1690 мм.); еще болѣе обособляетъ іешкуновъ ихъ языкъ, не принадлежащій къ арійскимъ и отличающійся вмѣстѣ съ тѣмъ отъ тюркскихъ и тибетскихъ, а равно и дравидскихъ нарѣчій. Хотя д-ръ Grierson, не объясняя почему, въ своей классификаціи языковъ сѣв.-западной границы Индіи, причисляетъ пресунскій языкъ къ кафирскимъ діалектамъ особой группы индо-арійскаго семейства языковъ (Journal of Asiatic Society, 1900, p. 508), но главный пока изслѣдователь Кафиристана, пробывшій въ странѣ въ 1889—1890 гг. болѣе года, Робертсонъ утверждаетъ, что въ Кафиристанѣ три главныхъ языка—сіяхпушскій, вайскій и пресунскій, и что хотя молодые сіяхпуши легко усвоиваютъ вайскій языкъ, но языку пресуновъ никто изъ нихъ выучиться не могъ, да и самъ Робертсонъ, сколь ни внимательно прислушивался къ пѣснямъ пресуновъ при жертвоприношеніяхъ, не въ состояніи былъ не только запомнить, но даже повторить ни одного изъ слышанныхъ словъ. Робертсонъ полагаетъ, что пресуны, отличающіеся отъ другихъ кафирскихъ племенъ болѣе смуглой окраской кожи, суть аборигены, успѣвшіе уберечься отъ поглощенія пришельцами, каковыми являются остальные кафиры, происходящіе,—думаетъ онъ,—отъ древне-индійскаго населенія нынѣшняго восточнаго Авганистана, удалившагося въ X в., предъ напоромъ мусульманскихъ завоевателей, въ горы Кафиристана (The Kafirs of Hindu-kush, by sir G. S. Robertson, London, 1896, pp. 169, 157, 78). Что касается эшкуновъ (Ashkuns), которые по слухамъ, дошедшимъ до Робертсона, говорятъ на языкѣ, сходномъ съ вайскимъ (тамъ же, p. 81), то предположить пока, до ознакомленія науки съ языкомъ вайцевъ и эшкуновъ, что эшкуны аборигены, побуждаетъ меня сходство ихъ имени съ именемъ іешкуновъ, тогда какъ слухи о сходствѣ языка эшкуновъ съ вайскимъ могутъ оказаться ошибочными.

Языки остальныхъ нынѣшнихъ народностей и племенъ, а также антропологическіе ихъ признаки показываютъ, что, за исключеніемъ балти и ладакцевъ, племена эти индо-арійскаго происхожденія, съ большей или меньшей примѣсью покоренныхъ аборигеновъ. Однако уже меньшій ростъ (1654 мм.) сравнительно съ іешкунами (1708 мм.), при высокомъ вообще ростѣ у арійцевъ Индіи (отъ 1716 мм. у сейковъ до 1656 мм. у брахмановъ Бенгала, Journal of the Anthrop. Institute, 1891, vol. 21, p. 340), указываетъ на метисацію съ какой-то низкорослой народностью. Только еще болѣе сильной метисаціей съ низкорослой и вмѣстѣ съ тѣмъ долихоцефальной народностью можетъ быть объяснена низкорослость балти (1614 мм.) и ладакцевъ (1630 мм.), а также большая долихоцефальность балти (74,92) и даже ладакцевъ (76,08), чѣмъ шиновъ (76,10), такъ какъ чистые тибетцы брахицефалы и средній ростъ имѣютъ около 5 ф.

5 д. (Notes on the Ethnologie of Tibet, by W. W. Rockhill, въ Annual Report of the Board of Regents of the Smithsonian Institution, for the year 1893. Report of the U. S. National Museum, Washington, 1895, p. 674), т.-е. около 1651 мм. Прибѣгнуть къ гипотезѣ существованія аборигеновъ, особой отъ іешкуновъ расы, низкорослыхъ и долихоцефаловъ, мѣшаетъ отсутствіе всякихъ остатковъ этихъ аборигеновъ. Поэтому предпочтительнѣе допустить, что низкорослость и долихоцефальность были занесены на сѣверные склоны Хималаевъ дравидами.

Давно уже выяснено, что населеніе Индіи до прибытія арійцевъ состояло главнымъ образомъ изъ дравидскихъ племенъ. Подтвердили это и произведенныя во второй половинѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ, въ обширныхъ количественно размѣрахъ, антропометрическія изслѣдованія. Одинъ изъ выдающихся англо-индійскихъ этнологовъ Крукъ считаетъ неподлежащимъ сомнѣнію, что въ самыя древнія времена Верхняя Индія была занята дравидскою черною расою, которая жила въ каменномъ вѣкѣ; что этотъ народъ былъ негритскаго типа, прибылъ, можетъ-быть, на югъ полуострова изъ Африки и Меланезіи и прошелъ на сѣверъ чрезъ плато Декана; что онъ былъ покоренъ послѣдовательными волнами нашествія арійцевъ и скифовъ, и что это произошло постепенно и потребовало громаднаго періода времени. Антропометрія не подтвердила распространеннаго мнѣнія о томъ, что нынѣшнее населеніе Индіи состоитъ изъ стоящей во главѣ бѣлокожей расы и изъ массы подъ нею черныхъ илотовъ. Дравидскій элементъ оказался, при численномъ преобладаніи, настолько устойчивымъ, что пришельцы были поглощены, какъ португальцы въ Индіи, норманны во Франціи и т. под. Антропометрія показала, что даже у брахмановъ есть примѣсь дравидской крови (The North-Western Provinces of India. Their History, Ethnologie, and Administration, by W. Crooke, London, 1897, pp. 199—201, 205). Дравидскія племена имѣютъ ростъ отъ 1562 до 1621 мм. при большой долихоцефальности (Journal of Anthropol. Institute, 1891, vol. 21, p. 340; по Деникеру, ростъ дравидовъ опредѣленъ отъ 1577 мм. до 1634, а головной указатель дравидо-индусовъ отъ 67,00, pp. 659, 661 и 675). Въ виду этого представляется весьма возможнымъ, что или еще до прихода арійцевъ въ Индію, или во время нашествія ихъ, нѣкоторая часть дравидовъ перешла на сѣверные склоны Хималая и водворилась здѣсь въ ближайшихъ изъ наиболѣе плодородныхъ мѣстностей по Инду, преимущественно въ предѣлахъ нынѣшняго Балтистана и Ладака, вытѣснивъ или поглотивъ аборигеновъ. Впослѣдствіи дравиды эти были покорены шинами, которыхъ затѣмъ замѣнили тибетцы, надѣлившіе населеніе Балтистана и Ладака своимъ языкомъ, хотя въ Балтистанѣ населеніе осталось дравидскимъ въ своей основѣ и примѣсей шинскихъ, а потомъ тибетскихъ приняло въ себя довольно мало, и болѣе значительная подбавка тибетской крови совершилась лишь въ Ладакѣ.

Остатками шинскаго господства являются въ Балтистанѣ горцы въ Дехъ-Хану, которыхъ балтiя называютъ *кiанго*, быть-можетъ, по имени племени шиновъ, властвовавшихъ въ Балтистанѣ, или основаннаго ими государства [1]). Такимъ же дравидскимъ происхожденiемъ можно объяснить малый ростъ говорящихъ тибетскими дiалектами племенъ Сиккима (1570 мм.) и Непала (отъ 1590 мм.), отличающiй которыхъ отъ балти и ладакцевъ головной указатель (80,70 по Деникеру, p. 442) можетъ быть приписанъ большой примѣси короткоголовыхъ тибетцевъ.

По нынѣшнему расположенiю арiйскихъ племенъ на южныхъ склонахъ Хиндукуша и по сравнительно большей или меньшей близости ихъ языковъ къ языкамъ западной Индiи—кашмирскому и пенджабскому, слѣдуетъ полагать, что во время перехода за Индъ главной массы арiйцевъ, относимаго обыкновенно ко времени около 1500 лѣтъ до Р. X. (H. Hale въ Journal of the Anthrop. Institute, v. 21, p. 442), самое западное изъ индо-арiйскихъ племенъ, нынѣшнiе сiяхпуши, осталось въ верхней части бассейна Кабулъ-дарьи, слѣдующее племя хо заняло среднюю часть этого бассейна и, наконецъ, племя шиновъ—нижнюю. Племенамъ этимъ пришлось вести многовѣковую борьбу за свои земли, независимость и народность съ слѣдовавшими за индо-арiйцами иранскими народами. Не всегда получая своевременную помощь отъ заиндскихъ соплеменниковъ, сiяхпуши, хо и шины постепенно теряли свои земли въ долинѣ Кабулъ-дарьи и частiю оставались на утраченныхъ мѣстахъ въ качествѣ покореннаго населенiя, частiю же выселялись въ горныя страны по лѣвымъ притокамъ Кабулъ-дарьи и по Инду. Сiяхпуши были такимъ образомъ вытѣснены въ Кафиристанъ, гдѣ и продолжали свою борьбу съ иранцами,

---

1) Въ „Танъ-шу", въ описанiи тибетскаго владѣнiя или племени Янтунъ (Yang-Thoung) упоминается, что имя княжескаго его дома или рода есть Kiang-ко (переводъ Аб. Ремюза, изъ сборника Матуаньлия, въ Nouveaux mélanges asiatiques, 1829, t. I, p. 191). Это имя, видимо, тождественно съ кiанго. По означенному описанiю, племя или владѣнiе Янтунъ раздѣляется на два: Большой и Малый Янтунъ. Б. Янтунъ расположенъ на западѣ отъ туфаней и на востокѣ отъ М. Янтунъ, „прямо на югѣ отъ Хотана". Страна ихъ простирается на 5 т. ли съ В. на З. Считаютъ отъ 80 до 90 т. воиновъ. Занимаются скотоводствомъ. Въ странѣ ихъ бываютъ великiе вѣтры, падаетъ много снѣгу, а ледъ достигаетъ толщины до 10 кит. футовъ. Произведенiя страны такiя же, какъ въ другихъ частяхъ Тибета. Владѣнiе Янтунъ было неизвѣстно китайцамъ до 641 г., когда прибыло ко двору отъ нихъ посольство (тамъ же, pp. 190—191), отъ котораго, вѣроятно, и получены всѣ эти о немъ свѣдѣнiя. По исторiи Тибета и Хухунора (I. Бичурина, 1833 г., стр. 144), туфаньцы привели въ подданство всѣхъ Янтунскихъ цяновъ въ 681 г.; по свѣдѣнiямъ 822 г. горы вершинъ Желтой рѣки лежатъ противъ владѣнiя Большой Янтунъ (тамъ же, стр. 222). Изъ всего этого можно заключить, особенно въ виду положенiя относительно Хотана, что оба Янтунъ находились на С.-В. отъ Балтистана и Ладака и что Большой Янтунъ отдѣлялся отъ нихъ Малымъ. Такъ какъ имя кiанко носилъ лишь княжескiй домъ, то мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ, что княжескiй родъ Янтуна происходилъ изъ племени или страны кiанго, а имя властвовавшаго въ Балтистанѣ или издревле здѣсь обитавшаго народа кiянго произошло отъ имени княжескаго рода тибетскаго племени кiанко.

представителями и преобладающимъ племенемъ которыхъ сдѣлались съ XIV в. авганы; упорная самозащита кафировъ [1]) сокрушена была лишь въ 1895 г., когда эмиръ Абдэррахманъ-ханъ овладѣлъ оставшеюся независимою частію Кафиристана, вырѣзавъ значительную часть населенія и обративъ остальную въ мусульманство. Занимающее Читралъ и состоящее нынѣ изъ 150—200 т. душъ племя хо, вѣроятно, вытѣснено было изъ долины Кабулъ-дарьи давно и прошло оттуда на нынѣшнія земли по р. Камѣ, иначе Кашкарской или Читральской; владѣтельный домъ Читрала и привилегированные классы (зундре, около 300 семействъ, и ашимадеки) иноплеменнаго, неизвѣстнаго (частію изъ иранцевъ верховьевъ Аму-дарьи и Бадахшана) происхожденія; есть также пришельцы иранскихъ (1 т. семействъ переселенцевъ изъ Мунджана въ верхней части долины Лудхо и пр.) и индо-арійскихъ племенъ (сіяхпуши, родственные шинамъ дангарики и пр.) [2]), но Читралъ избѣгалъ до сихъ поръ объавганенія, такъ какъ отдѣленъ былъ отъ Авганистана съ запада Кафиристаномъ и съ юга труднопроходимымъ горнымъ хребтомъ. Племя шиновъ, кажется, болѣе многочисленное и, вѣроятно, дѣлившееся на отдѣлы, обратившіеся потомъ въ племена, занимало сначала низовья Кабулъ-дарьи, бассейнъ Свата и Пенджкоры (въ верховьяхъ этихъ рѣкъ уцѣлѣли донынѣ торвальцы и бушкарцы, говорящіе на діалектахъ, близкихъ къ шинскому) и оба берега Инда [3]).

---

[1]) Численность кафировъ опредѣлялась различно: отъ 350 т. (Эльфинстонъ) до 100 т. д. о. п. (см. между прочимъ Le Kafiristan et les Siahpouches, par G. Capus въ Revue scientifique, 1889, t.t. 43 et 44). Едва ли въ 1895 г. она превышала послѣднюю цифру.

[2]) Почти всѣ эти свѣдѣнія заимствованы у Биддельфа, который, между прочимъ, высказываетъ предположеніе, что имена рѣкъ Кофена, Хоаспа и Хоеса, горъ Комедскихъ и города Андхо (Андхой?) происходятъ отъ имени племени хо („Народы, населяющіе Гинду-кушъ", стр. 217). Относительно именъ названныхъ рѣкъ эта догадка кажется вѣроятною, если, согласно съ В. В. Григорьевымъ („Кабулистанъ и Кафиристанъ", Спб., 1867 г., стр. 751), считать Кофенъ историковъ Александра (Кофъ или Кофесъ Страбона) за р. Каму, и Хоаспъ Страбона (Коэсъ Арріана, Коасъ Птолемея) за Лендай-Синдъ (соединенное теченіе р.р. Пенджкоры и Свата до впаденія въ Кофенъ-Каму). Что же касается горъ Комедскихъ Птолемея, то почитать ихъ съ Биддельфомъ за „кряжъ въ вершинѣ долины Сватъ" было бы неосновательно и несогласно съ свѣдѣніями Птолемея, которыя въ своемъ мѣстѣ будутъ мною разсмотрѣны. Поэтому горы Комедскія и городъ Андхой едва ли имѣютъ какія-либо дѣйствительныя соотношенія съ племенемъ хо.

[3]) Слѣдъ самаго западнаго мѣстообитанія шиновъ сохранился, кажется, въ лицѣ нынѣшняго авганскаго племени *шинвари*, которое, по Белью (An Inguiry into Ethnography of Afghanistan, 1891, Woking, p.p. 95—96), состоитъ изъ 15 т. семействъ и занимаетъ сѣверные склоны и подножія Сефидъ-куха (хребетъ праваго берега Кабулъ-дарьи) на западѣ отъ Хайберскаго ущелья, имѣя небольшіе свои отдѣлы въ долинѣ Кашанъ (вѣроятно, это — долина, ведущая изъ долины р. Горбенда къ извѣстному перевалу Кашанъ въ Хиндукушѣ) и въ долинѣ Сайгалъ, орошаемой притокомъ Камы, того же имени, въ Кафиристанѣ. Кстати можно здѣсь упомянуть, что Белью считалъ іешкуновъ или буришей за ассакеновъ, упоминаемыхъ Арріаномъ, и полагалъ, что они выселились въ Читралъ (?) и Ясинъ въ XIV в., во время завоеванія низовьевъ Кабулъ-дарьи и бассейна Свата и Пенджкоры юсуфзіями; по его мнѣнію, другая часть ассакеновъ ушла на лѣвый берегъ Инда въ мѣстность Пакли нынѣшняго округа Хезаре, гдѣ из-

Надо думать, что еще за нѣсколько вѣковъ до Р. Х., подъ напоромъ ли иранцевъ, или по другимъ причинамъ (недостатокъ земель, внутренніе раздоры, иноплеменныя нашествія и т. п.), часть шиновъ двинулась вверхъ по Инду и подчинила или вытѣснила какъ мѣстныхъ аборигеновъ, такъ и образовавшіяся изъ аборигеновъ и пришлыхъ дравидовъ племена, водворившись въ наиболѣе плодородныхъ мѣстностяхъ. Преобладаніе шиновъ въ бассейнѣ горнаго теченія Инда продолжалось, какъ увидимъ ниже, до образованія въ VII в. туфаньскаго государства. Тибетцы отняли у шиновъ Ладакъ и Балтистанъ, населеніе которыхъ приняло тибетскій языкъ и получило, особенно въ Ладакѣ, примѣсь тибетскаго элемента. Остававшіеся въ низовьяхъ Кабулъ-дарьи и прилегающихъ мѣстностяхъ шины подвергались послѣдовательнымъ нашествіямъ и владычеству персовъ (по Геродоту, кн. III, 93, гандары входили въ составъ 7 персидской сатрапіи), македонянъ, греко-бактрійскихъ царей, саковъ, юечжей-кушановъ, арабовъ, тюрковъ, саманидовъ, газневидовъ, гуридовъ, монголовъ и пр.; около же XV в. они были окончательно порабощены и лишены своихъ земель авганами и вошли въ составъ той массы земледѣльцевъ, ремесленниковъ, торговцевъ и пр., большею частію индійскаго происхожденія, которые, проживая на авганскихъ земляхъ, находятся въ отношеніи къ авганскимъ племенамъ въ тяжкой зависимости и вообще извѣстны подъ именемъ хиндковъ. Обитающіе по Инду, въ сосѣдствѣ съ авганами, шины постепенно объавганиваются. Такъ, жители обоихъ береговъ Инда вверхъ отъ Дербенда, гдѣ Индъ выходитъ изъ горъ въ долину Пенджаба, до Горбанда, зовутъ себя патанами, хотя лишь правый берегъ рѣки занятъ авганцами, лѣвый же заселенъ бывшими шинами, которыхъ авганы зовутъ *нимча* („Народы, населяющіе Гинду-кушъ“, стр. 10). На слѣдующихъ вверхъ отъ Горбанда 50 миляхъ теченія Инда населеніе также говоритъ на авганскомъ языкѣ, хотя сохраняетъ еще и собственныя нарѣчія, имѣя вообще „видъ исчезающей расы, въ періодѣ поглощенія другою, болѣе сильною“ („Народы, насел. Г.“, стр. 12).

Обратимся теперь къ историческимъ извѣстіямъ, изложеннымъ во 2-мъ отдѣленіи настоящей главы и отчасти въ предшествующихъ, дабы убѣдиться, насколько древнія извѣстія, относящіяся къ южнымъ склонамъ

вѣстна подъ именемъ „свати“ по мѣсту прежняго своего жительства (p.p. 75—76). Но сходство именъ ассакеновъ и іешкуновъ слишкомъ отдаленно, а такъ какъ ассакены были, несомнѣнно, народцемъ арійскимъ (вѣроятно, однимъ изъ племенъ шиновъ), іешкуны же, какъ явствуетъ изъ сохраненнаго ими языка, не арійцы, то іешкуны не могутъ быть признаваемы за ассакеновъ. Что касается до „свати“ въ Пакли, то имя это могли занести переселившіеся въ эту мѣстность шины изъ Свата: Биддельфъ даже считаетъ Пакли, разумѣется преувеличенно, тѣмъ пунктомъ, изъ котораго вышли шины, двинувшіеся вверхъ по Инду и завоевавшіе Гилгитъ и Балтистанъ (стр. 113): конечно, для завоеванія этого было бы слишкомъ недостаточно силъ незначительнаго количества шиновъ, которое обитало въ подобномъ небольшомъ округѣ, и предпріятіе это было выполнено значительною массою шиновъ обоихъ береговъ Инда.

Хиндукуша, соотвѣтствуютъ только-что сдѣланному очерку судебъ трехъ западныхъ индо-арійскихъ племенъ, основанному главнымъ образомъ на имѣющихъ значеніе фактахъ, но не на прямыхъ историческихъ свидѣтельствахъ; при этомъ означенный очеркъ будетъ нѣсколько дополненъ при помощи историческихъ свѣдѣній.

Въ главѣ второй (стр. 66) было приведено относящееся къ I вѣку до Р. X. описаніе владѣнія Наньду, находившагося въ зависимости отъ сейцевъ Гибини, которые подчинили его на пути своемъ чрезъ Памиръ въ долину Кабулъ-дарьи во II вѣкѣ до Р. X.; по имѣющимся въ описаніи даннымъ я призналъ это владѣніе соотвѣтствующимъ Читралу съ Мастуджемъ, съ возможнымъ нахожденіемъ въ его составѣ бассейна Гилгитской рѣки (стр. 71 и 72). Въ населеніи Наньду, сѣявшемъ всякій хлѣбъ, разводившемъ виноградъ и пр., добывавшемъ металлы и выдѣлывавшемъ оружіе, нѣтъ причинъ не видѣть индо-арійское племя хо, донынѣ населяющее Читралъ: трудно думать, что аборигены достигли такого развитія культуры, изъ индо-арійскихъ же племенъ всего вѣроятнѣе признавать это населеніе за племя хо. О бассейнѣ Свата и Пенджкоры и его населеніи ханьскія извѣстія молчатъ, быть-можетъ, потому, что страна находилась въ непосредственномъ управленіи сейцевъ Гибини и послѣдніе держали на тамошнихъ пастбищахъ свои стада; но, конечно, тутъ уже найдено было сейцами индо - арійское населеніе, всего вѣроятнѣе, изъ племенъ шиновъ, какъ въ Бунирѣ и на Кабулъ-дарьѣ, такъ какъ Фа-Сянь въ началѣ V в., посольство Сонъ Юня въ концѣ первой четверти VI стол. и Сюань Цзанъ, чрезъ сто съ небольшимъ лѣтъ позже, нашли въ бассейнѣ Свата обширное и многолюдное владѣніе съ арійскимъ населеніемъ, съ именемъ Учанъ или Учанна, по-санскритски Удіяна. Что населеніе Учана было индо-арійскимъ, это видно изъ свидѣтельства Сюань Цзана о томъ, что какъ письмена, такъ и языкъ этого населенія, а равно обычаи (или точнѣе правила общежитія, les règles de la civilité) сильно походили на индійскія (Mém. sur les contrées occidentales etc., t. 2, p.p. 131—132). Это были, всего вѣроятнѣе, племена шиновъ, нарѣчія которыхъ наиболѣе близки къ языкамъ кашмирскому и пенджабскому. Подтвержденіе тому, что это населеніе уже многіе вѣка занимало Учанъ, можно вывести изъ свѣдѣній о положеніи въ немъ буддизма. Сюань Цзанъ приводитъ свѣдѣнія о многочисленныхъ въ Учанѣ буддійскихъ святыняхъ и относящіяся къ нимъ легенды, но замѣчаетъ, что изъ существовавшихъ ранѣе 1400 монастырей съ 18 т. монаховъ большая часть находилась уже въ его время въ развалинахъ и число монаховъ сильно уменьшилось (p. 132). Изъ описаній Фа-Сяня и Сонъ Юня съ товарищами видно, что буддизмъ въ Учанѣ еще находился въ процвѣтаніи. Но для достиженія такого процвѣтанія нужны были, конечно, вѣка, а потому слѣдуетъ полагать, что насажденіе въ странѣ буддизма произошло много вѣковъ ранѣе,

и относится еще ко временамъ Асоки (половина III в. до Р. Х.) и Канишки (I в. послѣ Р. Х.) и что въ теченіе этихъ вѣковъ населеніе было то же самое, кто бы ни были его властители. Относительно населенія бассейна Гилгита и верхняго Инда весьма важно свѣдѣніе Сюань Цзана о томъ, что древняя столица Учана находилась въ Талило, т.-е. въ долинѣ Дарела. Это извѣстіе указываетъ на то, что нѣкогда Учанъ входилъ въ составъ обширнаго царства, которое, кромѣ собственно Учана, по нахожденію столицы его въ долинѣ Дарела, должно было заключать въ себѣ бассейнъ Гилгитской рѣки и Балтистанъ, быть-можетъ, и Ладакъ. Господствующимъ въ этомъ царствѣ племенемъ могли быть лишь шины. Существованіе этого царства должно было много предшествовать путешествію Фа-Сяня, который вступилъ въ *Учанъ* лишь чрезъ 15 дней пути изъ Толи (долина Дарела) на югъ-западъ, а тѣмъ болѣе посольству Сопъ Юня. Китайскія описанія V в. владѣній Болу и Агэуцяна (см. выше), соотвѣтствующихъ Гилгиту и Балтистану, свидѣтельствуя о довольно высокомъ развитіи въ этихъ странахъ земледѣлія и плодоводства, объ употребленіи въ торговлѣ денегъ и пр., подтверждаютъ этимъ, что отдѣлившіяся части прежняго Дарельскаго царства господствующимъ населеніемъ имѣли индо-арійцевъ шиновъ, такъ какъ едва ли аборигены и помѣси ихъ съ дравидами могли достигнуть такой степени культуры. Правда, о населеніи владѣнія Полуло (замѣнившаго Болу и Агэуцянъ) Сюань Цзанъ сообщаетъ, что, при очень сходныхъ съ индійскими письменахъ, оно имѣетъ языкъ, отличный отъ языковъ другихъ владѣній, но отличія могли заключаться лишь въ разницѣ діалекта, если онъ не имѣлъ въ виду языкъ аборигеновъ и помѣсей ихъ съ дравидами, составлявшихъ, конечно, большинство населенія, хотя и подчиненнаго господствующимъ шинамъ.

Для опредѣленія времени образованія и распаденія Дарельскаго государства нѣтъ почти никакихъ фактическихъ указаній и возможны лишь предположенія. Наиболѣе вѣроятнымъ кажется мнѣ пока допускать, что царство это возникло за нѣсколько вѣковъ до Р. Х. въ результатѣ движенія шиновъ вверхъ по Инду, распалось же во II в. до Р. Х. вслѣдствіе завоеванія сейцами, на пути къ низовьямъ Кабулъ-дарьи, всей западной половины царства, между прочимъ Наньду и Учана, причемъ восточныя области остались болѣе или менѣе независимыми и въ нихъ со-временемъ образовались владѣнія Болу и Агэуцянъ. Важнымъ указаніемъ на отдѣленіе сіяхпушей, хо и шиновъ отъ главной массы индо-арійцевъ до перехода послѣдней за Индъ,—слѣдовательно, очень задолго до Р. Х., такъ что и движеніе шиновъ вверхъ по Инду могло совершиться за много вѣковъ до Р. Х., а съ нимъ и образованіе Дарельскаго царства,—считаю я отсутствіе внутри всѣхъ трехъ названныхъ племенъ четырехъ главныхъ существующихъ у арійцевъ Индіи и возникшихъ у нихъ на индійской почвѣ кастъ. Не видя кастъ внутри шиновъ, Биддельфъ утверждаетъ, что «шины—

брахманская раса, успѣвшая, несмотря на свою численную слабость, ввести среди другихъ расъ свой языкъ и въ значительной степени свои обычаи» (стр. 54). Обративъ такимъ образомъ шиновъ въ брахманскую касту, онъ считаетъ «слѣдующею и наиболѣе многочисленною кастою іешкуновъ» (стр. 50) и низшими кастами краминовъ, домовъ, шота и гуджоровъ (стр. 51), допуская, что эти низшія касты прибыли вмѣстѣ съ шинами или послѣ (стр. 52). Если низшія касты прибыли позже, происходя изъ индійскихъ низшихъ кастъ, спеціализирующихся по ремесламъ и занятіямъ, и будучи привлечены въ земли шиновъ выгодными заработками, какъ ремесленники и пр., то къ кастамъ у самихъ западныхъ индо-арійскихъ племенъ эти низшія и весьма малочисленныя касты никакого отношенія не имѣютъ. Остаются, слѣдовательно, каста іешкуновъ и сами шины, но іешкуны явно являются лишь покоренною народностью, занимающею низшее въ отношеніи къ завоевателямъ положеніе и сохранившею даже въ значительной своей части особый свой языкъ. Существенно лишь то, что въ средѣ самихъ шиновъ, какъ сіяхпушей и хо, кастъ нѣтъ. Утвержденіе Биддельфа о принадлежности всѣхъ шиновъ къ брахманской кастѣ или расѣ, по его выраженію, опровергается слѣдующимъ мѣстомъ описанія Учана въ «Бэй-шы», основаннаго главнымъ образомъ на свѣдѣніяхъ Хой Сена и Сонъ Юня, но, вѣроятно, имѣвшаго и другіе источники: «Индійскіе брахманы составляютъ высшее сословіе. Брахманы болѣе занимаются астрологіей и предсказаніемъ счастія и несчастія. Государь при каждомъ предпріятіи спрашиваетъ ихъ рѣшенія» («Собр. свѣдѣній» и пр., ч. 3, стр. 180 и 181). Такимъ образомъ, хотя въ Учанѣ, землѣ шиновъ, имѣлись брахманы, составляя высшій классъ надъ остальнымъ шинскимъ населеніемъ, но это были брахманы пришлые, «индійскіе», попавшіе въ Учанъ въ качествѣ ученыхъ, преимущественно придворныхъ астрологовъ; религіознаго значенія брахманской касты въ Учанѣ они не могли имѣть, такъ какъ жители страны «поклоняются Буддѣ. Много храмовъ. Священные обелиски» (т.-е. ступы) чрезвычайно великолѣпны (стр. 181). Подтвержденіемъ же ранняго отдѣленія шиновъ съ хо и сіяхпушами отъ заиндскихъ арійцевъ и большихъ ихъ вслѣдствіе этого отличій можетъ служить также причисленіе ихъ Сюань Цзаномъ къ *млеча*, т.-е. къ народамъ, считаемымъ индійцами за варваровъ: «Отъ царства Лапь-по» (нынѣшній Лемганъ) «до этой страны» (цитируемое мѣсто находится въ описанія владѣнія Ко-ло-ше-пу-ло, которое расположено было на югѣ отъ Кашмира, имѣя на востокѣ р. Чебанъ) «населеніе имѣетъ наружность пошлую и подлую (commune et ignoble), характера буйнаго и дикаго, языкъ же его простонароденъ (vulgaire) и грубъ. Оно чуждо справедливости и правиламъ приличія. Собственно страна его не принадлежитъ къ Индіи; она имѣетъ порочные нравы млеча», пограничныхъ варваровъ (Mém. sur les c. o., t. I, p. 183).

Въ главѣ II (стр. 72), въ виду указанія ханьскаго описанія Наньду на смежность этого владѣнія «на югѣ» съ Жокяномъ и употребленія послѣдняго имени для означенія земель западныхъ тибетскихъ племенъ, я сдѣлалъ заключеніе, что въ ханьское время тибетцы или подвергшіеся смѣшенію съ ними аборигены занимали долину Инда, по крайней мѣрѣ, до поворота теченія этой рѣки на югъ. Теперь, въ виду изложенныхъ въ настоящей главѣ свѣдѣній, данныхъ и соображеній, я признаю нахожденіе тибетскаго элемента въ Балтистанѣ въ столь раннее время сомнительнымъ и ничѣмъ, кромѣ указываемаго замѣчанія «Хань-шу», не доказываемымъ. Между тѣмъ весьма возможно, что извѣстіе о смежности Наньду съ Жокяномъ есть простое слѣдствіе недоразумѣнія, проистекшаго отъ смѣшенія *кян*'овъ съ *кіянго*, именемъ населенія Балтистана во время владычества шиновъ. При такомъ объясненіи ханьскаго извѣстія очень древнее распространеніе тибетцевъ по Инду дѣлается сомнительнымъ, тѣмъ болѣе, что кочевникамъ-тибетцамъ, раздѣлявшимся на слабыя племена, едва ли могло удаваться проникать внизъ по Инду и прочно утверждаться въ Балтистанѣ и бассейнѣ Гилгитской рѣки, когда доступы въ эти страны съ востока почти непроходимы при малѣйшемъ сопротивленіи мѣстнаго населенія одинаковой или нѣсколько низшей культуры. Такъ какъ кромѣ разсмотрѣннаго ханьскаго извѣстія въ китайскихъ династійныхъ исторіяхъ и описаніяхъ путешествій паломниковъ, насколько извѣстно, нѣтъ ничего такого, что указывало бы на тибетцевъ на Индѣ, то,—по крайней мѣрѣ до обнаруженія доказательствъ противнаго,—слѣдуетъ полагать, что распространеніе тибетской расы и вліянія внизъ по Инду послѣдовало лишь послѣ путешествія Сюань Цзана и послѣ образованія туфаньскаго царства, которое, объединивъ тибетскія племена и опираясь на ихъ общія силы, расширило во всѣ стороны распространеніе и господство тибетскаго народа.

Образованіе изъ Болуло Сюань Цзана двухъ владѣній, Большого Болюя или Балтистана и Малаго или Гилгита, могло совершиться лишь послѣ начала 30-хъ годовъ VII в., времени путешествія Сюань Цзана въ Болуло, но вслѣдствіе какихъ причинъ и въ какое именно время совершилось раздѣленіе Болуло на Большой и Малый Болюи—неизвѣстно. Всего вѣроятнѣе относить это раздѣленіе ко времени усиленія туфаньской династіи, конечно, послѣ перваго ея посольства въ Китай, относящагося къ 634 г. Весьма возможно, что послѣ подчиненія въ 681 г. янтунскихъ цяновъ, сосѣдившихъ съ Болуло съ сѣв.-востока, туфани привели отъ себя въ зависимость и Болуло. Едва ли шины оставили покушеніе Тибета на свои владѣнія безъ сопротивленія. Отложеніе западной части Болуло, названной китайцами Мал. Болюемъ, отъ восточной части, оставшейся подъ властію туфаней, съ именемъ Б. Болюя, было, вѣроятно, или могло быть проявленіемъ борьбы шиновъ противъ тибетскаго владычества. Напрягая свои силы для борьбы съ Китаемъ, туфаньцы могли оставить отло-

женіе Мал. Болюя до окончанія войны съ Китаемъ безъ усмиренія, но приступить къ мѣрамъ подчиненія, какъ только оказалась возможность. Какъ бы то ни было, М. Болюю естественно было, предвидя опасность со стороны туфаней, обратиться за помощью къ Китаю, который въ 692 г. выказалъ свою силу, отнявъ обратно у тибетцевъ В. Туркестанъ. Мы видѣли, что въ 713 г. государь М. Болюя лично явился въ китайскую столицу и принятъ въ подданство. Третій преемникъ Мугиньмана передался, однако, на сторону тибетцевъ, и хотя въ 747 г. китайцы успѣли завоевать М. Болюй, но во время возстанія Аньлушаня (756 г.) и послѣдующихъ смутъ, когда туфани захватили множество китайскихъ земель, М. Болюй, конечно, былъ навсегда потерянъ для Китая и долженъ былъ находиться подъ владычествомъ Тибета, по крайней мѣрѣ, столѣтіе, до распаденія туфаньскаго царства въ половинѣ IX в. Результатомъ почти двухвѣкового нахожденія Балтистана подъ туфаньскимъ владычествомъ и близости этой страны къ Тибету было принятіе главною массою населенія тибетскаго языка и большей или меньшей примѣси тибетской крови. Въ Гилгитѣ, напротивъ, тибетскій языкъ не утвердился и метисаціи съ тибетцами были незначительны, вслѣдствіе большей отдаленности отъ Тибета и меньшей продолжительности туфаньскаго господства, продолжавшагося около столѣтія.

Въ части первой половины VIII в. даже Ваханъ признавалъ власть Тибета («Собр. свѣд.» и пр., ч. 3, стр. 254), а потому возможно, что и Яссинъ съ Читраломъ не вполнѣ избѣгли туфаньскаго владычества или его опасности; въ упомянутомъ уже описаніи владѣній Шанъ-ми или Гюйвей [1]) говорится: «жители сего владѣнія всегда помогали М. Болюю въ содѣйствіи Срединному государству» (тамъ же, стр. 267), т.-е. Китаю противъ тибетцевъ.

Наиболѣе вѣрное понятіе о главныхъ чертахъ судебъ странъ на южныхъ склонахъ Хиндукуша и Мустага послѣ паденія туфаньскаго царства до нашихъ дней можно составить себѣ изъ свѣдѣній Мохаммедъ-Хайдера о Белуристанѣ и отчасти изъ ладакской части «Генеалогіи царей Тибета».

---

[1]) По мнѣнію Юля (Notes on Hwen Thsang's Account of the Principalities of Tokharistan, въ Journal of R. Asiatic Society, 1873, vol. 6, p. 114), Khiu-wei, быть можетъ, представляетъ собою китайскую транскрипцію имени Kobi, которое Эльфинстонъ даетъ народу Читрала (vol. 2, ed. 1839, p. 389). Но со времени Эльфистона никто, сколько извѣстно, не подтверждалъ существованія имени *коби* для читральцевъ. Если въ такой формѣ достигло до Эльфистона имя *хо*, то, пожалуй, и въ Гюй-вэй можно видѣть тоже хо: въ такомъ случаѣ имя Гюй-вэй могло бы служить доказательствомъ обитанія въ Читралѣ во время Танской династіи племени хо, что, конечно, не могло препятствовать нахожденію его въ той же странѣ и многіе вѣка ранѣе. Если д-ръ Grierson правильно выдѣляетъ языки шиновъ и хо въ группу шино-ховарскую, особую отъ группы языковъ кафирскихъ, по близости между собою шиновъ и хо (Journal of the Royal Asiatic Society of G. Br. and Ireland, 1900, July, p. 508), то можно допустить, что племя хо первоначально входило въ составъ племенъ шинскихъ и обособилось отъ нихъ впослѣдствіи.

Именно, не подвергаясь во все это время никакому внѣшнему продолжительному и прочному владычеству, мѣстные народы вели жизнь, обусловливаемую горными условіями и низкой степенью культуры, образуя вообще мелкія общины въ каждой долинѣ, сообщенія которой со смежными долинами значительно затруднялись естественными препятствіями. Это нормальное распаденіе странъ, насъ интересующихъ, на мелкія независимыя другъ отъ друга, часто враждебныя и ведущія между собою войны долины, нарушалось временами честолюбіемъ или жадностью нѣкоторыхъ мѣстныхъ князьковъ, которымъ иногда удавалось на болѣе или менѣе долгое время подчинять часть сосѣднихъ владѣньицъ, пока послѣднія не достигали успѣха въ своихъ неминуемыхъ возстаніяхъ. Значительныхъ этническихъ измѣненій во все это время, повидимому, не произошло, такъ какъ факторами ихъ могли быть лишь сами мѣстныя народности, которыя, можно думать, настолько уже установились въ туфаньскій періодъ, что только внѣшнія этническія или культурныя силы въ состояніи были нарушить достигнутое равновѣсіе или, точнѣе, медленную внутреннюю эволюцію мѣстныхъ этническихъ силъ.

Изъ историческихъ частностей мною приведены были извѣстія XI в. Аль-Бируни, изъ которыхъ можно заключить, что около его времени Гилгитъ, Асторъ и Чиласъ были подчинены однимъ изъ балтистанскихъ владѣльцевъ или авантюристовъ, который за его тибетскій языкъ принятъ былъ за бота, тибетца, и ошибочно оказался въ представленіи Аль-Бируни тюркомъ. Свѣдѣнія Мохаммедъ-Хайдера сообщаютъ о грабительскихъ нашествіяхъ нѣкоторыхъ владѣльцевъ Кашгаріи, которые, однако, по слабости своихъ силъ, не въ состояніи были утвердить свою власть на югѣ Мустага и Каракорума. Имѣется, сверхъ того, въ разныхъ источникахъ довольно много свѣдѣній и преданій о странахъ на югѣ отъ Хиндукуша и Мустага въ XIX стол., но интереса для насъ здѣсь они не представляютъ, потому что относятся главнымъ образомъ къ нападеніямъ однихъ мѣстныхъ владѣльцевъ на другихъ и къ распрямъ въ средѣ владѣльческихъ фамилій, съ убійствами, отравленіями и безчеловѣчіемъ, характеризующими притомъ не столько мѣстныя народности, сколько нравы потомковъ разныхъ, частію пришлыхъ, авантюристовъ, отъ которыхъ происходили владѣтельныя фамиліи всѣхъ этихъ странъ.

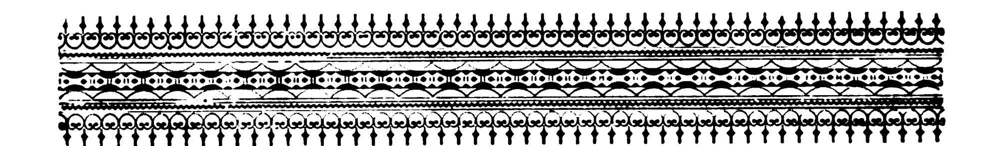
О внутренней эволюціи и нынѣшнихъ внѣшнихъ этническихъ факторахъ можно составить нѣкоторое понятіе изъ слѣдующихъ замѣчаній Биддельфа о «дардахъ», заканчивающихъ его книгу: «Они представляютъ собою расу въ періодѣ упадка. Съ юга и запада патаны, съ востока татары и въ меньшей степени кашмирцы и, наконецъ, съ сѣвера таджики постоянно тѣснятъ ихъ. Въ долинахъ Свата, Пенджкоры и Нида они оказываютъ лишь пассивное сопротивленіе и всегда уступаютъ, когда давленіе достигнетъ извѣстной степени. Ихъ недостатокъ энергіи и способно-

сти приспособляться, нежеланіе заняться чѣмъ бы то ни было, кромѣ земледѣлія, незначительный приростъ населенія и отсутствіе связи между собою, повидимому, указываютъ, что имъ суждено быть поглощенными болѣе сильными расами. Люди другихъ расъ поселяются среди нихъ, богатѣютъ и размножаются, между тѣмъ какъ владѣтели земли довольствуются бѣдностью, которая удовлетворяла ихъ прадѣдовъ, и остаются нечувствительными къ контрасту между ихъ собственнымъ положеніемъ и возрастающимъ благостояніемъ новыхъ поселенцевъ. На нимча въ долинѣ Инда можно наблюдать начало процесса исчезновенія дардовъ какъ расы» («Народы, населяющіе Гинду-кушъ», стр. 217 и 218). Въ примѣненіи къ шинамъ, наиболѣе знакомымъ ему, замѣчанія и заключенія Биддельфа кажутся безспорными, но въ отношеніи остальныхъ народностей южныхъ склоновъ Хиндукуша требуютъ, по меньшей мѣрѣ, оговорокъ. Такъ Хунза, Нагеръ и Яссинъ, въ которыхъ населеніе состоитъ почти исключительно изъ іешкуновъ, съ успѣхомъ отстаивали свою независимость отъ кашмирскаго махараджи и вообще отличались воинственностью, такъ что энергія ихъ характера значительно отличаетъ іешкуновъ отъ шиновъ. Сохраненіе іешкунами своего языка и части земель, несмотря на многовѣковое господство шиновъ, также свидѣтельствуетъ объ энергіи и способности іешкуновъ къ охранѣ своей народной самобытности. Поэтому возможно, что іешкуны, если судьба ихъ не подвергнется особо неблагопріятнымъ случайностямъ, въ состояніи сохранить свою племенную самобытность еще на долгое время. Точно также воинственные сіяхпуши продолжали бы еще много времени сохранять свою народную самобытность, если бы Англія не рѣшила ихъ гибель, отдавъ въ 1893 г. Кафиристанъ авганскому эмиру взамѣнъ отказа его отъ притязаній на Читралъ, который обращенъ въ британское владѣніе для охраненія безопасности Индіи. По Биддельфу, читральцы племени хо «физически отличаются отъ остальныхъ дардовъ. Они—индо-арійцы весьма совершеннаго типа, подобно шинамъ въ долинѣ Инда, у Коли, но они красивѣе, имѣютъ овальныя лица и тонкія черты, и вообще выдержатъ сравненіе съ красивѣйшими типами въ Европѣ». Главное отличіе ихъ—«большіе прекрасные глаза» и «прекрасные волосы» (стр. 97). Во всякомъ случаѣ британское владычество гарантируетъ это племя хо отъ объавганенія на неограниченное время. Съ востока шинамъ и отчасти іешкунамъ угрожаетъ опасность отъ поглощенія не со стороны собственно татаръ, т. е. тибетцевъ, а со стороны балтіевъ. «Результаты скрещиванія арійской и монгольской крови получились весьма хорошіе: балти не потеряли терпѣнія и прилежанія, свойственныхъ татарамъ, а пріобрѣли большое умственное развитіе и предпріимчивость, качества, которыя существуютъ у дардовъ, не принося имъ особой пользы, вслѣдствіе отсутствія у нихъ энергіи и привычки къ труду. Балтистанъ представляетъ собою наиболѣе цвѣтущую общину въ сѣв.-западной части Гималаевъ.

Вездѣ, гдѣ есть вода, склоны холмовъ отдѣланы террасами и весьма тщательно обработаны; но земли не хватаетъ для чрезвычайно густого населенія, которое подъ покровительствомъ Кашмира стремится распространиться на округа, до настоящаго времени почитавшіеся исключительно дардскими» (стр. 64 и 65). Наконецъ, тѣсноту для «дардовъ» со стороны таджиковъ съ сѣвера отъ Хиндукуша Биддельфъ сильно преувеличилъ. Кромѣ поселенія мунджанцевъ въ долинѣ Лудхо нѣтъ никакихъ слѣдовъ переселеній таджиковъ или, точнѣе, галча на южные склоны Хиндукуша. Галча верховьевъ Аму-дарьи не превосходятъ кафировъ, читральцевъ, іешкуновъ и шиновъ ни численностью, ни степенью культуры, ни воинственонстью и силою характера. Поэтому на югѣ отъ Хиндукуша могутъ они появляться лишь въ качествѣ изгнанниковъ, одиночками или большими группами, ища убѣжища отъ притѣсненій на родинѣ, которую, какъ всѣ горцы, покидаютъ лишь въ крайности.

Н. А. Аристовъ.

1 сентября 1901 г.



Полимастія и полителія.

Полимастія относится къ тѣмъ порокамъ развитія нашего организма, которые въ нерѣзкой формѣ встрѣчаются довольно часто, и литература этого вопроса представляется сравнительно обширной. Большинство авторовъ словомъ *полимастія* обозначаютъ ненормальное увеличеніе числа млечныхъ железъ, увеличеніе же числа сосковъ называютъ ***полителіей***,— будь это у мужчины или у женщины — все равно; другіе же авторы называютъ полимастіей аномальное увеличеніе числа какъ сосковъ, такъ и самихъ млечныхъ железъ, но только у мужчинъ; то же явленіе у женщинъ называютъ полителіей. Въ дальнѣйшемъ изложеніи вопроса мы будемъ придерживаться наименованій большинства авторовъ. Просматривая литературу вопроса, можно видѣть, что рѣзкихъ, эксквизитныхъ случаевъ полимастіи описано немного, что даетъ мнѣ основаніе пополнить эту литературу тѣми двумя случаями, которые я имѣлъ возможность наблюдать.

1-ый случай. 11-й московскій городской родильный пріютъ. Ульяна Пузакова, 20 лѣтъ, уроженка Курской губ., Богровскаго уѣзда, кухарка. 4-ый день послѣ родовъ; роды первые; родила вполнѣ благополучно совершенно здороваго ребенка, у котораго никакихъ аномалій при осмотрѣ не отмѣчается. При осмотрѣ самой Ульяны бросаются въ глаза колоссальныя груди, нормальныя по мѣсту отхожденія, но ненормальныя по своей длинѣ и толщинѣ: при сидячемъ положеніи Ульяны груди касаются паховыхъ складокъ, при лежачемъ — нижній полюсъ грудей находится на уровнѣ пупка. По словамъ Ульяны, у ней и до беременности груди всегда были очень большія и «свѣшивались на животъ»; расти груди у ней начали на 15-мъ году, когда появились и первыя menstrua, но особенно увеличиваться стали онѣ на 18-мъ году. Діаметръ пигментированнаго поля праваго соска—$21^1/_2$ ctm., лѣваго—$20^1/_2$ ctm. Впереди обѣихъ подмышечныхъ впадинъ, немного снутри отъ передней подмышечной линіи, находятся добавочныя груди, по одной съ каждой стороны; груди эти лежатъ между 3-мъ и 5-мъ ребрами; сформированы онѣ совершенно правильно, діаметръ пигментированнаго поля сосковъ одинаковъ на обѣихъ

грудяхъ и равенъ 7,9 ctm.; при надавливаніи изъ нихъ выдѣляется въ значительномъ количествѣ молоко. Груди эти тоже немного свѣшиваются и производятъ вполнѣ впечатлѣніе небольшихъ, нормальныхъ грудей, но только отодвинутыхъ немного кнаружи. При дальнѣйшемъ подробномъ обслѣдованіи Ульяны можно отмѣтить еще только небольшое разращеніе папилломатознаго характера въ области пупка. Соски на добавочныхъ грудяхъ существуютъ съ рожденія, груди же стали набухать въ одно время съ нормальными. Антропологическія изслѣдованія дали слѣдующіе результаты: гориз. окруж. головы—512 мм., продол. дуга—298, попереч. дуга — 332; наиб. продол. діам. — 170; наиб. попер. діам.—134; головной указ. — 78,82; наим. лобный д.—109; отнош. его къ наиб. попереч.—81,34; ушной д.—132; отнош. его къ наиб. попереч.—91,04; длина лица — 167; наиб. ширина лица—125; лицевой указ.—74,85; разстояніе отъ переносья до альвеоляр. края — 55, — до подносовой точки (длина носа)—52, отъ подносовой точки до середины подбородка—54; наиб. ширина носа — 35, носовой указ.—67,31 (гиперплатинирія); ширина переносья между внутренними углами глазъ—31; наиб. длина уха—59; наиб. ширина его — 32; ушной указ. —52,52. Остальныя измѣренія не могли быть сдѣланы, такъ какъ больной еще не было позволено вставать съ постели. Подкожно-жирный слой у Ульяны развитъ довольно удовлетворительно; волосы на головѣ—мягкіе, густые, прямые; брови—небольшія, рѣсницы—длиной въ 1 ctm.; общая волосатость тѣла—скудная; цвѣтъ волосъ какъ на головѣ, такъ и на лобкѣ—свѣтлорусый; цвѣтъ кожи—желтоватый, цвѣтъ радужной оболочки—сѣрый. Лобъ—прямой и низкій; надбровныя дуги выражены слабо; темя—плосковатое; затылокъ—равномѣрно округлый; лицо—овальное съ широкимъ, выдающимся подбородкомъ. Общее выраженіе лица Ульяны довольно тупое; судя по разговору съ ней, интеллектъ ея крайне невысокъ,

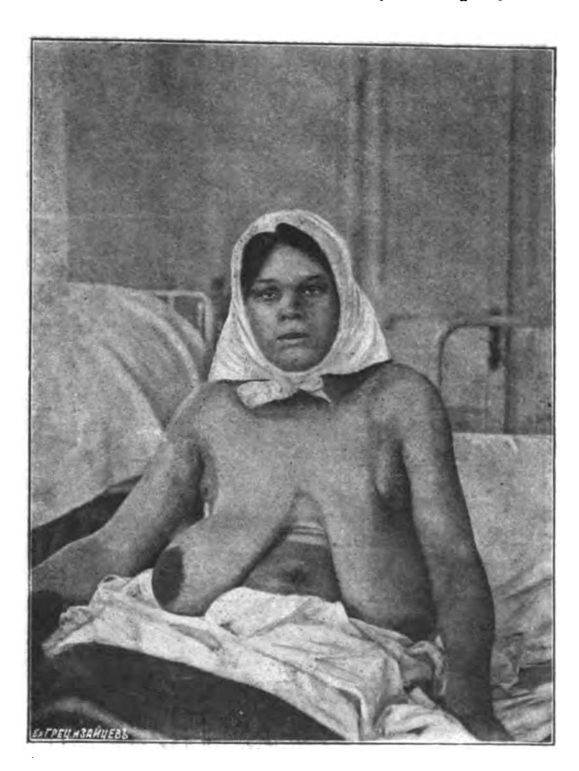


Рис. 1. Ульяна Пузакова.

отвѣты на вопросы даетъ съ трудомъ, думая при этомъ очень долго. На предложеніе избавиться отъ уродства оперативнымъ путемъ отвѣтила отрицательно, заявивъ, что ей, напротивъ, очень удобно поступить въ кормилицы. Судя по анамнезу, въ семьѣ ея никакихъ уродливостей отмѣтить нельзя.

2-ой случай. Зиновія Е., 35 лѣтъ, крестьянка Московской губ., Дмитровскаго у., дер. Тарусовой, находилась на излѣченіи въ Старо-Екатерининской больницѣ отъ ревматизма. Пятая беременность на 8-мъ мѣсяцѣ. На нижнемъ полюсѣ лѣвой груди имѣется второй сосокъ, находящійся въ тѣсной связи съ нормальной грудной железой; прощупать отдѣльной грудной железы не удается. При надавливаніи изъ всѣхъ сосковъ легко выдавливается немного жидкости. По словамъ Зиновіи, она могла кормить и этимъ соскомъ, но только избѣгала дѣлать это по совѣту акушерки. Діаметръ нормальныхъ пигментированныхъ полей сосковъ — $8^1/_2$ ctm., діаметръ добавочнаго — $5^1/_2$. Отъ производства антропометрическихъ измѣреній Зиновія, въ силу какой-то предубѣжденности, отказалась; съ трудомъ удалось изслѣдовать только головной указатель: наиб. продол. діам.—180, наиб. попереч.—160, головной указ.—88,88.

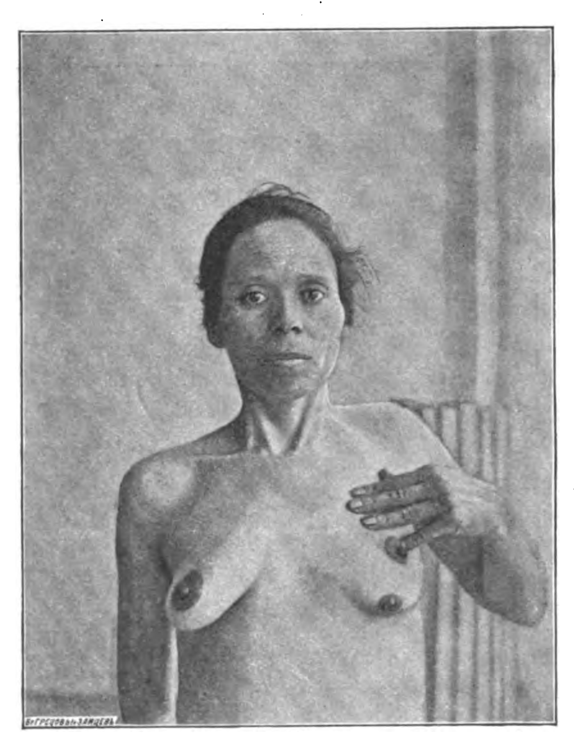


Рис. 2. Е. Зиновія.

Такимъ образомъ первый случай является типичнымъ примѣромъ полимастіи, а второй—полителіи. Изъ работъ по данному вопросу, особенно Merkel'я [1]), O. Schultze, Schickele [2]), Hennig'a [3]), видно, что какъ сверх-

---

[1]) *Merkel* und *Bonnet*. Ergebnisse der Anatomie und Entwickelungsgeschichte. 1893, Bd. 2.

[2]) *Schickele*. Beiträge zur Morphologie und Entwickelung der normalen und überzähligen Milchdrüsen. „Zeitschr. f. Morphol. u. Anthrop.", Bd. I, H. 3. Цит. по „Virch. Jahresber.".

[3]) *C. Hennig*. Beitrag zur Morphologie der weiblich. Brustdrüse. „Arch. f. Gynäkol.", Bd. 2.

комплектныя груди, такъ и соски въ большинствѣ случаевъ встрѣчаются въ типической локализаціи, именно на двухъ линіяхъ, которыя идутъ, сходясь между собой, отъ начала верхней конечности черезъ нормальную молочную железу къ половымъ органамъ, т.-е. соотвѣтствуютъ тому, что у зародышей млекопитающихъ называется «молочнымъ гребнемъ». У Видерсгейма [1]) собрана довольно значительная литература по данному вопросу. Онъ приводитъ, между прочимъ, наблюденія Отто Аммона, изъ которыхъ видно, что явленіе полимастіи—довольно частое, особенно если за таковую считать и слѣды сверхкомплектныхъ сосковъ въ видѣ пигментированныхъ полей. Аммонъ, разобравши въ этомъ направленіи 2189 рекрутовъ, нашелъ, что полная полимастія имѣлась у 66 человѣкъ, рудиментарная же, въ видѣ пигментированныхъ полей, у 48, другими словами, полимастія въ той или другой формѣ можетъ быть отмѣчена у одного изъ 19 мужчинъ. Кромѣ указанныхъ двухъ типическихъ линій, гдѣ обыкновенно располагаются сверхкомплектные соски и железы, извѣстны случаи, гдѣ они помѣщались и по средней линіи между двумя нормальными грудями; отмѣчены также случаи появленія ихъ на плечѣ, на бедрахъ. Что касается до гистологическаго строенія и развитія, то добавочныя железы представляютъ большія различія, и въ громадномъ большинствѣ случаевъ, повторяя развитіе нормальной железы, характеризуются отсутствіемъ выводныхъ протоковъ, — онѣ или совершенно изолированы отъ нормальныхъ грудныхъ железъ, или соединяются съ ними тяжемъ, лежащимъ подкожно, какъ, напр., въ одномъ изъ 2-хъ случаевъ, описанныхъ Lassueur'омъ [2]). Описанные выше мною случаи представляютъ изъ себя тотъ интересъ, что и Ульяна, и Зиновія могутъ кормить дѣтей черезъ добавочные соски.

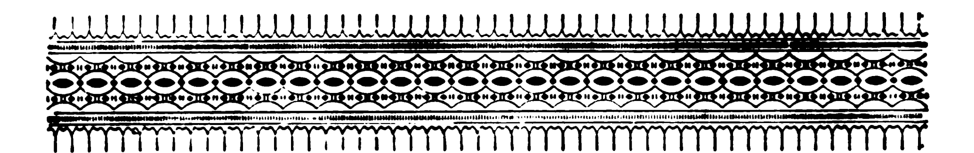
Въ заключеніе считаю долгомъ принести сердечную благодарность многоуважаемымъ товарищамъ: А. Н. Рахманову — за предоставленіе въ мое распоряженіе перваго случая и К. А. Буйневичу — за второй случай.

В. Розановъ.

---

[1]) *Видерсгеймъ.* Строеніе человѣка съ сравн.-анатомич. точки зрѣнія. М., 1900.

[2]) *Lassueur.* 2 cas de glandes mammaires accessoires. „Revue médical de la Suisse romande". Année XX, № 8.



Изъ иностранной литературы.

Женщина, какъ племенной типъ.

(По поводу книги Dr. C. H. Stratz'а — Die Rassenschönheit des Weibes. Stuttgart, 1902. 2-е изд. съ 233 рис. въ текстѣ и 1 картой. XVI+358 стр.)

Въ громадномъ большинствѣ существующихъ физико-антропологическихъ описаній различныхъ человѣческихъ народностей женщинѣ, какъ представительницѣ расы, удѣляется болѣе скромное мѣсто, чѣмъ она того заслуживаетъ въ дѣйствительности. Если въ нихъ имѣются антропометрическія измѣренія, то они если не исключительно, то преимущественно касаются особей мужского пола. Не безъ сожалѣнія приходится замѣтить, какъ мало авторы отдѣльныхъ монографій, посвященныхъ тѣмъ или другимъ племенамъ, говорятъ объ особенностяхъ половой жизни изслѣдуемой ими расы, о женщинѣ, какъ производительницѣ, объ анатомическихъ свойствахъ женскаго таза, объ устройствѣ и развитіи грудныхъ железъ, объ особенностяхъ у данной расы тѣхъ частей полового аппарата, которыя болѣе или менѣе легко доступны антропологическому изслѣдованію. А между тѣмъ всякому извѣстно, какимъ могущественнымъ факторомъ является половая сфера не только въ жизни индивидуальной, но и въ развитіи цѣлыхъ племенъ и народовъ. Многія загадочныя стороны въ эволюціи человѣчества, непонятныя съ точки зрѣнія исторической и физической антропологіи, безъ сомнѣнія найдутъ свое окончательное разрѣшеніе въ психологіи и физіологіи половой жизни.

Но и помимо этого, помимо ея непосредственнаго участія въ пропагаціи собственнаго рода, ея роли какъ производительницы и ея первичныхъ и вторичныхъ половыхъ признаковъ, женщина и съ точки зрѣнія ея общей физической организаціи заслуживаетъ болѣе тщательнаго и всесторонняго изученія, чѣмъ то было до сихъ поръ. Какъ «человѣкъ», съ морфологической точки зрѣнія, является составленнымъ изъ двухъ, изъ мужской и женской половинъ, такъ и каждая человѣческая раса представляетъ намъ какъ бы двѣ *не одинаковыя* стороны, будучи составлена опять-таки изъ двухъ основныхъ элементовъ,

мужского и женскаго. Мы говоримъ «элементовъ», а не «половинъ», какъ то принято говорить, напр., въ отношеніи правой и лѣвой стороны организмовъ; въ племенной организаціи женскій и мужской «элементъ» *неравноправны* между собою; *мужчина и женщина являются выразителями физическаго облика своей расы далеко не въ одинаковой степени*. У перваго существенно преобладаютъ *индивидуальные* признаки, особенности, изъ суммы которыхъ слагается основа личности; у «второй индивидуальные признаки почти всецѣло подчиняются расовымъ особенностямъ», замѣчаетъ по этому поводу д-ръ Stratz въ вышеназванной книгѣ. Въ то время, продолжаетъ онъ, «какъ у мужчины *индивидуальность* достигаетъ иногда высшей степени своего развитія уже въ такихъ внѣшнихъ признакахъ, какъ въ ростѣ волосъ головы и бороды, женщина, если присмотрѣться внимательно, является несравненно болѣе строгою представительницею своего *рода*». У животныхъ, какъ извѣстно, мы встрѣчаемъ совершенно аналогичное распредѣленіе тѣхъ и другихъ признаковъ, и вездѣ и всюду самка совмѣщаетъ въ своей физической организаціи всѣ существенныя черты того племени или рода, отъ котораго она происходитъ.

При такихъ условіяхъ физическія различія человѣческихъ расъ, или т. наз. племенные стигматы легче всего должны обнаружиться путемъ сравненія между собою не мужскихъ особей, гдѣ ихъ (кстати сказать, безъ особеннаго успѣха) старались найти до сихъ поръ, а женскихъ особей различныхъ группъ человѣчества, у которыхъ племенныя особенности хотя и не такъ рѣзко бросаются въ глаза, какъ у мужчины, но за-то для опытнаго и внимательнаго глаза представляются большею частью въ совершенно чистомъ, мало осложненномъ видѣ. И вотъ авторъ вышеупомянутой книги пытается (насколько намъ извѣстно, впервые) сопоставить разбросанные по земному шару типы| женщины и, исходя исключительно изъ такихъ данныхъ, добытыхъ путемъ антропологическаго изученія женскихъ особей, создать, на основаніи сравненія ихъ между собою, новую классификацію человѣческаго рода.

Спрашивается, въ какомъ видѣ должно представляться намъ человѣчество съ точки зрѣнія организаціи женскаго тѣла?

Трудность задачи не требуетъ доказательства. Прежде всего изслѣдователю приходится считаться съ измѣнчивостью органическихъ формъ: Πάντα ῥεῖ. Въ женскомъ организмѣ мы, несомнѣнно, должны ожидать встрѣтить такое же богатство варьянтовъ, какъ и въ мужскомъ, и даже наиболѣе рѣзко; на первый взглядъ, выраженные типы въ концѣ концовъ, при ближайшемъ съ ними знакомствѣ, оказываются связанными между собою болѣе или менѣе многочисленными переходными формами. Ничего другого нельзя и ожидать a priori. Тѣмъ не менѣе, руководствуясь при опредѣленіи типовъ не однимъ или нѣсколькими признаками, а всей ихъ совокупностью, насколько они характерны для даннаго типа, авторъ книги о женской красотѣ предлагаетъ слѣдующую группировку современнаго человѣчества, въ рамкахъ которой, по его мнѣнію,

безъ особой натяжки могутъ найти мѣсто всѣ различныя расы и подрасы или племена и типы человѣка.

Слѣдуя примѣру Fritsch'a, можно различать три большія группы человѣческаго рода: протоморфную, архиморфную и метаморфную.

I. *Протоморфныя расы.*

Это суть остатки пассивныхъ, болѣе или менѣе осѣдлыхъ или т. наз. примитивныхъ народовъ, лучше всего сохранившихъ признаки первичной расы. Это тѣ т. наз. дикари, которые въ настоящее время уже болѣе или менѣе близки къ вымиранію или къ безпощадной ассимиляціи (поглощенію) другими, болѣе живучими и сильными расами. Сюда относятся: 1) австралійцы и негриты, 2) меланезійцы и папуасы, 3) дравиды и ведды, 4) айны, 5) койконы, 6) американскіе индѣйцы. Существеннѣйшіе признаки физической организаціи женщины въ протоморфной расѣ представляются въ слѣдующемъ видѣ (рис. 1): общее развитіе пропорціонально сложеннаго тѣла нѣсколько напоминаетъ собою мужской типъ: короткое туловище, широкія плечи и узкія бедра. На мало развитыхъ большихъ грудныхъ мышцахъ располагаются выменевидныя грудныя железы. Слабое развитіе или совершенное отсутствіе волосъ на тѣлѣ. Ростъ за рѣдкими исключеніями низкій, въ среднемъ 146—150 стм. При этомъ голова достигаетъ весьма значительныхъ размѣровъ (отношеніе ея вышины къ длинѣ роста 1:6), отличаясь широкою и неуклюжею лицевою частью. Питекоидные признаки весьма распространены среди протоморфныхъ племенъ.

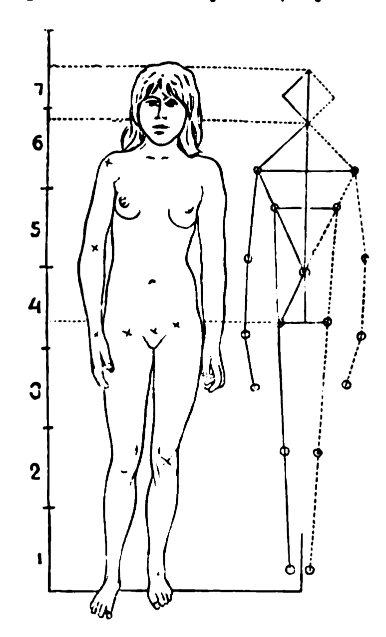


Рис. 1. Пропорція женскаго тѣла у протоморфныхъ расъ. Дѣвочка индѣйскаго племени „карая". Справа—пропорціонный ключъ Fritsch'a, который позволяетъ убѣдиться въ совершенно „нормальномъ" или правильномъ сложеніи этой дѣвочки (по Stratz'y).

II. *Архиморфныя расы.*

Это—представители господствующихъ, активныхъ расъ или т. наз. цивилизованныхъ народовъ. Ихъ насчитывается цѣлыхъ три: монгольская или желтая, средиземная или бѣлая и негрская или черная раса.

1. *Монгольская раса.* Болѣе ясно выраженный женскій типъ развитія тѣла. Склонность къ отложенію жировой клѣтчатки. Длинное туловище, широкія плечи, сравнительно узкія бедра, округлый тазъ, короткія конечности. Небольшія округленныя груди на сильно развитыхъ грудныхъ мышцахъ (pectoralis major). Слабое развитіе волосъ на тѣлѣ. Ростъ 153 стм. Большая, большею частью брахицефалическая голова съ сильно развитою верхнею че-

люстью. Косыя глазныя щели съ монголоидною складкою. Волосы головы темные, жесткiе, кожа желтаго цвѣта.

2. *Средиземная раса* (рис. 2). Стройное, пропорцiонально сложенное тѣло съ женскимъ типомъ развитiя. Туловище втянуто на мѣстѣ талiи. Бедра широкiя, тазъ овальный. Сильно развитыя грудныя железы, весьма хорошо выраженныя большiя грудныя мышцы. Растительность на тѣлѣ умѣренна. Среднiй ростъ—158 стм. Относительно небольшая ($1:7^1/_2$—8) долихоцефалическая, рѣже брахицефалическая голова. Лицевая часть головы въ сравненiи съ мозговою мала; тонкiя черты лица. Волосы головы гладки и курчавы. Узкiя и длинныя руки и ноги.

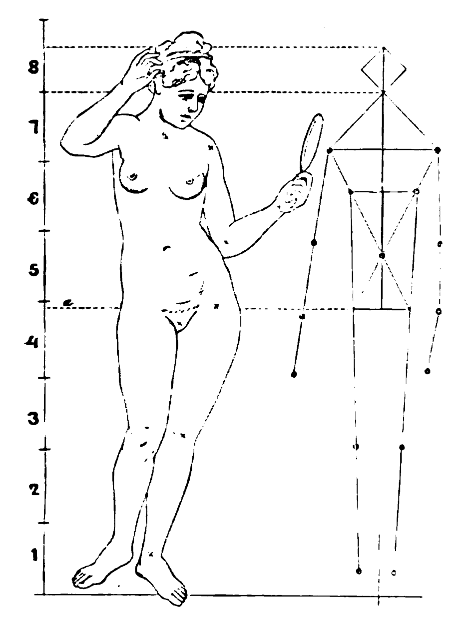


Рис. 2. Пропорцiи женскаго тѣла въ средиземной архиморфной расѣ. Молодая богемка. Справа—пропорцiонный ключъ Fritsch'a. Сложена вполнѣ нормально. Линiя *a* соотвѣтствуетъ срединѣ длины. Отношенiе высоты головы къ длинѣ роста, какъ 1 : 7,75.

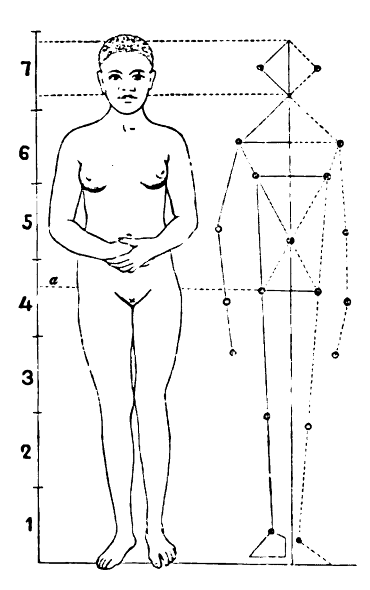


Рис. 3. Пропорцiи женскаго тѣла въ архиморфной негрской расѣ. Дѣвушка изъ племени Джагга. Непропорцiонально сложенныя, слишкомъ длинныя (по ключу Fritsch'a) конечности. Нормальное расположенiе срединной точки длины тѣла (*a*). Несмотря на чрезмѣрную длину ногъ, ростъ равенъ лишь 6,9 высотныхъ дiаметровъ головы.

3. *Негрская раса.* Крѣпко сложенное, съ длинными конечностями (рис. 3) тѣло соотвѣтствуетъ женскому типу его развитiя. Широкiя плечи, слабо выраженная талiя, умѣренной ширины бедра округло-яйцевидный тазъ. Довольно сильно выраженныя грудныя мышцы съ большими на нихъ грудными железами рѣдко полушарообразной, большею частью выменевидной формы. Растительность на тѣлѣ умѣренна или отсутствуетъ вовсе. Среднiй ростъ 157 стм. Сравнительно большая ($1:6^1/_2$—$7^1/_2$) долихоцефалическая голова съ сильнымъ развитiемъ ея лицевой части и челюстей. Черты лица грубыя. Кожа

темнаго цвѣта, съ хорошо развитою подкожною клѣтчаткою. Жесткіе мохнатые волосы.

III. *Метаморфныя расы.*

Это—смѣшанныя племена, происходящія отъ архиморфныхъ расъ, съ незаконченнымъ физическимъ и психическимъ обликомъ. Въ предѣлахъ Россійской имперіи, напр., съ давнихъ поръ совершается скрещиваніе средиземной съ монгольскою расою, и возможно,что именно изъ этого скрещиванія со-временемъ разовьются будущіе властелины міра. Само собою разумѣется, что физическій habitus подобныхъ метаморфныхъ расъ всецѣло зависитъ отъ ближайшихъ свойствъ тѣхъ главныхъ или основныхъ типовъ, отъ которыхъ онѣ происходятъ. Къ метаморфнымъ расамъ относятся: 1) туранцы, 2) татары, 3) индокитайцы, 4) эѳіопы.

Такимъ образомъ, сама классификація человѣчества, рамки которой въ данномъ случаѣ должны обнимать собою всѣ существующіе физическіе типы женщины, не можетъ претендовать на особую оригинальность. Напротивъ, она выражаетъ собою всѣмъ извѣстные факты, и лишь раздѣленіе средиземной группы на *сѣверное*, романское и африканское племя является до извѣстной степени новинкою въ антропологической номенклатурѣ. Впрочемъ, не въ томъ дѣло. Вѣдь и сама физическая характеристика отдѣльныхъ женскихъ типовъ, которую мы находимъ какъ основу описанія вышеприведенныхъ группъ, не представляетъ ничего существенно новаго. Заслуга настоящей попытки лежитъ совершенно въ иномъ направленіи. Авторъ смѣлою рукою впервые рѣшается сопоставить всѣ наиболѣе бросающіяся въ глаза физическія особенности женщины у различныхъ человѣческихъ расъ, соединяя ихъ этимъ самымъ въ одно общее цѣлое, которое, хотя въ настоящемъ своемъ видѣ и не лишено еще значительныхъ пробѣловъ, но уже теперь показываетъ намъ нѣкоторые старые, мало выясненные факты въ новомъ неожиданномъ освѣщеніи. Такъ, напр., общеизвѣстный фактъ полнаго или почти полнаго сходства сложенія женскаго тѣла у австралійской и средиземной расы на первый взглядъ самъ по себѣ совершенно не понятенъ, но становится легко понятнымъ, если допустить, что когда-то въ отдаленномъ прошломъ обѣ названныя расы были менѣе чужды другъ другу, чѣмъ въ настоящее время, будучи связаны между собою одною изъ тѣхъ нынѣ вымершихъ первичныхъ протоморфныхъ расъ, которыя лишь незначительно отличались отъ современныхъ намъ дикарей.

Введеніе въ строго-научную систему понятія „красоты“ въ примѣненіи къ организмамъ, повидимому, трудно совмѣстимо съ общепринятыми методами естественно-историческаго изслѣдованія. Строго говоря, вопросъ о томъ, что красиво или некрасиво, не можетъ быть объектомъ физическаго изслѣдованія. Его разрѣшеніе требуетъ работы чисто психическихъ и притомъ весьма сложныхъ измѣрительныхъ аппаратовъ. А гдѣ идетъ рѣчь о красотѣ женщины у различныхъ народностей, единственно компетентнымъ судилищемъ, по нашему мнѣнію, является научная этнографія, поскольку она старается выяснить намъ

своеобразный психическій habitus различныхъ типовъ человѣчества. Но не можетъ, въ то же время, подлежать сомнѣнію, что олицетвореніемъ идеала женской красоты въ данной расѣ всегда будетъ считаться единственно та женская особь, которая совмѣщаетъ въ себѣ всѣ физическія преимущества своей расы въ высшей степени ихъ совершенства.

Тутъ ужъ мы всецѣло становимся на точку зрѣнія научной антропологіи. Вопросъ же, въ какомъ видѣ мужскія особи даннаго племени фактически представляютъ себѣ идеалъ женской красоты, всецѣло отступаетъ въ область этнографіи, точно такъ же, какъ тотъ идеалъ женщины, который мы находимъ изображеннымъ въ твореніяхъ художниковъ и поэтовъ, не можетъ имѣть ничего общаго съ идеаломъ женской красоты въ естественно-историческомъ смыслѣ этого слова.

Р. Вейнбергъ.

Къ вопросу о строеніи и деформаціи череповъ.

(*R. Virchow — Ueber Schädelform und Schädeldeformation. Corresp.— Blatt der Deutsch. Gesell. für Anthrop., Ethnol. und Urgesch. XXXII. Jahrgang*).

Сорокъ лѣтъ тому назадъ шведскій ученый Retzius (отецъ извѣстнаго современнаго анатома въ Стогкольмѣ) своими работами положилъ основаніе классификаціи череповъ. Онъ раздѣлилъ человѣческіе черепа на двѣ большія группы—долихоцефаловъ и брахицефаловъ. Приблизительно въ это же время Рудольфъ Вирховъ впервые сталъ заниматься краніологіей, когда ему случайно пришлось натолкнуться на большое количество кретиновъ въ окрестностяхъ Вюрцбурга. Двухлѣтнее изученіе живыхъ субъектовъ и огромной массы череповъ въ различныхъ музеяхъ привело его къ убѣжденію, что формы, считающіяся для данной этнологической группы характерными, до извѣстной степени нормальными, могутъ у отдѣльныхъ индивидуумовъ возникнуть, какъ патологическія отклоненія въ силу болѣзненныхъ процессовъ. Такимъ образомъ получаются два параллельныхъ ряда—физіологическій и патологическій, характеризующіеся одинаковыми свойствами. Но если Retzius устанавливаетъ только двѣ указанныя категоріи череповъ, типичныя для различныхъ расъ, то Вирховъ совершенно не считаетъ возможнымъ ограничиться въ классификаціи патологическихъ типовъ лишь дѣленіемъ ихъ на патологическихъ брахи-и долихоцефаловъ.

Какую же точку зрѣнія считать руководящей при изученіи череповъ? Вирховъ подчеркиваетъ ту громадную роль, которую играютъ швы (suturae) въ процессѣ развитія и окостенѣнія черепа. Каждая черепная кость черпаетъ матеріалъ для своего развитія изъ субстанціи соотвѣтствующаго шва, въ немъ же имѣетъ исходный пунктъ своего роста и распространяется, начиная отъ

края соѣдней кости, по ея плоскости. Благодаря же росту самаго шва, кости постепенно раздвигаются, и площадь ихъ увеличивается. Въ виду этого при изслѣдованіи черепа необходимо обращать серьезное вниманіе на швы: коль скоро развитіе ихъ шло правильно, то и весь черепъ сохраняетъ свою типичную форму. Для этого существуютъ определенные признаки и притомъ по отношенію къ каждому шву въ отдѣльности; только въ этомъ смыслѣ можно говорить о нормѣ. Вообще же вопросъ о томъ, какую форму черепа считать нормальной, является въ высшей степени сложнымъ.

Величина черепа для уясненія типа рѣшающаго значенія не имѣетъ, такъ какъ типическія формы иногда могутъ развиться въ уменьшенномъ масштабѣ. Среди старинныхъ череповъ германцевъ, хранящихся въ нѣмецкихъ музеяхъ, попадаются настолько большіе экземпляры, что для современнаго человѣка ихъ врядъ ли кто признаетъ нормальными.

Чрезмѣрно большіе черепа можно разбить на двѣ группы: 1) кефалоны и 2) гидроцефалы. Увеличеніе первыхъ совершается на счетъ образующейся въ избыткѣ костной массы, размѣры же вторыхъ зависятъ отъ ненормально большого количества жидкости, скопляющейся въ полости черепа и раздвигающей своимъ давленіемъ черепныя кости. Рѣшить однако вопросъ, имѣемъ ли мы дѣло съ кефалономъ или гидроцефаломъ,—вопросъ весьма легкій на живомъ и на труппѣ,—на высушенномъ черепѣ подчасъ весьма трудно. Что касается кефалоновъ, то мозгъ ихъ, весьма большой по своему объему, часто содержитъ специфическіе, т. е. благородные элементы въ небольшомъ количествѣ, вся же остальная масса (какъ показалъ Вирховъ) состоитъ изъ ненормально развитой нейрогліи. Отсюда ясно, что величина черепа не даетъ еще права судить о высотѣ умственныхъ способностей какъ отдѣльнаго индивидуума, такъ и и цѣлаго племени. Среди германскихъ племенъ большіе черепа встрѣчаются на сѣверо-западѣ. Кромѣ того, подобные же экземпляры кефалоновъ наблюдаются и въ Швейцарскихъ альпахъ вплоть до Албаніи.

Размѣры черепа (собственно внутричерепная ёмкость) опредѣляется обыкновенно при помощи дроби или же другого мелкозернистаго вещества. Въ коллекціи Вирхова есть черепа, имѣющіе ёмкость въ 2110 и 1900 к. сант., обычно же объемъ черепа колеблется въ предѣлахъ 1300 — 1500 к. сант. Форма черепа не находится въ непосредственной зависимости отъ величины его, такъ какъ не всѣ кости растутъ равномѣрно. Другія обстоятельства, не менѣе существенныя, также вліяютъ на конфигурацію черепа. Изъ нихъ наибольшій интересъ представляютъ тѣ деформаціи, которыя вызываются искусственно давленіемъ, на подобіе тѣхъ измѣненій груди у женщинъ, которыя происходятъ подъ вліяніемъ корсетовъ. Такіе искусственно деформированные черепа имѣютъ свою географію. Такъ, высокіе, короткіе черепа съ плоскимъ, крутымъ, почти отсутствующимъ затылкомъ (брахицефалы по номенклатетурѣ Retzius'a) находятъ въ могилахъ на низовьяхъ рѣки Миссисипи въ области Natchez. Племя, представители котораго имѣли подобные черепа, жило въ 18

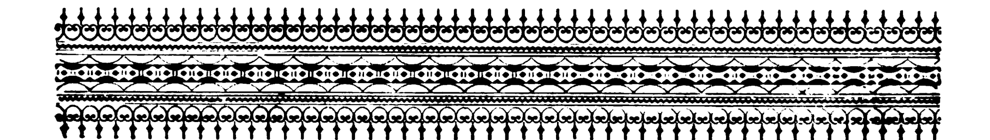
стол., но было безпощадно истреблено французами. Къ западу отъ Миссисипи этотъ видъ деформаціи не отмѣчается; зато тамъ наблюдается другой типъ— „плоскоголовыхъ“ (Flatheads). Такіе же черепа попадаются и въ другихъ мѣстахъ, напр. въ Перу.

Если направиться вдоль сѣверозападнаго побережья Миссисипи дальше къ сѣверу, то можно увидѣть т. наз. „длинноголовыхъ“ съ необыкновенно сильно развитымъ затылкомъ (Longheads). Это самая рѣзкая форма долихоцефаліи, которая только извѣстна. Совершенно аналогичнаго же строенія черепъ имѣется у Вирхова. Черепъ этотъ принадлежитъ европейцу, но представляетъ собою патологическій случай, происшедшій вслѣдствіе преждевременнаго зарастанія стрѣловиднаго шва (sutura sagittalis). Кромѣ указанныхъ формъ, встрѣчаются еще „косыя“ деформаціи (plagiocephalia). Ихъ происхожденіе объясняется или одностороннимъ давленіемъ на черепъ, или же одностороннимъ преждевременнымъ окостенѣніемъ какого-нибудь шва (sut. coronaria или sut. lambdoidea).

Въ заключеніи реферированной нами статьи авторъ заявляетъ, что безъ детальнаго изученія всѣхъ особенностей строенія черепа не могутъ быть поняты аномаліи развитія; наука краніологія пока еще даетъ очень мало точныхъ свѣдѣній (напр., изъ шести череповъ айновъ, имѣющихся у Вирхова, каждый представляетъ свои отличія; Вирховъ не рѣшается даже указать, какому расовому типу они принадлежатъ).

Что касается искусственныхъ деформацій, то относительно ихъ имѣются указанія еще у Гиппократа. Онъ очень подробно описываетъ тотъ видъ деформаціи, который былъ распространенъ въ области Колхи, на восточномъ берегу Чернаго моря, и который считается признакомъ принадлежности субъекта къ аристократическому роду. Типъ этотъ характеризуется плоскимъ, наклоненнымъ, какъ бы скошеннымъ взади лбомъ. Наибольшее количество деформацій дала Америка. Чрезвычайно любопытенъ тотъ фактъ, что въ южноамериканскихъ горныхъ странахъ, гдѣ уже очень и очень давно возникли организованные штаты, рѣдко попадается „нетронутый“ черепъ. Вотъ потому еще до сихъ поръ краніологія до-Колумбова періода страдаетъ недостаткомъ достовѣрнаго матеріала.

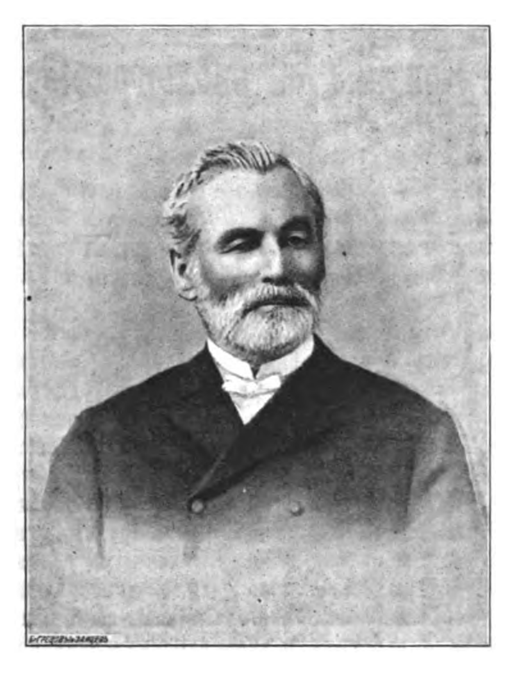
И. Зальцбергъ.



НЕКРОЛОГЪ.

А. П. Разцвѣтовъ. 9-го апрѣля текущаго года скончался въ Москвѣ почетный членъ Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи Александръ Павловичъ Разцвѣтовъ, Покойный родился въ 1823 г. въ с. Дѣдновѣ, Рязанской губ., гдѣ отецъ его былъ сельскимъ священникомъ. Окончивъ курсъ въ Рязанской духовной семинаріи, А. П. поступилъ на медицинскій факультетъ Московскаго университета, которымъ въ 1847 г. былъ удостоенъ степени лѣкаря. Тотчасъ же по окончаніи университетскаго курса А. П., по ходатайству проф. Иноземцева, былъ назначенъ ассистентомъ хирургическаго отдѣленія факультетской клиники и оставался въ этой должности въ теченіе 17-ти лѣтъ. Пробывъ два года въ заграничной командировкѣ и защитивъ затѣмъ диссертацію на степень доктора медицины, А. П. въ 1864 г. былъ назначенъ профессоромъ хирургіи въ Московскомъ университетѣ. Въ свое время А. П. пользовался широкою извѣстностью опытнаго хирурга и имѣлъ обширную частную практику, доставившую ему тѣ значительныя денежныя средства, которыя онъ впослѣдствіи съ такою щедростью употребилъ на различныя благотворительныя и просвѣтительныя цѣли. Въ 1876 г. А. П. оставилъ профессуру, вышелъ въ отставку и вскорѣ же прекратилъ и частную практику. Съ введеніемъ новаго университетскаго устава и учрежденіемъ государственныхъ испытательныхъ коммиссій, А. П. почти ежегодно назначался предсѣдателемъ медицинской испытательной коммиссіи въ различные университетскіе города. Въ 1889 г. Московскій университетъ избралъ его своимъ почетнымъ членомъ. Въ 1894 г. А. П. былъ назначенъ членомъ Совѣта министра народнаго просвѣщенія, а въ слѣдующемъ, 1895-мъ, году, былъ избранъ товарищемъ почетнаго предсѣдателя Комитета по устройству музея прикладныхъ знаній въ Москвѣ, въ каковыхъ должностяхъ оставался до дня своей кончины. Въ нашемъ Обществѣ А. П. былъ однимъ изъ старѣйшихъ его членовъ. Въ непремѣнные члены Общества онъ былъ избранъ въ 1870 г., а въ почетные — въ 1886 г. Въ половинѣ 80-хъ годовъ онъ состоялъ вице-

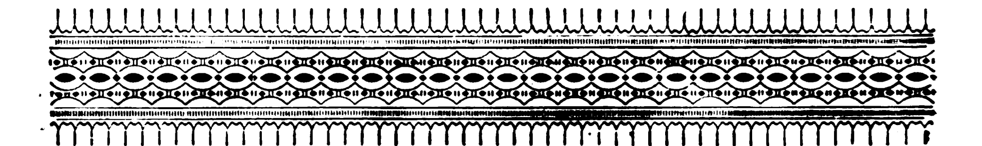
президентомъ Общества, а съ 1891 до 1894 г. — предсѣдателемъ Антропологическаго Отдѣла. Имя А. П. Разцвѣтова никогда не изгладится въ лѣтописяхъ Общества и въ частности Антропологическаго его Отдѣла, благодаря пожертвованному покойнымъ въ 1889 г. капиталу для учрежденія преміи и золотой медали по антропологіи, которымъ присвоено названіе Разцвѣтовскихъ. Щедрыя пожертвованія покойнаго надолго, а во многихъ учрежденіяхъ и навсегда сохранятъ о немъ благодарную память. Въ Московскомъ универси-



А П. Разцвѣтовъ.

тетѣ существуетъ нѣсколько Разцвѣтовскихъ стипендій, на учрежденіе которыхъ имъ пожертвованы десятки тысячъ рублей. По завѣщанію, оставленному А. П. Разцвѣтовымъ, имъ пожертвованы 800,000 рублей на устройство въ Москвѣ пріюта для неимущихъ врачей, фельдшеровъ, фельдшерицъ, акушерокъ и вообще лицъ медицинскаго званія и ихъ семействъ; двѣ трети этого капитала предназначаются на постройку, устройство и оборудованіе пріюта, а одна треть — на содержаніе его.

Ал. Ивановскій.



Критика и библіографія.

В. Г. Богоразъ. Очеркъ матеріальнаго быта оленныхъ чукчей, составленный на основаніи коллекцій Н. Л. Гондатти, находящихся въ Этнографическомъ музеѣ и Академіи Наукъ, съ XXV табл. рис. (Сборникъ Музея по антропологіи и этнографіи при И. А. Н.).

Какъ мы видимъ изъ предисловія г. Могилянскаго, настоящій очеркъ составленъ г. Богоразомъ по порученію директора музея антропологіи и этнографіи, воспользовавшагося пребываніемъ въ Петербургѣ только что названнаго знатока чукотской этнографіи. Коллекція Гондатти, находящаяся въ музеѣ, еще ждетъ своей разработки, и по отношенію къ настоящему очерку служитъ въ своихъ фотографическихъ снимкахъ только для иллюстраціи его. Очеркъ г. Богораза является, такимъ образомъ, не текстомъ къ этимъ иллюстраціямъ, а вполнѣ самостоятельнымъ и весьма цѣннымъ трудомъ, несмотря на свою краткость. Будучи составленъ на основаніи личныхъ наблюденій автора, онъ даетъ много новаго матеріала, освѣщающаго и дополняющаго наши свѣдѣнія о полярныхъ народахъ вообще и о нашихъ сѣверо-восточныхъ инородцахъ въ частности. Литература о русскихъ и американскихъ племенахъ крайняго сѣвера можетъ считаться довольно обильной, и мы, повидимому, обладаемъ достаточными познаніями по полярной антропологіи. Однако, непосредственныя наблюденія опытнаго и талантливаго изслѣдователя, каковъ, напр., В. Г. Богоразъ, всегда показываетъ намъ, сколько еще схематическихъ обобщеній держится въ нашихъ представленіяхъ о дикихъ народахъ, въ особенности въ области физіологіи и психологіи. Мы привыкли думать, напр., что, на ряду съ большой остротой зрѣнія и слуха сравнительно съ культурными народами, дикари обладаютъ гораздо менѣе развитымъ вкусомъ, чѣмъ и объясняется потребленіе ими такихъ питательныхъ веществъ, какія намъ кажутся безусловно отвратительными. Такъ, во многихъ популярныхъ сочиненіяхъ и даже въ руководствахъ по этнографіи можно встрѣтить указанія на употребленіе полярными народами полупереваренпаго мха изъ оленьихъ желудковъ, что считается, между прочимъ, однимъ изъ доказательствъ всеядности человѣка, т.-е. необходимости для него растительной пищи даже при господствѣ мясного питанія, вызываемаго естественными условіями полярныхъ странъ. Изъ описаній можно было заключить, что потребители названнаго продукта ѣдятъ его довольно охотно, восполняя имъ потребность въ растительной пищѣ. На самомъ дѣлѣ, по указанію г. Богораза, этимъ, т. наз., «моняломъ» «набиваютъ оленій желудокъ и сушатъ его

надъ огнемъ; потомъ, когда онъ совершенно почернѣетъ и прокоптится, ѣдятъ его кусочками во время крайняго голода; вообще моняло не считается настоящей ѣдой... Чукчанки варятъ изъ моняла кашу, смѣшивая его съ оленьей кровью, жиромъ, кусочками мяса или мелко изрѣзанными кишками» (6), т.-е. моняло играетъ роль приправы или примѣси къ мясной пищѣ. Даже, несмотря на пристрастіе дикарей къ привычной для нихъ пищѣ, «зеленая монялыная каша постепенно становится пищею бѣдняковъ, а болѣе зажиточныхъ людей только въ голодные періоды». «Въ общемъ, употребленіе моняла, заканчиваетъ авторъ, обусловливается не столько потребностью, сколько стремленіемъ получить суррогатъ ѣды и уменьшить потребленіе мяса и убой оленей» (тамъ же).

Если мужская зимняя одежда чукчей «настолько практична, что она распространилась между всѣми сосѣдними племенами и купленныя у чукчей мѣховыя рубахи и балахоны вывозятся въ Якутскъ и дальше» (9), то нельзя того же сказать о женской одеждѣ. «Она представляетъ цѣльное сшитое платье, состоящее изъ широкихъ штановъ, соединенное съ еще болѣе широкимъ низко вырѣзаннымъ корсажемъ... Корсажъ вырѣзанъ двумя глубокими мысами на груди и на спинѣ... къ широкимъ проймамъ плечъ пришиты очень широкіе и длинные рукава, похожіе на рукава рясы и постоянно мѣшающіе чукчанкамъ работать... Чукчанки, когда имъ нужно производить какую-нибудь работу, особенно въ согнутомъ положеніи, всегда начинаютъ съ того, что высвобождаются изъ корсажа и работаютъ на морозѣ съ голыми плечами или руками» (12).

Много интереснаго содержатъ и указанія г. Богораза относительно религіознаго и символическаго значенія украшеній чукчей. Въ большей части украшеній дикарей этнографы видятъ, по преимуществу, выраженія эстетическихъ стремленій и одинаковость многихъ изъ нихъ у различныхъ, отдаленныхъ одна отъ другой группъ человѣческихъ объясняютъ общностью психическихъ мотивовъ. Хотя Герландъ и др. этнографы настаиваютъ на религіозномъ смыслѣ украшеній, но этотъ смыслъ придается, главнымъ образомъ, татуированными рисунками на тѣлѣ полинезійцевъ и т. п. По замѣчанію г. Богораза, нѣкоторыя подвѣски на тѣлѣ и одеждѣ чукотскихъ женщинъ, а отчасти и мужчинъ, служатъ амулетами. Такое значеніе имѣетъ браслетъ, состоящій изъ бусинки, навязанной на ремешокъ, надѣваемый на лѣвую или на правую руку; браслетъ этотъ предназначается для предохраненія владѣльца отъ нападенія злыхъ духовъ и надѣвается ребенку вскорѣ послѣ рожденія. Такое же значеніе имѣютъ ожерелья, также состоящія изъ ремешка, поддерживающаго небольшой мѣшочекъ съ бусиной, камешкомъ и шкуркой небольшой птички или мелкаго звѣря, который считается въ такомъ случаѣ покровителемъ владѣльца, и головная повязка мужчинъ, состоящая изъ узкаго ремешка, усаженнаго бусами въ перемежку съ безформенными кусочками дерева («деревянными людьми»), считающимися покровителями владѣльца и замѣстителями его по отношенію къ ударамъ злыхъ духовъ, обрушивающимся на его голову (16). Это указаніе разъясняетъ намъ употребленіе встрѣчающихся у многихъ дикарей (напр., у папуасовъ) головныхъ повязокъ, неудобныхъ и ненужныхъ помимо ихъ символической цѣли. Такимъ же значеніемъ объясняются браслеты, ожерелья и серьги у мужчинъ: по словамъ В. Г. Богораза, чукчи носятъ ихъ «вслѣдствіе указанія, полученнаго во снѣ, или по повелѣнію шамановъ послѣ болѣзни или какого-нибудь несчастія, для того, чтобы предотвратить гнѣвъ или нападеніе духовъ, но серьги обыкновенно не продергиваются въ мочки, а вѣшаются на уши и связываются сзади ниткой» (17). Но чукчанки носятъ не-

ключительно ради украшенія мѣдные и желѣзные браслеты грубой работы и ожерелья изъ бусъ, гвоздей, пуговицъ и т. п., различнаго цвѣта и величины, располагаемыхъ безъ всякаго вкуса и симметріи. Тѣми же отрицательными качествами отличаются ихъ вышивки, въ которыхъ онѣ «не пошли дальше первоначальныхъ начатокъ этого искусства». Изъ этихъ вышивокъ нѣкоторыя также имѣютъ символическое значеніе: таковы «солнце» и «мѣсяцъ», вышитые кружки, украшающіе снаружи заднюю стѣнку нарядной кибитки. Обрядовое значеніе имѣетъ и раскрашиваніе лицъ у чукчей. «Во время большого осенняго праздника убоя неполношерстныхъ оленей всѣ члены каждой семьи... изображаютъ на своихъ лицахъ кровью убитой жертвы особый наслѣдственный знакъ. Такое же помазаніе кровью имѣетъ мѣсто при бракѣ и рожденіи ребенка. Знаки, изображаемые на лицахъ, состоятъ изъ различныхъ весьма простыхъ комбинацій кривыхъ и прямыхъ чертъ. Одна обыкновенно проводится на лбу и одна или двѣ на щекахъ» (18). Эти черты пріобрѣтаютъ особый интересъ, если мы сравнимъ ихъ съ татуировкой эскимосокъ и тлинкитокъ. Разрисованныя лица графитомъ съ цѣлью измѣненія внѣшняго вида, чтобы сдѣлаться неузнаваемымъ для духовъ болѣзней, сближаютъ чукчей со многими другими дикарями, прибѣгающими къ такимъ же пріемамъ огражденья себя отъ болѣзнетворныхъ духовъ.

Жилища чукчей сохраняютъ еще старую форму наружнаго шатра, обтянутаго стрижеными шкурами, и внутренней палатки для спанья, которую русскіе называютъ пологомъ, изъ мохнатыхъ оленьихъ шкуръ. Но въ домашней утвари ихъ первое мѣсто занимаютъ уже желѣзные и мѣдные котлы, пріобрѣтаемые у русскихъ и американцевъ, для варки пищи, и уже на второмъ планѣ стоятъ деревянныя корыта и чаши собственнаго издѣлія. Ложки для ѣды они дѣлаютъ изъ рога дикаго барана. Даже чукотская лампа, состоявшая въ старину изъ плоской каменной чаши, вытѣсняется желѣзной сковородой. И главное боевое и охотничье оружіе, ихъ луки, все болѣе и болѣе уступаютъ мѣсто ружью. Копья до сихъ поръ еще можно видѣть въ рукахъ у чукчей, но это—только оружіе оборонительное, служащее для защиты стадъ отъ нападенія хищныхъ звѣрей. Вышли уже изъ употребленія и военные панцыри изъ желѣзныхъ и кожаныхъ пластинокъ, изображенія которыхъ и до сихъ поръ еще помѣщаются въ этнографическихъ сочиненіяхъ. Среди своихъ орудій, чукчи, напротивъ, сохранили нѣкоторые оригинальные типы ножей, примѣняемые для различныхъ ремесленныхъ надобностей. Таковъ ихъ «мастеровой ножъ», вся форма котораго говоритъ о происхожденіи его отъ орудія, сдѣланнаго изъ кости или китоваго уса.» (32). Оригинальна и ихъ «гатка», поперечное тесло, насаженное на изогнутую деревянную рукоятку и употребляемое для плотничьихъ работъ; оно, видимо, исходитъ отъ роговой лопатки для разгребанія снѣга. Чукчи пользуются еще и каменными орудіями (молотками и скребками) и роговыми (колотушками). Чукчи перешли уже къ американскимъ игламъ, но вмѣсто нитокъ все еще употребляютъ сухожилія, которыя, впрочемъ, будучи тонко расчесаны, даютъ нити столь же пригодныя для шитья, какъ и наша толстая пряжа.

Главнымъ и даже исключительнымъ занятіемъ чукчей является оленеводство, но чукотскій олень дикъ и требуетъ большой бдительности со стороны пастуховъ; его можно назвать по преимуществу убойнымъ, такъ какъ онъ скоро жирѣетъ и мало годится для ѣзды. Чукчи, однако, умѣютъ доводить свои стада до большого количества головъ и ради этого скупо кормятъ свою семью мясомъ, довольствуясь палыми оленями.

Уже, какъ скотоводы, оленные чукчи должны были имѣть столкновенія съ крупными хищниками, но, кромѣ того, они отчасти занимались и охотой, хотя она, такъ же какъ и рыбная ловля, имѣла для нихъ второстепенное значеніе. Они охотятся на дикаго сѣвернаго оленя, на горнаго барана и на песца, съ помощью ружья, собакъ и капкановъ. Въ охотѣ на песцовъ слѣдуетъ отмѣтить правило, въ силу котораго чукчи никогда не выкапываютъ изъ норъ взрослыхъ песцовъ и ихъ дѣтенышей, что всегда дѣлаютъ тунгусы: чукчи считаютъ грѣхомъ нападать на звѣря въ его жильѣ. Любопытенъ и обычай, заставляющій въ охотѣ за волкомъ, самымъ опаснымъ врагомъ чукотскихъ стадъ, избѣгать примѣненія желѣза и свинца. Къ волку чукчи питаютъ суевѣрный страхъ, отожествляя его съ злымъ духомъ; противоположно другимъ сибирскимъ инородцамъ, волка они боятся гораздо больше медвѣдя.

Мы не останавливаемся на охотничьихъ и рыболовныхъ снарядахъ чукчей, которые не развивались у нихъ такъ, какъ у настоящихъ охотниковъ и рыболововъ, и упомянемъ только о предметахъ культа, всегда представляющихъ интересъ. Хотя къ такимъ предметамъ нельзя причислить дѣтскихъ куколъ, но у чукчей имъ придается особое символическое значеніе: именно, онѣ «считаются не только игрушками, но отчасти и покровителями женскаго плодородія. Выходя замужъ, женщина уноситъ съ собой свои куклы и прячетъ ихъ въ мѣшокъ въ тотъ уголъ, который приходится подъ изголовьемъ, чтобы воздѣйствіемъ ихъ получить скорѣе дѣтей. Отдать кому-нибудь куклу нельзя, такъ какъ вмѣстѣ съ этимъ будетъ отданъ залогъ плодородія семьи». (49). Въ качествѣ семейныхъ святынь чукчей, г. Богоразъ перечисляетъ символъ очага — деревянныя огнива, изъ которыхъ огонь извлекается треніемъ, «отстранители несчастій» — «древесные духи», деревянные сучки, раздвоенные съ одного конца, олицетворенія умершихъ предковъ и т. п., семейный бубенъ, «гадательный камень», который замѣняется иногда оленьей лопаткой, употребляемой для гаданья и у чукчей. Шаманы у чукчей не имѣютъ особаго бубна и даже особаго наряда. Зато чукотскіе шаманы болѣе другихъ стараются походить на женщинъ по своему костюму, при чемъ наибольшая сила признается за наиболѣе женоподобными. Это явленіе давно уже отмѣчено Бастіаномъ и другими этнологами, но у чукчей оно, повидимому, достигаетъ особаго развитія. Г. Богоразъ заканчиваетъ свой интересный очеркъ краткой характеристикой художественныхъ способностей чукчей. Сравнивая ихъ произведенія съ эскимосскими, мы видимъ между ними рѣзкую разницу, заключающуюся, главнымъ образомъ, въ томъ, что «въ эскимосскихъ коллекціяхъ мало рѣзныхъ фигуръ, а въ чукотско-коряцкихъ почти нѣтъ рисунковъ» (55). Авторъ, однако, не отрицаетъ «природнаго дарованія къ исполненію рисунковъ», въ особенности у приморскихъ чукчей, но прибавляетъ, что «они не посвящаютъ имъ столько времени и труда, какъ эскимосы, и не считаютъ необходимымъ покрывать ими свои коробки, трубки и т. д., замѣняя ихъ болѣе или менѣе простымъ орнаментомъ» (тамъ же).

Уже изъ нашего краткаго перечня наиболѣе характерныхъ данныхъ очерка г. Богораза легко усмотрѣть его важное значеніе для русской этнографіи, которое еще увеличивается многочисленными, прекрасно исполненными фототипическими изображеніями чукотскихъ «этнографическихъ предметовъ».

Д. Коропчевскій.

K. Boege. Zur Anatomie der Stirnhöhlen (Sinus frontales). Докт. дисс. 60 стр. in 8, съ 1 табл. Königsberg i. Pr. 1902.

Настоящая работа, исполненная подъ руководствомъ бывшаго Дерптскаго, нынѣ Кенигсбергскаго анатома Л. Штиды, посвящена спеціальному анатомическому описанію т. наз. лобныхъ пазухъ, принадлежащихъ, какъ извѣстно, къ системѣ побочныхъ полостей носа. Ссылаясь на литературу вопроса, авторъ отмѣчаетъ у различныхъ авторовъ цѣлый рядъ противорѣчивыхъ указаній относительно развитія и формы лобныхъ пазухъ. Имъ самимъ изслѣдовано 203 мацерированныхъ черепа (большею частью изъ раскопокъ), принадлежащихъ анатомическому музею Кенигсбергскаго университета. Вотъ вкратцѣ наиболѣе существенные выводы, которые дѣлаются авторомъ на основаніи его изслѣдованій. Лобныя пазухи слѣдуетъ разсматривать какъ пространства, расположенныя внутри лобныхъ костей и выстланныя продолженіемъ слизистой оболочки, одѣвающей т. наз. клѣтки рѣшетчатой кости. Происхожденіе этихъ пространствъ должно представлять себѣ такимъ образомъ, что полый отростокъ слизистой оболочки рѣшетчатаго лабиринта внѣдряется во внутрь лобной кости. Лобныя пазухи, такимъ образомъ, въ функціональномъ отношеніи являются придатками или расширеніями слизистой оболочки рѣшетчатой кости. Лобныя пазухи начинаютъ развиваться между первымъ и вторымъ годомъ внѣутробной жизни и достигаютъ своего конечнаго развитія съ наступленіемъ половой зрѣлости. Каждая вполнѣ развитая лобная пазуха уподобляется, приблизительно, формѣ трехгранной пирамиды, основаніе которой обращено внизъ, а верхушка — вверхъ. Иногда наблюдается отсутствіе то обѣихъ пазухъ (5%), то одной правой ($4^1/_2\%$), то лѣвой ($2^1/_2\%$). Т. наз. septula imperfecta, съ эмбріологической точки зрѣнія, представляются какъ остатки губчатаго вещества лобной кости; чаще всего онѣ встрѣчаются у верхняго или задне-наружнаго угла. Удвоеніе числа лобныхъ пазухъ, если наблюдается, то лишь весьма рѣдко ($1^1/_2\%$). Въ *одномъ* случаѣ авторъ встрѣтилъ полное отдѣленіе лобной пазухи отъ полости носа. Отсутствіе или неполность перегородки не наблюдались ни разу; въ 1% случаевъ перегородка представляется продырявленною.

Что касается, въ частности, значенія лобныхъ пазухъ въ антропологіи, то большой интересъ, какъ извѣстно, представляетъ вопросъ о томъ, насколько величина лобныхъ пазухъ находится въ соотношеніи со степенью развитія т. наз. надбровныхъ дугъ черепа, рѣзко варіирующихъ по своей формѣ у различныхъ человѣческихъ расъ. По мнѣнію автора, слѣдуетъ придерживаться взгляда, что такого соотношенія *не* существуетъ и что поэтому сильно развитыя надбровныя дуги не должны быть отнесены на счетъ величины лобныхъ пазухъ. Если это такъ, то можно указать, какъ это дѣлалось и до сихъ поръ многократно, на вліяніе мышцъ какъ на обстоятельство, имѣющее значеніе для формы надбровныхъ дугъ; авторъ въ этомъ отношеніи высказывается (стр. 38) вполнѣ категорически, приравнивая arcus superciliares всѣмъ прочимъ мѣстамъ прикрѣпленія мышцъ на черепѣ. Слѣдуетъ, однако-же, имѣть въ виду, что вопросъ о вліяніи мышечныхъ сокращеній на форму поверхности костей еще далеко не выясненъ; съ другой стороны, невольно напрашивается сомнѣніе въ томъ, способенъ ли такой тонкій, какъ M. frontalis, мускулъ обусловить на черепѣ болѣе рѣзкое повышеніе общаго уровня костной поверхности, чѣмъ это мы видимъ, наприм., въ отношеніи дельтоидной мышцы на плечѣ или большой зубчатой на лопаткѣ? Авторъ, при всемъ этомъ, несомнѣнно правъ, замѣчая, что надбровныя дуги у мужчинъ бываютъ выражены рѣзче, чѣмъ у женщинъ.

Добавимъ къ этому, что развитіе ихъ находится въ ясномъ соотношеніи съ общимъ развитіемъ мускулатуры тѣла, и это обстоятельство приводится, между прочимъ, для объясненія наличности сильныхъ надбровныхъ дугъ у извѣстныхъ разрядовъ преступниковъ. Не слѣдуетъ, кромѣ того, забывать также о нахожденіи громадныхъ надбровныхъ дугъ на черепахъ человѣка четвертичнаго періода. Наконецъ, слѣдуетъ указать и на возможность атавистическаго происхожденія разсматриваемаго признака, присущаго, между прочимъ, и т. наз. низшимъ расамъ человѣчества, хотя въ этомъ послѣднемъ отношеніи мы воздерживаемся отъ окончательныхъ заключеній. Фактъ, что очень часто правая лобная по своей величинѣ уступаетъ лѣвой, подтверждается и въ изслѣдованіяхъ автора. Антропологическій интересъ имѣетъ еще указаніе, что метопическіе черепа не отличаются малою величиною лобныхъ пазухъ. Этотъ послѣдній выводъ, по нашему мнѣнію, служитъ лишь иллюстраціею того, что изслѣдованіе двухъ коллекцій череповъ, уже при условіи количественной одинаковости, можетъ дать весьма различные результаты, что, повидимому, объясняется вліяніемъ того особаго подбора, который играетъ немаловажную роль при возникновеніи всѣхъ вообще естественно-историческихъ научныхъ и особенно антропологическихъ матеріаловъ въ зависимости отъ племенныхъ, соціальныхъ, географическихъ и другихъ условій. Въ данномъ случаѣ на первомъ планѣ стоитъ, безъ сомнѣнія, вліяніе племенной среды, ибо Таренецкій въ числѣ 11 изслѣдованныхъ имъ метопическихъ череповъ констатировалъ отсутствіе лобныхъ пазухъ не менѣе 5 разъ, т.-е. почти въ половинѣ случаевъ, вслѣдствіе чего онъ и считаетъ себя въ правѣ приписывать сохраненію средняго лобнаго шва несомнѣнное вліяніе на размѣры и на форму лобныхъ пазухъ.

Р. Вейнбергъ.

Г. А. Адольфи. О будущности грудной клѣтки человѣка. Докладъ, сдѣланный на XI съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей и врачей въ СПб-гѣ. Отд. оттискъ изъ „Ученыхъ Записокъ Юрьевскаго университета“ за 1902 годъ. Съ 1 таб. рис.

Авторъ излагаетъ результаты своихъ изслѣдованій о варіантахъ сегментовъ костнаго туловища, которые входятъ въ составъ т. наз. грудной клѣтки человѣка. По теоріи знаменитаго анатома Э. Розенберга въ Утрехтѣ, у взрослыхъ субъектовъ можно констатировать сокращеніе числа сегментовъ съ свободными ребрами по сравненіи съ человѣческими зародышами; въ первомъ случаѣ такія ребра обыкновенно существуютъ въ предѣлахъ 8—19 сегмента, во второмъ—отъ 7 и до 20 сегмента. Итакъ, въ теченіе индивидуальнаго развитія (онтогеніи) грудная клѣтка *сокращается съ обоихъ концовъ*. Но этотъ фактъ пріобрѣтаетъ особую важность въ виду того, что, по утвержденію того же автора, подобное же сокращеніе числа сегментовъ грудной клѣтки наблюдается и во время филогеніи, такъ что біогенетическій основной законъ въ данномъ случаѣ оказывается вполнѣ примѣнимымъ и въ отношеніи къ сегментамъ костнаго туловища, наподобіе того, какъ онъ примѣнимъ къ развитію большинства другихъ органовъ и морфологическихъ признаковъ организма. Противъ этой теоріи, какъ несогласной съ наблюдаемыми фактами, авторъ высказывается самымъ рѣшительнымъ образомъ, ссылаясь при этомъ на взгляды Велькера, Чугунова и Двейта, которые уже раньше заявляли сомнѣнія по поводу теоріи Розенберга. По его мнѣнію, верхняя и нижняя границы грудной клѣтки варіируютъ не въ противоположномъ другъ другу (какъ то утверждалъ

Розенбергъ), а въ *одинаковомъ направленіи*, такъ что, если верхняя граница грудной клѣтки удлинена, то нижняя соотвѣтствующимъ образомъ укорочена, и наоборотъ. «Признаюсь,—заключаетъ авторъ,—что вопросъ о будущности грудной клѣки человѣка не рѣшенъ. Можетъ-быть, всѣ варіаціи суть только отклоненія отъ типичнаго состоянія, можетъ быть, грудная клѣтка и въ самомъ дѣлѣ измѣняетъ свой составъ, а въ такомъ случаѣ оба ея конца или отдаляются отъ головы или приближаются къ ней. Я полагаю, что послѣднее движеніе болѣе вѣроятно. Слѣдуетъ считаться съ возможностью, что ребра VII позвонка вновь разовьются вполнѣ» (?).

Р. Вейнбергъ.

А. А. Фалькъ. Ростъ сердца у дѣтей по возрастамъ. Спб., 1901.

Несмотря на существующія наблюденія о ростѣ сердца, мы тѣмъ не менѣе не встрѣчаемъ болѣе точныхъ данныхъ о ростѣ сердца въ дѣтскомъ возрастѣ. Авторъ, на основаніи 199 изслѣдованій о ростѣ сердца въ связи съ возрастомъ и различными отдѣлами сердца, даетъ интересныя данныя. Для своихъ изслѣдованій д-ръ Фалькъ имѣлъ плоды съ 7 мѣсяцевъ и кончая возрастомъ въ 17 лѣтъ, при чемъ величина роста сердца изучалась какъ измѣреніями линейныхъ размѣровъ, такъ и опредѣленіемъ объема и вѣса. Не останавливаясь на исторической и литературной части, а также на таблицахъ, укажу на выводы, къ которымъ пришелъ авторъ. Сердце растетъ съ возрастомъ въ длину, ширину и толщину; ростъ въ длину происходитъ быстрѣе, чѣмъ въ ширину и въ особенности въ толщину. Отношенія между упомянутыми размѣрами измѣняются. Между прочимъ интересно то, что всѣ размѣры у лицъ мужского пола до 12 л. нѣсколько больше, съ 12 до 15 л., наоборотъ, у женскаго пола обыкновенно наблюдаются бо́льшія величины. Ростъ сердца происходитъ интенсивнѣе всего на первомъ году, затѣмъ постепенно нѣсколько ослабѣваетъ, и съ 12 л. снова усиливается. До 11 лѣтъ ростъ сердца у лицъ мужского и женскаго пола идетъ перемѣнно и средній вѣсъ, сердце у перваго больше, съ 12 л. средній вѣсъ женскаго пола начинаетъ нагонять мужской, на 13-мъ дѣлается большимъ, а на 16-мъ меньшимъ. Подобныя указанія должны быть приняты во вниманіе школьными врачами.

Со стороны сердечной мышцы авторъ констатируетъ, что она у того и другого пола усиленно работаетъ на первомъ году а затѣмъ ростъ ея постепенно ослабѣваетъ до 10 лѣтъ, и потомъ снова усиленно начинаетъ расти и продолжается у мужчинъ до 17 л., у женщинъ до 14 л. и затѣмъ постепенно уменьшается.

Въ концѣ работы приведенъ подробный указатель литературы.

Д. Никольскій.

А. П. Сычевъ. Измѣреніе объема и поверхности тѣлъ у дѣтей по возрастамъ. Спб., 1902.

Работа распадается на три главныхъ части: въ первой авторъ даетъ историческій очеркъ литературы объ обмѣнѣ веществъ, во второй приводится изслѣдованіе объ объемѣ и въ третьихъ — о поверхности тѣлъ. Не касаясь первой части, скажемъ нѣсколько словъ о второй и третьей. Объемъ измѣренія авторъ производитъ, не отступая, по методу взвѣшиванія тѣлъ въ воздухѣ и въ водѣ. Такихъ изслѣдованныхъ, отъ 1 дня рожденія до 15 лѣтъ, прости-

рается до 100. Изслѣдованія показали, что объемъ тѣлъ почти равенъ вѣсу и первый параллельно увеличивается вѣсу. Авторъ говоритъ, что „объемъ органовъ тѣлъ можетъ быть безъ большой ошибки относимъ къ вѣсу тѣла". При измѣреніи поверхности тѣла, авторъ примѣнилъ методъ взвѣшиванія, состоящій въ томъ, что если заранѣе знать, что извѣстная площадь куска хорошей равномѣрной бумаги имѣетъ опредѣленный вѣсъ, или обкладывая точно поверхность какого бы то ни было тѣла бумагой того же самаго сорта и взвѣшивая затѣмъ количество полученной на это бумаги, мы получимъ вѣсъ всей бумаги, а отсюда уже легко опредѣлить величину поверхности, всего даннаго тѣла. Интересно бы произвести по этому методу дальнѣйшаго наблюденія. Авторъ нашелъ, что абсолютная поверхность тоже увеличивается постепенно съ увеличеніемъ его вѣса, объема и роста, относительная поверхность тѣла тѣмъ больше, чѣмъ меньше индивидумъ.

Д. Никольскій.

Э. К. Фишеръ. О бороздахъ и извилинахъ дѣтскаго мозга въ первомъ полугодіи жизни. Дисс. Спб., 1902. Съ табл. рис. 90 стр. in 8⁰.

Настоящее изслѣдованіе, при исполненіи котораго и референтъ принялъ нѣкоторое участіе, представляетъ изъ себя осуществленіе мечты, давно лелѣянной антропологами, занимающимися изученіемъ строенія мозга и предметомъ которой является изслѣдованіе устройства мозговыхъ бороздъ и извилинъ на различныхъ стадіяхъ внѣутробнаго періода развитія человѣческаго организма. Работа, нынѣ предлагаемая авторомъ въ видѣ диссертаціи на соисканіе степени доктора медицины и исполненная по почину Н. П. Гундобина въ С.-Петербургѣ, пополняетъ собою, такимъ образомъ, чувствительный пробѣлъ въ нашихъ знаніяхъ по затрогиваемому здѣсь предмету. Правда, существуетъ уже не одно изслѣдованіе по вопросу о развитіи мозговой поверхности, — высказывались уже неоднократно тѣ или другіе взгляды на состояніе и ходъ дальнѣйшаго развитія мозговой поверхности во время внѣутробной жизни; но фактическія доказательства или опредѣленныя цифровыя данныя въ пользу того или другого утвержденія никѣмъ изъ прежнихъ авторовъ не были представлены, и мы, въ дѣйствительности, еще по сію пору затрудняемся отвѣтить на вопросъ: когда именно развитіе бороздъ и извилинъ и, такимъ образомъ, развитіе внѣшней формы мозговой коры можетъ считаться у человѣка вполнѣ законченнымъ и въ какой степени представляется мыслимымъ, чтобы такіе факторы, какъ упражненіе и воспитаніе, могли оказывать свое вліяніе на внѣшнюю конфигурацію мозга еще на сравнительно позднихъ стадіяхъ развитія человѣческаго организма? Всякому ясно, какъ тѣсно связанъ этотъ вопросъ съ нашими воззрѣніями на основы воспитанія, и насколько онъ важенъ для уясненія многихъ загадочныхъ сторонъ въ эволюціи человѣческаго интеллекта. Отсюда становится понятными важность и умѣстность появленія такого труда, какимъ является работа г. Фишера. Имъ изслѣдовано 80 мозговыхъ полушарій (40 мозговъ), начиная съ доношеннаго новорожденнаго и кончая полугодовымъ возрастомъ; изъ этого матеріала 40 полушарій принадлежали мальчикамъ и 40 дѣвочкамъ; кромѣ того, изслѣдовано, съ цѣлью сравненія, 10 полушарій отъ 6—9 мѣсячныхъ плодовъ, 12 полушарій отъ дѣтей въ возрастѣ отъ 6 мѣсяцевъ до 8 лѣтъ и, наконецъ, 10 полушарій отъ взрослыхъ особей обоего пола. Изъ выводовъ автора особаго вниманія заслуживаетъ положеніе, что развитіе бороздъ и извилинъ мозга

не заканчивается на пятой недѣлѣ внѣутробной жизни, а *продолжается до конца перваго полугодія*. Авторъ даже думаетъ, что и по истеченіи перваго полугодія жизни и вообще во все время «роста» мозга (?) продолжается «подробнѣйшее моделированіе мозговой поверхности», но положительныхъ фактовъ въ доказательство своего взгляда не представляетъ. Авторъ безусловно правъ, утверждая, что статистика варіантовъ мозговыхъ извилинъ еще нуждается въ дополненіяхъ; вѣдь количество этихъ варіантовъ необычайно велико и размѣры варіированія по отношенію къ нѣкоторымъ бороздамъ и извилинамъ почти безграничны.

Р. Вейнбергъ.

Dr. Koganei. Messungen an männlichen Chinesen-Schädeln. „Internat. Centralbl. für Anthropologie und verwandte Wissenschaften. 1902. Jahrg. VII. Heft 3, S. 129.

На основаніи измѣреній, произведенныхъ на 84 черепахъ, авторъ устанавливаетъ слѣдующія особенности формы черепа у китайцевъ. Китайцы-сѣверяне отличаются довольно значительною внутричерепною емкостью (1485 к. с.). отъ китайцевъ-островитянъ (о. Формозы) (1409 к. с.). Въ отношеніи формы и отдѣльныхъ размѣровъ *мозговой части черепа* обѣ группы тѣмъ не менѣе стоятъ весьма близко другъ къ другу. Въ общей сложности можно сказать, что китайскіе черепа соотвѣтствуютъ скорѣе всего мезоцефалическому типу, но въ таблицахъ, приводимыхъ авторомъ по этому поводу, нетрудно замѣтить явную наклонность изслѣдуемыхъ череповъ къ короткоголовости. Находясь, такимъ образомъ, на границѣ брахицефаліи, китайскіе черепа обнаруживаютъ въ то же время рѣзко выраженные признаки гипсицефаліи съ почти полнымъ отсутствіемъ хамецефалическихъ элементовъ. Что же касается размѣровъ и пропорцій *лицевой части черепа*, то цифры, приводимыя авторомъ, на первый взглядъ указываютъ какъ бы на существованіе значительныхъ различій между китайцами-сѣверянами и островитянами, которыя выражаются, главнымъ образомъ, въ болѣе низкой формѣ лица и въ болѣе сильно выраженномъ альвеолярномъ прогнатизмѣ у послѣднихъ. Но различіе цифръ въ данномъ случаѣ вызвано, вѣроятнѣе всего, неодинаковостью числа изслѣдованныхъ череповъ той и другой группы (70 череповъ сѣверянъ и 14—островитянъ). Несмотря, однако-же, на это обстоятельство (которое, конечно, не могло ускользнуть и отъ вниманія автора), отмѣченныя особенности въ конфигураціи лица принимаются авторомъ не за случайное явленіе, а за важный органическій признакъ данной группы народонаселенія Китая, который повторяется и въ небольшой коллекціи соотвѣтствующихъ женскихъ череповъ, имѣющихся въ распоряженіи автора (всѣ 84 черепа, о которыхъ идетъ рѣчь въ настоящей статьѣ, принадлежатъ особямъ мужского пола).

Р. Вейнбергъ.

E. Reinhardt. Ueber den Ansatz der Musculi lumbricales an der Hand des Menschen. „Anatomischer Anzeiger“. 1901, Bd. XX, № 5 и 6, стр. 129.

Авторъ подтверждаетъ установленные Kopsch'емъ два типа прикрѣпленія червовидныхъ мышцъ на кости человѣческой руки. Въ первомъ случаѣ (39%) всѣ четыре мышцы прикрѣпляются на лучевой сторонѣ 2 — 5 пальцевъ, во второмъ (37%)—M. lumbricalis III расщепляется на двѣ головки при «нор-

мальномъ» устройствѣ остальныхъ червовидныхъ мышцъ. Такъ какъ цифры частоты того и другого типа у обоихъ авторовъ почти тождественны, то можно заключить, что въ отношеніи устройства червовидныхъ мышцъ *врядъ ли существуютъ замѣтныя различія между человѣческими племенами*; по крайней мѣрѣ, между нѣмцами и русскими никакой подобной разницы не удалось констатировать. Желательно, конечно, чтобы вопросъ былъ подвергнутъ провѣркѣ и на другомъ матеріалѣ, напр., у племенъ, дальше отстоящихъ другъ отъ друга по своей физической организаціи и по своему культурному развитію, чѣмъ нѣмцы и русскіе. Кромѣ того, остается неизвѣстнымъ, насколько отдѣльныя *спеціальныя профессіи* оказываютъ вліяніе на устройство и развитіе червовидныхъ мышцъ и существуютъ ли въ отношеніи послѣдняго замѣтныя *половыя различія*.

Р. Вейнбергъ.

W. Szukiewicz. Szkicezarcheologii przedhistorycznej Litwy. Epoka Kamienna w gub. Wileńskiej. Wilno. 1901. (В. Шукевичъ. Замѣтки по доисторической археологіи Литвы. Часть I. Каменная эпоха въ Виленской губ. Вильно, 1901 г. Стр. 1 — 40, 5 табл. доисторическихъ древностей и археологич. карта Виленской губ.).

Первымъ, обратившимъ вниманіе на древніе памятники Литвы, былъ Адамъ Чарноцкій (псевд. Зоріанъ Доленга Ходаковскій). Онъ первый сталъ раскапывать курганы и городища, а появленіе его работы въ 1818 г. «O słowiańszczyźnie przed chrześcjaństwem» (О дохристіанскомъ славянствѣ), дало первый толчекъ для археологическихъ изслѣдованій. Самымъ заслуженнымъ работникомъ на этотъ полѣ впослѣдствіи какъ въ Литвѣ, такъ и въ Литовской Руси явился графъ Евстафій Тышкевичъ, изложившій результаты своихъ изслѣдованій въ первомъ систематическомъ сочиненіи на польскомъ языкѣ по доисторической археологіи: «Rzut oka na źródła archeologii Krajowej czyli opisanie zabytków niektórych starożytnosci, odkrytych w zachodnich guberniach cesartwa Rosyjskiego». Wilno, 1842 (Взглядъ на археологію края или описаніе нѣкоторыхъ доисторическихъ памятниковъ, найденныхъ въ западныхъ губерніяхъ Россійской имперіи). Въ своей работѣ авторъ, кромѣ описанія наружнаго вида памятниковъ, способа погребенія, посвятилъ много мѣста на описаніе огромныхъ собранныхъ имъ коллекцій, на что Тышкевичъ въ теченіе 20 лѣтъ затратилъ почти все свое значительное состояніе. Коллекціи эти въ 1855 г. легли въ основу учрежденнаго имъ музея древностей при Виленской археологической комиссіи. Въ комиссіи сгруппировался кружокъ работниковъ и между ними одно изъ почетныхъ мѣстъ занялъ Адамъ Киркоръ. Тышкевичъ, вслѣдствіе возникшихъ смутныхъ событій въ краѣ, въ 1865 г. долженъ былъ отказаться отъ участія въ трудахъ комиссіи; Киркоръ въ 1866 г. переѣхалъ въ Петербургъ и весь кружокъ прежнихъ работниковъ разсѣялся и дѣятельность по доисторической археологіи надолго замолкла бы въ Литвѣ, если бы не появились отдѣльныя работы, какъ, напр., С. Гліогера и Гильдебрандта, изслѣдовавшихъ стоянки каменнаго вѣка по теченію р. Нѣмана; Мышенкова, раскапывавшаго курганы Бобруйскаго уѣзда; Покровскаго, издавшаго археологическія карты Гродненской и Виленской губ. (1893 г.) и изслѣдовавшаго бассейнъ р. Виліи; Ѳ. Довгирдъ изслѣдовалъ вѣкъ полированнаго камня на Жмуди, а Татуръ и Сементовскій—въ Бѣлоруссіи. Кромѣ того, нѣкоторыя свѣдѣнія о каменной эпохѣ въ Сѣверо-западномъ краѣ мы нахо-

димъ въ каталогахъ выставки Московскаго Антропологическаго Конгресса, Румянцовскаго музея, Эстонскаго Ученаго Общества Древностей графа А. С. Уварова, выставки при Московскомъ Антропологическомъ Съѣздѣ, въ указателяхъ Московскаго Историческаго музея, Кіевской Духовной Академіи и въ Трудахъ Виленскаго предварительнаго комитета по устройству IX археологическаго съѣзда. Г. Шукевичъ въ своей работѣ тщательно собралъ все, что до сихъ поръ было сдѣлано по доисторической археологіи Литвы, желая весь этотъ матеріалъ объяснить. Первый выпускъ его работы посвященъ каменному вѣку Виленской губ. Благодаря пробѣламъ въ изслѣдованіяхъ, на приложенной къ труду картѣ. однѣ мѣстности очень густо засѣяны стоянками каменнаго вѣка, въ другихъ онѣ совершенно отсутствуютъ. Авторъ находилъ эти стоянки на высокихъ мѣстахъ по направленію рѣкъ; нѣкоторыя изъ нихъ тянутся на довольно значительномъ протяженіи. Въ мѣстахъ болѣе густыми стоянками были находимы и кладбища, которыя обнаружены по осколкамъ горшковъ (урнъ) и обгорѣлымъ человѣческимъ костямъ. По находкамъ авторъ предполагаетъ, что культъ погребенія съ сожженіемъ преобладающимъ въ каменную эпоху, причемъ урну съ пепломъ помѣщали неглубоко въ землю, а могилу кругомъ обставляли мелкими камнями; въ эпоху полированнаго камня пепелъ отъ сожженія посыпали прямо въ землю безъ урны. Мастерскія свои человѣкъ каменной эпохи устраивалъ обыкновенно въ мѣстахъ, изобилующихъ кремнемъ. Изъ находокъ чаще всего встрѣчались наконечники стрѣлъ разныхъ формъ, ножики, скребни, пилки и кельты. Орудія относятся преимущественно къ неолитической эпохѣ. По произведеннымъ до сихъ поръ изслѣдованіямъ авторъ предполагаетъ, что каменная эпоха сильнѣе была выражена въ западной части Виленской губ., нежели въ восточной.

Г. Шукевичъ обѣщаетъ въ скоромъ времени издать дальнѣйшее продолженіе своего труда, куда должны войти археологическія свѣдѣнія о другихъ, смежныхъ съ Виленскою, губерніяхъ.

Ю. Талько-Грынцевичъ.

М. А. Палемъ. Къ современному вопросу о порчѣ зубовъ. „Зубоврачебн. Вѣстн.“, 1901 г., № 1.

Въ основу работъ автора легли записи, которыя велись имъ изъ осмотра и лѣченія учащихся въ школахъ и пріютахъ, затѣмъ, заключенныхъ въ Харьковскихъ тюрьмахъ какъ мужскихъ, такъ и женскихъ и наконецъ, вообще при практикѣ автора. Собранныя такимъ путемъ данныя касаются 10,000 больныхъ, изъ которыхъ было 5371 женщ. и 4629 муж. На каждую женщину въ среднемъ получится по 11.2 костоѣдному зубу, у мужчинъ—10.4; у первыхъ было костоѣдныхъ зубовъ 40%, у вторыхъ—37.6%. При распредѣленіи данныхъ по цвѣту волосъ оказалось, что у женщинъ наибольшее число съ испорченными зубами было у брюнетокъ. — На 1 приходится по 12.9 зуба,— почти столько же и у блондинокъ—12,5; наименьшее—у шатенокъ—7,4; у мужчинъ—у рыжеволосыхъ—12,2; у брюнетовъ—11,6, наименьшее у шатеновъ—9,1. По національностямъ болѣе всего каріозныхъ зубовъ встрѣчается у русскихъ:—57,4% муж.—56,7% жен., у евреевъ—31,3% муж.—31,7% жен., больше у грамотныхъ—88,6% муж.—86,2% жен., у интеллигентныхъ лицъ—43,6% муж.—34,0% жен., у учащихся—18,0% муж. и 11,0% жен. Далѣе авторъ сообщаетъ свѣдѣнія о пораженіи зубовъ — на расположеніе ихъ (нѣкоторыхъ сторонъ), какіе зубы чаще поражаются, объ аномаліяхъ зубовъ,

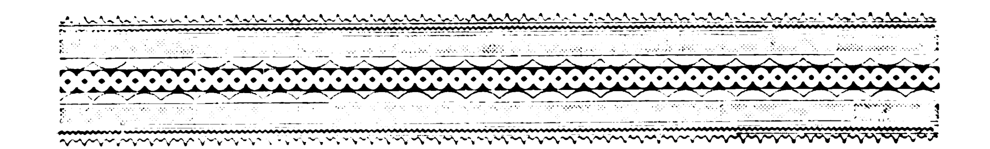
о зубахъ мудрости, объ уходѣ за зубами (ухаживающихъ за полостью рта 20,8% муж.—32,5% жен. и т. д., Въ заключеніе авторъ предлагаетъ мѣры къ устраненію порчи зубовъ.

Д. Никольскій.

Очеркъ литературной дѣятельности казанскихъ татаръ—мохаммеданъ за 1880—1895 г.г. Сочиненіе Николая Ашмарина. М. 1901.

Сочиненіе Н. Ашмарина составляетъ IV выпускъ „Трудовъ, издаваемыхъ Лазаревскимъ Институтомъ восточныхъ языковъ". Глава этой любопытной книжки, посвященная татарскому литературному языку, имѣетъ отношеніе къ антропологіи. Подобно другимъ тюркамъ, татары не пишутъ на чистомъ народномъ языкѣ. Въ ихъ книжной рѣчи встрѣчается масса арабскихъ и персидскихъ словъ. Литературный языкъ казанскихъ татаръ представляется вообще смѣшеніемъ нѣсколькихъ тюркскихъ нарѣчій (джагитайскаго, османскаго и пр.). Что касается поэзіи татаръ, то она имѣетъ много сходства съ творчествомъ другихъ инородцевъ, живущихъ по Волгѣ. Такъ, пѣсни чувашъ и вотяковъ въ общемъ носятъ одинъ и тотъ же характеръ, какъ по формѣ, такъ отчасти и по содержанію. Можно встрѣтить даже нѣкоторыя татарскія, чувашскія и вотскія пѣсни, которыя какъ будто переведены одна съ другой. Это объясняется вліяніемъ татарской поэзіи, которое сильно сказалось на пѣсняхъ сосѣднихъ татарамъ инородцамъ. Пѣсни, помѣщенныя въ сборникѣ Насырова, касаются исключительно любовныхъ темъ. Въ нихъ лицо красавицы уподобляется полному мѣсяцу, солнцу; ея пальцы—камышъ, брови-чернѣй черной смородины, щеки румянѣе костяники, станъ строенъ, какъ выросшій въ банкѣ цвѣтокъ, талія тонка, какъ у рыси, которая выбѣгаетъ играть на берегъ Камы. Въ загадкахъ, пословицахъ татаръ, повѣстяхъ, драматическихъ и нравоучительныхъ ихъ сочиненіяхъ есть много характернаго и любопытнаго въ этнологическомъ отношеніи.

А. Хахановъ.



Извѣстія и замѣтки.

Антропологическія изслѣдованія въ Финляндіи. Всѣ авторы, занимавшіеся изученіемъ населенія Финляндіи въ антропологическомъ или этнографическомъ отношеніи (Topelius, v. Haartmann, Ignatius, Hutt, Retzius, Virchow и др.), признаютъ, что населеніе это составляютъ двѣ народности, различающіяся по происхожденію и по языку,—шведы и финны. Первые занимаютъ южные, юго-западные и восточные берега, вторые — внутреннія части страны. Финны состоятъ изъ двухъ группъ: тавастовъ, живущихъ въ западной части, и кореловъ—въ восточной. Тавасты— крѣпкаго сложенія, широкоплечи, широколицы, съ сѣрыми или голубыми глазами и темно-каштановыми или слегка рыжеватыми волосами. По сравненію съ тавастомъ корелъ болѣе стройный, ловкій и живой; онъ темноволосъ, съ сѣро-голубыми или темными глазами. Von Haartmann произвелъ сотни кефалометрическихъ измѣреній въ различныхъ мѣстностяхъ и нашелъ, что средній головной указатель кореловъ — 75,1, а тавастовъ—89,6. G. Retzius, во время своего путешествія по Финляндіи въ 1873 г., измѣрилъ громадное количество череповъ и живыхъ особей и результаты измѣреній опубликовалъ въ своемъ классическомъ трудѣ «Finska cranier» (Stockholm, 1878). Въ 1896—97 гг., по иниціативѣ д-ра Boldt'a, были произведены антропологическія наблюденія надъ школьниками, въ количествѣ болѣе 100,000, причемъ особенное вниманіе обращалось на цвѣтъ волосъ, глазъ и кожи. Въ 1898 г. д-ръ F. W. Westerlund изслѣдовалъ 5200 солдатъ и собралъ данныя о ростѣ 90,000 призывныхъ въ возрастѣ 21 года. По изслѣдованіямъ автора, опубликованнымъ въ «Fennia» (изд. Финлянд. Географ. Общ. въ Гельсингфорсѣ, 1901, XVIII, 2), средній ростъ шведскаго населенія равняется 1694 мм., тавастовъ —1680 и кореловъ 1652 мм. По головному указателю долихоцефаловъ между шведами 70%, а брахицефаловъ—30% (средній головной указатель—77,9); между финнами долихоцефаловъ 51%, брахицефаловъ — 49%, средній головной указатель — 79,4 (среди кореловъ 36% долихоцефаловъ, 64% брахицефаловъ; средній указатель—80,8).

Антропологическія изслѣдованія въ Швеціи. Проф. G. Retzius опубликовалъ въ «Bulletins et Mémoires de la Société d'Anthropologie de Paris» (1901, vol. II) результаты обширныхъ антропологическихъ изслѣдованій, произведенныхъ имъ въ 1897 и 1898 гг., совмѣстно съ проф. Fürst'омъ, надъ 45,000 солдатъ, въ возрастѣ 21 г., изъ различныхъ провинцій Швеціи. Общій средній ростъ изслѣдованныхъ субъектовъ равенъ 1700 мм. Число очень высокихъ особей (170 сант. и выше) составляетъ 59,2%. По головному указателю громадное большинство принадлежитъ къ долихоцефаламъ (по системѣ And. Retzius'a), а именно 87%, тогда какъ брахицефаловъ только 13%; но число долихоцефаловъ значительно уменьшится, если изъ нихъ выдѣлить

группу мезатицефаловъ,—послѣднихъ 65,9%. Процентное отношеніе долихоцефаловъ и брахицефаловъ въ разныхъ провинціяхъ различно: область наибольшей долихоцефаліи—центръ Швеціи; къ югу и сѣверу отъ него постепенно возрастаетъ количество брахицефаловъ. Средній головной указатель шведовъ—75,9. По вычисленіямъ проф. Фюрста, среди изслѣдованныхъ 75,3% было русоволосыхъ, 22,4% темноволосыхъ и 2,3% рыжеволосыхъ. Цвѣтъ глазъ у 66,7%—свѣтлоголубой или сѣрый, у 4,5%—карій и у 28,8%—смѣшанный.

Антропологическіе курсы въ университетахъ Германіи, Австро-Венгріи и Швейцаріи. По сообщенію «American Anthropologist» (1901, № 4), въ университетахъ Германіи, Австро-Венгріи и Швейцаріи читались въ минувшемъ 1901/2 учебномъ году слѣдующіе антропологическіе курсы: Берлинъ: *Vierkandt*—Психологія первобытныхъ народовъ: *von Luschan*—Физическая антропологія и этнологія Океаніи; *Ehrenreich*—Этнографія Америки; *Oppert*—Аборигены Индіи; *Seler*—Этнологія и археологія Мексики; *Lippert*—Этнографія и исторія Западнаго Судана. Бреслау: *Hoffmann*—Исторія лингвистики въ Европѣ. Эрлянгенъ: *Geiger*—Исторія религій и древняя цивилизація расъ (китайцевъ, египтянъ, семитовъ, арійцевъ). Геттингенъ: *Wagner*—Географія и этнологія Азіи. Галле: *Kirchhoff*—Обзоръ новѣйшихъ географическихъ и этнографическихъ данныхъ. Гейдельбергъ: *Scherrer* - Эволюціонная исторія человѣчества. Іена: *Schrader*—Расовая и лингвистическая исторія Европы. Лейпцигъ: *Ratzel*—Научныя основы расовой дифференціаціи; *Conrady*—Индокитайскіе народы и языки; *Weule*—Общая этнографія. Мюнхенъ: *Ranke*—Антропологія и этнографія первобытныхъ народовъ. Тюбингенъ: *von Sigwart*—Философ. антропологія; *Koken*—Происхожденіе и первоначальная исторія человѣчества. Вюрцбургъ: *Jolly* — Первоначальная исторія индо-германскихъ народовъ. Иннсбрукъ: *Wieser*—Этнографія Европы. Вѣна: *Haberland*—Этнографія и культурная эволюція Передней Индіи; *Hein* — Этнографія Тихаго океана; *Hoernes*—Дилювіальный человѣкъ въ Европѣ. Бернъ: *Brückner*—Антропогеографія. Женева: *Pittard*—Общая антропологія и Этнографія Африки. Лозанна: *Schenk* — Общая антропологія и Доисторическая антропологія и этнографія. Цюрихъ: *Martin* — Физическая антропологія и Антропометрія.

Новое антропологическое Общество въ Германіи. Въ концѣ прошлаго года во Франкфуртѣ на Майнѣ основалось новое антропологическое Общество—„Frankfurter anthropologische Gesellschaft“. Предсѣдателемъ Общества состоитъ Dr. Bernhard Hagen; число членовъ уже теперь простирается до 130. Особенно близкое участіе въ основаніи новаго Общества, кромѣ Dr. Hagen'а, приняли: проф. Edinger, проф. Fletsch, Dr. Belck, Dr. von Möllendorf и др. Въ первомъ засѣданіи Общества предсѣдатель его Dr. Hagen сдѣлалъ сообщеніе: «Первые слѣды человѣка на землѣ».

Политико-антропологическій журналъ. Въ Германіи съ настоящаго года началъ выходить новый политико-антропологическій журналъ «Politisch-anthropologische Revue“. Monatsschrift für das sociale und geistige Leben der Völker. Herausgeber: Ludwig Woltmann und Hans K. E. Buhmann. Eisenach-Leipzig, Thüringische Verlagsanstalt. Preis ganzjährlich (12 Hefte) 12 M. Журналъ ставитъ цѣлью знакомить читателей съ современными научными данными о физическомъ, соціальномъ и духовномъ развитіи народовъ.

Преміи Парижскаго Антропологическаго Общества. При Парижскомъ Антропологическомъ Обществѣ имѣются слѣдующія преміи по антропологіи: 1) Godard'а (учреждена въ 1862 г. Dr. Ern. Godard'омъ), въ 500 фран-

ковъ, выдается черезъ каждые два года за лучшее сочиненіе по антропологіи, безразлично, какому бы антропологическому вопросу оно ни было посвящено; 2) Broca (учр. въ 1881 г. г-жею Брока), въ 1500 франковъ, присуждается черезъ два года за антропологическіе труды по анатоміи человѣка, сравнительной анатоміи и физіологіи; 3) Bertillon'a (учр. въ 1885 г. братьями Бертильонами, сыновьями Адольфа Бертильона), въ 500 франковъ, выдается черезъ каждые три года за сочиненія по демографіи; 4) Fauvelle (учр. въ 1895 г. Dr. L.-J. Fauvelle), въ 2000 франковъ, присуждается черезъ три года за лучшія изслѣдованія по анатоміи или физіологіи нервной системы. Премія Godard'a въ минувшемъ году присуждена нашему соотечественнику Ѳ. К. Волкову за его изслѣдованіе: «Le pied chez l' Homme et les Mammifères»; премія Bertillon'a раздѣлена между проф. W. Z. Ripley (за его «The Races of Europe») и M. Caudelier (за трудъ «Les lois de la population»).

Антропологическое Общество при Военно-Медицинской Академіи. Въ засѣданіи 1-го апрѣля *И. В. Маляревскій* сдѣлалъ докладъ: «Основы педагогической антропологіи». Содержаніе доклада можно раздѣлить на двѣ главныя части: въ первой докладчикъ коснулся важности педагогической антропологіи вообще, ея задачъ и пр., во второй проводилъ аналогію между ребенкомъ и дикаремъ, указавъ на развитіе ребенка, первыя его проявленія къ сознательности, образованіе языка, чувствъ, образованіе обществъ, кружковъ и т. д.; затѣмъ докладчикъ перешелъ къ выясненію правовыхъ отношеній дѣтей, упомянувъ объ уголовномъ законодательствѣ по отношенію къ малолѣтнимъ, о преступности и т. д.

Антропологическій Отдѣлъ Общества Любителей Естествознанія. Въ послѣднемъ засѣданіи Отдѣла, 24-го апрѣля 1902 г., *А. А. Ивановскій* сдѣлалъ сообщеніе, посвященное памяти почетнаго члена Общества А. П. Разцвѣтова; *Ю. Д. Талько-Гринцевичъ* прочелъ рефератъ: «Забайкалье и Монголія въ антрополого-этнологическомъ отношеніи» и *А. Д. Элькиндъ* сообщилъ «Антропологическій очеркъ евреевъ».

Въ настоящее время приступлено къ печатанію XXI-го тома «Трудовъ Антропологическаго Отдѣла», заключающаго въ себѣ изслѣдованіе непремѣннаго члена Общества *А. Д. Элькинда*: «Евреи». Трудъ г. Элькинда основанъ какъ на личныхъ изслѣдованіяхъ автора польскихъ евреевъ (мужчинъ и женщинъ), такъ и на суммированіи имѣющихся литературныхъ данныхъ, и будетъ иллюстрированъ многочисленными рисунками (типы евреевъ различныхъ странъ).

Непремѣнный членъ Общества *Ю. Д. Талько-Гринцевичъ*, проведшій послѣднія десять лѣтъ въ г. Троицкосавскѣ, Забайкальской обл., представилъ въ Отдѣлъ для напечатанія обширный трудъ: «Матеріалы къ антропологіи Забайкалья и Монголіи», представляющій подробную обработку собранныхъ авторомъ антропометрическихъ данныхъ о бурятахъ, тунгусахъ и монголахъ-халхасцахъ, изслѣдованныхъ имъ въ количествѣ 641 особи. Помѣщенная выше статья: «Къ антропологіи Забайкалья и Монголіи», знакомитъ съ главнѣйшими результатами антропологическихъ изслѣдованій г. Талько-Гринцевича.

Членами коммиссіи Антропологическаго Отдѣла по присужденію преміи по антропологіи имени Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергія Александровича и преміи и золотой медали имени А. П. Разцвѣтова состоятъ въ настоящемъ году: предсѣдатель Отдѣла Д. Н. Анучинъ, товарищъ предсѣдателя П. А. Минаковъ, секретарь А. А, Ивановскій и члены: Н. В. Алтуховъ, В. В. Воробьевъ, Л. О. Перфильевъ, В. Н. Розановъ и И. П. Силиничъ. О присужденіи будетъ объявлено въ годичномъ засѣданіи Общества 15-го октября 1902 года.

Труды Антропологическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

Томъ XVIII, вып. 1—3, подъ редакціей Д. Н. Анучина, Н. В. Гильченко и А. А. Ивановскаго. Москва. 1897 г. Цѣна 3 руб.

Содержаніе: Анатолій Петровичъ Богдановъ (съ портретомъ).—*А. Г. Рождественскій*—Величина головы человѣка въ ея зависимости отъ роста, пола, возраста и расы (съ 5-ю графич. таблицами).—*Н. В. Гильченко*—Матеріалы для антропологіи Кавказа. Кубанскіе казаки. *А. Д. Элькиндъ*—Привислинскіе поляки.— *Н. А. Янчукъ*—Нѣсколько новыхъ свѣдѣній о литовскихъ татарахъ.— *А. А. Арутиновъ*—Къ антропологіи кавказскаго племени удинъ.—*Н. П. Константиновъ-Щипунинъ* — Къ краніологіи древняго населенія Костромской губ.— *Д. Н. Анучинъ*—Е. А. Покровскій, К. Н. Иковъ и А. М. Раевская (некрологи.)— Протоколы засѣданій Антропологическаго Отдѣла.—Отзывы о трудахъ, представленныхъ въ Отдѣлъ для соисканія премій и золотой медали по антропологіи.

Томъ XIX, подъ редакціей Д. Н. Анучина и А. А. Ивановскаго. Москва, 1899 г. Цѣна 3 руб.

Содержаніе: *Р. Л. Вейнбергъ*—О строеніи большого мозга у эстовъ, латышей и поляковъ (съ 20 рис.).—*М. И. Лутохинъ*—Историческій обзоръ литературы о расовыхъ отличіяхъ таза.—*П. А. Минаковъ*—Новыя данныя по изслѣдованію волосъ изъ древнихъ могилъ и отъ мумій (съ 1 раскраш. табл.)·—*П. А. Минаковъ*—Ненормальная волосатость (съ 3 рис.).— *В. В. Воробьевъ*—Матеріалы къ антропологіи великорусскаго населенія нѣкоторыхъ уѣздовъ Рязанской губ. (съ 9 діаграм.).—*В. И. Васильевъ*—Размѣры черепа и лица по отношенію къ возрасту и росту у учащихся въ школахъ Серпуховскаго у., Московской губ. (съ 4 діаграм.).—*Н. В. Гильченко*—Вѣсъ головного мозга и нѣкоторыхъ его частей у различныхъ племенъ, населяющихъ Россію.—*А. А. Ивановскій*—Къ вопросу о различіяхъ формъ глазной щели.—*П. А. Минаковъ*—О формѣ и цвѣтѣ волосъ изъ кургановъ Ср. Россіи.—*А. Д. Элькиндъ*—О черепныхъ типахъ проф. Серджи въ связи съ черепнымъ указателемъ (съ 4 діагр.)*А.*—. *Д. Элькиндъ*— Замѣтка о черепахъ изъ еврейскихъ катакомбъ въ Римѣ (съ 1 рис.).—*Д. Н. Анучинъ*—Памяти Г. Д. Филимонова и Г. де-Мортиллье.— *А. А. Ивановскій*—Секція антропологіи XII-го международнаго съѣзда врачей (съ 6 рис.).—Протоколы засѣданій Антропологическаго Отдѣла.—Отзывы о трудахъ, представленныхъ въ Отдѣлъ для соисканія премій и золотой медали по антропологіи.

Вышелъ XX-ый томъ: В. В. Воробьевъ—Наружное ухо человѣка. Москва, 1901 г. Цѣна 3 руб.

Русскій Антропологическій Журналъ.

1900 годъ (кн. I—IV): *Д. Н. Анучинъ*—Бѣглый взглядъ на прошлое антропологіи и на ея задачи въ Россіи; *Н. А. Аристовъ*—Этническія отношенія на Памирѣ и въ прилегающихъ странахъ по древнимъ, преимущественно китайскимъ, историческимъ извѣстіямъ; *В. В. Воробьевъ* — Великоруссы (съ 6 рис.); *онъ же*—О соотношеніи между главнѣйшими размѣрами головы и лица человѣка и его ростомъ (съ 6 діагр.); *Н. Л. Зеландъ*—Къ антропологіи западно-сибирскаго крестьянина; *А. А. Ивановскій*—Дм. Ник. Анучинъ (съ портретомъ); *онъ же*—Чествованіе проф. Д. Н. Анучина по поводу его 25-лѣтней дѣятельности въ Императорскомъ Обществѣ Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи; *онъ же*—Езиды (по изслѣдованіямъ К. И. Горощенко); *Ф. Я. Конъ*—Беременность, роды и уходъ за ребенкомъ у качинокъ; *А. Н. Красновъ* — Объ антропологическихъ изслѣдованіяхъ и измѣреніяхъ въ Харьковскомъ и Валковскомъ уѣздахъ. *И. И. Майновъ*—Помѣсь русскихъ съ якутами (съ 4 рис.); *Н. А. Минаковъ* — Волосы въ антропологическомъ отношеніи (съ 4 рис.); *онъ же*—Ногти человѣческой руки (съ 1 рис.); *Д. П. Никольскій*—О чукчахъ Колымскаго округа; *В. Н. Розановъ*—Гинекомастія (съ 5 рис.); *Ю. Д. Талько-Грынцевичъ*—Древніе обитатели Центр. Азіи; *онъ же*—Польская антропол. литература (съ портретами Майера и Коперницкаго). Изъ иностранной литературы: *Д. Н. Анучинъ*—Аномальные швы и кости мозгового черепа человѣка по изслѣдованіямъ проф. І. Ранке (съ 3 рис.); *онъ же*—Объ останкахъ германцевъ III—IV вв. въ торфяникахъ Шлезвига и сосѣднихъ съ нимъ странъ (съ 4 рис.); *В. В. Воробьевъ* — Наружное ухо въ антропол. отношеніи; *А. А. Ивановскій*—Положеніе человѣка въ ряду животныхъ; *онъ же*—Евреи (съ 10 рис.); *онъ же* — Фамильные типы и фамильное сходство; *Е. И. Луценко*—Общественная среда, какъ факторъ развитія и красоты человѣческаго лица; *П. А. Минаковъ* — Мозгъ Герм. Гельмгольца (съ 2 рис.); *И. П. Симиничъ*—Формы колыбелей и ихъ развитіе; *онъ же*—Роль химическаго анализа въ вопросахъ доисторической археологіи; *Л. Д. Синицкій*—Географическая будущность европейскихъ расъ. Некрологи: *Д. Н. Анучинъ*—Питтъ Риверсъ; *В. В. Воробьевъ*—Проф. С. С. Корсаковъ; *А. А. Ивановскій*—Фил. Сальмонъ.—Критика и библіографія.—Извѣстія и замѣтки.

1901 годъ (кн. V—VIII): *Д. Н. Анучинъ*—Руд. Вирховъ (съ 2 портр. и 2 рис.); *Н. А. Аристовъ*—Этническія отношенія на Памирѣ и въ прилегающихъ странахъ по древнимъ, преимущественно китайскимъ, историческимъ извѣстіямъ (продолж.); *Н. В. Берви* - Обработка антропологич. наблюденій при помощи теоріи вѣроятностей; *Р. Л. Вейнбергъ*—Къ вопросу объ исполинскомъ ростѣ (съ 3 рис.); *онъ же*—Новѣйшіе успѣхи въ области антропологіи костной системы (съ 3 рис.); *онъ же*—Эсты (съ 12 рис.); *В. В. Воробьевъ*— Наружное ухо человѣка (съ 6 рис.); *К. И. Горощенко*—Сойоты (съ 1 рис.); *К. М. Курдовъ* Къ антропологіи лезгинъ: кюринцы (съ 4 рис.); *И. И. Майновъ*—Два типа тунгусовъ (съ 4 рис.); *Н. М. Маліевъ*—Вогулы (съ 2 рис.); *С. Д. Масловскій*—Гальча; *Л. О. Перфильевъ*—Сомалійцы; *И. П. Симиничъ*—Къ краніологіи сойотъ; *Ю. Д. Талько-Грынцевичъ*—Поляки (съ 14 рис.). Изъ иностранной литературы: *Б. Θ. Адлеръ*—Происхожденіе и переселеніе народовъ съ географической точки зрѣнія; *онъ же*—Происхожденіе европейскихъ народовъ; *Р. Л. Вейнбергъ*—Анатомическія особенности первобытнаго человѣка (съ 6 рис.); *А. А. Ивановскій* — Классификація человѣческихъ расъ І. Деникера; *онъ же*—Зубы у различныхъ человѣческихъ расъ (съ 2 рис.;) *онъ же*—Карлики и пигмеи; *Д. А. Корончевскій*—Кинъ и его руководства по этнологіи.—Критика и библіографія.—Извѣстія и замѣтки.

Русскій Антропологическій Журналъ,

издаваемый Антропологическимъ Отдѣломъ

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, подъ редакціей секретаря Отдѣла А. А. Ивановскаго (основанъ ко дню 25-лѣтія дѣятельности въ Антропологическомъ Отдѣлѣ, 30 марта 1900 года, предсѣдателя Отдѣла, проф. Д. Н. Анучина), выходитъ 4-мя книжками въ годъ, размѣромъ каждая въ 8—10 печатныхъ листовъ, съ рисунками.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Б. Ѳ. Адлеръ, Н. В. Алтуховъ, проф. Д. Н. Анучинъ, Н. А. Аристовъ, проф. Н. В. Берви, С. А. Вайсенбергъ, проф. Вальдейеръ (Берлинъ), В. И. Васильевъ, Р. Л. Вейнбергъ, Ѳ. К. Волковъ (Парижъ), В. В. Воробьевъ, Н. В. Гильченко, К. И. Горощенко, І. Е. Деникеръ (Парижъ), Н. Л. Зеландъ, А. А. Ивановскій, проф. І. Колльманъ (Базель), Ф. Я. Конъ, Д. А. Коропчевскій, проф. А. Н. Красновъ, К. М. Курдовъ, Е. И. Луценко, проф. Ф. фонъ-Лушанъ (Берлинъ), И. И. Майновъ, А. Н. Максимовъ, проф. Н. М. Маліевъ, С. Д. Масловскій, проф. П. А. Минаковъ, проф. Л. Г. Нидерле (Прага), Д. П. Никольскій, И. И. Пантюховъ, Л. О. Перфильевъ, проф. М. А. Поповъ, проф. Фр. Ратцель (Лейпцигъ), А. Г. Рождественскій, В. Н. Розановъ, проф. Ж. Серджи (Римъ), проф. И. А. Сикорскій, И. П. Силиничъ, Л. Д. Синицкій, Ю. Д. Талько-Грынцевичъ, проф. А. И. Таренецкій, граф. П. С. Уварова, А. С. Хахановъ, Е. М. Чепурковскій, С. М. Чугуновъ, проф. Г. Швальбе (Страсбургъ), проф. Э. Шмидтъ (Лейпцигъ), проф. Л. Х. Штида (Кенигсбергъ), А. Д. Элькиндъ, Н. А. Янчукъ и др.

Цѣна годовому изданію 5 руб. съ доставкой и пересылкой, за границу 6 руб. Цѣна отдѣльной книжки 1 р. 50 к. (двойной—3 р.)

Съ требованіями обращаться: Москва, Политехническій музей, въ Антропологическій Отдѣлъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, или: Москва, Историческій музей, секретарю Антропологическаго Отдѣла А. А. Ивановскому.

Годъ 3-й. Кн. XI.

Русскій Антропологическій Журналъ

Изданіе Антропологическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

Основанъ ко дню 25-лѣтія дѣятельности въ Антропологическомъ Отдѣлѣ (30 марта 1900 г.) предсѣдателя Отдѣла, проф. Д. Н. Анучина.

подъ редакціей
Секретаря Антропологическаго Отдѣла
А. А. Ивановскаго.

1902 г., № 3.

МОСКВА.
Типо-литографія А. В. Васильева и К°, Петровка, домъ Обидиной.
1902.

Годъ 3-й. *Кн. XI.*

Русскій Антропологическій Журналъ

Изданіе Антропологическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

Основанъ ко дню 25-лѣтія дѣятельности въ Антропологическомъ Отдѣлѣ (30 марта 1900 г.) предсѣдателя Отдѣла, проф. **Д. Н. Анучина.**

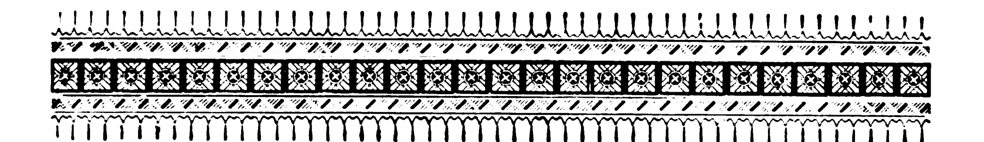
подъ редакціей
Секретаря Антропологическаго Отдѣла
А. А. Ивановскаго.

1902 г., № 3.

МОСКВА.
Типо-литографія А. В. Васильева и К⁰, Петровка, домъ Обидиной.
1902.

Печатано по постановленію Совѣта Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

СОДЕРЖАНІЕ.



Евреи.

(Сравнительно-антропологическій очеркъ).

Одно изъ важнѣйшихъ пріобрѣтеній антропологіи составляютъ многочисленныя данныя, свидѣтельствующія о томъ, что большинство современныхъ народностей образуютъ конгломератъ изъ нѣсколькихъ, иногда весьма различныхъ, этническихъ наслоеній. Разложить эту амальгаму на ея составныя части, раскрыть первоначальную основу той или другой народности является дѣломъ нелегкимъ, съ одной стороны, въ виду сложности самой задачи, съ другой же, въ виду отсутствія нерѣдко достаточнаго числа наблюденій, необходимыхъ для построенія опредѣленныхъ заключеній. Въ обоихъ отношеніяхъ особенно трудно поддается изслѣдованію вопросъ объ антропологическомъ типѣ евреевъ. Народъ, насчитывающій уже не одно тысячелѣтіе исторической жизни, живущій въ продолженіе многихъ вѣковъ при самыхъ разнообразныхъ географическихъ, соціальныхъ, экономическихъ условіяхъ и, несмотря на то, сохранившій общія традиціи и взаимную солидарность,—этотъ народъ не можетъ не интересовать антрополога, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и требуетъ немалаго труда для его изученія.

Трудности задачи соотвѣтствуетъ и многочисленность воззрѣній, господствовавшихъ и еще продолжающихъ господствовать, на антропологическій характеръ еврейской народности. Для ученыхъ первой половины прошлаго вѣка евреи являлись прямыми потомками древнихъ семитовъ, съ замѣчательнымъ постоянствомъ сохранявшими физическіе признаки своихъ предковъ. Такому взгляду слѣдовали Блуменбахъ и его ближайшіе ученики, высказавшіе мнѣніе о чистотѣ и характерности еврейскаго типа. Эдвардсъ, ревностный сторонникъ неизмѣняемости физическихъ признаковъ, видитъ въ евреяхъ вѣское доказательство справедливости своей мысли, что первоначальный типъ можетъ удерживаться въ продолженіе многихъ столѣтій у народовъ одного происхожденія, хотя и живущихъ въ разныхъ полосахъ земли. Евреи въ картинахъ итальянскихъ художниковъ Среднихъ вѣковъ ничѣмъ не отличаются, по его мнѣнію, отъ нынѣшнихъ; послѣдніе же

чрезвычайно похожи на своихъ единоплеменниковъ, изображенія которыхъ находятся на памятникахъ искусства древнихъ египтянъ.

На смѣну такому взгляду вскорѣ стала высказываться мысль, что евреи распадаются на двѣ обособленныя группы, различающіяся какъ по внѣшнимъ признакамъ, такъ и по своему происхожденію. Сторонниками новаго воззрѣнія явились К. Фогтъ, Вейсбахъ, Мауреръ, и позднѣе къ нимъ примкнулъ еще Блехманъ. По словамъ этихъ ученыхъ, русско-нѣмецкіе евреи или, какъ ихъ принято называть, ашкеназы, благодаря сравнительно низкому росту, относительной частотѣ среди нихъ рыжихъ волосъ, преобладанію сѣрыхъ глазъ и брахицефальной формы головы, сильно удаляются отъ т. наз. сефардовъ и спаньюоловъ, евреевъ трехъ южныхъ полуостровов Европы, африканскаго побережья Средиземнаго моря и, отчасти, Голландіи и Англіи, которымъ свойственны болѣе стройное сложеніе, черные волосы и черные глаза и долихоцефальный типъ головы. Это ученіе о дуалистическомъ характерѣ антропологическаго типа евреевъ нашло своего истолкователя въ лицѣ К. Н. Икова. Послѣдній, опираясь на собственныя краніо- и кефалометрическія наблюденія и на отдѣльные историческіе факты, утверждаетъ, что только сефарды и спаньюолы должны считаться настоящими семитами потомками евреевъ, вышедшихъ изъ Палестины въ I и II вв. по Р. Х.; русскіе же евреи, миграція которыхъ изъ Средней Азіи, Вавилоніи и Кавказа къ областямъ Чернаго и Каспійскаго морей, а отсюда въ Россію началась гораздо раньше, именно за нѣсколько вѣковъ до Р. Х., аллофильнаго происхожденія и, по мнѣнію Икова, представляютъ скорѣе средне-азіатскій элементъ, близкій къ иранцамъ и сохранившійся, правда, не въ совершенной чистотѣ, благодаря прозелитизму и смѣшенію съ западно-европейскимъ элементомъ.

Эта теорія не встрѣтила всеобщаго признанія, такъ какъ, съ одной стороны, въ основу ея положены слишкомъ ограниченныя наблюденія, а, съ другой, новѣйшія историческія изслѣдованія сообщили также нѣсколько иное освѣщеніе древнѣйшей эпохѣ еврейской діаспоры. Тѣмъ не менѣе нѣкоторыя частности ея сохранили значеніе и получили еще дальнѣйшее развитіе, отчасти даже раньше появленія труда К. Н. Икова. Мы имѣемъ въ виду прозелитизмъ и смѣшанные браки. Какъ ни затруднительнымъ является выясненіе истиннаго значенія того и другого по отношенію, въ особенности, къ многовѣковому періоду разсѣянія, эти два фактора, несмотря на то, поставлены въ основу наиболѣе распространеннаго нынѣ взгляда на сущность антропологическаго типа евреевъ. Однимъ изъ авторитетнѣйшихъ и едва ли не первымъ выразителемъ его явился Ренанъ. Какъ историкъ религій, какъ знатокъ семитическаго міра, онъ находитъ тѣсную зависимость между племеннымъ типомъ евреевъ и состояніемъ ихъ религіи. Пока послѣдняя оставалась національною, т. е. совершенно исключала прозелитизмъ въ своей средѣ, и евреи, чуждые всякихъ этническихъ

смѣшеній, сохраняли неприкосновеннымъ свой физическій типъ. Между тѣмъ съ эпохи пророковъ еврейская религія получаетъ новое развитіе, пріобрѣтаетъ, по словамъ Ренана, значеніе всеобщей, всемірной религіи: не покидая тѣсныхъ предѣловъ своего племени, она поднимается до признанія универсальныхъ проблемъ моральной и соціальной жизни и открываетъ доступъ въ свое лоно многочисленнымъ иноплеменникамъ. Такимъ путемъ въ жилы еврейскаго народа, по мнѣнію знаменитаго оріенталиста, вошло значительное количество иной крови, рѣзко измѣнившей его первоначальный типъ. Слѣдствіемъ этого явилось то, что евреи утратили ха-

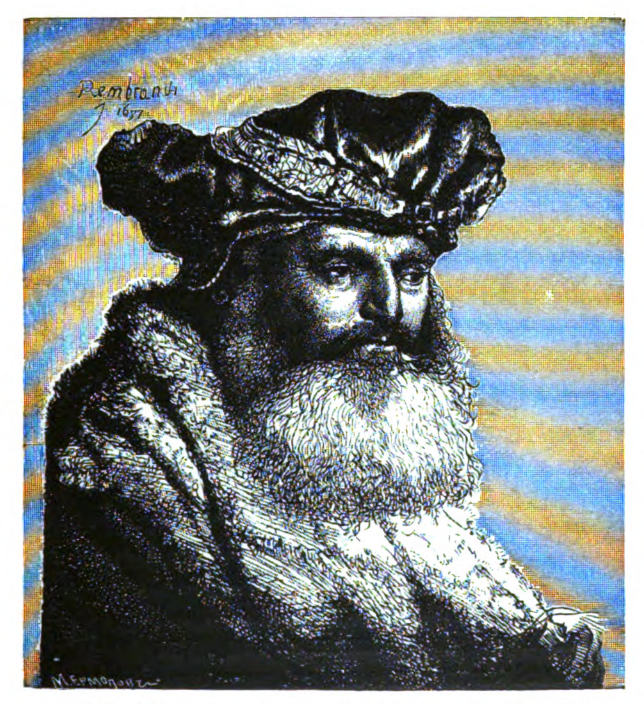


Рис. 1. Портретъ раввина (съ картины Рембрандта).

рактеръ чистаго «этноса» и восприняли, подобно другимъ расамъ, много чуждыхъ элементовъ; другими словами, нѣтъ, какъ думаетъ Ренанъ, іудейскаго типа, но есть іудейскіе типы.

Таковы въ краткихъ чертахъ взгляды французскаго ученаго, въ извѣстной степени, дѣйствительно, заслуживающіе внимательнаго отношенія. Безспорно, евреи подвергались разнороднымъ этническимъ вліяніямъ, что однако имѣло мѣсто во времена болѣе раннія, нежели указываемыя Ренаномъ, какъ объ этомъ неоднократно свидѣтельствуется въ Библіи. Съ другой стороны, пророки, эти вдохновенные истолкователи еврейскихъ

судебъ, дѣйствовали, главнымъ образомъ, среди своего народа, обращали свое карательное, вѣщее слово къ своимъ же единовѣрцамъ и оставались далекими отъ какой-бы то ни было миссіонерско-проповѣднической дѣятельности. Прозелитизмъ развился среди евреевъ въ сколько-нибудь замѣтной формѣ позднѣе, въ эпоху эллинизма, въ первые вѣка до и послѣ начала новаго лѣтосчисленія. Причины его возникновенія могли быть другія. Это была эпоха упадка классическаго міра, крушенія прежнихъ языческихъ идеаловъ, и общество, въ поискахъ новаго міросозерцанія, находило последнее сначала въ средѣ немногочисленнаго древняго народа Библіи, а позже въ средѣ нарождавшагося христіанства. Писатели того періода—римскіе и греческіе—неоднократно сообщаютъ о тяготѣніи многихъ своихъ современниковъ къ еврейству, тѣмъ не менѣе существуютъ и немаловажные доводы, ограничивающіе вліяніе такого прозелитизма на евреевъ. Какъ бы то ни было, воззрѣніе Ренана, формулируемое въ томъ смыслѣ, что «іудей временъ Гнутрана и Хильперика былъ, большею частью, никто иной, какъ галлъ, исповѣдующій израильскую религію», раздѣляютъ многіе ученые, какъ Топинаръ, Loeb, Lagneau, Neubauer. Тому же взгляду слѣдуетъ и Риплей, приписывающій измѣненіе черепного типа евреевъ смѣшеніямъ ихъ съ язычниками послѣ разрушенія Второго храма, а въ позднѣйшія столѣтія и съ христіанами.

Съ другой стороны, рядъ весьма авторитетныхъ антропологовъ признаетъ за этими смѣшеніями и прозелитизмомъ лишь второстепенное значеніе и, во всякомъ случаѣ, считаетъ то и другое недостаточнымъ для объясненія генезиса типа евреевъ. Въ подобномъ смыслѣ высказывается проф. Д. Н. Анучинъ. Прототипъ евреевъ онъ видитъ въ ихъ изображеніяхъ на египетскихъ и ассирійскихъ монументахъ, гдѣ евреевъ нетрудно отличить отъ изображеній другихъ азіатскихъ и африканскихъ племенъ. Указывая на свойственныя евреямъ избѣганіе кровнаго смѣшенія съ окружающими народами и слабое проявленіе ими духа прозелитизма, проф. Д. Н. Анучинъ относится критически къ выводамъ Икова и склоняется, повидимому, къ тому взгляду, по которому еврейскій типъ сложился въ гораздо болѣе отдаленное время. Такъ, именно, смотрятъ англійскіе ученые Jacobs и Bertin. Первый, подвергнувшій довольно обстоятельной оцѣнкѣ прозелитизмъ евреевъ, въ своихъ заключительныхъ выводахъ, вопреки Ренану, полагаетъ, что это явленіе едва-ли могло обусловить значительную смѣшанность среди евреевъ того времени. Bertin, изучавшій типы на вавилонскихъ и ассирійскихъ монументахъ, отличаетъ среди нихъ два еврейскихъ типа, происхожденіе которыхъ онъ объясняетъ древнѣйшими переселеніями евреевъ по Арменіи, а впослѣдствіи смѣшеніемъ ихъ въ Египтѣ съ нѣкоторыми негроидными группами.

Опредѣленнѣе судитъ объ этомъ предметѣ нѣмецкій антропологъ F. von Luschan. Особое вниманіе онъ удѣляетъ прежде всего выясненію своей

исходной точки зрѣнія, причемъ начинаетъ съ указанія на антагонизмъ, давно уже существующій между антропологами и языковѣдами. Въ то время, какъ послѣдніе, констатировавъ взаимное родство въ извѣстномъ рядѣ языковъ, сводятъ ихъ къ одному общему праязыку, первые не находятъ одинаковаго анатомическаго субстрата для всѣхъ такихъ членовъ одной и той же лингвистической семьи. Подъ могущественнымъ вліяніемъ наслѣдственности тѣ или другіе антропологическіе признаки проявляются много поколѣній спустя въ средѣ народа, давно уже говорящаго на одномъ и томъ же языкѣ и обособившагося въ самостоятельный этническій типъ. На этомъ основаніи арійскіе народы, родственные между собою по языку,

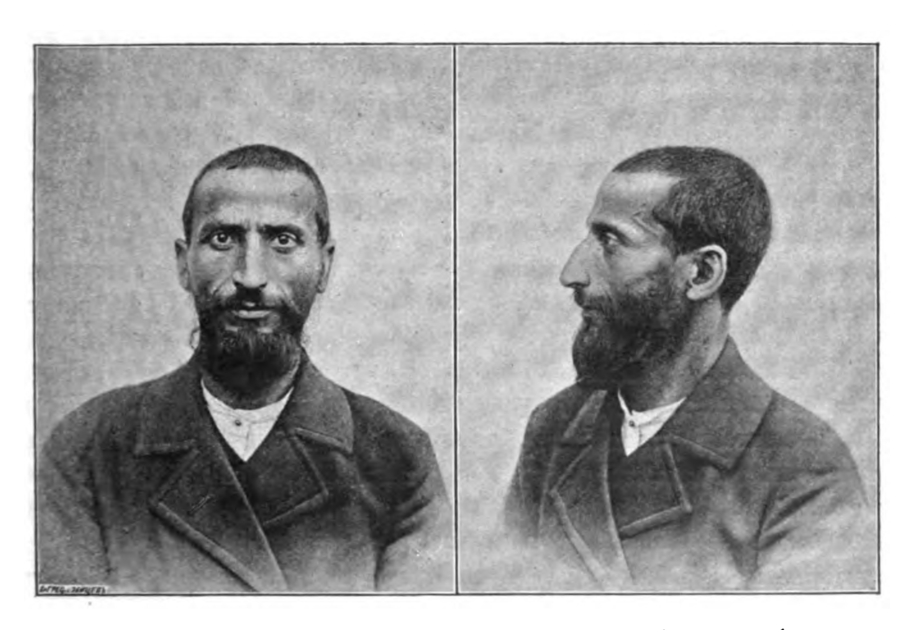


Рис. 2. Польскій еврей, 37 лѣтъ (изъ Грубешова, Люблинской губ.).

далеко не являются однородными предъ лицомъ физической антропологіи, но въ дѣйствительности восприняли много неарійской крови. Аналогично тому, и семитическіе народы, лингвистическая связь которыхъ выражена еще сильнѣе, чѣмъ у арійцевъ, при ближайшемъ антропологическомъ анализѣ, оказываются весьма смѣшанными и обладающими нѣкоторыми несемитическими признаками. Съ наибольшею чистотою семитическій типъ, самою характерною особенностью котораго является длинный, узкій черепъ, сохранился среди арабовъ пустыни или бедуиновъ; къ нимъ въ значительной степени примыкаютъ еще финикійцы, черепа которыхъ стоятъ на границѣ между долихо-и мезоцефаліей. Иначе обстоитъ дѣло съ евреями, дающими, по словамъ Лушана, лишь около 5% длинноголовыхъ и довольно

крупный процентъ блондиновъ и отличающимися, кромѣ того, особою формою носа, не свойственною арабамъ. Для объясненія этихъ явленій Лушанъ, не отрицая вполнѣ возможности смѣшенія евреевъ съ бѣлокурыми и короткоголовыми народами Европы въ Средніе вѣка, считаетъ однако одно это обстоятельство далеко недостаточнымъ для столь глубокаго измѣненія ихъ типа. Гораздо съ большимъ основаніемъ источники, обусловившіе появленіе среди евреевъ несемитическихъ признаковъ, слѣдуетъ искать во времена несравненно болѣе отдаленныя и на мѣстѣ ихъ первоначальной родины. Уже въ самой Сиріи жилъ бѣлокурый народъ, амориты, о которыхъ довольно часто упоминается въ Библіи и изображенія которыхъ, благодаря древнимъ египтянамъ, сохранились до настоящаго времени. Амориты составляли вѣтвь обширнаго семейства бѣлокурыхъ народовъ, оставившихъ свои слѣды въ мегалитическихъ памятникахъ по всему сѣверному побережью Африки и являющихся предшественниками нынѣшнихъ европейцевъ, можетъ быть, даже предками позднѣйшихъ носителей античной культуры. Болѣе сложнымъ является вопросъ о происхожденіи брахицефаліи среди евреевъ. Собственныя антропологическія наблюденія въ Малой Азіи привели Лушана къ установленію опредѣленнаго арменоиднаго типа съ крайнею брахицефаліей, темными глазами и волосами и характернымъ изогнутымъ носомъ; одновременно лингвистическія изслѣдованія Hommel'я и Pauli показали существованіе до-греческаго, не-арійскаго семейства языковъ, названнаго Hommel'емъ алародійскимъ и имѣвшаго то же распространеніе, что и названный типъ, описанный Лушаномъ. Въ виду этого послѣдній считаетъ несомнѣннымъ анатомическое сходство этихъ алародійцевъ съ армянами и связываетъ тѣхъ и другихъ съ обширнымъ культурнымъ племенемъ хеттитовъ, процвѣтавшихъ, согласно египетскимъ и ассирійскимъ источникамъ, во второмъ тысячелѣтіи до-христіанской эры въ Сиріи и въ Малой Азіи. Новѣйшія раскопки въ этихъ мѣстахъ привели къ открытію рельефныхъ скульптуръ съ изображеніями людей, обладающихъ признаками упомянутой арменоидной расы, что служитъ надежнымъ доказательствомъ ея существованія въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ древними евреями. Въ результатѣ своихъ разсужденій Лушанъ и приходитъ къ выводу, что современные евреи, рядомъ съ настоящими семитами, состоятъ, отчасти, изъ потомковъ аморитовъ, которымъ они обязаны своею бѣлокуростью, но преимущественно-же изъ потомковъ древнихъ хеттитовъ, обусловившихъ у нихъ высокую степень брахицефаліи и характерную форму носа. Съ Лушаномъ въ существенныхъ чертахъ сходится и Alsberg, признающій ту же расовую смѣшанность евреевъ, но приписывающій хеттитамъ, впрочемъ ошибочно, монгольское происхожденіе; упомянутую же бѣлокурую расу древней Палестины онъ ставитъ въ связь съ современными кабилами Сѣверной Африки и съ гуанчами Канарскихъ острововъ.

Сторонникомъ этихъ двухъ ученыхъ явился бельгійскій антропологъ V. Jacques, который полагаетъ, что современные евреи являются непосредственными потомками своихъ древнихъ предковъ Палестины; разнообразіе же типовъ между ними онъ объясняетъ разнообразіемъ ихъ также среди послѣднихъ, а въ толкованіи происхожденія этой смѣшанности древнихъ евреевъ присоединяется къ воззрѣнію Лушана. Вмѣстѣ съ тѣмъ, считая неправильными взгляды Ренана, V. Jacques дѣлаетъ ему слѣдующее возраженіе. Сославшись на ту разницу, которую Топинаръ проводитъ между типами племенными, этническими, съ одной стороны, и индивидуальными, случайными, съ другой, бельгійскій ученый доказываетъ, что ошибка

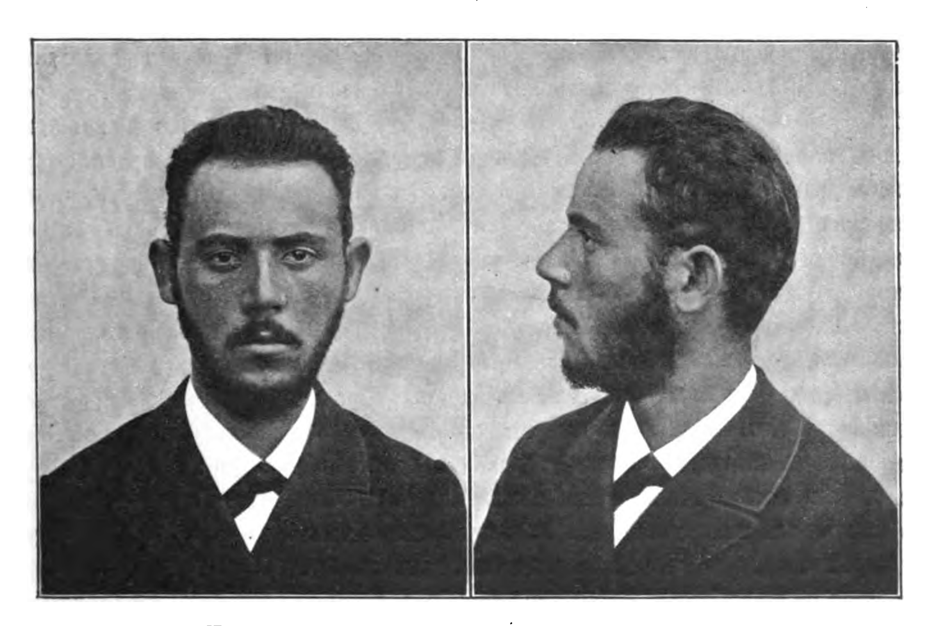


Рис. 3. Польскій еврей, 22-хъ л. (изъ г. Холма, Люблинской губ.).

Ренана и состоитъ въ томъ, что послѣдній въ основу своей аргуменаціи положилъ случайный типъ, «совершенно упустивъ изъ виду зоологическій или, въ тѣснѣйшемъ смыслѣ слова, этническій типъ».

Съ новымъ воззрѣніемъ на антропологическій типъ евреевъ выступилъ въ самое послѣднее время д-ръ Judt («Zydzi jako rasa fizyczna». Варшава, 1902), настойчиво отрицающій прежде всего возможность измѣненія типа евреевъ, благодаря прозелитизму и смѣшаннымъ бракамъ. Подобно Лушану и другимъ ученымъ, д-ръ Judt относитъ происхожденіе смѣшанности евреевъ къ отдаленной эпохѣ ихъ древнѣйшихъ переселеній по Средней и Передней Азіи, къ эпохѣ ихъ политической самостоятельности, когда они изъ среды окружающихъ племенъ могли воспринять элементы

брахицефалии и бѣлокурости, значительно видоизмѣнившіе ихъ первоначальный семитическій типъ.

Всѣ эти взгляды на антропологическій типъ евреевъ, несмотря на ихъ многочисленность, можно болѣе или менѣе свести къ двумъ довольно противоположнымъ категоріямъ: къ одной, въ которой преобладаетъ отрицательное направленіе, примыкаютъ ученые, почти совершенно отвергающіе антропологическое единство евреевъ и считающіе ихъ продуктомъ непостоянныхъ, измѣняющихся факторовъ исторической жизни. Справедливость такого заключенія, какъ опирающагося въ значительной степени на основаніяхъ, далекихъ отъ методологическихъ пріемовъ естественно-историческаго знанія, часть котораго составляетъ нынѣ антропологія, оспаривается весьма многими. Въ особенности вѣскія возраженія раздаются со стороны послѣдователей второго направленія, которые, исходя изъ данныхъ непосредственнаго антропологическаго наблюденія, относятся, напротивъ, положительно къ вопросу о типѣ евреевъ и направляютъ свои усилія, главнымъ образомъ, на изученіе антропологіи древнихъ евреевъ, первобытныхъ предковъ нынѣ живущихъ. Въ виду крайней скудости ископаемаго краніологическаго матеріала, прямое рѣшеніе послѣдней задачи встрѣчаетъ трудно преодолимыя препятствія, и ученые должны потому подходить къ этому рѣшенію инымъ путемъ, производя наблюденія и измѣренія надъ современными евреями, и, подвергая затѣмъ добытыя данныя всестороннему анализу, пытаться такимъ образомъ заглянуть, при свѣтѣ историческихъ фактовъ, въ прошлую исторію антропологическаго типа евреевъ. Извѣстная гипотетичность выводовъ, неизбѣжная при подобномъ ходѣ мысли, будетъ, однако, тѣмъ меньше, достовѣрность ихъ будетъ возрастать тѣмъ болѣе, чѣмъ надъ большимъ матеріаломъ придется оперировать изслѣдователю. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ признать, что антропометрія евреевъ, въ противоположность бѣдности краніометрическихъ данныхъ, разработана довольно подробно, такъ какъ число измѣренныхъ среди нихъ субъектовъ насчитывается въ настоящее время многими сотнями.

На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить изслѣдованія Вирхова о распространеніи цвѣта волосъ и глазъ среди учащихся въ Пруссіи, а въ частности и среди учащихся евреевъ. Затѣмъ назовемъ работы проф. Майера и Коперницкаго объ евреяхъ Галиціи, Ранке, Шейбера, проф. Д. Н. Анучина—о конскриптахъ Баваріи, Венгріи, Россіи; д-ра Снигирева о ростѣ и окружности груди евреевъ—призывныхъ привислянскихъ, прибалтійскихъ и трехъ малороссійскихъ губерній; Блехмана—о рижскихъ евреяхъ; проф. Stieda—о минскихъ и К. Н. Икова—о русскихъ и балканскихъ. Укажемъ далѣе на изслѣдованія Jacobs'a и Spielman'a объ англійскихъ евреяхъ, Ливи и Ломброзо—объ итальянскихъ, Glück'a—о спаньюлахъ, Ю. Д. Талько-Грынцевича—объ украинскихъ и литовскихъ евреяхъ, Н. Н. Пантюхова—о кавказскихъ, С. А. Вайсенберга—объ южно-

русскихъ, М. Г. Яковенко—о бѣлорусскихъ, Н. В. Зака — объ учащихся въ средне-учебныхъ заведеніяхъ г. Москвы и нѣкоторыя другія. Какъ видно изъ этого перечня *), евреи подвергались изученію во многихъ мѣстахъ своего разсѣянія, но не вездѣ, однако, они изслѣдованы съ надлежащею полнотою и на достаточномъ числѣ наблюденій, не говоря уже о томъ, что существуютъ страны, гдѣ антропометрическіе лента и циркуль совсѣмъ не коснулись ихъ. Такъ, взоръ антрополога не проникъ еще къ евреямъ внѣевропейскимъ, а въ самой Европѣ остаются мало изученными, съ одной стороны, т. наз. сефарды, а съ другой, евреи Польши, гдѣ, по многочисленности и густотѣ своего населенія, они занимаютъ пер-

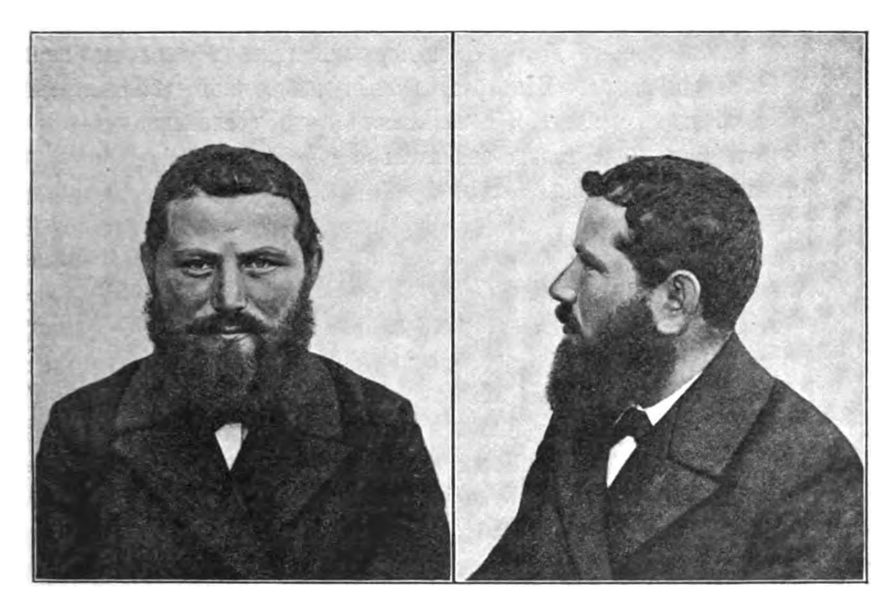


Рис. 4. Польскій еврей (изъ г. Холма, Люблянской губ.).

вое мѣсто. Кромѣ того, и въ силу историческихъ и многихъ иныхъ условій, польскіе евреи заслуживаютъ особеннаго вниманія со стороны антропологовъ. Измѣренія надъ ними собраны мною на двухъ варшавскихъ фабрикахъ (200 муж., въ возрастѣ отъ 20 до 60 лѣтъ, и 125 жен., 15—37 лѣтъ) и въ обработанномъ видѣ появятся въ «Трудахъ» Антропологическаго Отдѣла. Тотъ же матеріалъ положенъ и въ основу настоящаго очерка, причемъ, однако, за недостаткомъ мѣста, приводятся лишь важнѣйшія данныя, всего ближе рисующія антропологическія особенности евреевъ.

---

*) Указатель антропологической литературы объ евреяхъ см. въ „Русск. Антроп. Журн.", кн. II и IX (въ статьяхъ А. А. Ивановскаго) и въ нашемъ подробномъ изслѣдованіи объ евреяхъ (т. XXI „Труд. Антроп. Отд.").

Свое изложеніе мы начнемъ съ разсмотрѣнія окраски волосъ и глазъ и съ описанія нѣкоторыхъ другихъ физіономическихъ особенностей, опираясь, съ одной стороны, на собственныя наблюденія надъ польскими евреями, а, съ другой, на результаты сравненія послѣднихъ съ данными остальныхъ авторовъ, касающимися евреевъ другихъ странъ.

Въ ряду описательныхъ признаковъ волосы и глаза имѣютъ первостепенное значеніе, въ особенности же по отношенію къ евреямъ. Съ большою достовѣрностью можно утверждать, что ихъ древніе предки отличались темнымъ teinte'омъ своихъ внѣшнихъ покрововъ. Черные волосы, различной степени темные оттѣнки кожи были свойственны евреямъ, выходцамъ изъ Египта. И въ позднѣйшее, уже болѣе близкое къ намъ время многіе путешественники и бытописатели описываютъ евреевъ, большею частію, также съ черными волосами и черными глазами; волосы иногда курчавые, нерѣдко рыжіе. Непосредственныя наблюденія, дѣйствительно, подтверждаютъ этотъ взглядъ и показываютъ, что среди евреевъ темные цвѣта волосъ и глазъ не только значительно преобладаютъ надъ свѣтлыми, но, кромѣ того, и выражены сильнѣе, чѣмъ среди другихъ народностей. Бѣлокурые волосы крайне рѣдки среди евреевъ. Между польскими евреями таковыхъ не оказалось вовсе, между южно-русскими же, по Вайсенбергу, ихъ только 2%, при 11% свѣтлорусыхъ; нѣсколько болѣе (3,36%) этого числа и 9,34% свѣтлорусыхъ—среди рогачевскихъ евреевъ. Сравнительно высокій процентъ бѣлокурыхъ волосъ (12%), при 20% свѣтлорусыхъ, нашелъ Блехманъ среди остзейскихъ евреевъ. Эта величина оказывается уже самою большою. Ю. Д. Талько-Грынцевичъ даетъ для украинскихъ евреевъ 8% бѣлокурыхъ (blond), а для литовскихъ только 1,4%. Майеръ и Коперницкій для той же рубрики волосъ получили среди галиційскихъ евреевъ величины 23,2% и 14,16%. Однако, слѣдуетъ замѣтить, что краковскіе ученые отнесли сюда весьма большое количество темно-бѣлокурыхъ волосъ (ciemno-blond), которые скорѣе соотвѣтствуютъ свѣтлорусымъ, составляющимъ главную массу свѣтлыхъ волосъ среди евреевъ. И по количеству свѣтлорусыхъ волосъ польскіе евреи занимаютъ послѣднее мѣсто, такъ какъ среди нихъ оказался только одинъ субъектъ, имѣвшій такіе волосы. Такимъ образомъ, свѣтлые волосы, подразумѣвая подъ ними свѣтлорусые вмѣстѣ съ бѣлокурыми, распространены среди евреевъ далеко не въ одинаковой степени. Количество ихъ колеблется, какъ сказано, отъ полупроцента у польскихъ до 32% у остзейскихъ, представляя въ среднемъ 18,46% на всѣ названныя группы еврейскаго населенія, кромѣ кавказскихъ евреевъ; если же принять во вниманіе и послѣднихъ, то число это понижается до 17,09%. Къ темнымъ волосамъ мы отнесли черные, темнорусые и шатеновые (кромѣ свѣтло-шатеновыхъ) польскихъ авторовъ. Черные волосы встрѣчаются вообще нѣсколько рѣже, нежели темнорусые. Исключеніе составляютъ кавказскіе евреи, среди которыхъ И. И. Пантю-

ховъ нашелъ 84,1% черноволосыхъ субъектовъ и только 12% темнорусыхъ. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ черные волосы представлены болѣе низкими величинами, колеблющимися отъ 54% среди южно-русскихъ и 52,9% среди итальянскихъ до 15%—4% среди спаньюоловъ и галиційскихъ, литовскихъ, украинскихъ и остзейскихъ евреевъ; польскіе, по числу (30%) черноволосыхъ субъектовъ, занимаютъ среднее мѣсто. Съ другой стороны, темнорусые волосы выражены всего сильнѣе среди польскихъ, галиційскихъ, украинскихъ и литовскихъ евреевъ и слабѣе у всѣхъ прочихъ; общая же сумма темныхъ волосъ составляетъ въ среднемъ 77,64%, исключая кавказскихъ евреевъ, или 79,17% вмѣстѣ съ послѣдними.

Рис. 5. Польская еврейка, 33-хъ л. (изъ г. Холма, Люблинской губ.).

Рядомъ съ преобладаніемъ темныхъ волосъ, и рыжіе, по единогласному мнѣнію ученыхъ, особенно часто встрѣчаются среди евреевъ; поэтому небезынтереснымъ будетъ привести относящіяся сюда свѣдѣнія различныхъ изслѣдователей. Большинство авторовъ находило среди евреевъ отъ 1,8% (спаньюолы) до 4,3% (галиційскіе и украинскіе евреи) рыжеволосыхъ субъектовъ; среди польскихъ евреевъ, по нашимъ наблюденіямъ, послѣднихъ оказалось 2,66%, что можно отнести къ малымъ величинамъ. Средній процентъ рыжеволосыхъ особей для всѣхъ разсматриваемыхъ евреевъ равенъ 3,31, что слишкомъ вдвое болѣе, нежели среди христіанскихъ народностей, у которыхъ количество рыжеволосыхъ не превышаетъ 1,5%.

Сравнительно съ мужчинами, польскія еврейки отличаются большею частотою какъ свѣтлорусыхъ, такъ и рыжихъ волосъ. Тѣмъ не менѣе, по-

совокупнымъ даннымъ различныхъ авторовъ, среди евреевъ женщины вообще характеризуются большимъ развитіемъ темныхъ (84,22%) и меньшимъ—свѣтлыхъ волосъ (12,84%), нежели мужчины.

Окраска радужной оболочки польскихъ евреевъ представляетъ уже меньшее преобладаніе темныхъ оттѣнковъ надъ свѣтлыми. Такъ, при 39,5% сѣрыхъ и голубыхъ глазъ, у нихъ оказывается только 49,5% карихъ и черныхъ; остальные же, т. е. лишь десятая часть всѣхъ наблюденій, относятся къ смѣшаннымъ глазамъ, такимъ, радужина которыхъ—сѣрая или голубая—содержитъ радіальныя полосы желтаго или коричневаго цвѣта. По даннымъ другихъ авторовъ, среди евреевъ всѣхъ прочихъ областей встрѣчаются подобныя же отношенія. Принимая во вниманіе только обѣ основныя рубрики—темныхъ и свѣтлыхъ глазъ, мы находимъ слѣдующее. Maximum преобладанія темныхъ глазъ надъ свѣтлыми имѣетъ мѣсто среди кавказскихъ евреевъ, гдѣ первыхъ почти въ 9 разъ болѣе, чѣмъ вторыхъ, но въ другихъ странахъ эта разница не достигаетъ столь высокой пропорціи: въ Италіи, въ Рогачевскомъ у., Могилевской губ., темныхъ глазъ только въ два съ лишнимъ раза болѣе, чѣмъ свѣтлыхъ; немного ниже этой пропорціи стоятъ спаньюолы и евреи литовскіе и южнорусскіе; наименьшую же разницу въ пользу темныхъ глазъ даютъ польскіе евреи (10%) и галиційскіе (7,7%). Средній процентъ темноглазыхъ для всѣхъ сравниваемыхъ евреевъ (58,1% — безъ кавказскихъ) приблизительно только въ полтора раза болѣе свѣтлоглазыхъ (41,9%); если принять во вниманіе и кавказскихъ евреевъ, то отношеніе между темноглазыми (60,2%) и свѣтлоглазыми (39,8%), правда, нѣсколько повышается, но далеко не достигаетъ того же отношенія, что для волосъ.

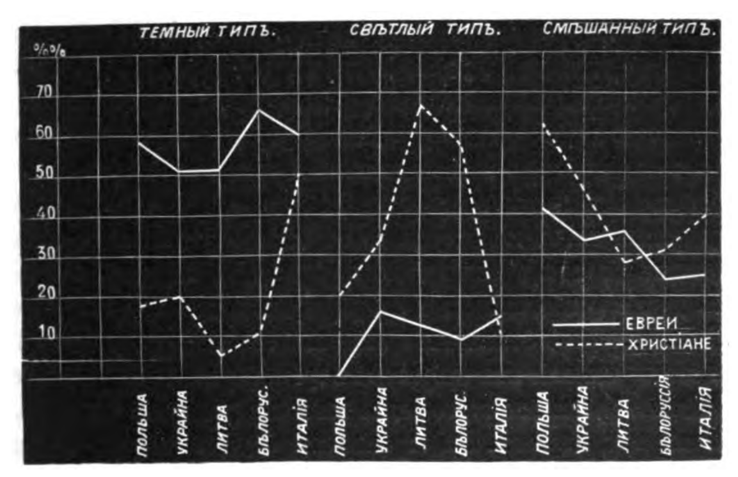
Польскія еврейки и по цвѣту глазъ представляютъ почти тѣ же особенности, что мужчины; хотя кареглазыхъ у нихъ нѣсколько меньше, зато онѣ дали значительно большее число черноглазыхъ, остальные цвѣта варіируютъ у обоихъ половъ болѣе или менѣе одинаково. Среди другихъ евреекъ каріе глаза выражены еще сильнѣе, нежели среди польскихъ. Вообще % особей съ темными глазами колеблется у нихъ отъ 56,8 для послѣднихъ до 76 для рогачевскихъ евреекъ; средній же % для всѣхъ евреекъ равенъ 63. Средній % свѣтлоглазыхъ—37.

Все изложенное приводитъ къ заключенію, что, при взаимныхъ сочетаніяхъ волосъ и глазъ, комбинація темныхъ волосъ съ темными глазами встрѣчается у польскихъ евреевъ чаще всего, что и видно изъ слѣдующаго сопоставленія:

Темный	типъ	106	особей	или	57,92%
Свѣтлый	»	1	»	»	0,55%
Смѣшанный	»	76	»	»	41,53%

Такимъ образомъ, почти три пятыхъ всѣхъ изслѣдованныхъ нами евреевъ— брюнеты; всѣ остальные, кромѣ одного, смѣшаннаго типа.

Аналогичные результаты наблюдаются и среди прочихъ евреевъ. У южно-русскихъ темный типъ выраженъ почти въ такой же степени, какъ и среди польскихъ; сильнѣе онъ у рогачевскихъ и итальянскихъ, а слабѣе— среди украинскихъ, литовскихъ и рижскихъ. Свѣтлый же типъ среди евреевъ, по даннымъ всѣхъ авторовъ, далеко превышаетъ ту величину, которую мы нашли для польскихъ: такъ, число блондиновъ колеблется отъ 9,4% среди рогачевскихъ до 18% среди рижскихъ евреевъ. Наконецъ, для смѣшаннаго типа различными авторами даны величины, меньшія той, которая дана нами; низшій % (24,07) смѣшаннаго типа оказался среди рогачевскихъ евреевъ. Для всѣхъ этихъ евреевъ вмѣстѣ съ польскими, но за исключеніемъ итальянскихъ, мы вычислили средній % особей, падающихъ на долю каждаго типа. Этимъ путемъ мы получаемъ на 1715 евреевъ, изслѣдованныхъ Ю. Д. Талько-Грынцевичемъ, С. А. Вайсен-



Діагр. I. Взаимныя сочетанія цвѣта волосъ и глазъ у евреевъ и христіанъ въ различныхъ странахъ.

бергомъ, Блехманомъ, М. Г. Яковенко и нами, 55% брюнетовъ, 13% блондиновъ и 32% особей смѣшаннаго типа.

Сравненіе въ этомъ направленіи евреевъ съ христіанами иллюстрируется въ прилагаемой діаграммѣ (діагр. I). Здѣсь можно указать какъ на извѣстное сходство, такъ и на неменьшую разницу, существующую между тѣми и другими. Въ пользу перваго говоритъ повышеніе числа брюнетовъ среди евреевъ и христіанъ въ Бѣлоруссіи сравнительно съ Литвой и повышеніе также блондиновъ у тѣхъ и другихъ на Украйнѣ сравнительно съ Польшей; далѣе, значительное паденіе количества особей смѣшаннаго типа—и христіанъ, и евреевъ—въ Италіи сравнительно съ остальными мѣстностями.

Съ другой стороны, приходится отмѣтить и слѣдующія различія. Въ то время, какъ число брюнетовъ среди христіанскаго населенія Литвы значительно менѣе, чѣмъ на Украйнѣ, брюнеты евреи и тамъ, и здѣсь встрѣчаются въ одинаковомъ количествѣ; бѣлоруссы, по числу особей темнаго типа, занимаютъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ, бѣлорусскіе-же евреи, напротивъ, дали наибольшее число брюнетовъ. На Украйнѣ, Литвѣ, Бѣлоруссіи блондины среди христіанъ идутъ въ возрастающемъ порядкѣ, среди евреевъ число ихъ въ томъ же направленіи понижается. Наконецъ, субъектовъ смѣшаннаго типа, за исключеніемъ Литвы, среди евреевъ повсюду менѣе, чѣмъ среди христіанъ.

Сочетанія волосъ и глазъ польскихъ евреекъ обнаруживаютъ среди нихъ почти такое же число брюнетокъ (58,5%), какъ и среди мужчинъ, но значительно больше блондинокъ (8,5%). Однако, въ виду того, что, по даннымъ остальныхъ авторовъ, еврейки отличаются еще бо́льшимъ преобладаніемъ брюнетокъ, мы, при вычисленіи (на 1065 женщ.) средняго % послѣднихъ, находимъ ихъ въ количествѣ 67,7%, между тѣмъ какъ блондинокъ оказывается только 6,85% въ среднемъ, другими словами, у евреекъ свѣтлый типъ встрѣчается почти въ два раза рѣже, чѣмъ среди евреевъ. У христіанъ, по имѣющимся у насъ даннымъ, этого не приходится наблюдать: такъ, среди украинцевъ и привислянскихъ поляковъ мужчины и женщины дали почти одинаковый процентъ блондиновъ. Отсюда само собою напрашивается предположеніе, что среди евреевъ женщины сильнѣе удержали типическія черты своей народности, нежели мужчины.

Закончивъ на этомъ описаніе волосъ и глазъ евреевъ, мы обойдемъ молчаніемъ другіе физіономическіе признаки, какъ имѣющіе второстепенное значеніе. Въ попыткахъ объяснить характерныя особенности еврейской физіономіи придаютъ значеніе ихъ очертаніямъ губъ, формѣ подбородка, тому или иному схожденію бровей, но всего болѣе вниманія удѣляется въ этомъ направленіи формѣ носа евреевъ. На страницахъ «Русск. Антроп. Журн.» уже приводилось мнѣніе Jacobs'a [1]), сравнивающаго послѣднюю съ курсивною цифрою *6*. Съ своей стороны, мы скажемъ нѣсколько словъ о формѣ еврейскаго носа, руководствуясь обыкновенною классификаціей, принимающей четыре формы—прямую, вздернутую, горбатую и плоскую. Прямые носы вообще преобладаютъ (до 80% и болѣе) среди евреевъ, какъ и среди христіанъ; разница заключается, главнымъ образомъ, въ числѣ курносыхъ и горбатыхъ носовъ. Послѣднихъ среди польскихъ евреевъ около 7%, а первыхъ лишь 3%; привислянскіе же поляки, напротивъ, при 2,2% горбатыхъ носовъ, имѣютъ 12,8% вздернутыхъ. Польскія еврейки приближаются въ этомъ отношеніи къ полякамъ, такъ какъ у нихъ довольно многочисленны (16,8%) курносые носы, горбатые же весьма

---

¹) См. статью А. А. Ивановскаго во II-ой книгѣ 1900 г.

рѣдки($4^0/_0$). Здѣсь, слѣдовательно, мы видимъ, что горбатый носъ, этотъ, какъ думаютъ, наиболѣе характерный семитическій признакъ, мало выраженъ среди евреекъ, въ другихъ отношеніяхъ, однако, удерживающихъ довольно сильно свои типическія черты. Подобный же результатъ получается также, если къ нашимъ даннымъ о польскихъ евреяхъ и привислянскихъ полякахъ присоединить еще данныя, касающіяся населенія Галиціи и Украйны: и тогда оказывается, что еврейки, отличаясь большею частотой горбатыхъ носовъ, сравнительно съ христіанками, имѣютъ ихъ все-таки вдвое менѣе, чѣмъ евреи ($12,64^0/_0$ противъ $25,3^0/_0$).

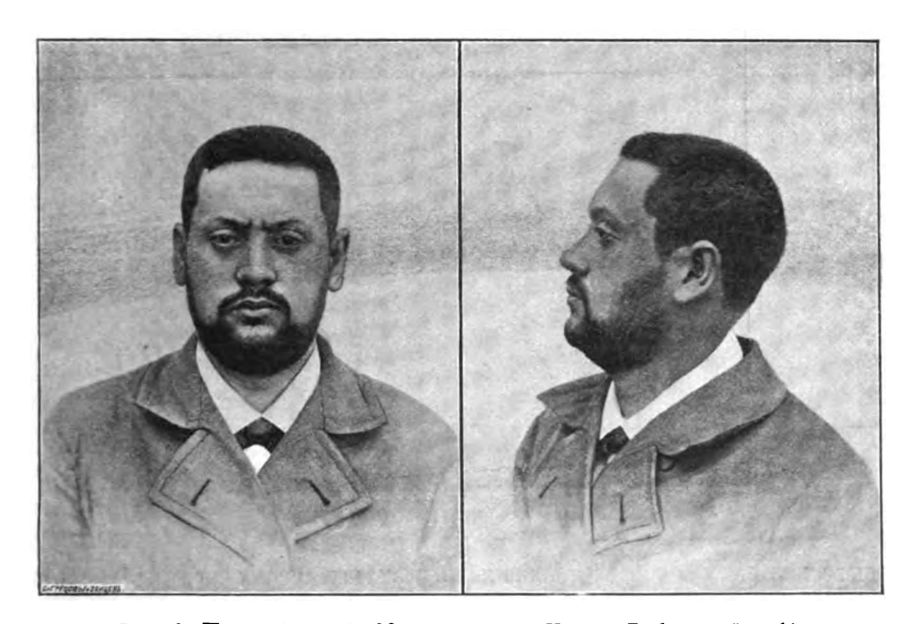
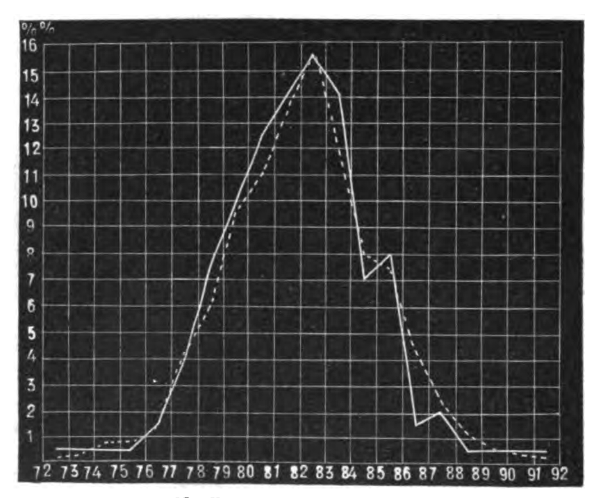


Рис. 6. Польскій еврей, 26-ти л. (изъ г. Холма, Люблинской губ.).

Разсмотрѣніе антропометрическихъ признаковъ мы начнемъ съ головного указателя, являющагося, какъ мы видѣли, отправнымъ пунктомъ для большинства теорій объ антропологическомъ типѣ евреевъ,—теорій, лишающихся, однако, значительной доли своей доказательности въ виду чрезвычайной бѣдности краніометрическаго матеріала какъ для современныхъ, такъ, въ особенности, для древнихъ евреевъ; поэтому антропологическая характеристика послѣднихъ, вѣроятно, еще довольно долго будетъ основываться, главнымъ образомъ, на результатахъ наблюденія надъ живыми особями. Въ нижеслѣдующемъ мы и попытаемся суммировать существующія данныя о головномъ указателѣ евреевъ.

Начавъ съ польскихъ евреевъ, отмѣтимъ прежде всего, что ихъ средній головной указатель равенъ 81,89. Оставляя въ сторонѣ кавказскихъ

евреевъ, какъ отличающихся рѣзкой брахицефаліей, мы среди изслѣдованныхъ разными авторами европейскихъ евреевъ находимъ головной указатель, варіирующій въ предѣлахъ отъ 80,1 у спаюньоловъ до 83,5 у галиційскихъ евреевъ и обнимающій границы суббрахицефаліи; польскіе же евреи занимаютъ, слѣдовательно, срединное мѣсто. Однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи, встрѣчаются среди нихъ какъ долихоцефалы, такъ и крайніе брахицефалы; впрочемъ, и тѣ, и другіе довольно рѣдки, что можно сдѣлать болѣе нагляднымъ, если перевести колебанія головного указателя польскихъ евреевъ на діаграмму (діагр. II—непрерывная линія). Начало и конецъ кривой



Діагр. II. Головной указатель евреевъ.

идутъ весьма низко, соотвѣтственно лишь незначительному числу наблюденій; подъемъ къ вершинѣ происходитъ довольно быстро, причемъ въ нисходящемъ колѣнѣ имѣютъ мѣсто двѣ вторичныя волны: одна, соотвѣтствующая указателю 85—86, другая—указателю 87—88. Въ восходящемъ колѣнѣ тоже наблюдается нѣчто подобное; именно, здѣсь также можно указать на слѣды двухъ вторичныхъ волнъ, соотвѣтствующихъ величинѣ указателя 87—79 и 80—81. Вершина же кривой соотвѣтствуетъ не средней указателя, но величинѣ 82—83, большей его, что указываетъ на преобладаніе среди польскихъ евреевъ суббрахицефальнаго элемента, причемъ брахицефальный встрѣчается чаще, нежели долихоцефальный. Сравненіе этой діаграммы съ другою, составленною для большаго числа (653 измѣр.) наблюденій, въ которое, кромѣ измѣреній польскихъ евреевъ, вошли еще данныя Блехмана, Дыбовскаго, Вайсенберга и Яковенко, обнаруживаетъ большое сходство, съ тою, однако, разницей, что въ новой діаграммѣ (II—прерываающаяся линія) вторичныя волны нисходящаго колѣна потерпѣли значительное измѣненіе: такъ, волна, соотвѣтствующая указателю 87—88, совсѣмъ исчезла, другая-

же, для величины 85—86, стала менѣе интенсивною; въ результатѣ, слѣдовательно, высокая брахицефалія выражена здѣсь гораздо слабѣе.

Дѣленіе нашихъ измѣреній по нормамъ Брока точнѣе выяснитъ степень распространенности среди евреевъ тѣхъ или иныхъ типовъ головного указателя. Соединяя, съ одной стороны, настоящихъ долихоцефаловъ и суббрахицефаловъ въ одну группу длинноголовыхъ, съ другой, настоящихъ брахицефаловъ и суббрахицефаловъ—въ группу короткоголовыхъ, находимъ, что польскіе евреи дали только 7% первыхъ при 75,5% послѣднихъ. Къ этимъ цифрамъ оказываются довольно близкими галицiйскіе евреи, рогачевскіе же и итальянскіе отличаются нѣсколько большею долихоцефаліей; съ другой стороны, остальныя группы еврейскаго населенія, по числу длинноголовыхъ, или остаются на той же ступени, что и польскіе евреи, какъ, напр., спаньюолы и литовскіе евреи, или же уступаютъ имъ, какъ, напр., прибалтійскіе, среди которыхъ лишь 3% долихоцефаловъ, и кавказскіе, гдѣ долихоцефалы совершенно отсутствуютъ. Значительно большее число длинноголовыхъ дали англійскіе евреи (28,3%) и сефарды (17%), по измѣреніямъ Jacobs'а и Spilmann'а, но возможно, что эти цифры требуютъ еще провѣрки, такъ какъ онѣ слишкомъ расходятся съ данными Глюка для спаньюоловъ Босніи.

Рис. 7. Минскій еврей.

Что касается брахицефаловъ, то ихъ всего болѣе среди кавказскихъ евреевъ (93%), во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ число ихъ колеблется отъ 58,2% у спаньюоловъ до 86% среди прибалтійскихъ евреевъ. Въ этихъ предѣлахъ къ польскимъ евреямъ примыкаютъ, кромѣ галицiйскихъ, еще украинскіе и итальянскіе, по измѣреніямъ Ломброзо; меньшимъ числомъ брахицефаловъ отличаются литовскіе и рогачевскіе евреи и, наконецъ, превосходятъ польскихъ евреевъ южно-русскіе и прибалтійскіе. Соединяя вмѣстѣ измѣренія Майера и Коперницкаго, Дыбовскаго, Блехмана, Талько-Грынцевича, Вайсенберга, Яковенко, Пантюхова и наши, получаемъ 1616 субъектовъ, среди которыхъ оказывается 110 или 6,81%

долихоцефаловъ, 286 или 17,7% мезатицефаловъ и 1220 или 75,5% брахицефаловъ; если же исключить кавказскихъ евреевъ, то цифры соотвѣтственно измѣняются слѣдующимъ образомъ: 6,99%, 17,99% и 75,2%. Сопоставленіе этихъ величинъ съ результатами группировки головного указателя измѣренныхъ нами польскихъ евреевъ обнаруживаетъ почти полное совпаденіе тѣхъ и другихъ, что можетъ служить косвеннымъ указаніемъ на то, что средній типъ головного указателя польскихъ евреевъ соотвѣтствуетъ общераспространенному типу этой народности, поскольку послѣдняя изучена трудами названныхъ изслѣдователей.

Различная степень брахицефаліи является, слѣдовательно, наиболѣе характерною особенностью типа головного указателя евреевъ. Говоря ниже о ростѣ, мы указываемъ на существованіе нѣкотораго, хотя и не повсемѣстнаго, параллелизма между ростомъ евреевъ и ростомъ христіанскаго или всего населенія,—параллелизма, сказывающагося въ томъ, что тамъ, гдѣ все населеніе высокорослое, и евреи отличаются болѣе высокимъ ростомъ. Небезынтереснымъ будетъ поэтому разсмотрѣть съ такой же стороны и ихъ головной указатель. Съ этою цѣлью мы и сопоставимъ теперь головной указатель евреевъ и христіанъ различныхъ мѣсностей, гдѣ для тѣхъ и другихъ имѣются параллельныя наблюденія:

Народности.	Авторы.	Голов. указ.	Народности.	Авторы.	Голов. указ.
Польскіе евреи (200 ос.)	Элькиндъ.	81,89	Привисл. поляки	Элькиндъ.	80,85
Галиційскіе „ (I) (313)	Майеръ и Коперницкій.	83,5	Галиційскіе „ (I)	Майеръ и Коперницкій.	84,4
„ „ (II) (100)		81,7	„ „ (II)		83,5
Литовскіе „ (69)	Талько-Грынцевичъ.	81,7	Литовцы	Бреннзонъ.	81,78
Украинскіе „ (438)		82,9	Литвино-латыш.	Талько-Грынцевичъ	80,6
Южно-русскіе (100)	Вайсенбергъ.	82,5	Украинцы.		83,2
Минскіе „ (67)	Stieda-Дыбовск.	82,21	Бѣлоруссы.		83,2
Бѣлорусскіе (186)	Яковенко.	80,90	„	Эйхгольцъ.	81,11
Рижскіе „ (100)	Блехманъ.	83,19	Малоруссы.	Дибольдъ.	84,53
Итальянскіе „ (112)	Ломброзо.	82,4	Итальянцы.	Ломброзо.	84,9
„ „ (34)	Ливи.	81,6	„	Ливи.	82,7

При взглядѣ на эту таблицу можно видѣть, что евреи, за небольшимъ исключеніемъ, повсюду менѣе брахицефальны, чѣмъ ихъ христіанскіе сосѣди. Вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдаются также указанія и на существованіе упомянутаго параллелизма: такъ, бѣлоруссы Эйхгольца долихоцефальнѣе малороссовъ и украинцевъ, и одновременно также бѣлорусскіе евреи отличаются меньшимъ головнымъ указателемъ, нежели украинскіе и южнорусскіе; съ другой стороны, галиційскіе поляки брахицефальнѣе бѣлоруссовъ, и то же самое имѣетъ мѣсто между евреями Галиціи и Бѣлоруссіи. Впрочемъ, эти данныя еще весьма немногочисленны и часто слишкомъ

неопредѣленны, чтобы на ихъ основаніи рѣшать, насколько такое явленіе слѣдуетъ считать распространеннымъ и чѣмъ оно можетъ быть объяснено. Прежде всего, разумѣется, напрашивается возможность смѣшенія евреевъ съ окружающимъ населеніемъ, хотя, съ другой стороны, та многовѣковая соціальная изолированность, въ которой поставлены евреи, особенно въ упомянутыхъ областяхъ, и религіозно-бытовыя условія едва ли могли сильно содѣйствовать успѣшному проявленію такого смѣшенія. Поэтому не лишено будетъ вѣроятія и предположеніе, что евреи уже при первомъ своемъ появленіи здѣсь представляли собою смѣшанную расу. Какъ бы то ни было, для проведенія болѣе подробной антропологической оцѣнки

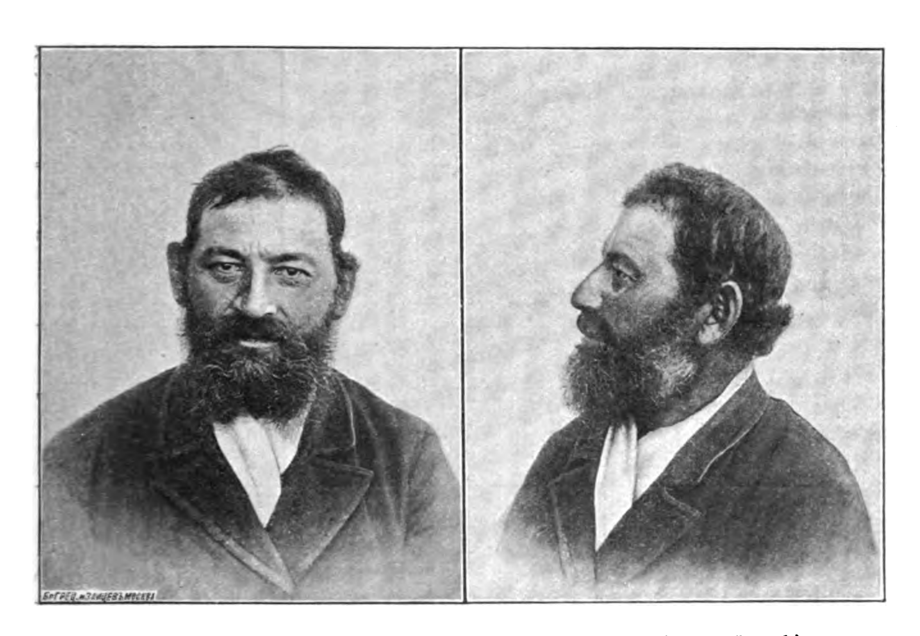


Рис. 8. Польскій еврей, 45-ти л. (изъ г. Холма, Люблинской губ.).

явленій параллелизма въ головномъ указателѣ евреевъ и христіанъ нашихъ сопоставленій недостаточно, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ эта особенность не наблюдается, а въ другихъ она выражена очень слабо. Тѣмъ не менѣе въ результатѣ нашего сравненія сказывается присущая евреямъ нѣкоторая тенденція къ долихоцефализму,—тенденція, въ значительной степени, однако, уже поглощенная противоположнымъ элементомъ—брахицефальнымъ. Для большаго анализа этого обстоятельства мы разсмотримъ на подлежащемъ матеріалѣ величину головного указателя въ редукціи на черепъ, т. е. полученнаго путемъ вычитанія двухъ единицъ изъ величины его для живыхъ особей.

Народности.	Авторы.	Типы головного указателя. На живыхъ особяхъ. Долихоцефалы.	Мезатицефалы.	Брахицефалы.	Въ редукціи на черепъ. Долихоцефалы.	Мезатицефалы.	Брахицефалы.	Число наблюденій.
Польскіе евреи . .	Элькиндъ.	14 или 7%	35 или 17,5%	151 или 75,5%	40 или 20%	62 или 31%	49 или 49%	200
Галиційскіе „ . . .	Майеръ и Коперницкій.	31 „ 7,5%	57 „ 13,8%	325 „ 78,7%	—	—	—	413
Минскіе „ . . .	Stieda-Дыбовск.	4 „ 5,97%	8 „ 11,94%	55 „ 82,09%	11 „ 16,42%	19 „ 28,36%	37 „ 55,22%	67
Рижскіе „ . . .	Блехманъ.	3 „ 3%	11 „ 11%	87 „ 86%	13 „ 13%	23 „ 23%	64 „ 64%	100
Украинскіе „ . . .	} Талько-	21 „ 4,7%	88 „ 20%	329 „ 75,1%	—	—	—	438
Литовскіе „ . . .	} Грынцевичъ.	5 „ 7,2%	19 „ 27,5%	45 „ 65,2%	—	—	—	69
Южно-русскіе „ . . .	Вайсенбергъ.	6 „ 6%	13 „ 13%	81 „ 81%	16 „ 16%	30 „ 30%	54 „ 54%	100
Бѣлорусскіе „ . . .	Яковенко.	17 „ 9,14%	42 „ 22,58%	127 „ 68,28%	53 „ 28,5%	46 „ 24,73%	87 „ 46,77%	186
Кавказскіе „ . . .	Пантюховъ.	—	3 „ 6,98%	40 „ 93,02%	—	—	—	43
Общее число (1616 измѣрен. на живыхъ и 653 въ редукціи на черепъ).		101 „ 6,25%	276 „ 17,08%	1239 „ 76,67%	133 „ 20,37%	180 „ 27,57%	340 „ 52,07%	
Русскіе евреи . . .	} Иковъ.	—	—	—	14%	23,5%	62,5%	51
Балканскіе черепа .	} Иковъ.	—	—	—	93%	—	7%	14
Спаньюолы	Глюкъ.	4 „ 7,3%	19 „ 34,5%	32 „ 58,2%	21,8%	„ 45,2%	32,8%	55
Итальянскіе евреи . .	Ломброзо.	9%	16%	75%	—	—	—	112
Англійскіе „ . .	} Джекобсъ и	28,3%	28,3%	47,4%	—	—	—	363
Сефарды	} Спильманнъ.	17%	34%	39%	—	—	—	51
Польскія еврейки .	Элькиндъ.	3 „ 2,4%	17 „ 13,6%	105 „ 84%	16 „ 12,8%	29 23,2%	80 „ 64%	125
Галиційскія „ . .	Коперницкій.	7 „ 31,7%	5 „ 22,07%	10 „ 45,3%	—	—	—	22
Украинскія „ . .	Талько-Грынцевичъ.	9 „ 4,4%	50 „ 24%	147 „ 71,4%	—	—	—	206
Южно-русскія „ . .	Вайсенбергъ.	1 „ 2%	8 „ 16%	41 „ 82%	7 „ 14%	17 „ 34%	26 „ 52%	50
Бѣлорусскія „ . .	Яковенко.	24 „ 24%	18 „ 18%	58 „ 58%	37 „ 37%	27 „ 27%	36 „ 36%	100
Общее число (503 измѣрен. на живыхъ и 275 въ редукціи на черепъ).		44 „ 8,75%	98 „ 19,48%	361 „ 71,77%	60 „ 21,82%	73 „ 26,55%	142 „ 51,64%	
Русскія еврейки . .	Иковъ.	—	—	—	4,5%	9%	86,5%	23

Съ этою цѣлью мы использовали, кромѣ собственныхъ измѣреній польскихъ евреевъ,[1] еще данныя Блехмана, Дыбовскаго, Вайсенберга и Яковенко и присоединили къ нимъ отчасти измѣренія Глюка, также разсматривающаго головной указатель и въ редукціи на черепъ. Мы получили такимъ образомъ 653 измѣреній черепного указателя. Расположеніе ихъ по извѣстнымъ нормамъ даетъ нѣсколько иную картину распредѣленія типовъ, нежели вышеописанныя. Брахицефалія, правда, превалируетъ и здѣсь, но уже въ меньшей степени. Число настоящихъ брахицефаловъ понизилось въ среднемъ слишкомъ на половину (14,56$^0/_0$ противъ 33,69$^0/_0$); общая же сумма брахи- и суббрахицефаловъ, составляющая для живыхъ

Рис. 9. Польская еврейка (изъ г. Замостья, Люблинской губ.).

три четверти всего числа особей, при редукціи на черепъ равна только половинѣ случаевъ. Что же касается долихоцефаловъ, то ихъ сумма теперь увеличилась слишкомъ втрое (20,37$^0/_0$ противъ 6,25$^0/_0$) сравнительно съ числомъ ихъ среди живыхъ особей. Слѣдовательно, при редукціи на черепъ, долихоцефальный типъ среди евреевъ выраженъ значительно сильнѣе: такъ, напр., на живыхъ особяхъ онъ среди польскихъ евреевъ въ 10 разъ, среди спаньюоловъ—въ 8 разъ слабѣе, чѣмъ короткоголовый типъ; отнесенный же на черепъ, указатель оказывается долихоцефальнымъ у первыхъ лишь въ два съ половиною раза, у вторыхъ лишь въ полтора раза рѣже, нежели брахицефальнымъ. Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что $^0/_0$ долихоцефальныхъ череповъ среди польскихъ евреевъ почти равенъ среднему $^0/_0$ ихъ для всего сравниваемаго числа череповъ,

который можно, такъ сказать, принять за мѣрило долихоцефализма евреевъ, поскольку послѣдніе изслѣдованы до настоящаго времени въ предѣлахъ Россіи. На этомъ основаніи % долихоцефаловъ, найденный Иковымъ (14%) для измѣренныхъ имъ русскихъ евреевъ, слишкомъ на 6% ниже этой средней, что можно, главнымъ образомъ, объяснить ограниченнымъ числомъ наблюденій, которыхъ у Икова было всего 51, между тѣмъ какъ упомянутая средняя вычислена изъ 653 наблюденій и является поэтому болѣе обоснованною.

Средній указатель послѣднихъ, въ редукціи, равенъ 80,18 и нѣсколько менѣе величины, даваемой Иковымъ (80,76). Въ отдѣльныхъ случаяхъ величина его еще ниже, какъ, напр., у польскихъ евреевъ (78,89), у рогачевскихъ (79,69), у спаньюоловъ (78,1). Въ виду этого всѣ измѣренія, за исключеніемъ кавказскихъ, при редукціи на черепъ, значительно приближаются изъ предѣловъ суббрахицефаліи и настоящей брахицефаліи къ границѣ мезатицефаліи, а нѣкоторые, какъ сейчасъ упомянутые, всецѣло перешли въ группу мезатицефаловъ. Сравненіе этихъ величинъ съ результатами непосредственнаго измѣренія еврейскихъ череповъ Велькеромъ (78,4), Вейсбахомъ и Девисомъ (81,11) и Ломброзо (78) позволяетъ констатировать нѣкоторое сходство между тѣми и другими, чего, однако, нельзя сказать относительно измѣреній Икова (74,5) и Колльмана (83,9). Съ противоположнымъ явленіемъ приходится сталкиваться, если сопоставить тѣ же величины съ краніометрическими данными объ арабахъ и другихъ семитахъ. Такъ, Ломброзо, измѣрившій 7 финикійскихъ череповъ VII в. до Р. Х., нашелъ указатель 73; другіе ученые (Gillebert D'Hercourt, Lagneau, Topinard, Ellis-Lèser) дали для арабскихъ череповъ указатель отъ 73,8 до 76,3; наконецъ, и для сирійскихъ бедуиновъ имѣется черепной указатель (75,4), мало уступающій этимъ цифрамъ. Такимъ образомъ, во всѣхъ этихъ случаяхъ сравненіе съ евреями ведетъ къ отрицательному результату.

Рис. 10. Еврейка Подольской губ.

Обращаясь теперь къ разсмотрѣнію головного указателя евреевъ, отмѣтимъ прежде всего, что величина его варіируетъ у нихъ отъ 80,74

среди рогачевскихъ до 83 среди украинскихъ. Польскія еврейки, по головному указателю (82,92), стоятъ весьма близко къ послѣдней величинѣ и оказываются брахицефальнѣе мужчинъ, между тѣмъ какъ рогачевскія, наоборотъ, долихоцефальнѣе; но среди южно-русскихъ и украинскихъ не наблюдается большой разницы въ головномъ указателѣ мужчинъ и женщинъ. Соотвѣтственно разницѣ въ среднихъ величинахъ, и распредѣленіе главныхъ типовъ головного указателя среди евреекъ имѣетъ нѣсколько иной характеръ сравнительно съ мужчинами. Среди польскихъ евреекъ долихоцефальный элементъ представленъ лишь 2,4%, съ чѣмъ болѣе или менѣе согласуются и данныя для украинскихъ (4,4%) и южно-русскихъ

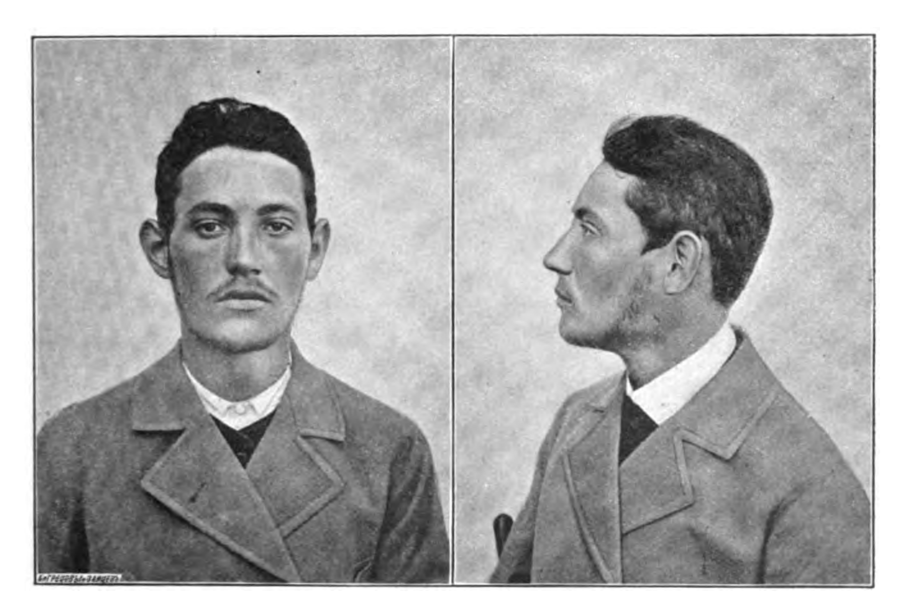


Рис. 11. Польскій еврей (изъ Люблинской губ.).

(2%) евреекъ; но рогачевскія дали 24%, а 22 галиційскихъ евреекъ—даже 31,7% долихоцефалокъ. Благодаря этому, средній % послѣднихъ (8,75%) нѣсколько превышаетъ то же число для мужчинъ. Съ другой стороны, количество брахицефалокъ отличается обратнымъ отношеніемъ: высшій % ихъ имѣетъ мѣсто среди польскихъ евреекъ, а низшій—среди рогачевскихъ и галиційскихъ, и составляетъ въ среднемъ 71,77%—величину, меньшую, чѣмъ для мужчинъ. Тѣмъ не менѣе, несмотря на эти различія между мужскимъ и женскимъ головнымъ указателемъ, можно все-таки признать извѣстную аналогію въ варіаціяхъ его типовъ у тѣхъ и другихъ. То же самое приходится сказать, если разсмотрѣть и у женщинъ головной указатель въ редукціи на черепъ, что нами сдѣлано для своихъ из-

мѣреній польскихъ евреекъ, затѣмъ для измѣреній Вайсенберга и Яковенко: Въ этомъ случаѣ число долихоцефалокъ повышается до 22%, а брахицефалокъ падаетъ до 56,64%. Съ послѣдними цифрами, полученными изъ довольно большого число наблюденій (275 измѣр.), далеко не согласуются данныя Икова. Послѣдній нашелъ среди евреекъ почти въ пять разъ меньше долихоцефалокъ, а брахицефалокъ, несмотря на редукцію, оказалось у него еще болѣе, чѣмъ нами получено среди живыхъ особей. И здѣсь, намъ кажется, это несходство объясняется въ значительной степени также огра-

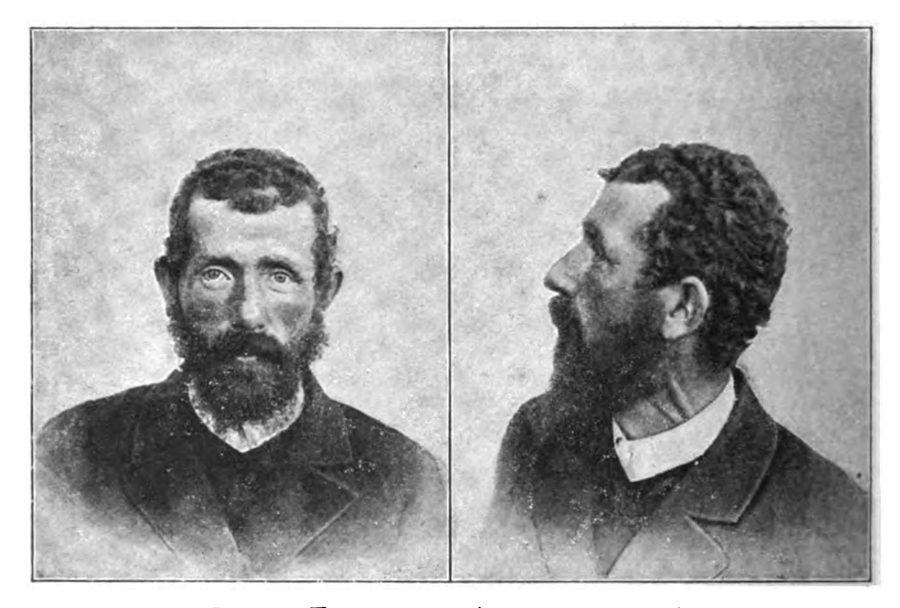


Рис. 12. Польскій еврей (изъ Радомской губ.).

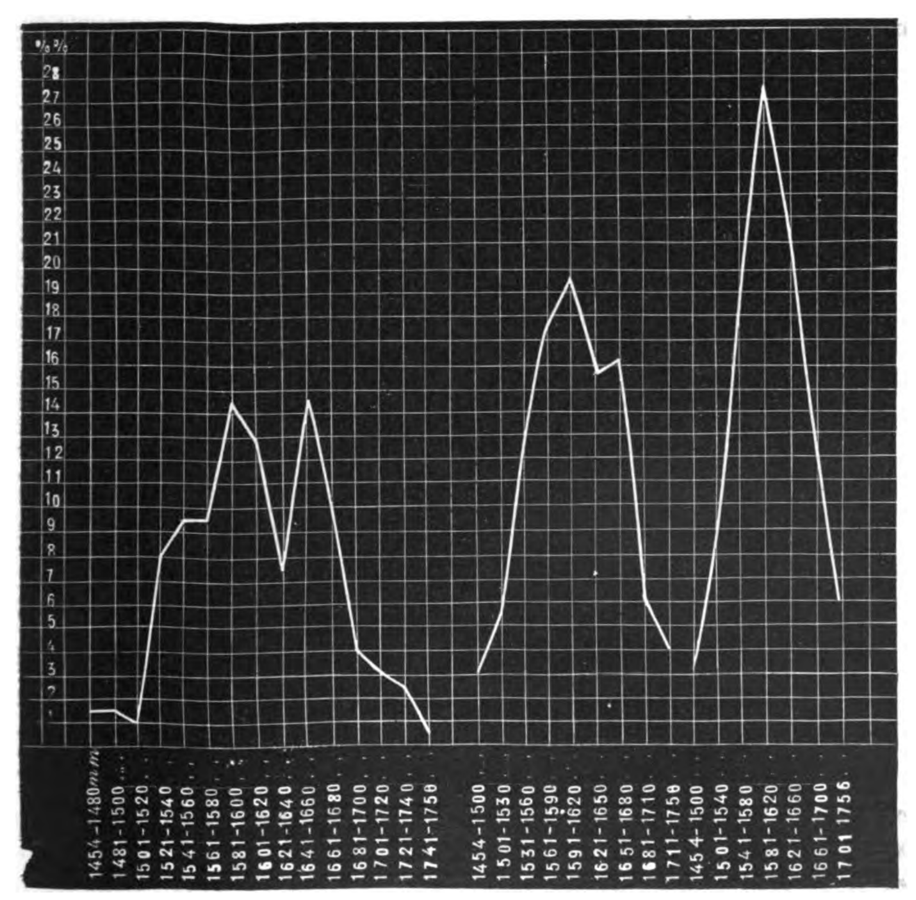
ниченнымъ числомъ измѣреній Икова, основывающаго свои заключенія на изслѣдованіи только 23-хъ евреекъ.

Сравненіе по головному указателю евреекъ съ христіанками не приводитъ къ какому-либо опредѣленному результату, въ виду ограниченности, а нерѣдко и отсутствія необходимыхъ для этого наблюденій.

Рамки настоящей статьи не позволяютъ остановиться столь же подробно на многочисленныхъ остальныхъ измѣреніяхъ черепа и лица, имѣющихъ, впрочемъ, рядомъ съ головнымъ указателемъ, лишь второстепенное значеніе. Минуя ихъ, мы обратимся, поэтому, къ разсмотрѣнію роста, являющагося другимъ существеннымъ элементомъ въ вопросѣ объ антропологическомъ типѣ евреевъ.

Средній ростъ польскихъ евреевъ, по нашимъ наблюденіямъ, составляетъ 1610 mm. Эта величина не только подтверждаетъ общераспростра-

ненное мнѣніе о низкорослости евреевъ, но и принадлежитъ, кромѣ того, къ наименьшимъ изъ существующихъ въ антропологической литературѣ опредѣленій ихъ роста. Тѣмъ не менѣе индивидуальныя колебанія роста измѣренныхъ нами евреевъ обнаруживаютъ присутствіе среди нихъ и большихъ величинъ. Дѣйствительно, располагая всѣ измѣренія въ порядкѣ возрастанія величинъ на 2, 3, 4 сантиметра и перенося ихъ на діаграмму, мы получаемъ рядъ кривыхъ, позволяющихъ сказать слѣдующее объ особенностяхъ роста польскихъ евреевъ (діагр. III). Такое трехкратное расположеніе



Діагр. III. Ростъ польскихъ евреевъ.

наблюденій имѣетъ то преимущество, что, при возрастаніи интерваловъ колебаній, тѣ особенности, которыя являются второстепенными или менѣе характерными для даннаго ряда величинъ, будутъ постепенно сглаживаться и могутъ быть сведены даже на нѣтъ. Другими словами, увеличивая предѣлы колебаній, мы тѣмъ самымъ выдвигаемъ на первый планъ главные

признаки, сильнѣе выраженные и наиболѣе присущіе описываемому ряду наблюденій. При рядовомъ расположеніи нашихъ измѣреній съ интервалами въ 2 сан., діаграмма представляетъ двѣ вершины, раздѣленныя глубокой впадиной; кромѣ того, восходящая часть кривой образуетъ еще вторичную волну, служащую выраженіемъ изолированнаго нарастанія величинъ особенно малаго роста въ 1541—1550 mm. Во второй діаграммѣ, гдѣ ряды идутъ черезъ 3 сант., мы видимъ, что вершина, соотвѣтствовавшая высокорослой группѣ, значительно понизилась и получила характеръ небольшой вторичной волны въ нисходящей части новой кривой. Наконецъ, въ послѣдней діаграммѣ, составленной при группировкѣ наблюденій черезъ 4 сантим., совершенно от-

Рис. 13. Самаркандскій еврей.

сутствуетъ и эта вторичная волна, и мы видимъ здѣсь очень правильную кривую, обѣ вѣтви которой довольно круто и безъ какихъ-либо новыхъ скачковъ восходятъ къ вершинѣ, соотвѣтствующей росту 1581—1620 mm., на который падаетъ наибольшее число измѣренныхъ нами евреевъ. Отсюда можно сдѣлать заключеніе, что послѣдніе, при сравнительно маломъ среднемъ ростѣ, обладаютъ въ замѣтной степени и высокорослымъ элементомъ, хотя низкорослый выраженъ среди нихъ несравненно сильнѣе.

Ростъ изслѣдованныхъ польскихъ евреевъ выступитъ нѣсколько въ иномъ свѣтѣ, если обратить вниманіе на зависимость его отъ двухъ факторовъ: возраста и условій среды; послѣднія имѣютъ особенное значеніе,

такъ какъ настоящія измѣренія собраны надъ фабричными рабочими. Прежде всего отмѣтимъ, что наши евреи достигаютъ maximum'а своего роста довольно поздно, именно въ 40—50 лѣтъ, между тѣмъ какъ южно-русскіе, будучи вообще выше ростомъ, нежели польскіе, обладаютъ наибольшимъ ростомъ въ 25—30 лѣтъ, т. е. на десять лѣтъ ранѣе послѣднихъ, а къ 25 годамъ достигаютъ уже средней величины роста, что для польскихъ евреевъ имѣетъ мѣсто лишь въ четвертомъ десятилѣтіи жизни. Затѣмъ, среди галиційскихъ евреевъ высшій ростъ имѣютъ особи 25—30 лѣтъ, субъекты же старше 30 л. и моложе 25 л. ниже ихъ. Подобно имъ, и бѣлорусскіе евреи, по изслѣдованіямъ Яковенко, отличаются наибольшимъ ростомъ въ 23 — 30 лѣтъ. Мы видимъ, слѣдовательно, что польскіе евреи запаздываютъ въ ростѣ сравнительно съ южно-русскими, галиційскими и бѣлорусскими, такъ какъ всѣ три послѣднія группы еврейскаго населенія достигаютъ своего максимальнаго роста десятью годами раньше польскихъ.

Рис. 14. Туркестанская еврейка.

Это явленіе стоитъ, безъ сомнѣнія, въ тѣсной связи съ фабричными условіями, среди которыхъ находились евреи, подлежавшіе нашему наблюденію. Отрицательное вліяніе фабрики на ростъ показалъ Е. М. Дементьевъ въ своемъ изслѣдованіи фабричныхъ рабочихъ Московской губ. и многіе другіе авторы. В. В. Воробьевъ, имѣвшій фабричныхъ рабочихъ объектомъ для антропологической характеристики великорусскаго населенія Рязанской губ., съ своей стороны также признаетъ «понижающее ростъ вліяніе продолжительныхъ и начавшихся въ раннемъ возрастѣ работъ на фабрикѣ». Въ виду этого съ большою достовѣрностью можно сказать, что ростъ еврейскаго населенія Привислянскаго края выше той величины, которая получена только на основаніи измѣреній однихъ фабричныхъ рабочихъ. Это въ значительной степени и подтверждается, если разсмотрѣть величину ихъ роста въ зависимости отъ продолжительности пребыванія

на фабрикѣ. Тутъ мы прежде всего наталкиваемся на такого рода обстоятельство. Вопреки ожидаемому постепенному уменьшенію роста по мѣрѣ удлиненія продолжительности пребыванія рабочихъ на фабрикѣ, здѣсь, наоборотъ, получается, кромѣ начальнаго maximum'а, еще другой, соотвѣтствующій періоду въ 21—25 лѣтъ фабричной работы. Такое, парадоксальное на первый взглядъ, явленіе объясняется тѣмъ, что разсматриваемый теперь ростъ рабочихъ является функціей двухъ перемѣнныхъ: во-первыхъ, возраста, а, во-вторыхъ, числа лѣтъ пребыванія на фабрикѣ. Смотря по тому, въ противоположномъ ли или въ одномъ и томъ же напра-

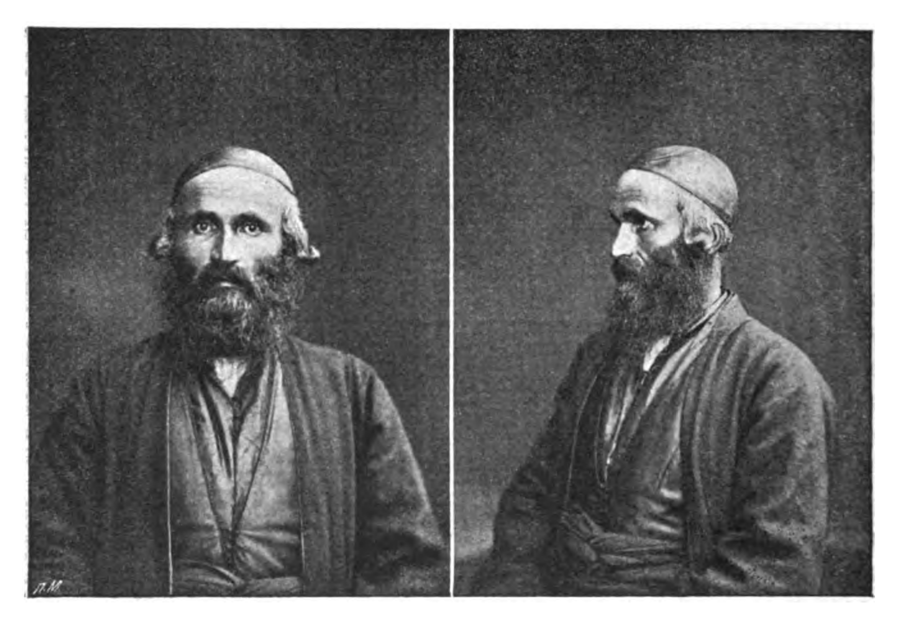


Рис. 15. Кавказскій еврей (изъ г. Кубы, Бакинской губ.).

вленіи подѣйствуютъ оба фактора, и результаты этого вліянія будутъ различны, т. е. иного характера будутъ измѣненія величины роста. Что касается нашихъ евреевъ, то ростъ ихъ, съ одной стороны, продолжаетъ увеличиваться до 40 лѣтъ и только въ пятомъ десятилѣтіи жизни достигаетъ своего maximum'а, съ другой же, пребываніе на фабрикѣ вызываетъ пониженіе ихъ роста, идущее довольно быстро рядомъ съ возрастаніемъ продолжительности перваго до 20 лѣтъ, соотвѣтствующей среднему возрасту въ 34,9 года. При удлиненіи же пребыванія на фабрикѣ до 21—25 лѣтъ, когда и средній ростъ достигаетъ 39.5 л., т. е. соотвѣтствуетъ эпохѣ, съ которой начинается особенно интенсивное увеличеніе роста нашихъ евреевъ, и получается упомянутый второй maximum роста, послѣ котораго паденіе роста, при дальнѣйшемъ удлиненіи рабочаго періода, происхо-

дитъ уже медленнѣе. Слѣдовательно, первые 20 лѣтъ работы оказываютъ наиболѣе сильное вліяніе на ростъ, отчасти подавляя, отчасти замедляя его развитіе, благодаря чему свою окончательную величину онъ получаетъ лишь послѣ 40 лѣтъ, когда вмѣстѣ съ тѣмъ тенденція роста увеличиваться въ зависимости отъ возраста получаетъ перевѣсъ надъ отрицательнымъ вліяніемъ фабрики, результатомъ чего и является новое нарастаніе величины роста. Къ сказанному прибавимъ, что измѣренные нами фабричные распадались на двѣ группы: одна—рабочихъ (159 суб.) на табачной фабрикѣ, имѣвшихъ средній ростъ 1601 mm., и другая—рабочихъ (41 суб.) на фабрикѣ металлическихъ издѣлій, съ ростомъ въ 1637 mm., т. е. на $3^1/_2$ сантим. болѣе первой и почти на 3 сантим. болѣе общей средней.

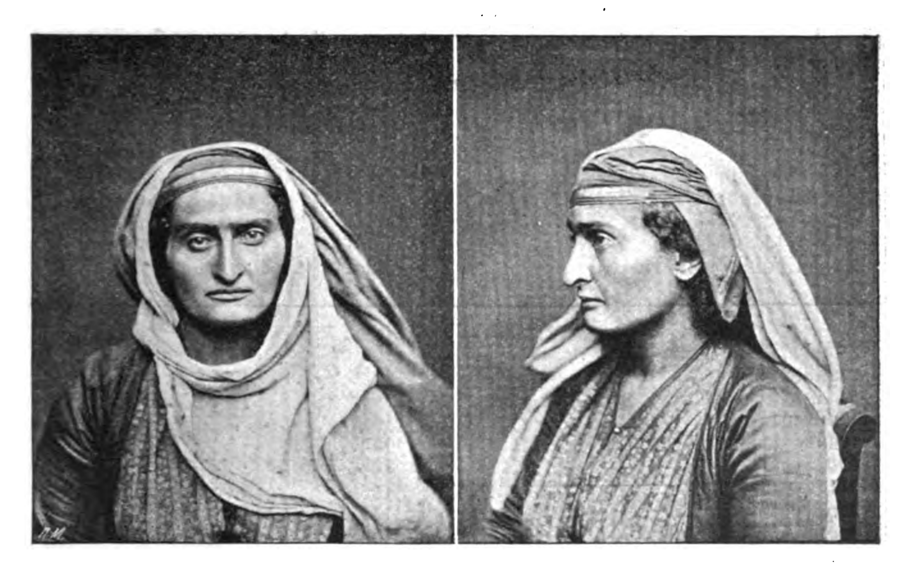


Рис. 16. Кавказская еврейка (изъ г. Кубы, Бакинской губ.).

Повышающее вліяніе второй группы наблюденій было бы значительнѣе, если бы число субъектовъ не ограничивалось только 40, но выступало бы въ равной пропорціи съ первой группой; тогда ростъ измѣренныхъ нами польскихъ евреевъ повысился бы почти до 1620 mm.

Тѣмъ не менѣе найденный нами ростъ ихъ въ 1610 mm. оказывается довольно близкимъ къ даннымъ Снигирева, какъ можно видѣть въ прилагаемой таблицѣ, гдѣ собраны свѣдѣнія о ростѣ евреевъ по наблюденіямъ различныхъ авторовъ и, кромѣ того, приводится рядъ величинъ роста для другихъ народностей. Отсюда видимъ также, что ростъ евреевъ представляетъ вообще колебанія отъ низшей величины, найденной нами въ Польшѣ, до высшей въ 1656 mm. для евреевъ Одессы, по измѣреніямъ Пантюхова. Къ этой цифрѣ, указывающей на относительную высокорослость

Народности.	Средній ростъ.	Авторы.
Польскіе евреи	1610	Элькиндъ.
Галиційскіе „ (I сер. набл.)	1623	Майеръ.
Украинскіе „	1625	Талько-Грынцевичъ.
Литовскіе „	1619	
Южно-русскіе „	1648	Вайсенбергъ.
Рижскіе „	1627	Блехманъ.
Бѣлорусскіе „	1617	Яковенко.
Евреи Привислянск. кр.	1613	Снигиревъ.
„ Сѣверозап. кр.	1612	
„ Прибалт. кр.	1631	
„ трехъ малорос. губ.	1642	
„ г. Одессы	1656	
Кавказскіе евреи: Кубинскіе, приз. 1889 г.	1616	Пантюховъ.
„ „ 1890 г.	1617	
„ „ 1891 г.	1622	
Дагестанскіе „ 1889 г.	1644	
Кутаисскіе „	1630	
Тифлисскіе „	1642	
Евреи Баваріи	1620	Цит. у проф. Д. Н. Анучина.
„ Венгріи	1633	
„ Австріи	1634	
„ Италіи (Туринъ)	1633	Ломброзо.
„ Босніи (спаньюолы)	1634	Глюкъ.
Привислянскіе поляки	1640	Элькиндъ.
Галиційскіе „ (I сер.).	1622	Майеръ.
„ „ (II сер.).	1643	
Украинцы	1667	Талько-Грынцевичъ.
Литвино-латыши	1644	
Бѣлоруссы	1636	
Малороссы	1669	Дибольдъ.
Бѣлоруссы	1652	Эйхгольцъ.
Литовцы	1662	Бреннзонъ.
Привисл. кр.: Поляки	1627	Снигиревъ.
Нѣмцы	1639	
Литовцы	1639	
Русскіе	1639	
Сѣверо-зап. кр.: Литовцы	1643	
Жмудины	1656	
Бѣлоруссы	1638	
Поляки	1644	
Русскіе	1637	
Австрія	1659	Цит. у Талько-Грынцевича.
Венгрія	1646	
Италія (Туринъ)	1651	Ломброзо.

одесскихъ евреевъ, примыкаютъ и наблюденія Вайсенберга надъ южно-русскими, которые также отличаются наиболѣе высокимъ ростомъ. Далѣе, и по даннымъ Снигирева, евреи трехъ малороссійскихъ губерній выше ростомъ, нежели евреи Привислянскаго края, Сѣверо-западнаго и Прибалтійскаго. Болѣе низкорослыми оказываются украинскіе евреи, измѣренные Талько-Грынцевичемъ, тѣмъ не менѣе и они выше своихъ сѣверо-западныхъ и привислянскихъ сородичей. Вообще, польскіе евреи, какъ по даннымъ Снигирева, такъ и по моимъ, обладаютъ наименьшимъ ростомъ, уступающимъ также и галиційскимъ евреямъ. Нѣсколько выше ихъ евреи Литвы и Бѣлоруссіи. На Кавказѣ ростъ евреевъ, какъ показываютъ измѣ-

Рис. 17. Южно-русская еврейка.

ренія Пантюхова, также представляетъ нѣкоторое разнообразіе. Болѣе высокорослыми являются дагестанскіе и тифлисскіе евреи, приближающіеся въ этомъ отношеніи къ южно-русскимъ и малороссійскимъ евреямъ. Кутаисскіе соотвѣтствуютъ по росту прибалтійскимъ евреямъ, а евреи Кубинскаго уѣзда—литовскимъ и бѣлорусскимъ. Западно-европейскіе евреи отличаются также невысокимъ ростомъ, не достигающимъ роста евреевъ трехъ малороссійскихъ губерній. Ниже ростомъ—баварскіе евреи, выше ихъ—итальянскіе (по Ломброзо), затѣмъ евреи австрійскіе, венгерскіе и спаньюолы Босніи; послѣднія четыре группы обладаютъ одинаковымъ ростомъ. Ливи относительно итальянскихъ евреевъ не приводитъ, къ сожалѣнію, величины ихъ средняго роста, но и онъ констатируетъ, что ростъ ихъ ниже роста всего населенія королевства.

Болѣе низкій ростъ евреевъ сравнительно съ христіанскимъ населеніемъ наблюдался многими авторами. Такъ, Снигиревъ, обработавшій данныя о ростѣ поляковъ, евреевъ, нѣмцевъ, литовцевъ и русскихъ Привислянскаго края, затѣмъ—литовцевъ, евреевъ, жмудиновъ, бѣлоруссовъ, поляковъ и русскихъ Сѣверо-западнаго края, показалъ, что евреи и тамъ, и здѣсь стоятъ на послѣднемъ мѣстѣ по величинѣ роста. Опредѣливъ среднюю величину роста для всего края безъ различія племени, онъ получилъ, что въ Привисляньѣ только евреи оказались на 1,8 сантим. ниже этой средней; ростъ поляковъ также ниже ея, но всего лишь на 4 mm.. Съ другой стороны, и въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ евреи обнаружили еще

Рис. 18. Польская еврейка (изъ г. Холма, Люблинской губ.).

болѣе сильное пониженіе противъ общей средней роста, именно 2,6 сантим., между тѣмъ какъ русскіе и бѣлоруссы отличались отъ средней въ отрицательную сторону также лишь весьма незначительно. Далѣе, Пантюховъ, давшій цѣлый рядъ антропологическихъ характеристикъ туземцевъ Кавказа, въ томъ числѣ и евреевъ, относитъ послѣднихъ къ наиболѣе низкорослымъ народностямъ. Самымъ опредѣленнымъ образомъ о низкорослости евреевъ, какъ особенности ихъ физическаго типа, высказался проф. Д. Н. Анучинъ. Приведенныя выше среднія величины роста евреевъ различныхъ мѣстностей Россіи въ огромнѣйшемъ большинствѣ случаевъ оказываются не только ниже средняго роста новобранцевъ всей Евр. Россіи, но обыкновенно также и ниже средняго роста по губерніямъ. Если иногда полу-

чаются обратныя отношенія, то это объясняется, во-первыхъ, тѣмъ, что проф. Д. Н. Анучинъ выводилъ свои среднія изъ роста новобранцевъ, т. е. особей въ возрастѣ 21-го года, когда ростъ еще не заканчиваетъ вполнѣ своего развитія (при этомъ въ его вычисленіяхъ были отброшены доли вершковъ), а, во-вторыхъ, и тѣмъ, что всѣ авторы, цитируемые въ нашей таблицѣ, располагали съ своей стороны значительно меньшимъ числомъ измѣренныхъ особей. Далѣе, укажемъ на то, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ ростъ евреевъ является болѣе высокимъ тамъ, гдѣ, какъ, напр., въ Малороссіи, Австріи, Венгріи, и христіанское, и все населеніе вообще отличается высокорослостью. Если въ этомъ обстоятельствѣ, согласно воз-

Рис. 19. Польская еврейка, 11-ти л. (изъ Люблинской губ.).

зрѣнію многихъ антропологовъ, могло сказаться отчасти вліяніе смѣшенія евреевъ съ господствующимъ населеніемъ, то, съ другой стороны, по мнѣнію другихъ изслѣдователей, не слѣдуетъ здѣсь игнорировать также значенія условій жизни, которыя въ названныхъ странахъ болѣе благопріятны для евреевъ, нежели въ другихъ, и которыя сами по себѣ могли содѣйствовать ихъ лучшему физическому развитію, а вмѣстѣ съ тѣмъ вліять благопріятно и на величину ихъ роста. И на самомъ дѣлѣ, не вездѣ ростъ евреевъ повышается параллельно росту всего населенія. Такъ, евреи Литвы и Бѣлоруссіи ниже ростомъ, нежели австрійскіе и баварскіе евреи, хотя ростъ христіанъ въ первыхъ двухъ краяхъ выше роста всего населенія Австріи и Венгріи.

Въ результатѣ нашего сопоставленія можно прійти къ слѣдующимъ выводамъ. Колебанія роста евреевъ образуютъ скалу въ 46 mm., а наиболѣе частые размѣры его у нихъ отъ 1615 mm. до 1635 mm.; скала же колебаній роста у христіанъ почти такая же (47 mm.), но преобладающій ростъ ихъ 1635 mm.—1660 mm. Иначе говоря, если представить себѣ ростъ евреевъ и христіанъ изображеннымъ на одной скалѣ, то нижняя часть послѣдней, соотвѣтствующая меньшимъ величинамъ, будетъ опредѣлять собою варіаціи роста евреевъ, а верхняя, обнимающая большія величины, соотвѣтствовать росту христіанъ. Территоріальныя различія роста

Рис. 20. Польскій еврей (изъ г. Холма, Люблинской губ.).

среди евреевъ, большею частью, выражены въ довольно умѣренной степени и не всегда повторяютъ собою аналогичныя различія среди христіанъ.

О ростѣ евреекъ (1506 mm.) придется меньше сказать. Здѣсь польскія еврейки оказываются ниже другихъ, что особенно слѣдуетъ отмѣтить по сравненію ихъ съ южно-русскими; слабѣе разница въ ростѣ между ними и украинскими и бѣлорусскими еврейками. По отношенію къ мужскому росту польскія еврейки ниже на 6,4% его величины, что очень близко къ даннымъ прочихъ авторовъ, по которымъ ростъ евреекъ другихъ мѣстностей на 6,8% менѣе мужского роста.

На польскихъ еврейкахъ, взятыхъ нами также изъ среды фабричныхъ, несмотря на еще бо́льшую ограниченность наблюденій, можно также убѣдиться въ положительномъ развитіи роста независимо отъ вліянія пре-

бывания на фабрикѣ. Но что это вліяніе все же отразилось понижающимъ образомъ на ростъ нашихъ евреекъ, доказываетъ паденіе его, соотвѣтствующее 11—15-лѣтней продолжительности пребыванія на фабрикѣ и среднему возрасту въ 22,8 года, послѣ чего наблюдается новое повышеніе роста. Такимъ образомъ, и среди польскихъ евреекъ отсталость ихъ по величинѣ роста отъ южно-русскихъ и украинскихъ можно также объяснить отчасти вліяніемъ фабричныхъ условій; вмѣстѣ съ тѣмъ видимъ, что отрицательное вліяніе фабрики на женщинахъ обнаруживается ранѣе, чѣмъ на мужчинахъ.

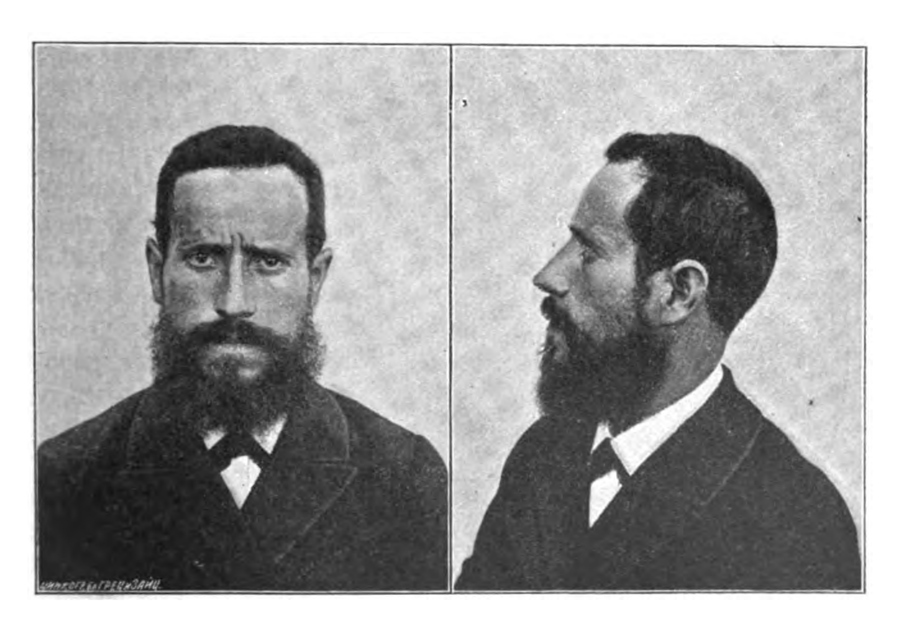


Рис. 21. Польскій еврей, 30-ти л. (изъ г. Влодавы, Люблинской губ.).

Для сравненія роста евреекъ съ христіанками мы располагаемъ только данными Талько Грынцевича объ украинцахъ и личными наблюденіями надъ полянками. Тутъ можемъ отмѣтить слѣдующее. Средній ростъ украинскихъ евреекъ на 2,1% менѣе роста украинокъ; средній же ростъ украинскихъ евреевъ на 2,5% менѣе роста украинцевъ, сравнительно съ привислянскими поляками наши евреи на 1,8% ниже, а еврейки только на 1,1% ниже полекъ. Слѣдовательно, и въ высокорослой Украйнѣ, и въ низкорослой Польшѣ еврейки, будучи по росту ниже христіанокъ, приближаются къ нимъ все-таки болѣе, чѣмъ евреи къ христіанамъ. Это явленіе можетъ служить нѣкоторымъ указаніемъ на то, что причины, задерживающія развитіе роста нашихъ евреевъ, сильнѣе вліяютъ на мужчинъ, чѣмъ на женщинъ.

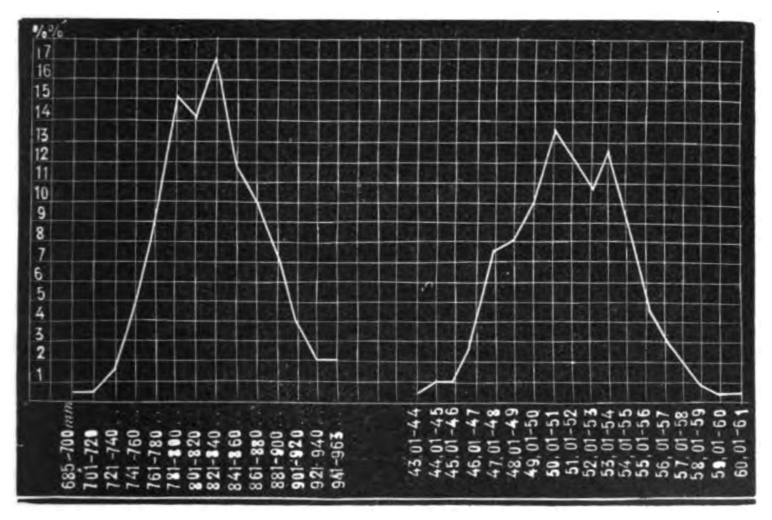
Наше описаніе роста мы закончимъ указаніемъ, что среди изслѣдованныхъ нами польскихъ евреевъ темноволосые и темноглазые субъекты обоего пола отличаются болѣе высокимъ ростомъ, нежели свѣтловолосые и свѣтлоглазые. Не останавливаясь на выясненіи значенія этого обстоятельства, въ виду отсутствія достаточныхъ сравнительныхъ данныхъ, скажемъ только, что вопросъ о соотношеніяхъ цвѣтового типа евреевъ съ тою или другою величиною роста можетъ явиться одною изъ задачъ будущихъ антропологическихъ наблюденій среди этой народности, тѣмъ болѣе, что И. И. Пантюховъ констатировалъ противоположное явленіе: по его словамъ, у евреевъ самый низкій ростъ сочетается съ черными волосами и черными глазами. Съ своей стороны замѣтимъ, что въ результатѣ нашего изслѣдованія привислянскихъ поляковъ такія соотношенія между ростомъ и цвѣтомъ волосъ и глазъ мы нашли только у женщинъ, между тѣмъ какъ мужчины обнаружили въ этомъ направленіи ту же особенность, что и описываемые нами теперь евреи.

Рис. 22. Еврей съ о-ва Родоса.

Послѣ роста ближайшее соматологическое значеніе имѣетъ окружность груди. Но въ то время, какъ росту отводится мѣсто въ ряду важнѣйшихъ антропологическихъ признаковъ, размѣры грудной клѣтки, скрывающей органы, особенно рѣзко отражающіе на себѣ вліяніе внѣшнихъ условій, находятся въ тѣснѣйшей зависимости отъ состоянія этихъ органовъ. Окружность груди служитъ поэтому скорѣе мѣриломъ физическаго благосостоянія даннаго индивидуума, нежели показателемъ расоваго характера. Величина ея должна быть обыкновенно болѣе половины роста. Изъ этого правила, какъ думали на основаніи работъ Майера и Коперницкаго и Снигирева, исключеніе составляютъ евреи. Однако, позднѣйшія наблюденія, какъ и наши среди польскихъ евреевъ, не подтвердили такого заключенія.

По измѣреніямъ польскихъ евреевъ, окружность груди послѣднихъ и абсолютно (830 mm.), и относительно (51,57) оказывается болѣе половины ихъ средняго роста. Изображая графически (діагр. IV) колебанія той и

другой величины, можно слѣдующимъ образомъ охарактеризовать особенности окружности груди евреевъ. Въ діаграммѣ абсолютной величины мы видимъ, что восходящая часть кривой на своемъ большомъ протяженіи представляетъ правильный и равномѣрный подъемъ, а въ верхнемъ отдѣлѣ она образуетъ такъ называемую вторичную волну, послѣ чего достигаетъ вершины; нисходящее же колѣно, опускаясь вначалѣ довольно круто, получаетъ въ средней части характеръ широкой и плоской волны, а въ нижней снова становится равномѣрнымъ. Эта волнистость нисходящаго колѣна нашей кривой, съ одной стороны, и вторичная волна восходящаго, съ другой,



Діагр. IV. Окружность груди (абсолютн. и относит.) польскихъ евреевъ.

обнаруживаютъ среди изслѣдованныхъ евреевъ, рядомъ съ преобладающими средними размѣрами груди, присутствіе какъ довольно сильно выраженнаго узкогрудаго элемента, такъ и нѣкотораго количества широкогрудаго. Далѣе, діаграмма относительной окружности груди, въ свою очередь, представляетъ кривую линію, которой верхушка оказывается раздвоенною: одна вершина, болѣе высокая, соотвѣтствуетъ средней величинѣ отношенія окружности груди къ росту; другая—нѣсколько ниже и соотвѣтствуетъ величинѣ, значительно большей. Кромѣ того, на восходящемъ колѣнѣ кривой наблюдается явственная вторичная волна, отмѣчающая наличность опредѣленнаго числа субъектовъ съ окружностью груди ниже средней. Слѣдовательно, обѣ діаграммы обнаруживаютъ среди польскихъ евреевъ присутствіе, съ одной стороны, значительнаго числа особей, обладающихъ сильнѣе развитою окружностью груди, а, съ другой, и нѣкотораго количества ихъ отличающихся, наоборотъ, пониженнымъ развитіемъ грудной клѣтки, не достигающей полуроста. Выражаясь цифрами, мы находимъ, что наши евреи

почти въ одной трети (точнѣе—30,81%) случаевъ имѣютъ окружность груди менѣе полуроста; такой процентъ узкогрудыхъ нельзя не признать слишкомъ высокимъ. Тѣмъ не менѣе упомянутые Снигиревъ и Майеръ и Коперницкій получили результаты, гораздо болѣе рѣзкіе. Такъ, Снигиревъ для евреевъ десяти привислянскихъ губерній даетъ окружность груди, равную въ среднемъ 802 mm.; только у нихъ она оказывается на 4,5 mm. менѣе половины средняго роста, въ то время какъ всѣ остальныя народности этого края (поляки, нѣмцы, литовцы, русскіе) отличаются окружностью груди, превышающею полуростъ на 33,2—49,4 mm.. Сообразно съ этимъ, евреи дали здѣсь высшій процентъ лицъ съ окружностью груди меньшею половины роста (49,08%) и нисшій процентъ лицъ съ окружностью груди большею половины роста (45,22%). Подобныя же данныя получены Снигиревымъ и среди призывныхъ сѣверо-западныхъ губерній (Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской), гдѣ опять-таки лишь у евреевъ оказалась окружность груди на 4,8 mm. менѣе половины ихъ средняго роста, между тѣмъ какъ остальное населеніе (литовцы, жмудины, бѣлоруссы, поляки, русскіе) показало перевѣсъ, колебавшійся отъ 29,6 mm. до 38,9 mm.. Вмѣстѣ съ тѣмъ и тутъ процентъ евреевъ, имѣвшихъ окружность груди ниже полуроста, крайне высокъ (45,56%) сравнительно со всѣми другими народностями (12,75%—18,28%). Къ такому же результату пришелъ и проф. Майеръ, изслѣдуя населеніе Галиціи, гдѣ въ ряду поляковъ, русиновъ и евреевъ послѣдніе отличаются наименьшею окружностью груди (794 mm), причемъ относительная величина ея (49,2) также менѣе полуроста. Сравнительно съ этими данными и съ данными Снигирева, польскіе евреи, несмотря на нѣкоторое сходство, представляютъ однако лучшія условія по размѣрамъ окружности груди, абсолютная величина которой у нихъ на 25 mm. болѣе половины средняго роста, но въ сравненіи съ привислянскими поляками число лицъ, обладающихъ окружностью груди менѣе полуроста, остается все-таки у польскихъ евреевъ довольно значительнымъ. Подобныя же отношенія между окружностью груди и ростомъ найдены Блехманомъ и среди рижскихъ евреевъ. Послѣдніе дали величину грудного периметра, равную 832 mm. и превышающую на 18 mm. половину ихъ средняго роста. Правда, они стоятъ въ этомъ отношеніи далеко ниже эстовъ (+115 mm.), латышей (+102 mm.), ливовъ (+62 mm.) и отчасти даже польскихъ евреевъ, но все же обладаютъ лучшими размѣрами груди, нежели евреи проф. Майера и д-ра Снигирева. Гораздо болѣе благопріятныя данныя нашелъ Вайсенбергъ для южно-русскихъ евреевъ, среди которыхъ абсолютная величина окружности груди оказалась равною 885 mm., относительная—53,6, превосходя, такимъ образомъ, довольно значительно польскихъ евреевъ. Ближе къ послѣднимъ оказываются евреи Рогачевскаго у., Могилевской губ., изслѣдованные д-ромъ Яковенко: при средней окружности груди въ 848 mm., отношеніе

ея къ росту равно 52,45, а разница надъ полуростомъ въ пользу грудного периметра—39,5 mm.. Съ другой стороны, слѣдуетъ замѣтить, что рогачевскіе евреи, по развитію груди, стоятъ позади бѣлоруссовъ, изслѣдованныхъ Эйхгольцемъ (53,8). Наконецъ, кавказскіе евреи, по данныхъ Пантюхова, отличаются слѣдующими размѣрами окружности груди: кубинскіе—призывные 1889 г.—828 mm. (+19 mm. сравнительно съ полуростомъ), призывные 1890 г.—841 mm. (+33 mm.); дагестанскіе—835 mm. (+12 mm.), кутаисскіе—822 mm. (+7 mm.), тифлисскіе—834 mm. (+10 mm.). Итакъ, здѣсь грудная клѣтка тоже повсюду превышаетъ половину роста на величину то бо́льшую, то меньшую, чѣмъ у польскихъ евреевъ. Безъ сомнѣнія, эта положительная разница въ пользу окружности груди была бы еще значительнѣе, если бы измѣренія Пантюхова простирались на особей старше призывного возраста. То же самое слѣдуетъ сказать и по поводу изслѣдованій проф. Майера и д-ра Снигирева, гдѣ также рѣчь идетъ лишь о субъектахъ 20 — 25-ти лѣтъ, между тѣмъ какъ Вайсенбергъ показалъ, что окружность груди евреевъ продолжаетъ увеличиваться очень долго и останавливается только въ возрастѣ около 50-ти лѣтъ. Такое же увеличеніе окружности груди въ позднемъ возрастѣ наблюдается также и среди польскихъ евреевъ.

Рис. 23. Іерусалимскій еврей.

Это явленіе, однако, не всегда обусловливается положительными причинами, какъ, напр., усиленнымъ развитіемъ въ старости подкожно-жирнаго слоя; не менѣе часто увеличенные размѣры грудной клѣтки въ старомъ возрастѣ, по словамъ проф. Эрисмана и д-ра Вайсенберга, могутъ быть результатомъ вліянія патологическаго фактора, эмфизематознаго расширенія легкихъ, что, какъ намъ кажется, слѣдуетъ съ особеннымъ правомъ отнести къ описываемымъ евреямъ, принадлежащимъ къ категоріи фабричныхъ рабочихъ табачнаго и металлическаго производствъ, отрицательное вліяніе которыхъ въ ряду своихъ вредныхъ послѣдствій могло прежде всего

отразиться на состояніи легкихъ. Дѣйствительно, разсматривая среднюю окружность груди нашихъ евреевъ въ зависимости отъ большей и меньшей продолжительности пребыванія на фабрикѣ, мы нашли, что стремленіе окружности груди къ уменьшенію ея размѣровъ всего очевиднѣе и сильнѣе выражено въ теченіе первыхъ 15-ти лѣтъ, т.-е. на 5 лѣтъ ранѣе, чѣмъ величина роста. Дальнѣйшее тормозящее вліяніе фабрики побѣждается противоположнымъ вліяніемъ естественнаго импульса организма къ росту, благодаря чему получается нарастаніе грудного периметра, соотвѣтствующее 16—20-тилѣтней продолжительности работы и среднему возрасту въ 34,9 года, когда у нашихъ евреевъ имѣетъ вообще мѣсто особенно сильное увеличеніе окружности груди. При удлиненіи пребыванія на фабрикѣ до 26—30-ти лѣтъ, послѣ предшествовавшаго въ 21—25 лѣтъ паденія, наступало новое приращеніе и сочеталось съ среднимъ возрастомъ въ 49,9 года, при которомъ естественный ростъ грудной клѣтки уже останавливается. Этотъ третій maximum, отсутствующій для роста, слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, отнести, главнымъ образомъ, насчетъ упомянутаго патологическаго эмфизематознаго расширенія легкихъ, влекущаго за собою также и увеличеніе размѣровъ грудной клѣтки. Другое доказательство вліянія фабрики на величину окружности груди, а въ особенности на ея абсолютные размѣры, можно видѣть при сопоставленіи рабочихъ обѣихъ фабрикъ, служившихъ для насъ мѣстомъ собиранія наблюденій: какъ по росту, такъ и здѣсь рабочіе на фабрикѣ металлическихъ издѣлій превосходятъ рабочихъ табачной фабрики, именно на 24 mm..

Въ заключеніе, слѣдовательно, можно сказать, что, хотя отрицательное вліяніе фабрики на изслѣдованныхъ нами евреевъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, значительное большинство ихъ все-таки обладаетъ, какъ мы видѣли, окружностью груди болѣе полуроста. Къ такому же результату приходятъ и всѣ новѣйшіе изслѣдователи евреевъ. Узкогрудость послѣднихъ, считавшаяся послѣ проф. Майера и д-ра Снигирева необходимою принадлежностью ихъ физическаго типа, не можетъ поэтому быть принята теперь, какъ въ виду неполноты, преимущественно, возрастнаго состава тѣхъ данныхъ, на которыхъ было обосновано это положеніе, такъ и въ виду того, что она противорѣчитъ всѣмъ выводамъ современнаго состоянія антропологическихъ свѣдѣній объ евреяхъ.

Окружность груди вводитъ глубже въ соматологію евреевъ. Отсылая за болѣе обстоятельными свѣдѣніями къ нашему подробному изслѣдованію, мы приведемъ здѣсь заключительныя положенія для нѣкоторыхъ важнѣйшихъ размѣровъ тѣла какъ польскихъ, такъ и другихъ евреевъ.

Туловище, измѣряемое въ границахъ acromion'a и raphe, не только у польскихъ евреевъ, но, повидимому, и у остальныхъ—короткое какъ абсолютно, такъ и относительно. Если присоединить еще величину головы въ вертикальной проекціи и обратить такимъ образомъ вниманіе на высоту

темени надъ поломъ въ сидячемъ положеніи, то этотъ размѣръ характеризуется у польскихъ и прочихъ евреевъ обыкновенно малыми абсолютными размѣрами; относительные же не представляютъ рѣзкихъ отличій отъ другихъ народностей: въ однихъ случаяхъ евреи стоятъ ниже этихъ послѣднихъ, въ другихъ превосходятъ ихъ. Верхняя конечность, равно какъ и различныя части ея, у евреевъ болѣе или менѣе короче, сравнительно съ не-евреями. То же слѣдуетъ сказать и относительно нижней конечности, въ особенности верхнихъ двухъ отдѣловъ ея.

Вообще, какъ можно видѣть, евреи отличаются короткимъ туловищемъ, короткими верхними конечностями и, по всей вѣроятности, также короткими нижними. Такое заключеніе отчасти только совпадаетъ съ воззрѣніемъ Вайсенберга, который, напротивъ, приписываетъ евреямъ длинное туловище. Это разногласіе можно объяснить, съ одной стороны, тѣмъ, что Вайсенбергъ располагалъ нѣсколько меньшимъ сравнительнымъ матеріаломъ, а, съ другой, и тѣмъ еще, можетъ быть, что измѣренные польскіе евреи принадлежали къ классу людей, работающихъ физически, т. е. къ такимъ, которымъ, по Ранке, свойственно, въ ряду другихъ особенностей, и короткое туловище. Говоря иначе, польскіе евреи, положенные въ основу настоящаго очерка, сочетаютъ въ себѣ какъ признаки т. наз. культурной формы, т. е. мужчины, механически не работающаго, такъ и нѣкоторыя черты другого типа—мужчины, усиленно работающаго своими рабочими органами.

Рис. 24. Портретъ раввина (съ картины Рембрандта).

На этомъ мы закончимъ антропологическій очеркъ евреевъ. Въ настоящее время, послѣ обстоятельныхъ изслѣдованій Вайсенберга, выводы котораго болѣе или менѣе подтверждаются и нашими наблюденіями, прежнее воззрѣніе, приписывавшее евреямъ физическую организацію, отличную отъ остальныхъ культурныхъ народовъ, является неосновательнымъ. Едва ли теперь подлежитъ сомнѣнію, что тѣ или другія соматическія особенности еврейской народности являются результатомъ

отрицательнаго вліянія среды. Далѣе, въ результатѣ нашего сравненія евреевъ различныхъ странъ мы можемъ съ нѣкоторою положительностью высказаться, за одно съ д-ромъ Вайсенбергомъ и д-ромъ Юдтомъ, что современные европейскіе евреи, по своему анатомическому строенію, образуютъ довольно однородную этнологическую группу, которая, въ основныхъ признакахъ (окраска волосъ и глазъ, головной указатель, ростъ), обнаруживаетъ вездѣ болѣе или менѣе одинаковыя отличія отъ коренного, христіанскаго населенія. Съ другой стороны, рядъ фактовъ, однако, говоритъ, повидимому, въ пользу того, что польскіе евреи сильнѣе, нежели евреи иныхъ странъ, удержали антропологическія особенности, свойственныя этой народности. Это сказывается въ ихъ низкомъ ростѣ, въ крайне малой степени бѣлокурости у нихъ, въ рѣзко выраженной темной окраскѣ волосъ и глазъ и, наконецъ, въ количествѣ длинноголовыхъ, соотвѣтствующемъ средней величинѣ по даннымъ прочихъ авторовъ; немаловажнымъ подспорьемъ для такого заключенія служитъ еще то обстоятельство, что многіе изъ этихъ признаковъ отличаются большею устойчивостью среди женщинъ, чѣмъ среди мужчинъ. Подобное же явленіе отмѣчено и для многихъ другихъ народностей. Въ немъ сказывается постольку же вліяніе полового подбора, поскольку и вліяніе наслѣдственности, обусловливающей передачу изъ поколѣнія въ поколѣніе типическихъ чертъ извѣстной народности.

Съ другой стороны, лучшему сохраненію польскими евреями своего физическаго типа могли содѣйствовать внѣшнія, историческія условія ихъ поселенія и жизни въ предѣлахъ Привислянскаго края. Время появленія ихъ въ этомъ краѣ не поддается точному опредѣленію. Вообще исторія первоначальныхъ населеній человѣка опирается, большею частью, на однѣхъ догадкахъ и смутныхъ преданіяхъ, и въ такомъ же положеніи находится вопросъ о древнѣйшихъ еврейскихъ колоніяхъ на Польской землѣ. Коснувшись этого вопроса, необходимо имѣть въ виду существующія воззрѣнія на тѣ пути, по которымъ шла миграція евреевъ изъ ихъ первоначальной родины—Передней Азіи—въ различныя части Европы. Такихъ путей принимаютъ три. Первый шелъ черезъ Кавказъ, второй—къ берегамъ Чернаго и Азовскаго морей, а послѣдній, наиболѣе достовѣрный и изслѣдованный, по которому прошла наибольшая масса евреевъ предъ началомъ періода ихъ разсѣянія, обнимаетъ многочисленныя страны Средиземноморскаго побережья. По отношенію къ первымъ двумъ путямъ за послѣднее время трудами проф. В. Ѳ. Миллера, А. Я. Гаркави, А. С. Хаханова и А. Л. Погодина пролито много свѣта не только на характеръ этихъ движеній, но и сдѣланы попытки къ открытію связи между тѣмъ и другимъ теченіемъ евреевъ на югъ и юго-востокъ Россіи. Если заключенія [1]) этихъ уче-

[1]) Подробности см. въ нашей работѣ объ евреяхъ въ XXI т. „Труд. Антр. Отд.“.

ныхъ для болѣе прочнаго обоснованія требуютъ новыхъ доводовъ и новыхъ изслѣдованій, то относительно третьяго направленія миграціоннаго потока евреевъ является безспорнымъ, что Средиземноморское побережье служило метрополіей для позднѣйшихъ еврейскихъ колоній юга, запада, центра и, отчасти, также востока Европы, захватывая, такимъ образомъ, интересующую насъ область Привислянскаго края. Риплей, одинъ изъ видныхъ современныхъ антропологовъ, думаетъ, что образованіе польскихъ евреевъ происходило по всѣмъ этимъ тремъ направленіямъ. Возможно, что въ такомъ утвержденіи заключается доля правды, такъ какъ евреи уже

Рис. 25. Польскій еврей (изъ Люблинской губ.).

въ X в. жили въ Кіевѣ, откуда они могли проникнуть въ Польшу, но извѣстія о томъ лишь очень скудны и крайне отрывочны. Несравненно болѣе положительными являются доказательства движенія евреевъ съ запада въ предѣлы Польской земли. Такъ, еще со временъ Карла Великаго германскіе евреи имѣли торговыя сношенія съ славянскими землями и, пріѣзжая съ этою цѣлью въ сосѣднюю Польшу, могли здѣсь пріобрѣтать иногда и постоянную осѣдлость. Съ конца XI в., когда, подъ вліяніемъ Крестовыхъ походовъ, началось преслѣдованіе евреевъ, притокъ послѣднихъ въ предѣлы Царства Польскаго значительно усилился, а въ ближайшія столѣтія принималъ все бо́льшие размѣры. Съ другой стороны, многіе польскіе князья и короли, оцѣнивая полезную дѣятельность евреевъ, привлекали ихъ въ свою страну изданіемъ различныхъ привилегій и льготъ,

создавшихъ для евреевъ благопріятныя условія для пребыванія въ этомъ краѣ. Такимъ образомъ, съ теченіемъ времени евреи составили довольно крупную единицу въ населеніи этой страны. Слѣдуетъ однако прибавить, что они продолжали оставаться на положеніи иностранцевъ и были выдѣлены изъ остального населенія, что сказалось особенно рѣзко, благодаря возраставшему значенію духовенства и развившемуся одновременно духу религіозной нетерпимости. Подъ этими вліяніями создалось изолированное положеніе польскихъ евреевъ, и послѣдніе, будучи вполнѣ автономными въ своей внутренней жизни, построили ее на основѣ своихъ религіозно-общественныхъ традицій, весьма бдительно оберегавшихъ ихъ отъ болѣе близкаго общенія и особенно отъ смѣшенія съ прочимъ населеніемъ государства. При такомъ строѣ жизни польскіе евреи не только сохранили неприкосновенными свои традиціи, но и удержали въ относительной чистотѣ особенности своего антропологическаго типа.

А. Элькиндъ.

Матеріалы для антропологіи русскаго народа.

Два года тому назадъ я обнародовалъ небольшую замѣтку объ антропологическихъ изслѣдованіяхъ и измѣреніяхъ въ Харьковскомъ и Валковскомъ уѣздахъ [1]). Этою работою я пытался установить факты существованія нѣкоторой разницы въ формѣ головы у харьковскихъ великороссовъ и малороссовъ. Нѣкоторыя другія, менѣе уловимыя, особенности тѣлосложенія у той и другой народности, мною подмѣченныя, заставили меня расширить районъ моихъ изслѣдованій, распространивъ ихъ на всю степную половину Россіи. Какъ извѣстно, въ Харьковѣ находится сборный пунктъ, черезъ который проходятъ осенью, останавливаясь для ночлега, цѣлыя сотни и тысячи новобранцевъ, направленныхъ изъ разныхъ губерній юга Россіи на ея окраины. Благодаря любезности мѣстнаго воинскаго начальника П. И. Зейна, которому считаю своимъ долгомъ принести мою искреннюю благодарность, я имѣлъ возможность осматривать многія изъ проходившихъ въ истекшемъ году партій и пополнить измѣреніями и снимками имѣющіяся въ опубликованныхъ замѣткахъ данныя.

Сборные пункты представляютъ для антрополога тотъ интересъ, что новобранцы проходятъ черезъ нихъ партіями однороднаго состава. Они еще не перемѣшаны, а идутъ поуѣздно, представляя изъ себя, если не этнически, то географически однородныя группы, въ этнологическомъ составѣ которыхъ можно скоро и легко разобраться. Значительное большинство уѣздовъ и губерній южной и западной Россіи здѣсь бываетъ представлено и человѣку, ревностно принявшемуся за дѣло, здѣсь можно было бы перемѣрить за короткое, сравнительно, время представителей всѣхъ уѣздовъ южной Россіи.

Къ сожалѣнію, новобранцы идутъ непрерывно—и днемъ, и ночью. Сроки ихъ пребыванія очень коротки, что, при массѣ другихъ занятій и отсутствіи надлежащаго числа помощниковъ, не позволяло мнѣ измѣрять всѣ проходившія черезъ сборный пунктъ партіи, и я по-неволѣ долженъ

---

[1]) „Русск. Антропolог. Журн.“ 1900 г., кн. II.

былъ удовольствоваться лишь нѣкоторыми изъ нихъ. Вотъ почему предлагаемый матеріалъ носитъ все-таки отрывочный характеръ. Но если онъ заинтересуетъ читателей, то нѣсколькимъ антропологамъ, занимаясь совмѣстно на сборныхъ пунктахъ Россіи, легко будетъ покрыть ее цифрами, дающими среднія для главныхъ особенностей хотя-бы только русскаго населенія отдѣльныхъ уѣздовъ нашего отечества, какъ это давно сдѣлано для другихъ европейскихъ государствъ.

Пребываніе новобранцевъ слишкомъ кратковременно, а условія помѣщенія ихъ, по крайней мѣрѣ въ Харьковѣ, слишкомъ неблагопріятны, чтобы можно было брать всѣ интересующія антропологовъ мѣры и дополнять ихъ фотографіями съ нагихъ индивидовъ во весь ростъ. Помѣщенія слишкомъ темны и холодны, чтобы даже съ весьма свѣтосильными объективами можно было получать снимки безъ двойныхъ контуровъ (отъ дрожанія тѣла снимаемаго) и достаточно рѣзкіе. Вотъ почему приходилось ограничиваться снимками лица въ фасъ и профиль и немногими, но въ возможно большемъ числѣ получаемыми, мѣрами. Мы отказались отмѣчать ростъ новобранцевъ, какъ потому, что нѣкоторыя партіи бывали искусственно подобраны извѣстнаго роста (моряки, артиллеристы, гвардейцы), такъ и потому, что работа въ этомъ родѣ уже была исполнена проф. Д. Н. Анучинымъ. Я ограничился данными о цвѣтѣ волосъ, глазъ и формѣ головы, хотя имѣю довольно богатый матеріалъ изъ лицевыхъ и носовыхъ показателей, который думаю обнародовать позже. Я лишенъ возможности помѣстить здѣсь всѣ снимки съ новобранцевъ, которые мною сдѣланы. Помѣщаю только тѣ, которые считаю особенно типичными, т.-е. такіе, которые многократно повторялись среди лицъ съ одинаковыми головными показателями и черты которыхъ съ тѣми или другими примѣсями или варьяціями можно было встрѣчать у сотенъ лицъ, принадлежащихъ къ той или другой группѣ, характеризующейся окраской глазъ и волосъ— блондиновъ или брюнетовъ. Подъ полными блондинами я разумѣю въ спискахъ лица съ сѣрыми или голубыми глазами и *свѣтлорусыми* волосами. Всѣ новобранцы, представляющіе соединеніе темно-русыхъ или различныхъ оттѣнковъ коричневыхъ волосъ съ сѣрыми или голубыми глазами или наоборотъ—свѣтлые волосы съ глазами пестрыми, свѣтло-карими или зелеными и зеленовато-коричневыми, мы относимъ къ смѣшанному типу; наконецъ, брюнетами мы здѣсь называемъ лица съ глазами чисто карими, iris которыхъ однородно темно-коричневый и съ волосами оттѣнковъ отъ темно-коричневаго до чернаго. Большая часть предлагаемой работы были совершена мною совмѣстно съ прив.-доцентомъ Харьковскаго университета А. М. Покровскимъ, съ которымъ мы вмѣстѣ производили измѣренія, фотографированія и подсчеты. Задачей нашихъ изслѣдованій было опредѣлить характерныя черты народностей русской и малороссійской. Если измѣрялись попадавшіеся инородцы, то только *попутно* и постольку, по-

скольку измѣренія эти проливали свѣтъ на особенности народности русской. Число ихъ было весьма незначительно. Само собой разумѣется, что и число русскихъ новобранцевъ, измѣренныхъ нами, еще черезчуръ мало, чтобы на основаніи его можно было сдѣлать какіе-нибудь положительные выводы. Нужно еще очень большое число цифръ, чтобы выводы были убѣдительны. Потому, если мы и позволимъ себѣ въ концѣ статьи подвести итоги нашихъ наблюденій, то лишь только для того, чтобы показать, въ какомъ направленіи желательно вести дальнѣйшія изслѣдованія. Мы помѣщаемъ сперва голый фактическій матеріалъ, касающійся обѣихъ народностей (см. таблицу на стр. 48).

Подводя итоги измѣреній великороссовъ, взятыхъ изъ 10 различныхъ губерній и 21 уѣзда, мы не можемъ не поразиться тою однородностью состава, которая ихъ характеризуетъ. Вездѣ бросается въ глаза преобладаніе бѣлокураго, свѣтоглазаго типа. Несмотря на то, что населеніе упомянутыхъ выше губерній сильно смѣшанное въ большинствѣ случаевъ, особенно тамъ, гдѣ мы имѣемъ большое число измѣренныхъ, *блондины составляютъ отъ 20 до 50$^0/_0$ всѣхъ измѣрявшихся*, и только въ немногихъ уѣздахъ, гдѣ населеніе сильно смѣшано съ татарами, этотъ $^0/_0$ падаетъ до 14—16$^0/_0$. Допуская всевозможныя случайности при составѣ отдѣльныхъ партій, нельзя все-таки не признать, что въ 10 означенныхъ губерніяхъ основнымъ элементомъ великорусскаго населенія должна была быть какая-то бѣлокурая, свѣтлоглазая раса, которая, несмотря на смѣшеніе съ черноволосою, давшая малочисленныхъ гибридовъ съ переходнаго цвѣта глазами и волосами, сохранилась въ своемъ чистомъ видѣ въ лицѣ столь многочисленныхъ абсолютныхъ блондиновъ.

Ея вліяніе сильно и въ помѣсяхъ, такъ какъ число *сѣрыхъ глазъ* еще больше, и сѣрые глаза преобладаютъ и у тѣхъ гибридовъ, у которыхъ волоса приняли болѣе темную окраску подъ вліяніемъ примѣси крови болѣе пигментированной расы или дѣйствія солнца. Бѣлокурые представители вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе однородны. Въ нихъ мы находимъ наиболѣе обычныя, такъ сказать, *типичныя* для великороссовъ физіономіи, которыя на всемъ обширномъ протяженіи, занятомъ 10 означенными губерніями, постоянно повторяются, такъ что, смѣшавъ снимки, вы будете поставлены въ затрудненіе сказать, изъ какой губерніи онъ взятъ. Тѣмъ не менѣе великорусскіе блондины не однородны. Мы имѣемъ между ними цѣлую гамму переходовъ отъ крайняго для русскихъ череповъ долихоцефализма къ не менѣе крайнему брахицефализму. Переходъ этотъ даютъ прилагаемыя таблицы.

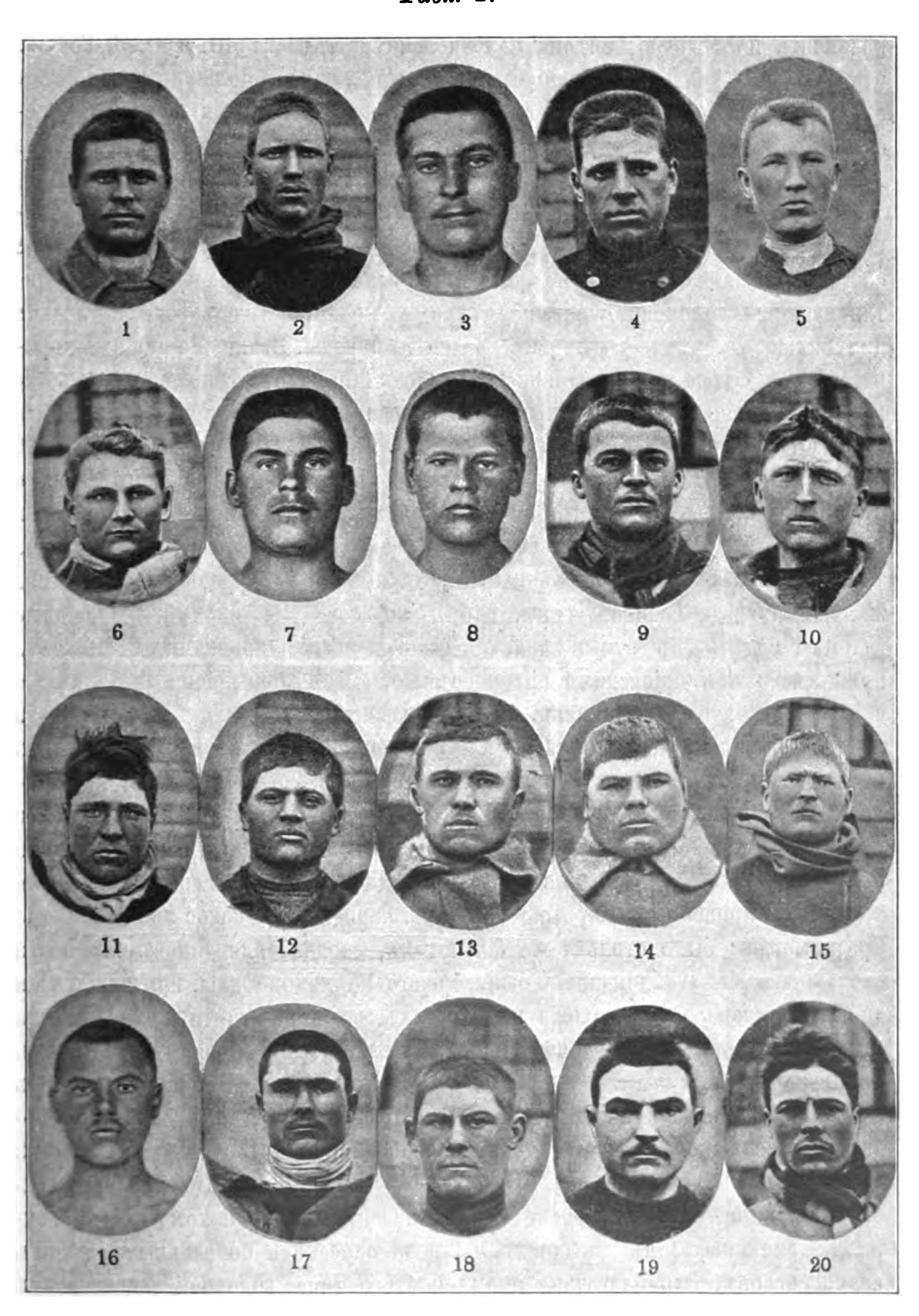
Если принять, что форма головы, какъ это считаетъ большинство антропологовъ, есть *устойчивый расовый признакъ*, то людей съ головнымъ показателемъ въ 71 и 91 нельзя считать за представителей одной и той же расы. Какъ въ Зап. Европѣ, такъ и здѣсь мы должны до-

Великороссы.

Губерніи и уѣзды.	Число измѣренныхъ.	Средній головн. указ.	Головной указатель. 68	71—72	73—74	75—76	77—78	79—80	81—82	83—84	85—86	87—88	89—90	91—92	93—94	Число особей съ указателемъ ниже 81.	Число особей съ указателемъ 81 и выше.	Волосы. Черн., коричн. (темн.-свѣтлокорич. и темнорус.)	Волосы. Свѣтл. (бѣлокур. и свѣтлорусые).	Глаза. Темные.	Глаза. Свѣтлые (сѣрые, голубые).	Брюнетовъ.	Блондиновъ.
Сарат. г., Хвалынск. у.	121	80,97	—	—	3	12	18	27	23	20	9	2	1	—	1	65	56	55,3%	26,3%	9,09%	58,6%	9,09% [1]	23,13%
„ Вольскій у. .	25	83	—	—	—	—	1	6	8	4	2	4	—	—	—	7	18	8 ч.	10 ч.	2 ч.	13 ч.	8%	40%
„ Саратов. у.	22	80	—	—	1	1	2	7	7	3	—	1	—	—	—	11	11	10 „	6 „	3 „	11 „	13%	31%
Астрахан. г., Царев. у.	49	81	—	1	2	—	12	7	10	9	5	1	1	—	1	22	27	28 „	16 „	4 „	30 „	9%	34%
„ Енотаев у.	29	80,49	1	—	1	1	6	7	6	5	1	1	—	—	—	16	13	—	—	1(3,4%)	13(44,8%)	1(3%)	6(20%)
„ Астрахан. у.	31	81,33	—	—	—	1	5	6	13	5	—	1	—	—	—	12	19	19 „	7 „	4 „	15	4(12%)	5(16%)
Тамбовск. г., Тамбовск. и Борисоглѣб. у.	42	79,12 [2]	—	1	3	4	10	16	5	2	1	—	—	—	—	34	8	17,5%	52%	10%	35%	5%	20%
„ Козловск. у. .	17	80,68	—	—	1	1	3	6	2	1	3	—	—	—	—	11	6	3 ч.	2 ч.	3 ч.	10 ч.	3(17%)	11 ч.
„ Усманск. у. .	62	80	—	—	—	3	20	8	19	10	—	2	—	—	—	31	31	6 „	45 „	9 „	36 „	3(4%)	28(45%)
Казанская губернія. .	12	82,7	—	—	—	—	—	2	5	3	2	—	—	—	—	2	10	2 „	10 „	—	—	1 ч.	11 ч.
Симбирск. г., Сызран. у.	94	79,8	—	1	5	5	27	10	15	20	5	5	—	1	—	48 [3]	46	—	—	20 „	60 „	18(19%)	53(56,4%)
„ Алатыр. у.	39	80	—	—	1	1	5	6	11	11	4	—	—	—	—	13	26	—	—	3 „	28 „	2 ч. [4]	23 ч.
Пензен. г., Нижнелом. у.	28	80	—	—	3	5	6	3	5	3	1	1	1	—	—	17	11	—	—	3 „	22 „	3 „	14 „
Воронеж. г., Бобров. у.	33	81,38	—	—	—	2	4	8	11	4	3	1	—	—	—	14	19	41%	38,7%	3(9,6%)	20(65%)	2(6%)	11(35%)
„ Нижнедѣв. у.	59	80	—	1	3	5	10	9	16	7	6	—	1	1	—	28	31	18 ч.	33 ч.	2 ч.	50 ч.	2(3,8%)	28(48%)
„ Павловск. у.	12	80	—	—	—	2	—	6	2	1	1	—	—	—	—	8	4	—	—	1 „	7 „	1(8%)	5(41%)
Курская г., Тимск. у. .	37	82	—	—	—	2	1	5	11	12	4	—	—	2	—	8	29	—	24 „	3 „	26 „	3(8%)	23(64%)
„ Старооскол. у.	34	81,1	—	1	—	1	7	1	8	10	4	2	—	—	—	10	24	14 „	23 „	5 „	23 „	5 ч.	23 ч.
Уфимск. г., Бирск. у.	14 [5]	80	—	—	—	—	3	3	1	3	3	—	1	—	—	6	8	—	—	—	—	1 „	2 „
„ Мензелин. у.	27	80,8	—	—	—	4	5	5	5	5	2	—	1	—	—	14	13	5 „	12 „	3 „	8 „	2 [6] „	5(20%)
Вятск. г., Нолинск. у.	14	82,04	—	1	—	—	4	—	3	2	2	1	—	1	—	5	9	6 „	4 „	2 „	3 „	2 „	3 „

[1]) Брюнеты здѣсь имѣли темно-коричневые, но не черные волосы. [2]) У тамбовцевъ — 86,8. [3]) Обращаетъ на себя вниманіе большой % долихоцефаловъ, изъ которыхъ большая часть блондины; изрѣдка попадаются однако и брюнеты. [4]) Темноволосые элементы имѣли показатель выше 80. [5]) У большинства замѣтна примѣсь инородческой крови (татаръ). [6]) И здѣсь брюнеты носятъ ясно выраженныя татарскія черты.

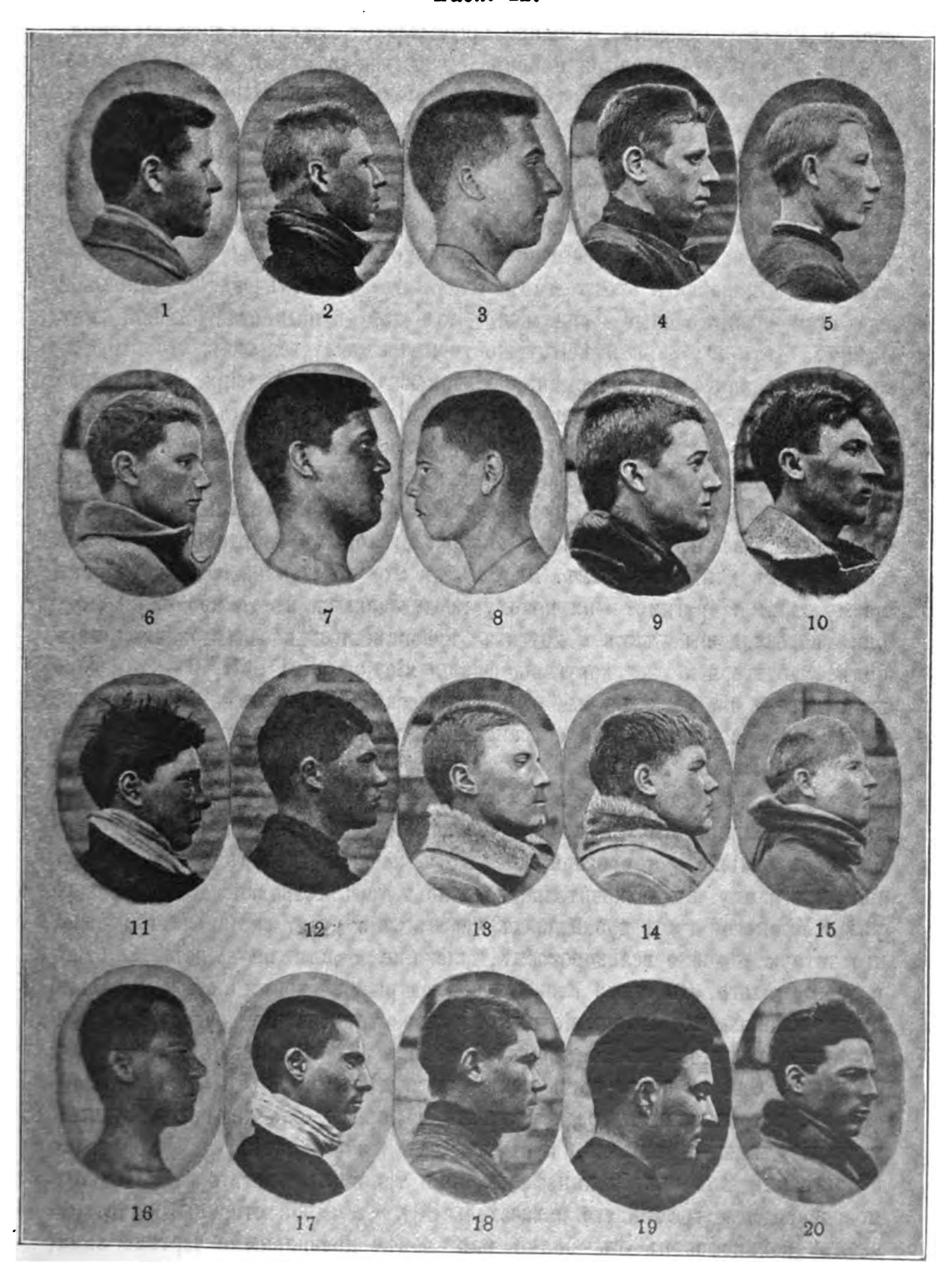
Табл. I.



пускать вліяніе двухъ расъ—длинно-и круглоголовой. И здѣсь первая господствуетъ въ сѣверной половинѣ района, не настолько однако, чтобы подавлять послѣднюю, но она малочисленнѣе, чѣмъ въ Ю. и Ю.-З. Россіи, гдѣ, какъ мы увидимъ, брахицефаловъ подавляющее большинство. Здѣсь они не всегда составляютъ и половину. Тождественны ли эти долихоцефалы съ тевтонскою расою европейскихъ антропологовъ, которая какъ извѣстно, господствуетъ на сѣверѣ Европы,—я не берусь судить.

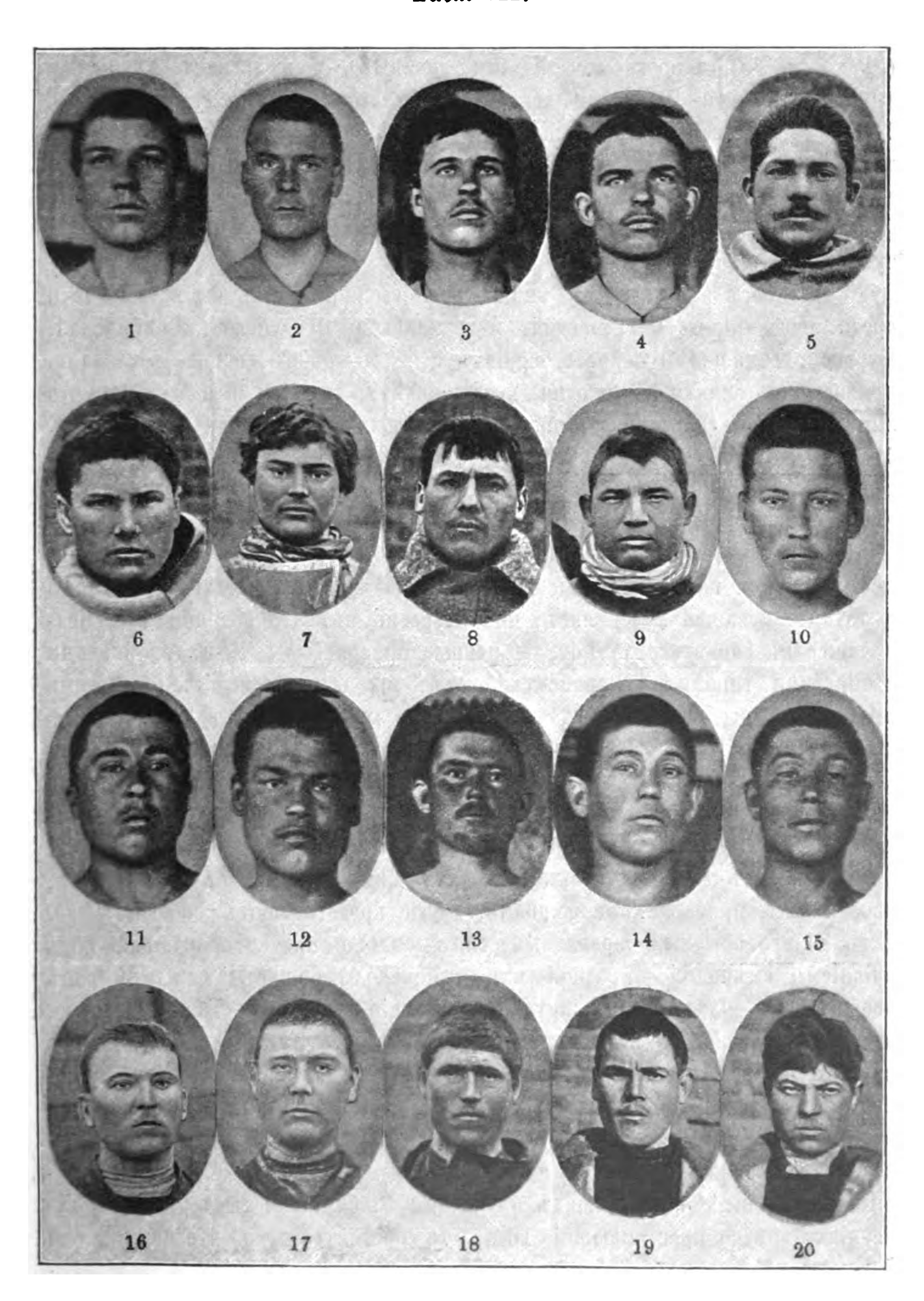
Измѣрявшіеся мною нѣмцы Петроковской губ. отличались отъ нашихъ великоруссовъ большею волосатостью тѣла и рыжеватымъ или даже совсѣмъ рыжимъ цвѣтомъ волосъ, тогда какъ русскіе волоса русые, каштановые или соломенно-желтые и тѣло у большинства русскихъ гладкое при большемъ, чѣмъ у нѣмцевъ, развитіи бороды. Сравненіе нашихъ портретовъ съ типами скандинавскихъ долихоцефаловъ, помѣщенныхъ у Риплея (Races of Europe), говоритъ, однако, о большомъ сходствѣ съ послѣдними; если же принять во вниманіе вѣками длившіяся условія иной обстановки жизни, пищи и культуры, то нѣтъ ничего невозможнаго, что эти русскіе долихоцефалы есть лишь варіантъ скандинавской расы (табл. I и II, 1—5). Для осторожности мы предпочли назвать ее бореальною, такъ какъ элементы ея разсѣяны и между бѣлокурыми финскими народами, живущими среди великоруссовъ, напр., мордвы. Мы вполнѣ были даже склонны видѣть въ этихъ долихоцефалахъ ассимилированныхъ финновъ, приволжскихъ и пріокскихъ потомковъ Мери и Мурома, вошедшихъ въ составъ великорусскаго племени. Къ сожалѣнію, недостатокъ фактическаго матеріала не позволяетъ выяснить этого вопроса. Какъ увидитъ читатель изъ послѣдующаго, и чуваши, и черемисы въ основѣ своей представляютъ черноволосыя племена. Одна мордва изобилуетъ блондинами. Но небольшое количество мордовскихъ новобранцевъ, попавшихся мнѣ, дало большое разнообразіе типовъ, столь сходныхъ съ русскими, что я затрудняюсь провести между тою и другою народностью какое-либо различіе. Среди мордвы было столько же брюнетовъ, сколько блондиновъ или почти столько же. Между блондинами были брюнеты-долихоцефалы, причемъ и тѣ и другіе обликомъ были похожи на русскихъ, если не считать особенности выраженія лица, съ антропологической точки зрѣнія не существенной. Такимъ образомъ видѣть въ мордвѣ одну изъ финскихъ расъ, давшихъ долихоцефальные элементы русскихъ, затруднительно, такъ какъ или мордва слишкомъ перемѣшалась съ великороссами, или въ основу ея легли тѣ же почти элементы, что и у русскихъ. Дальнѣйшія изслѣдованія приволжскихъ финновъ должны выяснить ихъ значеніе для происхожденія бѣлокурыхъ долихоцефаловъ, которыхъ мы пока окрестили бореальнымъ типомъ великороссовъ. Это благодаря примѣси этого типа, головной указатель въ среднемъ у великороссовъ оказывается ниже, чѣмъ у малороссовъ. Онъ колеблется около 80, рѣдко поднимаясь до 82 и иногда падая до 79.

Табл. II.



Поднятіе его до 82 обязано обыкновенно большему преобладанію бѣлокурыхъ же брахицефаловъ, которые въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, какъ въ Казанской и Вятской губерніи, особенно преобладаютъ. Эти брахицефалы (табл. I и II, 11—15) отличаются и болѣе круглымъ лицомъ и всѣмъ обликомъ подходятъ гораздо ближе къ тѣмъ бѣлокурымъ, сѣроглазымъ индивидамъ, которые даютъ типъ нашему малороссійскому населенію. Читатель, просмотрѣвъ снимки наиболѣе круглоголовыхъ великоруссовъ, помѣщенные на таблицѣ, увидитъ, что сходство между ними и бѣлокурыми малороссами весьма значительно и во всякомъ случаѣ больше, чѣмъ между столь рѣдкими среди малороссовъ блондинами-долихоцефалами. Мы потому и позволили себѣ назвать этотъ типъ *славянскимъ*, такъ какъ славянскій элементъ—единственный, связующій эти двѣ народности и общій имъ обѣимъ. Хотя мы и не имѣемъ еще точныхъ доказательствъ, что эти бѣлокурые брахицефалы непремѣнно славянскаго происхожденія, есть однако много данныхъ, наводящихъ на эту мысль. Въ губерніяхъ съ новгородскою колонизаціею—Вятской, Казанской—эти бѣлокурые брахицефалы преобладаютъ. Мы ихъ находимъ во Владимірской, Ярославской и Новгородской губ. Сама Москва по мѣрѣ того, какъ она изъ финской дѣлалась славянскою, становилась все круглоголовѣе. Отъ круглоголовыхъ блондиновъ есть всѣ переходы къ длинноголовымъ. Не есть ли это смягченная форма гибридъ между тѣми и другими? Они потому представляютъ нѣчто промежуточное, они многочисленнѣе тѣхъ и другихъ, красивѣе ихъ и представляютъ наиболѣе характерныя великорусскія физіономіи (табл. I и II, 6—10). Того же самаго я не сказалъ бы о великорусскихъ брюнетахъ. Взглядъ на серію изъ 5 наиболѣе распространенныхъ типовъ покажетъ вамъ противное (табл. I и II, 16—20). Въ большинствѣ вы видите, хотя и нѣсколько смягченныя, но чисто инородческія физіономіи. У большинства вы признаете татарское вліяніе. Но выраженіе «татарскій типъ» должно быть употреблено съ большою осторожностью. Хотя изученіе татаръ не входило въ мою программу, но незначительное число татаръ Астраханскаго и Бирскаго уѣзда Уфимской губ., прошедшихъ черезъ мои руки, заставляетъ думать, что татары, подобно великороссамъ, далеко не представляютъ изъ себя однороднаго цѣлаго. Съ одной стороны, бѣлокурые элементы и здѣсь довольно многочисленны, но отношеніе ихъ обратное тому, что у русскихъ: на 9 полныхъ брюнетовъ въ Бирскомъ уѣздѣ изъ 31 человѣка было лишь 2 блондина. Они то повторяютъ почти въ чистомъ видѣ бѣлокурыхъ блондиновъ, встрѣчавшихся среди русскихъ и мордвы, или даютъ смягченные тюркскіе типы,—очевидно, продуктъ ихъ гибридизаціи съ бѣлокурыми аборигенами; всѣ они брахицефалы. Но и темноволосый татарскій элементъ не однороденъ (средній его показатель 80). Съ одной стороны, мы встрѣчаемъ брахицефаловъ съ болѣе или менѣе правильными чертами лица, очень похожихъ на попадающихся и среди русскихъ, которыхъ мы назо-

Табл. III.



вемъ сарматскимъ типомъ, такъ какъ онъ широко распространенъ по Волгѣ и въ свою очередь примыкаетъ къ брюнетамъ малороссамъ т. наз. ретійскаго типа (табл.I и II, 16 и III—IV, 13), и настоящихъ долихоцефаловъ (съ показ. 78) съ роскосыми глазами, двойнымъ монгольскимъ вѣкомъ и плоскимъ носомъ—со всѣми чертами *монгольскаго типа* (табл. III—IV, 14 и 15). Наконецъ, особенно въ Уфимской губ., а отчасти и Казанской, попадаются татары брахи-и долихоцефалы съ плоскою физіономіею, очень напоминающею широко распространенный среди черемисъ и чувашей типъ, (табл. III—IV, 11 и 12) и на-ряду съ сарматскимъ типомъ дающій себя чувствовать у русскихъ брюнетовъ.

Вотъ всѣ эти татарскіе типы въ смягченной формѣ вы встрѣтите и среди русскихъ въ Саратовской, Астраханской, Пензенской, Симбирской, Курской, Тамбовской и др. губерніяхъ и, какъ говорю, одного взгляда на прилагаемые снимки достаточно, чтобы видѣть, что мы имѣемъ дѣло въ лицѣ этихъ русскихъ брюнетовъ съ обрусѣлыми инородцами (табл. I—II, 16—20, III—IV, 1—10). Разница только та, что волосы, совершенно черные у инородцевъ, у русскихъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ примѣси посторонней крови, становятся темно-коричневыми.

Между русскими брюнетами попадаются какъ долихо-,такъ и брахицефалы, что и не удивительно, такъ какъ тѣ же элементы мы встрѣчаемъ у татаръ, чувашей и черемисъ, но интересно то, что большинство, подходящее къ сарматскому типу, умѣренные брахицефалы. На-ряду съ этими татарскими типами въ Воронежской губ. мы встрѣчаемся съ брюнетами иного рода, особенно часто дающими себя чувствовать въ смѣшанныхъ типахъ (табл. III—IV, 3). Мы встрѣтимся съ ними у малороссовъ въ большомъ числѣ; и здѣсь въ ихъ лицѣ невольно хочется видѣть слѣды вліянія сосѣднихъ брюнетовъ-малороссовъ. Не могу не упомянуть о сравнительно рѣдко попадающихся рѣзкихъ долихоцефалахъ - брюнетахъ (табл. I—II, 20). Въ то время, какъ одни изъ нихъ сходны съ инородцами, особенно съ приволжскими финнами, другіе представляютъ особый типъ. Есть ли это обычный бореальный типъ, сильно пигментированный подъ вліяніемъ смѣшеній съ одной изъ черноволосыхъ расъ, или это типъ особаго рода,—должны выяснить послѣдующія наблюденія. Такъ или иначе, изъ всего сказаннаго ясно вытекаетъ слѣдствіе, что темноволосая раса не можетъ быть названа русскою. Это—привходящій элементъ, заимствованный главнымъ образомъ отъ финскихъ и тюркскихъ и, быть можетъ, отъ южныхъ и западныхъ народностей, съ которыми приходили въ соприкосновеніе основные бѣлокурые элементы русскаго народа. За это говоритъ ничтожный % настоящихъ брюнетовъ въ болѣе чистыхъ русскихъ губерніяхъ, рѣдко превышающій 10%, то обстоятельство, что даже и эти брюнеты никогда не имѣютъ *черныхъ* волосъ, свойственныхъ родственнымъ типамъ, и что обликъ ихъ, какъ показываютъ приложенные снимки,

Табл. IV.

всегда пополняетъ черты инородческихъ племенъ, нѣсколько смягченныя и сглаженныя. То-же можно сказать и о смѣшанныхъ элементахъ. Въ нихъ проскальзываютъ черты русскихъ брюнетовъ и съ тѣмъ большею силою, чѣмъ сильнѣе пигментированъ разсматриваемый индивидъ. Таковы предположенія и мысли, на которыя наводятъ данныя, получившіяся отъ разсмотрѣнія 800 съ лишнимъ великорусскихъ новобранцевъ черноземной полосы Россіи.

Малороссы. Я не публикую здѣсь уже напечатанныя ранѣе измѣренія. Приводимыя на стр. 57-ой цифры есть результатъ новыхъ измѣреній, произведенныхъ осенью 1900 г. Какъ видно изъ этихъ цифръ, мы располагаемъ менѣе богатымъ матеріаломъ, касающимся малороссовъ, чѣмъ великороссовъ. Я имѣлъ возможность измѣрить малороссовъ только изъ 7 губерній въ числѣ 603 человѣкъ, причемъ во многихъ уѣздахъ эти малороссы содержали примѣси русскихъ и молдаванскихъ элементовъ. Тѣмъ не менѣе бросались въ глаза слѣдующія характерныя особенности племени: прежде всего *большій средній показатель* головы. Онъ вездѣ колебался отъ 82 до 84 [1]), причемъ послѣдняя цифра господствовала вездѣ, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ чистокровнымъ малороссійскимъ населеніемъ; показатель становится ниже тамъ, гдѣ мы видимъ примѣси русскихъ или молдаванъ. Величина средняго показателя обусловливается не столько большей величиной головного index'а у малороссовъ (круглыя головы мы встрѣчали и у великороссовъ), сколько инымъ отношеніемъ показателей. У великороссовъ индивиды съ показателемъ 80 и ниже составляли иногда половину, а въ большинствѣ случаевъ болѣе четверти измѣряемыхъ новобранцевъ; у малороссовъ, по крайней мѣрѣ, тамъ, гдѣ не было примѣси великороссовъ, ихъ было всегда менѣе четверти, иногда же самый ничтожный процентъ. *Несомнѣнно, что въ основу малороссовъ* ложится какое-то *брахицефальное* племя. При ближайшемъ разсмотрѣніи эти брахицефалы оказываются неоднородными. Чаще всего мы встрѣчаемъ здѣсь бѣлокурыхъ брахицефаловъ, иногда съ очень высокими показателями, какъ 88. Многія физіономіи этихъ блондиновъ походятъ на встрѣчающіяся у великороссовъ, какъ то можетъ свидѣтельствовать сравненіе таблицъ снимковъ. Но, такъ какъ эти брахицефалы встрѣчаются въ большомъ числѣ въ чисто малороссійскихъ областяхъ и носятъ чисто малороссійскія фамиліи, трудно предположить въ нихъ слѣды великорусскаго вліянія. Напротивъ, мы встрѣчали ихъ и въ Бѣлоруссіи, и въ Польшѣ. Измѣрявшіеся мною новобранцы изъ Петроковской и Ковенской губ. давали такіе же физіономіи и показатели. Вотъ почему я и назвалъ этотъ бѣлокурый, сѣроглазый, круглоголовый типъ славянскимъ, такъ какъ его мы встрѣчаемъ съ незначительными

[1]) Къ послѣдней величинѣ приближался и средній показатель у жителей чисто малорусскаго Валковскаго у., Харьковской губ.

Малороссы.

Губерніи и уѣзды.	Число измѣреній.	Средній головной указатель.	Головной указатель.												Число особей съ указателемъ ниже 81.	Число особей съ указателемъ 81 и выше.	Волосы.		Глаза.		Брюнетовъ (въ %).	Блондиновъ (въ %).
			72	73—74	75—76	77—78	79—80	81—82	83—84	85—86	87—88	89—90	91—92	93			Черные, коричн. (темно-,-свѣтло-,-корич. и темно-рус.)	Свѣтлые (бѣлокурые и свѣтлорусые).	Темные (темнокаріе).	Свѣтлые (сѣрые, голубые).		
Харьков. г., Ольшанскій районъ [1)]	37[2)]	84,13	—	—	1	—	3	9	9	7	6	2	—	—	4	33	25,7	71,43	13	54,05	8	51,42
„ Деркачевскій „ [3)]	35[4)]	82,5	—	—	1[5)]	3	5	9	6	6	4	1	—	—	9	26	65	13,7	24	32	20	10
„ Липецкій „	70[6)]	82,88	—	1	2	13	10	7	15	8	9	3	2	—	26[7)]	44	48	24	9,09	71,21	4	20
„ Мерефа „	74[8)]	83,2	1	1	1	9	7	11	24	9	8	2	1	—	19[9)]	55	66,18	14,71	17,34	49,33	13,43	10,45
„ Изюмскій уѣздъ.	94[10)]	84,5	—	1	1	7	9	25	17	22	7	4	1	—	18	76	50	22	5,32	54,2	5,3	19,15
„ Старобѣльскій уѣздъ.	36[11)]	82	—	—	1	4	3	10	11	4	2	1	—	—	8	28	58	22	8,33	41,67	8,33	11
Екатеринослав. г., Александров. у.	34[12)]	84,2	—	—	—	3	2	5	13	5	4	1	1	—	5	29	18	47	17	52	17	20
Полтавск. г., Хорольскій уѣздъ.	80[13)]	82,89	—	2	2	12	9	16	15	12	9	—	2	1	25	55	—	—	—	—	14,44	38,16
Волын. г., Овруч. у. и смежные.	39[14)]	83,74	—	1	—	—	3	11	12	9	—	3	—	—	4	35	52,6	21,05	23,69	55,2	15,7	13,16
Кіевская губ.	9	82,5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	6	—	—	—	—	3 ч.	6 ч.
Подольск. г., Балтскій уѣздъ.	104[15)]	84,5	—	1	1	7	9	25	17	32	7	4	1	—	18	86	18	18	18	37	18	15
Воронежск. г., Бирюченскій уѣздъ.	64[16)]	82	—	1	—	7	2	20	15	13	4	2	—	—	10	54	—	—	—	—	14	26

1) Въ виду того, что Харьковская губ. и уѣзды состоятъ изъ районовъ чисто малороссійскихъ и смѣшаннаго характера, я предпочитаю разсматривать ея населеніе не поуѣздно, а по районамъ, въ которыхъ производились наборы.

2) Чистокровные малороссы.

3) Малороссы Ольшанскаго и Деркачевскаго районовъ позволяютъ отличить нѣсколько типовъ: 1) *чистыхъ блондиновъ-брахицефаловъ*, хотя и не вполнѣ тождественныхъ съ блондинами-брахицефалами великороссами и представляющихъ нѣкоторыя соматическія отличія, вызванныя, быть-можетъ, условіями жизни и питанія, но антропологически трудно уловимыя; 2) *чистыхъ брюнетовъ-брахицефаловъ*: красивый, правильно сложенный типъ съ овальнымъ лицомъ и красивыми, правильными чисто европейскими чертами его; эти брюнеты мало подходятъ къ темноволосымъ элементамъ великороссовъ, кромѣ развѣ тѣхъ, что мы видѣли въ Воронежской губ.; они ближе къ сарматскому типу, чѣмъ къ другимъ инородческимъ, но рѣзко отъ нихъ отличаются большею округлостью линій; типъ этотъ сходенъ съ альпійскимъ темнымъ типомъ Риплея или ретійскимъ Деникера; 3) рыжеволосый типъ съ нѣсколько горбатымъ носомъ и ромбоидальною головою, болѣе рѣдкій; 4) всѣ долихоцефалы носятъ сравнительно рѣзкія черты русскаго или цыганскаго вліянія.

4) Малороссы съ примѣсью населенія городскихъ окраинъ, гдѣ есть великоруссы, цыгане и т. п. въ небольшомъ, впрочемъ, числѣ.

5) Цыганъ.

6) Смѣсь велико- и малороссовъ, живущихъ то врозь, то вперемѣшку.

7) Долихоцефалы встрѣчаются преимущественно въ великорусскихъ деревняхъ; гдѣ они есть, у малороссовъ тамъ, несомнѣнно, видна примѣсь великорусской крови, такъ какъ проглядываетъ типъ великоросса, обыкновенно замаскированный сильной пигментаціей. Типы великоруссовъ тѣ же,—это большею частью бѣлокурые долихо- и брахицефалы указаннаго выше облика.

8) Преобладаютъ малороссы, среди которыхъ 1 — 2 великорусскихъ деревни.

9) И здѣсь значительная часть долихоцефаловъ падаетъ на великороссовъ, среди же малороссовъ преобладаютъ уже описанные нами типы, очень сильно перемѣшанные между собою.

10) Малороссы и ассимилированные малороссами великоруссы; типы тѣ же, что у малороссовъ Харьковскаго у., но попадаются брюнеты съ татарскимъ обликомъ.

11) Великоруссы въ смѣшеніи съ малороссами.

12) Чистые малороссы.

13) Населеніе большею частію городское и пригороднее. Много съ великорусскими фамиліями. Типъ крайне смѣшанный, физіономіи чрезвычайно разнообразны: чисто русскія, монголовидныя, татарскія и всѣ типы, встрѣтившіеся въ Харьковской и Екатеринославской губ. Въ особенностяхъ тѣлосложенія обращаетъ вниманіе у многихъ чрезвычайно тонкая талія, уже и въ Харьковской губ. отличавшая торсъ малороссовъ отъ великороссовъ.

14) Типичные малороссы; типы представляютъ удивительное сходство съ болѣе чистыми типами Харьковскаго у.

15) Всѣ называли себя малороссами. Бѣлокурые типы сходны съ харьковскими. Темноволосые, по крайней мѣрѣ многіе, отличаются долихоцефализмомъ, а черты лица напоминаютъ молдаванъ.

16) Малороссы въ смѣси съ великоруссами.

варіаціями у всѣхъ славянскихъ народностей Россіи. Я не могу, конечно, утверждать, чтобы этотъ типъ и былъ потомкомъ славянъ, ассимилировавшихъ другія народности въ единое *русское племя*,—для этого нужно больше фактовъ и данныхъ, но я не могу не обратить вниманія читателя, что этотъ типъ есть единственный общій всѣмъ говорящимъ славянскими нарѣчіями народамъ Россіи и онъ тѣмъ многочисленнѣе, чѣмъ несомнѣннѣе славянское происхожденіе населенія той или другой мѣстности. Другой брахицефальный, широко распространенный среди малороссовъ, типъ—это брюнеты съ темно-коричневыми волосами и карими глазами. Его мы видимъ вездѣ, и часто онъ встрѣчается въ чистомъ видѣ. Красиво и гораздо легче, чѣмъ предыдущій, сложенный типъ этотъ создалъ славу красоты малороссовъ. Такими брюнетами представляютъ себѣ обыкновенно малороссовъ сѣверяне. Такими воспѣваетъ малороссійскихъ парубковъ ихъ народная поэзія. Къ сожалѣнію, даже и среди чистокровныхъ малороссовъ такіе малороссы составляютъ отъ 8% до 12%, а гдѣ % брюнетовъ болѣе, тамъ мы имѣемъ уже дѣло съ посторонними примѣсями. По характеру своему они ближе къ сарматскому типу (табл. I — II, 16). Это — такіе же брахицефалы, но черты ихъ лица правильнѣе, нѣтъ ничего рѣзкаго, тюркскаго; напротивъ, изъ всѣхъ представителей русскаго народа это типъ наиболѣе европейскій, тотъ, который вы найдете у французовъ, у южно-германцевъ,—словомъ, онъ представляетъ поразительное сходство съ ретійскимъ типомъ Деникера или альпійскимъ Риплея. Въ чистомъ видѣ мы его находимъ только среди чистокровныхъ малороссовъ, и происхожденіе его загадочно.

Въ южныхъ районахъ особенно часто мы встрѣчаемъ еще рыжеватыхъ или черныхъ брахицефаловъ съ голубыми глазами и сильно приподнятымъ затылкомъ и типы съ рѣзко выраженными сарматскими чертами. Это, повидимому, гибриды какого-то кочевническаго долихоцефальнаго типа чистой формы, котораго мы не встрѣчали. Долихоцефалы-малороссы—троякаго типа. Въ однихъ вы видите несомнѣнно великорусскія черты. Они особенно часты по сосѣдству съ русскими селеніями или въ городахъ. Между ними есть и брюнеты, но большею частью блондины или, еще чаще, смѣшанный типъ. Другіе—долихоцефалы, большею частью изъ Подольской губ., ясно выраженные *брюнеты* съ молдаванскимъ типомъ. Я имѣлъ возможность измѣрить 27 человѣкъ Сорокскаго и 34 Соковскаго уѣздовъ Бессарабіи, набранныхъ изъ молдаванскихъ селъ. Тутъ были блондины, брюнеты, а больше всего смѣшаннаго типа, долихо- и брахицефалы. Долихоцефалы были большею частью брюнеты съ чертами болѣе рѣзкими, чѣмъ тѣ, что сказывались у малороссійскихъ долихоцефаловъ. *Брахицефалы*-блондины молдаване были почти тождественны со славянскимъ типомъ. Въ гибридахъ видны элементы и того, и другого типовъ.

Среднiй показатель былъ 80; долихоцефаловъ было лишь немного менѣе, чѣмъ брахицефаловъ.

Итакъ, малороссiйское населенiе, изученное нами по измѣреннымъ новобранцамъ, отличается отъ великорусскаго почти *полнымъ отсутствiемъ* обильныхъ у великоруссовъ *блондиновъ-долихоцефаловъ*, присутствiемъ въ основномъ круглоголовомъ, бѣлокуромъ и сѣроглазомъ элементѣ брюнетовъ-брахицефаловъ альпiйскаго типа, связанныхъ съ господствующимъ *славянскимъ типомъ* массами помѣсей и переходовъ и примѣсью значительнаго числа стороннихъ темноволосыхъ элементовъ: татарскаго, молдаванскаго, быть можетъ, монгольскаго, цыганскаго, еврейскаго и другихъ южныхъ народовъ. Эти элементы, растворившись въ основной массѣ и безъ того болѣе богатой брюнетами, дали съ блондинами безконечную гамму смѣшанныхъ типовъ, крайне разнообразныхъ — иногда красивыхъ, иногда очень некрасивыхъ съ зелеными, свѣтло-карими глазами и темно-коричневыми волосами, что въ общей сложности дѣлаетъ малороссовъ народомъ, обладающимъ, въ сравненiи съ великороссами, значительно большимъ % брюнетовъ и гораздо большимъ % лицъ, имѣющихъ при свѣтлыхъ или переходнаго цвѣта глазахъ темно-коричневые волосы. Какъ основное положенiе, можно, однако, высказать: насколько для великороссовъ *брюнеты* являются элементомъ чуждымъ, такъ сказать, приходящимъ, ассимилированнымъ, настолько то же хочется сказать о *малороссiйскихъ долихоцефалахъ*. Таковы мысли, на которыя наводятъ наши измѣренiя и записи. Послѣдующiя, болѣе многочисленныя измѣренiя должны будутъ подтвердить или опровергнуть эти предположенiя.

Объясненiе таблицъ.

Таблица I—II.

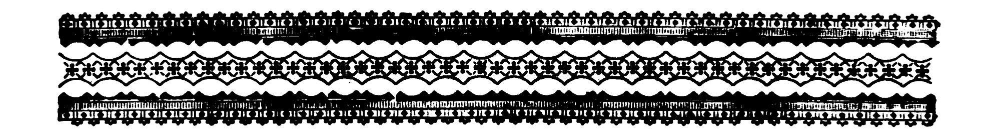
1.	Тулуповъ, Симбирск. губ., Сызран. уѣзда,	блондинъ,	голов.	указ.	71,6
2.	Зиновьевъ, Симбирск. губ., Сызранск. уѣзда,	"	"	"	73,6
3.	Кривенцовъ, Тамбовск. губ., Борисоглѣбск. у.,	"	"	"	76,5
4.	Гриберинъ, Саратовск. губ., Саратовскаго уз.,	"	"	"	76,5
5.	Актиновъ, Симбирск. губ., Сызранскаго уѣзда,	"	"	"	77
6.	Моринъ, Пензенск. губ. Нижнеломовскаго уѣзда,	"	"	"	80,1
7,	Тащевъ, Тамбовск. губ., Борисоглѣбск. уѣзда,	"	"	"	80,6
8.	Сизовъ, Казанск. губ., Тетюшскаго уѣзда,	"	"	"	82
9.	Шляпкинъ, Симбирск. губ., Сызранск. уѣзда,	"	"	"	81
10.	Милюковъ, Пензенск. губ., Нижнелом. уѣзда,	"	"	"	81,5
11.	Андреевъ, Симбирск. губ., Сызранск. уѣзда,	"	"	"	86,2
12.	Наумовъ, Симбирск. губ., Сызранск. уѣзда,	"	"	"	88,8
13.	Ивановъ, Симбирск. губ., Сызранск. уѣзда,	"	"	"	87
14.	Кутневъ, Пензенск. губ., Нижнелом. уѣзда,	"	"	"	89,7
15.	Балабаевъ, Курской губ, Тимскаго уѣзда,	"	"	"	91

16.	Свирепинъ, Саратовск. губ., Хвал. уѣзда,	брюнетъ	„	„	81
17.	Устиновъ, Симбирск. губ., Сызранск. уѣзда,	„	„	„	78,9
18.	Чумаковъ, Курской губ., Тимскаго уѣзда	„	„	„	79,9
19.	Поповъ, Саратовской губ., Саратовск. уѣзда,	„	„	„	82,75
20.	Андреевъ, Симбирск. губ., Сызранск. уѣзда,	„	„	„	77,4

Таблица III—IV.

1.	Гераловъ, Уфимской губерніи, брюнетъ		голов.	указ.	79
2.	Касаткинъ, Сарат. губ., Вольск. у., вол. рус., глаз. св.-кор.		„	„	84
3.	Рогачевъ, Ворон. губ., Бобр. у., вол. кор., глаз. зеленов.-сѣр.		„	„	76,84
4.	Тюкинъ, Ворон. г., Бобр. у., вол. темн.-корич., глаз. сѣр.		„	„	81,58
5.	Степановъ, Пензенской губерніи, брюнетъ,		„	„	76,31
6.	Труфановъ, Ворон. г., глаз. зеленов.-сѣр., вол. корич.		„	„	80,6
7.	Бабкинъ, Курской губерніи, Тимск. уѣзда,	брюнетъ,	„	„	83
8.	Шейнинъ, Пензенск. губ., Нижнелом. уѣзда,	„	„	„	73,9
9.	Михайловъ, Симбирск. губ., Сызранск. уѣзда	„	„	„	78,88
10.	Чувашъ Казанской губерніи, Ядр. уѣзда,	„	„	„	78,9
11.	Чувашъ Казанской губерніи, Чебокс. уѣзда,	„	„	„	84
12.	Черемисъ Казанской губерніи, Чебокс. уѣзда,	„	„	„	81,08
13.	Татаринъ Астрах. г. и у., глаза зел.-сѣр., вол. кор.,	„	„	„	81
14.	Татаринъ Уфимской губерніи, Бирск. уѣзда, брюнетъ		„	„	78
15.	Татаринъ Астраханской губ., Тетюш. уѣзда,	„	„	„	77,3
16.	Мордвинъ Аѳанасьевъ,	блондинъ	„	„	78,3
17.	„ Андреевъ,	„	„	„	81,6
18.	„ Мартишкинъ, глаза каріе, волосы русые,		„	„	80
19.	„ Сергѣевъ, глаза каріе, волосы коричневые,		„	„	80
20.	„ Лазаревъ,	брюнетъ	„	„	85

А. Красновъ.



Этническія отношенія на Памирѣ и въ прилегающихъ странахъ по древнимъ, преимущественно китайскимъ, историческимъ извѣстіямъ.

*(Продолженіе *).*

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Извѣстія VI—VIII вѣковъ о странахъ, непосредственно прилегающихъ къ Памиру съ запада и сѣвера.

I. Ваханъ.

Въ главѣ четвертой мною уже было приводимо изъ «Бэй-шы» описаніе владѣнія Б о х о, которое «лежитъ отъ Гкѣпаньто», т.-е. нынѣшня г Ташкургана, «на западѣ. Сія страна еще холоднѣе. Люди и скотъ живутъ вмѣстѣ. Обитаютъ въ выкопанныхъ землянкахъ. Еще есть большія снѣжныя горы, вершины которыхъ представляются серебряными. Жители питаются печенымъ хлѣбомъ и киселемъ; пьютъ хлѣбное вино. Одѣяніе носятъ мѣховое и валяное изъ шерсти» («Собраніе свѣдѣній» и пр., ч. 3, стр. 180). Свѣдѣнія эти, несомнѣнно, имѣли своими источниками описанія путешествія китайскаго посольства 518—521 г., составленныя состоявшими при посольствѣ этомъ Сонъ Юнемъ и Хой Сеномъ и дошедшія до насъ въ болѣе или менѣе испорченныхъ текстахъ. Имѣющіеся пока переводы послѣднихъ, изданные Нейманомъ (1833 г.) и Билемъ (1869 г.), во многомъ противорѣчивы и не вполнѣ надежны, но ни въ чемъ почти имѣющемъ важное значеніе отъ сдѣланнаго въ «Бэй-шы» и приведеннаго въ переводѣ о. Іакинфа изложенія не отличаются, а потому помѣщать эти переводы Неймана и Биля излишне. Такъ какъ китайское посольство 518 г., слѣдуя въ Бохо съ востока изъ Ташкургана, продолжало отсюда путь свой на западъ во владѣніе Ѣда, котораго владѣтеля нашло оно несомнѣнно на зимовкахъ въ нынѣшнемъ Бадахшанѣ, то Бохо, очевидно, соотвѣтствуетъ Вахану и есть, вѣроятно, лишь китайская транскрипція послѣдняго имени.

---

*) См. X кн. „Русск. Антроп. Журн.“

Ниже мы увидимъ, что, по «Танъ-шу», имя Бохо въ китайскихъ извѣстіяхъ VI в. носило владѣніе, именовавшееся въ танскія времена Хуми, которое можетъ соотвѣтствовать лишь нынѣшнему Вахану.

У Сюань Цзана, проѣзжавшаго здѣсь въ концѣ первой половины 640-хъ годовъ, Ваханъ значится подъ именемъ Ta-mo-si-tie-ti, но въ примѣчаніи китайскаго текста сказано: «Его называютъ также Tchin-Khan. Туземцы именуютъ его Hou-mi». По описанію Сюань Цзана, владѣніе это расположено между двумя горами; въ древности оно входило въ составъ царства Ту-хо-ло. Оно имѣетъ около 1500—1600 ли съ В. на З.; ширина его съ Ю. на С. отъ 400 до 500 ли (это ошибка переводчика вмѣсто «отъ 4 до 5 ли», какъ выяснили C. Levi и Ed. Chavannes въ своихъ комментаріяхъ къ дорожнику Укона, см. Journal asiatique, 1895, t. VI, p. 347), въ самой же узкой части не болѣе 1 ли. Владѣніе это лежитъ по рѣкѣ Po-ts'ou (Оксъ), слѣдуя ея извилинамъ и поворотамъ. Виднѣются бугры и холмы разныхъ высотъ, и долины, покрытыя пескомъ и каменьями; на нихъ царитъ леденящій вѣтеръ. Сѣютъ немного пшеницы, культивируютъ въ небольшомъ количествѣ овощи и разводятъ довольно цвѣтовъ и плодовыхъ деревьевъ. Страна эта производитъ отличныхъ лошадей, небольшого роста, но легко выдерживающихъ долгія путешествія. Нравы не управляются обрядами (т.-е. правилами китайскихъ церемоній). Населеніе имѣетъ отъ природы склонность къ насилію и грубости; черты лица—пошлыя и подлыя; одежды употребляются шерстяныя. Глаза у большей части жителей зелено-голубые, чѣмъ и отличаются отъ другихъ народовъ. Есть съ десятокъ монастырей, въ которыхъ очень немного монаховъ. Столицей этого владѣнія служитъ (городъ) Hoen-tho-to [1]). Въ центрѣ города высится монастырь, построенный первымъ царемъ этой страны, который для возведенія этого зданія повелѣлъ срыть скатъ горы и засыпать долину. Прежде эта страна не знала ученія Будды и поклонялась злымъ духамъ, но уже нѣсколько столѣтій въ ней распространилось счастливое вліяніе закона (Будды) [2]).

Свѣдѣнія Сюань Цзана, несомнѣнно, послужили однимъ изъ источниковъ описанія Вахана въ «Танъ-шу», которое приведу я въ переводѣ о. Іакинфа («Собр. свѣд.» и пр., ч. 3, стр. 259 и 260), пользуясь для повѣрки изложеніемъ Леви и Шаванна въ ихъ комментаріяхъ къ дорожнику Укона (Journal asiatique, t. VI, 1895, p.p. 341—384). «Владѣніе

[1]) Въ текстѣ, которымъ пользовался Стан. Жюльенъ, все нижеслѣдующее отнесено къ владѣнію Ши-ки-ни, но переводчикъ, повидимому совершенно основательно, призналъ это ошибкою переписчиковъ первоначальнаго текста

[2]) „Mémoires sur les contrées occident.", t. 2, p.p. 201—202. Далѣе (p.p. 203—205) у Сюань Цзана приводится легенда о поводѣ къ постройкѣ монастыря и введеніи буддизма въ странѣ, а затѣмъ описывается статуя Будды съ куполомъ надъ ней, который вращался надъ обходящими кругомъ статуи по мѣрѣ ихъ движенія.

Хуми, иначе *Дамоситеди* и *Хоканъ*, при династіи Юань-вэй называлось *Бохо;* оно занимаетъ часть древняго Тухолоскаго владѣнія; лежитъ отъ столицы (Китая) на С.-З. слишкомъ за 9000 ли; содержитъ до 1000 ли широты; длина различная, отъ 4 до 5 ли». О. Іакинфъ замѣтилъ тутъ: «Здѣсь должна быть ошибка»: дѣйствительно, «широта» поставлена видимо вмѣсто «длины» и обратно. «Владѣтель имѣетъ пребываніе въ городѣ *Сайгашенъ*, который сѣверною стороною прилегаетъ къ рѣкѣ У-ху». По Леви и Шаванну, р. 347, въ «Танъ-шу» городъ названъ Han-kia-chen, по нѣкоторымъ же изданіямъ Saï-kia-chen, и показанъ на югѣ отъ У-ху, т.-е. Окса. «Климатъ холодный. Земля изрѣзана холмистыми цѣпями, повсюду покрыта песками и каменьями. Родятся бобы и пшеница. Почва хороша для плодовыхъ деревъ. Водятъ превосходныхъ лошадей. Жители имѣютъ голубые глаза. Въ правленіе Хянь-кинъ, 656—660 (г.г.(, сіе владѣніе переименовано округомъ Уфэй (Nyao-feï), а владѣтель Шаболо Гѣлифа утвержденъ правителемъ [1]). Географическое положеніе страны пре-

---

[1]) Послѣ подчиненія Китаю между 640—457 гг. Вост. Туркестана и земель, подвластныхъ ханамъ западныхъ тюрковъ, китайское правительство производило болѣе или менѣе номинальное обращеніе покоренныхъ осѣдлыхъ владѣній и племенъ и родовъ кочевниковъ въ губерніи и уѣзды разныхъ степеней, наподобіе существовавшаго во внутреннемъ Китаѣ административнаго раздѣленія, облекая мѣстныхъ владѣтелей и родоначальниковъ китайскими названіями губернаторовъ и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ многія владѣнія были надѣлены новыми и оставшимися, вѣроятно, большею частію на мѣстѣ неизвѣстными именованіями, преимущественно архаическаго свойства, напр. именами, которыя эти владѣнія носили во времена дин. Хань. Такъ какъ опредѣлить, какія имена носили данныя страны при Ханяхъ за многія столѣтія до дин. Танъ, было не легко, то частію при переименованіяхъ, частію же у редакторовъ „Танъ шу" могли происходить недоразумѣнія и ошибки. Въ описаніи Ферганы, содержащемся въ той же книгѣ „Танъ-шу", значится, что около 660 г. тамошній городъ Гѣсай (Kho-se у Аб. Ремюза) „переименованъ областью Хюсюнь" („Собр. свѣд.", ч. 3, стр. 252). Такъ какъ владѣніе Хюсюнь находилось около Оша или Гульчи (см. главу вторую, „Русск. Антр. Журн." 1900 г., № 3, стр. 58), т.-е. занимало часть земель Ферганы, то переименованіе округа ферганскаго города Гѣсая въ Хюсюнь не представляетъ собою явной несообразности. Напротивъ, приведенное переименованіе Хуми-Вахана въ округъ Уфэй слишкомъ неосновательно, ибо Ваханъ столь отдаленъ отъ Оша или Гульчи, гдѣ находилась при Ханяхъ долина Уфэй, въ которой имѣлъ резиденцію свою государь Хюсюни, что включеніе его въ составъ Хюсюни не вѣроятно. Я думаю, что составитель статьи „Танъ-шу" о Хуми смѣшалъ это имя съ именемъ *Гуйми*, какъ назывались нѣкогда Каратегинъ и Алай: переименовать Гуйми въ Уфэй не было несообразностью, потому что долина Уфэй, дѣйствительно, находилась (въ Ошѣ или Гульчѣ) смежно съ Алаемъ и Каратегиномъ, которые, по всей вѣроятности, служили (особенно Алай, въ качествѣ превосходныхъ лѣтовокъ) для кочевокъ номадовъ Хюсюни. Что переименовано было въ Уфэй не Хуми-Ваханъ, а Гуйми-Каратегинъ, это подтверждается тѣмъ, что въ другой книгѣ „Танъ-шу", въ перечисленіи учрежденныхъ въ 661 г. въ западномъ краѣ губерній и областей значится область Уфэй (Niao-feï), которой это имя дано при образованіи ея изъ страны или владѣнія Ху-ми-до (Hou-mi-to; см. Remarques sur l'éxtension d l'empire chinois du côté de l'occident, par M. Ab. Rémusat, въ Mémoires de l'Institut royal de France, Académie d s inscriptions etc., t. VIII, Paris, 1827, p. 88). Хумидо это есть, конечно, не Хуми-Ваханъ, а Кюмито (Kiu-mi-tho) Сюань Цзана, Кумидъ или Кумедъ арабскихъ писателей, страна комедовъ Птолемея, Гуйми „Танъ-шу", какъ увидимъ ниже.

граждаетъ четыремъ инспекціямъ [1]) дорогу въ Тухоло; по сей причинѣ поддались Тибету [2]). Въ восьмое лѣто правленія Кхай-юань, 720 (г.), владѣтель по имени Лолюйито-Гудулу-Дэпилэ-Мохэду-Мосаръ (Lo-lu-i-t'o Kou-tou-lou; въ Кутулу Леви и Шаваннъ узнали тюркское слово *кутлук*, счастливый, часто встрѣчающееся въ титулахъ тюрскихъ и уйгурскихъ хановъ), грамотою признанъ въ царскомъ достоинствѣ. Въ шестнадцатое лѣто, 728, владѣтель вмѣстѣ съ мискимъ старѣйшиною Михухань [3]) прислалъ Двору мѣстныя произведенія. Въ слѣдующемъ году, 729, Угудагань (Ou-hou Ta-kan, т.-е. тарханъ Уху, по мнѣнію Леви и Шавана, р. 347), одинъ изъ главныхъ старѣйшинъ, опять пріѣхалъ ко Двору. По смерти владѣтеля Дворъ грамотою утвердилъ владѣтелемъ родственника (cousin, p. 348) его Хучженьтаня (Hou-tchen-tan), который въ двадцать девятомъ году, 741, самъ пріѣхалъ ко Двору, угощенъ столомъ во внутренней тронной, почтенъ титуломъ высшаго военнаго чина, пожалованъ порпуровымъ кафтаномъ и золотымъ поясомъ. Въ первое лѣто правленія Тьхянь-бао, 742, Гегифу (Hie-ki-fou), сынъ владѣтеля, изъявилъ желаніе отдѣлиться отъ Тибета, и пожалованъ былъ желѣзною грамотою. Въ весьмое лѣто, 749, Хучженьтань пріѣхалъ ко Двору изъявилъ желаніе служить въ корпусѣ тѣлохранителей и принятъ былъ высшимъ военнымъ чиномъ. По прошествіи нѣкотораго времени обратно отпущенъ, и еще одного изъ старѣйшинъ прислалъ къ Двору съ данію. Въ первое лѣто правленія Кянь-юань, 758, владѣтель Гэше Игюйбиши (Ho-che-i-kiu-pi-che) пріѣхалъ ко Двору, и былъ удостоенъ прозванія Ли»: «въ это время царствующій въ Китаѣ Домъ прозывался Ли», поясняетъ отъ себя о. Іакинфъ. На этомъ свѣдѣнія «Танъ-шу» о Хуми-Ваханѣ оканчиваются [4]),

[1]) Т.-е. китайскимъ военнымъ силамъ Вост. Туркестана, который раздѣленъ былъ въ это время въ военно-административномъ отношеніи на четыре военныхъ округа или „инспекціи", какъ переводилъ Іакинфъ кит. терминъ „чжень" (см. главу пятую, „Русс. Антр. Журн.", 1901 г., №№ 3 и 4, стр. 140).

[2]) Такъ какъ Хуми-Ваханъ входилъ въ составъ Тохаристана-Тухоло, то, дѣйствительно, сообщенія Вост. Туркестана съ Ваханомъ были вслѣдствіе труднопроходимости Памира затруднительны. Однако, подданство Вахана Тибету, по всей вѣроятности, совершилось не по причинѣ этой трудности сообщеній, ибо пути изъ Тибета были едва ли лучше, а вслѣдствіе отнятія тибетцами у китайцевъ въ 670 г. большей части Вост. Туркестана (см. тамъ же).

[3]) Mi-hou-han Леви и Шаваннъ передаютъ чрезъ „хаканъ владѣнія Ми" (р. 347). По имѣющимся въ „Танъ-шу" о владѣніи Ми свѣдѣніямъ („Собр. свѣд." и пр., ч. 3, стр. 245, 238 и 240), оно находилось въ 100 ли на Ю.-В. отъ Самарканда, а потому должно было помѣщаться на мѣстѣ нынѣшняго Ургута. Несмотря на нѣкоторое сходство въ имени, Ми не можетъ быть отождествляемо, какъ полагали нѣкоторые изслѣдоватэли, съ извѣстнымъ изъ мусульманскихъ источниковъ *Маймургомъ*, такъ какъ столица послѣдняго Ривдадъ находилась по Сам'ани (В. В. Бартольдъ „Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія", стр. 96), только въ одномъ фарсахѣ, т.-е. въ 6—7 вер. отъ Самарканда.

[4]) Владѣніе Хуми упоминается еще въ „Танъ-шу" въ одномъ мѣстѣ, составляющемъ какъ бы краткое изложеніе свѣдѣній о владѣніяхъ, лежавшихъ на обратномъ пути Сюань Цзана изъ Индіи: На сѣв.-востокъ чрезъ 500 ли (отъ *Гюйкань*) горною дорогою лежитъ *Хумибо-чжани;* на югѣ есть родъ *Шаньми*...

такъ какъ вслѣдъ затѣмъ вост. Туркестанъ былъ для Китая потерянъ и сношенія съ западомъ, въ томъ числѣ и съ Хуми, прекратились.

Приведенныя китайскія извѣстія VI—VIII вв. [1]) даютъ возможность установить съ несомнѣнностью, что въ нихъ идетъ рѣчь объ одной и той же странѣ, лишь подъ разными именами, и что страна эта есть нынѣшній Ваханъ съ нѣкоторымъ распространеніемъ его предѣловъ внизъ по Пянджу.

Первое положеніе, кромѣ нижеслѣдующихъ данныхъ, опирается на удостовѣреніе «Танъ-шу», по которому владѣніе Хуми именовалось иначе Тамоситѣти и Хокань, въ извѣстіяхъ же VI в. называлось Бохо. Послѣднее имя легко можетъ быть китайской транскрипціей имени Ваханъ, въ которомъ окончаніе *анъ* является суффиксомъ этническимъ [2]) или означающимъ страну или мѣстность (какъ и въ именахъ сосѣднихъ странъ: Рошанъ, Шигн-анъ, Бадахш-анъ), такъ что кореннымъ именемъ оказывается *Вах*. Подтверждается это именемъ *Вах-абъ*, которое давалось Ваханъ-дарьѣ и Пянджу въ арабское время [3]), а также именемъ *Вех-ротъ* для Аму-дарьи у армянскаго писателя VII в. Себеоса [4]). Хотя Вех-ротъ армянской транскрипціи переводятъ «славная рѣка» [5]), но истинное, коренное имя, конечно, вѣрнѣе сохранилось на мѣстѣ въ формѣ *Вах* и не поддается объясненіямъ и производству отъ извѣстныхъ языковъ, а потому надо считать его принадлежащимъ языку древнѣйшихъ, до-иранскихъ аборигеновъ [6]). Въ названіи *Хуми* слѣдуетъ, мнѣ кажется, видѣть одну изъ китай-

---

На сѣв.-востокъ черезъ 700 ли горною дорогою пріѣдешь въ страну *Ботуань-лочуань*"... („Собр. свѣд." и пр., ч. 3, стр. 250). Гюйлань тутъ есть Куранъ или Гаранъ въ верховьяхъ р. Кокчи, Ботуань-Лочуань—долина Помило (см. главу четвертую, „Русск. Антр. Журн.", 1901 г., №№ 3 и 4, стр. 136); какимъ же образомъ Хуми превращено въ Хумибожчжани—я не знаю.

[1]) Подробные комментаріи къ нимъ потребовали бы слишкомъ много мѣста, а потому я ограничусь самыми существенными, частію сдѣлавъ уже ихъ выше въ примѣчаніяхъ, частію же помѣщая ниже.

[2]) Такое мнѣніе высказывалъ, напр., объ окончаніи ân G. Garrez, допуская, что это могъ быть также суффиксъ множественнаго числа (Journal asiatique, 1869, t. XIII, p. 181).

[3]) По Ибнъ-Русте (начало X в.), Джейхунъ (Аму-дарья) образуется изъ слiянія четырехъ рѣчныхъ системъ, изъ которыхъ первая есть система „истиннаго Джейхуна, берущаго начало въ Тибетѣ и текущаго на западъ чрезъ Ваханъ подъ именемъ Вахаба; вторая есть система Вахшаба, берущаго начало въ высокой странѣ тюрковъ-карлыковъ и проходящаго послѣдовательно области Памиръ, Рaштъ и Кумидъ къ знаменитому Каменному мосту, соединяясь (затѣмъ) съ Вахабомъ у переправы Миле" (The Journal of the Royal Geographical Society, 1872, vol. 42, p. CXCIX).

[4]) „Исторія императора Ираклія, сочиненіе епископа Себеоса", перев. съ армянскаго К. Паткановъ, С.-Пб., 1862 г., стр. 73.

[5]) „Опытъ исторіи сассанидовъ" и пр. К. Патканова, стр. 55, въ „Трудахъ Вост. Отд. И. Р. Археол. Общества", ч. 14, 1869 г.

[6]) Достояніемъ языка тѣхъ же аборигеновъ должно быть и имя *Вахшъ* для нынѣшняго Сурхаба, на Алаѣ носящаго имя Кызылъ-су. Справедливо утверждая, что различныя именованія Аму-дарьи въ древности (*Оксосъ* у грековъ, *Оксусъ* у латинскихъ писателей, *Вакшу* въ Пуранахъ, *Фо-цзу* у китайскихъ историковъ, наконецъ *Вахшъ* или *Вахшабъ* у арабскихъ и персидскихъ географовъ) происхо-

скихъ транскрипцій (другія Хюми, Кюйми, Гуйми и пр.) имени *Кумидъ*, комедовъ Птолемея, о чемъ будетъ рѣчь ниже. На происхожденіе названія *Тамоситѣти*, въ которомъ Стан. Жюльенъ предполагалъ китайскую транскрипцію санскритскаго Tamasthiti, указываетъ, полагаю я, существующее понынѣ на Пянджѣ, между Калаи-Баръ-Пянджемъ и округомъ Гараномъ, селеніе и округъ *Дармарахтъ*, каковое имя въ китайской транскрипціи легко могло выйти въ видѣ Тамоситѣти. Имя Darmarakht появилось, кажется впервые, на картѣ при Forsyth's Report etc., 1875. Въ маршрутѣ посланнаго изъ Калаи-Пянджа для развѣдокъ внизъ по Пянджу съемщика изъ туземцевъ Индіи Абдулъ-Субхана, въ $11^1/_2$ миляхъ ниже Burshar'a, значится на правомъ берегу Пянджа сел. Дармарахтъ; Пянджъ имѣетъ тутъ только 150 ярдовъ ширины; селеніе это сообщается съ лѣвымъ берегомъ Пянджа при помощи деревяннаго моста; въ двухъ миляхъ ниже, на лѣвомъ берегу Пянджа, Абдулъ-Субханъ переходилъ, также по деревянному мосту, чрезъ рѣчку Aracht, истокъ озера Шива и притокъ Пянджа, а еще чрезъ $5^1/_2$ миль дошелъ до столицы Шигнана Калаи-Баръ-Пянджа (Forsyth's Report, pp. 276, 435, 436). Затѣмъ Дармарахтъ упоминается въ «Путешествіи въ Шигнанъ д-ра А. Э. Регеля» («Извѣстія И. Р. Георг. Общ.», 1884 г., стр. 273) и на картѣ къ этому путешествію («Извѣстія» 1883 г.). На картѣ Туркестанскаго военнаго округа 1894—5 гг. селеніе это названо Дармаракъ [1]). Въ имени *Хоканъ*, которое встрѣтимъ

дятъ отъ одного и того же мѣстнаго имени и что нынѣшнее имя этой рѣки произошло отъ имени города, лежавшаго на большой чрезъ эту рѣку переправѣ, сэръ Г. Роулинсонъ высказалъ предположеніе, что древнее имя этой рѣки произошло отъ имени обитавшаго на ея берегахъ племени *Вай* или *Вей*, которое сохранилось въ имени извѣстнаго города *Вайкенда* или *Бейкенда*, древнѣйшаго поселенія Согдіаны (Monograph on the Oxus, въ Journal of the R. Geograph. Society, 1872, v. 42, p. 495). Не говоря уже о томъ, что предположеніе о существованіи племени (tribe) Вей или Вай рѣшительно ни на чемъ не основано, какъ и производство отъ его имени названія города *Пейкенда* (см. о немъ у В. В. Бартольда—„Туркестанъ" и пр., стр. 121; китайцамъ этотъ городъ съ его округомъ былъ извѣстенъ въ качествѣ особаго владѣнія, находившагося въ ста ли, т.-е. въ днѣ пути, на западѣ или юго-западѣ отъ Бухары, съ населеніемъ не болѣе 1 т. семействъ, подъ именемъ владѣнія Би,—у Іакинфа въ „Собр. свѣд." и пр., ч. 3, стр. 197 и 240, или *Пи*, по транскрипціи западно-европейскихъ синологовъ), нельзя согласиться и съ производствомъ именъ Ваханъ, Вахабъ и Вахшабъ отъ имени Вай, такъ какъ *Вай* отличается отъ *Вах* своимъ вторымъ согласнымъ звукомъ, а отъ *Вахш* даже двумя. Объясненіе, почему наиболѣе распространеннымъ именемъ для Аму-дарьи въ древности было не имя главной вершины, Вахъ-рѣки, Вахаба, а имя главнаго ея притока, Вахшаба, можетъ весьма правдоподобно состоять въ томъ, что населенію Бактріаны и Согдіаны былъ болѣе извѣстенъ Вахшабъ по близости и доступности, тогда какъ Ваханъ-дарья и Пянджъ были извѣстны плохо вслѣдствіе отдаленности и трудности путей не только вверхъ по Пянджу, но и чрезъ Бадахшанъ.

[1]) Въ 1872 г., не имѣя свѣдѣній о существованіи селенія и округа Дармарахтъ, сэръ Х. Роулинсонъ предположилъ, что имя Тамоситѣти происходитъ отъ имени значащагося у Ибнъ-Хордадбеха города *Термистатъ*, находившагося, какъ онъ думалъ, на мѣстѣ нынѣшняго Куляба (Journal of R. Geogr. S., 1872, v. 42, pp. 508—510). Въ настоящее время выяснено (В. В. Бартольда „Туркестанъ" и пр., стр. 70 и 71), что городъ *Темліятъ* (а не Термистатъ) арабскихъ географовъ находился въ 4 фарсахахъ отъ „Каменнаго моста" (на Вахшабѣ), по пути отъ Каменнаго моста къ городу Мунку, нынѣшнему Бальджуану, отстоявшему отъ „Каменнаго моста" въ двухъ дняхъ пути.

мы въ танскомъ описаніи Шигнана въ формѣ *Ку-ханъ* (K'ou-han), кажется всего вѣроятнѣе видѣть имя существующаго и понынѣ городка или волости *Хохонъ*, самой юго-западной изъ дарвазскихъ волостей лѣваго берега Пянджа, отошедшихъ въ 1895 г. подъ власть эмира авганскаго. Юль не прочь былъ видѣть въ Tching-Khan китайскаго примѣчанія къ тексту Сюань Цзана какую-нибудь связь съ именованіемъ по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ Мастуджа Шигнаномъ (Notes on Hiouen Thsang's Account etc. p. 113), но Шигнанъ звучитъ слишкомъ отдаленно отъ Чинъ-хань, а потому я считаю болѣе вѣроятнымъ допустить въ китайскомъ текстѣ описку, заключающуюся въ ошибочномъ помѣщеніи знака *Чинъ* вмѣсто *Ба* или *Ва*, такъ что вмѣсто Чинъ-хань должно бы быть Ва-хань, т.-е. Ваханъ.

Въ имени столицы владѣнія Тамоситѣти Hoen-tho-to еще Вивіенъ де-С.-Мартенъ узналъ имя нынѣшняго селенія Хандутъ, которое, по Троттеру (Forsyth's Report etc., p. 275), съ нѣсколькими сосѣдними селеніями составляло одну изъ трехъ волостей или сотенъ, на которыя дѣлился Ваханъ въ первой половинѣ XIX стол.,—Садъ-и-Хандутъ. Изъ варіантовъ имени столицы въ «Танъ-шу» правильнѣйшимъ слѣдуетъ признавать Сайгашенъ, потому что у мусульманскаго писателя XI в. Аль-Бируни (см. карту № 13 при Die Post-und Reiserouten des Orients, von A. Sprenger, Leipzig, 1864) значится столицею Шигнана (вѣроятно, по ошибочнымъ свѣдѣніямъ, вмѣсто Вахана) *Sekaschen*. Въ этомъ имени можно узнать (какъ, напр., Роулинсонъ въ Proceedings of R. Geograph. Society, 1884, vol. VI, p. 505) имя нынѣшняго сел. *Ишкашимъ*, находящагося, какъ Сайгашенъ, на лѣвомъ или южномъ берегу Окса [1]).

Обиліе различныхъ именъ Вахана можетъ быть съ вѣроятностью и почти несомнѣнностью объяснено только въ такомъ случаѣ, если признать, что имена эти измѣнялись въ связи съ постепенной колонизаціей земель вверхъ по Пянджу. Древнѣйшее изъ исторически извѣстныхъ именъ Вахана, державшееся въ памяти мѣстнаго населенія еще во времена династіи Танъ, есть Хуми, такъ какъ въ формѣ Хюми, пограничнаго юечжійскаго княжества, оно извѣстно по китайскимъ извѣстіямъ I в. до Р. Х. и оказывается у Птолемея въ видѣ горъ и народа комед'скихъ. Географическія данныя Птолемея даютъ основаніе полагать, какъ увидимъ ниже, что комеды занимали не только бассейнъ Вахшаба, но распространялись и вверхъ по Пянджу-Вахабу, а потому вполнѣ понятно, что имя Кумидъ, Хуми въ китайской транскрипціи, держалось еще въ VII в. Однако, страна по Ваханъ-дарьѣ еще въ VI в. носила уже свое нынѣшнее имя Ваханъ, потому

[1]) На картахъ 1714 г., изданныхъ Клапротомъ (см. о нихъ въ главѣ четвертой, „Русск. Антр. Журн.", 1901 г., №№ 3 и 4, стр. 136 и слѣд.), вмѣсто Ta-mo-si-tie-ti, какъ значится на картѣ 1710 г., изданной Стан. Жюльеномъ (см. тамъ же), нынѣшній Ваханъ названъ Nan tching koue (т.-е. владѣніе южнаго города?). Если столица Вахана находилась въ Хандутѣ или Ишкашимѣ, то владѣніе могло, быть можетъ, именоваться царствомъ южнаго города или столицы.

что реляціи о посольствѣ Сонъ Юня и Хой Сена именуютъ ее Бохо, т.-е. Ваханъ. Такъ какъ ханьскія свѣдѣнія умалчиваютъ о населенности страны между Ташкурганомъ и Мастуджемъ, гдѣ лежалъ путь китайскихъ посольствъ въ Гибинь, то можно думать, что въ ханьское время Ваханъ не имѣлъ населенія, по крайней мѣрѣ осѣдлаго. Начало его заселенія, однако, относится ко времени ранѣе VI в., ибо Хой Сенъ и Сонъ Юнь нашли населеніе, питавшееся хлѣбными продуктами. Откуда пришли въ Ваханъ колонисты, это выясняетъ именованіе Вахана Хокань: изъ Хохона, мѣстности южнаго Дарваза. Такъ какъ и Шигнанъ первоначально зависѣлъ отъ Хохона, то слѣдуетъ заключить, что какъ Шигнанъ, такъ и Ваханъ имѣли первыхъ своихъ осѣдлыхъ засельниковъ изъ Хохона [1]). Имя Дармарахтъ, въ кит. транскрипціи Тамоситѣти, даетъ понять, что, по от-

[1]) По наиболѣе обстоятельнымъ и достовѣрнымъ изъ существующихъ печатныхъ свѣдѣній о дарвазскихъ волостяхъ лѣваго берега Пянджа, собраннымъ въ 1886 г. капитаномъ Покотило, волостей этихъ было пять: Хохонская, Куфская, Шикайская, Мой-майская и Джумарчская. Волости эти отдѣлены отъ Бадахшана высокимъ снѣжнымъ хребтомъ, который проходимъ только по одному перевалу Ишъ, дорога по которому легко могла быть испорчена и всякое движеніе прекращено. Съ правымъ берегомъ Пянджа, на которомъ Хохону соотвѣтствовалъ Кулябъ, а выше Дарвазъ, сообщенія были не легки, но возможны лѣтомъ при помощи наполняемыхъ воздухомъ шкуръ, зимою же по льду Пянджа. Вверхъ по Пянджу идетъ отъ Хохона по всему лѣвому берегу пѣшеходная дорога, по которой переносятся, за неимѣніемъ скота, людьми и тяжести. Изъ всѣхъ четырехъ волостей, состоящихъ изъ 75 селеній, 2620 дворовъ и 7860 д. о. п. (полагая три души на дворъ), только въ Хохонской и Мой-майской имѣются небольшія количества земли, годной для земледѣлія, на которой и производится незначительное количество пшеницы; за неимѣніемъ хлѣба и мяса (скота нѣтъ по отсутствію пастбищъ), населеніе питается исключительно тутовыми ягодами въ сыромъ и сушеномъ видѣ. Такъ какъ пространства между хребтомъ и рѣкою вообще незначительны, то въ нѣкоторыхъ болѣе удобныхъ для обитанія мѣстностяхъ населеніе скучено до $2^1/_2$ тыс. душъ на одну квадратную милю. Въ Хохонской волости всего 13 селеній, въ которыхъ считались 531 дворъ; изъ нихъ въ самомъ селеніи или городкѣ Хохонѣ 260 дворовъ („Очеркъ бухарскихъ владѣній на лѣвомъ берегу р. Пянджа, 1886 г.“, капитана Покотило въ „Сборникѣ... матеріаловъ по Азіи“, вып. 25, 1887 г., стр. 267—278).

Недоступность со стороны Бадахшана и трудность попадать въ Хохонъ съ праваго берега Пянджа чрезъ глубокую и быструю рѣку должны были уже въ древности сдѣлать эту мѣстность довольно населенною, такъ какъ она обезпечивала жителямъ безопасность отъ грабежей и нашествій, которыя опустошали берега Аму-дарьи почти во всѣ времена, о которыхъ имѣются историческія извѣстія. Весьма также естественно и вѣроятно, что за недостаткомъ на хохонскомъ берегу Пянджа земель для земледѣлія и скотоводства размножавшееся населеніе Хохона должно было искать мѣстъ для поселенія вверхъ по Пянджу, въ мѣстахъ, столь же мало доступныхъ, какъ хохонскія. Вслѣдствіе этого и явились хохонскія селенія въ Шигнанѣ и Ваханѣ, которыя первоначально признавали власть метрополіи, впослѣдствіи же отдѣлились и сдѣлались независимыми странами.

Въ новѣйшихъ картахъ, вмѣсто имени *Хохонъ*, которое значится въ „Очеркѣ“ г. Покотило и картѣ его, послужившей главнымъ основаніемъ для послѣдующихъ, значится *Хогонъ* (Калаи-Хогонъ), но я считаю болѣе вѣрною транскрипцію г. Покотило, слышавшаго это имя изъ устъ старшинъ Хохона и другихъ волостей лѣваго берега Пянджа и отъ мѣстнаго населенія, чѣмъ неизвѣстно на чемъ основанную транскрипцію позднѣйшихъ картъ, источникомъ измѣненій именъ въ которыхъ нерѣдко являются плохіе толмачи, служащіе авторитетомъ для незнающихъ туземныхъ языковъ топографовъ.

дѣленіи отъ Хохона и образованіи особаго царства, Ваханъ имѣлъ столицу въ Дармарахтѣ. Перенесеніе столицы въ Сайгашенъ, т.-е. Ишкашимъ, и въ Хандутъ указываетъ не дальнѣйшее движеніе колонизаціи къ верховьямъ Пянджа, которое завершается столицею въ Калаи-Пянджѣ, ибо выше по Ваханъ-дарьѣ годныхъ для успѣшнаго земледѣлія земель уже мало: граница хлѣбопашества лежитъ въ 74 в. въ Сархадѣ, на высотѣ въ 10.800 футовъ.

Что страна, именовавшаяся въ китайскихъ свѣдѣніяхъ Бохо, Хуми, Тамоситѣти и пр., есть географически именно нынѣшній Ваханъ, это ясно также изъ извѣстій объ ея положеніи, о топографическихъ и хозяйственныхъ условіяхъ. Такъ Бохо лежало «на западѣ» отъ Гкѣпаньто-Ташкургана, и дальнѣйшій путь Сонъ Юня и Хой Сепа отсюда въ Ѣда направлялся снова на западъ. По направленію на западъ отъ Ташкургана до Бадахшана находятся только Ваханъ и Шигнанъ, но имя Бохо говоритъ, что это былъ Ваханъ, хотя, можетъ-быть, Шигнанъ въ это время входилъ въ составъ Вахана. Свѣдѣнія Сюань Цзана и «Танъ-шу», въ которыхъ описываются особо, какъ Шигнанъ, такъ и Хуми (Ваханъ), не оставляютъ уже сомнѣнія, что Тамоситѣти или Хуми, прежній Бохо, есть именно Ваханъ, а не Шигнанъ: только Ваханъ соотвѣтствуетъ владѣнію Тамоситѣти или Хуми, тянувшемуся на протяженіи около 1500—1600 ли (т.-е. 15—16 дней пути) по Оксу узкой полосою отъ 1 ли до 4—5 ли шириною. Отъ вершины Ваханъ-дарьи (у перев. Ваxджиръ) до Калаи-Баръ-Пянджа (ибо Дармарахтъ еще долженъ былъ входить въ составъ владѣнія, носившаго его имя) около 374—386 верстъ [1]), т.-е. 23—24 в. на каждый изъ 15—16 дней пути, что, по трудности дорогъ, весьма подходяще. Ширина ваханской долины въ одномъ изъ наиболѣе широкихъ ея мѣстъ, именно у Сархада, оцѣняется около 2 в. (кап. Путята въ «Сборникѣ матеріаловъ и пр. по Азіи», вып. 10, 1884 г., стр. 68), т.-е. 4—5 ли. Одно изъ узкихъ мѣстъ, у Бабатенги, опредѣляется въ треть англ. мили (Троттеръ у Минаева «Свѣдѣнія о странахъ по верховьямъ Аму-дарьи», стр. 177), т.-е. въ половину версты или въ одно ли. По Вуду, ширина долины Окса отъ Ишкашима до Хандута измѣняется отъ нѣсколькихъ ярдовъ до одной мили (тамъ же, стр. 117). Какъ населеніе Тамоситѣти или Хуми сѣяло пшеницу и бобы и разводило отличныхъ лошадей, такъ и нынѣшніе ваханцы воздѣлываютъ пшеницу, ячмень, горохъ, бобы, изрѣдка рѣпу и табакъ, но главное ихъ богатство образуютъ стада рогатаго скота и овецъ; лошадей мало (кап. Путята, стр. 61), но, хотя «очень невзрачныя и низкорослыя», онѣ отличаются замѣчательной выносливостью и во время путешествій въ горахъ незамѣнимы («Очеркъ Памира» кап.

---

[1]) См. данныя, приведенныя въ главѣ I настоящаго изслѣдованія, на стр. 22, 23 и 24.

Серебренникова въ «Ежегодникѣ Ферганской обл.», т. I, 1902 г., стр. 146): въ этомъ, конечно, и могли только заключаться тѣ качества ваханскихъ лошадей, которыя побуждали китайскихъ писателей признавать этихъ лошадей превосходными, ибо лошади высокой, горной, съ холоднымъ климатомъ, страны не могли обладать ни высокимъ ростомъ, ни красивыми статями.

Въ этническомъ отношеніи весьма важно свидѣтельство Сюань Цзана и «Танъ-шу» о зелено-голубыхъ или голубыхъ глазахъ населенія, ибо это, несомнѣнно, указываетъ на арійское его происхожденіе. Въ связи съ вышеизложенными и объясненными данными, указывающими, что заселеніе Вахана и Шигнана произведено изъ Хохона, съ низовьевъ Пянджа, слѣдуетъ полагать, что ваханцы принадлежали къ сѣверной части восточнаго отдѣла иранскаго племени. Нынѣшніе ваханцы должны быть прямымъ потомствомъ этихъ древнихъ колонистовъ, такъ какъ говорятъ на одномъ изъ восточно-иранскихъ діалектовъ и «свѣтлые волосы и голубые глаза не рѣдкость между ними» понынѣ, по свидѣтельству англійскихъ путешественниковъ (Минаевъ, стр. 194).

2. Шигнанъ.

Эта страна сдѣлалась извѣстною китайцамъ впервые изъ «Записокъ» Сюань Цзана, который лично въ ней не былъ (какъ выяснено Стан. Жюльеномъ въ Histoire de la vie de Hiouen-Thsang etc., 1853, p.p. 463, 466) и описываетъ по чужимъ, разспроснымъ или письменнымъ, свѣдѣніямъ такъ: «Владѣніе Chi-khi-ni имѣетъ въ окружности около 2 т. ли; окружность столицы отъ 5 до 6 ли. Страна состоитъ изъ ряда горъ и долинъ, а равно площадей, покрытыхъ пескомъ и камнями. Собираютъ много овощей и пшеницы, рису же мало. Лѣсная древесная растительность очень рѣдка, какъ цвѣты и фрукты. Климатъ холодный (glacial). Населеніе грубое, но храброе; оно совершаетъ убійства съ полнымъ хладнокровіемъ и занимается кражами и грабежами. Не имѣетъ понятія объ обязанностяхъ, предписываемыхъ *правилами обрядовъ*, и не умѣетъ различать добро отъ зла. Оно не вѣдаетъ о предстоящемъ счастіи и несчастіи и страшится только бѣдствій въ сей бренной жизни. Наружности пошлой (commune) и подлой (ignoble); одежды (носитъ) изъ шкуръ и шерсти. Письмена сходны съ тухоло'скими, но языкъ отличенъ» (Mémoires etc., t. 2, p.p. 205—206).

По «Танъ-шу», «*Шини* (Che-ni по переводу Леви и Шаванна въ Journal asiatique, 1895, septembre-octobre, p. 346), иначе *Шицини* (Che-k'i-ni) и *Сени*, лежитъ отъ столицы (Китая) на сѣв.-западъ («на юго-западъ», по Л. и Ш.) за 9000 ли; на востокъ 500 ли до караула въ проходѣ черезъ Луковыя горы (по Л. и Ш., «съ восточной стороны

оно отстоитъ на 500 ли отъ мѣстопребыванія охранителя Цунлина», т.-е. китайскаго чиновника, которому поручено начальствованіе надъ стражею на границахъ Белуръ-тага); на югъ 300 ли до владѣнія Хуми (Houmi); на сѣв.-западъ 500 ли до Гюйми (Kiu-mi). Владѣтель вначалѣ имѣлъ пребываніе въ городѣ Кухань (K'ou-han), впослѣдствіи жилъ по разнымъ горнымъ долинамъ (у Л. и Ш., «первоначально оно имѣло столицу въ городѣ Кухань, но впослѣдствіи населеніе разсѣялось и водворилось въ горныхъ ущельяхъ»). Находится пять старѣйшинъ въ большихъ горныхъ долинахъ. Они сами управляютъ своими землями подъ названіемъ пяти Шини (по Л. и Ш.: «есть пять старѣйшинъ ущельевъ, присвоившихъ себѣ власть; ихъ называютъ пять Che-ni»). Земли ихъ въ окружности содержатъ около 2000 ли. Хлѣба не сѣютъ, а жители занимаются войною и грабятъ проѣзжающихъ купцовъ. Въ четырехъ долинахъ по рѣкѣ Боми не слушаютъ приказаній владѣтеля. Живутъ въ пещерахъ». По переводу Леви и Шаванна, вмѣсто «хлѣба не сѣютъ» и т. д.: «производятъ пять родовъ хлѣбовъ; такъ какъ мѣстные люди любятъ нападать на торговцевъ и грабить ихъ, то совсѣмъ перестали пользоваться четырьмя ущельями долины Pouo-mi», т.-е. Памира. Этимъ переводъ Л. и Ш. кончается, переводъ же Іакинфа продолжаетъ: «Въ двадцатое лѣто правленія Чженъ-гуань, 646, они съ посланниками владѣній *Сыму* и *Ипань* сами пріѣхали къ китайскому Двору. Въ двѣнадцатое лѣто правленія Кхай-юань, 724, владѣтель Бучжебо Изыгинь получилъ отъ Двора военный чинъ. Въ шестое лѣто правленія Тхянь-бао, 747, владѣтель Дѣшигаянь ходилъ въ китайскомъ войскѣ въ Болюй, и палъ на сраженіи. Достоинство его переведено на сына его. Владѣніе *Сыму* на сѣверѣ граничитъ съ владѣніемъ Ипань; также въ сосѣдствѣ съ Каномъ. Отсюда получаютъ превосходныхъ лошадей» («Собр. свѣд.» и пр., ч. 3, стр. 258 и 259).

Имя Шикини или Шини и нахожденіе въ 300 ли или трехъ дняхъ пути на сѣверъ отъ Хуми или Вахана и въ 500 ли или пяти дняхъ пути на юго-востокъ отъ Гюйми, т.-е. Кумида или Каратегина, свидѣтельствуютъ, что это нынѣшній Шигнанъ. Первоначальная столица или подчиненность Кухани показываютъ, что, какъ и Ваханъ, страна Шигнана была колонизована переселенцами изъ Хохона. Пять большихъ горныхъ долинъ, старѣйшины которыхъ сдѣлались независимыми, по отпаденіи отъ Хохона, вѣроятно, суть долины Шахъ-дары, Гупта, Бартанга, Язгулема и Ванча или самого Пянджа. Такъ какъ рѣка Боми, т.-е. Памиръ, текущая изъ озера Зоркуля или Викторіи, не имѣетъ сколько-нибудь значительныхъ притоковъ, которые образовали бы ущелья или долины, и протекаетъ отъ озера до сліянія съ Ваханъ-дарьею въ одномъ ущельи, которое въ настоящее время (и, конечно, прежде) необитаемо по значительной высотѣ надъ уровнемъ моря и обилію снѣговъ, то приходится полагать, что или въ

текстѣ «Танъ-шу», или въ переводахъ произошли ошибки или недоразумѣнія въ мѣстѣ, упоминающемъ о четырехъ долинахъ по р. Боми или четырехъ долинахъ по р. Пуоми. Можно думать, что въ текстѣ «Танъ-шу» подъ четырьмя долинами или ущельями, упоминаемыми въ связи съ Памирами, разумѣются долины или ущелья рѣкъ Шахъ-дары, Гунта, Бартанга и Язгулема, вытекающихъ съ Памира или изъ окраинныхъ памирскихъ хребтовъ; чрезъ всѣ эти четыре ущелья или долины могли пролегать пути на Памиръ, по которымъ проходили и торговцы, пока грабежи населенія этихъ долинъ, не признававшихъ власти владѣтеля, которому повиновалась лишь долина Пянджа, не вынудили торговцевъ прекратить пользованіе путями по столь небезопасньмъ долинамъ, и торговое движеніе не сосредоточилось исключительно на пути изъ Вахана по р. Памиру, ущелье которой всегда должно было входить въ составъ Вахана, а не Шигнана, такъ какъ дебушируетъ въ Ваханъ. Относительно хлѣбовъ слѣдуетъ считать болѣе правильнымъ переводъ Леви и Шаванна, такъ какъ еще Сюань Цзанъ сообщалъ свѣдѣнія о посѣвахъ въ Шигнанѣ пшеницы и овощей и даже нѣкотораго количества риса. О владѣніяхъ Сыму и Ипань въ китайскихъ извѣстіяхъ о западныхъ странахъ, насколько извѣстно изъ переводовъ на европейскіе языки, упоминаній болѣе нѣтъ; между тѣмъ одного указанія о сосѣдствѣ Сыму съ Каномъ, т.-е. съ Самаркандомъ, и нахожденія Ипани на сѣверѣ отъ Сыму совершенно недостаточно для выясненія—гдѣ оба эти владѣнія находились, тѣмъ болѣе, что имена ихъ, повидимому, столь измѣнены въ китайской транскрипціи, что я не могъ найти сколько-нибудь подходящихъ нынѣшнихъ и извѣстныхъ исторически именъ. По всей вѣроятности, владѣніи эти не были смежны съ Шигнаномъ, ибо о сосѣдствѣ было бы упомянуто, а потому одновременное прибытіе посольствъ изъ этихъ двухъ владѣній и изъ Шигнана могло быть простою случайностью, а не истекало изъ особыхъ между тремя владѣніями отношеній. Посольство 646 г. было, конечно, слѣдствіемъ завоеванія китайцами въ 640 г. Гаочана (нынѣ Турфанъ) и въ 644 г. Яньки (Карашаръ); видя въ этомъ начало возстановленія кит. власти въ Таримскомъ бассейнѣ, ближайшія владѣнія на западѣ естественно могли заботиться о заблаговременномъ установленіи благопріятныхъ отношеній къ Китаю. Въ борьбѣ Китая съ Тибетомъ Шигнанъ держалъ сторону китайцевъ и, повидимому, не испыталъ подчиненія тибетцамъ, тогда какъ владычество Тибета надъ Ваханомъ было довольно продолжительно и оставило свой слѣдъ, между прочимъ, въ титулѣ владѣтеля Вахана еще XIII в., такъ какъ, по Марко Поло, государь *Вохана*, вассалъ владѣтеля Бадахшана, носилъ титулъ *Ноне*; Юль справедливо видѣлъ въ этомъ титулѣ тибетское *ноно*, младшій, употребляемое въ качествѣ титула младшаго брата государя или подчиненнаго владѣтеля (The Book of Ser Marco Polo..., by colonel Henry Yule, Second edition, London, 1875, vol. I, p. 183).

3. Гуйми или Кумидъ (Каратегинъ-Дарвазъ).

По «Танъ-шу», «владѣніе Гуйми лежитъ въ горахъ, отъ Тухоло на сѣв.-востокъ; на югѣ прилежитъ къ черной рѣкѣ. Владѣтель происходитъ изъ дулгаскаго дома Яньто. Въ шестнадцатое лѣто правленія Чженъ-гуань, 642 (г.), онъ отправилъ посланника къ Двору; въ правленіе Кхай-юань, 713—741 (г.г.), прислалъ тюркистанскихъ танцовщицъ. (При этомъ) владѣтель Налоянь очень жаловался, что дашискій (т.-е. арабскій) государь обременяетъ его податьми. Сынъ неба отвѣчалъ ему утѣшительными совѣтами. Въ правленіе Тхянь-бао, 742—755, владѣтель Исилань Хэугинь еще прислалъ лошадей» («Собр. свѣд.» и пр., ч. 3, стр. 259). Мы уже знаемъ изъ описанія Шигнана, что Гуйми (Kiu-mi) находилось въ 500 ли на сѣв.-западъ отъ Шигнана; это разстояніе въ данномъ направленіи должно было приводить въ пять большихъ дней пути въ Каратегинъ, а потому Гуйми есть Каратегинъ, что подтверждается и многими другими данными, которыя видны будутъ ниже. Отъ Тухоло, т.-е. отъ столицы Тохаристана Балха, Каратегинъ, дѣйствительно, находится на сѣв.-востокѣ. Каратегинъ занимаетъ оба берега Сурхаба (т.-е. «Красной рѣки»), но большая часть его земель и главныя поселенія находятся на сѣверной сторонѣ Сурхаба, такъ что, пожалуй, можно бы о немъ сказать, что «на югѣ прилежитъ къ» Сурхабу. На югѣ отъ Каратегина находятся притокъ Сурхаба Хингобъ («Мутная рѣка», по переводу Б. Л. Громбчевскаго въ «Изв. И. Р. Геогр. Общ.» 1891 г., стр. 99) и затѣмъ Пянджъ, а потому, если выраженіе «прилежитъ» понимать въ смыслѣ «граничитъ», за «Черную рѣку» можно принимать Хингобъ или Пянджъ. Недоразумѣніе должно быть разрѣшено въ пользу Пянджа, такъ какъ по Сюань Цзану владѣніе Кюмито на юго-западѣ прилегаетъ къ рѣкѣ По-цзу (т.-е. къ Оксу или Пянджу), а на югѣ оно смежно съ царствомъ Шикини (Mémoires etc., t. I, p. 27). Коль скоро Гуйми или Кюмито было смежно съ Шигнаномъ и прилегало на ю.-з. къ Пянджу, то въ составъ его долженъ былъ входить нынѣшній Дарвазъ, который въ танское время, повидимому, не былъ особымъ владѣніемъ, ибо не упоминается ни въ «Танъ-шу», ни у Сюань Цзана. Въ китайскомъ подлинникѣ танцовщицамъ, присланнымъ кит. двору отъ владѣтеля Гуйми, данъ эпитетъ, вѣроятно, не «тюркистанскихъ», а варварскихъ, *ху*. Вѣроятно, это были рабыни, такъ какъ, по арабскимъ географамъ, изъ «странъ невѣрія», расположенныхъ въ верховьяхъ Окса, вывозились главнымъ образомъ «мускусъ и рабы». Дарвазцы и нынѣ любятъ музыку, пѣніе и пляски; подъ вліяніемъ мусульманства и запрещенія имъ публичнаго участія женщинъ въ танцахъ, танцуютъ нынѣ одни мужчины, которые становятся въ кругъ и отбиваютъ темпъ руками; танцоры продѣлываютъ жесты и движенія довольно красиво, употребляя нѣчто въ родѣ кастаньетъ. Между женщинами Дарваза встрѣчаются очень

красивыя (Karateghin et Darwoz, par F. de Rocca, въ Revue de Géographie, 1895, p. 180).

Въ «Танъ-шу» есть еще слѣдующее мѣсто: «На сѣверѣ», повидимому отъ владѣнія Тухоло, простирающагося отъ Луковыхъ горъ до Боцысы, т.-е. до Персіи, «есть родъ *Гюйми*, который также составляетъ самостоятельное владѣніе. Отъ В. къ З. простирается на 600 ли» («Собр. свѣд.» и пр., ч. 3, стр. 247 и 248). Вѣроятно, это Гуйми, по какимъ-нибудь другимъ свѣдѣніямъ, не узнанное составителями «Танъ-шу» въ иной транскрипціи имени.

По свѣдѣніямъ Сюань Цзана, «владѣніе Kiu-mi-tho простирается съ В. на З., тысячи на двѣ ли и съ Ю. на С. ли на двѣсти. Оно расположено въ срединѣ великихъ горъ Цунлинъ. Окружность столицы—десятка два ли. На юго-западѣ владѣніе это сосѣдитъ (est voisin) съ рѣкою Po-tsou; на югѣ оно соприкасается съ владѣніемъ Шикини» (Mémoires etc., t. I, p. 27).

Дабы точнѣе выяснить положеніе владѣнія Кюмито и воспользоваться извѣстіями Сюань Цзана о ближайшихъ къ этой странѣ владѣніяхъ праваго берега Аму-дарьи для цѣлей настоящаго изслѣдованія, я нахожу необходимымъ привести здѣсь кратко его свѣдѣнія объ этихъ владѣніяхъ (Mémoires etc., t. I, p.p. 25—27): имѣющее протяженія съ В. на З. около 600 ли и съ Ю. на С. около 400 ли влад. Ta-mi простирается на В. до влад. Tch'i-ho-yen-na. Послѣднее имѣетъ около 400 ли съ В. на З. и около 500 ли съ Ю. на С. На В. оно простирается до влад. Ho-lou-mo, имѣющаго около 100 ли съ В. на З. и около 300 ли съ Ю. на С. Оно простирается на В. до влад. Sou man, имѣющаго съ В. на З. около 400 ли и съ Ю. на С. около 100 ли; на Ю.-З. страна эта сосѣдитъ съ р. По-цзу и простирается до влад. Kio-ho-yen-na, имѣющаго протяженія съ В. на З. около 200 ли и съ Ю. на С. около 300 ли. На В. влад. Суманъ простирается до влад. Hou-cha, которое имѣетъ около 300 ли съ В. на З. и около 500 ли съ Ю. на С. На В. влад. Хуша простирается до влад. Kho-tou-lo, которое имѣетъ около 1000 ли съ В. на З. и столько же съ Ю. на С. На В. Хотуло прилегаетъ къ горамъ Цунлинъ и простирается до влад. Kiu-mi-tho, свѣдѣнія о которомъ приведены выше. Если къ этому прибавить, что всѣ эти владѣнія находятся въ числѣ 27 владѣній, на которыя распалось древнее царство Тухоло; что населеніе послѣдняго отличалось характеромъ мягкимъ и трусливымъ и наружностью пошлою и подлою (commune et ignoble), имѣя особый, отличающійся немного отъ другихъ странъ, языкъ и особыя же письмена, съ довольно значительной литературой (p. 24); что во влад. Тами находилось около десятка цзялановъ или буддійскихъ монастырей, въ которыхъ насчитывалось около тысячи духовныхъ лицъ, возлѣ же ступъ и священныхъ статуй Будды совершалось множество чудесъ; что въ Чигояньна было пять цзялановъ съ

небольшимъ числомъ монаховъ, въ Холумо два съ сотней духовныхъ, въ Сумань то же два съ малымъ числомъ монашествующихъ и въ Кіохояньна три съ сотней монаховъ; и наконецъ, что столицы владѣній имѣли въ окружности: въ Тами два десятка ли, въ Чигояньна десятокъ, то же въ Холумо, въ Суманѣ 6—7 ли, въ Кіохояньна около 10 ли, въ Хуша 16—17 ли и въ Хотуло около 20 ли,—то свѣдѣнія Сюань Цзана о владѣніяхъ Тохаристана на правомъ берегу Аму-дарьи почти сполна исчерпываются. Отсутствіе разстояній между этими владѣніями и вообще краткость свѣдѣній объясняются, безъ сомнѣнія, тѣмъ, что лично Сюань Цзанъ въ нихъ не былъ, прослѣдовавъ отъ Желѣзныхъ Воротъ прямо на лѣвую сторону Аму-дарьи во владѣніе Хуо, какъ и значится въ Histoire de la vie etc., 1853, p. 67.

Хотя имена свѣдѣній Сюань Цзана нынѣ на мѣстахъ не существуютъ, но ко времени завоеванія бассейна Аму-дарьи арабами въ VIII в. они еще сохранялись, а потому, при помощи свѣдѣній и маршрутовъ арабскихъ географовъ и пріобрѣтенныхъ въ послѣдней четверти XIX стол. точныхъ географическихъ и топографическихъ данныхъ о восточной части бухарскаго ханства, въ настоящее время пріуроченіе владѣній, описанныхъ Сюань Цзаномъ, можетъ быть произведено почти съ несомнѣнностью. Свѣдѣнія арабскихъ географовъ о разстояніяхъ въ этой дальней части владѣній халифовъ, къ сожалѣнію, отчасти разнорѣчивы. По Истахри и Ибнъ-Хаукалу (въ X в.), отъ Тармиза до Чаганіана 4 дня пути, отъ Чаганіана до Шумана 2 дня, отъ Шумана до Вашгирда 2 дня; отсюда до Илана 1 день, потомъ до Дербенда 1 день, затѣмъ до Гавкана 1 день и, наконецъ, до замка, принадлежащаго Рашту, 2 дня (Die Post-und Reiserouten des Orients, von A. Sprenger, 1864, S. 43). По Ибнъ-Хордадбеху (IX в.), отъ Тармиза до ас-Саганіана четыре перехода, составляющіе въ сложности 24 фарсаха; отъ ас-Саганіана до Бундхи 6 ф., Хамаверанъ 7 ф., Абанъ-казаванъ 8 ф., до Шумана 5 ф. и отсюда до Вашджирда 4 ф., откуда до Рашта 4 дня. По слѣдующему вообще Ибнъ-Хордадбеху Кодамѣ разстоянія тѣ же самыя, кромѣ перехода отъ ас-Саганіана до Бундхи, который показанъ въ 3 ф. (Bibl. geographorum arab., ed. de Goeje, t. VI, p.p. 24, 162). Такимъ образомъ 4 днямъ пути Истахри и Ибнъ-Хаукала отъ Тармиза до Саганіана соотвѣтствуютъ у Ибнъ-Хордадбеха 24 фарсаха, что даетъ по 6 ф. или по 30—36 вер. на день, т.-е. разстояніе вполнѣ подходящее для средняго дня обычнаго караваннаго пути; напротивъ, 26 или 24 фарсаха не могутъ соотвѣтствовать 2 днямъ пути, потому что на день приходилось бы по 13 или 12 ф., т.-е., даже считая только по 5 в. на 1 ф., по 65—60 в.,—разстояніе, невѣроятное для караваннаго пути. Такъ какъ Ибнъ-Хордадбехъ лично на мѣстахъ не былъ и пользовался чужими свѣдѣніями, которыя относительно этой отдаленной части владѣній халифовъ могли быть ошибочны, то слѣдуетъ отдать предпочтеніе

свѣдѣніямъ Истахри, провѣреннымъ Ибнъ-Хаукаломъ, какъ бывшихъ на мѣстахъ путешественниковъ [1]). Это заключеніе подтверждается и тѣмъ, что только при руководствѣ свѣдѣніями Истахри пріуроченія Саганіана и Шумана и прочихъ пунктовъ могутъ быть произведены безъ затрудненій и сообразно дѣйствительнымъ географическимъ условіямъ. Такъ долина Сурхана, естественно, должна была быть особымъ владѣніемъ и именно Саганіаномъ, Чихояньна Сюань Цзана, по нахожденію на сѣв.-востокѣ (вмѣсто востока) отъ Тами-Тармиза, и на западѣ отъ Холумо и Шумана; естественнымъ же центральнымъ пунктомъ главной части долины Сурхана является нынѣ г. Денау: около него и должна была лежать столица владѣнія, находившаяся, по Истахри, въ 4 дняхъ или 24 фарсахахъ, по Ибнъ-Хордадбеху, т.-е. въ 120—144 в., какъ Денау и лежитъ отъ развалинъ Тармиза въ разстояніи около 120—127 в. («Сборникъ геогр. и пр. матеріаловъ по Азіи», вып. 57, стр. 398). Разстояніе въ 2 дня пути отъ Саганіана до Шумана, соотвѣтствующее 60—70 вер., указываетъ для Шумана приблизительное положеніе около нынѣшняго Хиссара или около Каратага, до котораго нынѣшніе маршруты даютъ чрезъ Сары-Джуй и Регаръ 64 в. (тамъ же, стр. 275—277) и 66 в. (тамъ же, стр. 45), а прямою дорогою по лѣвому берегу Каратагъ-дарьи 54 в. (стр. 284); маршрутныхъ разстояній отъ Денау до Хиссара мнѣ не встрѣчалось, но разстояніе должно быть, по картамъ, сходное съ разстояніемъ отъ Денау до Каратага, особенно дорогой по лѣвому берегу Каратагъ-дарьи. Томашекъ, намѣтившій (какъ уже упомянуто мною въ главѣ третьей, стр. 12) мѣстность г. Каратага для помѣщенія Холумо-Ахаруна, пріурочивалъ Шуманъ къ Дюшамбе, а не къ Хиссару, на томъ основаніи, что Хиссаръ-Шадманъ есть городъ новый, получившій впервые значеніе въ эпоху гузовъ, въ арабскихъ же маршрутахъ фигурировалъ онъ лишь въ качествѣ, вѣроятно, станціи Абаръ-Казръ (Sogdiana, S. 41), какъ, повидимому, Томашекъ читалъ имя Абанъ-Казаванъ маршрутовъ Ибнъ-Хордадбеха и Кодамы. Но трудно допустить, чтобы занимаемое Хиссаромъ мѣсто, въ центрѣ огромной равнины, образуемой соединяющимися долинами р.р. Кафирнихана и Сурхана, оставалось незанятымъ соотвѣтствующимъ значенію его и преимуществамъ городомъ съ глубокой древности. Нынѣшнее укрѣпленіе Хиссара описывается такъ: «Это укрѣпленіе по природѣ очень сильное: оно расположено на высокомъ холмѣ съ обрывистыми боками, который командуетъ какъ городомъ Гиссаромъ, такъ и окружающею мѣстностью. Укрѣпленіе построено террасами на холмѣ, причемъ нижнія террасы обстрѣливаются съ верхнихъ; на самомъ верху, на небольшой площадкѣ, расположена цитадель съ бекскимъ домомъ. Укрѣпленіе состоитъ изъ тол-

[1]) По историку Гардизи (XI в.), разстояніе между Саганіаномъ и Шуманомъ равнялось 12 фарс. (В. В. Бартольдъ „Туркестанъ“ и пр., стр. 76), т.-е. двумъ днямъ пути Истахри.

стыхъ и высокихъ глинобитныхъ стѣнъ съ бойницами... Штурмъ холма (и) безъ всякихъ стѣнъ, по крутости его ската, уже весьма труденъ» («Сборникъ» и пр., вып. 57, стр. 319 и 320). Вѣроятно, этотъ холмъ и занимала та крѣпость, въ которой царь Шумана и Ахаруна Али-шахъ, прогнавшій послѣ пятилѣтней покорности арабамъ ихъ сборщика, былъ осажденъ мусульманскимъ войскомъ въ 91 году; хотя арабы не могли взять этой крѣпости силою, но за истощеніемъ запасовъ продовольствія, не желая сдаться и зарывъ въ землю свои сокровища, Али-шахъ вышелъ изъ крѣпости и велъ отчаянный бой съ осаждавшими, пока не былъ убитъ (Chronique de Tabari, version persane de Belámi, trad. par H. Zotenberg, 1874, t. IV, p.p. 172—173). Самое имя Хиссаръ-Шадманъ, т.-е. «счастливый» Хиссаръ, можетъ служить указаніемъ, что Шуманъ находился на мѣстѣ нынѣшняго Хиссара, ибо Шадманъ, можетъ быть, есть измѣненіе имени Шуманъ, какъ полагалъ сэръ Роулинсонъ (Proceedings of the R. Geographic. Society, 1884, p. 511): Хиссари-Шуманъ (крѣпость Шумана) обратилось въ Хиссари-Шадманъ (Счастливый Хиссаръ или Счастливая крѣпость).

Что касается *Холумо,* то, конечно, это есть китайская транскрипція имени *Харунъ* или *Ахарунъ* арабскихъ историковъ, упоминаемаго въ качествѣ особой области или владѣнія вышеуказаннаго Али-шаха, государя Шумана и Ахаруна. Въ свѣдѣніяхъ о доходахъ за 211 и 212 гг. значится съ Ахаруна 32 т. дирхемовъ и съ Саганіана 48.500 дирхемовъ [1]; Шуманъ не упоминается, можетъ быть, потому,ч то платежи съ него значатся въ числѣ 32 т. д. съ Ахаруна. У арабскихъ географовъ Ахарунъ въ маршрутахъ не значится, конечно потому, что находился въ сторонѣ отъ пути изъ Саганіана въ Вашгирдъ и далѣе. Таково положеніе и г. Каратага, на мѣсто котораго Томашекъ намѣтилъ Холумо-Ахарунъ. Можетъ быть, въ имени перваго отъ города Каратага вверхъ по его рѣкѣ селенія *Курангъ* [2]) заключается мѣстный слѣдъ имени Холумо-*Ахаруна*. Обособленность Ахаруна отъ Шумана происходила, безъ сомнѣнія, отъ того, что, при разстояніи лишь въ $30^1/_2$ в. и при нахожденіи въ одной равнинѣ, Каратагъ расположенъ въ бассейнѣ Каратагъ-Дарьи, главнаго истока Сурхана, тогда какъ Хиссаръ лежитъ въ бассейнѣ р. Кафирниханъ. Положеніе Каратага на С.-В. отъ Депау и на С.-З. отъ Хиссара подходяще къ свѣдѣніямъ Сюань Цзана о нахожденіи Холумо на В. отъ Чигояньна и на З. отъ Суманя.

70 в., отдѣляющія Хиссаръ отъ Файзабада по прямой дорогѣ на востокъ, соотвѣтствуютъ двумъ днямъ пути Истахри и Ибнъ-Хаукала отъ

---

[1]) Bibliotheca geogr. arabicorum, ed. de Goeje, t. VI, p.p. 26—27.

[2]) У В. И. Липскаго („Горная Бухара“, ч. I, 1902 г., стр. 105) упоминается кишлакъ *Караны*, откуда онъ на другой день прибылъ въ Каратагъ: не Куранъ ли это картъ и „Сборника... матеріаловъ по Азіи“?

Шумана до Вашгирда. Вашгирдъ представлялъ при арабахъ особую область (съ него поступало ежегодно 1 т. дирхемовъ, Bibl. geogr. arab., VI, p. 27) и ранѣе, вѣроятно, былъ особымъ владѣніемъ, а потому можетъ быть почитаемъ за Хуша Сюань Цзана, лежавшее, какъ Файзабадъ, на В. отъ Суманя-Хиссара. Упущеніе указанія о пограничности Хуша-Вашгирда на В. не только съ Хотуло, Хотломъ, Котланомъ, но и съ Кюмито, Каратегиномъ-Дарвазомъ, можно объяснять неполнотою свѣдѣній Сюань Цзана. Съ другой стороны, нельзя рѣшительно отвергать, что имя *Хуша* могло быть кит. транскрипціею имени области *Вахшъ* арабскихъ писателей, главный городъ которой, по разстояніямъ, приходится на мѣстность около нынѣшняго Курганъ-тюбе (В. В. Бартольдъ, «Туркестанъ въ эпоху монг. нашествія», стр. 66); если же принять въ соображеніе, что владѣніе Сумань (Хиссаръ) не могло бы имѣть 500 ли (т.-е. 5 дней пути, значитъ, не менѣе 100—125 вер.) протяженія съ В. на З., если бы въ предѣлы его не входила вся долина р. Иляка, т.-е. и мѣстность Файзабада-Вашгирда, а потому надо полагать, что Вашгирдъ входилъ въ составъ Суманя; что влад. Вахшъ могло занимать не только лѣвый берегъ Вахшаба, но и бассейнъ р. Явана, праваго притока Сурхаба, благодаря чему влад. Хуша-Вахшъ имѣло бы, дѣйствительно, около 500 ли или 5 дней пути протяженія съ Ю. на С., тогда какъ Хуша-Файзабадъ далеко не могло бы съ Ю. на С. простираться на 5 дней пути, даже съ бассейномъ Явана; что по размѣрамъ столицы Хуша (16—17 ли въ окружности) вѣроятнѣе нахожденіе ея и самаго владѣнія въ обширной и могущей содержать многочисленное населеніе долинѣ Курганъ-тюбе, чѣмъ въ незначительной долинѣ Иляка, гдѣ помѣщался Вашгирдъ-Файзабадъ, и что отсутствіе указанія на смежность Хуша съ Кюмито объяснимо не неполнотой свѣдѣній Сюань Цзана, а тѣмъ, что Хуша-Вахшъ, дѣйствительно, не соприкасалось съ Кюмито-Каратегиномъ, будучи отдѣлено отъ него Суманемъ и Котуло,—то едва ли не окажется, что Хуша Сюань Цзана есть не Вашгирдъ-Файзабадъ, а Вахшъ-Курганъ-тюбе.

По Ибнъ-Хордадбеху съ Кодамою, отъ Вашгирда до ар-Рашта или Раста 4 дня пути. «Растъ, образующій границу Хорасана съ этой стороны, занимаетъ узкую долину между двумя горными хребтами, по которой прежде вторгались тюрки, производя свои набѣги. Аль-Фадлъ ибнъ-Яхъя ибнъ-Халидъ ибнъ-Бармакъ велѣлъ построить тутъ ворота» (une porte) (Bibl. eogr. garab., t. VI, p. 24) или «стѣну» (по изложенію В. В. Бартольда). Упомянутый Фадлъ былъ намѣстникомъ Хорасана въ 794 и 795 гг. (В. В. Бартольдъ, «Туркестанъ», стр. 503). Читая въ маршрутахъ Истахри и Ибнъ-Хаукала *Илякъ* вмѣсто прежняго чтенія *Илянъ*, В. В. Бартольдъ полагаетъ, что этотъ городъ находился на мѣстѣ нынѣшняго сел. Калаи-Даштъ, слѣдующую станцію Дербентъ намѣчаетъ на мѣстѣ Оби-Гарма и столицу или «крѣпость» Раштъ помѣщаетъ приблизи-

тельно около нынѣшняго Гарма (тамъ же, стр. 72 и 73). Я думаю, что первая станція отъ Вашгирда могла быть скорѣе около нынѣшняго селенія *Илякъ-дара*, у самыхъ истоковъ р. Иляка, такъ какъ разстояніе до него отъ Файзабада равняется 29 в. («Сборникъ... матеріаловъ по Азіи», вып. 57, 1894 г., стр. 305, 345 и 346), т.-е. почти полный день пути, тогда какъ разстояніе до Калаи-Хола (какъ, повидимому, называется по новѣйшимъ свѣдѣніямъ Калаи-даштъ) составляетъ только 23 в. (тамъ же, стр. 346). Оби-Гармъ едва ли могъ быть слѣдующей станціей, потому что отъ Илякъ-дары до него менѣе полдня пути. Къ сожалѣнію, мнѣ не встрѣчалось подробнаго маршрута отъ Файзабада до Гарма по новѣйшимъ даннымъ, но по картамъ разстояніе можетъ быть опредѣлено съ достаточной приблизительностью въ 110—120 в., т.-е., считая въ 30 в. средній день пути, отъ Иляка до Гарма будетъ не болѣе трехъ дней пути, а не четыре, какъ значится у Истахри до замка или крѣпостцы, принадлежащей Рашту. Мнѣ кажется, что столицу Рашта, до которой Ибнъ-Хордадбехъ и Кодама даютъ четыре дня пути отъ Вашгирда, не слѣдуетъ смѣшивать или отождествлять съ крѣпостью Рашта, до которой Истахри и Ибнъ-Хаукалъ показываютъ пять дней пути. Столица Рашта могла находиться около нынѣшняго Гарма, въ четырехъ дѣйствительно дняхъ пути отъ Вашгирда-Файзабада, крѣпость же должна была находиться на границѣ Рашта и могла быть въ днѣ пути отъ столицы на востокъ, служа для пресѣченія набѣговъ тюрковъ съ Алая. По свѣдѣніямъ В. Н. Ошанина, «лѣтъ сорокъ назадъ вся долина Сурхаба выше устья Оби-Кабуда принадлежала кара-киргизамъ, теперь же пространство между устьями Оби-Кабуда и Оби-Занку занято таджиками» («Каратегинъ» въ «Изв. И. Р. Геогр. Общ.», 1881 г., стр. 45). Высота надъ уровнемъ моря устья р. Кабуда менѣе 5200 фут. и устья р. Занку около 6000 ф., а также обиліе значащихся на лучшихъ картахъ селеній въ долинахъ Кабуда и его притоковъ удостовѣряютъ, что мѣстность эта принадлежитъ къ числу удобныхъ для земледѣлія и потому, надо думать, была занята и въ древности осѣдлымъ населеніемъ. Выше Занку долина Сурхаба узка и быстро повышается до долины Алая, которая непригодна для хлѣбопашества, по обилію же лѣтнихъ пастбищъ всегда должна была быть занята кочевниками. Весьма поэтому вѣроятно, что крѣпость Рашта находилась на границѣ земель осѣдлаго населенія Сурхаба близъ устья р. Кабуда, въ большомъ днѣ пути отъ столицы (отъ Гарма до Кабуда около 40 верстъ).

При особомъ значеніи мѣстности Кабуда, богатой хлѣбопахотными землями и расположенной на восточной границѣ осѣдлости по Сурхабу, представляется весьма вѣроятнымъ, что именно имя Кабудъ послужило мѣстнымъ оригиналомъ для имени Габэй, Габей (въ транскрипціи о. Іакинфа), Кіа-pei (западно-европейскихъ синологовъ), которое историческія извѣстія династіи Юань-вей, въ V или VI вв., давали владѣнію, носивше-

му во времена династіи Старшихъ Ханей имя Хюми, со столицею въ городѣ Хо-мо, т.-е. Гармѣ (см. главу третью наст. изслѣдованія, «Рус. Антр. Жур.», 1900 г., № 4, стр. 10 и слѣд.). Объясненіе причины, по которой вмѣсто древняго имени Хюми Каратегинъ сталъ именоваться Кабэй, можно предположить въ томъ, что во время, къ которому относятся юань-вэйскія свѣдѣнія, въ Каратегинѣ правилъ владѣтельный родъ, происходившій изъ долины Кабуда, каковое имя и явилось въ кит. транскрипціи въ формѣ Кабэй, Габэй и пр. и замѣняло нѣкоторое время названіе Хюми, которое, однако, возстановилось при дин. Танъ въ видѣ Хуми, Гуйми.

Имени Хюми, Хуми, Кюмито или подобнаго не встрѣчается у Ибнъ-Хордадбеха съ Кодамою, а также у Истахри съ Ибнъ-Хаукаломъ, но уже Якуби, писатель конца IX в., упоминаетъ область Кумедъ (В. В. Бартольдъ, «Туркестанъ» и пр., ч. 2, стр. 71). По географу начала X в. Ибнъ-Русте, р. Вахшабъ, какъ уже было приведено, начинаясь въ горной странѣ тюрковъ-карлыковъ, протекала чрезъ области (districts) Памиръ, Раштъ и Кумидъ къ Каменному мосту. Къ выясненію положенія Рашта можетъ служить свѣдѣніе того же географа о томъ, что текущая въ Шаганіанъ р. Рамидъ беретъ начало въ горахъ выше Рашта. По «рукописи Туманскаго» (неизданное еще географическое сочиненіе, написанное въ 982—983 г. по Р. Х.), верховья Кафирнихана (т.-е. р. Рамитъ между прочимъ) находились въ области Кумедъ; «одинъ изъ истоковъ Сурхана, именно Каратагъ-дарья, носилъ названіе *Кумв*. Область была населена народомъ *кумиджіевв* (имя этого народа въ разныхъ видахъ встрѣчается у Гардизи и Бейхаки), которыхъ Макдиси причисляетъ къ тюркамъ» (В. В. Бартольдъ, «Туркестанъ» и пр., стр. 72 и 14). По историку Гардизи, возмутившійся противъ саманида Нуха владѣтель Саганіана и намѣстникъ Хорасана Абу-Али въ 948 г. заключилъ союзъ съ эмиромъ Хутталя, «кумиджіями и эмиромъ Рашта», отрѣзалъ разграбившія его столицу Саганіанъ войска Нуха отъ всякаго сообщенія съ Бухарою и достигъ почетнаго примиренія съ Нухомъ (тамъ же, стр. 260). Къ числу отдаленныхъ и пограничныхъ областей, которыя имѣли при саманидахъ наслѣдственныхъ владѣтелей, отправлявшихъ, по Макдиси, въ столицу (Бухару) только подарки, а не подати, принадлежали, между прочимъ, Саганіанъ, Хутталь и Раштъ (id., стр. 243). У историка Бейхаки упоминается о вторженіи весной 1034 г. въ Хутталь, подвластный уже газневидамъ, горцевъ-кумиджіевъ (В. В. Бартольдъ «Туркестанъ», стр. 315); весной 1035 г. правитель Саганіана Абдулъ-Касимъ, вслѣдствіе нашествія войскъ сыновей умершаго къ этому времени владѣтеля Мавераннагра караханида Али-тегина, «бѣжалъ на сѣверъ въ страну кумиджіевъ» (тамъ же, стр. 316). Въ 1038 г. Бури-тегинъ, враждовавшій съ родственниками своими, сыновьями Али-тегина, «удалился въ страну кумиджіевъ и тамъ

набралъ трехтысячный отрядъ, съ которымъ сталъ производить опустошенія въ Вахшѣ и Хутталѣ, въ окрестностяхъ Хульбука. Онъ уже дошелъ до Пянджа, когда получилъ извѣстіе о намѣреніи султана (Масуда, газневида, которому принадежали эти земли) лично совершить походъ противъ него. Бури-тегинъ отступилъ и изъявилъ раскаяніе; все-таки противъ него въ концѣ октября былъ отправленъ отрядъ изъ десяти тысячъ всадниковъ. Вскорѣ пришло извѣстіе, что Бури-тегинъ очистилъ Хутталь и вернулся въ страну кумиджіевъ». Султанъ Масудъ не оставилъ однако намѣренія лично покончить съ Бури-тегиномъ. 18 декабря войско его переправилось чрезъ Аму-дарью по мосту у Тармиза и 31 числа прибыло въ Саганіанъ. 9 января, когда оно «дошло до ущелья Шуніанъ» (?), получено было извѣстіе о вторженіи во владѣнія султана сельджукидовъ. «Султанъ принужденъ былъ отступить, тѣмъ болѣе, что Бури-тегинъ выступилъ изъ Шумана и занялъ ущелье; при такихъ условіяхъ борьба съ противникомъ, хорошо знавшимъ мѣстность, была невозможна» (тамъ же стр. 319 и 320).

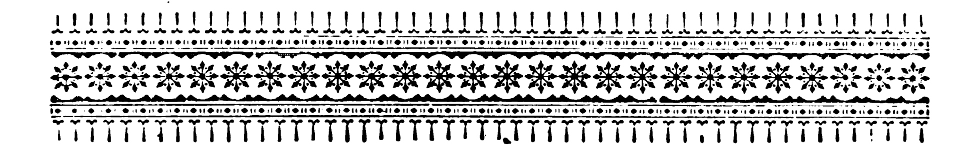
Повидимому, «ущелье Шуніанъ» Бейхаки помѣщалъ между Саганіаномъ и Шуманомъ, но искать его надо на пути отъ Денау къ Хиссару по лѣвому берегу Каратагъ-дарьи, такъ какъ дороги праваго берега идутъ по равнинѣ. Засимъ изъ приведенныхъ извѣстій можно заключить, что Раштъ соотвѣтствовалъ нынѣшнему Каратегину. Что же касается Кумида, то свѣдѣнія мусульманскихъ писателей скудны и неясны. Извѣстіе Ибнъ-Русте о протеканіи Вахшаба къ Каменному мосту послѣ Рашта чрезъ область Кумидъ ни кѣмъ и ни чѣмъ не подтверждается, тогда какъ изъ маршрутовъ въ Раштъ можно заключить, что по правому берегу Вахшаба Раштъ прилегалъ къ Ваходжирду; однако, Ибнъ-Русте, можетъ быть, разумѣлъ подъ Кумидомъ бассейнъ р. Хингоу и вообще лѣвый берегъ Вахшаба ниже Хингоу до границъ Хуттадя; въ такомъ случаѣ часть теченія Вахшаба слѣва дѣйствительно касалась Кумида, такъ какъ выше уже было выяснено, что по китайскимъ извѣстіямъ въ составъ Гуйми, Кумида, входилъ не только Каратегинъ, но и Дарвазъ. Свѣдѣніе автора рукописи Туманскаго о нахожденіи вершинъ Рамида въ области Кумедъ подтверждается извѣстіемъ Бейхаки о бѣгствѣ въ 1035 г. правителя Саганіана «на сѣверъ въ страну кумиджіевъ»: въ это время Ахарунъ и Шуманъ, слѣдовательно равнинная часть бассейна Каратага и Рамита, входили уже въ составъ Саганіана (В. В. Бартольдъ, «Туркестанъ» и пр., стр. 76), а потому бѣгство на сѣверъ отъ Саганіана въ страну кумиджіевъ означало удаленіе въ горную страну вершинъ Кафирнихана и Сурхана. По нынѣшнимъ свѣдѣніямъ (1889 г.), наиболѣе возвышенная часть этой горной страны, расположенной между Хиссарскимъ хребтомъ на сѣверѣ и долиною Хиссара и Сурхана на югѣ, представляетъ отличныя лѣтнія пастбища для стадъ тюркскихъ кочевниковъ долинъ Хиссара и Сурхана, въ горныхъ

же ущельяхъ ея и долинкахъ «расположилъ свое жилище горецъ-земледѣлецъ. Всякая терраса въ горахъ, всякое болѣе или менѣе ровное мѣстечко вдоль самой рѣки заняты пашнями» («Гиссарское и Кабадіанское бекства“ капитана Лиліенталя въ «Сборникѣ... матеріаловъ по Азіи», вып. 57, 1894 г. стр. 293). Лучшія сообщенія въ этой странѣ, какъ обыкновенно въ горныхъ мѣстностяхъ, идутъ по ущельямъ рѣкъ, въ долину Хиссара, но очень трудны; «на каждомъ шагу встрѣчаются мѣста, гдѣ незначительный отрядъ противника можетъ не только задержать, но причинить значительный уронъ въ наступающихъ войскахъ» (тамъ же, стр. 309). Сообщенія ущелья одной рѣки съ ущельемъ другой представляютъ еще большія трудности (тамъ же, стр. 310), однако существуютъ, мѣстами даже въ обиліи, и довольно удобныя. Изъ бассейна Раумитъ-дарьи въ Каратегинъ есть много дорогъ, изъ которыхъ три выводятъ къ сел. Оби-Гармъ и двѣ къ сел. Калаи-Холъ, откуда легко проѣхать въ Оби-Гармъ (тамъ же, стр. 341—345 и 290). Южная часть горной мѣстности между Раумитъ-дарьею и Каратагомъ считается весьма доступной для сообщеній (тамъ же, стр. 290). По всей вѣроятности, существуютъ поперечныя дороги и между Каратагъ-дарьею и рѣкою Тупалангъ: В. И. Липскій проѣхалъ горами пространство между сел. Оби-Зарангъ и городомъ Каратагомъ («Горная Бухара», часть I, 1902 г., стр. 105). Такимъ образотъ, въ случаѣ враждебныхъ отношеній съ долинами Кафирнихана и Сурхана, населеніе горной части бассейновъ верховій этихъ рѣкъ обладаетъ удовлетворительными для горцевъ сообщеніями между собою, а также и съ горцами Каратегина и Дарваза. Населеніе этой горной страны въ настоящее время состоитъ изъ горныхъ таджиковъ; «чѣмъ глубже въ горы, тѣмъ таджикскій языкъ сохраняется чище..., а въ самыхъ глубокихъ горныхъ трущобахъ, какъ по Ягнобу» (въ бассейнѣ Зеравшана, уже на сѣверѣ отъ Хиссарскаго хребта), «Сангардаку и Туфаланку, встрѣчаются небольшія племена, говорящія на какомъ-то особенномъ нарѣчіи..., котораго не понимаютъ даже и окрестные таджики» («Бассейнъ Каратагъ-дарьи» ген. шт. капитана Стеткевича въ «Сборникѣ... матеріаловъ по Азіи», вып. 57, стр. 246). Подобнымъ образомъ горные таджики на востокъ отъ Каратагъ-дарьи «сохранили свой типъ и языкъ, въ долинѣ же въ языкѣ замѣчается уже примѣсь узбекскаго» (кап. Лиліенталь, тамъ же, стр. 316). Такъ какъ Бактріана и Согдіана имѣли иранское населеніе съ глубочайшей древности и такъ какъ къ настоящему времени иранцы удержались только въ горныхъ мѣстностяхъ и въ немногихъ городахъ, то на таджикское населеніе горной страны верховій Сурхана и Кафирнихана естественно смотрѣть, какъ на одинъ изъ остатковъ древняго иранскаго населенія Бактріаны и Согдіаны.

Однако, въ виду вышеупомянутаго извѣстія Макдиси о томъ, что кумиджіи были тюрками, возможны утвержденія, что хотя въ настоящее

время населеніе страны кумиджіевъ оказывается таджикскимъ, но это не мѣшало кумиджіямъ времени Макдиси (X в.) быть тюрками и замѣниться таджиками при усилившемся позднѣе, особенно послѣ монгольскаго завоеванія и затѣмъ въ узбекскую эпоху, вытѣсненіи въ горы и отуреченіи иранскаго населенія равнинъ Бактріаны и Согдіаны. Для оцѣнки подобныхъ предположеній необходимо разсмотрѣть имѣющіяся историческія свѣдѣнія о тюркахъ въ странахъ, прилегающихъ къ Памиру съ запада и сѣвера.

Н. А. Аристовъ.



Къ анатоміи нёбнаго валика (torus palatinus).

Къ числу наиболѣе замѣчательныхъ и рѣдкихъ уклоненій отъ обыкновенной формы человѣческаго черепа принадлежитъ, безъ сомнѣнія, развитіе на немъ образованія, извѣстнаго подъ названіемъ нёбнаго валика или torus palatinus. Это—большею частью продолговатый, веретенообразной формы, болѣе или менѣе высокій бугоръ или валъ, располагающійся на нижней (оральной) поверхности твердаго нёба въ сагиттальномъ направленіи, соотвѣтственно срединному нёбному шву, на мѣстѣ его перекреста съ поперечнымъ (sutura palatina transversa), гдѣ черепная кость уже въ нормальныхъ условіяхъ обнаруживаетъ болѣе или менѣе значительное утолщеніе. Lissauer, Stieda и др. различаютъ нѣсколько степеней развитія нёбнаго валика; такъ, напр., можно говорить о плоской и выпуклой, о веретенообразной и трехугольной формахъ и пр., между которыми, однако, существуютъ многочисленные переходы, вслѣдствіе чего въ извѣстныхъ случаяхъ могутъ возникнуть сомнѣнія даже относительно существованія или несуществованія нёбнаго бугра на данномъ черепѣ. Въ общемъ же, когда идетъ рѣчь о torus palatinus, всегда имѣютъ въ виду болѣе рѣзко выраженныя степени его развитія. Если torus достигаетъ извѣстной величины, онъ можетъ быть обнаруженъ даже у живого человѣка въ видѣ твердаго выпуклаго бугра, выдающагося въ полость рта. Что же касается анатомическаго значенія нёбнаго валика, то уже въ обыкновенныхъ условіяхъ вблизи шва между горизонтальными частями нёбныхъ костей и нёбными отростками верхнихъ челюстей можно наблюдать нѣкоторое утолщеніе костной пластинки, являющееся какъ бы первоначальною основою развитія нёбнаго бугра, зачаткомъ tori palatini. Соотвѣственно этому нёбный валикъ долженъ быть разсматриваемъ, какъ продуктъ чрезмѣрнаго утолщенія оральныхъ краевъ продольнаго нёбнаго шва. Какія причины вызываютъ такую ограниченную и типичную пролифирацію кости въ данномъ мѣстѣ, до настоящаго времени остается невыясненнымъ [1]). На распилахъ,

[1]) Единственный изслѣдователь, останавливающійся на этомъ важномъ вопросѣ, извѣстный французскій ученый Chassaignac, считаетъ torum palatinum проявленіемъ третичнаго сифилиса (см. Richet, Tillaux и др.).

проведенныхъ черезъ нёбную область черепа, можно убѣдиться, что въ составъ tori palatini входятъ какъ губчатое, такъ и компактное костное вещество, причемъ, однако же, главная масса валика выпадаетъ на долю компактнаго вещества, чрезмѣрно утолщеннаго по сравненію съ нормою. На основаніи изслѣдованій, произведенныхъ въ Юрьевскомъ анатомическомъ институтѣ (Jürgenson), позволительно думать, что процессъ пролифераціи substantiae compactae идетъ рука объ руку съ явленіями разсасыванія костнаго вещества въ другихъ мѣстахъ, прежде же всего въ области небныхъ отростковъ верхней челюсти (по замѣчанію Huschke, нёбный валикъ наблюдается чаще всего у лицъ преклоннаго возраста).

Что касается развитія отдѣльныхъ типовъ нёбнаго валика, то, на основаніи нашихъ наблюденій, намъ представляется въ настоящее время вѣроятнымъ, *что форма tori palatini стоитъ въ извѣстномъ взаимоотношеніи съ устройствомъ и формою твердаго неба.*

Рис. 1. *Типъ плоскаго мезостафилиннаго твердаго неба.* Невысокій torus palatinus, продолговато-веретенообразной формы, съ крыловидными отростками позади поперечнаго небнаго шва (черепъ древняго лива, X — XI в., хранящійся въ музеѣ Ученаго Эстонскаго Общества, № каталога 1968a).

На двухъ черепахъ племени ливовъ мы могли наблюдать двѣ различныя стадіи и формы небнаго валика, выраженнаго на одномъ черепѣ вполнѣ отчетливо и рѣзко и достигавшаго на второмъ черепѣ совершенно необычайныхъ и исключительныхъ размѣровъ по сравненію съ другими наблюдавшимися случаями этого рода. Вотъ вкратцѣ описаніе того и другого.

I. Черепъ довольно пожилого мужского субъекта съ сохранившеюся нижнею челюстью. Основная часть черепа нѣсколько дефектна. На мезостафилинномъ твердомъ нёбѣ (рис. 1) имѣется ясно и рѣзко выраженный torus продолговато-веретенообразной (змѣевидной по Stieda) формы, начинающійся у spina nasalis posterior и теряющійся въ 15 mm. отъ внутренняго края альвеолярнаго отростка, т.-е на границѣ средней и передней трети разстоянія между этимъ краемъ и поперечнымъ небнымъ швомъ. Длина валика въ сагиттальной плоскости 35 mm., наибольшая его ширина (на уровнѣ suturae palatinae transversae)—9 mm. Передняя треть валика вытянута въ длину, заострена, съ небольшими вдавленіями и ямками на своей неровной поверхности. Средняя и задняя треть валика приблизительно одинаковой ширины. Непосредственно позади поперечнаго шва torus от-

даетъ въ обѣ стороны по отростку, идущему въ видѣ крыла впередъ и кнаружи вплоть до поперечнаго нёбнаго шва. Такимъ образомъ, задняя треть имѣетъ видъ короткаго, но широкаго треугольника, ограниченнаго спереди поперечнымъ нёбнымъ швомъ, съ боковъ—наружно-задними краями упомянутыхъ крыловидныхъ отростковъ. Участокъ бугра, лежащій впереди отъ шва, уподобляется формѣ значительно болѣе узкаго и длиннаго треугольника. Torus, высота котораго не превышаетъ 3 mm., всюду совершенно ясно отграниченъ отъ сосѣднихъ частей, и лишь въ области передней трети его боковые края начинаютъ незамѣтно переходить въ плоскость наружныхъ участковъ твердаго нёба. Края foraminis incisivi бугоръ не достигаетъ. Типъ твердаго нёба—*плоскій*. Наибольшая высота альвеолярнаго отростка на уровнѣ зуба мудрости около 10 mm. Передніе участки альвеолярнаго отростка уплощены и незамѣтно переходятъ въ плоскость processus palatini.

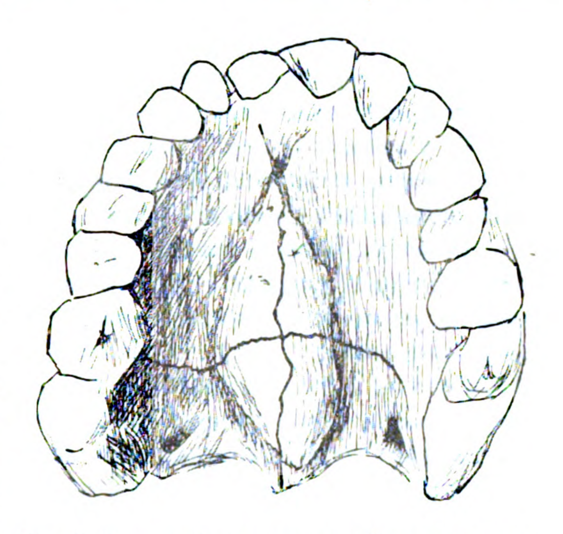


Рис. 2. *Типъ глубокаго лептостафилиннаго твердаго неба*. Высокій torus palatinus, веретенообразной формы, безъ боковыхъ отростковъ на уровнѣ suturae palatinae transversae (черепъ древняго лива, X — XI в., хранящійся въ музеѣ Ученаго Эстонскаго Общества, № каталога 1952).

II. Черепъ мужского, среднихъ лѣтъ, субъекта, необыкновенно тяжелый, хорошо сохранившійся, съ нижнею при немъ челюстью. Типъ *лептостафилиннаго, рѣзко углубленнаго неба* (рис. 2). Альвеолярный отростокъ, составляющій края нёбнаго углубленія, *значительно выше,* чѣмъ въ предыдущемъ случаѣ, и вездѣ наклоненъ подъ ясно выраженнымъ угломъ къ processus palatinus; высота его достигаетъ 18 mm. Имѣющійся на нёбѣ torus отличается обширными размѣрами, какими не обладаетъ ни одинъ изъ изслѣдованныхъ нами череповъ краніологической коллекціи Юрьевскаго анатомическаго музея. *Его высота равна около 10 mm.*, длина въ сагиттальной плоскости—35 mm; наибольшая ширина, нѣсколько позади поперечнаго шва, достигаетъ 13 mm. Задній конецъ валика становится замѣтнымъ примѣрно на серединѣ между spina nasalis posterior и sutura palatina transversa; боковыхъ крыловидныхъ отростковъ, какіе были замѣчены на черепѣ I, здѣсь не оказывается, такъ что контуръ валика имѣетъ чисто веретенообразную форму; переднимъ своимъ концомъ torus нѣсколько не доходитъ до края foraminis incisivi, причемъ нельзя

не отмѣтить, что и впереди отъ его проксимальнаго конца срединный край праваго processus palatini представляетъ ясное утолщеніе вдоль шва, служащее какъ бы непосредственнымъ продолженіемъ самаго нёбнаго валика. Torus въ этомъ случаѣ S-образно изогнутъ въ горизонтальной плоскости; задняя его треть выпукла, переднія двѣ трети нѣсколько вогнуты. Высшая точка валика располагается, какъ уже было упомянуто, нѣсколько позади поперечнаго шва; отсюда его высота убываетъ быстрѣе въ направленіи къ переднему, чѣмъ къ заднему концу.

Въ только-что описанныхъ случаяхъ мы встрѣчаемъ, такимъ образомъ, *два характерные и во всѣхъ отношеніяхъ рѣзко выраженные типы твердаго неба и небнаго валика:*

1. *Плоскій (низкій) типъ большею частью мезостафилиннаго твердаго неба съ плоскимъ же torus palatinus, который, какъ показываетъ изученіе большого количества череповъ, часто обладаетъ боковыми крыловидными отростками (типъ бумажнаго змѣя).*

2. *Глубокій (высокій) типъ большею частью лептостафилиннаго твердаго неба съ высокимъ, веретенообразной формы, torus palatinus, лишеннымъ боковыхъ придатковъ.*

Особо выдающееся значеніе пріобрѣтаютъ наблюдавшіеся нами вышеприведенные случаи въ связи съ вопросомъ о *вліяніи племени или расы на развитіе и распространеніе разбираемой особенности человѣческаго черепа.*

Дѣло въ томъ, что описанные выше два типа твердаго нёба съ torus palatinus были отмѣчены нами при краніологическомъ изслѣдованіи ливовъ, въ небольшой коллекціи, содержащей четыре неоцѣнимые по своей рѣдкости черепа этого почти цѣликомъ вымершаго племени. Несмотря на всю количественную ничтожность нашего матеріала, мы естественно и какъ бы невольно остановились на фактѣ появленія въ немъ столь рѣдкой «аномаліи», какую представляетъ изъ себя torus palatinus. Сама находка имѣла, на первый взглядъ, вѣроятнѣе всего, случайный характеръ, и обобщеніе наблюденій въ указанныхъ условіяхъ должно бы показаться болѣе чѣмъ рискованнымъ. Единственное заключеніе, къ которому позволительно было прійти на основаніи нашего наблюденія, то, что torus palatinus можетъ быть наблюдаемъ и на черепахъ ливовъ, какъ онъ встрѣчается если не у всѣхъ, то во всякомъ случаѣ у цѣлаго ряда другихъ племенъ, хотя, можетъ-быть, и не въ одинаковомъ для всѣхъ количественномъ отношеніи [1]).

---

[1]) Первоначальное мнѣніе, будто бы torus palatinus составляетъ исключительную особенность прусско-литовскихъ народовъ (Kupffer, Bessel-Hagen) или славянъ (Lissauer), не подтвердилось дальнѣйшими изслѣдованіями. Не подтвердились также заявленія относительно значенія tori palatini для характеристики черепа айновъ (Tarenetzki, Kopernicki). Статистическія наблюденія L. Stieda пока-

Сопоставляя, однако-же, наши наблюденія съ соотвѣтствующими данными другихъ авторовъ, мы впослѣдствіи должны были прійти къ нѣсколько иному результату. Изслѣдованіями W. Waldeyer'a установлено, что *на черепахъ лопарей torus palatinus встрѣчается чрезвычайно часто*. Такъ, въ числѣ 8 череповъ лопарей, принадлежащихъ Берлинскому анатомическому музею, 7 оказались съ ясно выраженнымъ нёбнымъ валикомъ; 8 такихъ же череповъ изъ коллекціи Р. Вирхова *всѣ* имѣли на себѣ torum palatinum, а изъ 27 хранящихся въ Христіаніи череповъ лопарей не менѣе 24 отличаются наличностью аномаліи, столь рѣдкой у многихъ другихъ племенъ. Въ общемъ, подводя счетъ всѣмъ черепамъ лопарей, относительно которыхъ мы могли собрать данныя, можно убѣдиться, что среди 45 изслѣдованныхъ такихъ череповъ встрѣчается не менѣе 40 случаевъ съ развитіемъ tori palatini, что составляетъ почти 89%, — цифра, которая врядъ ли достигается какою-либо другою расою [1]).

Фактъ столь широкаго распространенія нёбнаго валика у лопарей проливаетъ нѣкоторый свѣтъ и на открытіе той же аномаліи у ливовъ. Какъ ливы, такъ, повидимому, и лопари принадлежатъ къ одному общему имъ расовому древу или корню, и если оба народа связаны родственными узами въ силу ихъ историческаго и культурнаго развитія и физическаго братства, то врядъ ли кто станетъ удивляться, встрѣчая у одного изъ нихъ морфологическую особенность черепа, составляющую почти обычную (89%) принадлежность второго. Нисколько не желая увеличить число тѣхъ расъ, коимъ torus palatinus такъ или иначе былъ пріуроченъ въ смыслѣ отличительнаго физическаго признака, мы тѣмъ не менѣе склонны думать, что и у прочихъ финскихъ племенъ torus долженъ имѣть приблизительно такое же распространеніе, какое ему свойственно среди лопарей (Waldeyer) и на изслѣдованныхъ нами черепахъ племени ливовъ. Насколько это предположеніе основательно, покажутъ будущія изслѣдованія. Тотъ фактъ, что на черепахъ эстовъ и финновъ Великаго Княжества torus palatinus составляетъ, повидимому, большую рѣдкость, въ данномъ случаѣ не имѣетъ особаго значенія уже потому, что финны и эсты развивались въ совершенно иной біологической средѣ, чѣмъ изолированныя отъ метисаціи племена лопарей

зали, что torus можетъ быть наблюдаемъ почти у всѣхъ расъ человѣчества. На черепѣ антропоидныхъ обезьянъ torus, повидимому (Bessel-Hagen), не развивается вовсе, въ то время какъ у нѣкоторыхъ низшихъ приматъ, напр. у Cynocephalus Bab., Inuus и др павіановъ, существованіе его не можетъ быть подвергнуто сомнѣнію.

[1]) На прусско-литовскихъ черепахъ torus наблюдается (Lissauer) въ отношеніи 21 : 27; у айновъ (Kopernicki и Tarenezki)—въ 66%, у русскихъ, по Tarenezk'ому,—въ 1,7%, по Stieda—въ 58%, у французовъ—въ 30,7%, у басковъ—въ 33%, у сѣверо-американскихъ индѣйцевъ—въ 40%, у эскимосовъ—въ 60%, у перуанцевъ—въ 56%, у негровъ—въ 19% (L. Stieda).

и ливовъ, которыя со временемъ окажутся, можетъ-быть, наиболѣе чистыми представителями первоначальнаго физическаго типа финской расы.

Мы приходимъ, такимъ образомъ, къ заключенію, что констатированный нами фактъ наличности среди четырехъ ливскихъ череповъ двухъ случаевъ рѣзко выраженнаго нёбнаго бугра не есть слѣдствіе простой какой-либо случайности, а служитъ дальнѣйшимъ указаніемъ на большое распространеніе этого краніологическаго признака у нѣкоторыхъ представителей финской группы народовъ.

Въ концѣ настоящей статьи мы считаемъ умѣстнымъ представить общій результатъ краніологическаго изслѣдованія тѣхъ череповъ племени ливовъ, на которыхъ были сдѣланы вышеуказанныя наблюденія надъ torus palatinus, и это тѣмъ болѣе, что черепа несомнѣнно ливскаго происхожденія до настоящаго времени никѣмъ и нигдѣ не описывались [1]).

Наиболѣе существенные краніологическіе признаки имѣющихся въ нашемъ распоряженіи четырехъ череповъ племени ливовъ представляются въ слѣдующемъ видѣ:

I. Calvaria (черепъ съ отсутствующей лицевою частью) взрослаго, вѣроятно мужского, субъекта [обозначенъ Wainsel II, № 1968a]. Сильно выраженный долихоцефализмъ (L : B=67,3), сравнительно невысокій типъ мозгового черепа съ вытянутою назадъ затылочною частью. Низкій и узкій лобъ съ слабыми надбровными дугами. Кубическая емкость не можетъ быть опредѣлена съ точностью вслѣдствіе дефектовъ на основаніи черепа (отсутствуетъ правая височная кость); она, вѣроятно, была ниже средняго. Неровная, разрыхленная поверхность черепа почти всюду покрыта плотно прилипающимъ слоемъ земли, вслѣдствіе чего изслѣдованіе черепныхъ швовъ весьма затруднительно. Обладалъ ли этотъ черепъ нёбнымъ валикомъ, остается неизвѣстнымъ вслѣдствіе отсутствія лицевой части черепа.

II. Cranium мужского, среднихъ лѣтъ, субъекта, прекрасно сохранившійся, съ нижнею челюстью [Allasch I, № 1952]. Тяжелый, мезоцефалическій (L : B=78) черепъ, съ сильно развитыми мышечными буграми и сравнительно малою (C=1250 куб. сант.) кубическою вмѣстимостью. Рѣзко выраженный сагиттальный гребень на протяженіи отъ nasion до inion. Надъ nasion сохранился на нѣкоторомъ разстояніи метопическій шовъ. Затылокъ довольно плоскій. Хорошо развитые теменные и лобные бугры. На широкомъ, мужского типа, лбу довольно замѣтно выступаютъ arcus superciliares. Лицо широкое, съ значительнымъ скуловымъ діаметромъ. Ясно выраженный альвеолярный прогнатизмъ. Сагиттальный шовъ почти всецѣло облитерованъ; ламбдовидный довольно сложенъ. Правый asterion содержитъ небольшой величины ворміеву кость. Настоящій черепъ отличается наличностью на твердомъ небѣ необычайно сильно развитаго, веретенообразнаго torus palatinus, который значительно заостряется въ направленіи къ среднимъ рѣзцамъ. Наибольшей своей ширины и высоты torus достигаетъ нѣсколько позади поперечнаго нёбнаго шва (рис. 2).

---

[1]) Единственные „ливскіе“ черепа, упоминаемые подъ этимъ именемъ у R. Virchow'a, были раскопаны графомъ Sivers'омъ въ такой мѣстности, гдѣ (какъ оказалось уже впослѣдствіи) никогда не жили представители племени ливовъ.

III. Calvarium преклонныхъ лѣтъ мужского субъекта [Wainsel I, 1968a]. Выпуклая часть черепа съ хорошо видными, довольно сложными швами, изъ которыхъ ламбдовидный въ начальной стадіи облитераціи. Длинная, узкая, умѣренной высоты мозговая часть. Ясно очерченные теменные бугры. Низкій и узкій лобъ съ хорошо развитыми надбровными дугами. Скуловая ширина значительна. Отсутствіе альвеолярнаго прогнатизма. Верхушка ламбдовиднаго шва содержитъ въ себѣ большую ворміеву кость. И на этомъ черепѣ наблюдается весьма отчетливо выраженный torus palatinus, хотя и не столь обширныхъ размѣровъ, какъ въ предыдущемъ случаѣ (рис. 1).

IV. Cranium взрослаго, въ цвѣтѣ лѣтъ, мужского субъекта [Allasch II]. Орто-мезоцефалическій, высокій, объемистый (C=1550 ст.) черепъ *съ ясно выраженнымъ сагиттальнымъ гребнемъ въ области лобныхъ костей.* Надбровныя дуги слабы. Бугры лобные и теменные ясны. Norma occipitalis пятиугольна, затылокъ не вытянутъ въ длину. Сравнительно низкое лицо съ значительнымъ скуловымъ діаметромъ. Разстояніе между углами нижней челюсти также довольно велико. Твердое нёбо, соотвѣтствующее по своей формѣ нашему второму типу, безъ какихъ бы то ни было слѣдовъ tori palatini, за-то съ отчетливымъ краевымъ гребнемъ (crista marginalis palatini). Черепъ и нижняя челюсть тяжелы, мѣста мышечныхъ прикрѣпленій рѣзко обозначены.

Въ нижеслѣдующей таблицѣ приводимъ результаты измѣреній:

	Измѣренія и соотношенія.	I	II	III	IV
Cranium cerebrale.	Полъ	м.	м.	м.	м.
	Черепная емкость	—	1250	—	1550
	Наибольшая длина	187	181	190	183
	„ ширина	126	141	—	142
	Цѣлая высота по Вирхову	125	126	139	137
	Брегматическая высота	122	124	136	137
	Ушная высота	—	98	107	113
	Наименьшая лобная ширина	—	96	92	101
	Затылочная ширина	—	119	—	119
	Длина основанія	97	112	109	105
	Ширина „	107	94	—	103
	Длина foraminis magni	36	35	—	40
	Ширина „ „	—	32	—	34
	Горизонтальная окружность	520	511	—	525
	Продольная дуга	384	355	—	367
	Поперечная „	296	294	—	321
Cranium viscerale.	Ширина лица	—	93	—	104
	Длина „	—	100	108	99
	Высота „	—	121	—	123
	Высота верхняго лица	—	74	60	66
	Скуловая ширина	—	122	—	130
	Высота носа	—	52	45	50
	Ширина „	—	27	26	26
	Высота глазницы: правой	—	35	—	36
	„ „ лѣвой	—	33	31	36
	Ширина „ правой	—	41	37	41
	„ „ лѣвой	—	41	39	42
	Межглазничная ширина	23	23	25	22
	Ширина нёба	—	41	38	40
	Длина „	—	59	—	50
	Разстояніе мыщелковъ mandib	—	—	—	113
	„ угловъ „	—	101	—	103

Показатели.	Модуль	146,0	149,3	—	154,0
	L : B	67,3	77,9	—	77,5
	L : H	66,8	69,5	73,1	74,8
	B : H	99,2	89,3	—	96,4
	Лицевой	—	130,1	—	118,2
	Верхне-лицевой	—	79,5	—	63,4
	Index zygomat.-facialis	—	90,9	—	94,6
	„ „ „ super	—	60,6	—	50,7
	Глазничный: правый	—	85,8	—	87,8
	„ лѣвый	—	80,4	79,4	85,7
	Носовой	—	51,9	57,7	52,0
	Нёбный	—	69,4	—	80,0
	Foraminis magni	—	91,4	—	85,0

Какъ видно изъ приведенныхъ данныхъ, въ настоящей небольшой коллекціи ливскихъ череповъ обнаруживаются весьма значительныя колебанія ихъ формы: рѣзкую долихоцефалію мы видимъ на-ряду съ мезоцефалическими и субрахицефалическими формами, эйригнатизмъ на-ряду съ явственнымъ прогнатизмомъ и пр. Это совершенно естественно, иныхъ результатовъ и нельзя было ожидать въ виду значительной наклонности формы черепа къ образованію варіантовъ. Съ другой стороны, нельзя умолчать о нѣкоторыхъ особенностяхъ, присущихъ изслѣдованнымъ нами ливскимъ черепамъ. Главнѣйшія изъ нихъ суть: развитіе валика (torus) на основной поверхности твердаго нёба и появленіе продольнаго гребня соотвѣтственно срединной линіи черепа.

Литературные источники:

1. *Huschke*, Soemmering's Eingeweidelehre. Leipzig, 1844.

2. *Jürgenson*, Die Gräberschädel der Domruine zu Jurjew (Dorpat) mit neuen Untersuchungen über den Torus palatinus (поперечные распилы твердаго неба съ развитіемъ tori palatini).

3. *Kopernicki J.*, O kosciach i czaszkach Ainosow. Krakow, 1881.

4. *Онъ же*, Czaszki Ainow wedlug nowych materyalow. Krakow, 1886.

5. *Kupffer*, Abgüsse von Gaumen preussischer Schädel. „Verhandl. Berlin. Gesellsch. Anthrop." 1879 (сообщено Р. Вирховымъ на основаніи письма, присланнаго Kupffer'омъ).

6. *Kupffer u. Bessel-Hagen*, Katalog der anthrop. Samml. Deutschlands. Schädel und Skelette der anthrop. Sammlungen zu Königsberg. i. Pr. „Archiv f. Anthrop.", 1879.

7. *Lissauer*, Crania prussica, II. Serie. Ein weiterer Beitrag zur Ethnologie der preuss. Ostseeprovinzen. „Zeitschr. f. Ethnologie". Bd. X. S. 1—6 u. S. 82—134. Berlin, 1878.

8. *Mehnert, E.*, Die anthropolog. Sammlungen Deutschlands. Katalog der anthrop. Sammlung des anatom. Institutes der Universität Strassburg. „Archiv f. Anthrop.", 1893.

9. *Merkel*, Handbuch der topographischen Anatomie. Bd. I, стр. 390—391. Braunschweig, 1890.

10. *Paulet et Sarazin*, Anatomie topographique, T. I, Paris, 1867.

11. *Quatrefages*, Crania ethnica. Paris, стр. 49 (torus palatinus у расы Cro-Magnon).

12. *Richet*, Traité pratique d'anatomie médico-chirurgicale. II édition. Paris, 1860.

13. *Stieda, L.*, Der Gaumenwulst (Torus palatinus). Ein Beitrag zur Anatomie des knöchernen Gaumens. „Festschrift f. Rudolf Virchow". Bd. I, стр. 145—176, съ 2 табл. рис. Berlin, 1891.

14. *Tarenetski*, Beiträge zur Craniologie der Ainos auf Sachalin. „Mém. de l'Acad. Imp. des sciences à St. Petersb.", VII Sér. Tome XXXVII. 1890.

15. *v. Török*, Ueber den Yezoer Ainoschädel etc. „Archiv f. Anthrop.", Bd. XXVI. 1900.

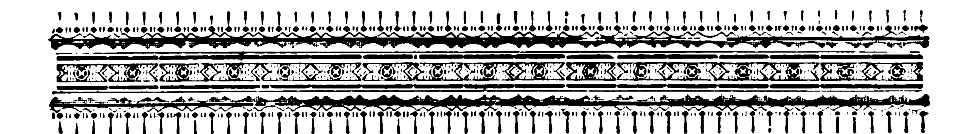
16. *Tillaux*, Traité d'anatomie topographique. Paris, 1877 (цитируетъ мнѣніе Chassaignac'a).

17. *Virchow R.*, „Verhandl. der Berl. Gesellsch. f. Anthrop.", 1873, стр. 123, 1879, стр. 130 (отношеніе небнаго бугра на черепахъ айновъ и латышей).

18. *Waldeyer*, „Correspondenzblatt d. deutsch. Gesellsch. f. Anthrop." 1892, № 11 и 12.

19. *Weinberg R.*, Ueber einige Schädel aus älteren Liven, - Letten - und Estengräbern. „Sitzungsberichte d. Gelehrten Estn. Gesellsch. zu Dorpat". 1896, стр. 40.

Р. Вейнбергъ.



Изъ иностранной литературы.

Вопросъ о пигмеяхъ въ новѣйшей литературѣ.

(*Prof. Dr. G. Thilenius—Prähistorische Pygmäen in Schlesien; Prof. Dr. J. Kollmann—Pygmäen in Europa und Amerika; David Mac Ritschie—Zwerge in Geschichte und Ueberlieferung; Prof. Dr. K. Weule—Zwergvölker in Neu—Guinea? „Globus“, 1902, Bd. LXXXI, №№ 17 и 21 и Bd. LXXXII, №№ 7 и 16*).

Вопросъ о пигмеяхъ, какъ остаткахъ древней, нѣкогда широко распространенной расы, уже не разъ поднимался въ антропологической литературѣ; по мѣрѣ накопленія фактическаго матеріала онъ снова и снова выдвигается на очередь, все сильнѣе привлекая къ себѣ вниманіе выдающихся представителей нашей науки. И это вполнѣ понятно, такъ какъ разрѣшеніе въ извѣстномъ смыслѣ вопроса о пигмеяхъ могло бы бросить совершенно новый свѣтъ на коренной вопросъ антропологіи—о взаимныхъ отношеніяхъ и о происхожденіи современныхъ расъ. Мы считаемъ поэтому не безынтереснымъ изложить здѣсь содержаніе четырехъ статей, посвященныхъ этому предмету въ „Globus'ѣ“ за текущій годъ. Первая статья—„О доисторическихъ пигмеяхъ въ Силезіи“—принадлежитъ проф. Г. Тиленіусу. Просматривая коллекцію доисторическихъ скелетовъ въ Бреславскомъ музеѣ силезскихъ древностей, авторъ обратилъ вниманіе на малые размѣры трубчатыхъ костей, принадлежавшихъ нѣсколькимъ несомнѣнно взрослымъ субъектамъ. Вычисливъ приблизительно величину роста изъ длины бедряной кости, авторъ нашелъ, что ростъ данныхъ субъектовъ колебался между 1429—1523 mm., т.-е., несомнѣнно, въ предѣлахъ настоящаго карликоваго роста. Съ другой стороны, отсутствіе патологическихъ деформацій приводитъ автора къ заключенію, что онъ имѣетъ здѣсь дѣло не съ „карликами“, а именно съ „пигмеями“. Онъ сопоставляетъ полученныя имъ величины роста съ соотвѣтственными данными для пигмеевъ Швейцаріи (1355—1500 mm.), ископаемыхъ скелетовъ изъ Эгисгейма (1200—1502 mm.), наконецъ, одного скелета въ Вормскомъ музеѣ,—и аналогія оказывается довольно полной. Подобно швейцарскимъ и рейнскимъ пигмеямъ, скелеты Тиленіуса

найдены были рядомъ съ представителями болѣе высокорослой разновидности, хотя и не въ такомъ тѣсномъ сосѣдствѣ съ послѣдними. Что касается даты различныхъ находокъ, то она далеко не одинакова: рейнскіе пигмеи относятся къ неолитической эпохѣ, силезскіе—частью къ бронзовому вѣку, частью къ римскому періоду, частью, наконецъ, къ славянскому. Являются ли эти „римскіе" и „славянскіе" пигмеи остатками неолитической расы, или мы имѣемъ здѣсь дѣло съ случайнымъ совпаденіемъ крайнихъ уклоненій отъ типа въ расахъ различнаго происхожденія—все это вопросы будущаго. Въ заключеніе авторъ обращаетъ вниманіе археологовъ на необходимость систематическаго собиранія не только культурныхъ остатковъ, но и остатковъ самого человѣка,—только накопленіе тщательно собранныхъ коллекцій этого рода можетъ разъяснить запутанные вопросы расовой антропологіи.

Гораздо болѣе опредѣленно высказывается по данному вопросу I. Кольманъ въ своей статьѣ: „Пигмеи въ Европѣ и Америкѣ". Швейцарскій антропологъ придаетъ громадное значеніе тѣмъ находкамъ послѣдняго времени, которыя, по его мнѣнію, доказываютъ, что и Европа была нѣкогда населена расой пигмеевъ, подобной африканскимъ акка и батуа или филиппинскимъ негритосамъ; авторъ указываетъ при этомъ на значительную распространенность ископаемыхъ остатковъ пигмеевъ, находимыхъ на европейской почвѣ. Такъ, они были найдены въ трехъ различныхъ пунктахъ Швейцаріи (въ неолитическихъ могилахъ) и въ трехъ неолитическихъ могильникахъ во Франціи (Cave aux Fées въ департаментѣ Seine-et-Oise, Mureaux, Chalons-sur-Marne). Наконецъ, въ послѣднее время вышеизложенное сообщеніе Тиленіуса доказало существованіе пигмеевъ и въ Германіи и притомъ въ эпоху гораздо менѣе отдаленную. Авторъ обращаетъ особенное вниманіе на тотъ замѣчательный фактъ, что повсюду, гдѣ только были находимы ископаемые скелеты пигмеевъ, они оказывались *смѣшанными* съ остатками высокорослаго человѣка, причемъ, напр. въ Cave aux Fées, пигмеи составляютъ 9% всего числа собранныхъ экземпляровъ. Кольманъ видитъ здѣсь полную аналогію съ тѣмъ своеобразнымъ симбіозомъ, который существуетъ между современными карликовыми народцами и окружающими ихъ болѣе великорослыми племенами; все это приводитъ его къ предположенію, что человѣчество состояло первоначально изъ пигмеевъ и высокорослыхъ расъ.

Что касается Америки, то здѣсь наши свѣдѣнія о пигмеяхъ гораздо менѣе опредѣленны. Однако, Кольманъ рѣшительно возстаетъ противъ скептицизма американскихъ антропологовъ, съ которымъ они встрѣчаютъ всякія извѣстія о пигмеяхъ на американской территоріи. Первыя указанія этого рода были сдѣланы еще Гумбольдтомъ и Марціусомъ; въ недавнее время принцесса Тереза Баварская привезла въ Европу цѣлую коллекцію череповъ и скелетовъ, собранную ею въ Анконскомъ могильникѣ и въ развалинахъ Пахакамака. Въ этой коллекціи, описанной Ранке (въ 1900 г.), изъ 33 череповъ 15 оказались необычайно малыми,—вмѣстимость ихъ отъ 1060 до 1192 куб. сант.; въ виду от-

сутствія какихъ-либо аномалій, необходимо признать, что они принадлежали пигмеямъ; кромѣ того, оказалось возможнымъ опредѣлить и ростъ двухъ субъектовъ по бедрянымъ костямъ—1161 mm. и 1463 mm. Далѣе, есть указанія и на то, что среди современныхъ американскихъ племенъ до сихъ поръ еще сохраняются остатки пигмеевъ; такъ еще д'Орбиньи отмѣтилъ малую величину средняго роста перуанцевъ; Мортонъ и Вирховъ то же самое сдѣлали относительно вмѣстимости черепа; послѣдній нашелъ среди перуанскихъ череповъ нѣсколько совершенно правильно развитыхъ, но необычайно малыхъ,—онъ назвалъ ихъ нанноцефалическими. Подобныя же указанія были сдѣланы Тенъ-Кате относительно роста туземцевъ въ бассейнѣ Ла-Платы, наконецъ, Эренрейхомъ и Вирховымъ относительно ботокудовъ, среди которыхъ оказались и крайнія степени малорослости (1400 mm.), и крайнія степени высокорослости (1850 mm.).

Кольманъ не ограничивается въ своей статьѣ подборомъ фактическаго матеріала, но дѣлаетъ также попытку освѣтить его одной общей гипотезой развитія человѣческихъ расъ. По его мнѣнію, человѣкъ впервые явился на землѣ въ видѣ *расы пигмеевъ*; затѣмъ послѣдняя, въ силу закона мутаціи, выдѣлила изъ себя высокорослую разновидность, которая съ теченіемъ времени мало-по-малу поглотила расу-родоначальницу, но, конечно, пока этотъ процессъ не закончился, обѣ разновидности должны были существовать совмѣстно. Подобное же предположеніе было высказано покойнымъ Р. Вирховымъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Можно предполагать, что люди были первоначально малорослы и только въ теченіе многихъ поколѣній развились въ высокорослыя формы“. Съ этой точки зрѣнія современныя карликовыя племена являются жалкими остатками первобытной расы (Urrasse) пигмеевъ, не успѣвшими еще раствориться въ высокорослыхъ элементахъ.

Третья статья, принадлежащая Давиду Макъ-Ритчи—„Карлики въ исторіи и преданіяхъ“,—посвящена обзору историческихъ и легендарныхъ извѣстій о пигмеяхъ въ Европѣ и Америкѣ. Что рѣчь идетъ здѣсь именно о „пигмеяхъ“, а не о „карликахъ“, какъ указываетъ, повидимому, заглавіе статьи, ясно вытекаетъ изъ всего текста послѣдней, такъ что терминъ „карлики“ (Zwerge) нужно, очевидно, понимать въ смыслѣ „карликовыхъ расъ“. Прежде всего авторъ дополняетъ историческими справками статью проф. Кольмана о пигмеяхъ въ Америкѣ. Первое извѣстіе этого рода онъ находитъ въ дневникѣ англійскаго путешественника капитана Фокса (1631 г.), который разсказываетъ, что на одномъ маленькомъ островкѣ, близъ сѣверо-западной оконечности острова Соутгамптона, его матросами было раскопано кладбище туземцевъ, и изъ найденныхъ тамъ скелетовъ „самый большой оказался не длиннѣе 4 футовъ“ (1219 mm.). Ссылаясь на очевидную непредубѣжденность названнаго путешественника, Макъ-Ритчи считаетъ это извѣстіе заслуживающимъ довѣрія и указываетъ даже на возможность провѣрки его, такъ какъ скелеты были оставлены нетронутыми и въ полярномъ климатѣ могли сохраниться до нашихъ дней. Онъ считаетъ далѣе очень вѣроятнымъ, что „карлики“ Фокса принад-

лежали къ тому же расовому корню, какъ и „Homunculi“ или „Skraelinger“, о которыхъ говорятъ скандинавскіе путешественники, посѣщавшіе Сѣв. Америку въ XI стол. Въ XVI в. Олаусъ Магнусъ пишетъ о восточныхъ гренландцахъ, называя ихъ „Pygmei vulgo Screlinger dicti“. Авторъ предполагаетъ далѣе, что современное населеніе Вост. Гренландіи произошло изъ смѣшенія двухъ туземныхъ расъ—болѣе высокорослой и карликовой—съ позднѣйшими датскими поселенцами. Такъ, еще въ 1656 г. Флиссингенскіе купцы, посѣтившіе Дэвисовъ проливъ, сообщаютъ о двухъ расовыхъ типахъ туземцевъ: высокорослыхъ, свѣтлокожихъ охотникахъ и гораздо „болѣе низкорослыхъ“, коротконогихъ и темнокожихъ рыбакахъ. Такимъ образомъ Макъ-Ритчи считаетъ доказаннымъ, что въ полярныхъ областяхъ Америки существовала нѣкогда раса пигмеевъ. Что касается другихъ частей Американскаго материка, то онъ ссылается на указанія нѣкоторыхъ авторовъ (Acuna—1639 г., von Spix—1820 г., Castelnau—1847, Penna—1853 г.), которые утверждаютъ, что въ бассейнѣ Амазонки живутъ два карликовыхъ народца—Guayasis и Cauanas; правда, сообщенія эти, какъ замѣчаетъ авторъ, „несомнѣнно преувеличены и основаны на преданіяхъ“, но, напр., von Spix утверждаетъ, что онъ видѣлъ лично одного изъ подобныхъ „карликовъ“.

Что касается Европы, то, если пигмеи, какъ показалъ это Тиленіусъ, существовали здѣсь сравнительно еще недавно („славянская“ эпоха), въ такомъ случаѣ исторія и преданія должны бы были сохранить о нихъ нѣкоторыя свидѣтельства; дѣйствительность, по мнѣнію Макъ-Ритчи, вполнѣ оправдываетъ это апріорное предположеніе. Такъ существуетъ преданіе, что древнѣйшіе обитатели Нидерландовъ принадлежали къ расѣ негроподобныхъ карликовъ—„маленькіе, но сильные и ловкіе и притомъ хорошіе пловцы“, жившіе охотой и рыбной ловлей. Адамъ Бременскій, описывая ихъ въ XI стол., говоритъ, что они „обладали большой головой, плоскимъ лицомъ, такимъ же носомъ и большимъ ртомъ; жили въ пещерахъ, покидая ихъ только ночью“. Въ 1443 г. епископъ Оркнейскій пишетъ, что прежде (въ IX в.) Оркнейскіе острова населяли „Peti et Pape“; первые отличались очень малымъ ростомъ, были искусны въ постройкѣ городовъ и „днемъ скрывались въ подземныхъ жилищахъ“. Замѣчательно, что на Оркнейскихъ островахъ дѣйствительно встрѣчаются остатки миніатюрныхъ подземныхъ жилищъ, свидѣтельствующихъ о маломъ ростѣ ихъ обитателей. Вообще, шотландскій фольклоръ полонъ упоминаній о карликахъ, отличающихся значительной силой и искусствомъ стрѣльбы изъ лука. Между прочимъ, ихъ гаэльское названіе „Lapanach“ даетъ нѣкоторымъ авторамъ поводъ отожествлять этихъ легендарныхъ сѣверныхъ пигмеевъ съ лапландцами; какъ бы то ни было, но есть несомнѣнныя указанія на то, что еще въ XVII стол. территорія послѣднихъ на Скандинавскомъ полуостровѣ простиралась гораздо дальше къ югу.

Наконецъ, германскій народный эпосъ (пѣснь о Нибелунгахъ) отоже-

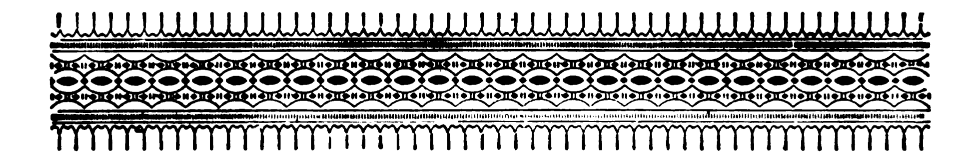
ствляетъ „дикихъ карликовъ“ съ гуннами, и самъ Аттила, по описанію Іордана, былъ типичнымъ „карликомъ“ (пигмеемъ).

Въ заключеніе Макъ-Ритчи указываетъ на то, что исторія и преданіе говорятъ, повидимому, не объ одномъ, а о нѣсколькихъ типахъ европейскихъ пигмеевъ, и это обстоятельство должно возбудить особенный интересъ къ сравнительно-антропологическому изученію ихъ ископаемыхъ остатковъ.

Четвертая статья, которую мы имѣемъ въ виду, принадлежитъ проф. Вейле: „Карликовые народы въ Новой Гвинеѣ“? Просматривая въ Лейпцигскомъ этнографическомъ музеѣ обширную коллекцію фотографій, доставленную германской экспедиціей на р. Раму (недалеко отъ залива Астролябія), авторъ обратилъ вниманіе на малый ростъ нѣкоторыхъ субъектовъ, о чемъ онъ могъ судить по величинѣ деревянной рамы, въ которой они были поставлены (высота этой рамы составляла только 142 сант.). Насколько можно судить по приложеннымъ къ статьѣ фотографіямъ,—а это особенно подчеркиваетъ авторъ,—упомянутые малорослые субъекты производятъ впечатлѣніе совершенно нормально развитыхъ взрослыхъ людей и не обнаруживаютъ никакихъ признаковъ патологическихъ измѣненій. Заинтересованный этимъ фактомъ, проф. Вейле обратился къ изученію литературы, относящейся къ Новой Гвинеѣ, и на первыхъ же шагахъ встрѣтился съ указаніями на существованіе тамъ карликовыхъ племенъ. Такъ, К. Лаутербахъ, сообщая о результатахъ экспедиціи въ Землю Имп. Вильгельма и говоря о населеніи бассейна рѣки Гоголя, прибавляетъ, что онъ „видѣлъ тамъ однажды нѣсколько замѣчательно маленькихъ людей, находившихся, повидимому, въ рабствѣ у болѣе высокорослыхъ; вѣроятно, это были захваченные въ плѣнъ горные жители“. Подобныхъ же низкорослыхъ субъектовъ онъ видѣлъ среди населенія горной страны Сигауу (Ssigauu), причемъ тамъ же онъ замѣтилъ и различіе въ окраскѣ кожи,—среди темнокожихъ попадались изрѣдка болѣе свѣтлокожіе. Указанія другихъ авторовъ оказались гораздо менѣе опредѣленными и основывались преимущественно на разсказахъ туземцевъ. Вообще въ антропологическомъ отношеніи Новая Гвинея изслѣдована далеко не равномѣрно: экспедиціи до сихъ поръ направлялись почти исключительно по рѣкамъ, не затрогивая внутреннихъ областей страны; между тѣмъ, судя по вышеприведенному указанію Лаутербаха, именно изслѣдованіе внутреннихъ горныхъ областей можетъ принести болѣе опредѣленное рѣшеніе вопроса о пигмеяхъ. Что послѣдніе вообще существуютъ здѣсь—это, по мнѣнію проф. Вейле, не подлежитъ сомнѣнію; но остается совершенно неяснымъ, въ какихъ отношеніяхъ находятся они къ остальному населенію: образуютъ ли они замкнутыя племенныя группы, или же связаны съ болѣе высокорослыми племенами неразрывнымъ симбіозомъ (подобно африканскимъ пигмеямъ)? Какъ бы то ни было, къ извѣстнымъ уже элементамъ населенія Нов. Гвинеи мы должны присоединить новый, и опредѣленіе его мѣста въ системѣ является ближайшей задачей антропологіи. Внимательное изученіе фотографій убѣждаетъ автора, что этотъ новый элементъ не имѣетъ ничего общаго ни съ полинезійцами, ни съ малайцами;

что касается папуасовъ, то отъ послѣднихъ, по мнѣнію проф. Вейле, пигмеи отличаются, повидимому, болѣе слабымъ выраженіемъ негроидныхъ признаковъ. Къ сожалѣнію, прямыя указанія Лаутербаха ничего не говорятъ объ этомъ. По словамъ послѣдняго, онъ наблюдалъ цѣлую лѣстницу переходовъ въ величинѣ роста между настоящими пигмеями и типичными папуасами той же области; съ другой стороны, онъ отмѣчаетъ и уклоненія въ цвѣтѣ, но остается совершенно невыясненнымъ вопросъ: совпадаютъ ли случаи *болѣе свѣтлыхъ* оттѣнковъ кожи съ проявленіями крайней низкорослости, или же никакой зависимости тутъ не замѣчается. Между тѣмъ фактъ совпаденія этихъ двухъ признаковъ—„свѣтлокожій" и „малорослый" ,по мнѣнію проф. Вейле, приблизилъ бы насъ къ разрѣшенію одной изъ важнѣйшихъ проблемъ антропологіи. Въ самомъ дѣлѣ, если *низкорослые* субъекты оказались бы въ то же время и *болѣе свѣтлыми*, то они стояли бы въ такомъ же точно отношеніи къ темнокожимъ папуасамъ, въ какомъ африканскіе пигмеи стоятъ къ окружающимъ ихъ племенамъ негровъ; уже не разъ высказывалось предположеніе о существованіи тѣсной генетической связи между негроидными пигмеями и настоящими неграми, но до сихъ поръ это предположеніе находило почву лишь въ Африкѣ, гдѣ область распространенія пигмеевъ, дѣйствительно, совпадаетъ съ территоріей черной расы; напротивъ, въ Австралазіи приходилось до сихъ поръ считаться съ фактомъ территоріальной обособленности негритосовъ и меланезійцевъ. Открытіе въ Новой Гвинеѣ, т.-е. почти въ центрѣ Меланезіи, свѣтлокожихъ пигмеевъ установило бы полную аналогію между африканскимъ западомъ и тихо-океанскимъ востокомъ,—и здѣсь, какъ и въ Африкѣ, пигмеи оказываются разсѣянными среди массы болѣе высокорослаго и болѣе темнокожаго населенія. Но это открытіе устанавливаетъ въ то же время и замѣчательное расовое единство между ничтожными жалкими народцами, отдѣленными другъ отъ друга громаднымъ воднымъ пространствомъ Индійскаго океана; и если это единство есть единство происхожденія (что въ высшей степени вѣроятно), то для объясненія его необходимо допустить, что первоначальной родиной и центромъ распространенія пигмеевъ была Южная Азія; отсюда они двинулись частью на юго-западъ и населили Африку, частью на юго-востокъ и, перебираясь съ острова на островъ, достигли, наконецъ, Меланезіи. Что касается отношенія пигмеевъ къ настоящимъ негроидамъ, то проф. Вейле съ своей стороны рѣшительно высказывается въ пользу существованія между ними генетической связи, хотя и не допускаетъ возможности, чтобы пигмеи были просто одной изъ стадій, черезъ которую прошли въ своемъ развитіи негры,—отношенія здѣсь, несомнѣнно, гораздо болѣе сложныя. Какъ бы то ни было, вопросъ о пигмеяхъ слѣдуетъ признать заслуживающимъ самаго серьезнаго изученія, причемъ авторъ полагаетъ, что было бы полезно воспользоваться также данными изслѣдованій въ области матеріальной культуры, которыя во многомъ могли бы облегчить трудную и запутанную задачу антрополога.

С. Королевъ.



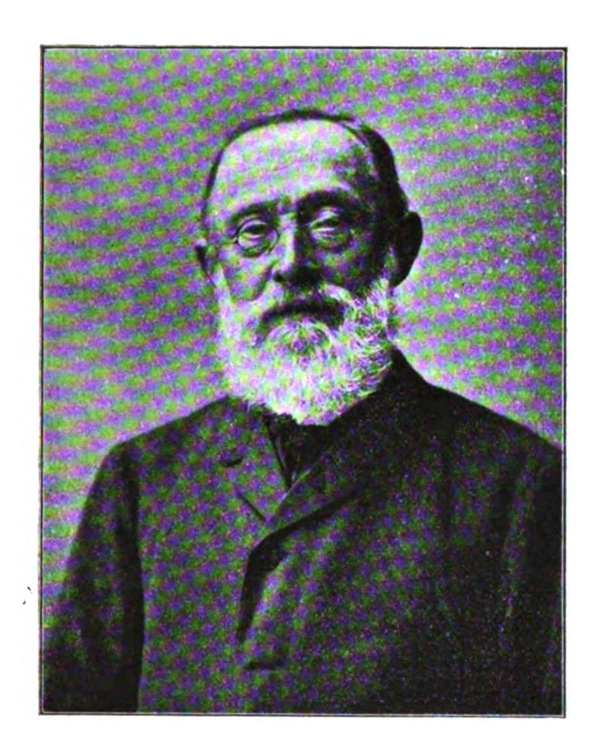
Некрологъ.

Рудольфъ Вирховъ. 5-го сентября (нов. ст.) смерть унесла Рудольфа Вирхова. Вся 81-лѣтняя жизнь этого выдающагося общественнаго дѣятеля, этого крупнаго реформатора въ области медицинскихъ наукъ, знаменитаго антрополога и археолога была посвящена неустанному труду, беззавѣтному служенію наукѣ, постоянному стремленію къ истинѣ, стойкой борьбѣ за высшія права человѣка и лучшие его идеалы. Она цѣликомъ вложена въ тотъ капиталъ, съ котораго человѣчество еще долго будетъ получать проценты. Разносторонняя дѣятельность Вирхова оставила столь неизгладимые слѣды въ различныхъ областяхъ знанія, что, по выраженію друга покойнаго, Евг. Рихтера, она дастъ будущимъ поколѣніямъ право не вѣрить, что Вирховъ былъ одинъ человѣкъ: «они сочтутъ это имя за собирательное для многихъ дѣятелей, изъ которыхъ каждый въ отдѣльности прожилъ и потрудился не мало».

Антропологическая наука понесла въ лицѣ Вирхова громадную утрату. Много справедливаго въ словахъ A. Lissauer'a, сказавшаго про Вирхова, что, если бы кто-либо задался цѣлью подробно изложить и оцѣнить заслуги Вирхова въ области антропологіи, ему пришлось бы писать исторію антропологіи вообще. Въ изданіяхъ нашего Отдѣла дѣятельность Вирхова, какъ антрополога, уже нашла себѣ компетентную оцѣнку, данную въ «Русск. Антроп. Журн.» (1901 г., №№ 3—4) нашимъ глубокоуважаемымъ предсѣдателемъ, проф. Д. Н. Анучинымъ. Поминая въ настоящемъ засѣданіи [1]) благодарнымъ словомъ память покойнаго, много лѣтъ состоявшаго нашимъ почетнымъ членомъ, я позволю себѣ напомнить только важнѣйшіе антропологическіе труды маститаго ученаго. Антропологія привлекла къ себѣ вниманіе Вирхова очень давно; она же перебросила для него мосты въ области этнологіи и исторіи культуры. Различныхъ статей, крупныхъ и мелкихъ, посвященныхъ антропологическимъ вопросамъ, опубликовано Вирховымъ не менѣе 1000. Въ 1857 г. появились

[1]) Читано въ засѣданіи Антропологическаго Отдѣла 25-го сентября 1902 г.

его классическія изслѣдованія въ области краніологіи, именно надъ основаніемъ черепа и надъ вліяніемъ его на форму всего черепа, лица и строеніе мозга. Намѣтившіяся въ этихъ изслѣдованіяхъ расовыя отличія въ конфигураціи череповъ дали толчокъ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ Вирхова въ этомъ же направленіи: въ 1875 г. онъ опубликовываетъ свой трудъ «О нѣкоторыхъ признакахъ на черепѣ низшихъ человѣческихъ расъ», а въ 1881 г.—другой, носящій названіе: «Объ этнологическомъ значеніи Os malare bipartitum». Изъ другихъ краніологическихъ работъ Вирхова являются наиболѣе крупными:



«Beiträge zur physischen Anthropologie der Deutschen» и «Crania ethnica americana».

Въ 80-хъ годахъ появляется изслѣдованіе Вирхова о «хвостатыхъ людяхъ». Это изслѣдованіе, по словамъ проф. Д. Н. Зернова, опубликовавшаго въ прошломъ году статью, посвященную тому же вопросу, «составило какъ бы начало новаго направленія въ объясненіи значенія хвостатости у человѣка». По Вирхову, въ случаяхъ т. наз. хвостатости у человѣка мы должны различать три различныя явленія, именно истинные хвосты, о которыхъ, впрочемъ, ничего вѣрнаго не было констатировано, далѣе—обыкновенную форму мягкихъ или неполныхъ хвостовъ, caudae imperfectae, и, наконецъ, случаи хвостовид-

ныхъ придатковъ кожи, которые не имѣютъ ничего общаго съ хвостомъ. Двумя годами позже Вирховъ печатаетъ изслѣдованіе о платикнеміи, т.-е. нѣкоторой сплющенности большеберцовыхъ костей ноги (tibia), при крайнихъ степеняхъ которой кости эти въ поперечномъ разрѣзѣ вмѣсто трехугольной округленной формы (въ средней ихъ части) получаютъ сплющенную съ боковъ, саблеобразную. Въ спорѣ между французскими антропологами Брока, который считалъ этотъ признакъ за питекоидный, Прунеръ-Беемъ, объяснявшимъ его вліяніемъ рахитизма, и Бускомъ, который видѣлъ въ немъ указаніе на образъ жизни даннаго народа, Вирховъ присоединился къ послѣднему мнѣнію, ставя это образованіе въ связь съ усиленнымъ развитіемъ мышцъ, прикрѣпляющихся къ задней формѣ костей голени и упражняемыхъ особенно при бѣганіи, лазаньи и т. п. Къ мнѣнію Вирхова въ этомъ вопросѣ присоединился впослѣдствіи и Мануврія.

Въ 1885 г. Вирховъ опубликовываетъ свой капитальный трудъ о цвѣтѣ волосъ, кожи и глазъ германцевъ, основанный на осмотрѣ 6.700.000 учащихся. Не перечисляя другихъ многочисленныхъ работъ Вирхова въ области антропологіи, укажемъ, что онъ не упускалъ и тѣхъ случаевъ, когда антрепренерами привозились въ Берлинъ представители различныхъ инородческихъ племенъ,—всѣхъ ихъ Вирховъ подвергалъ антропометрическимъ изслѣдованіямъ. Такимъ образомъ имъ были изучены: эскимосы, сѣв.-американскіе индѣйцы, патагонцы, жители Огненной Земли, негры, нубійцы, готтентоты, папуасы, калмыки, самоѣды и др.

Говоря объ антропологическихъ трудахъ Р. Вирхова, нельзя умолчать о положеніи, какое занялъ онъ въ современной антропологіи своими изслѣдованіями по вопросу о происхожденіи человѣка. Со стороны нѣкоторыхъ представителей антропологіи не разъ высказывалось обвиненіе Вирхова въ томъ, что онъ склоненъ отрицать эволюціонную теорію и держится старой догмы постоянства видовъ. Но большая доля этого обвиненія основана на недоразумѣніи, такъ какъ едва ли можетъ заслуживать обвиненія желаніе того или другого изслѣдователя опираться въ своихъ мнѣніяхъ на точно установленные, неоспоримые факты, а не на гипотетическія построенія. Если Вирховъ относился къ теоріи трансформизма сдержанно, то только изъ желанія критическаго отношенія къ доводамъ и выводамъ этого ученія. «Обезьянья теорія» породила, какъ извѣстно, обширную литературу. Здѣсь не мѣсто разбираться въ ней; я позволю себѣ только привести по этому поводу одну выдержку изъ рѣчи, произнесенной на соединенномъ засѣданіи московскихъ ученыхъ Обществъ въ честь Р. Вирхова (30 сент. 1901 г.) проф. Д. Н. Анучинымъ. «Едва ли найдется теперь,—говорилъ онъ,—серьезный анатомъ или зоологъ, который сталъ бы производить человѣка отъ нынѣ существующихъ антропоморфныхъ обезьянъ. Онтогенія этихъ животныхъ, поставленная въ параллель съ онтогеніей человѣка, наглядно показываетъ, что мы имѣемъ дѣло въ данномъ случаѣ съ типами, расходящимися въ своемъ развитіи; черепъ, мозгъ, конечности,

вообще весь организмъ развиваются у антропоморфныхъ обезьянъ и человѣка въ различныхъ направленіяхъ, приводящихъ къ существенно различнымъ результатамъ. Въ этихъ формахъ антропоморфныхъ приматовъ всѣ біологи видятъ теперь только формы болѣе близкія къ человѣку по своему строенію, чѣмъ какія-либо иныя, но развившіяся параллельно съ нимъ, а не бывшія его прародичами. Такимъ образомъ прародичей человѣка приходится искать ниже, въ группѣ циноморфныхъ обезьянъ, въ гипотетическомъ Archipithecus, но тутъ уже не одинъ анатомъ не можетъ сказать, какая изъ формъ этой группы можетъ считаться въ большемъ родствѣ съ человѣкомъ. Анатомы и палеонтологи поэтому спускаются еще ниже и ищутъ прародичей человѣка въ еще болѣе древней и еще болѣе низкой по своей организаціи группѣ лемуровъ, среди ископаемыхъ ихъ формъ, извѣстныхъ нынѣ въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ изъ древнихъ третичныхъ отложеній изъ Стараго Свѣта и Америки; но при этомъ также остается не выясненнымъ, какія именно изъ этихъ формъ могли бы занять мѣсто въ генеалогіи человѣка, а равно какими стадіями должна была идти ихъ дальнѣйшая филогенетическая эволюція. Положительно можно сказать только одно, что человѣкъ стоитъ въ большемъ родствѣ съ приматами, чѣмъ съ какимъ-либо другимъ отрядомъ млекопитающихъ, что онъ по физическимъ своимъ признакамъ, даже можетъ быть отнесенъ къ этой группѣ, и что изъ всѣхъ антропоморфныхъ формъ наиболѣе близкою къ нему должна быть признана ископаемая форма Pithecanthropus, хотя и относительно ея, за недостаткомъ найденныхъ ея остатковъ, нельзя еще опредѣлить точнѣе степень ея родства съ человѣкомъ» [1]).

Необходимо упомянуть, далѣе, о цѣломъ рядѣ поѣздокъ Вирхова съ антропологическими или археологическими цѣлями. Онъ дважды посѣтилъ извѣстныя раскопки Шлимана на мѣстѣ древней Трои и выпустилъ о нихъ цѣнное изслѣдованіе. Открытіе мумій фараоновъ дало поводъ Вирхову совершить поѣздку въ Египетъ, результатомъ которой явилась его работа объ антропологическомъ типѣ египетскихъ мумій. Заинтересовавшись находками бронзовыхъ издѣлій на Сѣв. Кавказѣ, Вирховъ посѣтилъ Кавказъ, пробравшись здѣсь въ самые глухіе углы Осетіи, и, произведя раскопки извѣстнаго Кобаньскаго могильника, вывезъ обширную коллекцію, послужившую матеріаломъ для его труда о Кобаньскомъ могильникѣ. Интересъ къ археологіи Кавказа не ослабѣлъ у Вирхова и впослѣдствіи: онъ еще разъ возвратился къ нему въ своемъ цѣнномъ изслѣдованіи: «Die culturgeschichtliche Stellung des Kaukasus», а позже нашелъ средства для снаряженія экспедиціи нѣмецкихъ ученыхъ Белька и Лемана въ Закавказье и Турецкую Арменію съ цѣлью изслѣдованія клинообразныхъ надписей и другихъ памятниковъ эпохи ванскихъ царей. Въ то же время Вирховъ посѣщаетъ и осматриваетъ доисторическія древности Босніи,

---

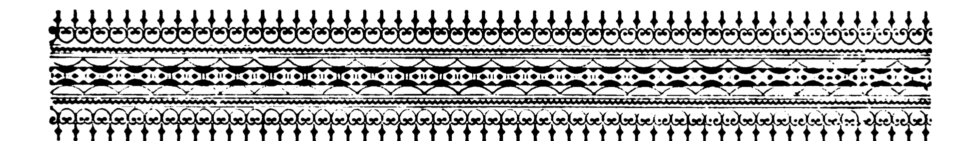
[1]) „Русск. Антроп. Журн.“, 1901 г., кн. VII—VIII.

Моравіи, Чехіи, Венгріи, нашего Прибалтійскаго края и производитъ обширныя изслѣдованія свайныхъ построекъ Сѣв. Германіи.

Широко проявилась и организаторская дѣятельность Вирхова. Въ 1869 г. онъ основываетъ въ Берлинѣ «Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte» и одновременно съ нимъ журналъ «Zeitschrift für Ethnologie», и благодаря этому Обществу и журналу, а болѣе всего благодаря своему авторитету, объединяетъ вокругъ себя главныя научныя силы Германіи по изученію антропологіи и доисторической археологіи. Объединеніе это еще болѣе закрѣпилось ежегодно устраиваемыми съ 1870 г., по инициативѣ Вирхова съѣздами нѣмецкихъ антропологовъ. По инициативѣ и настояніямъ Вирхова же, въ Берлинѣ выстроено роскошное помѣщеніе «Museum für Völkerkunde» и основанъ музей народныхъ костюмовъ—«Museum der Volkstrachten».

Какъ ни бѣглъ и ни кратокъ нашъ очеркъ дѣятельности Руд. Вирхова и притомъ только въ одной изъ интересовавшихъ его научныхъ областей—антропологіи, но и изъ него можно видѣть, какого мощнаго развитія достигла въ лицѣ Вирхова духовная жизнь человѣка и какая могучая, ничѣмъ, кромѣ смерти, не сокрушимая сила можетъ таиться въ немъ. Сила эта—въ знаніи, и передъ этой силой Вирхова преклоняется весь культурный міръ.

Ал. Ивановскій.



Критика и библіографія.

Dr. J. M Judt. Żydzi jako rasa fizyczna. Analiza z dziedziny antropologii. Z 24 rysunkami, mapą i tablicami w tekscie. Warszawa, 1902.

Антропологическая литература объ евреяхъ особенно богата работами описательнаго характера. Въ нихъ мы имѣемъ рядъ обстоятельныхъ характеристикъ различныхъ группъ еврейскаго населенія, основанныхъ часто на весьма значительномъ числѣ наблюденій. Однако, во всѣхъ этихъ работахъ ученые, большею частію, очень мало или даже совершенно не касаются ближе вопроса о происхожденіи и сущности антропологическаго типа евреевъ. Опытъ изслѣдованія послѣдняго рода представляетъ трудъ д-ра Judt'а, заглавіе котораго выписано выше. Все сочиненіе распадается на шесть отдѣловъ, изъ которыхъ первый содержитъ изложеніе различныхъ воззрѣній, существующихъ въ наукѣ, на расовый типъ евреевъ. Второй отдѣлъ посвященъ анализу главнѣйшихъ физическихъ признаковъ—головного указателя, цвѣта волосъ и глазъ и роста. Въ основу этого анализа положены многочисленныя данныя антропологической литературы объ евреяхъ. Авторъ приходитъ къ заключенію, что евреи, съ одной стороны, образуютъ довольно обособленную антропологическую группу, а, съ другой, рѣзко удаляются отъ семитическаго типа. Остановившись въ третьемъ отдѣлѣ на вопросѣ о вліяніи среды на физическій типъ евреевъ и показавъ, что только низкій ростъ ихъ могъ развиться подъ отрицательнымъ воздѣйствіемъ окружающихъ условій, авторъ для выясненія источниковъ брахицефаліи и особенностей цвѣтового типа евреевъ обращается къ даннымъ исторіи и археологіи, которыми пользуется весьма широко и подробно и обзору которыхъ удѣляетъ весь четвертый, одинъ изъ наиболѣе обширныхъ отдѣловъ своего труда. Начавъ съ изслѣдованія о мѣстѣ первоначальной родины семитовъ, д-ръ Judt, на основаніи сопоставленія библейскихъ текстовъ, собственныхъ именъ и географическихъ названій, приходитъ къ выводу, что прародину семитовъ слѣдуетъ искать въ Средней Азіи, гдѣ ихъ кочевыя громады уже могли смѣшиваться съ арійскими и туранскими элементами Памира, Арменіи, Месопотаміи. Племя праевреевъ, направляясь отсюда къ западу, въ Сирію и Палестину—въ страну, населенную многими несемитическими народами,—вступало съ послѣдними въ тѣсныя связи, на что имѣется рядъ указаній въ книгѣ Бытія. Суммируя этнологическія свѣдѣнія объ аборигенахъ Палестины и прилегающихъ земель, Judt указываетъ прежде всего на хананеянъ, родственныхъ отчасти хамитамъ, далѣе, на длинноголовыхъ блондиновъ—аморитовъ, которыхъ

онъ, какъ и Luschan, сближаетъ съ арійцами сѣверной Африки; на хеттеевъ—короткоголовыхъ брюнетовъ невысокаго роста и, наконецъ, на кушитовъ, типъ, которыхъ еще не удалось опредѣлить точнѣе, но которые отличались, повидимому, низкимъ ростомъ, курчавыми волосами, темной кожей, вообще грубыми чертами лица и, можетъ-быть, были близки къ негроидному типу. Явившись побѣдителями всѣхъ этихъ племенъ, евреи восприняли отъ нихъ много разнородныхъ признаковъ—явленіе, которое не разъ повторяется въ исторіи,—что покоренные народы отдаютъ побѣдителямъ нѣкоторыя свои физическія особенности. Въ ряду причинъ, содѣйствовавшихъ смѣшенію евреевъ съ туземнымъ населеніемъ Палестины, имѣли большое вліяніе законъ Моисея, благопріятно относившійся къ чужеземцамъ, кромѣ того, рабство и полигамія, такъ какъ дѣти наложницъ считались полноправными членами общины. Такое смѣшеніе продолжалось, по Judt'у, приблизительно до V в. до Р. Х. Съ этого времени, послѣ утраты политической самостоятельности, затѣмъ, подъ вліяніемъ энергической дѣятельности пророковъ, а, въ особенности, Эздры и съ наступленіемъ вскорѣ многовѣковой неволи, началась расовая обособленность евреевъ и были положены сильныя преграды противъ проникновенія въ ихъ среду инородческихъ элементовъ, что, за единичными только исключеніями, продолжалось и во всю христіанскую эпоху. Изложеніе судьбы евреевъ, главнымъ образомъ взаимныхъ отношеній между ними и окружающимъ населеніемъ, въ теченіе длиннаго періода разсѣянія и занимаетъ весь пятый, другой весьма значительный, отдѣлъ сочиненія д-ра Judt'а. Не отвергая совершенно существованія прозелитизма въ первые вѣка до и послѣ Р. Х., авторъ полагаетъ все-таки, что небольшая горсть новообращенныхъ не была въ состояніи измѣнить физическій типъ евреевъ, число которыхъ достигало тогда 6—7 милліоновъ. Византійская имперія, возникшая на развалинахъ Римской и провозгласившая торжество христіанства, положила вмѣстѣ съ тѣмъ начало религіозной нетерпимости по отношенію къ евреямъ, которая лишь обострялась при позднѣйшихъ императорахъ, благодаря неоднократнымъ постановленіямъ соборовъ, и обусловила рѣзкую исключенность и отчужденность евреевъ отъ остального населенія. Въ аналогичныя условія были поставлены евреи въ западныхъ странахъ прежней Римской имперіи. Д-ръ Judt отрицаетъ возможность ихъ смѣшенія въ Испаніи съ готами, чѣмъ, по мнѣнію ученыхъ, объясняется большая рыжеволосость испанскихъ евреевъ Авторъ указываетъ на соборъ въ Эльвирѣ (320 г.) и на рядъ королей, дѣятельность которыхъ была направлена къ возможно большему стѣсненію евреевъ и къ огражденію христіанъ отъ смѣшенія съ ними. Съ началомъ владычества арабовъ наступила для евреевъ въ Испаніи пора не только духовнаго расцвѣта, но и свободной, мирной соціальной жизни. Общность интересовъ какъ на полѣ науки, такъ и въ области общественныхъ отношеній содѣйствовала возникновенію кровныхъ связей между евреями и ихъ новыми побѣдителями, на что имѣются прямыя указанія въ исторіи. На этомъ основаніи Judt считаетъ большую длинноголовость южныхъ евреевъ за вторичное явленіе. Распространеніе евреевъ во Франціи, какъ и въ Испаніи, первоначально имѣло колонизаторскій характеръ. Различныя данныя позволяютъ думать, что было немалое число добровольныхъ поселенцевъ; кромѣ того, нѣкоторые знатные еврейскіе роды Палестины были переселены въ Галлію еще римскими императорами. Такимъ образомъ, уже въ I и II вв. по Р. Х. колонія евреевъ была, повидимому, здѣсь довольно значительная. Указаніемъ на это служитъ нѣсколько болѣе позднее извѣстіе, что во времена Хлодвига евреи свободно занимались въ Галліи земледѣліемъ и торговлею. Judt отрицаетъ по-

этому, вопреки Ренану и Loeb'у, исключительное участіе прозелитизма въ происхожденіи французскихъ евреевъ. Введеніе христіанства дало и въ этой странѣ толчокъ для непріязни туземнаго населенія къ евреямъ,—непріязни, которая, за исключеніемъ эпохи Карла Великаго, не прекращалась и питалась многочисленными рѣшеніями церковныхъ соборовъ и не могла поэтому содѣйствовать приливу прозелитовъ въ среду еврейства. Обращаясь къ нѣмецкимъ землямъ, авторъ констатируетъ прежде всего крайнюю скудость извѣстій по исторіи евреевъ въ этихъ краяхъ за первое тысячелѣтіе новой эры; во второмъ же тысячелѣтіи они подвергались вліянію тѣхъ же вышеупомянутыхъ факторовъ, заключившихъ евреевъ въ тѣсныя гетто соціальныхъ, религіозныхъ и правовыхъ ограниченій и почти совершенно преградившихъ къ нимъ доступъ окружающему свѣтловолосому и свѣтлоглазому населенію. Германію д-ръ Judt съ большимъ основаніемъ разсматриваетъ, какъ этапный путь движенія евреевъ на востокъ, въ славянскія страны. Обозрѣвая и тутъ судьбу евреевъ при свѣтѣ историческихъ фактовъ, онъ приходитъ къ выводу, что прозелитизмъ нигдѣ не игралъ выдающейся роли, но составлялъ крайне рѣдкое и исключительное явленіе.

Въ заключительномъ отдѣлѣ своего изслѣдованія авторъ, возвращаясь къ результатамъ антропологическаго анализа, объясняетъ, что смѣшеніе евреевъ съ туземнымъ населеніемъ Европы не могло имѣть мѣста ни черезъ прозелитизмъ, ни черезъ смѣшанные браки; исключеніе составляетъ одинъ Кавказъ. Происхожденіе же смѣшанности евреевъ слѣдуетъ отнести ко временамъ гораздо болѣе отдаленнымъ, именно къ эпохѣ ихъ древнѣйшихъ переселеній и политической самостоятельности; благодаря этому, еврейская вѣтвь семитовъ восприняла много разнородныхъ этническихъ признаковъ, измѣнившихъ въ сильной степени ихъ первоначальный семитическій типъ. Такимъ образомъ, отнесеніе современныхъ евреевъ въ рядъ семитическихъ народовъ, къ которымъ они приближаются лишь по языку, не имѣетъ достаточнаго основанія, ибо совершенно не оправдывается данными физической антропологіи. Что же касается мѣста евреевъ въ классификаціи расъ, то Judt не соглашается на включеніе евреевъ въ средиземноморскую расу, но скорѣе относитъ ихъ къ т. наз. альпійской или альпійско-гималайской расѣ. Признавая, слѣдовательно, непосредственную связь между нынѣшними евреями и ихъ древними предками, д-ръ Judt вноситъ во взглядъ Рипдея и другихъ ученыхъ, признающихъ за евреями единообразіе физіономическихъ чертъ при расхожденіи, однако, ихъ физическихъ признаковъ, поправку такого рода, что евреи, напротивъ, отличаются единообразіемъ какъ тѣхъ, такъ и другихъ особенностей.

Таковы заключительные выводы названнаго автора. Въ краткой библіографической замѣткѣ не представляется возможнымъ изложить ихъ съ большею подробностью. Если въ нѣкоторыхъ случаяхъ эти заключенія и не могутъ считаться вполнѣ безспорными, тѣмъ не менѣе книга д-ра Judt'а составляетъ крупное явленіе въ новѣйшей антропологической литературѣ объ евреяхъ и обличаетъ въ авторѣ обширную начитанность не только по антропологіи, но и по другимъ смежнымъ съ нею наукамъ. Подготовляемый въ настоящее время къ печати нѣмецкій переводъ этой книги послужитъ, несомнѣнно, къ большему ея распространенію. *А. Элькиндъ.*

M. Fishberg. The comparative pathology of the Jews. „N. Y. Med. Jour.“, 1901, March—April.

Въ развитіи антропологическихъ свѣдѣній объ евреяхъ патологіи принадлежитъ не послѣднее мѣсто. Уже въ первыхъ работахъ Майера и Коперниц-

каго и Снигирева, посвященныхъ антропологической характерестикѣ этой народности, былъ обнаруженъ фактъ отрицательнаго развитія евреевъ, именно крайняя узкогрудость у нихъ сравнительно съ другими народностями. Если это явленіе и не подтвердилось въ позднѣйшихъ изслѣдованіяхъ, тѣмъ не менѣе въ наукѣ не перестаютъ раздаваться голоса въ пользу своеобразнаго характера патологическихъ особенностей у евреевъ. Литература по этому вопросу собрана въ названной работѣ д-ра Фишберга, причемъ авторъ приводитъ и собственныя наблюденія, добытыя въ трехъ округахъ Нью-Іорка, населенныхъ преимущественно евреями. Данныя санитарной статистики различныхъ странъ указываютъ на существованіе извѣстной разницы между еврейскимъ и не-еврейскимъ населеніемъ по величинѣ средней продолжительности жизни, по степени рождаемости и смертности. Такъ, въ Будапештѣ половина евреевъ доживаетъ до 50 лѣтъ, между тѣмъ какъ изъ христіанъ половина доживаетъ только до 30 лѣтъ; далѣе, въ возрастѣ 85—90 л. умираетъ 8% евреевъ и лишь 2,4% христіанъ. Смертность дѣтей до 5 лѣтъ составляетъ у послѣднихъ 14%, у первыхъ—10%. Подобныя же отношенія между смертностью евреевъ и христіанъ найдены также въ Лондонѣ, въ Пруссіи (Mulhall'емъ) и Голландіи. Въ Австріи констатировано среди евреевъ бо̀льшее преобладаніе рожденій (на 30,8%) надъ смертностью, нежели среди христіанъ (на 28,3%). Въ Алжирѣ, по даннымъ 1856 г., то же явленіе отмѣчено для евреевъ (221 рожд. и 187 смерт.) еще въ болѣе рѣзкой формѣ, въ сравненіи не только съ христіанами (1234 рожд. и 1553 смерт.), но и съ мусульманами (331 рожд. и 514 смерт.). Въ Румыніи, по статистикѣ 1884—1886 г., на одинъ смертный случай приходилось у евреевъ 2,10 рожд., у христіанъ же только 1,62 рожд. Такимъ образомъ, евреи отличаются большею продолжительностью жизни и преобладаніемъ рождаемости надъ смертностью. Рядомъ съ этимъ обращаетъ на себя вниманіе меньшая частота браковъ у евреевъ и меньшее же число дѣтей, падающихъ на каждый бракъ: въ Пруссіи одинъ бракъ имѣлъ мѣсто на каждые 139 евреевъ и 112 христіанъ, въ Баваріи—на 149 евреевъ и 128 христіанъ. Въ Соед. Штатахъ, по изслѣдованіямъ д-ра Billings'а 10,618 еврейскихъ семействъ, число рожденій среди евреевъ на 10 pro mille ниже, чѣмъ среди всего населенія Штатовъ. Тотъ же авторъ обработалъ статистическія данныя для г. Нью-Іорка 11 переписи 1890 г. Принявъ во вниманіе различное происхожденіе жителей этого города, онъ нашелъ, что та часть населенія, которая происходила изъ Россіи и Польши и состояла преимущественно изъ евреевъ, отличалась наименьшею общею смертностью (14,85 на тысячу); кромѣ того, разсматривая отдѣльно смертность до и послѣ 15-лѣтняго возраста, онъ пришелъ опять къ результату, что евреи въ обоихъ случаяхъ дали низшій процентъ смертности (28,67 и 6,21 на тысячу). Одинаковые результаты получены Fishberg'омъ для 7, 10 и 13 округовъ Нью-Іорка, населеніе которыхъ не только состоитъ главнымъ образомъ изъ евреевъ, но и живетъ въ наиболѣе дурныхъ гигіеническихъ условіяхъ. На основаніи этихъ и другихъ подобныхъ данныхъ Fishberg присоединяется къ взгляду Ripley'я, признающаго за евреями безпримѣрную жизненную стойкость („an unprecedented tenacity of life"). Аналогичный результатъ полученъ и въ Вѣнскомъ статистическомъ бюро, гдѣ въ ряду мадьяръ, нѣмцевъ, словенцевъ и сербовъ евреи дали наименьшій процентъ заболѣваемости (32 на тысячу).

Обращаясь къ причинамъ заболѣваній у евреевъ, Fishberg отмѣчаетъ, что наиболѣе опасныя болѣзни, какъ-то: туберкулезъ, пневмонія, нефритъ,

тифоидъ, малярія и нѣк. др., кромѣ діабета, уносятъ среди евреевъ относительно меньше жертвъ, чѣмъ среди не-евреевъ. Такъ, по статистическимъ даннымъ 1890 г., евреевъ умерло въ Нью-Йоркѣ отъ чахотки въ 7 разъ меньше, нежели негровъ, въ 6 разъ менѣе, нежели ирландцевъ, въ 5 разъ менѣе, нежели чеховъ и т. д. Съ своей стороны, Fishberg въ упомянутыхъ трехъ округахъ нашелъ, что за шесть лѣтъ (1885—1890) смерть отъ чахотки среди евреевъ составляла только 5,76% всѣхъ смертныхъ случаевъ противъ 19,44% у ирландцевъ, 14,12% у нѣмцевъ и 13,04% у англичанъ. Меньшая подверженность евреевъ чахоткѣ подтверждается также наблюденіями нѣкоторыхъ европейскихъ врачей. Далѣе, среди евреевъ рѣже встрѣчаются алкоголизмъ и lues. Въ теченіе тѣхъ же шести лѣтъ ежегодная смертность отъ алкоголизма въ Нью-Йоркѣ выражалась у евреевъ лишь однимъ случаемъ противъ 3—31 среди остальныхъ народностей. Что касается lues'а, то сравнительно малое распространеніе его среди евреевъ констатируется всюду и подкрѣпляется свидѣтельствомъ многихъ практикующихъ врачей. Слабое развитіе алкоголизма и lues'а имѣетъ слѣдствіемъ относительную рѣдкость у евреевъ нефрита и болѣзней печени (особенно цирроза). Изъ болѣзней, которымъ евреи подвержены сильнѣе, чѣмъ другія народности, слѣдуетъ прежде всего назвать diabetes mellitus. Frerichs на 400 діабетиковъ нашелъ 25% евреевъ; такое же число послѣднихъ имѣлъ и д-ръ Stern на 202 діабетика. На причины этой болѣзни среди евреевъ существуютъ разные взгляды: одни видятъ предрасполагающій моментъ къ діабету въ погрѣшностяхъ въ діэтѣ, другіе приписываютъ то же значеніе психическимъ агентамъ, третьи, наконецъ, связываютъ происхожденіе діабета у евреевъ съ болѣе частыми у нихъ браками между кровными родственниками. Послѣ diabetes mellitus евреи особенно сильно страдаютъ нервными болѣзнями, именно неврастеніей и истеріей: по наблюденіямъ нѣкоторыхъ американскихъ врачей, неврастениковъ-евреевъ оказывается болѣе 40%. Въ вопросѣ о распространеніи среди евреевъ другихъ нервныхъ и душевныхъ болѣзней Fishberg опирается, главнымъ образомъ, на извѣстныя изслѣдованія проф. И. А. Сикорскаго и Л. С. Минора, по которымъ евреи, сравнительно съ христіанами, рѣже страдаютъ tabes'омъ и прогрессивнымъ параличомъ, но чаще функціональными нервными болѣзнями и истеріей; послѣдняя встрѣчается у нихъ довольно часто среди мужчинъ. Указавъ затѣмъ на сравнительную частоту у евреевъ нѣкоторыхъ болѣзней глазъ, какъ-то: слѣпоту, дальтонизмъ, астигматизмъ, трахому и др., Fishberg переходитъ къ общей оцѣнкѣ изложенныхъ данныхъ по сравнительной патологіи евреевъ.

Одни авторы видятъ въ меньшей смертности и большей продолжительности жизни евреевъ результаты малаго распространенія среди нихъ физической работы, вліянія ихъ пищи, жирной, богатой разными приправами. Другіе же, какъ на главные моменты этихъ біостатическихъ различій, указываютъ на высоко-развитое среди евреевъ семейное чувство, оберегающее ихъ отъ lues'а и алкоголизма со всѣми вредными послѣдствіями, на обычай обрѣзанія, также предохраняющій отъ цѣлаго ряда другихъ болѣзней, и, наконецъ, на извѣстные обряды („kosher“) въ опредѣленіи годности или непригодности мяса для употребленія въ пищу и на связанную съ ними безопасность зараженія отъ животныхъ. То и другое мнѣніе д-ръ Fishberg считаетъ, однако, недостаточнымъ. Съ большимъ основаніемъ, по его словамъ, происхожденія упомянутыхъ біостатическихъ особенностей евреевъ слѣдуетъ искать въ прошлой исторіи этой народности. Преслѣдуемый и притѣсняемый въ продолженіе двухъ тысячелѣтій, современный еврей слабѣе физически, ростъ его ниже, грудь и плечи

уже, чѣмъ у его сосѣдей не-евреевъ; несмотря, однако, на всѣ эти физическіе недочеты, онъ съ успѣхомъ борется и съ окружающими его невзгодами, и съ болѣзнями, и со смертью. Объясненіе этого противорѣчія найти нетрудно: современный еврей—въ физическомъ и психическомъ отношеніи—продуктъ естественнаго отбора, процесса переживанія способнѣйшаго,—процесса, наступившаго уже 2000 лѣтъ назадъ. Подъ вѣковымъ гнетомъ только наиболѣе упорные, сильные и энергичные могли остаться въ еврействѣ; всѣ же слабые—физически и духовно—устранялись изъ среды этой расы, благодаря либо смерти, либо баптизму. Отсюда и усвоили себѣ современные евреи значительную жизненную стойкость („tenacity of life"). Другимъ слѣдствіемъ сравнительно-патологическаго анализа евреевъ является фактъ особеннаго предрасположенія ихъ къ болѣзнямъ, вообще связаннымъ съ современными условіями жизни, каковы: истерія, неврастенія, большинство функціональныхъ неврозовъ и діабетъ. Евреи уже много столѣтій живутъ исключительно въ городахъ и лишь очень рѣдко имѣютъ возможность оставаться въ деревняхъ и предаваться земледѣльческому труду. Въ то время какъ остальное населеніе большихъ городовъ обыкновенно на протяженіи только пяти-шести поколѣній является постоянными жителями города и, кромѣ того, во вновь прибывающемъ деревенскомъ населеніи имѣетъ постоянный притокъ новой, здоровой и свѣжей крови, парализующей до извѣстной степени отрицательное вліяніе условій городской жизни, — евреи совершенно лишены такого преимущества. Среди нихъ вредные эффекты напряженной, нервной жизни въ городѣ послѣдовательно передавались потомкамъ и, кумулируясь въ каждомъ новомъ поколѣніи, вліяли ослабѣвающимъ образомъ на нервную сферу еврейской расы, результатомъ чего и является относительно большая частота среди евреевъ тѣхъ болѣзней, которыя служатъ спутницами прогресса цивилизаціи, именно неврозовъ и психозовъ.

Прежде чѣмъ закончить свою статью, д-ръ Fishberg останавливается на явленіи, подмѣченномъ нѣкоторыми изслѣдователями, именно уменьшеніи сопротивляемости евреевъ къ туберкулезу, lues'у, алкоголизму и другимъ болѣзнямъ въ направленіи съ востока на западъ, т.-е. отъ странъ, гдѣ они живутъ изолированно, въ тѣсныхъ предѣлахъ обычаевъ своихъ предковъ, къ странамъ, гдѣ евреи пользуются нѣкоторою свободой, ассимилировались отчасти съ не-еврейскимъ населеніемъ, усвоивъ нѣкоторые обычаи и нравы послѣднихъ. Такъ, Billings констатировалъ, что еврейки, родившіяся въ Соед. Штатахъ, производили въ среднемъ 3,56 дѣтей, между тѣмъ какъ уроженки Россіи и Польши имѣли въ среднемъ по 5,63 дѣтей; далѣе, и смертность евреевъ (9,16), происходившихъ отъ мѣстныхъ уроженцевъ, выше, нежели смертность евреевъ (7,61), родители которыхъ были не американскаго происхожденія. Въ виду этого Fishberg высказывается за возможность скораго исчезновенія всѣхъ «біостатическихъ» или «этническихъ» особенностей американскихъ евреевъ.

Въ заключеніе авторъ резюмируетъ слѣдующимъ образомъ свои наблюденія. Смертность евреевъ во всѣ возрасты—и относительно, и абсолютно—ниже, чѣмъ для населенія, среди котораго они живутъ. Число браковъ и рожденій среди евреевъ меньше; большее же возрастаніе еврейскаго населенія сравнительно съ не-еврейскимъ объясняется меньшею смертностью еврейскихъ дѣтей и большимъ числомъ послѣднихъ, достигающихъ взрослаго состоянія. Евреи въ меньшемъ числѣ, нежели ихъ сосѣди, умираютъ отъ инфекціонныхъ болѣзней, въ частности отъ холеры, оспы и туберкулеза. Lues и алкоголизмъ съ ихъ послѣдствіями сравнительно рѣдки между евреями; напротивъ, діабетъ очень частъ среди нихъ. Всѣ функціональные неврозы и психозы, особенно

неврастенія и истерія, встрѣчаются чаще среди евреевъ, чѣмъ среди неевреевъ; органическія нервныя болѣзни, какъ-то: tabes, прогрессивный параличъ и др. менѣе часты, что стоитъ въ связи съ меньшимъ распространеніемъ lues'а и алкоголизма среди евреевъ. Слѣпота, дальтонизмъ, трахома и глаукома, а также расширеніе венъ (геморрой) и грыжи очень часты у евреевъ. Всѣ эти особенности сравнительной патологіи евреевъ не имѣютъ этническаго или расоваго характера, но объясняются событіями прошлой исторіи евреевъ, условіями ихъ жизни и малымъ развитіемъ среди нихъ lues'а и алкоголизма, и тамъ, гдѣ евреи приходятъ въ болѣе близкое соприкосновеніе со своими христіанскими сосѣдями и усвоиваютъ ихъ обычаи и нравы, всѣ отмѣченныя особенности рано или поздно утрачиваются.

А. Элькиндъ.

M. Fishberg. The relative infrequency of tuberculosis among Jews («American Medicine», 1901, November).

Статья представляетъ собою развитіе одного изъ положеній предыдущей работы того же автора, именно вопроса о маломъ распространеніи туберкулеза среди евреевъ. Подтвердивъ это статистическими данными нью-йоркскаго санитарнаго бюро 1885—1890 гг. и 1897—1899 гг., авторъ въ толкованіи меньшей воспріимчивости евреевъ къ туберкулезу указываетъ на двѣ причины, содѣйствующія этому явленію. Первую причину, предохраняющую евреевъ отъ зараженія, д-ръ Fishberg видитъ въ существованіи у нихъ обязательнаго осмотра мясныхъ тушъ и въ крайне тщательномъ отношеніи къ тому, какое мясо слѣдуетъ признать годнымъ или негоднымъ для употребленія; при этомъ онъ возражаетъ R. Koch'у, отрицающему, какъ извѣстно, возможность переноса туберкулеза отъ животныхъ къ человѣку. Другой причиной, обусловливающей относительную иммунность евреевъ къ туберкулезу, авторъ считаетъ малое распространеніе среди нихъ lues'а и алкоголизма, которые, по мнѣнію многихъ медицинскихъ авторитетовъ, являются весьма предрасполагающими моментами для различныхъ туберкулезныхъ заболѣваній.

А. Элькиндъ.

Die socialen Verhältnisse der Juden in Preussen und Deutschland. Statistisch dargestellt von Arthur Ruppin. «Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik», herausgegeb. von I. Conrad, März, 1902. (Рус. пер. см. въ книжкахъ «Восхода», IV и IX).

Пользуясь переписнымъ матеріаломъ для Германіи и Пруссіи, авторъ иллюстрируетъ въ рядѣ статистическихъ таблицъ «личное и семейное положеніе евреевъ по сравненію съ христіанами», «взаимодѣйствіе между еврейскимъ и христіанскимъ населеніемъ», «положеніе евреевъ въ экономической жизни», «школьное и университетское образованіе у христіанъ и евреевъ», «преступность и нравственность» евреевъ сравнительно съ христіанами. Въ антропологическомъ отношеніи наибольшаго вниманія заслуживаютъ нѣкоторыя таблицы въ первыхъ двухъ главахъ, указывающія, съ одной стороны, на фактъ большей жизнеспособности дѣтей, рожденныхъ еврейскими родителями, а, съ другой, на быстрое пониженіе рождаемости у евреевъ; послѣднее обстоятельство до нѣкоторой степени компенсируется благопріятными данными смертности, въ частности большимъ числомъ лицъ, достигающихъ у евреевъ глубокой старости. Что касается вопроса о взаимодѣйствіи между еврейскимъ и христіанскимъ

населеніемъ, то авторъ, на основаніи приводимыхъ имъ статистическихъ свѣдѣній о смѣшанныхъ бракахъ и плодовитости послѣднихъ, приходитъ къ заключенію, что смѣшанные браки могутъ считаться не менѣе плодовитыми, нежели чистые.

А. Элькиндъ.

Фишеръ Э. К. О бороздахъ и извилинахъ дѣтскаго мозга въ первомъ полугодіи жизни. Спб., 1902. (Серія докторскихъ дисс. въ 1901—1902 учебн. году, № 86). 90 стр.+2 табл.

Въ виду недостаточнаго количества наблюденій относительно развитія бороздъ и извилинъ въ дѣтскомъ возрастѣ авторъ выбралъ 80 полушарій (40 мозговъ), начиная съ доношеннаго новорожденнаго до полугодового возраста. Изъ этихъ 80 полушарій (40 полушарій мальчиковъ и 40 дѣвочекъ) 30 принадлежали дѣтямъ до 5-недѣльнаго возраста, остальныя—дѣтямъ до полугода, такъ что на каждую недѣлю жизни приходилось 2—3 экземпляра. Для сравнительнаго изученія, кромѣ того, было взято 10 полушарій отъ 6-ти до 9-мѣсячныхъ плодовъ, 12 полушарій съ 6-го мѣсяца до 8-го года и 10 полушарій отъ взрослыхъ лицъ обоего пола. Препараты сохранялись и уплотнялись въ 3—1% растворѣ формалина. На основаніи своихъ изслѣдованій авторъ не можетъ согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ ученыхъ, которые увѣряютъ, будто борозды и извилины у новорожденнаго уже развиты вполнѣ; напротивъ, это развитіе продолжается до конца перваго полугодія. Весьма вѣроятно, что моделированіе мозговой поверхности состоитъ не только въ углубленіи бороздъ, расширеніи извилинъ, соединеніи бороздъ между собою и т. д., но и въ томъ, что и находящіяся внутри бороздъ части мозговой коры выходятъ иногда на поверхность. У дѣвочекъ, по наблюденіямъ Фишера, мозговая поверхность чаще, чѣмъ у мальчиковъ, представляетъ болѣе простой рисунокъ, такъ какъ борозды у нихъ чаще являются въ соединеніи съ ихъ сосѣдними бороздами, и большія продольныя борозды у нихъ чаще бываютъ непрерывными, чѣмъ у мальчиковъ.

Н. Алтуховъ.

Бондыревъ А. П. Матеріалы къ измѣренію роста и отдѣльныхъ частей тѣла у дѣтей. Спб., 1902, стр. 274. (Серія докт. диссерт. Военно-Медиц. Акад. 1901—1902 уч. годъ, № 94).

Измѣненія вѣса, роста и отдѣльныхъ частей ребенка представляютъ одно изъ выдающихся явленій физіологіи молодого растущаго организма. Установленіе нормъ и физіологическихъ предѣловъ ея колебаній связано не только съ судьбою будущихъ взрослыхъ индивидуумовъ, но и съ біологической судьбой націи. Наблюденія свои авторъ производитъ надъ дѣтьми фабричныхъ (Владимірск. губ., Покровскаго у., мѣстечко Никольское, фабрика „Т-ва В. Морозова съ С-ми“) въ возрастѣ со дня рожденія и до 15 лѣтъ. Всего измѣрено 1887 человѣкъ, причемъ на каждый возрастный періодъ авторъ бралъ по 50 мальчиковъ и дѣвочекъ, только въ возрастѣ отъ 9 мѣсяцевъ до 1 года имѣлось 37 мальчиковъ. Чтобы прослѣдить ходъ развитія организма на первомъ году, авторъ подраздѣлилъ его на четверти. Весь матеріалъ обработанъ по генерализирующему методу (Quetelet).

Ростъ: отъ рожденія до 5-дневнаго возраста мальчики—49,1 ст., дѣвочки—48,6 ст. Новорожденные мальчики длиннѣе новорожденныхъ дѣвочекъ. Удвоеніе первоначальнаго роста наступаетъ только на 6-мъ году. Дѣвочки

ниже мальчиковъ до 11—12 л., а съ этого возраста перерастаютъ послѣднихъ. Самая большая энергія роста принадлежитъ первому году ($^1/_5$ всего 15-лѣтняго прироста). Фабричныя дѣти по абсолютному росту ниже городскихъ и крестьянскихъ дѣтей.

Вѣсъ: новорожденные мальчики тяжелѣе новорожденныхъ дѣвочекъ. До 11-ти лѣтъ дѣвочки легче мальчиковъ. Относительная величина вѣса къ росту, длины туловища, окружности груди и головы съ годами прогрессивно увеличивается.

Голова: окружность головы по четвертямъ перваго года жизни увеличивается такимъ образомъ, что величина прироста прогрессивно падаетъ. Энергія роста продольнаго діаметра остается въ теченіе перваго года постоянной, энергія же роста поперечнаго діаметра рѣзко падаетъ во второмъ полугодіи. Къ 13—14 годамъ у дѣвочекъ и къ 13—15 у мальчиковъ замѣчается усиленіе энергіи роста головы. Отношеніе окружности головы къ длинѣ позвоночника нарастаетъ до 9-го мѣсяца жизни, на 3-мъ году оно достигаетъ величины, существовавшей при рожденіи, а затѣмъ падаетъ уже ниже этой величины.

Туловище (позвоночникъ): туловище измѣрялось отъ 7-го шейнаго позвонка до конца копчика. У новорожденныхъ мальчиковъ—22,28 ст., у дѣвочекъ—20,94 ст. Усиленіе роста позвоночника начинается у мальчиковъ на 13—14 г., у дѣвочекъ—на 12—13-мъ.

Грудь: окружность груди у новорожденныхъ мальчиковъ больше, чѣмъ у дѣвочекъ; она менѣе окружности головы на 1—2 ст. и болѣе $^1/_2$ роста на 8—10 ст. До 5 дней грудная клѣтка имѣетъ форму конуса, основаніемъ обращеннаго внизъ. У мальчиковъ съ 7—8 л., а у дѣвочекъ съ 6—7 л. она имѣетъ видъ конуса, широкое основаніе котораго обращено кверху. Цилиндрическая форма изъ 380 встрѣтилась 15 разъ. За первое полугодіе приростъ окружности груди больше, чѣмъ за второе. Около 13 лѣтъ окружность груди достигаетъ вдвое большей величины, нежели была при рожденіи. Разница между окружностью груди и $^1/_2$ роста у мальчиковъ до 10—11 л., у дѣвочекъ до 8—9 л. положительна, а затѣмъ становится отрицательной. За 15-лѣтній періодъ грудная клѣтка въ передне-заднемъ направленіи увеличилась у мальчиковъ на $^1/_3$ меньше, чѣмъ въ поперечномъ, а у дѣвочекъ на $^1/_2$.

Конечности: у дѣтей въ возрастѣ 7—10 лѣтъ замѣчается усиленная энергія роста обѣихъ конечностей.

Диссертація г. Бондырева, затрогивая далеко не выясненныя проблемы соціально-экономическаго роста нашего коренного русскаго населенія, обращаетъ на себя вниманіе добросовѣстностью труда, точностью анализа и массой ссылокъ на работы русскихъ изслѣдователей,—изъ 114 номеровъ, приведенныхъ въ литературѣ, 53 принадлежатъ русскимъ авторамъ.

Н. Алтуховъ.

Сычевъ А. И. Измѣренія объема и поверхности тѣлъ у дѣтей по возрастамъ. Спб., 1902, стр. 92. (Серія докт. дисс. Военно-Медиц. Акад. 1901—1902 уч. годъ, № 37).

Авторъ произвелъ рядъ измѣреній объема тѣла дѣтей, начиная отъ дня рожденія и до 15-лѣтняго возраста. Съ этою цѣлью онъ взвѣшивалъ дѣтскіе трупы въ воздухѣ, затѣмъ въ водѣ и разность вѣса дѣлилъ на плотность воды при t^0 взвѣшиванія. 103 измѣренія показали, что цифры объемовъ почти равны вѣсу. Новорожд. вѣсъ—2097, объемъ—2027 grm; отъ 1—2 л.—вѣсъ—8148, а объемъ—7861 grm.; 5 лѣтъ—вѣсъ—13464, объемъ—13227;

15 л.—вѣсъ—33490, объемъ—32681. Съ цѣлью вычислить поверхность тѣла по возрастамъ г. Сычевъ опредѣлялъ заранѣе вѣсъ площади куска хорошей равномѣрной бумаги, затѣмъ обкладывалъ ею точно тѣло ребенка. Зная, что a кв. сант. бумаги вѣситъ b граммъ, а на обкладываніе всей поверхности тѣла пошло B граммъ, легко вычислить x, поверхность тѣла: $x=\frac{aB}{b}$. Въ результатѣ авторъ получилъ, что у новорожденнаго поверхность тѣла=1476 кв. сант. и на 1 kgrm. вѣса приходится 704 кв. сант.; у $^1/_2$-годового поверхность=3051,9 кв. с., на 1 kgrm. вѣса приходится 601,8 кв. сант.; у 15-лѣт.—11402 кв. сант., на 1 kgrm.—378 кв. сант.; у 43-лѣтняго—14079 кв. сант., на 1 kgrm. вѣса падаетъ—221 кв. сант. Такимъ образомъ абсолютная поверхность тѣла увеличивается постепенно съ увеличеніемъ вѣса, объема и роста.

Н. Алтуховъ.

Hans Bogusat. Anomalien und Varietäten des Brustbeins. Доктор. дисс. Königsberg i. Pr., 1902.

Настоящая работа распадается на три части: въ первой разсматривается *исторія развитія грудной кости,* на основаніи литературныхъ данныхъ и собственныхъ наблюденій автора; вторая часть посвящена вопросу о *половыхъ особенностяхъ* формы грудины; въ третьей описывается рядъ *варіантовъ и аномалій* этой части скелета, наблюдавшихся авторомъ на матеріалахъ анатомическаго музея Кёнигсбергскаго университета. Авторъ изслѣдовалъ 26 зародышевыхъ грудинъ, 2—9-внутриутробнаго мѣсяца и 4 грудины отъ новорожденныхъ. Число *костныхъ ядеръ* колеблется, по даннымъ автора, между 2 и 11; въ среднемъ ихъ наблюдается 4—6; большимъ колебаніямъ подвергнуты также форма и мѣстоположеніе костныхъ ядеръ грудины. Что касается *половой дифференціаціи* грудины, то и по этому вопросу, какъ извѣстно, существуютъ уже весьма обстоятельныя изслѣдованія (Dwight, Strauch, Petermöller). Авторомъ измѣрено 38 мужскихъ и 29 женскихъ грудинъ, причемъ оказалось, что отношеніе длины рукоятки къ длинѣ тѣла грудины у мужчинъ равно $5:11_{,3}$, а у женщинъ $5:9_{,7}$. Въ общемъ женская грудина значительно короче мужской, въ среднемъ на $1_{,7}$ сант.; это укороченіе касается тѣла грудины. Нижняя часть женской грудины очень часто обнаруживаетъ болѣе замѣтную выпуклость впередъ, чѣмъ то наблюдается у мужчинъ. Наконецъ, авторъ представляетъ слѣдующую классификацію аномалій и варіантовъ грудины:

I. *Аномаліи.* Къ нимъ авторъ причисляетъ: 1) образованіе щелей и отверстій, 2) случаи аномальной сегментаціи грудины и 3) развитіе т. наз. надгрудинныхъ костей (ossa suprasternalia).

II. *Варіанты.* Какъ таковые, авторомъ разсматриваются: 1) уклоненія отъ обычной формы рукоятки, 2) уклоненія отъ типичной формы тѣла и мечевиднаго отростка и 3) случаи костнаго сліянія между собою отдѣльныхъ составныхъ частей грудины.

На имѣвшемся въ его распоряженіи матеріалѣ авторъ наблюдалъ одинъ случай врожденной грудинной щели. Развитіе дыръ въ нижней части грудины онъ отмѣтилъ 3 раза въ числѣ 120 изслѣдованныхъ имъ грудныхъ костей. Ясную сегментацію грудины у взрослыхъ людей онъ встрѣтилъ всего 3 раза. Что касается развитія надгрудинныхъ костей (ossa suprasternalia), то авторъ не рѣшается установить степени частоты этой аномаліи, отмѣтивши ея налич-

ность всего 3 раза, притомъ всегда на одной лишь сторонѣ, преимущественно въ правомъ наружномъ углу яремной вырѣзки.

Переходя къ варіантамъ, авторъ перечисляетъ сначала рядъ видоизмѣненій формы рукоятки грудины. Форма рукоятки, по его изслѣдованіямъ, лишь въ 80% случаевъ уподобляется восьмиугольнику; въ остальныхъ 20% имѣется сходство съ шести—и даже (въ одномъ случаѣ) съ семиугольникомъ. Тѣло грудины чаще всего оказывается четырехугольнымъ. Очень большимъ колебаніямъ подвергнута, какъ извѣстно, форма мечевиднаго отростка; по наблюденіямъ автора, онъ можетъ представляться заостреннымъ, трехугольнымъ, лопатообразнымъ, иногда даже четырехугольнымъ, трапецiевиднымъ и т. д. Въ 50% изслѣдованныхъ авторомъ случаевъ мечевидный отростокъ содержалъ костныя ядра. Въ числѣ 120 препаратовъ грудины костное сращеніе между собою всѣхъ трехъ составныхъ частей грудины констатировано авторомъ всего 6 разъ. Чаще (40 разъ) происходитъ сращеніе мечевиднаго отростка съ тѣломъ грудины.

Нельзя не согласиться съ авторомъ въ томъ, что понятія „аномаліи" и „варіанта" очень часто употребляются не на своемъ мѣстѣ. Онъ говоритъ: „аномальны тѣ формы грудины, происхожденіе которыхъ необходимо отнести насчетъ эмбріологическихъ отношеній и которыя въ опредѣленныхъ условіяхъ способны вызвать нарушеніе функціи". Варіантомъ же онъ называетъ всякое уклоненіе отъ формы грудины (авторъ, повидимому, хотѣлъ сказать отъ *типичной* или *обыкновенной* формы), наличность котораго не вызываетъ никакихъ функціональныхъ разстройствъ. Противъ такого опредѣленія, по нашему мнѣнію, говоритъ то обстоятельство, что не только аномаліи, но и т. наз. „варіанты" имѣютъ свою эмбріологическую основу. Кромѣ того, границы между нормальными и патологическими отправленіями организма не настолько рѣзко опредѣлимы, чтобы возможно было исключить допущеніе *переходовъ* между варіантами и аномаліями. По этой послѣдней причинѣ мы сочли бы правильнѣе и осторожнѣе сказать: *варіанты* суть всѣ тѣ уклоненія отъ типичной формы органовъ, которыя не переступаютъ за границы варіированія въ условіяхъ *явно* нормальныхъ; подъ названіемъ же *аномалій* слѣдуетъ подразумѣвать всѣ тѣ уклоненія отъ типичной формы, которыя, переступая за предѣлы нормальнаго варіированія, придаютъ данному органу или явленію *явно* патологическій характеръ.

Р. Вейнбергъ.

L. Stieda. Ueber die Sesambeine des Kniegelenkes. „Verhandl. d. Anatom. Gesellsch". XVI. Vers. Halle a. S., стр. 127. 1902 г.

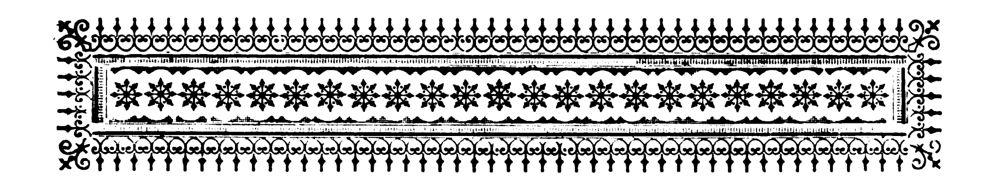
Если такой спеціалистъ, какъ проф. Pfitzner, опубликовавшій спеціальную монографію о сесамовидныхъ костяхъ, не упоминаетъ о случаяхъ развитія такихъ образованій во внутренней головкѣ m-li gastrocnemii, то легко составить себѣ представленіе о рѣдкости этого явленія. Авторъ описываетъ препаратъ, не оставляющій никакого сомнѣнія въ возможности развитія сесамовидныхъ костей и въ указанномъ мѣстѣ. При этомъ случаѣ авторъ вкратцѣ останавливается и на значеніи слова „сесамовидный", утверждая, вопреки мнѣнію Pfitzner'а, что оно объясняется сходствомъ разсматриваемыхъ косточекъ съ формою плодовъ растенія, извѣстнаго подъ названіемъ Sesamum indicum.

Р. Вейнбергъ.

D-r Leon Rutkowski. Charakterystyka antropologiczna ludności wiejskiej (nieszlacheckiej) Płonskiego i sąsiednich powiatow gub. Płockiej. (Д-ръ Леонъ Рутковскій. Антропологическая характеристика деревенскаго, не шляхетскаго, населенія Плонскаго и сосѣднихъ уѣздовъ Плоцкой губ.). „Mater. antr.-archeol. i etnogr., wyd. staraniem Komis. Antrop. Akad. Umiej. w Krakowie.“ T. V. Kraków. 1901.

Хотя и рѣдко, однако отъ времени до времени появляются мелкія работы по антропологіи, относящіяся къ отдѣльнымъ мѣстностямъ Польши. Въ V томѣ „Матеріаловъ антрополого-археологич. и этногр.“, издаваемыхъ Краков. Акад. Наукъ, опубликована работа д-ра Рутковскаго, основанная на изслѣдованіи 200 крестьянъ Плонскаго у., Плоцкой губ., въ возрастѣ 20—65 лѣтъ. Средній ростъ изслѣдованныхъ—167 сант.; объемъ груди—892 м., а по отношенію къ росту—53,42; средній вѣсъ тѣла—153,8 фун.; длина туловища—87,3 сант.; размахъ рукъ—177,1 сант., а по отношенію къ росту — 106. По цвѣту покрововъ: на бѣлую кожу приходится 59⁰/₀, а на темную—41⁰/₀. Шатеновъ—47,5⁰/₀, брюнетовъ—15,5⁰/₀, блондиновъ—32,5⁰/₀. По цвѣту глазъ: сѣрыхъ—8,5⁰/₀, зеленыхъ—5⁰/₀, карихъ—16,5⁰/₀, голубыхъ—68,5⁰/₀ и смѣшанныхъ—1,5⁰/₀. Размѣры черепа: длина—190 мм., ширина—155,3 мм., горизонт. окружность—560 мм., головной указатель—81,74 (длинноголоваго типа—17,5⁰/₀, среднеголоваго—28,5⁰/₀ и короткоголоваго—59⁰/₀); ширина лба—108 мм., а по отношенію къ наибольшей длинѣ черепа—56,8; ширина затылка—132,4 мм., по отношенію къ длинѣ черепа—69,8; длина лица безъ лба—137,1 мм., ширина его—142,3 мм., лицевой указатель—96,7. Населеніе, которое было предметомъ изслѣдованія автора, принадлежитъ къ т. наз. мазурамъ, отличающимся отъ изслѣдованныхъ до сихъ поръ въ другихъ мѣстностяхъ поляковъ высокимъ ростомъ и очень хорошо развитою грудною клѣткою. Д-ръ Рутковскій приводитъ также данныя относительно 24 череповъ, добытыхъ имъ изъ могилъ Плонскаго у. Судя по найденнымъ предметамъ, могилы эти были, несомнѣнно, славянскими. Въ нихъ найдена, между прочимъ, монета XI в., временъ Казиміра Обновителя, и часто были находимы тѣ серьги въ видѣ колецъ, по которымъ Virchow и Lissauer опредѣляли границу славянъ. Средній черепной указатель—71,94. Чѣмъ черепа были древнѣе, тѣмъ типъ ихъ былъ длинноголовѣе. Нѣкоторые изъ череповъ по формѣ черезвычайно напоминаютъ черепа современнаго населенія, съ сильно выраженною длинноголовостью, съ откинутымъ назадъ лбомъ, съ остро очерченнымъ сводомъ черепа и выдающимся затылкомъ. Очевидно, въ Плонскомъ у. длинноголовый типъ былъ нѣкогда многочисленнѣе, длинноголовость исчезала, постепенно поглощаемая типомъ короткоголовымъ.

Ю. Талько-Грынцевичъ.



Извѣстія и замѣтки.

Присужденіе преміи по антропологіи имени Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергія Александровича А. Д. Элькинду за его изслѣдованіе: «Евреи». Въ годичномъ засѣданіи Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, 15-го октября 1902 г., объявлено о присужденіи преміи имени Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергія Александровича А. Д. Элькинду. Присужденіе преміи состоялось на основаніи слѣдующаго отзыва предсѣдателя Антропологическаго Отдѣла, проф. *Д. Н. Анучина:* «Работа А. Д. Элькинда по антропологіи польскихъ евреевъ представлена имъ отчасти въ напечатанномъ видѣ (11 лл.), отчасти въ видѣ рукописи (около 9 лл.). Матеріаломъ для этой работы послужили наблюденія и измѣренія, произведенныя авторомъ надъ евреями (200 особей) и еврейками (125 особей), рабочими на варшавскихъ фабрикахъ. Подвергнувъ этотъ матеріалъ детальной разработкѣ, г. Элькиндъ воспользовался и данными другихъ изслѣдователей, стараясь собрать для различныхъ описательныхъ и измѣрительныхъ признаковъ возможно большее число данныхъ. Начинаетъ онъ свой трудъ именно съ обзора антропологической литературы объ евреяхъ, причемъ особенно останавливается на данныхъ Майера и Коперницкаго, д-ра Снегирева, Блехмана, Икова, Джекобса, Талько-Грынцевича, Вайсенберга, Глюка, Яковенко, Пантюхова, Ливи. Данныя эти касаются евреевъ Галиціи, разныхъ областей Россіи, Англіи, Босніи, Кавказа и Италіи. Переходя къ собственнымъ наблюденіямъ, г. Элькиндъ разсматриваетъ сперва описательные признаки: цвѣтъ и форму волосъ, цвѣтъ радужной оболочки глазъ, черты лица; затѣмъ переходитъ къ измѣрительнымъ признакамъ и весьма подробно изучаетъ величину роста, размѣры головы и головной указатель, размѣры лица, затѣмъ пропорціи туловища, конечностей и вѣсъ тѣла. Для выясненія колебаній отдѣльныхъ измѣреній и ихъ соотношеній авторъ располагаетъ ихъ въ ряды, строитъ кривыя и пользуется вообще всѣми употребительными въ антропологіи методами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ сопоставляетъ и данныя другихъ авторовъ, поскольку онѣ могутъ быть сравниваемы съ его собственными. Для ознакомленія читателя съ типами евреевъ, авторъ иллюстрировалъ свой трудъ многочисленными портретами, отчасти заимствованными изъ различныхъ изданій, отчасти оригинальными, съ собственныхъ фотографій привислянскихъ евреевъ. Въ «Заключеніи» авторъ, исходя отъ среднихъ величинъ, даетъ общую антропологическую характеристику польскихъ евреевъ, сравнивая свои выводы съ

данными для евреевъ южно-русскихъ, бѣлорусскихъ, галиційскихъ, боснійскихъ и др., и проводя различіе по полу. Сперва приводится характеристика по описательнымъ признакамъ, затѣмъ по измѣрительнымъ; послѣдніе сведены (для евреевъ различныхъ областей) въ сравнительныя таблицы. Авторъ останавливается также на особенностяхъ обще-еврейской физіономіи, причемъ склоненъ къ признанію ея типичности, хотя ее и трудно опредѣлить точнѣе цифрами и словами. Вообще же авторъ приходитъ къ выводу, что «польскіе евреи занимаютъ одно изъ выдающихся мѣстъ по своему значенію для правильнаго познанія физическаго и антропологическаго типа еврейскаго племени».

Опредѣленіемъ признаковъ и особенностей типа не исчерпывается однако задача антропологическаго изученія евреевъ. Остается еще вопросъ о происхожденіи этого типа, объ его чистотѣ или смѣшанности, и въ послѣднемъ случаѣ—о тѣхъ элементахъ, изъ которыхъ онъ сложился. Авторъ приводитъ взгляды по этому вопросу Ренана, Риплея, Джекобса, Юдта, Дарместетера, Лушана, Альсберга, Жака и др., и склоненъ, повидимому, присоединиться къ тому воззрѣнію, которое допускаетъ смѣшанность происхожденія еврейскаго народа въ древнѣйшій періодъ его доисторической и исторической жизни (смѣшеніе съ бѣлокурыми аморитами, съ брахицефальными и малорослыми хеттеями и т. д.), но признаетъ позднѣйшую обособленность евреевъ, вызывавшуюся религіозными и соціальными условіями и благопріятствовавшую сохраненію и упроченію разъ сложившихся расовыхъ особенностей, которыя только могли отчасти видоизмѣняться подъ вліяніемъ среды, неблагопріятныхъ условій жизни, рѣдкихъ случаевъ прозелетизма и т. д. При этомъ авторъ касается и изображеній евреевъ на древнихъ ассирійскихъ памятникахъ, почти не останавливаясь однако на соотвѣтственныхъ изображеніяхъ евреевъ на памятникахъ древняго Египта. Что касается исторіи разселенія евреевъ, то авторъ приводитъ только нѣкоторыя данныя относительно ихъ прежняго распространенія на Кавказѣ. Вообще авторъ, въ результатѣ своего изученія, склоненъ примкнуть къ воззрѣнію объ антропологическомъ единствѣ евреевъ, т.-е. признать, что евреи обладаютъ достаточно обособленнымъ типомъ, представляющимъ только второстепенныя варіаціи по различнымъ группамъ евреевъ (въ различныхъ странахъ) и сложившимся уже въ древнія времена. Въ виду того однако, что нѣкоторыя группы евреевъ изучены очень мало (напр., спаньоли или испанскіе евреи), и еще менѣе извѣстенъ типъ древнихъ евреевъ (ископаемый краніологическій матеріалъ крайне скуденъ), то на многіе вопросы касательно антропологіи евреевъ можно пока дать только гипотетическіе отвѣты, достовѣрность которыхъ станетъ однако тѣмъ большей, чѣмъ на большемъ матеріалѣ она будетъ основываться. Въ виду этого авторъ и заканчиваетъ свой трудъ пожеланіемъ, чтобы были собраны дальнѣйшія наблюденія надъ типомъ евреевъ, особенно въ странахъ, гдѣ, какъ онъ выражается, «лента и циркуль еще не работали надъ представителями этой народности».

Уже изъ этого краткаго обзора содержанія труда г. Элькинда можно составить себѣ представленіе объ его обширности и основательности. Авторъ держится исключительно почвы фактическихъ данныхъ и избѣгаетъ вдаваться въ смѣлые выводы и гипотетическія построенія. Въ этомъ отношеніи нѣкоторые прежніе изслѣдователи выказывали себя болѣе рѣшительными, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы ихъ выводы дѣйствительно разрѣшали вопросъ. Принимая во вниманіе сложность антропологическихъ вопросовъ, касающихся генезиса расовыхъ типовъ, и ограниченность матеріала для ихъ разрѣшенія, нельзя не признать, что извѣстная осторожность въ выводахъ въ данномъ случаѣ соста-

вляетъ скорѣе достоинство, чѣмъ недостатокъ. Прежде всего необходимо собраніе возможно большаго матеріала и обстоятельный его анализъ, что все и сдѣлано г. Элькиндомъ, такъ что его трудъ является, несомнѣнно, важнымъ вкладомъ въ антропологію евреевъ, особенно польскихъ, изученныхъ имъ весьма подробно, но также, принимая во вниманіе обстоятельное изученіе имъ соотвѣтственной литературы, и евреевъ вообще, какъ одного изъ характерныхъ антропологическихъ типовъ.

Г. Элькиндъ—не новичекъ въ области антропологическихъ изслѣдованій. Въ «Трудахъ» Антропологическаго Отдѣла уже ранѣе была помѣщена имъ обширная работа о полякахъ Привислянскаго края, и вообще онъ уже въ теченіе многихъ лѣтъ принимаетъ живое и дѣятельное участіе въ Антропологическомъ Отдѣлѣ Общества. Въ виду этого мнѣ представляется справедливымъ почтить научную дѣятельность А. Д. Элькинда присужденіемъ ему преміи имени Великаго Князя Сергія Александровича».

Присужденіе преміи и золотой медали по антропологіи имени А. П. Разцвѣтова Ю. Д. Талько-Грынцевичу за его рукописный трудъ: «Матеріалы для антропологіи Забайкалья и Монголіи» и другія антропологическія изслѣдованія. Въ годичномъ засѣданіи Общества Любителей Естествознанія, 15-го октября 1902 г., Ю. Д. Талько-Грынцевичу присуждены премія и золотая медаль по антропологіи имени А. П. Разцвѣтова. Отзывъ о заслугахъ г. Талько-Грынцевича въ области антропологіи былъ данъ секретаремъ Антропологическаго Отдѣла *А. А. Ивановскимъ:* «Рукописный трудъ непремѣннаго члена Общества д-ра Ю. Д. Талько-Грынцевича, содержащій въ себѣ 638 страницъ большого формата, распадается на отдѣлы: 1) обзоръ историко-этнографической литературы, 2) обзоръ антропологической литературы, 3) историко-географическій очеркъ Центр. Азіи, преимущественно Сѣв.-Зап. Монголіи и Забайкалья, 4) этнографическій очеркъ населяющихъ ихъ народностей, 5) антропологическій очеркъ, суммирующій антропологическія данныя, собранныя объ этихъ народностяхъ предшественниками автора, 6) собственныя антропологическія изслѣдованія автора 639 особей (560 бурятъ, 43 тунгусовъ и 36 халхасцевъ), 7) краніологическій очеркъ, въ основу котораго легли какъ всѣ предшествующія изслѣдованія, такъ и новыя, собственныя измѣренія автора 68 череповъ (48 халхасскихъ и 20 бурятскихъ) и 8) общіе выводы и заключеніе. Къ труду приложены: 8 фотографическихъ таблицъ типовъ, 4 фотографическихъ таблицы череповъ и 2 карты: одна—распредѣленія народностей Центр. Азіи до XIII в. и другая—разселенія современныхъ бурятскихъ и тунгусскихъ родовъ.

Д-ръ Ю. Д. Талько-Грынцевичъ является однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ и видныхъ современныхъ антропологовъ въ Россіи. Ему принадлежитъ рядъ крупныхъ антропологическихъ изслѣдованій, каковы: «Физическая характеристика украинскаго народа», «Къ антропологіи украинскихъ и литовскихъ евреевъ», «Къ антропологіи народностей Литвы и Бѣлоруссіи», «О колтунѣ въ его современномъ медицинскомъ значеніи», «Наблюденія физіологическихъ явленій половой жизни женщинъ Кіевской губ.», «Продолжительность человѣческой жизни въ Звенигородскомъ у., Кіевской губ.», «Антропологія вообще и въ приложеніи къ Польшѣ», рядъ изслѣдованій по доисторической археологіи Украйны и др. Въ 1896 г. Императорское Общество Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, по представленію Антропологическаго Отдѣла, присудило г. Талько-Грынцевичу за его вышеназванныя изслѣдованія премію по антропологіи имени Его Императорскаго Высочества, Великаго Князя Сергія

Александровича. Послѣ 1896 г. г. Талько-Грынцевичъ опубликовалъ еще цѣлый рядъ своихъ антропологическихъ изслѣдованій: «Къ антропологіи населенія Подоліи», «Замѣтки по антропологіи сѣверныхъ китайцевъ», «Семейскіе великоруссы (старообрядцы) въ Забайкальѣ», «Продолжительность жизни русскаго населенія въ Забайкальѣ», «Поляки», «Польская антропологическая литература», «Древніе обитатели Центр. Азіи», «Забайкалье и Монголія въ антропологоэтнологическомъ отношеніи» и «Матеріалы по палеоэтнологіи Забайкалья».

Новый трудъ г. Талько-Грынцевича, посвященный антропологіи Забайкалья и Монголіи, представляетъ собою выдающееся явленіе въ русской антропологической литературѣ какъ по количеству изслѣдованныхъ особей, такъ и по суммѣ взятыхъ на нихъ измѣреній и детальной обработкѣ собраннаго матеріала. Авторъ изслѣдовалъ болѣе 600 субъектовъ. Такого количества мы не имѣемъ не только ни у одного изъ предшествовавшихъ изслѣдователей въ отдѣльности, но и у всѣхъ нихъ въ сложности. Изслѣдованія автора сосредоточились исключительно на представителяхъ монгольской расы, пополненіе антропометрическихъ данныхъ о которой особенно желательно въ современной антропологіи; при этомъ важное значеніе имѣетъ и то, что изслѣдованія производились на родинѣ монголовъ, гдѣ, судя по словамъ автора, хотя также идетъ процессъ смѣшенія антропологическихъ типовъ, все-таки можно думать, этотъ процессъ не такъ интенсивенъ, какъ среди изслѣдованныхъ до сихъ поръ монголовъ-обитателей Россіи, и антропологическій типъ населенія долженъ сохраняться въ болѣе чистомъ видѣ. Собравъ обширный матеріалъ по антропологіи Забайкалья и Монголіи, авторъ подвергъ его самой тщательной обработкѣ, вполнѣ отвѣчающей требованіямъ современныхъ методологическихъ пріемовъ. Умѣлое сопоставленіе различныхъ абсолютныхъ и относительныхъ антропометрическихъ величинъ, дифференцировка матеріала по отдѣльнымъ родовымъ группамъ, широкое пользованіе сравнительнымъ методомъ, тщательное выдѣленіе всюду основныхъ, наиболѣе типичныхъ чертъ отъ второстепенныхъ, постоянное стремленіе указывать и выяснять значеніе факторовъ, играющихъ роль въ сложеніи того или иного типа, привлеченіе съ этою цѣлью климатическихъ, историческихъ, экономическихъ и бытовыхъ условій—дали возможность автору всесторонне освѣтить его богатый матеріалъ и представить рельефную антропологическую характеристику изученныхъ имъ народностей. Благодаря указаннымъ достоинствамъ, трудъ г. Талько-Грынцевича пріобрѣтаетъ первенствующее мѣсто въ антропологіи монголовъ и, безъ сомнѣнія, надолго сохранитъ свое значеніе. Трудъ этотъ вполнѣ удовлетворяетъ тѣмъ условіямъ, которыя предъявляются къ сочиненіямъ, награждаемымъ полной преміей имени А. П. Разцвѣтова. Но, принимая при этомъ во вниманіе, что г. Талько-Грынцевичемъ въ послѣдніе годы издано еще нѣсколько важныхъ антропологическихъ трудовъ, каковы упомянутыя выше изслѣдованія населенія Подоліи, сѣверныхъ китайцевъ, забайкальскихъ великороссовъ, поляковъ, цѣнный обзоръ польской антропологической литературы и палеоэтнологическія изысканія въ Забайкальѣ, я имѣю честь предложить Коммиссіи Антропологическаго Отдѣла по присужденію премій и золотыхъ медалей примѣнить къ г. Талько-Грынцевичу § 8 «Правилъ для соисканія преміи и медали имени почетнаго члена Общества А. П. Разцвѣтова» (§ 8: «Денежная премія и медаль могутъ быть присуждаемы совмѣстно и одному лицу, въ случаѣ особо выдающихся заслугъ передъ наукою и Обществомъ») и ходатайствовать черезъ Антропологическій Отдѣлъ передъ Совѣтомъ Общества о присужденіи д-ру Ю. Д. Талько-Грынцевичу за его дѣйствительно выдающіяся заслуги передъ антропологической наукой полной денежной преміи и золотой медали имени А. П. Разцвѣтова».

Присужденіе золотой медали по антропологіи имени А. П. Разцвѣтова И. И. Майнову за его изслѣдованія: «Помѣсь русскихъ съ якутами», «Два типа тунгусовъ» и «Якуты». Золотая медаль по антропологіи имени А. П. Разцвѣтова присуждена въ настоящемъ году Обществомъ Любителей Естествознанія И. И. Майнову на основаніи слѣдующаго отзыва *А. А. Ивановскаго:* «И. И. Майновъ, принимавшій участіе въ антропологo-этнографической экспедиціи, снаряженной Восточно-Сибирскимъ Отдѣломъ Имп. Рус. Геогр. Общества въ Якутскую область на средства покойнаго И. М. Сибирякова, еще въ 1898 г. опубликовалъ свой трудъ: «Нѣкоторыя данныя о тунгусахъ Якутскаго края», награжденный тогда отъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи преміей имени А. П. Разцвѣтова въ половинномъ ея размѣрѣ. Продолжая съ того времени обработку собранныхъ экспедиціею антропологическихъ матеріаловъ, И. И. Майновъ напечаталъ въ «Русскомъ Антропологическомъ Журналѣ» статьи: «Помѣсь русскихъ съ якутами» (кн. IV), «Два типа тунгусовъ» (кн. VI) и недавно доставилъ третью—«Якуты».

Статья «Помѣсь русскихъ съ якутами» представляетъ большой научный интересъ и выдвигаетъ на очередь весьма важную сторону въ дѣлѣ антропологическаго изученія современнаго населенія Россіи. Наблюдаемый въ настоящее время быстрый процессъ смѣшенія инородческаго населенія съ основнымъ, русскимъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ полнаго поглощенія перваго послѣднимъ не можетъ не остановить на себѣ вниманіе антрополога. Для антропологіи весьма важно воспользоваться этимъ процессомъ съ цѣлью уясненія механизма, какимъ идетъ образованіе новыхъ типовъ. Статья г. Майнова, представляющая собою первую серьезную попытку антропологическаго изученія населенія въ этомъ направленіи, на частномъ примѣрѣ—помѣси русскихъ съ якутами—вноситъ много новыхъ данныхъ, позволяющихъ разложить смѣшанный типъ на его главные составные элементы.

Въ статьѣ «Два типа тунгусовъ» И. И. Майновъ, основываясь на анализѣ добытыхъ имъ антропометрическихъ данныхъ, считаетъ расовый составъ тунгусскихъ племенъ не одинаковымъ и различаетъ среди нихъ два главныхъ типа: 1) южный—крѣпко сложенный, среднерослый, умѣренно-короткоголовый, который наиболѣе замѣтенъ въ тунгусскомъ населеніи Манчжуріи, средняго Амура и правыхъ притоковъ Лены, и 2) сѣверный—малорослый, менѣе брахицефальный и менѣе скуластый, которымъ особенно характеризуются тунгусы приморскаго края, при-ангарскаго, енисейскаго и сѣвернаго. По мнѣнію автора, эти два типа явились въ результатѣ смѣшенія тунгусовъ въ ихъ поступательномъ движеніи съ Амура на сѣверъ, сѣверо-востокъ и сѣверо-западъ съ болѣе древними малорослыми племенами, остатки которыхъ на крайнемъ сѣв.—востокѣ Азіи акад. Шренкъ видитъ въ изолированныхъ и малочисленныхъ нынѣ народностяхъ, оттѣсненныхъ въ тундры и на окраины материка, каковы: юкагиры, чуванцы, ителмены, айносы, гиляки.

Наконецъ, въ послѣдней своей работѣ «Якуты», г. Майновъ, излагая главнѣйшіе результаты обработки собраннаго экспедиціей (Н. Л. Геккеромъ) матеріала объ якутахъ, даетъ антропологическую характеристику послѣднихъ, основанную на измѣреніяхъ 391 особи, т.-е. такого количества, какимъ не располагалъ ни одинъ изъ предшествующихъ изслѣдователей.

Всѣ три названныхъ работы г. Майнова существенно пополняютъ наши свѣдѣнія по антропологіи инородцевъ Вост. Сибири, и авторъ ихъ, по моему мнѣнію, вполнѣ заслуживаетъ присужденія ему золотой медали имени А. П. Разцвѣтова».

Лекціи въ „École d'Anthropologie". Въ текущемъ 1902—3 учебномъ году въ Парижской „École d'Anthropologie" читаются слѣдующіе курсы: *L. Capitan*—Доисторическая эпоха (индустрія); *M. Duval*—Антропологія и эмбріологія; *G. Herve*—Этнологія Европы (Эльзасъ); *A. Lefevre*—Французскій языкъ и французская нація; *P. G. Mahoudeau*—Происхожденіе человѣка; *L. Manouvrier*—Физическое и умственное воспитаніе; *Adr. de Mortillet*—Жизнь первобытныхъ народовъ въ древности и въ настоящее время (охота, рыбная ловля, прирученіе животныхъ, земледѣліе); *F. Schrader*—Антропологическая географія; *G. Papillault*—Мозгъ; *Zaborowski*—Центр. Азія и миграція арійцевъ; *E. Rabaud*—Нервная система; *M. Vernes*—Религіозная и философская эволюція человѣческихъ обществъ; *J. Vinson*—Языковѣдѣніе. Школа вступила въ 27-й годъ своего существованія.

Новое Американское Антропологическое Общество. 30-го іюня текущаго года въ Питтсбургѣ основалось новое „Американское Антропологическое Общество". Президентомъ Общества избранъ Gee, вице-президентами: Putnam, Boas и Holmes, секретаремъ—G. A. Dorsey.

Антропологическій Отдѣлъ Общества Любителей Естествознанія. Въ 4-хъ засѣданіяхъ Отдѣла, бывшихъ послѣ лѣтнихъ каникулъ (25 сент., 9 и 26 окт. и 9 ноября), доложены слѣдующія 10 сообщеній: *Д. Н. Анучина*—„О новыхъ графическихъ способахъ иллюстраціи краніометрическихъ данныхъ"; *А. А. Арутинова*—„Къ антропологіи айсоровъ"; *Н. В. Берви*—„О дешевомъ приборѣ для сложенія и вычитанія"; *П. А. Богословскаго*—„Высокое нёбо и его отношеніе къ лицевому скелету" и „Дальнѣйшія изслѣдованія по вопросу о высокомъ нёбѣ"; *Р. Л. Вейнберга*—„Къ анатоміи небнаго валика (torus palatinus)"; *А. Ѳ. Иванова*—„О нѣкоторыхъ топографическихъ особенностяхъ височной кости въ зависимости отъ формы черепа"; *А. А. Ивановскаго*—Памяти Руд. Вирхова; *Н. Н. Майнова*—„Якуты" (по матеріаламъ Н. Л. Геккера) и *А. Д. Элькинда*—„Новѣйшія изслѣдованія по антропологіи евреевъ (работы Judt'a и Fishberg'a)».

По предложенію Антопологическаго Отдѣла, Общество Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи въ годичномъ засѣданіи, 15 октября 1902 г., избрало О. Е. Деникера своимъ почетнымъ членомъ.

Труды Антропологическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

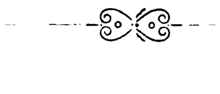
Томъ XVIII, вып. 1—3, подъ редакціей Д. Н. Анучина, Н. В. Гильченко и А. А. Ивановскаго. Москва. 1897 г. Цѣна 3 руб.

Содержаніе: Анатолій Петровичъ Богдановъ (съ портретомъ).—*А. Г. Рождественскій*—Величина головы человѣка въ ея зависимости отъ роста, пола, возраста и расы (съ 5-ю графич. таблицами).—*Н. В. Гильченко*—Матеріалы для антропологіи Кавказа. Кубанскіе казаки.—*А. Д. Элькиндъ*—Привислинскіе поляки.— *Н. А. Янчукъ*—Нѣсколько новыхъ свѣдѣній о литовскихъ татарахъ.— *А. А. Арутиновъ*—Къ антропологіи кавказскаго племени удинъ.—*Н. П. Константиновъ-Щипунинъ* — Къ краніологіи древняго населенія Костромской губ.— *Д. Н. Анучинъ*—Е. А. Покровскій, К. Н. Иковъ и А. М. Раевская (некрологи.)— Протоколы засѣданій Антропологическаго Отдѣла.—Отзывы о трудахъ, представленныхъ въ Отдѣлъ для соисканія премій и золотой медали по антропологіи.

Томъ XIX, подъ редакціей Д. Н. Анучина и А. А. Ивановскаго. Москва, 1899 г. Цѣна 3 руб.

Содержаніе: *Р. Л. Вейнбергъ*—О строеніи большого мозга у эстовъ, латышей и поляковъ (съ 20 рис.).—*М. И. Лутохинъ*—Историческій обзоръ литературы о расовыхъ отличіяхъ таза.—*П. А. Минаковъ*—Новыя данныя по изслѣдованію волосъ изъ древнихъ могилъ и отъ мумій (съ 1 раскраш. табл.).—*П. А. Минаковъ*—Ненормальная волосатость (съ 3 рис.).— *В. В. Воробьевъ*—Матеріалы къ антропологіи великорусскаго населенія нѣкоторыхъ уѣздовъ Рязанской губ. (съ 9 діаграм.).—*В. И. Васильевъ*—Размѣры черепа и лица по отношенію къ возрасту и росту у учащихся въ школахъ Серпуховскаго у., Московской губ. (съ 4 діаграм.).—*Н. В. Гильченко*—Вѣсъ головного мозга и нѣкоторыхъ его частей у различныхъ племенъ, населяющихъ Россію.—*А. А. Ивановскій*—Къ вопросу о различіяхъ формъ глазной щели.—*П. А. Минаковъ*—О формѣ и цвѣтѣ волосъ изъ кургановъ Ср. Россіи.—*А. Д. Элькиндъ*—О черепныхъ типахъ проф. Серджи въ связи съ черепнымъ указателемъ (съ 4 діагр.).—*А. Д. Элькиндъ*— Замѣтка о черепахъ изъ еврейскихъ катакомбъ въ Римѣ (съ 1 рис.).—*Д. Н. Анучинъ*—Памяти Г. Д. Филимонова и Г. де-Мортиллье.— *А. А. Ивановскій*—Секція антропологіи XII-го международнаго съѣзда врачей (съ 6 рис.).—Протоколы засѣданій Антропологическаго Отдѣла.—Отзывы о трудахъ, представленныхъ въ Отдѣлъ для соисканія премій и золотой медали по антропологіи.

XX-ый томъ: В. В. Воробьевъ — Наружное ухо человѣка. Москва, 1901 г. Цѣна 3 руб.



Русскій Антропологическій Журналъ.

1900 годъ (кн. I—IV): *Д. Н. Анучинъ*—Бѣглый взглядъ на прошлое антропологіи и на ея задачи въ Россіи; *Н. А. Аристовъ*—Этническія отношенія на Памирѣ и въ прилегающихъ странахъ по древнимъ, преимущественно китайскимъ, историческимъ извѣстіямъ; *В. В. Воробьевъ* — Великоруссы (съ 6 рис.); *онъ же*—О соотношеніи между главнѣйшими размѣрами головы и лица человѣка и его ростомъ (съ 6 діагр.); *Н. Л. Зеландъ*—Къ антропологіи западно-сибирскаго крестьянина; *А. А. Ивановскій*—Дм. Ник. Анучинъ (съ портретомъ); *онъ же*—Чествованіе проф. Д. Н. Анучина по поводу его 25-лѣтней дѣятельности въ Императорскомъ Обществѣ Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи; *онъ же*—Езиды (по изслѣдованіямъ К. И. Горощенко); *Ф. Я. Конъ*—Беременность, роды и уходъ за ребенкомъ у качинокъ; *А. Н. Красновъ* — Объ антропологическихъ изслѣдованіяхъ и измѣреніяхъ въ Харьковскомъ и Валковскомъ уѣздахъ; *И. И. Майновъ*—Помѣсь русскихъ съ якутами (съ 4 рис.); *П. А. Минаковъ* — Волосы въ антропологическомъ отношеніи (съ 4 рис.); *онъ же*—Ногти человѣческой руки (съ 1 рис.); *Д. П. Никольскій*—О чукчахъ Колымскаго округа; *В. Н. Розановъ*—Гинекомастія (съ 5 рис.); *Ю. Д. Талько-Грынцевичъ*—Древніе обитатели Центр. Азіи; *онъ же*—Польская антропол. литература (съ портретами Майера и Коперницкаго). Изъ иностранной литературы: *Д. Н. Анучинъ* — Аномальные швы и кости мозгового черепа человѣка по изслѣдованіямъ проф. I. Ранке (съ 3 рис.); *онъ же*—Объ останкахъ германцевъ III—IV вв. въ торфяникахъ Шлезвига и сосѣднихъ съ нимъ странъ (съ 4 рис.); *В. В. Воробьевъ* — Наружное ухо въ антропол. отношеніи; *А. А. Ивановскій*—Положеніе человѣка въ ряду животныхъ; *онъ же*—Евреи (съ 10 рис.); *онъ же* — Фамильные типы и фамильное сходство; *Е. И. Луценко*—Общественная среда, какъ факторъ развитія и красоты человѣческаго лица; *П. А. Минаковъ* — Мозгъ Герм. Гельмгольца (съ 2 рис.); *И. П. Силиничъ*—Формы колыбелей и ихъ развитіе; *онъ же*—Роль химическаго анализа въ вопросахъ доисторической археологіи; *Л. Д. Синицкій* — Географическая будущность европейскихъ расъ. Некрологи: *Д. Н. Анучинъ*—Питтъ-Риверсъ; *В. В. Воробьевъ*—Проф. С. С. Корсаковъ; *А. А. Ивановскій*—Фил. Сальмонъ.—Критика и библіографія.—Извѣстія и замѣтки.

1901 годъ (кн. V—VIII): *Д. Н. Анучинъ*—Руд. Вирховъ (съ 2 портр. и 2 рис.); *Н. А. Аристовъ*—Этническія отношенія на Памирѣ и въ прилегающихъ странахъ по древнимъ, преимущественно китайскимъ, историческимъ извѣстіямъ (продолж.); *Н. В. Берви* – Обработка антропологическ. наблюденій при помощи теоріи вѣроятностей; *Р. Л. Вейнбергъ*—Къ вопросу объ исполинскомъ ростѣ (съ 3 рис.); *онъ же*—Новѣйшіе успѣхи въ области антропологіи костной системы (съ 3 рис.); *онъ же*—Эсты (съ 12 рис.); *В. В. Воробьевъ*— Наружное ухо человѣка (съ 6 рис.); *К. И. Горощенко*—Сойоты (съ 1 рис.); *К. М. Курдовъ* – Къ антропологіи лезгинъ: кюринцы (съ 4 рис.); *И. И. Майновъ*—Два типа тунгусовъ (съ 4 рис.); *Н. М. Маліевъ*—Вогулы (съ 2 рис.); *С. Д. Масловскій*—Гальча; *Л. О. Перфильевъ*—Сомалійцы; *И. П. Силиничъ*—Къ краніологіи сойотъ; *Ю. Д. Талько-Грынцевичъ*—Поляки (съ 14 рис.). Изъ иностранной литературы: *Б. Ѳ. Адлеръ*—Происхожденіе и переселеніе народовъ съ географической точки зрѣнія; *онъ же*—Происхожденіе европейскихъ народовъ; *Р. Л. Вейнбергъ*—Анатомическія особенности первобытнаго человѣка (съ 6 рис.); *А. А. Ивановскій* — Классификація человѣческихъ расъ I. Деникера; *онъ же*—Зубы у различныхъ человѣческихъ расъ (съ 2 рис.;) *онъ же*—Карлики и пигмеи; *Д. А. Коропчевскій*—Кинъ и его руководства по этнологіи.—Критика и библіографія.—Извѣстія и замѣтки.

Русскій Антропологическій Журналъ,

издаваемый Антропологическимъ Отдѣломъ

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, подъ редакціей секретаря Отдѣла А. А. Ивановскаго (основанъ ко дню 25-лѣтія дѣятельности въ Антропологическомъ Отдѣлѣ, 30 марта 1900 года, предсѣдателя Отдѣла, проф. Д. Н. Анучина), выходитъ 4-мя книжками въ годъ, размѣромъ каждая въ 8—10 печатныхъ листовъ, съ рисунками.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Б. Ѳ. Адлеръ, Н. В. Алтуховъ, проф. Д. Н. Анучинъ, Н. А. Аристовъ, проф. Н. В. Берви, С. А. Вайсенбергъ, проф. Вальдейеръ (Берлинъ), В. И. Васильевъ, Р. Л. Вейнбергъ, Ѳ. К. Волковъ (Парижъ), В. В. Воробьевъ, Н. В. Гильченко, К. И. Горощенко, І. Е. Деникеръ (Парижъ), Н. Л. Зеландъ, А. А. Ивановскій, проф. І. Колльманъ (Базель), Ф. Я. Конъ, Д. А. Коропчевскій, проф. А. Н. Красновъ, К. М. Курдовъ, Е. И. Луценко, проф. Ф. фонъ-Лушанъ (Берлинъ), И. И. Майновъ, А. Н. Максимовъ, проф. Н. М. Маліевъ, С. Д. Масловскій, проф. П. А. Минаковъ, проф. Л. Г. Нидерле (Прага), Д. П. Никольскій, И. И. Пантюховъ, Л. О. Перфильевъ, проф. М. А. Поповъ, проф. Фр. Ратцель (Лейпцигъ), А. Г. Рождественскій, В. Н. Розановъ, проф. Ж. Серджи (Римъ), проф. И. А. Сикорскій, И. П. Силиничъ, Л. Д. Синицкій, Ю. Д. Талько-Грынцевичъ, проф. А. И. Таренецкій, граф. П. С. Уварова, А. С. Хахановъ, Е. М. Чепурковскій, С. М. Чугуновъ, проф. Г. Швальбе (Страсбургъ), проф. Э. Шмидтъ (Лейпцигъ), проф. Л. Х. Штида (Кенигсбергъ), А. Д. Элькиндъ, Н. А. Янчукъ и др.

Цѣна годовому изданію 5 руб. съ доставкой и пересылкой, за границу 6 руб. Цѣна отдѣльной книжки 1 р. 50 к. (двойной—3 р.)

Съ требованіями обращаться: Москва, Политехническій музей, въ Антропологическій Отдѣлъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, или: Москва, Историческій музей, секретарю Антропологическаго Отдѣла А. А. Ивановскому.

Antropologicheskii Zhurnal

Годъ 3-й. Кн. XII.

Русскій Антропологическій Журналъ

Изданіе Антропологическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

Основанъ ко дню 25-лѣтія дѣятельности въ Антропологическомъ Отдѣлѣ (30 марта 1900 г.) предсѣдателя Отдѣла, проф. Д. Н. Анучина.

подъ редакціей
Секретаря Антропологическаго Отдѣла
А. А. Ивановскаго.

1902 г., № 4.

МОСКВА.
Типографія А. В. Васильева, Петровка, домъ Обидиной.
1903.

Годъ 3-й. Кн. XII.

Русскій Антропологическій Журналъ

Изданіе Антропологическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

Основанъ ко дню 25-лѣтія дѣятельности въ Антропологическомъ Отдѣлѣ (30 марта 1900 г.) предсѣдателя Отдѣла, проф. **Д. Н. Анучина.**

подъ редакціей
Секретаря Антропологическаго Отдѣла
А. А. Ивановскаго.

1902 г., № 4.

МОСКВА.
Типографія А. В. Васильева, Петровка, домъ Обидиной.
1903.

Печатано по постановленію Совѣта Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

СОДЕРЖАНІЕ.

Къ ученію о формѣ мозга человѣка.

Въ XVIII торжественномъ собраніи Нѣмецкаго Антропологическаго Общества, происходившемъ въ 1887 г. въ Нюренбергѣ, извѣстный анатомъ и знатокъ человѣческаго мозга, профессоръ Берлинскаго университета W. Waldeyer, желая охарактеризовать важность сравнительно-расоваго изученія устройства мозговыхъ извилинъ и бороздъ, обратился къ своимъ слушателямъ съ рѣчью, въ которой высказалъ, между прочимъ, слѣдующее: «Я вполнѣ увѣренъ, что основательное изученіе мозговыхъ извилинъ, съ точки зрѣнія ихъ формы, ихъ значенія и номенклатуры, можетъ быть достигнуто лишь путемъ обширнаго и по возможности всесторонняго сравненія между собою мозговъ всѣхъ народовъ и племенъ. Въ границахъ Германіи антропологическое изслѣдованіе мозга подвинется впередъ только въ томъ случаѣ, если, по установленному общему плану, будутъ подвергнуты изученію тысячи мозговъ различныхъ слоевъ народонаселенія, причемъ желательно, чтобы изслѣдуемыя особи были намъ извѣстны по ихъ мѣсту жительства и происхожденію, по ихъ возрасту и полу, по ихъ психическимъ, физическимъ и другимъ особенностямъ. Задача эта, на мой взглядъ, вполнѣ осуществима, но лишь при томъ условіи, что *всѣ мы* будемъ содѣйствовать ея выполненію. Необходимо также, чтобы при музеяхъ составлялись коллекціи мозговъ, на-ряду съ существующими уже краніологическими коллекціями» [1]).

Само собою разумѣется, что и русскіе анатомы и врачи въ состояніи содѣйствовать такому сравнительному изученію мозга и даже еще въ большей степени, чѣмъ ученые многихъ другихъ странъ, не отличающихся такимъ громаднымъ разнообразіемъ антропологическихъ типовъ, какое характеризуетъ народонаселеніе нашего обширнаго отечества. Цѣлыя сотни народовъ и племенъ, подчасъ далеко отстоящихъ другъ отъ друга по ихъ языку, ихъ обрядамъ и обычаямъ, ихъ историческому прошлому и географическому распредѣленію, ихъ физическимъ и психи-

---

[1]) „Correspondenzblatt der Deutschen Anthropol. Gesellschaft", 1887 (Bericht über die XVIII. allgemeine Versammlung d. Deutsch. Anthr. Gesellsch. in Nürnberg).

ческимъ особенностямъ, населяютъ огромную имперію на пространствѣ двухъ материковъ, отъ Балтійскаго моря и Вислы вплоть до далекаго побережья Тихаго океана: одни—подъ тропическимъ солнцемъ Закавказья и Туркестана, другіе—въ безпредѣльныхъ тундрахъ и дремучихъ первобытныхъ лѣсахъ сѣверной Сибири. Если это чрезвычайное разнообразіе этнологическихъ типовъ даетъ себя чувствовать уже въ практической жизни, въ различныхъ областяхъ медицины, если врачи у постели больного вынуждены считаться, смотря по мѣсту ихъ дѣятельности, съ тѣми или иными физическими особенностями человѣческаго тѣла, находящимися въ зависимости отъ вліянія племени,—то тѣмъ болѣе теоретическая медицина и научная антропологія должны стремиться къ всестороннему изслѣдованію указанныхъ многочисленныхъ племенъ въ отношеніи устройства у нихъ столь важнаго органа, какъ наша центральная нервная система.

Первые шаги по только что намѣченному пути сдѣланы со стороны анатомовъ. Въ 1877 г. Д. Н. Зерновъ впервые представилъ изслѣдованіе о формѣ мозговыхъ извилинъ у славянскаго народонаселенія центральныхъ губерній Россіи [1]). Въ этомъ изслѣдованіи, основанномъ на сравнительно большомъ количествѣ наблюденій, устанавливается извѣстное число типическихъ видоизмѣненій главнѣйшихъ бороздъ и извилинъ, какъ крайніе предѣлы, за которые видоизмѣненія не переступаютъ, такъ и промежуточныя формы, представляющія переходы отъ одного крайняго типа къ другому. При этомъ авторъ высказываетъ слѣдующія положенія: 1) число видоизмѣненій ограничено, все разнообразіе ихъ какъ-бы охвачено рамкою, за предѣлы которой видоизмѣненія формы бороздъ и извилинъ не переступаютъ; 2) въ измѣненіяхъ формы бороздъ и извилинъ видна строгая постепенность, такъ что между далеко стоящими типами всегда существуетъ цѣлый рядъ переходныхъ формъ. Несомнѣнно, всѣми признанная заслуга труда Д. Н. Зернова заключается, между прочимъ, въ томъ, что въ немъ въ первый разъ систематически примѣняется статистическій методъ къ антропологическому изслѣдованію мозга. Что касается вопроса о *племенныхъ* особенностяхъ мозга, то авторъ, послѣ сравненія добытыхъ имъ самимъ данныхъ съ таковыми другихъ авторовъ, выражается въ слѣдующихъ словахъ: «Я не хочу сказать, что я отрицаю вообще возможность существованія подобныхъ особенностей поверхности мозга. Теперь, какъ и прежде, я утверждаю только, что *мы не знаемъ, существуютъ онѣ или нѣтъ*. Весьма возможно, что при болѣе подробномъ изслѣдованіи поверхности мозга, напр. по отношенію къ формѣ и частотѣ существованія бороздъ третьей категоріи, которыя до сихъ поръ изслѣдованы очень

[1]) *Д. Н. Зерновъ*—„Индивидуальные типы мозговыхъ извилинъ у человѣка“. Съ 74 рис. въ текстѣ. Москва, 1877. См. также статью того-же автора: „Къ вопросу о предѣлахъ индивидуальныхъ и племенныхъ видоизмѣненій типическихъ бороздъ и извилинъ мозга“. Москва, 1883.

мало, или даже и въ сферѣ типическихъ бороздъ, но у расъ, рѣзко отличающихся другъ отъ друга, разница формы поверхности мозга и окажется. Но во всякомъ случаѣ можно и теперь предсказать, что, въ виду существованія индивидуальныхъ отклоненій, ее не легко будетъ открыть, и если она будетъ открыта, то только при помощи статистическаго метода».

Большое научное значеніе имѣетъ, безъ сомнѣнія, трудъ Н. В. Гильченко о *вѣсѣ* мозга и его отдѣльныхъ частей у различныхъ племенъ, населяющихъ Россію [1],—трудъ, положившій прочное основаніе дальнѣйшей разработкѣ этого столь важнаго въ изученіи мозга вопроса.

Дальнѣйшія изслѣдованія въ разсматриваемой области были произведены пишущимъ эти строки. Имъ подвергнуто изученію устройство мозговыхъ извилинъ сперва у нѣкоторыхъ инородческихъ племенъ (эсты, латыши), далѣе у славянскаго племени поляковъ, а затѣмъ въ новѣйшее время опубликовано морфологическое описаніе мозга перса, а также краткое сопостановленіе главнѣйшихъ выводовъ его изслѣдованій объ особенностяхъ мозговыхъ бороздъ и извилинъ у евреевъ [2]). Болѣе подробное изложеніе изслѣдованій, произведенныхъ авторомъ надъ мозгами евреевъ, составитъ предметъ нижеслѣдующаго очерка.

I.

Мозгъ евреевъ.

Послѣ цѣлаго ряда работъ, вышедшихъ за послѣднія три десятилѣтія по соматологіи евреевъ, едва ли можетъ оставаться какое-либо сомнѣніе въ существованіи среди нихъ *особаго физическаго типа*, выражающагося не только въ своеобразныхъ чертахъ т наз. еврейской «физіономіи», но и въ устройствѣ скелета, въ пропорціяхъ черепа и туловища, въ особенностяхъ внѣшнихъ покрововъ и пр. [3]). Рѣзче физическихъ особенностей выступаютъ *психологическія* черты еврейской расы [4]). Тѣ и другія, пре-

---

[1]) „Труды Антрополог. Отд.," т. XIX.

[2]) *R. Weinberg*—Die Gehirnwindungen bei den Esten. Eine anatomisch-anthropologische Studie. Дисс. Юрьевъ, 1894; Die Gehirnwindungen bei den Esten. Cassel, 1896; Das Gehirn der Letten. Cassel, 1896; О строеніи большого мозга у эстовъ, латышей и поляковъ. „Труды Антропол. Отдѣла", т. XIX. Москва, 1898; Die Gehirnform der Esten, L tten und Polen, verglichen mit der Gehirnform einiger anderer Völkerschaften. „Compt.-rend. XII Congr. intern. méd." Moscou, 1899, t. II, стр. 6:; Морфологическое описаніе мозга молодого персіянина. „Обозрѣніе психіатріи", 1902 г.; Ueber einige Besonderheiten an Judenhirnen. „Biologisches Centralblatt", 1902.

[3]) Обзоръ литературы по антропологіи евреевъ см. въ статьяхъ *А. А. Ивановскаго:* „Евреи" въ „Русск. Антр. Журн.", 1900 г., № 2, стр. 78, и „Объ антропологическомъ изученіи инородческаго населенія Россіи". Ibid., 1902 г., № 1, стр. 123—124.

[4]) *R. Andrée* -Zur Volkskunde der Juden. 1881; *C. Lombroso*—Der Antisemitismus und die Juden. Lei z., 1894; *G. Jäger*—Die Juden. Handwörterbuch der Zoologie, Anthropologie und Ethnologie, Bd. IV. Breslau, 1886.

имущественно же послѣднія, отражаются, какъ извѣстно, на развитіи центральной нервной системы или, точнѣе говоря, являются внѣшнимъ выраженіемъ особаго устройства центральнаго органа психической и физической жизни у даннаго племени.

Къ какимъ результатамъ приводитъ анатомическое изученіе формы мозга евреевъ по отношенію къ ихъ психо-физическимъ особенностямъ? Этому вопросу мы посвящаемъ нижеслѣдующія строки, представляя въ нихъ краткое описаніе еврейскихъ мозговъ, собранныхъ нами во время нашей службы въ анатомическомъ институтѣ Юрьевскаго университета.

Первый мозгъ (рис. 1 и 2) принадлежалъ 34-лѣтнему еврею, по имени Нахманъ Шловъ, умершему 26-го марта 1894 г. отъ туберкулезнаго заболѣванія костной системы и подвергнутому вскрытію въ патолого-анатомическомъ институтѣ Юрьевскаго университета на другой день послѣ смерти. Мозгъ этотъ, будучи уплотненъ въ хлористомъ цинкѣ и разведенномъ алкоголѣ, прекрасно сохранилъ свою первоначальную форму. Вѣсъ мозга вмѣстѣ съ мягкими оболочками, непосредственно послѣ его удаленія изъ полости черепа, былъ найденъ равнымъ 1249,5 грам. Въ настоящее время уплотненный мозгъ, пробывшій болѣе 8 лѣтъ въ 50°-номъ спиртѣ и освобожденный отъ оболочекъ, вѣситъ всего лишь 815 гр., такъ что масса его вслѣдствіе процесса консервированія уменьшилась, если принять вѣсъ мягкой мозговой оболочки равнымъ въ среднемъ 30 гр., приблизительно на 30% первоначальнаго вѣса. Въ настоящемъ своемъ видѣ мозгъ этотъ представляетъ слѣдующіе размѣры, дающіе представленіе также объ его общей формѣ:

Лобно-затылочная наиб. длина a) праваго полушарія	144	мм.
„ „ „ „ b) лѣваго „	149	„
Височно-теменная наиб. ширина	124	„
Лобная ширина между нижними концами Роландовыхъ бороздъ	110	„
Высота мозга отъ задняго края Вароліева моста до точки наиб. выпуклости теменной доли	84	„
Наиб. ширина мозжечковыхъ полушарій	88	„

Извилины мозговыхъ полушарій всюду представляются обильно развитыми, съ яснымъ преобладаніемъ поперечнаго типа ихъ расположенія на выпуклой поверхности мозга. Бороздки третьей категоріи можно встрѣтить въ большомъ количествѣ. Въ общемъ рисунокъ бороздъ и извилинъ повторяетъ обычный типъ ихъ устройства, но обнаруживаетъ въ то же время рядъ опредѣленныхъ уклоненій отъ послѣдняго. Онъ можетъ быть вкратцѣ охарактеризованъ слѣдующимъ образомъ.

Обѣ Роландовы борозды *сливаются нижними своими концами съ Сильвіевою щелью* (рис. 1). Сильвіевы щели, кромѣ центральныхъ, воспринимаютъ въ себя и нижніе концы постцентральныхъ бороздъ. Нижняя теменная доля лѣвой стороны соотвѣтствуетъ наиболѣе распространенному типу устройства этой области мозга; на поверхности той же доли праваго

полушарія обращаетъ на себя вниманіе *поперечная борозда*, которая, начинаясь на нижне-наружномъ краѣ мозга, проходитъ поперекъ всего полушарія вплоть до интерпаріетальной борозды, *съ которою сливается какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ въ послѣднюю переходитъ Fissura parieto-occipitalis со внутренней поверхности мозга* (рис. 1, *otr*). Кромѣ того, позади этой своеобразной борозды имѣется другая Н-образно развѣтвленная борозда довольно значительной глубины, которая *не принадлежитъ къ обычнымъ въ разсматриваемой области мозга образованіямъ* и не имѣетъ себѣ аналога на лѣвомъ полушаріи этого мозга.

Особаго вниманія заслуживаетъ устройство т. наз. затылочно-теменной щели на *обоихъ* полушаріяхъ разсматриваемаго мозга. На правой сторонѣ борозда эта находится въ нормальныхъ отношеніяхъ къ fissura

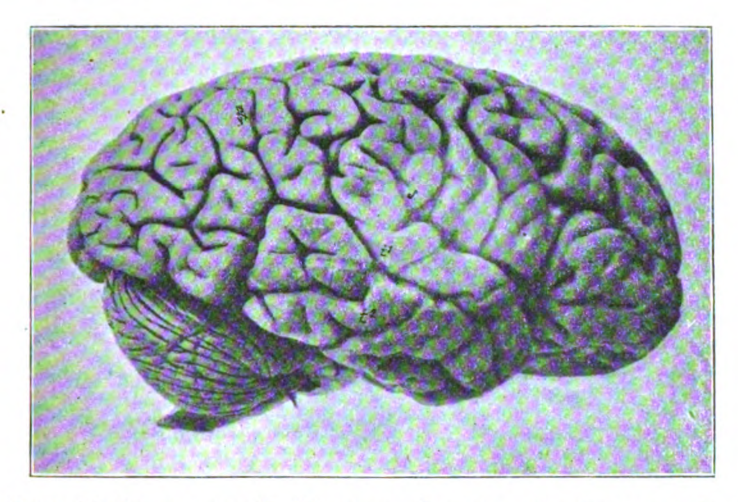


Рис. 1. Мозгъ 34-лѣтняго еврея Н. Шлова съ рѣзкимъ уклоненіемъ устройства извилинъ затылочно-теменной области. *otr* — поперечная борозда (=S. occipitalis transversus или обезьянья щель по Wernicke), переходящая сверху въ затылочно-теменную щель; *S*—Fissura Sylvii; $t^1 t^2$ — первая и вторая височныя борозды. — Съ фотографическаго снимка.

calcarina внутренней поверхности мозга,[1] являясь какъ бы въ видѣ верхней вѣтви послѣдней; но, перегнувшись на выпуклую поверхность полушарія, она *сливается* здѣсь на разстояніи $2^1/_2$—3 сант.[2] отъ края полушарія съ *интерпаріетальною бороздою* и притомъ какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ послѣдняя принимаетъ въ себя вышеописанную поперечную борозду теменной дольки. Вслѣдствіе такой своеобразной комбинаціи бороздъ въ данной области мозга задній участокъ праваго полушарія, причисляемый обыкновенно къ области затылочной доли, въ данномъ случаѣ оказывается необычайно рѣзко отграниченнымъ отъ теменной области мозга, благодаря развитію борозды, проходящей поперекъ мозга черезъ всю внутреннюю, верхнюю и наружную его поверхность.

Въ высшей степени рѣзкое и притомъ необычайно рѣдко наблюдаемое уклоненіе отъ нормы представляетъ устройство затылочно-теменной борозды лѣваго полушарія. Здѣсь наружный участокъ борозды оканчивается, какъ то наблюдается обыкновенно, на верхней выпуклой сторонѣ полушарія на небольшомъ разстояніи отъ интерпаріетальной борозды, съ которою, такимъ образомъ, не сливается, въ противоположность къ той же бороздѣ правой стороны. Но въ то время, какъ послѣдняя, какъ мы видѣли, является на внутренней поверхности мозга какъ бы въ видѣ вилообразной вѣтви шпорной борозды, *лѣвая затылочно-теменная щель* нижнимъ своимъ участкомъ *оканчивается совершенно свободно среди извилинъ, лежащихъ позади мозолистаго тѣла*, причемъ *отдѣляется отъ fiss. calcarina небольшою извилиною*, обращающею свой выпуклый

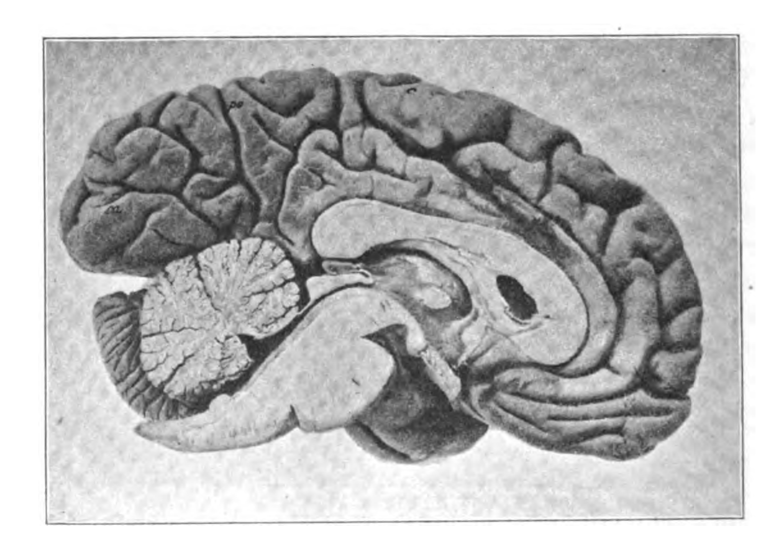


Рис. 2. Мозгъ 34-лѣтняго еврея Н. Шлова. Внутренняя поверхность лѣваго полушарія. Поверхностное положеніе ножки клина (Gyrus cunei— **) на томъ мѣстѣ, гдѣ затылочно-теменная (*po*) и шпорная (*ca*) борозды обыкновенно сливаются между собою.—Съ фотографическаго снимка.

край кверху (рис. 2). На томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно происходитъ соединеніе обѣихъ бороздъ, шпорная борозда отсылаетъ небольшую вѣточку вверхъ, какъ бы на-встрѣчу затылочно-теменной,—явленіе, характерное для всѣхъ случаевъ, гдѣ та или другая борозда подвергается перерыву на своемъ протяженіи.

О значеніи послѣдней и всѣхъ другихъ упомянутыхъ особенностей мозговыхъ извилинъ описываемаго мозга мы будемъ говорить ниже; пока замѣтимъ только, что рисунокъ остальныхъ извилинъ и бороздъ въ настоящемъ случаѣ нигдѣ не представляетъ рѣзкихъ уклоненій отъ того типа, который наблюдается обыкновенно въ предѣлахъ нормы и который

болѣе или менѣе точно соотвѣтствуетъ общепринятымъ схемамъ анатомическаго строенія мозговой поверхности.

Второй еврейскій мозгъ, изслѣдованный нами, хранится въ настоящее время въ анатомическомъ музеѣ Юрьевскаго университета. Онъ принадлежалъ 24-лѣтнему субъекту—Шепсену Сорокину, происходившему изъ г. Рѣжицы и умершему въ одной изъ клиникъ Юрьевскаго университета отъ легочной чахотки. Въ отличіе отъ предыдущаго, этотъ мозгъ недостаточно хорошо сохранилъ свою первоначальную естественную форму, вслѣдствіе уплощенія его массы въ направленіи, главнымъ образомъ, сверху внизъ и вправо, благодаря чему оба полушарія оказываются расположенными не совсѣмъ симметрично другъ къ другу. Относительно вѣса мозга въ свѣжемъ состояніи на запискѣ, приложенной къ препарату, ничего не сказано; остается также неизвѣстнымъ время смерти лица, которому принадлежалъ настоящій мозгъ. Но такъ какъ препаратъ былъ намъ переданъ еще въ 1893 г., то, принимая во вниманіе его настоящее состояніе, можно предположить, что онъ пролежалъ въ спирту болѣе 10-ти лѣтъ.

Вслѣдствіе упомянутаго уплощенія формы мозговыхъ полушарій, мы не рѣшаемся приводить здѣсь цифры измѣренія препарата, такъ какъ послѣднія не дадутъ вполнѣ точнаго представленія объ общей формѣ и о пропорціяхъ мозга въ его первоначальномъ видѣ. Несмотря, однако, на этотъ недостатокъ, мы не хотѣли бы совершенно отказаться отъ изслѣдованія настоящаго препарата уже въ виду большой рѣдкости и даже полнаго отсутствія еврейскихъ мозговъ въ нашихъ анатомическихъ музеяхъ, тѣмъ болѣе, что рисунокъ бороздъ и извилинъ, составляющій главный предметъ нашего изслѣдованія, сохранился въ общихъ чертахъ вполнѣ хорошо и можетъ быть прослѣженъ съ большою отчетливостью. Необходимо замѣтить, что извилины въ данномъ случаѣ потеряли, большею частью, свою обычную выпуклую форму, вѣроятно, вслѣдствіе предсмертнаго повышенія внутричерепного давленія; этимъ объясняется также и узость всѣхъ мозговыхъ бороздъ и щелей, расположенныхъ между уплощенными извилинами.

Внимательное изученіе рисунка мозговой поверхности открываетъ и въ настоящемъ случаѣ значительное обиліе извилинъ, обусловленное, главнымъ образомъ, соотвѣтствующимъ развитіемъ бороздъ т. наз. второй и третьей категорій. При этомъ типъ устройства извилинъ и бороздъ, какъ главныхъ, такъ и второстепенныхъ, въ общемъ мало уклоняется отъ того ихъ устройства, которое принято считать типичнымъ для человѣческаго мозга вообще. Уклоненій, подобныхъ тѣмъ, которыя мы могли отмѣтить въ предыдущемъ случаѣ, здѣсь не удается констатировать. Такъ, напр., Роландовы борозды оканчиваются, по обыкновенію, нѣсколько выше Сильвіевой щели, не сливаясь съ послѣднею; отсутствуетъ здѣсь также описанная въ предыдущемъ случаѣ поперечная борозда, проходящая по за-

тылочно-теменной области; не наблюдается, наконецъ, на данномъ мозгѣ того своеобразнаго отношенія между fiss. parieto-occipitalis и fiss. calcarina, которымъ отличается первый мозгъ, и проч. Единственная особенность послѣдняго, которая повторяется и въ настоящемъ случаѣ, заключается въ сліяніи верхняго конца затылочно-теменной борозды съ интерпаріетальною на правомъ мозговомъ полушаріи.

Изъ числа рѣдко наблюдаемыхъ варіантовъ можно отмѣтить въ данномъ случаѣ *перерывъ лѣвой шпорной борозды* мостикомъ, расположеннымъ на протяженіи ея задней половины, какъ разъ въ срединѣ между мѣстомъ соединенія съ затылочно-теменною бороздою и заднимъ полюсомъ полушарія (рис. 3). Замѣчательно, что присутствіе такого же мостика можно отмѣтить и на правомъ полушаріи, но здѣсь онъ становится види-

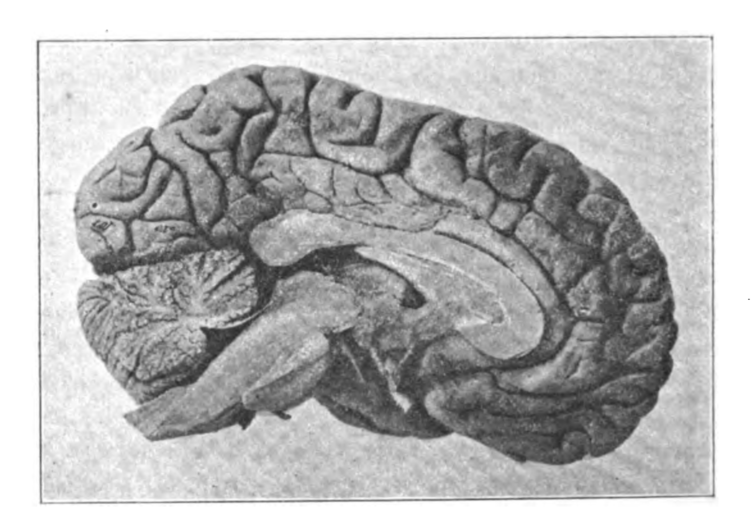


Рис. 3. Мозгъ 24-лѣтняго еврея Ш. Сорокина. Внутренняя поверхность лѣваго полушарія. Развитіе мостика на пути шпорной борозды, которая, благодаря этому, распадается на передній (*caa*) и задній (*cap*) участокъ.—Съ фотографическаго снимка.

мымъ лишь послѣ нѣкотораго разгибанія обѣихъ губъ шпорной борозды. Наконецъ, заслуживающимъ вниманія является и устройство верхней височной борозды этого мозга, проходящей здѣсь *на обоихъ полушаріяхъ* въ видѣ непрерывной щели параллельно съ fiss. Sylvii, въ то время, какъ она обыкновенно, по крайней мѣрѣ на одной сторонѣ (чаще всего на лѣвой), подвергается совершенно типичному перерыву. Впрочемъ, то же отношеніе повторяется и на описанномъ нами первомъ мозгу, гдѣ лѣвый sulcus temporalis superior имѣетъ на первый взглядъ форму также непрерывной борозды.

Такимъ образомъ, и въ этомъ случаѣ мы встрѣчаемся съ рядомъ такихъ особенностей рисунка мозговой поверхности, которыя, по нашимъ

и другихъ авторовъ наблюденіямъ, несомнѣнно принадлежатъ къ разряду рѣдко наблюдаемыхъ варіантовъ мозговыхъ извилинъ и потому не должны быть обойдены молчаніемъ при сравнительно-расовомъ изслѣдованіи человѣческаго мозга.

Совершенно исключительный интересъ представляетъ *третій* и послѣдній мозгъ, о которомъ мы имѣемъ въ виду сообщить. Благодаря особенностямъ своей внѣшней формы, онъ является настоящею avis rarissima среди тѣхъ значительныхъ коллекцій расовыхъ мозговъ, съ которыми намъ приходилось ближе знакомиться во все время нашихъ научныхъ занятій по анатоміи и антропологіи. Уже при поверхностномъ осмотрѣ этого мозга бросается въ глаза своеобразное устройство *на обоихъ полушаріяхъ* центральныхъ областей мозговой поверхности. Между лобными и теменными долями здѣсь отсутствуетъ та рѣзко выраженная граница, которую мы обыкновенно такъ легко находимъ на выпуклой поверхности большого мозга человѣка и человѣкообразныхъ обезьянъ. Ближайшее изслѣдованіе показываетъ, что эта граница, хотя существуетъ и въ нашемъ случаѣ, но она менѣе совершенна вслѣдствіе перерыва Роландовой борозды приблизительно на срединѣ или нѣсколько выше средины ея протяженія. Мостикъ, отдѣляющій оба отрѣзка Роландовой борозды (рис. 4), на правомъ полушаріи расположенъ на уровнѣ общей поверхности всѣхъ прочихъ мозговыхъ извилинъ; онъ достигаетъ на уплотненномъ препаратѣ болѣе сантиметра въ ширину и направленъ косо сверху и спереди внизъ и назадъ, гдѣ безъ всякой границы между концами раздвинутыхъ участковъ Роландовой борозды (рис. 4, c^1, c^2) сливается съ заднею центральною извилиною, въ то время какъ передняя часть мостика принимаетъ дугообразный характеръ и съ выпуклостью, обращенною кверху, загибается въ переднюю центральную извилину. На лѣвомъ полушаріи имѣется въ суще-

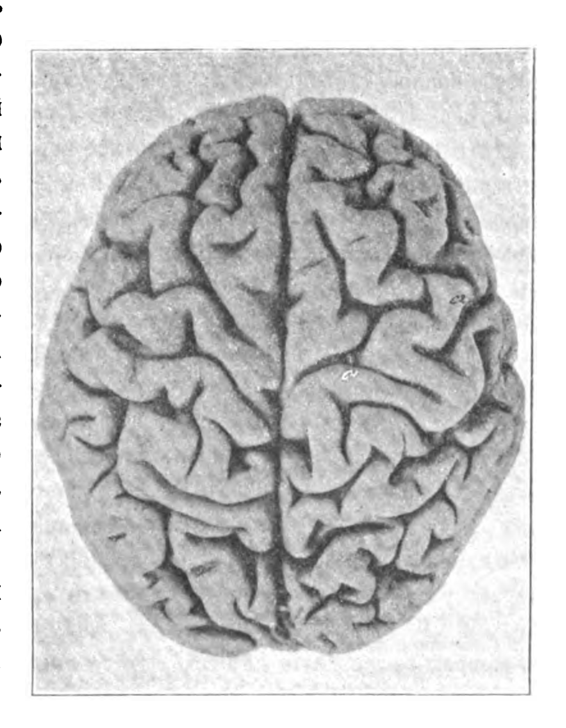


Рис. 4. Мозгъ 38-лѣтней еврейки Фр. Клавиръ. Верхняя поверхность. Перерывъ Роландовой борозды (c^1c^2) на обоихъ полушаріяхъ.— Съ фотографіи.

ственныхъ чертахъ совершенно аналогичное отношеніе Роландовой борозды и центральныхъ извилинъ. Правда, когда мозгъ еще былъ покрытъ своими оболочками, лѣвая Роландова борозда казалась непрерывною, но, по удаленіи мягкой оболочки, выяснилось, что и лѣвая Роландова борозда прервана такимъ же образомъ, какъ и правая, съ тою лишь разницею, что мостикъ, прерывающій борозду, на лѣвой сторонѣ не расположенъ на общемъ уровнѣ мозговой поверхности, а является нѣсколько, хотя и очень незначительно, углубившимся сравнительно съ общимъ уровнемъ сосѣднихъ извилинъ. При сравненіи между собою обоихъ полушарій получается такое впечатлѣніе, какъ будто процессъ, приведшій къ перерыву лѣвой Роландовой борозды, непосредственно предшествуетъ той конечной стадіи его развитія, которую мы здѣсь наблюдаемъ въ области Роландовой борозды правой стороны. Что это въ дѣйствительности такъ, убѣждаетъ насъ все, что мы знаемъ объ исторіи развитія разсматриваемаго явленія; свидѣтельствомъ тому служитъ точное морфологическое соотвѣтствіе между интерцентральнымъ мостикомъ правой и лѣвой стороны, а также и одинаковое во всѣхъ отношеніяхъ расположеніе обоихъ мостиковъ среди окружающихъ извилинъ, ихъ направленіе, границы и пр. Однимъ словомъ, мы имѣемъ предъ собою одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, гдѣ *Роландова борозда представляется прерванною* одновременно *на обоихъ полушаріяхъ* одного и того же мозга, причемъ перерывъ на обѣихъ сторонахъ расположенъ на совершенно типичномъ для даннаго явленія мѣстѣ.

Помимо этого своеобразнаго устройства Роландовой борозды и центральныхъ извилинъ, которое, по своей рѣдкости, выходитъ изъ предѣловъ типичныхъ варіантовъ мозга и поэтому можетъ быть причисляемо уже къ разряду т. наз. мозговыхъ аномалій, настоящій мозгъ не лишенъ и другихъ особенностей, носящихъ отчасти явно индивидуальный характеръ, отчасти-же могущихъ имѣть значеніе признаковъ расовой организаціи. Въ этомъ отношеніи мы можемъ указать, между прочимъ, на своеобразное развитіе обѣихъ *верхне-теменныхъ долекъ*, обусловленное *значительною длиною наружнаго участка затылочно-теменной борозды*, узостью и почти скрытымъ положеніемъ передней ножки окружающей эту борозду снаружи дугообразной извилины, а также рѣзкимъ развитіемъ на поверхности этой доли той борозды, которая была описана одновременно Ретціусомъ подъ названіемъ sulcus parietalis superior, а нами — подъ названіемъ sulcus parietalis transversus anterior. Лѣвая затылочно-теменная борозда, кромѣ того, отличается вилообразнымъ расщепленіемъ своего верхняго конца, что наблюдалось уже и нами, и другими авторами. Далѣе, на наружной поверхности праваго полушарія останавливаетъ на себѣ вниманіе *переходъ т. наз. восходящей вѣтви верхней височной борозды въ постцентральную борозду* (рис. 4), — особенность, принадлежащая, несомнѣнно, къ большимъ рѣдкостямъ. Устрой-

ство лобныхъ долей также обнаруживаетъ рядъ уклоненій отъ обыкновеннаго и типичнаго рисунка данной области мозга; такъ, на лѣвой сторонѣ замѣчается почти *полное отсутствіе нижней лобной борозды*, мѣсто которой занято, большею частью, поперечно расположенными лучистыми отрѣзками. Наконецъ, отмѣтимъ довольно своеобразную *особенность правой обонятельной щели* (fiss. olfactoria, рис. 5, *s.o*), состоящую въ томъ, что задній конецъ борозды подвергается вилообразному расщепленію, однако такъ, что наружная вѣтвь (*ol*) загибается впередъ въ видѣ длиннаго крючка, обращающаго свою выпуклость назадъ и внутрь и оканчивающагося на небольшомъ разстояніи отъ поперечной надглазничной борозды.

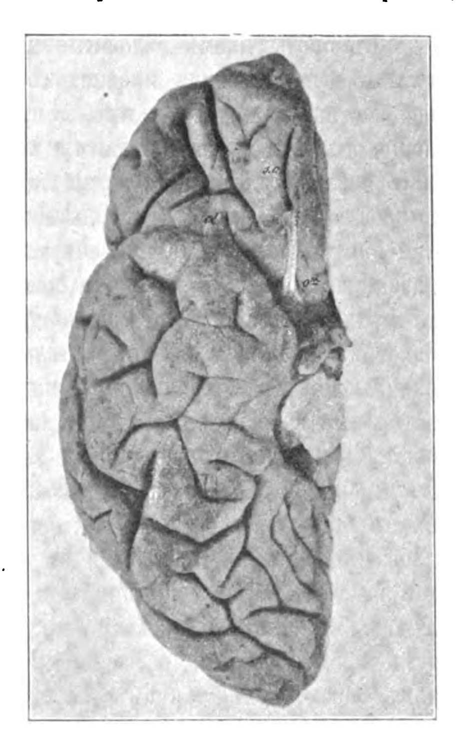


Рис. 5. Мозгъ 38-лѣтней еврейки Фр. Клавиръ. Основная поверхность праваго полушарія. *so*—обонятельная щель, *от*—внутренняя, *ol*—наружная вѣтвь обонятельной щели. Довольно рѣдкій случай.—Съ фотографическаго снимка.

Этотъ замѣчательный по своему внѣшнему развитію мозгъ (рис. 4 и 5) принадлежалъ 38-лѣтней еврейкѣ Фридѣ Клавиръ, умершей въ женской клиникѣ Юрьевскаго университета 15-го сентября 1894 г. вслѣдъ за произведенной надъ нею хирургическою операціей. Вѣсъ его въ свѣжемъ состояніи, сейчасъ же послѣ вынутія его изъ черепной полости, былъ найденъ равнымъ 1105 грам., включая сюда и вѣсъ мягкихъ мозговыхъ оболочекъ; въ настоящее же время, послѣ 7-лѣтняго пребыванія въ 50°-винномъ спиртѣ, онъ вѣситъ всего 697 грам., потерявъ, такимъ образомъ, около 35% своего первоначальнаго вѣса, что, какъ извѣстно, составляетъ правило при указанномъ способѣ сохраненія музейскихъ препаратовъ мозга. Общая форма мозговыхъ полушарій сохранилась прекрасно. Приводимъ слѣдующія измѣренія, произведенныя на уплотненномъ мозгѣ:

Лобно-затылочная наиб. длина а) праваго полушарія	140	mm.
„ „ „ „ b) лѣваго „	143	„
Височно-теменная наиб. ширина	124	„
Лобная ширина между нижними концами Роландовыхъ бороздъ.	106	„
Высота мозга отъ задняго края Вароліева моста до наибольшей выпуклости мозга.	79	„
Наибольшая ширина мозжечковыхъ полушарій.	85	„

Нѣсколько малое развитіе высотнаго діаметра настоящаго мозга объясняется, по всей вѣроятности, искусственнымъ его уплощеніемъ, отчасти, можетъ быть, также половыми особенностями его отдѣльныхъ пропорцій. Остальные размѣры вполнѣ соотвѣтствуютъ нормальнымъ отношеніямъ, свойственнымъ женскому мозгу. Длина лѣваго полушарія и въ этомъ случаѣ нѣсколько превосходитъ длину праваго, что, какъ извѣстно, наблюдается въ большинствѣ случаевъ и объясняется спеціальными особенностями формы лѣвой затылочной доли мозга.

* * *

Въ предыдущемъ изложеніи мы встрѣтили, слѣдовательно, рядъ такихъ морфологическихъ признаковъ внѣшней формы мозга, которые, большею частью, выходятъ далеко за предѣлы «нормальныхъ» или «обычныхъ» варіантовъ мозговыхъ извилинъ и сразу, поэтому, обращаютъ на себя вниманіе наблюдателя. Присутствіе цѣлой группы незаурядныхъ варіантовъ на небольшомъ количествѣ экземпляровъ мозга, случайно попавшихъ въ руки анатома, уже само по себѣ имѣетъ, повидимому, настолько серьезное значеніе, что мы могли бы съ полнымъ основаніемъ ограничиться здѣсь однимъ доказательствомъ самаго факта, не вдаваясь въ дальнѣйшее его толкованіе и въ догадки относительно внутренняго смысла наблюдавшихся явленій. Но такое ограниченіе нашей задачи въ данномъ случаѣ исключается уже качественнымъ составомъ того матеріала, на которомъ были добыты вышеизложенные факты, именно его отношеніемъ къ совершенно опредѣленной человѣческой *расѣ*. Опредѣленный племенной характеръ нашего матеріала естественно возбуждаетъ вопросъ о томъ, насколько изложенныя явленія находятся въ соотношеніи съ особенностями физической или психической организаціи данной расы и насколько могутъ они служить внѣшнимъ выраженіемъ или признакомъ послѣдней. Сложность и загадочность вопроса о физическихъ признакахъ, присущихъ человѣческимъ расамъ, въ данномъ случаѣ, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ мозгомъ, значительно усиливается одновременнымъ вліяніемъ на форму послѣдняго огромнаго разнообразія въ индивидуальномъ развитіи его внѣшней формы. Границы же между индивидуальными и племенными варіантами физическихъ признаковъ человѣческаго тѣла нигдѣ и никѣмъ до сихъ поръ не были опредѣленно установлены, и каждому опытному анатому извѣстно, какъ трудно бываетъ въ отдѣльныхъ случаяхъ дать по этому поводу опредѣленное и обоснованное заключеніе. Наконецъ, наша задача усложняется въ настоящемъ случаѣ еще другимъ факторомъ, являющимся въ видѣ признаковъ *половой* дифференцировки формы мозговыхъ полушарій. Особенности половой организаціи, которыя до сихъ поръ смѣшиваются, большею частью, съ индивидуальными уклоненіями отъ т. наз. средняго типа, требуютъ строгаго отграниченія какъ по отношенію къ послѣднимъ, такъ и по отношенію къ проявленіямъ племенныхъ и націо-

нальныхъ признаковъ организаціи человѣческаго тѣла. Встрѣчаясь, въ результатѣ анализа нашего предмета, съ тремя рядами явленій, касающихся индивидуальнаго, племенного и полового развитія организма, мы вынуждены здѣсь дать надлежащую оцѣнку тѣмъ и другимъ. Этимъ путемъ мы и попытаемся, насколько то представляется возможнымъ при современномъ состояніи вопроса, выяснить ближайшее значеніе тѣхъ данныхъ, которыя были нами отмѣчены въ первой части настоящаго изслѣдованія.

Первая особенность, которая обратила на себя наше вниманіе на изслѣдованныхъ экземплярахъ мозга, заключается, какъ уже было упомянуто, въ *сліяніи нижняго конца Роландовой борозды съ Сильвіевою* на обоихъ полушаріяхъ одного и того-же мозга (рис. 1). Что этотъ варіантъ, дѣйствительно, составляетъ большую рѣдкость, не подлежитъ никакому сомнѣнію; существуютъ даже весьма опытные и солидные анатомы, которые, по собственному признанію, никогда не имѣли случая наблюдать подобную форму очертанія разсматриваемой борозды и которые поэтому категорически отрицаютъ уже одну возможность ея существованія [1]). Послѣднее утвержденіе, однако-же, не совсѣмъ согласуется съ дѣйствительностью, какъ показываютъ вышеприведенныя наши собственныя наблюденія надъ мозгами евреевъ и какъ удостовѣряютъ, между прочимъ, и опубликованныя еще въ 1883 г. изслѣдованія Tenchini [2]), который среди 114 мужскихъ и женскихъ мозговъ встрѣтилъ 6 случаевъ сліянія Роландовой борозды съ Сильвіевою,—цифра, почти совпадающая съ указаніями C. Giacomini, наблюдавшаго эту аномалію 21 разъ среди 336 полушарій мозга. Такія же или весьма близкія къ нимъ цифры приводятся также Cunningham'омъ и Retzius'омъ, въ то время какъ Heftler и Turner даютъ лишь общія указанія, заявляя, что случаи сліянія между собою Роландовой и Сильвіевой бороздъ наблюдались или «иногда», или «неоднократно». Чаще всего разсматриваемый анастомозъ былъ констатированъ Benedikt'омъ на мозгахъ преступниковъ, гдѣ, по его заявленію, вообще существуетъ большая наклонность къ развитію анастомозовъ между типическими бороздами мозга.

Наши собственныя наблюденія въ этомъ отношеніи показываютъ, что случаи соединенія нижняго конца Роландовой борозды съ Сильвіевой встрѣчаются, хотя изрѣдка, также у финскихъ, славянскихъ и другихъ

[1]) Такъ, напр., *E. Mendel* замѣчаетъ по этому поводу: „центральная борозда своимъ нижнимъ концомъ *никогда* не переходитъ Сильвіеву щель, отъ которой она отдѣляется узкою дугообразною извилиною соединяющею переднюю центральную извилину съ заднею" (статья „Мозгъ" въ „Реальной энциклопедіи" Эйленбурга. 2-ое изд., 1886 г., стр. 599). Въ такомъ же смыслѣ высказывается и *A. Ecker* (Die Hirnwindungen des Menschen. Braunschweig, 1869).

[2]) *Tenchini*. Sopra alcune varietá della Scissura di Rolando dell' encefalo umano ed in especie di una assai singolare trovata nel cervello di donne demente. Rivista sperim. di freniatria etc. 1883. II e III, p. 193. Cp. также Hoffmann—Schwalbe—Jahresberichte über die Fortschritte der Anatomie und Entwicklungsgeschichte. 1883, Bd. XII.

націй. Такъ, напр., мы могли обнаружить подобные случаи у поляковъ и латышей, а на одномъ эстонскомъ мозгу одна изъ Роландовыхъ бороздъ оказалась поверхностно, соединенною съ Сильвіевой щелью, и такой же случай былъ констатированъ Ретціусомъ на единственномъ мозгѣ лопаря, который онъ имѣлъ возможность изслѣдовать подробно [1]).

Насколько, такимъ образомъ, анастомозъ Роландовой съ Сильвіевой, бороздою можетъ имѣть отношеніе къ расовымъ особенностямъ устройства мозга, нельзя съ опредѣленностью утверждать на основаніи существующихъ по этому вопросу данныхъ. Но вполнѣ отрицать возможность подобнаго отношенія мы не можемъ уже въ виду тѣхъ крупныхъ разногласій, которыя, какъ мы видѣли, существуютъ среди авторовъ во взглядахъ на степень частоты даннаго варіанта у различныхъ человѣческихъ расъ и націй. Предположеніе относительно расово-анатомическаго значенія описываемаго рѣдкаго анастомоза, впрочемъ, высказывалъ уже извѣстный путешественникъ Миклухо-Маклай на основаніи своихъ наблюденій надъ мозгами австралійцевъ.

Дальнѣйшая особенность, которую намъ пришлось отмѣтить въ изучаемой коллекціи мозговъ, выражается въ развитіи на правой сторонѣ одного изъ нихъ, въ затылочно-височной области поперечной борозды, идущей по всей ширинѣ полушарія и переходящей черезъ посредство fiss. parieto-occipitalis на внутреннюю плоскую поверхность мозга (рис. 1). Правда, это своеобразное отношеніе бороздъ въ данной мѣстности мозга наблюдается лишь на одномъ полушаріи и нигдѣ не повторяется на остальныхъ экземплярахъ той же коллекціи; тѣмъ не менѣе мы вынуждены отнести разсматриваемое явленіе — предположительно — къ числу племенныхъ особенностей мозга, послѣ того, какъ намъ не удалось открыть чего-либо подобнаго ни у одного изъ другихъ племенъ, изслѣдованныхъ нами до сихъ поръ съ точки зрѣнія устройства мозговыхъ извилинъ и ихъ варіантовъ. Кромѣ того, настоящій варіантъ самъ по себѣ настолько своеобразенъ и рѣзко бросается въ глаза, что онъ едва ли можетъ ускользнуть отъ вниманія даже поверхностнаго наблюдателя; а между тѣмъ въ существующихъ описаніяхъ мозга различныхъ расъ нигдѣ не встрѣчается указанія на него, откуда позволительно заключить, что упомянутая форма развитія височно-затылочной области мозга, если и бываетъ выражена у другихъ расъ, то, несомнѣнно, лишь въ видѣ большой рѣдкости. Ея постоянство на мозгахъ евреевъ, повидимому, также не очень велико, ибо на изслѣдованныхъ нами шести полушаріяхъ она является развитою всего только одинъ разъ; но возможно предположить, что среди представителей семитической семьи народовъ разсматриваемый варіантъ,

---

[1]) *Retzius*. Das Gehirn eines Lappländers. „Festschrift f. R. Virchow". Bd. I. Berlin, 1891, S. 43—56. Taf. III—V.

впервые открытый нами у евреевъ, повторяется нѣсколько чаще, чѣмъ у другихъ расъ.

Большой морфологическій и антропологическій интересъ представляетъ третья особенность нашей коллекціи, обнаруживающаяся также лишь на одномъ полушаріи и выражающаяся въ *поверхностномъ положеніи такъ-называемой извилины клина* (рис. 2), причемъ нижній конецъ fissurae parieto-occipitalis не соединяется, какъ обыкновенно, со шпорною бороздою, а оканчивается свободно на нѣкоторомъ разстояніи выше послѣдней среди извилинъ внутренней поверхности мозга. За все время нашей анатомической дѣятельности, въ теченіе котораго мы имѣли случай изслѣдовать подробнѣе довольно обширныя коллекціи человѣческихъ мозговъ, мы здѣсь въ первый разъ встрѣчаемся съ этою особенностью мозга. Но и другіе авторы свидѣтельствуютъ о необычайной рѣдкости у человѣка разсматриваемаго устройства извилинъ. Ретціусъ, напр., не наблюдалъ его ни разу въ коллекціи, состоявшей изъ 100 экземпляровъ мозга лицъ шведскаго происхожденія. Тѣмъ болѣе поразительнымъ является, поэтому, заявленіе проф. I. D. Cunningham'a о томъ, что на мозгахъ ирландцевъ данный варіантъ извилинъ повторяется почти въ 4% (точнѣе 3,9%) всѣхъ случаевъ. Такъ какъ матеріалъ, изслѣдованный Cunningham'омъ, не былъ, вѣроятно, подвергнутъ имъ никакому умышленному подбору, а въ количественномъ отношеніи, повидимому, также не допускаетъ сомнѣнія въ достовѣрности сдѣланнаго имъ вывода, то слѣдуетъ заключить, что развитіе разбираемой рѣдкой формы мозговыхъ извилинъ такъ или иначе находится въ зависимости отъ вліянія племенныхъ или національныхъ особенностей. Иначе мы не могли бы объяснить себѣ факта столь поразительной частоты среди одного племени явленія, которое у другихъ расъ совершенно отсутствуетъ или наблюдается лишь въ видѣ весьма рѣдкаго исключенія. Для сравнительной антропологіи человѣческаго мозга разсматриваемый варіантъ имѣетъ особенно важное значеніе по той причинѣ, что онъ до настоящаго времени является почти единственнымъ прочно установленнымъ фактомъ по вопросу о существованіи расовыхъ или національныхъ различій въ устройствѣ бороздъ и извилинъ человѣческаго мозга, — вопросу, который, какъ извѣстно, нѣкоторые авторы склонны рѣшить въ отрицательномъ смыслѣ на-подобіе того, какъ ими умаляется вообще значеніе вліянія племени на развитіе человѣческаго скелета и прочихъ частей человѣческаго организма. При всемъ томъ, однако-же, не слѣдуетъ забывать, что если упомянутая форма извилинъ и наблюдается въ извѣстномъ цифровомъ отношеніи среди той расы, которой принадлежали мозги, изслѣдованные проф. I. D. Cunningham'омъ, то самый фактъ еще не даетъ основанія говорить объ опредѣленной особенности мозга этой расы, потому что она и среди послѣдней, при всей своей *относительной частотѣ*, является не столько типичнымъ признакомъ, сколько, наоборотъ, уклоненіемъ отъ нормы. Мы можемъ лишь

сказать, что у ирландцевъ случаи поверхностнаго положенія извилины клина наблюдаются хотя и абсолютно рѣдко (4%), но значительно чаще, чѣмъ у другихъ племенъ и націй, подвергавшихся изслѣдованію до настоящаго времени. Что же касается факта наличности того же варіанта въ небольшой коллекціи мозговъ, принадлежавшихъ индивидамъ еврейскаго происхожденія, то, по аналогіи съ данными другихъ наблюдателей, наиболѣе вѣроятнымъ и естественнымъ представляется допущеніе, что и здѣсь ему слѣдуетъ придать значеніе такой же случайной и единичной находки, въ видѣ которой онъ попадается и у многихъ другихъ расъ при изслѣдованіи достаточно обширныхъ коллекцій мозга для каждой данной расы въ отдѣльности. Ирландцы представляются пока единственнымъ народомъ, гдѣ эта особенность мозговыхъ извилинъ обнаруживаетъ сколько-нибудь замѣтное распространеніе.

На ближайшую морфологическую природу описаннаго устройства мозговыхъ извилинъ въ заднемъ отдѣлѣ мозгового полушарія, физіологическое значеніе котораго еще весьма мало выяснено, проливаетъ опредѣленный свѣтъ сравнительная анатомія мозговыхъ извилинъ. Въ виду его важности для сравнительной антропологіи мы и считаемъ себя обязанными хотя бы вкратцѣ коснуться этого вопроса. Данныя сравнительной анатоміи не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что та небольшая извилина, которая въ нашемъ случаѣ обусловливаетъ отдѣленіе fiss. calcarinae отъ fiss. parieto-occipitalis, по своему филогенезу должна быть причислена къ группѣ такъ наз. «вымирающихъ» органовъ. На внутренней поверхности мозга многихъ обезьянъ, въ томъ числѣ и высшихъ (такъ называемыхъ человѣкообразныхъ или антропоморфныхъ), она достигаетъ своего нормальнаго развитія, составляя характерную, обычную составную часть организаціи этихъ животныхъ (рис. 6). Но уже въ ряду тѣхъ антропоидныхъ, которыя по особенностямъ устройства своего мозга болѣе всѣхъ другихъ приматовъ приближаются къ типу человѣческаго мозга, иногда, хотя и рѣдко, наблюдаются случаи углубленія извилины клина ниже уровня окружающихъ извилинъ и даже полнаго ея исчезновенія съ поверхности мозга, причемъ, однако, всегда удается легко обнаружить ее путемъ нѣкотораго раскрытія шпорной борозды, въ глубинѣ которой она тянется отъ верхушки такъ называемаго клина къ области задней суживающейся части извилины свода, отдѣляя собою русло fiss. parieto-occipitalis отъ дна fiss. calcarinae. Послѣднее устройство, съ своей стороны, составляетъ норму для homo sapiens. Здѣсь процессъ обратнаго развитія или исчезновенія gyri cunei можно наблюдать на различныхъ стадіяхъ. Съ одной стороны, ходъ обратнаго развитія ножки клина уже у современнаго человѣка достигаетъ своего конечнаго фазиса въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ gyr. cunei, какъ то мы наблюдали неоднократно [1]), отсутствуетъ даже на днѣ шпорной борозды

[1]) См. „Труды Антропологич. Отдѣла“, т. XIX.

и гдѣ, такимъ образомъ, существуетъ полный анастомозъ между шпорною и затылочно-теменною бороздою. Случаи такого рода у человѣка еще довольно рѣдки; наблюдаются ли они гдѣ-либо уже у обезьянъ, весьма сомнительно и не установлено съ достовѣрностью. Съ другой стороны, возможно уловить всѣ переходныя формы отъ того типа, который мы назвали нормальнымъ для мозга современнаго человѣка, къ той стадіи развитія, которой данная мѣстность мозга достигаетъ у нашихъ филогенетическихъ предковъ. Изъ нихъ особенно характерными и поучительными являются тѣ случаи, при которыхъ одна часть извилины клина еще скрывается въ глубинѣ шпорной борозды, въ то время какъ остальная часть ея уже располагается на одномъ уровнѣ со всѣми окружающими извилинами. Эти случаи особенно рельефно иллюстрируютъ процессъ прогрессив-

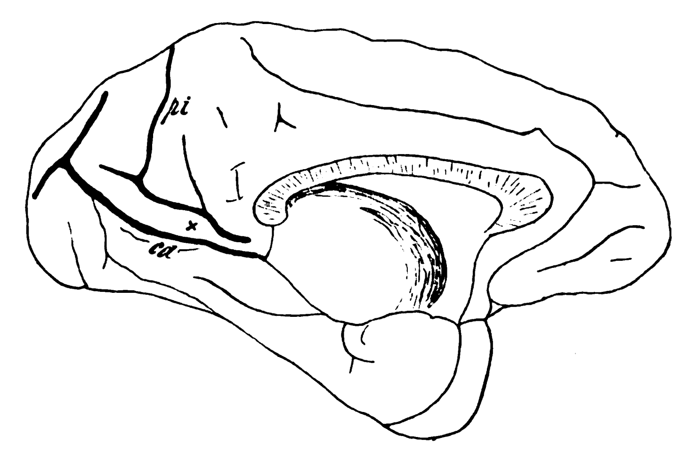


Рис. 6. Мозгъ Cynocephalus mormon. Внутренняя поверхность лѣваго полушарія. Поверхностное положеніе ножки клина. Извилина (ножка клина)=Gyrus cunei. Рисунокъ показываетъ отношеніе внутренней перпендикулярной щели (Fissura perpendicularis interna, *pi*,=Fissura parieto-occipitalis, *po*, рис. 2) къ Fissura calcarina, *ca*, у обезьянъ. По *Gratiolet* (Mém. sur les plis cérébraux. Atlas. Planche IX, fig. 8).

наго развитія мозга въ данной его мѣстности. Они наблюдаются у человѣка также сравнительно рѣдко, и отъ нихъ только одинъ шагъ до полнаго развитія поверхностнаго расположенія gyri cunei въ той формѣ, въ какой мы встрѣчаемъ его нормально у обезьянъ и въ видѣ исключенія у человѣка.

Такимъ образомъ, появленіе у человѣка случаевъ съ поверхностнымъ расположеніемъ gyri cunei, несомнѣнно, должно объяснить себѣ, какъ явленіе, которое намъ досталось въ наслѣдство отъ филогенетическихъ предковъ и прежде всего отъ антропоидныхъ обезьянъ. Здѣсь обнаруживается истинный *атавизмъ* или *тероморфизмъ* въ устройствѣ человѣческаго мозга, и поэтому все явленіе по справедливости заслуживаетъ названія тероморфнаго или атавистическаго варіанта, который у большинства чело-

вѣческихъ расъ появляется лишь въ видѣ исключенія и, будучи унаслѣдованъ отъ весьма отдаленныхъ и древнихъ отпрысковъ древа приматовъ, приближается у современнаго человѣка замѣтнымъ образомъ къ окончательному исчезновенію.

Менѣе опредѣленно мы можемъ высказаться относительно происхожденія и ближайшей природы той особенности нашей коллекціи, которая заключается въ соединеніи верхняго конца затылочной борозды съ интерпаріетальною и которая была отмѣчена нами на правомъ полушаріи перваго и на обоихъ полушаріяхъ второго изъ вышеописанныхъ нами мозговъ. Анастомозъ между затылочною и интерпаріетальною бороздами и связанный съ его развитіемъ рисунокъ извилинъ верхней затылочно-теменной области встрѣчается у взрослыхъ лицъ, повидимому, чрезвычайно рѣдко, по крайней мѣрѣ, у нѣкоторыхъ расъ. Такъ, напр., проф. G. Retzius въ своемъ обширномъ и подробномъ описаніи мозговыхъ извилинъ и ихъ варіантовъ у шведскаго народа не упоминаетъ о немъ вовсе. Мы сами до сихъ поръ наблюдали всего лишь нѣсколько случаевъ разсматриваемаго анастомоза, а Flesch замѣчаетъ, что соединеніе между затылочно-теменною и интерпаріетальною бороздою, соотвѣтствующее развитію т. наз. обезьяньей щели, наблюдалось имъ въ извѣстномъ числѣ случаевъ, а на одномъ мозгу, съ которымъ онъ познакомился въ Туринѣ, благодаря любезности Giacomini, этотъ анастомозъ былъ развитъ одновременно съ поверхностнымъ положеніемъ ножки клина. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что случаи подобнаго рода составляютъ у взрослаго человѣка большую рѣдкость и исключеніе въ сравненіи со случаями нормальнаго развитія данной области мозга, гдѣ обѣ названныя борозды представляются отдѣленными другъ отъ друга. Чтобы объяснить себѣ возникновеніе разсматриваемаго рѣдкаго варіанта, необходимо опять-таки обратиться къ помощи сравнительной анатоміи. У низшихъ обезьянъ, снабженныхъ извилинами, какъ, напр., Cynocephalus и Macasuc, затылочно-теменная борозда нормально находится въ соединеніи съ интерпаріетальною, какъ показываетъ рис. 7,

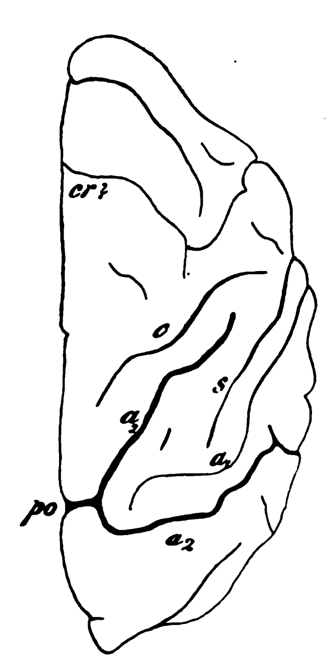


Рис. 7. Мозгъ мартышки (Cynoceplalus Papio). Правое полушаріе сверху. *c*—Sulcus coronalis = Роландова борозда; a_2 — Sulcus suprasylvius = interparietalis; a_1 — Sulcus arcuatus superior=temporalis primus; *p*—Fissura parieto-occipitalis, составляющая вмѣстѣ съ a_2 т. наз. обезьянью щель; *s*—Fissura Sylvii; *cr*—Sulcus cruciatus. По *M. Flesch* (Homologie der Fissura parieto-occipitalis, рис. 3, табл. XVI).

изображающій собою типъ мозга низшихъ обезьянъ; но уже у высшихъ обезьянъ (орангъ, горилла) между тою и другою бороздою часто появляется ясно выраженная извилина, составляющая переходъ отъ затылочной къ теменной долѣ. Такимъ образомъ, значеніе варіанта сводится къ возврату къ тому типу, который составляетъ норму у низшихъ обезьянъ. Не безынтересно при этомъ отмѣтить, что та же особенность мозговыхъ извилинъ встрѣчается уже у плотоядныхъ, а, между прочимъ, и у хищныхъ (льва, медвѣдя), такъ что есть основаніе заключить, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ признакомъ, унаслѣдованнымъ еще отъ хищныхъ животныхъ и составляющимъ общее достояніе класса приматовъ. Здѣсь имѣется на-лицо лишь извѣстное сходство съ животнымъ типомъ и едва ли можетъ быть рѣчь объ атавизмѣ или же о питекоидномъ признакѣ въ общепринятомъ смыслѣ этого слова.

Наиболѣе замѣчательная и своеобразная особенность изучаемой здѣсь коллекціи расовыхъ мозговъ заключается въ развитіи на одномъ изъ нихъ *двусторонняго перерыва* на протяженіи *Роландовыхъ* или центральныхъ *бороздъ* (рис. 4). Какъ извѣстно, Роландова борозда отличается значительнымъ постоянствомъ своихъ очертаній и лишь весьма рѣдко подвергается тѣмъ или инымъ видоизмѣненіямъ своего устройства. Появленіе же перерыва на протяженіи Роландовой борозды издавна пользуется у анатомовъ репутаціей настоящей avis rarissima среди варіантовъ и аномалій мозговыхъ извилинъ и наблюдается нами лично здѣсь въ первый разъ за время нашихъ спеціальныхъ изслѣдованій по анатоміи человѣческаго мозга. Здѣсь не мѣсто входить въ подробный разборъ казуистики перерывовъ Роландовой борозды, тѣмъ болѣе, что въ большинствѣ изъ прежнихъ сообщеній, вслѣдствіе полнаго отсутствія въ нихъ рисунковъ, остается невыясненнымъ ближайшій характеръ варіанта, наблюдавшагося тѣмъ или другимъ авторомъ въ описываемыхъ случаяхъ. Замѣтимъ лишь, что критическій анализъ всѣхъ относящихся сюда случаевъ, описанныхъ въ литературѣ, убѣждаетъ насъ въ томъ, что частота перерывовъ Роландовой борозды въ дѣйствительности гораздо меньше, чѣмъ то насчитывается отдѣльными авторами на основаніи ихъ наблюденій: почти $^1/_2\%$ по Heschl'ю, менѣе 1% по Feré, 1 : 183 по Джакомини. Мы думаемъ такъ, между прочимъ, и на томъ основаніи, что такіе опытные наблюдатели, какъ Turner, Bischoff, Ecker, Retzius и другіе авторы, имѣвшіе въ своемъ распоряженіи обширные матеріалы и объемистыя коллекціи, по собственному заявленію, никогда не наблюдали случаевъ разсматриваемой аномаліи. Несомнѣнно, преувеличеннымъ и ошибочнымъ надо считать утвержденіе Mendel'я, по которому перерывъ Роландовой борозды наблюдается въ цѣлыхъ 3% случаевъ, въ то время какъ на самомъ дѣлѣ частота варіанта выражается скорѣе всего десятыми долями и, во всякомъ случаѣ, дробными частями процента.

По поводу ближайшей природы и морфологическаго значенія этого столь рѣдкаго варіанта (или аномаліи въ обыденномъ смыслѣ этого слова) до сихъ поръ установлено съ достовѣрностью лишь то, что онъ встрѣчается у лицъ съ совершенно нормальнымъ состояніемъ умственныхъ способностей и ни въ какомъ случаѣ не стоитъ въ связи съ патологическимъ развитіемъ мозга. Нашъ собственный случай можетъ служить тому подтвержденіемъ. Съ другой стороны, установлено, что на томъ мѣстѣ, гдѣ въ нашемъ (и въ другихъ) случаяхъ располагается перерывъ Роландовой борозды, наличность подобнаго мостика можно почти обычно констатировать въ глубинѣ Роландовой борозды въ видѣ глубокой или скрытой извилины. Присутствіе окончательнаго перерыва является, такимъ образомъ, лишь выраженіемъ чрезмѣрнаго развитія образованія, зачатокъ котораго можно найти развитымъ на человѣческомъ мозгѣ обыкновенно или, по крайней мѣрѣ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ. Возможно и даже вѣроятно, что мы въ данномъ случаѣ имѣемъ дѣло съ чисто индивидуальнымъ варіантомъ; по крайней мѣрѣ, мы ничего не знаемъ объ отношеніи перерывовъ Роландовой борозды къ племенной или къ половой дифференцировкѣ мозга. Насколько развитіе подобныхъ перерывовъ на протяженіи типическихъ бороздъ можетъ служить выраженіемъ прогрессивнаго или регрессивнаго функціональнаго развитія мозга, сказать весьма трудно. Когда глубоко расположенная извилина становится поверхностной въ видѣ мостика, на пути той или другой борозды, этотъ процессъ ведетъ, какъ нетрудно убѣдиться, къ уменьшенію мозговой поверхности, а. такимъ образомъ, и къ регрессивной дифференцировкѣ данной мѣстности мозга. Съ этой точки зрѣнія становится понятнымъ, что появленіе на поверхности коры извилинъ, расположенныхъ нормально въ глубинѣ бороздъ, въ извѣстныхъ случаяхъ служитъ явнымъ выраженіемъ возврата къ низшему типу развитія мозга, какъ то мы видимъ, напр., въ отношеніи ножки клина (см. выше), занимающей поверхностное положеніе на одномъ изъ экземпляровъ нашей коллекціи. Во всякомъ случаѣ разбираемый варіантъ Роландовой борозды едва ли имѣетъ какое-нибудь отношеніе къ расовымъ или этническимъ особенностямъ мозга, а скорѣе всего есть явленіе, вообще говоря, индивидуальное, связанное, какъ надо думать, съ болѣе высокою степенью функціональной дифференцировки мозга или данной мѣстности мозга. Въ новѣйшее время, но уже по окончаніи настоящей статьи, намъ удалось выяснить и сравнительно-анатомическую основу перерывовъ Роландовой борозды, что представляетъ собою вопросъ sui generis [1]).

Такимъ образомъ, въ числѣ трехъ мозговъ, принадлежащихъ лицамъ еврейскаго племени, мы могли отмѣтить рядъ особенностей, которыя вслѣд-

[1]) См. по этому поводу нашу статью подъ заглавіемъ: „Die Intercentralbrücke der Carnivoren und der Sulcus Rolando“ въ „Anatomischer Anzeiger“, 1902 г.

ствіе ихъ рѣдкости и своеобразности останавливаютъ на себѣ наше особое вниманіе. Нѣкоторыя изъ этихъ особенностей характеризуются, какъ явленія явнаго возврата къ животному типу развитія мозга. Другія напоминаютъ собою устройство, чаще всего наблюдаемое у низшихъ человѣческихъ расъ (расовые варіанты). Третьи, наконецъ, представляютъ собою явленія чисто индивидуальнаго характера, но наблюдаемыя необычайно рѣдко. Къ категоріи послѣднихъ, по всей вѣроятности, принадлежатъ и такого рода варіанты, какъ перерывъ шпорной борозды, развитіе на обоихъ полушаріяхъ цѣльной верхне-височной борозды (лѣвая почти всегда бываетъ прервана у человѣка), переходъ средней височной борозды въ постцентральную и проч. Все это такіе варіанты, которые не принадлежатъ къ обыкновенному рисунку мозговой поверхности и относительно которыхъ мы пока не знаемъ съ положительностью, насколько они являются чисто индивидуальными образованіями и насколько они могутъ служить для характеристики тѣхъ или иныхъ расъ человѣчества. Извѣстное отношеніе къ племеннымъ особенностямъ можно было бы приписывать и наблюдавшейся нами на одномъ изъ вышеописанныхъ нашихъ еврейскихъ мозговъ своеобразной *формѣ обонятельной борозды*, если бы та же особенность не была констатирована нами уже ранѣе у другихъ расъ, напр., у латышей [1]). Вообще, мы должны воздержаться пока отъ толкованія описанныхъ въ настоящей статьѣ варіантовъ въ смыслѣ особенностей, такъ или иначе *характерныхъ для еврейской расы*. Такое заключеніе было бы слишкомъ поспѣшно и представлялось бы понятнымъ лишь съ точки зрѣнія такихъ изслѣдователей, которые, во что бы то ни стало, стремятся открыть расовыя особенности всюду, гдѣ только къ тому представляется случай. Относясь критически къ наблюдаемымъ фактамъ мы должны убѣдиться, что одно доказательство тѣхъ или иныхъ особенностей формы скелета или другихъ органовъ тѣла само по себѣ имѣетъ небольшое значеніе. Фактъ наличности нѣкоторыхъ особенностей формы становится многозначительнымъ лишь тогда, когда послѣднія оказываются обладающими извѣстнымъ постоянствомъ,—однимъ словомъ, въ случаѣ ихъ *типичности* для той или другой группы или расы человѣчества. А пока степень постоянства или типичности извѣстнаго явленія еще не установлена достаточно опредѣленно, мы не имѣемъ основанія говорить объ отношеніи его къ организаціи цѣлой расы.

Евреи, несомнѣнно, принадлежатъ къ народамъ съ сравнительно *малымъ вѣсомъ* мозга. Н. В. Гильченко [2]) имѣлъ случай произвести 23 взвѣшиванія, на основаніи которыхъ средній вѣсъ мужского еврейскаго мозга опредѣляется имъ въ 1336 куб. с. Малорослость евреевъ не имѣетъ въ

---

[1]) *R. Weinberg*—Das Gehirn der Letten. Cassel, 1896.

[2]) *Н. В. Гильченко.* Вѣсъ головного мозга и нѣкоторыхъ его частей у различныхъ племенъ, населяющихъ Россію. „Труды Антропол. Отдѣла“, т. XIX.

данномъ случаѣ никакого значенія, ибо, по изслѣдованіямъ того же автора, оказывается, что, при одинаковомъ среднемъ ростѣ, славяне (русскіе) обладаютъ замѣтно большею массою мозговыхъ полушарій, чѣмъ евреи. Наши собственныя наблюденія и взвѣшиванія (см. выше), повидимому, не противорѣчатъ только-что высказанымъ положеніямъ, но возможно думать, что, при болѣе обширномъ числѣ наблюденій, цифра средняго вѣса еврейскаго мозга болѣе или менѣе приблизится къ той цифрѣ, которая опредѣляетъ собою средній вѣсъ мозга большинства другихъ цивилизованныхъ народовъ.

II.

Мозгъ литовца.

Въ настоящемъ очеркѣ мы позволимъ себѣ представить краткое описаніе *мозга литовца*, обнаруживающаго рядъ весьма своеобразныхъ уклоненій отъ обыкновеннаго устройства мозговыхъ извилинъ.

Такъ какъ морфологическое развитіе центральной нервной системы находится въ тѣсномъ соотношеніи со всѣми прочими особенностями даннаго организма, то считаемъ необходимымъ предпослать краткую характеристику антропологическаго типа литовцевъ, который, согласно имѣющимся даннымъ [1]), представляется въ слѣдующемъ видѣ: литовцы или жмудь причисляются къ славяно-литовской или кельто-славянской расѣ. Они, большею частью, свѣтлаго типа, съ русыми гладкими волосами и голубыми или карими глазами, высокаго роста, съ малымъ объемомъ груди, но крѣпкаго тѣлосложенія. Лицо у нихъ, по большей части, овальное, не скуластое, съ прямыми альвеолярными отростками и не выдающимися впередъ зубами. Что касается краніологическаго типа литовцевъ, то въ этомъ отношеніи трудно согласовать между собою мнѣнія различныхъ авторовъ. Намъ кажется, что литовцы, вѣроятнѣе всего, представители не одного, а нѣсколькихъ краніологическихъ типовъ, но преобладающими являются брахицефалическіе черепа. Показатели 5 череповъ, измѣренныхъ Wittich'омъ, колебались между 74—$89,_9$; первый показатель— долихоцефалическій — онъ считаетъ характернымъ для литовской расы. Олехновичъ отождествляетъ литовцевъ съ брахицефалическихъ средне-европейскимъ типомъ, въ то время какъ Талько-Грынцевичъ причисляетъ

---

[1]) *Д. Н. Анучинъ*— О географ. распростр. роста муж. населенія въ Россіи. Спб., 1889; *Brennsohn*—Zur Anthropologie der Litauer. Dorpat. 1883; *W. Olechnowicz* — Charakterystyka fizycszna Litwinów. „Zbior wiad. do antr. kraj.“ Krakow, 1895; *Снегиревъ*— О результатахъ освидѣтельствованія и измѣренія груди и роста лицъ, призванныхъ къ военной службѣ. „Воен.-мед. Журн.“, 1879 г.; *Талько-Грынцевичъ* — Къ антропологіи народностей Литвы и Бѣлоруссіи. „Тр. Антр. Общ. при Воен.-Медиц. Акад.,“ т. I, в. 1. Спб., 1894; *Янчукъ*—Къ вопросу объ антрополог. типѣ литовцевъ. „Днев. Антр. Отд.,“ 1900, в. V.

ихъ къ мезоцефаламъ. Измѣреніе литовцевъ дало Brennsohn'у 73% брахицефаловъ, 15% мезоцефаловъ и 12% долихоцефаловъ, а изслѣдованныя имъ женщины почти всѣ (97,5%) оказались брахицефалками, съ показателями отъ 80—84 и выше.

Субъектъ, которому принадлежалъ изслѣдованный нами мозгъ, коренной литовецъ, нѣкто Clemens Kipschas, умеръ на 44-мъ году своей жизни. Онъ былъ родомъ изъ Янишской вол., Шавельскаго у., Ковенской губ., католикъ по вѣроисповѣданію, средняго тѣлосложенія; нервными или психическими болѣзнями не страдалъ.

Въ свѣжемъ состояніи, сейчасъ же по вынутіи изъ полости черепа, вѣсъ мозга вмѣстѣ съ оболочками былъ опредѣленъ нами въ 4 ф. 72 зол. (=1534 гр.). По фиксаціи его въ водномъ насыщенномъ растворѣ хлористаго цинка, онъ былъ подвергнутъ уплотненію въ 50% винномъ спиртѣ, въ которомъ сохраняется и въ настоящее время, не обнаруживая почти никакихъ измѣненій своей первоначальной естественной формы. Приводимъ нѣкоторые изъ наиболѣе существенныхъ результатовъ измѣренія мозговыхъ полушарій:

Длина (наибольшая, лобно-затылочная)	справа	159 мм.
	слѣва	158 „
Ширина (максимальная, въ области височно-теменной)		132 „
Ширина между нижними концами Роландовыхъ бороздъ		124 „
Ширина въ области переднихъ Сильвіевыхъ вѣтвей		106 „
Высота (отъ задняго края Вароліева моста до высшей точки выпуклости теменной области)		93 „
Ширина полушарій мозжечка		94 „
Длина височно-затылочная (отъ верхушки височной до верхушки затылочной доли)	справа	123 „
	слѣва	122 „
Длина мозолистаго тѣла		71 „
Длина partis praecallosae полушарія		35 „
„ „ postcallossae „		58 „

Общая форма мозговыхъ полушарій, такимъ образомъ, скорѣе можетъ быть названа широкой, чѣмъ узкой или продолговатой. Выпуклость, соотвѣтствующая теменнымъ буграмъ черепа, выражена довольно сильно. Верхній сагиттальный контуръ полушарій представляетъ рѣзкую вогнутость соотвѣтственно границѣ между затылочною и теменною долями. Гирификація мозговой поверхности въ общемъ довольно грубая, съ развитіемъ широкихъ извилинъ и сравнительною бѣдностью третичныхъ бороздъ и вдавленій; тамъ и сямъ замѣчается расчлененіе поверхности на болѣе узкія извилины, преимущественно въ затылочной и нижне-теменной долькѣ. Грубѣйшая гирификація обнаруживается, какъ обыкновенно, въ височной области мозга.

Лѣвое полушаріе. Fissura Sylvii устроена вполнѣ типично: съ двумя передними вѣтвями (короткимъ Ram. ant. horizontalis и болѣе длиннымъ Ram. ant. verticalis) и вилообразнымъ дѣленіемъ задняго конца.

Не анастомозируетъ ни съ одною изъ сосѣднихъ главныхъ бороздъ. Sulcus Rolando (рис. 8) проходитъ почти прямолинейно, безъ какихъ бы то ни было рѣзкихъ изгибовъ, достигая внутренней поверхности мозга; противъ ея нижняго конца изъ Сильвіевой борозды выходитъ Sulcus subcentralis anterior (рис. 8, *sca*).

Lobus frontalis. Ясный пятиизвилистый типъ лобной доли. Извилина Брока дифференцирована крайне бѣдно, притомъ же она весьма низка, но кверху хорошо отграничена вслѣдствіе наличности прекрасно выраженной нижне-лобной борозды. Средняя лобная извилина, широкая и по обыкновенію двухъэтажная, получаетъ широкій корень изъ основной части извилины Брока. Sulcus frontalis medius тянется по всей длинѣ лобной доли, съ небольшимъ мостикомъ посрединѣ; онъ отдаетъ видную наружную вѣтвь, достигающую нижне-лобной; впереди соединяется съ цѣльной и типичною лобно-краевою бороздой, которая, въ свою очередь, переходитъ въ нижне-лобную въ видѣ Sulcus radiatus. Предцентральная борозда состоитъ изъ двухъ частей: верхней (sulcus praecentralis superior), отдающей отъ себя и въ этомъ случаѣ верхне-лобную борозду и переходящей своимъ нижнимъ концомъ въ Sulcus Rolando, и нижней, совершенно типичнаго Sulcus praecentralis inferior. Поражаетъ своею шириною и грубостью очертаній особенно передняя центральная извилина (*Ca*); на нижней ея половинѣ даже проходитъ довольно видная сверхкомплектная бороздка (рис. 8, c^1), такъ что извилина на этомъ мѣстѣ представляется расщепленною въ направленіи ея длины. Въ устройствѣ внутренней поверхности лобной доли не замѣчается никакихъ существенныхъ особенностей; единственное, что заслуживаетъ вниманія, это — развитіе глубокаго анастомоза между Lobulus paracentralis и Praecuneus; анастомозъ этотъ при внимательномъ изслѣдованіи видимъ уже снаружи, не открывая дна Sulci callosomarginalis. Картина извилинъ надглазничной поверхности лобной доли довольно сложна, благодаря, главнымъ образомъ, промежуточной продольной бороздѣ на поверхности средней надглазничной извилины.

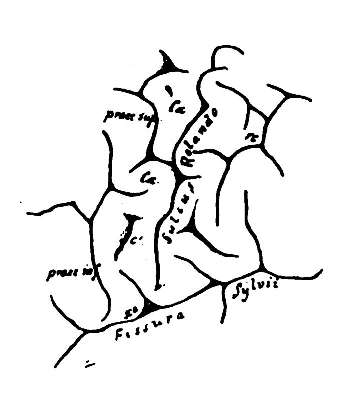


Рис. 8. Лѣвое полушаріе литовца. Расщепленіе нижняго отдѣла передней центральной извилины на двѣ узкія извилины вторичнаго характера, *praec. inf.* — нижняя центральная, *praec. sup.* — верхняя центральная борозда; *Ca* — Gyrus centralis anterior; *sca*—Sulcus subcentralis; *rc*—Sulcus postcentralis.

Lobus parietalis. Здѣсь наблюдается нѣсколько болѣе или менѣе замѣчательныхъ и рѣзко выраженныхъ варіантовъ или уклоненій отъ обычнаго типа. Такъ, напр., Sulcus postcentralis superior (*rcp,rca*) сливается

(рис. 9) съ концомъ S. callosomarginalis (*cm*), что встрѣчается, повидимому, крайне рѣдко; изслѣдуя глубину этихъ бороздъ, можно, однако, убѣдиться, что анастомозъ между ними только поверхностный. Интерпаріетальная борозда (рис. 9, sulcus interparietalis) прервана на двухъ мѣстахъ, у передняго конца и посрединѣ ея длины, такъ что получается два мостика: Gyrus interparietalis anterior и Gyrus interparietalis posterior. Верхне-теменная долька (Lobulus parietalis superior) можетъ быть разсматриваема состоящею изъ трехъ поперечныхъ извилинъ (Gyri parietales superiores), изъ которыхъ средняя отличается значительною шириною. Нижне-теменная долька (Lobulus parietalis inferior), хотя въ отношеніи своихъ бороздъ и извилинъ и значительно уклоняется отъ книжныхъ схемъ, тѣмъ не менѣе устроена довольно типично и, представляясь всюду ясно отграниченной, отдаетъ отъ себя, помимо упомянутыхъ выше интерпаріетальныхъ извилинъ, всего лишь три мостика: къ задней центральной извилинѣ, къ верхне-височной извилинѣ и къ затылочной долѣ. Позади такъ называемой восходящей вѣтви верхне-височной борозды теменная долька оказывается расчлененною не въ поперечномъ, а въ продольномъ направленіи, такъ что въ ней можно насчитать не менѣе трехъ сагиттальныхъ извилинъ, между которыми проходятъ борозды, являющіяся (какъ увидимъ ниже, см. Lobus temporalis) составными частями видоизмѣненной бороздь Wernicke — Sulcus occipitalis transversus. Задняя центральная извилина не представляетъ никакихъ замѣтныхъ особенностей ни въ отношеніи своей формы, ни по своимъ анастомозамъ и прочему устройству. Средняя треть ея замѣтно шире остальныхъ частей извилины. Квадратная доля (Praecuneus), помимо вышеупомянутаго ненормальнаго анастомоза, не подаетъ повода къ особымъ замѣчаніямъ. Состоитъ она изъ трехъ параллельныхъ другъ другу, вертикальныхъ извилинъ второй категоріи.

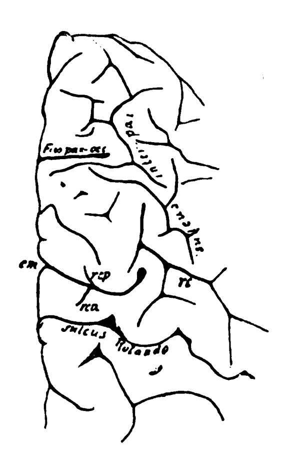


Рис. 9. Задній отдѣлъ лѣваго полушарія мозга литовца. Сліяніе Sulci callosomarginalis съ постцентральною бороздою. *rc*—Sulcus postcentralis; *rca*—его передняя вѣтвь; *rcp*—его задняя вѣтвь; *cm* — Sulcus callosomarginalis.

Lobus occipitalis. Задній поперечный участокъ интерпаріетальной борозды располагается въ видѣ Sulcus occipitalis anterior по номенклатурѣ Eberstaller'a. Sulcus occipitalis lateralis также существуетъ въ этомъ случаѣ, но сливается своимъ переднимъ концомъ съ бороздою Wernicke. Благодаря развитію нѣсколькихъ вторичныхъ бороздъ на поверхности затылочной доли, въ ней удается различить три затылочныя извилины, ясно конвергирующія въ направленіи къ затылочной верхушкѣ мозга.

Клиновидная извилина (Cuneus) устроена совершенно правильно, будучи составлена изъ трехъ узкихъ сагиттальныхъ извилинъ съ характеромъ вторичной гирификаціи. Fissura calcarina непрерывна, съ T—образнымъ заднимъ концомъ. Fissura parieto-occipitalis повторяетъ собою рисунокъ книжныхъ схемъ. Gyrus cunei существуетъ на-лицо.

Lobus temporalis. На наружной поверхности этой доли заслуживаетъ вниманія непрерывность хода верхне-височной борозды, которая на этой сторонѣ обыкновенно бываетъ раздѣлена на участки. Sulcus temporalis medius имѣетъ свои обычныя очертанія, точно также и Sulcus temporalis inferior, появляющійся на наружной поверхности въ видѣ предзатылочной вырѣзки, которая въ данномъ случаѣ можетъ быть разсматриваема, какъ часть борозды Wernicke. Нижняя поверхность затылочной доли (Fissura temporo-occipitalis, Gyrus lingualis, Gyrus fusiformis, Fissura rhinica, Sulcus subcalcarinus и т. д.) нигдѣ не представляетъ такихъ видоизмѣненій формы бороздъ и извилинъ, которыя не наблюдались бы болѣе или менѣе часто и въ другихъ случаяхъ, почему и не вдаемся въ подробное ихъ описаніе. Упомянемъ лишь по отношенію къ Lobulus lingualis, что проходящій на ея поверхности Sulcus subcalcarinus (=S. sagittalis lobuli lingualis G. Retzius), благодаря своему особенно рѣзкому развитію, производитъ впечатлѣніе какъ бы удвоенной шпорной борозды, что, впрочемъ, наблюдалось нами нѣсколько разъ и на другихъ мозгахъ.

Rhinencephalon. Границы этой доли выражены довольно ясно. Isthmus gyri fornicati не видимъ снаружи. Fissura rhinica самостоятельна. Gyrus hippocampi гладокъ, безъ третичныхъ на немъ бороздокъ. Sulcus olfactorius не развѣтвленъ у своего задняго конца.

Правое полушаріе. Извилины и борозды правой стороны настоящаго мозга представляются значительно видоизмѣненными по сравненію съ тѣми же образованіями на лѣвомъ полушаріи. Такъ, напр., переднія вѣтви Сильвіевой борозды имѣютъ на этомъ полушаріи почти совсѣмъ рудиментарное развитіе. Sulcus diagonalis, отсутствующій слѣва, здѣсь хорошо выраженъ, точно также и Sulcus subcentralis anterior (рис. 10, *sca*). Задняя центральная борозда (Sulc. postcentralis—*rc*) здѣсь проходитъ непрерывно, въ отличіе отъ той же борозды лѣваго полушарія. Интерпаріетальная борозда устроена по тому же типу, какъ слѣва; то же самое слѣдуетъ сказать относительно верхней и нижней теменныхъ долекъ, изъ которыхъ первая обнаруживаетъ тѣ же признаки слабаго развитія, какіе свойственны ей вообще у людей мало интеллигентныхъ. За-то средняя височная борозда здѣсь имѣетъ видъ цѣльной борозды, хотя въ ней нетрудно узнать тѣ же косые элементы, которые замѣняютъ эту борозду на лѣвомъ полушаріи настоящаго мозга. Третья и четвертая височныя борозды имѣютъ такія же очертанія, какъ и на лѣвомъ полушаріи; какъ тамъ, такъ и здѣсь Fissura

rhinica является самостоятельною бороздою. Sulcus subcalcarinus, цѣльный на правой сторонѣ, здѣсь почти не выраженъ; точно также недоразвита медіальная продольная вѣтвь надглазничной борозды. Sulcus callosomarginalis, имѣющій слѣва видъ отдѣльныхъ участковъ, справа непрерывенъ, хотя и здѣсь его передній отдѣлъ ясно удвоенъ. Квадратная доля не столь правильно гирифицирована, какъ на другомъ полушаріи.

Наиболѣе замѣчательная особенность этого полушарія касается устройства лобной доли и, въ частности, центральныхъ и нижнихъ областей этой доли (Gyrus centralis anterior, Gyrus praecentralis, Gyrus frontalis inferior). Присматриваясь нѣсколько ближе къ конфигураціи правой лобной доли настоящаго мозга (рис. 10), не трудно убѣдиться, что въ то время, какъ на лѣвомъ полушаріи эта доля распадается, по обыкновенію, на пять продольныхъ и двѣ поперечныхъ извилины, здѣсь, на правой сторонѣ, попытка обнаруженія обычныхъ отношеній лобныхъ бороздъ и извилинъ встрѣчаетъ значительныя затрудненія. Sulcus Rolando (*R*) ничѣмъ не уклоняется отъ нормы; на немъ даже выступаютъ обычно наблюдаемые два изгиба (верхній и нижній). Sulcus praecentralis также проходитъ на нормальномъ мѣстѣ въ видѣ цѣльной, непрерывной борозды ($pc=pcs+pci$). Но впереди ея — и въ этомъ состоитъ одна изъ особенностей настоящаго мозга,—соотвѣтственно ея нижнимъ двумъ третямъ, тянется еще *такая же поперечная борозда,* имѣющая всѣ характерные признаки нижней прецентральной борозды и такимъ образомъ представляющая собою какъ бы удвоеніе нормальной, позади ея лежащей борозды *pc*. Это—Sulcus praecentralis secundus (рис. 10, *pca*). Относительно его значенія, какъ прецентральной борозды, не можетъ быть никакого сомнѣнія, такъ какъ отъ него отходитъ впередъ не только начальный участокъ нижней лобной (f^2s), но и средняя лобная борозда (f^3p), въ то время какъ Sulcus frontalis superior отвѣтвляется отъ нормально расположенной, въ данномъ случаѣ задней прецентральной борозды (*pc*). Отношеніе обѣихъ бороздъ (*pc* и *pca*) къ сагиттальнымъ бороздамъ лобной доли, въ связи съ ихъ типичными очертаніями, а также съ расположеніемъ передней изъ нихъ (*pca*) соотвѣтственно двумъ наружнымъ третямъ ширины лобной доли, и служитъ доказательствомъ того, что онѣ, дѣйствительно, должны быть названы *прецентральными* и что въ настоящемъ случаѣ мы имѣемъ передъ собою *первый,* въ высшей степени *рѣдкій,* до настоящаго времени никѣмъ не описанный *примѣръ удвоенія прецентральной борозды и передней центральной извилины человѣческаго мозга.*

Обращаясь къ сагиттальнымъ извилинамъ и бороздамъ лобной доли, мы видимъ, что верхняя (рис. 10, Sulc. frontalis superior) и средняя (f^3ca, f^3p) борозды выражены вполнѣ отчетливо и ничѣмъ особеннымъ не отличаются. За-то устройство *нижней лобной извилины* весьма замѣчательно. Отъ передней прецентральной борозды (*pca*) отходитъ на обычномъ

для него мѣстѣ Sulcus frontalis inferior (f^2s), который, по обыкновенію, впереди оканчивается поперечною бороздою въ видѣ Sulcus radiatus—отношеніе, весьма характерное и важное для діагноза нижне-лобной борозды. На сантиметръ ниже его—и это вторая въ высшей степени замѣчательная особенность настоящаго мозга—*оказывается еще сагиттальная борозда, нѣсколько короче первой, но также характерная по своему положенію и прочимъ особенностямъ,* хотя и не имѣющая (какъ то наблюдается часто) никакой связи съ прецентральными бороздами: это—опять-таки несомнѣнный Sulcus frontalis inferior (f^2i), который, такимъ образомъ, *представляется явственно удвоеннымъ.* Участокъ мозговой поверхности, лежащій па рис. 10 внизу отъ f^2s и соотвѣтствующій, какъ не трудно убѣдиться, III-й или нижней лобной извилинѣ, обнаруживаетъ въ данномъ случаѣ *распаденіе на два этажа,* или, что то же, мы вмѣсто одной имѣемъ *двѣ нижнія лобныя извилины* (*Fim*, *Fil*).

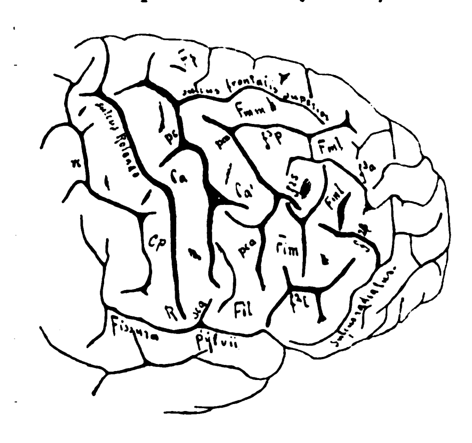


Рис. 10. Передняя половина праваго полушарія мозга литовца. *R*—Sulcus Rolando; *Ca*, *Cp*— передняя и задняя центральныя извилины; *pc*—нормальная, *pca* - сверхкомплектная предцентральная борозда; *Ca*¹—сверхкомплектный Gyrus praecentralis s. centralis anterior; *Fs*—Gyrus frontalis superior; *Fmm*, *Fml*—внутренній и наружный этажъ средне-лобной извилины; f^3p, f^3a—задній и передній участокъ средней лобной борозды; f^2s—верхній, f^2i—нижній Sulcus frontalis inferior; *Fil*—нижній, *Fim*—верхній этажъ нижне-лобной извилины; *sca* — Sulcus subcentralis anterior.

Здѣсь же необходимо замѣтить, что всѣ прочія извилины лобной доли, по ихъ устройству, ничѣмъ особеннымъ не отличаются, и это относится не только къ Gyrus frontalis superior и Gyrus frontomarginalis, но и къ Gyrus frontalis medius. Послѣдній, какъ всегда, ясно подраздѣленный на два этажа (*Fmm* и *Fml*), анастомозируетъ на обычномъ мѣстѣ съ извилиною Брока, и только въ ширину онъ, видимо, нѣсколько сокращенъ по сравненію съ нормою, что и понятно, такъ какъ только насчетъ его и могло развиться описанное выше удвоеніе и расширеніе нижне-лобной извилины. Gyrus frontalis superior также узокъ, но тѣмъ не менѣе на поверхности его задняго отдѣла замѣтны еще слѣды столь характернаго для этой извилины распаденія на два продольныхъ тяжа.

Lobus opertus s. Insula Reilii. Передній участокъ островка (insula anterior) содержитъ нормальное число короткихъ извилинъ. Sulcus insulae centralis не достигаетъ края островка. Gyrus longus s. insula posterior развита довольно слабо. Во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ никакихъ существенныхъ уклоненій отъ нормы не замѣчается.

Итакъ, подробный анализъ всѣхъ важнѣйшихъ частностей анатомической формы вышеописаннаго мозга показываетъ, что, хотя устройство его извилинъ является лишь повтореніемъ обычно наблюдаемыхъ типовъ, но во многихъ мѣстахъ обнаруживаются и болѣе или менѣе рѣзкія видоизмѣненія или уклоненія отъ этихъ типовъ. Мозгъ, о которомъ идетъ рѣчь, принадлежалъ довольно высокорослому, мускулистому субъекту изъ рабочаго класса. Нѣкоторая макрогирія его, т.-е. присутствіе на немъ многихъ чрезмѣрно грубыхъ и широкихъ извилинъ, объясняется отчасти величиною самого объекта, такъ какъ чѣмъ больше мозгъ, тѣмъ шире и грубѣе кажутся его извилины и отдѣльные участки, отчасти же, можетъ быть, и уровнемъ интеллектуальнаго развитія особи, обладавшей этимъ мозгомъ, такъ какъ можно думать, что субъекты съ мало дифференцированною мозговою поверхностью оказываются одаренными всегда лишь умѣренною или даже менѣе, чѣмъ умѣренною умственною производительностью по сравненію съ людьми, обладающими богато расчлененною мозговою поверхностью, со многими узкими извилинами и съ изобиліемъ вторичныхъ и третичныхъ бороздъ. Остановимся вкратцѣ на вышеуказанныхъ явленіяхъ, замѣченныхъ нами на литовскомъ мозгѣ, и попытаемся дать имъ морфологическую оцѣнку.

1. *Центральная извилина* лѣваго полушарія мозга литовца не только представляетъ болѣе, чѣмъ средніе размѣры, но въ своемъ нижнемъ отдѣлѣ она даже ясно удвоена на нѣкоторомъ протяженіи, благодаря наличности тамъ особой добавочной бороздки (рис. 8, c^1). Какъ объяснить такое чрезмѣрное развитіе Gyri centralis и какое значеніе можетъ имѣть столь рѣдко наблюдаемое распаденіе его на двѣ вторичныя извилины? Прежде всего необходимо отмѣтить, что появленіе добавочныхъ поперечныхъ бороздъ различной глубины, но всегда лишь весьма незначительной длины, намъ приходилось наблюдать уже нѣсколько разъ, главнымъ образомъ у особей рабочаго класса, и бороздки эти всегда располагаются въ нижней трети извилины, въ то время какъ на ея верхнихъ участкахъ, если и встрѣчаются признаки вторичной гирификаціи, то всегда лишь въ видѣ мелкихъ углубленій или ямокъ, не принимающихъ опредѣленной формы борозды. Далѣе, имѣетъ значеніе тотъ фактъ, что уже при обыкновенныхъ условіяхъ нижній отдѣлъ передней центральной извилины всегда бываетъ значительно шире верхнихъ ея участковъ. Наконецъ, нельзя не упомянуть о наблюденіяхъ д-ра O. Eberstaller'а относительно несоразмѣрнаго развитія въ ширину задней и передней центральной извилины (случаевъ удвоенія ея, подобныхъ нашему, ни онъ, ни другіе авторы не наблюдали) не въ нижнемъ, а въ верхнемъ ея отдѣлѣ съ одновременнымъ расширеніемъ основанія двухъ верхнихъ лобныхъ извилинъ. Вотъ что онъ говоритъ по этому поводу: „Въ высшей степени рѣзкое увеличеніе, особенно съ лѣвой стороны, размѣровъ обѣихъ центральныхъ извилинъ и корневой части обѣихъ верхнихъ

лобныхъ извилинъ, ширина которыхъ достигала $1^1/_2$—2 сант., я съ удивленіемъ замѣтилъ на мозгу одного кузнеца. Съ тѣхъ поръ, когда мнѣ попадаются мозги кузнецовъ, я всегда имѣю въ виду спеціально эту область мозга и въ трехъ случаяхъ изъ пяти изслѣдованныхъ мозговъ я могъ констатировать вышеупомянутое явленіе. Такъ какъ впослѣдствіи оказалось, что та же самая особенность бываетъ присуща не только кузнецамъ, но вообще мужскимъ субъектамъ низшихъ сословій и особенно чернорабочимъ, то легко возникло предположеніе, что въ данномъ случаѣ существуетъ совпаденіе грубой архитектуры поверхности мозга съ крайне грубою же двигательною дѣятельностью, имѣвшею мѣсто съ ранней молодости. Эту мысль я высказываю лишь съ оговоркою, тѣмъ болѣе, что въ указанныхъ случаяхъ не производилось микроскопическаго изслѣдованія и что мы слишкомъ еще мало знаемъ о соотношеніяхъ между двигательными способностями нашего организма и пространственнымъ развитіемъ опредѣленныхъ областей мозговой коры". Весьма возможно, что и упомянутые нами случаи распаденія центральной извилины на двѣ извилины вторичной категоріи (рис. 8) поддаются именно такому объясненію, хотя противъ послѣдняго, на первый взглядъ, говоритъ то обстоятельство, что иннервація грубой мышечной силы сосредоточивается въ мозгу, главнымъ образомъ, соотвѣтственно *верхнимъ* участкамъ центральныхъ извилинъ, въ то время какъ нижніе ихъ отдѣлы имѣютъ значеніе въ иннерваціи лицевого и подъязычнаго нервовъ. Но и съ чисто морфологической точки зрѣнія описываемое явленіе настолько замѣчательно, что заслуживаетъ нашего полнаго вниманія, въ особенности, если оно наблюдается въ такой важной области мозга, какую представляютъ изъ себя наши центральныя извилины.

2. На томъ же лѣвомъ полушаріи, о которомъ мы сейчасъ говорили, встрѣчается еще другая, довольно своеобразная особенность, какой ни мы сами, ни, повидимому, и другіе авторы никогда не наблюдали. Это—*сліяніе верхняго конца Sulci callosomarginalis съ постцентральною бороздою.* Хотя анастомозъ и не совсѣмъ полный въ томъ смыслѣ, что, при открытіи бороздъ, въ глубинѣ ихъ удается разграничить названныя двѣ борозды, но тѣмъ не менѣе и фактъ даже поверхностнаго сліянія двухъ столь важныхъ бороздъ, по своей рѣдкости, привлекаетъ къ себѣ вниманіе анатома. Для объясненія самаго явленія и его происхожденія мы можемъ привести слѣдующее. Уже прежними авторами (Benedikt) было обращено вниманіе на своеобразное топографическое отношеніе верхняго конца S. callosomarginalis къ Роландовой бороздѣ: обѣ борозды какъ бы обнимаютъ другъ друга на краю полушарія. Отношеніе это, дѣйствительно, настолько характерно, что можетъ служить діагностическимъ признакомъ въ случаяхъ, когда возникаютъ затрудненія или сомнѣнія въ опредѣленіи той или другой борозды. Въ одной изъ нашихъ прежнихъ работъ (Das Gehirn der

Letten. Cassel, 1896) мы впервые упомянули о не менѣе своеобразномъ соотношеніи, которое существуетъ между тѣмъ же S. callosomarginalis и верхнимъ концомъ *постцентральной борозды*. Нами было тогда же установлено, что типичное устройство постцентральной борозды состоитъ, помимо всего остальнаго, въ вилообразномъ расщепленіи ея верхняго конца на двѣ короткія вѣтви. Какъ разъ на уровнѣ или напротивъ верхняго вилообразнаго конца постцентральной борозды Sulcus callosomarginalis загибается черезъ край полушарія на его наружную поверхность, и очень часто конецъ Sulci callosomarginalis заходитъ при этомъ дальше на выпуклую поверхность мозга, помѣщаясь *между упомянутыми двумя вѣтвями постцентральной борозды*,—отношеніе, по нашимъ наблюденіямъ, весьма постоянное и имѣющее въ извѣстныхъ случаяхъ большое значеніе для діагноза бороздъ.

Въ настояшемъ случаѣ мы имѣемъ именно такое устройство, на которое только-что было указано. Sulcus postcentralis подвергнутъ вилообразному расщепленію верхняго конца на переднюю вѣтвь (рис. 9, *rca*) и заднюю (*rcp*). Между ними располагается конецъ S. callosomarginalis (*cm*) такъ, какъ это наблюдается и во многихъ другихъ случаяхъ, съ тою лишь разницею, что мостикъ, нормально расположенный между концами обѣихъ бороздъ, въ этомъ исключительномъ случаѣ, чрезмѣрно сузившись, скрылся съ поверхности мозга, такъ что обѣ борозды кажутся составляющими одну общую. Такимъ образомъ все дѣло сводится какъ бы къ утрировкѣ такихъ анатомическихъ отношеній, которыя свойственны мозгу въ нормальныхъ, обыденныхъ условіяхъ. Это не болѣе, какъ крайняя степень развитія того, что мы видимъ на каждомъ мозгу. Рѣдкость самаго варіанта понятна сама собою: крайнія степени органическихъ процессовъ достигаются вообще сравнительно рѣдко, а потому и наблюдаются всегда лишь въ ограниченномъ числѣ случаевъ.

3. Удвоеніе передней центральной извилины съ появленіемъ сверхкомплектнаго Sulcus praecentralis составляетъ одну изъ наиболѣе замѣчательныхъ особенностей праваго полушарія настоящаго мозга (рис. 10). Просматривая трактаты и доступныя намъ монографическія описанія мозговыхъ извилинъ, мы нигдѣ не могли встрѣтить какого-либо указанія на подобное наблюденіе. Авторы подробно перечисляютъ всевозможные варіанты области центральныхъ извилинъ, но случаевъ удвоенія нижней прецентральной борозды никто, повидимому, до сихъ поръ не отмѣчалъ. Вообще говоря, случаи удвоенія центральныхъ извилинъ (рис 10, *Ca*, *Ca'*) встрѣчаются у человѣка въ извѣстныхъ условіяхъ, но они касаются не передней, а всегда *задней* центральной извилины, будучи обусловлены появленіемъ позади Sulcus postcentralis сверхкомплектной поперечной борозды, имѣющей извѣстное сходство съ постцентральной. Въ нашихъ коллекціяхъ сохраняется мозгъ, на которомъ можно насчитать *три* ясно выра-

женныхъ, хорошо разграниченныхъ «центральныхъ» извилинъ: одну—впереди отъ Роландовой борозды и двѣ — позади ея. Sulcus praecentralis въ этомъ и во всѣхъ подобныхъ ему случаяхъ не видоизмѣненъ. Замѣтимъ кстати, что одно время говорили даже о возможности развитія *двухъ Роландовыхъ бороздъ* [1]), и въ новѣйшее время возвращаются къ подобному же взгляду [2]), несмотря на то, что еще въ 1883 г. Д. Н. Зерновъ [3]) доказалъ ошибочность заявленій, сдѣланныхъ Giacomini по поводу его duplicità delle scissura di Rolando (въ прошломъ году появилась статья Е. А. Spitzka [4]), въ которой онъ на мозгу самого Giacomini старается доказать то, что за двадцать лѣтъ до него доказано Д. Н. Зерновымъ, работы котораго, повидимому, остались неизвѣстными автору).

Итакъ, описываемый здѣсь мозгъ представляетъ изъ себя истинный unicum въ виду *развитія на немъ двухъ прецентральныхъ бороздъ и двухъ центральныхъ извилинъ впереди отъ Роландовой борозды*. Ограничиваясь пока однимъ только простымъ констатированіемъ факта и оставляя подробное разсмотрѣніе его до другого раза, замѣтимъ лишь, что и на другомъ, лѣвомъ, полушаріи этого же мозга (рис. 8) центральная область мозговой поверхности, какъ мы видѣли, обнаруживаетъ осложненія, далеко переступающія за границы нормальныхъ предѣловъ варіированія формы мозговыхъ извилинъ, и хотя «аномалія» лѣваго полушарія имѣетъ совершенно иной характеръ, тѣмъ не менѣе не лишено вѣроятности предположеніе, что между тѣмъ и другимъ явленіемъ существуетъ опредѣленная внутренняя связь, тѣмъ болѣе, что на томъ и другомъ полушаріи мы имѣемъ въ данномъ случаѣ дѣло съ тождественными и близкими другъ другу въ функціональномъ отношеніи областями мозговой коры.

4. Случаи удвоенія нижней лобной борозды и извилины, какое наблюдается на правой сторонѣ разсматриваемаго мозга (рис. 10, f^2_5, f^2i) до настоящаго времени также, насколько намъ извѣстно, остались незамѣченными. Какъ видно изъ рис. 10-го, въ данномъ случаѣ нижняя лобная извилина представляетъ ясное подраздѣленіе на два этажа—верхній и нижній, причемъ *между* ними проходитъ нормально расположенная, хотя и нѣсколько видоизмѣненная нижне-лобная борозда f^2i, а границу верхняго этажа составляетъ другая, отходящая отъ прецентральной въ направленіи впередъ, глубокая борозда со всѣми характерными признаками опять-таки нижней лобной борозды—*сверхкомплектный Sulcus frontalis inferior* (f^2s). Все это имѣетъ

---

[1]) *Giacomini* — Guida allo studio delle circonvoluzioni cerebrali dell' uomo. Seconda edizione. Torino, 1884.

[2]) *G. Sperino*—Descrizione morfologica dell' encefalo del Prof. C. Giacomini. „Intern. Mon.-Schr. f. Anatomie und Physiologie", XVIII, вып. 7—9. Leipz., 1901, стр. 313—386.

[3]) *Д. Зерновъ* — Къ вопросу о предѣлахъ индивидуальныхъ и племенныхъ видоизмѣненій типическихъ бороздъ и извилинъ мозга. Москва, 1883 г., стр. 10—11.

[4]) *E. A. Spitzka* —Is the central fissure duplicated in the brain of C. Giacomini, Anatomist? „The Philadelph. Med. Journal", 1901, August 24, with 3 fig.

мѣсто при нормальномъ или близкомъ къ нормѣ, мало видоизмѣненномъ устройствѣ остальныхъ составныхъ частей лобной доли, за исключеніемъ описанной «аномаліи» нижне-прецентральной борозды, представляющейся удвоенною на этомъ же полушаріи (рис. 10, *pc*, *pca*).

Мы сочли нужнымъ еще разъ вкратцѣ резюмировать то, что уже разъ было сказано по этому поводу, чтобы этимъ лучше оттѣнить всю морфологическую важность разсматриваемаго устройства извилинъ и чтобы разсѣять сомнѣнія, которыя могли бы возникнуть относительно опредѣленія бороздъ въ настоящемъ сильно видоизмѣненномъ ихъ состояніи. Кромѣ того, здѣсь нелишне замѣтить слѣдующее. Въ виду спеціальной, столь характерной для человѣка, функціи нижней лобной извилины обращали особое вниманіе на устройство ея у особей съ различными степенями развитія интеллектуальныхъ способностей (идіоты, микроцефалы, нормальные субъекты съ умѣренными умственными дарованіями, выдающіеся ученые, ораторы и т. д). Много толковъ возникло въ научномъ мірѣ, между прочимъ, послѣ заявленія Chudzinski'аго и Mathias Duval'я[1]) о томъ, что на изслѣдованномъ ими мозгѣ Гамбетты задній участокъ нижней лобной извилины, соотвѣтствующій центру рѣчи, представляется удвоеннымъ на лѣвой сторонѣ. Не входя въ критическій анализъ этого воззрѣнія, отмѣтимъ лишь, что наблюденіе, сдѣланное на мозгѣ Гамбетты, не имѣетъ ничего общаго съ аномаліею, которая оказалась на мозгѣ нашего простого чернорабочаго: въ первомъ случаѣ дѣло идетъ объ удвоеніи опредѣленныхъ участковъ мозга въ *сагиттальномъ направленіи*, въ послѣднемъ же объ обогащеніи обычнаго комплекта извилинъ мозга въ *поперечномъ направленіи*. На мозгѣ Гамбетты нижняя лобная борозда на обоихъ полушаріяхъ развита, судя по рисунку, совершенно нормально и даже довольно просто, и Gyrus frontalis inferior не обнаруживалъ распаденія въ продольномъ направленіи, какъ онъ того не обнаруживаетъ и на мозгахъ знаменитаго адвоката Wülfert'а, философа Huber'а и патолого-анатома Buhl'я[2]); тогда какъ въ нашемъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ появленіемъ *двухъ нижнелобныхъ бороздъ и извилинъ* вмѣсто одной нормальной, и центръ рѣчи, лежащій въ такъ наз. pars opercularis нижне-лобной извилины, помимо своей необычайной высоты, не представляетъ никакихъ признаковъ чрезмѣрнаго развитія.

---

[1]) Description morphologique du cerveau de Gambetta, par *Chudzinski* et *M. Duval*. „Bull. de la Soc. d'Anthr. de Paris", III sér., t. IX, p. 129—152, fig. 2.

[2]) *Rüdinger*—Ein Beitrag zur Anatomie des Sprachcentrums. „Jubiläumsschrift für Geheimrath v. Bischoff". Stuttgart. 1882; ср. также *E. Zuckerkandl* — Beiträge zur Anatomie des menschl. Körpers V. Ueber Defekte an der Sprachwindung nebst einigen Bemerkungen zur normalen Anatomie dieses Windungszuges. „Wiener Med. Jahrbücher", 1883.

Резюмируя еще разъ главнѣйшіе выводы, къ которымъ можно прійти на основаніи морфологическаго изслѣдованія мозга литовца, мы отмѣчаемъ слѣдующія главнѣйшія особенности устройства его бороздъ и извилинъ:

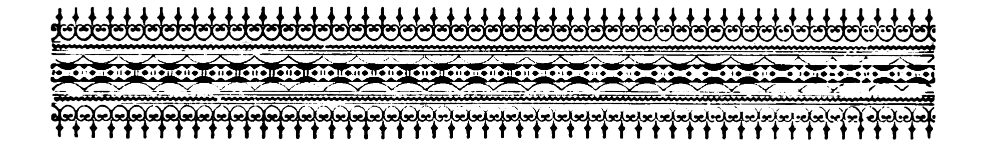
1. Распаденіе лѣвой передне-центральной извилины въ ея нижнемъ отдѣлѣ на двѣ узкія извилины вторичной категоріи (рис. 8).

2. Появленіе на лѣвомъ-же полушаріи этого мозга анастомоза между верхними концами каллозо-маргинальной и постцентральной бороздъ (рис. 9).

3. Развитіе, впереди нормальной и цѣльной прецентральной борозды правой стороны, сверхкомплектной борозды со всѣми признаками sulci praecentralis inferioris (рис. 10).

4. Удвоеніе нижней лобной борозды на правомъ полушаріи.

Р. Вейнбергъ.



Якуты.

(По матеріаламъ Н. Л. Геккера).

Этнографическая экспедиція, организованная Восточно-Сибирскимъ Отдѣломъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества на средства И. М. Сибирякова, намѣчая программу своихъ работъ въ Якутской обл., не могла обойти задачи антропометрическаго изслѣдованія туземнаго населенія, среди котораго якуты составляютъ подавляющее большинство. Объ ихъ физическомъ типѣ въ литературѣ имѣлись лишь бѣглыя указанія описательнаго характера. Болѣе подробно останавливается на особенностяхъ этого типа В. Л. Сѣрошевскій, книга котораго объ якутахъ [1]) вышла лишь въ 1896 г., т.-е. черезъ два года послѣ начала экспедиціонныхъ работъ. Въ главѣ, посвященной физическому типу якутовъ, г. Сѣрошевскій приводитъ нѣсколько весьма мѣткихъ характеристикъ и цѣнныхъ наблюденій, но точныхъ цифровыхъ данныхъ у него не имѣется, такъ какъ измѣреній не производилъ и этотъ авторъ, какъ и всѣ, говорившіе объ якутахъ раньше его, за исключеніемъ одного Миддендорфа. Къ сожалѣнію, цифровой матеріалъ Миддендорфа погибъ при несчастіи съ его лодкой на Таймырѣ, и сибиряковской экспедиціи приходилось ставить цѣлью своихъ антропометрическихъ работъ не провѣрку и пополненіе уже имѣющихся свѣдѣній, а установленіе основныхъ признаковъ типа.

Эта задача сильно осложнялась повсемѣстнымъ и почти трехвѣковымъ смѣшеніемъ якутовъ съ русскими и еще болѣе долговременнымъ смѣшеніемъ ихъ съ тунгусами. Опредѣлить не голословно, а опираясь на строго провѣренные факты, какія черты въ типѣ живущаго поколѣнія якутовъ заимствованы ими отъ русскихъ и отъ тунгусовъ, можно было только при одновременномъ и одинаковомъ по своимъ пріемамъ изслѣдованіи всѣхъ трехъ народностей, причемъ для полнаго успѣха работъ не-

[1]) *В. Л. Сѣрошевскій.* Якуты. Спб., 1896 г.

обходимо было бы самымъ точнымъ образомъ отмѣчать и родъ и степень метисаціи каждаго отдѣльнаго субъекта. Такая тщательность оказалась, однако, невозможной въ силу мѣстныхъ нравовъ: не говоря о томъ, что никто изъ якутовъ не можетъ знать своей генеалогіи за періодъ, обнимающій три столѣтія, даже и ближайшіе предки того или иного якута во многихъ случаяхъ оказываются довольно сомнительными въ виду широкаго распространенія внѣбрачныхъ связей и мимолетныхъ сношеній якутокъ съ русскими. Нерѣдки случаи и выхода замужъ русскихъ дѣвушекъ изъ бѣдной среды за якутовъ, благодаря чему русская кровь приливаетъ въ якутскія семьи не только по мужской, но и по женской линіи. Результаты такого сношенія В. Л. Сѣрошевскій характеризуетъ слѣдующимъ образомъ [1]): «Если встрѣтится индивидъ съ болѣе, чѣмъ у окружающихъ, свѣтлымъ цвѣтомъ лица, съ легкимъ румянцемъ на щекахъ, съ мягкими, немного вьющимися волосами, съ растительностью, хотя бы жидковатою, на верхней губѣ и подбородкѣ, если глаза у него болѣе свѣтлые, блестящіе, каріе или зеленовато-сѣрые, немного на выкатѣ, съ тонкими вѣками и густыми, не особенно длинными рѣсницами, если онъ крупный ростомъ, костистый и мясистый, и икры и ягодницы у него толстыя,—то можно навѣрное сказать, что въ немъ течетъ доля арійской крови. Даже присутствіе одного изъ этихъ признаковъ говоритъ за русское происхожденіе субъекта. Этотъ смѣшанный типъ встрѣчается главнымъ образомъ на югѣ, въ окрестностяхъ Якутска и въ Олекминскомъ округѣ. Здѣсь есть цѣлые роды, называемые въ память ихъ происхожденія «русскими рабами» (нучча ага-уса). Въ Якутскомъ округѣ нѣтъ почти улуса, гдѣ бы не было нѣсколькихъ такихъ родовъ. Они образуются путемъ браковъ русскихъ съ якутками или женитьбой якутовъ на русскихъ. Послѣдніе случаи болѣе рѣдки, но не исключительны. Миддендорфъ говоритъ о долганахъ съ Хатанги, женатыхъ на русскихъ дѣвушкахъ; одна изъ нихъ была дочерью священника. Я лично знаю много такихъ случаевъ. Въ III-мъ Баягантайскомъ наслегѣ одинъ изъ тамошнихъ князьковъ женатъ на дочери русскаго дьячка, а сынъ князя женатъ на дочери улуснаго писаря, русскаго; мать этой дѣвушки — якутка, а отецъ великороссъ. Въ мѣстности Абый богатый якутъ Степанъ Черемкинъ женился на русской, уроженкѣ г. Якутска. Бѣдныя русскія дѣвушки, на югѣ Якутской обл., сплошь и рядомъ выходятъ замужъ за богатыхъ якутовъ. Еще чаще женятся русскіе на якуткахъ и тунгускахъ, но такіе случаи не такъ для насъ интересны, такъ какъ тогда потомство, если оно законно, причисляется къ русскому населенію края. Примѣсь русской крови на югѣ всюду сильно даетъ себя чувствовать въ типѣ якутовъ. Даже въ глухихъ уголкахъ, далеко отъ центровъ русскаго населенія,

---

[1]) Ibid., стр. 238.

встрѣчаются сильно подчеркнутыя, характерныя особенности русскихъ метисовъ. Онѣ проникли туда всякими правыми и неправыми путями: любовными связями якутскихъ женщинъ съ проѣзжими купцами и чиновниками, романическими похожденіями уголовныхъ поселенцевъ, высланныхъ въ глушь; возможно, что часто это отголоски былыхъ казацкихъ набѣговъ, когда отряды побѣдителей, облюбовавъ «мѣста», живали въ нихъ по нѣскольку лѣтъ, собирая ясакъ».

Ограничиваясь тѣмъ, что было возможно при данныхъ условіяхъ, участники экспедиціи раздѣлили между собою работу такимъ образомъ, что изслѣдованіе русскихъ якутянъ и тунгусовъ принялъ на себя авторъ

Рис. 1. Романъ Ивановъ, чистокровный якутъ, 32-хъ лѣтъ, 1-го Игидейскаго наслега, Бутурусскаго улуса.

настоящаго очерка, а изслѣдованіе якутовъ выполнилъ Н. Л. Геккеръ, отмѣчавшій метисацію измѣряемыхъ въ тѣхъ случаяхъ, когда сами они могли или желали ее указать. При обработкѣ матеріала я выдѣляю этихъ завѣдомыхъ метисовъ въ особую группу, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что очень и очень многіе изъ якутовъ, не отмѣченныхъ въ качествѣ метисовъ, на самомъ дѣлѣ имѣютъ въ себѣ значительную примѣсь русской крови.

Что касается до помѣси якутовъ съ тунгусами, то по отмѣткамъ въ черновомъ матеріалѣ выдѣлять ихъ въ особую группу безцѣльно, такъ какъ метисовъ этого рода указаны въ записяхъ только 8 мужчинъ и 1 женщина; но это значитъ лишь то, что тунгусками были родныя матери из-

мѣренныхъ, тогда какъ обильная примѣсь черезъ болѣе отдаленныхъ предковъ совершенно невыдѣлима.

Работы Н. Л. Геккера производились въ 1894—95 гг., въ центральной части Якутскаго окр., на пространствѣ, простиравшемся на 120 в. къ сѣверу отъ г. Якутска, по берегу р. Лены (Намскій улусъ), на 250 в. къ сѣв.-востоку, по рр. Солѣ (Мегинскій улусъ), Таттѣ (Батурусскій улусъ), нѣсколько сѣвернѣе этой мѣстности (Баягантайскій и Борогонскій улусы), и верстъ на 200 къ юго-востоку, по р. Амгѣ (Амгинская слобода, 3-й Бологурскій и 2-й Чакырскій наслеги Батурусскаго улуса). Всего было измѣрено за это время болѣе 400 якутовъ, мужчинъ и женщинъ, разселенныхъ въ 14 наслегахъ [1]).

По выѣздѣ въ Иркутскъ Н. Л. Геккеръ обработалъ часть своихъ матеріаловъ и въ 1896 г. опубликовалъ книжку [2]), въ которой приведены измѣренія: роста, окружности груди, длинника и поперечника головы, длины и ширины лица и межглазничнаго разстоянія 139 якутовъ (безъ выдѣленія метисовъ) и 28 крестьянъ Амгинской слободы.

Дальнѣйшая обработка собранныхъ въ Якутской обл. данныхъ по разнымъ причинамъ затормозилась, и лѣтомъ 1901 г. Н. Л. Геккеръ передалъ остававшійся у него на рукахъ матеріалъ въ мое пользованіе, надѣясь, что я найду болѣе досуга для обработки цифръ. Весь матеріалъ, поступившій ко мнѣ отъ г. Геккера, состоитъ изъ 18 листовъ, въ которые вписаны индивидуальныя величины: 237 взрослыхъ мужчинъ, въ возрастѣ 20—60 лѣтъ, 26 стариковъ, 49 мальчиковъ и юношей, 62 женщинъ, въ возрастѣ 16—50 лѣтъ, 8 старухъ и 9 дѣвочекъ-подростковъ,—всего 391 особь. Изъ этого матеріала я пользуюсь пока для предварительной обработки лишь данными о взрослыхъ мужчинахъ и женщинахъ, причемъ изъ числа мужчинъ, при опредѣленіи среднихъ по наслегамъ, не исключаю завѣдомыхъ метисовъ, но при окончательномъ выводѣ суммарныхъ среднихъ выдѣляю метисовъ въ особую группу, численностью въ 30 человѣкъ, а якутовъ, о метисаціи которыхъ не имѣется свѣдѣній, въ другую группу, численностью въ 207 человѣкъ. Выдѣлить завѣдомыхъ метисокъ изъ числа измѣренныхъ женщинъ оказалось невозможнымъ по отсутствію отмѣтокъ въ черновикахъ.

Описательные признаки отмѣчались Н. Л. Геккеромъ весьма подробно, но я не останавливаюсь на нихъ въ этомъ краткомъ очеркѣ, главнымъ образомъ потому, что всѣ индивидуальныя отличія совершенно покрываются общимъ сходствомъ всѣхъ измѣренныхъ по основнымъ признакамъ

---

[1]) Наслегомъ называется совокупность нѣсколькихъ родовъ, образующихъ административную единицу съ выборнымъ старостой (князьцомъ) во главѣ. Улусъ состоитъ изъ нѣсколькихъ наслеговъ.

[2]) *Н. Л. Геккеръ.* Къ характеристикѣ физич. типа якутовъ. „Записки Вост.-Сибир. Отд. И. Р. Г. О." Иркутскъ, 1896 г.

тюрко-монгольскаго типа: волосы у всѣхъ якутовъ и у подавляющаго большинства метисовъ или тускло-черные, или весьма темные; у якутовъ—прямые и жесткіе, у метисовъ—иногда слегка волнистые; брови у всѣхъ рѣдкія; растительность на лицѣ отсутствуетъ совершенно или выражена только въ видѣ жиденькихъ черноватыхъ усиковъ. Глаза у многихъ особей имѣютъ характерную монгольскую форму, съ узкимъ, косымъ разрѣзомъ, съ толстыми вѣками и рѣдкими рѣсницами. Цвѣтъ глазъ всегда темно-карій. Цвѣтъ лица смуглый, съ оттѣнками отъ грязно-желтаго до красно-коричневаго. Межглазничное разстояніе широко. Переносица плоская. Скулы широки и выпуклы. Губы довольно толсты. Уши у большинства велики и у многихъ—мясисты

Рис. 2. Николай Петровъ, чистокровный якутъ, 21 года, Долдинслаго наслега, Мегинскаго улуса.

и нѣсколько оттопырены; ушная мочка нерѣдко достигаетъ значительнаго развитія.

На-ряду съ этими признаками, болѣе или менѣе общими всѣмъ якутамъ, у нѣкоторой части мужчинъ и женщинъ этого племени наблюдается совокупность особенностей настолько характерныхъ, что Миддендорфъ, а за нимъ и нѣкоторые другіе путешественники представителей этого послѣдняго типа признавали наиболѣе чистыми якутами, тогда какъ широкое распространеніе описанныхъ выше обще-монгольскихъ признаковъ они готовы были объяснять вліяніемъ на якутовъ тунгусской примѣси. Главными особенностями этого послѣдняго, яко-бы «чисто якутскаго», типа являются: длинный, нѣсколько горбатый носъ, приближающійся по

формѣ къ орлиному, преобладаніе верхне-челюстной части и, какъ слѣдствіе этого, удлиненная форма лица. Въ противоположность взглядамъ Миддендорфа, изслѣдованія послѣдняго времени обнаруживаютъ присутствіе совершенно сходнаго съ якутскимъ, горбоносаго и длиннолицаго элемента у многихъ другихъ тюркскихъ и монгольскихъ народовъ, а потому считать этотъ типъ «чисто якутскимъ», какъ мнѣ кажется, нѣтъ основаній, тѣмъ болѣе, что среди якутовъ представители этого типа повсюду составляютъ меньшинство. Съ другой стороны, Н. Л. Геккеръ въ своей книжкѣ объ якутахъ привелъ достаточныя доказательства въ пользу того, что элементъ широколицый и плосконосый является основнымъ элементомъ всѣхъ вообще тюркскихъ народностей и что, слѣдовательно, присутствіе такого элемента среди якутовъ не требуетъ для своего объясненія гипотезы о какихъ-либо постороннихъ вліяніяхъ въ ближайшемъ прошломъ племени. Къ тому же заключенію пришелъ и я въ своей работѣ о тунгусахъ Якутскаго края [1]), такъ какъ нѣкоторые изъ признаковъ «монгольскаго» типа у тунгусовъ оказались выраженными менѣе рѣзко, чѣмъ у якутовъ. Такимъ образомъ, въ окончательномъ выводѣ, надо признать одинаково исконнымъ среди якутовъ оба отмѣченныхъ выше типа, какъ свойственные въ разныхъ пропорціяхъ къ общей массѣ племени не однимъ якутамъ, но и всѣмъ тюркамъ, а частью и монголамъ.

Ростъ. Для средняго роста якутовъ разными авторами давались такія цифры: Миддендорфъ—160—$162_{,58}$ сант.; Маакъ—$147_{,92}$—$165_{,10}$; Ф. Я. Конъ (65 особей)—$162_{,3}$; Н. Л. Геккеръ (по 139 особямъ)—$161_{,39}$; А. А. Сиповичъ (25 особей Намскаго улуса)—$165_{,6}$ сант.; 237 взрослыхъ якутовъ Н. Л. Геккера даютъ въ среднемъ $162_{,79}$ сант., но если исключить изъ ихъ числа завѣдомыхъ метисовъ, то ростъ 207 остальныхъ выразится цифрой $162_{,44}$ сант., тогда какъ ростъ 30 метисовъ — $165_{,23}$ сант. Отдѣльныя группы измѣренныхъ обнаруживаютъ большія колебанія средней, причемъ двѣ группы рѣзко выдѣляются своимъ уклоненіемъ въ ту и другую сторону отъ нормы. Въ то время, какъ 17 особей 1-го Жексогонскаго наслега (въ числѣ которыхъ завѣдомыхъ метисовъ 1 русской крови и 1 тунгусской) даютъ среднюю $170_{,21}$ сант., 10 особей Бетюнскаго наслега обнаруживаютъ поразительно малый ростъ—$151_{,23}$ сант., что тѣмъ болѣе удивительно, что, по словамъ г. Сѣрошевскаго, именно въ Бетюнскомъ наслегѣ всего чаще встрѣчаются представители сравнительно красиваго горбоносаго типа, которому прежніе авторы приписывали и болѣе высокій ростъ. Самъ г. Сѣрошевскій по поводу роста бетюнцевъ выражается осторожно, не выдѣляя ихъ въ этомъ отношеніи отъ прочихъ

[1]) *И. И. Майновъ.* Нѣкоторыя данныя о тунгусахъ Якутскаго края. „Труды Вост.-Сиб. Отдѣла И. Р. Г. О.“ Иркутскъ, 1898 г.

якутовъ. Точно также и Н. Л. Геккеръ на словахъ передавалъ мнѣ, что, странствуя по юртамъ Бетюнскаго наслега, онъ всюду встрѣчалъ населеніе обычнаго якутскаго типа, и потому заявленіе къ нему на антропометрическую станцію какихъ-то карликовъ онъ объяснилъ желаніемъ мѣстныхъ вожаковъ внушить ему ложное понятіе о физическихъ качествахъ племени изъ опасенія, какъ бы якутовъ не привлекли къ отбыванію воинской повинности, если они окажутся по росту и по крѣпости пригодными для военной службы. Въ виду такого уменьшеннаго подбора, г. Геккеръ ограничился въ Бетюнскомъ наслегѣ измѣреніемъ 10 особей, въ которыхъ ошибочно было бы видѣть представителей какого-то особаго «бетюнскаго»

Рис. 3. Степанъ Петровъ Борисовъ, метисъ (мать русская), 28 лѣтъ, Жулейскаго наслега, Батурусскаго улуса.

типа; вѣрнѣе будетъ сказать, что подобный элементъ присутствуетъ въ якутскихъ наслегахъ повсемѣстно, но всюду онъ составляетъ лишь незначительное меньшинство населенія.

Изъ остальныхъ 12 группъ выдѣляется своимъ ростомъ (средняя— $166_{,89}$ сант.) группа въ 12 человѣкъ Борогонскаго улуса, но эта группа ровно на половину состоитъ изъ завѣдомыхъ метисовъ (русскихъ). Въ остальныхъ 11 группахъ среднія варіируютъ въ предѣлахъ $164_{,57}$—$160_{,28}$ сант. Всѣ среднія по наслегамъ таковы (см. табл. на 43 стр.).

Изъ 14 наиболѣе рослыхъ особей 5—завѣдомые метисы рус. кр. Изъ 14 наименѣе рослыхъ—метисовъ рус. кр. 2.

Предѣлы индивидуальныхъ колебаній, при исключеніи совершенно одинокихъ крайнихъ: 1295 и 1320 мм., составляютъ 370 мм.

Разница среднихъ роста метисовъ и прочихъ якутовъ—$28,_2$ мм. въ пользу метисовъ.

Разница среднихъ роста мужчинъ и женщинъ—$112,_4$ мм., что почти совпадаетъ съ опредѣленной Топинаромъ, путемъ сличенія 73 двойныхъ серій разныхъ народностей, средней разницей между мужчинами и женщинами одного племени—12 сант. [1]).

Разница индивидуальныхъ колебаній среди женщинъ—249 мм.

Распредѣленіе особей по ихъ рослости оказывается очень несходнымъ въ группѣ завѣдомыхъ метисовъ и въ группѣ остальныхъ якутовъ:

	1700 мм. и выше;	1699—1651;	1650—1600;	ниже 1600 мм.
207 якутовъ	30	49	57	71
въ °/₀ °/₀	$14,_{50}$	$23,_{67}$	$27,_{53}$	$34,_{30}$
30 метисовъ рус. кр.	10	8	6	6
въ °/₀ °/₀	$33,_{33}$	$26,_{66}$	20	20

При распредѣленіи женщинъ по группамъ рослости, предѣлы которыхъ, сравнительно съ мужскими, понижены на 12 сант., находимъ [2]):

	1580 мм. и выше;	1579—1530;	1529—1480;	ниже 1480 мм.
62 женщины	9	11	26	16
въ °/₀ °/₀	$14,_{51}$	$17,_{74}$	$41,_{94}$	$25,_{81}$

Изъ всего предыдущаго видно, что *якуты* принадлежатъ къ числу народовъ *невысокаго роста*, причемъ *смѣшеніе съ русскими* вліяетъ на ихъ ростъ, очевидно, *повышающимъ образомъ*. Вліяніе *тунгусовъ беллетскихъ, буягирскихъ и майскихъ* на ростъ якутовъ *не можетъ быть выдѣлено*, такъ какъ средній ростъ этой группы тунгусовъ близокъ къ росту якутовъ, и притомъ нѣсколько выше якутскаго: по моимъ измѣреніямъ, 86 тунгусовъ дали въ среднемъ 1631 мм. Вліяніе *сѣверныхъ тунгусовъ*, ростъ которыхъ по моимъ измѣреніямъ 1548 мм., *быть можетъ, проявляется въ присутствіи среди якутовъ того малорослаго элемента*, представители котораго измѣрены Н. Л. Геккеромъ въ Бетюнскомъ наслегѣ; но нѣтъ ничего невозможнаго и въ томъ, что подобный элементъ существуетъ среди якутовъ совершенно независимо отъ тунгусскаго, составляя отголосокъ какого-нибудь болѣе древняго смѣшенія, или даже являясь каждый разъ результатомъ индивидуальныхъ условій разви-

---

[1]) *Topinard*. Eléments d'anthropologie générale, p. 459.

[2]) При попыткѣ распредѣлить группы „ниже средняго“ и „низкаго“ роста по женскимъ рубрикамъ, предложеннымъ Топинаромъ (ibid., p. 464), т.-е. ниже средняго—1529—1400 мм. и малаго—ниже 1400 мм., малорослыми пришлось бы назвать только двухъ женщинъ. Съ другой стороны, понижая рубрики на 12 сант., мы находимъ, что процентъ высокорослыхъ особей у женщинъ совершенно таковъ же, какъ у мужчинъ, и прочія группы у обоихъ половъ болѣе или менѣе сходны.

Наслегъ.	Число особей.		Среднія.	Индивидуальныя колебанія.	
	Всего.	Изъ нихъ метисовъ.		Maximum.	Minimum.
1-й Жоксогонскій.	17	1 рус.,1 тунг.	1702,$_{1}$	1776	1606
Борогонскій улусъ.	12	6 рус.	1668,$_{9}$	1745	1585
1-й Баягантайскій	7	—	1645,$_{7}$	1742	1535
2-й Скараульскій.	15	4 рус.,2 тунг.	1641,$_{7}$	1753 мет. рус.	1470
2-й Хаталинскій.	15	2 рус.	1639,$_{7}$	1745 мет. рус.	1526
3-й Жоксогонскій.	12	—	1638,$_{3}$	1678	1563
2-й Чакырскій	10	1 рус.	1635,$_{3}$	1734 мет. рус.	1553
1-й Игидейск., Баягант. ул.	27	1 рус.	1635,$_{0}$	1760	1505
Хатырыкскій.	30	7 рус.	1626,$_{4}$	1725	1490 мет. рус.
1-й Модутскій	17	2 рус.	1617,$_{0}$	1708	1536
3-й Бологурскій.	31	2 рус.,3 тунг.	1613,$_{4}$	1737	1456
1-й Игидейск., Батур. ул.	9	—	1607,$_{4}$	1718	1516
Тарагайскій	25	3 рус.,2 тунг.	1602,$_{8}$	1774 мет. рус.	1320 мет. рус.
Бетюнскій	10	1 рус.	1512,$_{3}$	1577 мет. рус.	1406
Всѣ измѣренные.	237	30 рус.,8 тунг.	1627,$_{9}$	1776	1320
Безъ метисовъ, рус. кр.	207	—	1624,$_{4}$	1776	1406
Метисы рус. кр.	—	30	1652,$_{6}$	1774	1320 и 1490
Женщины (16—55 л.).	62	—	1512,$_{0}$	1633	1384

тія каждаго малорослаго субъекта въ отдѣльности (стоитъ вспомнить хотя бы хроническое недоѣданіе и холоданіе многихъ якутскихъ семей, недостатокъ соли и сахара, сосновую заболонь, какъ обыкновенное пищевое средство и т. п.).

Если въ живущемъ, весьма смѣшанномъ, поколѣніи средняя составляетъ $162,_{44}$ сант., то можно думать, что до сближенія съ русскими средній ростъ якутовъ не превосходилъ 161—162 сант. для мужчинъ и 150 сант. для женщинъ. Поэтому для характеристики отвлеченнаго «якутскаго типа», въ отличіе отъ болѣе реальнаго типа современныхъ якутовъ, можно было бы остановиться, какъ на самой вѣроятной, на цифрѣ роста $161,_{50}$ сант.

Рука. Въ 13 группахъ изъ 14-ти рука якутовъ по отношенію къ росту оказалась гораздо болѣе длинной, чѣмъ у русскихъ уроженцевъ Якутской обл. Сходную съ русской величину даютъ только бетюнцы, которые, какъ весьма малорослые, должны были бы обнаруживать совершенно обратное отношеніе. Такая особенность сближаетъ бетюнцевъ съ тунгусами, у которыхъ рука еще короче, чѣмъ у русскихъ. По моимъ измѣреніямъ среднія по группамъ у русскихъ якутянъ и у тунгусовъ даютъ абсолютныя величины: $73,_{78}$—$75,_{66}$ сант. у русскихъ и $71,_{47}$—$74,_{36}$ у тунгусовъ, и относительныя: $44,_{49}$—$44,_{81}$% у русскихъ (у малорослыхъ отдѣльно—$45,_{28}$%), $44,_{42}$%—у южныхъ тунгусовъ и $45,_{87}$%—у малорослыхъ сѣверныхъ тунгусовъ.

У якутовъ, располагая группы въ принятомъ выше порядкѣ нисходящаго роста, мы находимъ:

1-й Жоксогон. н.	$778,_4$ мм.	или $45,_{76}$%	роста.
Борогонск. улусъ	$765,_8$ „	„ $45,_{89}$%	„
1-й Баягантайск. н.	$780,_8$ „	„ $47,_{44}$%	„
2-й Скараульск. н.	$764,_6$ „	„ $46,_{58}$%	„
2-й Хаталинск. н.	$743,_6$ „	„ $45,_{35}$%	„
3-й Жоксогон. н.	$753,_6$ „	„ $46,_{00}$%	„
2-й Чакырск. н.	$766,_6$ „	„ $46,_{88}$%	„
1-й Игидейск., Баягант. ул. .	$751,_3$ „	„ $45,_{95}$%	„
Хатарык. н.	$762,_4$ „	„ $46,_{81}$%	„
1-й Модутск. н.	$758,_5$ „	„ $46,_{91}$%	„
3-й Бологурск. н.	$740,_2$ „	„ $45,_{88}$%	„
1-й Игидейск. н., Батур. ул. .	$743,_6$ „	„ $46,_{26}$%	„
Тарагайск. н.	$744,_6$ „	„ $46,_{46}$%	„
Бетюнск. н.	$676,_3$ „	„ $44,_{84}$%	„

У 207 якутовъ въ среднемъ	$75,_{43}$ сант. или въ отн. къ росту	$46,_{39}$%
У 30 метисовъ рус. кр. . .	$76,_{57}$ „ „ „ „	$46,_{33}$%
У 62 женщинъ	$68,_{96}$ „ „ „ „	$45,_{61}$%

Кисть руки у якутовъ на глазъ представляетъ большія отличія отъ кисти русскихъ, но измѣренія (путемъ вычитанія высоты нижняго конца средняго пальца изъ высоты шиловиднаго отростка лучевой кости)

не обнаруживаютъ такого отличія, откуда слѣдуетъ заключить, что способъ этотъ недостаточенъ для опредѣленія расовыхъ отличій въ строеніи кисти. Въ 12 группахъ якутовъ длина кисти оказалась 18,17—20,44 сант. или въ отношеніи къ росту 10,93%—12,50%; у бетюнцевъ 17,72 сант. или 11,74% роста; средняя у якутовъ—19,18 сант. или 11,80%, у метисовъ — 19,24 сант. или 11,59% и у женщинъ — 18,35 сант. или 12,12% роста.

У 127 русскихъ якутянъ я нашелъ ту же самую абсолютную длину кисти — 19,17 сант., что составляетъ лишь 11,53% роста. Въ общемъ,

Рис. 4. Миронъ Петровъ Шестаковъ, метисъ (мать русская), 36 лѣтъ, 1-го Игидейскаго наслега, Батурусскаго улуса.

какъ по длинѣ руки, такъ и по длинѣ кисти, якуты весьма близки къ прочимъ тюркскимъ народностямъ, и въ особенности — къ киргизамъ Букеевской орды, къ которымъ они приближаются и по высотѣ роста: длина руки киргизовъ — 45,7 сант. или 46,4% роста, длина кисти — 18,9 или 11,5% роста.

Нога. Обѣ народности, всего тѣснѣе соприкасающіяся съ якутами,— тунгусы и русскіе, — имѣютъ ноги гораздо болѣе длинныя: въ пяти группахъ русскаго населенія Якутской обл. я нашелъ среднюю длину ноги (отъ верхне-передней подвздошной ости) — 90,30 — 92,85 сант. и относительную — 54,84 — 55,43%; у тунгусовъ южныхъ — 91,40 сант. или 56,18% и у малорослыхъ сѣверныхъ—85,13 сант. или 55,00% роста.

У якутовъ при томъ же способѣ измѣренія оказывается:

1-й Жоксогон. н.	894,6 мм.	или	52,56%		1-й Игид., Баяган. ул.	869,6 мм.	или	53,19%
Борогон. ул.	909,8	„	54,51		Хатарык. н.	886,1	„	54,48
1-й Баягант. н.	878,0	„	53,35		1-й Модут. н. . . .	868,6	„	53,72
2-й Скараульск. н.	901,4	„	54,31		3-й Бологур. н. . .	873,7	„	54,15
2-й Хаталин. н.	887,1	„	54,30		1-й Игид., Батур. ул.	857,5	„	52,97
3-й Жоксогон. н.	861,9	„	52,64		Тарагайск. н. . . .	868,0	„	53,14
2-й Чакыр. н.	891,7	„	54,53		Бетюн. н.	809,3	„	53,14

У 207 якутовъ въ среднемъ 87,33 сант. или въ отношеніи къ росту 53,69%
У 30 метисовъ „ „ 90,85 „ „ „ „ „ „ 54,47%
У 62 женщинъ „ „ 81,86 „ „ „ „ „ „ 54,05%

Длина ступни у якутовъ въ общемъ значительно уступаетъ не только длинѣ ступни у русскихъ, но даже соотвѣтственной величинѣ у киргизовъ и многихъ другихъ народностей той же расы: въ 10 группахъ якутовъ (со включеніемъ метисовъ) абсолютныя среднія колеблются въ предѣлахъ 23,74—25,21 сант. и относительныя 14,44—15,32% роста, въ общей же средней, при исключеніи метисовъ, всѣ якуты даютъ 23,95 сант. или 14,53%, тогда какъ у киргизовъ длина ступни составляетъ 24,9 сант. или 15,29%, у башкиръ (Д. П. Никольскаго)—24,3 сант. или 14,7%.

Высота темени при сидячемъ положеніи у якутовъ относительно больше, чѣмъ у русскихъ, и одинакова съ высотою темени у тунгусовъ, но такъ какъ голова тунгусовъ значительно выше якутской, то, значитъ, собственно туловище якутовъ по отношенію къ росту длиннѣе, чѣмъ у ихъ сосѣдей.

У русскихъ Якутской обл. относительная высота темени въ разныхъ группахъ даетъ въ среднемъ 51,35—52,88% роста; у южныхъ тунгусовъ—53,06%; у малорослыхъ сѣверныхъ—53,23% и у женщинъ-сѣверянокъ—54,21%.

У якутовъ среднія по наслегамъ, при расположеніи группъ въ принятомъ выше порядкѣ нисходящаго роста, даютъ такой рядъ:

I)—890,6	мм.	или	51,37% р.		VIII)—869,1	мм.	или	53,16% р.
II)—868,9	„	„	52,07		IX)—861,3	„	„	52,96
III)—848,7	„	„	51,57		X)—860,0	„	„	53,19
IV)—863,6	„	„	52,60		XI)—859,0	„	„	53,24
V)—855,3	„	„	52,54		XII)—861,8	„	„	53,61
VI)—852,2	„	„	52,04		XIII)—855,0	„	„	53,34
VII)—867,8	„	„	52,79		XIV)—817,1	„	„	53,92

Въ общемъ, какъ видно, относительная длина туловища довольно правильно повышается съ пониженіемъ роста.

Абсолютная величина высоты темени колеблется въ предѣлахъ: 81,71 сант. — у бетюнцевъ и у всѣхъ остальныхъ — 84,87—89,06, а въ среднемъ у якутовъ — 86,21 сант. или 53,03% роста. Высота темени

30 метисовъ — 85,38 сант. или 51,95% роста. Высота темени 62 женщинъ—79,45 сант. или 52,37% роста.

Высота пупка по отношенію къ росту представляетъ собой у якутовъ величину наиболѣе постоянную и однообразную. Лишь въ двухъ группахъ замѣчается нѣкоторое отклоненіе отъ общей нормы: у бетюнцевъ, при абсолютной высотѣ 86,88 сант., относительная составляетъ 56,91% роста, и у родовичей 2-го Хаталинскаго наслега, при абсолютной 96,59 сант., относительная—59,16% р., въ 9-ти же другихъ группахъ, въ которыхъ производилось это измѣреніе, повторяются почти тѣ же цифры относительной высоты:

II)—978,0	мм.	или	58,60% р.	IX)—948,8	мм.	или	58,34% р.
III)—969,0	„	„	58,89	X)—943,4	„	„	58,34
IV)—956,7	„	„	58,27	XI)—936,1	„	„	58,02
VII)—962,9	„	„	58,88	XIII)—948,3	„	„	58,05
VIII)—950,2	„	„	58,12				

Въ среднемъ у якутовъ: 94,22 сант. и въ отнош. къ росту 58,14%
„ „ „ метисовъ: 97,99 „ „ „ „ „ „ 58,80
„ „ „ женщинъ: 88,69 „ „ „ „ „ „ 58,54

Окружность груди подъ мышками у якутовъ, вообще говоря, довольно высока, но точное сравненіе съ тунгусами и русскими якутянами невозможно, благодаря различію въ пріемахъ измѣренія (Н. Л. Геккеръ бралъ эту величину при опущенныхъ рукахъ, я же—при поднятыхъ). Если-бы редуцировать цифры грудного указателя якутовъ, вычисленнаго мною по измѣреніямъ Н. Л. Геккера, на 2 единицы, то оказалось бы, что по отношенію къ росту окружность груди у всѣхъ трехъ народностей приблизительно одинакова: у русскихъ—90,78 сант. или 54,58% р., у южныхъ тунгусовъ—88,80 сант. или 54,58% р., у сѣверныхъ—84,80 сант. или 54,81% роста.

У якутовъ по группамъ (безъ редукціи) получается:

I)—954,4	мм.	или	56,06% р.	VIII)—916,9	мм.	или	56,08% р.
II)—916,8	„	„	54,93	IX)—925,1	„	„	56,88
III)—905,0	„	„	54,99	X)—926,3	„	„	57,29
IV)—932,3	„	„	56,79	XI)—906,3	„	„	56,25
V)—929,6	„	„	56,94	XII)—943,8	„	„	58,72
VI)—903,3	„	„	55,14	XIII)—915,1	„	„	57,09
VII)—917,1	„	„	55,78	XIV)—874,4	„	„	57,41

У якутовъ въ среднемъ 92,00 сант. или въ отнош. къ росту 56,62%
У метисовъ „ „ 91,74 „ „ „ „ „ „ 55,61
У женщинъ „ „ 86,23 „ „ „ „ „ „ 56,93

Ширина плечъ. Плечи якутовъ ýже, чѣмъ у русскихъ Якутской обл. и у тунгусовъ: тогда какъ у русскихъ среднія составляютъ 36,51—37,15 сант. и только у совершенно объякутившихся амгинскихъ крестьянъ

34,15 сант., а въ отношеніи къ росту 21,57—22,40% и для амгинцевъ—20,80%, у южныхъ тунгусовъ 36,38 сант. или 22,37% р., у сѣверныхъ—34,75 сант. или 22,48% р., и у женщинъ-тунгусокъ — 34,27 сант. и 32,13 сант. или 22,41 и 21,71% р., — у якутовъ мы находимъ такія величины:

I)—364,4	мм.	или	21,41% р.	VIII)—355,2	мм.	или	21,72% р.
II)—332,3	„	„	19,91	IX)—339,3	„	„	20,86
III)—360,4	„	„	21,90	X)—337,4	„	„	20,87
IV)—343,6	„	„	20,99	XI)—335,7	„	„	21,41
V)—350,9	„	„	21,36	XII)—357,5	„	„	22,24
VI)—362,5	„	„	22,13	XIII)—343,0	„	„	21,40
VII)—338,8	„	„	20,72	XIV)—331,1	„	„	21,74

У якутовъ въ среднемъ 34,58 сант. или въ отнош. къ росту 21,27%
У метисовъ „ „ 34,42 „ „ „ „ „ „ 20,79
У женщинъ „ „ 31,78 „ „ „ „ „ „ 20,89

Ширина таза у якутовъ абсолютно и относительно меньше, чѣмъ у тунгусовъ, и относительно больше, чѣмъ у русскихъ: у тунгусовъ южныхъ эта величина составляетъ 28,19 сант. или 17,33% р., у сѣверныхъ—26,71 с. или 17,25% р., у южанокъ—29,36 сант. или 19,22% р., у сѣверянокъ — 26,83 сант. или 18,16% р., у русскихъ якутянъ — 27,68—28,78 сант. или 16,49—17,05% роста; у якутовъ:

I)—290,2	мм.	или	17,05% р.	VIII)—278,8	мм.	или	17,05% р.
II)—269,5	„	„	16,15	IX)—281,0	„	„	17,28
III)—294,0	„	„	17,86	X)—283,2	„	„	17,51
IV)—284,7	„	„	17,34	XI)—277,1	„	„	17,19
V)—280,1	„	„	17,08	XII)—276,8	„	„	17,22
VI)—287,3	„	„	17,54	XIII)—280,4	„	„	17,49
VII)—276,0	„	„	16,88	XIV)—254,6	„	„	16,72

У якутовъ въ среднемъ 27,92 сант. или въ отнош. къ росту 17,18%
У метисовъ „ „ 28,31 „ „ „ „ „ „ 17,13
У женщинъ „ „ 27,98 „ „ „ „ „ „ 18,50

Туловище якутовъ, какъ видно изъ предыдущаго, при большей относительной длинѣ, чѣмъ у русскихъ или тунгусовъ, ўже въ плечахъ, чѣмъ у обѣихъ этихъ народностей, одинаково въ груди, и нѣсколько ўже, чѣмъ у тунгусовъ, въ тазу, причемъ особенно узкоплечими оказываются метисы, уступающіе чистымъ якутамъ и по ширинѣ таза.

Туловище женщинъ-якутокъ по отношенію къ росту нѣсколько короче, чѣмъ у мужчинъ, относительный объемъ груди у женщинъ немного шире мужского, относительная ширина плечъ на 0,38 единицы меньше, абсолютная ширина таза равна мужской и относительная на 1,32 единицы больше.

Голова. Главнѣйшія головныя измѣренія якутовъ можно представить въ видѣ слѣдующей таблицы:

Группа.	Высота головы.		Кривыя головы.						Головныя хорды.					
			Гориз. окр.		Затылочно-лобн.		Поперечн.-ушн.		Надносовая.		Брегматическ.		Иніарная.	
	абсол.	относ.	абсол.	относ.	абсол.	относ.	абсол.	относ.	абсол.	относ.	абсол.	относ.	абсол.	относ.
I.	209,8 мм.	12,34	579,7	34,06	330,4	19,41	379,4	22,29	133,8	7,86	160,5	9,43	129,8	7,62
II.	209,3	12,54	579,9	34,75	333,5	19,98	375,0	22,47	—	—	—	—	—	—
III.	206,6	12,55	567,6	34,49	315,0	19,14	371,4	22,57	—	—	—	—	—	—
IV.	199,6	12,16	579,1	35,28	328,9	20,04	374,3	22,80	132,5	8,07	161,5	9,84	117,9	7,18
V.	199,9	12,19	577,0	35,19	325,7	19,86	374,3	22,83	132,1	8,06	159,6	9,73	131,9	8,04
VI.	208,4	12,74	573,5	35,02	328,6	20,07	375,0	22,90	131,7	8,04	160,7	9,81	127,1	7,76
VII.	199,5	12,20	572,5	35,01	325,9	19,93	375,8	22,98	129,6	7,93	164,0	10,03	118,6	7,25
VIII.	195,6	11,96	567,2	34,69	325,0	19,88	373,9	22,87	131,2	8,07	161,2	9,86	129,6	7,93
IX.	197,8	12,16	566,0	34,80	324,3	19,94	369,2	22,70	—	—	—	—	—	—
X.	202,2	12,50	565,1	34,95	322,6	19,95	372,4	23,03	—	—	—	—	—	—
XI.	193,4	11,99	568,3	35,26	322,5	19,99	369,6	22,91	128,8	7,95	159,2	9,87	120,2	7,45
XII.	214,1	13,32	562,2	34,35	325,0	20,22	368,9	22,95	128,3	7,98	159,1	9,89	127,8	7,95
XIII.	199,4	12,29	570,6	35,60	325,8	20,33	369,2	23,03	131,9	8,23	156,9	9,79	123,2	7,69
XIV.	191,7	12,58	558,7	36,94	318,0	21,03	363,0	24,00	127,0	8,39	155,0	10,25	113,2	7,49
Якуты . . .	200,3	12,32	569,2	35,04	324,9	20,00	371,4	22,86	130,2	8,03	158,6	9,78	123,6	7,62
Метисы . .	201,5	12,11	578,5	35,01	327,3	19,81	376,6	22,79	128,9	7,78	159,8	9,64	121,8	7,35
Женщины. .	200,4	13,26	549,7	36,36	316,0	20,90	360,3	23,73	124,9	8,26	152,3	10,07	121,9	8,06

Изъ этихъ данныхъ видно, что высота голова у якутовъ не велика и почти не отличается отъ соотвѣтственной величины у русскихъ Якутской обл. (12,29—12,91% р.), значительно уступая высотѣ головы тунгусовъ (13,21—13,40% р.) и многихъ другихъ народностей, родственныхъ якутамъ по крови, у которыхъ эта величина нерѣдко составляетъ болѣе 14% роста.

Общія размѣры черепа, несмотря на его сравнительную плоскость, у якутовъ приближаются, однако, къ наибольшимъ изъ отмѣченныхъ наблюдателями у другихъ тюрковъ и монголовъ:

Рис. 5. Варвара Иванова Корякина, якутка, 31 года, 2-го Мельжахсинскаго наслега, Мегинскаго улуса.

Горизонтальная окружность головы якутовъ—56,92 сант. —почти равна окружности головы киргизъ Букеевской орды—55,97 сант. и уступаетъ лишь окружности головы торгоутовъ и татаръ.

Затылочно-лобная кривая, какъ и слѣдовало ожидать при незначительной высотѣ головы, у якутовъ 32,49 сант., меньше, чѣмъ у большинства соплеменныхъ имъ народностей (у торгоутовъ, по А. А. Ивановскому,—34,68 сант.).

Пеперечная ушная, наоборотъ, велика—37,19 сант., почти равняясь величинѣ этой кривой у торгоутовъ—37,17 сант.

У метисовъ абсолютная величина кривыхъ нѣсколько больше, но относительная немного меньше, чѣмъ у прочихъ якутовъ; абсолютная ве-

личина брегматической хорды у метисовъ немного болѣе, но относительная величина ея менѣе, чѣмъ у якутовъ; обѣ другія хорды у метисовъ и абсолютно и относительно меньше, чѣмъ у якутовъ.

У женщинъ всѣ абсолютныя величины головныхъ измѣреній значительно меньше, но относительныя гораздо больше, чѣмъ у мужчинъ.

Форма головы во всѣхъ группахъ якутовъ оказывается въ среднемъ брахицефальной, причемъ въ трехъ группахъ средній указатель очень невеликъ — ниже 82 единицъ, въ одной группѣ онъ выше 85 единицъ.

Группа.	Передн.-зад. наиб. діам.	%% р.	Поперечн. наиб. діам.	%% р.	Головной указатель.	Группа.	Передн.-зад. наиб. діам.	%% р.	Поперечн. наиб. діам.	%% р.	Головной указатель.
I.	195,5	11,48	160,8	9,45	82,21	VIII.	189,3	11,58	159,5	9,76	84,26
II.	194,3	11,64	160,1	9,53	82,39	XI.	189,5	11,65	157,5	9,68	83,11
III.	190,1	11,55	160,6	9,76	84,48	X.	189,1	11,69	158,3	9,79	83,18
IV.	193,1	11,76	157,3	9,58	81,46	XI.	188,9	11,76	158,0	9,79	84,70
V.	195,6	11,93	159,3	9,72	81,44	XII.	190,9	11,88	154,9	9,64	81,14
VI.	193,9	11,84	160,5	9,77	82,57	XIII.	193,3	12,06	156,9	9,79	81,17
VII.	188,5	11,53	160,9	9,84	85,36	XIV.	185,1	12,24	157,1	10,39	84,87
Якуты.	190,9	11,75	157,8	9,71	82,66	Метисы.	192,7	11,66	161,0	9,74	83,55
Женщин.	185,6	12,28	150,0	9,92	80,82						

Средній головной указатель якутовъ—82,66—совершенно равенъ среднему указателю южныхъ тунгусовъ—82,69 и выше указателя русскихъ якутянъ—81,06 и сѣверныхъ тунгусовъ—81,19.

Указатель метисовъ *выше*, чѣмъ у прочихъ якутовъ. Указатель женщинъ—что заслуживаетъ особаго вниманія—значительно *ниже* мужского, такъ что женщины-якутки стоятъ на самой границѣ мезоцефаліи, весьма мало отличаясь въ этомъ отношеніи отъ мѣстныхъ русскихъ.

Для того, чтобы судить о томъ, въ какой мѣрѣ эти указатели выражаютъ дѣйствительно типичныя для сравниваемыхъ группъ формы головы, привожу распредѣленіе якутовъ всѣхъ возрастовъ по величинѣ ихъ головного указателя, прилагая для сравненія такое же распредѣленіе тунгусовъ (южныхъ) и русскихъ якутянъ.

Въ %% къ общей численности.

Группы.		Число особей.	Головные указатели. ниже 75,00	75,01—77,77	77,78—80,00	80,01—83,33	83,34—85,00	85,01—90,00	90,01 . . .
Якуты	въ возрастѣ до 20 л.	49	2,04	10,20	10,20	16,33	18,37	40,80	2,04
				22,44		34,70		42,84	
	„ „ 20—60 л. .	207	1,45	9,18	11,11	32,34	14,50	27,05	4,35
				21,74		46,84		31,40	
	„ „ 60 и бол.	26	7,69	11,54	11,54	34,59	7,69	26,92	0
				30,77		42,28		26,92	
Метисы		30	0	6,66	13,33	33,33	6,66	36,66	3,33
				19,99		39,99		39,99	
Тунгусы		98	0	6,11	15,31	38,78	21,43	16,33	2,04
				21,94		60,21		18,37	
Русскіе якутяне		127	2,55	14,01	19,11	37,58	13,38	14,65	0,6
				35,67		50,96		14,72	
Якутки		62	4,84	17,74	16,13	37,10	11,29	12,90	0
				38,71		48,39		12,90	
Тунгуски.		10	0	0	30,00	30,00	20,00	20,00	0
				30,00		50,00		20,00	

Особи съ указателемъ ниже 80,01 *у юношей и взрослыхъ* составляютъ 22,44 и 21,74% всего числа измѣренныхъ, тогда какъ *у стариковъ* эта группа охватываетъ 30,77% всѣхъ измѣренныхъ, причемъ такое различіе создается всецѣло высокимъ процентомъ чистыхъ долихоцефаловъ—7,69%—у стариковъ, при весьма маломъ числѣ особей этого типа—2,04 и 1,45%—у юношей и взрослыхъ; въ соотвѣтствіи съ этимъ, число ультрабрахицефаловъ съ возрастомъ у якутовъ, повидимому, пони-

жается: у юношей ихъ оказывается 42,84%, у взрослыхъ—31,40% и у стариковъ—только 26,92%.

Женщины проявляютъ еще большее отклоненіе отъ типичной для мужчины брахицефаліи, чѣмъ старики: особи съ указателемъ ниже 80 единицъ—38,71%—составляютъ у нихъ процентъ болѣе чѣмъ въ полтора раза высокій сравнительно съ процентомъ особей этого типа у взрослыхъ якутовъ—21,74%, тогда какъ процентъ ультрабрахицефалокъ—12,90%—у нихъ почти въ два съ половиною раза ниже соотвѣтственнаго процента у взрослыхъ якутовъ—31,40%.

Рис. 6. Елена Егорова Сургучева, якутка, 25 лѣтъ, 3-го Мельжахсынскаго наслега, Мегинскаго улуса.

Метисы по численности субдолихоцефаловъ—19,99%—почти не отличаются отъ прочихъ якутовъ, но обнаруживаютъ высокій процентъ крайнихъ брахицефаловъ — 39,99%, въ общемъ представляя группировку головныхъ типовъ, имѣющую вполнѣ якутскій характеръ и рѣзко отличающуюся отъ группировки русскихъ Якутской обл. (вполнѣ сходныхъ въ этомъ отношеніи съ прочими великоруссами).

При всемъ различіи разсматриваемыхъ группъ якутовъ и якутокъ, взрослые мужчины, старики, женщины и метисы обнаруживаютъ *сходство* по одинаковой распространенности среди нихъ *умѣренной брахицефаліи,*—указатели 80,00—83,33,—такъ какъ особи этого типа составляютъ: у взрослыхъ—32,34%, у стариковъ—34,59%, у метисовъ—33,37% и у женщинъ—37,16%; только у подростковъ и юношей самымъ распростра-

неннымъ типомъ головы оказывается крайняя брахицефалія,—указатели 85,01—90,00,—охватывающая 40,80% всѣхъ измѣренныхъ (среди русскихъ уроженцевъ Якутской обл., по моимъ измѣреніямъ, точно также оказались наиболѣе широкоголовыми семинаристы, т.-е. юноши и подростки).

Лицо. По длинѣ лица якуты приближаются къ наиболѣе длинноликимъ изъ своихъ соплеменниковъ и превосходятъ русскихъ и другихъ славянъ. Среднія по наслегамъ таковы:

I)	193,7 мм.	11,38% р.	VI)	189,5 мм.	11,63% р.	XI)	189,1 мм.	11,72% р.
II)	190,9 „	11,44	VII)	183,1 „	11,19	XII)	188,8 „	11,86
III)	187,6 „	11,40	VIII)	187,6 „	11,47	XIII)	185,8 „	11,59
IV)	185,3 „	11,29	IX)	185,6 „	11,44	XIV)	184,9 „	12,22
V)	194,2 „	11.84	X)	187.4 „	11,59			

Якуты въ среднемъ	18,75	сант.	или	11,54 %	роста.
Метисы въ „	19,17	„	„	11,59	
Женщины въ „	17,86	„	„	11,81	

Ширина лица (разстояніе скуловыхъ дугъ) у якутовъ также весьма значительна, уступая величинѣ этого діаметра у торгоутовъ — 15,79 с. (А. А. Ивановскій), но равняясь ширинѣ лица волжскихъ калмыковъ—14,85 с. (по Деникеру), а у женщинъ-якутокъ превосходя соотвѣтственный діаметръ волжскихъ калмычекъ—13,81 сант.

I)	151,9	сант.	или	8,34%	роста.	VIII)	148,9	сант.	или	9,11%	роста.
II)	146,7	„	„	8,79		IX)	148,7	„	„	9,10	
III)	147,1	„	„	8,94		X)	147,4	„	„	9,12	
IV)	148,4	„	„	9,04		XI)	148,2	„	„	9,18	
V)	150,3	„	„	9,17		XII)	146,2	„	„	9,09	
VI)	151,8	„	„	9,27		XIII)	148,0	„	„	9,23	
VII)	151,4	„	„	9,26		XIV)	145,0	„	„	9,58	

Якуты въ среднемъ	14.86	сант.	или	9,15%	роста.
Метисы въ „	14,89	„	„	9.02	
Женщины въ „	14,09	„	„	9,32	

Въ виду характеристичности разсматриваемаго діаметра для тюркомонгольской расы, привожу распредѣленіе особей по ширинѣ ихъ скулъ у поляковъ (по А. Д. Элькинду), какъ представителей славянскаго типа, у русскихъ Якутской обл., въ значительной части метисированныхъ съ якутскимъ элементомъ по женской линіи, у якутовъ и метисовъ Н. Л. Геккера, метисированныхъ съ русскими по женской линіи:

	Въ %% къ общей численности группы:		
	до 140 мм. 141—145	146—150 151—155	156—160 161...
Поляки	84,52	15,48	0
Русскіе якутяне . .	53,54	45,67	0,79 0
Якуты	7,25—21,76	27,53—30,92	10,63—1,93
	29,01	57,53	12,56
Метисы Н. Л. Геккера	10,00—20,00	23,33—33.33	10,00—3,33
	30,00	56,66	13,33

Изъ этой таблицы видно, что якуты и метисы Н. Л. Геккера по ширинѣ скулъ представляютъ группы совершенно однородныя, тогда какъ русскіе якутяне, измѣренные мною, значительно уклоняясь отъ славянскаго типа, все-таки стоятъ гораздо ближе къ славянамъ, чѣмъ къ якутамъ.

Между *женщинами*-якутками и нольками А. Д. Элькинда разница въ ширинѣ скулъ еще разительнѣе, чѣмъ между мужчинами этихъ народностей:

	Въ °/₀°/₀ къ общей численности:			
	до 135 мм.	136—140	141—145	146—150
Польки	93,24	4,69	0,67	0
Якутки	17,74	27,42	40,31	14,52

Лицевой указатель. Несмотря на величину поперечника, средній лицевой указатель якутовъ, благодаря длинѣ ихъ лица, не особенно великъ:

I)—78,42	VI)-80,11	XI)—78,37
II)—76,89	VII)—82,69	XII)—77,74
III)—78,41	VIII)-79,37	XIII)—79,66
IV)—80,09	IX)—80,24	XIV)—78,42
V)—77,39	X)—78,65	

У якутовъ въ среднемъ	79,25
„ метисовъ „ „	77,67
„ женщинъ „ „	78,89

Однако, если мы разсмотримъ численность лепто-и хамэпрозоповъ среди якутовъ по сравненію съ численностью этихъ группъ среди поляковъ и рязанцевъ, то увидимъ, что хамэпрозопы—указатель выше 80 единицъ—встрѣчаются у якутовъ вдвое чаще, чѣмъ у поляковъ, и въ полтора раза чаще, чѣмъ у рязанцевъ (по В. В. Воробьеву):

Въ °/₀°/₀ къ общей численности.

	до 70	70,01—75	75,01—80	(70,01—80)	80,01—85	85,01—90	(80,01—90)	90,01 . . .
Поляки	3,38	30,92	43,95	74,87	19,33	2,42	21,75	0
Рязанцы	3,40			65,94			30,65	
Русскіе якутяне . .	0,90	19,82	34,23	54,05	26,13	18,92	45,05	
Метисы Н. Л. Геккера	0	33,33	36,66	69,99	23,33	6,66	29,99	0
Якуты: взрослые	2,90	13,56	36,72	50,28	36,23	10,15	46,38	0,48
Якуты: юноши.	6,12	10,20	38,77	48,97	34,60	10,20	44,80	0
Якуты: старики.	0	19,23	26,92	46,15	30,77	23,08	53,85	0
Якуты: женщины. . . .	1,61	19,35	38,71	58,06	32,26	8,7	40,33	0
Польки.	1,38	19,32	48,99	68,31	25,53	4,83	30,36	0

Русскiе Якутской обл., какъ мы видѣли выше, имѣютъ въ своей средѣ гораздо меньшiй процентъ особей съ очень широкими скулами, чѣмъ якуты, но такъ какъ лицо ихъ гораздо короче, то процентъ хамэпрозоповъ среди нихъ почти таковъ же, какъ и среди якутовъ, тогда какъ *метисы* Н. Л. Геккера, при одинаковой съ прочими якутами ширинѣ скулъ (т.-е. относительно меньшей, такъ какъ ростъ ихъ выше) и при большей длинѣ лица, оказываются менѣе хамэпрозопными, чѣмъ якуты и русскiе якутяне.

Среди *женщинъ-якутокъ* удлиненныя лица встрѣчаются немного чаще, чѣмъ среди мужчинъ, но разница въ этомъ отношенiи между обоими полами невелика [1]).

Старики у якутовъ, какъ и всюду, даютъ наибольшiй процентъ крайнихъ хамэпрозоповъ.

Нижняя ширина лица (разстоянiе между углами нижней челюсти). Въ нижней своей части лицо якутовъ настолько же массивнѣе лица славянъ, какъ и въ верхней:

	абсол.	отн. къ р.	отн. къ л.		абсол.	отн. къ р.	отн. къ л.
I	$117_{,2}$ мм.	$6_{,88}$	$60_{,51}$	VIII	$116_{,2}$	$7_{,11}$	$61_{,94}$
II	$114_{,5}$	$6_{,86}$	$59_{,98}$	IX	$116_{,0}$	$7_{,13}$	$62_{,37}$
III	$111_{,9}$	$6_{,79}$	$59_{,65}$	X	$115_{,2}$	$7_{,12}$	$61_{,47}$
IV	$112_{,9}$	$6_{,88}$	$60_{,93}$	XI	$114_{,8}$	$7_{,12}$	$60_{,71}$
V	$116_{,8}$	$7_{,12}$	$60_{,14}$	XII	$111_{,9}$	$6_{,96}$	$59_{,27}$
VI	$116_{,9}$	$7_{,14}$	$61_{,19}$	XIII	$114_{,2}$	$7_{,12}$	$61_{,46}$
VII	$118_{,3}$	$7_{,23}$	$64_{,61}$	XIV	$111_{,8}$	$7_{,39}$	$60_{,46}$

У якутовъ въ среднемъ $11_{,52}$ сант., т.-е. $7_{,09}$% р. или $61_{,44}$% дл. лица.
у метисовъ " $11_{,52}$ " " $6_{,97}$ " " $60_{,09}$ " "
у женщинъ " $10_{,92}$ " " $7_{,22}$ " " $61_{,14}$ " "

Для сравненiя припомнимъ, что у русскихъ Якутской обл., несмотря на ихъ сильную метисацiю съ якутами, челюстной дiаметръ по отношенiю къ росту въ разныхъ группахъ колеблется въ предѣлахъ $6_{,42}$—$6_{,93}$; у кубанцевъ Н. В. Гильченко это отношенiе составляетъ $6_{,41}$ и у поляковъ А. Д. Элькинда—$6_{,24}$.

---

[1]) Не невозможно предположить, что разница эта вызывается присутствiемъ среди измѣренныхъ якутокъ значительнаго числа метисокъ, не выдѣленныхъ изъ ряда при выводѣ среднихъ, тогда какъ отъ мужчинъ-якутовъ они обособлены въ отдѣльную группу.

Межглазничное разстояніе у якутовъ обнаруживаетъ то же различіе по группамъ, какъ и разсмотрѣнные выше лицевые діаметры:

	абс.	отн. къ р.	отн. къ лицу.		абс.	отн. къ р.	отн. къ лицу.
I	33,9 мм.	1,99	17,50	VIII	34,9 мм.	2,19	18,60
II	34,8	2,09	18,23	IX	35,0	2,15	18,80
III	34,3	2,08	18,28	X	33,6	2,08	17,93
IV	34,8	2,12	18,78	XI	34,5	2,14	18,24
V	35,5	2,17	18,23	XII	35,7	2,20	18,91
VI	35,7	2,18	18,84	XIII	35,6	2,22	19,17
VII	36,7	2,24	20,04	XIV	33,6	2,22	18,17

У якутовъ въ среднемъ 3,48 сант. т.-е. 2,14 % р. или 18,56 % дл. лица.
У метисовъ „ „ 3,47 „ „ 2,10 „ „ 18,10 „ „ „
У женщинъ „ „ 3,39 „ „ 2,24 „ „ 18,98 „ „ „

Абсолютная величина межглазничнаго разстоянія у *якутовъ* велика; у *метисовъ* абсолютная величина равна якутской, но относительныя нѣсколько ниже; у *женщинъ* абсолютная величина меньше, но относительныя больше мужской.

Разсмотрѣвъ нѣкоторые изъ важнѣйшихъ признаковъ физическаго типа якутовъ порознь, попробуемъ теперь возстановить въ своей памяти всѣ эти признаки въ совокупности, чтобы прійти къ какому-либо общему заключенію. Для облегченія такой задачи привожу здѣсь три сводныя таблички, пользуясь которыми, можно будетъ сравнить якутовъ съ букеевскими киргизами А. Харузина, какъ представителями тюркскаго типа, съ торгоутами А. А. Ивановскаго, какъ чистыми монголами, съ южными тунгусами И. И. Майнова, какъ съ ближайшими сосѣдями и однимъ изъ образующихъ элементовъ современнаго якутскаго типа, и, наконецъ, съ русскими Якутской обл., какъ съ другимъ элементомъ, воздѣйствіе котораго на типъ якутовъ, какъ мы видѣли выше, проявляется также весьма ощутительно.

Сравненіе метисовъ Н. Л. Геккера съ русскими якутянами И. И. Майнова могло бы представить значительный интересъ, если бы матеріалъ въ обоихъ случаяхъ былъ одинаково однороденъ: якутяне И. И. Майнова (127 чел.) всѣ поголовно потомки русскихъ изъ такихъ общественныхъ слоевъ, въ которыхъ около полутораста лѣтъ происходитъ смѣшеніе обѣихъ народностей путемъ браковъ русскихъ мужчинъ на якуткахъ; многія особи этой группы происходятъ отъ цѣлаго ряда бабокъ и прабабокъ—

якутокъ, и въ общемъ вся группа представляетъ собой *помѣсь русско-якутскую* съ весьма высокимъ содержаніемъ якутской крови по женской линіи. Метисы Н. Л. Геккера (30 особей), наоборотъ, въ значительномъ большинствѣ (но, къ сожалѣнію, не всецѣло), представляютъ *помѣсь якутско-русскую*, т.-е. состоятъ изъ потомковъ якутовъ съ нѣкоторой примѣсью русской крови по женской линіи; примѣсь эта гораздо слабѣе якутской примѣси у русскихъ якутянъ: у многихъ изъ метисовъ Н. Л. Геккера отмѣтки указываютъ русскую мать, бабушку или прабабушку, но лишь въ весьма немногихъ случаяхъ есть основаніе предполагать, что

Рис. 7. Марія Иванова, якутка, 47 лѣтъ, Малтанскаго наслега, Западно-Кангаласскаго улуса.

русская кровь приливала въ данную семью въ двухъ поколѣніяхъ подъ рядъ; кромѣ того, противъ нѣкоторыхъ именъ находятся отмѣтки: «дѣдъ русскій» или «прадѣдъ русскій» безъ указанія, былъ ли это дѣдъ съ материнской или съ отцовской стороны. Такъ какъ Н. Л. Геккеръ работалъ среди якутовъ, оффиціально числящихся «инородцами», то можно лишь предположить съ большою вѣроятностью, что во всѣхъ или, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ такихъ случаевъ отмѣченные предки были дѣдами или прадѣдами по женской линіи. Такимъ образомъ, съ нѣкоторой натяжкой, метисовъ Н. Л. Геккера можно противопоставить моимъ для выясненія попроса о вліяніи русскаго женскаго элемента на потомство отъ смѣшанныхъ браковъ.

Ростъ, туловище и конечности.

	Ростъ.					Рука.		Кисть.		Нога.		Ступня.		Плечи.		Тазъ.	
	Средняя.	Въ %% къ общему числу.															
		Высокаго.	Выше средн.	Ниже средн.	Низкаго.	Абсолютн.	% роста.	Абсолютн.	% роста.	Абсолютн.	% роста.	Абсолютн.	% роста.	Абсолютн.	% роста.	Абсолютн.	% роста.
Русскіе Якут. обл. (И.И. Майновъ).	166,32	29,92	28,35	25,19	16,54	74,83	44,69	19,17	11,53	91,65	55,10	24,94	14,99	36,29	21,82	27,63	16,61
Якуты - метисы (Н.Л. Геккеръ).	165,23	33,33	26,66	20,00	20,00	76,57	46,33	19,24	11,59	90,85	54,47	24,37	14,65	34,42	20,79	28,31	17,13
Якуты (Н. Л. Геккеръ) .	162,44	14,50	23,67	27,53	34,30	75,43	46,39	19,18	11,80	87,33	53,69	23,95	14,53	34,58	21,27	27,92	17,18
Киргизы букеев. (А. Харузинъ).	162,9	16,31	25,53	24,82	33,33	75,7	46,4	18,9	11,5	91,3	56,04	25,5	15,6	38,6	23,68	26,1	16,02
Тунгусы южные (И.И. Майновъ).	163,1	8,14	31,39	27,91	32,56	72,30	44,42	—	—	91,40	56,18	—	—	36,38	22,37	28,19	17,33
Торгоуты (А. А. Ивановскій) .	163,3	10,14	26,09	36,23	27,54	74,7	45,7	19,0	11,6	92,0	56,37	25,1	15,4	37,9	23,19	29,8	18,24

Голова.

	Высота.		Горизонт. окружн.		Лобн. наим. д.		Пер.-задн. д.		Поперечн. д.		Головной указатель.	Въ %% къ общему числу.						
	Абсолютн.	Относит.	Абсолютн.	Относит.	Абсолютн.	Относит.	Абсолютн.	Относит.	Абсолютн.	Относит.		До 75,0.	Отъ 75,01 до 77,77.	Отъ 77,78 до 80,0.	Отъ 80,01 до 83,33.	Отъ 83,34 до 85,0.	Отъ 85,01 до 90,0.	90,01..
Русскіе Якут. обл. . . .	20,83	12,54	56,08	33,72	10,59	6,37	18,95	11,40	15,36	9,24	81,06	2,55	14,01	19,11	37,58	12,74	14,01	0,6
Якуты - метисы	20,15	12,11	57,85	35,01	10,84	6,56	19,27	11,66	16,10	9,74	83,55	0	6,66	13,33	33,33	6,66	36,66	3,33
Якуты . . .	20,03	12,32	56,92	35,04	10,62	6,54	19,09	11,75	15,78	9,71	82,66	1,45	9,18	11,11	32,34	14,50	27,05	4,35
Киргизы букеев. . . .	23,7	14,55	56,97	34,97	10,64	6,41	18,65	11,45	16,05	9,85	86,00	1,4	0	4,6	18,5	20,0	48,7	5,7
Тунгусы южные. . . .	21,43	13,21	56,27	34,52	10,55	6,39	19,2	11,80	15,9	9,77	82,69	0	6,89	11,49	37,98	22,10	18,60	2,39
Торгоуты. .	22,74	13,94	57,32	35,10	11,88	7,28	18,81	11,52	15,9	9,74	84,68	0	0	0	23,29	30,14	46,58	0

Лицо.

	Длина.		Верхняя ширина.			Лицевой указатель въ %% къ общему числу.						Нижняя ширина.			Межглазн. разст.		
	Абсолютн.	Относит.	Абсолютн.	% роста.	% длины лица.	До 70.	70,01—75,00	75,01—80,00	80,01—85.	85,01—90.	90,01..	Абсолютн.	% роста.	% длины лица.	Абсолютн.	% роста.	% длины лица.
Русскіе Якут. обл. .	17,98	10,81	14,81	8,53	78,87	0,90	19,82	34,23	26,13	18,92	0	11,14	6,69	61,96	2,97	1,79	16,52
Якуты-метисы. . .	19,17	11,59	14,89	9,02	77,67	0	33,33	36,66	23,33	6,66	0	11,52	6,97	60,09	3,47	2,10	18,10
Якуты	18,75	11,54	14,86	9,15	79,25	2,90	13,56	36,72	36,23	10,15	0,48	11,52	7,09	61,44	3,48	2,14	18,56
Киргизы букеев. .	18,38	11,28	—	—	—	—	—	—	—	—	—	11,66	7,16	63,44	3,14	1,93	17,08
Тунгусы южные. .	18,52	11,38	15,10	9,28	81,52	0	7,06	24,71	48,23	12,94	7,06	11,72	7,19	63,29	3,14	1,93	16,95
Торгоуты.	18,58	11,37	15,85	9,70	85,20	0	0	0	47,94	46,58	5,49	11,39	6,98	61,30	3,68	2,25	19,81

Якуты оказываются совершенно сходными къ букеевскими киргизами по четыремъ признакамъ: по росту, длинѣ рукъ, величинѣ горизонтальной окружности головы и величинѣ наименьшаго лобнаго діаметра.

Къ тунгусамъ они весьма близки по длинѣ продольнаго и поперечнаго діаметровъ головы и по средней величинѣ головного указателя, отличаясь, однако, отъ нихъ менѣе сплошнымъ преобладаніемъ особей съ указателемъ 80—85 единицъ, благодаря присутствію среди нихъ нѣсколько большаго процента субдолихо-и мезатицефаловъ съ одной стороны, и гипербрахицефаловъ—съ другой.

Лицо якутовъ длиннѣе, чѣмъ у другихъ сравниваемыхъ народностей, а поперечные его размѣры приближаются, но нѣсколько уступаютъ соотвѣтственнымъ размѣрамъ тунгусовъ; верхняя ширина лица (разстояніе скуловыхъ дугъ) у якутовъ меньше, чѣмъ у торгоутовъ, но нижняя (разстояніе между углами нижней челюсти) нѣсколько больше. По величинѣ межглазничнаго разстоянія якуты уступаютъ только торгоутамъ, но значительно превосходятъ киргизъ и тунгусовъ; въ общемъ, лицо якутовъ носитъ вполнѣ монгольскій характеръ и даетъ при измѣреніи цифры, далеко превосходящія соотвѣтственныя цифры для русскихъ.

Нога якутовъ и ступня ноги гораздо короче, чѣмъ у другихъ сравниваемыхъ народностей, а такъ какъ высота головы у якутовъ тоже невелика, то отсюда можно заключить, что ихъ туловище длиннѣе, чѣмъ у киргизъ, тунгусовъ или торгоутовъ, причемъ плечи ихъ очень узки, тогда

какъ тазъ шире киргизскаго, немного уже тунгусскаго и значительно уже таза торгоутовъ.

Съ русскими въ Якутской обл. якуты представляютъ сходство только по незначительной высотѣ головы и по длинѣ ручной кисти, но послѣдній признакъ едва ли характеренъ, такъ какъ ту же величину кисти А. А. Ивановскій находитъ у торгоутовъ.

Метисы Н. Л. Геккера рѣзко отличаются отъ якутовъ своимъ ростомъ, весьма близкимъ къ росту русскихъ якутянъ; длина ноги и ступня этихъ метисовъ имѣютъ величину среднюю между соотвѣтственными величинами русскихъ якутянъ и якутовъ; по всѣмъ остальнымъ признакамъ особи этой группы совершенно сходны съ якутами, причемъ нѣкоторые характерные признаки у нихъ выражены даже рѣзче, чѣмъ у прочихъ якутовъ: такъ, плечи ихъ еще уже, длинникъ и поперечникъ головы больше, форма головы въ общемъ брахицефальнѣе и лицо еще длиннѣе, чѣмъ у прочихъ якутовъ; всѣ поперечные размѣры лица у метисовъ абсолютно равны, но относительно нѣсколько меньше якутскихъ; въ общемъ же лицо ихъ не воспроизводитъ цѣликомъ якутскаго типа, но представляетъ нѣчто своеобразное, отличаясь отъ лица якутовъ не столько величиною, сколько формою признаковъ, нри менѣе интенсивной окраскѣ волосъ, глазъ и кожи.

Съ русско-якутской помѣсью, изслѣдованной мною, метисы Н. Л. Геккера представляютъ сходство въ томъ отношеніи, что форма ихъ головы усвоена цѣликомъ отъ мужскихъ производителей, безъ малѣйшихъ признаковъ вліянія инороднаго элемента, привходившаго по женской линіи, тогда какъ въ очертаніяхъ лица материнскій элементъ, несомнѣнно, проглядываетъ и у нихъ, въ нѣкоторомъ, конечно, смѣшеніи съ отцовскимъ [1]).

Указанное сходство въ способѣ передачи двухъ комплексовъ признаковъ—головныхъ и лицевыхъ—одинаковымъ образомъ въ двухъ разныхъ по составу группахъ метисовъ наводитъ меня на мысль, нельзя-ли найти объясненіе весьма низкаго головного указателя женщинъ-якутокъ ($80,_{82}$, т.-е. равнаго указателю русскихъ якутянъ—$81,_{06}$), во вліяніи на форму ихъ головы русскихъ матерей и бабушекъ, такъ какъ семьи, въ которыхъ Н. Л. Геккеръ изслѣдовалъ женщинъ, далеко не свободны отъ смѣшенія съ русскими. Предположеніе это стало бы довольно вѣроятнымъ, если бы было доказано, что форма головы усваивается дочерьми преимущественно отъ матерей, въ соотвѣтствіи тому, что мы видимъ у метисовъ-мужчинъ,

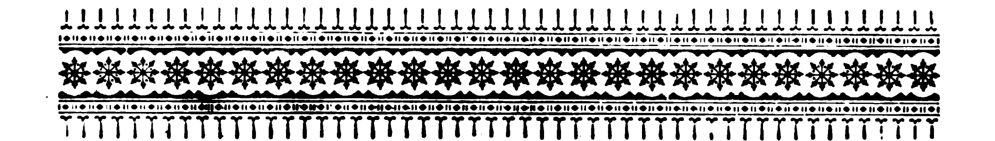
---

[1]) Въ матеріалахъ Н. Л. Геккера имѣются, между прочимъ, измѣренія лица по третямъ: верхней, средней и нижней; быть-можетъ, разработка этихъ данныхъ позволитъ впослѣдствіи установить, какая именно треть настолько велика у метисовъ, что вся длина ихъ лица оказывается больше якутской.

голова которыхъ по своей формѣ представляетъ полное сходство съ головою предковъ по мужской линіи.

Прилагаемые къ настоящему очерку фотографическіе снимки метисовъ Борисова и Шестакова хорошо передаютъ своеобразность физіономіи якутско-русской помѣси, тогда какъ портреты якутовъ Иванова и Петрова и всѣхъ трехъ якутокъ могутъ дать представленіе о типѣ, наиболѣе распространенномъ въ массѣ улуснаго населенія. Всѣ эти снимки выполнены, по моей просьбѣ, проживающимъ въ г. Якутскѣ фотографомъ П. Т. Лозяновымъ, который руководствовался при выборѣ субъектовъ указаніями такихъ компетентныхъ якутовъ, какъ В. М. Іоновъ и Э. К. Пекарскій. Пользуюсь случаемъ, чтобы выразить всѣмъ этимъ лицамъ свою благодарность за оказанное ими содѣйствіе.

И. Майновъ.



Къ антропологіи литовскаго племени.

Нынѣшнюю область разселенія народа, говорящаго литовскимъ языкомъ, составляютъ губерніи: Сувалкская съ уѣздами Маріампольскимъ, Кальварійскимъ, Сейненскимъ, вся Ковенская, Виленская съ уѣздами Виленскимъ, Трокскимъ, частью Лидскаго, Свенцянскаго и Ошмянскаго и Гродненская, гдѣ лишь на самомъ сѣверѣ живетъ незначительное количество литовцевъ; въ прусскихъ предѣлахъ ими заселена восточная полоса, приблизительно ограниченная линіей, проведенной черезъ гг. Лабіау и Инстербургъ отъ моря до русской границы, въ которую входятъ уѣзды Пилкалнскій, Столупянскій, Тильзитскій, Рагнитскій, Нижній и по правую сторону Нѣмана Клайпедскій и Гейдекругскій. По мнѣнію нѣкоторыхъ авторовъ, численность литовцевъ доходитъ до 2 милліоновъ, изъ которыхъ на прусскую Литву приходится 252.000 слишкомъ человѣкъ (Köppen). Цифра эта относится къ прошлымъ годамъ, притомъ опредѣлена по догадкамъ, и лишь недавняя всероссійская перепись укажетъ болѣе вѣрное количество литовцевъ, живущихъ въ Россіи. Всѣ изслѣдователи, писавшіе о Литвѣ, раздѣляютъ литовскій народъ на двѣ группы—собственно литовцевъ и жмудиновъ, и нѣкоторые даже подозрѣваютъ болѣе существенное между ними различіе. Дѣло въ томъ, что вопросъ этотъ могутъ разъяснить лишь антропологическія изслѣдованія, а лингвистическія данныя не даютъ права для такого сужденія, ибо литовецъ и жмудинъ, напримѣръ, только различно произносятъ нѣкоторые двугласные и въ иныхъ случаяхъ согласные звуки *d* и *t*, хорошо понимая другъ друга, но грамматическія формы и строй обоихъ говоровъ вполнѣ одинаковы. А. Киркоръ въ «Живописной Россіи» такъ опредѣляетъ ихъ раздѣлительную границу, пріобрѣтающую важное значеніе въ томъ случаѣ, когда антропометрическія изслѣдованія ведутся надъ литовцами и жмудинами отдѣльно,—отъ Полангена по границѣ Курляндской губ. до мѣстности Жагоры черезъ Шакиновъ, Куршаны, Куртовяны, Шидловъ, Таурогенъ, затѣмъ по Нѣману до самаго моря

(уу. Клайпедскій и Гейдекругскій); вся западная часть будетъ составлять территорію жмудскаго говора. Такое опредѣленіе несравненно вѣрнѣе другихъ существующихъ (Талько-Грынцевича, Köppen'a).

Общая родина литовцевъ на народномъ языкѣ называется Lietuva (Лѣтува), а сами литовцы зовутъ себя lietuvei (лѣтувей), жмудины—zemaicei (жемайчей); различіе между этими названіями чисто этимологическое, и послѣднее изъ нихъ, происходящее отъ слова zémas (низкій), означаетъ жителей, населяющихъ нижнюю область Литвы, ближе къ морю. Согласно съ этимъ Жмудь въ литовскомъ языкѣ называется Zèmaja Lietuva (Нижняя Литва), а прочая часть Литвы—Augstaja Lietuva (Высокая Литва), ея жители—augstaicei (аугштайчей), отъ слова augstas—высокій. Это подраздѣленіе существовало уже во времена Витовта и раньше. Не такъ легко зато разъяснить значеніе перваго имени—lietuvei. По этому поводу у знатока литовскаго языка и исторіи С. Дауконта [1]) мы читаемъ: «Откуда происходитъ слово lietuvei, трудно нынѣ высказаться, такъ какъ одни выводятъ его происхожденіе отъ liètus (дождь; Bohusz, Köppen)› другіе—отъ lotà (жердь, брусокъ; Карамзинъ), но каждый, понимающій литовскій языкъ, ясно видитъ ничтожество подобнаго вывода. Но если многіе народы опредѣляютъ происхожденіе своего имени отъ слова знаменательнаго, подобно славянамъ, производящимъ свое имя отъ «слава», такъ же и литовцы могутъ происходить отъ слова leta, ибо это слово считается почетнымъ, и даже нынѣ еще говорятъ: létos vyras, létingas vyras—славный, доблестный мужъ; оно было извѣстно уже въ древности и означало человѣка выдающагося».

Съ незапамятныхъ временъ, насколько далеко простираются историческія свѣдѣнія о литовцахъ, послѣдніе обитали среди тѣхъ же полей и лѣсовъ, что и нынѣ, окруженные чуждыми народами и прижатые къ морю; какъ полагаетъ С. Даукоитъ, уже во времена Птоломея (170 л. послѣ Р. X.) они жили въ теперешней родинѣ. Кто были аборигены этой страны, когда и откуда пришли литовскія племена къ Балтійскому побережью, рѣшить трудно; самыя древнія литовскія пѣсни, этотъ памятникъ старины, ничего не говорятъ объ этомъ, вспоминаютъ лишь рѣку Дунай, хотя значеніе этого воспоминанія давно исчезло изъ памяти народной. Какъ говоритъ Киркоръ, тотъ же Дунай воспѣвается и въ бѣлорусскихъ пѣсняхъ, и онъ думаетъ, что его имя занесено сюда древними выходцами, южными славянами. Очень своеобразное и интересное существуетъ мнѣніе (Басановичъ), что литовцы раньше жили на Балканскомъ полуостровѣ и вообще у Чернаго моря и только носили тамъ въ языкѣ греческихъ историковъ иныя имена—гетовъ, массагетовъ и др. Весьма любопытно, что въ исторіи Геродота многія имена и названія рѣкъ Балканскаго полуострова имѣ-

[1]) Lietuvos istorija S. Daukanto. 1850.

ють звуки, какъ бы знакомые уху природнаго литовца, притомъ языкъ литовскій находятъ подобнымъ языку упомянутыхъ гетовъ и древнихъ ѳракійцевъ. Къ этому мы еще вернемся нѣсколько ниже.

О происхожденіи литовцевъ существуетъ столько мнѣній, сколько ихъ вообще можно было высказать. Одни приписываютъ имъ родственныя узы со славянами (Thunmann, Storch, Adelung, Köppen, Safarik, Соловьевъ, F. Pauly, Peschel, Watson, Fr. Müller; Rittich предполагаетъ смѣшеніе кельтскаго и славянскаго племенъ), другіе—съ кельто-германцами (Trautvetter), третьи—съ финнами (Hartknoch), иные даже считаютъ ихъ потомками римскихъ колонистовъ [1]). Какъ видимъ, большинство авторовъ склонно признать наибольшее родство литовцевъ со славянскимъ племенемъ. Съ другой стороны, есть авторы (A. Schlötzer, Гриммъ, Н. А. Янчукъ), считающіе ихъ вмѣстѣ съ латышами самостоятельной вѣтвью индоевропейскаго племени, стоявшей нѣкогда на-ряду съ вѣтвями славянской, германской и др.; сюда же присоединяется и литовскій историкъ С. Дауконтъ, который говоритъ, что языкъ литовскій—древнѣйшій среди индоевропейскихъ языковъ и имѣетъ съ языками греческимъ и латинскимъ общее родственное происхожденіе. Если основываться исключительно на лингвистическихъ данныхъ, то, несмотря на наибольшую близость литовскаго языка изъ всѣхъ теперешнихъ европейскихъ къ славянскому по богатству словъ уменьшительныхъ и ласкательныхъ и грамматическому строю (Schleicher), въ силу ихъ все-таки огромнаго различія слѣдуетъ отдать справедливость мнѣнію послѣднихъ авторовъ.

Родичами литовцевъ были нѣкогда пруссы, жившіе между Нѣманомъ и Вислою и частью истребленные въ XVII в. въ войнахъ съ рыцарями, частью германизированные, также древніе ятвяги, населявшіе нынѣшнюю Гродненскую и Минскую губ., принявшіе католическую вѣру въ 1264 г. и равнымъ образомъ погибшіе въ войнахъ со славянскими народами. Какъ тѣ, такъ и другіе, спасаясь отъ враговъ, выселялись съ родины, искали убѣжища въ глубинѣ литовской земли и тамъ передали кровь своимъ соплеменникамъ. Достойна вниманія,—говоритъ Крашевскій,—та настойчивость, съ какою готовили поляки и русскіе гибель ятвягамъ. Это указываетъ на сильное и очень опасное развитіе ихъ народности для сосѣдей, грозящей ближайшимъ землямъ. Помимо противопоставленнаго въ неравной борьбѣ мужества, ятвяги должны были пасть. Окончательное истребленіе народа, веденное съ такимъ упорствомъ, должно остановить вниманіе изслѣдователей». Имя ятвяговъ имѣетъ звукъ, несвойственный литовскому языку, и д-ръ Басановичъ [2]) показалъ съ очевидностью, что истинное ихъ названіе getvei (гятви) или съ прибавкой суффикса getvingi, напоми-

---

[1]) См. у Киркора, Brennsohn'а, Otto Waeber'а.

[2]) *Dr. Basanavicius.* Etnologiskos smulkmenos. Tilže, 1893.

нающее о бывшемъ когда-то у нихъ въ распространеніи скотоводствѣ, было искажено иностранными хронистами и привело къ тому многообразію названій, какое является въ языкахъ латинскомъ, нѣмецкомъ и польскомъ. Далѣе, въ одномъ мѣстѣ своей книги онъ говоритъ: «Предки литовцевъ въ различныхъ мѣстахъ были называемы различными именами, опредѣлявшими тѣ этническія единицы, изъ которыхъ слагался весь народъ. Что такихъ именъ въ древности было очень много, свидѣтельствуютъ остатки именъ, которыми и нынѣ литовцы другъ друга прозываютъ. Всякое такое мѣстное имя могло быть сообщено всему народу, если-бъ какое-нибудь племя стало господствующимъ, какъ это послѣ было съ литовцами". Имена Aisti, Gutones, Getae, Daci, Venedi и др., упоминаемыя Питеемъ, Тацитомъ, Пліиніемъ, Птоломеемъ и болѣе новыми авторами, любившими писать по-латыни, при перечисленіи племенъ, населявшихъ правую сторону Вислы и бассейнъ Нѣмана, говорятъ въ пользу того, что «въ глубокой древности въ литовской землѣ жили многія племена съ такими именами, которыя сегодня исчезли безслѣдно или сохранились только въ названіяхъ рѣкъ, деревень, фамилій. Эти древнія имена литовскихъ племенъ очень важны и доказательны въ томъ отношеніи, что, будучи въ этимологическомъ смыслѣ идентичны съ именами ѳракійцевъ, повидимому, указываютъ на тѣ мѣста, откуда они прибыли въ теперешнюю Литву». Допустивъ основательность сужденій Басановича, нужно признать, что на литовскихъ племенахъ, издавна засѣвшихъ въ дремучихъ лѣсахъ Литовскаго и Балтійскаго края, обильнаго болотами, менѣе всего отразилось передвиженіе народовъ, и они избѣгнули смѣшенія съ послѣдними, сохранивъ въ большей сравнительно съ другими чистотѣ свое происхожденіе, языкъ, свои языческія вѣрованія и преданія.

Литовское племя раньше занимало болѣе широкіе, чѣмъ въ наше время, предѣлы, которые сузились, благодаря насильственному многовѣковому истребленію во имя христіанской религіи, ставшей тогда для литовца мечемъ преслѣдованія, религіи, къ которой онъ теперь такъ фанатически привязанъ; этому способствовало также поглощеніе нѣкоторыхъ литовскихъ племенъ сосѣдними элементами съ полною утратою ими прирожденнаго языка или съ такимъ обширнымъ измѣненіемъ подъ вліяніемъ другого, что нынѣ онъ уже не признается языкомъ древнихъ литовцевъ, каковъ есть языкъ нынѣшней Курляндіи—латышскій.

Если и можетъ быть въ наше время рѣчь о постоянномъ уменьшеніи численности литовцевъ (что сомнительно), то все-таки такое явленіе можетъ вызываться не естественнымъ вымираніемъ, а развѣ ассимиляціей въ пограничныхъ пунктахъ сосѣдними народами, или же широкой эмиграціей въ чужія страны, преимущественно въ Сѣв. Америку. Къ сожалѣнію, нѣтъ никакихъ данныхъ о ходѣ роста литовскаго населенія, но существу-

ютъ цифры [1]), относящіяся къ 1861—1876 гг. для губерній Ковенской, Виленской и Гродненской, гдѣ литовское населеніе составляетъ 46% вообще для всѣхъ трехъ губерній. Изъ нихъ видно, что за десятилѣтіе 61—70 гг. населеніе увеличилось на 15%, а въ шестилѣтіе 71—76 гг. еще на 10%, такъ что въ полное 20-тилѣтіе увеличеніе населенія области простиралось до 30—32%. Увеличеніе это обнаруживается какъ изъ разработанныхъ Центральнымъ Комитетомъ свѣдѣній, такъ изъ сравненія численности сельскаго населенія области по 10-й ревизіи съ численностью его по семейнымъ спискамъ 1878 г. Въ той же статьѣ Семенова плотность населенія исчислена въ 33 чел. на 1 кв. версту, каковая плотность была выше плотности Московской промышленной области; это согласуется и съ данными проф. Д. Н. Анучина за 1889 г. [2]), указывающими 35—50 чел. на 1 кв. вер. для Ковенской и 25—35 для Виленской губ. Интересныя цифры, хотя и устарѣвшія и имѣющія не совсѣмъ прямое отношеніе къ литовцамъ, приводитъ проф. Анучинъ о ходѣ смертности населенія въ различныхъ русскихъ губерніяхъ за 15-тилѣтіе 1868—1883 гг. Коэффиціентъ смертности (на 1000 чел.) имъ представленъ такъ: для губ. Виленской за 68—70 гг. онъ былъ равенъ 29,3, за 1882 г.—28,8, за 1883 г.—23; такимъ образомъ за этотъ промежутокъ времени онъ уменьшился на 21% слишкомъ отъ первоначальнаго; за тѣ же года для Ковенской губ.—26,1—37,9—21,8, т.-е. уменьшеніе на 39%. Приведенныя свѣдѣнія даютъ право думать, что и за послѣдующее 15-тилѣтіе 83—98 гг. измѣненіе коэффиціента, даже если и въ обратную сторону, было не въ значительной степени, и что литовское населеніе имѣетъ склонность къ естественному приросту.

Дальнѣйшій очеркъ имѣетъ цѣлью представить результуты тѣхъ изслѣдованій, которыя были произведены мною въ 1898 г. въ Маріампольскомъ у., Сувалкской губ., въ мѣстности надъ Нѣманомъ въ 10 вер. отъ Ковна и Ковенской губ. въ окрестностяхъ мѣст. Биржи, Поневѣжскаго у., м.м. Субочъ и Лауждедишки, Вилькомирскаго у., и затѣмъ въ мѣст. Попеляны, Шавельскаго у. Объектами измѣреній были исключительно крестьяне (70 чел.), въ возрастѣ 19—66 лѣтъ, и крестьянки (30 ч.), отъ 17 до 60 лѣтъ, сохранившіе свой литовскій типъ въ чистотѣ языка, характерности обычаевъ и, повидимому, въ несмѣшанномъ происхожденіи.

Цвѣтъ волосъ. Многіе писатели и путешественники, какъ болѣе стараго, такъ и новаго времени, посѣтившіе Литву, описывая народъ литовскій, приписывали ему свѣтлый типъ, т.-е. свѣтлые волосы, глаза и

[1]) Статья Семенова въ „Жив. Россіи“, т. III.

[2]) *Д. Н. Анучинъ.* О геогр. распредѣленіи роста муж. насел. Россіи. Пет. 1889.

бѣлую кожу, такъ что онъ давно заслужилъ эпитетъ свѣтловолосаго и голубоглазаго. По нашимъ изслѣдованіямъ, большая часть литовцевъ имѣетъ на головѣ (борода, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и усы обыкновенно брѣются) свѣтлорусые волосы: на этотъ цвѣтъ падаетъ 53,1% для обоихъ половъ (муж. 47,7% и женщ. 64,5%); темнорусый цвѣтъ волосъ составляетъ 40,8% (муж. 44,8%, жен. 32,3%) и черный 6,1% (муж. 7,5%, жен. 3,2%); настоящихъ бѣлокурыхъ волосъ, имѣющихъ цвѣтъ льна, у взрослыхъ мужчинъ и женщинъ встрѣчено не было.

Отсюда видно, что волосы литовскихъ женщинъ свѣтлѣе мужскихъ волосъ, и вообще свѣтлый цвѣтъ имѣетъ преобладаніе передъ другими. Подобныя этимъ цифры даетъ и Н. А. Янчукъ [1]): на свѣтлорусые вмѣстѣ съ бѣлокурыми и рыжими (8,5%), встрѣченными только у мужчинъ, приходится 52,8% (муж. 51,4%, жен. 55,6%), на темнорусые—39,6% (муж. 42,9%, жен. 33,3%) и черные—7,6% (муж. 5,7%, жен. 11,1%). Изъ 59 муж., изслѣдованныхъ Brennsohn'омъ, [2]) только 2 имѣли волосы темнорусые (dunkelbraun), у всѣхъ же остальныхъ они были свѣтлые (blond—38 и hellbraun—19); изъ 39 жен. черный цвѣтъ волосъ былъ у 3-хъ, темнорусый—у 1-ой, у всѣхъ остальныхъ—свѣтлый (blond—19 и hellbraun—16). При сравненіи цвѣта волосъ литовцевъ съ таковымъ ихъ сосѣдей—латышей и бѣлоруссовъ, оказывается, что они въ этомъ отношеніи занимаютъ какъ разъ середину: волосы ихъ въ общемъ свѣтлѣе волосъ бѣлоруссовъ (Янчукъ), но темнѣе волосъ латышей [3]) (у послѣднихъ женскіе также свѣтлѣе мужскихъ). Это лучше видно изъ слѣдующей таблицы:

	Свѣтлорусые.	Темнорусые.	Черные.
Бѣлоруссы (Янчукъ)	47,8%	48,5%	3,7%
„ (Баронасъ)	53,1%	40,8%	6,1%
Литовцы (Янчукъ)	52,8%	39,6%	7,6%
Латыши (Waeber)	65%	33%	(2% сѣдые)

Итакъ, преобладающимъ цвѣтомъ волосъ, хотя не въ значительной степени, является у литовцевъ свѣтлорусый, въ меньшей у мужчинъ и въ большей у женщинъ.

Ц в ѣ т ъ г л а з ъ. Самымъ частымъ цвѣтомъ глазъ является голубой, на долю котораго приходится 55% (муж. 58,6%, жен. 46,6%), затѣмъ карій—17% (муж. 15,7%, жен. 20%) и въ одинаковой мѣрѣ сѣрый и зеленый, имѣющіе по 14% (для муж. по 12,8% и жен. по 16,7% на каждый).

[1]) *Н. А. Янчукъ.* Къ вопросу объ антропологич. типѣ литовцевъ. „Дневн. Антр. Отд.“, 1900 г., в. V.

[2]) *Brennsohn.* Zur Anthropologie der Litauer. Dorpat, 1883.

[3]) *Otto Waeber.* Beiträge zur Anthropologie der Letten. Dorpat, 1879.

По Brennsohn'у, на голубые и сѣро-голубые глаза падаетъ 51%, на каріе—19%, синевато-сѣрые—19% и сѣрые—11%. Талько-Грынцевичъ [1]) также нашелъ, что синіе глаза у литовцевъ и латышей составляютъ большую часть (57,5%). Изъ всѣхъ этихъ цифръ видно, что голубой цвѣтъ глазъ, со всѣми его оттѣнками, у литовцевъ есть главенствующій; онъ уступаетъ по степени частоты такому же цвѣту глазъ у латышей (Waeber), у которыхъ на голубой и сѣро-голубой приходится 64%. У бѣлоруссовъ, повидимому, голубой цвѣтъ встрѣчается немного рѣже (Талько-Грынцевичъ). Слѣдующая таблица поясняетъ сказанное:

	Голубые	и сѣро-голубые.		Каріе.	Сѣрые.	Прочіе цвѣта.
Литовцы (Brennsohn)	(36%)	51%	(15%)	19%	11%	19%
„ (Янчукъ)	35,9%		39,6%	11,3%	13,2%	—
„ (Баронасъ)		55%		17%	14%	14%
Латыши (Waeber)		64%		19%	10%	7%

Ростъ литовцевъ-мужчинъ, представляя очень сильныя колебанія (386 mm.), измѣняется въ предѣлахъ maximum'а 1842 mm. и minimum'а 1456 mm. Существованіе очень низкорослыхъ на-ряду съ очень высокорослыми подтверждается и данными Д. Н. Анучина, указывающими, что Ковенская губ. отличается значительнымъ процентомъ (2,1%—2,5%) непринятыхъ рекрутъ за недостаточнымъ ростомъ (1534 mm.), хотя процентъ очень высокорослыхъ рекрутъ (1778 mm.), по сравненію съ другими губерніями, въ Ковенской также высокъ (3,07%). Близкимъ къ колебанію муж. роста представляется колебаніе роста литовскихъ женщинъ, именно 252 mm. между max. 1678 mm. и min. 1426 mm.

При подраздѣленіи мужского роста на обычныя 4 категоріи, наибольшій процентъ падаетъ на ростъ выше средняго, которому немного уступаетъ ростъ ниже средняго, а процентъ высокаго имѣетъ преобладаніе передъ низкимъ.

Низкій ростъ	(1450—1600) . . .	12,85%	(9 особей)
Ниже средняго	(1600—1650) . . .	31,42%	(22 „)
Выше средняго	(1650—1700) . . .	38,57%	(27 „)
Высокій ростъ	(1700—1850) . . .	17,14%	(12 „)

При болѣе подробномъ разсмотрѣніи измѣненія процентности мужского роста, оказывается, что онъ имѣетъ не одинъ, какъ можно было ожидать, maximum, а два, раздѣленные нѣкоторымъ промежуткомъ; это-же явленіе наблюдается и изъ чиселъ роста Brennsohn'a, гдѣ на предѣлы 1600—1620 mm. и 1680—1700 mm. падаетъ наибольшее число особей. Нѣчто подобное замѣчается и въ измѣненіи процентности роста женщинъ. Слѣдующая таблица подтвердитъ вышесказанное:

[1]) *Ю. Талько-Грынцевичъ.* Къ антропологіи Литвы и Бѣлоруссіи. Пет., 1894 г.

	Мужчины.		Женщины.	
	(Баронасъ)	(Brennsohn)	(Баронасъ)	(Brennsohn)
1426—1440	—	—	1 (3,33%)	1
1441—1460	1 (1,43%)	—	1 (3,33%)	2
1461—1480	—	—	3 (10%)	1
1481—1500	—	—	1 (3,33%)	1
1501—1520	—	—	4 (13,33%)	5
1521—1540	—	1	5 (16,66%)	8
1541—1560	1 (1,43%)	2	2 (6,66%)	8
1561—1580	3 (4,28%)	4	3 (10%)	5
1581—1600	4 (5,71%)	3	6 (20%)	7
1601—1620	14 (20%)	7	1 (3,33%)	—
1621—1640	7 (10%)	5	1 (3,33%)	—
1641—1660	3 (4,28%)	4	1 (3,33%)	2
1661—1680	11 (15,71%)	11	1 (3,33%)	—
1681—1700	14 (20%)	12	—	—
1701—1720	4 (5,71%)	2	—	—
1721—1740	4 (5,71%)	3	—	—
1741—1760	1 (1,43%)	3	—	—
1761—1780	2 (2,85%)	1	—	—
1781—1800	—	2	—	—
1842	1 (1,43%)	—	—	—

Изъ четырехъ уѣздовъ, въ которыхъ производились измѣренія, Поневѣжскій представляетъ самыхъ рослыхъ мужчинъ, имѣющихъ въ среднемъ 1668,3 mm. (19 ос.), затѣмъ слѣдуетъ Шавельскій (11 жмудинъ) съ ростомъ въ 1665,5 mm., Сувалкская губ. (16 ос.) съ ростомъ въ 1651,5 mm., и самые низкорослые находятся въ Вилькомирскомъ уѣздѣ (34 ос.)—1647,2 mm.

Средняя величина роста мужчинъ—*1656,2 mm.*, выше которой ростъ имѣли 38 особей изъ 70 и ниже 32 особи; для женщинъ средняя величина—*1546,8 mm.* съ одинаковымъ числомъ особей (по 15) по ту и другую сторону этой средней. Близкія этимъ цифры приводитъ для средняго роста литовцевъ и Brennsohn: муж.—1662 mm., жен.—1548,6 mm. При суммированіи моихъ данныхъ и Brennsohn'а средній ростъ оказывается равнымъ у мужчинъ 1658,8 mm. и у женщинъ 1547,8 mm.; слѣдовательно, ростъ литовцевъ—средній, съ большею наклонностью къ высокому, чѣмъ къ низкому. Литовцы ниже латышей (1704), а литвинки ниже латышскихъ женщинъ (1563).

Наибольшій продольный діаметръ головы (между glabella и protuberantia occipitalis externa), колеблясь въ предѣлахъ 168—196 mm. у мужчинъ и между 165—188 mm. у женщинъ, представляетъ слѣдующія измѣненія по группамъ въ 5 mm.:

	Мужчины.					
	Пон.	Вильк.	Шав.	Сув. г.	Всего.	Женщины.
168—170	2	1	—	—	3 или 4,28%	5 или 16,66%
171—175	1	2	—	—	3 „ 4,28%	6 „ 20%
176—180	3	9	4	—	16 „ 22,85%	7 „ 23,33%
181—185	8	6	3	4	21 „ 30%	9 „ 30%
186—190	2	8	3	2	15 „ 21,42%	3 „ 10%
191—195	3	6	1	—	10 „ 14,28%	—
196	—	2	—	—	2 „ 2,85%	—

Слѣдовательно, наибольшій процентъ мужчинъ имѣетъ величину продольнаго діаметра между 180—185 mm., и въ этомъ промежуткѣ находится средняя величина діаметра для мужчинъ—*184 mm.* Близкія этой среднія величины даютъ Талько-Грынцевичъ и Янчукъ: первымъ для литовцевъ найдено 187,7 mm. и жмудиновъ 186 mm., вторымъ—184,5 mm. (max.—200, min.—170); цифры Brennsohn'a (min.—178, max.—202, сред.—190,5 mm.) не могутъ быть сравниваемы, такъ какъ онъ измѣрялъ разсматриваемый діаметръ между корнемъ носа и самой выдающейся точкой затылочной кости. Для женщинъ средняя величина діаметра—*177,6 mm.*; Янчукъ приводитъ для нихъ—175,8 mm. (max. 185, min. 165).

Литовцы имѣютъ среднiй діаметръ (въ общемъ 186,4 mm.) меньшій, чѣмъ латыши (190,3 mm. по Waeber'у и 191,3 по Талько-Грынцевичу), и въ свою очередь большій, чѣмъ бѣлоруссы (по Т.-Грынцевичу: подляшане—184,5, западные бѣлоруссы—183,5 и восточные—184,7).

Поперечный наибольшій діаметръ. Наибольшая величина его у мужчинъ 166 mm. и наименьшая—140 mm.; у женщинъ—max. 157 и min. 140 mm. Болѣе точное представленіе объ этомъ діаметрѣ даетъ слѣдующая таблица:

	Мужчины.					
	Вильк. у.	Пон. у.	Шав. у.	Сув. губ.	Всего.	Женщины.
140	—	1	—	—	1 или 1,42%	3 или 10%
141—145	2	1	2	1	6 „ 8,57%	12 „ 40%
146—150	8	11	2	2	23 „ 32,85%	12 „ 40%
151—155	14	4	3	2	23 „ 32,85%	2 „ 6,66%
156—160	7	1	4	1	13 „ 18,57%	1 „ 3,33%
161—165	3	—	—	—	3 „ 4,28%	—
166	—	1	—	—	1 „ 1,42%	—

Средняя величина наиб. попереч. діаметра для литовцевъ-мужчинъ—*152,17 mm.* Талько-Грынцевичъ нашелъ для литовцевъ 153,7 mm. и жмудиновъ 151,7 mm.; Н. А. Янчукъ—151,2 mm. (max. 165, min. 140). Среднiй поперечный діаметръ головы женщинъ, по нашимъ измѣреніямъ, равенъ 146,36 mm., а по измѣреніямъ Янчука—144,4 mm. (max.—150, min.—135).

Головной указатель, какъ мужской, такъ и женскій, колеблется почти въ одинаковыхъ предѣлахъ: maximum для мужчинъ—89,72 и minimum—75,51; для женщинъ: max.—89,71, min.—76,92.

Наибольшее число какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, имѣетъ указатель выше 83,33.

		Мужчины.					Женщины.
		Вильк.	Пон. у.	Шав.	Сув. г.	Всего.	
Долихоцефалы	(—75)	—	—	—	—	—	—
Субдолихоцефалы	(75,01—77,77)	1	1	3	—	5 или 7,14%	3 или 10%
Мезатицефалы	(77,78—80)	4	6	—	3	13 „ 18,57%	4 „ 13,33%
Суббрахицефалы	(80,01—83,33)	13	7	1	2	23 „ 32,86%	11 „ 36,66%
Брахицефалы	(83,34—)	16	5	7	1	29 „ 41,42%	12 „ 40%

Такимъ образомъ, въ отношеніи строенія черепа у литовцевъ самый частый типъ брахицефалическій, другіе слѣдуютъ въ порядкѣ убывающихъ степеней частоты, настоящіе же долихоцефалы не были встрѣчены вовсе. Наклонность литовцевъ къ брахицефаліи опредѣлили также J. Brennsohn и Н. А. Янчукъ.

	Мужчины.			Женщины.		
	(Янчукъ).	(Brennsohn).	(Баронасъ).	(Янчукъ).	(Brennsohn).	(Баронасъ).
Долихоцефалы . .	2,86%	1,66%	—	—	—	—
Субдолихоцефалы.	5,72%	10%	7,14%	5,56%	—	10%
Мезатицефалы . .	25,71%	15%	18,57%	22,22%	2,5%	13,33%
Суббрахицефалы .	25,71%	41,66%	32,86%	33,33%	47,5%	36,66%
Брахицефалы . .	40%	31,66%	41,42%	38,89%	50%	40%

Типъ женщинъ въ общемъ выказываетъ меньше разнообразія, чѣмъ типъ мужчинъ, такъ какъ у послѣднихъ онъ варіируетъ отъ крайней долихоцефаліи до крайней брахицефаліи, у первыхъ же настоящая долихоцефалія никѣмъ засвидѣтельствована не была. Суммируя всѣ данныя о строеніи черепа литовцевъ, какъ мужчинъ, такъ женщинъ, мы найдемъ, что на брахицефалію приходится наибольшій процентъ—39,92%, на долю другихъ послѣдовательно меньше: на суббрахицефалію—36,75%, на мезатицефалію—15,81%, на субдолихоцефалію—6,71% и, наконецъ, долихоцефалія содержитъ незначительный процентъ—0,78%. Средній головной указатель у мужчинъ—*82,73*, у женщинъ—*82,49*.

	Бѣлоруссы.	Литовцы.	Латыши.	Эсты.	Ливы.	Литовки.	Латышки.
(Brennsohn).	—	81,76	—	—	—	83,89	—
(Т.-Грын.).	81,78 (подл.) 82,12 (з.)— 82,34 (в.)	81,88 (л.)— 81,55 (ж.)	78,51	—	—	—	—
(Янчукъ) .	—	81,93	—	—	—	82,14	—
(Баронасъ).	—	82,73	—	—	—	82,49	—
(Waeber) .	—	—	80,50	—	—	—	79,65
(Grube) . .	—	—	—	79,05	—	—	—
(Waldhauer)	—	—	—	—	80	—	—
		82,2					

Изъ этой таблицы видно, что мужской головной указатель литовцевъ, нѣсколько уступая женскому, очень близко стоитъ къ головному указателю бѣлоруссовъ и сравнительно больше удаляется отъ указателя латышей и финскихъ народностей, эстовъ и ливовъ, у которыхъ сказывается общность въ относительно маломъ головномъ указателѣ и въ абсолютно большихъ размѣрахъ продольнаго діаметра.

Лицевая линія (длина лица). Наибольшая длина лица у мужчинъ—202 mm. и наименьшая—157 mm.; у женщинъ max.—185 и min.—160 mm.

	Мужчины.					
	Вильк.	Пон.	Шав.	Сув.	Всего.	Женщины.
157—160	—	1	—	—	1 или 1,42%	2 или 6,66%
161—165	1	1	1	—	3 „ 4,28%	6 „ 20%
166—170	1	1	—	1	3 „ 4,28%	12 „ 40%
171—175	1	—	2	1	4 „ 5,71%	6 „ 20%
176—180	3	5	1	—	9 „ 12,85%	3 „ 10%
181—185	6	4	1	2	13 „ 18,57%	1 „ 3,33%
186—190	12	2	3	2	19 „ 27,14%	—
191—195	5	5	2	—	12 „ 17,14%	—
196—202	5	—	1	—	6 „ 8,57%	—

Средняя длина лица мужчинъ—*184,9 mm.*; Brennsohn'омъ и Янчукомъ она найдена въ 183,4 mm. (max.—207, min.—162 mm.); у женщинъ средняя длина лица—*169,6 mm.*; Brennsohn даетъ для нихъ 168,9 mm. (max.—183, min.—150), Янчукъ—165,9 mm. (max.—188, min.—150). Всѣ предыдущія измѣренія головы литовцевъ превосходили таковыя бѣлоруссовъ, но въ данномъ случаѣ, если вывести среднюю ариѳметическую изъ представленныхъ цифръ длины лица литовцевъ, окажется, что она (184 mm.) нѣсколько уступаетъ длинѣ лица бѣлоруссовъ, а также и латышей; лицо литовскихъ женщинъ также короче лица бѣлорусскихъ и латышскихъ женщинъ.

	Бѣлоруссы.	Литовцы.		Латыши.	Эсты.	Ливы.	Бѣлоруски.	Литвинки.		Латышки.
(Brennsohn).	—	183,4	184	—	—	—	—	168,9	168,5	—
(Янчукъ) .	184,6	183,4		—	—	—	168,8	165,9		—
(Баронасъ).	—	184,9		—	—	—	—	169,6		—
(Waeber) .	—	—		185,2	186	184	—	—		171,8

Наибольшая ширина лица (между скуловыми дугами) представляетъ гораздо меньшее колебаніе, чѣмъ его длина: отъ max. 148 до min. 128 mm., а у женщинъ—отъ 140 до 121 mm.; объ измѣненіи ея величинъ по группамъ можно судить по слѣдующей таблицѣ:

Мужчины.

	Вильк.	Пон.	Шав.	Сув. г.	Всего.	Женщины.
121 -124	—	—	—	—	—	2 или 6,66%
125—127	—	—	—	—	—	2 „ 6,66%
128—130	—	2	1	—	3 или 4,28%	7 „ 23.33%
131—133	1	3	—	1	5 „ 7,14%	10 „ 33,33%
134—136	4	5	2	3	14 „ 20%	6 „ 20%
137—139	11	5	—	1	17 „ 24,28%	1 „ 3,33%
140—142	11	2	4	1	18 „ 25,71%	2 „ 6,66%
143—145	5	1	4	1	10 „ 14,28%	—
146—148	2	1.	—	—	3 „ 4,28%	—

Средняя ариѳметическая для мужчинъ—*138,8 mm.*; по Янчуку—140 mm. (max.—150, min.—125 m.m.), а по Brennsohn'у—132 mm. (max—145, min.—119). Для женщинъ средняя ширина лица, равняющаяся *131,6 mm.*, абсолютно меньше, но взятая по отношенію къ росту больше мужской ширины лица, подобно тому, какъ это было съ продольнымъ и поперечнымъ головными діаметрами. Янчукъ для нихъ нашелъ 130,8 (max.—140, min.—125), Brennsohn—126 (max.—137, min.—111).

	Бѣло-руссы.	Литов-цы.		Латы-ши.	Эсты.	Ливы.	Бѣлорус-ски.	Литовки.		Латыш-ки.
(Brennsohn)	—	132	136,5	—	—	—	—	126	128,8	—
(Янчукъ)	139,2	140		—	—	—	129,3	130,8		—
(Баронасъ)	—	138,8		—	—	—	—	131,6		—
(Waeber)	—	—		122	132	117	—	—		114

Средня цифра 136,5 mm., вычисленная на основаніи всѣхъ данныхъ о ширинѣ лица литовцевъ, убѣждаетъ насъ, что ихъ лицо уже лица бѣлоруссовъ (139,2 mm.), но своими широтными размѣрами сильно превосходитъ лицо латышей (122 mm.), имѣющихъ въ этомъ, какъ и въ другихъ отношеніяхъ, ближайшую связь съ ливами (117 mm.); женщины подчиняются такому же правилу, какъ и мужчины. Хотя литовскія женщины и обладаютъ менѣе широкимъ лицомъ, чѣмъ мужчины, все-таки относительные его къ длинѣ размѣры болѣе мужскихъ, или, что то же, ихъ лица округлѣе мужскихъ. Для мужчинъ это отношеніе 75,16 и помѣщается между max. 83,03 и min. 68,08, для женщинъ—77,68 при max. 84,84 и min. 71,42. Измѣненіе по группамъ показано въ слѣдующей таблицѣ:

Мужчины.

	Вильк.	Пон.	Шав.	Сув. г.	Всего.	Женщины.
68,08— 71	4	2	1	1	8 или 11,42%	—
71,01— 74	12	8	3	2	25 „ 35,71%	3 или 10%
74,01— 77	7	4	3	1	15 „ 21,41%	7 „ 23,33%
77,01— 80	9	3	—	1	13 „ 18,57%	13 „ 43,33%
80,01— 83	1	2	3	1	7 „ 10%	6 „ 20%
83,01—84.84	1	—	1	—	2 „ 2,85%	1 „ 3,33%

Наименьшій лобный діаметръ измѣняется въ предѣлахъ max. 120 и min. 101 mm. у мужчинъ и отъ max. 118 до min. 99 mm. у женщинъ, при этомъ малые размѣры лобнаго діаметра (101—107) были найдены въ 15 случаяхъ, средніе (108—113)—въ 31 случаѣ и большіе—въ 24-хъ. Въ нижепомѣщенной таблицѣ показано измѣненіе величинъ діаметра по группамъ, разграниченнымъ на 4-миллиметровые промежутки.

	Мужчины.					Женщины.
	Вильк.	Пон.	Шав.	Сув. г.	Всего.	
99—100	—	—	—	—	—	3 или 10%
101—104	1	2	1	—	4 или 5,71%	3 „ 10%
105—108	6	3	2	3	14 „ 20%	12 „ 40%
109—112	11	7	2	3	23 „ 32,86%	10 „ 33,33%
113—116	14	3	6	—	23 „ 32,86%	1 „ 3,33%
117—120	2	4	—	—	6 „ 8,56%	1 „ 3,33%

Средняя величина наименьшаго лобнаго діаметра литовцевъ—*111 mm.* и по Brennsohn'у 113,8 mm. (max.—130, min.—102)—превосходитъ діаметры всѣхъ сравниваемыхъ народностей, исключая эстовъ, которые имѣютъ гораздо большій лобный діаметръ; бѣлоруссы и въ данномъ случаѣ стоятъ ближе къ литовцамъ, чѣмъ латыши. У женщинъ средняя величина—*107,4 mm.*, а по Brennsohn'у—109,5 mm. (max.—120, min—98).

	Бѣлоруссы.	Литовцы.	Латыши.	Ливы.	Эсты.	Литовки.	Латышки.
(Brennsohn)	—	113,8	—	—	—	109,5	—
(Т.-Грынцев.)	подляш. 108,6—109,2	109,4		—	—	—	—
(Баронасъ)	—	111	—	—	—	107,4	—
(Waeber)	—	—	106,2	110	126	—	103,2

Объ отношеніи наименьшаго лобнаго діаметра къ наибольшему поперечному головному нужно сказать, что оно у мужчинъ колеблется сильнѣе (max. 82,19, min. 66,88), чѣмъ у женщинъ (max. 80,82, min. 69,44) и у послѣднихъ въ среднемъ (73,43) больше, чѣмъ у первыхъ (72,99). Изъ слѣдующаго видно измѣненіе отношенія:

	Мужчины.					Женщины.
	Вильк.	Пон.	Шав.	Сув. г.	Всего	
66,88— 70	5	1	2	1	9 или 12,85%	2 или 6,66%
70,01— 75	20	12	7	5	44 „ 62,85%	19 „ 63,33%
75,01— 80	9	5	2	—	16 „ 22,85%	8 „ 26,66%
80,01—82,19	—	1	—	—	1 „ 1,43%	1 „ 3,33%

Верхняя ширина лица (между наружными краями глазницъ) колеблется у мужчинъ между max. 110 mm. и min. 95 mm., у женщинъ это колебаніе на 4 mm. меньше—отъ max. 103 до min. 92 mm.

	Мужчины.					
	Вильк.	Пов.	Шав.	Сув. г.	Всего.	Женщины.
92— 95	2	3	—	1	6 или 8,57%	10 или 33,33%
96— 98	5	6	3	2	16 „ 22,85%	9 „ 30%
99-101	16	7	4	2	29 „ 41,42%	8 „ 26,66%
102-104	7	1	1	—	9 „ 12,85%	3 „ 10%
105—107	2	2	3	1	8 „ 11,42%	—
108—110	2	—	—	—	2 „ 2,85%	—

Средняя ширина для всѣхъ мужчинъ—*100* и женщинъ—*97*,*4* mm. Верхняя ширина лица женщинъ, взятая по отношенію къ наибольшей его ширинѣ, превосходитъ отношеніе у мужчинъ, именно: у женщинъ оно равняется 74,05 (max. 78,51, min. 69,69), а у мужчинъ—72,11 (max. 78,57, min. 67,56), иначе говоря, выступаніе скуловыхъ дугъ въ стороны у мужчинъ значительнѣе, чѣмъ у женщинъ.

	Мужчины.					
	Вильк.	Пон.	Шав.	Сув. г.	Всего.	Женщины.
67,56— 69	4	1	2	—	7 или 10%	—
69,01— 71	9	5	2	1	17 „ 24,28%	3 или 10%
71,01— 73	11	6	3	2	22 „ 31,42%	6 „ 20%
73,01— 75	7	4	3	2	16 „ 22,85%	13 „ 43,33%
75,01—78,57	3	3	1	1	8 „ 11,42%	8 „ 26,66%

Нижняя ширина лица (между углами нижней челюсти), колеблясь у мужчинъ между max. 116 и min. 93 mm. и у женщинъ между max. 110 и min. 87 mm. имѣетъ слѣдующія измѣненія по группамъ, раздѣленнымъ на 4-миллиметровые промежутки.

	Мужчины.					
	Вильк.	Пон.	Шав.	Сув. г.	Всего.	Женщины.
87— 91	—	—	—	—	—	4 или 13,33%
92— 95	2	3	1	—	6 или 8,57%	8 „ 26,66%
96— 99	1	2	—	1	4 „ 5,71%	9 „ 30%
100—103	10	3	1	2	16 „ 22,85%	4 „ 13,33%
104—107	12	7	2	2	23 „ 32,85%	3 „ 10%
108—111	6	4	2	1	13 „ 18,57%	2 „ 6,66%
112—116	3	—	5	—	8 „ 11,42%	—

Нижніе широтные размѣры лица у литовцевъ уступаютъ своею величиною наименьшему лобному діаметру, отличаясь тѣмъ отъ латышей и ливовъ, у которыхъ замѣчается совсѣмъ обратное; эсты, благодаря сильному развитію у нихъ лобнаго діаметра, составляютъ въ этомъ случаѣ исключеніе изъ общаго правила близкаго сходства ихъ измѣреній съ таковыми же латышей и ливовъ, находимаго изъ сопоставленія всѣхъ описываемыхъ племенъ. Латышскія женщины, между прочимъ, не слѣдуютъ

правилу своихъ мужчинъ, имѣя меньшую нижнюю ширину лица, чѣмъ лобный діаметръ, согласуясь въ томъ съ литовцами. Средняя величина нижней ширины лица у литовскихъ мужчинъ равняется *104,8* mm. и у женщинъ *97,3* mm. Brennsohn опредѣлилъ соотвѣтственно большія величины: у мужчинъ—109,9 mm. (max. 122, min. 96 mm.) и у женщинъ 103 mm. (max. 116, min. 93).

	Литовцы.	Латыши.	Ливы.	Эсты.	Литовки.	Латышки.
(Brennsohn)	109,9	—	—	—	103	—
(Баронасъ)	104,8	—	—	—	97,3	—
(Waeber)	—	110,6	113	113	—	99,8

У литовскихъ женщинъ нижняя ширина лица, не только абсолютная, но и взятая по отношенію къ наибольшей его ширинѣ, является меньше мужской; такое отношеніе для мужчинъ въ среднемъ—75,5 (max. 84,05, min. 66,9) и для женщинъ 74,25 (max. 82,7, min. 66,92). Такимъ образомъ, нижніе относительно-широтные размѣры лица женщинъ уступаютъ мужскимъ; между тѣмъ мы видѣли, что всѣ ихъ верхніе размѣры превосходятъ мужскіе; иначе говоря, женское лицо, при своей сравнительно малой длинѣ, показываетъ особенность суживаться книзу и расширяться въ верхнихъ частяхъ за относительные предѣлы размѣровъ мужского.

Высота лба (отъ корня носа до волосъ) изъ всѣхъ трехъ частей лицевой линіи представляетъ самую измѣнчивую величину; въ особенности это замѣтно у мужчинъ: начинаясь отъ самой малой въ 50 mm., она весьма неправильно возрастаетъ до 79 mm. и обнаруживаетъ такимъ образомъ колебаніе болѣе, чѣмъ на половину, своей наименьшей величины; у женщинъ это колебаніе не достигаетъ такой степени, будучи заключено между 49—69 mm. Brennsohn у литовцевъ, а Waeber у латышей нашли его еще болѣе сильнымъ; отсюда слѣдуетъ, что высота лба у литовцевъ, колеблясь въ широкихъ предѣлахъ, есть величина самая непостоянная среди измѣреній головы. Ея средняя ариѳметическая для мужчинъ—66,5 и для женщинъ 59,1 mm.; къ сожалѣнію, послѣднихъ данныхъ нельзя сравнить съ подобными для латышей, ливовъ и эстовъ, такъ какъ при измѣреніи авторами употребленъ иной способъ опредѣленія; однако, можно видѣть, что самымъ высокимъ лбомъ обладаютъ ливы (65), за ними слѣдуютъ латыши (64), эсты (62) и литовцы Brennsohn'а (56), т.-е. тутъ наблюдается почти обратный порядокъ тому, какой былъ при сопоставленіи наименьшихъ лобныхъ діаметровъ (широтныхъ) этихъ четырехъ племенъ. Отношеніе высоты лба ко всей длинѣ лица уже не имѣетъ такихъ значительныхъ колебаній, хотя они остаются все-таки неправильными: у мужчинъ наибольшее и наименьшее отношеніе 42,22—28,40, у женщинъ—39,42—29,94, среднія величины—35,9 и 34,85.

Изъ трехъ частей лицевой линіи самую большую величину имѣетъ нижняя треть (70,9 mm.), затѣмъ слѣдуетъ высота лба (66,5 mm.) и длина носа (средн.—54,9, max.—65, min.—46 mm); у женщинъ нижняя треть лица имѣетъ 65 mm., высота лба—59,1 и длина носа—50,7 mm. (max. 49, min. 42). Если взять отношенія каждой изъ перечисленныхъ величинъ ко всей лицевой линіи, то изъ сопоставленія мужскихъ и женскихъ отношеній оказывается, что относительная нижняя треть лица (38,38) одинакова у обоихъ половъ, а въ прочихъ относительныхъ величинахъ мужчины имѣютъ немного большую высоту лба (35,9 и 34,85), а женщины немного большую длину носа (29,73 и 29,9).

Длина носа. Къ сказанному о средней длинѣ носа литовцевъ нужно прибавить, что Brennsohn'омъ найдены значительно меньшія величины: для мужчинъ 49 mm. и для женщинъ 44,9 mm., отчего и соотвѣтствующія отношенія къ длинѣ лица получаются меньше. Но если вывести среднюю ариѳметическую изъ всѣхъ данныхъ о средней длинѣ носа литовцевъ, то получаются цифры: для мужчинъ 52,2 mm. и для женщинъ 47,4 mm., которыя показываютъ, что длина носа у литовцевъ болѣе таковой же бѣлоруссовъ и меньше латышей.

Бѣлоруссы. (Янчукъ)	Литовцы.	Латыши.	Бѣлорусски. (Янчукъ)	Литовки.	Латышки.
50,04	54,9 / 49 } 52,2	55	43,9	50,7 / 44,9 } 47,4	50
		—	—		—

Ширина носа въ своихъ среднихъ величинахъ почти одинакова у всѣхъ сравниваемыхъ народностей, отличаясь другъ отъ друга только десятыми долями миллиметра. Мужчины, по нашему опредѣленію, имѣютъ среднюю ширину носа въ 35,1 mm. (max.—40, min.—30) и женщины 31,7 mm. (max.—35, min.—27).

Бѣлоруссы.	Литовцы.	Латыши.	Бѣлорусски.	Литовки.	Латышки.
35,3	35,1 35,4	34,8	32,4	31,7 32,7	31,4

Среднее отношеніе ширины носа къ его длинѣ для мужчинъ равняется 64,2 (max.—74,5, min.—50) и для женщинъ—62,8 (max. 73,8 min.—53,4). То же среднее отношеніе Brennsohn'омъ опредѣлено гораздо больше (72,9 и 71), благодаря тому, что имъ найдена значительно меньшая длина носа.

Высота носа. Средняя высота носа у мужчинъ имѣетъ 18,4 mm. (max.—23, min.—15) и у женщинъ—18,2 mm. (max.—23, min.—14), т.-е. разница между ними лишь 0,2 mm.; между тѣмъ отношеніе высоты носа къ его ширинѣ указываетъ между ними болѣе значительное различіе: для мужчинъ оно 52,7 и для женщинъ 57,5, иначе говоря, у женщинъ, при соотвѣтствующей ширинѣ носа, послѣдній выступаетъ впе-

редъ больше, чѣмъ у мужчинъ, или, въ обратномъ отношеніи, мужской носъ шире женскаго.

Нижняя треть лица (отъ подносовой точки до средины подбородка) измѣняется между 58—80 mm. у мужчинъ и 59—70 mm. у женщинъ, причемъ въ этихъ предѣлахъ заключаются среднія: для первыхъ—70,9, а послѣднихъ—65 mm.

	Мужчины.					Женщины.
	Вильк.	Пон.	Шав.	Сув. г.	Всего.	
58—61	1	2	—	—	3 или 4,28%	8 или 26,66%
62—64	—	—	1	1	2 „ 2,85%	5 „ 16,66%
65—67	1	6	—	1	8 „ 11,42%	6 „ 20%
68—70	8	4	4	3	19 „ 27,14%	11 „ 36,66%
71—73	11	3	4	1	19 „ 27,14%	—
74—76	7	4	1	—	12 „ 17,14%	—
77—80	6	—	1	—	7 „ 10%	—

Среднія отношенія нижней трети ко всей линіи одинаковы у обоихъ половъ (муж.—38,38 и жен.—38,39), хотя колебаніе ихъ имѣетъ различныя крайнія величины: у мужчинъ—43,19—33,51, у женщинъ—42,5—34,28, при этомъ наибольшее количество отношеній, какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ, падаетъ на предѣлъ 37—39.

	Мужчины.					Женщины.
	Вильк.	Пон.	Шав.	Сув. г.	Всего.	
33,51—35	—	—	1	1	2 или 2,85%	2 или 6,66%
35,01—37	5	7	1	2	15 „ 21,42%	7 „ 23,33%
37,01—39	15	7	4	1	27 „ 38,57%	12 „ 40%
39,01—41	9	2	5	1	18 „ 24,28%	5 „ 16,66%
41,01—43,19	5	3	—	1	9 „ 12,85%	4 „ 13,33%

Длина нижней челюсти. Всѣ полученныя данныя помѣщаются между крайними 102—80 mm. у мужчинъ и 97—79 mm. у женщинъ; наибольшее число случаевъ приходится между 91—88 mm., гдѣ и заключается средняя мужская 90,4 mm., превышающая на 4,7 mm. среднюю женскую—85,7 mm.

	Мужчины.					Женщины.
	Вильк.	Пон.	Шав.	Сув. г.	Всего.	
79— 82	1	3	—	1	5 или 7,14%	7 или 23,33%
83— 85	5	4	1	—	10 „ 14,28%	9 „ 30%
86— 88	5	2	3	—	10 „ 14,28%	6 „ 20%
89— 91	6	5	1	3	15 „ 21,42%	4 „ 13,33%
92— 94	6	3	2	1	12 „ 17,14%	3 „ 10%
95— 97	7	1	2	1	11 „ 15,71%	1 „ 3,33%
98—100	2	1	1	—	4 „ 5,71%	—
101—102	2	—	1	—	3 „ 4,28%	—

Для длины нижней челюсти имѣются измѣренія и сосѣднихъ племенъ, изъ которыхъ можно усмотрѣть, что наибольшей длиной челюсти обладаютъ эсты, несмотря на свой сравнительно меньшій ростъ; литовцы же стоятъ нѣсколько въ сторонѣ отъ прочихъ трехъ народностей, имѣющихъ большія и болѣе близкія между собою величины.

	Литовцы.	Латыши.	Эсты.	Ливы.	Литовки.	Латышки.
Brennsohn.	90,98	96,41	100	98	86,82	87,32
Баронасъ.	90,4				85,7	

Изъ разсмотрѣнія лицевыхъ измѣреній литовцевъ и другихъ племенъ приходимъ къ заключенію, что верхнія широтныя величины лица литовцевъ, какъ наименьшій лобный діаметръ, наибольшая ширина лица между скуловыми дугами, разстояніе между внѣшними прорѣзами глазъ, превышаютъ почти всѣ подобныя величины сравниваемыхъ племенъ; только у однихъ бѣлоруссовъ болѣе развиты скуловыя дуги, а у эстовъ больше лобный діаметръ и разстояніе между прорѣзами глазъ. Но, напротивъ, длиннотные размѣры лица, лицевую линію, длину носа, литовцы имѣютъ, если не близкіе, то меньшіе, чѣмъ прочія племена. Нижняя челюсть, какъ ея длина, такъ разстояніе между углами, у литовцевъ оказывается сравнительно слабѣе. Почти въ такомъ же отношеніи лицевыхъ величинъ, какъ мужчины, находятся и литовскія женщины къ латышкамъ и бѣлорусскамъ. При сравненіи ихъ лица съ лицомъ литовцевъ оказывается, что у мужчинъ всѣ абсолютныя величины лица больше женскихъ, а относительныя, наоборотъ, меньше, за исключеніемъ нижней ширины лица и высоты лба.

Высота черепной чаши (полученная чрезъ вычитаніе высоты надъ поломъ слухового отверстія изъ высоты роста) у женщинъ колеблется въ большей степени (max.—**145**, min.—**101**), чѣмъ у мужчинъ (max.—**145**, min.—**115**).

	Мужчины.	Женщины.
101—105	—	1 или 3,33%
106—110	—	1 „ 3,33%
111—115	—	3 „ 10%
116—120	6 или 8,57%	5 „ 16,66%
121—125	13 „ 18,57%	8 „ 26,66%
126—130	19 „ 27,14%	5 „ 16,66%
131—135	12 „ 17,14%	2 „ 6,66%
136—140	14 „ 20%	3 „ 10%
141—145	6 „ 8,57%	2 „ 6,66%

Средняя мужская составляетъ **130,6** mm., женская—**124,6** mm. На высоту черепной чаши, по нашимъ наблюденіямъ, оказываетъ вліяніе ростъ: въ уѣздахъ съ высшимъ ростомъ найдена и большая высота черепа; такъ, считая въ порядкѣ пониженія роста, для Поневѣжскаго у. эта

высота—132,9 mm., для Шавельскаго у.—130,2, для Сувалкской губ.—128,5 и Вилькомирскаго у.—129,8 mm.

Горизонтальная окружность головы. Наибольшіе размѣры окружности головы, найденные у мужчинъ, достигаютъ 587 mm., наименьшіе—525 mm., средняя—555,8 mm. У женщинъ средняя—539 mm., max.—558, min.—510 mm.

	Мужчины.					
	Вильк.	Пон.	Шав.	Сув. г.	Всего.	Женщины.
510—520	—	—	—	—	—	2 или 6,66%
521—530	—	1	—	—	1 или 1,42%	6 „ 20%
531—540	4	3	1	1	9 „ 12,86%	9 „ 30%
541—550	5	6	2	2	15 „ 21,42%	8 „ 26,66%
551—560	10	4	4	3	21 „ 30%	5 „ 16,66%
561—570	5	3	3	—	11 „ 15,71%	—
571—580	9	2	1	—	12 „ 17,14%	—
581—587	1	—	—	—	1 „ 1,42%	—

Изъ сравненія головныхъ окружностей всѣхъ сопоставляемыхъ племенъ можно замѣтить, что лишь одни латыши имѣютъ превышающую среднюю величину головной окружности литовцевъ. Бѣлоруссы въ данномъ случаѣ больше уклоняются отъ литовцевъ, чѣмъ латыши.

	Литовцы.	Латыши.	Бѣлоруссы.	Эсты.	Ливы.	Литовки.	Латышки.
Brennsohn. .	553,8	558,4	547	551	552	545,3	539,8
Баронасъ. .	555,8					539	
	554,8					542,6	

Продольная дуга (отъ корня носа до затылочнаго бугра) отличается сильнымъ колебаніемъ—для мужчинъ 390—320 mm., для женщинъ 360—300 mm.

	Мужчины.					
	Вильк.	Пон.	Шав.	Сув. г.	Всего.	Женщины.
300—310	—	—	—	—	—	2 или 6,66%
311—320	—	1	—	—	1 или 1,42%	5 „ 16,66%
321—330	2	3	1	1	7 „ 10%	7 „ 23,33%
331—340	10	2	2	1	15 „ 21,43%	11 „ 36,66%
341—350	9	6	7	2	24 „ 34,28%	4 „ 13,33%
351—360	7	4	—	1	12 „ 17,14%	1 „ 3,33%
361—370	5	3	—	—	8 „ 11,42%	—
371—380	—	—	1	1	2 „ 2,85%	—
381—390	1	—	—	—	1 „ 1,42%	—

Ея среднія величины (муж.—347,6 и жен.—331,2 mm.) превышаютъ среднія, указанныя Бреннзономъ для литовцевъ и другими авторами для прочихъ племенъ, изъ числа которыхъ выдѣляются только эсты, имѣющіе среди всѣхъ наибольшую лобно-затылочную дугу.

	Литовцы.	Латыши.	Эсты.	Ливы.	Литовки.	Латышки.
Brennsohn .	337,4	339,3	356	342	326	329.7
Баронасъ .	347,6				331,2	
	342,8				328,2	

Такъ какъ упомянутая дуга сочетаетъ въ себѣ измѣренія, лежащія въ сагиттальной плоскости, т.-е. продольный діаметръ и высоту черепа, и такъ какъ первый изъ нихъ у литовцевъ меньше, чѣмъ у латышей и у финскихъ племенъ, то нужно думать, что превосходство лобно-затылочной дуги литовцевъ надъ таковыми другихъ вызвано или большей высотой ихъ черепа, или же структурой профиля ихъ черепной чаши, т.-е. крутымъ и высокимъ лбомъ и равномѣрной округлостью затылка.

Среднія отношенія дуги къ горизонтальной окружности, мужское 62,53 (max.—66,96, min.—58,24) и женское 60,97 (max.—65,45, min.—57,87), показываютъ, что женщины имѣютъ меньшую относительную затылочно-лобную дугу, чѣмъ мужчины.

	Мужчины.					
	Вильк.	Пон.	Шав.	Сув. г.	Всего.	Женщины.
57,87—59	1	—	1	—	2 или 2,85%	3 или 10%
59,01—60	2	1	1	—	4 „ 5,71%	6 „ 20%
60,01—61	2	3	1	1	7 „ 10%	6 „ 20%
61,01—62	8	1	2	1	12 „ 17,14%	2 „ 6,66%
62,01—63	11	5	3	1	20 „ 28,57%	7 „ 23,33%
63,01—64	6	2	—	1	9 „ 12,85%	5 „ 16,66%
64,01—65	2	5	1	1	9 „ 12,85%	—
65,01—66	1	1	1	—	3 „ 4,28%	1 „ 3,33%
66,01—66,96	1	1	1	1	4 „ 5,71%	—

Поперечная дуга (ушная), имѣя меньшую абсолютную величину, чѣмъ предыдущія, представляетъ и меньшую степень колебанія: для мужчинъ оно заключено между крайними 380—312 mm., для женщинъ—между 356—308 mm.

	Мужчины.					
	Вильк.	Пон.	Шав.	Сув. г.	Всего.	Женщины.
308—320	2	—	—	—	2 или 2,85%	4 или 13,33%
321—330	2	1	4	2	9 „ 12,85%	14 „ 46.66%
331—340	7	4	4	3	18 „ 25,71%	7 „ 23,33%
341—350	14	5	1	1	21 „ 30%	3 „ 10%
351—360	8	6	2	—	16 „ 22,85%	2 „ 6,66%
361—370	1	2	—	—	3 „ 4,28%	—
371—380	—	1	—	—	1 „ 1,42%	—

Среднія поперечныя дуги (муж.—343,3 и жен.—330,4 mm.), подобно среднимъ продольнымъ, оказываются также больше среднихъ Бреннзона. Замѣчательно то, что поперечная дуга литовцевъ превышаетъ соотвѣтствующій размѣръ латышей, эстовъ и ливовъ.

	Литовцы.		Латыши.	Эсты.	Ливы.	Литовки.		Латышки.
Brennsohn .	336,7	340,2	315,7	323	337	328,1	329,1	303,2
Баронасъ .	343,3					330,4		

Выдающаяся величина поперечной дуги литовцевъ находитъ себѣ соотвѣтствіе вообще въ немалыхъ размѣрахъ широтныхъ измѣреній головы; надо къ тому же предполагать, что и строеніе темени, именно его выпуклость, не остается безъ вліянія на поперечную дугу, ибо иначе трудно объяснить, почему, напр., латыши, несмотря на большія горизонтальную окружность и другія головныя измѣренія, уступаютъ литовцамъ въ величинѣ обѣихъ дугъ.

Между средними отношеніями поперечной дуги къ окружности существуетъ у обоихъ половъ лишь незначительная разница, меньшая, чѣмъ въ предыдущемъ случаѣ: мужское отношеніе—61,75, женское—61,26.

	Вильк.	Пон.	Шав.	Сув. г.	Всего.	Женщины.
57,03— 58	—	—	1	—	1 или 1,42%	2 или 6,66%
58,01— 59	1	—	—	—	1 „ 1,42%	3 „ 10%
59,01— 60	6	6	3	2	13 „ 18,57%	3 „ 10%
60,01— 61	5	2	1	1	9 „ 12,85%	3 „ 10%
61,01— 62	10	2	5	2	19 „ 27,14%	10 „ 33,33%
62,01— 63	7	2	—	1	10 „ 14,27%	5 „ 16,66%
63,01— 64	3	4	1	—	8 „ 11,42%	3 „ 10%
64,01— 65	2	4	—	—	6 „ 8,57%	—
65,01— 66	—	1	—	—	1 „ 1,42%	—
66,01— 67	—	1	—	—	1 „ 1,42%	—
67,01—68,03	—	1	—	—	1 „ 1,42%	1 „ 3,33%

Крайними отношеніями служатъ цифры: для мужчинъ 68,03—57,32, для женщинъ—67,16—57,03.

Слѣдовательно, по головнымъ измѣреніямъ, среди всѣхъ сравниваемыхъ племенъ литовцы, какъ мужчины, такъ и женщины, отличаются высокой брахицефаліей, болѣе всего приближающей ихъ къ бѣлоруссамъ и вызванной, съ одной стороны, малымъ продольнымъ діаметромъ, съ другой—большимъ поперечнымъ. Абсолютные размѣры ихъ головной чаши также занимаютъ довольно отчетливое мѣсто, такъ какъ опредѣляющія ихъ величины—поперечная дуга превосходитъ всѣ подобныя другихъ племенъ, продольная дуга меньше таковой лишь эстовъ, а горизонтальная окружность оказывается меньше только окружности латышей.

Длина туловища (разница между высотой плеча и промежности) варьируетъ отъ 535 до 688 mm., при этомъ чаще всего она заключается между 576—595 mm.

Мужчины.

535—555	6 или 8,57%	616—635	10 или 14,28%
556—575	8 „ 11,42%	636—655	10 „ 14,28%
576—595	19 „ 27,14%	656—675	3 „ 4,28%
596—615	12 „ 17,14%	676—688	2 „ 2,85%

Средняя абсолютная длина туловища равняется 604,3 mm., относительная—36,48 (max.—39,44, min—33,12).

Мужчины.

33,12—34	3 или 4,28%	37,01— 38	12 или 17,14%
34,01—35	6 „ 8,57%	38,01— 39	11 „ 15,71%
35,01—36	23 „ 32,85%	39,01—39,44	3 „ 4,28%
36,01—37	11 „ 17,14%	—	—

Ширина плечъ (между акроміальными отростками ключицъ) колеблется у мужчинъ въ предѣлахъ 326—276 mm. и у женщинъ—295—265 mm.

	Мужчины.	Женщины.
265—270	—	6 или 20%
271—275	—	5 „ 16,66%
276—280	1 или 1,42%	6 „ 20%
281—286	2 „ 2,85%	8 „ 26,66%
286—290	4 „ 5,71%	3 „ 10%
291—295	8 „ 11,42%	2 „ 6,66%
296—300	17 „ 24,28%	—
301—305	10 „ 14,28%	—
306—310	11 „ 15,71%	—
311—315	8 „ 11,42%	—
316—320	7 „ 10%	—
321—326	2 „ 2,85%	—

Средняя ширина плечъ у мужчинъ—303,4, у женщинъ—278,7 mm.

Окружность груди[1]). Наименьшая встрѣченная окружность имѣетъ 832 mm., а наибольшіе ея размѣры достигаютъ 1010 mm. Колебаніе прочихъ величинъ, помѣщающихся между этими крайними, видно изъ слѣдующей таблицы:

Мужчины.

832—850	3 или 4,28%	931—950	8 или 11,42%
851—870	6 „ 8,57%	951—970	11 „ 15,71%
871—890	9 „ 12,85%	971—990	6 „ 8,57%
891—910	14 „ 20%	1010	1 „ 1,42%
911—930	12 „ 17,14%	—	—

Средняя абсолютная окружность груди литовцевъ, имѣющая 919.3, а по Бреннзону 922,3 mm. (max.—1060, min.—820 mm.), уступаетъ всѣмъ подобнымъ величинамъ, указаннымъ для латышей и финскихъ племенъ.

	Литовцы.	Латыши.	Эсты.	Ливы.	Литовки.	Латышки.
Бреннзонъ.	922,3	954,9	939	930	876,6	887,3
Баронасъ.	919,3	—	—	—	—	—

---

[1]) Измѣреніе взято при свободномъ дыханіи и при поднятыхъ надъ головой рукахъ, причемъ лента накладывалась какъ разъ подъ нижними углами лопатокъ—сзади и поверхъ сосковъ—спереди.

Среди отношеній окружности груди къ росту находятся только три случая, не превышающіе 50, т.-е. три субъекта со слабымъ развитіемъ груди; на долю всѣхъ прочихъ приходятся болѣе высокія отношенія, чаще всего падающія на 56—57 и достигающія maximum'a въ 60,54.

Мужчины.

49,94—50	3	или	4,28%	55,01—56	5	или	7,14%
50,01—51	1	„	1,42%	56,01—57	15	„	21,42%
51,01—52	2	„	2,85%	57,01—58	6	„	8,57%
52,01—53	6	„	8,57%	58,01—59	5	„	7,14%
53,01—54	10	„	14,28%	59,01—60	6	„	8,57%
54,01—55	8	„	11,42%	60,01—60,54	3	„	4,28%

На ростъ низкій приходится въ среднемъ отношеніе 58,21, на ростъ ниже средняго—56,48, на ростъ выше средняго—54,53 и на высокій—54,17. Нѣчто подобное замѣчается при сравненіи среднихъ отношеній у разныхъ племенъ; однако, латыши, несмотря на болѣе высокій ростъ, отличаются также большимъ отношеніемъ, чѣмъ литовцы. Среднее отношеніе окружности груди послѣднихъ къ росту 55,56.

	Литовцы.	Латыши.	Эсты.	Ливы.	Литовки.	Латышки.
Бренизонъ.	55,47	56,01	57,15	53,57	56,58	56,77
Баронасъ.	55,56	—	—	—	—	—

Длина верхней конечности (разность между высотой плеча и конца средняго пальца надъ поломъ) измѣняется у мужчинъ въ границахъ 878—703 mm., у женщинъ 789—662 mm.

	Мужчины.	Женщины.
662—672	—	2 или 6,66%
673—692	—	5 „ 16,66%
693—712	1 или 1,42%	3 „ 10%
713—732	3 „ 4,28%	8 „ 26,66%
733—752	8 „ 11,42%	5 „ 16,66%
753—772	17 „ 24,28%	4 „ 13,33%
773—792	15 „ 21,42%	3 „ 10%
793—812	14 „ 20%	—
813—832	9 „ 12,85%	—
833—852	2 „ 2,85%	—
853—878	1 „ 1,42%	—

Средняя длина верхней конечности литовцевъ довольно значительна (781,2 mm.): она уступаетъ длинѣ руки только высокорослыхъ ливовъ; та же длина у женщинъ—723,8 mm.

	Литовцы.	Латыши.	Эсты.	Ливы.	Литовки.	Литовки.
Бреннзонъ.	780	765	748	788	723,7	693,6
Баронасъ.	781,2	—	—	—	723,8	—

Относительная длина руки литовцевъ больше таковой тѣхъ племенъ, у которыхъ замѣчалось обратное для абсолютной длины. Женская рука относительно короче (46,79) мужской (47,17). Всѣ мужскія отношенія заключены между max. 50,8 и min. 43,93, женскія—между 49,45—44,08.

	Мужчины.	Женщины.
43,93— 44	2 или 2,85%	—
44,01— 45	1 „ 1,42%	3 или 10%
45,01— 46	11 „ 15,71%	5 „ 16,66%
46,01— 47	16 „ 22,85%	8 „ 26,66%
47,01— 48	21 „ 30%	9 „ 30%
48,01— 49	15 „ 21,42%	3 „ 10%
49,01—50,8	4 „ 5,71%	2 „ 6,66%

Длина кисти руки (отъ pr. styloideus до конца средняго пальца) у мужчинъ maximum'омъ своимъ имѣетъ 222 mm. и minimum'омъ 162 mm., а у женщинъ тѣ же крайнія—210 и 162 mm.

	Мужчины.	Женщины.
162—170	2 или 2,85%	2 или 6,66%
171—180	2 „ 2,85%	6 „ 20%
181—190	11 „ 15,71%	9 „ 30%
191—200	25 „ 35,71%	6 „ 20%
201—210	22 „ 31,42%	7 „ 23,33%
211—222	8 „ 11,42%	—

Въ среднемъ длина мужской кисти руки равняется 197,7, женской—189,2 mm. Отношенія ихъ ко всей конечности показываютъ, что женская кисть (26,13) нѣсколько длиннѣе мужской (25,3).

Размахъ рукъ у литовцевъ въ среднемъ имѣетъ 1735,1 mm. (max. 1942, min. 1608 mm.), а у женщинъ—1615,9 mm. (max.—1730, min.—1465 mm.).

	Литовцы.	Латыши.	Эсты.	Ливы.	Литовки.	Латышки.
Бреннзонъ.	1762,2	1818	1766	1814	1622,8	1656
Баронасъ.	1735,1	—	—	—	1615,9	—

Длина нижней конечности (высота trochanter major надъ поломъ) имѣетъ колебаніе отъ 960 до 731 mm. у мужчинъ и отъ 840 до 700 mm. у женщинъ.

	Мужчины.	Женщины.
700—715	—	3 или 10%
731—745	1 или 1,42%	2 „ 6,66%
746—760	1 „ 1,42%	5 „ 16,66%
761—775	1 „ 1,42%	5 „ 16,66%
776—790	4 „ 5,71%	5 „ 16,66%
791—805	5 „ 7,14%	2 „ 6,66%
806—820	7 „ 10%	2 „ 6,66%
821—835	12 „ 17,14%	5 „ 16,66%

	Мужчины.	Женщины.
836—850	13 „ 18,57%	1 „ 3.33%
851—865	9 „ 12,85%	—
866—880	10 „ 14,28%	—
881—895	4 „ 5,71%	—
896—910	1 „ 1,42%	—
926—940	1 „ 1,42%	—
941—960	1 „ 1,42%	—

Такимъ образомъ, длина нижней конечности, подобно росту, колеблется у мужчинъ въ гораздо болѣе широкихъ предѣлахъ, чѣмъ у женщинъ. Средняя длина ноги у первыхъ—840,4, у вторыхъ—777,1 mm., а соотвѣтствующія среднія отношенія ихъ къ росту—50,73 и 50,23. Отсюда и изъ предыдущаго видно, что обѣ конечности у мужчинъ, какъ верхняя, такъ и нижняя, взятыя по отношенію къ росту, длиннѣе женскихъ.

	Мужчины.	Женщины.
47,95— 48,5	3 или 4,28%	3 или 10%
48,51— 49	3 „ 4,28%	1 „ 3,33%
49,01— 49,5	7 „ 10%	6 „ 20%
49,51— 50	9 „ 12,85%	4 „ 13.33%
50,01— 50.5	8 „ 11,42%	2 „ 6,66%
50,51— 51	9 „ 12,85%	6 „ 20%
51,01— 51,5	11 „ 15,71%	4 „ 13,33%
51,51— 52	7 „ 10%	1 „ 3,33%
52,01— 52,5	8 „ 11,42%	2 „ 6,66%
52,51—52,97	5 „ 7,14%	1 „ 3,33%

Крайнія мужскія отношенія—52,97 и 48,26 и крайнія женскія—52,51 и 47,95.

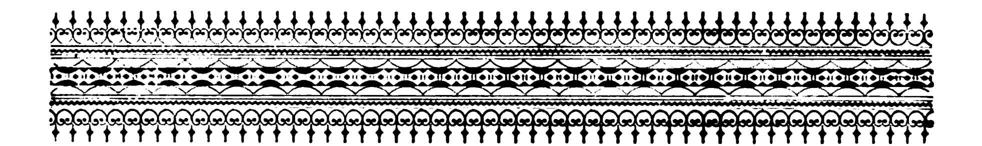
Длина ступни (отъ пятки до конца большого пальца) колеблется между крайними 284—230 mm. у мужчинъ и между 262—225 mm. у женщинъ.

	Мужчины.	Женщины.
225—235	1 или 1,42%	11 или 36,66%
236—245	8 „ 11,42%	7 „ 23,33%
246—255	22 „ 31,42%	10 „ 33,33%
256—265	21 „ 30%	2 „ 6,66%
266—275	15 „ 21,42%	—
276—284	3 „ 4,28%	—

Средняя длина мужской ступни—258,5, женской—241,2 mm.; соотвѣтствующія отношенія этихъ среднихъ къ длинѣ нижней конечности—30,75 и 31,03.

Мы не рѣшаемся дѣлать иныхъ выводовъ, кромѣ тѣхъ, какіе разбросаны по разнымъ мѣстамъ статьи и какіе дозволилъ тѣсный матеріалъ, имѣющій цѣлью послужить добавочнымъ пособіемъ при новыхъ, болѣе обширныхъ антропологическихъ изслѣдованіяхъ литовскаго племени

И. Баронасъ.



Къ антропологіи айсоровъ.

Айсоры (ассуры) въ настоящее время живутъ въ долинахъ Персіи, къ западу отъ оз. Урміи, въ Азіат. Турціи, въ округѣ Хеккари (Хаккіари) Ванскаго санджака, въ вилайетахъ Эрзерумскомъ, Багдадскомъ и Діарбекирскомъ, а также въ Закавказьѣ, въ Эриванской губерніи, въ деревняхъ: Арзни, Гёль-Айсоры, Куйласарѣ Нижнемъ и Двинъ-Айсоры, Эриванскаго у., въ Шагріарѣ Маломъ, Эчміадзинскаго у., и въ Сіягутѣ, Шаруро-Даралагезскаго у. Кромѣ того, ихъ можно встрѣтить въ послѣднее время въ большихъ городахъ Закавказья, особенно въ Тифлисѣ. Э. Шантръ упоминаетъ еще дер. Алаклу, Шаруро-Даралагезскаго у., населенную айсорами, но въ оффиціальныхъ свѣдѣніяхъ деревня эта не упомянута.

Айсоры являются потомками древнихъ халдеевъ и ассиріянъ и, по ихъ преданіямъ[1]), происходятъ отъ второго сына Сима, внука Ноя, Ассура. Во времена могущества Вавилонскаго царства, распространившагося на южную часть Мессопотаміи, назыв. «Сенеаръ», Ассуръ выселился изъ Сенеарской земли и поселился въ области р. Тигра. Здѣсь онъ основалъ гор. Нинви (Ниневія), послужившій началомъ могущественной Ассирійской монархіи. Вскорѣ ассиріяне подчинили себѣ вавилонянъ, благодаря халдеямъ, которые основали въ южной части Мессопотаміи колонію и, подчинивъ себѣ вавилонянъ, соединились съ своими единоплеменниками ассиріянами. Халдеи, по преданію, происходятъ отъ Арфаксада, третьяго сына Сима. Судя по одной надписи ассирійскаго царя Саргона, царствовавшаго съ 721 по 704 г. до Р. Х., въ которой онъ говоритъ: «350 царей управляли Ассиріей до меня», начало Ассирійской монархіи надо отнести къ глубокой древности. До 606 г. до Р. Х. могущество ассирійскихъ царей все болѣе возрастало, и къ этому времени границы Ассирійской монархіи распространились до Средиземнаго моря и Индіи, включивъ въ себя весь бассейнъ Тигра и Ефрата, Арменію, Аравію, Эламъ, Израильскую землю

[1]) *П. Эйвазовъ.* Айсорскія легенды и сказки. „Сборн. матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавказа", вып. 18.

и Пареію. Въ эпоху своего могущества ассиріяне считались богатѣйшимъ и сильнѣйшимъ народомъ своего времени. Въ VI в. до Р. Х. ассиріяне потеряли свою политическую самостоятельность, подпавъ подъ владычество мидянъ и персовъ. Притѣсненія и грабежи завоевателей, постоянныя войны довели нѣкогда могущественное Ассирійское царство до полнаго разоренія. Послѣ принятія ассиріянами христіанства, отношенія между ними и персами, стремившимися навязать имъ религію Зороастра, а затѣмъ магометанство, еще болѣе ухудшились. Часть ассиріянъ, подпавшая подъ владычество Турціи, относящейся враждебно ко всѣмъ подвластнымъ ей христіанскимъ народностямъ, находится не въ лучшихъ, если не въ болѣе худшихъ условіяхъ. Благодаря постояннымъ притѣсненіямъ со стороны магометанскаго населенія Персіи и Турціи, айсоры начали переселяться въ Россію [1]). Такъ, послѣ русско-персидской войны 1827 г., съ разрѣшенія русскаго правительства, они подъ предводительствомъ Алла-Верди Тумаева, числомъ около 100 семействъ, переселились въ предѣлы Россіи, гдѣ окончательно поселились въ перечисленныхъ выше деревняхъ Эриванской губ. За послѣдніе годы эмиграція айсоровъ въ предѣлы Россіи значительно усилилась. Число айсоровъ, живущихъ въ Эриванской губ., равно 1250 (650 муж. и 600 жен.), что составляетъ 0,23% всего населенія губерніи. Въ послѣднее время число это значительно увеличилось.

Сами себя айсоры называютъ сирійцами, а айсоры, исповѣдующіе католическую религію,—халдеями. Въ Персіи они извѣстны подъ именемъ „назранъ“ (отъ слова Назаретъ); имя же айсоровъ имъ было дано армянами [2]).

Айсоры, живущіе въ Закавказьѣ, исповѣдуютъ православную религію, въ Персіи и Турціи—несторіанскую, хотя многіе изъ нихъ, благодаря дѣятельности миссіонеровъ, приняли протестантство и унію съ римскою церковью, а въ послѣднее время—православіе. Общее число айсоровъ опредѣлить трудно. Западные ученые (Nöldeke) насчитываютъ однихъ несторіанъ и айсоровъ-католиковъ, т. наз. халдеевъ, въ 150,000 чел., но, повидимому, число ихъ значительно больше. Такъ Я. Малома [3]) насчитываетъ ихъ только въ предѣлахъ Азіат. Турціи приблизительно около 102 тыс.

По изслѣдованіямъ Я. Маломы, айсоры приняли христіанство 60 лѣтъ спустя по вознесеніи Господа отъ двухъ учениковъ Іисуса Христа, Марода и Мармара, а впослѣдствіи они приняли ученіе Несторія.

Обряды крещенія, вѣнчанія и похоронъ, по мнѣнію Я. Маломы, со-

---

[1]) Истор.-этногр. замѣтки о сиро-халдеяхъ. Прилож. къ VIII т. „Изв. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О“.

[2]) *А. А. Ивановскій.* Айсоры. Статья въ „Большой Энциклопедіи“, т. I, стр. 206.

[3]) *Я. Малома.* Несторіане и округъ Хеккири. „Изв. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.“, 1873—74, т. II.

блюдаются айсорами не очень строго. Такъ, напр., болѣе зажиточные айсоры имѣютъ по нѣскольку женъ, въ чемъ нельзя не видѣть вліянія господствующаго магометанскаго населенія. Многоженство среди айсоровъ, живущихъ въ Эриванской губ., удостовѣряетъ и Шопенъ [1]), по мнѣнію котораго главнымъ препятствіемъ смѣшенія „несторіанцевъ" съ армянами является многоженство, хотя и не совсѣмъ явное. Благодаря отсутствію школъ и полному невѣжеству духовенства, религія среди айсоровъ въ большомъ упадкѣ. При сравнительно большомъ количествѣ церквей, онѣ содержатся въ нищетѣ, а священники и даже представители высшей духовной власти, благодаря ихъ некультурности, не пользуются должнымъ авторитетомъ и уваженіемъ среди населенія.

Помимо турецкихъ властей, у айсоровъ Азіат. Турціи существуетъ свое внутреннее управленіе, свои духовныя и свѣтскія власти, основанныя на выборныхъ началахъ. Главою всѣхъ айсоровъ-несторіанъ является *маршамунъ* или патріархъ, въ настоящее время лицо свѣтское, но прежде бывшее духовнымъ, доказательствомъ чему, кромѣ названія „патріархъ", служитъ и обѣтъ безбрачія и поста съ дѣтства, обязательный для избираемаго въ званіе маршамуна. Въ прежнія времена маршамунъ могъ быть избранъ изъ всего народа, но въ послѣднее столѣтіе онъ избирается только изъ фамиліи *Шагмиръ*. Избраніе маршамуна хотя и пожизненное, но въ случаѣ неудовольствія народъ можетъ смѣнить его, замѣнивъ другимъ. Въ турецкой администраціи маршамуну присвоивается мѣсто старшаго члена суда. Въ послѣднее время нѣкогда имѣвшая большія прерогативы власть маршамуна и его значеніе въ народѣ сведены къ нулю и выборы его есть только дань старинѣ. Для управленія райономъ въ 8—10 деревень избираются народомъ т. наз. *мелики*, находящіеся въ полномъ подчиненіи у турецкихъ чиновниковъ. Каждая деревня, въ свою очередь, имѣетъ *старшину*, лицо также выборное. Главою духовной власти является *митрополитъ*, избираемый соборомъ епископовъ и священниковъ. Обѣтъ безбрачія и поста обязателенъ. Мѣстопребываніе его—монастырь *Деръ*, гдѣ съ нимъ живутъ 3 епископа и 10 священниковъ. *Епископы* избираются соборомъ священниковъ; обѣтъ безбрачія и поста для нихъ также обязателенъ. Надъ нѣсколькими церквами епископомъ назначается одинъ старшій священникъ, называемый *архидіакономъ*. Священники, которыхъ бываетъ по одному или нѣсколько въ каждой церкви, смотря по приходу, назначаются епископами, митрополитомъ и маршамуномъ. Безбрачіе для нихъ не обязательно. На содержаніе духовенства митрополитомъ назначаются опредѣленныя деревни, платящія по одному піастру съ мужчины и по $^1/_2$ піастра съ женщины.

---

[1]) *П. Шопенъ.* Историч. памятникъ состоянія Армянской обл. въ эпоху ея присоединенія къ Россійской имп. Спб., 1852.

Живя въ довольно богатой и разнообразной по климату и характеру почвы мѣстности, турецкіе айсоры занимаются винодѣліемъ, садоводствомъ, пчеловодствомъ, сѣютъ сорочинскую крупу, пшеницу, ячмень, кукурузу, разводятъ нѣкоторые овощи: капусту, лукъ, картофель и др., смотря по мѣстнымъ условіямъ почвы и климата. Кромѣ того, нѣкоторыя деревни разводятъ табакъ и хлопчатникъ. Скотоводство, какъ крупное, такъ и мелкое, и молочное хозяйство также сильно распространено среди айсоровъ. Вывозная и ввозная торговля развита весьма слабо. Необходимыя для одежды матеріи изготовляются дома: изъ хлопка готовится бязь для бѣлья, а изъ шерсти—ткань, идущая на верхнюю одежду.

Айсоры, живущіе въ Эриванской губ., по свидѣтельству Э. Шантра, занимаются также скотоводствомъ (лошади, буйволы и пр.), садоводствомъ, а съ недавняго времени сушкой фруктовъ для экспорта. Винодѣліе у нихъ развито плохо; больше занимаются винокуреніемъ. Не имѣя своей собственной земли, они принуждены арендовать ее у сосѣдей, за что платятъ землевладѣльцамъ десятую часть урожая. Находящіеся въ большихъ городахъ Закавказья айсоры-эмигранты, число которыхъ послѣ послѣдней турецкой рѣзни особенно увеличилось, добываютъ себѣ пропитаніе тяжелымъ трудомъ поденщиковъ, мушей (такъ называются въ Тифлисѣ носильщики тяжестей), водовозовъ и пр.; кромѣ того, среди нихъ много каменщиковъ и штукатуровъ.

Одежда айсоровъ, живущихъ въ Россіи, нисколько не отличается отъ одежды армянъ. Турецкіе айсоры, по описанію Я. Маломы, одѣваются по-куртински, т.-е. куртка, шаровары и широкій поясъ; шапки высокія, войлочныя; обувь въ родѣ лаптей, только изъ шерсти, называемая „рашикъ". Одежда женщинъ состоитъ изъ широкихъ красныхъ шароваръ, перевязанныхъ внизу и у колѣнъ; сверху—бешметъ; на головѣ—шапочка, повязанная платкомъ, который завязывается подъ подбородкомъ. Женщины у всѣхъ айсоровъ ходятъ открытыми, свободны въ обращеніи и пользуются правомъ участія во всѣхъ празднествахъ и увеселеніяхъ.

Браки заключаются у айсоровъ главнымъ образомъ между собою, причемъ мужчины вступаютъ въ бракъ въ 16—18 лѣтъ, а дѣвушки въ 13—14.

Языкъ айсоровъ происходитъ изъ древне-сирійскаго языка, но потерпѣлъ большія измѣненія подъ вліяніемъ языковъ курдскаго, арабскаго, турецкаго и персидскаго. Ихъ священныя книги до настоящаго времени написаны на древне-сирійскомъ языкѣ, сильно отличающемся отъ обычнаго разговорнаго. Для окружающихъ народностей рѣчь айсоровъ непонятна. Съ большимъ трудомъ ихъ могутъ понимать евреи, въ виду большого сходства языка айсоровъ съ древне-еврейскимъ. При сношеніяхъ съ другими народностями они говорятъ на татарскомъ и почти всѣ знаютъ армянскій языкъ.

Переходя къ разбору антропометрическихъ данныхъ объ айсорахъ, необходимо замѣтить, что въ антропологическомъ отношеніи они очень мало изучены. До настоящаго времени въ литературѣ имѣются неполныя измѣренія только 43-хъ айсоровъ, произведенныя Э. Шантромъ (22 муж. и 5 жен.) [1]), Эркертомъ (5 муж.) [2]) и Н. Пантюховымъ (11 муж.) [3]). Хотя число измѣренныхъ мною въ г. Баку айсоровъ (несторіанъ) также очень невелико—всего 13 особей, но я рѣшаюсь опубликовать и этотъ незначительный матеріалъ, предполагая, что, за неимѣніемъ болѣе обширныхъ изслѣдованій, и онъ можетъ представить нѣкоторый интересъ.

Измѣренные мною айсоры имѣли возрастъ отъ 11 до 60 лѣтъ. Волосы у большинства слегка волнистые, темнаго цвѣта и густые: волосатость тѣла у большинства выражена рѣзко. Цвѣтъ кожи на открытыхъ и закрытыхъ мѣстахъ тѣла не представляетъ большой разницы и имѣетъ смуглый оттѣнокъ. Глаза у большинства темно-и свѣтло-каріе (№№ 3, 3—2, 3—4, 3—15 хроматической таблицы Брока) и только у двухъ субъектовъ—свѣтлые (№№ 14—15 и 4—15); разрѣзъ глазъ у всѣхъ безъ исключенія горизонтальный. Пульсъ и дыханіе не представляютъ никакихъ уклоненій отъ обычной нормы. По Эркерту, айсоры имѣютъ черные волосы, каріе глаза, высокій лобъ, толстыя губы, слабо выдающіяся скулы и плоскій затылокъ. По Н. Пантюхову, они также имѣютъ черные, слегка волнистые волосы и густыя брови. По описанію Э. Шантра, айсоры —смуглы, имѣютъ темные (изъ 27 чел.—18 брюнетовъ, 8 шатеновъ и 1 блондинъ), волнистые и гладкіе волосы (у 7 вьющіеся); глаза у большинства каріе (у 17 изъ 27—темно-каріе, у 9—каріе, у 1—голубовато-зеленые); губы тонкія, ротъ нормальный, открытый на 49 mm., правильные и здоровые зубы.

Ростъ. Средній ростъ у измѣренныхъ мною айсоровъ равенъ 1737 mm.; по измѣреніямъ Шантра, у мужчинъ онъ равенъ 1660 mm. и у женщинъ—1590 mm.; по Пантюхову, у 11 айсоровъ—1683 mm. Распредѣленіе айсоровъ, измѣренныхъ мною, Шантромъ и Пантюховымъ, по разрядамъ роста слѣдующее:

роста низкаго	(1400—1600)—	6	чел. или	13,9%
„ ниже средняго .	(1601—1650)—	9	„ „	20,9%
„ выше средняго .	(1651—1700)—	15	„ „	34,8%
„ высокаго	(1701 и выше)—	13	„ „	30,2%

Большій процентъ, слѣдовательно, падаетъ на двѣ послѣднія группы, и по имѣющимся, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, наблюденіямъ айсоровъ

[1]) *E. Chantre*. Recherches anthrop. dans le Caucase, t. IV, 1887 и „Arch. du Museum d'Hist. Natur. de Lyon“, t. VI, 1895.

[2]) *Р. фонъ-Эркертъ*. Антропол. измѣренія кавказ. народовъ. „Изв. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О“, т. VIII, 1884—85.

[3]) *Н. Н. Пантюховъ*. Антропол. наблюденія на Кавказѣ. „Зап. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.“, т. XV, 1893.

слѣдуетъ признать обладающими ростомъ выше средняго съ наклонностью къ высокорослости.

Величина головы у айсоровъ выражается довольно большой цифрой: въ среднемъ она равна 224,2 mm., колеблясь въ предѣлахъ между min. 210 и max. 241. Отношеніе ея къ росту—13,69 (min.—12,95, max.—14,22).

Высота черепа также довольно велика и въ среднемъ равна 140,6 mm. при minimum'ѣ 125 mm. и maximum'ѣ 164 mm. Отношеніе ея къ росту равно 8,60 (min.—7,43, max.—10,25), а отношеніе высоты черепа къ величинѣ головы—62,76 (min.—56,05, max.—72,24).

Головной указатель. При наибольшемъ поперечномъ діаметрѣ, равномъ 157,8 mm., и передне-заднемъ наибольшемъ въ 184,42 mm., головной указатель у измѣренныхъ мною айсоровъ въ среднемъ равенъ 85,67, колеблясь въ широкихъ предѣлахъ между min. 77,95 и max. 93,89. У 5 айсоровъ Эркерта средній головной указатель мало отличается отъ нашего: колеблясь въ предѣлахъ между 83,1—86,7, онъ равенъ 85. Пантюховъ на 11 айсорахъ получилъ большую цифру—87 (min.—80,5, max.—92,3). У 22 айсоровъ-мужчинъ, измѣренныхъ Шантромъ, средняя головного указателя выражается еще большею цифрою—89,50 (min.—83,72 и max. 95,97). Выводя среднюю для всѣхъ 50 айсоровъ, получимъ весьма высокій средній головной указатель—87,72 (min.—77,95 и max.—95,97). Распредѣленіе по группамъ даетъ слѣдующія цифры:

мезатицефалы . .	(77,78— 80)	—	2	чел. или	4%
суббрахицефалы .	(80,01—83,33)	—	4	„ „	8%
брахицефалы. . .	(83,34 и выше)	—	44	„ „	88%

Слѣдовательно, айсоры характеризуются по головному указателю крайней брахицефаліей. Изъ кавказскихъ народностей болѣе приближаются къ айсорамъ по разсматриваемому указателю: армяне (86,89—по Тварьяновичу [1]), 85,6—по Эркерту и 85,26 по Шантру), лезгины (85,9—по Эркерту и 86,46—по Шантру), кавказскіе евреи (85,3—по Эркерту) и лазы (87,48—по Шантру, 87,2—по Эркерту).

Наименьшій лобный діаметръ у айсоровъ сравнительно не великъ—109,5 mm. (min.—102, max.—115 mm.), а по отношенію къ наиб. поперечному діаметру—69,43 (min.—65,38, max.—75,66).

Лицевая линія (отъ начала волосъ до нижняго края подбородка) въ среднемъ, по нашимъ измѣреніямъ, равна 182,1 mm. (min.—165, max.—217); по Эркерту—177,6.

Отношеніе лицевой линіи въ росту—10,97 (min.—10,31, max.—11,74) по нашимъ измѣреніямъ и 11,1—по Пантюхову.

---

[1]) *И. Тварьяновичъ*. Матер. къ антроп. армянъ. Спб. 1897.

Наибольшая ширина лица на скуловь … нительно небольшая—142,5 mm. (min.—137, max.—1… 139,6, по Шантру—137 mm.

Лицевой указатель, т.-е. отношеніе наибольш… въ лицевой линіи, у айсоровъ, по нашимъ измѣреніямъ, … денъ съ лицевымъ указателемъ, полученнымъ Эркертомъ … по нашимъ измѣреніямъ, онъ равенъ 78,73, колеблясь въ п… (min.—67,74, max.—87,88); по Эркерту, онъ равенъ 78,79; … 101,48, но онъ лицевую линію бралъ отъ glabella до подборо… чѣмъ и объясняется такая большая разница.

Лобъ, или верхняя треть лица, у айсоровъ можно … ренно развитымъ; онъ равенъ въ среднемъ 60,5 mm., при … лицевой линіи, равномъ 33,12.

Носъ, т.-е. средняя треть лица, равенъ 55,8 mm. … max.—65); по Эркерту, величина эта нѣсколько меньше—50,4; … ру—52.

Отношеніе средней трети лица ко всей дли… равно въ среднемъ 30,72 (min.—27,87 и max.—34,54).

Нижняя треть лица, равная въ среднемъ 66 mm., по … нію ко всей длинѣ его нѣсколько больше, чѣмъ двѣ верхнихъ тре… ношеніе это равно 36,30 (min.—32,26, max.—38,46).

Скуловой діаметръ у айсоровъ малъ и не превышаетъ … mum'а 120 при minimum'ѣ 108; въ среднемъ онъ равенъ 114,5.

Носовой указатель, т. е. отношеніе ширины носа въ его … нѣ, равенъ въ среднемъ, по нашимъ измѣреніямъ, 60,03; предѣлъ ко… банія—21,67 (min.—50,88, max.—72,55). По Шантру, разсматриваемый указатель—67,30 (min.—59,26, max.—78,95), по Эркерту—69,68 (min.—62,74, max.—77,78).

Длина туловища айсоровъ равна въ среднемъ 583,7 mm., колеблясь въ предѣлахъ 96 (min.—550, max.—646); по отношенію къ росту она равна 35,67 (min.—32,68, max.—40,14). Обѣ послѣднія величины мало отличаются отъ среднихъ величинъ большинства другихъ народностей, и, слѣдовательно, туловище у айсоровъ надобно признать пропорціонально развитымъ съ другими частями тѣла, а по величинѣ—среднимъ. Такъ какъ размѣры туловища различными изслѣдователями берутся различно, то мы считаемъ нужнымъ оговорить, что подъ длиной туловища мы разумѣемъ разстояніе отъ acromion'а до raphe промежности.

Окружность груди у айсоровъ равна 860 mm. (min.—780, max.—890) и немного превышаетъ половину роста, что видно изъ ея отношенія къ росту, равнаго въ среднемъ 52,26 (min.—49,36, max.—55,31).

Окружность таліи равна 735 (min.—680, max.—760); отношеніе ея къ росту—44,69 (min.—42,77, max.—47,19).

[illegible] руки, по нашимъ измѣреніямъ, равна въ среднемъ 760,1 mm. [illegible] max.—790); по Пантюхову, средняя длина руки 11 айсоровъ—

[illegible]шеніе длины руки къ росту равно 46,45 (min.—43,80 [illegible]0); по Пантюхову—44,5.

[illegible]а плеча имѣетъ среднюю абсолютную 316,2 mm. (min.—280, [illegible]), а по отношенію къ росту—19,32 (min.—17,54, max.—20,80). [illegible]ніямъ Пантюхова, абсолютная длина плеча—337 mm.

[illegible]на предплечья, по нашимъ измѣреніямъ и Пантюхова, вы[illegible] одной и той же величиной: по Пантюхову, она равна 251 mm., [illegible]ъ измѣреніямъ—251,2 mm. (min.—210, max.—279). Отноше[illegible]ъ росту—15,34 (min.—13,44, max.—17,48).

Длина кисти—192,7 mm. (min.—170, max.—225); по измѣре[illegible] Пантюхова—201 mm.

Длина бедра нами измѣрялась двояко, т.-е. бралось разстояніе [illegible]spina anter. super. подвздошной кости до линіи колѣннаго сочлене[illegible]и отъ большого вертела бедра до той же линіи. Въ первомъ случаѣ [illegible]на бедра равна 452,6 mm. (min.—395, max.—529), а отношеніе къ [illegible]сту—27,64 (min.—24,69, max.—31,43). Во второмъ случаѣ средняя [illegible]лина бедра равняется 392,9 mm. (min.—348, max. 459); отношеніе къ [illegible]росту—23,98 (min.—22,02, max.—27,27).

Длина голени—387 mm. (min.—341, max.—418); отношеніе къ росту—23,65 (min.—21,37, max.—25,62).

Длина ступни—251,4 mm. (min.—231, max.—272); по Пантюхову—249; отношеніе къ росту равно въ среднемъ 15,35 (min.—14,60, max.—16,16); по Пантюхову—14,3.

Большой размахъ рукъ измѣренъ Шантромъ у 22 айсоровъ и Пантюховымъ у 11, что вмѣстѣ съ нашими 10 особями составитъ 43 человѣка. Раздѣливъ всѣхъ измѣренныхъ 43 айсоровъ на три группы, получимъ:

число особей съ размахомъ рукъ болѣе роста	— 34	чел.	или	79%
„ „ съ размахомъ рукъ менѣе роста	— 7	„	„	16,3%
„ „ съ размахомъ рукъ, равнымъ росту	— 2	„	„	4,7%.

Такимъ образомъ, хотя наибольшій % падаетъ на первую группу, но мы здѣсь сталкиваемся съ весьма рѣдкимъ явленіемъ преобладанія роста надъ величиной большого размаха рукъ. Въ среднемъ большой размахъ рукъ у айсоровъ, измѣренныхъ нами, равенъ 1695,3 mm. (min.—1600, max.—1830); та же величина, по Шантру,—1680 mm. (min.—1510, max.—1800), по Пантюхову—1755 mm. (min.—1640, max.—1875). Средняя величина большого размаха рукъ для всѣхъ 43 измѣренныхъ айсоровъ—1704,4 mm. (min.—1510, max.—1875).

№№	Измѣренія и соотношенія.	1.	2.	3.	4.
1	Возрастъ	19	28	47	48
2	Цвѣтъ кожи по { на откр. мѣстахъ	40—47	24—25	23—25	25
3	табл. Брока. . { „ закр. „	54	23—24	54	33—54
4	Цвѣтъ глазъ (по табл. Брока)	2—3	14—15	4—15	2—3
5	Число удар. пульса въ 1 мин.	100	96	68	80
6	„ дыханій въ 1 мин.	20	28	24	24
7	Величина головы	220	226	240	—
8	Отнош. ея къ росту	13,92	14,00	13,99	—
9	Высота черепа	140	142	143	—
10	Отнош. ея къ велич. головы.	63,63	62,83	59,58	—
11	Отнош. ея къ росту	8,86	8,79	8,33	—
12	Пер.-задн. наиб. діам.	187	194	185	169
13	„ „ затыл. (иніарный)	185	189	184	167
14	Отнош. иніар. къ пер.-задн. наиб.	98,93	97,42	99,46	98,81
15	Попер. наиб. діам.	150	155	160	156
16	Головной указатель	81,21	79,89	86,48	92,30
17	Височный діам.	150	155	156	156
18	Отнош. его къ наиб. попер.	100	100	97,50	100
19	Ушной діам.	130	132	145	131
20	Отнош. его къ наиб. попер.	86,66	85,16	90,62	83,97
21	Наим. лобный діам.	107	110	112	102
22	Отнош. его къ наиб. попер.	71,33	70,96	70,00	65,38
23	Горизонтал. окружн.	532	560	550	510
24	Пер.-задняя дуга	332	330	315	320
25	Отнош. ея къ гориз. окр.	62,40	58,92	57,27	62,74
26	Попереч. ушная дуга	360	370	355	355
27	Отнош. ея къ гориз. окруж.	67,66	66,07	64,54	69,60
28	Лицевая линія	173	176	185	172
29	Отнош. ея къ велич. головы	78,63	77,87	77,08	—
30	„ „ „ росту	10,94	10,90	10,78	—
31	Верхн. треть лица—лобъ	58	57	60	57
32	Отнош. ея къ длинѣ лица	33,53	32,39	32,43	33,13
33	Средняя треть лица—носъ	57	53	59	53
34	Отнош. ея къ длинѣ лица	32,94	30,11	31,89	30,81
35	Нижн. треть лица.	59	67	66	62
36	Отнош. ея къ длинѣ лица	34,10	38,07	35,68	36,05
37	Наиб. ширина лица	137	143	147	138
38	Отн. ея къ длинѣ лица	79,19	81,25	79,46	80,23
39	Скуловой діам.	112	115	115	110
40	Отн. его къ лицев. линіи	64,74	65,34	62,16	63,95
41	Разст. между внѣш. надглазн. возвышен. .	109	110	111	112
42	Отн. его къ скул. діам.	97,32	95,65	96,52	101,82
43	Разст. между угл. нижн. челюсти	100	98	110	102
44	Отн. его къ скул. діам.	89,29	85,22	95,65	92,73
45	Межглазн. пространство	31	31	32	28
46	Отн. его къ скул. діам.	27,68	26,96	27,83	25,45
47	Ширина носа	29	33	37	27
48	Носовой указатель	50,88	62,26	62,71	50,94
49	Высота носа	19	20	20	21
50	Отн. ея къ шир. носа	65,51	60,60	54,05	77,78
51	Ширина рта	49	55	53	50
52	Отн. ея къ скул. діам.	43,75	47,83	46,09	45,45
53	Длина гориз. вѣтви ниж. челюсти	93	93	103	82
54	Разст. между наружн. краями боковъ орбитъ	110	97	95	83
55	Дл. лица (отъ корня носа до альв. края вер. чел.).	72	74	76	72
56	Отн. ея къ лицевой линіи	41,61	42,04	41,08	41,86
57	Длина лица (отъ корня носа до подбор. точки).	117	119	126	117
58	Отн. ея къ лицев. линіи	67,63	67,61	68,10	68,20
59	Ростъ.	1580	1614	1715	—

5.	6.	7.	8.	9	10.	11.	12.	Средн.	13.
48	55	60	60	34	20	52	29	—	11
23—24	43—36	32—33	21—24	24—25	23—24	25	32—25	—	54
23—24	44—54	54	53—54	23—24	24	44—54	24—25	—	54
2—3	2—3	больн.	3—15	3	4—3	2—3	2—3	—	3—4
72	96	92	66	80	74	78	96	83,2	—
30	32	18	20	18	20	22	24	23,3	—
227	210	—	215	220	220	223	241	224,2	210
14,18	13,44	—	12,95	13,78	13,21	13,25	14,22	13,69	18,26
164	142	—	138	126	141	125	145	140,6	137
72,24	67,61	—	64.18	57,27	64,09	56,05	60,17	62,76	65,23
10,25	9,09	—	8,31	7,89	8.47	7,43	8.56	8.60	11,91
182	195	174	180	178	181	188	200	184,42	167
177	190	174	178	171	174	180	195	180,33	160
97,25	97,43	100	98,89	96,07	96,13	95,74	97,50	97,80	95,80
155	152	160	169	153	162	152	170	157,8	150
85,16	77.95	91,95	93,89	85,95	89,50	80,85	85,00	85,76	89,82
153	152	156	169	151	157	150	168	156,1	148
98,70	100	97,50	100	98,69	96,91	98,68	98,82	98,90	98,66
138	137	132	138	132	146	128	139	135,7	108
89,03	90,13	82,50	81,65	86,28	90,12	84,21	81,76	86,01	72,00
113	115	107	113	105	110	105	115	109,5	102
72,90	75,66	66,87	66,86	68,63	67,90	69,08	67,65	69,43	68,00
550	555	535	567	530	553	535	570	645,6	490
315	335	325	343	326	335	346	338	330	295
57,27	60,36	60,74	60,49	61,51	60,88	64,67	59,30	60,55	60,20
360	345	355	365	355	348	352	355	356,2	335
65,45	62,16	66,35	64,37	66,98	62,93	65,79	62,28	65,35	68,36
165	183	217	195	175	181	183	180	182,1	163
72,68	87,14	—	90,69	79,54	82,27	82,06	74.69	80,26	77,61
10,31	11,71	—	11,74	10,96	10,87	10,87	10,62	10,97	14,17
48	66	82	62	56	62	58	60	60.5	52
29,09	36,07	37,78	31,79	32,00	34,25	31,69	33,33	33,12	31,90
57	51	65	58	55	51	55	56	55,8	50
34,54	27.87	29,95	29,74	31,43	28,18	30,05	31,11	30,72	30,67
62	66	70	75	64	67	70	64	66	61
37,57	36,06	32,26	38,46	36,57	37,02	38,25	35,56	36.30	37,42
145	142	147	145	138	148	141	143	142,5	128
87,88	77,59	67,74	74,36	78,86	81,77	77,05	79,44	78,73	78,52
115	120	122	112	108	118	110	117	114,5	102
69,70	65,57	56,22	57.44	61,71	65,19	60,11	65.00	63,09	62,58
111	117	110	108	104	116	108	113	110,7	101
96,52	97,50	90,16	96,43	96,30	98,31	98.18	96,58	96,77	99,02
114	106	106	110	96	108	97	107	104,5	90
99,13	88,33	86,89	98,21	88,89	91,53	88,18	91,45	91,29	88,24
32	33	34	31	28	33	32	36	31,7	28
27,83	27,50	27,87	27,68	25,93	27,97	29,09	30,77	27,71	27,45
36	37	35	37	28	35	32	35	33,4	28
63,15	72,55	53,84	63,79	50,91	68,63	58,18	62,50	60,03	56,00
22	23	22	24	17	25	16	21	20,8	17
61,11	62,16	62.86	64,86	60,71	71,43	50,00	60,00	62,59	60,71
61	55	49	57	50	57	50	55	53,4	41
53,04	45,83	40,16	50,89	46,30	48,31	45,45	47,11	46.68	40,20
106	103	92	87	82	98	96	91	93,8	80
93	93	110	98	95	109	105	112	100	102
66	71	83	78	70	72	71	75	73,3	67
40,00	38,79	38,25	40,00	40,00	39,78	38,80	41,67	40,32	41,10
119	116	137	131	124	118	122	118	122	101
72,12	63,38	63,13	67,18	70.86	65,19	66,67	65,56	67,12	61,96
1600	1562	—	1660	1596	1665	1683	1695	1637	1150

№№	Измѣренія и соотношенія.	1.	2.	3.	4.
60	Высота надъ почвою слухов. отвер.	1440	1472	1572	—
61	Отн. къ росту.	91,13	91.20	91,66	—
62	Высота нижн. края подбородка	1360	1388	1475	—
63	Отн. къ росту.	86,07	85,99	86,00	—
64	Высота серед. вырѣзки грудины	1275	1310	1375	—
65	Отн. къ росту	80,69	81,16	80,17	—
66	Высота грудн. сосковъ	1140	1170	1236	—
67	Отн. къ росту	72,15	72,49	72,07	—
68	Высота пупка	937	935	1120	—
69	Отн. къ росту.	59,30	57,93	65.30	—
70	Высота symphisis pubis	802	787	857	—
71	Отн. къ росту	50,76	48,76	49.97	—
72	Высота шва зад. промежности	732	745	770	—
73	Отн. къ росту	46,32	46,15	44,89	—
74	Высота acromion'a	1300	1297	1416	—
75	Отнош. къ росту	82,27	80,36	82,56	—
76	Длина туловища.	568	552	646	—
77	Отн. къ росту	35,95	34,20	37,66	—
78	Ширина плечъ	360	365	390	—
79	Отн. къ росту.	22,78	22,61	22,74	—
80	Окружн. груди подъ мышками.	780	850	890	—
81	Отн. къ росту	49,36	52,66	51,89	—
82	Окружн. таліи	680	760	730	—
83	Отн. къ росту.	43,03	47,08	42.56	—
84	Ширина таза	275	278	287	—
85	Отн. къ росту	17.40	17,22	16,73	—
86	Высота epicondylus'a	980	1005	1093	—
87	Отн. къ росту	62,02	62,26	63,73	—
88	Высота шилов. отр. луч. кости	750	778	840	—
89	Отн. къ росту	47,46	48,20	48,98	—
90	Высота нижн. конца средн. пальца	560	590	610	—
91	Отн. къ росту	35,44	36,55	37,31	—
92	Длина руки.	740	707	776	—
93	Отн. къ росту.	46,83	43,80	45,24	—
94	Длина плеча	320	292	323	—
95	Отн. къ росту	20,25	18,09	18,83	—
97	Длина предплечья	230	227	253	—
96	Отн. къ росту	14,55	14,06	14,75	—
98	Длина кисти	190	188	200	—
99	Отн. къ росту	12,02	11,64	11,66	—
100	Высота spina ant. sup.	897	857	930	—
101	Отн. къ росту	56,77	53,09	54,22	—
102	Высота бол. вертела.	813	815	878	—
103	Отн. къ росту.	51,45	50,49	51,19	—
104	Высота лин. колѣн. сочл.	465	450	490	—
105	Отн. къ росту	29,43	27,88	28,57	—
106	Разст. отъ spina anter. sup. до лин. колѣн. соч.	432	407	440	—
107	Отн. къ росту	27,34	25,21	25.65	—
108	Раст. отъ бол. верт. до лин. колѣн. сочл. .	348	365	388	—
109	Отн. къ росту.	22,02	22,61	22.62	—
110	Высота внутрен. лодыжки	65	62	72	—
111	Отн. къ росту.	4,11	3,84	4,19	—
112	Длина голени	400	388	418	—
113	Отн. къ росту.	25,31	24,04	24,37	—
114	Длина ступни	242	260	260	—
115	Отн. къ росту.	25.31	16,10	15.16	—
116	Большой размахъ рукъ	1600	1690	1735	—
117	Отн. къ росту.	101,26	104,70	101,16	—

5.	6.	7.	8.	9.	10.	11.	12.	Средн.	13.
1436	1420	—	1522	1470	1524	1558	1550	1496,4	1013
89,75	90,90	—	91,68	92,10	91,53	92,57	91,45	91,40	88,08
1373	1352	—	1445	1376	1445	1460	1454	1412,8	940
85,81	86,55	—	87,04	86,21	86,79	86,75	85,78	86,30	81,73
1298	1270	—	1347	1303	1357	1374	1370	1327,9	905
81,12	81,30	—	81,14	81,64	81,50	81,64	80,83	81,12	78,69
1158	1130	—	1185	1200	1222	1232	1228	1190,1	815
72,37	72,34	—	71,38	75,19	73,39	73,20	72,45	72,70	70,86
935	920	—	995	923	1002	1030	990	978,7	618
58,43	58,89	—	59,94	57,83	60,18	61,20	58,41	59,74	53,74
820	770	—	860	785	856	895	850	828,2	515
51,25	49,29	—	51,80	49,18	51,41	53,18	50,15	50,57	44,78
740	693	—	788	738	778	848	760	759,2	480
46,25	44,36	—	47,47	46,24	46,73	50,39	44,84	46,36	41,73
1302	1320	—	1380	1302	1344	1398	1370	1342,9	910
81,37	84,50	—	83,13	81,58	80,72	83,07	80,83	82,04	79,13
562	627	—	592	564	566	550	610	583,7	450
35,12	40,14	—	35,66	35,33	33,99	32,68	35,99	35,67	37,39
350	385	—	405	385	410	408	400	385,8	235
21,87	24,64	—	24,39	24,12	24,62	24,24	23,60	23,56	20,43
885	—	—	880	817	868	880	890	860	560
55,31	—	—	53,01	51,19	52,13	52,29	52,51	52,26	48,69
755	—	—	720	730	755	760	725	735	590
47,19	—	—	43,37	45,74	45,34	45,16	42,77	44,69	51,30
283	265	—	288	274	287	283	280	280	210
17,69	16,96	—	17,35	17,17	17,23	16,82	16,52	17,11	18,26
987	995	—	1040	1022	1012	1093	1040	1026,7	750
61,69	63,70	—	62,65	64,03	60,78	64,94	61,30	62,71	65,21
730	785	—	779	743	755	815	780	775,5	574
45,62	50,25	—	46,92	46,55	45,34	48,43	46,02	47,38	49,91
518	560	—	590	573	582	630	585	582,8	398
32,37	35,85	—	35,54	35,90	34,95	37,43	34,51	35,58	34,60
784	760	—	790	729	762	768	785	760,1	512
49,00	48,65	—	47,59	45,67	45,76	45,63	46,31	46,45	44,52
315	325	—	340	280	332	305	330	316,2	160
19,69	20,80	—	20,48	17,54	19,94	18,12	19,47	19,52	13,91
257	210	—	261	279	257	278	260	251,2	176
16,06	13,44	—	15,72	17,48	15,44	16,52	15,34	15,34	15,30
212	225	—	189	170	173	185	195	192,7	176
13,25	14,40	—	11,38	10,65	10,39	10,99	11,50	11,79	15,30
870	892	—	922	855	932	973	920	904,8	580
54,37	57,10	—	55,54	53,57	55,97	57,81	54,28	55,27	50,43
835	805	—	870	814	866	903	852	845,1	542
52,19	51,53	—	52,41	51,00	52,01	53,65	50,27	51,62	47,13
475	447	—	450	394	432	444	475	452,2	300
29,69	28,60	—	27,10	24,68	25,94	26,38	28,02	27,63	26,08
395	445	—	472	461	500	529	445	452,6	280
24,69	28,47	—	28,43	28,88	30,03	31,43	26,25	27,64	24,34
360	358	—	420	420	434	459	377	392,9	242
22,50	22,91	—	25,30	26,31	26,06	27,27	22,24	23,98	21,04
65	64	—	65	53	66	62	78	65,2	50
4,06	4,09	—	3,91	3,32	3,96	3,68	4,60	3,98	4,35
410	383	—	385	341	366	382	397	387	250
25,62	24,52	—	23,19	21,37	21,98	22,70	23,42	23,65	21,74
250	231	—	245	233	258	272	263	251,4	165
15,62	14,78	—	14,75	14,60	15,49	16,16	15,52	15,35	14,34
1675	1587	—	1705	1645	1736	1830	1750	1695,3	1100
104,68	101,60	—	102,71	103,07	104,26	108,73	103,24	103,54	95,65

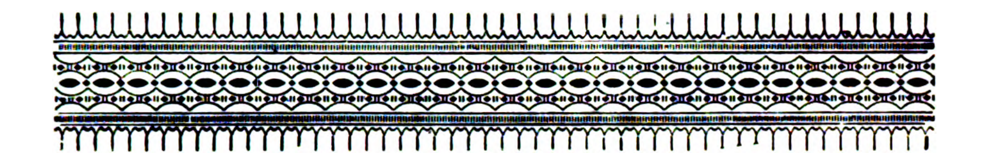
Резюмируя все изложенное выше, мы, насколько позволяетъ дѣлать выводы небольшой антропометрическій матеріалъ, находящійся въ нашемъ распоряженіи, можемъ дать слѣдующую характеристику айсоровъ: ростъ у нихъ выше средняго (34,8%) съ наклонностью къ высокому (30,2%). Грудь развита хорошо и превышаетъ половину роста. Туловище, верхнія и нижнія конечности и различныя части ихъ развиты умѣренно и пропорціонально. Лицо—не широкое, съ узкими скулами, съ довольно высокимъ лбомъ; носъ по длинѣ средній; изъ трехъ частей лица, т.-е. лба, носа и нижней трети лица, послѣдняя нѣсколько длиннѣе; глаза и ротъ средней величины. Голова по размѣрамъ своимъ довольно велика, но увеличена главнымъ образомъ въ вертикальномъ направленіи, благодаря большой высотѣ черепа; въ передне-заднемъ же направленіи она, наоборотъ, какъ бы сдавлена, имѣя плоскій затылокъ. По головному указателю громадное большинство айсоровъ (88%) является сильными брахицефалами, имѣя въ среднемъ головной указатель 87,72. Громадное большинство айсоровъ является брюнетами съ смуглымъ цвѣтомъ кожи, карими глазами болѣе темныхъ оттѣнковъ, съ черными волнистыми волосами какъ на головѣ, такъ и на бородѣ. Развитіе волосъ на тѣлѣ довольно раннее и обильное.

По свидѣтельству Шантра, Пантюхова и Эркерта, айсоры по своему физическому типу производятъ впечатлѣніе типичныхъ семитовъ. Мы, съ своей стороны, также присоединяемся къ ихъ мнѣнію. Шантръ полагаетъ, что айсоры въ настоящее время являются на Кавказѣ представителями, и притомъ наиболѣе чистыми, выходцевъ семитической расы, доказательствомъ чему, кромѣ внѣшняго семитическаго типа, служитъ и языкъ, принадлежащій къ арамейской вѣтви семитической группы языковъ. Пантюховъ, считая айсоровъ наименѣе смѣшанными потомками древнихъ халдеевъ, находитъ у нихъ большое сходство съ кавказскими евреями ахалцыхской группы.

Вотъ тѣ немногія свѣдѣнія объ айсорахъ, какъ о потомкахъ сиро-халдейскаго народа, которыя намъ удалось собрать. Цѣль нашего очерка была бы вполнѣ достигнута, если бы онъ вызвалъ въ комъ-нибудь желаніе и интересъ къ болѣе подробному и всестороннему изученію айсоровъ.

Въ заключеніе считаемъ своимъ пріятнымъ долгомъ выразить глубокую благодарность многоуважаемому Алексѣю Арсеньевичу Ивановскому за его постоянную готовность прійти на помощь своими цѣнными указаніями и совѣтами при разработкѣ антропометрическихъ данныхъ.

А. Арутиновъ.



Некрологъ.

Н. Л. Зеландъ. 19-го августа скончался въ г. Омскѣ, 69 лѣтъ отъ роду, непремѣнный членъ нашего Общества, докторъ Николай Львовичъ Зеландъ. Покойный родился 3-го ноября 1833 г. на островѣ Эзелѣ, въ г. Аренсбургѣ. Среднее образованіе получилъ въ Новгородской гимназіи, а высшее въ Петербургской медико-хирургической академіи, въ которой окончилъ курсъ въ 1859 г., и съ тѣхъ поръ, въ теченіе 37 лѣтъ, служилъ военнымъ врачемъ на нашихъ окраинахъ — сначала ординаторомъ въ Оренбургскомъ военномъ госпиталѣ, затѣмъ въ Варшавѣ, потомъ на дальнемъ востокѣ областнымъ врачемъ Приморской области, далѣе въ Семирѣченской обл. тоже окружнымъ врачемъ и, наконецъ, въ Туркестанѣ помощникомъ военно-медицинскаго инспектора до 1896 г., когда вышелъ въ отставку. Послѣ выхода въ отставку д-ръ Зеландъ нѣкоторое время жилъ въ Кіевѣ, но затѣмъ переселился въ г. Вѣрный и отдался здѣсь научнымъ занятіямъ. Смерть застала Николая Львовича въ г. Омскѣ, на пути изъ Вѣрнаго за границу, гдѣ онъ намѣревался провести минувшую осень.

Н. Л. Зеландъ.

Изъ многочисленныхъ научныхъ работъ Н. Л. Зеланда (перечень ихъ см. ниже) мы укажемъ здѣсь только тѣ, которыя посвящены антропологическимъ или этнографическимъ вопросамъ. Сюда должны быть отнесены прежде всего его статьи на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ о гилякахъ, подробно знако-

мящія съ бытомъ, вѣрованіями, языкомъ и, отчасти, антропологическимъ типомъ этого племени. Среди немногихъ работъ о гилякахъ (до Зеланда—акад. Шренка, а послѣ него—Л. Штернберга) изслѣдованія д-ра Зеланда занимаютъ видное мѣсто. Затѣмъ слѣдуетъ указать на его этнологическій очеркъ «Киргизы», въ которомъ, кромѣ свѣдѣній объ образѣ жизни, экономическомъ бытѣ, общественной жизни, административномъ устройствѣ и пр., содержатся первые и остающіеся до сихъ поръ единственными (если не считать немногочисленныхъ измѣреній Уйфальви) подробныя антропометрическія изслѣдованія каракиргизовъ. Къ антропометрическимъ измѣреніямъ Н. Л. впослѣдствіи, уже въ послѣдніе годы своей жизни, вернулся снова, и результатомъ ихъ явилась, между прочимъ, его статья въ «Русск. Антр. Журн.»: «Къ антропологіи западносибирскаго крестьянина». Послѣднія десять лѣтъ покойный едва ли не болѣе всего интересовался вопросомъ о характерѣ и темпераментѣ, посвятивъ ему рядъ изслѣдованій: сначала онъ помѣстилъ небольшую статью, подъ заглавіемъ: «Темпераментъ съ точки зрѣнія психологіи и антропологіи» въ «Трудахъ XI-го международнаго съѣзда по доисторической археологіи и антропологіи», затѣмъ болѣе подробно остановился на томъ же вопросѣ въ своей извѣстной книгѣ: «Здоровье и счастье» и въ текущемъ году подвелъ итогъ своимъ изслѣдованіямъ въ статьѣ «О темпераментѣ», напечатанной въ «Русск. Антр. Журн.». Изъ писемъ покойнаго мнѣ извѣстно, что у него былъ собранъ обширный матеріалъ по нѣкоторымъ антропологическимъ и психологическимъ вопросамъ, разработкою котораго онъ усердно занимался, но смерть прервала полезную дѣятельность Н. Л. Зеланда, не давъ осуществиться его научнымъ мечтамъ и желаніямъ.

Перечень трудовъ Н. Л. Зеланда (въ хронологическомъ порядкѣ): 1) О кумысѣ. „Современ. Медиц.“, 1861; 2) О климатѣ Оренбурга. Ibid.; 3) Ueber medicinische Statistik. „Aus der Heimat“, 1865; 4) Ueber die sibirische Post. Ibid.; 5) Aus einem fernen Lande. Ibid., 1866; 6) Ueber den Einfluss der periodischen Nahrungsentziehung auf das Körpergewicht und den Procentgehalt der festen Bestandtheile. Warschau, 1869 (доктор. дисс.); 7) Zur Aetiologie der Sterblichkeit des Soldaten. „Deut. Vierteljahrschr. f. öffent. Gesundkeitspflege“, 1871; 8) О гидроферныхъ ваннахъ (на польск. яз.). „Gaz. Lekarska“, 1871; 9) О варшавской водѣ „Варшав. Дневн.“, 1872; 10) О размѣрѣ груди и ростѣ. „Воен. Сборн.“, 1872; 11) Отъ Варшавы до Николаевска на Амурѣ. Путев. записки. „Варшав. Дневн.“, 1876; 12) Химическій анализъ воды р. Амура. „Проток. засѣд. Общ. врачей Вост. Сибири“, 1878—79; 13) Движеніе населенія г. Варшавы. „Соврем. Мед.“, 1880; 14) Отъ Николаевска на Амурѣ до Варшавы. Записки о кругосвѣтномъ путешествіи. „Варшав. Дневн“., 1881; 15) Ueber Scorbut und passive Blutungen. „St.-Petersb. Mediz. Wochenschr.“, 1882; 16) Бытъ гиляковъ и болѣзни ихъ. „Медиц. Вѣстн.“, 1882; 17) Die Ghiliaken. Eine ethnogr. Skizze. „Russ. Revue“, 1882; 18) Объ измѣреніи груди. „Revue d'Hygiéne“, 1882; 19) О непечатной причинѣ болѣзненности нашего солдата. „Воен.-санитарное Дѣло“, 1882; 20) О причинахъ цынги. Idid.; 21) Приморская обл. въ санитар. отношеніи. „Воен.-Медиц. Журн.“, 1882—83; 22) Перемежная лихорадка и скипидаръ. „Медиц. Вѣстн.“, 1883; 23) Къ вопросу о 872 ст. Улож. о Наказ. „Медиц. Вѣстн.“ и „Воен.-санит. Дѣло“, 1884; 24) Къ вопросу о новыхъ медицинскихъ средствахъ. „Мед. Вѣстн.“, 1884; 25) О

питанiи нашего солдата. „Воен.-санит. Дѣло“, 1885; 26) Киргизы. Этнолог. очеркъ. „Записки Зап.-Сибир. Отд. И. Р. Г. О.“, 1886 (она же на франц. яз. въ „Revue d'Anthr.“, 1886; 27) Гиляки. „Тр. Антр. Отд.“ 1886; 28) Замѣтка о гиляцкомъ языкѣ. „Тр. Этногр. Отд. Общ. Люб. Ест.“, VII, 1886; 29) Отчетъ о командировкѣ въ Кашгарiю. „Воен.-санит. Дѣло“, 1887; 30) Ueber die Nachwirkung der Nahrungsentziehung auf die Ernährurg. „Biolog. Centralblatt“, 1887 (та же статья въ „Рус. Медиц.“, 1888); 31) Кашгарiя и перевалы Тянь-Шаня. „Зап. Зап.-Сибир. Отд. И. Р. Г. О.“, 1888 (то же въ „Rev. d'Anthr.“, 1889); 32) Объ одномъ очередномъ вопросѣ. „Врачъ“, 1890; 33) Съ береговъ Иссыкуля. „Туркест. Вѣд“., 1891; 34) Ueber die Einseitigkeit der herschenden Krafttheorie. „Zeitschr. f. Philosophie und philos. Kritik“, 1892; 35) Le tempérament au point de vue psychologique et anthropologique. „Congr. internat. d'arch. préh. et d'anthr“. Moscou, 1892; 36) Отчетъ о холерѣ. Ташк., 1892—93; 37) О смертности русскихъ врачей. „Врачъ“, 1894; 38) Здоровье и счастье. Москва, 1895 (то же на нѣмец. яз: „Gesundheit und Glück“. Dresden, 1896); 39) Zur Frage von dem Wesen des Raumes. „Philos. Jahrbuch“, 1898-99 (то же въ „Psychische Studien“, 1899); 40) Женская преступность. „Рус. Трудъ“, 1899, май; 41) Гдѣ начинается злоупотребленiе алкоголемъ? „Спутникъ Здоровья“, 1899; 42) Къ вопросу объ оздоровленiи г. Ташкента. „Рус. Туркестанъ“, 1899, №№ 98—99; 43) Химическое изслѣдованiе питьевой воды г. Вѣрнаго. „Прилож. къ проток. Омскаго Медиц. Общ.“, 1899—1900; 44) Ein mehrfacher Fase von Vorgefühl. „Psych. Studien“, 1900; 45) Zur Selbstmordfrage. Ibid; 46) Къ антропологiи зап.-сибир. крестьянина. „Рус. Антр. Журн.“, 1900, № 3; 47) О грозящемъ вырожденiи культурнаго человѣка. „Спутн. Здоровья“, 1900, №№ 50 и 51; 48) Гор. Вѣрный въ санитарн. отношенiи. „Памят. книжка Семирѣч. Стат. Комитета“, 1901; 49) Ueber das „Wo“ der Seele. „Philos. Jahrbuch“, 1901, № 4; 50) Ueber den Selbstmord aus Liebe. „Psych. Studien“, 1901, № 7; 51) Sur les causes de l'inégale criminalité des sexes. „Тр. 4-го междун. психолог. конгр. въ Парижѣ“ 52) О темпераментѣ. „Рус. Антр. Журн.“, 1902, № 2.

Ал. Ивановскiй.

Критика и библіографія.

М. С. Морозовъ. Матеріалы къ антропологіи, этіологіи и психологіи идіотизма. Диссерт. Спб., 1902. Стр. 440, съ 2 табл. автотипій и 2 табл. фотоцинкографій.

Трудъ г. Морозова представляетъ сводъ наблюденій и изслѣдованій надъ 32 идіотами (24 муж. и 8 жен.) въ возрастѣ отъ 15 до 39 л. Съ антропологической точки зрѣнія трудъ г. Морозова представляетъ большой интересъ уже потому, что до сихъ поръ въ научной литературѣ относительно особенностей строенія идіотовъ имѣется очень немного данныхъ; въ нѣкоторыхъ работахъ приводятся, правда, тѣ или другія данныя, собранныя иногда и на значительно большемъ, чѣмъ у г. Морозова, числѣ наблюденій (150—200 и болѣе), но за-то обыкновенно ограниченныя лишь очень незначительнымъ числомъ разсматриваемыхъ признаковъ. Г. Морозовъ даетъ въ приложеніяхъ подлинныя цифры для 48 размѣровъ, отмѣчаемыхъ примѣнительно къ требованіямъ французской антропологической школы; въ текстѣ болѣе полно обработаны, правда, не всѣ изъ этихъ данныхъ, но лишь главнѣйшія, касающіяся наиболѣе важныхъ измѣреній черепа, лица, длины туловища и конечностей, длины, ширины уха, лицеваго угла, измѣряемаго гоніометромъ Жакара. Измѣренія производились настолько внимательно, что для длины лица, напр., въ виду отсутствія единства въ взглядахъ авторовъ, какъ брать этотъ размѣръ, г. Морозовъ беретъ его и отъ ophrion'a, и отъ nasion'a. Описательныхъ признаковъ, обычно разсматриваемыхъ антропологами, авторъ не касается, зато очень подробно отмѣчаетъ тѣ изъ описательныхъ признаковъ, которые когда-либо отмѣчались психіатрами и антропологами-криминалистами подъ именемъ физическихъ признаковъ вырожденія.

Матеріалъ г. Морозова въ расовомъ отношеніи не вполнѣ однороденъ: при преобладаніи великоруссовъ, въ немъ отмѣчено, однако, 8 нѣмцевъ, одинъ еврей и одинъ грекъ.

По изслѣдованіямъ г. Морозова, идіоты отличаются значительною низкорослостью, особенно очевидной при сопоставленіи съ данными для великоруссовъ взрослыхъ и подростковъ. Для большинства возрастныхъ группъ, до 22 лѣтъ средній ростъ идіотовъ не только значительно меньше средняго роста нормальныхъ, но даже спускается ниже того минимума, который былъ отмѣчаемъ авторами у отдѣльныхъ нормальныхъ особей соотвѣтствующихъ возрастныхъ группъ.

Объемъ груди и вѣсъ идіотовъ также оказался значительно ниже нормы. Туловище сравнительно велико, колеблясь отъ 33,9 и до 41,0% роста. Замѣчаются нарушенія пропорціональности конечностей столь рѣзкіе, что верхнія конечности оказываются, въ общемъ, длиннѣе нижнихъ. Для длины верхнихъ конечностей отмѣчаются индивидуальныя колебанія въ предѣлахъ отъ 41,3 и до 49,2%, для длины нижнихъ конечностей — отъ 39,3 до 49,6% (среднія цифры нигдѣ не приводятся, сравненіе же съ нормальными дѣлается путемъ отмѣтки чиселъ наблюденій, падающихъ на послѣдовательные ряды величинъ). Отмѣченную непропорціональность конечностей идіотовъ авторъ сближаетъ съ пропорціями дѣтскаго организма и видитъ въ ней выраженіе остановки развитія организма идіотовъ. Наибольшій интересъ представляютъ, конечно, измѣренія на головѣ, а также и на лицѣ. Абсолютные размѣры горизонтальной окружности головы 32 идіотовъ дали въ общемъ небольшія величины, значительно уклоняющіяся отъ обычныхъ среднихъ величинъ. Въ двухъ случаяхъ отмѣчается настоящая микроцефалія (у одной идіотки 26 лѣтъ гориз окр. составляетъ только 395 мм., у другого 17-лѣтняго идіота — 400 мм.), далѣе у 4 муж. и 2 жен. субмикроцефалія (470—500); размѣры между 500 и 550 отмѣчены въ 15 случаяхъ; есть, однако, и довольно значительные размѣры (у 6 идіотовъ — отъ 550 до 563) и даже очень большіе (у 3 муж.—593—655); головы послѣднихъ носятъ очень ясные признаки гидроцефаліи. Если же разсматривать не абсолютные, а относительные къ росту размѣры горизонтальной окружности, то, за исключеніемъ двухъ случаевъ микроцефаліи, оказывается, что головы идіотовъ не меньше, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ (у гидроцефаловъ) даже больше, чѣмъ у нормальныхъ людей. Этотъ выводъ авторъ дѣлаетъ на основаніи сравненія своихъ данныхъ съ недавно опубликованными данными для 444 великоруссовъ, уроженцевъ Рязанской и Московской губ. Разсматривая цифры, по первому взгляду можно, пожалуй, и согласиться съ такимъ выводомъ автора, но намъ кажется, что тутъ дѣло стоитъ нѣсколько сложнѣе. Конечно, головы идіотовъ-гидроцефаловъ значительно превосходятъ средніе размѣры нормальныхъ людей, но если откинуть эти случаи, то для остальныхъ выводъ изъ цифръ автора долженъ быть принятъ cum grano salis. Дѣло въ томъ, что самъ же г. Морозовъ отмѣчаетъ частоту у его идіотовъ рахитическихъ измѣненій всего скелета, а въ частности и ногъ, изогнутыхъ и искривленныхъ; въ значительной, конечно, мѣрѣ изогнутъ у рахитиковъ-идіотовъ и позвоночникъ. Легко понять, что отмѣчаемая при измѣреніи величина роста у подобныхъ субъектовъ будетъ по существу меньшей, чѣмъ истинная величина, которая получилась бы при выпрямленіи костей ногъ и позвоночника. Кромѣ того, уменьшенію находимаго роста идіотовъ много способствуетъ и разслабленіе, вялость мускулатуры, свойственная большинству идіотовъ и препятствующая имъ выпрямиться, какъ слѣдуетъ, при измѣреніи по доброму желанію, заставить же ихъ сдѣлать это — въ большинствѣ случаевъ невозможно: довольно обстоятельный анализъ психики этихъ идіотовъ, приводимый г. Морозовымъ, ясно указываетъ, что едва ли не большая часть изслѣдованныхъ идіотовъ и не поняла бы смысла предложенія вытянуться во весь ростъ. При совокупности указанныхъ условій разница между найденнымъ и истиннымъ ростомъ будетъ очень значительна и приведеніе тѣхъ или другихъ измѣреній къ процентамъ роста въ данномъ случаѣ будетъ почти настолько же нераціонально, какъ и въ томъ случаѣ, если бы мы продѣлали такія же вычисленія надъ сильно горбатымъ человѣкомъ.

Большинство измѣренныхъ г. Морозовымъ идіотовъ оказалось брахицефалами (81,2%), изъ нихъ 8 чел. гипербрахицефалы (по нормамъ франкфуртскаго соглашенія), — есть показатели въ 89,98, въ 90,80 и даже въ 91,33. Отъ какихъ-либо отсюда выводовъ, кромѣ отмѣтки, что максимальные указатели принадлежатъ идіотамъ-гидроцефаламъ, авторъ воздерживается. По лицевому углу идіоты оказались въ большинствѣ прогнатами (86,6% всѣхъ случаевъ, если считать за прогнатическій уголъ величину менѣе 82%). Такъ какъ прогнатизмъ считался нѣкоторыми изслѣдователями за признакъ низшей расы, а внѣ расы — за признакъ атавистическій, свойственный преступникамъ, вырождающимся душевно-больнымъ, проституткамъ (Lombroso, Monti, Тарновская, Троицкій и др.), то и авторъ склоненъ видѣть въ прогнатизмѣ идіотовъ «одинъ изъ признаковъ, характеризующихъ вырожденіе нашихъ идіотовъ и встрѣчающихся въ другихъ группахъ вырождающихся, какъ преступники, проститутки» (стр. 75). Но г. Морозовъ, подобно большинству его единомышленниковъ въ этомъ вопросѣ, совершенно замалчиваетъ о томъ, что рахитизмъ, при мягкости и податливости костей, да еще при необходимости питаться грубой, твердой пищей, очень легко ведетъ къ смѣщенію альвеолярныхъ отростковъ челюстей и самихъ зубовъ по направленію впередъ, а слѣдовательно, и къ уменьшенію отмѣченнаго гоніометромъ угла. Существуетъ ли обязательная связь между рахитомъ и дегенераціей (въ той, по крайней мѣрѣ, степени, которая обусловливаетъ развитіе преступности, идіотизма и т. д.), или же рахитъ (resp. и прогнатизмъ и нѣкоторые другіе т. наз. дегенеративные признаки) находится лишь въ непрямой связи съ дегенераціей, прямо не обусловливая ее и ею не вызываясь, объ этомъ г. Морозовъ вмѣстѣ со многими другими авторами предпочитаетъ умалчивать. Изслѣдуя уши идіотовъ, авторъ находитъ, что они широки,— физіономическій указатель уха колеблется въ предѣлахъ 50,0 — 66,7, причемъ у мужчинъ въ 75.1% всѣхъ случаевъ онъ выше 56. Считая широкое ухо за признакъ, характерный для низшихъ расъ (Topinard), и въ ушахъ идіотовъ авторъ видитъ признакъ несовершенства физическаго строенія идіотовъ. Новѣйшія работы, указавшія на поспѣшность вывода Топинара и на существованіе какъ разъ такихъ же, что и у идіотовъ Морозова, величинъ указателей уха у европейцевъ, г. Морозову остались, повидимому, неизвѣстными (у нормальныхъ великоруссовъ физіономическій указатель уха больше 56 составляетъ 74,5%,— ровно столько же ихъ и у идіотовъ).

Описательные признаки у г. Морозова разсматриваются лишь съ точки зрѣнія принадлежности ихъ къ группѣ признаковъ дегенераціи. У идіотовъ насчитываетъ ихъ авторъ въ очень большомъ количествѣ (202 признака на 32 идіота), оговариваясь, однако, что онъ не утверждаетъ, что всѣ отмѣченные имъ признаки дѣйствительно имѣютъ значеніе показателей вырожденія, но отмѣчаетъ лишь въ видѣ сырого матеріала все то, что отмѣчалось, какъ признаки вырожденія, другими авторами. Попутно авторъ приводитъ много литературныхъ на этотъ счетъ справокъ и указаній. Разсматривая въ слѣдующей части своего труда этіологію идіотизма, авторъ указываетъ, какъ на главнѣйшіе моменты, на алкоголизмъ и туберкулезъ родителей, потомъ на нервн о психическую отягченность; другіе моменты играютъ сравнительно меньшу- роль. Сами идіоты проявляютъ много признаковъ дурного развитія и питаню организма, замедленіе въ темпѣ роста, развитія зубовъ, начала ходьбы, рѣ и т. д.; очень часты случаи наличности у нихъ рахитизма и золотухи.

Вторая (бо́льшая) половина книги посвящена оцѣнкѣ психическихъ способностей изслѣдованныхъ идіотовъ какъ общей, такъ и въ отдѣльности по отношенію къ каждому изъ 32 идіотовъ. Общіе выводы автора таковы: сущность идіотизма, какъ психологическаго явленія, сводится къ разстройствамъ въ сферѣ воспріятія въ широкомъ значеніи этого слова; недостаточность вниманія, какъ активнаго, такъ и пассивнаго играетъ значительную роль, но не составляетъ сути (какъ это думаетъ Sollier) уже потому, что дефекты вниманія не идутъ вполѣ параллельно со степенью идіотизма. Тупость чувствованій и различные ихъ дефекты составляютъ видную особенность, идущую, повидимому, параллельно съ степенью идіотизма. Рѣчь у идіотовъ разстроена (вплоть до полнаго ея отсутствія) очень не рѣдко, несовершенна, но проходитъ въ общемъ тотъ же эволюціонный процессъ, что и у нормальныхъ дѣтей, развиваясь лишь медленно и останавливаясь окончательно на той или другой стадіи развитія. Свидѣтельствуя о дефектности умственнаго развитія идіотовъ, разстройства рѣчи не стоятъ, однако, въ полной параллельности съ той или другой степенью идіотизма.

В. В. Воробьевъ.

J. Talko-Hryncewicz. Słów parą ze stanowiska antropologji w kwestji pochodzenia słowin" (Ю. Талько-Грынцевичъ. Два слова о происхожденіи славянъ съ антропологической точки зрѣнія). „Wisła", вып. 6. Варшава, 1902.

Статья эта является отвѣтомъ извѣстному историку К. Потканскому, профессору Ягеллоноваго университета въ Краковѣ, по поводу напечатанной имъ статьи о происхожденіи славянъ во Львовскомъ „Kwartalniku historycznym" за 1902 г., въ которой авторъ затронулъ нѣсколько антропологическихъ вопросовъ, говоря о книгѣ чешскаго ученаго проф. Л. Нидерле „О происхожденіи славянъ" и его I тома „Древностей славянскихъ". Проф. Потканскій по даннымъ, приводимымъ проф. Нидерле на основаніи работъ польскихъ антропологовъ, высказавшихъ, что головной указатель, подвигаясь съ сѣвера на югъ Польши, дѣлается болѣе короткоголовымъ и достигаетъ своего максимума въ Подгальи подъ Татрами, приписываетъ этотъ фактъ особымъ случайнымъ вліяніямъ и склоненъ отрицать существующую до сихъ поръ гипотезу о происхожденіи славянъ изъ Карпатъ. По мнѣнію г. Потканскаго, поселенія въ Подгальи не представляютъ чистой этнографической единицы, а создались въ болѣе позднее время, какъ изъ польскихъ, такъ и словацкихъ выходцевъ, что славяне именно неохотно селились въ хребтахъ, Карпатскія же горы, составляя племенныя границы, съ умысломъ не были заселяемы въ древности, а лишь гораздо позже и то нѣмцами, волохами и русинами. Дѣлая такое предположеніе, г. Потканскій ссылается на историческія работы Стадницкаго, Миклосича, Калужняцкаго и на болѣе старинныхъ лѣтописцевъ, какъ Длугошъ, на волошскія названія селъ въ Татрахъ въ XVI в. и на слова волошскаго происхожденія, употребляемыя скотоводами въ обиходѣ. Далѣе, на томъ основаніи, что въ XIV и въ XV вв. жили у подножія Татръ нѣмецкіе колонисты и что польское населеніе пришло сюда лишь во второй половинѣ XVI в., г. Потканскій отрицаетъ, чтобы подгаляне были чистымъ антропологическимъ типомъ славянъ, и теорію о короткоголовости древнихъ славянъ, а въ особенности поляковъ, считаетъ за недоказанную. Принимая за первобытный типъ славянъ курганный длинноголовый, проф. Потканскій указываетъ на значитель-

ную короткоголовость далѣе на востокъ одной изъ бѣлорусскихъ вѣтвей—полѣшуковъ, заселяющихъ низменности Полѣсья по обоимъ берегамъ р. Припети до ея впаденія въ Днѣпръ, настолько же короткоголовыхъ, какъ чехи или словаки. Такъ какъ ревизія староствъ XVI в. доказываетъ, что тамъ было то же самое населеніе, какъ и нынѣ, онъ допускаетъ, что въ Полѣсьи существуетъ болѣе древній первичный очагъ короткоголовости. Въ доказательство того, что древнія могилы въ Польшѣ съ длинноголовымъ типомъ были славянскими, г. Потканскій ссылается на раскопки д-ра Рутковскаго въ Плонскомъ и Серпскомъ уѣздахъ Плоцкой губ. могилъ X—XII вв., въ которыхъ были найдены кольцевидныя серьги и монета Казимира Обновителя, указывающая на славянское происхожденіе могилъ. Средній ростъ измѣренныхъ скелетовъ былъ 175 сант. и средній черепной указатель (24-хъ череповъ)—71,96. Г. Потканскій говоритъ, что древніе славяне отличались и другими антропологическими чертами отъ современныхъ. Онъ указываетъ, что, по Ибнъ Якову (X в.), жители Чехіи были брюнеты, а сѣверные славяне и саксонцы—блондины и этимъ чехи отличались отъ своихъ сѣверныхъ соплеменниковъ. По Длугошу (XV в.), деревенское населеніе въ Польшѣ состояло изъ двухъ типовъ—свѣтлаго и темнаго. Г. Потканскій за проф. Нидерле полагаетъ, что, подъ вліяніемъ географическихъ и другихъ условій, первоначальный длинноголовый типъ у славянъ могъ измѣниться въ средне-и короткоголовый, что могло произойти и отъ скрещиванія славянъ съ какою-то короткоголовою расою, которою на западѣ могли быть кельты, а на сѣверѣ—финны.

Со всѣми мнѣніями, высказанными проф. Потканскимъ, пишущій эти строки не можетъ согласиться съ точки зрѣнія антропологіи. Со временъ Шафарика всѣ польскіе историки стали держаться того мнѣнія, что центромъ первоначальнаго поселенія славянъ были Карпаты. Того же мнѣнія были наиболѣе видные представители русской исторіи: Соловьевъ, Бестужевъ-Рюминъ, Костомаровъ и др. То же подтвердили и подтверждаютъ предпринимаемыя отъ времени до времени антропологическія изслѣдованія. А если побережныя части Карпатъ и были колонизированы по временамъ другими народностями, то численность ихъ мало могла повліять на обособленное до послѣднихъ дней отъ посторонней примѣси вѣковое населеніе Татръ и не можетъ поколебать общепринятой гипотезы, видящей въ немъ древнѣйшее славянское населеніе. Исходя изъ того, что горы и лѣса были раньше населены, нежели равнины, ибо первые составляли болѣе надежное убѣжище для первобытныхъ жителей, что звѣриная ловля есть болѣе ранняя стадія человѣческаго существованія, нежели скотоводство на поляхъ и равнинахъ, я полагаю, что и въ доисторической Польшѣ лѣсистыя, гористыя мѣстности были заселены раньше, нежели равнины. Слово „ляхъ“, означающее обитателя лѣсовъ и горъ, по Я. Карловичу, древнѣе, нежели „полякъ“, „полянинъ“—житель полей, равнинъ. Нужно полагать, что Подгалье было заселено съ незапамятныхъ временъ, что и подтверждаетъ недавно найденная тамъ пещера ископаемаго медвѣдя съ издѣліями изъ кости (Ст. Виткевичъ, д-ръ Еліашъ Радзиковскій). Вѣроятно, со временемъ найдутся тамъ и человѣческіе остатки. Антропологическія изслѣдованія, двукратно предпринимавшіяся въ Карпатахъ, показали большую разницу между типомъ населенія, живущаго въ горахъ и на равнинахъ. Горцы—болѣе высокаго роста (166,5 сант.), съ значительно болѣе развитымъ черепомъ въ ширину (156,4 mm.), съ головнымъ указателемъ, свидѣтельствующимъ объ ихъ крайней короткоголовости (85,38), съ болѣе узкимъ лбомъ (108,5 mm) и болѣе свѣтлымъ типомъ. На сравнительную чистоту расы горцевъ указываетъ

преобладающая у нихъ группа типа короткоголоваго—91%, тогда какъ среднеголоваго только 6%, а длинноголоваго—едва 1,8%. При моемъ непродолжительномъ посѣщенiи Татръ, лѣтомъ прошлаго года, я подмѣтилъ среди горцевъ два типа, что подтвердили и мѣстные старожилы: одинъ изъ нихъ, болѣе распространенный, выше ростомъ, сухощавый, съ длиннымъ лицомъ и темного типа; второй—болѣе свѣтлый, ниже ростомъ, коренастый, болѣе крѣпкаго сложенiя, круглолицый. Чистота типа подгалянъ уменьшается по мѣрѣ удаленiя отъ Татръ на сѣверъ и востокъ, проявляясь въ уменьшающемся ростѣ и короткоголовости, переходящей въ среднеголовость. Въ краніологическихъ группахъ, при увеличивающихся типахъ средне,—а еще больше длинноголовомъ, указывающемъ на смѣшенiе, болѣе выступаетъ антропологическое родство подгалянъ съ украинцами праваго берега Днѣпра и полѣшуками, нежели съ польскими крестьянами, населяющими равнины. У украинцевъ ростъ—166,9 сант., головной указатель, по моимъ изслѣдованiямъ,—83,2, а Дибольда—даже 84,6 (процентъ короткоголовыхъ—76,8—86%. среднеголовыхъ—9,5—19,4% и длинноголовыхъ 3,7—4,5%). У полѣшуковъ (Волынской и Минской губ.) ростъ найденъ мною нѣсколько ниже 164 сант.; головной указатель—85,1 (короткоголовыхъ—82,1%, среднеголовыхъ—14,4% и длинноголовыхъ—3,5 %). Въ моей работѣ о физической характеристикѣ Украинскаго народа я высказалъ нѣкогда мнѣнiе на основанiи полученныхъ данныхъ, что чистота расы сохранилась у украинцевъ гораздо больше, нежели у соплеменныхъ имъ малороссовъ лѣво-бережной Украины, и указалъ на родство первыхъ съ обитателями Татръ. Что же касается полѣшуковъ, то не только ихъ рѣчь, но и физическiя особенности указываютъ на ихъ родство съ украинцами. Я здѣсь высказываю выводы, основанные на моихъ личныхъ изслѣдованiяхъ и соображенiяхъ, которыя мнѣ кажутся болѣе правдоподобными для объясненiя этихъ отдѣльныхъ центровъ короткоголовости, нежели тѣ, какiя высказываютъ другiе авторы, обобщающiе эти факты.

Изслѣдованiя польской шляхты обнаружили, что она отличается отъ крестьянъ болѣе высокимъ ростомъ, значительно большею короткоголовостью, чѣмъ приближается къ подгалянамъ, а черезъ это и къ украинцамъ и полѣшукамъ. У польскихъ крестьянъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ производились изслѣдованiя, были находимы болѣе низкiй ростъ и головной указатель, болѣе приближающiйся къ среднеголовому, какъ, напр.: у варшавскихъ крестьянъ—80,85, плоцкихъ—81,74, ломжинскихъ—81,3 и 81,8, люблинскихъ—82,6, плонскихъ—81,74, у сандомiрскихъ (ближе обитающихъ къ Карпатамъ)—83, а въ отдѣльныхъ краніологическихъ группахъ процентъ короткоголовости колебался отъ 59 до 77 %, среднеголовыхъ — 15—28%, а длинноголовыхъ — 7,5% — 17,5%. Великорусскiе крестьяне оченъ напоминаютъ польскихъ крестьянъ какъ среднимъ головнымъ указателемъ (81 –83), такъ и размѣщенiемъ краніологическихъ типовъ по группамъ: преобладаютъ короткоголовые—63,48—72,5% (среднеголовыхъ—15,18—21,7% и длинноголовыхъ—5,8—19,06%). Въ губернiяхъ сѣверныхъ: Новгородской, Псковской, отчасти Вологодской и Костромской, процентъ короткоголовыхъ выступаетъ сильнѣе, нежели въ другихъ губернiяхъ, лежащихъ южнѣе и восточнѣе. Современное населенiе губернiй: Московской, Тульской, Ярославской, Владимiрской Тверской, Олонецкой и т. д., по краніологической группировкѣ, приближается къ типу череповъ изъ древнихъ кладбищъ Малмадышскаго у., Казанской губ., черепа же московскiе VIII—X вв., по Богданову, ничѣмъ не отличаются своей длинноголовостью отъ древнихъ черемисскихъ. Изъ сказаннаго видно, что

центръ короткоголовости въ Вост. Европѣ лежитъ въ Карпатахъ; центрами длинноголовости являются сѣверъ и востокъ, населенный финскими племенами (вотяки, карелы, черемисы, зыряне, и, наконецъ, эсты и ливы съ указателемъ среднеголовымъ 79 и выше, но съ значительнымъ расположеніемъ къ длинноголовости). Еще болѣе низкій указатель находимъ у латышей, вѣтви литовскаго племени. На основаніи ихъ антропологическихъ особенностей я высказалъ мнѣніе („Charakterystyka fizyczna ludow Litwy i Rusi“, 1893) о ихъ близкомъ родствѣ съ финнами. Я былъ весьма обрадованъ, когда знатокъ-филологъ проф. Бодуэнъ де Куртенэ, встрѣтившійся со мной черезъ десять лѣтъ, сказалъ, что онъ лингвистически пришелъ къ такимъ же выводамъ. Другимъ центромъ длинноголовости на востокѣ, потомъ разсѣяннымъ въ вѣковой борьбѣ по пространству Польши и западной Руси, было Подлясье, гдѣ нынѣ живетъ населеніе, значительно отличающееся отъ коренного польскаго населенія (восточная часть Ломжинской губ. и Бѣльскій и Бѣлостокскій уѣзды Гродненской губ.), это, вѣроятно, какъ предполагаютъ, потомки мало извѣстнаго въ исторіи племени ядзвинговъ, ятвезь (быть-можетъ, родственнаго литовцамъ или финнамъ). Населеніе это перемѣшалось съ русинами и поляками; по моимъ изслѣдованіямъ, головной ихъ указатель—81,8, причемъ, при 67,7% короткоголовыхъ, длинноголовыхъ 20% и среднеголовыхъ 13,3%. Наконецъ, третій слѣдъ длинноголовости мы встрѣчаемъ въ длинноголовой группѣ польскихъ крестьянъ, великороссовъ, бѣлоруссовъ и литовцевъ; но сильнѣе всего выступаетъ длинноголовый типъ въ древнихъ могилахъ,—чѣмъ могилы древнѣе, тѣмъ и длинноголовость выражена сильнѣе, и это наблюдается какъ въ Польшѣ, Россіи, такъ и Чехіи. Съ VIII—XV в. курганный длинноголовый типъ постепенно уменьшается и, наконецъ, короткоголовый типъ получаетъ перевѣсъ, а въ послѣднихъ вѣкахъ дѣлается преобладающимъ. Изъ этого можно предполагать, что центры длинноголовости въ Вост. Европѣ были нѣкогда болѣе численными. Судя по современному славянскому типу и вѣря въ его неизмѣнность, мы полагаемъ, что онъ былъ таковымъ и въ старину, т.-е. короткоголовымъ. Перемѣна типа могла лишь наступить подъ вліяніемъ помѣси славянъ съ другими народами. Но мы опять знаемъ изъ неоспоримыхъ фактовъ, насколько трудно измѣняется при смѣшеніяхъ остовъ черепа; мѣняется цвѣтъ покрововъ тѣла, ростъ, который, однако, долго сохраняетъ пропорціональность отдѣльныхъ частей, но дольше всего удерживаетъ свое первоначальное строеніе и типъ черепъ. Мы тоже видимъ въ населеніи Вост. Россіи и Сибири, гдѣ, несмотря на болѣе слабую численность, славянскій элементъ побѣдилъ и навязалъ свой культъ массѣ инородческаго населенія, но не могъ, однако, помимо постояннаго прилива свѣжей славянской крови, передать въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній массамъ финскаго, татарскаго и монгольскаго ассимилированнаго населенія своего антропологическаго типа. Еще это замѣтнѣе на народностяхъ Центр. Азіи, гдѣ цѣлыя массы населенія, смѣшиваясь, принимаютъ чуждый для себя культъ, вѣрованія и языкъ, сохраняя, однако, свои антропологическія черты. Этимъ мы можемъ объяснить себѣ, почему древнія славянскія могилы, узнаваемыя нами по культу, могли не быть ими антропологически. Очень возможно, что длинноголовый славянскій курганный типъ являлся остаткомъ какой-то древне-европейской расы, которая была постепенно поглощена болѣе молодой и способной къ жизни расой, короткоголовой славянской. Такое вымираніе народовъ мы замѣчаемъ и нынѣ при встрѣчѣ цивилизованнаго народа съ варварскимъ. Въ борьбѣ падаетъ низшая по своей организаціи раса.

Если мы примемъ за типъ праславянскій крайне короткоголовый, съ темными волосами [1]), нынѣ обитающій въ Татрахъ и проходящій на западъ черезъ середину Европы, Силезію, Чехію, Баварію до Альпъ, т. наз. французскими авторами типъ кельтійско-славянскій, и предположимъ, что изъ Карпатъ, какъ изъ центра короткоголовости, онъ разселился на славянскій сѣверъ и западъ, а, пройдя Вислу,—на отдаленныя восточныя земли, то антропологическіе факты (антропологическое родство между типомъ подгалянъ и шляхты) позволютъ допустить, что изъ Карпатъ шелъ короткоголовый воинственный, рыцарскій элементъ (шляхта) и покорилъ кочевое племя длинноголовой расы, жившее на равнинахъ и ассимилировалъ его. На процентъ длинноголовости у польскихъ крестьянъ и въ губерніяхъ съ болѣе чистымъ великорусскимъ населеніемъ можно смотрѣть, какъ на остатокъ нѣкогда болѣе многочисленнаго, но вымершаго типа мѣстныхъ автохтоновъ.

Ю. Талько-Грынцевичъ.

D-r. F. Delisle: 1) Les macrocephales. 2) Les déformations artificielles du crâne en France. „Bull. et Mém. de la Soc. d'Anthrop. de Paris“, 1902, fasc. 1 et 2.

Обѣ статьи названнаго автора, посвященныя изслѣдованію нѣкоторыхъ искусственныхъ деформацій черепа въ связи съ ихъ распространеніемъ въ Европѣ и ихъ исторіей, представляютъ собою сообщенія, сдѣланныя имъ въ засѣданіяхъ Парижскаго Антропологическаго Общества. Въ первой изъ нихъ авторъ подвергаетъ критическому обсужденію уже поднимавшійся въ антропологической литературѣ вопросъ объ этнографической квалификаціи доисторическихъ «макроцефаловъ», жившихъ нѣкогда, по указаніямъ Гиппократа (IV в. до Р. Х.), въ предѣлахъ теперешней южной Россіи, на побережьи Понта Эвксинскаго. Брока и нѣкоторые другіе изслѣдователи высказали предположеніе, что это были киммерійцы, населявшіе первоначально ту же область, а затѣмъ выселившіеся черезъ Кавказъ въ Малую Азію (отчасти, вѣроятно, на Балканскій полуостровъ). Приведя относящіяся къ данному вопросу выдержки изъ сочиненій греческихъ писателей (Гиппократа, Геродота), г. Делиль приходитъ къ заключенію, что онѣ не даютъ намъ достаточныхъ основаній къ отожествленію «макроцефаловъ» съ киммерійцами. Гиппократъ говоритъ о макроцефалахъ, не связывая этого названія съ именемъ какого-либо извѣстнаго народа; кромѣ того, изъ его указанія, что «обычай искусственнаго деформированія головы произошелъ изъ идеи благородства, которую они связываютъ съ длинными головами», можно заключить, что обычай этотъ захватывалъ лишь часть народа, именно его аристократію, но какого именно народа, остается совершенно невыясненнымъ. Геродотъ же разсказываетъ о киммерійцахъ и ихъ переселеніяхъ, ни слова не упоминая о существованіи среди нихъ и вообще гдѣ бы то ни было названнаго обычая. Не больше довѣрія заслуживаютъ, по мнѣнію г. Делиля, сдѣланныя до сихъ поръ опредѣленія эпохи, къ которой относится указаніе Гиппократа: послѣдній сообщаетъ, что деформація головы вызывалась у макроцефаловъ искусственными пріемами (повязки), которые примѣнялись у нихъ въ раннемъ дѣтствѣ, но что «съ теченіемъ времени измѣненіе формы головы сдѣлалось естественнымъ, вслѣдствіе чего и самый обычай пересталъ

---

[1]) Проф. Н. А. Минаковъ въ древнихъ славянскихъ могилахъ нашелъ темный цвѣтъ волосъ.

быть необходимымъ»; однако, далѣе онъ прибавляетъ, что съ прекращеніемъ обычая исчезла и описанная форма головы и что она нигдѣ уже болѣе не встрѣчается среди современныхъ ему народовъ. Столь же неопредѣленны и разнорѣчивы тѣ заключенія, которыя можно было бы сдѣлать на основаніи археологическихъ находокъ: нѣкоторые авторы относятъ существованіе «макроцефаловъ» къ бронзовому вѣку, другіе—къ началу желѣзнаго. Придавая важное значеніе вопросу о деформаціяхъ черепа, г. Делиль обращаетъ вниманіе изслѣдователей на необходимость установленія болѣе рѣзкой связи между археологіей, антропологіей и этнографіей, что помогло бы намъ разрѣшить и многія другія запутанныя задачи во всѣхъ названныхъ областяхъ знанія.

Другая статья того же автора посвящена его собственнымъ изслѣдованіямъ различныхъ искусственныхъ деформацій черепа, распространенныхъ среди современнаго населенія Франціи. Вотъ главнѣйшіе выводы, къ которымъ онъ приходитъ. Въ современной Франціи существуютъ три центра значительнаго распространенія искусственныхъ деформацій: *сѣверный*, нормандскій, особенно рѣзко выраженный въ департаментѣ Seine-Inférieure; *центральный*, примыкающій къ департаментамъ Deux Sèvres и Vienne, и, наконецъ, *южный*, лангдокскій (департаменты Tarne, Haute-Garonne и др.). Всѣ три центра связаны между собою областями болѣе слабаго распространенія деформацій, образуя такимъ образомъ сплошную полосу, пересѣкающую Францію съ сѣвера на югъ. Приложенная къ статьѣ карта хорошо иллюстрируетъ это описаніе. При этомъ авторъ доказываетъ историческими и археологическими справками, что «въ прежнее время искусственныя деформаціи черепа распространялись на гораздо большую часть французской территоріи», что въ настоящее время онѣ встрѣчаются все рѣже и рѣже и «въ ближайшемъ будущемъ должны совершенно исчезнуть». Это послѣднее обстоятельство объясняется авторомъ быстрымъ прекращеніемъ моды на тяжелыя и сложныя прически, которыя, по его мнѣнію, служили главнымъ, если не единственнымъ поводомъ къ деформированію головы: чтобы прически эти достаточно прочно держались на головѣ, послѣдней необходимо было придавать специальную форму, сдавливая лобъ и виски, и тѣмъ вызывая усиленное развитіе задней части темени и затылка; при этомъ въ разныхъ мѣстностяхъ, въ зависимости отъ различія въ пріемахъ деформированія, и формы деформацій оказались нѣсколько различными. Къ сожалѣнію, авторъ не объясняетъ, почему искусственныя деформаціи, вызванныя особенностями женской прически, распространяются также, хотя и въ меньшей степени, и на мужчинъ; а между тѣмъ это обстоятельство заставляетъ предполагать здѣсь какое-то другое побужденіе къ деформированію; онъ указываетъ, правда, на возможность вліянія формы колыбели и способа пеленанія ребенка; но, повидимому, онъ склоненъ удѣлять этому вліянію лишь второстепенную роль. Что касается вопроса о наслѣдственности этихъ искусственныхъ деформацій, то г. Делиль находитъ возможнымъ категорически отрицать наличность этого фактора, основываясь при этомъ отчасти на вышеприведенномъ дополнительномъ указаніи Гиппократа, отчасти же на собственныхъ наблюденіяхъ, которыя убѣдили его, что дѣти деформированныхъ родителей лишь въ томъ случаѣ обнаруживаютъ деформаціи, если къ нимъ примѣнялись необходимые для этого искусственные пріемы, и чѣмъ дольше они примѣняются, тѣмъ сильнѣе измѣняется форма головы; да и самый фактъ быстраго уменьшенія числа деформированныхъ вмѣстѣ съ прекращеніемъ обычая искусственно измѣнять форму головы довольно ясно указываетъ на то, что наслѣдственность не играетъ тутъ никакой роли. Наконецъ, относительно вліянія искусственныхъ деформацій че-

репа на общую физическую и психическую организацію г. Делиль высказывается также вполнѣ опредѣленно: онъ отрицаетъ это вліяніе, не находя фактовъ, которые говорили бы въ пользу противоположнаго мнѣнія. Онъ указываетъ лишь на тѣ существенныя измѣненія, которыя обнаруживаются у деформированныхъ въ формѣ уха: измѣненія эти обусловливаются непосредственно тою же причиною, которая вызываетъ измѣненіе формы головы, т.-е. употребленіемъ повязокъ, сдавливающихъ височную область.

С. Королевъ.

Коллекціи Кавказскаго музея, обработанныя совмѣстно съ учеными спеціалистами и изданныя д-мъ Г. И. Радде. Томъ V. Археологія. Составила графиня П. С. Уварова, предсѣдатель Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Съ 3 портретами, 18 таблицами фототипій и 22 рисунками въ текстѣ. Тифлисъ, 1902.

Графиня П. С. Уварова, предсѣдатель Московскаго Археологическаго Общества, продолжаетъ неутомимо работать въ области археологіи Кавказа. Намъ еще недавно на страницахъ этого журнала (1901 г., № 1, стр. 109) приходилось говорить о появленіи ея капитальнаго труда о могильникахъ Сѣв. Кавказа («Матеріалы по археологіи Кавказа», вып. VIII); теперь, менѣе чѣмъ черезъ два года, она публикуетъ свой новый трудъ, посвященный описанію археологическихъ коллекцій Кавказскаго музея въ Тифлисѣ. Описанію коллекцій авторъ предпосылаетъ сжатый, но обстоятельный очеркъ археологическихъ изслѣдованій Кавказа, указывая въ немъ главнѣйшую литературу по археологіи Кавказа. Самое описаніе коллекцій, исполненное такимъ знатокомъ археологіи Кавказа, какъ графиня П. С. Уварова, не оставляетъ желать ничего лучшаго, и для лицъ, посвятившихъ себя изученію тѣхъ или иныхъ археологическихъ вопросовъ Кавказа, это изданіе будетъ служить цѣннымъ подспорьемъ. Описаніе, составленное на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, иллюстрируется многочисленными, прекрасно исполненными, фототипическими таблицами различныхъ предметовъ, находящихся въ музеѣ, и рисунками въ текстѣ. Жаль, что изданіе не свободно отъ нѣкоторыхъ корректурныхъ недосмотровъ (напр., на стр. XV-ой перепутаны №№ 5—12 подстрочныхъ примѣчаній) и не приложено предметнаго указателя.

Ал. Ивановскій.

L. Bouchacourt. De l'utilisation naturelle de la partie extra-embryonnaire de l'oeuf. „L'Obstétrique“, 1902, № 2.

Разсматривая вопросъ о причинахъ поѣданія животными внѣзародышевыхъ частей яйца, авторъ сообщаетъ нѣсколько любопытныхъ данныхъ о существованіи плацентофагіи у нѣкоторыхъ представителей человѣческаго рода. Такъ, женевскій министръ Лери, совершившій въ 1556 г. путешествіе по Бразиліи, пишетъ, между прочимъ, что туземцы поѣдаютъ послѣдъ роженицы, подобно животнымъ. То же наблюдалъ 150 лѣтъ спустя путешественникъ Коррери у якутовъ. Онъ говоритъ, что отецъ, по выходѣ послѣда у матери, варитъ его и устраиваетъ трапезу съ родственниками и друзьями. Реналь передаетъ, что племена топинамбу и тапуйя поѣдаютъ всѣ зародышевые придатки. Энгельманъ и Роде сообщаютъ, что «туземцы Бразиліи, собравшись тайно, поѣдаютъ съ удовольствіемъ свѣжій послѣдъ». Въ послѣднее время д-ръ

Рено изъ Алжира сообщилъ о существованіи плацентофагіи въ нѣкоторыхъ частяхъ Судана. Какъ лѣкарство, послѣдъ примѣнялся въ глубокой древности, вѣроятно, еще раньше Гиппократа, потому что «отецъ медицины» собралъ многочисленныя свѣдѣнія объ этомъ примѣненіи, имѣвшіяся въ его время. Во всѣхъ фармакопеяхъ до XVII в. среди лѣкарствъ упоминается «послѣдъ женщины». Въ китайской терапіи и въ настоящее время препараты изъ плаценты играютъ большую роль. Въ теченіе вѣковъ значеніе плаценты, какъ терапевтическаго средства, сильно пало, но еще очень недавно, всего въ 1898 г., на французскомъ медицинскомъ конгрессѣ, д-ромъ Isoresco былъ сдѣланъ докладъ на тему: «О лѣкарственномъ дѣйствіи плаценты». Собранныя авторомъ свѣдѣнія о плацентофагіи, вѣроятно, могли бы быть значительно пополнены, если бы путешественники, посѣщающіе малокультурныя страны, обращали вниманіе на остатки этого обычая.

В. Бахтіенко.

Joseph Griffiths. The normal position of the big toe. «Journal of Anatomy and Physiology“, vol. XXXVI, pt. IV, July 1902, pp. 344—356.

Существующая ассиметрія большого пальца на правой и на лѣвой ногѣ рѣзче всего выражается въ области фалангъ. Внутренній край основной фаланги большого пальца длиннѣе наружнаго приблизительно на 4 mm. То же самое, если не въ большей степени, приложимо къ ногтевой фалангѣ. Если эти фаланги поставить на столъ проксимальнымъ концомъ, подошвенной стороной впередъ, то данная фаланга, благодаря неравенству своихъ краевъ, уклонится въ ту сторону, съ какой она взята. Основная фаланга съ осью плюсневой кости образуетъ уголъ, въ среднемъ равный 10°, у ногтевой же съ основной этотъ уголъ достигаетъ 20°. Въ результатѣ обѣ фаланги сильно уклоняются кнаружи, образуя съ внутреннимъ краемъ стопы уголъ, открытый наружу. Явленіе это не можетъ считаться пріобрѣтеннымъ, такъ какъ оно констатируется уже у зародыша. Весьма интересно, что оно было извѣстно и въ древности, такъ какъ существуетъ на произведеніяхъ классической греческой скульптуры, гдѣ уголъ, образуемый фалангами большого пальца съ плюсневой костью, какъ показали точныя измѣренія, въ среднемъ составляетъ 10,5°. Отмѣчаемое положеніе большаго пальца удалось автору констатировать у древнихъ бриттовъ, негровъ, бушменовъ и, наконецъ, у египетской древней муміи.

Такое положеніе большого пальца, по мнѣнію Griffiths'а, весьма выгодно въ механическомъ смыслѣ при ходьбѣ, такъ какъ 1) оно служитъ опорой для тяжести тѣла и 2) даетъ послѣдній толчокъ ногѣ и тѣлу впередъ (при отслаиваніи подошвы стопа нѣсколько повертывается кнаружи).

Н. Алтуховъ.

Th Volkov. Sur quelques os „surnuméraires“ du pied humain et la triphalangie du premier orteil (et du pouce). 30 рис. „Bull. et Mém. de la Soc. d'Anthr. de Paris“, № 3, pp. 274—293.

Свою статью авторъ посвящаетъ описанію встрѣтившихся ему сверхколичественныхъ костей стопы и значенію нѣкоторыхъ изъ нихъ въ появленіи трехъ фалангъ у большого пальца. Въ общемъ авторъ подтверждаетъ выводы и наблюденія Pfitzner'а. Г. Волковъ приводитъ описаніе слѣдующихъ сверхколичественныхъ костей стопы: 1) os trigonum—нѣсколько случаевъ; 2) os tibiale

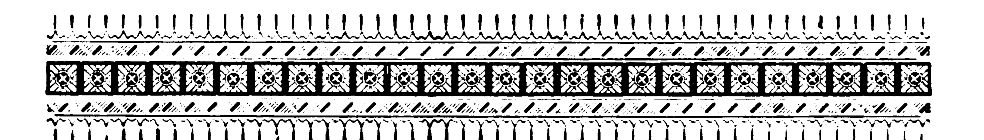
externum—1 случай; 3) cuboideum secundum—2 случая; 4) primum cuneiforme duplex—2 случая, и 5) os intermetatarseum—2 случая. Изъ сравненія между собою скелета конечности различныхъ животныхъ и человѣка авторъ приходитъ къ заключенію, что os tibiale ext. у животнаго очень часто, а у низшихъ расъ чаще, нежели у европейцевъ, представляетъ болѣе или менѣе выраженные слѣды отдѣленія отъ os scaphoideum (французы—11%, негритосы—14%, меланезійцы—31% и негры—50%). Хотя г. Волковъ и признаетъ, что его изслѣдованіямъ недостаетъ эмбріологическихъ изысканій, тѣмъ не менѣе данныя сравнительной анатоміи даютъ ему право утверждать, что 1-я плюсневая (пястная) кость можетъ быть признана за основную фалангу, первой же плюсневой должна считаться первая клиновидная кость. Tuberositas ладьевидной кости у человѣка или os tibiale externum у грызуновъ представляютъ слѣды первой клиновидной. Кости же, извѣстныя подъ именемъ praehallux или praecuneiforme, по всей вѣроятности, есть не что иное, какъ сильно измѣненныя сесамовидныя кости, прилегающія или къ первой плюсневой, или къ первой клиновидной.

Н. Алтуховъ.

M. Herz. Der Bau des Negerfusses. „Münchener medic. Wochenschr.“, 1902, № 34.

Статья представляетъ докладъ, прочитанный д-ромъ Herz'емъ на первомъ конгрессѣ нѣмецкаго Общества ортопедической хирургіи въ апрѣлѣ нынѣшняго года. Авторъ опровергаетъ довольно распространенный еще, особенно среди спеціалистовъ-ортопедовъ, взглядъ на плоскую стопу, какъ на расовый признакъ негровъ, и доказываетъ, что послѣдніе отличаются такою же сводообразною стопою, какъ и бѣлыя племена; основаніе же для перваго взгляда даетъ, по его мнѣнію, сильно развитая у негровъ мускулатура стопы, которая, сообщая послѣдней мясистый характеръ, обусловливаетъ иногда вмѣстѣ съ тѣмъ у нихъ и нѣкоторую мнимую уплощенность подошвы. Эти заключенія иллюстрируются авторомъ снимками стопы различныхъ туземцевъ восточной Африки, изслѣдованныхъ имъ во время путешествія въ качествѣ морского врача.

А. Элькиндъ.



Извѣстія и замѣтки.

Изслѣдованія Ф. Я. Кона въ землѣ урянховъ. Ф. Я. Конъ, производящій съ конца минувшаго лѣта антропологическія и этнографическія изслѣдованія сойотовъ, сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о ходѣ своихъ занятій: „Все время, проведенное мною въ землѣ урянховъ, или, какъ они сами говорятъ, „Тува джер", было посвящено изученію кемчикскихъ сойотъ („кемчиктер"), обитающихъ въ системѣ р. Кемчика, впадающей въ р. Енисей, и входящихъ въ составъ хошуновъ Та или Монгушъ и Бейзы. Оба эти хошуна находятся подъ управленіемъ одного „укереды" (огурды), который только въ этомъ году выбился изъ зависимости отъ „амбынь-нойона" и ведетъ непосредственныя сношенія съ улясютайскимъ „джянджинемъ". Дѣленіе сойотъ на хошуны является искусственнымъ и имѣетъ лишь административное значеніе; сами сойоты, какъ въ старину, такъ и теперь, дѣлятся на кости—„сююки", или, употребляя современную терминологію, позаимствованную отъ монголовъ, на „сумо". Каждое „сумо" дробится на болѣе мелкія дѣленія, но кемчикскіе сойоты и сами сильно путаются въ этихъ дѣленіяхъ и часто отождествляютъ ихъ съ „арбанами"—опять-таки чисто административнымъ дѣленіемъ. О происхожденіи отдѣльныхъ „сумо" сохранились кое-какія преданія, которыя мною записаны, причемъ родоначальниками являются или монголы, или турбеты, забредшіе въ долину Кемчика. Сойоты одного „сумо" улавливаютъ характерныя черты въ сойотахъ другого „сумо" и иной разъ зло подсмѣиваются другъ надъ другомъ. Такъ, напр., о сарынгларскихъ сойотахъ говорятъ: „Сарынгларны кара чагда, сасканъ кара чарда" (глаза сарынгларскихъ сойотъ такъ же падки на сало, какъ глаза сороки падки на больную спину лошади).

Страна, заселенная кемчикскими сойотами, представляетъ громадный интересъ для археологіи, какъ сплошь усѣянная памятниками старины: курганами (корум), каменными бабами (куже-таш) и писанницами. Въ виду того, что археологическое изслѣдованіе выходило за предѣлы моей программы, я ограничился лишь тѣмъ, что со всѣхъ встрѣчавшихся мнѣ на пути памятниковъ старины снималъ фотографическіе снимки. Одинъ камень съ надписью, найденный вблизи м. Джарджарыкъ, удалось отправить въ Минусинскій музей, а оттискъ съ него посланъ акад. Радлову. На пути на Салданъ (мѣстность по р. Енисею, гдѣ я въ настоящее время нахожусь и гдѣ я проведу съ мѣсяцъ, дѣлая экскурсіи въ районѣ 50—60 вер.) мною найдены возлѣ статуи тигра обломки писанницы, которые отправлены въ Минусинскій музей. Эти обломки побудили меня внимательно осмотрѣть плиту, на которой

поставлена статуя тигра. Снявъ его и приподнявъ плиту, я на нижней сторонѣ нашелъ хорошо сохранившуюся писанницу. Въ виду того интереса, какой эта писанница можетъ представить для археологовъ, сообщаю точное названіе мѣста, гдѣ она находится: „Хаярканы-устю-Кыихъ“ на лѣвомъ берегу Енисея, верстъ 7—8 не доѣзжая устья р. Барлыка. Всѣ сохранившіеся памятники старины приписываются Чингисъ-хану, который, по словамъ сойотовъ, живъ и понынѣ и гоститъ временно у китайскаго богдыхана.

50 измѣренныхъ мною сойотъ (въ томъ числѣ 15 женщинъ) и 15 собранныхъ череповъ дадутъ возможность хоть сколько-нибудь разъяснить вопросъ о происхожденіи кемчиктеровъ, нынѣ же, до обработки цифрового матеріала, я могу лишь сказать, что вверхъ по р. Кемчику народъ крупнѣе и здоровѣе, а по мѣрѣ приближенія къ Джакулю сойоты все мельче и мельче. Въ области патологической антропологіи тоже замѣтна разница: въ верховьѣ Кемчика мною отмѣчены заболѣванія дыхательныхъ путей и ревматизмъ, на Джакулѣ чуть не поголовно заражены сифилисомъ. Вліяетъ ли на это близость Усинскихъ пріисковъ (въ 25 вер. отъ Джакуля) или другіе факторы, сказать грудно. Я склоненъ приписать это явленіе именно вліянію пріисковъ, тѣмъ болѣе, что на Джакулѣ то-и-дѣло встрѣчаешь бѣлокурыхъ соётятъ, что подтверждаетъ приведенную Е. К. Яковлевымъ пословицу: „дѣвицы Улух-Кэма кормятся отъ русскихъ“.

Отношеніе этихъ „кормильцевъ“-русскихъ къ сойотамъ превосходитъ все то, что приходилось встрѣчать и въ литературѣ, и въ жизни объ отношеніи русскихъ къ инородцамъ. „Тварь“, „лапоухій„, „подлецъ“, „звѣрь“—другого названія сойоту нѣтъ. Къ скотинѣ отношеніе лучше, чѣмъ къ сойоту, который, конечно, платитъ русскимъ тѣмъ же. Рѣдко-рѣдко и то въ средѣ болѣе культурныхъ русскихъ встрѣчаешь другое отношеніе, и къ нимъ сойоты тоже лучше относятся. Въ области вѣрованій кемчикскіе сойоты, повидимому, значительно разнятся отъ другихъ. Ламаизмъ здѣсь только in statu nascendi, и хотя, по преданіямъ, нѣкогда велась ожесточенная борьба между нимъ и шаманизмомъ, но теперь одно міросозерцаніе съ другимъ вполнѣ уживаются, и ламы нерѣдко являются вмѣстѣ съ тѣмъ и шаманами, не говоря уже о томъ, что сплошь да рядомъ въ юртахъ ламъ бокъ-о-бокъ съ бурханами встрѣчаешь шаманскіе „эрени“; съ другой стороны, на перекладинѣ шаманскихъ бубновъ встрѣчаешь изображенія 12 годовъ ламайскаго счисленія, бога неба—Хангереде рядомъ съ богомъ подземнымъ—Мадаръ. Ламаизмъ занесенъ на Кемчикъ изъ Монголіи; многіе ламы—монголы; преданія и сказанія о ламаизмѣ носятъ на себѣ явно монгольскій отпечатокъ. Въ высшей степени характерно, что монгольское вліяніе замѣтно и на шаманизмѣ у сойотъ. Есть шаманы, которые передъ тѣмъ, какъ сдѣлаться шаманами, отправлялись въ мѣстность близъ Урги за благословеніемъ къ Тайнъ-Тершну. У нѣкоторыхъ Тайнъ-Тершнъ изображенъ на перекладинѣ бубна. Описывать подробно всѣ особенности въ области шаманизма у кемчиктеровъ въ краткомъ отчетѣ немыслимо, а потому я ограничусь лишь указаніемъ на то, что въ качествѣ амулетовъ громадную роль играютъ «тер-эды»—вещи, упавшія съ неба (бронзовыя курганныя стрѣлки), тесемки, зеркала; что „эрени“ (идолы, монг. „онгоны“) поражаютъ своимъ разнообразіемъ; что есть „эрени“-развѣдчики, отправляемые шаманомъ на развѣдки пути, который ему надо пройти; есть такіе, которые остаются въ юртѣ для охраны шамана; есть, наконецъ, „эрени“ отъ всевозможныхъ болѣзней и приключеній. Мною дословно записаны заклинанія шамана, обращеніе къ надѣваемому костюму, къ эренямъ и т. п. Описаны и сфо-

тографированы эрени, бубны, отдѣльныя части костюма и т. д. Какъ ламы, такъ и шаманы занимаются лѣченіемъ, но и тутъ царитъ трогательное согласіе. Ламы нерѣдко обращаются за помощью къ шаманамъ, шаманы—къ ламамъ. Насколько я могъ изучить этотъ вопросъ, ламы являются по преимуществу представителями тибетско-монгольской медицины (лучшіе врачи изъ Урги), шаманы—народной сойотской. Больные часто прибѣгаютъ къ помощи тѣхъ и другихъ одновременно. Ламы устраиваютъ „хурюмъ" (молебенъ надъ больнымъ) и лѣчатъ лѣкарствами, шаманы производятъ камланіе и ставятъ „эрени", долженствующіе охранять больного. Заслуживаетъ особеннаго вниманія одинъ записанный мною случай: шаманъ, производя камланіе надъ больнымъ богатымъ сойотскимъ чиновникомъ, велѣлъ сжечь кости умершихъ родителей больного и шамана, къ которому тѣ при жизни обращались, и приказаніе это было исполнено.

Монгольское вліяніе сильно замѣтно и на постройкѣ юрты. Юрта—войлочная, куполообразная, монгольскаго типа; алачихи встрѣчаются очень рѣдко. Отдѣльныя части юрты носятъ названія, заимствованныя отъ монголовъ. Предположить, что до войлочныхъ юртъ кемчиктеры жили въ корьевыхъ, въ виду степного характера обитаемой ими мѣстности, немыслимо; о другихъ типахъ жилищъ сойотамъ ничего неизвѣстно, и вопросъ о прежнемъ типѣ жилища пока остается не вырѣшеннымъ.

Не останавливаясь на костюмѣ, незначительно отличающемся отъ костюма другихъ сойотъ, на пищѣ и куреніи, относительно чего мною собранъ богатый матеріалъ, я остановлюсь лишь на нѣкоторыхъ особенностяхъ семейнаго быта. Беременность продолжается 10 лунныхъ мѣсяцевъ, причемъ беременная должна вести обычный образъ жизни и побольше двигаться и работать: отъ этого ребенокъ меньше, и роды легче. Полъ ребенка можно предсказать заранѣе: дѣвочка безпрерывно колотится о животъ, мальчикъ—изрѣдка, но сильно. Рожаютъ, стоя на колѣняхъ и придерживаясь руками за веревку, протянутую отъ одной юрточной рѣшетки къ другой. При родахъ помогаютъ повитухи—„тудугджи". Скупыя женщины при трудныхъ родахъ открываютъ ящики съ имуществомъ. При задержаніи послѣда стрѣляютъ холостыми зарядами изъ ружья, положеннаго на плечо роженицы. Кровотеченія не стараются пріостановить,—чѣмъ оно обильнѣе, тѣмъ лучше для роженицы. Пуповина перерѣзывается ножницами или ножомъ и перевязывается жилами. Послѣдъ закапывается, а въ семьяхъ, гдѣ умираютъ дѣти, бросается вмѣстѣ съ кускомъ заколотой овцы на съѣденіе собакамъ. Новорожденнаго обливаютъ китайскимъ кирпичнымъ чаемъ (зеленымъ) съ солью. Члены выправляются при укладываніи въ зыбку. Грудью кормятъ до слѣдующихъ родовъ. Случается, что годовалый ребенокъ досасываетъ молоко, оставшееся послѣ кормленія новорожденнаго. Отношеніе къ дѣтямъ различно. Мальчикъ—будущій хозяинъ; дѣвочка пойдетъ въ чужую семью,—ея не надо; она и названіе носитъ „кере-джок" (не надо). Половая зрѣлость у мальчиковъ и у дѣвочекъ появляется очень рано: на 12—15-омъ году. Мальчики совершаютъ первый coitus тотчасъ же по наступленіи зрѣлости, дѣвушки — очень часто до появленія менструацій. Общеніе съ парнями до замужества для дѣвушки не считается позорнымъ, хотя отдѣльныхъ юртъ для облегченія такого общенія, какъ объ этомъ упоминаетъ Е. К. Яковлевъ, у кемчиктеровъ для взрослыхъ дѣвушекъ нѣтъ. Дѣвушки сплошь и рядомъ выходятъ замужъ, имѣя уже дѣтей отъ другихъ; такія дѣти, въ большинствѣ случаевъ, остаются въ юртѣ отца дѣвушки. Сватанье и свадьба обставлены цѣлымъ рядомъ обрядовъ: „тукдер"—обрученіе

или, вѣрнѣе, „расплетъ“. Въ спеціально построенной для этой цѣли юртѣ—„ойнар-уг“—дружина жениха расплетаетъ косы у жениха и у невѣсты, а затѣмъ того же дня вечеромъ женихъ кладетъ себѣ въ ротъ и держитъ зубами кусокъ верхней челюсти барана, а невѣсту заставляютъ отъ того же куска откусить. Этотъ обрядъ, символически изображающій то, что невѣста отрывается отъ своей семьи, носитъ названіе „черик-ызыртыр“. Не вдаваясь въ другія подробности, записанныя у меня, отмѣчу еще одинъ обрядъ, до сихъ поръ нигдѣ не упомянутый. Когда невѣста со своей дружиной пріѣзжаетъ въ улусъ жениха, и юрта, привезенная ею, поставлена, весь поѣздъ невѣсты три раза бѣгаетъ вокругъ юрты, преслѣдуемый одноулусниками жениха, которые обливаютъ невѣстиныхъ поѣзжанъ заранѣе заготовленной водой. Преслѣдующіе поощряютъ другъ друга криками: „обливайте“, преслѣдуемые—„удирайте“. Когда вода у преслѣдующихъ изсякаетъ, преслѣдуемые начинаютъ потѣшаться: „у васъ и воды не запасено, чтобы насъ обрызгать; вы бы взяли хоть мочу коровы“; это считается вызовомъ. Сказавшаго это стараются поймать и иной разъ въ отместку бросаютъ въ рѣчку, озерко и т. п. По объясненіямъ сойотъ, этимъ обливаніемъ очищается невѣста и ея поѣзжане, до этого момента признаваемые нечистыми.

Случаи двоеженства очень рѣдки и вызываются обыкновенно безплодіемъ первой жены. Отношенія женъ между собою зависятъ отъ того, съ согласія или противъ воли первой жены взята вторая. Въ случаѣ смерти мужа, жена или выходитъ замужъ за его брата, или возращается къ отцу, но дѣти тогда остаются въ сумо мужа.

Смерть или, вѣрнѣе, похороны также сопровождаются цѣлымъ рядомъ обрядовъ. Когда кемчикскій сойотъ умретъ, родные его закалываютъ барана и посылаютъ за шаманомъ. Шаманъ (хам), разложивъ на жертвенникѣ (сан салыр) огонь, кладетъ на него куски барана, приговаривая: „Ты умеръ! Не плачь, не огорчайся! Вотъ тебѣ все, что тебѣ можетъ быть нужно для пропитанія: мясо, вино, просо, чай“ (все это складывается на жертвенникъ). На это устами шамана покойникъ отвѣчаетъ: „Что ты? Вѣдь я среди васъ, я живъ“. „Какъ же ты живъ? У живого бываетъ тѣнь. Оглянись, вѣдь у тебя нѣтъ тѣни“. Покойникъ тогда мирится со своимъ положеніемъ, и всѣ присутствующіе бросаютъ на жертвенникъ табакъ изъ трубокъ, набивъ ихъ изъ кисетовъ, но не закуривъ предварительно, какъ это обыкновенно дѣлается по отношенію къ живымъ. Этимъ заканчивается шаманскій обрядъ. Послѣ этого покойника, не обмытаго, а лишь завернутаго въ какую-нибудь матерію, кладутъ въ согнутомъ положеніи на кошму, подложивши подъ голову кошель и закрывъ лицо „ходакомъ“ (кускомъ шелковой матеріи). На кошмѣ покойникъ лежитъ на правомъ боку, правая рука положена подъ щеку, лѣвая на груди. Къ моменту выноса тѣла въ юрту являются ламы, которые указываютъ, гдѣ слѣдуетъ бросить трупъ. Возлѣ того мѣста въ юртѣ, гдѣ лежитъ покойникъ, снимается кошма и вынимается юрточная рѣшетка, и въ это отверстіе выносится тѣло однимъ изъ почетныхъ сойотъ, не родственникомъ покойнаго. Вынесшій покойника и юрта, въ которой лежалъ покойникъ, считаются нечистыми и подлежатъ очищенію. Тѣло бросается обыкновенно на южномъ склонѣ горъ. Исключеніе дѣлается лишь для шамановъ и пораженныхъ громомъ: и тѣхъ, и другихъ складываютъ на площадкѣ изъ досокъ, укрѣпленныхъ на шестахъ.

Въ заключеніе упомяну, что мною собранъ очень богатый матеріалъ о бытѣ и занятіяхъ, записаны правила и партіи шахматной игры, игры

„таймы“ и „буга чедра“, наконецъ, собранъ обширный матеріалъ по народному творчеству: сказки, пѣсни, пословицы, поговорки и прибаутки».

Новая премія за сочиненія по антропологіи Сибири. При Томскомъ университетѣ учреждена премія имени пот. поч. гражд. Л. П. Кузнецова изъ процентовъ съ завѣщаннаго имъ капитала въ 24.441 руб. 25 коп. Премія, согласно волѣ завѣщателя, выдается за лучшія печатныя на русскомъ языкѣ сочиненія по исторіи, антропологіи и соціологіи Сибири (къ послѣдняго рода сочиненіямъ отнесены всѣ, посвященныя изслѣдованію общественныхъ явленій въ жизни сибирскаго населенія). Къ конкурсу допускаются сочиненія, вышедшія въ свѣтъ не ранѣе какъ за пять лѣтъ до присужденія преміи. Размѣръ полной преміи—1.500 руб. и половинной—700 руб. Въ случаѣ неприсужденія преміи въ назначенный срокъ накопившіеся проценты присоединяются къ капиталу. Премія присуждается черезъ каждые два года поочередно за сочиненія по исторіи и антропологіи или соціологіи. Первое присужденіе ея состоится 22-го октября 1903 г. за сочиненіе по исторіи Сибири. Сочиненія конкуррентовъ доставляются въ количествѣ не менѣе 10-ти экземпляровъ въ Совѣтъ университета за годъ до присужденія преміи, которое производится Совѣтомъ университета по представленію особой, избранной имъ для этой цѣли, коммиссіи. Въ случаѣ значительнаго увеличенія капитала Совѣту университета предоставлено право увеличить число премій или сократить сроки для присужденія ихъ.

Антропологическія изслѣдованія великоруссовъ. Д-ръ Я. Д. Галай минувшимъ лѣтомъ произвелъ подробныя антропометрическія изслѣдованія великоруссовъ Тверской губ. Въ общей сложности имъ измѣрено 500 особей: 200 мужчинъ, 100 женщинъ, 100 мальчиковъ и 100 дѣвочекъ. Собранный авторомъ обширный матеріалъ въ настоящее время разрабатывается и осенью 1903 г. будетъ опубликованъ.

Новые матеріалы по антропологіи якутовъ. Н. А. Виташевскій, принимавшій участіе въ экспедиціи, снаряженной Восточно-Сибирскимъ Отдѣломъ Имп. Рус. Геогр. Общества на средства покойнаго И. М. Сибирякова въ Якутскую область, доставилъ въ Антропологическій Отдѣлъ Общества Любителей Естествознанія собранные имъ во время экспедиціи матеріалы по антропометріи якутовъ. Г. Виташевскимъ измѣрены 101 человѣкъ: 46 муж., 16 жен., 33 мальч. и 16 дѣвочекъ. Матеріалы эти, по обработкѣ ихъ, будутъ изданы Отдѣломъ.

Экспедиція В. Л. Сѣрошевскаго къ айнамъ. В. Л. Сѣрошевскій, авторъ извѣстной книги «Якуты», командированъ Имп. Рус. Геогр. Обществомъ и Имп. Академіей Наукъ къ айнамъ съ цѣлью антропологическихъ и этнографическихъ изслѣдованій. Экспедиція разсчитана на полтора года.

Антропологическія изслѣдованія удинъ. Д-ръ А. А. Арутиновъ заканчиваетъ въ настоящее время обработку собраннаго имъ антропометрическаго матеріала объ удинахъ, малочисленномъ кавказскомъ племени (измѣрены 150 мужчинъ). Изслѣдованія будутъ опубликованы весною 1903 г.

Антропологическій Отдѣлъ Общества Любителей Естествознанія. Въ засѣданіи Отдѣла 7-го декабря 1902 г. были сдѣланы сообщенія: *А. А. Ивановскаго*—Памяти Н. Л. Зеланда, *С. А. Королева*—Астраханскіе калмыки и *В. Н. Бахтіенко*—Плацентофагія.

Отдѣлъ издалъ XXI-ый томъ своихъ «Трудовъ», заключающій въ себѣ монографію *А. Д. Элькинда*: «Евреи» (сравнительно-антропологическое изслѣдованіе, преимущественно по наблюденіямъ надъ польскими евреями). Изданіе иллюстрировано 6-ю діаграммами и 70-ю рисунками (типы евреевъ различныхъ странъ) въ текстѣ.

Труды Антропологическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

Томъ XVIII, вып. 1—3, подъ редакціей Д. Н Анучина, Н. В. Гильченко и А. А. Ивановскаго. Москва, 1897 г. Цѣна 3 руб.

Содержаніе: Анатолій Петровичъ Богдановъ (съ портретомъ).—*А. Г. Рождественскій*—Величина головы человѣка въ ея зависимости отъ роста, пола, возраста и расы (съ 5-ю графич. таблицами).—*Н. В. Гильченко*—Матеріалы для антропологіи Кавказа. Кубанскіе казаки.—*А. Д. Элькиндъ*—Привислинскіе поляки.— *Н. А. Янчукъ*—Нѣсколько новыхъ свѣдѣній о литовскихъ татарахъ.— *А. А. Арутиновъ*—Къ антропологіи кавказскаго племени удинъ.—*Н. П. Константиновъ-Щипунинъ* — Къ краніологіи древняго населенія Костромской губ.— *Д. Н. Анучинъ*—Е. А. Покровскій, К. Н. Иковъ и А. М. Раевская (некрологи.)— Протоколы засѣданій Антропологическаго Отдѣла.—Отзывы о трудахъ, представленныхъ въ Отдѣлъ для соисканія премій и золотой медали по антропологіи.

Томъ XIX, подъ редакціей Д. Н. Анучина и А. А. Ивановскаго. Москва, 1899 г. Цѣна 3 руб.

Содержаніе: *Р. Л. Вейнбергъ*—О строеніи большого мозга у эстовъ, латышей и поляковъ (съ 20 рис.).—*М. И. Лутохинъ*—Историческій обзоръ литературы о расовыхъ отличіяхъ таза.—*П. А. Минаковъ*—Новыя данныя по изслѣдованію волосъ изъ древнихъ могилъ и отъ мумій (съ 1 раскраш. табл.).—*П. А. Минаковъ*—Ненормальная волосатость (съ 3 рис.).— *В. В. Воробьевъ*—Матеріалы къ антропологіи великорусскаго населенія нѣкоторыхъ уѣздовъ Рязанской губ. (съ 9 діаграм.).—*В. И. Васильевъ*—Размѣры черепа и лица по отношенію къ возрасту и росту у учащихся въ школахъ Серпуховскаго у., Московской губ. (съ 4 діаграм.).—*Н. В. Гильченко*—Вѣсъ головного мозга и нѣкоторыхъ его частей у различныхъ племенъ, населяющихъ Россію.—*А. А. Ивановскій*—Къ вопросу о различіяхъ формъ глазной щели.—*П. А. Минаковъ*—О формѣ и цвѣтѣ волосъ изъ кургановъ Ср. Россіи.—*А. Д. Элькиндъ*—О черепныхъ типахъ проф. Серджи въ связи съ черепнымъ указателемъ (съ 4 діагр.).—*А. Д. Элькиндъ*— Замѣтка о черепахъ изъ еврейскихъ катакомбъ въ Римѣ (съ 1 рис.).—*Д. Н. Анучинъ*—Памяти Г. Д. Филимонова и Г. де-Мортиллье.— *А. А. Ивановскій*—Секція антропологіи XII-го международнаго съѣзда врачей (съ 6 рис.).—Протоколы засѣданій Антропологическаго Отдѣла.—Отзывы о трудахъ, представленныхъ въ Отдѣлъ для соисканія премій и золотой медали по антропологіи.

Томъ XX: В. В. Воробьевъ — Наружное ухо человѣка. Москва, 1901 г. Цѣна 3 руб.

Томъ XXI: А. Д. Элькиндъ—Евреи (сравнительно-антропологическое изслѣдованіе, преимущественно надъ польскими евреями). **Съ 6 діагр. и 70 рис. въ текстѣ. Москва, 1903 г. Цѣна 4 руб.**

Русскій Антропологическій Журналъ.

1900 годъ (кн. I—IV): *Д. Н. Анучинъ*—Бѣглый взглядъ на прошлое антропологіи и на ея задачи въ Россіи; *Н. А. Аристовъ*—Этническія отношенія на Памирѣ и въ прилегающихъ странахъ по древнимъ, преимущественно китайскимъ, историческимъ извѣстіямъ; *В. В. Воробьевъ* — Великоруссы (съ 6 рис.); *онъ же*—О соотношеніи между главнѣйшими размѣрами головы и лица человѣка и его ростомъ (съ 6 діагр.); *Н. Л. Зеландъ*—Къ антропологіи западно-сибирскаго крестьянина; *А. А. Ивановскій*—Дм. Ник. Анучинъ (съ портретомъ); *онъ же*—Чествованіе проф. Д. Н. Анучина по поводу его 25-лѣтней дѣятельности въ Императорскомъ Обществѣ Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи; *онъ же*—Езиды (по изслѣдованіямъ К. И. Горощенко); *Ф. Я. Конъ*—Беременность, роды и уходъ за ребенкомъ у качинокъ; *А. Н. Красновъ* — Объ антропологическихъ изслѣдованіяхъ и измѣреніяхъ въ Харьковскомъ и Валковскомъ уѣздахъ; *И. И. Майновъ*—Помѣсь русскихъ съ якутами (съ 4 рис.); *П. А. Минаковъ* — Волосы въ антропологическомъ отношеніи (съ 4 рис.); *онъ же*—Ногти человѣческой руки (съ 1 рис.); *Д. П. Никольскій*—О чукчахъ Колымскаго округа; *В. Н. Розановъ*—Гинекомастія (съ 5 рис.); *Ю. Д. Талько-Грынцевичъ*—Древніе обитатели Центр. Азіи; *онъ же*—Польская антропол. литература (съ портретами Майера и Коперницкаго). Изъ иностранной литературы: *Д. Н. Анучинъ* — Аномальные швы и кости мозгового черепа человѣка по изслѣдованіямъ проф. I. Ранке (съ 3 рис.); *онъ же*—Объ останкахъ германцевъ III—IV вв. въ торфяникахъ Шлезвига и сосѣднихъ съ нимъ странъ (съ 4 рис.); *В. В. Воробьевъ* — Наружное ухо въ антропол. отношеніи; *А. А. Ивановскій*—Положеніе человѣка въ ряду животныхъ; *онъ же*—Евреи (съ 10 рис.); *онъ же* — Фамильные типы и фамильное сходство; *Е. И. Луценко*—Общественная среда, какъ факторъ развитія и красоты человѣческаго лица; *П. А. Минаковъ* — Мозгъ Герм. Гельмгольца (съ 2 рис.); *И. П. Силиничъ*—Формы колыбелей и ихъ развитіе; *онъ же*—Роль химическаго анализа въ вопросахъ доисторической археологіи; *Л. Д. Синицкій* — Географическая будущность европейскихъ расъ. Некрологи: *Д. Н. Анучинъ*—Питтъ-Риверсъ; *В. В. Воробьевъ*—Проф. С. С. Корсаковъ; *А. А. Ивановскій*—Фил. Сальмонъ.—Критика и библіографія.—Извѣстія и замѣтки.

1901 годъ (кн. V—VIII): *Д. Н. Анучинъ*—Руд. Вирховъ (съ 2 портр. и 2 рис.); *Н. А. Аристовъ*—Этническія отношенія на Памирѣ и въ прилегающихъ странахъ по древнимъ, преимущественно китайскимъ, историческимъ извѣстіямъ (продолж.); *Н. В. Берви*—Обработка антрополог. наблюденій при помощи теоріи вѣроятностей; *Р. Л. Вейнбергъ*—Къ вопросу объ исполинскомъ ростѣ (съ 3 рис.); *онъ же*—Новѣйшіе успѣхи въ области антропологіи костной системы (съ 3 рис.); *онъ же*—Эсты (съ 12 рис.); *В. В. Воробьевъ*—Наружное ухо человѣка (съ 6 рис.); *К. И. Горощенко*—Сойоты (съ 1 рис.); *К. М. Курдовъ*—Къ антропологіи лезгинъ: кюринцы (съ 4 рис.); *И. И. Майновъ*—Два типа тунгусовъ (съ 4 рис.); *Н. М. Маліевъ*—Вогулы (съ 2 рис.); *С. Д. Масловскій*—Гальча; *Л. О. Перфильевъ*—Сомалійцы; *И. П. Силиничъ*—Къ краніологіи сойотъ; *Ю. Д. Талько-Грынцевичъ*—Поляки (съ 14 рис.). Изъ иностранной литературы: *Б. Ө. Адлеръ*—Происхожденіе и переселеніе народовъ съ географической точки зрѣнія; *онъ же*—Происхожденіе европейскихъ народовъ; *Р. Л. Вейнбергъ*—Анатомическія особенности первобытнаго человѣка (съ 6 рис.); *А. А. Ивановскій* — Классификація человѣческихъ расъ I. Деникера; *онъ же*—Зубы у различныхъ человѣческихъ расъ (съ 2 рис.;) *онъ же*—Карлики и пигмеи; *Д. А. Коропчевскій*—Кинъ и его руководства по этнологіи.—Критика и библіографія.—Извѣстія и замѣтки.

Русскій Антропологическій Журналъ,

издаваемый Антропологическимъ Отдѣломъ

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, подъ редакціей секретаря Отдѣла А. А. Ивановскаго (основанъ ко дню 25-лѣтія дѣятельности въ Антропологическомъ Отдѣлѣ, 30 марта 1900 года, предсѣдателя Отдѣла, проф. Д. Н. Анучина), выходитъ 4-мя книжками въ годъ, размѣромъ каждая въ 8—10 печатныхъ листовъ, съ рисунками.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Б. Ѳ. Адлеръ, Н. В. Алтуховъ, проф. Д. Н. Анучинъ, Н. А. Аристовъ, проф. Н. В. Берви, С. А. Вайсенбергъ, проф. Вальдейеръ (Берлинъ), В. И. Васильевъ, Р. Л. Вейнбергъ, Ѳ. К. Волковъ (Парижъ), В. В. Воробьевъ, Н. В. Гильченко, К. И. Горощенко, I. Е. Деникеръ (Парижъ), А. А. Ивановскій, проф. I. Колльманъ (Базель), Ф. Я. Конъ, Д. А. Коропчевскій, проф. А. Н. Красновъ, К. М. Курдовъ, Е. И. Луценко, проф. Ф. фонъ-Лушанъ (Берлинъ), И. И. Майновъ, А. Н. Максимовъ, проф. Н. М. Маліевъ, С. Д. Масловскій, проф. П. А. Минаковъ, проф. Л. Г. Нидерле (Прага), Д. П. Никольскій, И. И. Пантюховъ, Л. О. Перфильевъ, проф. М. А. Поповъ, проф. Фр. Ратцель (Лейпцигъ), А. Г. Рождественскій, В. Н. Розановъ, проф. Ж. Серджи (Римъ), проф. И. А. Сикорскій, И. П. Силиничъ, Л. Д. Синицкій, Ю. Д. Талько-Грынцевичъ, проф. А. И. Таренецкій, граф. П. С. Уварова, А. С. Хахановъ, Е. М. Чепурковскій, С. М. Чугуновъ, проф. Г. Швальбе (Страсбургъ), проф. Э. Шмидтъ (Лейпцигъ), проф. Л. Х. Штида (Кенигсбергъ), А. Д. Элькиндъ, Н. А. Янчукъ и др.

Цѣна годовому изданію 5 руб. съ доставкой и пересылкой, за границу 6 руб. Цѣна отдѣльной книжки 1 р. 50 к. (двойной—3 р.)

Съ требованіями обращаться: Москва, Политехническій музей, въ Антропологическій Отдѣлъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, или: Москва, Историческій музей, секретарю Антропологическаго Отдѣла А. А. Ивановскому.

Digitized by Google